

ВЕРА СУДЕЙКИНА
ДНЕВНИК

ПЕТРОГРАД
КРЫМ
ТИФЛИС

1917 - 1919

ВЕРА СУДЕЙКИНА

ДНЕВНИК

ПЕТРОГРАД

КРЫМ

ТИФЛИС

Москва

РУССКИЙ ПУТЬ • КНИЖНИЦА

2006

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Текст печатается по оригиналу,
хранящемуся в Институте современной русской культуры
(The Institut of Modern Russian Culture)
при Университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес, США)

Подготовка текста, вступительная статья,
комментарии, подбор иллюстраций
И.А. Меньшовой

Оформление
Е.Л. Вельчинского

Имя Веры де Боссе мало что говорит читателю. В историю русского немого кино и русской литературы она вошла под фамилией своего второго мужа — как Вера Шиллинг, а известность к ней пришла благодаря последнему браку — с композитором Игорем Стравинским, но до этого, в течение семи лет, она была спутницей художника Сергея Судейкина¹.

Вера Артуровна де Боссе (1888–1982), единственный ребенок в семье француза Артура Артуровича де Боссе (1867–1937, Сантьяго) и его первой жены, шведки Генриетты Федоровны (урожд. Мальмгрэн, 1870–1944?, Москва), родилась в Петербурге, на Аптекарском острове, 25 декабря (по ст. ст.), в день рождения своей юной матери². Отец-либерал дал ей имя Вера в честь героини романа И.А. Гончарова «Обрыв». Семья де Боссе жила первые годы под Петербургом, в 1898 г. переехала в Нижегородскую губернию, а в 1902-м — в поселок Кудиново Богородского уезда, где находилась фабрика отца. В тринадцать лет Вера поступила в московскую частную гимназию Пуссель, которую окончила в 1908 г. с золотой медалью и правом преподавать математику и французский язык. В то же время она получила хорошее музыкальное образование, беря уроки у пианиста Давида Шора (1867–1942), участника знаменитого трио «Шор, Крейн и Эрлих». Вере хотелось продолжить образование в Париже, но отец, видя на примере знакомых молодых дам, чему может научить этот город, рассудил, что образование, полученное в Германии, и серьезнее, и основательнее. И его дочь поступила в Берлинский университет³. На первом курсе Вера изучала философию и естественные науки: физику, химию, анатомию, на втором перешла на факультет искусства, где слушала лекции Генриха Вёльфлина по истории искусства, изучала архитектуру, но закончить образование ей не удалось. Вероятно, в 1910 г. она вышла первый раз замуж за некоего Лугу⁴, но вскоре их брак был разрушен ее родителями; второй раз, в 1912-м, — за студента, прибалтийского немца Роберта Шиллинга, с которым познакомилась в Берлине. Поженились они в Москве, а об их совместной жизни известно только то, что он любил играть, из-за чего молодые были все время в долгах.

С детства Веру больше всего интересовал театр. На нее произвели сильное впечатление чеховские спектакли Художественного театра и представления с участием знаменитых гастролерш: Сары Бернар, Элеоноры Дузе, Айседоры Дункан. В Москве Вера решила учиться танцу и в 1913 г. поступила в балетную школу Лидии Нелидовой. Не собираясь стать профессиональной танцовщицей (она понимала, что начинает поздно и у нее слишком высокий рост), Вера хотела обрести способность красиво двигаться, владеть своим телом, считая это хорошей основой для актрисы, которой решила стать. В школе она впервые увидела С. Дягилева и М. Фокина в один из их приездов в Москву в поиске новых танцовщиков. Вскоре Вера начала сниматься в кино⁵ и за два года сыграла пять ролей в фильмах, поставленных режиссерами Я. Протазановым («Русская золотая серия») и А. Андреевым⁶. О своем поступлении в труппу Камерного театра она рассказывала, как А. Таиров, узнав о том, что она хочет играть и что ее отец богат, пришел к ней — его молодому театру нужны были средства: «У нас не было ни гроша, да вдруг «Шиллинг»».

6

Но на сцену Вера выходит с помощью Судейкина. В то время художник был на вершине славы, много работал для театра и выступался, его работы раскупались. В жизни Судейкина случилось так, что всех своих жен он встретил благодаря театру: в петербургском Театре Комиссаржевской — Ольгу, в московском Камерном — Веру, в нью-йоркском Метрополитен-опера — Джин... Приглашенный для оформления постановки «Женитьба Фигаро», в сентябре 1915 г. Судейкин знакомится с Верой⁷, влюбляется и придумывает для нее специальный номер, испанский танец, и костюм, украшенный маленькими звездочками. Их роману Михаил Кузмин посвятил свою «Чужую поэму», автограф которой сохранился в альбоме Веры⁸. В начале 1916 г. она уходит от Шиллинга⁹ и 16 марта приезжает в Петроград. Ради Судейкина Вера оставляет свою мечту быть актрисой, перестает сниматься в кино и становится «женой художника».

Среди сохранившихся бумаг короткого периода их петроградской жизни есть тетрадные листы с аккуратно выписанными «Обязанностями жены художника»¹⁰, которым Вера старалась следовать и в Крыму, когда условия жизни усложнились, и ей чаще приходилось быть не музой, а кухаркой, посудомойкой, добытчицей:

«1. Заставлять работать художника хотя бы палкой.

2. Любить его работы не меньше самого художника.

3. Каждому порыву работы идти навстречу, зажигаться его новыми замыслами.

4. Держать в порядке работы, рисунки, наброски, карикатуры. Знать каждую работу, ее замысел, значение.

5. Относиться к новым работам как к неожиданным подаркам.

6. Уметь смотреть картину часами.

7. Быть физически идеалом, а потому быть его вечной моделью».

В мемуарах современников, посвященных жизни в дореволюционном Петрограде, имя второй жены Сергея Судейкина почти не встречается. Возможно, «отсутствие» Веры связано отчасти с особенностями ее характера («я всегда сторонилась людей», хотя обилие встреч в ее жизни как бы противоречит этому утверждению), но больше — со временем ее появления в Петрограде. Художник был призван в армию, и хотя и находился на особом положении, но все же не мог по-прежнему активно участвовать в жизни столичной богемы, а вскоре — через год — у всех началась «другая жизнь». Кроме этого, по-видимому, есть и другая причина — современники негативно отнеслись к Вере, отгеснившей на второй план в жизни Судейкина «всеобщую любимицу» Ольгу¹¹, и окрестили ее «Бякой».

Ученица Судейкина Ольга Морозова вспоминала о приходе в мастерскую художника двух красавиц, его жен — бывшей и настоящей, но трудно догадаться, кто из них «статная сероглазая красавица» — Ольга или Вера¹². Вместе они на многих рисунках Судейкина, в его картинах на тему «Моя жизнь»¹³; на вечере моды в мае 1916 г. они, среди других известных петербурженок, демонстрируют платья, созданные по его рисункам¹⁴.

Как и Ольга, которую современники называли созданием ее мужа, Вера впитывает в себя все, что может дать ей художник. Она становится не только его музой, но и помощницей. Свой союз с Судейкиным Вера понимает как служение и, отводя упреки окружающих в том, что она забывает себя и не имеет самостоятельности, пророчит: «Я <...> приобретаю большее тем, что позирую ему, тем, что вместе с ним создаю произведения искусства, и, кроме того, что бы ни случилось <...> я так знаю и понимаю теперь искусство, что этого богатства ничто и никто у меня не отнимет»¹⁵. Благодаря Судейкину она не только оставила сцену, но и сама стала художницей¹⁶.

Сначала, по-видимому, они поселились в доме Адамини, в квартире над «Привалом комедиантов»¹⁷. Вероятно, по настоянию Веры в конце 1916-го они переехали на Екатерининский канал и стали соседями художника Савелия Сорина, друга Судейкина и его первой жены. Возможно, единственное сохранившееся описание их жилья, увиденного посторонними и внимательными глазами, —

в дневнике Александра Бенуа¹⁸. В этой же записи художник описывает и «новую жену» Судейкина: «Очень красивая, полногрудая, статная, лупоглазая. Ein ausgesprochen russischer Typus <ярко выраженный русский тип>. Мне говорили, что она еврейка, по отчеству как будто немка — Вера Артуровна. Судейкин, видимо, по уши влюблен — и, не стесняясь ее присутствием, воздает ей неистовые хвалы. Уверяет, что она его спасает, отучила от пьянства, от “дурной жизни”»¹⁹.

Первая часть Вериного дневника-триптиха, петроградская, рассказывает о жизни в этой квартире в первые два месяца нового, 1917 года: о встречах с друзьями, поездке в Москву на выставку «Мира искусства», ее разводе с Шиллингом, об их планах — и почти ничего о том, что происходит за пределами их дома, но благодаря этим «невидимым» событиям жизнь по «своей» биографии оказалась недолгой.

8 Неспешное течение петербургского дневника прерывается в феврале. Вероятно, в марте 1917 г. Судейкин был послан на фронт, а Вера, заболев, в апреле уезжает от революционных событий и одиночества к матери в Москву²⁰. Покинув Петроград весной 1917-го «подругой жизни» художника Сергея Судейкина, она вернется через сорок пять лет, осенью 1962-го, в Ленинград — женой композитора Игоря Стравинского...

Вера почти ничего не знает о Судейкине до тех пор, пока он внезапно не появляется на пороге ее московского жилья. По словам Николая Евреинова, от гибели на фронте художника «спасла болезнь»²¹, но его душевное состояние было тяжелым. В июне они уехали в Крым, который многим тогда «казался раем, стоявшим вне бешеного урагана, несущегося по остальной части России»²². Проведя лето 1917-го в окрестностях Алушты, к осени они перебрались сначала в Ялту, а потом в Мисхор, где и прожили до апреля 1919-го.

О жизни «в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла» рассказывает большая часть ее дневника.

Покинув Крым в апреле 1919 г., Вера уже не вела дневник ежедневно, сохранилось лишь несколько недатированных записей, сделанных в Новороссийске; неполна и тифлисская часть дневника, а бакинская если и была, то, вероятно, не сохранилась. В декабре 1919 г. Судейкины по неизвестной причине (возможно, вслед за Сергеем Городецким) покинули Тифлис и перебрались в Баку²³; 12 марта 1920-го они вернулись в Тифлис; затем был Батум, где, продав Верины драгоценности, с помощью Зиновия Пешкова 8 мая того же года вместе с их верным спутником Сориним они сели

на пароход «Souirah», 18 мая достигли Марселя, а 20 мая наконец прибыли в Париж.

Но вскоре произошло то, что они, кажется, оба предчувствовали: 19 февраля 1921 г. Дягилев знакомит Веру с Игорем Стравинским, в ноябре она нарушает обещание и вновь выходит на сцену — в небольшой роли Королевы в балете «Спящая красавица»²⁴, а в конце мая 1922 г. уходит от Судейкина²⁵. Меньше чем через два года после их приезда в Париж, в августе 1922-го, Судейкин уезжает в Америку — один. Вскоре он возвращается, но ненадолго и затем уже окончательно перебирается в Нью-Йорк. В последний раз, вероятно, они увиделись по его просьбе в конце декабря 1945 г., а меньше чем через год, в августе 1946-го, Судейкин умирает. В ежедневнике Веры упоминания о его смерти нет...

Вера становится спутницей Стравинского. Он был женат и не собирался покинуть свою семью. Мать Стравинского так никогда и не узнала о его отношениях с Верой, но жена Стравинского Екатерина Гавриловна по его просьбе встретилась с нею в Ницце 1 марта 1925 г., о чем они послали ему совместную телеграмму²⁶; но, несомненно, двойная жизнь композитора была тяжела для обеих женщин²⁷. В марте 1939 г. первая жена Стравинского умирает, в июне умирает его мать, осенью Стравинский уезжает в Америку и старается вызвать Веру к себе, что было непросто; все же в конце этого года, преодолев бюрократические препятствия, она смогла отправиться к нему. Лишь почти через двадцать лет после первой их встречи, 9 марта 1940 г., они смогли пожениться. Вместе они прожили пятьдесят лет, разлучаясь лишь ненадолго²⁸.

О ее жизни «жены композитора» известно намного больше: имя ее мелькало в хронике газет всего мира рядом с именем ее знаменитого мужа, сохранилось множество фотографий этой пары, при участии Веры издано несколько книг о Стравинском и об их жизни, в том числе их переписка и ее ежедневники (в переводе на английский).

Вера де Боссе прожила долгую жизнь (девяносто четыре года), несколько жизней. Где она только не побывала, с кем только не была знакома... Родилась в Петербурге, считала себя москвичкой, большую часть жизни — две трети — прожила во Франции, затем в Америке, похоронена в Венеции. Пробовала себя в разных областях искусства: в музыке, танце, кино, занималась прикладными искусствами; в июне 1922 г. в Париже вместе со своей подругой, художницей А.А. Даниловой (Тулой), открыла магазинчик модных и театральных аксессуаров «Tulavera»²⁹, по заказу Дягилева изготовляла костюмы для балетов его труппы; изучала косметологию;

переехав в США, вместе с другой подругой Елизаветой Соколовой (?–1948) в августе 1945 г. открыла в Беверли Хиллс художественную галерею «La Boutique», в которой прошли выставки Павла Челищева, Марка Шагала, Пабло Пикассо, Сальвадора Дали; много рисовала, с 1955-го она вновь начала выставляться — в Риме, Венеции, Милане, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Цинциннати, Хьюстоне, Токио, Лондоне, Берлине, Париже...

С 1962 г. в ее ежедневнике стали появляться имена приезжающих из Советского Союза. Осенью 1962-го вместе со Стравинским она побывала в Москве и Ленинграде, узнала о смерти матери, виделась со старыми знакомыми, но отказалась посетить дом, в котором жила, когда была Верой Шиллинг. Встречу со Стравинскими показали по московскому телевидению. По-видимому, эта поездка стала толчком к ее возврату в прошлое; по слову поэта:

В моем краю вы все-таки чужая,
И все ж нельзя России быть родней,
Я думаю, что, даже уезжая
На родину, вы вспомните о ней³⁰.

10

Летом 1967 г. Вера Стравинская начала переводить на английский свои дневники времен «русской революции», вероятно предполагая опубликовать их. Она пробовала писать воспоминания по-английски, а для начала, вероятно, по-русски, но все эти варианты остались незавершенными.

Публикуемый впервые полностью на языке оригинала дневник Веры Судейкиной 1917–1919 гг.³¹ состоит из трех частей, которые условно, по географическому признаку, можно назвать: петроградский дневник (январь–февраль 1917 г.), крымский (с ноября 1917 по март 1919 г., к нему примыкают две записи, сделанные в Новороссийске в апреле 1919-го) и тифлисский (с мая по начало сентября 1919 г.). За пределами сохранившихся записей остались периоды с марта по октябрь 1917 г. (это время описано в неоконченных воспоминаниях В.С., начало которых приводится в Приложении 1, и с сентября 1919 по май 1920 г. (эта часть, по-видимому, не сохранилась).

Судейкины прожили на Южном берегу Крыма немногим меньше двух лет. О Крыме времен Гражданской войны оставлено много свидетельств, но по понятным причинам в основном это воспоминания. Покинувшие Россию стремились запечатлеть ушедшее и пережитое, благодаря им мы можем увидеть ее их глазами. В разные годы были опубликованы записки о жизни на Южном берегу кн. М. Барятинской, кн. Л. Васильчиковой, М. Винавера, бар. Л. Вран-

гель, бар. П. Врангеля, А. Давыдова, Г. Дерюжинского, С. Маковского, О. Морозовой, кн. В. Оболенского, Д. Пасманика, кн. Г. Трубецкого, кн. П. Урусова, кн. Ф. Юсупова-ст. и кн. Ф. Юсупова-мл. (почти все они упоминаются на страницах публикуемого дневника). Известно, что свои воспоминания об этом периоде оставила и другая знакомая Судейкиных — кн. Л. Оболенская. Из крымских дневников той поры на данный момент опубликовано несколько: некоего А.В., вдовствующей имп. Марии Федоровны, отрывки из записей кн. Е. Кантакузиной, кн. императорской крови Никиты Александровича, Л. Савелова-Савелкова, кн. З. Юсуповой, но ни в одном из них не упоминается о таких событиях, как ялтинские выставки 1917 и 1918 гг. О крымской жизни художников в этот период до сих пор известно лишь несколько свидетельств: письма И. Билибина к Л. Чириковой, ее небольшие воспоминания о нем и воспоминания С. Маковского о В. Поле. Кратко упоминает о «группе художников», живших в Новом Мисхоре, кн. Л. Васильчикова; может быть, гораздо больше сведений содержится в ее пока не опубликованном дневнике. В воспоминаниях Г. Дерюжинского не упоминаются другие художники, но, возможно, он написал о них в романе о своей первой жене Палладе. Вели записи в этот период также И. Чехов, Н. Кондаков, Д. Пасманик (по его словам, утрачены). Дневники того времени — редкость, но они существуют и спустя почти сто лет все чаще стали появляться в печати. Бесценные свидетельства хранятся в архиве бар. М. Врангель³², поставившей перед собой цель собрать сведения о том, как, при каких обстоятельствах покинули родину ее соотечественники и как сложилась их беженская жизнь. Среди многочисленных писем есть и письма спутников Судейкиных — С. Сорина и Л. Браиловского с краткими, к сожалению, упоминаниями об их последних днях в Крыму.

Период «выживания» менее известен; как ни странно, сохранилось больше свидетельств, оставленных теми, кто действовал, сражался. Как и чем жили изо дня в день невольные беженцы? Благодаря дневнику Судейкиной мы имеем непосредственный рассказ о том, как проходили дни «застрявших в Крыму» политиков, актеров, писателей, художников, и в первую очередь Судейкина, ибо он в центре всех записей — ведь это дневник любящей женщины.

Записи Веры Судейкиной густо населены. В. Каменский, укоряя ее, говорил, что ожидал от нее «творчества, а не простого, документального описания жизни» («Почему Вы описываете таких неинтересных людей?» — «Потому что они были в нашей жизни,

мы ими интересовались, уделяли им внимание»³³). М. Волошин же, наоборот, считал непосредственность отображения достоинством дневника. Начинается и обрывается рассказ — это закон жанра со всеми его преимуществами и недостатками. Люди известные и неизвестные, они появляются и исчезают, и их дальнейшая судьба зачастую неизвестна. Имена одних и сохранились, вероятно, только на страницах публикуемого дневника; о других, оставивших свое имя в истории русской культуры, эти записи сберегли неизвестные ранее подробности. С некоторыми своими героями Вера встретится вновь, будет дружить — в другой жизни, в эмиграции...

12

Дневник возвращает нам полузабытые ныне, а когда-то известные имена; восполняет пробелы и добавляет новые факты к биографиям С. Судейкина, С. Сорина, И. Билибина, М. Волошина, К. Коровина, О. Мандельштама, С. Маковского, Набоковых, Ф. Блуменфельда, С. Булгакова, А. Вертинского, Е. Метнер, В. Каринской, В. Каменского, Н. Евреинова, Л. Кореневой, Л. Рындиной, Чеховых и многих других. Дневник уточняет даты: время приездов в Крым С. Щербатова и И. Чехова, отъезда Г. Дерюжинского, день смерти актера Малого театра Ф. Ухова; благодаря ему становятся известны подробности культурной жизни (две ялтинские выставки, концерты В. Дроздова, А. Ян-Рубан, Л. Балановской и М. Якобсона, лекции о. С. Булгакова и Д. Пасманика) и жизни мисхорской колонии художников — с ее бытовыми заботами, творчеством, планами, настроениями, надеждами, слухами, ссорами. По записям видно, чем была для Судейкина встреча с Кузминым: художник часто вспоминает и рассказывает о поэте, Вера постоянно читает знакомым его стихи, Судейкины читают его любимые книги, да и свой дневник В.С. вела, по-видимому, не без влияния дневников Кузмина. О многом она записать не успевала, из-за многочисленных забот и обязанностей у нее почти не оставалось времени на дневник: так, лишь кратко, мельком упомянуто о приезде в Ялту и Мисхор Волошина, не так подробно, как хотелось бы, рассказано о ялтинских выставках и национализации Воронцовского дворца.

Сохранившиеся подробные записи третьего, кавказского периода посвящены, к сожалению, только первому месяцу жизни Судейкиных в Тифлисе — маю 1919 г. На Кавказе художнику повезло больше — он оказался в центре активной литературной и художественной жизни, участвовал в выставках и собраниях, расписывал кафе, его картины пользовались успехом и раскупались. Этот период его жизни, в отличие от крымского,

наиболее освещен исследователями. И все же записи Судейкиных (уцелели две недатированные записи из дневника самого художника³⁴) переоценить невозможно, они не дали исчезнуть подробностям колоритной жизни поэтов и художников в Тифлисе 1919 г.³⁵

Текст печатается по оригиналу, хранящемуся в архиве Института современной русской культуры (The Institut of Modern Russian Culture (IMRC), Лос-Анджелес, США). Сохранены авторские особенности написания отдельных слов («шеколад», «завтремя» и др.), употребление строчной и прописной букв, а также в основном пунктуация — в частности, использование тире. Исправлены без оговорок описки, для облегчения чтения раскрыты, по возможности, сокращения имен и фамилий, и в случаях, не вызывающих сомнения, унифицировано и исправлено их написание (записывая на слух, В.С. часто первоначально писала их неверно, отдельные фамилии встречаются иногда в нескольких вариантах; авторские варианты даются в комментариях). Перевод с французского сделан Д.Г. Замахиной.

Не всегда точно можно определить, кого именно имеет в виду В.С., поэтому комментарии пестрят предположениями. По возможности полно приведены сведения о лицах малоизвестных и выборочное — о тех, чьи данные можно найти в доступных справочниках.

Вторжения в текст заключены в угловые скобки (слова, опущенные автором, но необходимые по смыслу); слова, прочитанные предположительно, также заключены в угловые скобки с добавлением вопросительного знака. В квадратные скобки заключены вычеркнутые слова, несущие дополнительную информацию.

Справочный аппарат включает указатель имен (полный перечень всех лиц, упомянутых в тексте и комментариях, за исключением литературных, библейских и мифологических персонажей), а также указатель картин Судейкина, упоминаемых в тексте дневника.

Особая благодарность Джону Боулту, без которого не было бы этого издания. Составитель также глубоко признателен за помощь, совет и информацию Фрэнку Гудвину, Дарье Замахиной, Марине Бокариус, Валентине Максимовой (Гросс), Елене Валульской, Лорену Джонсону, Ирине Ивановой, Галине Рылковой, Евгению Симонову, Алене Спицыной, Татьяне Черниковской и Марине Яковлевой.

Составитель признателен всем исследователям, работы которых оказали большую помощь при составлении комментариев.

Составитель будет благодарен всем за замечания и дополнительные сведения об упомянутых в дневнике лицах и событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О ней см.: Публикации. *Stravinsky in Pictures**; *Fantastic Cities and Other Paintings by Vera Stravinsky*. Boston, 1979; *Igor and Vera; Dearest Bubushkin; Salon Album; Sudejkina V. Petrograd Diaries* / Ed. by J. Bowlst // Еуропа Orientalis. 1997. XVI (2). P. 249–274; *Кофейня*. Литература: Арбенина О. О. А. Глебова-Судейкина // *Толмачев М. В. Бутылка в море: Страницы литературы и искусства*. М., 2002. С. 151; *Бенуа*. Дневник. С. 37; *Мандельштам Н. Я.* Письма к М. В. Юдиной и В. А. Стравинской / Вступ. ст., публ. и коммент. А. М. Кузнецова // *Невельский сборник*. Вып. 2. Невель, 1997. С. 42–55; *Прокофьев*. Т. 2; *Стравинская К. Ю.* О И. Ф. Стравинском и его близких. Л., 1978; *Толстой Д. А.* Для чего это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 446–447; *Парнис А. Е.* Штрихи к футуристическому портрету Мандельштама: Автографы в альбоме В. А. Судейкиной-Стравинской // *Слово и судьба: Осип Мандельштам*. М., 1991. С. 197–198; *Богомолов, Малмстад*. С. 196–197; *Бродский И.* «С миром державным я был лишь ребячески связан» // *Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума* / Ред.-сост. Р. Айзелвуд и Д. Майерс. Tenaflu, 1994. С. 14–16; *Васильев*. С. 175; *Боулт*. Судейкин. С. 161–165; *Справочная литература. Вишневский В. Е.* Художественные фильмы дореволюционной России: (Фильмографические описания). М., 1940; *Художники русского зарубежья. 1917–1939: Биогр. словарь* / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. СПб., 1999. С. 547–548; *Великий Ки-немо*. С. 228–234.
- ² В американском паспорте Веры Судейкиной (далее — В.С.) представлен другой год рождения — 1892. Не скрывая подлинной даты, она объясняла этот факт тем, что Судейкин сбавил ей четыре года при оформлении их документов в Тифлисе.
- ³ Неясно, в каком году В.С. поступила в Берлинский университет, по одним источникам — в 1908-м, по другим — в 1910 г.
- ⁴ Об этом человеке ничего не известно, поэтому некоторые считают, что его и не было; позднее, вспоминая свои браки, В.С. и сама сбавалась со счета (см.: *Dearest Bubushkin*. P. 5).
- ⁵ См. ее воспоминания в комм. к с. 22, а также комм. к с. 105.
- ⁶ См. комм. к с. 105.
- ⁷ По утверждению Р. Крафта, их знакомство произошло в Бельгии в мае 1913 г. на званом обеде (см.: *Salon Album*. P. XXVII); эта дата впервые появилась в его комментариях в год смерти Веры (см.: *Igor and Vera*. P. 40). По ее словам, роман начался осенью 1915 г. (см.: *Богомолов, Малмстад*. С. 196; см. также издания, вышедшие при жизни В.С.; ср. описание их романа в «Чужой поэме» М. Кузмина).
- ⁸ См.: *Salon Album*. 17а.
- ⁹ См. воспоминания В.С. в комм. к с. 22.
- ¹⁰ Архив IMRC. В дальнейшем при цитировании материалов из фонда В.С. в IMRC их местонахождение не указывается.
- ¹¹ *Лурье*. С. 141 (ср. со строкой из «Реквиема» Ахматовой: «и любимицей всех друзей»).
- ¹² См. комм. к с. 20.
- ¹³ В картине, написанной, вероятно, в начале 1940-х, художник поместил свою первую жену справа от себя, В.С. же определил мес-

* Список условных сокращений см. на с. 625–636 наст. изд. — *Прим. ред.*

- то зрительницы, выглядывающей из-за плеча улыбающейся Ольги Судейкиной (см.: *Коган*. С. 169).
- 14 Демонстрация моделей по эскизам известных художников состоялась на вечере моды 14 мая 1916 г. в Петрограде, в ней также участвовали балерины Т. Карсавина, Л. Бараш и др. См.: *Русский парижанин*. По поводу вечера моды // *Солнце России*. 1916. № 23 (329). 28 мая. С. 14–15 (фотография В.С. на с. 14 — «артистка В.А. Бурника»); в *Salon Album* (100а–100с) вклеены вырезки трех снимков с Ольгой Судейкиной, перепечатанных в 1920-е в парижском журнале «Иллюстрированная Россия»; фотографию В.С. см. также: *Dearest Bubushkin*. P. 8.
- 15 Запись от 26 января 1919 г.
- 16 См.: *Fantastic Cities and Other Paintings by Vera Stravinsky*. Boston, 1979.
- 17 См. адрес Судейкина в справочнике «Весь Петроград» за 1916 г.
- 18 См.: *Бенуа*. Дневник. С. 37–38.
- 19 Там же. С. 38; ср. с записками Судейкина к В.С. в комм. к с. 20. Спустя годы Вера станет образцом русской красоты для немецкого писателя Томаса Манна.
- 20 См. воспоминания В.С.: Приложение 1.
- 21 См.: *Евреинов I*. С. 184.
- 22 *Васильчикова*. С. 418.
- 23 См. стихотворения «День приезда» и «Ночь отъезда» и два рисунка к ним С. Городецкого от 12 марта 1920 г. в: *Salon Album*. 117а—117d.
- 24 См.: *Igor and Vera*. P. 54; фотографию В.С. в роли Королевы см.: *Salon Album*. P. XXVI.
- 25 См.: *Igor and Vera*. P. 62–63; *Прокофьев*. Т. 2. С. 748.
- 26 См.: *Dearest Bubushkin*. P. 26.
- 27 См. недатированную запись В.С.: «Игорь пишет все время о ревности Екатерины Гавриловны и всячески оберегает ее <...>. А обо мне нет такой заботы».
- 28 См. письмо В.С., написанное Стравинскому после его смерти: «Всем пишу, а всего больше хотелось бы написать тебе. <...> Как легко мне пишется тебе! Я очень страдаю, что не могу говорить с тобой — мне не с кем говорить, особенно по-русски, — я боюсь, что я скоро разучусь русскому языку <...>. Неужели я забуду русский язык? Последнее время, когда ты уже не мог много говорить, а я тебе рассказывала что-нибудь, чтобы развлечь тебя, ты смотрел на меня, и легкая улыбка расплзалась по лицу! Что бы я дала теперь, чтобы увидеть эту улыбку! Я готова плакать, и совершенно напрасно я верю, что увижу тебя, — может быть, это будет неудовлетворительно, мы всегда желаем ту самую среду, в которой мы жили и были счастливы, — то маленькое café около N<otre->Dame, где мы встречались тайком. Café было паршивое, но ты говорил: «От добра добра не ищут». Под добром ты, конечно, подразумевал счастливые моменты. Я уверена, что ты слышишь все, что я говорю и думаю. Ведь это делается духом, а не телом, которое сгнило, или костями, которые поддерживали тело, а дух ведь продолжает существовать» (без даты).
- 29 Анна Алексеевна Данилова (в замуж. Кремер) (?–1963). О «Tulavera» см. рекламную заметку: *Иллюстрированная Россия*. (Париж). 1924. № 2. С. 17. Обл. 4; а также: *Dearest Bubushkin*. P. 6.

- ³⁰ Чужая поэма // Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 398. Эта строфа отсутствует в автографе Кузмина в *Salon Album* (17а), но к лету 1918 г. Судейкины уже знали ее (см. упоминание «двенадцати песен» в записи от 22 июля 1918 г.).
- ³¹ См. комм. к с. 17.
- ³² См.: *НИ*. Частично опубл.: Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании бар. М.Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде). Stanford, 1995. Бар. Мария Дмитриевна Врангель (урожд. Дементьева-Майкова) (1857–1944), мать двух сыновей, Николая и Петра, каждый из которых оставил значительный след в русской культуре и истории; мемуаристка.
- ³³ Запись от 17 мая 1919 г.
- ³⁴ См.: Приложение 4.
- ³⁵ Из тех, с кем свела судьба Судейкиных на Кавказе, оставили краткие воспоминания о них С. Городецкий, Л. Гудиашвили, Р. Ивнев и Т. Табидзе, их «скупость», по-видимому, связана со временем написания.

Ирина Меньшова

ИВ. МАХЪ, въ Одессъ и Кіевѣ.

СКАЛАЪ ОБЩЕСТВА ПИСЬМОУЧЕБНОЙ ФАБРИКИ „СОЧЕВКА“

ТЕТРАДЬ
ДЛЯ

учени ..... *класса*

ПЕТРОГРАД

ВЪ ОДЕССѢ, уголъ Преображ. и Полц. пл., д. Попудовой.
ВЪ КІЕВѢ, на Ирещатинѣ, д. Лучинскаго, бывш. де-Мезера

1ое января

Сергея проснулся с головной болью и сильным насморком; поздравил с новым годом, поцеловал и опять заснул. Наконец у нас прислуга. Вышли в три часа пить чай, все было накрыто, убрано, умыто (даже поповская собака вымыта щеточкой), было тепло. Мы действительно заслужили прислугу. После четырех месяцев трудовой жизни ценишь самые простые удобства вдвойне. Жизнь по чужой биографии (Ку-

1917 (1 ЯНВАРЯ — 24 ФЕВРАЛЯ)

1 января <старого стиля> _____

Сергея проснулся с головной болью и сильным насморком; поздравил с Новым годом, поцеловал и опять заснул. Наконец у нас прислуга. Вышли в три часа пить чай, все было накрыто, убрано, умыто (даже поповская собака вымыта щеточкой), было тепло. Мы действительно заслужили прислугу. После четырех месяцев трудовой жизни ценишь самые простые удобства вдвойне. Жизнь по чужой биографии (Ку-

инджи) пока что не удалась, будем жить по своей. В три часа Сережа сел за мольберт. Начатая в Новый год (ровно в двенадцать часов) вещь сначала очень нервила Сережу, так как ему не удавалось собственное лицо, затем его успокоил колорит, и окончательно он успокоился к концу работы. Сюжет этой картины возник так: под новый год в половине седьмого Сережа прибежал домой и сообщил, что видел на Александровском рынке изумительную икону Рождества Христова и очаровательного Амура итальянской живописи, которых необходимо было тотчас же купить. Мы отправились, но задержались еще дома, и, несмотря на то что почти бежали по улице, мы опоздали: лавка была уже закрыта. Сережа огорчился не на шутку и стал нервничать и раздражаться, и ничем его нельзя было успокоить. Мы побрели домой, и, проходя мимо церкви, я уговорила Сережу зайти. Прекрасное пение и мягкий свет смягчил<и> душу раскаявшегося упряма, и, выйдя, он пожимал мне руку, был вновь в прекрасном настроении: падал мягкий снег, деревья были в инее. Церковное пение, некупленная икона и рассеянный гнев, по словам Сережи, вызвали в нем желание написать меня в образе Ангела-Руководителя. Сережа писал весь вечер, пока не пришла Ольга и не привела с собой Мельницкого. Картина к тому времени подвинулась и приняла такой вид: на доске, приготовленной на левкасе (размер: один аршин на один аршин три вершка), ангел (поясное изображение) в сол<ь>фериновой рубашке, с золотыми крыльями, склонившийся над живописцем, одетым в красное, держащим в руке кисть; у живописца утомленный, раздраженный вид. Все это на фоне зимнего пейзажа, в лунную ночь. Прием письма иконописный, напоминающий итальянский примитив. Пейзаж очень русский.

Неожиданно пришли Ольга и Мельницкий, работа на время прекратилась, стали рассматривать квартиру, книги, пить чай, говорить об искусстве, но не так отвлеченно, как обыкновенно, а более существенно. Просматривали каталог музея Александра III, поудивлялись дешевым ценам, заплаченным в свое время за приобретенные картины, с приятным чувством подумали, что Сережу начинают очень ценить. Вспоминали Орловского, Венецианова, Кипренского (разг<овор> с Соринным), Пушкина и Лермонтова, и все эти образы встали как живые только благодаря каталогу музея, хорошо составленному, с подлинным художественным чутьем, бароном Врангелем, о котором Сережа вспоминает всегда прочувствованно.

Мельницкий ушел рано, его сменил Ари, который весь вечер дулся на Ольгу, уходил к Сорину позировать, не хотел ни играть, ни разговаривать, сердясь на Ольгу за Мельницкого. Они ушли во втором часу, а мы с Сережей просидели еще в библиотеке наверху часа два, разбирали книги, гравюры; наконец неожиданно устали и пошли спать.

2 января

Разбудила нас мама, которая захала проститься. Сережа не вышел под предлогом болезни, лежал в постели, кашлял и сморкался, чтоб мама на расстоянии почувствовала его болезнь. Потом, быстро одевшись, мы пошли на рынок покупать икону и Амура. Обе вещи меня также очаровали, и мы их сейчас же купили, поторговавшись с четверть часа; там же купили еще семь китайских похабных акварелей — эти только с целью перепродать. Вернувшись, болтали с Сориным о событиях и с нетерпением ждали икону, которую должны были прислать. В семь часов явился неожиданно сам антиквар со своей женой, принесли икону и китайские лубки. Он, немного пьяный, стал жаловаться на судьбу; мы написали письмо М., может, устроит его. Разговор, начатый в передней, растянулся по всей квартире. Сережа ему показывал столовую, за устройство которой Козьминых говорил, что следует выдать медаль и порывался поцеловать руку. Я в это время говорила с женой, которая на вопрос, помогает ли она своему мужу в деле, ответила, что, к сожалению, у нее нет искусственного развития. Они милые люди, женаты четыре месяца, мечтают о детях, муж беспрерывно пьет со дня свадьбы — по случаю радости и предстоящей воинской повинности, на которую он уже ухлопал, по его словам, девять тысяч. С рекомендательным письмом к М. и его адресом они отправились, благодарные и растроганные нашей «искусственностью». В восемь часов пришел неожиданно Фидман, а вслед за ним Миклашевский, приехавший говорить по делу относительно «Георгиевского комитета»; опять показывали квартиру, причем Фидман, трогая и щупая каждую вещь, говорил: «Это что! Это не то!»; вспомнился при этом анекдот из глухой провинции, где на званом обеде отставной капитан, желая произвести впечатление столичного жителя, при виде вкусных блюд, которые ему предлагали, говорил «воображаю!».

Фидман вскоре ушел. Он трогателен — женился, оказывается, на проститутке. Миклашевский остался еще часа

<на> два; он произвел прекрасное впечатление; несомненно, человек со вкусом, воспитанный, породистой внешности.

Когда ушли, вздохнули свободно. Сережа систематизировал книги в библиотеке, а я ему читала Крысакова; было очень весело. В четыре часа легли спать.

3 января

С каждым днем встаем раньше и раньше; сегодня нас разбудил почтальон, явившийся с поздравлением. Встали лениво, с прохладцей пили чай у нагретой печки, затем я стала читать вслух, а Сережа бриться. Эту картину застала явившаяся госпожа Козьминых, антикварша, жалуясь, что пьяный муж растерял данные ему вчера записки; успокоив ее, дали новые; она ушла, благословляя нас.

22 Затем отправились на рынок подыскивать рамки к Сережиным картинам. Мороз был адов, промерзли ужасно, вернулись на извозчике, похожем на дедушку-мороза. Дома нас ждал очень вкусный обед, во время которого Сережа так размяк, что мы тотчас же, пообедав, легли спать на антресоли. Спали сладко до прихода Алеши. Сережа сошел вниз, и, пока он разговаривал с Алешей об его определении в автомобильную роту, я продолжала лежать, прислушиваясь сквозь сладкий полусон к их разговору, но раздался звонок, и мне пришлось стремительно убежать в спальню, так как я была в неподобающем костюме, а это могла быть Сережина ученица Головушкина. Оказалось, что это не она, а маленький человечек наподобие гнома, в больших очках, с целой пачкой детских книжек подмышкой, а именно З.И. Гржебин, или Гржебуин, как его зовет Сережа. Он привез Сереже размер обложки для детской книги, которую Сережа обещал сделать на днях. В мастерской на пюпитре лежал рисунок Сережи для Пушкинских песен Артура. Гржебин, увидев его, пришел в восторг и, узнав, что Сережа собирается издавать Арины песенки с рисунками к ним, тут же предложил быть их издателем. В один момент Алешу командировали на Невский за Артуром и Ольгой, Машу за печеньем и вареньем к чаю, а мы стали расхваливать творчество Артура, выискивали для него сравнения в поэзии (Блок) и в живописи, а Гржебин слушал нас с большим вниманием. Тем временем пришла Головушкина. Дожидаясь приезда Ольги и Артура, мы стали показывать Гржебину старые издания детских книжек, купленных еще на вербе, и часть их подарили ему, взамен же мы получи-

ли «Историю искусства» А. Бенуа и «Историю музыки» Саккети. Мена хорошая. Ольга и Артур прилетели очень быстро, оба слегка взволнованные. Уверенный и вместе с тем веселый тон, которым Сережа говорил с Гржебиным, произвел на них впечатление, и они очень старались. Ари сидел серьезно за роялем и сыграл кроме Пушкинских песен еще несколько своих произведений, Ольга старалась простуженным голосом пропеть мелодию песен, <так> что все было очень трогательно, и хотелось им от души пожелать удачи. Вещи Артура очень понравились Гржебину, и тут же была заключена сделка, причем Артур получил семьдесят пять рублей задатку. Всего он получит пятьсот рублей, и, по уходе Гржебина, эти деньги Ольга и я принялись распределять. Было решено, что он купит себе великолепный фрак, ботинки, белье, чтобы начать пульсировать себя в обществе и производить впечатление не только своими композициями, но и своей особой. Сережа возмутился, услышав это, и посоветовал деньги пока что отложить в банк на хранение. В субботу придет опять Гржебин, и тогда Артур должен будет дать ему пять песен и получить двести пятьдесят рублей, а Сережа получит уже по выходе нот пятьсот рублей за рисунки. По уходе Ольги и Артура Сережа говорил с Головушкиной о графических работах (она делает шрифт для Ариных нот и значок Измайловского полка для Сережи), затем отпустил ее, и мы остались с Алешей, который в этот вечер наболтал нам много смешного. Смеялись мы беспрерывно. Он рассказывал нам, как на Рождестве он делал в Москве визиты со своими первыми визитными карточками, как продал Зимину свои эскизы и как разговаривал на вернисаже с разными людьми. Ушел он поздно. Мы ему дали с собой записку к Радакову, с которым он теперь работает в «Би-ба-бо»: «Телеграмма господину Крысакову: битте-дритте Сатирикон». Радаков нам обещал высылать «Сатирикон» и до сих пор не выслал 1-й номер. Мы с Сережей еще записали вчерашний день и сыграли в кабалу.

4 января

Настройщик Асколин, пренеприятный с виду «селезень-музутка», разбудил нас в десять часов и до двенадцати часов настраивал рояль. Вечером должны были прийти Степановы, и Петр Клавдиевич обещал попеть. В двенадцать часов мне пришлось встать, выйти к нему, чтобы расплатиться и прочесть ему целую лекцию о Сережином искусстве, так как эс-

кизы, которые стояли в мастерской и которые он успел тщательно рассмотреть и, тем не менее, не понять их, вызывали его недоумение своим колоритом. Пришлось ему многое объяснить, но он не понимал ничего до того момента, когда узнал, что Сережины декорации шли в Париже у Дягилева и на императорской сцене, тогда он сразу все понял, в общем — глупейший человек.

Сережа простужен основательно, чувствует себя плохо и целый день лежал наверху, читал Олеария, пока я ходила за покупками к вечеру, и окончательно расстроился от этого чтения. В девять часов пришли Степановы, Коля Юдин, Бабенчиков-Мишельчик и Ольга. Артур играл в этот вечер на концерте у Бруни и поэтому опоздал, и пришел с Ядвисей, когда уже все ушли. Пришлось мне аккомпанировать Петру Клавдиевичу, он прекрасно спел несколько песенок разнообразного характера. Голос у него прекрасный, огромный, но слишком «оперный» для домашнего пения. Сережа полагает, что было скучновато, но это потому, что ему нездоровилось. Всех очаровала икона Рождества. Кузмин не пришел, несмотря на мою открытку, он либо боится попасть на глаза Сорину, который его заставит позировать, или же его не пускает Юркун, которому скучно у нас, и с которым у Сережи постоянно выходят недоразумения. Гости просидели до часу, и мы раньше легли спать.

24

5 января

Утром решили ответить на запрос Кандаурова относительно уступки неизвестному Щербатову «Летнего пейзажа» за сто рублей. Сережа согласен, и была послана телеграмма. Пришло письмо от мамы, где она пишет о необходимости к 12-му приехать мне в Москву по делу моего развода. Если Сережа получит отпуск, то мы поедем, так как более благоприятного момента не будет, и надо пользоваться маминым присутствием там; без Сережи я же не поеду ни за какие деньги. В таком смысле я ответила маме и послала ей свой паспорт. День прошел немного вяло. Сережа все болеет, и это отражается, конечно, и на мне; я очень волнуясь, нервничаю и не знаю, за что взялся. Сереже необходимо серьезно полечиться, ужасно то, что это необходимо сделать и что есть на это средства, но нет никакой возможности на долговременный отдых и лечение, так как в полку ему не дадут такого продолжительного отпуска. В пять часов, когда мы собирались обе-

дать, пришел Цыбульский и вскоре и Ольга, зашедшая показать свои покупки: стаканчики и туалетный прибор. Цыбульский просидел у нас очень долго, мы успели и пообедать, и чаю выпить, приходил и ушел Сорин, ушла Ольга, а Цыбульский все болтал, рассказывал разные сплетни, талантливо характеризуя людей, нюхал кокаин и заставил нас выпросить у Сорина последнюю бутылку красного вина, которую он и выпил почти один. Сережа очень не любит пьяниц, и его возмущает постоянное опьяненное состояние Цыбульского. За последнее время он и кокаин нюхает, и опий курит, вообще опьяняет себя всеми возможными способами. Благодаря такому состоянию он становится очень талантливым рассказчиком и собеседником, но теряет даровитость музыканта, так как мало сочиняет и иногда даже с трудом играет; сам он говорит, что за последнее время совсем бросил работать и сочиняет только ерунду, которая, кстати сказать, очаровательна, как, например, его французская шансонетка на старинный текст с припевом: «Oh, qu'il est doux d'embrasser ce qu'on aime, et d'être embrasser de même <О, как приятно целовать того, кого любишь, и когда тебя целует любимый>», мы заставляли его играть ее несколько раз подряд, что он делал неохотно; с большей охотой он читает вслух свои стихи — его последний *spleen* <сплин, хандра>, — которые записаны у него на длинном блокноте. Стихи злободневные, иногда любовные. Когда он был у нас на Рождестве, он оставил нам довольно нелепое четверостишие: «Быть может, потому, что не имею друга, Мне радостно приходить в дома, где любят друг друга. Пусть на “друга” плохая рифма “друга”, Я завещаю Вам: “любите друг друга”». Внешний вид у него все еще великолепный, несмотря на болезненную одутловатость. Грузное тело с крупной головой великого человека. Сорин хочет сделать с него рисунок, Сережа тоже. Но вряд ли Цыбульский сдержит свое слово позировать аккуратно и в трезвом виде. <В> Воскресенье должен быть первый сеанс. По уходе Цыбульского Сережа развесил все свои оставшиеся мелкие работы, просмотрел их, решил кое-что подзакончить к выставке и тут же набросал в маленьком Михайловском парке очаровательные фигурки, так что эта маленькая вещь будет огромной ценности. Над лестницей вся стена теперь увешана в три вертикальных ряда; в первом ряду: «Сельская прогулка», «Русская пастораль», «Весенняя идиллия» и «Пастораль к кузминской пьесе». Во втором ряду: «Роцца Аполлона», «Балет» и «Пушкинская

ночь»; в третьем ряду: «Маленькая прогулка в Михайловском парке», «Лебединое озеро» и «Новолуние». Направо, на выступе у окна, висит маленький шедевр: «Финал свадьбы Фигаро», который Сережа подарил мне и сзади написал: «Обожаемой жене моей Вериньке Сергей Судейкин 1916 г<од>». Все картины своего нового периода он подписывает со значком, а фамилию через «ъ».

6 января _____

Сережа лежал целый день, хотел работать, но работа не ладилась, я дала ему аспирина, поила чаем, хотела позвать доктора, тем более что рядом у Сорина был Гешелин, но Сережа не захотел, он страшно капризничает, когда болен. Во время обеда заходил Сорин, с которым мы долго разговаривали о событиях и о Цыбульском. Ввиду Сережиного нездоровья мы рано легли спать.

26

7 января _____

Сережа выспался основательно и встал бодрым и энергичным. Ему нужно было пройти в полк. Я его проводила, подождала на улице, и затем мы прошли на рынок, где купили дешево туалетик красного дерева и мольберт.

8 января _____

Сережа целый день работал, и мы поэтому не выходили. Днем заходил Сорин и очень долго болтал с нами; говорили о вчерашнем разговоре с Гржебиным, о его несколько тупом увлечении Голбейном, затем перешли на Ольгу и говорили о ней часа два.

9 января _____

Я с утра нервничаю, хотя и стараюсь скрыть от Сережи. Поездка в Москву необходима, а в то же время возможность каких-либо эксцессов со стороны Шиллинга меня очень пугает. Сережа тоже несколько раз принимался говорить на эту тему. Наше волнение должно улечься, если все пойдет складно, если он получит отпуск и мы достанем билеты, тогда, значит, судьба покровительствует нам, и наш Ангел-хранитель будет оберегать нас.

Сережа готовится к получению отпуска: из Малого театра он принес эскиз ставень для полкового театра, а вечером Головушкина приносит эскиз значка, который они вдвоем

раскрашивают. Приходят Ольга с Артуром, который дарит Сереже всего Пушкина, старое издание <18>59 года.

По уходе Головушкиной Ольга нам читает стихотворения Пушкина, находим такие, каких нет в других изданиях; особенно пленяют нас его ранние стихотворения, написанные <в> пятнадцать лет, какой эротизм, какой опыт, знание, какая мудрость в пятнадцать лет. «Божественный мальчик», — говорит Сережа. До двух часов мы сидим и читаем. В два ложимся безумно усталые и измученные.

10 января

Встали мы раньше обыкновенного, потому что до двенадцати часов Сережа должен застать в полку командира батальона. Я жду его дома с нетерпением. Проходит час, и является Сережа и еще в передней восклицает «победа, победа», и он рассказывает: «Когда обо мне доложили адъютанту, Георгий Иванович принял меня не по-военному, <a> крайне любезно, отпуск дал немедленно до 16-го и обратился ко мне, как он сказал, с личной просьбой: его приятель, тоже офицер Измайловского полка, поручик Журавский — горячий мой поклонник, — мечтает заказать мне эскиз одной из ставень зала Гоцци, но что более ста рублей он мне заплатить не может; я, конечно, сейчас же обещал Георгию Ивановичу сделать по памяти эскиз и подарить его Журавскому, за что Георгий Иванович меня искренно благодарил. Через час я должен был зайти за отпускным билетом и на радостях пошел на Александровский рынок, где купил четыре иконы и несколько графюр; возвращаясь в полк, я по дороге встретил писаря, который сказал, что меня разыскивает адъютант. Когда я вошел к Георгию Ивановичу, там сидел поручик Журавский, молодой офицер двадцати трех лет. Георгий Иванович ему уже сообщил о моем желании подарить ему эскиз, но он ни за что не соглашался, несмотря на мое искреннее желание это сделать. Журавский так естественно стал восторгаться моей живописью, с таким увлечением говорить обо мне как о художнике, что неестественность положения рядового и офицера мгновенно исчезла, и мы вместе вышли на улицу, где он выразил желание меня проводить. По дороге у нас был интересный разговор об искусстве; несмотря на свои двадцать три года, он осведомлен в искусстве, и его вкусы не коробят; сообщил, что к нам прикомандирован Петров-Водкин и хвалил его. Он поэт, любит Блока, Сологуба и других; вообще вкус его бла-

гополучен. Я обещал пригласить его вечером, когда у меня будет кто-нибудь из поэтов. Он сказал о моей внешности, что представлял себе меня худым и высоким, вроде Блока, но теперь он понимает, что моя живопись слилась с моей внешностью. Вообще, очевидно, я ему весьма понравился, что он еще скажет, когда, полюбив мою живопись, узнает, что я приятный человек, да что у меня такая красавица жена!»

Радостные, оживленные, мы быстро поехали за билетами, в международном мы не достали, пришлось заказать посыльному; зашли к Ольге, оставили ей денег, проехали в Гостиный, где Сережа купил мне шапочку, потом на рынок за купленными гравюрами и домой. Дома настроение роскошное, на столе лежит куча новых гравюр, мы обедаем, рассматриваем гравюры, я примеряю шапочку, которая Сереже как будто не нравится, но, когда я накидываю на нее серую вуаль и вся моя голова как бы подернута дымкой, Сережа в восторге, и мы оба смотрим в зеркало, я люблюсь собой, а он мной. Он находит, что я пополнела, мы проверяем у другого зеркала в спальне, Сережа стоит сзади и целует меня... Раздается вдруг стук, очень некстати приходит Бабенчиков-Мишельчик за книгой, которую я обещала ему подарить и о которой совсем забыла. Сережа говорит с ним сухо и никак не может прийти в себя, М<ишельчик> даже обижается, но потом все обходится, особенно когда приходит Цыбульский с китайской трубочкой для опиума и своими остроумнейшими и живыми рассказами развлекает нас до поздней ночи.

28

11 января

Мы уезжаем вечером в Москву. Божественное настроение, когда едем на вокзал, идет снег, Рождество какое-то. В купе с нами едет жена Комиссаржевского, и мы с ней говорим о игрушках, которых у нее большая коллекция; она же рассказывает нам о своей встрече с Верой Александровной, прекомично, мы же добавляем рассказанным вчера Цыбульским. Я сплю внизу, а Сережа наверху; ночью в темноте мыжимаем друг другу руки.

12 января

Москва-матушка, провинция! Сережу многое нервирует. В старой колымаге едем на Девичье поле к брату. Маленький ампирный особняк очарователен, но главные комнаты не топлены. Синяя зала с белыми колоннами, двусветная столовая

со сводчатым потолком и балкончик, с которого в былое время Леонид отдавал утром распоряжения своему денщику. Теперь там пять градусов мороза. Вся семья ютится по маленьким комнатам. Нам отводят маленький кабинетик рядом с Лелиной спальней. Леонид нам искренно рад, приходит Марочка, мы с ней целуемся как сестры, затем идем к матушке; она очень постарела, Сереже это очень тяжело, она беспомощна, как маленький ребенок, еле ходит. Возвращаемся в Леонидин кабинетик, там пьем кофе и разговариваем как родственники после долгой разлуки. Леониду надо на службу, а мы едем в город. В Кремле уже закрыты все храмы, а у Пантелеймона мы попадаем на панихиду, Сережа заказывает тоже панихиду, и мы молимся за упокой души Георгия, Порфирия, Анны и Софии. Проходим по центральным улицам и возвращаемся домой к обеду. Обедаем наверху в крохотной Асиной комнате за круглым столом, где кроме нас находятся еще три собаки, два ручных голубя, один воробей и один чижик. Собаки пристают, прыгают около поданных блюд, смотрят в глаза, птицы летают над столом, воробей не сходит с тарелки с хлебом. Ася — бледная, худенькая девочка с прекрасными глазами и очаровательной улыбкой. Бедная девочка — мать с ней холодна и неласкова, она живет, по-видимому, замкнуто в своем мире животных и книг. Вечером, несмотря на усталость, мы с Леонидом решили проехать в Камерный театр; с каким трепетом мы подъехали и вошли в подъезд, но там <не законч.>

13 января

Встаем очень рано и торопимся не опоздать в консисторию, предстоящий развод и встреча с Шиллингом волнуют нас. Все обходится благополучно. Когда выходим из консистории, нас охватывает такое радостное чувство, что Сережа в порыве счастья предлагает Шиллингу проводить и проехать с ним до дому, и мы уславливаемся встретиться через час у Жени. У Жени — которая недавно только вернулась со свадебного путешествия — милая, дружная болтовня; мы обе счастливы — я по-настоящему, она — потому что выбилась из почти бедственного положения последних лет; на ней нитка жемчуга и прелестное платье. Мы говорим, перебивая друг друга, пока не приезжает Сережа, который умело присоединяется к нашему интимному разговору о любви, браке, счастье и переходит на разговор об искусстве.

Женя показывает нам свои несколько старинных вещей, картины, вазы, часы, мы ходим за ней по квартире, блаженно улыбаясь и все расхваливая. Затем в том же блаженном состоянии мы едем обедать; после обеда едем в Кустарный музей, где покупаем игрушек и подносов, в Леонтьевском же переулке обходим всех антикваров, главным образом букинистов, у одного из них покупаем по полтиннику штука несколько рисунков карандашом Орловского. Все веселит нас и радует; санки, нагруженные игрушками, подносами, журналами, гравюрами, иконами и чашками, привозят нас к Леониду, где мы быстро собираем все наши вещи и переезжаем в гостиницу Охотного ряда.

14 января

30

Всю ночь «угар клубился серо», и на утро мы встали с ужасающей головной болью. Весь день проходит на улице, мы медленно, поддерживая друг друга, гуляем, вяло смотрим на пожар незлобинского театра, тупая головная боль портит нам полдня, и только к вечеру, совсем свежие, мы заказываем в номер самовар, покупаем закуски и принимаем Леонида, который проводит у нас весь вечер и учит нас играть в японский бридж.

15 января

Морозное московское воскресное утро мы проводим, конечно, на Сухаревке. Там уже не то, что раньше. Цены высокие, случайности редки, вещей хороших мало, мы за довольно высокую цену покупаем три вещи: мужичка, играющего на балалайке, синюю чашку и икону Успения. Стоя на морозе, мы съедаем большое количество вафлей — это весь наш завтрак. К двум часам мы едем на «Мир искусства». Хочется сразу разыскать Сережины картины, но мы добросовестно рассматриваем сначала других художников. В зале направо невероятное количество Кончаловского и Машкова. Сам Кончаловский находится тут же, и Сережа меня с ним знакомит; он объясняет нам свои работы, все они написаны очень неодинаково, у него есть, безусловно, темперамент и колорит, куда больше, чем у Машкова, но сделаны вещи иногда очень по-дилетантски, чего нет у Машкова, у которого есть мастерство, хотя и тупое, и какое-то одинаково безразличное. Наш разговор с Кончаловским прерывает Кандауров, он рассыпается в комплиментах Сереже, мы в ответ выражаем желание

посмотреть его вещи; он нас ведет к ним, оказывается, у него несколько премилых игрушечных мотивов, один из них Сережа хочет приобрести. В той же зале висит Сережа. Они так хороши, его картины, так колоритны, так тонки, что с гордостью смотришь на эти драгоценные камни, которые уже не вернутся в нашу мастерскую! На всех стоит «продано». И больно, и приятно. Покупатели хорошие. «Прогулка в Михайловском парке» куплена Морозовым. «Летний пейзаж» и «Бабье лето» князем Щербатовым. Ушков купил «Сад Арлекина», а «Идиллический пейзаж» куплен каким-то новым коллекционером Френкелем. От картин меня отрывает неожиданная встреча: Ирина Николаевна и Маргарита окликают меня; я их не видела больше года, они мне кажутся почему-то провинциальными в своих больших шляпах, постаревшими, и мне их жалко; но они тепло и мило ко мне относятся, и я их знаколю с Сережей. «Однако он очень интересен, и у него красивые глаза», — шепчет мне Маргарита по уходе Сережи, которого уводит подошедший Макс Волошин. Я вскоре тоже прощаюсь с ними, и М. Волошин нас ведет к своим рисункам, названия которых образуют стихотворение — все это крымские пейзажи, сделанные пером и тушью в манере романтиков (Виктор Гюго), приемом китайцев. Рисунки сделаны со вкусом и почему-то трогают нас. С выставки мы спешим к Леониду, чтобы проститься с матушкой, Марочкой и Асей и передать им всем по подарку, а затем вместе с Леонидом едем на вокзал, где Леонид нам достает маленькое купе первого класса. Мы счастливы, вкусно ужинаем вдвоем в теплом зале вокзала, в уютном купе играем в кабалу и едем в Петербург приятно утомленные и счастливые.

---

16 января

Из купе первого класса садимся на ломового извозчика, берем два высланных мамой сундука с товарной станции и, сидя на них, едем на Екатерининский канал. Мы никому не сообщаем о нашем приезде и целый день разбираем привезенные вещи.

---

17 января

Сережа чувствует себя вновь очень скверно, он и нервничает, и жалуется на зубную боль; тем не менее он занимается с утра разборкой книг, систематизирует библиотеку, а к вечеру начинает писать новую картину крупного размера: «Ката-

нье на коньках в Кузьминках». Взят пруд в Кузьминках со львами на пристани на первом плане. Фигур будет много, годы — двадцатые.

18 января

Сереза плохо выглядит, очень нервен и все время жалуется. К вечеру приходят Ольга с Артуром и Мельницкий с Колей. Поздно вечером приезжает Вера Александровна, говорит о новых, предлагаемых постановках, все уходит к Сорину, а Сереза с ней долго говорит по делу; она оставляет сто рублей «за визит» в надежде на Серезино согласие.

19 января

32

Ввиду Серезино долгого и упорного нездоровья я решила пройти к Ивану Ивановичу Чермонеvскому, попросить у Георгия Ивановича протекции к полковому доктору. Может быть, будет возможен отпуск. Меня принимают крайне мило, и Георгий Иванович дает письмо к доктору. Завтра Сереза должен будет пройти к доктору — я очень надеюсь, что он, благодаря письму, будет более внимателен. Я тороплюсь домой и встречаю по дороге Петра Клавдиевича, которого упрасиваю зайти к нам хотя бы на минутку, чтобы рассеять немного Серезу. Сереза, оказывается, не один, сидит Цыбульский, и они оживленно говорят о сочиненной Серезей и Рославлевым оперетке «Посрамление Кедрилы», к которой Цыбульскому предлагается написать музыку. Петр Клавдиевич сидит недолго. Сереза чувствует себя как будто лучше.

20 января

Сереза вернулся от доктора раздраженный, недовольный; можно было надеяться, что доктор, благодаря письму, отнесется к нему менее грубо, более внимательно, как к человеку измученному, как к художнику с большим именем, которого можно было бы побереечь. Оказывается, письмо большого действия не имело. Выслушал и осмотрел он Серезу кое-как, подходящей к какой-нибудь «статье» болезни не нашел и отпуска не дал. Отвратительно грубое, немыслимое отношение! Бедный Серезинька! К лету, может быть, удастся получить отпуск не через доктора, а через командира полка. Не успел Сереза вернуться от доктора, как пришел к нам впервые Александр Степанович Рославлев со своим не то адъютантом, не то писарем — каким-то рыжеватым молодым человеком.

Я его (Александра Степановича) вижу впервые, но Сережа мне много рассказывал о нем, об их встрече в Москве, о его романе с бутафоршей и его обжорстве, поэтому я с любопытством рассматриваю его, а затем иду готовить завтрак. Для него одного Сережа заказывает яичницу из десяти штук яиц, коробку шпрот, два хлеба, икры, молока. Оказывается, Цыбульский вчера еще разыскал его, передал ему свой разговор с Сережей о Кедрилле, и поэтому Рославлев пожаловал к нам. Внешность у него грандиозная — весьма и весьма рослый, объемистый, с солидной головой распутинского типа; рассказывает с большим юмором, его приятно слушать. Сережу он очень развлек своими рассказами, так что по его уходе он с удовольствием принялся за работу.

21 января

Сережа уже несколько дней как решил отказаться от детской обложки для Гржебина — и времени нет, и на ум нейдет, и чувствует себя нездоровым, поэтому сегодня приезжал к нам Гржебин, взволнованный и недовольный, и час упрашивал Сережу все же сделать обложку. Из-за этого даже книгу задержат. Сережа наконец согласился, хотя очень нехотя.

Вечером пришли Бабенчиков и Наумов, этот много рассказывал о своей службе в Царском, о Распутине, Вырубовой и так далее.

22 января

Днем, когда Сережа спал наверху в библиотеке, явились к нему два покупателя, причем фамилия одного из них оказалась Бененсон; это было прекомично, так как мы за минуту до его прихода читали о процессе Бененсона и обсуждали его. Только это был не тот Бененсон. Он купил у Сережи «Новолуние» за тысячу рублей, а его приятель Шик заказал «Финал свадьбы Фигаро». Сережа с ними долго беседовал; они пленились Сережиным искусством на выставке в Москве. Вечером у нас сидели Ольга и Артур, и должна была прийти Ядвига, которая была недалеко, у Кульбина. Она и явилась, но не одна, а в сопровождении Николая Ивановича, обутого в высокие валенки. Премилый он человек — живой, чуткий, трогательный и какой талантливый оратор. Незабываемое впечатление произвела заказанная Сережей ему пятиминутная речь, которую он произнес с верхней галереи. Какой подъем, какая проникновенность! Ему было предложено сказать о землетря-

сении на Камчатке, о небесных светилах, о современных событиях и судьбе всех нас, сидящих внизу. И все это в пять минут. И он это сделал с такой силой и такой задушевностью, что к концу речи у всех на глазах были слезы.

23 января

Вечером у нас были гости. Гржебин заехал относительно обложки, неожиданно явился Н.В. Кузнецов, а приглашенными были Наумов, Бабенчиков и Эснер, который давно к нам собирался. Вечер проходит как-то вяло. Сережа не знает чем занять Эснера и рисует, наконец, его голову углем. Наумов делает набросок с меня на фоне колонн. Гржебин уходит в самом начале. Михаил Васильевич рассматривает книги в библиотеке, Наумов как-то вял и неразговорчив. Кузнецов болтает зря и глупо.

34

Мы рады, когда все уходит, и смеемся над Эснером, который хочет устроить у себя кавказский вечер с шашлыком и бастурмой и разыграть на нем сцену из Расина.

29 января

Всю неделю Сережа работал над обложкой, которая ему почему-то дается с трудом, вероятно, потому, что для печати требуется очень мелко разработанный и четкий рисунок, а это немного скучно. Чуть ли не каждый день приезжал Гржебин, очевидно, контролировать Сережу, просиживал у нас аккуратно час или два, пил чай и преило разговаривал. По вечерам к нам заходил Сорин и чрезвычайно интересно рассказывал нам свои любовные истории. Мы не ожидали, что он может быть таким удачным рассказчиком. Говорили много о Горьком, и Сорин подробно рассказал о всех с ним встречах. Сегодня Сережа решил во что бы то ни стало отделаться от обложки и все время работал, хотя мы и собирались гулять. Говорили много об Ольге, которой, по моему мнению, так много дано, что она с легкостью могла бы занять выдающееся место в жизни.

После обеда хотели прогуляться, но пришел Гржебин и говорил с нами о Сорине, которого он почему-то недолюбливает. Гржебин нас приглашает в редакцию и к себе на Горького. Зайдем на днях, это интересно. Остальной день прошел разнообразно, мы и гуляли, и спали, и читали, а вечером позвали Сорина для разговоров. Говорили о людских отношениях. Оказывается, что Сорин по отношению к людям иде-

алист, романтик, а мы трезвы, холодны, опытни. Мы сами создаем добрых и злых людей и любого человека с улицы можем по желанию сделать другом или врагом.

30 января

Сереза дочеканивал обложку и нервничал, потому что не удовлетворен, а на самом деле обложка вышла очень удачной, для детской книги лучше не придумаешь. На фоне далекого пейзажа с мельницей, радугой и ручьем — целый мир игрушек и животных целое «фарфоровое пастбище», веселое и цветное. Я читала дневник ЕВ из «Старых годов» с большим интересом, пока не пришла Ольга с вафлями, и мы стали пить чай. Сереза лег отдохнуть, а мы пошли к Сорину греться, когда Сереза встал, мы пошли провожать Ольгу и просидели у нее до двенадцати. К ней пришла Настасья Николаевна, и мы много говорили о Пушкине, о его отношении к жене и к женщинам вообще. Поводом для разговора была недавняя лекция Гершензона, имевшая большой успех. Хотел ли Пушкин видеть в Гончаровой Татьяну? Виновата ли она была в его смерти? Как себя вести красивой женщине? Ольга и я разволновались. Было смешно, когда Сологубиха говорила о том, что во всякой женщине есть сознание своей красоты.

35

31 января

Серезе до смерти надоела обложка, и он решил ее лишь просмотреть, но не работать больше над ней, к тому же сегодня самый крайний срок. Только он сел за работу, а я оделась, как приехала Вера Александровна с Колей Петером. Вера Александровна предлагает грандиозную постановку; вся вторая неделя поста должна быть испанской. У Коли Петера есть в его школе готовая пьеса, сцены в испанском кабачке, участвуют пятьдесят человек. Сереза стал отказываться, говоря, что станет теперь в театре работать лишь за большие деньги, а с них он не хочет брать такие суммы. Вера Александровна упрашивала безумно. Решили дать ответ через день. По ее уходе стали высчитывать, сколько за ней долгу, оказалось, тысяча шестьсот восемьдесят рублей. Пришел Алеша, Сереза его послал с письмом и обложкой к Бенуа, а сам пошел к Сорину, чтобы сообщить Гржебину по телефону об обложке. Там позировал Сорину Лукомский, который выразил желание увидеть нашу квартиру. Сереза его повел. Когда Алеша вернулся от Бенуа с кратким письмом: «Очаровательно, больше

ничего сказать не могу, но буду рад Вас видеть», мы сели обедать. После обеда Сережа пошел говорить с Верой Александровной по телефону, а я уложила Алешу, который себя что-то плохо чувствовал, наверху, дала ему горячую бутылку и села с ним рядом; мы разговаривали с ним очень хорошо, Алеша показывал мне разные письма, полученные им из Москвы от Шухминой и других, и говорил о том, как сильно он нас любит, так сильно, что даже не может подумать о своей личной жизни. Тем временем пришел Бабенчиков, и вернулся Сережа от Сорина. Вера Александровна сказала, что больше пятисот рублей дать не может, но обещает заплатить весь долг, Сережа даст завтра ответ. За чаем, к которому пришел и Сорин, смеялись много над критической статьей из «Знамени», затем говорили, что Сережу следовало бы сделать членом академии. По уходе всех клеили гравюры и очень складно разговаривали.

36

1 февраля

Сегодня день рождения моей бабушки, и мне нужно было поехать поздравить ее. Когда я еду куда-нибудь одна, что бывает очень редко, я всегда волнуюсь за Сережу, так как он не может ни за что взяться и не находит себе места, поэтому я написала ему на листочке, что ему делать. С Соринным они должны были пойти искать рамы и зайти к Куражеву. У бабушки я пробыла два часа, извозчик меня, по уговору с Сережей, должен был ждать. Было много скучного народа, говорили на разных языках. Очаровательно был накрыт стол, сервиз *vieux-saxe* и масса цветов. Ехала домой, как всегда, с нетерпением. Сережа, наверное, рвет и мечет и смотрит на часы. Но он был в странном настроении, молчаливо разбирал купленные им трубки, папиросы и табак и, когда я вошла, сказал: «Когда тебя нет, всегда что-нибудь случится глупое, во-первых, я накупил ни с того ни с сего все эти трубки, а затем у меня была встреча, которая может тебе быть неприятна», и он подробно и честно рассказал, что, идя по Невскому, встретил Надежду Семеновну, с ней разговаривал, что она говорила обо мне очень хорошо и мило, что он был многим тронут и его все это немного взволновало. Когда же пришел домой, то на кухне застал мать их бывшей прислуги, которая стала плакать и причитать, когда узнала, что Сережа разошелся с Ольгой. Было неприятно и как-то глупо. Сережа мне долго и подробно объясняет, как он относится к прошлому, мы с

ним говорим очень хорошо до прихода Ольги и Артура. Сережа работает, Ольга читает сказки Пушкина, заезжает Алеша из Би-ба-бо, слегка выпивши.

2 февраля

К Сорину заходит профессор Павлов, и он знакомит его с Сережей. Павлов производит большое впечатление, Сережа очарован им; он становится веселым, ему не сидится дома, и мы едем к Радакову, купив по дороге блины и лимонаду. Радаков дома один, работает для Би-ба-бо, мы мило болтаем, едя блины; перед нашим уходом возвращается домой его жена Берта Ностовна, она милая, добрая, но глупая женщина; рассказывает бесконечные истории о своих кошках и, по-видимому, очень раздражает Алексея Александровича; он иногда бесцеремонно обрывает ее; говорят, что в молодости она была красива, — сейчас она постарела и, наверное, поглупела. Дома Сережа садится за обдуманый вчера эскиз *intérieur'a*. Сережа сидит за мольбертом, за его спиной я любовно облокотилась на его плечо, а далее, у рояля, Ари разговаривает с Ольгой; две пары: одна на первом плане, другая в глубине комнаты. Все это Сережа пишет в зеркале. Эскиз этот навеян голландскими *intérieur'ами*, которыми мы так любовались в Эрмитаже. Сережа работает до трех часов ночи. Заходит Сорин, у нас с ним разговор на религиозные темы.

37

3 февраля

День очень рабочий. Днем Сережа пишет «Новолуние», а я читаю ему статьи Врангеля из «Старых годов». После обеда заходит Бабенчиков, который своими неприятными сообщениями о курсах и об «Аполлоне», о Маковском злит Сережу. Вечером приходит Ольга позировать для *intérieur'a*. Рано ложимся спать.

4–11 февраля

[Наше] увлечение Александровским рынком достигает [на этой неделе] своей высшей точки. Днем Сережа работает, но, как только наступают сумерки, мы спешим на рынок. Это [наши] самые счастливые минуты. [По дороге] Сережа, [как бы] оправдывая [наши] траты, говорит [очень много интересного] о спасенных нами картинах, о том, как благородно мы поступаем, сохраняя столько художественных ценностей, как [каждая] старая вещь, отвечая на [нашу] любовь к ней, гово-

рит [нам] об истории человека, рассказывает нам о разнообразнейших мечтах его, и мы через столетия способны воссоздать [целые] системы жизни, открывающие всегда новые тайны человеческого творчества. [Мы] приходим на рынок; [там] холодно; [высокие] галереи с верхним светом замерзли. [Наверху] над проходом два ангела держат голову Спасителя, а внизу [целая] толкучка торгующих евреев кричит, перебранивается, зазывает в лавки. Мы идем по галереям мимо лавок мехов, ковров, фарфора, парчи, икон, картин, заходя то в одну, то в другую. Беспорядочные остатки человеческих вкусов смешиваются в одну массу хитро обдуманного эффекта случайности. В этой беспорядочной случайности наблюдатель находит массу подробностей о жизни только что прошедших годов, о романтизме, о нелепости, уютности наших отцов и дедов. Голова кружится от того, что видишь: литографии с впервые появившимися поездами, туристами-англичанами, велосипедистками и лодочками десятых годов; первые фотографии, дагерротипы, стереоскопы, старая заводная шарманка с пыльным валом, играющим «Трубадура» и «Красный сарафан», нелепые пепельницы и зажигательницы министерского стиля, чучела попугаев, веер, маскарадный костюм, эротические карточки, гуттаперчевые принадлежности для туалета, заржавленные тазы, разорванные меха, душевные ковры и вдруг настоящая икона строгановского письма с обгоревшим от лампадки лицом и в венчике с застрявшими в нем зернами овса. А эталаж с кольцами, камнями и геммами, тут и настоящие миниатюры, попорченные и слегка смытые, тут и настоящая подделка в ампирной бронзовой рамке. Кольца петровские, екатерининские с печатью и модерн в форме лилии, серьги с гроздьями жемчужин, брошки с видом Baden-Baden, покрашенные гравюрки под миниатюру, масса пестрых камешков и так далее и так далее. На ампирном столе красного дерева разложены бисерные кошельки (совсем кузминские), свадебные подарки в футлярах с надписью «1894 год», дюжина ложек, маленький фарфоровый амур Гарднера с синей повязкой, фарфоровый барабанщик в белом парике, лежащая девушка на снопе... Нет возможности перечислить все эти случайно собранные вещи, где рядом с прожитой противностью жизни можно увидеть все велоколепие ее.

Мы едем домой, нежно думая о купленных нами вещах, о том, как будем сейчас разбирать их и приводить в порядок, вешать и ставить их на места и как эти вещи потеряют постепен-

но свой исторический силуэт и станут нашим родным фоном. Идет снег, магазины освещены, и у нас детское, рождественское настроение. А дома топится камин, горит лампа над большим столом в мастерской и лежат на столе купленные вещи.

4–11 <февраля> _____

Покупаем старые картины.

5–6 <февраля> _____

Сологуб. И Коля Петер.

7 февраля _____

Глаз болит. Читаем Амфитеатрова.

8 февраля _____

В школе Коли Петера.

10–11 февраля _____

Чит<аем> «Дафниса и Хлою». Закупаем продукты. В Привал за деньгами.

12 февраля _____

Берта Ностовна прих<одила>. Вечером у них на блины.

13 февраля _____

Серезу сажают в полку ввиду забастовки. Он говорит со мной по телефону.

14 февраля _____

<У> Сорина день рождения. Серезу выпускают.

16 февраля _____

Покупаем пейзаж.

Вечером заезжаем в Привал, затем к Степановым.

Пультык для нот.

18 февраля _____

Четыре картины на выставку и к Коле (вечер).

19 февраля _____

Сереза пишет небо в Привале, я приезжаю туда позже. [Вечер поэтов.] История с Борисом.

20 февраля _____

О'Конель у нас.
Вечером в Привале.
Работа.

«На четвертой неделе поста устроим, устроим фестиваль». Пронин предлагает большое, грандиозное открытие «Привала комедиантов» во вторник.

Все участвуют, помогают.

Судейкин расписывает «венецианскую комнату». Билибин, Пронин, Куракин, Федя, Сорин, Нарбут, Радаков, Рославлев, Коля Петер, Кравцов, О'Конель, Глебова, Вера Артуровна, Миклашевский, Чернецкий, Завадский, Бутамо, Балицкая.

21 февраля _____

Разговоры с Борисом о вечере Саца и фонде для будущего театра. Мама. Письмо от Веры Александровны. Я с мамой иду за покупками. Возвращаюсь с картинами и тарелками. После обеда спим. Вечером до трех интересный разговор о будущем театре Судейкина, об его интуиции, об обаянии, о людях.

22 февраля _____

Ольга заходит сообщить о контракте. Мама, я гуляю с ней. Прихожу домой готовить (Маша заболела). Вечером Акриды и Степановы, показывают картины. Ольга Ивановна приводит собаку. Сережа нервничает. Подход — разговор с Борисом о вечере Саца. Борису прислали вещи.

23 февраля _____

У меня адская головная боль. Идем с Сережей на рынок (фарфор, буфет, бюро). Цыбульский и Борис уходят. Я готовлю. По телефону говорю с мамой о продаже имения. Рассказывает о беспорядках.

24 февраля _____

Сереже сообщают, что ему надо идти в полк. Борис уходит на дежурство. Я говорю по телефону с командиром — Сережу оставляют. В городе беспорядки. Сорин уезжает. Вечером Ари заходит за Ольгой из полка.

ИВ. МАХЪ, въ **Одессъ и Невѣ.**

Складъ общества писчебумажной фабрики „СОЧЕВКА“

ТЕТРАДЬ

для

учени ..... *класса*

КРЫМ

ВЪ ОДЕССѢ, уголъ Преображ. и Полц. пл., д. Полудовой.
ВЪ НЕВѢ, на Ирещатинѣ, д. Лучинскаго, бывш. де-Мезера

рывает и садится рисовать. Тогда я сажусь играть. Федотика проигрывает, остается тем же, а я долго спорю, что мне проиграть, решаем, что кошелек с Арлекином. Я выигрываю, заходит Сорин, приносит чек и ждет, <так> как в пять часов <будем> смотреть этюды. У него сидит офицер. Спор о политике. Сережа взволнован. Кафе. Вечером я пишу письма, а Сережа дорисовывает. Федотик заходит проститься — масса поручений.

2 ноября

Сережа уходит в восемь часов, провожать Фед. Ал. Я до двенадцати сижу совсем одна, пишу, вышиваю, убираю комнату. В двенадцать приходит Сережа вместе с Фед. Ал., который едет лишь в двенадцать часов. Они приносят газеты, мольберт и две табуретки, уходят вновь, я сажусь на балконе, читаю газеты, из сада слышна музыка. Листья осенние падают медленно, в воздухе тепло и тихо, а [в Петербурге] там, на севере, что за гадости. Сережа возвращается к завтраку и ложится спать, он Федотика проводил окончательно. Вечером Сережа делает с меня набросок и рассказывает, как он утром тонко воспринимал музыку (революция утончает чувства). Мы говорим о флирте.

44

3 ноября

Сережа ходит заказывать подрамник для «Венеры Амуровны», приходит и садится за новый nature-morte, вчера обдуманый (на синем платке икона с розами), меня посылает за розами. День чудесный, на улицах дамы одеты в белое, о политике ни слова не слышно, я было прислушиваюсь к какой-то группке, но там говорят о поездке на Учан Су. Записываюсь в библиотеке, по приходе читаю Сереже А. де Ренье. Вечером обсуждаем Сережины работы к выставке. Какие атрибуты дать Венере Амуровне? Играем в безик.

4 ноября

Сережа во сне видит всю постановку «Душеньки». Он собирается начать переписку с Карсавиной и Дягилевым. К весне должны быть готовы все эскизы, и тогда ехать, ехать! Он идет за холстом для «Венеры Амуровны» и приносит газеты. Как будто там приходят к соглашению.

После обеда идем на базар (за лампой), впечатление заграничного городка. Живописное возвращение при сильном ветре, кругом примитивные горы, разверзлись черные тучи, по-

дернутые золотом. Вечером Савелий расстроил разговорами о политике. Господи, когда же можно будет жить по-спокойному.

Днем мы читали А. де Ренье. Сережа дописал этюд иконы и нас двоих в зеркале. Играли в безик.

5 ноября

Утром разговор с хозяйкой. Она преинтересный тип. Русская неудачница с томлением по красоте. Философствовала — о религии.

Пошли гулять. Опять чудесное вечернее возвращение в теплый дом. На горах иней — точно сахаром обсыпанные. Быстро прошлись по всей набережной и выпили шеколаду. Днем Сережа написал одну розу и подарил ее мне — запоздалый подарок ко дню свадьбы. Играли в безик и чувствовали себя хорошо в комнате.

6 ноября

В городском саду оркестр играл вальс из «Спящей красавицы». Мы сели так, чтобы видеть горы и облака, — они казались декорациями Большого театра, и мы проливали слезы. Дома дочитали «Полуночную свадьбу» А. де Ренье — хороший писатель, спокойный романист, распутывает лишь изящные затруднения чувств. Знание искусства — это так приятно. Очень современен. Много тонкой трогательности, над которой мы лили слезы.

7 ноября

Мы так перевернуты тем, что делается в Москве и П<ет-рограде>, что не находим себе места. Скифы, разрушающие свои собственные храмы! Я иду к баронессе Штакельберг, чтоб узнать, есть ли у нее известия от мужа и, может быть, мамы. Ее дома нет, вижу лишь мальчиков. С третьего числа есть телеграмма от барона, что он жив и здоров. Целый день раскладываем пасьянсы, играем в карты, Сережа рисует карикатуры.

8 ноября

Телеграмма от мамы — что жива, слава Богу. Утром ко мне заходит баронесса Штакельберг, сидим на балконе.

9 ноября

Сережа идет купаться, я беру в библиотеке роман Р. Ивнева «Несчастный ангел». Мы с увлечением читаем его целый

день. Вечером у нас Савелий. Предлагает выставку. Конечно, разговоры о политике.

10 ноября _____

Все утро на улице, горы изумительны в снегах при синем небе. Иду к главному доктору. Берем в библиотеке «Историю французской революции». Жалеем, что раньше не читали. Многое выясняется. И так успокоились, что пошли в синаматограф.

11 ноября _____

Читали с увлечением «Французскую революцию». Я хочу составить «маятник революции». Entre chien et loup <в сумерки> гуляли, на обратном пути встретили барона Штакельберга с баронессой, <он> рассказывал о Москве.

12 ноября _____

46

Утром разговоры о живописи. Размеры живописи. Днем заходил князь Щербатов, застаёт нас врасплох. Гуляем с ним. О Сорине он хорошего мнения. Ласкающий взгляд — человек ему приятный. Щербатов сказал Сорину: как <он> удивился, что Сережа умеет жить на необитаемом острове, оградив себя от всего.

13 ноября _____

Разговор о живописи, должен ли художник смотреть на себя со стороны. Какие задачи. Кто Сережа: колорист, декоратор, очень русский — во всем медвежья. Игрушечный мастер. Прогулка по парку Эрлангера.

Даст ли нам Штакельберг денег?

Встретили Савелия, вместе пили кофе.

Удручающие разговоры о политике. Крым отделяется. Деньги из банка выдают лишь по сто пятьдесят рублей в неделю. Живопись скоро никому нужна не будет. Чем заняться. Союзники грозят нам. Я плакала.

14 ноября _____

Утром письмо от мамы. Пошли к княгине Орловой смотреть рисунок Сорина. Великолепно. Затем в парке Эрлангера эскиз водоема. Читали Гофмана.

Вечером разговор о чувственности в связи с лицом Орловой.

15 ноября

Утром к главному доктору. На обратном пути встреча с Палладой. Безумный ветер при луне. Кинематограф. «Адовую мостовую» заканчивали.

16 ноября

Утром гуляем. Заходит Сорин, мы идем к Вейнер за письмами. Живет очаровательно, она занимается живописью.

Вечером Сорин. Мы рисуем карикатуры.

Сорин говорит, что на княгиню Ольгу Орлову мы произвели хорошее впечатление, про Сережу она сказала: «У него такое хорошее лицо, почему он так плохо одевается», а про меня: «Какая у него интересная жена, где он ее раздобыл?». Сорин говорит, что Сазонов и Орлова хотят прийти к нам, но это невозможно — уж очень мы скудно живем.

17 ноября

Только Сережа встал (после завтрака спал Сережа, а я работала по французской революции), как пришел Сорин с Сазоновым, <Сазонов> интересно говорил о политике, хотя мы не хотели с ним говорить. Хвалил Сережину живопись, но, по-видимому, плохо разбирается в живописи. Сережа показывал клеевые краски. Вечером гуляли, кинематограф. Работали над «Адовой мостовой». Говорили о Сорине — он все-таки странен, не может обойтись без людей, какой-то всегда деловой, хотя сам презирает деловых людей. Гуляли с ним по набережной. Не захотел идти с нами в кинематограф. «Единственно детское в нем — это его искусство».

18 ноября

Сережа наконец принимается за большую работу, в тесной комнате так трудно устроиться, привязать подрамник. Он не сделал ни одного штриха, но все время обдумывал.

19 ноября

Разрабатывал эскиз. К вечеру пошли прогуляться. В чебуречной скандал. «Пир» Платона.

20 ноября

С утра начали говорить о социализме и впервые так разнервничались и взволновались, что я проплакала целый час,

а Сережа не мог работать. Утром ходили в библиотеку. (Паллада: «Как ужасно иметь детей и (не) любить их».) К вечеру пришли в себя, бродили, обнявшись, по балкону, говорили о живописи, пока не пришел барон Штакельберг и сидел вечер.

---

21 ноября

Утром отшагали свои *cent pas* <сто шагов> по набережной; сырая, приятная погода. Праздник Введения. Пришедши домой, Сережа работал весь день над «Опрокинутым взглядом». Гобеленистое разрешение красок. Читала Б. де С. Пьер.

---

22 ноября

Взяв в библиотеке французский роман *W<нрзб.>*, работали целый день. Очень холодно. В шесть опять гуляем, чтобы согреться — пьем шеколад, вечером докрашиваем «Адовую мостовую».

48

---

23 ноября

Утром в библиотеке и сидим на солнце на набережной. Вечером заходит Савелий, на этот раз очень милый, оживленный. Ему до тошноты надоели его князя — он с презрением говорит о них. Хочет снять у нас комнату рядом. Долго говорим очень мило и дружно.

---

24 ноября

Наступили страшные холода. Я безумно мерзну. Утром, после библиотеки, захожу к доктору Грановскому, говорит мне массу неприятных вещей. В обед заходит барон с Корнель, узнать, нет ли от мамы известий. После обеда, в сумерки, идет снег, внизу играют Шумана. Мы идем к доктору, затем в синематограф. Рано ложимся. Холодно. Сережа почти заканчивает «Седьмое небо».

---

25 ноября

Посылки от мамы. Днем уборка. Я больна, читаю дурацкую книгу. Сережа вечером ходил в аптеку и возвращается расстроенный: на дворе ночь, все попрятались, идет женщина с ребенком, он плачет и боится, мать успокаивает: «Вот и звездочки зажглись». Сережу это очень волнует. «Какое время».

По вечерам у нас бывает уютно, тихо — когда внизу играют.

26 ноября

Ночью мы проснулись в ужасе — раздался орудийный выстрел, он прогрехотал раскатистым эхом над нами. Было три часа ночи. До утра мы полудремали, прислушиваясь. У меня сердце так и прыгало. К утру заснули. Как только встали, Сережа отправился в город, узнавать, в чем дело. Оказывается, произошел погром ювелирных, часовых магазинов, преимущественно еврейских, говорят, что это матросы. Несколько транспортов и катеров стоят в порту — жутко. Выстрелом разрушена столовая в пансионе на Дарсановской. Говорят много ужасов. Что-то будет! Как мы будем чувствовать себя ночью?

Тревожно и жутко.

Сблизились с соседями.

Вся Ялта встревожена. Завтра ожидается татарский эскадрон. Как бы не было чего между русскими матросами и татарами. Господи, Господи, спаси нас.

49

27 ноября, понедельник

Вчера вечером мы спаслись бегством в Петроградскую гостиницу от большой компании пьяных матросов, которые пришли в наш флигель в гости к трем публичным девушкам, одна из них наша приходящая кухарка. Хозяин дома пришел предупредить нас о возможном с их стороны скандале и угворился с нами относительно сигналов и так далее. Мы предпочли провести ночь в гостинице. С нами пошли Элиоты. Сорин, который вскоре пришел, нам устроил большую комнату. Мы там все вчетвером, не раздеваясь, спали, говорили до часу ночи, к счастью, о посторонних вещах и, таким образом, успокоились. Госпожа Элиот оказалась деревенской купеческой простушкой с бытовым темпераментом и талантливостью. Она-то нас и занимала рассказами из своей жизни и анекдотами революционного времени. Он — безобидный офицер Преображенского полка, приговорил солдата к смертной казни по подозрению Корнилова. Утром в десять были уже дома. Все было благополучно. Я разделась и лежала в постели, а Сережа рассказывал подробно и интересно о Елене Ивановне и таком типе женщин (сходство с Ольгой Афанасьевной), об Ольге и так далее, по обыкновению так увлекательно, что до завтрака мы так провели время, потом я встала, а Сережа лег до обеда, после пошли прогуляться, заходили на Дарсановскую, видели брешь от снаряда и перебуравленную столовую

пансиона «Анна», снаряд пролетел мимо самого дома Орловой. Затем прошли на набережную. По дороге у меня страшно щемило сердце, надо пройти к доктору, совсем расклеилась. Вечером я лежала, чтобы успокоить сердце, зашли Элиоты, и мы говорили до двенадцати. Говорил больше Сережа — об искусстве, уж очень они непонимающие, безвкусные люди. Сережа всегда очень волнуется, когда говорит на тему искусства с [бездарными, глупыми] людьми. Спали хорошо. Мне снились гильотины и обстрелы, но я отнеслась <к этому> совершенно равнодушно.

28 ноября, вторник _____

50

По случаю Учредительного собрания все закрыто, все в флагах. Сережа ходил два раза за газетами. Пришел в отчаяние. Предлагал стреляться, я ответила, что верю в то, что сильные духом победят и что нужно лишь терпение. Сережа немного успокоился, написал портретик с меня в шубке и чалме. Пришел Сорин — разговор о политике и выставке.

Вечером зашли и сидели Элиоты — какие это безвкусные и необразованные люди! Ничего не читали, не видели, не слышали. А она талантлива.

Пробовала нарисовать карикатуру <на> испуганного князя Щербатова.

29 ноября, среда _____

До обеда гуляли, и Сережа мне объяснял появление на свет масонов и значение евреев в теперешних событиях. После обеда Сережа рассказывал об искусстве, о том, какие фантастические портреты и картины он должен писать. Сделал набросок «Волшебного круга». Я читала Стивенсона. Когда Элиот принес газету, все настроение пропало — какие ужасы творятся.

30 ноября, четверг _____

С утра Сережа увлекся наброском «Волшебного круга» и разрабатывал его, я читала Стивенсона. Вечером хотели себе испортить настроение чтением газет, но удержались.

1 декабря, пятница _____

Утром пошли в библиотеку, но опоздали, зато видели Сорина и сидели с ним. Слышны выстрелы — это, оказывается, матросы с двух транспортов переругиваются меж собой, а

может быть, стреляют чаек. Пришли домой. Сережа читал газеты, я вымыла волосы. Затем Сережа стал работать, а я выписывать книги из картотеки, как вдруг пришли Паллада со своим мужем Дерюжинским. В нем много наивного, экспансивного и несолидного, говорили об отъезде в Америку, о предполагаемой выставке здешних художников. Они решили пойти на сегодняшнее заседание, а я к Палладе посидеть. Я пошла к ней с удовольствием, так как мне ее стало жаль. Она наговорила мне массу вещей. Она, безусловно, неглупа, добра и интересна. Теперь, кажется, она очень старается быть просто милой женщиной, *bien-élevée* <хорошо воспитанной> (очевидно, муж это требует), поэтому всячески старается объяснить свою экспансивность, а также загладить свое прошлое пространственными объяснениями: ее любовь к пестрым тряпкам и повязкам, от бабушки-цыганки и любовь к гриму, ее пренебрежение к смерти близких объясняется верою в загробную жизнь и так далее. В комнате расставлены фотографии ее друзей. С мужем на Вы. Он часто говорит такие фразы: «Если бы я был один». Это ее, по-видимому, обижает. Каждая женщина, в конце концов, хочет быть просто любимой. По ее словам, он диаметрально противоположных взглядов и вкусов, ненавидит ее двух детей. Ведь это трагедия. И зачем он только женился на ней? Живет он у Сумарокова-Эльстона. Изредка приезжает к ней. Снобизм что ли?

Сережа и Дерюжинский пришли с заседания веселые, их приняли с раскрытыми ртами, особенно Сережу. «Неужели Вы — тот Судейкин, который...» Сорин страшно популярен. Когда спрашивали адреса, Дерюжинский громко сказал: «Дворец Сумарокова-Эльстона». Это произвело ошеломляющее впечатление. Паллада говорит об Ольге — как она ее ненавидела. О своем отношении к людям: от женщин ума требует.

Дерюжинский обещает устроить заказ у Сумарокова-Эльстона.

2 декабря, суббота

Утром Сережа выходил менять книги в библиотеке, встретил Биленки. С ним гулял и говорил об искусстве. Сережа любит поговорить об искусстве с художниками. Я не вышла. Сережа работал над «Волшебным кругом», скорей «Комедиантами». Я читала Ведекинда «Весенние побеги». Было хорошо. Рано легли спать.

3 декабря. воскресенье

Мы оба не выходили, работали, читали (Крафт Эбинга), вечером опять ссорились слегка с Элиотами — вернее разговаривали раздраженно, удивительно, до чего тупые и незнающие люди. Стыдно сказать, что это образованный офицер русской армии, а так как у нас разговор всегда около искусства, то столкновения и понятны.

4 декабря. понедельник

День прошел вихрем. Посылка от мамы. Библиотека, зубной врач. Сережа на улице встречает Щербатова с опухшим, красным от бессонницы и волнений лицом, затем Зельманову с сенсационными известиями о возможности монархии, затем Дерюжинского, который собирается к нам в три часа, в два приходит Савелий, а в три Дерюжинский с Палладой. У Дерюжинского план, зародившийся еще в прошлый раз, — Феликс Юсупов строит себе коттедж в татарском стиле (!), и ему хочется расписать некоторые комнаты. Если Сережа и он сговорятся, то и Дерюжинскому будет работа. Дерюжинский уже говорил князю о Сереже, и если князь увидит Сережино «Седьмое небо», то наверное придет в восторг и так далее. Было решено, что Дерюжинский позвонит немедленно к Юсупову, и тот придет к нам. Так и сделали. В пять часов явились Дерюжинский с Юсуповым. <Юсупов> Сел на кровать, чем показал свою воспитанность. Был мил чрезвычайно. Уехал, не решив ничего.

52

6 декабря

Утром я зашла к Палладе (гадание). Ездили к Юсупову в Сосновую рощу; дом, который строится там, нелепый, но уютный. Работы Сереже будет мало, так как Юсупову хочется все оставить крайне простым (больнично-белым), и расписать можно будет лишь студию и интимную комнатку рядом с ней. Положение дома чудное. Мысль о поле фиалок перед ним — прелестна. Нас отвез туда и обратно его автомобиль. Обратно заехали к Ravet. Сережа был в штатском. Утром были слухи о резне в Гурзуфе, которые взволновали нас и испортили нам поездку, но, приехав, мы проверили их, оказалось, конечно, сильно преувеличено. Искали Савелия, встретили [, завели к нам].

7 декабря

Я пошла к Штакельбергам, днем к нам зашла Паллада, с которой Сережа усиленно разговорился о ее прошлом. Она

занятна. Я пошла к Штакельбергам, а Сережа отправился с Палладой и, оказывается, прогулял с ней все два часа, разговор был о половой жизни вообще и в частности. Утром она гадала Сереже. Я верю ей, но не хочу верить относительно Сережиной жизни, хотя линии могут измениться.

Завтра должны приехать большевики в Ялту. Я довольно спокойна, не верю.

Барон меня проводил, были уже сумерки, навстречу, около церкви, мне навстречу бежал Сережа, взволнованный моим долгим отсутствием.

8 декабря

Утром разговор о Палладе — я ее защищаю. Когда утром Сережа вернулся после обычной покупки газеты, он сообщил: «В городе все спокойно, — пауза, — но приехал капитан С<нрзб.>». Что делать? Неужели большевики начнут исполнять свои угрозы? Не уехать ли нам действительно из Ялты, хотя бы на три дня. А затем, может быть, и совсем, уж очень она нервна, Ялта. Пошли сначала менять деньги. На набережной все слегка взволнованы. Когда искали лавку с медом, услышали фразу: «Сегодня будет резня — вот уже и миноносец пришел». Разговор с Сориным по телефону. Он будет у нас в три часа. Тем временем мы зашли к Палладе — там Глеб. Пришли домой красить стол.

Опоздали — был три раза Сорин с князем Оболенским. Стали с Сережей решать — ехать или нет в Мисхор к Браиловским — из карт вытащила Пиковую даму, а из Кузмина вновь попало четверостишие, как и в прошлый раз, когда я всем гадала у Элиотов:

Пронеслась, исчезла конница,
Прогремел, умолкнул гром,
Пала, пала беззаконница,
Тишина и свет кругом.

Все-таки Пиковой даме больше поверили, и Сережа пошел за извозчиком, а я стала укладываться. Пришел снова Сорин, стал стыдить нашу трусость и успокаивал, говоря, что даже «Россия» спокойна сегодня и что «капитан С. пришел защищать украинцев».

Когда пришел Сережа, я даже встретила его предложением дать пять рублей извозчику и отпустить, но он вместо ответа лишь сказал: «На базаре уже [произошла] начались дра-

ки с выстрелами. Я встретил встревоженного Биленкого, он тоже советует уехать на несколько дней». Мы в три минуты собрались и поехали, и как хорошо сделали — не в смысле опасности, но что за успокоение ехать лунной ночью по кипарисовым аллеям, мимо деревьев, обвитых плющом, углубляясь в безмолвную, лунную ночь.

9 декабря _____

54 Вчера вечером фантастический приезд и знакомство с Браиловскими. Сережа их не видел десять лет. Столько воспоминаний, разговоров. Они знали Ольгу, Сережину сестру, Владимира Петровича. Они знают весь артистический мир. Я немного волновалась, не зная, как они меня примут, все обошлось мило и просто. Когда мы въехали в Мисхор, мы узнали их дачу по большому окну мастерской. Сережа вошел один в дом, но вскоре вернулся с Браиловским, который ввел нас в мастерскую, а сам пошел за женой. То, что мы после всех тревог, после продолжительной поездки в лунную ночь очутились вдруг в мастерской, обширной, полной картин, произвело на нас большое впечатление — точно сон. Римма Никитична и Леонид Михайлович нас накормили, напоили и оставили нас ночевать у себя. После краткого разговора в мастерской нас повели в столовую, где мы и были оставлены ночевать.

На другое утро Римма нам показала гобелены. Мы прошлись в Алупку, купили себе там кофе и мед. За обедом познакомимся со всеми кооперантами. После обеда Римма нас повела в верхнюю комнату, которая еще свободна и на несколько дней в нашем распоряжении. Там, пока ее убирали и топили, мы, сидя на кровати, говорили о Сережиной прошлой жизни и об Ольге. Римма производит хорошее впечатление здоровыми и острыми своими суждениями. Много видела, много наблюдала; туда же пришла Нита Сведомская, дочь соседки, вдовы художника Сведомского, приглашать вечером на свои именины и нас. Мы пошли. Неприятное столкновение с черносотенной компанией.

10 декабря _____

Воскресное утро, пьем кофе в мастерской Леонида Михайловича, где они нам рассказывают интересную, как роман, историю Ниты Сведомской, ее матери, ее бегстве к ним и так далее. Заходит какой-то архитектор, наводит разговор на политику. После обеда гуляем с Риммой Никитичной.

---

12 декабря

Приехали домой, обещав Браиловским переехать через неделю. Ехали верхней дорогой, тоже красота неопишуемая. Виды изумительные (горы в ракурсах). Въезд в Ялту, опять суета, людишки, дамы — стало противно! Комната у нас холодная, мы ложимся днем отдыхать, чтобы согреться. Только легли — Сорин. Обещали зайти к нему в пять часов. Заходит Бучумов. Вечером Савелий выбирает Сережины эскизы для выставки.

Предполагаем съездить к Коровину.

---

13 декабря

День знаменательный! Днем я Сереже читаю Диккенса, а он пишет «Комедиантов», заканчивает к выставке. После обеда он ложится отдохнуть. (Разговор о русской женщине. Сережа ее не признает. Я говорю, что люблю «восточность» в русских людях.) В шесть часов приходят Паллада и Сорин, пьем чай, едим колбасу и халву. Паллада презабавно рассказывает. Может быть, они переедут тоже в Мисхор. Сорин сообщает, что Коровин в Ялте. Сережа хочет пойти к нему. Я с Палладой в синамотограф. Потом встреча в кафе с Коровиным, Соринным...

Изумительно интересно говор<ят>. Сережа взволнован, у него щеки горят. «Я тебе потом подробно расскажу».

Об отъезде в Америку.

---

14 декабря

Мы так взбудоражены Коровиным, особенно Сережа, что с утра он идет к нему, чтобы переговорить серьезно. Пока одеваемся, говорим о событиях. Сережа подробно рассказывает, что говорил Коровин. «Ведь он прав! Ведь это говорит человек с большим зрением, большой декоратор». Я тоже ухажу менять присланную мамой шляпу. На набережной встречаю Сережу с Маковским. Сережа ждет Коровина. Мы идем в типографию. Расстаемся у гостиницы «Франция», куда Сережа идет к Коровину, а я иду домой, где шью, стираю, глажу. К пяти часам Сережа возвращается, взволнованный всеми разговорами. Коровин не может ехать сию минуту, он должен ликвидировать дела. Эти три дня какие-то решающие!

Рядом с Лениным заседает Вырубова! Монархия неминуема. Но что хуже всего — это отделение юга от севера. Боятся здесь десанта. Все так страшно! Сережа ложится отдыхать. Вечером заходит Сорин, я ему задаю вопрос как человеку здравого ума: «Верно ли, что говорит Коровин?» Сорин отвечает.

---

15 декабря

Я читаю Сереже Диккенса. Сережа работает и немного успокаивается. Все призраки, вызванные Коровиным, постепенно бледнеют. Днем немного гуляем.

---

16 декабря

Сережа с утра работает очень хорошо над «Седьмым небом», о котором так много говорят в Ялте. Я хочу пойти заказать Сереже подарок — альбом, но Сережа не пускает, и мы даем друг другу слово ничего не дарить друг другу. В пять часов заходит Савелий, они идут на заседание выставки, я иду на почту и за халвой. Возвращаюсь, когда уже совсем стемнело. Написала открытку Римме Никитичне, что, к сожалению, переедем после открытия выставки. На улицах продают вместо ёлок кедровые деревья. Вернувшись, Сережа рассказывает о заседании. Мы записываем цены этюдникам и картинам.

56

---

17 декабря

Я лежу в постели, а Сережа сидит за столом.

Мы завтракаем и говорим о половом акте, как приходит Билибин. Его приходится впустить. Я продолжаю лежать. Сережа одевается. Билибин рассказывает первым делом о том, как его бросила Рене, подробно, местами трогательно, но вообще он не убивается. В двенадцать часов он уходит, Сережа работает над этюдом «Под деревом», который он разрезал пополам. Дожидаемся обеда (сегодня пирог), чтоб вместе быть в пять часов у Сорина, где будет Билибин. Там рассматриваем Билибинские этюды и сказки и Соринские этюды. Вместе идем к Бучумову — там тоже смотрим его вещи. Затем домой. Вечером заходит Сорин. Говорим о живописи, о выставке, которая Сережу волнует. Сережа рисует новый натюрморт (его взволновала виденная живопись). Мы составляем критику для «Ялтинского голоса».

---

18 декабря

С утра заботы об окантовках и стекольщиках. Стекольщик режет стекла на балконе, я их прочищаю, затем Сережа их уносит в окантовку, а я привожу в порядок комнату к приходу Сережи, который сейчас же сядет за работу. Я мою волосы, Сережа приходит поздно к обеду, рассказывает много о выставке, о Коровине, которого встретил у Ravet. Садится работать за «Седьмое небо». Я читаю немного. Заходит Сорин с

Билибиным на десять минут. Сорин удручен событиями — всегда он держится молодцом, а сегодня совсем раскис. Решаем, куда переехать — к Билибину или <в> Мисхор. Сорин поедет с нами. Они уходят. Я на минуту захожу к Элиотам, передать что-то такое; когда Сережа заходит за мной, он опять нервничает и слегка ссорится с ними. Я ему делаю замечание по этому поводу, когда мы у себя в комнате. Сережу это нервит. Я не знаю, как рассеять его. К счастью, приходит Паллада с целым ворохом сплетен и новостей, одна из них потрясающая — это ее возможный развод с Дерюжинским. Она рассказывает о их несчастном браке и плачет. К ней заезжает часто Феликс, который, по-моему, играет страшную роль. Чего он вмешивается! Мы высказываем Палладе наши наилучшие чувства (я действительно считаю ее милым, добрым, несчастным существом, очень забавным и талантливым), даем ей советы: конечно, разойтись, если только будет устроена материальная сторона. Она уходит поздно вечером.

---

19 декабря

Я больна, к тому же ужасная мигрень, и остаюсь лежать в постели. Сережа уходит за газетами, на выставку, <к> Сорину и так далее. Возвращается лишь к завтраку в ужасном настроении. В Крыму началась борьба с большевиками. Под Симферополем был бой, в Севастополе расстреляны сто пятьдесят человек офицеров. В Ялте был митинг с угрожающей резолюцией против буржуев, и поэтому все в паническом состоянии. Сережа видел массу людей. Был у князя Оболенского (портрет Сорина). Сорин рассказывает, что Оболенский в восторге от Сережи. Говорил с Щербатовым, на городскую станцию заходил. Все встревожены, конечно, идут уже фантастические слухи. Возможно, что придется уехать куда-нибудь в глушь.

Сережа опять уходит за новостями. Является к обеду с невероятным известием: Бакст в Крыму! Он проверяет по телефону. Верно. Мы почему-то этому рады. Вечером Сорин. Газеты. События. Планы.

---

20 декабря

Пролежав вчера весь день, я сегодня встаю и привожу себя и комнату в порядок, слегка приготавливаясь к возможному отъезду. Сережа с утра ушел за новостями, газетами. Было решено с Сориним, что, если с утра миноносец или крейсер

появятся в порту, мы трое моментально покидаем Ялту, хотя бы пешком. Сорин не зашел — очевидно, крейсера нет. Как досадно, что выставка, наверное, сорвана. А Сережа и все вообще так надеялись на продажу!

Сережа заходил в завтрак на минуту, чтобы пойти в три часа на выставку, куда, говорят, приедет Бакст с Браиловским. Я мыла волосы, затем стала одеваться, чтобы пойти тоже на выставку за Сережей (Корнель с телеграммой от мамы), как явилась Паллада с кучей новостей о разговорах с Глебом и Феликсом по телефону. Ссора с хозяйкой, а главное, о митинге вчера, на котором она присутствовала и говорила речь, а затем пила чай с большевиками, с которыми она очень согласна. Они ее проводили до дому, и дружба заключена. С ней мы отправились на выставку, где застали Сережу не в блестящем настроении, так как он узнал очень неприятные вещи о предстоящих событиях и советует возможно скорей ехать из Ялты, чтобы не видеть возможных ужасов. Придя домой, пообедали, Сережа лег отдыхать, а я <стала> убираться. Когда Сережа проснулся, он тоже стал убирать вещи, и мы к вечеру почти все уложили. Это значительно успокоило настроение. Заходила к Элиотам и чуть не впервые говорили с ними мирно и складно. Легли рано спать. Всю ночь в городе горит электричество — это говорит о беспокойном настроении.

58

21 декабря

В городе спокойно. Все утро Сережа заканчивал свои работы, я укладывалась, одевалась. Мило разговаривали. Как будто есть какие-то надежды на то, что Бог пронесет беду. Утром получили премилое письмо от Биленкого. После завтрака Сережа отдыхал. Идет снег. Затем отправились на выставку, где художник-офицер Петренко (Грайворон), трогательный человек, сияющий, оттого что купил себе масляные краски и пишет целыми днями, влюблен в природу, рассказывал о событиях и настроениях среди солдат и офицеров. Татарский эскадрон вошел в соглашение с большевиками, и будто эти дни пройдут хорошо. У него б<ольшая> надежда на то, что вообще через месяц многое переменится к лучшему (Учредительное собрание и мир). На выставке много хлопочут. Говорят, был скандал по поводу забракованных вещей Краснушкиной. Приходила Сведомская ругаться. Вот баба. Сорин рассказывает, что среди публики паника по поводу закрытия банков, — ни у кого нет денег, значит, на продажу рассчитывать нельзя. Это ужас-

но! Мы с Сережей думали, что следует воспользоваться этой границей, а не ехать через всю Сибирь, и если будет мир, то пробраться в Германию; по этому случаю я начала учить Сережу немецким словам. Купили газету, пили чай в кафе Джалита, пошли домой, там раскладывали пасьянсы, говорили на тему, где служить, чтобы зарабатывать деньги, — кухаркой? дворником? и где, у кого? Зашел Элиот, он тоже в отчаянье, расск<азывал>, что в Петрограде образовалась артель гвардейских офицеров, работают разгрузчиками на вокзалах, а в Ялте два офицера поступили швейцарами. Если можно работать, то еще ничего, а что, если и работа не будет нужна?

Бакст все еще не приезжал на выставку. А так хочется по-расспросить его.

22 декабря

Мне снилось в связи со вчерашними разговорами, что Сорин стал парикмахером. Сережа ходил за газетой и за своими окантованными картинками. Вернувшись, сказал: «В Ялте господство большевиков» — и, сев на стул в наполеоновскую позу, стал мне разъяснять все положение России, Крыма и так далее. Его окантованные картинки — душки, жаль с ними расстаться, но я советую идти *va-banque* <ва-банк> и все выставить. Сережа уходит на выставку, я прихожу вслед через час. Там уже висят картины Браиловского, и они должны быть на выставке в четыре часа. Относительно Бакста ужаснейшее разочарование. Так, долгожданный Бакст, вызвавший целую бурю волнений, оказался не Бакстом, а Заком! По телефону перепутали фамилии. (Начальница водит меня по классам.) В четыре часа появляются Браиловские, до такой степени свежие, добрые и веселые духом, что нам хочется сейчас же переехать к ним, может быть, уже завтра. Они спокойны, говоря, что в Ялте все ходят перепутанные и бледные, а там спокойствие пока, конечно, ругаться нельзя, но вид у них, действительно, несравненно более свежий, чем у людей здесь. Знакомим их с Соринным, его приглашают и обещают ему работу, целую студию, много барышень и так далее. Он доволен, и он им понравился. Мы идем провожать Браиловских до базара. Домой идем воспрявшие духом. Сережа ложится отдыхать после обеда. Вечером клеим рамки.

На выставке сообщают сенсационные новости о войне с Румынией и Германией. Что за чертово время!

19-го Бакст не был на выставке. Говорят, он про себя говорит: «Я сам не понимаю, как я из Парижа мог попасть сюда».

23 декабря

Я заставляю Сережу энергично прописать еще раз «Седьмое небо», а то он его не хочет выставлять. Я уйду в библиотеку и аптеку. Всюду говорят о войне с Германией и, конечно, много вздору.

Возвращаюсь и поражена «Седьмым небом» — какая сильная, колоритная вещь! Сережа ее уносит на выставку. Затем возвращается, и мы несем остальные вещи. На выставке уже вещи Зака, великолепный по работе портрет, но сухой, академический. Сережа начинает развешивать, я захожу к доктору, он меня находит здоровой, и я, веселая поэтому, возвращаюсь на выставку. Я иду по дороге с Петренко, который говорит о Сереже: «Да, это большой мастер, ему много дано».

Там весело. Сережа острит с Дубинским. Приходят разные художники, говорят, критикуют. Сережа имеет большой успех. Билибин тоже. Я предлагаю ему за один рисунок пять фунтов сахара, одну перчатку, солдатское жалование и так далее. Смеются. Когда Сорин приносит портрет Орловой, все восхищаются — он действительно изумителен. Вечером заходят за нами Билибин и Сорин и уводят нас есть чебуреки, которых нигде нет, и мы пьем кофе в кафе «Монплеизир». Билибин нам читает свой перевод Овидия.

Сережа говорит о выставке, что она неожиданно приличная. Аполлон покровительствует всегда Сереже, и он должен вновь помочь ему.

Сон о дверях трехстворчатых.

Начальница гимназии и художницы.

Я получаю в подарок розы.

24 декабря

Утром Сережа радостным тоном заставляет меня встать и подойти к окну: все в снегу. Мы едем, едем обязательно в Мисхор, в Томсон Холь! Быстро все укладываем. Заходим на выставку (Паллада с кокаиновыми глазами рассказывает о Феликсе). Я закупаю пряники и угощение. Сережа идет за извозчиком. Трогательное прощание с Н. Ник. Мы садимся. Незабываемая поездка! Солнце, море, снег, боскеты в снегах, горы в вуалях, точно балетные декорации, море шумит, снег блестит, вначале попадаются навстречу сани с веселыми людьми, потом — никого. (Встреча с Долгоруким.) Приезжаем, рядом с нами в столовой молодежь ловит птичку. Мы быстро устраиваемся. Пока Сережа ходит с Риммой к Хотяинцевой относи-

тельно комнаты Сорину, я развешиваю платки и раскладываю вещицы. Подарки я получила по дороге: солнце, и снег, и влюбленную поездку. В восемь часов ужин с зажженными ёлочными букетами. Паня Зося дежурная и наготовила много вкусных блюд. Новый гость — пан Тадеуш, ее кузен. Вечером к ужину Сережа одевается, я тоже. Мы проводим часть вечера наверху у ученого, потом за гаданьем у пани Софьи.

25 декабря

Blonde femme de trente ans <тридцатилетняя блондинка>. Я угощаю всех шеколадом и пряниками. Сережа пишет этюдик и всячески угождает мне. Мы сидим дома. Вечером полеты на аэроплане. Я рассказываю Римме из нашей жизни. Сережа начал вечером с меня этюд за гаданьем — подарок мне.

26 декабря

Вернисаж.

Днем идем в Алупку к зубному врачу, потом гуляем в парке. Сережа мне показывает свои детские воспоминания. Рыбачий павильон. На обратном пути восхищаемся Крымом (я одета легко, под кн. Федора). Мечтаем, если Сережа продаст, купить десятину.

Приходим, разговор по телефону с Сориним. Продано на четыре с половиной тысячи — ура!

Вечером гости в мастерской. Дроздов — пианист и Блюменфельд (фокусы — порез пальца).

Наклеиваем разорванную тетрадку.

27 декабря

Я впервые дежурная. Все утро проходит в кухне в пререканиях с кухаркой Авдотьей Федоровной. Я волнуюсь, потому что Сережа накричал всем о моих изумительных хозяйственных способностях. Обед неважный. Ужин хороший. Главное, дешево. Днем сплю, в сумерки Сережа продолжает этюд, а Леонид Михайлович начинает писать меня с другой стороны. У Сережи очень удачно. За обедом и ужином оживленно болтаем со всеми за столом. Утром Сережа болтает с соседями и Риммой (обо мне).

28 декабря

Мой второй день дежурства. Более удачен. Я меньше в кухне. Кухарка раздражает ужасно своей болтовней и плачем по

старому режиму. После обеда все идем в Алупку. Я за то, чтобы купить большие запасы для хозяйства (в лавке). По дороге я рассказываю Римме о моем первом браке. Она говорит мне: точно я рассказываю о ней. Мнение Штакельберга обо мне: шикарная, великолепная эгоистка, дум<ающая> о своей красоте.

Римма замечательный человек, я как следует восторгаюсь ею. (Предлагает хозяину кофейни летать на аэроплане.) Сережа встречает Али в татарском клубе. Растроган встречей. Обратно идем с Blumenфельдом. Вечером у нас Римма и Леонид Михайлович, мы им читаем «Чужую поэму». Леонид Михайлович целый день лежал от мигрени.

29 декабря

62

С утра хозяйственные заботы, несмотря на то что дежурная не я, а Римма Никитична, моем и убираем шкапы для провизии, которую вскоре привозят, и я укладываю по местам всю эту массу муки, крупы, кореньев и так далее. Мою волосы дождевой водой — наслаждение. Сережа все утро проводит у Леонида Михайловича в мастерской, где говорит с ним об искусстве. После обеда (читаем рецензию) идем смотреть на наш горный ручей, который, благодаря таянью снегов, превратился в огромный водопад. Старые французские пейзажи. Придя домой, клеим Сережины летние рисунки, которые он таки вырвал из своей тетрадки. После обеда Сережа поднял разговор об эмиграции. Потом успокоился немного. Ждем Сорина к Новому году.

Перед ужином заходил Леонид Михайлович, с которым опять говорим о художниках (письмо к Рериху). После ужина уютно сидели в столовой.

Завтра начнем обучаться английскому языку.

30 декабря

Все утро наклеивали Сережины карикатуры и сочиняли к ним стишки. Потом я сажала лук, Сережа спал. Когда пришла газета и Сережа ее прочел, он стал в таком ужасном настроении, что я тоже разнервничалась и поплакала. Сережа пошел к Леониду Михайловичу за керосином и тотчас же вернулся с вестью, что с<евастопольский> флот заперт украинцами в порту. К ужину вышли в более хорошем настроении. После ужина Ольга Богдановна явилась переодетой. Сережа читал Римме лекцию об искусстве, вечер провели у них в мастерской. Римма показывала ковры. Говорили о художниках. Яновский умер.

1918 (1 января – 31 декабря)

1 января

Вчера приехала мама. Ночевала в нашей комнате за ширмами. С утра начались разговоры и рассказы о Москве. Мама навезла мне так много вещей. Пошли гулять. Солнце боролось с тучами (моя примета). При виде красот моря и виноградников мама даже расплакалась. После обеда в столовой остались сидеть мы с Риммой и Ириной Сергеевной. Стали читать ее пьесы и мой «Александровский рынок». Произвело впечатление! Мама переехала к Хотяинцевой, заняла мастерскую. Вечером проводили маму и сидели до двух часов у Сергея Валерьяновича, говоря об искусстве, о колонии, о женщинах, пока не пришла Ирина Сергеевна. Накануне Сережа пишет меня в оранжерее.

2 января

Днем солнце победило и залило всю вселенную. Я тщательно убрала комнату и вымыла пол (четыре упряжки по Льву Толстому). Мама пришла перед обедом, после пошли вдвоем в Алупку. Сережа, слегка простуженный, сидел у Черных. Молодой месяц. Вечером проект о Доме искусства.

3 января

Вечером играем в игры.

4 января

Едем с Жакье в Ялту. Сидим на выставке в секретариате и принимаем гостей, поэтому опаздываем к Палладе, у которой чтение с Феликсом. Обед в «Метрополе». У Щербатова. Синемаграф.

5 января

Купили икону за пятьдесят пять рублей. Встретили княгиню Щербатову. До этого с мамой и бар^{онессой} у Ravet. Туфли купили на выставке. Упаковка. Паллада. Обед в «France».

Отъезд в Мисхор. Там письмо от Паллады. Разговор о ней. Все заинтересованы. Крещенский вечер, гаданье у пани Зоси и разговор о любви до двух часов ночи.

6 января _____

Я дежурная, отсылаю Авдотью Федоровну в церковь и готовлю целый день сама. Поли. Выставка Судейкина. Рано спать. Нита. (Христос среди фарисеев.)

7 января _____

Сорин сообщает о своем приезде с Тищенко. Обедаем на воле (моя бестактность относительно невинности). Ковры, гуляем с мамой. Вечером говорим о женитьбе Сорина, о Сомове. Тищенко заказывает Сереже.

8 января _____

64

Сережа с меня делает очень удачный портрет. Заходят Шамины, все в восторге от него. На днях уезжает пан Тадеуш, и мы хотим пойти к ужину накрашенными. Я выхожу одна, в сарафане, в напудренных волосах и в гриме. Леонид Михайлович ездил по делам в Ялту. Привозит много неприятных новостей. Мне неприятно сидеть наряженной и слушать все газеты, новости. Все расстроены.

9 января _____

Сережа работает с меня. Заходит мама. На душе тяжело. Говорят, Ялту захватили большевики и начинается сражение.

12 января _____

Сегодня у Хотяинцевой первый день «питательного пункта» с надписью «cuisine populaire <общедоступная кухня>». До обеда я вожусь в маленьком домике по хозяйству (мы первую ночь как спали), а к Сереже пришла его «ученица» Черная Штучка. Они разговаривают в другой комнате, так называемой «мастерской», и Сережа, когда я вхожу, говорит такую фразу: «Я, не правда ли, Веринька, могу совсем серьезно говорить с Екатериной Григорьевной, так серьезно, что, например, я ей говорю, что могу ей говорить “Ты”, а она мне “Вы” — ты понимаешь это?», — и он целует мне руку. Она сидит у окна на далеком расстоянии, и я чувствую, что она вся наэлектризована. Я редко захожу в комнату, слышу только, как Сережа говорит ей о стилях, о Сезанне, о Кузmine. Как у него все искусства переплетаются в одно целое,

и живопись, все-таки, стоит на первом месте. Я причесываюсь, так как обещала Хотяинцевой прийти к обеду не в повязке, а в прическе. После обеда позирую хорошо до пяти часов. Сережа и Савелий довольны работой. Как странно, что Савелий до сих пор не находит форм, как-то дробит и мельчит, а у Сережи уже теперь, хотя он работал меньше, формы так и лепятся, колорит еще не совсем правильный, но это потом явится. В пять часов они идут к Соколову, а я к Лидии Никитичне (там они получили письма из дому). Затем ужин. Мне Тищенко прислали два яблока. После ужина, который нас раздражает (1. говорят о политике все одни неприятности, 2. пани Зося опять заносчиво болтает об искусстве), мы спешим в домик и там успокаиваемся — уютно, тепло, горит лампа. Приходят Ирина Сергеевна и мама. Мы прेमилло сплетничаем.

13 января

Вся неделя со вторника — борьба большевиков и татар. Все дни слышна была канонада со стороны Ялты. Были жуткие минуты, были и странно спокойные: гуляли с собачкой и прेमилло болтали. Татарин, который приносит молоко, то сообщал пространно о победе татар, то молчал. Сережа сильно волновался минутами, его предчувствие, что в Ялте будет неспокойно, подтвердилось, и он вовремя увез меня. Теперь он думал, что следует уехать <и> отсюда. Кругом живет слишком много аристократов и винный подвал. Вчера они с Риммой ходили к Долгоруким просить вылить вино — это сделано. Ходили вдоль С<алгира>, смотреть, куда спастись в случае сражения здесь. В первую ночь приходили большевики говорить по телефону, вежливы. Вчера я водила Таню в земскую больницу, у нее выкидыш. Шел дождь, проходили мимо оливковой рощи — канонады не слышно — очень спокойно, а в Кореизе идут беженцы из Ялты с белыми узлами. Кухарка по вечерам приходит плакать, что татары будут резать русских. Мы ее успокаиваем. Пан Тадеуш уехал вчера, и всем было грустно при отъезде. Дали ему ворох писем с собою в Москву. Берем английские уроки. Ирина Сергеевна и я знаем больше всех. Комнату всю прибрали. Убрали все лишние вещи. По утрам проходят крейсера и миноносцы. Канонада порою становится жуткой. Телефонные разговоры с Ялтой прерваны. Ничего не знаем о Сорине. Есть храбрецы, которые ходят в Ялту. Mr Smith узнавал о Сорине. Гостиница заперта, никого нет. Все в горах. Ужасно, безумно! Когда гуляли, встретили Дроздова и Блуменфельда, у них уже

был обыск — вежливый. По дороге сообщили, что офицеры расстреляны (Оболенский с <Долгоруким?>). У меня покалывало сердце. Я чуть не плакала, идя домой. Что предстоит. Завтра, говорят, будет самый ужасный день в Ялте. Сметут ее с земли. Боже, останови их. Спим полураздетые, ждем обысков и разбоев. Иногда становится хорошо на душе, являются надежды, надо соблюдать гигиену души и ничего не слушать и не видеть, тогда, может быть, спасешь ее (душу).

16 января _____

Разговоры о Петре — скандал в кооперативе. Вечером после всех выясняющих разговоров Сережа рассказывал о Арапове, Дриттенпрейсе и Феофилактове.

17 января _____

66

Сегодня такой изумительный, весенний день. Так радостно в природе и на душе, что не хочется думать о скверностях. Утром Сережа рассказывает о своих мыслях по поводу своей жизни. Вот приблизительно, что он говорит: его поколение так быстро жило, так много впитывало в себя жизнь, что все рано умирали (Сапунов) или же становились преждевременно стариками (Арапов, Феофилактов), он же до встречи со мной тоже становился до такой степени развращенным, мудрым и грешным, что он погиб бы, безусловно, если бы не я, которая остановила как-то всю жизнь, дала ему отдохнуть, и он сделался снова молодым, в нем бурлит жизнь, новое творчество, он чувствует, что передал свои грехи мне, они же стали во мне не грехами, а мудростью. И он, сломав свою прежнюю жизнь, возродился к новой, полной сил жизни и чувствует, как из него лезет творчество.

18 января _____

Вчера был божественный день. Ясное небо, солнце, так жарко — что жарко в платье. Сережа и я ходили в горы, шли тропинками вдоль Салгира. Нашли грека — на поляне плоский домик с множеством пристроек и клетушек для кур, свиней, которые тут же ходят. Петухи поют на солнце, собаки нежатся, уютно до бесконечности. Грек может сдать с 1 апреля одну клетушку. Мы мечтаем построить подобную, вымазать внутри и снаружи глиной, выбелить и расписать ее. За все время нашего пребывания в Крыму я так не наслаждалась Кры-

мом. Свежесть, радость, простор. Наверху лучше жить, чем внизу. Если бы можно было бы купить клочок и устроиться. Но люди ведь подлы — доберутся и испортят все. Перед обедом сидели у мамы на террасе. Жарко. Такое же солнце было впервые, когда закончились сражения в Ялте. Я тогда сказала Римме: «Солнце взошло, точно над трупами, и как будто новое поколение начало жить». Днем спали. Я читала «Откровение Иоанна». Перед ужином я играла с Леонидом Михайловичем в шахматы, а Римма стояла с Сережей на балконе и среди звезд рассказывала Сереже о своей большой любви. Вечером они сидели у нас, и Сережа досказывал историю Кузмина—Князева и Ольги, я им читала стихи Кузмина из этого периода.

Говорят, цветет миндаль. Римма видела его на звездном небе. Сегодня день тусклый, но тем не менее мы пошли гулять en trois <втроем> — рассказывали об Ольге, о [кн. Долгоруком] (встретили по дороге его маленькую дочку). Сережа написал, придя домой, этюдик. Я хочу бороться с настроением, хочу достигнуть истинной свободы, не хочу чувствовать страха — а только чувство самосохранения. Не думать о том, что третьего дня у нас с обыском были большевики, а вчера они отняли у соседей автомобиль и что, может быть, придут к нам уже не большевики, а просто громилы.

Когда я писала дневник, вошел Сережа, только что вышедший писать этюд, и сказал: «Савелий приехал», таким голосом, что мне стало немного страшно. К удивлению, Савелий улыбался и казался веселым. С небольшим чемоданом, в фуфайке, немного небритый. Его сопровождала барышня, и я в первые минуты не могла понять ее роли. Оказалось, что она спасла Савелия до некоторой степени, то есть предложила ему и Тищенко переехать к ней. А сейчас Савелий предложил ей проветриться, прокатившись к нам. Начались рассказы, которые взволновали нас на два дня, особенно Сережу, у которого даже вспухли десны на второй день. Барышня эта осталась ночевать у мамы и на следующий день вместе с мамой уехала обратно. Мама вернулась через два дня с массой провизии и по обыкновению с оптимистическими воззрениями на жизнь.

21 января

Савелий еще у нас ночует, и мы утром пьем все вместе чай и едим роскошную яичницу с колбасой. Сережа и Савелий ходят смотреть маленький домик, который подойдет скорее нам, может быть, возьмем его летом. Мы занимались английским

уроком, когда они вернулись. После обеда Римма читала нам свои воспоминания в виде комедии (о получении наследства). Шел дождь, поэтому сидели дома. Римма прочла «Ал<ександрийские> стихи» Кузмина вслух очень скверно и неритмично, тем не менее я каждый раз трогаюсь до слез. Так как у Сережи опять пухнет десна, то он капризничает. Сели к себе вдвоем и стали разбирать его рисунки и карикатуры, чтобы наклеить. Пришел Леонид Михайлович и стал рассказывать свои воспоминания об Академии, о засилии немцев, об экзамене, о своем разговоре с Никол<аем> о перевороте Академии, о Сомове, Званцевой и так далее. Я сказала, что стану записывать его рассказы. Сережа, кажется, разобиделся, потому что сказал вдруг, что вовсе не все так уж интересно, чтобы стоило записывать. Леонид Михайлович ему простил, потому что любит его и видел, что он в капризном настроении, благодаря болезни своей. Заходила мама, пришел Сорин.

68

После ужина Леонид Михайлович и паня Зося ушли на «бал» к Дроздову и Блуменфельду. В столовой остались сидеть Римма, Ольга Майдель, Ирина Сергеевна с отцом и мы трое. Говорили, какой вкус у Сорина, каких женщин он любит. Сережа стал описывать его женских друзей: Карсавину, Вейнер, Ольгу Орлову, баронессу Штенгель и так далее. Говорил очень остроумно и весело. Перешел на характеристику Карсавиной и рассказал бесподобно о ней в Париже, о «Саломее», об индийском радже, о Ротшильде и на бис рассказал еще о постановке «L'après midi d'un faune <Послеполуденный отдых фавна>». Успех имел феноменальный. Я слышу в десятый раз, но каждый раз с трепетом.

Для успокоения перед сном раскладывали пасьянс.

22 января

Сережа два раза ходил в Алупку. Первый раз с Сориним, второй — со мной, потому что у меня безумно болел зуб. В его первое отсутствие были большевики. Римма сказала: «Теперь я понимаю всех барышень и юных женщин, которые отказались от любви. Они ждали большевиков, таких красавцев, что сравнить нельзя с хилыми, интеллигентными мужчинами».

Днем спор с паней Зосей о польских художниках. Она меня невероятно раздражает.

Вечером безумный спор о живописи с Сергеем Валерьяновичем, такой спор, что мне стало страшно и я, уйдя к себе, плакала. У всех все-таки нервы безумно напряжены.

23 января

У нас в комнате уборка. Моем и приводим в порядок. После обеда (обед хороший, потому что кухарка) идем к маме. Сорин будет писать мой портрет, и мы ищем позы. Я в белом на темном, гладком фоне. Мама варит шоколад. Сообщают о декрете б<ольшевиков>. Что двадцать м<иллионов> требуют с города Ялты. Сорок восемь часов. Английский урок. Вечером читаю свои описания прошлого года. Леонид Михайлович и Сережа присутствуют. Поздно вечером до двенадцати говорим о событиях с соседями. Нита в истерике по поводу страха большевиков. Странная она христианка.

24 января

Ночь спали слегка тревожно. С утра Сережа умчался в Алупку с Савелием. Я стирала белье. Сережа капризен, но в меру. Спит до обеда, пока я сижу у мамы. После чаю уютно говорим с Риммой, читаем ей письма, говорим о разных салонах (Ростовцевой, Бенуа). Заходит мама — мы сидим в столовой, раскладываем пасьянс. Мне так хотелось бы заняться серьезно писанием дневника и мемуаров. Нет спокойных минут.

Мы совсем перестали читать и уютно сидеть — всё события.

25 января

Сегодня безоблачное небо и солнце, поэтому я не желаю говорить о событиях и злюсь, когда Сорин и Сережа читают выпуски. После кофе я стираю и развешиваю белье перед домом, а Сережа ходит с красками вокруг дома, наслаждается и ищет мотив для этюда. После обеда идем к маме позировать. Моя поза следующая: в виде музы, в белом платье, подчеркивающим мою античность, со свитком в одной руке и пером в другой — не то я пишу мемуары, не то вычерчиваю любимое имя. Сережа делает этюдик красками, а Савелий карандашом набросок подготовительный. Мама угощает нас кофе и ликером. Вернувшись домой, я иду на английский урок, а Сережа говорит несколько примирительных слов со Сведомской: «Вы монархистка, а я революционер и поэтому бывать у Вас не буду. Но лично против Вас ничего не имею». Пока мы позировали, были Поли и принесли газеты — страшно интересные новости. Сережа слушал чтение газет, пока я была на английском уроке, и после ужина упраскивает меня выслушать его мнение о событиях. Ленин, по его мнению, делает чрезвычайно великое дело — он заражает весь мир революцией, и, безусловно,

славянский дух не погибнет, а утвердится, несмотря на то, что Россия будет оккупирована. Если я буду абсолютно верить ему, то он научится предсказывать в совершенстве. Идем к Черноярным (Василий Лазаревич все еще в Ялте) слушать газеты. Одна оказывается от 25 декабря. Когда все уходят, мы еще болтаем с Черноярными, я рассказываю о своих зарубежных профессорах-знаменитостях и о гигиенической выставке. Спим не очень крепко, так как Тявка лает часто.

После обеда мы ходили смотреть комнаты на даче Ухова. Там очаровательно, но замечательнее всего сторож. «Я живу как в раю, потому что у меня Бог в сердце!»

26 января

70

Погода холодная, дождичек, поэтому и настроение хуже, хотя и есть намек на солнце. До обеда позирую. Сережа дописывает этюдик — прелестно. После обеда (разговор с Ниной Александровной) идем в Алупку: я к зубному врачу, Сережа с корзиной за провизией. Провизии мало. После ужина разговор с Риммой о самцах, Комаровской, об Алеше, о Сорине (сидячий половой вопрос). Идем наверх к Черноярным, где сидит Сорин. Мы слегка дразним его. Играют Бородина и Калинникова. Спор о кухарке. Если кооператив распадется, то мы переедем на маленькую квартиру. Сережа стал очень вспыльчив. Черноярв даст мне *Le Dantec*'а.

27 января

Я дежурная, сегодня легко, потому что кухарка. Перед обедом сидим у Сергея Валерьяновича и разговариваем, после обеда сидим в столовой. Ирина Сергеевна и я шьем, а Сережа отдыхает и говорит по поводу всего частушками. Затем он переходит лежать в спальню, и в ту же минуту целый ряд событий сваливается на нас: Сорина зовут по телефону дважды, а он с Леонидом Михайловичем ушел к Полям, кто-то кричит: «Василий Лазаревич приехал», я выбегаю — «нет — Щербатов», а наверху над куртинами стоит фигура адвентиста, который кричит: «Где Сережа? Хочу его видеть!» Пока я привела немного в порядок, будила Сережу, провела адвентиста, Щербатов тем временем наткнулся на грандиозную уборку (на биде и горшки) и заторопился увидеть гобелены. Я пришла в мастерскую, когда они уже смотрелись. Затем я приготовила чай, и мы уютно сидели. Удивительные времена (*La prise du château* <взятие замка>), а сидим спокойно. Щер-

батов толст по-прежнему. Римма удивлена: чем он мог бы питаться. Ходил смотреть комнату у Хотяинцевой. Я обещала ему муку. (Хочу открыть лавочку, кооператив обещает купить у меня.) К ужину пришли Леонид Михайлович и Сорин, который в восторге от Ян-Рубан, она обещает петь у нас. Английский урок у нас не состоится, сначала потому что должен к Чернояровым прийти адвентист и читать о слове Божьем, затем вследствие ошеломительной новости — приезда Василия Лазаревича. Я бегу за Сережей к адвентисту, там сижу без него пять минут: в обстановке нотариуса.

28 января

Вчера вечером мы слушали адвентиста, с которым Сережа говорит сначала наедине и пропускает даже ужин. Возникают споры между Чернояровым и Сергеем Валерьяновичем. Все присутствующие верят в Дух Божий в той или иной форме, за исключением Чернояровых. Я хочу принять участие в споре («мне наука помогла открыть Бога»), но Сережа шепчет мне, чтоб я молчала, потому что адвентист всецело на нашей стороне, но он не очень умен, и не надо его очень сбивать в присутствии Чернояровых. Когда идем спать, и на следующее утро, говорим не о событиях, потому что не хочется верить, а об адвентисте. Я говорю, что он туповат и не очень образован, не знает философии, эстетики и науки и не очень тонко объясняет Бога. Кроме того, его образ жизни и внешность идут вразрез, и это раздражает. Сережа говорит, что его христианство — большая заслуга, что он говорил с ним наедине, и тот признал его ум и тонкость.

Сережа моется до обеда, а я убираю комнату и мою пол. После обеда идем к маме, там лежим на солнце и смотрим журналы (Ed. Manet, Rodin). Заходит Савелий (он виделся сегодня с Ольгой Орловой романтическим образом).

В сумерках — английский урок. После ужина у нас сидит Римма, я отдаю счета после дежурства, рано идем спать. Под секретом сообщает Леонид Михайлович о Mr Smith.

29 января

Мы очень свежи сегодня, погода хорошая, я тщательно вымылась, готовлю вкусную яичницу. Мы выспались. Сережа принимается за работу. Заходит Римма, говорить о Сорине и Орловой, о его честолюбии, его мечтах и так далее. Сережа работает «Лунный фейерверк» — еще в Алуште начатый

эскизик выходит очаровательно. Я после обеда иду с Риммой, Сергеем Валерьяновичем, Ольгой Богдановной в Алупку к зубному врачу и за покупками (до обеда были [обыски у Дёмкиных, Сведомской и так далее]). По дороге Римма и Сергей Валерьянович говорят обо мне и спрашивают, в каком я сейчас стиле и какие у меня были стили. Встречаем Нену Шт<акельберг> с мужем. В Алупке нас догоняет мама. Мы сидим в кафе у толстяка, мимо окна проходит Сазонов, в кафе приезжает барышня, хорошо одетая, в сопровождении кавалера-вольноопределяющегося, оказывается — переодетая женщина. На обратном пути встречаем Леонида Михайловича с Дроздовым и Блуменфельдом и любуемся проходящими парусными лодочками и трехмачтовым транспортом. Сережа все время работал. Заходит к нам Сергей Валерьянович. Сережа рассказывает о Врубеле, о начале его сумасшествия, как вышел петь Демона, как заказал челюсти, как написал Н.И. Мамонт<ова> в виде цыганки. После ужина (за ужином оладьи) у нас сидят Браиловские. Римма читает детские мемуары — очень хорошо — и путешествие по Египту. Я нахожу в ней и себе много общего.

Ложимся спать рано, тревожно, потому что раздаются песни и крики.

30 января

Я спала с уймой снов — проснулась — увидела в висячем чемодане и мешке повесившегося Шаляпина. Убрались и напились кофе рано. Звонил Савелий из Ялты — просил сообщить Хотяинцевой, что нижний этаж снимают Тищенко и Соколов и что они приедут через два часа. Сережа пошел к Хотяинцевой, а я привела в порядок хозяйство. Хочу пойти заниматься английским языком у мамы — говорят, что сочтут это за кр<иминал>. У мамы Сережи не оказалось, он уже ушел и сидел у Леонида Михайловича, и Михаил Васильевич там играл на рояле и чудно сыгрался, так что вечером мы все пошли слушать их «ensemble <ансамбль>». Кроме того, играла Ирина Сергеевна с ним Mozart'a и Raff'a, изумительно приятно. Сережа хочет с них сделать набросок. Под музыку мы проектировали поставить несколько полек. Я должна им поставить. После обеда заходили Штукенберги — хорошенькие особы — просили Сережу показать карикатуры. Пришла мама — занялись уроком. Приехал Савелий (Тищенко и Соколов уже переехали). Рассказывал, с каким трудом получил

пропуск, стоял в очереди два часа. Сравнительно тихо. Поклоны от Чайковского. Ялте поставлен последний ультиматум — еще два-три дня. Безумный ветер и вьюга сегодня.

31 января

Вчера заснули спокойно, «в такую погоду никакой черт не помешает». Утром пришел Савелий и пошел с Сережей в Алупку. Из Алупки выпускают теперь до шести часов. Они там говорили, особенно с Сережей. Я ходила с мамой чуточку гулять, но пошел легкий снег. Странно, что так холодно. На меня сильное впечатление произвел рассказ Риммы о том, как хоронили убитого протоиерея Александро-Невской Лавры и пели «Христос воскрес» в несметной толпе. Римма рассказала об этом за ужином (вчера), и мы чуть не плакали. После обеда начался интересный разговор о любви (Mr Smith безумно влюблен в паню Зою), но Сережа с Савелием скоро ушли к адвентисту искать комнату Савелию. Адвентист опять говорил о Христе («Помолимся вдвоем»). Я сидела у мамы. Потом Сережа спал, а я шила, писала, раскладывала пасьянс.

После ужина заседание у Чернояровых по поводу кооператива. Римма предлагает дать ему спокойно распасться и готовить самим. Когда пришел Сережа, я предложила поступить кухаркой и взять всех на пансион. Сережа возмущается и не позволяет. Потом перешли на разговор о воспитании — каждый сказал, как бы он воспитывал своих детей. Остались мы одни. Я говорила с Ниной Александровной о балете, а Сережа о «духе» и о Лескове.

1 февраля. <четверг>

Сегодня принесли листок относительно обложения Мисхора (пояснить) и других мест. Война кончилась.

У меня болит десна — я поэтому не позирую. Вечером я показываю танцы Нине Александровне и Ирине Сергеевне.

2 февраля. <пятница>

Спали крепко (после упражнений танцевальных). Шутка Сергея Валерьяновича. Сережа идет в Р<айонный> К<омитет>, приходит обратно с ф<инансовой> карточкой. У нас Соколов, расск<азывал> о Ленине и так далее, со всеми хорошо знаком. После обеда Сережа спит, я мою волосы. Захожу к маме. Идем наверх в мастерскую, там Дроздов. Затем

наверх к Чернояровым. Сережа рассказывал о своих детских способностях и занятиях. Я Нине Александровне о балетной школе. После ужина говорим, три дамы и Сережа, о пане Зосе и ее грубости (особенно по отношению к Mr Smith). Она тип скрытой кокетки.

3 февраля. <суббота> _____

Сегодня я дежурная. Сегодня же решили начать серьезно портрет. Позирую у утром до обеда, и после. Мама поит нас шоколадом. Сережа и Савелий работают одинаково, то есть тот же размер и та же последовательность работы. Когда наступают сумерки, мы идем отдать визит Тищенкам. Они ушли в Алупку. Мы сидим у Савелия в комнате и читаем газету. К семи часам приходят все. Мы переходим в столовую. Квиль рассказывает о пропавшем багаже, в котором Эльсгеймер, бронзовая Тальони и сахар, десять фунтов. Соколов рассказывает о скучном дневнике Фредерикса, который случайно попал в его руки. Вечером сидим у Чернояровых и читаем о Сезанне. Я читаю вслух. Сережа и Римма делают с меня набросок. Адвентист сидел рядом и говорил с Михаилом Васильевичем о темных силах и спиритизме.

Под конец вышел спор. Когда я сошла вниз, я так была возмущена адвентистом, его издевательствам над религией, что сказала речь об истинной вере и истинной религии, а не о фокусничанье адвентиста. Кончила слезами.

4 февраля. <воскресенье> _____

В Крыму зима — мороз два градуса. Я очень устаю, позирую и утром, и после обеда. В пять часов заходим от мамы к соседнему дворнику, его нет дома, но его жена заводит нам граммофон, и мы сидим в приятно-мещанско-теплой обстановке. Обещает дать нам кое-что из посуды и матрас без клопов. Приходим домой лишь к ужину. У Савелия, оказывается, был Щербатов и заходил к нам.

Дворничиха советует не покупать дров, а рубить в лесу.

5 февраля. <понедельник> _____

Позирую. Ссоримся слегка с Савелием — он привередлив относительно еды и всяких удобств, точно жил всегда в палаццо. После обеда ходили в Алупку. Я к зубному врачу и за провизией, которую отдаем в маленький домик, там уже висят занавески, а насадку с цыплятами перевели в прихожую.

Савелий уверяет, что мы не переедем, так как там нет удобств, что за избалованный человек! В Симеизе, говорят, обобрали всех дотла, оставили по сто рублей.

6 февраля. <вторник> _____

Савелий не пришел к нам утром пить кофе, думали, что доконали его вчера, оказывается, он провожал Тищенко и Соколова. Они уехали в Олеиз. Позировала. Он начал красками. Сережа раскрашивал рисунок. За обедом скандал с паней Зосей. Она груба и невоспитанна. Хочет уехать из-за нас. Римма с ней говорила и объясняла ей ее невоспитанность. Римма про нее сказала, что она так нервна, потому что ее бросил Сухотин. Наверное, тоже сплетня.

После послеобеденного позирования мама, напоив нас кофе, ушла в Ялту, а мы зашли к Леониду Михайловичу и застали там Штукенберг, которая принесла показать Сереже свои рисунки. Она — футуристка, интересна, талантлива до неожиданности. Сережа с ней говорил как мне, так, что у нее лицо разгорелось, и при уходе она жала руку и была довольна.

После ее ухода сидели в мастерской (наверху музыка), грелись у печки и en trois говорили о кооперативе, о всеобщем неуместном недовольстве, о том, что ее <Римму> почему-то считают хозяйкой меблированных комнат, а она художница и больше не хочет слушать об этом. О Петре.

Пришел Леонид Михайлович с Блуменфельдом, и играли в шахматы (ели дешевую ветчину). Зашла Сведомская — дура она и неприятная.

Вечером я дочитывала вслух Сезанна. Римма внизу в мастерской, а мы на балкончике.

7 февраля. <среда> _____

Я позировала до обеда долго. К обеду разболелась и не вышла. Сережа тоже ел со мной в комнате, отчасти из-за пани Зоси. Савелий вчера первую ночь спал в комнате рядом с нею и говорит, что с ней можно... с одного раза, но ему не хочется начинать истории, скучно. После обеда я не позировала, потому что лежала все время. Сережа спал. Ходили топить нашу квартирку. Там сыро. За ужином Римма говорила нам неприятности. Вообще настроение напряженное, и я делаю всевозможные выводы о людях, невыгодные для них. Ложась спать, я по этому поводу говорю с Сережей.

8 февраля. <четверг>

До обеда занимались хозяйством, шила мешочки для Сережиного табака, укладывала вещи. (Римма сидела у нас.) Сорин мерз и не находил себе места, сидел то в столовой на одном диване с Ириной Сергеевной, которая вышивала, то заходил к нам. Ему как-то скучно и неудобно. Позирую я только после обеда. Потом мама нас поит шеколадом. В Алупке происходят обыски. У нас пока спокойно. Дни стоят холодные, мы мечтаем о солнце. После позирования, часов в пять пошли собирать валежник, шли по взрытой земле, через ручеек. Небо очистилось, розоватые облака, молодой месяц, чувство близости земли. Сережа вспоминает барбизонцев. Нам хорошо, мы чувствуем себя вольно и счастливы, что переезжаем в маленький домик. В кооперативе каждый день ссоры и разговоры, главным образом относительно Петра. Следовало бы записать подробно, так это курьезно.

76

Вечером у Хотяинцевой. Рассказы. (Римма — два рассказа. Ее куклы. Сорин и Сережа.)

9 февраля. <пятница>

Солнце! Наконец безоблачный день! Мы идем топить домик. Потом позирую до и после обеда. Мама принесла керосинку из Алупки, там происходят обыски. После обеда я позировала только час, потому что приехал Павлов с Ор<ловой> за Сориным, и он поехал с ними. Мы топили дом, перенесли кое-что, купили два пуда картофеля, завтра переедем, даст Бог. До ужина занимаюсь языком. За ужином опять разговоры о прислуге, о распаде кооператива (паня Зося уже переехала в дачу Ухова). Хотят уговорить Хотяинцеву устроить кооперативный пансион для всего Мисхора. Римма говорит неприятности Леониду в его отсутствие, что он муж, симулирующий любовь к ней и унижающий ее при посредстве Петра.

У меня трещит голова, я свернула нерв при позировании, я все-таки выхожу пить чай. Мы en trois с Риммой делаем résumé <резюме> вчерашнему вечеру, и Римма талантливо передает свои впечатления о французе. Как он гипнотизирует живущих с ним женщин (даже маму).

11 февраля. <воскресенье>

Воскресный светлый день. Мы все перенесли в домик еще вчера и сегодня только спали тут. С утра идем туда. Ирина Сергеевна сидит у окна и вышивает, а Сережа наколачивает

картинки, я же стелю постель. Покупаем дрова. После обеда, в пять часов заходят Штукенберги. Маленькая блондинка очаровательна, и мы хотим женить Савелия.

13 февраля. <вторник> _____

Сереза ходил в Алупку за баранками и керосином и пришел с ужасными вестями (в Севастополе резня). Был так удручен и уставши, что я ходила за обедом, и мы обедали дома, а после обеда легли отдохнуть на четверть часа. Я взяла читать «Серапионовых братьев», и стало так хорошо и спокойно. Постели стоят около окна, а в окно светит солнце. Но пришла мама сказать, что Савелий уже ждет. Позировала три часа. Савелий что-то злой. Ушел за пять минут до конца и не пил кофе. Мы съели зато его порцию оладий. У него ужасно тяжелый характер. Позировать ему мука. Поправляет каждую минуту. Не терпит в комнате посторонних людей, звуков, ни читать вслух, ни музыки — все ему мешает.

Как ушел, так мы его больше и не видели, потому что ужинаем мы тоже дома. Ирине Сергеевне он сказал, что Судейкины сегодня очень злы. Почему? Часов в шесть заходит к нам Римма и поражается картиной. Перед пылающей плитой я сижу и на углях жарю зайца. Голландия! Она меня начинает расспрашивать, какой я была до встречи с Серезей. Говорят, я была очень элегантна и великолепна, а теперь безумно изменилась. Говорим о времени. Сереза рассказывает о своем отце. После ужина заходит Ирина Сергеевна, опять сплетничаем и рассказываем ей о нашей уютной жизни в Алуште и у Каломийцева, показываем карикатуры.

Забегает мама, приносит купленное ею масло для меня. Завтра день рождения Савелия, и мы хотим угостить его шеколадом и баранками с маслом. А в прошлом году (Карсавина etc.!).

14 февраля. <среда> _____

Только мы хотели позвать Савелия пить с нами утренний кофе, как он сам постучал в дверь и сказал, что едет в Ялту с Соколовым, вечером вернется. Я радуюсь, что не позирую, и предвкушаю послеобеденный отдых. Мы уютно пьем кофе, едим зайца. Сереза колет дрова, я убираю и чувствую себя так хорошо в этом домике, что, стоя в его дверях, хочу зазывать и угощать всех проходящих. До обеда Сереза развешивает этюды, затем идем гулять, смотреть, цветет ли миндаль. По-

года мягкая, совсем весенняя, с птичьим говором и нежными дуновениями. Мы нежно гуляем. На обратном пути видим Блуменфельда в белых туфлях, последних, так как другие у него украли. Он производит впечатление человека накануне самоубийства.

После обеда (мы теперь едим дома) Сережа укладывается спать. Вставши, мы прибираем комнаты, кое-что меняем. Я варю кашу, готовлю оладьи к приезду Савелия, вечером у нас будут гости. Заходит мама, говорит, что позовет всех к себе на рождение Савелия. Идет за вареньем в Алупку. К нам заходят мимоходом Леонид, Блуменфельд, Дроздов. Блуменфельду страшно нравится, и он взволнован <тем>, что Сережа ему предлагает свои ботинки.

Ирина Сергеевна сидит у нас минуточку — говорит о Соринских портретах. Странно, что он у более понимающей публики не имеет особого успеха.

78

Я топлю у мамы печь, возвращаюсь к нам, у нас сидит и болтает с Сережей Павлин Александрович, наш дворник. Я колю дрова, и он говорит, что, должно быть, я не привыкла к такой работе. Я ему на это рассказываю, как мы жили без услуг чьих бы то ни было целый год и до революции. Они все все-таки думают, что мы играем комедию.

Сорин приезжает уже после ужина, и мы в девять часов собираемся у мамы, на этот раз говорим только о политике, и с большим жаром, потому что делается что-то невероятное, какое-то фантастическое, бешеное скерцо. Немцы наступают и в шестидесяти верстах от Бологова. Все встревожены событиями в Севастополе и беспричинной резьбой рабочих, женщин и детей. Господи, дай же разум и сердце им.

В Мисхоре сплетни даже про Тявку, что она презирает наш демократический дом.

15 февраля. <четверг>

Вчера вечером еще раскладывали пасьянс и топили плиту, чтоб создать уют и забыть о событиях. Заснули хорошо. Сегодня чудный день. Сережа ухаживает за мной, топит печь, варит кофе, приносит хлеб, а я лежу, и затем в мастерской мило говорим, готовимся пойти на «мотив», рисование козлят. (Сережа рассказывает предположение о Римме.) Приходит Черная Штучка и нарушает наше желание. Сережа начинает ее неистово бранить. Ее рисунки — это бездарная китайщина с петербургской эстетикой. Почему «Утренний кофе»

и люди без волос и ушей? — «Я так вижу». Меня зовет Ирина Сергеевна в кооператив делить оставшиеся продукты. Их так мало, что получается одиннадцать трогательных кучек с кусочком мыла, муки, перловой крупы и луком. Точно подарки дворникам на праздники. Сегодня мы не позируем, так как Сорину не до работы, он расстроен сведениями. Мы говорим о том, что, может быть, будем принуждены идти в горы. Сережа идет с Сергеем Валерьяновичем и Савелием в Алупку за газетами. Я собираю хворост, а в пять часов иду с Ириной Сергеевной и Олей Майдель к маме доедать вчерашнее пирожное. Мы мечтаем там о лучшем будущем. Как душа стосковалась! Газет не было. Сережа вечером мне рассказывает о петербургской и парижской жизни кутил, о том безобразии и гадости, в которых все жили, и что вызвало революцию. Мы в девять ложимся спать. Спим чудно.

16 февраля <пятница> _____

Утро дивное, отоспались великолепно! Еще лежа в постели, открываем окно — солнце, море, воздух весенний, кудахчут куры, блеют козочки. Господи, как хорошо! Сережа растапливает плиту, мы болтаем и распоеваем. Заходит Савелий, но быстро уходит, так как ждет Соколова и О. Орлову. Сережа уходит за водой, вдруг возвращается Савелий, и по лицу вижу, что что-то случилось. Он задыхается: «В Ялте началась резня буржуев. Я иду к Соколову проверить». Сережа идет с ним. Я готовлю все необходимое, <чтобы> идти в горы. Когда же кончится все это. Когда не будет больше запаха крови. Как-то боишься мечтать о спокойных временах — такими далекими кажутся они. Я молюсь с маленькой иконой, чтобы все оказалось неправдой. И действительно, через полчаса явился Сережа с вестью, что все сильно преувеличенно: «Не в Ялте, а в Симферополе, и то еще не вполне достоверно». В Ялте все ожидают набега и готовятся, но пока все спокойно. Мы рады и довольны. Обедаем. Перед обедом Сережа ходил в Алупку в комитет относительно нашего брака. Хотим венчаться завтра гражданским браком. Для этого иду сниматься. После обеда заходят к нам Ирина Сергеевна и Савелий, пьют кофе. Я прошу Сережу повторить им свой вчерашний рассказ о Париже, он это делает. Мы все идем в Алупку в хорошем, веселом настроении. У зубной врачихи в саду цветет миндаль. Мы сидим в турецкой кофейне, где играют в домино. Пьем кофе из маленьких чашек, проходит мимо Белая

Штучка в костюме сестры с пучком цветов в руках — трогательна и юна. Идем все к ним, там сидим полчаса. Савелия дразним его склонностью к Беленькой Штучке, она ему гадает. Сережа тоже острит. Мы уходим, пригласив их к завтраму. Выходя из сада, видим поразительной красоты татарина шестнадцати лет. Сережа трогает его лицо, чтоб сказать ему, что он красив. Перед ужином, когда у нас сидит Леонид Михайлович, заходят переодеться большевиками.

17 февраля. <суббота>

80

Вчера, когда мы уже раздевались, чтоб ложиться спать, пришла Римма с Олей Майдель, и мило болтали. Сережа снова рассказывал о Париже, потом Римма стала спрашивать, за что Сережа разлюбил всех. Он отвечал полшутя-полусерьезно. Она вдруг, обидевшись и отослав Олю спать, вылила целый ушат обвинений на нас, что мы воспользовались их гостеприимством и бросили их неблагороднейшим образом тогда, когда их дача будет заселена товарищами по дешевой цене. Никто не поступал с ними так нехорошо, и, переехав, мы как бы отрезали себя от них, никогда не приходим больше к ним, не сидим по вечерам. Что паня Зося уехала из-за нас. Сережа отвечал мягко и достойно, я же сказала несколько фактов, вроде: «Я всегда сторонилась людей, особенно в такое время, и Сережу уговаривала, тем более, что он очень одинокий человек, а люди всегда устраивают сюрпризы». Нас удовлетворило то, что она ушла, очевидно, с сознанием, что совершила непоправимую ошибку. Боже, до чего мелки, скверны, отвратительны люди. Как хочется на самом деле от них отойти. Тут в домике мы так счастливы, особенно когда никого не видим и не слышим гадостей, которые говорятся друг о друге. Сегодня проснулись, сладко пели, грелись на солнце, пока Сережа не пошел за водой и там от Павлина Александровича узнал неприятнейшую сплетню, которая потом, когда он вторично говорил с ним, оказалась исходящей от отвратительнейшей женщины (Кандр.) и потому более безопасной.

Заходил утром Леонид Михайлович. Мы ему поставили вопрос ребром: «Правда ли, что Вы говорили о нашем поведении неблагодарном и так далее». — «Неправда, если это сказала Римма, то это понятно, она в очень нервном состоянии».

Днем мы ходили в Алупку нижним парком, было так изумительно, что мы шли, все время повторяя: «Господи, как хо-

рошо!» Детишки собирали подснежники, в боскетах чудесные, нарядные женщины.

Вернувшись, я зашла к маме, и там тоже произошло объяснение: мама в обиде на нас, что мы так, якобы, пренебрегаем ее обществом и так далее. И тут даже обида! Я объяснялась с ней до слез. Вечером она, примиренная, сидела у нас. Сережа рисовал карикатуры на Хотяинцеву. Пока я сидела у мамы, а Сережа спал, к нему заходила Римма мириться, принесла два яблока и говорила ему, что он похож на Наполеона, потому что любит много спать, сравнивала его с Коровиным, а меня с Комаровской.

18 февраля. <воскресенье>

Воскресный день мы впервые проводим по-воскресному. Должны были прийти Штучки, но они не пришли, и мы идем в Олеиз к Тищенкам, которые живут очаровательно. Вера Георгиевна сидит прямо, в кружевной повязке и тафтовом платье лилового цвета. Свежа и разделанна, дарит мне горшочек фиалок. Обедаем, немного спим, пьем у мамы шеколад и идем с «визитом» к Браиловским (!). Там читают газету о наступлении немцев, и сидят Ян Рубан с Полем. Приходит старуха Пантелеева и, потрясая клюкой, кричит, что цари создали Россию от моря до моря и что мерзавцы ее погубили теперь. О брате своем Родзянко она кричит, что он погубил Россию и его надо повесить! Мы уходим от греха наверх к Черноярным и спускаемся, когда она уходит. Берем в последний раз ужин от Хотяинцевой, с завтрашнего дня мы сами себе готовим. Вечером у нас мама.

Леонид Михайлович ругает Бенуа и называет его мерзавцем за то, что он пишет в самой большевистской газете. Говорили о религии.

19 февраля. понедельник

Сережа рано утром идет в Алупку за провизией. Я колю дрова, готовлю. Он приносит мне в подарок один фунт сахара и свечей хороших. Керосину нигде нет. Будем сидеть впотьмах. К Савелию заходят Сазонов, Вяземская и княгиня Орлова, которую мы видим только в спину: какая у нее фигура и походка!

После обеда, который был в семь раз дешевле Хотяинцевского и в десять раз вкуснее и за который Сережа мне целует руки, я позирую до пяти часов. Сережа спит. Приходит к кон-

цу сеанса. Мы пьем кофе. Мама ходила в Алупку и принесла баранки и кастрюлю.

Мы идем к Лидии Никитичне, там я свободно читаю сказки в японском издании. Потом, прождав Сережу полчаса, готовлю ужин. Сидят Римма и Савелий, Римма рассказывает о романах, бывших в их даче. Ее уводит Ирина Сергеевна к чаю. Сережа относится к Римме насмешливо, я его предупреждаю, что с ней нужно быть очень осторожным! Она сегодня сделала Савелию выговор при всех (королева этикета).

Очень много разговоров о будущем России.

20 февраля. вторник

82

Сережа встал в шесть часов и пошел с Павлином Александровичем в Кореиз за керосином. Нигде не нашел, но кто-то обещал. Пил кофе у какого-то татарина-проводника, который знал трех царей. Сережа вернулся веселый и свежий. Я все убрала, напоила его кофе и уложила спать до обеда. Сегодня у нас кислые щи с мясом. После обеда позируем. Савелий все ругает Мисхор за его сплетни, всеми недоволен. Мы хотим про него пустить сплетню специально для Риммы, что каждую ночь у него ночует какая-то прекрасная дама и что Сережа, вставши в шесть часов, ее видел. Римма заходила к нам в девять часов и позвала слушать музыку. Мы отправились. Играли наверху Шуберта. От «Лесного царя» мы сбежали на десять минут, но потом вернулись, и Сережа сказал, что чувствует <себя> как Крейслер. Хотим достать «Кота Мура» и читать вслух.

У меня от работ и собирания хвороста нарываает палец.

21 февраля. среда

Сережа встал рано, но и за керосином не отправился. Ходил утром разговаривать с Леонидом об искусстве. Я ему принесла туда письмо от Билибина, трогательное и милое, просит хотя бы сто рублей, хотим его позвать сюда, он придет пешком. Позировала удачно. Приезжал Щербатов с Оболенскими, которые снимают нашу дачу, поэтому около нашего домика строится коровник. В такое-то время приехать с шестью прислугами и с коровой! После позирования у мамы же был урок. Сережа пришел за мной в семь часов — расстроенный и весь вечер убеждал меня переехать к Билибину, расписывая все ужасы, которые нас ожидают здесь (он говорил с вышивальщицей и Василием Лазаревичем, который приехал

из Ялты: наступает голод и безработица). Потом он ходил к Савелию и Сергею Валерьяновичу, там его успокоили. У меня тем временем сидели мама и Ирина Сергеевна.

22 февраля, четверг

Спали долго, несмотря на вчерашние волнения и неприятные разговоры. До двенадцати сидели дома, потом прогулялись с Сергеем Валерьяновичем до Блуменфельда. Приготовив обед, я отпозировала три часа, была зла и раздражительна, но упорно молчала. Савелий придирается, как только чуть меняешь позу, работает так нудно и противно старательно. Сережа спал после обеда и пришел только в пять часов к чаю. Они с Савелием отправились к Соколову узнавать новости, так как тот был в Ялте. Сережа быстро вернулся, так как по дороге встретили Квиля. Мы стали топить ванну, которую взять собирались уже четыре месяца. Купались вдоволь, дивно, как в бане. Пришли домой (визитная карточка в наших скромных дверях) в десять часов. Вкусно ужинали. Легли в двенадцать. Заходила только мама. Сережа разрисовывает и доканчивает рисунки.

23 февраля, пятница

Сережа оканчивает рисунки свои. Получилось два pendant <две пары>. Весна: «Поцелуй по Гофману» и лето: «Мы под деревом с ребенком», кот<орые> я вышиваю, он хочет сделать еще «Осень» и «Зиму» и все четыре подарить мне. До обеда я вожусь по хозяйству, и пишем письмо Билибину. Начинаю позировать в три часа, что слегка злит Савелия. В пять часов мама, все Хотьяинцевы и Сережа отдельно идут в комитет по обложению. Все прошлись даром, им сказали, что пришлют повестки. Утром к нам заходила Римма и рассказывала, как вчера вечером им звонили по телефону, что они, их дача, подлежат обложению в восемь тысяч, как они два раза ходили в комитет, как Сорин оказался хорошим товарищем и улаживал дело, и лично с них, Браиловских, взяли только двести рублей. На Римму был донос (наверное, Петр), что она была немкой (замужем за немцем) и теперь с нетерпением ждет немцев. Вечером у нас сидели Сорин, мама, Ирина Сергеевна. Называли всех: Сорина — кондуктором, Василий Лазаревич — церковный староста, Natalie при дамских уборных. Тищенко и Квиля в магазине готового платья.

---

24 февраля. «суббота»

Сегодня день нашей «свадьбы», то есть мы утром идем в Алупку записаться у комиссара, что я, Вера Аркадьевна <sic!> Судейкина, действительно гражданская жена Сергея Юрьевича Судейкина. Председатель Ильин, бывший студент, сидевший девять лет на каторге за покушение на цареубийство в 1905 году, похож на того студента, с которым я проходила лагерь, милый, трогательный, болезненный человек с нервными руками, робкими движениями, очевидно, сильно разочаровавшийся в настоящем движении и потерявший надежду на лучшее будущее. Мне стало жаль его. Сережу приглашают быть экспертом при национализации картин и образовании народного музея в Воронцовском дворце. Потом делали закупки, пришли поздно домой, обедали превкусно (мама ссорилась с Хотьяйкой, тоже стерва, говорит: «Очевидно, Судейкины богаты, раз не хотят обедать в кооперативе»). Позировала. Сорин с Сережей пошли к Тищенко смотреть в Олеизе маленький домик. Так опротивело жить в этом гнезде сплетен (Пантелева сказала про Сережу: он хоть и большевик, а денег у него много, так как дорогие цены брал на выставке). А Сорин хочет переехать, потому что, кажется, к Браиловским переедут графы Потоцкие. Вечером у нас сидели мама и Ирина Сергеевна. Сплетня про Сорина и Аришу.

84

---

25 февраля. воскресенье

Чудно спали (свадебная ночь). Утром, когда пили кофе, пришел Савелий за Сережей, идти смотреть домики. Говорили о коммунах, возникающих в некоторых местечках. Вчера вечером Савелий заходил к Оболенским, предупреждал их ни с кем не знакомиться. Все — чума, особенно соседи (Сведомская и Краснушкина). Оболенские оба музыканты, хотят поступить в оперу. Вчера вечером к нам заходил Леонид Михайлович, приглашал прийти на шахматный турнир (восемь человек), который будет продолжаться целую неделю. Меня уговаривал записаться. Я, конечно, отказалась. В то время как Сережа с Савелием ходили в Олеиз, я собиралась рубить дрова, набрать хворосту, но пришла мама и немного помешала. Только я пошла собирать хворост, как вернулся Сережа и принялся нам описывать домик, который можно снять за сто рублей. По-моему, далеко не так удобно и уютно, как здесь (кухня отдельная). Маме кажется тоже, <что> не особенно удобно. Сережа пригорюнился, что даром старался. Потом

отошел, и мы превкусно пообедали (сегодня масляное воскресенье). Успели поотдохнуть и понежиться до позирования. Савелий запоздал от Тищенко, он обедает там теперь (начал рисунок с Тищенко) и пришел в четверть четвертого. Сережа пришел полпятого. У Савелия работа начинает налаживаться, но работает он мучительно дотошно. У него я аристократка, а у Сережи — солдатка. В половине шестого должна была прийти Мая Вл. Лам., она вчера пришла пешком из Ялты к Тищенкам отдохнуть несколько дней. Она запоздала и пришла в седьмом часу. Ее стали допрашивать об Ялте. Она протокольно сообщала все, пока меня не стало лихорадить, точно яду выпила я. Мы пошли с Сережей домой затопить печь и принять Маю Вл., которая с Савелием и мамой пришла к нам через полчаса, и сидели до десяти. Она милый человек, но какая-то курсячья и немного скучновата, даже не знаю почему. Собирается к нам прийти утром. Я ограничила время от одиннадцати до часа. Спор относительно проводов ее. Какое сильное желание у меня запереться от всех людей.

Все частные коллекции объявлены государственной собственностью.

26 февраля. понедельник

Утром Сережа говорит со мной о политике, о социализме, об анархизме и так далее. И, главным образом, какое место займет искусство и какова будет участь художников. Я не могу говорить искренно, потому что слишком мало понимаю и чувствую себя ребенком перед теми событиями, которые сейчас развертываются. Приходит Савелий к нам пить кофе, жалуется на дачу Браиловских, на беспорядок и грязь, которые там царят. Возня с прислугой. Он сидит у нас и уходит работать к Тищенко. Все возмущаются Бенуа (даже за границей, так говорит Леонид), что он работает с большевиками и ему из Смольного выдали аттестат. Я говорю: «Если бы больше таких людей было бы с большевиками, то многое из ценностей сохранилось бы, не была бы разгромлена такая масса».

Сережа уходит болтать с Леонидом, я занимаюсь хозяйством и предвкушаю немного заняться своими делами (все мешают люди), как заходит мама. Но я, кажется, с ней так нелюбезна, что она скоро уходит. Нехорошо, но мне так хочется побыть дома, поработать, пописать. Я произвожу уборку, мою посуду, готовлю обед, кормлю Тявку и злуюсь, что у нее такой трусливый характер. Сережа приносит от Леонида

Вейнингера и Рёскина. Мы ложимся отдыхать после обеда. Сережа отдыхает до пяти. Я иду до трех к маме, сижу с ней на балконе. Приходит в три Савелий (история с зубами). От шести до семи у Лидии Никитичны. Сережа заходит за мной. Рано ложимся. Сережа читает мне кое-что из Вейнингера.

27 февраля. вторник

86

Сережа собрался идти в Алупку за провизией, но оказывается, сегодня праздник революции, а не первого марта. Сережа до обеда работает над портретом у мамы. Я ему не позирую, а читаю Вейнингера. Обед я готовлю в сорок минут. Очень вкусный. Заходит Ирина Сергеевна и сидит с нами во время обеда. Рассказывают и выдумывают сплетни с Сережей. После обеда заходит Савелий звать Сережу ехать в Алупку на митинг. Соколов читает резюме о революции. Он колеблется, но потом отправляется. Я хочу приодеться и пойти к Браиловским в гости, привожу в порядок кухню и себя. Иду к Браиловским, там разговариваю с Риммой (о моем характере: как бы другая женщина следила за своей красотой, если бы писали ее портрет). Я читаю ей английское стихотворение, она говорит, что произношение очень своеобразное. Кто-то проезжает мимо дома, я вскакиваю на диван, оказывается, проехал Соколов, и один. Я выбегаю и бегу к домику. Извозчик остановился перед ним, я догоняю. Соколов входит, он передает мне, что лекция его будет вечером и что Савелия и Сережу привезут на автомобиле вечером. Они застряли в «России», где идет фестиваль. Там весь комитет (и Ильин). Через пять минут приходят Тищенко, Квиль и Мая Вл. Они уже раз стучались в домик, потом сидели у мамы. Я их угощаю сначала этюдами и картинами, развешенными в «мастерской», затем карикатурами. Мы с Верой Георгиевной жалуемся друг другу на Савелия, как он мучает во время позирования. Она очень интересная, выхолненная, в чалме. Они сидят недолго и уходят. Я хочу пойти к Браиловским, но возвращается Сережа, слегка пьяненький. Садится на постель и рассказывает, как он болтал и пил с комитетом, какие милые люди там есть. Познакомился с женой Ильина Вагнер (Симеиз, 19). Его выбирают в комиссию по искусству. Мы в понедельник должны пойти в Воронцовский дворец, осмотреть помещения и вещи, подлежащие национализации. Я тоже пойду. Сережа ложится, я ему кладу компресс на голову. Я иду к Браиловским, через полчаса возвращаюсь, Сережа уже трезвый выходит из

домика, идет провожать Блуменфельда. Вечером мы сидим у Браиловских. Блуменфельд, которого приводит Сережа, рассказывает о <1 нрзб.> балете, Куба.

28 февраля <среда> _____

Вчера легли поздно спать, все слушали рассказы Блуменфельда о его балетных скитаниях и знакомствах, семнадцать лет подряд он обедал у Куба! Кого он только не знает! Много лет подряд у него был абонемент в первом ряду (№ 19) у прохода в балете. Утром, как встали, отправились в Алупку за провизией. Шли нижним парком. Было хорошо. Тепло полетному. Цветочки, птицы. Сережа рассказывал свои детские воспоминания. Он знает каждый камень, каждое дерево. Перед самой Алупкой нам навстречу по дороге идет Дубинский. Откуда? Оказывается, он сбежал из Ялты, где стало невозможно от постоянных призывов к резне. Вчера там был митинг с анархистами, опять призывали к избиению буржуев. Он рассказывает ужасы о Ялте, как там всплывают трупы, по ночам стреляют и так далее. Он ходил с нами по Алупке, проводил нас домой, пил у нас кофе и пошел с Сережей к Сорину. Сережа вернулся, пообедал и лег спать, а я пошла позировать. Но была так уставши, что Сорин отказался писать такое измученное лицо со стеклянными глазами. Он уходит, я иду к Сереже, мы вместе возвращаемся к маме, где Сережа прописывает портрет без меня, я же лежу на диване и читаю ему Вейнингера. Попив шеколаду, я иду к Лидии Никитичне, а Сережа к Леониду Михайловичу (там просят его сделать комический плакат). Он заходит за мной. Мы ужинаем. Мы оба раздражены, то есть Сережа [опять] упрекает меня, что мы до сих пор не уехали к Билибину. Он развертывает ряд скверных событий, все это должно быть на днях. Погромы, мобилизация и так далее. Боже, как все это надоело. Когда, когда этому конец! Мы рано ложимся спать, слегка спокойнее, так как хоть выговорились, но засыпаем, тревожно прислушиваясь.

Я вчера отдала Тявку Тищенкам, она сегодня утром была уже у домика.

1 или 14 марта <нового стиля>. четверг _____

День холодный и слегка пасмурный. Лежим мы долго в постели. Потом долго не завтракаем, потому что Сережа идет за молоком и пропадает — говорит о событиях с Павлином Александровичем. Сегодня в Алупке назначен митинг, даже лавки

должны быть закрыты, решается вопрос о мобилизации. Сережа хочет пойти. Мама утром ходила с Лидией Никитичной в Алупку за провизией, вернулась, говорит, все спокойно (обычное мамино мировоззрение). Мы обедаем. Сережа уходит. Ко мне заходит Ирина Сергеевна, я ее угощаю блинчиками, и она сидит, пока я мою посуду. Потом я убираюсь, моюсь и молюсь о Сережином благополучии. Заходит мама спросить, будет ли позирование. Я говорю, что нет (вообще я решила сейчас не позировать, уж очень не время, да и устаю я страшно). В это время стучат в дверь, спрашивают: «Здесь живет Судейкин?» Оказывается, Дерюжинский с каким-то знакомым. Я их прошу зайти. Они, оказывается, тоже идут на митинг. Дерюжинский свеж с виду, болтает по-прежнему весело. Выкуривают папироску, а затем уходят. Через пять минут возвращается Сережа. Митинг будет в четыре часа. Он мне дает инструкции на случай беспорядков. Возможно, что ночь будет тревожной. Какое время! Адвентист, который все время предсказывает, говорит, что по Апокалипсису на этих днях должны быть самые крупные события. Я просматриваю мешки и одеваюсь потеплее. Когда все готово, я иду к маме, у нее сегодня к чаю Лидия Никитична и Ольга Богдановна. Я сижу у нее <до тех пор>, пока заходят звать Ольгу Ирина Сергеевна и Нита, и я вспоминаю, что Сережа меня просил передать двум комикам-офицерам, что он не будет рисовать им плакат сегодня. Мы идем все к Браиловским, где оба комика дают целое представление. Я не нахожу, чтоб они были чрезвычайны, но помочь им нужно обязательно, их положение трогает. Во время представления часов вдруг приходит Сережа с веселым лицом. Я даже не расспрашиваю сразу, потому что знаю, что все не так страшно. И действительно, Сережа садится перед публикой и, предварительно сказав актерам: «Я сорву Ваш успех», начинает рассказывать о митинге. Все слушают внимательно. Перед Сережиным уходом звонил Сереже Щербатов, и он ему сейчас же дает по телефону ответ. Мобилизация буржуев, но лишь на виноградники.

Все идут ужинать. К нам вечером заходит Сорин, потом мама. Я с Сориным разговариваю с холодком, потому что меня он последнее время что-то раздражает некоторой бесцеремонностью и даже грубостью. Может быть, это время делает всех такими. Но все же я не сдерживаюсь и говорю несколько резкостей.

Я благодарю Бога, что все сошло пока что благополучно, и мы засыпаем.

2 (15) марта. <пятница>

Сережа сговорился делать плакат для комиков. Они заходит к нам в одиннадцать часов, и Сережа работает до и после обеда. После обеда я сижу с ним, а к четырем часам заходит вся компания Браиловских (Риммин рассказ о горшках). Сережа сделал чрезвычайно удачный американский плакат, и все довольны. Утром я занималась языком, и вечером до ужина у нас урок, в конце урока говорим об оперетках. Вечером Сорин и Ирина Сергеевна. Мило говорим по обыкновению о сплетнях (прозвища, данные Сережей всем, имеют колоссальный успех). Сорин был у Орловой и поэтому очень сдержан и мил. Была Белая Штучка у Черныяровых и все ждала Сорина, чтоб он ее проводил, но в конце концов проводил ее старик.

Сегодня молодой месяц. Я все-таки нервна, потому что расплакалась, когда упало на ногу полено.

3 (16) марта. <суббота>

Утром Сережа со мной слегка поссорился впервые, потому что я не соглашалась на некоторое переустройство комнаты и перестановку посуды, назвал меня Ольгой Афанасьевной и очень сердился, но так же быстро успокоился и, когда я плакала, просил прощения на коленях. До обеда у нас сидела Ирина Сергеевна, и я ей рисовала подробный план нашей петербургской квартиры со всеми деталями. Особенно ее поразила ванная и местечко. Я ходила с ней к повару Оболенских, она хочет давать уроки девочке. Видела мельком Оболенскую. Красивая. Потом мы вкусно пообедали. Заходил Леонид Михайлович и говорил с Сережей о том положении, которое нужно занять по отношению к большевикам и искусству. В три назначено собрание просветительской комиссии и осмотр дворца Воронцовых. Мы отправились за Сориним. По дороге зашли к Дроздову, чтобы предупредить Леонида Михайловича, и попали на блины (Miss Kiny, Долгор<укая>, седая Дроздова, милые дети). Идем дальше на дачу Крестовникова, по морю чудно, цветет миндаль, изумительные оттенки зелени. У Тищенко видим мамашу, кавалеров нет. А в спальне работают Сорин и Вера Георгиевна. Мы просим показать рисунок. Очень хорош. Вера Георгиевна очень интересна в своей черной чалме и меня уверяет, что мне тоже не идет белый чепчик. Сорин сообщает Сереже что-то секретное, когда мы идем обратно, он говорит, что это: «Севастополю срок восемь часов для сдачи! Одесса уже давно взята». Мы

идем быстро, у дачи Дёмкиных расходимся. Сережа крестит украдкой меня, я его тоже. Иду домой, собирая хворост. У дачи Браиловских встречаю Римму и маму, которые просят меня занять Щербатова, который сидит у Браиловских и трясется. Он с женой приехал в гости к Оболенским, и там наткнулись на обыск. Я категорически отказалась и пошла собирать хворост, тем более что недалеко от нашего домика стоял большевистский автомобиль и княжеская линейка. Через пятнадцать минут автомобиль прошипел, и я прошла домой. Там я убираю и мыла, а затем уже в шестом часу пошла к Браиловским, где еще сидели Щербатовы. Говорили о том, что скоро возможно будет уехать за границу, рассказывали, как у них ничего не осталось. Прочли кое-что из газеты. Петроград — вольный город! Сергей Валерьянович, который зашел тоже, радовался этому. Они уехали, очень просив Сережу и меня прийти к ним хотя бы пешком. Сереже он просил сердечно пожать руку. Пришла домой и ждала Сережу, который пришел с Сориным, когда уже светил месяц, а я перед домом рубила дрова. Сережа принес семь фунтов сердца и легких. Сорин страшно смеялся, что Щербатов попал на обыск. Они на заседании не были, потому что оно не состоялось вследствие паники, которая обуяла всех. Заходили к Штучкам, и Сорин всю дорогу спрашивал Сережу, на ком ему жениться — на Тищенко или Штучке.

Большевистский комиссар говорит, что следует образовывать самооборону против черной гвардии.

4 (17) марта. <воскресенье>

Утро воскресное, тихое, слегка пасмурное. Когда я отворяю дверь, слышу робкий звон православной церкви. Грустно все-таки. Говорят, в Севастополе идет бой. Сережа все утро занят картинками, пока его Нита не зовет посмотреть ее скульптуру, а я по хозяйству, готовлю обед. До обеда занимались. Обедаем вкусно. Сережа разнеживается и, мечтая о «русском рае», ложится отдохнуть. Я убираю посуду. Мимо домика проходит Леонид Михайлович. Я с ним говорю на расстоянии, в это время <раздаются> странные дробные звуки. «Что это, на Вашей даче никак опять камни обваливаются». — «Это пулемет!» — говорит он. И еще раз, еще раз. Сережа тоже слышит, вскакивает, прислушивается. Еще один раз и несколько ружейных выстрелов — все так близко, ну, не дальше долгоруковского дома. «Началось», — ду-

маем мы. Я одеваюсь потеплее. Сережа берет спички, мы быстро выходим. Мама кричит с балкона: «Спросите по телефону у Тищенко. Это в том направлении». Но мы говорим, что выйдем на горку и оттуда посмотрим. На самом деле мы уходим в гору, спешно, быстро переходя открытые места. Перешедши главное шоссе, мы садимся среди кустов и камней и отдыхаем как следует. Я совсем мокрая. Вдруг вблизи раздается выстрел. Мы вскакиваем и среди кустарника пробираемся все выше и выше. Наконец мы совсем высоко и на прекрасном месте: огромной величины камень, почти утес, образует расщелину, где можно и ночевать, и устроить перекрытие от дождя, с этого места вид изумительный на шоссе, видна вдали Алупка. Сразу так спокойно и хорошо. Всюду масса сухих веток, можно великолепно развести костер. Мы жалеем, что не захватили мешки, и обдумываем план действий. Пальбы отсюда не слышно, по шоссе изредка в обе стороны проезжают линейки, коляски, проходят то татары, то солдаты. Как будто спокойно. Недалеко от нас пасется корова. Мы сидим полчаса и совсем успокаиваемся. Начинаем спускаться вниз. Дойдя до нижнего шоссе, мы встречаем какого-то рабочего с девушкой. У нас вид праздничной парочки, зашедшей в лес пофлиртовать, и Сережа слегка сонным голосом спрашивает: «Товарищи, не слышали, как будто недавно где-то стреляли, что это?» — «Это, — говорят, — пробу устраивали, действуют ли пулеметы. Это в Дюльбере, а не то с Ай-Петри». Мы быстро идем домой. Прямо к маме. Там спокойно, те же неточные сведения. Мама испекла тарелку оладий для Ирины Сергеевны, но мы ее съедаем с аппетитом после прогулки, и мама печет другую. Мы же идем к Шаминым, куда, оказывается, мы все приглашены к кофею. Там Сорин, Нита, Ольга Майдель, говорим о детстве каждого из нас. Сережа говорит футуристические поэмы на будущее каждого из нас. Савелий обижается, что через двадцать лет он будет «бароном Гинсбургом фон Госнлое Белосельским-Белозерским». Потом изображаем карлицу и идем домой. Вечером у нас Ирина Сергеевна и Сорин. Говорим на тему: «что мы ценим всего более в людях» и «какое у нас к людям должно быть отношение». Сорин говорит, что ценит доброту сердца больше даже, чем ум. Я отношусь к людям очень справедливо, но мой личный вкус и личное настроение заставляют строго разбираться в людях и, отбирая одних, откидывать других. Сережа ценит

всего больше «гармонию»: гармонию внешнюю с духовной стороной. Гармонию отношений между двумя людьми. Затем стали говорить о половом пробуждении у молодой девушки. Должна ли она его скрывать и как в это время проявлять себя.

5 (18) марта. понедельник _____

Я утром рано заболела. Лежу до обеда. Сережа все готовит для меня, хотя и устал, потому что плохо спал из-за Тявки, которая вдруг прибежала от Тищенко обратно и спала у нас. Ночью, когда мы крепко спали, она принялась громко лаять. Сережа ее обругал «бородатым идиотом», на что она, очевидно, так обиделась, что ушла с утра к Тищенкам. До обеда Сережа рисовал подарок себе, который я должна ему исполнить. Табакерку на тему: турка курит трубку, а курочка клюет крупу. После обеда Сережа отправился на осмотр Воронцовского дворца с комитетом и другими художниками, а я, хоть и плохо себя чувствовала, с мамой к зубному врачу. Там, сидя на балконе, простудилась, так что шла домой совсем больная. Во дворце, во дворе видела как раз, как запечатывали славные двери дворца. Когда Сережа вернулся, я лежала в постели, меня лихорадило, и я беспокоилась о нем. Мама меня поила потом чаем и вином, и я к утру отошла, но Сережа всю ночь плохо спал из-за расстройства желудка.

92

6 (19) марта. вторник _____

Так как Сережа ночь плохо спал, то он отдыхал до обеда. Я же, убравшись и одевшись, пошла к маме, там она мне читала письмо из Москвы от дяди Володи. Перед обедом пошли с Сережей собирать хворост, на берегу моря — чудно, все забывает. Обедали поздно. Сережа до обеда поссорился с Сергеем Валерьяновичем из-за «эстетики». Я заходила за ним, там были Штучки и Blumenфельд (играли в шахматы). Пообедавши, я убирала комнату. Заходила Ирина Сергеевна, ей передали записку Сергею Валерьяновичу, чтоб не сердился за ссору (Blumenфельд за такой поступок назвал Сережу молодчиной). Я пошла к маме учить ее английскому и перерисовывать для табакерки рисунок. Сережа был у Леонида Михайловича и зашел к маме, где мы еще сидели с час. Мир к б<ольшевикам> подписан, но мобилизация готовится. Ничего не поймешь. Я легла рано, спали хорошо.

7 (20) марта, среда

Сегодняшний день рождения Сережи проходит не как я бы хотела. С утра приходит Савелий и, вместо того чтобы по-именинному попить с нами кофе, так торопится, что я, желая все же успеть с угощением, заливаю в спешке кофеем свои белые туфли, которыми единственно я могла отметить сегодняшний день. Затем Сережа диктует доклад, начатый вчера. Возвращается в час Савелий с рассказами о том, что делается в Ялте. Это расстраивает, и Сережа идет провожать Савелия к Тищенко, а меня просит переписать начисто весь доклад. Мама заходит с подарком — кисетом. Я пишу бесконечно долго, переодеваю туфли на старые сапоги, готовлю обед. Приходит Сережа в четыре часа с Савелием, приносит мне три конфеты от Тищенко. Он видел Эльсгеймера. Они собираются в Алупку, и им нужна докладная записка, я поэтому сажусь переписывать до конца, затем спешу готовить обед. Я недовольна, потому что уже пять часов, а до сих пор я еще не была на воздухе, совсем не видела Сережу — все идет не по-именинному. После обеда они уходят, я же убираю и мою кастрюли и посуду, стираю и иду на урок. Перед уроком заходил за Сориным Павлов и сказал о том, что был в Ялте и там солдаты очень скандалили (мобилизация провалилась). Проехал Mr Smith, он переезжает за паней Зосей в Алупку. Я его рассмотрела вблизи, нехороший у него вид. После урока выхожу — пришел Сережа и Савелий, их очень интересовало, что сказал Павлов, им рассказали < что > в Алулке обратно много волнения (Петербург взят 18-го числа).

Мы не ужинаем, так как в девять часов у мамы назначен шеколад, заходят к нам Браиловские поздравить. Ольга Богдановна и Ирина Сергеевна, оказывается, все утро бросали фиалки в окно, но не попадали, и все фиалки попадали в курятник, где они съедены козами. В девять часов < все > собираются у мамы. Сережа придумал раздарить всем по этюдику, а я решила устроить лотерею. Выходит очень забавно. Все получают то, что мы решили, и все очень довольны. Шеколад и кофе превкусны, оладьи чудны, есть даже коньяк, и Сережа получает в подарок еще один фунт сахару и зажигательницу. Говорят очень оживленно не о политике, а о породе и знатности. Я не слышу разговоров, так как помогаю маме печь оладьи. Затем Сережа рассказывает о постановке «Беглой» и о своей жизни в Куоккале с Кульбиным. Сорин делает вставки из интимной жизни, которые вызывают интерес главным образом у Риммы. Расходимся в половине первого. Чудная луна.

8 (21) марта. <четверг>

Сережа предлагает справить черствые именины и пройти в миндальную рощу. Сначала он достает табак (мы ему подарили кисет без табаку!), затем идем в Алупку, потому что мне надо к зубному врачу, причем Сережа идет с Леонидом Михайловичем вперед, а я должна догнать их с Ириной Сергеевной, но иду одна. Погода умопомрачительно хороша, и в парке около прудика с лебедями, где журчит фонтан, хочется остаться навеки, чтобы слышать играющих детей, птиц.

С Сережей мы встречаемся в Алупке. Сережа от погоды размяк, и мы идем нижним парком, поминутно отдыхая. Дома он отдыхает, я готовлю обед. Пообедавши, отдыхаем опять, причем я читаю Чехова «Новая дача», «Печенег» и так далее. Гениально написано, потому что все предугадал и современность такова. В четыре часа приходит архитектор Фельдман, интересно рассказывает о событиях, рисует план, рассказывает о своей деятельности. Это человек с *métier* <профессией> из разряда инженеров, хотя и занят интерьерным устройством квартир. Знает все языки, все страны, хороший коммерсант. Много рассказывал именно мне, потому что я интересовалась когда<-то> этим *métier*. Заходила Ирина Сергеевна и в дверях мне рассказала о скандале, который произошел между Браиловскими и ими. Мы заходим перед ужином к ним, а после ужина к Браиловским, и тут и там слышим подробное описание того, как Ирина Сергеевна истратила много своих же дров, пекши Римме в подарок коржики, как Римма ей за это надерзила и принесла обратно коржики, как Ирина Сергеевна стирала белье посреди «роскошного» сада и как Леонид закричал, что свинства не допустит. Презабавно, до чего люди дошли в своей нервности. Блуменфельд сказал, что на этой даче останется жить только Михаил Васильевич, и только потому, что он в параличе. После обсуждения этих историй Сережа рассуждал об искусстве, определяя искусство Леонида Михайловича как колористическое мечтание о прошлом. Заснули хорошо и внезапно проснулись в ужасе <от> женских криков — оказалось, кошки устроили свои мартовские похождения.

9 (22) марта. <пятница>

Утром я читала «Новую дачу» Чехова Сереже. Утром, наконец, пошли вдвоем гулять по направлению к миндальной роще. Как божественно. Мы шли просто одетые, Сережа сол-

датом, я в платочке, веселые, здоровые, любящие друг друга, шли обнявшись, пели, собирали хворост и в таком виде встретили Орлову и Потоцких, с которыми раскланялись. Сережа отдыхал, я приготовила обед, вкусно поели, затем Сережа ходил за водой и привел Павлина Александровича пить к нам чай, говорили о том, что всюду недовольны соседями. Затем я легла, тепло укрылась и читала Сереже «Ариадну», потом мыла волосы. Заходила мама. Вечером хочет печь у нас блины. С опозданием Сережа пошел проведать Сергея Валерьяновича, который, говорят, болен. Ели блины, мама пекла их у нас, потом Сережа пошел с «мамой и няней» смотреть клоунов. Это два офицера сидели у Браиловских и показали пять замечательных фокусов (Ростов два раза, и так далее).

10 (23) марта. <суббота> _____

Сорин немного волнуется из-за мобилизации. Взял у Сережи докладную записку и пошел в комитет. День какой-то безалаберный. Встали в одиннадцать часов, в первый раз так поздно, пришла мама советовать: поссорилась с Хотяинцевой, хочет переехать, пошли искать комнаты, по дороге застряли у Браиловских, где Блюмен говорил презабавно о живописи, ничего он не понимает. Римма угощала самодельным обедом. Я ходила за хворостом с Ириной. В четыре часа опять пошли к ним, так как Фельдману Римма обещала показать гобелены, Сережа должен ему объяснить. Пришли, там целая масса народу на шахматном турнире. Штучки, Набоковы.

Обедали в семь часов. Сережа спал до обеда. Вечером пришли Ирина Сергеевна и Сорин. К Сорину заходили сегодня Вяземские, и он страшно любезен и мил.

11 (24) марта. воскресенье _____

Сегодня ровно месяц, как мы живем в домике. Вчера умылись, постелили чистое белье и чудно спали. Сегодня ходили за хворостом. Предполагали разбирать все вещи, и были приглашены Ирина Сергеевна и мама — но ничего не вышло. Я утро все читала вслух Чехова, а затем приходила Ирина Сергеевна, и мы с ней по обыкновению сплетничали; затем обедали, затем разделись и легли совсем спать. Одним словом, провели по-воскресному время. Вставши, Сережа мне принес красное платье, я оделась по-воскресному, и пошли к маме пить кофе и раскладывать пасьянс, а Сережа с меня рисовать. Прошел первый весенний дождик, пахнет весной, вспомни-

лась былая Москва, дутые шины по мокрому асфальту, новая шляпка и стук каблучков по Петровке, взгляды прохожих, предстоящий вечер... ах, ах, ах. Сидели у мамы долго, затем прошли к Браиловским, где пили чай у Риммы в спальне, в мастерской нельзя было, потому что там с серьезными лицами читали газету. А Римма нам рассказывала о своем визите к Тищенко. Презабавно она рассказывает, с большим смаком, хотя почти все мимо — но я ее тогда опять люблю. Со знается, что пошла туда из-за женского любопытства. Квиль ей показался самым симпатичным, Соколов евреем, мать Веры Георгиевны — женщиной-врачом. Говорили о породе людей (даже позвали Нину Александровну и спросили, какая она урожденная) — почему-то этот разговор стал часто возвращаться (Сорин сравнивал Вяземскую со Штучкой, и при сравнении Штучка проиграла). Заходили к Чернояровым поиграть чуточку. Нина Александровна, у которой была ангина, выздоровела.

96

Была у Браиловских М.П. Чехова, хотела ее посмотреть, да проспала.

12 (25) марта. понедельник

Сережа решил, что будет много работать над рисунком, я прочла ему еще раз вслух брошюрку: рисунки голландских мастеров семнадцатого века. Он будет делать наброски с меня и сделал для начала очень удачный: я полулежу на постели, одетая, облокотившись на локоть, читаю ему вслух «Дом с мезонином». Надо выработать манеру, прием и большую простоту. «Рисовать — это умение пропускать» (парадокс. Либерман). Рисовать — это особый дар. Странно, мы недавно смотрели альбом Сорина, какие у него отвратительно-беспомощные наброски и до какого совершенства он доводит свои рисунки.

В одиннадцать часов пришли Ирина Сергеевна и Блуменфельд, и мы отправились к «зубчихе» сначала en trois, потом нас нагнал Сережа, который все-таки боится меня отпускать одну. У зубчихи пришлось ждать безумно долго. Купили свинину и пригласили Блюмена на завтра обедать с одной рюмкой коньяку (он, оказывается, обиделся, что в день именин его не пригласили как следует). Когда шли домой, рассказывали об Алеше. Захотелось его, в самом деле, видеть. Хоть бы выписать его, где-то он. Заходила Ирина Сергеевна, и мы ей читали Кузмина «Чужую поэму» и «Прерванную повесть», затем из нашего дневника. После обеда заходили опять к Браи-

ловским. Там оказались Дроздов и Blumenфельд, которых мы стали упрашивать сыграть что-нибудь. Встали на колени даже. Дроздова так долго просили и стыдили, что он гнушается нашим обществом, что он разобиделся и ушел весь в красных пятнах. Сорин с утра уехал в Ялту, уговаривал Сережу тоже поехать — я его не пустила одного, советовала поехать <в> другой раз. Сорину поручила купить чулки мне серые и дала письмо к Палладе, приглашая ее к нам. Вечером к нам пришел Леонид, расстроенный и злой, злой потому что, говорит, что события идут слишком медленно, он же прекрасно знает, что будет, и злится, когда что-нибудь идет наперекор. Сережа нарисовал несколько чрезвычайно забавных и удачных карикатур (на Блю и на Сорина). Леонид тоже пробовал, но ничего не вышло. После его ухода у нас еще сидела мама, а Сережа нарисовал очень злую карикатуру на Леонида, как он стрижет свой сад.

Сорин вернулся из Ялты — там все спокойно, город мертвый, все разъехались. Никого почти не видел, новостей никаких. К нам, может быть, заедет Чайковский в гости. Письмо от Паллады.

13 (26) марта, вторник

Сережа за мной ухаживал, и я лежала до десяти часов в постели, он же все делал: топил печь, сварил кофе, приготовил яичницу. У меня был отвратительный сон с погромами, сражениями, преследованиями... одним словом — отражение действительности. Сережу заинтересовали снова его «Адовая мостовая» и рисунки, и я с утра систематизировала рисунки, будет два альбома, один Алушта-Каломийцевский, а другой Ялта-Мисхорский. В одиннадцать часов явилась мама и сообщила, что в Алушке красногвардейцы кого-то ловят, что на шоссе построены баррикады и что лучше никому не ходить в Алупку. Сережа помчался к Павлину Александровичу — узнал более подробно, но тоже очень неопределенно. Ищут каких-то восемнадцать человек, выразивших сочувствие партии народной свободы. Сережа принялся рубить дрова, я стала готовить обед для Blumenфельда. Пришла комиссия по национализации — обходила все дачи. На наш домик сбавили цену до тридцати пяти рублей и Сережу назвали «вольным человеком», как всех художников, — это дало ему разные идеи и планы — основать организацию впоследствии всех художников и сделать их действительно вольными людьми, осво-

божденными от всего, всего — податей, повинности и так далее. Сережа даже хотел подарить главному комиссару один этюдик, который ему понравился, но раздумал. В половине первого явился Блю, и в два мы обедали — очень вкусно, и Блю очень хвалил. Жаль только, что все время пришлось говорить о событиях. Заходил Леонид Михайлович и сообщил неприятные подробности о баррикадах, слухах. (Дёмкины удрали в горы.) Потом пришла мама и сказала, что Дехтерев был в совете и узнал много успокоительного: севастопольские матросы, те самые, которые уже устраивали резню и погром, явились в Ялту и предложили красногвардейцам устроить погромы — их всех переловили якобы. Сережа потом пойдет узнавать точно все. Пока что решили ни о чем не думать, и Сережа рассказывал Блюмену с большим увлечением о бирже искусства, о том, как покупают, продают и собирают картины, какие при этом бывают спекуляции, обманы. Блю слушал с большим интересом. Потом Сережа отправился в совет Алушкинский узнавать, а я принялась убирать посуду. Заходила к маме, там она девиц учила делать вкусные блинчики, там же Римма рассказывала, как она пошла собирать цветы со Сведомской и мимоходом сказала ей, что Дёмкины ушли в горы, и как та, ни слова ни говоря, обернулась и тоже ушла куда-то. Пантелеева тоже забрала детей и ушла. Верно ли это или это опять Римма для красного словца рассказала.

Когда же кончится все это! Скоро эта фраза будет нашим ежеминутным воплем.

Сережа долго не возвращался. Взошла луна, я часто отворяла дверь и прислушивалась, и все занималась уборкой дома для успокоения. Вдруг явился Савелий с очень серьезным лицом — торопился зайти еще в Олеиз, чтоб сказать Тищенко, что Соколова совет упросил поехать в Севастополь для принятия мер. «Положение крайне серьезное!» Обещал скоро вернуться. Тем временем вернулся Сережа, был не в совете, а у Фельдмана, у которого всегда очень точные сведения. Действительно, положение было очень серьезное, в эту ночь могло погибнуть до пятисот человек, если бы не остроумное вмешательство Футермана и еще одного еврея из севастопольского совета. Они спасли всех, согласившись сначала принять участие в погроме и потом всех переарестовав, к сожалению, не всех, а семь главарей, главные же — Игнатенко и Нератов — бежали обратно. В Ялте неизвестно что делается, так как аппараты все в их руках. Сережа, когда шел туда, у обелиска встретил двух

красногвардейцев, которые стояли там у поста. Когда они спрашивали его пропуск, Сережа у одного из них заметил синий знак на руке — палитру и спросил: «Вы художник?» — «Да, ученик Строгановского училища». Разговорились, оказывается, он хорошо знает Григорьева, его жену, Щербиновского и так далее. Долго говорили, Сережа прочел свою докладную записку об искусстве, она произвела большое впечатление, и когда в конце концов Сережа назвал себя, то тот привскочил и никак не мог опомниться — изумлению и радости не было конца. Милая встреча. У Фельдмана Сережа пил чай, познакомился с женой — светской дамой, хорошенькой, не то еврейка, не то англичанка, две девочки. Все мило, с большим уважением отнеслись к Сереже.

Сережа все это рассказывал, и стало как-то спокойнее, но затем, когда совсем стемнело и стали приходиться Леонид Михайлович, Сорин и говорить о том, что необходимо дежурить, и что, может быть, Алупка сорвала погром, но, может быть, и нет, и что баррикады не сняты и всюду дозоры, то стало очень жутко, а когда раздались какие-то удары пушек по направлению Севастополя, то сердце совсем задрожало, и я стала одеваться теплее, собирать вещи в горы, а Сережа вышел дежурить. Я хотела прилечь, но ко мне ежеминутно стучали. Зашел Леонид Михайлович с улыбающимся, растерянным лицом, в черной накидке поверх пальто, и сказал, что они собираются в горы, Римма взяла палку и мешок с сухарями, но потом они отменили. Заходил Сергей Валерьянович и сказал по поводу севастопольской бомбардировки: «Вот разгадка всему — <1.> немцы подходят, 2. они хотят пожить». А Ирина Сергеевна добавила: «Мы на самой верхушке сейчас, как бы не скатиться». До трех часов ночи Сережа дежурил, ходил и Леонид Михайлович перед домом, также Сергей Валерьянович, а Сорин, который всех больше говорил о дежурстве, спал, хотя, когда Сережа пришел его будить в три часа, он уверял, что ни минуты не спит и все слышит великолепно. Это при таком-то шуме водопада да при глуховатом ухе!

До трех я спала, одевшись, в три часа мы разделись и крепко проспали до утра. Сережа ходил вечером еще говорить с князем Оболенским, который спал на балконе (мама тоже спала на балконе), и <они> уславливались насчет сигнала. Павлин Александрович до трех часов ночи был в Кореизе на совете.

Немцы, говорят, на Перекопе, оттуда Фельдман видел раненых.

14 (27) марта. <среда>

Весь день проходит вяло. Спим до одиннадцати часов. Готовлю обед. Ссора с Савелием. Леонид Михайлович пьет у нас кофе. Сережа идет в Алупку. Там узнает новости — как будто улучшение. Нератов арестован. Из Севастополя восемьдесят человек самообороны. Сережа был у Фельдманов, которые нас приглашают. Сережа хочет рассказать нам о Париже.

Идет дождь. Сережа приходит, когда уже темно. Принесит газеты. На западе бой — победили немцы. Удивительно! Приходит Савелий. Решаем ложиться спать как следует. Спим, изредка просыпаясь, но все же хорошо.

15 (28) марта. четверг

Идет снег. Днем я собирала хворост, затем зашла к Шаминым, там «бабье царство». Пили кофе, приходит и Сережа. Говорим снова о политике. Римма злая: говорит, что нет ничего забавнее, как пугать людей: «Скажу что-нибудь страшное и радуюсь, особенно Сорин боязлив безумно». Я набросилась на тех, которые ничего не боятся и не охраняют своей жизни, по-моему, это тупо, и Господь нас не затем поместил на землю, чтобы мы не умели бы и не хотели бы защищать своей жизни. Савелий сидит у нас вечером. Мы спорим с ним о коммерции. Я уверяю, что всякая коммерция — жульничество. Он не хочет идти с нами завтра к Фельдману, потому что это такой тип еврея-коммерсанта, который ему противен. Ну, пусть ходит к своим князьям, а мы будем ходить к жидам.

16 (29) марта. пятница

Мама получает длинное письмо из Москвы и читает его у нас. Там не лучше, чем в Крыму. В Кудинове даже было сражение между рабочими и красногвардейцами. Все бедствуют, ожидают голод и так далее. Мы с мамой мило болтали. Я надела поверх пальто фартук, и мы собирали хворост в лесу, причем привезли на тачке целые деревья, что было очень живописно. К обеду пришла Римма, за которой Сережа ходил, чтобы привести для разговоров, и, к моему ужасу, показал ей «неприличную» карикатуру. Она настаивала, конечно, на этом. Нашла ее прекрасной, художественной и так далее. Я предсказываю Сереже, что будет скандал, так как Римма, конечно, по всему Мисхору разнесет. Говорили о воспитании, о Сережиных мечтах (завести антикварную торговлю, иметь ребенка, жить с мамой), о том, долго ли будет продолжаться трудное время.

«Мы не боимся его, так как какую-нибудь работу всегда найдешь». — «Ах, если бы можно было начать жить сначала», — говорит Римма и развивает мысль о том, как молодые девушки должны брать от жизни все — так же, как мужчины, и что она проповедует об этом Оле, Ните, Ирине каждый день. Сережа очень комично описывает картину, которая получилась бы, если, например, баронесса Майдель стала пользоваться жизнью, встретила бы по дороге в Алупку красавца красногвардейца, забеременела и, придя домой, сказала бы матери: «Мама, я беременна...» — «Не он бы взял ее, а она его». — «Ах, значит, не она забеременела бы, а красногвардеец», — при таком положении вещей это возможно. И весь разговор в таком роде, Римма до смерти любит подобные разговоры. Прервал их Савелий, который пришел и с которым Римма захотела помириться во что бы то ни стало. Леонид Михайлович его обидел, не захотев принять его в пансион и сказав даже такую фразу: «Или я, или он». Ведь Леонидка злобный, и с него станет сказать подобную вещь. Пришел затем Леонид Михайлович и тоже старался ликвидировать вопрос с Савелием (они оба испугались, что он уедет вообще от них). Затем, несмотря на снег и слякоть, мы отправились в Алупку, чтоб нанести обещанный визит Фельдманам. Их не застали дома и, чтобы отогреться, зашли к Штучкам, где был Савелий. Со стороны Савелия не хорошо так мучить очаровательную девочку. Она сидит, опустив глазки, краснеет, старается меньше улыбаться (он ей сказал, что ее частый смех ей не идет), а он хоть бы что. Он, между прочим, рассказал нам, что Черная Штучка спросила его, влюблен ли он в Белую, на что он ответил: «Что вы, да ведь она девочка». Когда мы ушли от них, поднялась вьюга, настоящая северная вьюга, и мы радовались, глядя на белые вуали, которые спускались с Ай-Петри, и на то, как крутился снег. Мы уверены! А море изумрудное, с белыми гребешками, в берегах, покрытых снегом, как в жемчужной оправе. Пришли домой, промочили ноги (по дороге встретились с Фельдманами, и я познакомилась с Мпе) — долго растапливали печь и отогрелись, мама пришла и помогала устроить ужин и мило болтала. Легли рано спать, нежно и любовно засыпали.

17 (30) марта, суббота

Утром выглянуло солнце, но ненадолго. Опять снег и дождь — хороша крымская весна. Сережа принялся за работу, я читала ему Чехова «Ионыч». Заходила Ирина Сергеевна

на минуту — так я и знала, что выйдет скандал, уж Римма, очевидно, разнесла по всему Мисхору, что Судейкин нарисовал очаровательные, хотя и страшно неприличные карикатуры на Ниту и Ольгу. Ирина Сергеевна в обиде за них и объяснялась с Сережей, который сначала вспылил, а затем, говоря мягче, уладил дело. Как я была права, что нельзя было Римме показывать. Затем мальчик привез хворосту, и пришлось его распиливать. Дров у нас больше нет, и топим мы тем, что собираем в лесу, от этого в плите целый день шипят сырые ветки. Обед был вкусный, и мы разогрелись за ним, и собирались лечь спать, как пришли Штучки, заинтересованные вчерашним разговором об «очень удачном парике на Екатерине Владимировне». Я сидела с ними в холодной, «другой», комнате и занимала вялым разговором, а Сережа лежал на постели и сердился, и звал меня. Они ушли к Чернояровым и за Савелием. Они пришли через час. Савелий сообщил, что комиссар Григорьев сказал Дроздову, что случилось нечто невероятное, и не сказал что. Все заинтригованы. Никто не мог узнать, что именно. Савелий решил, что жена сбежала.

Сережа стал снова работать, вынул свои этюды и эскизки, и я многие спасла, не позволив ему разорвать их.

Вечером я натопила комнату хорошо, писали с Сережей стишки для карикатур.

18 <31> марта, воскресенье _____

После обеда совершали обычное воскресное возлежание. Потом пошли к маме кофе пить. Пришел Савелий — вспоминали, как чуть не уехали в Америку, пожелали делать это сейчас, разгорелся спор и разговор, смотрели карты и обсуждали. Потом пошли к Хотяинцевой смотреть ее столетний альбом и присидели до часа, мило болтая. (Дехтерева.)

19 марта <1 апреля>, понедельник _____

Сегодня первое апреля нового стиля, и Нина Александровна, зашедшая за сахаром, сообщила, что у Блюмена удар. Когда я час спустя рубила дрова, я увидела его — говорили о поездке в Питер. Он советует ехать на Страстной и через Одесу—Киев. Пошли разыскивать Сережу к Браиловским (утро у нас сидел Браиловский и говорил о литературе, Гофмане). Миноносец «Евстафий» с пушками! Бегали смотреть — пристанет ли к Алушке. Потом пошли к Фельдманам. Я капризничала и была в плохом настроении — я раздражена, когда в

доме беспорядок и мне мешают. У Фельдманов приятное впечатление от Мпе и Мпе, присутствовал инженер. Провизии никакой. Пригласили на обед завтра. Шли домой в темноте — весело характеризуя только что виденных.

20 марта <2 апреля>, вторник

Я не действовала до двенадцати часов дня. Читала рассказ Чехова и рассказывала Сереже о своей заграничной жизни. К двум пошли к Фельдманам. Вкусный обед, милые разговоры об общих знакомых и веселой жизни до войны, о спорте, театре, вечерах. Дети пессимистичны. Прошли через парк. Вечером у нас сидел Павлин Александрович. Пришли мама и Ирина Сергеевна. Опять заговорили о породе, дворянстве и так далее. Вышел спор. Мама при Павлине Александровиче сказала: «А господа никогда не пропадут, потому что они умные и сумеют все сделать» (это после того, как Павлин Александрович похвалил меня и сказал, что единственно я <могу> работать). Сережа попросил больше не употреблять таких выражений, как господа, потому что себя не считает господином — ни раньше, ни тем паче теперь. «А я была и буду госпожой и сравняться с “людьми” не могу». Это вызвало спор. Ирина Сергеевна сказала, что вышла бы за дегенерата, но дворянина, чем за красавца мужика. Мама восхваляла своих баронов. Говорили они обе нелогично и по-женски, не умею<t> сказать, какие требования они ставят людям. Когда Ирина Сергеевна сказала: «Вымытость, приятность манеры и так далее», я ответила: «Любой балетный актер сумеет Вам ручку поцеловать с такой грацией, что Вы потеряете голову, а все-таки он для Вас актер! Что же Вам нужно? Если ум — то именно его-то в дворянстве трудно найти». — «Вам ли говорить, матушки, лейб-кампанские дворянки — посмотрите на себя», — сказал Сережа.

103

21 марта <3 апреля>, среда

Утром пошли покупать краски, которые нашли в писчебумажном магазине в Алупке, Сережа выбирал два часа альбомы, краски, кисти. Я ходила далеко за смальцем в странное место с каменными бабами, к каким-то контрабандистам. Утром перед уходом в Алупку был ликвидирован вопрос о карикатуре — Сережа помогал Ните распилить полено и был тронут тем, что Нита на него ласково глядела. «Мне надо с Вами поговорить». — «Только со мной?» — «Нет, с Вами и

Ольгой Богдановной. Позовите и ее, и я покажу Вам пресловутую карикатуру».

Когда они пришли, разговор происходил у калитки. Сначала они не хотели смотреть карикатуру, боясь увидеть неприличное, и со слезами на глазах отвертывались, потом увидели, что не очень страшно.

Сорин заходил: «Где твои «Венецианские панно»? Их можно было бы продать». — «Что, в такое время! Такие большие вещи!»

Утром я узнала о скандале, происшедшем между Шаминым и Леонидом и затем Риммой и Леонидом. Римма уезжает в Ялту.

22 марта <4 апреля>. четверг

104

Проснулись поздно, потому что засиделись вчера у Шаминых. Сережа просил написать расписание дня, после вчерашней покупки решил начать работать, я готовила обед и убирала комнаты, он же стал делать первый рисунок в альбом — индюка. Я его отозвала, так как пришли записывать в кооператив, надо было показать паспорта, причем Сережу спросили — грамотный ли он (а я в это время рубила дрова). Потом Сережа пришел возбужденный — потому что приятно было рисовать с натуры и потому что модель была невероятно напыщена и ежеминутно пыжилась. Обедали. В четыре пришли Фельдманы, поили кофеем и показывали этюды, они смотрели, не понимая, и вместо того чтобы сказать что-нибудь приятное, хотя бы из приличия, рассказывали о своих академических победах, премиях, заграничных поездках — это он, а она о своих бризаковских платьях, десятитысячных манто, все выходило очень нетактично, и, когда мы пошли их провожать, Сережа стал с ними холоднее, и, хотя они пригласили нас в воскресенье к обеду, Сережа на обратном пути заявил, что не пойдет: «Я обижен, они должны были знать, у кого они были». С трудом его удалось успокоить. У меня болела голова, и я легла дома на постель и читала «Дуэль» Чехова, а Сережа болтал у Леонида и Чернояровых, там Римма опять говорила о сексуализме («Как бы я хотела начать жизнь сначала, я искренне жалею тех девушек, которые в восемнадцать лет еще не знают мужчин». — «А Вы когда вышли первый раз замуж?» — «Когда мне было девятнадцать лет», — она смотрит в сторону и делает свою обычную гримасу). Она обращается к Михаилу Васильевичу, который все время гово-

рит, основываясь на Вейнингере: «Как Вы думаете, усиленная половая жизнь мешает творчеству или нет?» Она имеет в виду Леонида, и Сереже становится противно.

Когда Сережа возвращается домой, в комнате лампа пахнет керосином, у меня еще больше болит голова, и мы идем к маме, где меня укладывают, поят чаем и порошками, а Сережа показывает карикатуру Хотяинцевой и компании. Она тоже нарисовала премилые карикатуры на нас, маму, Браиловских — незлобные, пошловатые, но милые рисунки. Мы сидим до двенадцати ночи. Главная тема разговора — это альбомы, которые мы все решили завести (под впечатлением ее альбома 1810-го года), и которые должен переплести Mr Жакье.

Политические настроения как будто лучше. Фельдман рассказывал о немцах.

23 марта (5 апреля). пятница _____

Я почти всю ночь не спала, стал вновь нарываться палец. Теперь правая рука совсем негодна — пошпаренная и с нарывом на пальце. Приходит мама мне помогать готовить. Я собираю лишь хворост, день божественный, забываешь обо всех невзгодах. Я встречаю Римму, она после всех скандалов какая-то обновленная, «девственная», говорит со мной страшно мило: «Я именно Вам желаю более хорошего времени, Вам, человеку долга, так честно относящемуся к жизни». В двенадцать часов мы наконец идем — после перерыва в три месяца — на этуод.

Приходим домой в четыре часа и обедаем. Заходим к Ша-миным, которые переехали сегодня к Сведомской, в соседней комнате лежит больная Нита.

Сережа знакомится ближе с Бе<нрзб.>.

Дехтерева, Жакье и Мария Игнатьевна были в Ялте и предлагали свои услуги синематографу. Говорят, синематограф скоро приедет в Мисхор — мне захотелось играть. Они просят меня дать им указания.

25 марта <7 апреля>. воскресенье. Благовещение _____

Ночь с пятницы на субботу была ужасна. Я ни минуты не только не спала, но не корчилась от боли в пальце. Чуть свет встала, разбудила маму, и еще в тумане мы с ней шли в Кореиз в земскую больницу. Доктора Михайлова не было, и мы прождали до одиннадцати часов, когда мне его жена сделала разрез, сразу полегчало. Обратный путь божественный. Мама

хочет купить земли. Сережа дома нервничал и устраивал другую комнату, которую настолько обогрел, что можно в ней жить. Он был совсем разбит, и мы легли оба спать. Я проснулась в пять часов. (У мамы была Луизита Штакельберг.) Заходили Блумен и Шамин. Потом я совсем легла. Вечером сидели Сорин, Ирина Сергеевна и мама. К Шаминным приходила Тищенко смотреть кукол. В воскресенье утром встали бодрые, пошли на перевязку в Кореиз (заходили к Браиловским — познакомились с доктором Овсянниковым. Очаровательный доктор, чеховского времени. У Михаила Васильевича Черноярова нарыв в горле — бедняга). Блуждали по тропинкам, прошли через старый Мисхор. Обедали у Хотяинцевой, а после обеда долго говорили с Дехтеревой и Марией Игнатъевной о жизни, о задачах, целях, о том, что не поздно никогда переменить жизнь и что каждый человек кузнец своего счастья. Дехтерева нам нравится — она трогательно смотрит на всех, как бы ожидая помощи и надеясь — мне так понятно состояние ее души. Муж ее отвратителен. Мария Игнатъевна глупа, добра и безнадежно беспомощна. Хочет стать артисткой. «Почему не поэтом?» — спрашивает Сережа. Когда Сережа говорил о том, что, благодаря своему опыту, читает по лицу человеческому всю его жизнь, Мг прибежал из соседней комнаты и как-то преувеличенно принял участие в разговоре. Сережа сказал ему несколько успокоительных фраз, замаскированных, но утешительных, а дамам прописал рецепты. Дехтеревой: «*Esprit de lune, Delirium egoisticum* <5 нрзб.> *valeriana*» <«Лунный дух, эгоистичная горячка... валериана»>.

Это последнее — намек на то, что она нравится Шамину. Между прочим, он стал так говорить об убийстве, о том, что это иной раз необходимо — убить человека, что нам стало жутко.

От Хотяинцевой мы отправились далее к Браиловским пить чай. Там сидели Набоковы. «А мы о Вас говорим, о Вашем пальце и о том, как Вы хозяйничаете». — «Почему Вы, собственно, это делаете, я бы ни за что не стала заниматься подобным делом», — говорит она. Все четверо — мать, два сына и отец — вымытые, свежие, чисто одетые и в нашем «залезалом» обществе имеют невероятно лоизенный вид. Она говорит комплименты Серезиной картине, которую они купили несколько лет тому назад. — «У меня есть Сомов, его первые радуги, Бенуа («Версаль»), Анисфельд и так далее».

И все это — «у меня», «у меня», как будто мужа и нет. — «Бакст писал мой портрет, но не мог справиться с моей улыбкой». У нее сжатый, некрасивый рот и тик в лице, а на правой щеке шрам. В дверь заглянул Сорин, но сейчас же убежал. — «В горы от гостей на этот раз», — сказала Римма. За ним пошел Сережа, передать просьбу посмотреть портреты. Он принес их. Они произвели, по-видимому, впечатление, хотя Набоков и остался сидеть на галерее и оттуда сказал: «Великолепно!» По этому поводу Сорин обругал его потом буржуем. Когда смотрели портрет Бруса, молодой Набоков сказал: «Это муж Карсавиной», отчего Сорина передернуло.

Они вскоре ушли. Я вспомнила, что в Москве про Mme Gr. говорили, что Набоков ее любит и она вызывает его из Петербурга делать ванны. Он приятный мужчина, она же, жена, злая, препротивная.

Мы остались ужинать у Браиловских и в восемь часов отправились к Дроздовым (утром, когда мы шли на перевязку, мы встретили его жену, которая передала нам приглашение). Сразу нас ввели в «залу», где стоял рояль, кровать и несколько стульев. Без долгих разговоров он сел за рояль и сыграл нам целый концерт: Баха органную фантазию, сонату Листа, посвященную Шуману, мрачную, и «Дон Жуана» Листа. Играл он с маленькими передышками, и Сережа во время этих передышек говорил ему: «Вы Мастер — изумительный». Мы сидели рядом и прижимались друг к другу. Потом пили чай, и Дроздов сыграл еще несколько миниатюр своего сочинения, левого жанра, и это очень подняло его в наших глазах. Не то чтобы они были очень хороши, но то, что они левого направления, человек, который столько лет возится с Моцартом, Листом, Бахом, сумел дать в своих произведениях новое, — это много значит. Шамины сидели безмолвно, по-видимому, очень наслаждаясь музыкой. Леонид Михайлович видел во всем Гофмана, а Римма имела вид обезьяны, впервые прислушивающейся к музыке, она сидела, растопырив и протянув ноги, иногда щурясь и утирая пальцем нос, иногда чему-то довольно усмехаясь. «Я в музыке ничего не понимаю», — говорила она. Воображаю, как в душе злился Дроздов, он ее ненавидит.

Потом возгорелся спор об Артуре Лурье. Сережа спросил, знает ли он его. Оказывается, он был в его классе, и Дроздов знает его сочинения первые, «Автопортрет». «Ну, как?» — «Знаете ли, он в высшей степени умный и интересный человек, и я его очень любил, но талантливость его должна про-

явиться в какой-нибудь другой области, но не в композиции — здесь он ребенок». — «Он просто бездарен», — сказала жена Дроздова. Тут Сережа вспылил и принялся, защищая Артура, укорять всех тех, кто не умеет поддержать юный талант и тонко отнестись к нему, кто лишь повторяет пущенную кем-то злым необдуманную фразу о бездарности. Сережа сильно разволновался. Дроздов осторожно говорил об Артуре, больше говорил о его характере, заносчивости (когда он показывал Глазунову свои сочинения, Глазунов сказал ему: «Я не понимаю их, очевидно, я не дорос»). На что Артур ответил: «Очевидно, Вы не доросли»).

Когда мы собрались уходить, все уже ушли. Мы шли домой одни, с Сориным. Ночь была теплая.

26 марта <8 апреля>. понедельник _____

108

Сережа принялся за работу, погода холодная, и мы сидели в комнате, где тоже было холодно, я читала Сереже «Un amant de sosu <Обманутый любовник>», а Сережа подправлял разные старые этюдики. Вечером сидели у Браиловских до десяти часов, пришли со своим молоком и яйцами ужинать, там сидел Сорин, который рассказал Сереже о смешном сне Белой Штучки и о картах, которые рисует Черная Штучка. Очень мило и остроумно. Сережа — червонный король — с одной стороны большевик, с другой — во фраке и с моноклем.

В десять часов мы пошли к Хотяинцевой отнести маме молоко, и были встречены там криком: они пробовали играть в синемаатограф и жаждали, чтобы пришли мы показать им. Я стала сочинять любовные сцены между Жакье, Марией Игнатъевной и Натальей Николаевной. Пришлось и мне принять участие, чтобы показать. Мария Игнатъевна не могла сделать самых примитивных жестов, показать, например, как была одета ее подруга. У Дехтеревой движения сами по себе грациозны, и она, безусловно, может сыграть. Жакье же очень хорош, и его в синемаатограф примут, так как европейских лиц среди актеров у нас очень мало.

27 марта <9 апреля>. вторник _____

Наконец весенний день. У меня в руке корзинка с молоком, яйцами, хлебом и «Amant de sosu», а у Сережи ящик с красками, и мы идем на этюд. Там сидим четыре часа. Проходит Сорин, потом Сухотин. Возвращаемся домой и ложимся отдыхать. Вечером я мою волосы, и мы устраиваем целую

баню. Перед тем сидим у Браиловских, у Леонида голова болит, и он лежит, а Римма расспрашивает Сережу о любви. После обеда, который нам помогает сделать мама, вечером мы идем под ручку гулять по верхнему шоссе. Еще не очень темно, звезды сияют. Сережа напевает мне русские песни и рассказывает о происхождении некоторых из них (чулочница-любовница, школа живописи). «Все-таки Россию никогда не забудешь, и знаешь, о какой мастерской я мечтаю, может быть, это нелепо — в русском стиле. Бревенчатые стены, угол с иконами, и ты сидишь там персидской царевной».

28 марта <10 апреля>. среда _____

День пасмурный, и Сережа хандрит. Я неудачно собираюсь несколько раз в Алупку и оставляю его одного. Он пишет пасмурный этюд из Леонидинового окна. Я собираю хворост и готовлю обед, после обеда он спит, я собираюсь в Алупку с мамой, но там приходится застрять, потому что приходят Штакельберги. Когда я прихожу домой, Сережа уже давно проснулся и в очень мрачном настроении. В продолжение двух часов мы улаживаем это настроение, и, только поужинав, он отходит. Заходит мама, и мы идем к Хотяинцевой, где я даю большой урок игры, и Сережа поражается моему режиссерскому таланту. Очень забавно. Дамы волнуются и стесняются. Они очень старательны и делают успехи. Сначала присутствует Лидия Никитична, а затем приходит Оля Майдель. Она годна для комичных ролей, но ее мимика и несчастный нос невыгодны для экрана.

109

29 марта <11 апреля>. четверг _____

Все утро собираемся в Алупку. Вчера Сережа выбрал место (ручей) для этюда, но сегодня опять пасмурный день. В двенадцать мы идем в Алупку с Ириной Сергеевной. По дороге мы узнаем о взрыве (Б<нрзб.> в опасности). Там обедаем в «России». Я заболела и прихожу домой совсем больная. Весь вечер сидим дома, Сорин заходит, сегодня он ласков и приятен, за последнее время он как-то огрубел, обнаглел, часто был не в духе, и мы все наводили критику на этот счет. Он предлагает, если будет все спокойно, проехать на Пасхе к Билибину, он хочет взять Штучку. Заходит мама взять белье, у нее ночуют Штакельберги. У меня просыпается сильное национальное чувство, когда я вспоминаю его вчерашний разговор со мной. «Я при первой возможности уеду в Герма-

нию». — «Но ведь Вас туда не пустят». — «Как не пустят, я ведь не русский, а балтиец». — «Что же, Вы навсегда там останетесь? У Вас ведь фабрика в Москве?» — «Да, я буду жить в Германии, а дела делать в России». У меня просыпается национальная ненависть!

Какое будет еще унижение, как нагло будут еще себя вести люди. Пользоваться богатствами одной страны и проживать деньги в другой. Сережа говорит, что не стоит возмущаться, а надо закалить себя и гордо переносить все это. Пример — Греция и Рим.

30 марта <12 апреля>. пятница

110

Мне снилась бездна снов, Сереже тоже, и мы оба проснулись немного разбитые. Мне снился бал с англичанами, и все они танцевали особенный четырехпаузный вальс, который я учила. Затем снились маленькие ёлки, рождественские и украшенные. Когда я отворила утром дверь, к домику прислонившись, стоял кипарис, украшенный фиалками, — это Наташа Дехтерева выразила свое чувство ко мне. Кроме того, они собирают шишки и хворост и кладут перед домом, трогательно и мило.

Утром, пока Сережа выбирал место для этюда, я ходила поздороваться со Штакельбергами, чтобы не подумали дурно. Когда пришла, Сережа нашел чудесный вид около кухни Сведомских, соседство не особенное, но вид прекрасный. Я должна была чистить картошку и позировать. Около кухни масса народу: Ирина Сергеевна и Сергей Валерьянович, чья кухня по соседству, Сведомская, ее экономка, Майдели, Нита, Блуменфельд. Сережа любит работать «в обществе», и этюд ему очень удается. Обедаем вкусно.

В половине четвертого назначен концерт Ян-Рубан у Браиловских на даче. Сейчас же после обеда, пока Сережа отдыхает, я впервые немного прихорашиваюсь к концерту.

Когда мы вошли в мастерскую, Ян-Рубан спела уже две песенки и при нас стала петь французские *bergerette* <пасторали>.

Мы как вошли и, увидев много народу, сели на кушетку рядом с Нитой. Ян-Рубан спела две песни по-французски с таким умением и таким пониманием стиля, что мы с Сережей умилились до слез. Мы очень чувствительны к музыке, и порой мне казалось, что я без стеснения прижмусь к Сереже и начну плакать. После этих двух песен наступил антракт,

и мы могли прийти в себя и осмотреться. Во-первых, мы стали оба страдать, что никто не подумал о цветах, и я решила, как придет мама, попросить ее принести какой-нибудь букетик с дачи Чичкина. Римма хлопотала о чае, в бархатном черном платье она предлагала чай в маленьких грязных стаканчиках на блюдечках из-под варенья. Не хватало ложек, и чай был очень жидок и без сахара, но была белая булка и жирные коржики, которые в серебряной корзинке помогал разносить молодой Набоков. В одном углу сидели персонажи с Сережиной карикатуры: Сорин со своими невестами Тищенко и Штучками. Этих последних Римма не хотела пригласить, но Сорин поставил ей ультиматум — или они, или он тоже не придет. Мне Набокова в первом же антракте подседа к Сереже и стала говорить с ним о ее сыне поэте, о книжке стихов, которую он не мог издать из-за событий, о музыке, о первой книжке стихов, за которую ее сын кается, на что Сережа ответил: «У поэта обыкновенно нет семьи, а раз в данном случае есть, то семья должна бы оградить его от ошибок». Когда Набокова подошла к Сереже, я вскоре довольно демонстративно ушла со Штучками, которые ко мне подошли, к Вере Георгиевне, чтобы поздороваться с ней: она в черной чалме, в мехах, сидела неподвижно в углу и за все время концерта никуда не двинулась, ее было жалко почему-то. Может быть, потому, что все только и говорили: «До чего Тищенко подходит к Сорину, это поразительно». А на самом деле он явно дает предпочтение Белой Штучке. Я осталась сидеть в углу «красавиц», как потом сказала про нас Римма. На лестнице сидели мужчины: Леонид Михайлович, Блуменфельд, Дроздов, рука которого у меня не выходит из памяти. Он упал и повредил себе нерв руки до такой степени, что палец у него не разгибается, это ужасно! Левая рука у него по этому случаю в черной перчатке, и сам он очень удручен, бедный, сколько несчастий у него за время революции: потеря всех бриллиантов, всех одежд, денег и теперь — палец. Говорят, Михайлов растерялся при виде пальца.

Наверху, на галерее, в царской ложе сидел Набоков, которого жена усиленно звала вниз, но он не шел. С ним же сидел Михаил Васильевич, только что оправившийся от болезни, бритый и худой. Были еще Сведомские, Майдели, Нина Блуменфельд, пришла паня Зося.

Римма очень старалась насчет чаю и опять походила на мандрилу, оглядывая своих гостей.

Ян-Рубан пела очень странную программу. Начала с французских песенок, потом шел Grieg, Brahms, Чайковский, Гречанинов со словами А. Белого, «Le roi fait battre du tambour <Король велит бить в барабан>», и кончила прекрасной песнью «Amarillis <Амариллис>» Saccini. Мама достала букет левкоев, и Сережа бросил их в окошечко. Blumenфельд ругал Ян-Рубан, говоря, что у нее нет голоса.

31 марта <13 апреля>. суббота _____

Сережа до обеда писал тот же этюд, но был такой сильный ветер, что почти невозможно было писать. Я немного позировала. После обеда спали, я тоже, а в пять часов пошли с мамой, и Шаминами, и Риммой Никитичной смотреть Черноярский участок, часть которого, маленький плодовый сад, хочет купить мама. Я, конечно, обдумывала план дома. После заходили к офицеру-сапожнику, но не застали его.

112

1 (14) апреля. воскресенье _____

Сережа собрался писать этюд, но пришлось отнести мольберт к Римме Никитичне, там у нее собралась вся знать смотреть гобелены. Я села с Орловой, которая мило болтала со мной, она единственная среди всех: и понимание есть, и вкус, но, конечно, Тищенко, полуеврейка, превзошла всех, другие говорили все мимо. Всего комичнее вышло с самым некрасивым гобеленом, когда его раскрыли, кто-то воскликнул: «Ах, очаровательно». Тогда Сережа сказал: «Особенно кайма». — «Да, да, — раздались голоса в ответ, — изумительная, прекрасная кайма». Потом Сережа, показывая гобелен XVIII века, говорил: «В готическом стиле». Потом Сережа дописывал пейзаж от Сведомских. После обеда легли спать. К нам стучались Щербатовы и написали на дверях.

2 (15) апреля. понедельник _____

С утра я с Дехтеревой помчалась за ситцем в Кореиз. Выдавали не много, но я выклянчила пять аршин солдату на рубашку. Возвращались тропинками опять по очаровательным местам. Жалею каждый раз, что Сережа не видит. Сережу я усадила около водопада, и, когда мы вернулись, он уже кончил этюд. Дехтерева перешла ручей вброд, замочив ноги, а мне Сережа не позволил и послал в обход. После обеда Сережа не спал, а сел за работу, а я с мамой и Ириной Сергеевной пошла в Алупку к зубчихе и <за> вареньем. Там видели

массу автомобилей, чья-то подводная лодка посадила транспорт, шедший из Севастополя, около Байдар. Видела Фельдманов (не нравятся они мне). Шли обратно с Блуменфельдом, с которым играли во вчерашнюю игру, он загадал мать Алеши. Придя в Мисхор, сидел немного у нас. По дороге видели Полей с корзинами лиловых цветов с Ай-Петри.

Как можно видеть жизнь по-разному. Можно рассказать просто: мы посидели, поговорили о музыке, поэзии, немного поспорили и разошлись. Или же так, как рассказал Сережа о вчерашнем своем сидении у биолога, в то время как я ходила с мамой в Алупку: «Когда я пришел, биолог лежал в постели, на другой кровати сидела стриженная и кудрявая Ирина Сергеевна, краснее обыкновенного, потому что она спорила о существовании души и Бога с биологом. В дверях, почти что в другой комнате села Нина Александровна, а я сел за роялем, пока они спорили, я наигрывал полечку Кузмина, и разговор перешел на музыку Кузмина и его поэзию. Три куклы сидели в комнате, одна из них, похожая на горбуна, лежала на кровати, другая — на парижскую куклу со стриженной головой, сидела на кровати, а третья просто глядела на них рыбьими глазами. У уроды злорадный смех, у парижской куклы дребезжащий голос, то мужской, то женский, плохой робот, как вся она».

3 (16) апреля. вторник

Сережа работал дома, а я варила бульон. Зашла Нина Александровна сказать, что в три часа будет трио (Михаил Васильевич и Поль — две скрипки, а Блуменфельд — рояль). Обед был такой сытный и вкусный, что Сережа пожелал поспать, и мы, совсем раздевшись, спали до половины четвертого.

Свежие и томные, мы пошли слушать музыку. Сережа взял альбом и сделал чудный набросок с трио. Играли Моцарта. К сожалению, я сидела сначала внизу с Ян-Рубан, девицами и Риммой, которая решила всех угостить дешевым кофеем и для этого рассказала всю историю этого кофе, взбаламутила всех девиц, заставила всех бегать за углями, кофейниками, печеньем и наконец налила каждому по половине грязной чашечки, и сама беспрестанно хвалила каждый глоток. Ян Рубан ушла раньше. Все пошли наверх, так как Поль стал играть на рояле Шопена, Листа и свои произведения, причем Римма осрачилась, спросив про «Verceuse <Колыбельную>» Шопена — не его ли это сочинение. Играет он самой блестящей техникой, и впечатление портило лишь плохое пианино.

Сереза побежал в Алупку узнавать новости. Мне Лидия Никитична говорила по руке и покраснела, увидев мою руку, а я вспомнила слова Corradini: «Сохрани Вас Боже показывать Вашу руку пожилым дамам». Она смотрела также и Серезину руку и нашла ее счастливой, хорошей и, главное, — удивительное здоровье, это главное, что меня всегда интересует. Действительно, откровенно говоря, меня не интересует ни его талант, ни его счастье, а лишь его здоровье, в этом я вижу какую-то исходную точку и все счастье для меня в его «бытие».

У меня сидела Ирина Сергеевна, и мы сплетничали про Римму и Сорина. Сорин у нас перестал бывать, его видят с цветами, очевидно, делает на днях предложение Штучке. Если это так, то я ему прощаю все дерзости и грубости и negliжированность к нам. Ирина Сергеевна одела мою блузку и пошла с отцом к Дроздовым в гости. У нас еще сидела мама, и мы рано пошли спать.

114

4 (17) апреля, среда

Ветры весенние ужасны — ни гулять, ни писать. Сереза задумал интереснейший автопортрет и сказал: «Кажется, я гениален, потому что то, что я задумал, невероятно, и Соринские портреты никуда не годятся, в них ни перспективы, ничего». Я разбирала вещи, сундуки, надела сарафан и в нем пошла на урок и вечером к Хотьяинцевой, куда мы были приглашены на ужин, чтобы потом заниматься. Сереза ходил в Алупку и привел того самого красногвардейца — ученика Строгановского училища, с которым он познакомился у обелиска. Милый мальчик, совсем юный, кажется, ничего не знает в искусстве, но горит желанием стать художником. Сереза видел в Алупке Мте Фельдман и с ней говорил очень остроумно.

За ужином Мария Игнатьевна надерзила Дехтереву, и поэтому Сереза не пошел на урок, а остался говорить с ним на террасе. Я занималась усердно, потом хуже, устала. Всех лучше Мария Игнатьевна.

5 <18> апреля, четверг

Сереза работал над «Автопортретом». Весь день шел теплый весенний дождь, и мы сидели уютно в мастерской. Я и мама шили, я доразбирала вещи. Утром заходила Римма за канвой (ей заказала Тищенко две вещи).

6 <19> апреля. пятница

С утра пошли провожать маму и застряли у Тищенко, которая показывала все свои богатства. Придя домой, Сережа спал полчаса, пока не пришел Сережин новый ученик, который делал наброски; заходили Браиловский и Сорин. Оба вызваны на заседание по самообороне. Вечер провели у Шаминых, играли в игру.

7 (20) апреля. суббота

Вчера вечером к нам стучал Сорин; мы уже спали, но встали открыть ему; он пришел с винтовкой, но без зарядов, которых нет, и собирался дежурить всю ночь. Сегодня с утра Сережа ушел в совет (мисхорский) просить дать ему револьвер вместо винтовки, так как его больное плечо не переносит тяжести. Сорин поехал с Оболенскими за мукой, которую выдают без карточек, хотели взять меня, но взяли жену повара. Я убирала и готовила. Прошел мимо Леонид с заспанными глазами, говорит, <что> ночь была изумительна, пели соловьи, было тепло, комиссар сказал, что придет вскоре время, где <sic!> всем придется не спать! Ирина Сергеевна заходила, хочет устроить какую-нибудь пакость Леониду за его скверный характер. Сегодня он накричал на Нину Александровну. Хочет повесить на дверях шараду (сор-тир). Когда вернулся Сережа, заходила Римма, рассказывала смешно про единственного артиллериста, которого она видела, и который согласился защищать Мисхор; потом Ирина Сергеевна пригласила нас есть пельмени. Мы пошли, взяв с собой свой компот. Сидели перед кухонькой. После обеда Сергей Валерьянович пошел спать, а Ирина Сергеевна выкладывала все свои мемуары о Рославлеве. Его бывшая жена сейчас очень бедствует в Гурзуфе.

В четыре часа у нас были назначены croquis <этюды>. Пришел ученик Сережи Никодим Вик. и еще малыш Миша, которого сегодня Сережа застал по дороге в Кореиз очень плохо, но старательно рисующим гору. Так как, оказывается, он безумно хочет учиться, то Сережа велел ему прийти и поручил его мне. Я показала, как надо рисовать куб, и заказала ему к понедельнику два рисунка. Потом пошла к Браиловским, где внизу, в столовой, были croquis, позировал Михаил Васильевич со скрипкой, потом Оля Майдель и Нина Александровна, которые составили очень скучную группу, затем я. Сереже удалось всего лучше последний набросок. У Риммы

ужасно бездарные наброски. Никодим Вик., оказывается, очень талантлив. Сорин скрывал свои наброски и закрывал даже пиджаком свой альбом. В семь часов Сережа побежал в Алупку менять деньги, а Сорин повел меня к Оболенским смотреть портрет. Портрет не тронул меня, скучно мещанское лицо и катастрофа с фигурой — поза еще не найдена, и слишком выдвинутое плечо не соответствует в своей остроте простому лицу. Сорин довел меня до дому и говорил, что никогда бы не позволил своей жене так портить руки, и не один crème de beauté <косметический крем> не исправит мне их. «Не в коже дело, которую я, безусловно, могу поправить в неделю, а в грации движений, и ни одна кухарка такого жеста, например, сделать не может».

Вечером мы были приглашены на «игры» к Шаминам, где много смеялись. Blumenfeld поразил нас способностью множить четырехзначные числа в минуту. Ночь лунная, красоты неопишуемой. Политический момент напряженный.

116

Мама не приехала.

В игре оказалось, что у Леонида талия липкая, ночная сорочка смазливая, лысина театральная, а борода керосиновая.

8 (21) апреля, воскресенье _____

В семь часов нас разбудил Сережин ученик, с которым он отправился на этюд. Я с Ириной Сергеевной пошла вперед на базар, и на обратном пути застали их у пруда с лебедями, окруженными группой солдат, которые с восторгом смотрели на их этюды. Встретили Римму и Леонида, которые спешили «закупить провизию, потому что немцы уже взяли Симферополь». «Не ври, не ври, они только окружили его», — вставил Леонид. Придя домой, варила уху и прибирала. Они пришли, потом Сережа спал, потом обедали, ученик его тоже, потом заходил Жакье, которому Сережа дал еще переплести альбом, и все трое пошли рисовать козла. Я ждала Тищенко и Квиля, поэтому тщательно убрала комнаты и с разрешения Сережи даже вытащила все antiquités <древности> и устроила эталаж. Нарвала немного цветов, и комната стала уютной. Тищенко не пришла (Сорин предупредил, что она больна), и мы трое пили чай с оладьями. Зашел Дроздов с воскресным визитом, был мил чрезвычайно. Заходили также Сергей Валерьянович, Ирина. Уже в семь часов заходила Штукенберг Черная с мужем, оба нудные и неприятные, неизвестно почему. Они спешили уйти, потому что Алупка и Мисхор в осадном положе-

нии и до восьми нужно быть дома. Вечером, когда я уже ложилась спать, зашли Шамины и Сорин. Савелий был до такой степени груб, дерзок, очевидно, вследствие политических неприятностей, что мы просто рты разинули, и Ирина Сергеевна, и я решили ему <в> следующий раз не спустить и поскандалить.

9 (22) апреля, понедельник _____

Утром шел дождь, и поэтому Сережин ученик не пришел будить его, но мы — Ирина, Сережа и я — пошли все же рано на базар. Сережа остался в Алупке, а мы с Ириной, придя домой, помчались в Кореиз запастись мукой, крупой. Пришлось там идти в совет, где нам обещали на завтра один пуд муки. На улицах ходят и стоят группы народа, всюду один вопрос, один интерес. Татарин в лавке, где мы берем крупу, шепотом рассказал новости. Придя домой, я готовлю до Сережиного прихода. Он приходит около трех с Никодимом Вик., который его уже накормил у себя. Я их пою чаем, а затем идем на croquis. Этот раз позируют девочки, затем я с Ириной Сергеевной; девочкам Сережа читает лекцию о пережитом «книксене». Наташа со всем соглашается, Тася упрямо при прощании делает кникс. Croquis продолжают лишь час, потому что мы спешим на урок, который, однако, не состоится: всех слишком волнуют события, и Оля Майдель рассказывает сведения, которые ей сообщили татары (о взятии Бахчисарая, о тропинках и так далее). Вскоре заходит Сережа, он идет в Алупку узнавать новости. Он встревожен, и Леонид, даже Blumenфельд сказал, что наступили тревожные дни. Он возвращается через час, идет к Сергею Валерьяновичу говорить о дежурстве, а я с Ириной готовлю кофе, и вместе ужинаем.

Мое bon-mot <бонмо>: «Ник<?> был взят четырьмя людьми, для Алупки хватит одного, а Мисхор можно взять и по телефону».

Мама опять не приехала.

10 (23) апреля, вторник _____

Утром я помчалась с Ириной в Кореиз за мукой. Мы теперь встаем в семь часов. Там татары нам сообщили немного новостей, то, что мы отчасти уже знали. В совете страшно милые люди. Подобрали полено. Пришли домой, у нас уже сидит Никодим и вместе с Сережей рисует. Я стала готовить,

они пошли на этюд (кухня Сведомских). Пообедали, Сережа лег на один час, Никодим работал, я пошла, убрав все, к Чернояровым, просить пудру, застала на крыльце Михаила Васильевича и с ним сидела полчаса. Прошли мимо Сорин, Квиль, Блу, Дроздов — все в Алупку за известиями. Через Мисхор, вдоль моря проводится военный телефон, и Блу пустил дурацкий слух, что это уже украинцы. Встретила по дороге Татьяну Николаевну, которая пришла пожаловаться: после вчерашней Сережиной лекции девочки, придя домой, расплакались. «Для них отношения между родителями — самая чувствительная сторона, и, наверное, Сергей Юрьевич что-нибудь необдуманно сказал». Я успокоила ее, что говорил он все больше насчет книксена, хотя вспомнила, что Сережа добавил: «А надо слушаться папу и маму, в особенности папу, потому что второго папы у Вас не будет. Папа бывает только один». Эта фраза, очевидно, так и тронула их. Я с ней прошла до моря, идя обратно, встретила паню Зою, которая тоже сказала несколько новостей. В часов пять пошли на scoquis, работали только Сережа и Никодим, а позировали девочки. В шесть часов началось тревожное время. Слухи за слухами. В Массандре бой, Севастополь решил защищаться, отовсюду бегут красногвардейцы, местность от Ялты до Алупки объявлена начиненной контрреволюционерами, и поэтому Сережа говорит, что надо быть начеку и даже, возможно, что придется уехать. Заходят Сорин, Сергей Валерьянович — все бегают друг к другу, чтобы обсудить, как дежурить. Я очень тревожусь за маму. Из Ялты только что приехали какие-то Жеребцовы, бежали — там стрельба в Массандре.

11 (24) апреля. среда

Всю ночь дежурили Сергей Валерьянович с Блуменфельдом, Сережа с Дроздовым, ходили крест-накрест до трех часов, потом вторая очередь — Сорин с Оболенским и Леонид Михайлович с Чернояровым. Я спала плохо, одетая, до трех часов, когда я открыла дверь Сереже; он спал одетым до шести, потом разделся и уже спал до обеда. Вчера вечером у Сережи болела голова, и он до дежурства лежал и пробовал спать. Я спала у раскрытого окна одетая и прислушивалась. Водопад давал столько звуков, что казалось, поблизости происходит целое сражение. Затем, когда Сережа идет дежурить, я одеваю свое театральное трико, две пары рубашек, чулки и в таком виде ложусь спать. (Римма, оказывается, тоже спала

«одетой», то есть надела черный лиф, потому что черный цвет ей казался символом одетости.) Приходится только несколько раз вставать, открывать дверь. Раз открыла дверь, чтоб спросить проходящих мимо Блю и Сергея Валерьяновича, где Сережа. Блю в чудном настроении и поэтому говорит небрежным тоном: «Ах, Сергей Юрьевич там с какой-то дамой встретился». Потом рассказывает: «Я сейчас разбудил Леонида и сказал ему, что все спокойно и что он может спать еще целый час». Лунная, мягкая ночь. Я встаю сравнительно рано. Приходит Никодим, но уходит домой, чтоб прийти в четыре часа для *scoquis*. Я кормлю Сережу вкусным завтраком, и он опять засыпает, а я хожу в лес за хворостом. Тепло, я собираю цветы. Встречного почтальона спрашиваю о новостях. Ничего. В двенадцать часов с Ай-Петри идет гроза. Первый весенний гром. Я в это время у Ирины Сергеевны в кухне и бегу домой, чтоб Сережа не подумал, что это морское сражение. Он действительно проснулся, и мы болтаем спокойно. Целый день после этого пасмурная погода. У Сережи ссора с Михаилом Васильевичем, который шутил, но не хотел взять свои слова обратно. Римма приходит к нам пить чай. Вместо *scoquis* идем к Браиловским в сад на этюд, где Сережа и Никодим пишут меня на дорожке среди цветущих персиков, но так холодно, что более получаса нельзя усидеть. Сорин рассказывает, что Петр, который тоже застрял в Ялте, вернулся и рассказывает, что, во-первых, видел маму на улице вчера (слава Богу!) и что видел все сражение в Массандре, которое действительно было, но главным образом между татарами и красногвардейцами. Немцы и австрийцы были якобы в разведочных автомобилях и, обобрав Массандру (двести тысяч), удрали.

Мы идем домой, и я читаю стихи Кузмина, чтобы Никодим познакомился с ним («Русский рай», «XVIII век», «Александровские песни»). Раздается стук в дверь, я открываю: мама! с рыбой в одной руке и розами в другой, за ней татарин с вещами. Мы страшно рады. Мама оживленная, рассказывает о Ялте, о том, как Штакельберги ждут событий и не переедут на дачу Ухова, как все время стрельба в Ялте. Мама привезла массу провизии, мне корзинку (вместо несессера, который заказывал Сережа), Сереже белый китель, купленный у моряка, массу пустых банок и жестянок, картины Сережины с выставки от Бучумова, все это распаковывается у нас, присутствует татарин, который, сидя на корточках, курит папиросу.

Мама заходит к Майделям, где ее встречают с объятиями и поцелуями. Через двор бежит Сергей Валерьянович с Ириной, и в маленькой комнате у Майдель целое собрание. Мама рассказывает страшно оживленно, заходит Сережа в белом кителе, который имеет успех. Лидия Никитична и Оля возмущены, что так ждут немцев. Мы уходим последними, потому что Сережа объясняет Лидии Никитичне, что он большевик, и, хотя ему никто не противоречит, по обыкновению волновался. Заговорили о религии, и Лидия Никитична поразилась, узнав, что Сережа сильно и строго верующий православный человек. Потом, когда мы уже вернулись домой, я отнесла ей «Историю иконописи» Грабаря.

В восемь часов к нам зашла мама, которая привела Марию Игнатьевну, француза, Дехтереву, и мы пили чай в мастерской. Сережа развесил картины, которые мама привезла от Бучумова, и мы мило болтали. Сережа набрасывал мою голову. Зашел на пять минут сам Дехтерев. Мы <не законч.>

120

12 (25) апреля четверг

Выспались. Пришел в девять часов Никодим Вик. Я целое утро до часа готовила, так как мама привезла рыбу, а у меня было мясо. Они сели писать букетик роз. К обеду была рыба с томатами, после обеда я убиралась и, когда все сделала, пошла к Ирине Сергеевне, где мама в сотый раз показывала, как гладить воротники. Я вдела себе серьги, Сережа, конечно, вознегодовал страшно. На croquis, которые теперь происходят у нас, пришли француз и Natalie. Я дала три позы. Очень удачные наброски у Никодима Вик. Сорин приходил с мукой, хочет для своих высокопоставленных лиц спечь бисквитки. Француз расспрашивал Сережу, как работать. «Je ne peut pas travailler la <Я не могу так работать>». Он принес наброски и этюды, чтоб показать Сереже, Сережа назвал их дамскими и сделал указания. Я во время позирования читала «La révolte des Anges <Восстание ангелов>», как интересно! Вечером Сережа читал про себя, пока я готовила ужин, потом заходил спросить Сергей Валерьянович насчет дежурства. Всех дворников заставил совет дежурить, и вообще, говорят, опять тревожно. Симферополь будто бы взят обратно. И немцами взят лишь Перекоп. В Гурзуфе и Алуште дерутся с красногвардейцами только разведочные отряды украинцев с присоединившимися к ним татарами.

У меня вечером сидела мама и рассказывала про Штакельбергов, рисовала план их квартиры. Заходил Сорин и сказал, что хотя и надо, но он дежурить не будет, потому что у него драные сапоги и в такую сырую погоду он простудится.

Расходы с 8 апреля:

- 8) 40+40+40+40 заплатили за молоко
 2 десятка рыбы 1.60
 3 фунта смальца 21
 2 фунта творогу 3.60
 коренья .50
 дрожжи .25
 пила кофе 1.50
 кружку 1.60
 3 десятка яиц 10
- 9) 2 фунта картофеля 1.60
 1 фунт луку .40
 2 фунта капусты .80
 свинины
 мяса 3 ¼ фунта 9.75
 [язык 9]
 спички 2.60
 свечка 1.60
 конфеты 5
- 10) муки 1 пуд 20
 за носку 3
- 12) повидла 10.50
 за урок Лидии Никитичне 10
- 13) 50 яиц 15
 5 фунтов ячневой 6
 (за молоко татарину)
- 15) прачке (5 вперед) 20
- 16) салат, редиску 1.50

121

13 (26) апреля, пятница

Оказывается, мама дежурила до трех часов с Жакье и угощала кофеем его и Черноярова. Дежурили также Блю, Дроздов, Леонид, Оболенские (она тоже). Мы выпались великолепно до половины девятого. В десятом часу пришел Никодим Викт. и принес яиц мне и крупы из последних запасов Алупки — больше подвоза нет. Новостей никаких, то, что мы знали вчера вечером, подтверждается. До обеда они рисова-

ли с натуры. На обед Никодим Викт. уходил. Сережа и я спали немного. Мама пришла оповестить, что будет собрание о дежурстве у Браиловских. Мы и Ирина Сергеевна, которая заходила в это время, воспротивились «защищать буржуев», сказали, что пусть каждый о себе думает. Я читала «La révolte des Anges», упиваюсь, хотя страшно читать такую богохульную книгу, особенно в такое время.

Сережа все уговаривает переехать в Алупку. Мама ходила по дачам сзывать на собрание. Мы не пошли, а гуляли при яркой луне, и Сережа объяснял мне политическое положение: «Всякий конец ужасен, особенно этот трагический финиш русской революции». Заходила к нам жена Павлина и рыдала от страха — все по поводу известий из Алушты, где будто бы зарезаны татарами шестьдесят человек или семейств, говорят, зверски. Идет сильная травля на татар.

122

После собрания зашли к нам Сергей Валерьянович и мама. Первая очередь дежурства вышла Сергею Валерьяновичу, вторая, от двух до четырех, Сереже. На собрании был выбран председателем Дёмкин, и когда был поставлен вопрос, кто, собственно, затеял это собрание — все указали на Сорина, который каждый вечер сообщает ужасы и таким образом заставляет всех быть настороже. Злоба на Сорина огромная. Мама сердится на него за его фразу: «Я в Ваши кавалеры не записывался». Ирина за его фразу: «Сидите на своем месте и оставьте Савелия Абрамовича в покое» и вообще за его грубое отношение. Француз за то, что вчера будил его без конца и так и не добудился. Все за то, что от него узнают все ужасы. Павлин Александрович, «наш дворник», за его дружбу с Оболенскими и вчера даже его как будто обвинял в контрреволюции.

14 (27) апреля. суббота

Я спала дивно, а Сережа был разбужен в два часа Сергеем Валерьяновичем и пошел дежурить. Я проснулась в четыре часа и, удивившись, что Сережа еще не вернулся, встала и открыла окно. Утренний рассвет был изумителен, соловьи пели, как сумасшедшие. Сережа пришел в половине пятого, он разговаривал с Оболенским о литературе. Я встала в девять часов, когда пришел Никодим Вик., и, напившись молока, пошла в лес собирать хворост. Наконец-то, кажется, — весна установилась. Потом пила кофе у мамы и, взяв щенка, пошла в одиннадцать будить Сережу, который, оказывается,

уже встал и раскрашивал начатый вчера лубок «Рано утром, вечером, поздно на рассвете...». В двенадцать часов они пошли на этюд, а я принялась готовить обед. После обеда Сережа отдыхал, а я мыла волосы и стирала к празднику свою блузку. От четырех часов Сережа и ученик писали этюд, а я достала у Ниты глину и собиралась лепить театральную куклу. Хочу сделать целую постановку Сереже. (Заходила Ирина, говорили о соответствии внешностей, она хотела бы поменяться внешностью с Марией Игнатьевной.) Проехал Щербатов. В семь часов я пошла полоскать белье к Сведомской и когда подошла к дверям, они были заперты, я пошла к Хотяинцевой искать маму. Там меня уговорили войти, и Жакье торжественно нес за мной кастрюлю с бельем; пришлось сидеть там, тем более что я промочила ноги, пока не пришел Сережа. Его тоже угостили ужином, и мы остались сидеть на балконе, дожидаясь луны. Вспоминали французские и другие песенки. У Марии Игнатьевны премилый голосок, и она чудно спела итальянскую песню. К Сереже napросился Дехтерев, и они ушли домой. Когда я пришла, они сидели в мастерской, и Сережа рисовал его (*L'homme au nez camus* <курносый мужчина>). Я легла раньше спать и заснула крепко. Сережа лег в двенадцать часов. Он разделся, разбудил меня, чтоб помолиться, и только мы поцеловались, как вдруг мимо дома промчался карьером всадник. Сережа встал и выглянул в дверь: «Безусловно, тревога, свистки, вставай, одевайся моментально». Мы молча и спешно одевались. Дежурил эту ночь Дроздов, и Сережа пошел его искать. Вернувшись, говорит: «Это проехал комендант Григорьев, его Дроздов задержал». На Григорьеве лица не было: «Положение отчаянное, идут с гор татары, если будет все направлено на Кореиз, то вы услышите набат, а если на Дюльбер, то будет пущена ракета».

15 (28) апреля. воскресенье

Спали до половины двенадцатого. Я стала прямо готовить обед и возилась до двух часов. Сережа дорабатывал вчерашние лубки-наброски. Потом убрали комнаты. Заходил Сорин утром, то есть в двенадцать часов (разговор с Оболенской). Сорин принес новости из Алупки. Сбежал совет, очевидно, предвидя для себя какую-нибудь опасность. Алупка без власти. В Симеизе был бой. Убит анархист и еще кто-то. Потому-то тревога вчера. Собрание, бывшее у Браиловских позавчера, вызвало целую массу сплетен и разговоров. Юсупов

будто бы сказал Пантелееву: «А у Вас было контрреволюционное собрание!» Поэтому Римма и Леонид отрицают, что инициатива исходила от них, и все сваливают на маму. Враги Жакье уверяют, что это сделал француз для того, чтобы заставить дежурить Дехтерева. Все старались свалить хотя бы моральную инициативу на Сорина, потому что злы на него.

Ирина Сергеевна при Сорине заговорила по-английски, он ее упрекнул в невежливости и получил в ответ: «Не Вам учить нас вежливости».

Одним словом, получилась такая ерунда, вроде: «Иван Иванович Вандерфлит женат на тетке Воронцовой». Мне было досадно за маму. К счастью, события и новости сыплются как дождь, и поэтому это собрание скоро всеми забудется. Я предупреждала маму, но мама взялась за это дело так яростно, потому что хотела заставить дежурить Сорина, у каждого была своя цель.

124

Днем у нас сидела Римма, заходил под вечер Сорин и опять сообщил пакость на ночь: дела обстоят очень неважно, большевики мечутся в Ялте, власть у них, приезжали в Кореиз, разоружают всех и так далее. Сережа сильно уговаривал переехать в Алупку. Я, как каждый раз, так и в этот, противилась. Сережа ходил в Алупку и вернулся до шести часов, видел много вооруженных людей, проехали два броневика с пулеметами.

Решили все же, несмотря ни на что, раздеться, хорошо вымыться и лечь спать. Пока я грела воду, заходили к нам Мте и Мг Жакье. Потом Дехтерев, которого я в душе проклинала, потому что вместо девяти мы легли спать в одиннадцать.

16 (29) апреля. понедельник _____

Выспались, встали свежие. Утро Сережа работал, заканчивал этюд у Сведомских в саду. Новости самые разнообразные. День чудный, и мы спокойны и даже веселы. Хожу к Ухову покупать салат и лук. Тамошний дворник вытащил на солнце весь свой скарб, все свои лампы, Евангелие и открытки Иерусалима и белит свою каморку к празднику. Мы постимся на этой неделе. На рынке ничего нет. После обеда крепко спали. В четыре часа стоquis у Хотяинцевой. Позировала девочка Исака, очаровательная, Сережа в восторге от нее. Потом пошли к Браиловским, там Леонид сообщил, что помирился со своим давнишним врагом Калишевским и убедил Сережу помириться с Михаилом Васильевичем, что и было

сделано с легкостью, после чего мы остались наверху и ужинать, и играть на рояле, и танцевать. Позвали Марью Игнатьевну, которая очаровывает всех своим умением петь цыганские песни. Сережа пленился целиком ее пением.

Вчера Римма передала интересное мнение о Сорине всей аристократии (через Ян-Рубан). Все пленены его искусством и держатся за него, потому что им нужен портретист. Поражаются и смеются над его «жаргоном» и манерами, и неприятно им то, что он еврей, но ведь и «Серов был евреем» (!), очевидно, портретисту нужна еврейская кровь.

17 (30) апреля. вторник

Была слышна канонада. Должно быть, из Севастополя. Говорят — большевики нагрузили транспорты и крейсера провизией и семьями своими и хотели отплыть и обстрелять все берега, но рабочие не выдали замков от пушек и направили орудия на них. Ялта переполнена красногвардейцами, которые пьянствуют и грабят. Вчера вечером проехал из Севастополя грузовик с солдатами в Дюльбер, охранять Великих князей. Всюду образуются дружины для охраны.

Поп сказал проповедь в воскресенье о «страстной» неделе для нас всех.

Мы выспались хорошо. До обеда Сережа и Никодим Вик. работали над новым этюдом в саду Браиловских. Я надела белое платье и позировала им. Сегодня чудный день. После обеда Сережа спал, Никодим Вик., вернувшись, принес новые вести: в Алупку приехала мирная делегация, мирится с Алупкой. Ее все спрашивают, видела ли она по дороге украинцев, она не видела, но все решительно говорят, что сегодня еще в Кореиз придут украинцы. В четыре часа были стоquis с новой моделью, евреечкой, которая сначала не понравилась, но потом согласилась остаться до пояса в одной рубашке, и тогда все пленились ее загорелым телом, и рисовали с жаром. Мне, к сожалению, пришлось идти на английский урок (у бедной Лидии Никитичны Хотяинцевская собака слопала все яйца и сало). В конце урока мы вдруг услышали автомобиль и песни. Все повыскакивали. Сережа опять первым долгом велел мне «одеться» попроще, то есть скинуть платок и переодеть серые туфли на черные. Как мне это надоело, столько времени несвободы. Неужели мой скромный шелковый платочек, только потому, что он шелковый, может вызвать какой-нибудь эксцесс.

20 (7) мая. <понеделник>

126

Двадцать дней как немцы в Крыму! Все случилось так невероятно, что мы, привыкшие к самым большим неожиданностям, до сих пор не можем привыкнуть к мысли, что Крым стал немецким, и, наверное, на очень долгое время. Еще накануне 1-го мая, когда Сережа побежал в Алупку и когда проехал автомобиль с большевицкими солдатами, которые оказались не большевицкими, а украинскими, было получено известие, что «неприятельские» войска, украинцы с немцами во главе, вошли в Ялту и что 1 мая в двенадцать часов дня они будут в Алупке, то есть придет несколько человек, чтобы утвердить городскую думу и так далее. Мы вечером еще решили, что не пойдем смотреть. Ночь была еще тревожная, но мы решили спать, кто-то дежурил. На другой день, 1 мая, погода была изумительная. Пришел Никодим, рассказал, что вся Алупка вычищена, убрана, в магазинах порядок и чистота, и все жители в большом волнении ждут на улицах прибытия немцев. Прошел Исак, когда я убираала перед дверью, и сказал: «Немцы пришли, они уже в Ялте». Я ответила: «Вот как? Это — наверное?» — «Да».

Было решено, что сегодня Сережа не будет работать, ибо 1 мая — «пролетарской праздник», и мы пойдем смотреть немцев, потому что, в сущности, такой исторический момент пропустить нельзя. Римма с Леонидом уже в десять часов собрались идти в Алупку. Мы их задержали, чтобы идти вместе. Я забежала сказать маме, чтобы она шла скорей, и мы уже в одиннадцать отправились в Алупку. Погода была дивная, весенняя, легкая. Настроение праздничное, потому что большевиков нет и не будет, так надеялись мы. «Свобода, свобода» — чувствовалось в каждом слове, движении. Сразу разгорелись мечты и желания. «Римма Никитична, — говорит Сережа по дороге, — если действительно все будет спокойно, как это странно говорить. Неужели мы дожили до момента, когда не надо ежеминутно бояться за свою жизнь и жизнь других, неужели мы свободны? действительно свободны?! Если, значит, будет все спокойно, мы должны этим летом еще основать Дом искусства. И я думаю, я решил даже, что лучше всего, если я один возьму его в руки». Начинаем говорить и мечтать об этом. В парке такие зеленые лужайки, что Сережа и я бросаемся на траву и несколько минут лежим как опьяненные. В парке удивительно все сразу зацвело, поют птицы. В Алупке все улицы полны народу — интеллигенции совсем

почти нет, выделяются лишь толстые еврейки в боа и белых шляпах. Все лавки открыты, и я пользуюсь этим, чтобы закупить разные хозяйственные вещи. Постепенно приходят все мисхорцы: Шамины, Сведомские, Жакье с Марией Игнатьевной, Дехтерева, — мы, мисхорцы, — единственная интеллигенция, которая пришла. «Когда же они приедут». Начинают говорить, что они приедут в два часа, так как поедут сначала освобождать Великих князей в Дюльбер. Мы сидим в одном кафе, потом в другом — встречаем Лидию Никитичну, которая, конечно, возмущена тем, что мы будем смотреть немцев. Ходим по улицам, Сережа бреется, наконец в час дня идем к Никодиму обедать. Родители его прелестны, два мирно проживших и вместе состарившихся человека, оба дружно работающих и любящих семью людей. Приняли они нас премило и хорошо накормили. У них чисто и хорошо. Сестра Никодима — взрослая барышня, занимается рукоделием.

После обеда пошли гулять в парк, затем опять пошли в кафе, там сидели мама, Жакье, Дехтерева и Мария Игнатьевна. С ними безногий офицер, делающий обувь, — приятное лицо, одухотворенное, сходство с Пушкиным. Сидели в кафе до трех часов. Решили, что еще пропустим немцев и лучше пойти на верхнее шоссе, кстати, там живет офицер, и мы его проводим. Когда шли мимо базарной площади, увидели картину, достойную карикатуры: на подоконнике на улице сидели в ряд Римма, Ирина Сергеевна и Нита — голодные, встрепанные и усталые и ели каждая по краюхе хлеба, единственное, что они могли купить. Мы пошли дальше. Перед нами ковылял безногий офицер, и Сережа, глядя на него, сказал со слезами на глазах: «Вот русская армия идет встречать неприятеля». Зашли посмотреть, как живет Глеб Вячеславович, офицер: в двух комнатах с чудным видом на парк.

Мы были недалеко от главного шоссе, всюду стояли кучки народа, на балконах, в окнах висели любопытные. Стали раздаваться возгласы, что сейчас приедут. Кто-то увидел всадников на верхнем шоссе, и все ринулись вперед. Мы тоже пошли. За нами шла процессия с украинскими флагами, шли татары и, очевидно, украинцы. Было немного тяжело это видеть, и мы, переглянувшись с Сережей, старались скрыть от других слезы. В ожидании, томительном и волнующем, были и минуты радости — торжествующей радости, и минуты скорби, но первые преобладали. Как мы измучились за последнее время!

Мы долго ждали на перекрестке двух улиц, идущих с верхнего шоссе, пока толпа, возвращавшихся сверху, не сообщила нам, что уже видела нескольких немецких солдат, едущих в Севастополь, и что все они едут туда. «А украинцев тоже видели?» — «Нет, одни лишь немцы».

Мы ринулись вперед. На верхнем шоссе, окруженные толпой народа, стояли две арбы с четырьмя солдатами. Сережа, торопя меня, просил с ними поговорить.

Мы бежали бегом. «Куда Вы едете?» — спросила я по-немецки. — «Мы хотели бы в Севастополь». Меня почему-то поразил оборот речи. Очевидно, они дожидались начальства, и, действительно, через минуту подъехали два автомобиля с офицерами. Они остановились, и <офицеры> заспорили между собой о дороге и стоит ли остановиться в Алушке. «Говорит ли кто по-немецки?» — спросил один и, выйдя из автомобиля, направился ко мне, так как ему уже сказали, что я разговаривала по-немецки. В любезнейшей форме он меня расспросил, как проехать в Алушку, есть ли хороший отель, сколько верст подъема и так далее, называя меня все время Ghadigste <милостивая государыня>. Вокруг нас собралась толпа, и Сережа мне стал подсказывать вопросы, тогда я спрашиваю: «Мы столько времени не имеем известий от своих из Петрограда и Москвы, скажите, что там делается?» — «Мы заключили мир с Великороссией, но она не хочет мира с Украиной, и между ними не сегодня-завтра разгорится война. В Петрограде голод и большевики, и в Москве тоже ужасы. Но Вы за своих не беспокойтесь, потому что кто лишь был в состоянии уехать, уехал из Петрограда». — «Когда кончится война?» — «Мы надеемся, к осени, ведь должны же наконец все einsehen <понять>, что побеждены». — «Сейчас немцы и украинцы вошли в Крым?» — «Нет, одни лишь немцы, ни одного украинца. А Вы украинка?» — спросил он маму, так как она поставила вопрос. «Теперь Вы можете спокойно спать — весь Крым занят немецкими солдатами». — «А Севастополь?» — «Если вы услышите бум, то, значит, он пал!» Вся речь велась в сдержанно-веселом тоне — страшно вежливо, ни единой насмешки. Один из офицеров вышел из автомобиля и снимал фотографическим аппаратом толпу татар. Затем они весело уселись и поехали в Алушку. Так как они нам сказали, что идут еще немцы, мы пошли по шоссе по направлению к Кореизу, чтобы увидеть еще. Римма стала приставать с расспросами, что они рассказали (она ведь плохо говорит и по-

нимает по-немецки!). Мне пришлось повторить все ей и толпе, окружавшей нас. Затем мы пошли дальше. Татьяна Николаевна шла позади нас и плакала. Сережа стал издеваться: «Когда, мол, спохватились! Раньше надо было думать, а теперь выпейте валерьяновых капель». — «Неужели у Вас, Сергей Юрьевич, не болит сердце за родину?» — «Оно переболело уж давным-давно, и теперь я благославляю приход немцев, которые делают нас снова людьми! И неужели Вы думаете, что Россия была раньше Россией, а не немецкой колонией? А Николай был русский? А Екатерина Великая была русской? Нет, не говорите мне о России, она умерла вместе с Алексеем Михайловичем. Теперь, может быть, наступил момент, когда Русский дух снова возродится!»

Никто его не понял, и дамы обиделись.

22 мая — 5 июня (нового стиля)

В среду к нам пришел Билибин. Мы его ждали с понедельника, когда получили открытку, что он будет у нас на днях. Так как теперь мы проводим весь день в мастерской и обедаем тоже у Хотяинцевой, то на дверях у нас написано: «Мы на даче Хотяинцевой». Никодиму приказали, если он встретит Билибина по дороге, сказать ему: «Я Вас арестую и препровождаю к Судейкину». Билибин пришел в среду утром; мы услышали его голос: «Где дача Хотяинцевой?» — и выбежали ему навстречу. Он был с ранцем за спиной и палкой в руках. Мы его провели к нам отдохнуть, но оказывается, что он пришел пешком только из Симеиза, а туда приехал на линейке вместе с Сергеем Маковским из Скели, где гостил у Кулаковых. В момент его прихода к нам зашел Блуменфельд. Иван Яковлевич почувствовал к нему симпатию (на почве вина), и мы стали говорить о том, что пойдем провожать Ивана Яковлевича через неделю к нему. Блю пойдет с нами, потому что у него дело в Ласпи (он хочет устроиться управляющим курорта, в Гурзуфе, очевидно, что-то не вышло). Блю скоро ушел, а Иван Яковлевич стал рассказывать о Батильмане, который он обожает, и заявил, что у него в сто раз красивее, чем у нас, потому что у него скалы и можжевельник, а у нас одни глицинии. Затем он переоделся, переменял синий пиджак на синюю рубаху с красной каймой, стал сразу иконописным и пошел с нами обедать. Там он очень понравился. После обеда и кофея мы большой компанией отправились к Сорину, компания — смотреть портреты, а Билибин повидать и его.

Пошли все, и Александра Александровна, и даже дети. Сорин был явно сконфужен таким количеством народу, тем более, что у него сидел Павлов, но был мил и любезен и показал нам все портреты; у него был в данный момент и портрет Орловой, и ее *belle fille* <невестки>. Рисунки произвели по обыкновению большое впечатление на публику, хотя Владимир Владимирович Дехтерев и ставил преглупые вопросы. Иван Яковлевич остался у Сорина, а мы пошли домой; Сережа очень даже спешил домой, чтобы до ужина еще поработать. Новый *nature-morte*, который я ему составила, его очень интересует, и после «капусты», поставленной Александрой Александровной, очень ласкает, успокаивает глаз. На фоне белого шелка вазочка с пейзажем, в ней две-три розы, а внизу открытый «Евгений Онегин» и бисерная закладка. К ужину Иван Яковлевич вернулся и говорил с Сережей о Сорине. Портрет Тищенко, от которого все дамы без ума, кажется ему очень светским и очень опасным для дальнейшего пути; портрет Орловой сделан крепче и стойче. Сережа по обыкновению защищал Сорина. За ужином Иван Яковлевич окончательно понравился всем, особенно дамам, и Жакье и Марья Игнатьевна пожертвовали ему по бутылке вина. Сидение происходило до двенадцати часов, и мы с непривычки зевали, а ушли, не дождавшись последней капли. Ивана Яковлевича устроили спать в мастерской.

На другой день встали уже не в шесть часов, а в восьмом, и кофе был готов лишь в девятом, что Сережу немного выбило из колеи, и он не принялся работать с утра, а часов до одиннадцати разговаривал с Иваном Яковлевичем за кофе о живописи, о рисунке, о том, как надо работать, о мирискусниках и тому подобном. Иван Яковлевич не признает, вернее, не понимает чистой живописи и не любит Сезанна, а ставит выше всего рисунок. Заходил Сорин звать Ивана Яковлевича к себе обедать. Там за обедом он познакомился с Браиловскими, которые пригласили его на вечер к чаю с двумя бутылками вина. После обеда Сережа с Иваном Яковлевичем пошли в Алупку, чтобы поговорить о каком-то «деле». В это время приехала из Ялты мама с массой вещей, ее довезла Мте Фельдман, которая безумно приглашала нас с Билибиным. Я отнеслась к приглашению суховаато — не люблю этой приткой светскости: когда были большевики, у нее завтракали и пили чай Футерманы и подобные, потом немцы, теперь Билибин появился — тащи к ней Билибина и так далее. Я жале-

ла, что не было Сережи, когда мы с мамой распаковывали вещи, привезенные ею. Она скупил у Штакельбергов за грош все оставшееся и многое получила в придачу: кастрюли, кухонные ножи, вилки, решеты, подносы, лоханки, утюги, разные продукты, пуд муки, примус, немного керосину, старые ботинки, шляпы, детские рубашки (из трех выйдет одна Сереже), масса коробок, корзиночек, зонтик и так далее. Все подходящее для нашего будущего хозяйства в Крыму. Я едва успела разобрать все к ужину, как вернулся Сережа с Иваном Яковлевичем. Их «дело» заключалось в следующем: у Ивана Яковлевича мысль об академии в Крыму и об этом он уже говорил с Маковским. Очень будет сочувствовать этой идее барон Врангель, живущий недалеко от Билибина. Финансисты найдутся, кажется, даже уже намечены Билибиным. Академия должна быть около большого центра — Симферополя, Севастополя или Ялты. Билибин представляет себе академию государственным учреждением, Сережа скорее частным. Эта идея академии очень совпадает с Сережиной идеей «дома искусства». Работы будет много и придется два-три года посвятить себя всецело ей. После ужина мы пошли к Браиловским, куда пришли Шамины и Нита. Билибин пил вино с Риммой, говорили немного о политике; затем была предложена игра в «баллы», новая, придуманная Шамиными. Жертвой выбрали отсутствующего Сорина и ставили ему баллы за талант, за характер, за успех у женщин, за доброту и благородство. Вышло очень забавно. За талант ему лишь кто-то из дам поставил пять. За характер единицы и двойки, одна пять с минусом (оказалось — это Билибин), за благородство был всеми поставлен очень удовлетворительный балл. Предложили Сереже самому себе поставить баллы: он поставил себе пятерки за две вещи: талант (мастерство — три) и успех у женщин. Было очень занятно, но так как Иван Яковлевич не любит *petits jeux* <фанты>, то мы бросили играть и перешли на разговоры. В одиннадцатом часу Римма и Леонид немилосердно зевали, и когда Иван Яковлевич с Сережей пошли за папиросами, то, вернувшись, застали темную и пустую комнату — все, не выдержав, разбежались спать. Билибин не обиделся, но сокрушался, что в бутылке еще оставалось вино; мне пришлось достучаться и достать эту бутылку, которую он и допил у нас.

На другой день Сережа решил энергично засесть за работу и работал даже сейчас же после обеда, и не пошел с нами,

когда мы пошли за вином. Пошел Иван Яковлевич и три дамы: Татьяна Николаевна, Мария Игнатьевна и я. Пошли мы в Долгоруковский погреб, и Иван Яковлевич очень волновался, что он будет либо закрыт, либо по какой другой причине мы не получим вино. Однако ничего не случилось, и мы получили десять бутылок вина, спускались в погреб и донесли вино до дому, не пряча его. У нас в домике Иван Яковлевич раскупорил «бутылочку» и один выпил ее, я сидела за компанию с ним и рассказывала ему о том, что мы хотим купить участок земли и какие я рисую планы домов. К ужину были принесены остальные бутылки, и началась выпивка. Мы с Сережей не пьем к великой скорби Ивана Яковлевича, поэтому мы решили найти ему компаньона и искали Блуменфельда, который эти дни опять исчез, но не могли его найти. Иван Яковлевич был вначале крайне остроумен, пел замечательно частушки, прочел свой перевод из Овидия, свои стихи о «Милукове и молоке» и другие, и был вообще очень занятен, но, к сожалению, он слишком быстро пьянеет и к двенадцати часам стал уже так сильно заикаться, петь «Боже, царя храни» и «Марсельезу» и требовать Блуменфельда, что мы очень обрадовались, когда мама и Марья Игнатьевна взяли с собой пойти к Блуменфельду, а мы могли пойти спать. Сережа ненавидит пьяных, и к концу вечера Иван Яковлевич ему порядком надоел.

На следующий день, когда Сережа открыл дверь, Иван Яковлевич уже стоял на балконе и кричал ему: «Сергей Юрьевич, позволь тебе представиться, я председатель М<ира> И<скусства> Иван Яковлевич Билибин». Оказывается, они вчера не нашли Блумена и, придя домой, сидели на мамином балконе и допивали оставшиеся бутылки до пяти часов. Такое веселое настроение продолжалось весь день. Иван Яковлевич с утра стал пить, опохмелялся до обеда, к обеду уже сильно заикался и пожелал нам читать вслух «Медного всадника», пел сочиненную им вчера песню «Мисхор, княгини Долгорукой О.П. столовое вино» (на мотив «Под вечер осенью ненастной»), много кричал и привел всем этим Сережу в презлое настроение. Мы легли спать после обеда, и Сережа долго не мог заснуть от скверного состояния. В четыре часа нас разбудил Сорин, пришедший сказать, что через десять минут к нам придут Тищенко и К<омпания>. Мы едва успели прибрать комнату, как они уже пришли. Сережа пошел в мастерскую за большим букетом и предупредил Билибина,

что у нас Соколов. Вскоре после этого в саду раздалось пьяное «Боже, царя храни» и крики, что «имеется разрешение от Rittmeister'a <ротмистра> von Kühmann на револьвер». Я, к счастью, успела закрыть дверь, и наши гости этого не слышали. Пока Сережа им показывал свои этюды и картины, я их угостила вином. Они просидели у нас около часу, и мы пошли их провожать. Вечер был так хорош, а на их террасе с видом на море и молодую луну так спокойно, что мы с охотой согласились поужинать у них, Сережа рад был отдохнуть от Билибина. По обыкновению, у них был хорошо сервированный и вкусный ужин, с изобилием тарелок, салфеток, бутылок, стаканов. Вера Георгиевна на цыпочках и в белом фартучке ходила вокруг стола и то поправляла цветы, то приносила тарелочки, то убирала крошки. Все кавалеры помогали и суетились. Вершинин колол сахар, Квиль резал колбасу, Соколов что-то переносил с одного места на другое, а всех больше волновалась мамаша. И так у них каждый день. После ужина Вера Георгиевна мне нарезала букетик роз, перевязала их голубой ленточкой и полила букет из крошечной лейки, предварительно надев тюлевый фартук. «La belle jardinière <прекрасная садовница>», — сказала я ей. Сорин нас пошел провожать до имения Долгоруких. Сережа был молчалив весь вечер, а когда я и Сорин стали защищать Билибина, он сильно рассердился и, едва Сорин скрылся из виду, треснул Билибинской палкой, которую он взял с собой, о землю так, что она разлетелась на куски, и наговорил мне тысячу несправедливостей, что виноват в его плохом настроении не только Билибин, но и я, потому что я не сумела оградить его от людей, которые его выбивают из колеи, что я сама от него отхожу, что я не позирую ему, что он не работает и забывает, что он художник, и художник с большим талантом, и так далее, и так далее. Целый час мы ходили ночью по верхнему шоссе, говорили, плакали, волновались и наконец, успокоенные, вернулись домой и сейчас же легли спать, чтобы завтра рано встать и начать серьезно работать. На наших дверях стояло: «Была Ольга Георгиевна Сомова (и плакала)», а под этой надписью другая: «Проходил Билибин, не плакал, но был зол (весьма)». Это потому, что нас не было.

Рабочего дня не удалось создать из воскресенья. Все утро Сережа с Иваном Яковлевичем говорили об искусстве, и я оставила их в покое, думая, что Сереже это нравится. Он был в хорошем настроении. Заходил Сорин и спросил меня, со-

гласна ли я продать Вере Георгиевне маленький эскиз (наш автопортрет), который Сережа подарил мне к именинам. Мы согласились, потому что Сережа уверен, что нужно теперь собирать деньги, где только возможно. До обеда Сережа успел поработать очень немного. Мама получила из Москвы письма по случаю, за которые она заплатила двадцать пять рублей. Там живут, справляют свадьбы, на которых даже обедают. Ждут обысков, краж. По ночам тут и там уличные сражения, но в общем «жить еще можно», хотя все очень дорого. После обеда Сережа попробовал отдохнуть, но нервничал и решил работать, но, придя в мастерскую, его почему-то раздражило, что он работает не один, и, уйдя из мастерской, он повел меня гулять. Даже прогулка не клеилась; мы вернулись домой, так как мне стало холодно, но отправились вторично, и на этот раз мне удалось окончательно успокоить Сережу. Мы всю дорогу говорили о его задачах в искусстве, он спрашивал меня, каким художником я представляю себе его, и очень обрадовался, когда я сказала ему: натуралистом. Он не хочет больше писать от себя. Его интересуют картины нашей интимной жизни: «я готовлю около пылающей печи», или «я сажаю в оранжерее цветы», или «я сижу у окна, в окне пейзаж», или «на столе стоит букет роз и я рядом, полуодетая». Его мучает то, что он до сих пор не написал моего портрета, и хочет серьезно заняться им теперь. Всякие выдуманные арлекинады он хочет бросить раз-навсегда. «Выдумывать! когда передо мной такая божественная модель». Он ценит свои последние работы в Петербурге и считает их этюдами к более серьезным вещам: «Красный угол», «Фарфоровое пастбище», задуманные гофмановские игрушки и другие. Мы стали обсуждать, как распределить время, чтобы возможно больше работать, чтобы каждый день удавалось бы и на этюды ходить, и дома работать. Мы приходим в хорошее настроение, доходим до юсуповского сада, там я нарезаю себе букет роз, мелких, розовых, совсем старинных, для нового nature morte, Сережа пленяется ракурсом «Амура и Психеи» и обдумывает новый этюд. Мы идем домой, по дороге ища сломанную Билибинскую палку, которую находим, наконец, с большим трудом. Заходим к Браиловским, которые милы с нами необычайно, они, кажется, действительно искренне нас любят. Перед ужином мы ложимся спать и любовно отдыхаем целый час. За ужином у нас возникает мысль пойти вместе с Иваном Яковлевичем к Дроздовым — мы им должны от-

дать визит, и кстати, может быть, удастся послушать его игру. У Дроздовых оказалось много народу: вся семья Дёмкиных, их итальянка, молодой князь Урусов, говоривший через весь стол так громко по-итальянски с итальянкой, что всем приходилось молчать во время его итальянских тирад. Blumenfelda не было, что огорчило Ивана Яковлевича, который каждый день его безрезультатно ищет. Мме Дёмкина, тучная, добродушная плебейка, томно упрашивала Владимира Николаевича дать возможность насладиться его игрой и, обращаясь к своей пятнадцатилетней толстой дочке, говорила: «Маленькая, проси», а та, в свою очередь: «Папочка, ты попроси!» И наконец неожиданно упросили Владимира Николаевича. Князя Урусова послали за князьями Оболенскими и княгиней Васильчиковой, и мы стали рассаживаться в комнате Владимира Николаевича. Владимир Николаевич играл неохотно, его раздражала, очевидно, публика, он не знал, что играть, спрашивал нас и, когда ему называли что-нибудь, играл совсем другое. По нашей просьбе он сыграл «Carnaval» Schumann'a, затем его «Ballade», потом полонез Шопена и тут увлекся и великолепно сыграл «Feuerjauler» Wagner—List, Скрябина и Blumenfelda. Дёмкина вздыхала от волнения и все просила «Лунную сонату»; князь Урусов, картавя, восклицал: «П'ек'асно, п'ек'асно, п'ошу тепе'р 'иголетто»; одна из княгинь с ужасом взглянула на Сережу, когда он сказал, что и в Шумане есть сумасшествие (говорили о Скрябинском сумасшествии), и успокоилась только, когда и Дроздов подтвердил это. Дроздов был недоволен слушателями, и он вскоре прекратил играть. Когда мы шли домой, Иван Яковлевич возмущался аристократией и мечтал молодого князя «ошпарить из кишки».

Понедельник вышел очень неудачным. С утра чувствовалось приближение лесного пожара. Сережа работал в мастерской. Вчера ему Сорин сообщил, что Квиль хочет купить его большой букет и «Секреты луны» (за две тысячи рублей), но что он, с одной стороны, не хочет торговаться, чтоб не потерять в глазах Веры Георгиевны, с другой — хочет купить возможно дешевле. Предлагает две тысячи рублей — Сорин обещает натянуть еще двести рублей. Сережа, конечно, согласился и сел с утра за букет; я зарисовывала в альбом рисунки с татарских платков. Сидели Билибин и Марья Игнатъевна и разговаривали. Зашел разговор о трусости и большевистских временах, и Мария Игнатъевна, обращаясь к Сереже, говорит:

«А ведь Вы трус». Я сразу почувствовала скандал и не успела его предупредить, как Сережа уже обрушился на Марию Игнатьевну: «Какое Вы имеете право... да Вы знаете, что мужчин за такие слова по морде бьют и так далее». Кончилось тем, что Мария Игнатьевна ушла из мастерской возмущенная и обиженная, а Сережа ей вслед кричал, что «ее Жакье трус» и подобное. Когда он пришел в себя, Иван Яковлевич и я всячески уговаривали его загладить дело, и так как Сережа действительно чрезвычайно добр, то к обеду он очень раскаялся и написал Марии Игнатьевне искренне извинительную записку, которая, однако, не была принята, и это послужило поводом к новому взрыву. Настроение было сгущенное и подавленное; к тому же весь Мисхор был в облаках дыма от лесного пожара, пахло гарью, деревья казались голубыми, солнечные лучи ярко-оранжевыми, и все походило на какое-то кошмарное сновидение. После обеда я поссорилась с мамой все на ту же тему, Мария Игнатьевна плакала у себя в комнате, Сережа плохо работал, и вечером мы сочли невозможным явиться к ужину и пошли втроем ужинать в Алупку. Вкусная баранина, приятельский разговор и обратная прогулка при луне рассеяли дурные чувства, и предвиделось, что на следующее утро произойдет примирение. Оно действительно произошло рано утром; я увидела заключительный момент, когда Мария Игнатьевна, гулявшая с Жакье в саду, подавала через ограду Сереже красную розу. После этого всех охватило приятное чувство облегчения. Сережа энергично сел за работу. Билибин решил нарисовать несколько роз, я, убрав весь дом, пошла позировать Хотяинцевой, которой Сережа и мама заказали по рисунку с меня. Весь день прошел весело и благополучно и завершился даже синемаатографом. Давалась глупейшая пьеса из жизни художников с Астой Нильсен в главной роли. В маленьком театре мы были почти одни, что дало возможность Сереже и Ивану Яковлевичу громко острить по поводу художников.

В среду за завтраком мы решали с Иваном Яковлевичем, что пойдем вместе с ним обратно в Батильман, если он пойдет не ранее воскресенья, и Сережа к тому времени успеет кончить букет, а Иван Яковлевич для продажи свои розы. Они пошли работать, а я, убрав после завтрака, взяла несколько полен и пошла к Хотяинцевой топить ванну. Только я собралась их разрубить, как раздался голос: «Боже, да где же Вы? Вера Артуровна, мы безумно устали», — и Паллада в сопро-

вождении своей приятельницы, вся в розах, маках, цепочках, вуалетках и лентах стояла предо мной и заговорила о тысяче делах сразу: «Боже мой, Вера Аркадьевна (!), Сергей Юрьевич должен мне сделать обложку, через день уезжает мой большой друг Раевский в Одессу; ведите меня скорей к Сергею Юрьевичу; Боже, как она хороша в этой обстановке, Наталочка, я должна руки вымыть, пойдёмте, как я есть хочу, ведь мы устали безумно, Господи, до чего у Вас хорошо, я отдохну тут и поправлюсь, я опьянела от роз, слушайте, Вера Артуровна, я должна сейчас позвонить Глебу и вызвать его, мне нужно достать денег, Феликс зол на меня невероятно, да где же Сергей Юрьевич?» Я ее повела в мастерскую и пошла предупредить Хотяинцеву насчет обеда. Когда я вернулась, Паллада уже раскрыла свой чемодан и, рассказывая Сереже о сложных отношениях между ею и Феликсом, Феликсом и Глебом, Глебом и ею, мылась, мазала щеки румянами, подводила глаза, читала стихи. В ее новой книге стихов будет стихотворение, посвященное нам, написанное не очень мастерски, но с теплотой чувства. Когда она его прочла, мы тронулись, Сережа поцеловал ее руку, мы оба прослезились и бросились друг другу на шею. «Они пользуются каждым случаем, чтобы обнять-ся!» — воскликнула Паллада.

Знакомы с Вами были мы давно,
Но близко познакомились теперь —
Близоруким все кажется темно
И им никак не счесть своих потерь.

Сначала Вы рассеянно ко мне
Счастливым шаг свой повернули раз,
Но даже и в глубоком, мертвом сне
Прожгли меня лучи спокойных глаз.

Вы невзначай мои открыли вежды
И, встретившись, полная участья,
На жизнь мне подарили вдруг надежды
И даже право, может быть, на счастье.

И красота, что мрамора светлее,
И голос Ваш, как музыка жемчужин,
Мне стали вдруг всего милее,
И символ жизни ими был разбужен!

Как мне воспеть пред Вами радость грёз,
 Как мне благодарить за зоркий взгляд.
 Ручьи пред Вами замерзают слез,
 Противоядьё — убивает яд.

Хотите Вы, и я, как птица, вдруг,
 Вмиг поднимусь послушно к облакам,
 Ведь золотая колесница мук —
 При Вас моим потворствует мечтам,

Ведь счастье чудотворно, как икона.
 Сергей, Вы взяли в Вашу славу Веру,
 На Вас заманчиво блестит корона,
 И с Вами я, запев, все славлю веру.

138

Воскрешшая, как после летаргии,
 Хочу взлететь теперь совсем иначе.
 Мои любимые и дорогие,
 Ведь должен путь идти от Вас к удаче!

Сейчас же после обеда я повела Палладу и Наталочку, ее приятельницу, в наш домик отдохнуть. Там Паллада, беспрерывно восторгаясь примитивностью нашего жилья, плитой в спальне и дровами в передней, моментально сбросила с себя все покровы и осталась в белых носочках и желтой шелковой рубашке, расшитой черным и перепоясанной черной лентой, взлохматила свои рыжие волосы, бросилась поперек обеих постелей и потребовала карандаш и бумагу. Творческие силы ее пришли в движение от того деревенского уюта, который она увидела: «Наталочка, Боже, смотрите в окно: куры!» Наталочка села завиваться и подмазываться, а я позвала Сережу посмотреть на всю эту сцену: в скромную семью приехала родственница — артистка из провинции! Презабавное зрелище! Стихи Паллады не совсем клеились, она прерывала свое творчество рассказами о своих денежных запутанностях и критикой Наталочкиного грима: «Что Вы делаете, Вы совсем не умеете подводить глаза, сотрите сейчас же». Наталочка послушно стирала и проводила иную черту. Но ее пухлому, вульгарному лицу трудно было придать выражение пикантности. Вскоре Билибин стал торопить нас идти за вином, грозя, что останемся без него. Паллада снова оделась, два раза переделала прическу, побежала говорить по телефону с Глебом и наконец отпра-

вилась с нами за вином. В погребке продажи не было, нас послали в контору, и мы, торопясь, стали спускаться прямо вниз по таким крутым откосам, что Паллада боялась за свои каблочки, а Наталочка визжала, как горничная. Обе они ахали и восторгались, потому что откосы были покрыты цветами, внизу тропинки шли между тенистыми деревьями, ручейки пересекали дорогу, и ноги утопали в мягкой траве. «Как божественно! Если бы я жила тут, я написала бы изумительнейший роман». — «Так переезжайте, я презираю Ваш город». — «Не могу, — шепчет она мне на ухо, — не могу, я влюблена». Пока мы покупали вино, Паллада обрывала кусты роз на изгороди и писала близживущему Сорину записку, чтобы он обязательно зашел к нам вечером. Когда мы вернулись домой, перед нашим домом ходил взад и вперед вызванный Палладой Глеб Дерюжинский. Они тотчас же уединились в другой комнате, и оттуда стали раздаваться быстрые речи Паллады. У нас же в спальне Билибин угощал остальных вином и, быстро опьянев, обнимал Жакье, называя его *monsieur Galâ-Petêr et Cailler*. Паллада через четверть часа вызвала меня и, шепча мне на ухо: «Мне нужно, чтоб Глеб сегодня ночевал со мной, Вы понимаете, мне физически это нужно», умоляла меня устроить это. Так как я хотела устроить Палладу и Наталочку у Браиловских, то я пошла предупредить их и относительно Глеба. Римма мило не имела ничего против и заинтересовалась: «Ведь они же в разводе? Значит, опять помирились и это их *puit de pose* <первая брачная ночь>?» Так как неудобно ночевать в доме, с хозяевами которого не знаком, то я повела Дерюжинских с визитом к Браиловским. Римма рассматривала Палладу с нескрываемым любопытством и нашла ее интересной: «Что же мне не сказали самого главного, что у Вас глаза поставлены по-грёзовски — это так красиво!» Глеб стал громко говорить об искусстве с Леонидом Михайловичем, о своих работах и показал несколько фотографий с Феликса и его бюста и с бюста Задорожного. У Глеба Дерюжинского всегда желание произвести самое обворожительное впечатление, это удалось ему и у Браиловских, они нашли его внешне очень интересным и так <им> милым человеком. От Браиловских мы пошли ужинать, а после ужина собрались в большой комнате с роялем на даче Кардо-Сысоева, откуда вчера только выехали Оболенские. Павлин дал на это разрешение Сереже. Собрание вышло крайне неудачным, со скукой в начале и со скандалом в конце. Уж с неделю как все барышни и дамы мечтали собраться как-нибудь в большой

комнате с роялем, чтобы попеть, потанцевать и повеселиться, и так как ни на одной даче нет рояля, кроме как в крохотной комнате Черновых, то Сережа и выхлопотал разрешение на эту большую комнату. Кроме того, Римма хотела послушать Палладины стихи, барышням очень хотелось посмотреть ее, Билибину попить винца в веселой компании. Но все вообразили, что мы в честь Паллады устроили грандиозный вечер, и чувствовали себя приглашенными на торжественную ассамблею. Сереже в этот вечер нужно было во что бы то ни стало нарисовать обещанную Палладе обложку, и он сел в углу за стол и принялся сейчас же за нее. Пришедшие расселись по стенам и стали чего-то ждать, некоторые дамы, очевидно, боясь Палладиной критики, оделись в самое лучшее, дамы постарше сидели молча, а барышни хихикали и шептались, по комнате ходил уже совсем пьяный Билибин со стаканом в руке и с залихватским видом притоптывал ногой. Все имело самый провинциальный вид, и я не узнавала наших мисхорцев. За рояль никто не садился, Глеб попробовал было сыграть полонез Шопена, но забывал в середине и начинал сначала, выходило очень бравурно, но скверно. Тогда он сел в углу и стал так громко говорить с Браиловским об искусстве, что его громкий голос, раздававшийся еще громче в почти пустой комнате, всех парализовал. Билибин нервничал и сердился, что не находит компаньона для выпивки, и раздражался, что Сережа смирно сидит в углу и спокойно рисует. Это стало всех немного раздражать, потому что привыкли, что Сережа вносит оживление и остроумие в общество, и Римма среди общего молчания вдруг громко заметила: «Все друг друга спрашивали, что сегодня будет, — я тоже не знала, оказывается, мы все приглашены, чтоб присутствовать при творчестве Судейкина». — «Мы достали Вам большую комнату, рояль, вино, Паллада Олимпиевна любезно согласилась прочесть свои стихи — а дальше мы не брались Вас занимать — веселитесь сами как знаете», — ответила я ей заносчиво и зло. — «Тогда мы ждем стихов Паллады Олимпиевны...» Паллада села ближе к лампе и стала ждать, когда все стихнет, — но Глеб продолжал говорить, а Билибин что-то напевать, и это невнимание ее сердило. Наконец с трудом, с трудом, потому что приходилось публике делать замечания относительно шума и невнимания, ей удалось прочесть пять стихотворений, из которых только последнее удостоилось похвалы. После этого стало опять скучно. Сережа рисовал, а Билибин ежеминутно подходил и всячески заде-

вал его. «Я такой же профессор, как и ты, — говорил он пьяно, — брось рисовать, пей тоже, и что это за графику производишь — тоже графика называется». — «Иван Яковлевич, оставь меня в покое, пойдй поухаживай за дамами, а меня оставь». Но Иван Яковлевич не унимался и то лез целоваться с Сережей, то принимался ругать его. Все сидели и смотрели на эти сцены как на новое развлечение, и на мои просьбы отвлечь Ивана Яковлевича как-нибудь от Сережи не было обращено внимания. Несколько раз я думала: вот-вот и будет драка. Сережа сидел напряженный и злой и молчал. Мне надо было пойти приготовить постели нашим гостям, и я взяла слово с Сережи, что он не будет реагировать на приставания Билибина. Дерюжинские пошли со мной. Пока Паллада рвала розы в саду и усыпала ими диван, на котором она должна была спать с Глебом, а я кое-как приводила в порядок пыльные, заброшенные комнаты, произошел-таки скандал. Когда я вернулась, меня встретила мама и взволнованно сказала мне: «Уведи ради Бога Сережу». Сережа уже собирал все бумаги и сказал мне: «Пойдем домой». За роялем сидели Мария Игнатьевна, Дехтерева, Натали и Жакье, а рядом с ними угрюмо задумавшийся Иван Яковлевич. Других не было — все разошлись по домам. Было молчание, как после скандала. Мы молча пошли домой. «Что случилось», — успела я спросить маму. — «Билибин, что-то говоря, подошел к Сереже и ухватился за его волосы, говорят, он имел намерение погладить его по голове, но у Сережи лопнуло терпение, он вскочил, отбросил его и отрепал его за бороду». — «А Иван Яковлевич?» — «Иван Яковлевич побледнел от негодования и, пошатываясь, стоял молча на месте, очевидно, желая что-то предпринять, но тут его подхватили и отвели в сторону, уговаривая не обращать внимания».

Не только в тот вечер, но и на следующее утро Сережа с возмущением говорил о Иване Яковлевиче, о его пьянстве, недостойном художника, об отвратительном впечатлении, которое должно производить на каждого здорового человека пьяные болтовня и дурачества, лишенные всякого остроумия. «Он напивается, как гимназист, ведет себя нахально-глупо, и все должны это терпеть и еще находить его безобидно милым. Я возмущен и оскорблен за художника, за “Мир искусства”, за друга и жалею в таких случаях, что я с ним на ты». Он хотел все это ему высказать обязательно, как уже на днях он это делал, и хотел добавить, что вчерашнего поведения он ему никогда не забудет, что оно произвело брешь в их дружеских

отношениях и что в Батилиман мы к нему, конечно, не поедем. У меня сердце билось, когда я только представляла себе этот разговор, и нарочно долго не шла пить кофе к маме, куда мы должны были утром все собраться. Я три раза ходила будить Наталочку и Палладу; в третий раз я застала их одевающими, причем Паллада, по пояс голая, с виду совсем мальчишка, мылась в коридоре и среди брызг мыла и воды рассказывала мне шепотом о их *nuit de nocce* <первой брачной ночи>, как прозвала ее Римма. «Он мерзавец, подлец, — говорила она про мужа, — он мне говорит одно, Феликсу другое, а Вам еще третье, не дает мне денег, а сейчас я от фруктовщика, который предлагал в окно черешни, случайно узнаю, что он ежедневно покупает у него на десять рублей фрукты, ну не негодяй ли? Что только соседи думали о нас: мы всю ночь говорили о наших делах, о разводе, о деньгах, ругались, спорили, а потом занялись любовью и бешено стонали, Глеб даже кричал, он всегда кричит от страсти». И она мило улыбнулась при воспоминании. Я их дождалась, и мы вместе пришли пить кофе. К моему удивлению, на балконе сидели Иван Яковлевич и Сережа и мирно разговаривали. Оказывается, Сережа высказался-таки ему, Иван Яковлевич сознал во многом свою вину, сказал, наверное, что-нибудь трогательное, и Сережа моментально забыл все, что было. Какое счастье, что у него такой характер. Глеб спешит в Алупку, где он работает над заказом, и не дожидается Паллады, которой, собственно, тоже нужно в Алупку, чтоб сесть на извозчика, едущего в Ялту. Палладе спешно нужно быть в Ялте, но она не торопится и, говоря лишь время от времени: «Боже, как мы только доедем», хотя доехать до Ялты проще простого, болтает с Билибиным, который приглашает ее в Батилиман, и позирует Сереже, который хочет сделать с нее набросок и использовать его для книги. Обложку он не успел сделать вчера, но обещает приготовить ее к вечеру, мы сговариваемся, что Глеб заедет за обложкой сегодня вечером. Я с утра чувствую себя отвратительно и после обеда, не выдержав, ложусь. Маме мы поручаем позаботиться о Палладе и отправить ее. Старик Чернояров уезжает в этот день (в Киев), и на его извозчике находится место. У меня так болит голова, что я не встаю их провожать, они заходят ко мне проститься, и перед нашим домиком целое столпотворение. Иван Яковлевич уже опять пьян и что-то громко кричит. Паллада пишет на дверях целую благодарственную поэму нам. Блуменфельд с Дроздовым проходят

мимо. Сережа выходит и просит быть потише, потому что я больна. Наконец они уезжают. Сережа и я спим. Сережа, встав, принимается за обложку, у меня слегка прошла голова, и я даже выхожу к ужину. Хотяинцева рассказывает, что вчера заходил с ее знакомой еврейкой какой-то молодой человек, желающий познакомиться с Сережей и, очевидно, купить у него, Хотяинцева ему показала маленький эскизик, купленный Тищенко, и сказала, что он продан за пятьсот рублей. «Это совсем не дорого», — сказал он на это. После ужина Сережа опять принимается за обложку, ему скучно и лень ее разрабатывать, но я уговариваю его от нее отделаться поскорей и сажусь ему помогать, несмотря на головную боль, которая опять вернулась. Эта обложка — изумительнейшая характеристика Паллады. Картонное сердце в незабудках висит на тяжелой цепи, которая пронизывает его в середине. Сверху вонзилась в него же стрела, и несколько капелек крови падают вниз. Над сердцем и под ним надпись: «Паллада — стихи». Все сделано с легким сдвигом, слегка футуристически, что указывает на ее душевный сдвиг. А внутри книги Палладин портрет: ее голова в шляпе, на которую наброшена черная шаль, рукой она приоткрывает ее, и виден лишь один глаз, одна половина лица. Одна половина ее монашеская, другая светская. В десять часов приезжает на велосипеде за обложкой Глеб, но она еще не готова, и ему приходится сидеть у нас до двенадцати часов. Сережа настроен к нему насмешливо и занимает его тем, что ставит ему вопросы ребром, вроде: «Вы очень любите Феликса?» Или: «Кого Вы находите красивее — Палладу или Феликса?» Глеб злится невероятно, но старается отвечать шутливо, делая вид, что не замечает истинного смысла вопросов. О Палладе говорит очень сдержанно-мило, ни слова о разводе.

В двенадцать часов он уезжает. Завтра утром он к десяти часам должен успеть в Ялту, так как уходит пароход в Одессу, на котором уезжает Раевский. Мы ложимся спать, сердце наполнено тоской и какой-то злобой против людей. Хочется, больше чем когда-либо, уйти от всех и жить только друг для друга.

На следующий день я все еще чувствую себя не вполне свежей и никак не могу отделаться от головной боли. Мама приготавливает для всех утренний кофе у себя на балконе, и мы идем туда. Там встречаем Ивана Яковлевича и Марию Игнатьевну, — Мария Игнатьевна поит Ивана Яковлевича какими-то каплями, а Иван Яковлевич поговаривает об отъезде. Мы сей-

час не поедем с ним, приедем недели через две, когда Сережа сдаст Квилю и Тищенко работы. Ивана Яковлевича мы уговариваем закончить розы, возможно, их удастся продать. Иван Яковлевич согласен на самую низкую цену, так как он совсем без денег. «Если бы не мое имя, я продал бы их за четвертной, а так, чтоб не уронить себя, я согласен за сто или сто пятьдесят». Мы беремся устроить это. В крайнем случае купим сами или, у меня является мысль, сделаем из мамы коллекционершу и для начала заставим ее купить розы Билибина.

Сережа работает над букетом, он бьется над ним, потому что задача очень трудна: луч сильного света, почти солнца, в центре букета. К Александре Александровне приезжают какие-то люди, желающие купить дачу, и Жакье, забыв, что говорил на днях и какие злобные взгляды метал еще сегодня на нее, становится с ней ласковым и предупредительным и вслух начинает мечтать о том, как они будут тогда путешествовать по всему свету: «J'aime a voyager! <Я люблю путешествовать!>» — «А Вы, Александра Александровна, любите путешествовать?» — «Нет, я не люблю — да он меня посадит где-нибудь в Швейцарии на одно место, а сам будет разъезжать». Бедная и глупая старушка, нам стало ее от души жаль. После обеда мы спали и были в четыре часа разбужены тем молодым человеком, который нашел, что пятьсот рублей цена дешевая. Сережа принял его в другой комнате, и я тоже вскоре вышла, приодевшись и приготовив чай. Молодой человек, по фамилии Кельбер, высокий блондин с очень свежим цветом лица и, по-видимому, еще очень молодой, показывал Сереже акварельные костюмные рисунки и миниатюру, купленные в Ялте у Минасова, и говорил об искусстве с большим знанием и чувством. Сережа сделал мне знак, чтоб я их оставила одних, и я, сев в спальне, слышала, как Сережа стал показывать и объяснять свои работы. Потом они стали говорить вообще об искусстве с таким увлечением и так долго, что Сережа пришел к ужину с опозданием на час и в восторге от знаний и тонкого понимания нового знакомого. «Какое чутье, какое отношение к искусству, и это в двадцать лет! Замечательно! Браво, браво, молодой человек». И он рассказал о нем несколько подробностей: он учится в петербургской академии, у его отца большие коллекции, он в Петербурге был еще в январе и часто бывал в «Привале комедиантов», влюблен в Сережину роспись. «Привал» работал всюю, было вроде «пира во время чумы» (значит, наши все там и в январе еще были более или менее благополучны). Сюда он приехал на три недели из Киева.

«Без покупки я его не выпущу из Крыма, — говорит мне Сережа, — ко мне так просто не приходят».

Билибин с нами не ужинал, он был в этот день приглашен к Сорину. После ужина мы остались сидеть у Хотяинцевой, потому что говорили о пьянстве принципиально и о пьянстве Билибина в частности. Все высказывали свои мнения, и они были противоположны нашим. «Только в России так потакают пьянству, — говорила я, — культурно высоко стоящий человек напивается, как чиновник в воскресный день в Парголово, и Вы находите это смешным и милым, дамы возятся с ним, прощают ему все и сердятся, когда другой, трезвый человек, вроде Сергея Юрьевича, грубо обрывает его пьяные шутки и не желает с ним иметь дела». — «Да, но ведь это друг Сергея Юрьевича, как может он относиться к другу так грубо!» — «Именно потому, что друг, — незнакомый ему еще может быть безразличен, — но свою жену он наверное бы избил». — «Какое Вам дело в конце концов, пусть себе пьет, и оставьте в покое его, и сами не нервитесь». — «Чисто русский ответ! — отвечаю опять я. — Я понимаю, если артист пользуется вином, чтобы поднять свое творчество, взвинтить свои нервы, чтобы просто стать оживленнее и остроумнее, — но в данном случае происходит обратное». — «Он пьет с тоски, у него жена сбежала». — «Вовсе нет, жена сбежала, потому что он только и делал, что пил», — и мы рассказываем, как О'Коннель однажды в три часа ночи не могла поехать ночевать домой, потому что пьяный муж все равно не услышал бы ее стука, и ей пришлось поехать к нам, несмотря на то, что она познакомилась со мной лишь в тот вечер. Жакье прерывает этот разговор о пьянстве, принеся книгу «Maximes» — Étienne Rey. «Maximes» эти так забавны и остроумны, что мы гадаем по ним, многое выходит так удачно, что чтение покрывается взрывами восторга. Так мы проводим остаток вечера.

A propos des femmes et de l'amour
 <По поводу женщин и любви>:

1. *Les femmes se croient jolies et ne se croient pas belles* <Женщины считают себя хорошенькими, а не красивыми>.
2. *Aimer une femme c'est pouvoir fermer les yeux sur la médiocrités des autres* <Любить одну женщину — это суметь закрыть глаза на посредственность других>.
3. *En amour c'est comme a la guerre, malheur aux vaincus* <В любви, как на войне, горе проигравшим>.

4. *En général les femmes qui font le plus de fonction pour entrer dans le lit d'un homme son aussi celles qui en font le plus pour en sortir* <Обычно те женщины, которые делают многое для того, чтобы попасть в постель к мужчине, также делают многое для того, чтобы ее покинуть>.
5. *En amour l'homme change mais la femme circule* <В любви мужчина меняется, а женщина неизменна>.

146

По субботам у нас обыкновенно уборка. Мы очень любим убирать и приводить все в порядок, «систематизировать», как говорит Сережа. Билибин работал над розами, Сережа возился с красками и подрамками, я мыла волосы и убирала кухню. После обеда Сережа сел за работу, а я срисовывала в альбом татарские вышивки. В пять часов в мастерскую зашли Римма, Блу и Шамин, этот жаловался, что мы их всех забыли и променяли на Хотяинцеву, и мы обещали сегодня провести вечер у них. Шаminy идут в Алупку за покупками, мы идем с ними, чтобы прогуляться. Там мы с Сережей остаемся ужинать и вдвоем возвращаемся. По дороге я задаю Сереже вопрос: «Почему во время большевиков, зимой, мы были более счастливы, чем теперь?» — «Потому, — говорит он, — что мы бываем вполне счастливы, только когда мы существуем друг для друга, когда не отходим друг от друга, когда не принуждены, как сейчас, отдавать свое время другим людям, когда, наконец, мы ближе к природе, как это было зимой». — «Это верно, кроме того, я думаю, что нужно обладать такой остротой чувства, которая позволяет рядом с одним чувством сознавать другое, ему противоположное, быть всегда на краю гибели, чтобы вполне осязать счастье, или на краю блаженства, чтобы не поддаваться несчастью. Большевики нас заставляли думать о смерти, и потому мы видели жизнь такой радостной, а в минуту сильнейшего несчастья видели бы в смерти радость и избавление». Так разговаривая, мы дошли до дому. Вечером играли в *petits jeux* <фанты> у Шаминых.

Когда в воскресенье утром Билибин пришел к нам пить кофе, он сообщил, что уезжает вечером в Батилиман и что уже дал задаток татарину, привезшему в Алупку уголь и возвращающемуся сегодня ночью к себе в Байдары. Мы уговариваем его закончить розы, чтобы иметь возможность продать их. Сережа идет работать, а я к Браиловским в сад за розами. У них в саду вакханалия роз: на клумбах пышные кустики, ку-

сты, целые деревья, на дому вьющиеся до крыши розы с падающими вниз ветвями, розы всех сортов и оттенков, пышные до неприличия. Я принесла домой полный передник и целый час размещала их. После обеда Иван Яковлевич написал записку Блуменфельду, предлагая ему ехать с ним, и я понесла ее на дачу Келлера, но не дошла до Браиловских, как встретила с Соринным и Маковским, который шел к нам. Сорин нас познакомил, передал мне его, я повела его к нам, а Сорин пошел быстро обратно (на урок к Тищенко). «Моль в перчатках», — вспомнила я его прозвище, ведя его и глядя на его худую фигуру, одетую в серый костюм. Сережа и Билибин обрадовались ему. Билибин подружился с ним за последнее время и часто называл его «своим новым другом». Они втроем заговорили о политике, о будущем искусства, о предстоящих возможностях, а когда я принесла кофе, Маковский говорил о Сережиных работах. «Сразу сказывается Судейкин в выборе мест. Красиво и как всегда неожиданно! До чего Вы по-судейкински видите природу — Вы считаете этот этюд вполне натуралистическим, а я — совершенно индивидуальным, судейкинским». Было решено идти к князю Щербатову в Ай-Тодор, у которого Маковский должен был ночевать. Я не хотела было идти, чтобы не мешать мужской компании, но меня уговорили. «Вы ее только украсите», — сказал Маковский. До Щербатова шесть верст, в Олеизе к нам присоединился Сорин, и мы всю дорогу говорили о предстоящей зиме, о выставке, о доме искусства, о предполагаемой лотерее в пользу офицеров. Говорил Маковский, он предлагает устроить осенью выставку и повезти ее в Одессу и Киев, затем предлагает зимой объединиться всем людям искусства, собираться ежемесячно, давать отчет в работе, издавать, может быть, журнал, организовать выставки, концерты. Он в Скелях чувствует себя немного в стороне <от> всего и думает на зиму переехать ближе к Мисхору. «Я и не подозревал о существовании такого очаровательного места».

К Щербатову мы пришли довольно поздно, и он нас, конечно, не напоил чаем, а сразу, встретив нас на дороге, повел осматривать берег бухты и Ласточкино гнездо. Пришлось идти довольно далеко и подыматься круто, что после шестиверстной прогулки, да без отдыха и чая, казалось утомительным. Наверху обещанный красивый вид нас лично не пленил, потому что ни Сережа, ни я не любим крутизны, и у нас от нее бьется сердце и кружится голова; к тому же обитатель зам-

ка Клюев, юный ученый, страшно напомнивший нам Михаила Васильевича Чернойрова и вышедший нам навстречу в ночных туфлях, отнесся к нашему посещению очень раздражительно. Еще бы: бедного беспрестанно отрывают в продолжение всего дня от работы, спрашивая разрешение осмотреть замок. Когда мы спускались вниз, наверх уже поднималась новая компания: немецкий лейтенант и русский офицер в сопровождении дамы очень определенной, оба они ухаживали за ней, и все трое чему-то громко смеялись. Картина, испортившая нам настроение на некоторое время. Когда Щербатов привел нас к себе на дачу, княгиня, зная уже о нашем приходе, очень мило нас встретила и крайне сожалела, что не может нас напоить чаем. «Самовар только что унесли», — говорила она с сожалением. Мы сидели на балконе и говорили сначала, конечно, о событиях, затем о работах каждого из художников. «Мы пришли к Вам главным образом с целью посмотреть портрет Вашей жены», — сказал Сережа Щербатову, но портрет, конечно, не был показан. Кажется, никогда не удастся увидеть какую-нибудь работу князя. Князь и княгиня высказали желание поехать с нами в Байдарскую долину, конечно, только на очень скромных началах, на мажаре или даже пешком, и мы стали обсуждать предстоящую поездку. «Вот будет весело, художники будут работать, а их жены будут хозяйничать!» — «Я очень хорошо умею делать манную кашу», — сказала княгиня. Сережа переглянулся со мной и, наверное, подумал: «Ах ты массажистка несчастная». Было решено ехать приблизительно через неделю. Билибин спешил домой, и мы, не просидев и получасу, двинулись обратно. Щербатовы проводили нас до главного шоссе. Маковский остался у них. На обратном пути делились впечатлениями. Княгиня предложила Сорину писать теперь ее портрет, но так как это дело длится уже с ноября месяца и сопряжено с большими неудобствами, то Сорин отказался. Билибин и Сережа восторгались внешностью князя и находили его «все же» очаровательным. Когда мы пришли в Олеиз, было уже совсем темно. Сорин предложил зайти на минутку к Тищенко, соблазняя Билибина вином, которого там много. Билибин решил иметь на Соколова ради вина особую точку зрения, и мы зашли к ним. Как обыкновенно, мы попали к ним к ужину, но на этот раз вокруг стола суетилось вдвое больше народу, оказывается, приехали beau-frère <зять> Веры Георгиевны барон Штейнгель, его сестра и <племянник. — Поздн. припис-

ка> пятнадцатилетний барон Штейнгель в офицерской форме, с привешенными кинжалом и револьвером, только что вернувшийся от Корнилова, как и другой барон Штейнгель <два последних слова позднее зачеркнуты и приписано: его дядя>. За неимением керосина над столом висели цветные фонарики, на столе стояло много бутылок и закусок, и нас тотчас же стали рассаживать. Сережа с опаской стал посматривать на Ивана Яковлевича, но его угощали вином хотя и любезно, но в меру, настолько лишь, чтобы его привести в веселое настроение, чему, собственно, способствовал один вид бутылок, и заставить прочесть свои стихи «Милюков и молоко» и «Мыло Кил», что он и сделал с большим успехом. Вера Георгиевна искренне смеялась и над стихами, и над его остротами вроде: «Ровно в двенадцать часов отходит мой экспресс, как бы не опоздать». Иван Яковлевич чувствовал себя блаженно и почему-то сказал тост о Судейкинской музе, то есть обо мне, но Сорин толкнул его под столом и напомнил ему о Вере Георгиевне. Иван Яковлевич спохватился и сказал тотчас же новый тост, начинавшийся так: «Так как всего в древнем мире насчитывалось девять муз...» и так далее. Как ни старался Иван Яковлевич острить, говорить тосты и подливать себе вина, и чувствовать себя таким образом на вершине блаженства, в десять часов пришлось основательно напомнить ему о его «экспрессе», и мы отправились домой, по дороге Иван Яковлевич целовал Сережу в щеку, а мне руку и все спрашивал нас, прилично ли он себя вел. Сережа шел очень усталый и сомневался, пойдет ли он Ивана Яковлевича провожать в Алупку. Около дачи Хотяинцевой повстречался нам Блуменфельд, который сообщил, что едва ли Билибину удастся уехать сегодня ночью, потому что Алупка на военном положении. Мне очень хотелось, чтобы Билибин уехал, чтобы жизнь приняла нормальное состояние, и я поэтому побежала к телефону для проверки сказанного. Из Кореиза ответили, что всякие телефонные разговоры с Алупкой запрещены, очевидно, положение не совсем обыкновенное, и уехать ночью вряд ли можно. Когда я пришла сообщить об этом, Иван Яковлевич, Блуменфельд, Сережа и другие сидели на Хотяинцевском балконе, и Блуменфельд всех поражал своими способностями множить четырехзначные числа в уме и решать головоломные задачи.

В понедельник, вместо того чтобы уехать, Иван Яковлевич с Блуменфельдом с утра отправились за вином для про-

щальной попойки. Сережу это раздражило, он представил себе неделю беспрерывного пьянства и был очень зол. К тому же он дал вместе с Сориным Билибину сто рублей и теперь боялся, что тот их пропьет и придется давать другие. Сережа вчера сговорился с Квилем ехать в Ялту, где Квиль ему обещал выдать чек на деньги и предложил ему место в экипаже; я должна была в назначенное время быть у телефона, чтобы узнать, в котором часу он поедет. Мы напрасно прождали у телефона целый час, телефонного звонка не было, и мы уже собрались идти к Тищенко, как прибежала Римма сообщить, что Квиль звонил и просил передать, что места в экипаже нет. Это сообщение взорвало Сережу: «Я не привык к такому обращению — этот жид получит урок от русского человека». И он пошел к Тищенко так быстро и с таким видом, что мне стало страшно. Я почти бежала рядом с ним и убеждала его, что он <Квиль> не из-за того, чтобы не давать деньги, лишил его места, и давала ему советы, как поступить. «Ну, говори как?» — «Во-первых, мы сделаем вид, что ничего не знаем о телефонном звонке, и если Квиль в резком тоне сообщит, что тебе места нет в экипаже, и о деньгах не упомянет, то ты ему очень спокойно скажешь при прощании: знаете ли, Mr. Квиль, я раздумал Вам продать картины. Если же он будет любезно извиняться и как-нибудь устроит тебе деньги, ты примешь мило извинения, и мы уйдем домой». Когда мы пришли на дачу Тищенко, все были в страшной суете: Квиль ведь ехал в Екатеринодар, самое гнездо большевиков, спасать и привезти сестру Веры Георгиевны баронессу Штейнгель. Ему предстояло сложное и опасное путешествие, и, хотя он поступал как настоящий джентльмен, он трусил при этом как самый обыкновенный еврей. Место в экипаже было действительно занято, так как ехали все трое Штейнгелей. Квиль мило сожалел, что Сережа не может ехать, и через Сорина передал, что у Веры Георгиевны лежит для Сережи конверт с переводом, который он получит, как только сдаст картины. Я не утерпела, чтобы не сказать: «Какая досада, что Сергею Юрьевичу пришлось разбить свой рабочий день». Тогда барон Штейнгель сказал, что маленький Штейнгель, Павлик, мог бы сесть на козлы, и тогда Сереже есть место — на что Сережа в конце концов согласился. Все пошли провожать уезжающих до Дюльбера, куда барон Штейнгель должен был зайти к князю Долгорукому по делу. Только мамаша осталась дома; меня, между прочим, поразило ее отношение к дочери, когда Квиль

спросил, привезти ли ее тотчас же к ним, она замахала руками и сказала: «Нет, нет, пусть она хорошо устроится в Ялте, а потом уже приезжает к нам в гости». Около Дюльбера нам пришлось ждать так долго возвращения барона Штейнгеля, который, очевидно, попал к завтраку и угощался вином, что Сережа решил не ехать, да и я ему на ухо шептала, что мне будет очень скучно и невыносимо, если ему придется в Ялте ночевать. «Поедем завтра оба в Ялту — будет так хорошо». Мы дождались, пока все уселись, и Вера Георгиевна помахала уезжающим платочком, и тогда вернулись домой. Сорин пошел с нами и зашел к маме за моим портретом, а мы стали пить кофе у мамы. Сережа уже собрался работать, как мимо балкона проходит Маковский; Сережа догоняет его, приводит к маме, где за кофеом Маковский рассказывает о Щербатовых, о Соринских работах, о том, как ему хочется переехать в Мисхор («Здесь такое милое общество»), затем мы идем в домик, где Маковский нам читает свое стихотворение о революции, написано оно с проникновенной простотой, читает он его медленно и тихим голосом, и звучит оно очень по-русски, по-православному. Когда он произносит заключительное слово «аминь», не только у нас, но и у него самого слезы на глазах. Мы просим его переписать его, что он обещает — и еще стихотворение в наш альбом. Я читаю Вячеслава Иванова, затем по Серезиной просьбе Кузмина «Русский рай» и «Чужую поэму». «Я читаю очень по-домашнему». — «Пожалуйста, еще! Так приятно слушать такой трогательный голос», — говорит он, и Сережа недовольно косится на него. Стихотворение Мандельштама, посвященное нам, не особенно нравится ему, оно очень умно, но сухо, и он рассказывает о Мандельштаме. Кузмин же вызывает у него восторги. «Почему у меня в “Аполлоне” никогда не было таких изумительных стихов Михаила Алексеича?» И мы долго говорим о чудном, редком поэте. Маковский хочет посмотреть ковры Риммы Никитичны, и мы идем к ней. По дороге нам навстречу, обнявшись с Блуменфельдом, пошатывается Иван Яковлевич и хочет облобызать своего нового друга, который конфузится, шарахается от него в сторону и, чтобы только отвязаться, обещает зайти за ним через два часа, чтобы вместе вернуться в Симеиз. Браиловских нет дома, и Сережа напрасно стучится во все двери — тогда Маковский идет домой, и мы провожаем его окольными тропинками вдоль ручья, чтобы только избежать встречи с Иваном Яковлевичем. Мы идем далеко

за Алупку до каменных баб, о которых я рассказываю по дороге. На обратном пути Сережа устраивает мне сцену: Маковский слишком много смотрел на меня, слишком много говорил мне комплиментов, слишком близко шел рядом со мной. «Ясно, что он совсем ошеломлен твоей красотой, а ты уж обрадовалась и побежала почти что до Симеиза. Я всю дорогу думал: вот сейчас повернем обратно и пойдем домой, а ты, ничего не замечая, бежишь все дальше и дальше!» — «Сережа! Разве я не предлагала несколько раз вернуться и, видя, что у тебя нет особой охоты, еще говорила: “Я знаю, от кого ты спасаешься”». Но Сережа всю дорогу нервничает и сердится: «Черт знает, целый день опять не работал, когда же это все кончится, все эти визиты и гуляния, и ты мне не можешь устроить ни одного рабочего дня — я совсем измучен!» Сережа так нервничает, что доводит меня до слез, и я с ужасом думаю, что сейчас дома к нему пристанет пьяный Билибин; чтобы избежать неприятных сцен, я провожу Сережу к Шаминым и затем с помощью мамы приношу туда ужин. У Шаминых тихо и уютно шипит самовар на круглом столе. Сережа немного успокаивается, и мы тайком пробираемся в наш домик спать. «В собственную квартиру приходится идти, прячься», — ворчит Сережа — но, в конце концов, утомленный, засыпает крепко.

Наконец во вторник, 4 июня, Иван Яковлевич уезжает. Он утром приходит к нам, записывает в альбом прощальные стихи, прощается с нами, рисует на дверях урну с надписью: «4 числа отбыл И.Я. Билибин. Мир праху его». Мы не идем его провожать на Хотяинцевскую дачу. Там Римма Никитична, случайная свидетельница его отхода: он выпивает на дороге бутылку, не спеша одевает кожанку, берет палку и, отойдя немного, снимает шапку и что-то кричит о счастье и свободе, у него вид настоящего странствующего артиста. Римма рассказывает об этом трогательно. Наконец Сережа хочет взяться за работу, но вчерашняя нервность еще не прошла, и в мастерской у Хотяинцевой происходит объяснение, довольно резкое, относительно дальнейшей судьбы мастерской. Поводом служит фраза, брошенная Александрой Александровной, когда она входит в мастерскую и видит Сережу и Никодима курящими: «Я не переносю табачного дыма, придется уйти из собственной мастерской». Тогда Сережа, забрав все вещи и отослав с ними Никодима, ставит Александре Александровне несколько вопросов ребром: будет ли Жакье

работать или будет он, как до сих пор, больше занят починкой выгребных ям и клозетов? Намеревается ли она дальше содержать мастерскую, в которой нет учеников? Не лучше ли ей сдать мастерскую как комнату и так далее. Сережа считает невозможным занимать одному с Никодимом мастерскую и предлагает Александре Александровне ликвидировать дело. Она просит подождать еще хотя бы неделю и умоляет не говорить так о Жакье и его работе: «Я сейчас разревусь — не говорите мне о Жакье, он такой больной и слабый». Сережа уходит домой, просит запереть дверь, никого не пускать и дать возможность одному поработать — я так и делаю и даже обед приношу домой — но Сережины нервы разгулялись вовсю, и он никак не может успокоиться, я плачу, а он ругает все на свете и себя самого больше всех. Букет не удается, в домике тесно, свет неудобный, работать негде, Билибинское пребывание стоило много денег, наличных денег маловато, есть мысль снять мастерскую Хотяинцевой и там жить, но ее условия невозможны для нас. Кажется, что вся жизнь разлезлась по швам и нет выхода. После обеда Сережа спит, а я сажусь чинить белье, и в домике наступает что-то похожее на мир и довольство. В четыре часа будит мама: к Хотяинцевой пришла ученица, и Александра Александровна не хочет решать ничего без Сережи. Он идет туда, но скоро возвращается: «Наконец одна ученица, да и та косая, — может платить только шестьдесят рублей. Наверное, я предоставлю ее Хотяинцевой». Сережа садится за букет, но работу прерывает приход Кельбера, который сидит недолго, сговаривается с Сережей пойти к Сорину и ни слова не говорит о какой-либо покупке. Перед ужином мы заходим к Браиловским, которых как-то забыли. У них мило, как всегда, и Римма угощает нас новостями: Майдели окончательно решили ехать в Италию вместе со Сведомской, которая им предлагает деньги в долг. Лидия Никитична решилась после долгих колебаний на этот шаг ради Оли. «Ведь если у нее с пением ничего не выйдет, — говорит Римма, — ведь она моментально выйдет в Италии замуж, и по крайней мере за герцога, — ведь итальянцы с ума сходят по русским женщинам». Вторая новость — это портрет госпожи Ярманкиной, заказанный Сорину Блуменфельдом. История темная и запутанная, из которой мы можем понять лишь одно, что Блуменфельд делает подарок мужу с какой-то, очевидно, эгоистической целью и для этого заказывает Сорину портрет его жены, деньги на это он берет у того

же мужа, но так как Сорин сам однажды называл своей ценой три тысячи рублей, а теперь требует пять тысяч, то Блу оказывается в глупом положении, так как пяти тысяч он не догадался взять. История эта, разукрашенная сплетнями и догадками, очень нас веселит.

На другой день мы изо всех сил стараемся преодолеть все жизненные невзгоды и обдумать, как бы всего лучше устроиться. Мы рано встаем и приводим в порядок всю квартиру, затем приходит мама, и мы втроем обсуждаем наши денежные дела и все возможности и условия, при которых можно было бы снять Хотяинцевскую мастерскую, но, как мы ни крутим, выходит дорого, неудобно и невкусно. Днем Сережа делает шесть набросков: три с меня (особенно удачен один — у зеркала) и три в саду у Браиловских — с деревьев. В саду у Браиловских оперное настроение: у Чернояровых играют в четыре руки сонату Калинникова, цветут розы, Римма и Сережа сидят с альбомами, я срываю розы и собираю в передник. Сереже это все страшно нравится, и он окончательно в восторге, когда Браиловские нас угощают чаем с вкусным пирогом. У них теперь великолепная кухарка, о которой Римма иначе как зажмурив глаза от блаженства говорить не может. Она часами рассказывает о достоинствах этой Анны Ивановны — карикатура из «*Fliegende Blätter*», о том, как о своем поступлении на место она известила Браиловских через своего сына-инженера, приехавшего на велосипеде, а сама приехала с машинкой для мытья полов, похожей на распятие. Этот сын-инженер, его велосипед, машинка для полов и особенно вкусные обеды, изготовляемые Анной Ивановной, повергли Риммураз навсегда в трепет перед своей кухаркой. Мы с завистью слушаем рассказы о вкусных пирогах и мясных блюдах, и я решаю с завтрашнего дня опять готовить самой — несмотря на наступающую жару и отнимание времени — уж очень безвкусна и отвратительна Хотяйкина еда. К Сереже заходит Кельбер, и они вместе идут к Сорину. Сережа возвращается очень поздно, даже опаздывает к ужину, и я вижу, как он провожает Кельбера мимо балкона. «Как я с ним говорил, что сейчас было! Мне пришлось его проводить, чтобы немного смягчить мой разговор с ним», — говорит мне Сережа и обещает мне завтра подробно передать весь разговор. Я заинтригована и, чтобы подтвердить догадку, спрашиваю только: «Он ничего не купит?» — «Нет». Так как завтра уезжает Дехтерев в Москву, то мы все пишем письма, и я пишу папе

первую открытку после полугодового перерыва. Я сообщаю лишь главное о нашей жизни, что мы живы, здоровы и сыты. Мама немного обижена фразой: «Как Вы поживаете и что Вы намереваетесь делать?» И даже делает мне упреки, но я отказываюсь переписать... Почему, действительно, в такое тяжелое время не поинтересоваться и его женой, которую я все же знаю и которая папина жена, а не чья-либо другая.

Мы ложимся спать с твердым намерением с завтрашнего дня начать спокойную, счастливую рабочую жизнь, уединенную и предназначенную друг для друга.

6 июня. четверг

Очень рано приходит к нам Никодим, и Сережа с ним идет в сад Браиловских на этюд. Я же с Олей Майдель и Ириной Сергеевной иду в Алупку за покупками, покупаю массу — на рынке много всего и недорого, я удивляюсь, как это Хотяинцева могла кормить всех такой гадостью. Когда я возвращаюсь, Сережа еще пишет, и я прихожу в восторг от его этюда (верхушки деревьев на солнечном небе), написано с большим темпераментом. Недалеко пишут Никодим и Римма. У Риммы неважный этюд с черешен, которые мы тут же срываем и едим. По саду ходит Блуменфельд; когда я прихожу, он просит поправить ему прошение о выезде за границу, написанное на немецком языке. Затем предлагает мне заработать большие деньги изданием русско-немецкого словаря для обихода. Сегодня мы приглашены Браиловскими к обеду, который очень вкусно изготовлен знаменитой Анной Ивановной. За обедом Римма рассказывает об отношениях между нею и Лидией Никитичной, которые сводятся к одному: Лидия Никитична ко всем мила и добра, только по отношению к Римме ведет себя баронессой. После обеда Сережа идет спать, мы перед тем заходим к Дехтеревым проститься. Владимир Владимирович сегодня уезжает, поэтому у него нервные спазмы в горле, и его громкие, истерические разговоры с женой слышны по всему Мисхору. Выспавшись, Сережа идет писать в сад к Сведомским. Я ему позирую там на красном стульчике в очень удачной позе. У Сведомских на балконе гости, и они пьют чай с пирожными, доносится французский говор и смех. Нита с Олей поливают сад, водяная струя падает дугой и блестит на заходящем солнце. Зелень становится свежей и душистой. Оля пугает водой кошек и собак, и обе смеются. Балкон с чайным столом, свежепомытый сад со смеющимися и оде-

тыми в белое девушками кажутся мне воплощением такого довольства и спокойствия — что в сердце шевелится легкая зависть, и я проклинаю тяжелые, гнусные, отвратительные времена войны и революции. Когда солнце уходит, я иду готовить ужин, он очень вкусен, и Сережа не может нахвалиться; после ужина мы идем в сад Браиловских зарисовывать углем деревья, Сережа и мне предлагает рисовать. Вечером он мне рассказывает о том, что было во время прогулки между ним и Кельбером. Оказывается, я была права в своих догадках. Сережа, который возмущался, что «какой-то» юнец отрывает его от работы, заставляет идти к Сорину, говорит о скором отъезде и ни слова о покупке, заставил его наконец определенно высказаться, купит ли он или нет, и получил в ответ фразу чисто юношескую: «Знаете ли, у меня было намерение, но я, знаете ли, так истратился». Это Сережу обозлило, и он всю дорогу, не прощая ему потраченного на него времени, тонко издевался над ним. Это делалось так тонко и остро, что бедный юноша совсем растерялся и со слезами на глазах и весь красный попросил Сережу хоть не говорить никому об этом. Сережу это тронуло, и, так как они не застали Сорина, он пошел его провожать в Алупку, чтобы смягчить впечатление <от> своего поведения.

7 июня, пятница

Сережа, встав рано, идет в Алупку, чтобы в башенном магазине купить краски, а то поговаривают, что скоро красок совсем не будет. Я готовлю обед и пою кофеем молочника Ассана. С тех пор как он обещал найти нам домик с землей за три, четыре тысячи, я страшно за ним ухаживаю. Сережа возвращается к обеду с Никодимом и массой покупок. После обеда мы любовно отдыхаем и часам к пяти идем в сад Браиловских выбирать места для портрета, Сережа хочет написать меня в синем сарафане на фоне зелени, но его отвлекает Сорин, пришедший на минуту; они вместе любят изобилием роз, причем Сережа восклицает: «До чего это неприлично, слов нет», а Сорин дает удачную мысль — написать дачу Браиловских с балкончиками, окнами, занавесками и цветущими розами на первом плане в виде «*casa belle donna* <дома прекрасной женщины>». Сережа очарован этой идеей и бежит домой за подрамком и красками. Он с увлечением набрасывает приблизительные сочетания и работает, несмотря на наступающие сумерки. Ему так нравится такая трактовка

дома Браиловских, что вечером при керосиновой лампе он дорабатывает этюд и говорит мне: «Я понял особенную вещь: писать дома по впечатлению и затем проверять по натуре». К нам заходит Ирина Сергеевна, и мы заставляем <ее> прочесть нам «Полунощников» Лескова, думая, что это ей удастся; но она читает прескверно, страшно торопясь и поминутно смеясь вовсю. Тогда Сережа просит ее лучше рассказать, как она с Олей Майдель будет торговать ватрушками. Они действительно серьезно задумали это дело и очень надеются на мамину помощь.

Мы рано ложимся, чтоб не жечь керосина, и Сережа доволен днем.

8 июня. суббота

Сережа не успел встать, как уж так устал, что опять лег спать и проспал два часа, может быть, оттого, что ходил за хлебом к Павлину и пропадал там целый час. «Когда придет Никодим, скажи ему, чтоб он делал зарисовки». Я села писать дневник, а Никодим ходил как потерянный и зарисовывал все деревья в округе. Сережа встал в чудном настроении. Я приготовила к обеду шашлык, на который он не мог нахвалиться, и прочла ему из дневника, на что он сказал, что я самый для него интересный автор. Он в восторге от моих писаний, я же — нет. «Чем я могу тебе услужить?» — «Позволить принять ванну». Это позволяется, и, проведив Сережу в сад Браиловских, где он принимается за *casa bella donna* <дом прекрасной женщины>, я иду пилить дрова для ванной. Мама собирается в Алупку к Штучкам, где сегодня раут по случаю дня рождения Черной Штучки, и меня уговаривает пойти. Но я предпочитаю ванну сладкому пирогу и даже лицемерию встречи Сорина с Белой Штучкой. Говорят, что она отказала своему жениху, и Римма убеждала на днях Сорина, что это из-за него. Я иду к Сереже сказать, чтобы через час он приходил брать ванну, и по дороге встречаю Сорина в белых брюках с букетом в руках. Между нами происходит странный, чтобы не сказать глупый, диалог. Сорин почти кричит на меня: «Почему Вы не одеты?» — «А что?» — «Мы же идем к Штучкам». — «*Кто* мы, я не иду». — «Мне сказали, что *все* идут». — «Никто не идет». — «Так почему же я должен идти?» — «Не знаю!» Сорин, возмущенный, идет дальше.

У Браиловских сидят рядышком Сережа и Римма и, мило разговаривая, пишут. «Веринька, а я только что рассказывал

Римме Никитичне о всех своих трагедиях». — «А что такое?» — «Он говорил, что он Вас слишком мучает и мало дает Вам, а я ему говорю, что он Вам дает колоссально много, но берет еще больше». — «Я нахожу, что это не так. По-моему, кто-нибудь в браке должен подчиниться, и обыкновенно это женщина. В данном случае подчиняюсь я, потому что Сергей Юрьевич — талант и сила, а я, может быть, и очень талантлива, но совсем неопределившаяся и значит — ничто, Вы не согласны?» — «Да, Вы правы». — «Единственное требование, которое жена должна предъявлять мужу, — это чтобы он культивировал в ней то, чем она его пленила: ум, талант, образованность или внешность. В данном случае — внешность. Сергей Юрьевич должен давать <мне> возможность заботиться о ней, я не о деньгах говорю, а о времени. У меня иной раз нет буквально ни минуты времени, чтобы умыться, причесаться и навести минимальную красоту». — «Вы говорите очень логично». — «А поэтому я бегу брать ванну!» Вечером, пока купался Сережа, я приготовила ужин, а потом оба, чистые и уютные, мы сидели друг против друга и раскладывали пасьянс. Заходила Ирина Сергеевна с куском хлеба и, чавкая, рассказывала, как было у Штучек, что был жених, что Сорин вел себя очень глупо, что была Мне Фельдман, очень милая, по-видимому, дама, и тому подобное.

9 июня. воскресенье

Так как день пасмурный, то Сережа не идет на этюд, а садится за заканчивание эскизика, проданного Тищенко. В домике у нас убрано, стол пододвинут к окну, на столе букетик цветов, маленькая палитра с аккуратно положенной радугой всех красок, я сижу в кресле против Сережи, читаю ему недочитанный «Un amant de sosu <Обманутый любовник>», и мы оба счастливы. Сережа заканчивает эскиз изумительно, краски светятся, как эмаль или цветные камни, «как бывает только в его работах от себя», — думаю я и несколько раз намекаю ему на то, что он должен заканчивать этюды от себя. Мы говорим на тему: когда должна прекратиться работа с натуры и начаться работа от себя, где установить границу — в каком моменте происходит соприкосновение работы с натуры и от себя. В первой больше темперамента, во второй сильнее композиция и колорит. Так ли? Импульс, говорю я, должен принадлежать природе, но композицию, смысл художник должен искать в самом себе. К четырем часам Сережа закан-

чивает эскизик, в это время приходит Дроздов с Якобсоном, тем самым Якобсоном, устройтелем дроздовских концертов в Севастополе, про которого говорили, что он нажил на этих концертах десять тысяч, в то время как Дроздов получил лишь три. Очевидно, под впечатлением этих слухов Сережа начинает с ним говорить в таком тоне («коровинском», как он потом сам сказал), что я начинаю опасаться, как бы не вышло чего, но Якобсон, ловкий еврей, умело парирует. Он не может нахвалиться, рассматривая Сережину живопись, говорит о выставке в Севастополе, о возможности хорошей продажи, намекает, что сам бы не прочь купить, говорит деловито и складно, и Сережа через полчаса меняет свой тон. Якобсон сам композитор романсов, и, по словам Дроздова, очень хороший. С Дроздовым он на ты, как и со многими другими артистами, как Собинов, Шаляпин, которым он часто аккомпанировал. Внешность у него самая что ни на есть жидовская, но скорей приятная, благодаря живости выражения. Нас вечером приглашают к Дроздовым послушать Якобсоновские романсы. Перед тем как идти, мы ужинаем у Риммы Никитичны, там же ужинают Лидия Никитична и Ольга Богдановна, и мне почему-то в продолжение всего ужина приходится рассказывать о папе. Заходит Сорин, он, оказывается, знает Якобсона и говорит о нем так: еврей из Одессы (!), ловкий малый, талантишко ниже среднего, умеет хорошо рассказывать еврейские анекдоты. К Дроздовым идут Шамины, Ольга Богдановна и мы. Там уже накрыт стол с земляничными пирогами и Дёмкиными. Дёмкина говорит Якобсону: «Вы страшно похожи на одного англичанина, одно лицо. Вы ничего не имеете против того, что Вы похожи на англичанина?» Все хихикают. Оказывается, они в молодости вместе учились в консерватории, и Дёмкина, договорившись до этого, уже весь вечер не отстает от Якобсона. Этот же опять засыпает Сережу комплиментами. После чаю Якобсон садится за рояль и поет свои романсы. Неожиданно — они производят на нас самое хорошее впечатление, от некоторых мы даже в восторге. Конечно, романсы не очень индивидуальны, а целиком напоминают то Чайковского, то Аренского, то еще кого-нибудь, но написаны ловко и с пониманием стиля. Наиболее удачны и своеобразны песенки, написанные на слова Игоря Северянина и романсы на слова Козьмы Пруткова. Здесь он наиболее талантлив. Остроумны его иллюстрации Прутковских афоризмов. Вообще же Якобсон выказал большую та-

лантливость: один из романсов был слишком высок для его голоса, он тут же с листа понизил его на кварту. Затем рассказал несколько шуток А. Толстого и Жемчужникова и, действительно, закончил вечер еврейскими анекдотами.

10 июня. понедельник

160

Сегодня Ирина Сергеевна и Ольга Богдановна пойдут продавать ватрушки — все интересуются этим делом и с утра заглядывают на кухню к Сведомским, наконец, в обед приходит Ирина Сергеевна с лотком пирожных, одетая как в оперетке «Продавщица пирожных», и мы все провожаем ее в путь. До обеда Сережа спал, а после обеда садится за букет. Пока у нас сидит Блу и Сережа выводит его на свежую воду относительно его жены, про которую Маковский сказал, что Блу заморил ее, я иду к Чернояровым за «La Revolté des Anges <Восстание ангелов>». Там собрание баб, которые доедают оставшиеся от продажи пирожные. Продажа была удачна, хотя, как я предсказывала, многие спрашивали: «Это в пользу кого?» — в этом виноват недостаточно простой и деловой костюм Ирины Сергеевны. К Браилам приезжает Маковский со своей матерью, и Римма просит Сережу и меня зайти к ним. Я бегу за Сережей и тороплю его скорей переодеться и пойти к Браилам — меня очень занимает увидеть знаменитую в свое время красавицу Юлию Павловну, я даже волнуюсь. Сережа соглашается зайти на минутку, чтобы потом еще успеть отнести Тищенкам эскизик. У Браиловских в маленькой столовой большое сборище: Маковский с матерью, Дроздов, Якобсон, Сорин, и Римма с Леонидом страшно довольны, что у них столько знаменитостей. Старушка, которой можно дать сорок пять лет, действительно очаровательна, я в ней узнаю боярышень и русалок Константина Маковского, она и сейчас сохранила тон и манеры *charmeuse* <очаровательные>, и странно видеть рядом с ней, такой еще здоровой и цветущей, ее сына, такого дохлого верзилу. От Браиловских мы идем в Олеиз. Вера Георгиевна больна, и нас просят зайти через полчаса; я пользуюсь этим временем, чтобы нанести визит Вейнер. Ванда Игнатьевна мила, элегантна и интересна. Она показывает мне свой этюдик и говорит о желании брать уроки, очевидно, у Сережи, так как о Сорине она говорит таким образом: «Сорин так мало работает, он так ленив, к тому же он достигает рисунка только с большим трудом, а если его попросишь иной раз быстро нарисовать хотя бы кошку, он это»

го не может». Я иду к Сорину, где находится Сережа, Ванда Игнатъевна идет со мной, но там записка: «Мы у Тищенко», и мы вместе идем туда, но так как Вейнер боится встречи с Соколовым, то я сначала узнаю, там ли он. Он там, и Ванда Игнатъевна идет домой, обещав быть у нас в конце недели. Вера Георгиевна лежит в постели в тюлевом чепце и нарядной рубашечке, она уже держит в руках эскизик и любит его — она в восторге. В комнате светло и прохладно, много цветов на столе и на окнах, доносится шелковый шелест моря, и мне приятно сидеть в удобном кресле, пить чай с пирожными (кстати, пирожными наших барышень) и мило болтать с Верой Георгиевной о всяких женских пустячных делах. А рядом в столовой раздаются, конечно, политические разговоры. Вера Георгиевна достает из-под подушки конверт и футляр и передает их мне. В конверте деньги за эскизик, а в футляре брошка. Я краснею, но тронута вниманием. Ужинаем мы у Сорина, а потом пьем чай у Тищенко. У Сорина смотрим его букет и работу Веры Георгиевны, его ученицы. Сережа почему-то в восторге от Соринского букета, а я нахожу его жестяным. За ужином у Сережи почему-то чуть-чуть расстроенный вид, вскоре это объясняется, когда он говорит мне: «Веринька, меня Савелий расстроил, он написал Ольге Афанасьевне письмо и предлагает ей приехать в Крым и помочь ей. Это звучит для меня каким-то укором, может быть, я мало забочусь о ней?» У меня кусок застревает в горле, как будто вдруг, неожиданно нагрнуло что-то, нарушающее наше так бережно хранимое счастье. Может быть, несправедливо то, что я говорю: «Кажется, Сережа, ты сделал все, что мог, оставил ей шесть тысяч рублей, квартиру со стотысячной обстановкой...» Я говорю только это и замолкаю, я расстроена, я чувствую, как наше спокойствие рушится от одной мысли, что придет Ольга. Сколько забот Сереже и мне, а Савелий в это время говорит: «Я думаю, если Ольга придет сюда с Артуром, я смогу ему достать уроков на тысячу рублей в месяц, он будет иметь здесь большой успех, а ее я использую как модель и дам часть денег от продажи». Я молчу. «Как Вы думаете?» Я молчу. Неужели Савелий не чувствует, что, вызывая Ольгу именно сюда, в Мисхор, он поступает нетактично и не очень дружелюбно по отношению ко мне. Это подтверждается дальнейшим разговором, становится ясным, что он относится враждебно ко мне. Мы говорим о том, что хорошо было бы, наконец, купить кусок земли и обосноваться в Крыму. «Се-

режа, ты напрасно думаешь, что останешься в Крыму, это не подходит тебе. Тебе нужны впечатления большого города, эмоции, а не огород и сельская жизнь, эти деньги надо истратить на поездку в Париж, Италию, тебе нельзя сидеть на одном месте!» У меня слезы подступают к горлу, и я с ненавистью смотрю на Савелия. У Тищенко мы сидим всего полчаса и, зайдя к Савелию за фанерой, идем домой. Перед дверью Савелий оставляет нас на минуту одних, Сережа обнимает меня и крепко и долго целует. Я понимаю почему и благодарна ему за его чуткость. По дороге домой Сережа говорит мне: «Скажи мне о твоих впечатлениях». — «Каких?» — «Хорошо, я поставлю тебе несколько вопросов, самых неприятных сначала, чтобы все выяснить, как ты смотришь на приезд Ольги сюда? Ты думаешь, что им там очень скверно?» — «Возможно, что им тяжело, но я уверена, что Ольга в театре, кроме того, у нее тысяча друзей, и в свое время ей была оставлена крупная сумма, которую можно было даже удвоить за это время. Если она приедет сюда, к твоим заботам о себе, обо мне и о маме присоединится еще одна или две, если она приедет с Артуром, не будет же Сорин, в самом деле, содержать их обоих». — «Веринька, — перебивает меня Сережа, — поверь, что я понимаю тебя, не только денежное, но и другое положение будет тяжелое. Она, с которой я еще не разведен, будет здесь среди людей, на Соринском содержании — тут же Сергей Александрович Долгорукий, с которым она была очень близка и через которого она, наверное, найдет связь со всей аристократией. Какое будет у тебя положение? Я это понимаю и не допущу этого. Мы сумеем выйти из такого положения, уехав куда-нибудь. Со стороны Сорина, это называется — залезть в чужую душу — это непостижимо!»

Если Ольга будет без денег, она захочет устроить свой вечер и потребует Сережиного участия, думаю я, как это будет идти вразрез с нашими делами и мыслями. «Ты знаешь, — говорит Сережа, — этим самым Сорин объявляет тебе войну! Непонятно!» Я тронута Сережиным отношением, да и могло ли быть иначе. Боязнь и страх потерять то, что завоевано таким чудом и за что держишься с таким трепетом, овладели было мною — но Сережа рассеял их так любовно и нежно.

Когда мы пришли домой, мы долго не шли спать, а говорили о себе, о наших отношениях. Сережа с волнением говорил о моей роли в его искусстве и упрекал меня лишь <за то>

что я недостаточно ему позирую. Завтра же я обещала так устроиться с хозяйством, чтобы быть свободной для позирования несколько часов.

11 июня. вторник

Я с утра одеваюсь и переодеваюсь во все мои тряпки и сарафаны, чтобы позировать Сереже, но мы не можем найти места и поз, к тому же он сонлив и у него нет готового материала, и его расстраивают рассказы мамы о свинском отношении Хотяинцевой (она хочет сдать комнату более выгодно и предлагает маме выехать, маме, которая у нее живет уже полгода). До обеда ничего не выходит, а после обеда Сережа спит. В пять часов мы пьем чай у Браиловских, которые сочувствуют нам и предлагают устроить в оранжерее мастерскую. Сережа забавляет их рассказами о кругах вокруг Дюльбера, о которых ему рассказывал вчера Сорин. Вечером становится уже слишком поздно для работы, и Сережа грунтует к завтраму холсты, в то время как я дочитываю «La Revolté des Anges».

Утром к нам заходил Сергей Валерьянович и предложил вступить в компанию по пирожному делу. Мы согласились, имея в виду мамино участие, но днем из-за киоска, который они собираются снять, выходит с Анной Николаевной Сведомской скандал, так как она тоже собирается снять его, и мама отказывается от участия. К тому же ее раздражает вся постановка этого небольшого дела. Ирина Сергеевна бегают по всем дачам и собирает все необходимое для готовки, готовят они в кухне Сведомских, и скандал рано или поздно неминуем.

У меня третий день как страшно болят глаза, хотим пройти пешком в Ялту.

12 июня. среда

Наконец-то хороший день! Сережа нашел то, что ему нужно: он будет дописывать Венеру. Мы нашли удобное место с подходящим освещением, и все утро я позирую. Сережа в чудном настроении и не спит после обеда, а устраивает грандиозную уборку дома, а убрав, опять работает до пяти часов. В пять часов к нам заходят Дроздов, Блуменфельд и Якобсон. Этот окончательно нашел тон для Сережи и даже обворожил его, что нелегко. Войдя, он объявил, что хочет купить этюд у Сережи, а затем стал говорить обо мне, как редчайшей моде-

ли для художника: «Вы счастливы, что у Вас такая жена — писать ее только да писать!» Сережа совсем растаял и, проводив гостей, в чудном настроении пошел со мной гулять. У Браиловских мы сначала поливали сад, а затем пили чай. Сообщение об аресте Ленина еще более повысило Сережино хорошее настроение, но мне это сообщение показалось неинтересным («как-то запоздало»). За чаем Леонид Михайлович сообщает, что из Радаковского дома уехала Лебедева и дом свободен. Я срываюсь с места, забегая за мамой, и мы идем его осматривать. «Господи, неужели у Сережиньки будет, наконец, хорошая мастерская», — думаю я по дороге. Дом действительно сдается, хотя условия довольно неудобные для нас, декаденщина в доме нас не пугает, потому что слишком соблазнителен комфорт ванной комнаты, паркетных полов, огромных окон. По возвращении к Браиловским, Римма мне рассказывает историю Радаковского дома так остроумно, что я слушаю с наслаждением. Сначала о первом появлении Радакова в Мисхоре с его умирающей женой, для которой строится дача, в которой она и умирает; затем о Хотяинцевой и Марье Павловне — двух соперницах, причем последняя побеждает, начинает одеваться в платья с оборочками и говорить о том, как много было выпито шампанского накануне. Наконец о бегстве Радакова и его женитьбе и, как эпилог, о сцене на берегу моря, где Марья Павловна с глазами, полными слез, следит за своим былым ухаживателем, везущим в коляске своего ребенка.

13 июня. четверг

Утром большой компанией осматривали Радаковский дом. Сереже он не нравится, и его страшат непропорциональные, большие комнаты. Мы с мамой потом целый день обдумываем, как устроить пансион: «Стоит ли, придется брать мебель напрокат». Хотяинцева уже пронюхала и лебезит перед мамой, боясь конкуренции. В одиннадцать часов к нам зашел Якобсон с Наташей Дроздовой и купил у Сережи этюд (я под деревом в Алуште), и, пока я занимала Наташу пирожными и детскими рассказами, они обдумывали устройство декоративно-пластично-музыкальных вечеров с участием Сережи, Якобсона и моего, сегодня вечером Якобсон будет петь у Браиловских, и там мы, возможно, выберем что-нибудь из его романсов для инсценировки. До и после обеда я так прилежно позировала, что когда зашел Сорин с Димой Волконским, то мы их не при-

няли. После позирования мы отдыхали, и я лечила свои глаза, которые очень разболелись, пока нас не поднял приход трех девиц курсячьего вида, которые принесли деньги от графини Шуваловой. Сережа радостно подписывал расписку, приговаривая: «Вот хорошо: деньги к деньгам». Потом заходила мама и рассказывала о Рябушинских, которые сняли низ у Хотяинцевой, они хорошо знают Сережу как художника, а меня по Камерному театру и, кажется, очень не прочь познакомиться с нами. До вечера у Браиловских мы прогулялись к Сорину. У него болит нога, и он так трогательно хромает и так мил с нами, что я ему прощаю все недавнее. На днях княгиня Орлова видела Сережин эскизик, проданный Тищенко, и сказала: «На этой картинке Судейкин изобразил такое счастье, что хочется второй раз выйти замуж, чтобы испытать его».

14<-16> июня. пятница<-воскресенье> _____

В четверг вечером, пока Яacobсон пел у Браиловских, у меня так разболелись глаза, что я от рези не могла даже участвовать как следует в общем разговоре, а ночью, когда я начала класть компрессы, Сережа так испугался, что решил рано утром отправить меня к доктору в Ялту. Проснувшись утром, мы долго спорим, ехать ли на день или два и в какой комбинации: мне с мамой или мне с Сережей. Так как мама должна была решать сегодня с управляющим Радакова относительно дачи, то я убедила Сережу ехать со мной, тем более, что без меня он все равно не будет работать. Тогда он стал готовиться к отъезду: собрал краски и приготовил складные табуретки; было решено ехать с комфортом, то есть взять извозчика и остаться на ночевку в Ялте. В десять часов перед нашим домиком остановился извозчик, и к нам забежал Яacobсон, чтобы взять купленный этюд. Сережа приготовил ему для выбора еще несколько этюдинов, чтобы подарить ему. Яacobсон выбрал «Полдень в виноградниках» и был очень доволен, а я на прощанье успела ему прочесть несколько стихотворений Кузмина, годных для музыки. Мы расстались друзьями, и он обещал в скором времени приехать к нам, чтобы поговорить о вечере и составить программу. Его же извозчик через полчаса повез нас в Ялту. Мама доехала с нами до Олeиза, где пошла предупредить Вейнер, что мы уехали. От Олeиза мы поехали одни.

Ночью шел проливной дождь, и теперь мы, блаженно улыбаясь, вдыхали нежный и душистый воздух. Сережа обнимал

меня и говорил, что я красавица, несмотря на мое черное пенсне, и, когда с деревьев на нас падали капельки росы, мы смеялись и вспоминали, что ночью Сережа выбегал в дождь голый на улицу спасать растопки. Мама дала нам с собой молоко и хлеб, и мы поминутно ели. Сережа вспоминал детские моменты и говорил: «Наконец-то табуретки превратились в настоящих лошадей».

166

В Ялте я запоздала к Каневскому, он уже обедал, но все же принял меня. Осматривая глаза, он спросил: «Вы слышали о такой болезни: трахома?» — «Неужели она у меня?» Доктор просил не волноваться и сказал, что требуется лишь очень долговременное лечение и операция — но что болезнь сама по себе не опасна и совсем не грозит зрению. Все же я ушла убитая и совсем расстроила Сережу, с которым я встретила на набережной перед магазином Зембинского. Он уже успел снять комнату во «Франции» с видом на море. «Бедный мой Буль». Отобедав в кухмистерской, мы пошли разыскивать Палладу. Она была одна, мило одета и, целуя меня, сообщила, что едва стоит на ногах, потому что ночью у нее был четырнадцатый аборт, что сейчас к ней, наверное, зайдет Феликс Юсупов, который опять бывает у нее ежедневно, что Глеб, когда у нее недавно хлынула кровь из горла, испугался и предложил ей денег для доктора и что она на эти деньги купила себе шляпу — и тут же, приняв позу с палочкой, примерила ее. «До чего Паллада забавна, сил нет!» — говорил Сережа. Затем она села против нас на диван и, задрав ноги, стала рассказывать, как и почему у нее снова стал бывать Феликс, как он хлопотал за Батюга и она для этого познакомила его с красавцем Стефенсом, служащим при немецкой комендатуре, как эти два красавца вели себя при встрече друг с другом, как Юсупов говорил с ней о Глебе или, вернее, избегал говорить о нем, как Глеб ненавидит Сережу и как Юсупов сказал следующее: «Если у Вас такой друг, как Судейкин, то неудивительно, что распространяется такое мнение, что я педераст». Мы ушли от Паллады, когда к ней пришла какая-то неприятная молодежь, и стали ждать ее в номере к пяти часам. Тем временем мы успели выпастись и полечить глаза, и когда пришла Паллада с обещанными стихами и прозой, Сережа начал писать с меня этюдик: я полураздета на красном диване. Паллада села на пол, развернула перед собой многочисленные тетради и стала читать нам «Портреты» и «Слоны». «Это в стиле Ницше», — предупредила она нас о «Слонах» и просила от-

несть к ним вдумчиво. Когда она кончила, Сережа, тем не менее, расхаял их вдребезги: «Если Вы мечтаете познакомиться с Маковским, то сначала выкиньте своих слонов. Ницше тут ни при чем, кроме того, Ваши слоны слишком злоупотребляют своими хоботами, спинами, хвостами и умными глазами. Просто-напросто это какая-то апокалипсическая дребедень». Паллада была обижена за своих слонов, на которых держится ее жизнь (любовь, дружба, искусство, фантазия), и сомневалась, читать ли ей «Портреты». Но, получив обещание снисходительности, прочла их нам. Они оказались лучше, несмотря на большое количество роз, золотистых распущенных волос, надменных улыбок, — и всюду, всюду скрытый образ Феликса Юсупова.

На другой день мне пришлось из-за глаз сидеть до обеда в полутемной комнате, пока Сережа ходил к Бучумову и в банк к Ферману. Обедать я ходила в черных очках и густой вуали, а придя, не выходила из номера до заката солнца. До пяти мы отдыхали, а в пять Сережа принялся за вчерашний этюдик. Потом пришла Паллада, вернее, сначала ее тетрадки, затем она на одну секунду, а затем уж она как следует. «Вы знаете, что случилось? Юсупов подслушал вчера весь наш разговор — а я ведь все время говорила о нем и ругала его мерзавцем и негодяем, вспомните, Вера Артуровна, о чем я рассказывала, когда раздался какой-то шорох, и Вы еще сказали: к Вам стучат?» — «Точно не помню: или о его встрече со Стефенсом, или о том, как он рассматривал Ваши банки с помадами, а Вы ему давали советы грима, на которые он обижался». — «Если это, то ничего, но мне надо точно знать, чтобы в случае чего вывернуться». — «Но как же Вы знаете, что он подслушивал?» — «Очень просто. Что он был в Ялте — это достоверно. Вы его видели и многие другие. Кроме того, нижние жильцы видели, как он вошел в дом и вскоре вышел. Они решили, что он не застал меня дома. А сегодня немецкая комендатура через Стефенса вызывает меня для телефонного разговора с князем Юсуповым (ведь частные разговоры запрещены). Я помчалась. Разговор происходит через немецкого офицера. Юсупов говорит, что будет у меня во вторник и что был вчера, но я так громко говорила, что не слышала его стука, и он просит впредь не встречать его такими разговорами, как вчера. Какой дурак! Затем я прошу сказать моему мужу, что у меня нет денег. Стефенс отказывается это передать, но потом все-таки говорит. Юсупов отвечает: «Я Ваше-

го мужа никогда не вижу, не знаю где он и потому не передам». Какая невоспитанность! Какая бестактность. Одному рада: завтра вся Ялта будет знать, что Юсупов меня вызывал по телефону».

Поволновавшись на тему «Юсупов» — Паллада села читать нам свой роман «Путь к мечте». «Я читала его в Алуште и вызвала целый ряд дебатов, восторженных критик, похвал. Хотя это не мой лучший роман, у меня есть лучше, но они в Петербурге». Сережа на этот раз не ругал ее, хотя и было за что, и в восемь часов мы мирно пошли есть чебуреки, а после них к Флорену, пить шеколад. Там Паллада нам рассказала о пари с полковником, что ее невозможно изнасиловать. «Вот если бы Вы так писали, как рассказывали, — то имели бы больший успех, чем Вербицкая». И мы пошли провожать ее, чтобы послушать еще рассказ, на этот раз мрачный и жуткий: о казнях большевиков, на которых она присутствовала. Мы поражаемся, как у нее хватило духу на рассвете идти за осужденными далеко за город, смотреть каждому в лицо и выслушивать их выкрики со строгим лицом. «Ни слез, ни истерики, — предупредили ее офицеры, — а то будет скандал». «Матушка-барыня, — вопил один из осужденных, — ведь Вы добренькая, Вы все поймете, заступитесь, голубушка». Другой был строг и мрачен и лишь просил передать последнюю просьбу жене. Читались бумаги на немецком языке, на русском, медленно отдавались приказания, священник говорил с каждым из осужденных, и все это длилось несколько часов, и несколько часов смотрела на это гнусное зрелище Паллада в шелковом платье, с ярко накрашенным лицом, со стеклом в руках, стоя в группе офицеров и делясь с ними впечатлениями.

На следующий день Паллада обещала прийти позировать Сереже в интересной позе и привести Наталочку. Они пришли лишь в первом часу, и я долго их усаживала. Паллада дает очень хорошие позы, но недолговременные, а для толстой Наталочки с трудом удается найти интересную позу, но зато сидит она добросовестно и охотно соглашается снять юбку и блузку и остаться в одних панталонах. К позированию она относится как к серьезному делу, Паллада же ни минуты не сидит спокойно, все время болтает, курит папиросы, а узнав от нас, что Дима Волконский в Ялте, стремительно летит к телефону его разыскивать, разыскав, назначает ему свидание и сейчас же убегает. Оставшаяся Наталочка тщательно продолжает позировать, она оказывается милой, доброй девуш-

кой, мы ее отпускаем пообедать на полчаса, а потом опять раздеваем и усаживаем ее, и она послушно сидит до шести часов. Я расспрашиваю ее о ее жизни, и она в нескольких словах рассказывает все о себе: была портнихой у Мте Ольги на Троицкой, затем манекенщицей у Олесова, который, открыв отделение в Ялте, привез ее сюда. Когда появились большевики, он бежал, и она осталась в Ялте без всяких средств. С Палладой она познакомилась случайно, очень полюбила ее и признательна ей за то, что Паллада учит ее, как вести себя в обществе «умных» людей, как смеяться, как говорить, учит ее читать стихи и подводить глаза. В шесть часов мы отпустили ее. Сережа лег спать, а я села на балконе и смотрела на гавань с лодками, на проходящую публику, веселую и летнюю, на осликов, верховых извозчиков, на горы, золотые от заката, и думала, что Сереже действительно необходимо изредка жить в городе, чтобы пополнять свои впечатления. Сережа проснулся в восемь, и мы пошли к Бучумову на Николаевскую.

Что за тяжелое впечатление! Сначала мы застали его одного. Бледный, в ярком холщовом костюме с короткими брючками, большим белым воротником и черным бантом имел вид оперного статиста — он сейчас же стал жаловаться на свою судьбу и на то, что за бесценнок, а именно пятнадцать-двадцать рублей, приходится теперь продавать свои этюды, чтобы не умереть с голоду. «Да и раньше бывали неудачи, написал я однажды, будучи еще совсем молодым художником, шестиаршинное панно, которое обошлось мне <в> тысячу рублей, — подумайте только: сто шестьдесят горшков хризантем на фоне Кремля, возил его на Нижегородскую ярмарку по Волге да по разным городам, и что же: пришлось в Москве продать в конце концов за шестьсот рублей. Да, бывают же неудачи!» Когда пришла его жена, стало совсем невыносимо. Несчастное вульгарное маленькое существо желало ежеминутно показать свою принятость в обществе. «Я сегодня встретила Куртэн, и мы раскланялись с ней, а сейчас мы раскланялись с Васильевым», — сказала она мужу, стараясь говорить протяжно-небрежно. «Я Вас часто встречаю, — обратилась она ко мне, — но Вы никогда не отвечаете на мой поклон». — «Это потому, что я очень близорука». — «Да, но я, знаете ли, очень обижаюсь, если мне кто-нибудь не отвечает на поклон». Сережа прервал свой разговор с Бучумовым: «Это на мою жену совсем не похоже — если она не отвечает на поклон, значит, она по близорукости не заметила кланяюще-

гося». — «Так почему Вы не носите очков, вот мой муж тоже очень близорук, так он носит и пенсне, и очки». — «Для того чтобы узнавать знакомых на улице, не стоит себя уродовать». Потом и она заговорила о тяжелой жизни, о паршивых магазинщиках, которые эксплуатируют ее мужа, о том, что жена художника не должна сама готовить, а должна быть идеальной. Бучумов несколько раз с ужасом смотрел на нее, когда она говорила. Мы постарались поскорей избавиться от тяжелого впечатления и уйти. Когда мы шли домой, от электрических фонарей падали фантастические тени на тротуары, листья деревьев образовывали сложные кружева — проходившие по набережной девушки казались все влюбленными, и мы стали мечтать о том, чтобы к осени переехать в Ялту.

17 июня. понедельник

170

Выпив кофе и пройдясь по магазинам, Сережа засел за наше трио. Первой пришла Наталочка, потом Паллада, у нее был Дима Волконский, и она подробно рассказывает о нем и мечтает у себя устроить свидание трех красавцев: Феликса, Волконского и Стефенса. Сережа работает с упоением целый день, на обед тратится лишь полчаса. В семь часов он заходит к Петри, чтобы через него, может быть, устроить продажу Билибину, а потом делает с меня набросок на балконе при электрическом свете на фоне моря. У меня сильно болят глаза, и я, расстроенная, ложусь спать. Заходит Паллада, и Сережа идет с ней закусить в кафе. Я засыпаю крепко и просыпаюсь от вкусного ощущения во рту, это Сережа кладет мне в рот горячие чебуреки. Я съедаю всю порцию, принесенную Сережей, и засыпаю снова.

С утра Сережа настаивает на том, чтобы я показала Каневскому. Он беспокоится очень за мои глаза. Коневский находит значительное улучшение и не трахому, а просто сильное воспаление. Мы, облегченные, уходим от него. Сережа рисует только Наталочку, которая аккуратно и безропотно позирует. Паллада забегает на минуточку: «Меня ждет Феликс, я безумно расстроена, надо платить за Ори, а денег нет, прямо не знаю, что делать!» Сережа вдруг предлагает ей поговорить серьезно с Юсуповым. Я против этого и очень недовольна Сережиным необдуманном предложением. «Это при муже-то!» К вечеру заходит к нам художник Яновский — очаровательный человек, скромный, мягкий, страстно любящий искусство, — с ним Сережа идет к Махлису, поговорить относительно «Паяц<ев>»,

постановку которых предлагают Сереже, а я сижу на балконе и люблюсь сквозь черные очки Ялтой, пока не приходят Паллада и Наталочка. Мы втроем ждем Сережу — и затем идем есть чебуреки. Паллада сначала рассказывает разные неприятности: какой-то критик, знакомый Стефенсов, ругал Сережу, называл его преувеличенной величиной, неумелым рисовальщиком, затем Юсупов говорил о нем как о невоспитанном человеке, а меня называл женщиной, лишенной всякой индивидуальности и потому подходящей женой для Судейкина, чтобы оттенить его. Сережу эти сообщения нервят. Я внутренне взбесилась и веду мысленно потом долгое время ругательные разговоры с обоими людьми.

Паллада старается сгладить нехорошее впечатление и начинает болтать так остроумно, что мы действительно забываем неприятности и смеемся. «Сегодня меня Феликс познакомил с Великим князем Федором Александровичем и советовал как-нибудь прочесть ему свой роман, подождите, я еще доберусь до Дюльбера и научу еще старую императрицу курить папиросы с опиумом! А то Глеб мне постоянно тычет под нос императрицу, когда она была у него и что сказала. С Феликсом я послала Глебу письмо, тысяча слов о деньгах и ни одного о любви, — и, загибая пальцы, она стала перечислять, — внутренний доктор, четырнадцатый аборт, кровоизлияние, смерть тетки, отъезд брата, голодание Ори — не правда ли, звучит на тысячу рублей?»

19 июня. среда

Невероятно жаркий и душный день. Мы хотим ехать домой. Сеанса сегодня нет, хотя Паллада и Наталочка заходят. К Сереже заходит Бучумов, и у них неприятные разговоры о деньгах, которые Бучумов должен Сереже. Сережа просит не беспокоиться об уплате, а Бучумов глупо оправдывается и дает всевозможные обещания. Паллада и Наталочка сидят на балконе и заговаривают с проходящими знакомыми, увидя двух Волконских, Паллада срывается с места и убегает: «Они ведь так нужны мне, они против Феликса». После обеда, отдохнув, Сережа отправляется добывать краски, а я принимаю ванну и слушаю симфонический оркестр, сидя в ванне, — окно выходит в городской сад — то, о чем я всегда мечтала. Наслаждение невероятное. Отдыхаю на балконе и наслаждаюсь комфортом городской жизни. Сережи еще нет, как приходит Бучумов, а затем и Яновский, звать нас на их «среду».

Я расспрашиваю Бучумова о его жизни и узнаю невероятные вещи: когда-то <он> владел роскошным старинным имением под Москвой (Долгие пруды), где в домашнем театре еще сохранилась роспись Брюллова, затем часть имения была продана при разводе с его первой женой, и он, женившись на гречанке, строит себе мастерскую в Афинах — этот дом каким-то сложным путем переходит одному знакомому, и Бучумов селится в Ялте, здесь ему принадлежит Гранд-отель на Морской, но его он проигрывает на пари, и теперь, женившись третий раз на дочери кухарки, он влачит жалкую жизнь непризнанного артиста. Я с недоумением смотрю на него и никак не могу найти в его теперь столь жалкой фигуре следы барства и роскошной жизни. Дождавшись Сережу, мы идем на «художественную среду ялтинских художников». Собрание самое провинциальное, но трогательное. Нас засаживают рисовать на больших памятных листах, на которых уже много сувениров, и Сережа выводит футуристическим шрифтом «Среда», а я веночек. Потом хозяин, отставной военный, разбитый параличом и разъезжающий по комнатам в кресле, читает устав общества, затем все закусывают в столовой и слушают бесконечные рассказы о большевистских временах и наконец расходятся. Председательствует Суреньянец. Сережа ему рад. Мы — почетные гости.

20 июня. четверг

Мы решили ехать домой — утром Сережа покупает краски, принимает визит Яновского, о котором у нас составляет мнение как о самом симпатичном человеке последнего времени, и визит Махлиса, который сообщает, что с постановкой ничего не вышло. После обеда выезжаем и, как всегда, радуемся прогулке и тому, что будем скоро дома. «Как ты думаешь, вышло что-нибудь с Радаковской дачей?» — «Может быть — вдруг приедем, а в домике ничего нет и все наши вещи уже перенесены на новую дачу?» — «Какое счастье — ехать домой!» Приезжаем к шести часам. Домик наш дивный, все убрано, вымыто, масса цветов. Мама кричит с балкона, что сейчас придет — у нее ожог от солнца, и ее осматривает доктор. С дачей Радакова ничего не вышло, ее перехватил кто-то. Едва разобрав вещи, мы идем к Шаминым, Майделям, Браиловским. Все беспокоились, куда мы пропали, и нас спрашивают, чувствуем ли мы, что приехали в родные места? «О, да, о, да!» Браиловские рассказывают об обиде, нанесенной Сориним офицерам,

собиравшим этюды для лотереи в пользу офицеров. Он как-то грубо и недоверчиво обошелся с ними, так что с одним из офицеров сделался ночью нервный припадок, и Браиловский сделал Сорину выговор, причем было сказано Сорину, что он, как не русский человек, конечно, не может понять чувств русского офицера — другими словами: «Вы, жид, будьте поосторожней, не то...» и тому подобное. Глупая история, в которой надо еще разобраться. Сорин уехал в Байдарскую долину на другой день после истории. Дроздов в Алушке даст несколько концертов в пользу офицеров, и решено, что художники дадут программы. Римма уговаривает меня продавать их.

Сереза много рассказывает о своем этюде, сделанном с Паллады и Наталочки, и еще вечером показывает его Браиловским, но такого восторга, как хотел бы Сереза, этюд не вызывает. «Это очень хорошо нарисовано, очень реально и потому скучновато. Не хотите Вы писать судейкинских вещей, что с Вами поделаешь!»

Сереза спорит яростно: «Все дело в реализме, и я хочу писать только реальные вещи, а этот этюд я считаю своей лучшей работой. Посмотрите, как нарисовано!» И спор затягивается до позднего вечера.

21 июня. пятница

Так хорошо приехали и так плохо провели ночь. Проснулись злые. Всю ночь скребли крысы, ели москиты, и было душно. Сереза в отчаянии. Работать негде, свет ужасный, места нет. Вдруг влетает Римма и, запыхавшись, выпаливает: «Грюнберги уехали на Радаковскую дачу, низ свободен, берите его». Мы соглашаемся с радостью и сейчас же начинаем разбирать вещи к переезду, который может состояться только завтра. Сереза садится рисовать афиши к воскресенью, <к> Дроздовскому концерту, заходит Дроздов и обещает дать для афиш несколько автографов. Вечером у нас сидит Нита, с которой Сереза говорит об искусстве, а потом мы на тачке перевозим дрова.

22 июня. суббота

Очень быстро и очень весело упаковываем вещи и переезжаем. Обедаем в маленьком домике, и Сереза спит после обеда, а пьем чай уже на новой квартире, на стеклянной террасе и с самоваром. Сереза ходит по комнатам и говорит, что удручен роскошью. После чаю мы оба рисуем афиши, к вечеру у нас на террасе клуб, Сереза делает силуэт с Дроздова.

23 июня, воскресенье

174

Я должна продавать сегодня афиши и всех поразить своей внешностью, говорит Римма, а мы плохо спали, меня изъели москиты, и еще вчера я разболелась. Глаза тоже болят, и, когда Сережа к чему-то придирается, я начинаю плакать и плачу так долго, пока глаза у меня не опухают, и я ехать на концерт отказываюсь. Тогда Сережа говорит, что устроит мне скандал, если я не поеду, надо мне, которая так редко выезжает, не пропустить случая, и я примочками, каплями и пудрой привожу себя в порядок. Еду на линейке с Черноярowymi и Браиловскими, а Сережа идет пешком. У меня чалма из белого шифона и черные очки от солнца и пыли, и я кажусь себе отвратительно несчастной, но Римма уверяет, что я очень хороша. Концерт грандиозный: и зала великолепная, и все аристократы налицо. Меня встречают как нельзя лучше, устраивают стол, и я сажусь продавать, разложив все афиши. Риммины афиши самые дешевые, от тридцати рублей, а самые дорогие Сережины — сто рублей, и некоторые Леонида Михайловича. Сначала у стола толпятся девицы, которых тянет к картинкам, среди них Нина Блуменфельд, которая не сводит глаз с силуэта Дроздова. Римма всех прогоняет и устраивает мне первую продажу Орловой-Давыдовой — свою афишу за сорок рублей. Но продажа идет туго. Все шарахаются от цен. Какой-то господин, бросив пять рублей, берет силуэт Дроздова, но я выхватываю его у него из рук: «Это стоит сто рублей». И он, возмущенно-удивленный, берет простую программу. Из аристократии никто не покупает, приезжает компания Юсуповых, на них у меня надежда, но они долго ничего не покупают, и лишь в первый антракт Феликс старательно выбирает две афиши, одну Сережину с автографом Дроздова (Брест-Литовский договор), а другую Леонидину. «Сколько они стоят?» — «По сто рублей». — «Таких денег у меня с собой нет. Вы позволите Вам прислать завтра?» После него подходит к столу Чуйко и, не моргнув глазом, приобретает за сто рублей силуэт Дроздова. Вот и все продажи. Общая выручка четыреста с лишним рублей — офицеры очень довольны и меня очень благодарят. Дроздов играет великолепно. С моего места лучше слышно, чем из зала. Сережа сидит рядом со мной. Когда Дроздов играет Шумана, мы наслаждаемся «Карнавалом», каждая нота которого нам так знакома. Сережа, глядя на фигурки, нарисованные на его афишах (Ave <Признание> и Joh <an> Kreisler), говорит мне: «Хочешь, Веринька, я изобразу весь карнавал, все двадцать номеров в ве-

ликолепном ночном пейзаже». — «Вот тема! Чудно! Как я рада, что, наконец, у тебя будет настоящая картина». Не дождавшись конца, мы уходим с Сережей с концерта, пользуемся тем, что мы в Алушке, и заходим к Фельдманам. Там Черная Штучка и Белая со своим женихом доктором Оглодиным. Мы с ним только что познакомились в концерте. У Фельдманов справляется день рождения одной из девочек, и нас угощают сладкими пирожками. Нестерпимо скучно, и мы скоро уходим, с нами уходят и Штучки с Оглодиным. «Как я не люблю Мне Фельдман», — заявляет Черная Штучка. — «Я тоже не переносю ее». — «Так зачем же Вы ходите в гости к ней?» — резонно замечает доктор Оглодин. Мы острым на эту тему, и всем становится весело. Около гостиницы «Россия» мы прощаемся, но наверху раздается музыка, и мы поднимаемся на террасу посидеть немного и закусить. Мы едим шашлык, а доктор Оглодин угощает всех вином, обе Штучки быстро пьянеют, Черная начинает говорить о своей любви к Сереже: «Я и в Сорина была влюблена только потому, что он рассказывал о Вас». — «Как же это Вы при жене-то такие вещи говорите?» — «При Вере Артуровне? Да я ее, пожалуй, еще больше люблю, чем Сергея Юрьевича», — и она целует меня крепко. Белая Штучка сначала интимничает с женихом, а затем начинает строить «гордую деву». — «Что это с Вами, Екатерина Владимировна?», — спрашивает ее Сережа со смехом. — «Я хочу быть гордой, как герцогиня, — Вы же мне как-то говорили, что мне только этого недостает». — «Вот что, господа, — говорит Оглодин, — выпьемте за то, чтобы супруги Оглодины были бы такие же счастливые, как супруги Судейкины». Все подхватывают. «И знаете, — продолжает Оглодин, — что мне в Вас так нравится, Вера Артуровна, — Ваша резонность, сейчас вот, прежде чем заказать шашлык, <Вы> спросили, сколько он стоит и нет ли чего подешевле, и сделали это просто и не стеснясь». Сережа пользуется моментом, чтобы расхвалить меня. Мы сидим еще долго. Много смеемся и много изливаемся в чувствах. Когда мы наконец идем домой и нас провожают до парка, Черная Штучка так пьяна, что еле стоит на ногах и говорит все: «Я домой не могу являться, мне дурно». — «Ну, вот и прогуляемся еще», — и доктор Оглодин тащит обеих сестер в парк.

24 июня. понедельник

Отдыхаем после вчерашнего кутежа. Спали хорошо, кроме того, Сережа спит еще до и после обеда. Во время обеда при-

ходят болтать к нам Римма и Оля Майдель. Римма довольна за нас, что мы хорошо устроились, и обе смеются, что Сережа «не может привыкнуть к такому роскошному помещению». К чаю приходят Вера Георгиевна и Соколов. Вера Георгиевна в восторге от Сережиных рисунков к «Карнавалу» на программах, особенно «Valse noble <Благородный вальс>» ее пленяет. Сережа хочет ей показать ялтинский этюд, но предупреждает, что тема не совсем салонная. «Тогда я попрошу кавалеров выйти, и я с Верой Артуровной его буду смотреть». Соколов и Сережа уходят, и я ей показываю этюд — через минуту Соколов входит обратно, спрашивая: «Ну что, посмотрели?» — «Нет, нет, еще нельзя, уходите», — и Вера Георгиевна машет на него руками. *Quelle pruderie* <Какая чопорность>! Подумаешь! Мы их провожаем полдороги, на обратном пути встречаем Дроздова с Полями и идем с ними. Сережа говорит ажитированно на тему: музыка, кого нужно играть, какая музыка ближе современному человеку, и упрекает Дроздова в неправильном подборе пьес и авторов. «В наш век автомобилей, войн и революций удовлетворяет ли нас «Баркарола» Чайковского или «Песенка без слов» Мендельсона — конечно, нет». — «Да, но эти баркаролы и песенки иногда только и создают успех концерту». — «Это Вам так кажется. Я уверен, что от Дебюсси впечатление будет более сильное и соответствующее». — «Ах, Вы не знаете, Сергей Юрьевич, что такое публика!» — говорит Дроздов. На обратном пути заходим к Шаминым, а вечером Сережа пишет этюд: открытое окно, в нем лунное небо и верхушки деревьев.

25 июня, вторник

Вчера мы успели поубирать в квартире, и сегодня Сережа садится с утра за работу. Мама заходит примерить Сереже белые брюки. Она переедет завтра. К нам хотят на днях зайти Рябушинские. К чаю я одеваю синий сарафан и уютно располагаюсь на балконе за столом. Сережа в восторге от моей позы и садится меня писать: «Ты моя модель — ты должна мне позировать без конца, ты так божественно хороша, что можешь создать карьеру художнику».

26 июня, среда

Сережа весь день пишет меня, днем сидит у нас Римма и рассказывает всевозможные истории, которые нас очень занимают. У меня опять сильно болят глаза, надо будет съездить в Ялту.

---

27 июня. четверг

Сегодня второй концерт Дроздова, и за мной пришлют экипаж; так как программа сегодня из русских композиторов, то я еду в синем сарафане. Все утро я стираю, а Ирина печет у нас пирожки. Они теперь всегда будут пользоваться нашей кухней — нам это только выгодно. Ирина производит ужасно несчастное впечатление, грязная, оборванная, с больной ногой, на которую вместо башмака намотаны старые чулки, она в таком виде, хромая, относит за две версты к кофейщику свои пирожки. Я едва успеваю одеться, как за мной приезжает Вавич. Сережа остается дома — ему хочется поработать. По дороге Вавич рассказывает, что он теперь организатор всевозможных кабаре, имеющих большой успех. В гостинице «Россия» он каждое воскресенье будет устраивать кабаре. Все провалились, кроме него. Рындина выступала один только раз. Зборомирский, муж Nena Stackelberg, не имел никакого успеха, а он, Вавич, получил ангажемент на все лето. На концерте меньше народу, чем первый раз, из аристократов многих нет. Зато Тищенко и Квиль покупают у меня две Сережины программы: «Valce noble» и «Aveu». Сазонов стоит в антракте в двух шагах от моего стола, и мне не только не удастся продать ему программу, хотя бы даже простую, рублевую, но даже заставить его обернуться, поздороваться, и сказать ему что-нибудь, он как каменный стоит двадцать минут и с кем-то говорит почти рядом со мной, совершенно не замечая ни меня, ни моего стола. Я жалуюсь сидящему около меня офицеру. «Что Вы захотели, поймать дипломата, да такого еще крупного!» После концерта приходится посидеть в буфете, где офицеры угощают некоторых: Дроздова, меня и других вином, чаем и сладкими пирожками. Обратного меня опять отвозит Вавич, а я беру с собой Наташу Дроздову, которую на коленях держит Нина Blumenфельд. Дома Сережа ждет меня с нетерпением, он работал над «Casa belle donna», приписал фигуры, и эскиз имеет великолепный вид. Вечер тихий и теплый. Сережа начинает новый эскиз: арлекинаду в открытом окне.

---

28 июня. пятница

Вчера мама переехала, и мы сегодня готовим первый обед и приводим в порядок кухню. Сережа помогает. Все заходят к нам в кухню любоваться нашей веселой работой. Днем у нас сидит Римма и рассказывает о Nena Stackelberg и Зборомирском, а Сережа работает над новым эскизом.

---

29 июня. суббота

У нас грандиозная субботняя уборка. Я мою, стираю, глажу. Ирина печет пирожки, сидит в кухне на полу, раскинув босые ноги, на листах рваной газеты перед ней разложены пирожки, и она их смазывает кремом. В таком виде нас застают Поли. Мама их угощает перед кухней чаем и пирожными, а я продолжаю достирывать тут же. Своего вида я перед Полями не стесняюсь, но, когда вдруг перед нами вырастает Дима Волконский, мне становится очень неловко, я вспоминаю, что он сказал Палладе: «Говорят, что вторая жена Судейкина гораздо красивее первой», и ухажу быстро привести себя в порядок. Волконский пришел со своими родственниками, которые у Риммы Никитичны смотрят ковры, а он пожелал увидиться с Сережей, к которому с первого дня знакомства почувствовал «влечение». Так как вечером мы идем на вечер Вавича, то Сережа идет в спальню бриться. Туда же еще раз заходит Волконский проститься, и выхожу я, одетая и причесанная, чтобы реабилитироваться. После их ухода к нам забегает Римма: «Скажите, это, значит, не тот Волконский, у которого роман с Рындиной?» — «Нет, этот ее даже никогда не видел». — «А я-то, дура, все время его угощаю разговором о Рындиной, то-то он так нелепо отвечал». Мы хохочем и в веселом настроении идем в Алупку на вечер Вавича с мамой и Ириной, которая несет заказанные пирожки. Но вместо обещанного непрерывного смеха на вечере почти трагично. Публики буквально не больше десяти человек, а программа хуже провинциальной. Мы уходим после первого же отделения.

178

---

30 июня. воскресенье

Утром Сережа написал дивный солнечный этюд: боскеты в саду. Заезжает верхом Мме Фельдман, она, вопреки ожиданию, сидит на лошади хорошо и имеет спортивный вид. Сегодня последний Дроздовский концерт, и я просила за мной не присылать коляски, потому что нет больше рисованных программ, — но не успела я пообедать, как за мной приехал молодой человек, посланный офицерами. Пришлось ехать, я взяла с собой Римму, маму и Михаила Васильевича Черноярва, который трогательно посещает каждый концерт. Сережа опять не поехал. Я продаю простые программки и набираю около ста рублей. Мне уже интересно, как кто подходит к столу, и я наперед уже знаю, кто купит и кто будет делать вид, что программа совершенно лишняя вещь для серьезного слу-

шателя, как какая-то трогательная старушка положит аккуратно тридцать копеек и возьмет програмку, как молодой князь Урусов возьмет программу, прочтет ее всю досконально и через четверть часа принесет обратно, и положит на стол с равнодушным видом, и как я ему сделаю замечание, хоть он и ненормален. Юсупов с Ириной Александровной присутствуют. Я его спрашиваю, остался ли он доволен «Брест-Литовским договором». Дерюжинский долго со мной разговаривает, рассказывает, что он будет брать уроки музыки у Дроздовой и какие они милые люди. Какая-то дама с двумя девочками подходит и спрашивает, почему нет программ с рисунками Судейкина, и знакомится со мной. Паня Зося прилетает в конце концерта, чем-то взволнованная и кого-то ищущая. Концерт исключительно составлен из произведений Шопена, Дроздов играет неровно, и в третьем отделении происходит скандал: по случаю духоты окна наружу открыты, и в них доносятся разговоры <с> извозчиком, ржание лошадей, взвизгивание собак — Дроздова это раздражает, и, когда ко всем этим звукам присоединяется еще звонко разносящийся по всему дому вой собаки на лестнице, он обрывает свою игру и стремительно уходит из зала. Распорядители в смущении, закрывают окна, прогоняют все экипажи на другую сторону от дома, виновницу-собаку запирают в чулан — извиняются перед Дроздовым. Он снова садится за рояль, и концерт благополучно доводится до конца. Преподносят букеты Дроздову, Дроздовой и мне. Нас просят выпить по стаканчику вина, произносят тосты, благодарят, и, наконец, я уезжаю домой с моим и дроздовскими букетами и Наташей. Я усиленно предлагаю Дроздовым довести еще кого-нибудь из них, мне неудобно, что они идут пешком столько верст, но они упорно отказываются. Дома у нас сидят весь вечер Поли, Черноторовы и Браиловские, и я вызываю маму по телефону от Грюнбергов, где она застряла по делу.

1 июля, понедельник

У Леонида Михайловича такое же воспаление глаз, как и у меня, и мы вместе едем в Ялту к Каневскому. Римма едет тоже. Мы быстро возвращаемся обратно. Сережа только что пообедал и спит, услышав, что я приехала, он вскакивает и радостно встречает меня. Рассказав о тех немногих впечатлениях, которые были в Ялте, я ложусь отдыхать и крепко засыпаю. Просыпаюсь от разговора Сережи с Нитой в соседней

комнате: он ее стыдит за ее вялое отношение к жизни и за мать, которая превратилась в кухарку, что ей, впрочем, идет. Нита, кажется, обижается и уходит. Вечером Сережа грунтует холст для «Карнавала» и говорит о пейзаже к нему и о возможных системах парков. Он упрекает сначала себя, что он слишком мало работает, а мог бы многое сделать, а потом меня, что я не создаю достаточно подходящей обстановки для его работ, не интересуюсь ими и вообще, по-видимому, не люблю живопись. Он впадает в крайности, забывая, какое сейчас время, какое отсутствие материала, красок и холста, и как почти все мое время уходит на стирку, варку и уборку. «Я даже при Ольге больше работал, она хоть деньги постоянно требовала — и из-за них я день и ночь работал». Я не возражаю: он слишком безапелляционно говорит, и я слишком хорошо знаю, что причина всей его нервности, конечно, не я — а время, условия и его впечатлительный, увлекающийся характер.

180

Поздно вечером у Браиловских с Чернояровыми происходит крупный скандал — Чернояровы, ввиду современных условий и трудностей получать деньги, не платили за квартиру уже несколько месяцев, у Браиловских денежные дела совсем пришли в упадок; Леонид Михайлович поэтому сегодня вечером в довольно резкой форме потребовал, чтобы Нина Александровна послала в Киев телеграмму о немедленной высылке денег. Она отказалась да вдобавок надерзила ему. Леонид Михайлович не остался в ответе, и скандал получился как следует. Мы решили дать Браиловским двести пятьдесят рублей, те, которые, собственно, должны были бы отдать Грюнбергам. Мама решила уладить дело с Грюнбергами, попросить их подождать.

Ночь теплая и тихая, и мы долго сидим в саду и беседуем с Браиловскими.

2 июля. вторник

Вчерашний разговор с Сережей отразился сегодня на моем настроении, с утра я хмурая и разбитая. Хозяйство не идет на лад, мама слишком много работает, суется целый день, меня это и раздражает, и беспокоит, я помогаю сколько могу, но большая квартира требует много уборки, Сережа ежеминутно меня зовет, и, бегая то в кухню, то к нему, принимаясь то за одно дело, то за другое, я повторяю про себя: «Никто не может служить двум господам». Чтобы как-нибудь

привести в порядок работу и мою, и Сережину, я делаю расписание на целый день и вешаю его в Сережину мастерскую. Часы от трех до пяти я обещаю Сереже позировать ежедневно. Сережа очень доволен расписанием и мной. К чаю мы ждем Штучек и готовим торт, но они не приходят, заходит Поль, его шляпа пленяет Сережу, и он предлагает Полю взамен что угодно, какой угодно этюд — но я восстаю против такой мены, обещая Сереже где-нибудь раздобыть такую. Сережа ведет Поля в мастерскую, показывает ему рисунки Билибина, и Поль хочет приобрести розы, если Билибин их уступит за сто рублей. Он сидит у нас довольно долго, пьет чай и говорит с Сережей о Шумане. После его ухода Сережа говорит: «Он настоящий артист».

Вечером мы идем к Тищенко, куда Сережа относит готовый Квилевский букет.

3 июля. среда

Сережа встал в семь часов и пошел один на этюд, я спала так долго и так крепко, что, когда Сережа вернулся, чай еще не был приготовлен. Напившись чаю, Сережа лег отдыхать и спал до обеда. Я пробовала сесть за дневник, но все время ушло на хозяйство, мытье волос, и я так и не собралась. После обеда Сережа сел заканчивать «Casa belle donna», а мама, ввиду имевшегося у нас торта, решила позвать к чаю Рябушинских. Стол накрыли в саду. Сначала пришли Рябушинские, а потом Квиль, который опять подробно рассказал о своих мытарствах и странствиях, а Рябушинский о своих. У него милое, очень русское иконописное лицо, в обыкновенном разговоре сохраняющее строгое выражение, но готовое каждую минуту улыбнуться, и тогда покрывающееся массою милых, симпатичных морщинок. Она молчаливая, приятная дама, седая, Maintenon назвал ее потом Сережа, как будто гордится очень своим мужем, тем, что он Рябушинский, богатый, известный купец. Сереже они оба понравились. Квиль еще оставался после их ухода полчаса, и Сережа показал ему два этюда. Вечером у нас сидит Мария Игнатьевна с таким дохлым, несчастным видом, что даже Сереже ее жаль, он шутит и говорит глупости по поводу того, что у Хотьяйки нашли целое гнездо мышей, и они их вскармливают. Мама упорно говорит о том, что ей нужно поехать в Москву. Сережа и слышать об этом не хочет. О будущем все говорят очень пессимистично.

---

4 июля. четверг

Сереза плохо спал и, едва встав, ложится вновь. Появились мухи, москиты, стало душно. Я до трех часов вожусь по хозяйству, мою в кухне пол, а в три часа сажусь позировать. Потом приходит Римма и просит меня быть посредницей в мирных переговорах с Чернояровыми. На это уходит у меня много времени, и кое-как это удается. Завтра хотели устроить концерт Ян-Рубан, но ввиду случившегося скандала его приходится отложить до полного мира. После ужина у нас сидят Дроздов и Шамины. Шамин тоже хочет ехать в Петроград, так как все ресурсы кончились, и они с мамой сговариваются ехать вместе.

---

5 июля. пятница

Вчера вечером около ручья расположился табор странствующих цыган, мы всполошились и звонили в милицию, которая и пришла, но среди ночи, и поэтому мы опять плохо выспались. Впервые я утром не хозяйничаю, а читаю Серезе, хозяйство как будто так налажено, что мама даже идет купаться. Римма пробует мириться с Чернояровыми, но не настолько, чтобы не откладывать концерта. Он будет в воскресенье. Сереза заканчивает мой портретик, и мы долго потом говорим о его искусстве, Сереза рассказывает, какой «Павильон поэта» он хотел бы написать. Вечером у нас Браиловские и Шамины. Сереза в политическом отношении настроен плохо. Павлин приходил и сказал, что немцы уходят.

---

6 июля. суббота

Утром, когда я стала наливать воду в самовар, в ней плавал большой паук. И неприятности действительно посыпались. Серая кошка утащила кусок мяса перед самым маминым носом, Кардо-Сысоева прислала за деньгами, молочник тоже требовал настоятельно уплаты счета, а главное, Грюнберг вызвал маму к телефону и резким тоном сказал ей: «Так как Вы не сдержали своего слова и не уплатили мне денег за квартиру, то я вселяю к Вам моего брата, если до вторника не будет уплачено». Маму все это так расстроило, что она не могла ни есть, ни работать. Сереза ушел с утра в Алупку, ему захотелось «так просто, по-мужски, прогуляться», а я принялась за субботние работы. Стирала, привела в порядок спальню, мыла полы, готовила обед. Когда Сереза вернулся, я побоялась огорчить его всеми сообщениями, но он, против ожида-

ния, был так весело настроен, что без особого впечатления воспринял все неприятности. Он был занят своими похождениями. Мне пришлось угадывать, с кем он провел время в Алушке, — с Заком. Потом он рассказал, что Алекс. Наумович, башенный торговец, предлагает ему продать его картины за какую угодно цену, потому что десятки миллионеров, в том числе некий Слепушкин, спрашивали, нет ли у него для продажи судейкинских картин. После обеда мы стали переезжать. Перевели маму в Серезину мастерскую, а мастерскую устроили в маминой спальне, там стены белые, да и светлее. Сереза очень доволен: «Это мастерская, это я понимаю — и в стороне, не на яру <sic!>». Я перетаскивала все вещи Серезины и мамы и так усиленно работала, что Сереза сказал: «Ты, кажется, по-настоящему думаешь, что ты моя раба». К шести часам все было закончено, и я только собиралась еще приколотить темные гардины в спальне, как Андрюша пришел доложить, что к нам приехали гости. Сереза был босой, я тоже, поэтому я поспешила скрыться, когда Сереза уже здоровался с Сергеем Александровичем, князем Долгоруким. Я быстро стала приводить себя в порядок, надела уже слегка грязное белое платье, причесалась и все время думала: «Ведь он ухаживал за Ольгой, надо, чтоб он и вторую жену Судейкина нашел интересной». Когда я вышла, Сереза показывал ему свои работы. Сначала обычный разговор о Крыме: «А Вы в первый раз в Крыму?» — «Да, я, кроме Москвы и Петербурга, ничего не знаю в России». — «Вера Артуровна долго жила в Берлине, изучала там археологию и искусство», — пояснил Сереза. — «О, тогда с Вами страшно говорить. Вы тоже художница?» — «Нет». — «Я слышал, Вы продавали программы на вечере Дроздова». Сереза принес показать два оставшихся рисунка, а я рассказала ему о «Брест-Литовском договоре», сочиненном Дроздовым. «Вы, наверное, очень музыкальны, а я ничего не понимаю ни в музыке, ни в живописи». Я вспомнила при этом, что у него в Петербурге лучшее собрание гравюр, но промолчала. «Должно быть, то, что я говорю о картинах, очень неприятно художнику, — сказал он, мило улыбаясь. — Вот Сергей Юрьевич показывает мне этюд “Весна” — кажется, так называется, а я ему говорю: зачем тут индюк, я бы его палкой прогнал — я ведь скептик». Он мило обещает у нас бывать, и, когда уезжает, Сереза начинает ломать себе голову, зачем он мог приехать. «Это он прослышал про твою красоту и приехал тебя посмотреть», —

решает он обычным образом. — «Вздор, просто навестить старого знакомого». — «Он ведь невероятный лавелас, его, кроме женщин, ничего, собственно, не интересует». — «Ну ладно, будь по-твоему», — смеюсь я.

После его ухода Сережа принимается за компоновку пейзажа на большом холсте для «Карнавала». Он берет пейзаж перед нашими окнами, когда ночью он освещен сзади звездами, а со стороны дома светом из верхнего окна мастерской. Он работает с таким увлечением, что через час уже весь пейзаж обозначен на холсте. Весь дом точно сознает, что Сережа принялся за большую, серьезную композицию. Римма и Леонид, заинтересованные, заходят несколько раз справиться, можно ли посмотреть.

7 июля. воскресенье

184

Вчера, делая порядок, я выбросила завядший офицерский букет и сговорила с Сережей, что у нас будет обычай справлять все семейные праздники, а по воскресеньям Сережа мне будет дарить цветы, хоть одну розу. Поэтому Сережа утром уходит к Рейнботу и приносит дивный букет. Потом он садится за «Карнавал», делает подмалевок пейзажа. Римма и Леонид буквально ломаются каждый час посмотреть, подвинулось ли. Сережу трогает их интерес. Леонид Михайлович очень доволен, что Сережа попал опять на верный путь. Я читаю Сереже «Метель» Чулкова, оказывается, интересно. Во время обеда неожиданно является Сорин, загорелый, похудевший, усталый. «Приехал отдохнуть на два дня». — «Отдохнуть? Сюда? Ведь Вы туда ездили отдыхать!» — «Да, но там трудно жить, помещений нет, все неудобно, есть нечего, потому что у татар пост, а немцы все увозят, видел Билибина, был у него, он не приедет в Мисхор, так как покупателей здесь не предвидится, а Вас ждет к себе. С Маковским ездил в Кокосы, как там изумительно», — и Сорин, улыбаясь, умолкает. «Изумительно, — повторяет он вновь и, точно что вспоминая, — знаешь, Сережа, ты должен туда съездить, но без Веры Артуровны, это чисто мужская поездка». — «Что такое!» — «Вера Артуровна, Вам там будет слишком неудобно, это путешествие исключительно для мужчин». Мы смеемся. «Савелий, у Вас, наверное, был роман там, сознайтесь!» — «Какой там роман!» Но вид у него самый подозрительный. «Так, перехватил кое-что», — сознается он потом Сереже. Сережа ведет его в мастерскую и показывает работы. Савелий удивляется ко-

личеству их. Мы просили его прийти вечером на концерт, но он не хочет: «Мне все люди противны, не могу их видеть». После его ухода мы отдыхаем до семи часов, потом Сережа еще работает, а я ему читаю. В девять назначен концерт, мы радуемся ему. За полчаса до начала приходит паня Зося и сидит с мамой на балконе. Она мне портит настроение своим присутствием и рассказами о великих князьях и своей собаке. Я ее возненавидела особенно остро с тех <пор>, как узнала, что она о Сереже говорит недоброжелательно, если не сказать — гадко. Я с ней не говорю ни слова. Поли приходят с rucksack'ами <рюкзаками>, как странствующие артисты. Мы собираемся в мастерской Леонида Михайловича. К моему удивлению, много лишнего народу: вся дача Айсандра, паня Зося, Сведомские. А концерт должен был быть домашним, интимным. Настроение сразу падает. Я сажусь с Сережей на лесенку, там уединеннее. Публика просит французских пасторалей и Чайковского, мы — Дебюсси и Мусоргского. Анна Михайловна прислушивается больше к нам, хотя исполняет и то и другое. Дебюсси производит большое впечатление, и я переписываю слова. Милы японские песенки Поля. Мусоргский потрясает. Впечатление от музыки так велико, что нам не хочется расставаться с Полями, и мы идем их провожать. Но с нами идет паня Зося, которую нужно довести до Олеиза, и это расхолаживает наше настроение. Тем не менее, Сережа вдохновенно говорит о музыке. Владимир Иванович отвечает ему в том же тоне. «В Вас много от Аполлона, и Ваша музыка так связана с Вашей жизнью», — говорит Сережа. — «Нет, — отвечает он, — во мне много и от Диониса, но я борюсь с ним, стараюсь не допустить его, знаете, я часто хожу на краю пропасти и даже заглядываю в нее, и только стараюсь не прыгнуть в нее». — «Я ведь тоже художник пасторалей, а личная жизнь была полна трагедий и неудовлетворений — впрочем, грешно так говорить, мы с Вами, Владимир Иванович, самые счастливые люди, мы артисты, идем с нашими женами в теплую, звездную ночь, оба молодые и полные сил». Мы говорим о поэзии, мы вскоре придем к Полям и прочтем им «Чужую поэму». Говорим о молодых музыкантах, я рассказываю о Артуре Лурье и защищаю его, говорим и о Якобсоне. Анна Михайловна называет его музыку «будуарной». Мы доводим их до Дюльбера, а они нас обратно до Олеиза. «Милые они люди, — говорит Сережа, — такие трогательные, простые и всецело живущие искусством».

8 июля, понедельник

Музыка так возбудила нас, что мы долго не могли заснуть, поэтому сегодня долго спали и встали даже позднее мамы. Я составляю из принесенных вчера Сережей цветов букет на желтом фоне, но Сережа не успевает его написать, потому что всецело занят «Карнавалом», он komponует фигуры на отдельном длинном листе и часто зовет Леонида Михайловича для объяснения перспективы. Мама, несмотря на плохое самочувствие, ходит с баронессой Майдель в Алупку. Я читаю Сереже «Метель».

9 июля, вторник

С семи до часу Сережа ходит к Дроздову, обдумывает «Карнавал» и спит, а я стираю, глажу, готовлю обед, др. ... Сереже и наконец плачу от усталости и злобы. Тогда Сережа меня укладывает и не позволяет мне ничего делать, даже докончить уборку кухни. Я не сплю, а отдыхаю, лежа в постели, и обдумываю распределение фигур в «Карнавале», надо, чтобы одна фигура дополняла другую и все они цеплялись бы друг за друга как в музыке, в которой распределение номеров тонко обдуманно. Наконец, у меня получается следующая схема. Все главные фигуры на первом плане, все танцующие на втором. Сережа хочет точно соблюсти всю последовательность номеров. Когда я встаю, нас зовут пить чай к Браиловским, там Дроздов, и я ему показываю схему «Карнавала», затем он идет с Сережей смотреть пейзаж. Он сообщает сенсационное известие: в Москве левые социалисты-революционеры убили немецкого посла графа Мирбаха. Что теперь немцы сделают? В шесть часов к нам приходят Фельдманы, и неожиданно образуется большое общество: Браиловские, Дроздов, Чернойров, откуда-то появившийся Якобсон и Поль, которого мама представляет: господин Ян-Рубан. Все пьют чай, Якобсон рассказывает, какой роскошный парад устраивали немцы в Севастополе. Фельдманы сидят довольно долго, и так как она обещала маме достать денег под вексель, то мама просит нас быть с нею полюбезнее. Мы стараемся изо всех сил, но, когда он разворачивает свой архитектурный проект и заставляет нас тщательно рассматривать эту бездарную безвкусицу, я не удерживаюсь от улыбки, а Римма довольно нахально восклицает: «Вот у Веры Артуровны гениальные проекты, я говорю серьезно, что я лучше не видела, — Вера Артуровна, Вы должны показать». Пришлось показать свои *barbouillages* <каракули>, которые он, конечно, раскритиковал вовсю.

Вечером Оля и Ирина пугают нас кражей самовара.

10 июля. среда

Леонид Михайлович и я, в сопровождении Сережи, оделись тропическими путешественниками в очках и вуалях и собрались ехать в Ялту на катере. Оказалось, что катеры больше не ходят — угля нет. Вернулись домой. Мне было очень жарко, и я окунулась в море. Сережа злился, но ждал меня. Обедали невкусно, потому что Сергей Валерьянович взял семь рублей, чтоб купить мяса, не купил и сам пропал. Мама была не в духе. Ирина и Оля пекли у нас пирожные и по обыкновению надрызгали страшно. После обеда мама отправилась к Фельдман, которая через кого-то хочет устроить маме заем. Мама очень страдает от безденежья, она намного избалованнее нас, а уверяет обратное. Сережа сел компоновать фигуры «Карнавала», я искала среди Римминых гравюр рисунок сфинкса для Сережи (три сфинкса — три ноты, на которых построен весь «Карнавал»), не нашла его, но зато нашла фасад нашего будущего дома. Римма и Леонид прилежно работали в мастерской и, когда я пришла, стали показывать мне свои работы. Леонид Михайлович сделал большие успехи и добился своего. Его «Прогулка при Наполеоне» вызвала мои бурные восторги. «Жаль, что Вы не коллекционерша», — сказал он мне. Мама вернулась поздно с Сергеем Валерьяновичем, когда мы уже отужинали. У нас сидели Браиловские и Дроздов, и все говорили, как надо понимать и как воспроизводить Шумана. «Надо только понять стиль, — говорил Сережа, — а там работай, как хочешь. Сомовский портрет Пушкина без сходства, но передает Пушкина, а Репинский портрет никуда не годится, хоть и написан со сходством. Все дело в стиле». Леонид Михайлович видит в Шумане одно ирреальное и предлагает сделать сфинксы прозрачными, витающими чудищами. «Что Вы, Леонид Михайлович, какой абсурд!»

Мы уже лежали в постели, когда мама пришла рассказывать нам, что видела и слышала в Алушке. Мы нежились, чувствовали себя совсем детьми и слушали мамин подробный рассказ как сказку. «Вот бы, Генриетта Федоровна, Вы нам каждый вечер так рассказывали, как это уютно!»

11 июля. четверг

Утром я читаю Сереже Гофмана и перевожу статьи из «Neue freie presse». Я чувствую себя плохо — ела слишком много вишень эти дни. За обедом Сережа веселый, потому что к обеду котлеты, и болтает всякий вздор, между прочим, кто из какого

романа. Сорин из Мопассана, Блу — из Мирбо, Сергей Валерьянович — <из> Anatole France, Сережа — <из> Диккенса, Хотяинцева — из Чехова, Марья Игнатьевна — <из> Потапенки, Леонид Михайлович — из Доде, Римма из Шпильгагена, Поль из Гамсуна, Мме Фельдман — из Аверченки. Я рассказываю Сереже, как мне знаком тип помешанной на светкости еврейки и как я ненавижу его. К чаю мы идем к Браиловским, где Сережа и Леонид говорят о методах работы. «У Сергея Юрьевича стал совершенно иностранный метод работы, аккуратный, обдуманый, это так хорошо, а то русское разгильдяйство в работе так надоело, русский художник норовит пяткой положить мазок и считает, что такой способ работы гениален». Я иду к Римме на балкон, где Сергей Валерьянович остроумно рассуждает о разных моментах женской души и касается мешчанской, по его мнению, души пани Зоси. Он рассказывает о ней некоторые подробности: «Но главной тайны ее жизни я Вам не скажу». Мы заинтригованы. «Пойдите сами в Юсуповский парк, где ежедневно часов в одиннадцать Вы можете увидеть пани Зосю со своим бульдогом, а в некотором отдалении кой-кого из Великих князей... да-с!» — «В некотором отдалении — это интересно», — замечает Римма. — «Римма Никитична! А что же Вам хотелось бы увидеть?» — и Сергей Валерьянович качает головой. Я иду наверх к Чернойровым и прошу Михаила Васильевича сыграть «Карнавал», мне нужно это для характеристики отдельных фигур, но он играет очень плохо, и я иду вниз ставить самовар. Мама ходила в Алупку за деньгами, но Фельдман ей не смогла устроить заема. Она очень огорчена, пришлось купить мясо в долг. За ужином у нас сидят Браиловские и Михаил Васильевич, у которого выходит скандал с Олей Майдель из-за бабочки. Сережа с Леонидом опять говорят на ту же тему, как нужно работать и как кто из художников работает. Леонид Михайлович рассказывает о работах на конкурс в Академии. Уходя, Леонид Михайлович выражает свое довольство, что весь дом занят исключительно искусством: «Не хотите ли Вы тоже заняться, Вера Артуровна, например, писать миниатюры, или, еще лучше, я Вам дам несколько уроков по архитектуре, чтобы Вы смогли рисовать как следует Ваши проекты». — «Хотела бы? Конечно — но времени, времени нет — какая обида!»

12 июля. пятница

Я больна желудком, лежу, меня лихорадит. Сережа расстроен. Мама мечется по хозяйству и чуть не плачет. Кошки

украли мясо, плита дымит, обеда нет, в обед приезжает Риффель. Сережа ест холодное и окончательно выбивается из к<о>леи, он не работает, а спит два раза, затем идет в Алупку к доктору. Мама ходит с заплаканными глазами от дыма, в доме беспорядок, от Калишевского доносится пение баптистов и наводит на меня уныние. Утром Сережа познакомился у Риммы с Орловой-Давыдовой и в восторге от ее рук, которые рисовал Бакст, и от ее *manière de parler* <манеры говорить>, после обеда у меня сидит Римма и рассказывает мне о ней, она урожденная Stahl, и ее отец был посланником в Лондоне, а у нее около Ревеля был дворец и настоящий двор. Сегодня она приходила к Браиловским, потому что хочет устроить у себя вечер с живыми картинами и хочет, чтобы художники ей помогли. Феликс будет Аполлоном, а другие в восточном стиле костюмах. Сережу она просила показать ей неприличную картину, о которой прослышала от Долгорукова, — на что Сережа ей сказал, что сначала он, как маэстро, раскритикует ее рисунки. В восемь часов возвращается Сережа с массой лекарств от доктора Оглодина. Я его посылаю с визитом к Рябушинским, а потом Сережа мне рассказывает об Алупке, как он шел туда с Ниной Александровной, а оттуда с Мте Фельдман, которая его провожала до обелиска и всю дорогу ругала Сорина хамом за то, что он, будучи давно знаком с ней, когда их теперь на днях познакомили вновь, три раза переспросил, как ее фамилия. Так ей и нужно — наверное, произносила свою фамилию с французским акцентом. После ужина Сережа идет к Сорину и Тищенко. Сорин дома и показывает Сереже хорошие этюды, а Тищенко уехала с Квилем в Ласпи. Сорин присылает мне бутылку красного вина.

13 июля. суббота

Сережа встает в шесть часов, чтобы ехать с Леонидом Михайловичем в Ялту. Бедный, не выспался — потому что ночью я ему мешала — было действие лекарств. Утром у меня температура 36,2 градуса и большая слабость, я читаю Пушкина, учу его наизусть, и, когда ко мне приходят Римма и Оля Майдель посидеть, я с неохотой отрываюсь от него.

Днем приезжает Василий Лазаревич, и все бегут к нему узнавать новости. Мама тщательно убирает коридор и шкаф для провизии, а то Сережа уже сердился, что там образовался «бардак». В семь часов я встаю — приезжает Сережа с Гофманом в красном переплете, сухариками, красками и деньга-

ми, такой усталый, что ничего не может мне рассказать, ужинает и сейчас же ложится. Сообщает только о своей встрече с Долгоруким и его обещании приехать к нам с какой-то Великой княгиней, причем на Серезино заявление, что он <не лю>бит посещения незнакомых людей, разве только покупателей, Долгоруким говорится такая фраза: «Ну, тогда я Ваш покупатель». Сереза сейчас же засыпает, а я сажусь писать, но много мне не удастся написать, так как Сереза, проснувшись, требует, чтобы я шла спать. Я немного сержусь, но тогда Сереза изумительно начинает рассказывать о своей поездке в Ялту, что я лежа слушаю с упоением его рассказ <как> интереснейшую главу из <ром>ана.

14 июля, воскресенье

190

Сереза после вчерашнего разговора с Долгоруким очень рассчитывает на покупку и поэтому обдумывает, что ему следует закончить. Но ему не работается <...> с натуры писать слишком <...>, а от себя заканчивать он «разучился» — говорит он. Вообще же он нервничает, что поездкой в Ялту выбит из <к>о<л>еи и оторван от большой картины. Я тоже с утра раздражена — тому виной моя слабость после болезни и упреки мамы, что я не слежу за желудком и могу нажать себе рак. Маму я заставляю заканчивать Серезины штаны, <которые> шьются уже больше месяца, — <тем> самым отрываю ее от кух<ни и> привожу ее тоже в раздраже<нное> состояние.

15 июля, понедельник

Утром взволнованный Леонид Михайлович прибежал к нам: «Какая гнусная история. Только что была графиня Орлова и говорит, что у нее был Юсупов, который возмущен теми слухами, которые идут про их предполагаемый маскарад, который, конечно, уже не состоится. Сорин говорил Вейнер, что это афинский вечер и художники не пойдут на него, и, когда Вейнер его спросила, откуда эти слухи, он ответил — с дачи Браиловских. Я ответил ей, что спрошу Судейкина, не говорил ли он чего, и в половине первого буду у нее». Сереза тоже сказал, что пойдет. Леонид Михайлович ходил по комнате и говорил: «Конечно, это Сорин, конечно, это Сорин». В это время раздался телефон, я подошла, Сорин спрашивал о моем здоровье и рассказывал, что получил письмо с известием, что обе наши квартиры в порядке и в нашей живут Ольга и Артур. Я слушала довольно сухо и передала трубку Серезе — тот сра-

зу поставил Сорину вопрос ребром: говорил ли он с Вейнер о маскараде. Когда наконец Сережа положил трубку, выяснилось, что это просто-напросто ссора между двумя жидами — Вейнер, которая должна была участвовать на маскараде, и Сориным, которого не пригласили и который не был желателен. Когда Сорин упомянул о маскараде, Вейнер возмутилась, «что их тайна» раскрыта, откуда — от Судейкина. Тогда Сорин, по его же словам, стал говорить о маскараде «принципиально», то есть, наверное, что в данное время, когда Россия гибнет, маскарад, да еще тайный, — это разврат и так далее.

В таком виде Сережа и изложил все Орловой-Давыдовой, к которой он пошел с Леонидом Михайловичем, для визита <к> которой он надел белые штаны (шитые как для куклы — слова Риммы), говорил он очень весело, остроумно и уладил все дело — она же отвечала смехом, назвала Вейнер дурой и сказала, что пойдет объясняться с Сориним. Слава Богу, что все уладилось, а то утром после Леонида Михайловича прибежала к нам Римма, растрепанная, почти не одетая, с красными глазами, и начала ругать Сорина и говорить разные страшные слова вроде: «Они нас теперь затравят, придется уезжать отсюда, этот жид!»

После обеда прошел дождь, дивный летний дождь с солнцем и радугой, с блестящими лужами и дрожащими капельками повсюду. Мы легли спать, и, засыпая, я слышала, как ехали мимо нас экипажи, как лошади стучали о мокрое шоссе, как, очевидно, дождем было прервано чье-то путешествие.

Спали до семи часов. Пришел Соколов, Сережа пошел его провожать, а я пошла гулять с Шамин<ыми> (костры, луна). Вечером Сережа читал Крейсера.

16 июля. вторник

Я капризна, ленива, с утра не в духе и чувствую, какая я ужасная жена для такого художника, как Сережа, — я без сил, валяюсь, не могу ничего делать. Конечно, я четыре дня ничего не ела, но, главным образом, мне в такую жару просто надоело возиться с хозяйством. И Сережа справедливо мне делает упреки, от которых я вся заливаюсь слезами: «я инертна, я не люблю живописи, я не интересуюсь им, как художником, и его искусством». Упреки справедливы, но нелогичны. Я до сих пор, пока не заболела, работала как работница и в свободные минуты, когда могла бы отдохнуть, писала дневник и причесывалась и наводила минимальную красоту. Что я действи-

тельно много работала, видно по тем дням, когда я была больна и когда все хозяйство расстроилось. Конечно, и смешно даже говорить, что я предпочла бы с утра сидеть у Сережи и читать ему, разговаривать с ним — но кто же будет варить, жарить, стирать, гладить, убирать? И когда я наконец, измученная, прихожу к нему, сажусь в кресло, протягиваю ноги и отдыхаю — он упрекает меня, что я недостаточно сильно, ярко отношусь к его живописи, — откуда же взять силу, яркость, когда от работы в кухне в такую жару все уходит. А заботы, которые не хочется сообщать Сереже, что как стало дорого, что исчезает!

Мысленно так рассуждая сама с собой и упрекая самое себя в тысяче необдуманностях, я решила взять себя в руки, тем более что Сережа, видя мое отчаяние, мило сумел сразу прервать свои укоры и обнять меня.

192

Я вымылась, оделась, мама дала мне поесть, Сережа — выпить вина, и я сразу повеселела, села читать Сереже Гофмана. После обеда Сережа спал (у него расстройство, и он ослабел), я писала дневник, от которого я сумела оторваться в одну секунду, лишь только Сережа встал. Затем он писал в саду, а я читала. Он заканчивает целый ряд вещей, так как возможны покупатели, а вещей нет: «Букет с пионами», «Арлекинада», «Открытое окно», «Casa belle donna», «Аркады» и «Весенний этюд». Когда мы сидели в саду, зашли Поли после визита у графини Орловой-Давыдовой, они уселись в саду рядом с нами, и я в связи с их визитом рассказала о вчерашнем скандале; как объяснительное добавление ко вчерашней истории мы узнали, что Юсуповы бойкотируют Вейнер и отсюда их вражда. Анна Михайловна рассказала, как Ф. Юсупов берет у нее уроки, — говорила, кто из аристократов говорит всех лучше по-русски, как вообще мало людей, говорящих по-русски, как беспомощны большинство, что даже стихотворение не могут прочесть. Лучше всех говорят по-русски Оболенские и Ф. Юсупов, а остальные — невозможно, но она принципиально не говорит с ними по-французски или английски. «Пусть учатся хоть со мной родному языку». Затем она рассказывает, какой у нее метод обучения пению, — я подумала, если бы я раньше была с ней знакома, я теперь уж, наверное, мило пела бы песенки. Она милый человек, Анна Михайловна, с хорошими взглядами на все и очень подходит к нам. Пока мы говорили, Владимир Иванович ходил за своей книжкой к Черной<овым> — конечно, книга по индусской

философии жизни. На днях мы ходили к ним при луне, слушать музыку.

Вечером мы с Сережей взбираемся к Чернояровым на крышу, смотрим на виды, затем гуляем, и Сережа говорит, как он себя чувствует беспомощн<о> перед природой, что он подавлен ею. Вечером мы еще сидим перед домом. Наверху Леонид Михайлович. Мы переговариваемся и говорим о том, кто из какой эпохи.

17 июля, среда

Очень удачный рабочий день. Сережа работает десять часов над весенним пейзажем — удачно, с интересом и не ложится спать. Я ему читаю и по мере возможности не ухожу из мастерской. К Браиловским приехали Чеховы. Они обедают над нами, и до нас долетают фразы о голоде, о событиях в Москве. Мы знакомимся с ними лишь к вечеру, когда Сережа, закончив работу, переодевается, и мы идем в кафе.

193

18 июля, четверг

День опять менее ладный. Сережа хочет переписать букет и поэтому его всего замазывает. Мама утром ходила на базар — истратила ни на что сто рублей, и меня начинают волновать грядущие события в виде дороговизны, голода и недостатка денег. Мама настаивает на поездке в Москву, вчера ее так очаровал Иван Павлович Чехов, что она думает ехать с ним. Мы, наконец, согласились, может, потом будет еще труднее попасть в Москву. Вечером мы гуляем с Сережей, и Сережа говорит опять очень нервно о своем искусстве. Когда мы выходим на верхнее шоссе, мы оба подавлены природой, и Сережа мне ставит вопрос: «А ты довольна моей работой?» Он очень удачно работал последние дни — но я, имея в виду его неписание этюдов, вместо того чтоб сказать «да», говорю: «Тебе бы следовало немного обратить внимание на природу и пописать этюды». — «Господи, что ты говоришь!»

19 июля, пятница

Мама уезжает в Ялту. Я больна, и весь день проходит в столах. Nataly говорит по телефону час и по крайней мере триста раз повторяет: «Ялта». Сережу выводит это все из терпения, он плохо работает и начинает меня упрекать в моих постоянных болезнях. Глаза, зубы, желудок, регулы! Это черт знает что. Он садится перед моей постелью и начинает серьезно говорить со

мною. Я урегулировала его половую жизнь, я должна урегулировать его рабочую жизнь. У него таланта пропасть, так же, как и полового чувства. Прежде он дня не проводил, не употребив две-три женщины, — это шло в ущерб его работе. Теперь он должен был бы писать одну меня — он повторяет это уже в сотый раз, и я слышу точно голос со стороны: «Ну какая же ты дура — не меняешь кухню и хозяйство на роль музыки — на божественное времяпрепровождение — участвовать в создании талантливейших вещей талантливейшего из художников, не нашедшего еще своего пути — и, благодаря тебе, его нашедшего». «Если ты тщеславна, — говорит Сережа, — если ты иной раз просказываешь желание одеться и пофигурять — то то, что я тебе могу <дать>, — ту славу твоими портретами — ничем нельзя заменить. Будет выставка исключительно из твоих портретов, будут говорить: вот истинная музыка художника. Неужели ты думаешь, я тебя не сумею написать, тебя, которую я так обожаю, которой каждое движение, каждый кусочек тела я так люблю и так им восхищаюсь». Я слушаю его и прижимаю к груди его голову: «Неужели я не сяду завтра же и не буду позировать — неужели жизнь, обстоятельства, события опять будут мешать». — «Ты знаешь, я был счастлив тут в Крыму только один раз, когда начал работать над твоим портретом в маленьком домике. Еще один раз я не то чтобы был совсем счастлив, а просто наслаждался, это у Каломийцева, когда писал этюдики, но по-настоящему счастлив был только за работой с тобой. Неужели это вдохновение, которое я чувствую при мысли о твоём портрете, пропадет? Неужели ты не сумеешь воспользоваться им?» Я со слезами на глазах думаю о том, что я не достойна быть женой — музой такого художника, и даю себе слово думать и не забывать, что я жена С. Судейкина. Наш разговор прерывается телефонным звонком. Николай Дмитриевич Соколов просит позволения зайти на минутку полюбоваться Сережинными работами. «Что это, неужели он купить хочет, вот шикарно — в пику Квилю». Почти одновременно приезжает мама из Ялты, оживленная, с массой покупок и деньгами. Ферман дал тысячу рублей и от заклада шестьсот рублей. Мама ехала с Сориним, Оглодиным, Калишевским. Все были очень веселы, Сорин был любезен. Мама привезла стаканы, чашки, Сереже спички, пепельницу (пять рублей), колбасу, сыр, туфли, пуд смородины. Пока она устраивала ужин, я еще отлеживалась, а Сережа пошел провожать Соколова. В это время голос в саду, крикнувший: «Римма Никитична, — я, может

быть, не вовремя к Вам», так напомнил мне Москву, что я стала мучиться — кто это. Через полчаса обладательница этого голоса пришла говорить по телефону, и оказалось — это Коренева. Сережа в это время вернулся и стал ее расспрашивать о Москве и театре. Он ей ставил бесчисленные вопросы. Кто из артистов где. Чекатто в Москве. Все театры работают. Артисты — привилегированное сословие, масса новых театров, перестраивается здание Камерного театра и так далее. Я встала к чаю. Мы много смеялись — что если бы Ферман дал маме миллион вместо тысячи рублей.

20 июля, суббота

Я дала себе слово быть здоровой отныне. Сережа предложил устроить кухню и устроил ее на славу. Обещал картины. После обеда работал над «Casa belle donna» и удачно посадил среди девок скрипача. Я устала после уборки и с трудом попробовала читать «Повелитель блох». Заходила пить кофе Лидия Никитична. Пока Сережа спал, я сходила за цветами к Рейнботу. За три рубля огромный пучок роз.

Вечером в новоустроенной кухне сидели мы и Л<идия> М<ихайловна>. Я читала «Полуночников» вслух, а Сережа начал обещанную картинку «Он и я в русско-голландском стиле 18 века».

21 июля, воскресенье

Сережа пошел писать этюд. Принес очаровательные «Филюги» (первые, которые привезли товар из Константинополя, папиросы и водку). Он их не показывал, пока не кончил. Сам он очень доволен, этюд — реальный, хороший четкий рисунок. После обеда отдыхали. Затем, одевшись, пошли искать мотив по верхнему шоссе (встреча с Бюнтинг). Два дерева — дальше, мимо тенниса (современная картина в духе Ватто. Сережа хочет писать) до старого Мисхора, где искали мотив с кипарисами, пленившими нас весной. Его не нашли и вернулись обратно, причем Сережа все время говорил, какие условия он сейчас ставит этюду: четкость, немного — сложность и обязательно момент, то, чего, например, совсем не понимают Браиловские. На обратном пути одиноко гуляющий, похудевший и грустный Сорин. Мы говорим с ним, но он не делится своими горестями. «Почему Вы не бываете у нас». — «Я не могу видеть людей — у меня много горестных неприятностей, не надо принимать это за обиду». Нам его очень

жаль. Его денежные дела тоже плохи, и не предвидится заказов. Дома, к ужину с блинами пришли Шашины, он хочет ехать с мамой. Затем сидели у Браиловских с Кореновой и любовались лунным освещением — *spécialité du Maître* <то, что особенно удается Мастеру своего дела>.

Сергей Валерьянович рассказал о пане Зосе: «Эстетна любовь только между красивыми женщинами и высокопоставленными (некрасивыми) мужчинами».

22 июля, понедельник

Я готовлю обед и стираю, мама ушла с Шаминым в Алупку за пропуском. Римма устраивает запутанную и непонятную историю с Павлином и ноской хлеба и объясняется целый день с нами по этому поводу, хотя объясняться нечего, и говорит такие фразы, как: «Я теперь понимаю, отчего гибнет Россия», «Когда соберутся два буржуя, то один [подводит другого] за хама». Мы только плечами пожимаем, потому что когда Римма в раже — то ничего не сделаешь. Сережа начал писать большой букет роз, который ставим несколько раз. Говорят об убийстве Николая и железнодорожной забастовке.

Я после обеда отдыхаю полчаса, затем читаю Сереже, готовлю кофе, он убирает мастерскую. Я мою посуду и с кастрюлей в руках встречаю Якобсона, который с еще одним жидком приходит к Сереже. Сережа думает, что <это> покупатель, и показывает этюды, а я очень любезно занимаю их. Сережа показывает рисунки к «Карнавалу», а я объясняю их.

Сережа переодевается, и мы идем гулять. Заходим к Шаминым, которых нет. По дороге Сережа вспоминает следующее: «Однажды, когда Кузмин жил у нас, я с Михаилом Алексеевичем Кузминым собрался в баню, он меня уговорил поехать вместе: “Надо, Сереженька, вымыться” (ведь он грязный, говорит Сережа). Приехали в бани, но я с ним не пошел, было противно, мне как-то не хотелось присутствовать при том, что будет делать Михаил Алексеевич, и он пошел во второй этаж, а я в первый. Когда я выкупался, я выхожу в коридор и вижу на другом конце: идет Кузмин, совершенно распаренный, лик у него иконописный и глаза еще больше, грустные, ангельские, и поддерживают его два юноши в розовых рубашках — как два ангела. Михаил Алексеевич весь проникнут [эротизмом] любовностью — только что удовлетворенный влюбленностью — он окунулся в эротизм и сейчас, совсем усталый, идет, поддерживаемый двумя ангелами, — завидя

меня, он мне что-то говорит бессвязно-непонятно, и я понимаю, глядя на него, что он в райском состоянии, и что сейчас вырастут крылья и унесут его на небо».

«Как это изобразить? Можно ли в живописи». — «Мне кажется, только в поэзии и музыке», — говорю я. — «Почему не в живописи — я представляю себе — только очень условно, помнишь, как я хотел изобразить картинку “из нашей жизни”». И мы вспоминаем про комнату икон, о которой так много мечтал Сережа: «Иконостас любви», «Двенадцать песен “Чужой поэмы”», «Воспоминания детства», «Четыре родословных», «Главные события нашей жизни», «Мы в разных эпохах».

Когда же настанет спокойное время, когда можно заняться этим. Я мечтаю о возможностях: зима, уютная городская квартира. Я приезжаю с покупками, вуалетка в снегу. Я привезла иконные доски и вазу. «Маша, накройте у камина».

197

23 июля, вторник

Вчера Леонид Михайлович предложил прочесть обещанную лекцию об архитектуре. Мама приготовила вечерний чай в саду, и мы, сидя под пальмами, говорили о Греции, где Леонид Михайлович был. Он хорошо рассказывал, очевидно, даже очень хорошо, потому что ночью мне приснилась гора, которую куда-то везли и для этого покрыли розовым плащом.

Я работаю как поденщица целый день. Мама убирает бардачные места, которые раздражают Сережу. За обедом мы высчитываем, что пирог, который мы сегодня спекли, в мирное время стоил двадцать пять копеек, а сегодня — десять рублей. Сережа пишет букет, великолепный — только розы, и сердится, когда я его прошу помочь мне развесить белье, но я его ужасно люблю. Вечером в семь часов мы собираемся к Полям. Одеваемся. Ужинаем, часть едет на заказанной линейке — колченогие, а мы идем. Леонид Михайлович ведет нас кратчайшей дорогой — через старый Мисхор, мимо мечети, освещенной фонариками по случаю татарского праздника, все настроены весело и оживлены. Луна — изумительнейшие пейзажи. По узким улицам старого Мисхора все охвачены поэтическим чувством — Леонид говорит о «тревоге праздника». Сережа одет великолепно — но устал и поэтому ругает Леонида Михайловича Сусаниным (Сережа на редкость остроумен), и дразнит его его поэтическим настроением, и спрашивает, много ли он целовался при луне и подобное.

Дорога камениста и крута, и наконец мы приходим к Панинскому дворцу. «Неужели Поля в башнях живут». Они живут так великолепно — что впечатление ошеломляющее — потрясающая старая комната с готическими окнами и дверью, выходящей на балкон. Обстановка старая, уютно горит лампа под абажуром. Большие диваны, кресла.

24 июля. среда

198

Сереза дописывает сегодня букет: розы и зелень. Я целый день думаю о том портрете, который он напишет с меня в церкви, и даже для этого шью чепчик. Долго не могу подобрать фасон. После обеда заходит Коренева, говорит по телефону и получает заказ — за три тысячи рублей сыграть в синематографе. У нее нет платьев, и Римма предлагает мои. Она примеряет их у меня в комнате, и мы говорим о кинематографе. Приедут снимать сюда, и Римма расхваливает свой сад для съемки. Мне завидно, что Коренева заработает три тысячи рублей, а Сереза думает, что мне хочется играть. Когда я иду к Оле Майдель поздравить с именинами (встречаю Рябушинск<их>), которая угощает карточками и великаном кабачком (мысль не окончена). Сереза разговаривает с Риммой об артистках, и до меня, когда я прихожу, доходит фраза: «Итак, Вера Артуровна хотела блистать, а Вы ей дали совершенно противоположную жизнь?» Когда я прихожу в белом платье и красном платке и не желаю возиться в кухне, Сереза устраивает прекомичную сцену, и мы смеемся. Вечером Сереза приходит в восторг от лунного окна с моей фигурой в красном платке — но у него нет холста. Приходит Татьяна Николаевна Дехтерева с Мте Фельдман. Татьяна Николаевна провинциально острит и рассказывает о своей жизни и письма. Сереза измывается над Фельдман.

25 июля. четверг

Сегодня, когда я смастерила чепчик и вышла показать его Серезе, он странно улыбнулся и сказал после минутного молчания: «Я тебя в церкви писать не буду». Он долго не хотел сказать, потом рассказал, что в детстве, когда они однажды вернулись из Крыма, он купил, семилетним мальчиком, первую антикварную вещь — вышивку, на которой была изображена женщина невероятной красоты в готическом храме, в белом платье и чепце, точь-в-точь такого фасона, как я сделала наконец. Мистицизм, который в этом скрыт, так волну-

ет его, что он не хочет писать меня в церкви. Но я убеждаю <его>, что наши лучшие минуты прошли в храме — весь наш роман — и было бы странно бояться такого изображения. «Да, но ты одна». — «Но я могу же благодарить за счастье». Разговор становится полон воспоминаний, нежных и трогательных, и я проливаю несколько слез.

Сережа целый день чистит палитры и, несмотря на то что не работает, в великолепном настроении. Вечером начинает лунный этюд с меня. На окне, в маленьком виде. Мы ходили с визитом к Рябушинским и не застали их.

26 июля. пятница

Идем за розами к Рейнботу и застреваем у Кореневой. Она идет нас провожать и сидит у нас и говорит о театре, о Москве, нас поражает, главным образом, что Ленин был приглашен пить чай в Художественный театр, но что Владимир Иванович испугался и уехал в этот день, и Станиславский сказал в последний день Кореневой: «Ленин гениален». Она рассказала, как артисты трудно жили, ходили домой поздно ночью под выстрелами. Голод. О том, что дамы все же франтят, но это приезде еврейки. Говорили вообще о театре. Сережа сказал то, что он всегда говорит об артистках: «Нет повести печальней...» Когда Римма вошла, она потом сказала, что у Кореневой был невероятно растерянный и удрученный вид. Рассказывали о Коонен и Карсавиной, о Комиссаржевской, Рожиной. О режиссерах: Санин повторяет зады Художественного театра. Три кита: Станиславский, Дягилев, Мамонтов. Станиславский хочет все понять, не отстать, большой ребенок. Коренева сидела до двух, так что и она, и мы запоздали с обедом. В пять уже она опять пришла, мило одетая. И мы (Дроздов) пили кофе. Говорим об аристократии в связи с теннисным состязанием, на которое нам, дамам, очень хотелось пойти. Дроздов ругал аристократов сволочью и говорил, что не пойдет, потому что они воображают себе, что мы хотим с ними сблизиться. Рассказывал об уровне Феликса. У него четверги, на которые Дроздов предлагал Якобсона, думая, что это подходяще, оказывается, Якобсон слишком серьезен, потому что они пригласили Харитона. Дроздов рассказывал о Дерюжинском, а мы о Палладе. Дерюжинский ночевал у Дроздова, и с ним был сердечный припадок (Сережа, проснувшись ночью сегодня, мне вдруг сказал: «Мне страшно жаль Дерюжинского», что его угнетает Паллада или его положение у Феликса).

Мы все пошли на теннис. Сережа переоделся. Подошли, когда там раздавали призы, и, не останавливаясь, потому что было неловко встать и глазеть, пошли дальше и только у конюшен остановились и разговорились. Сорин. Сережа острил, что мы только у конюшен почувствовали себя у места и что Сорин ходит с сухим этюдом под мышкой для виду. Дроздов пошел дальше, а мы спустились вниз и, разговаривая с Соринным, пошли домой. Встреча с Рябушинскими. Мы их проводили до дому и у них пили чай (разговоры о политике, о театре, о их жизни, о Крыме). Он прелестен со своими тысячько морщинками при добродушной улыбке. Она меня страшно хвалит за мой талант на сцене и очень мила, но, кажется, глуповата или это кажется, благодаря ее тихой и робкой манере говорить. Пришли к Браиловским, там большое общество. Леонид Михайлович пришел с Иваном Павловичем из Ялты, сидит Коренева (мне подарила одеколон), Чернояровы, пришли Поли. Сережа уходит вскоре писать этюд. Римма старается устроить свидание с Булгаковым. Я сижу; когда прихожу вниз, Сережа уже спит, у него болит живот.

27 июля. суббота

Всех занимает событие: Александра Александровна, сидевшая полтора года в Мисхоре, пешком пошла в Ялту, без француза, а с анархистом, и пропадает уже третий день. Римма об этом говорит с утра.

Мама идет купаться, а мы... Сережа спит после этого. Потом садится за «Карнавал». Надо нарисовать-переделать центральные фигуры, но у Сережи такая лень, такая сонливость, что он ничего не может придумать. Он говорит, что это оттого, что он бросил курить. Я всюду ищу папиросы, нахожу две, но и это не помогает, и мы идем гулять. «Пофилософствуй о жизни», — говорит он. — «Надо поразмыслить, как устроить жизнь, чтобы не было этой лени». — «Ведь все во мне, — говорит Сережа, — потому что ты работаешь как вол, а я ничего не делаю. Хочешь, начнем train <дорожную> жизнь. Ты будешь играть в синематографе, надедаешь себе костюмов, соберем деньги и поедем в Америку». — «Да, но только к Дягилеву, так в чужую страну, без друзей, без языка я ни за что не поеду».

На обратном пути встречаем Рябушинских.

Вечером подглядываем, приехала ли Александра Александровна.

28 июля. воскресенье

С утра мама нас гнала купаться. Наконец Сережа согласился пойти со мной. Он сегодня принялся за «Карнавал», делает рисунок к средним фигурам. К обеду вернулись (моя неделя). Сорин звонил, пойдем к нему с Рябушинскими в четыре часа. Встали, оделись и пошли. Рябушинские и Коренева (ставили баллы за красоту Орловой и Тищенко). Гуляли до Чаира. Встреча с Николаем Николаевичем, Великим князем. Вечером на именинах Дроздова, где Иван Павлович Чехов рассказывал Сереже о брате художнике («Будильник»), он подраж^{ал} R<нрзб.> (как приятно так тонко все знать). А Дёмкин ругал Соколова.

29 июля. понедельник

Сережа принялся за «Карнавал». Средние фигуры — сфинкс — загадки (любовь, вдохновение и двойственность поэта). Я стираю и готовлю, спала после обеда. Читаю «Дубровского» Сереже. Сорин. Мы провожаем его. Он плохо говорит о политике и хорошо о людях (скандал с Соколовым). Римма у Булгакова.

201

30 июля. вторник

Весь день рабочий. Сережа скомпоновал весь «Карнавал», и он так хорош, что мы вечером уже обдумываем, за сколько продать (я — пять тысяч рублей, Сережа — десять тысяч) и кому показать. Компании желательной: Тищенко (понимающая), Квиль (покупатель), Рябушинские (из симпатии), князю Орлову (для эпатажи), Браиловским и Сорину — как художникам-друзьям и понимающим. Из аристократии надо будет показать Долгорукому и графине Орловой — оба непонимающие, но которые обязательно распространят хорошее. Для смеха мы составили компанию, от которой будет отрыжка целую неделю, то есть Хотяйку, Жакье, Natalie, Марию Игнатьевну, Сведомскую, Лидию Никитичну, Фельдман, Калишевского и Пантелеймона.

В Ялте будет игорный дом, рулетка — и мы с Сережей много об этом говорим — я вспоминаю Монте-Карло.

Мы читаем Пушкина. Сережа говорит о своем чувстве к старине.

31 июля. среда

Я так работаю, что Сережа устраивает мне грандиозный скандал, говорит о моей худобе и педантичности, о том, что он больше видеть не может, как на его глазах тает красавица.

Он заставляет меня лечь спать и из рук вырывает белье, которое я стираю. Мы спим. Потом Сережа опять садится за работу. У нас разговаривают Леонид Михайлович и Дроздов, он собирается <в> Харьков. Последнее время у Дроздова несомненно драма, и Сережа очень старается выпытать, поэтому каждый раз, как Дроздов вслух упоминает Анну Яковлевну, Сережа подхватывает и подробно спрашивает. Римма приходит. Все сидят спиной. Римма комично рассказывает трагическую историю (смерть брата) и знакомство с Львовым. Дроздов говорит, что он Орловой-Давыдовой руки не под<ает>. Сережа удачно осветил все фигуры. Вечером сидит у нас Л<еонид> М<ихайлович> и говорит об искусстве: «Искусство тогда хорошо, когда оно является результатом наслаждения самого художника. Мысль убивает зрение. Потому так противны логические картины».

Вечером Коренева по телефону.

Сережа рассказывает о Сапунове, о Румянцеве.

Лесной пожар. Мы провожаем. Сон о другой жизни.

202

1 августа, четверг

Я в плохом настроении. Заезжена работой и устала. День жаркий. После долгих уговоров Сережа идет со мной к морю под дачу Чеховой, где камни и скалы и никого нет. Я купаюсь — вернее, касаюсь слегка воды, потому что температура восемь градусов, и Сережа делает с меня четыре наброска углем. Он сидит на взятой с собой скамеечке голый до пояса. Днем мы лежим, но я никак не могу заснуть и поэтому не отдыхаю. В саду вдруг громкий разговор нас заставляет встать — чувствуются сообщения каких-то важных известий. Эйхгорн, немецкий фельдмаршал, убит в Киеве русским социалистом-революционером.

Сережа принимается за цветы — заходит Поль — мы его зазываем, чтобы расспросить о Булгакове. Оказывается, Римма была не права, охарактеризовав его неприятным монголом с одной мыслью: бей буржуев. Поль рассказывает о трогательной службе в маленькой панинской церкви, во время которой он, Поль, исполнял роль мальчика, солнце светило сквозь цветные стекла, а Булгаков причащал ребенка.

Шамины вернулись из Гурзуфа, сидят у нас и рассказывают о странном положении Блуменфельда, его роскошной жизни без денег, его пьянстве и почете, которым он пользуется. Видели они Софию Семеновну Рославлеву. Мама приглашает

Шаминых к ужину, и я делаю ризотто. Заходят Майдели. Я устала и потому злая. Утром заходила Коренева, она примеряла платье, а я ей давала советы (по-моему, она неопытна в синематографе). И работала я на три фронта. Поминутно меня звал Сережа, посоветовать насчет роз, то мне надо было смотреть в кухне, то с Кореновой наверх к зеркалу. Сережа сказал: «Дайте Вере Артуровне хоть с Вашими тряпками повозиться, а то я ее в черном теле держу в этом отношении».

Вечером Коренева принесла письмо от Паллады, присланное с артистом синематографа, тем самым, которого так ругала Коренева и которого Паллада в письме называет благороднейшим и тонким артистом. Я читаю письмо вслух, и мы смеемся.

2 августа. пятница

Сережа утром говорит мне: «Я решил снова завладеть твоей любовью». Поэтому он моется, чисто одевается и приносит диваны, из которых мы делаем постели. Уж очень мы измучились на твердых, продавленных кроватях. Затем я весело убираю комнаты, стелю новые постели, готовлю. После обеда Сережа не спит, а работает удачно над «Карнавалом» — он тонко расписывает фигурки (с вареным маслом), и колорит средних фигур изумительный, колоритный букет. Я читаю ему из Пушкина, маленькими стихотворениями которого я теперь увлекаюсь, жизненными характеристиками. Заходит Дроздов, он рассказывает о Глазунове и Римском-Корсакове. Я шью Сереже фартук. Сережа допекает маму за беспорядок в ее комнате и ящиках и к вечеру предлагает переставить ей поудобнее мебель. Приходит Коренева и просит сметать ей платье. Я шью на ней. Потом приходит Сережа, и так как у нас разговор об Анне Ахматовой, то я прошу его рассказать о ней подробнее. Он рассказывает о любовных неудачах ее (Князев, граф Зубов, Блок, Лурье), о Карсавиной (ее отъезд с Брусом в Англию) и, главное, об Иде Рубинштейн, по обыкновению страшно талантливо.

3 августа. суббота

Мой последний день дежурства. Я хочу сдать маме в чистоте все хозяйство и поэтому мою полы, работаю вовсю (Сережа меня укладывает на полчаса, и я еще более устаю от этого). Во время обеда разражается ужасная гроза — и когда мы ложимся (я читаю о семейной жизни Пушкина) после обеда,

то не можем спать от сильных ударов грома. Наконец гроза удаляется, светлеет, и кое-где около Ай-Петри показываются клочки синего неба. Воздух божественный, и я предлагаю всем нам пойти в Алупку за покупками. Сережа берет солдатский мешок, мы с мамой корзины, и отправляемся. Идем и ахаем всю дорогу. В нижнем парке, который мы показываем маме, такие голубые испарения, рыбацкий домик так очаровательно преподнесен среди зелени — что мы в восторге.

В Алупке часа два меняем деньги, закупаем, сидим в кафе (встречаем паню Зосю с каким-то великим князем — я ей не подаю руки). Затем Сережа относит к старику Резцову обувь для поправки и там узнает приятную вещь, что старик хочет продать за три тысячи рублей свой маленький домик с пятьюдесятью квадратными саженями — завтра же пойдем смотреть. Затем при выходе из Алупки уже встречаем Фельдманов, мы идем с ними, и, так как мы последний раз отнеслись так холодно к Мте, я настаиваю, чтобы зайти к ним, тем более что они страшно уговаривают. Сережа, по честности, не хочет и даже скандалит. Наконец мы все же заходим и пьем чай. Фельдман рассказывает о Новой Зеландии, куда уговаривает ехать хотя бы на два-три года. Она хочет прийти к нам с Пасмаником, чтобы он прочел политическую лекцию. Они угощают персиками и любезностями и даже провожают нас до шоссе. В парке уже совсем темно. Когда приходим домой, нас ждет Коренева у Браиловских и приходит к нам. Сережа делает наброски с Ирины Сергеевны, когда она уходит, мы уговариваем Кореневу остаться в Мисхоре (она милый человек, и нам жалко будет отпустить ее). Сережа говорит о создании театра. Нужен режиссер, два артиста, две артистки — а остальные любители. Сережа предпочитает драме — веселый театр. Коренева вся загорается от этой идеи, и мы, провожая ее, еще с жаром мечтаем.

4 августа, воскресенье

Как ценишь отдых. Я сегодня свободна! У мамы невезение, печка дымит. Я собираюсь позировать Сереже и для этого причесываюсь и навожу красоту. Но Сережа показывает «Карнавал» впервые Леониду Михайловичу и Римме Никитичне. Уж очень много разговоров, и дольше ждать они не хотят. Оба в восторге неописуемом. «Наконец-то настоящая вещь! И реализм, и натурализм можно выбросить в окошко», — говорит Леонид Михайлович.

Сережа два часа меня пишет, вернее, переделывает положение руки. В час он ложится, а я иду одна купаться. После обеда спим. Будит Сорин. Пока я одеваюсь, он уговаривает показать «Карнавал», о котором уже слышал от Браиловских. Сережа показывает. Сорин ошеломлен и даже целует Сережу. Он рассказывает новости о Петербурге (Ахматова выходит замуж, Гумилев тоже. У Кузмина книжная лавка на Морской). Мы идем с кофеем к Браиловским, и там я читаю из «Сатирикона» (июньский номер). Когда заводится политическо-искусствоведческий спор и Сережа опять начинает высказывать свои большевистские взгляды, я ухожу. Потом Савелий с Сережей приходят вниз. Савелий говорит о цене «Карнавала». Я защищаю пять тысяч, он находит это милым, но сомневается, можно ли.

В шесть часов мы идем смотреть участок Резцова. Мы взбираемся на верхнее шоссе и доходим почти до Сары, заболтавшись (объясняем маме искусство). С трудом находим дом Резцова. Какое разочарование. Это маленький домик (две комнаты и кухня), очень приличный и чистенький — но невозможное местоположение и соседство, и такой маленький клочок земли, что даже огородика из одной грядки устроить нельзя. И цена уже не три тысячи, а уже четыре тысячи рублей. А соседи так и смотрят в окна, шагу ступить нельзя будет, это хуже меблированных комнат. В саду растет один абрикос, один персик, одна черешня, один орех, один кипарис, а на окнах вьется виноград с гроздьями. Будь это где-нибудь в лесу или на берегу моря — моментально пять тысяч дали бы — но это место невозможное.

Идем обратно немного разочарованные. Так хочется иметь свой клочочек с домиком — так хочется.

Обратно идем в темноте — в море отражается Млечный Путь.

Сережа по дороге говорит о своей новой задуманной картине «Купание Афродиты». Две грации поддерживают плащ Венеры, выходящей из воды.

5 августа. понедельник

Спали любовно, и Сережа, проснувшись ночью, чуть не плачет от любви ко мне и утром мне рассказывает о сне (меня выдавали замуж). В десять часов начинается сеанс, Сережа удачно пишет до часа. Я купаюсь одна среди камней в изумрудной полосе и белой пене. Странное, чуть жуткое впечат-

ление. Сережа спит. Обед опоздал — мама нерасторопная хозяйка. Сорин приходит, и мы разбираем, как мне позировать. Фоном решаем лавры. Завтра Сорин начнет писать. Сережа вытаскивает портрет, и мы смотрим. Сорин в восторге от «Венеры»: «Чудно нарисовано — молодец, не ожидал». О «Карнавале» он уже говорил Тищенко и Квилю. И хочет их привести. Сереже это не очень приятно. Савелий же говорит, что Вере Георгиевне, не Квилю, очень приятно продавать, потому что у нее будет музей и она очень много понимает в этом. Он предлагает сейчас прогуляться к ней, зайти по дороге в оранжерею насчет лаврового дерева и затем привести ее к нам, тем более что она одна, все уехали в Ялту. Мы идем, я заказываю маме пирожное. Заходим к рейнботовскому садовнику, у которого Сорин берет букет для Веры Георгиевны, а я придумываю вместо лавра нарубить ветки плюща. Мы идем дальше и хвалим Веру Георгиевну — какой она благородный человек, что приютила Соколова, этим она совсем отрезалась от общества (но отчасти и фильтрует его), что она так тонко разбирается в искусстве. Приходим к ним, у них гости, Струве (поэт, женатый на богатой еврейке Шон), Квиль тоже вернулся из Ялты, и мы не можем пригласить только Веру Георгиевну. Она в белой блузе и синей юбке, с зачесанными назад волосами, очень свежая и моложавая, подметала балкон. Мы обменялись комплиментами (я была в новом чепчике). Затем нам показали Билибина (очень неважно, обложка для немецкой географии). У них в комнате уже целый музей. Сережа похож на Брюллова. Мы выпили вина, Сережа поговорил со Струве, и мы отправились домой — по дороге Сережа мне рассказывал о Струве. Когда мы пришли домой, нас ожидал хорошо накрытый стол в саду, за которым мы и выпили кофе одни. Затем Сережа попросил меня попозировать и переделал в портрете волосы и фон. Вышло превосходно, гораздо более четко, ясно и, благодаря зелени сзади, нежнее колорит.

Зашли к Браиловским, где Римма прекоично рассказала, что она будет устраивать кабаре у Грюнбергов, то есть что они себе это вообразили.

Леонид Михайлович пугал Сережу сведениями о большевиках, и Сережа расстроился. Вечером у нас Шашины и Браиловские. Сидим в саду и мечтаем о своих идеалах жизни. Шашины: провинция, пироги с груздями.

6 августа вторник

Ночью я во сне летала, и поэтому, наверное, у меня расстройство, а у Сережи за компанию. Он с утра размяк и лежит. Я вспоминаю вчерашние разговоры и думаю, действительно ли нам хотелось бы путешествовать в автомобиле, как Сережа расписал, иметь ванную, телефон и прочие усовершенствования — пожалуй, да, все это, но без путешествий — уж очень хочется спокойной жизни с минимумом комфорта. Браиловский хочет в Индию — Римма его провожает, если он туда собирается по суше. Ирина хочет выстроить <куб?> в Алжире. Мама мечтает, конечно, о Париже, не зная его.

Вчерашнее известие о том, что Вера Георгиевна хочет устроить музей, меня очень задело, и я мечтаю о том же. Сережа мне дарит как следует три этюда, я беру Билибинские розы, у Леонида Михайловича эскиз (в обмен <на> Сережин), Риммин этюдик, Соринский этюд — вот и начало музея.

До обеда Сережа лежит, я тоже. Затем Сережа убирает мастерскую, я стираю блузку. Сережа советуется: позвать Орлову-Давыдову сегодня, чтобы импонировать Квилю, или нет. А вдруг Соколов придет. На бедного Соколова опять поклеп взвели. Вчера Леонид Михайлович передавал, что Тиран сказал относительно Соколова, будто он распространяет слухи, что из Крыма нужно бежать, потому что немцы якобы уходят из Крыма. Вчера не было понятно, а сегодня Сорин объяснил, что это провокация, что существует закон, что за подобные слухи расстреливают. Эти все господа желают таким образом избавиться от Соколова. Вчера я сказала Леониду Михайловичу, что если уж быть таким последовательным, то нельзя Дёмкину руку подавать и Николай больше погубил Россию, чем Соколов.

В два часа приходит Сорин, и меня начинают усаживать. Сначала меня сразу охватила тоска, то стол подвинуть, то руку поправить, то свет неправильно падает, то цвет не подходит. Меняли, меняли и наконец нашли простую, хорошую классическую позу. Руки у меня как на портрете Тищенко. Белое платье с оголенными плечами, красный платок накинута и сзади лавры. Сережа начал новый холст и другой поворот, как мы однажды видели на табакерке в Ялте. Вся фигура в фас, а голова в профиль. Сеанс прошел оживленно и легко. Сорин, не желая встретиться с рекомендованными покупателями, поспешил уйти. В шесть часов пришли Вера Георгиевна, Квиль и Соколов, с ними Тявка с кавалером, который у моих ног сиделся ее изнасиловать, но Тявка огрызнулась, и Сере-

жа очень удачно оттащил Тявку за хвост, а другого пса прогнал. Сели за стол и стали пить кофе. Римма Никитична в это время сидела над нами и слышала весь разговор, и передала свои впечатления <от> всех разговоров: была мама, молчаливы мы с Сережей, разговор вертелся на деньгах, как их привезти, на плохих кроватях и на где положим. Римма преувеличила нашу нудность, мы говорили и о политике, причем могли удостовериться, что Соколов о немцах совсем иного мнения, чем это распространяют провокаторы.

Новости Леонида: заболел Ухов, убит в С. ком<мунист>, Леоп<ольд> Бав<арский> в Украине.

К Дроздову приехали из Харькова.

7 августа, среда

Такая жара, что Сережа ничего не может делать. Он ложится и читает Гофмана, потом спит сначала в маленькой комнатке, потом в спальне. Я пишу дневник, потом иду купаться, позлив еще Сережу тем, что убеждаю его в два голоса вместе с мамой идти купаться. Он кричит: «Оставьте меня в покое» и зарывается в подушки. Я возвращаюсь к обеду. Сережа встал и не особенно благодушный сидит на верхней галерее и разговаривает с Риммой и Ириной Сергеевной. Я, обращаясь к ним, не к нему, расписываю прелести купания: теплая вода, бронзовые тела мальчишек кругом («Как, ты с мальчишками купалась!»), когда выплываешь, то вода тебя так и несет. Если бы Сережа сказал: «Ты выплываешь, я тебе запрещаю, что если ты начнешь тонуть», у меня приготовлена фраза: «Там достаточно мужчин, которые меня вытащат», все для того, чтобы заставить его пойти купаться, но Сережа от слишком большого возмущения ничего не говорит. За обедом мы говорим полусерьезно, полусмеясь друг другу неприятности, пока мама не вступается, и Сережа не заявляет, что он уйдет пешком в Москву. Приходит Римма, и мы окончательно миримся, и приходим в хорошее настроение, когда находим, наконец, котят черной кошки. Мы их вытаскиваем из сарая, кладем в решето и любимся. Не успеваю я полежать пять минут, как уже приходит Савелий, и мы начинаем позировать. Мы рассказываем Савелию, что приехал из Харькова человек, желающий устроить в Харькове выставку, и в пять часов будет заседание художников; так как Сорин в натянутых отношениях с Леонидом Михайловичем, то Сорин вставляет, что не пойдет, так как не приглашен. «Ну, пригласить — какая ерунда». Сеанс кончается, я

ложусь и слышу, как к окну подходит Леонид и говорит: «Сергей Юрьевич, пойдёмте — они уже пришли». Пауза. Сережа ждёт, я жду, Савелий ждёт. Так как Леонид Михайлович ничего больше не прибавляет, то Сережа резонно прибавляет: «Я без Савелия Абрамовича не пойду». На это Леонид Михайлович нехотя прибавляет: «Ну что ж, и Савелий Абрамович». Тогда ясно, что Сорин отвечает: «Нет, спасибо, я не пойду, я буду работать», а Сережа тоже отказывается прийти. Леонид Михайлович, сконфуженный, уходит. «Как это бестактно». Через минуту приходит Римма — Сережа ей передает всю сцену, и она уходит. Леонид Михайлович возвращается, и тут между ним и Сориним <происходит> сцена, в которой сводятся все счёты, друг другу говорятся неприятности, вспоминается офицерская история. Леонид Михайлович говорит: «Разве такая обида — называть человека нерусским». А Сорин: «Моя нация не позволяет делать замечания старикам!» Я полуодетая сбегу в кухню, Сережа убегает тоже — к Рябушинским — пригласить их, как обещал им вчера, посмотреть картину.

209

8 августа. четверг

Событие — Сережа впервые выкупался. Мы вместе пошли и на дамском пляже, сбоку, меж камней, купались. Я утром позировала два с половиной часа для «Венеры», а вернувшись к обеду и не успев отдохнуть, позировала три с половиной часа Сорину. Сережа спал, утомленный от купания, а потом, обозленный от купания, пошел к Браиловским и там целых два часа говорил, кто кого ненавидит: Леонида (Сорин) и Римму (Дроздов) и что кто говорил (Сорин: «Я удивляюсь, как Римма прожила так долго с таким дураком»), словом — портил отношения. Сорин был рад, что работает один и может молчать, я сидела три с половиной часа. Проложен фон. Я прохожу все аристократические стадии. Сил нет, до чего я «изысканно томна». Когда я наконец в семь часов легла отдохнуть, произошло еще событие: мама получила письмо и пять тысяч через Фермана. В Москве неприятности на заводе: сбежал один из компаньонов.

Говорил Поль по телефону, что приедет Билибин.

9 августа. пятница

Утром Сережа не хотел приняться за «Венеру», но я его уговорила и села позировать, потому что вчера он только испортил лицо и нужно было сегодня либо двинуть вещь, либо

стереть. Мы сели за работу, и так как она не клеилась, то Сережа злился. Когда я ему сделала замечание, что он стал не тот поворот рисовать, он обозлился и стер — выступил опять старый рисунок головы, который так хорош, и по которому я уже плакала, и <который> по вине Сорина испорчен (Сорин сказал, что все, кроме головы, написано хорошо). Он стал рисовать быстро и злобно и нарисовал такую обезьяну, что я ушла в другую комнату и заплакала. Он сознался и стер вторично, опять выступило прекрасное лицо, и я дала совет Сереже писать сидя. В этом весь фокус — только сидя он видит ракурс головы. Так как при стирании попортился и старый рисунок, то Сережа сел за его реставрацию и писал по нему. Вышло превосходно, и теперь, я думаю, Сережа уже не собьется. Купаться не пошли. Не успели оглянуться, как уже пришел Сорин. Сережа пишет второй вариант портрета и просит не смотреть, чтобы не сбивали. Работа была очень удачна, у Сережи вылепились превосходные формы. В пять пришли поляки. Они были у Сорина и предупредили, что будут. Один польский художник, выставивший такую ужасную розовую даму на выставке, другой — помощник-переводчик немецкого коменданта.

Рябушинский обрился у Риммы Никитичны.

Я пошла наверх и помогала Римме показывать ковры. Римма просто говорит: «Вот этот ковер Вы у меня купите с выставки в Ваш кабинет». Рябушинский рассказывал о доме, выстроенном Жолтовским.

Вечером Ирина Сергеевна. Шашины собираются ехать в Петроград.

Пушкинские переводы на франц<узский>.

10 августа. суббота

Савелий позвонил, что по важным делам вызван в Ялту и позирования не будет. Я пользуюсь временем и стираю. Сережа ругается с Леонидом Михайловичем по поводу вчерашнего (что художник предпочитает фрескам гобелены), но получает от него три подрамка. Он пишет «Карнавал» и приговаривает: «Нет, меньше пяти тысяч нельзя. Я отдам только за десять тысяч». Мама пишет ответ дяде Володе, который отнесет сегодня к Гужону, кто-то из них едет в Москву. В час я иду купаться и упрашиваю Сережу, даже становлюсь на колени, но он, придя на берег, пугается волн и стоит и смотрит, как я купаюсь. Я поэтому пренебрежительно разговариваю с

ним, и он слегка сердится на меня. Пообедав, ложимся спать, я читаю Пушкина. В пять к Браиловским пришли Токмаковы с Булгаковым, и они нас приглашают, но Сережа не очень хочет, он работает, к тому же Черная Штучка обещала прийти позировать в шесть часов. Я сижу рядом с Сережей, который пишет «Карнавал». Он говорит: «Я писал много эскизов с фигурами, и все интуитивно, без моделей, а теперь часто встречаю в жизни — сошедшие с моих эскизов фигуры, и эти люди обыкновенно страшно мне преданы». Это относится к Штучке. Я очень хотела пойти слушать Булгакова, но, когда я наконец собралась, пришла Штучка, и не одна, а с сыном и нянькой. Она стала очень забавна, может быть потому, уверяет она, что больше не влюблена в Сергея Юрьевича, а в брата мужа. Она болтает всякий вздор, неприличный и мило двусмысленный, чем очень потешает нас и подошедшую к окну Римму (*Quelques mots les plus gais dans la langue française <несколько слов нрзб.>: que préférez-vous — le baiser du mari ou de l'amant — Le baiser du mari évidemment <Фраза, самая забавная во французском языке...: Что Вы предпочтете — поцелуй мужа или любовника? — Поцелуй мужа, конечно>.*). Мы пошли ее провожать. Она обещала прийти позировать для «Эрота». «Сергей Юрьевич, Вы не будете меня обижать?»

Когда вернулись, у Риммы сидели Дёмкины, мы не пошли, а зашли в десять часов, когда уже все ушли. Сереже хотелось узнать, что Дёмкин говорил о политике: большевики последние дни, несомненно, будет монархия. Заходил Шамин, новость: паня Зося переезжает к Баулину. Почему? Шамин говорит, что она, как подстреленная голубка, ищет у него защиты, мы говорим, что она, так как ее называют всюду кокоткой, хочет показать В<еликому> кн<язю>, какое за ней общество.

Леонид хочет нарисовать карикатуру на Штучку в м<ат-росском> костюме, с бритой головой, с папиросой, кормящей младенца.

11 августа. воскресенье

Кто бы мог подумать, что день закончится таким ужасным скандалом. День прошел очень мирно. У Браиловских к обеду были Чеховы. Все утро я помогала маме по хозяйству, потому что, собственно, ее неделя кончилась, и она из-за моего позирования продолжает хозяйничать. Я позировала три часа хорошо и аккуратно. К чаю пришла Мария Игнатьевна, чему мы не были рады, — она пришла смотреть картину, но Сере-

жа отказал под предлогом работы. Сорин обращался с ней очень странно, вроде: «Как я рад Вас видеть, ведь я Вас очень люблю — хотите, я буду Вашим любовником?» Вдруг Мария Игнатьевна радостно вскрикнула и бросилась из-за стола (мы пили чай на балконе). Что такое? Кто? — Вошел Билибин, весь в котомках, корзинках и чемоданах — и слегка пьяный — с этого и началась вся трагедия. Сережа его расцеловал, и мы все радостно его встретили, пока не заметили, что он выпивши, тогда Сережа нахмурился, я растерялась, Коренева, которая в этот момент приехала из Ялты (она приехала раньше с Чеховыми), странно на него посматривала. Одна Мария Игнатьевна смотрела на него с восторгом и умилением. Он стучал к Браиловским, а так как Римма Никитична разболелась, то никто ему не отворял, пока Анна Ивановна не увидела его из своей кухни и не прошла к Римме Никитичне другим ходом, и сказала: «Какой-то странный человек, весь в чемоданах и заикается». Тогда Римма поняла, кто это, и послала к нам. Билибин объявил, что приехал на один день. Завтра поедет в Ялту за деньгами, послезавтра будет доставать вино, которое ему нужно к субботе, ко дню рождения его, а в среду утром он уедет. Сегодня же он должен нанести визит Квилю из-за денежных вопросов, и поэтому он ушел с Сориним. «Здесь он ни одной бутылки не выпьет», — сказал Сережа и еще более омрачился. Я пошла наверх проведать Римму и жаловалась ей, что приехал Билибин, уже пьяный, что Сергей Юрьевич уже расстроен, и я боюсь, что он будет выбит из колеи. «Дай Бог, чтобы он поскорей уехал, я Вам это от души желаю», — сказала Римма. Пришла Мария Павловна, тоже жаловалась Римме, что ее дача в запустении.

«Не правда ли, она красива безумно», — сказала Римма, показывая на меня.

До ужина время прошло быстро, говорили о политике, пришел Шамин, паня Зося уже переехала и превращает его в Mr Smith, у нее был уже князь Андрей, и Шамину она сказала: «Сейчас Вы уходите, потому что у меня Великий князь, а вечером Вы можете прийти».

Пришли Ирина и Оля Майдель. Сидели в кухне, раскладывали пасьянс, и Сережа успокоился как будто, а у меня в душе <было> что-то беспокойно, думала о возвращении Ивана Яковлевича. Вдруг около дома раздалось бессмысленное пение-мычание, и скоро в кухню вошел Иван Яковлевич, еще сильнее выпивший, очевидно, у Тищенко. Сережа, в это вре-

мя рисовавший Ирину, нахмурился и едва приветствовал его. «А! Тут происходит священнодействие», — начал Билибин задевательским тоном, у меня сердце упало. Он селоколо Оли Майдель и стал так пьяно подпевать, что обе девицы стали фыркать. «Вот что, так как тут священнодействие, то я пойду проведать пансион Хотяинцевой». Я обрадовалась и стала посылать маму с ним, ей, кстати, нужно было к Хотяинцевой. Но мама медлила, и я стала нервиться. Наконец мама собралась, передела блузку и пошла звать его. На грех я ушла с девицами в мамину спальню и объясняла Ирине, как переделывать платье. Мама тоже туда пришла, и Билибин остался Сереже. Что у них произошло — неизвестно, но Сережа ему резко сказал: «Отстань от меня, ты знаешь, я пьяных не переносу». После этого мы услышали шаги Билибина по коридору к маленькой комнате, где он стал собирать вещи, и, когда мы с мамой пришли, он взволнованно стал говорить, что в этом доме ни минуты не останется, что идет ночевать к Хотяинцевой. Я была возмущена, что Сережа так поступил с гостем, — вытерпев десять минут, ничего бы не случилось... Я побежала в кухню, где сидел угрюмый Сережа, продолжавший упорно чертить карандашом по бумаге, и бросила сначала фразу: «Где твое славянское гостеприимство, к черту оно не годится», потом вернулась к Билибину и убеждала его остаться спокойно у нас, что Сережа нервен и так далее, что все говорят в таких случаях, потом снова побежала к Сереже и уже со слезами на глазах закричала: «Я требую, чтобы ты извинился». Тут полетели стулья, чашки, тарелки — так бешено он вскочил, и Сережа как сумасшедший полетел мимо меня по коридору к Ивану Яковлевичу; я его попыталась удержать по дороге, но только разорвала ему рубашку. «Не пускать его», — закричала я маме, но он уже стоял перед Билибиным, отталкивал маму, которая бросилась между ними, меня и, подняв кулаки, стал кричать: «Приходит в дом ко мне пьяным, доводит меня и мою жену до такого состояния». Дальше я уже представила себе ужаснейшую драку с удушением одного из них и стала дико орать. Ольга Богдановна и Ирина меня схватили и увели, и у меня сделалась истерика. Меня вывели в сад, где я быстро замолчала и только плакала, сидя на скамейке. Тем временем сверху прибежали Леонид Михайлович и Иван Павлович и предлагали через маму свои услуги Сереже. А те двое сидели уже на постели в маленькой комнате и говорили тихими, но не успокоившимися голосами. Ирина с Олей вско-

ре ушли, и я осталась одна. Время от времени приходила мама и сообщала, о чем они говорят: «Они сейчас разговаривают спокойно, Сережа ставит ему условия. Иван Яковлевич все еще обижен». Так прошло около часу, наконец, мне надоело ждать, и я послала маму сказать, что меня она не может найти. Сережа выбежал и вскоре нашел меня. Я сидела еще все убитая, и на его слова: «Я не терплю, когда ко мне приходят пьяные» — я только сказала ему: «Он уйдет завтра. Ты себя вел как пьяный, это позорный факт». Сережа был сам удручен выходкой, но чувствовал за собой правоту. Потом они еще говорили часа два, сначала гуляя, потом в мастерской, уже об архитектуре, потом мама их позвала есть винегрет и пить кофе. Там Иван Яковлевич откупорил бутылку, и так они сидели уже со свечой. Я поняла, что они пришли к следующему результату: отношения будут внешне корректны — но встречаться они больше не будут. Билибин сказал, что никому ничего не скажет о происшедшем. Я зашла в кухню и сказала только: «Иван Яковлевич, простите то, что произошло» — и сейчас же вышла, заплакав, так еще были нервы натянуты. Когда Сережа вернулся наконец спать, я уже лежала, одетая (до тех пор я ходила по саду), и все еще не могла очень сердечно обойтись с ним, хотя в душе жалела его и мне все было понятно. Уж очень позорным мне казалось нарушение гостеприимства в такой мере. Мы долго ворочались, нас ели москиты, и у обоих было сердцебиение. Чувство было омерзительное, и под этим чувством я заснула.

12 августа. понедельник

Проснулась утром оттого, что Иван Яковлевич ходил по коридору. Было восемь часов. Он должен был к восьми быть у Тищенко, чтобы поехать с Квилем в Ялту. Я скоро встала, чтобы приготовить ему кофе. Мы поздоровались. Он спросил меня, где его «Розы» (а Сережа еще вместо долга хотел оставить их нам). Сережа ему вчера отдал только пейзаж — я разыскала «Розы» и дала их ему. Напились чаю, Сережа тоже встал, говорили о земельных участках, о постройках.

Наконец он собрал свои пустые чемоданы и, не поцеловав мне руки, отправился. Сережа пошел его провожать. В это время появились Браиловские, идущие в Алупку к нотариусу, у меня явилось огромное желание пройтись, и я, быстро взяв корзину, пошла с ними. По дороге для меня

было облегчением рассказать им все и извиниться перед больной Риммой Никитичной за мой крик. Леонид Михайлович на стороне Сережи. Рассказав им о случившемся и объяснив Сережино поведение физическим недугом, я рассказала то, что Билибин еще рассказал о политике, весьма неприятные вещи, именно: немцы будут в Крыму *tahitum* до сентября — они должны уйти, потому что они в мешке. Надвигаются чехо-словаки, союзники, и промежуток между их уходом и приходом англичан будет ужасен, потому что в кафе всюду слышны разговоры большевиков: уж мы дорежем буржуев — они позвали немцев, которые весь хлеб увезли. Это говорят и повторяют многие, но, по-моему, это провокационные слухи. В Алупке мы видели немецких офицеров и немецких сестер, они устраивают у доктора Гохбаума санаторий на зиму.

На обратном пути встретили Квиля и Вершинина. Квиль рассыпался перед Риммой и буквально умолял ее продать ковры ему, те, которые он торговал у нее зимой. Он был так сверхлюбезен, очевидно, потому, что Римма ему показала бумагу, по которой Дёмкин обещал ей достать двадцать пять тысяч. Я спросила Квиля, когда он едет в Ялту и у них ли Билибин. «Да, он сидит у нас, мы поедem в четыре часа». Я вернулась к обеду, таща полпуда. Сережи еще не было. Он сидел у Сорина. Вернулся, но был злой и расстроенный, очевидно, от вчерашней истории и политических разговоров. За обедом у нас была Ирина (она хочет взять место горничной в кухмистерской). После обеда пришел Сорин, и мне пришлось позировать. Я была очень уставши и с трудом сидела, к тому же глаза опухли, и лицо было в пятнах. К концу сеанса пришла мама и сказала: «Сейчас придет к Вам Орлова-Давыдова, она зайдет на теннис и тогда с кем-то еще придет». Сорин советовал не показывать ее спутникам: «Эти аристократы смотрят на нас как на мастеровых — заходят почти без спроса после тенниса — ища новое развлечение, они ко мне заходят сто раз и никогда ничего не купили». Он спросил меня, знакома ли я с ней: «По правилу она должна была бы сделать визит Вам, а потом уже просить показать картину, но они игнорируют приличия, когда дело касается художников». Сорин страшно зол на аристократию. Сережа брился, потом ушел и привел вдруг Чеховых, которым и стал показывать свои вещи. Они так мило и тонко отнеслись к его работам, Мария Павловна все повторяла: «Какой Вы великий худож-

ник», что Сережа пришел в хорошее настроение. Пришла Коренева и тоже смотрела и восторгалась, но она, по-моему, мало понимает живопись. Потом Чеховы пошли с Кореновой в Алупку. Мария Павловна хотела «воскресить воспоминания», а Коренева присутствовать при воскресении, а мы с Сережей, прождав напрасно Орлову, мирились в саду, ужинали, а затем отправились навстречу Чеховым, которых встретили у обелиска. Сережа говорил, что современный человек не должен так сентиментально относиться к своему прошлому, как Марья Павловна, например. К другим эпохам — да, но свое прошлое надо забывать. Я пошла вперед с Кореновой и рассказала ей о Билибине, его женах и так далее. Коренева говорит: «Когда я увидела у Вас Билибина, я страшно поразилась и подумала, не заметив, что он пьян, как это Сергей Юрьевич рекомендовал его как соотрудника в театральном деле».

216

*Что будет в ближайшее время
в Москве и Петрограде*

Иван Павлович: К 15-му августа старого стиля советская власть уйдет, и хлопанья дверьми не будет.

Сергей Юрьевич: Большевики уйдут в октябре, и уход будет ужасен. Кремль взорвут. Две тысячи человек в день казнят.

Василий Лазаревич: В сентябре конец большевиков, будут резать перед концом — террор.

Леонид Михайлович: Шесть недель срока большевикам (на основании чехо-словаков). Террор.

Римма Никитична: Все кончится в продолжение августа, но перед тем Россия зальется кровью, и сейчас же будет монархия.

Марья Павловна: Большевиков сменит анархия, и на почве анархии создастся какая-нибудь власть.

Мама: Через две недели большевики кончатся, и я поеду в Москву.

Московские необыватели: Новая власть будет к новому снегу.

Сергей Валерьянович: России, как политического целого, не будет. Будет колония. Самобытное творчество русского гения будет прервано. В экономике европейской жизни русский народ будет выполнять функции чернорабочего.

13 августа. вторник

В одиннадцать утра, когда в кухне возилась мама, а Римма Никитична пришла стирать к нам, явилась Орлова-Давыдова прямо в кухню и засела там. Римма Никитична нисколько не смутилась (в то время как мама побежала переодеваться) и стала, говоря о политике, ругать аристократию: почему они не поступают в Добровольческую армию, раз они так страдают за Россию. Сережа в это время спал, я с трудом убедила его встать, он не очень ей обрадовался, но все же вышел и позвал ее. Я в это время наскоро прибрала и села за стол писать. Орлова пришла со своей двенадцатилетней дочкой — премоной, рыженькой девочкой босиком. Она не проявила особого понимания и вкуса, но была мила и забавна, говоря такие фразы, как: «Вы не обращайте внимания на то, что я говорю, я всегда говорю глупости». Сережа согласился с ней: «Да уж, что Вы изволили сказать про Леонида Михайловича, что его искусство прерафаэлиты и Обри Бердслей, после этого я даже боюсь показать Вам мою большую картину». — «Это действительно идиотизм говорить так, но покажите, пожалуйста». Сережа поломался, но показал. Мне пришлось объяснять с палочкой в руке все фигуры «Карнавала».

Орлова уезжает с дачи Ухова, который ее выселяет. Позировала я до одурения около четырех часов, с двух до шести. Сорин как будто страшно мучается, и Сережа все время убеждает его, что он неправильно работает, они спорят иногда в продолжении всего позирования, как нужно работать. Когда Сорин уходит, Сережа называет его придворным гримером. «Форма для тебя менее важна, чем красивость. Ты не повторяешь световые и теневые места, а выискиваешь общий идеологический тип». — «Как раз обратно, я работаю не внешне, а ищу внутреннюю форму, череп, и потом перехожу к поверхности. Так редко кто знает форму, как я ее стараюсь понять. Вот Альтман, хоть он и жестяной, Сомов, а Репин совершенно не понимал, он чисто внешне брал человека. Серов старался понять». Я говорю, что хотела бы, чтобы меня написали все портретисты, и затем написала бы мемуары, кто как работал. Говорили о Билибине — у Сорина с ним тоже были неприятности, Билибин пил все время у Тищенко, и Савелий по этому поводу сделался очень угрюмым. И когда Билибин предложил ему выпить на брудершафт, Сорин ответил, что в пьяном виде не признает этого. Билибин очень обиделся. Вчера он уже больше не пил, а, по словам Сорина, перевари<ва>л «инцидент».

После позирования Сережа убирал вещи, а затем мы пошли навстречу маме в Алупку, но, встретив, не вернулись обратно, а пошли дальше. Вечер был такой изумительный по освещению и мягкости, что Сережа решил ходить опять на этюды. Говорили мы с ним замечательно хорошо о том, как строить дом, в каком стиле, какое предназначение, я мечтала об устройстве дома искусств, музея — в будущем подарить государству. Можно начать с небольшого — ведь Озаровский домик устроен из ничего. Подходит ли участок Черноярва для такого места. Может быть, лучше арендовать у Долгор<уких> или Воронц<овых>. Когда я прохожу мимо скатов, где лучший воронцовский виноград и где дома виноделов, — у меня сердце екает от зависти — вот изумительное место! Амфитеатр. Пришли домой, а тут Ирина рассказывает, как предлагалась в кухмистерскую в горничные и как ее встретили.

218

14 августа. среда

Ирина готовит. Мама в Ялте. Я иду к Кореневой, звать <ее> к телефону, и встречаю Рябушинских, болтаю с ними целый час о планах, об архитектуре. У нас проект: брать уроки по архитектуре у Леонида Михайловича. Обедаем с Ириной Сергеевной. Заходит Шамин, он против того, чтобы Ирина служила у нас только потому, что они серьезно уезжают в Петроград. Сидит Коренева, и все только и говорят, как проехать, — это вопрос дня. Я позирую плохо, слишком много говорит Сережа, и Сорина это нервит. Приехал в Ялту Евреинов.

После пяти, выпив кофе, идем на этюды. Сначала на косогоре, где мимо проходит Леонид Михайлович в Алупку, и мы идем с ним. Сережа делает этюд в парке, дивный мотив. Спешим домой, потому что приехала мама. Какое разочарование: мама не получила денег, потому что Фермана ограбили подороге и разорвали много писем и в том числе чек. Мама в большой горе. Она ничего не купила. Ехать в Москву нужно обязательно ей, иначе дело пропадет. Коренева ей дала тысячу рублей в долг, какой благородный жест.

Утром Сорин дотащил Билибина с его чемоданами, уже полными бутылок с вином, до Алупки и оставил его там в ожидании парохода, но, так как пароход не шел, Билибин явился обратно к Хотяинцевой и там пропил целый день. Вечером Римма ходила туда с приехавшим сюда офицером, который собирает картины для лотереи, и нашла лицо Билибина «божественным» — я этого простить ей не могу.

15 августа. четверг

Я заболела и лежу. Сережа пошел предупредить Сорина, что сеанса не будет, и делает два этюдика. После обеда он спит, и я тоже. Я все утро читала Гофмана «Серапионовы братья» с упоением. Утром говорила по телефону Коренева и сидела у меня. Она плакала: сколько волнений из-за поездки в Москву. Она едет с мамой. Мама целый день работает и надоедает мне всевозможными советами. В четыре часа явился Сергей Павлович Рябушинский пригласить нас к чаю. Я вставала и пошла первой, Сережа явился последним, потому что брился и переодевался, к тому <же> задержал его Никодим, пришедший проститься, потому что идет в добровольческую армию. Сережа его ругал за это. У Рябушинских роскошно накрытый стол. Так как я одна, то мы обсуждаем архитектурные лекции Браиловского, они находят двадцать пять рублей за лекцию дорого и, главное, сомневаются, сможет ли он преподавать это. Я уверяю, что да. Они показывают фотографии их дома. Когда приходят Браиловские, мы, дамы, говорим о семейных делах. У Марии Дометьевны, оказывается, замужняя дочь, вышедшая замуж очень романтично. Она показывает фотографии. Браиловский и Рябушинский говорят об архитектуре вообще. Когда приходит Сережа, разговор переходит на политику, потому что масса газетных новостей. Все ждут конца большевиков. В Одессе, оказывается, Мордкин, Фроман, Шаляпин, Собинов, и Сережа решает проехать в Одессу. Я советую только с выставкой. Рябушинские нам показывают свою скульптуру из камня (архаический лев), довольно складная. Затем идем смотреть фигуринку Дерюжинского, которая у Браиловских. У нас вечером сидят Браиловские, и Римма рассказывает историю госпожи Недович. Затем я ложусь. Приходит Коренева, ходившая ужинать, она и Сережа сидят около моей постели, мы пьем чай в темноте, и Сережа рассказывает о театре Комиссаржевской, о репетициях днем и вечером, <о> субботах, о молодых восторженных артистках, о детском почти настроении. Рассказывает чудно, и мы наслаждаемся.

219

16 августа. пятница

Сережа ушел в Алупку менять деньги и исполнить мамин поручения. Позирую хорошо, стараюсь. Сорин сообщает, что Маковский пришел, обедал у него, теперь отдыхает и в пять придет к нам. Он предлагает устроить выставку Одесса—Киев—Харьков. В пять устраиваем чай в саду. Маковский

сначала у Браиловских — говорит о евреях, затем у нас о китайцах, о событиях очень верно.

Приходила Фельдман приглашать участвовать на еврейском вечере.

17 августа, суббота _____

Утро работаю. Позирую. Сережа уходит с Сориным встречать Маковского к Тищенко. Я моюсь и зла, когда мне мешают Фельдманы. Я всячески стараюсь их спровадить, но ничего не выходит, приходит Сережа (вечером он мне рассказывает <про> свою вспышку) с Маковским.

18 августа, воскресенье _____

Утром Маковский за чаем рассказывает об отце — он до сих пор не написал монографии. Леонид слушает, развесив уши. Сережа идет его провожать, несмотря на жару, и возвращается, когда я уже позирую (был у Никодима, копия на стене растрогала Сережу). Позирую устало. Мама нервничает из-за поездки — Коренева без конца говорит по телефону. После позирования шью Сереже брюки. Вечером приходит Коренева, и мы убеждаем ее не ехать в Москву. К тому же со всех сторон ей говорят то же самое. Марья Павловна ей по телефону сообщает ужасы. Она театральничает и потом приходит к выводу, что тут на юге она и окрепнет, и скорее найдет что-нибудь, потому что тут больше инициативы. Мы провожаем ее. Уж слишком много в ней психологии. «Ну, представьте, если вдруг, то...» Римма Никитична вечером заходила в кухню и говорит: «Нет, я должна Вам рассказать. В этом нечто мистическое: Нина Александровна обрелась и оставила чуб спереди». Сережа называет это «траур самок».

19 августа, понедельник _____

Неожиданный скандал с Кореновой. Мама плачет. Скандал с Сережей по моей вине. Общее примирение. Сенсационные слухи о бегстве Ленина и Троцкого. Я шью брюки, пьем кофе, приходит Лидия Никитична смотреть картину и в диком восторге. В семь часов приходит Сорин с Верой Георгиевной и письмами. Мы друг другу рассказываем о скандалах. Она очень мила, и Сорин смотрит на нее влюбленными глазами (наш разговор во время позирования). Вечером я с Леонидом Михайловичем иду к Рябушинским. Сергей Павлович едет в Харьков на одну неделю — мы даем книжные поруче-

ния. У Сережи сидит Коренева, с которой миримся. Она поедет на днях. Сережа рисует для кухни наши лубочные портреты — мечтаем всю квартиру завесить так.

20 августа, вторник _____

Сегодня стараемся весело работать. Я все утро стираю, кипячу и вешаю белье. Сережа к обеду закончил наш лубочно-подносный портрет и повесил в кухне. Римма в восторге присутствует при этом. Она рассказывает, что к Хотяинцевой приезжал посредственный скульптор и говорил, что в Киеве у художников и скульпторов покупают все на корню, — он удивляется, что художники делают здесь! До сеанса едва успели лечь, как уж пришел Сорин. Сеанс короткий, потому что наверху у Браиловских сидит Маковский, который идет из Ялты в Симеиз и по пути занес билеты. Сережа и Савелий пишут руки. Оба портрета интересны. В четыре часа идем наверх пить чай. Там разговор сначала о певицах, затем об оккультизме и теософии в связи с Максом Волошиным, которого Римма мечтает выписать, если Дёмкин привезет ей из Одессы деньги. Маковский рассказывает занятно об Успенском и армянине, продававшем бессмертие за тысячу рублей. Идет дождь, Сережа ложится спать, он расстроен известием, что вчерашняя телеграмма о Ленине ложь и выдумка. Я пересматриваю свой убогий гардероб и думаю, как бы смастерить шляпу. Это удастся из старой шляпы. Вечером приходит Шамин и сообщает, что Дёмкин никому ничего не привез и даже сказал, что сделал это, потому что было мало времени. Шамин возмущен, и мы жалеем Римму — как она это воспримет. Ее нет дома — она в Алупке, провожает Маковского. Шамин и мама решают уехать в пятницу, и поэтому у нас сразу немного волнительное настроение. Мы обсуждаем, как быть с Кореновой, — Шашины до ужаса боятся ее истеричности, мама тоже, и мы решаем ничего не говорить ей и в последнюю лишь минуту сообщить, что мама экстренно решила ехать, получив сообщение из Москвы. Шашины у нас ужинают, мы говорим интересно, как говорят обыкновенно в прощальные часы, о том, какого он мнения о людях, с которыми он жил всю зиму, часто ли он менял свое мнение о них, что он ожидал при знакомстве с ними от них и обманули ли его ожидания. Больше всего он разочарован в Сорине, в котором с каждым днем он открывал все более и более еврейские черты. Приходят Браиловские — Шамин им рассказы-

вает о Дёмкине. Римма страшно удручена, она летит к Дёмкину, чтобы сказать ему неприятности, но их не говорит, а приходит обратно еще более расстроенная. Она решила продать ковры Квилю (последнее время она мечтала продать их Рябушинскому, на которого почему-то очень надеялась). Мы обсуждаем, как это сделать, так как я присутствовала при разговоре, то мы хотим пойти к Квилю вдвоем. Сорину Сережа не советует поручить это дело. Римма так нервничает, что Леонид грозит продавать дачу.

Все уходят. Мы еще сидим в кухне и раскладываем пасьянс, и думаем, как уютно будет в кухне зимой. Сейчас уже осеннее настроение, безумный ветер рвет тучи, то и дело выплывает луна — божественно, если бы не изредка дождичек. Вдруг приходит Коренева, несчастенькая, ходячая психология. Мы ничего не говорим об отъезде мамы, но зондируем почву, поехала бы она на Одессу. Оказывается, она на Одессу не хочет ехать, «незачем так крутить, да и качку она не переносит». Сидя за столом, она начинает разводить такую психологию, что Сережа толкает меня под столом и только делает удивленное лицо. Возражать ничего нельзя, и мы смотрим, как она, передвигая ключ на столе, говорит: «Предположим, что я осталась бы тут, но это невозможно — ведь у меня же квартира, а если вдруг не будет сезона, тогда зачем мне ехать! Нет, нет, я должна ехать обязательно, ведь вдруг они уже начали репетировать». К тому же она все упрекает маму за автомобиль. И так часа два, за которые мы совсем измучены и рады, что вдруг начинает мигать электричество, и она уходит в сопровождении мамы. «Милый она человек, но избави Боже от такой женщины».

Маму по дороге она уговаривает ехать вместе. «Ведь я совсем одинока — Вы у меня единственная», — говорит она маме, а мама пускает слезу и уже хочет брать ее с собой, и делать все, что она захочет. Хорошо, что Шамины строго-настроено просили не соглашаться: «Она нас измучает своей истеричностью».

Коренева ничего не понимает в искусстве (живописи).

21 августа. среда

С утра уже мама волнуется. Я глажу белье, и затем идем в Алупку к нотариусу и обедать. Шамин идет с нами. Идем весело и бодро. Перед нашим уходом вдруг приходит Сорин, как будто он чуял насчет ковров. Римма все-таки говорит ему обо

всем и умоляет устроить дело. У Савелия глупое положение, потому что он прекрасно знает, что Римме не хочется продавать Квилю, кроме того, на выставке она получила бы в три раза больше, значит, особо большой услуги он ей не делает, а Квилю также, потому что неприятно предлагать вещь, в которой сначала было отказано, значит, художник нехотя продает.

В Алушке мы сначала обедаем очень хорошо (Штучка сидит с нами) и дешево (обед пять рублей), затем идем к нотариусу — там приходится очень долго ждать, и мы сидим в скучной нотариальной обстановке, единственным украшением которой вышивка с немецкой надписью. Ее мы и рассматривали. Нотариус очень мил и извиняется, что причинил мне огорчение, написав в доверенности Вера-Фанни.

Мы с Сережей спешим домой. Мама приходит позже. Сорин приходил на сеанс и нас не застал — когда приходит во второй раз, уже поздно, и сеанс отменяется. Мы пьем кофе, и, когда приходит мама, я ей начинаю основательно помогать в уборке. Сережа спрашивает позволение отдохнуть немного. Приходит Ирина и просит подарить еще этюдик на память. Сережа дарит и показывает ей картину и мой портрет, от которого она в безумном восторге: «Какая сила и простота, и какая характеристика Веры Артуровны — изумительно!»

После этого приходится показать Браиловским. Им тоже нравится, но они как-то глупо критикуют.

Мы бегаем к Кореновой сказать ей, что мама уезжает и предлагает ей ехать с ней через Одессу, — но ее нет, мы просим дворника передать ей, но до вечера она не приходит. Уже поздно ночью, в двенадцать часов, мы еще раз идем к ней, но напрасно стучимся в калитку при луне и ветре, она заперта, и мы так и не видим ее. Вечером я пишу письма Жене и Федотику, а Сережа — Чекатто. У нас сидят сначала на балконе Тираны, которые приходят прощаться с мамой, скучнейшие, отвратительные люди (а Майдели и Ирина от них в восторге), а затем в кухне Майдели. От них мы случайно узнаем, что вышивка, виденная нами у нотариуса, принадлежит им и поручена продаться Минасову в Ялте.

22 августа. четверг

В девять часов уже подается экипаж, и я едва успеваю приготовить утренний завтрак, сварить маме в дорогу яйца, кофе и молоко. Приходят провожать вся дача Браиловских, и Майдели, и Нина Блуменфельд. Сережа и я одеты очень эле-

гантно. Я в старом платье, новосделанной шляпе и вуалетке, и, когда я выхожу, даже раздаются крики: «Боже, как она красива!» Серезу я посылаю вперед к Кореневой — сказать, что она еще успеет приехать завтра утром. Когда мы подъезжаем к Морозовской даче, Сереза все еще что-то говорит Лидии Михайловне, и мама идет за ним и проститься. Сергей Валерьянович тоже заходит к ней проститься и, возвращаясь, говорит: «Она поседела в одну ночь». И действительно, когда она, наконец, показывается, у нее серый, серый вид: серый костюм, серое лицо и серые волосы. Она очень удручена маминим отъездом, и глаза до такой степени растерянные, что у мамы опять угрызения совести. Наконец мы уезжаем. Накрапывает дождик. Сереза сидит на козлах, но, когда дождик становится сильней, он переходит к нам. Мы пьем молоко, едим пряники, сделанные Шаминам, и премило разговариваем. С Сергеем Валерьяновичем приятно ехать: он веселый и всепонимающий. Когда мы подъезжаем к Ялте, выглядывает солнце, несмотря на дождь, и все в каком-то светящемся тумане. Сереза сходит около банка, а мы останавливаемся в гостинице «Бристоль». Комнаты отвратительные и дорогие (двадцать рублей без белья), но вид Ялты, масса театральных афиш, объявление о вечере Мордкина, лужи, в которых отражаются деревья и небо, элегантные дамы меня приводят восторг. Я сама чувствую себя интересной и потому в великольном настроении. Пока мама и Шамина устраиваются, я быстро хожу к Каневскому, который находит мои глаза в великольном положении. Это еще более делает меня радостной, и я иду вдоль всей набережной на Виноградскую, где мы все сговорились встретиться в кухмистерской. Единственно, что омрачает слегка меня, это что нет Серезы, и мы плохо сговорились, как и где встретиться. Я оставляю маму дежурить на улице, пока придут остальные, а сама захожу к Палладе, чтобы объяснить ей, почему она не может жить у нас. Она действительно сильно больна и первый день, что встает. Кровь у нее шла горлом, но не вследствие туберкулеза, а от лопнувшего сердечного сосуда — так говорят все доктора. «Единственный человек, который уверяет, что у меня горловая чахотка, — это Феликс». И тут начинаются бесконечные рассказы об этом человеке, ее самом большом враге, как она заявляет, но я спешу к обеду и обещаю ей зайти после. К ней при мне заходит тот артист синемаатографа, которого так ругала Коренева и который оказывается вовсе не таким незна-

дежным на вид, несмотря на круглые бараньи глаза. Когда я захожу в кухмистерскую, в саду за столиком сидят все и Сережа, который бросается мне навстречу, и я радостно обнимаю его. «Такая-то женщина обнимает меня публично». После обеда мы с ним заходим к Палладе. Сережа уже узнал адрес Евреинова и звонит ему от Паллады при помощи Наталочки. Он придет к нам в шесть часов. Палладу мы в продолжении часа убеждаем, что мне трудно будет готовить на нее, к тому же день обходится каждому рублей пятнадцать, что ей кажется дорого. Комнату мамину мы хотим сдать как можно дороже. Паллада упорно просит взять ее к нам, но мы так же упорно отказываемся от этого, откровенно говоря, что не в состоянии на нее готовить и стирать. Она соблазняет нас тем, что у нее будет ежедневно бывать Феликс, но мы не соглашаемся. Я придумываю, как бы ее устроить у Морозовой, и обещаю сделать все возможное. Затем мы у нее засиживаемся, потому что она подробно рассказывает, как Глеб заболел сначала триппером, потом холериной и как они вдвоем бежали по венерическим врачам. Кстати рассказала, как Глеб употребляет ее, с какой выдержкой она относится к нему в таких случаях. Было по обыкновению очень занятно слушать, и мы засиделись. Развод у нее начат, получает она (тридцать пять тысяч) и сейчас уже в счет этих денег некоторые суммы. Вид у нее как у умирающей обезьяны, сказал Сережа. Мы пришли от нее в гостиницу к чаю, который устроила Ирина, набросились на пирожное и варенье и были в чудном настроении, пока Сережа не пристал ко мне, когда все ушли, а я ему отказала, тогда он пришел в плохое настроение и долго говорил со мной на половые темы. Говорим о животности мужчин, которую женщина, если она хочет удержать мужчину, должна уметь всегда удовлетворять, несмотря на то что женщина обыкновенно менее животна, менее похабна и чувственна. Для меня такие разговоры всегда жуткие намеки, и я их боюсь как огня. Кончился разговор благополучно простым решением полового вопроса. Едва мы успели опомниться, как пришел Евреинов. Сережа был очень рад его видеть и сразу закидал его расспросами, как живут все наши знакомые в Петрограде. Он был там последний раз в декабре. В «Привале» все время выступала Ольга, одна и с другими, отношения их с Лурье неважные, это замечали все, «она им тяготилась, а он не прощал ей ни одной улыбки другому». Савинков ежедневно был в «Привале» и восторгался музыкой Артура. Ар-

тур стал большевиком и положил на музыку стихотворение Блока «Двенадцать». Жить в Петрограде можно, у каждой семьи почти есть свой мешочник, который снабжает всем необходимым. Евреинов произвел усталый вид — не так жив, как раньше. Сейчас подписал контракт на один месяц. Он переезжает из города в город, дает гастроли и приближается к Петрограду, зарабатывая деньги. В Петроград он стремится из-за работы. Григорьев устраивал свою выставку в Петрограде «Рассея». С Бенуа все раззнакомились. Анненков имеет большой успех, была интересная его постановка в «Привале», танцевала его жена: «Восхождение святой». И другая постановка с Евреиновым («Черная пантера»). Сережа разговаривал с ним, а я пыталась позвонить Кореневой, но звоню лишь Марье Павловне, которая говорит, что получила письмо от Книппер, она пишет, что сезон начинается 15 августа. Что-то будет с Лидией Михайловной при этом известии!

226

Затем мы все идем в синемаатограф, а Сережа с Евреиновым в кафе. В синемаатографе идет самая настоящая синемаатографическая драма из великосветской жизни с таким текстом, что мы покатываемся: «Он обнял ее белые плечи со сладкооскорбленным порывом» и еще чем-то в этом роде. Мы веселимся безумно, особенно Ирина и я.

После синемаатографа все идем в гостиницу, едим чебуреки. Сережа встречает нас по дороге и уводит меня еще погулять при луне. Видим паню Зосю с двумя Великими князьями. На набережной встретили Милиоти с его дамой и А.А. Волкова.

Мы сначала пьем кофе, а затем гуляем в городском саду и слушаем из ресторана доносящуюся музыку. Видна задняя сторона музыкантской беседки, деревья частью сильно освещены, частью черные, спереди темный боскет — все — очаровательная тема для картины. Мы ходим взад и вперед, нежно *bras dessus, bras dessous* <под ручку> и говорим об искусстве. «Не начать ли жизнь на американский лад? Я должен скорей заготовить несколько больших картин и начать устраивать тут и там выставки. Картины уже почти все обдуманы, кроме «Карнавала»: «Купанье Афродиты», «Долина Хлои», «Невозвратное время (Павильон поэта)» и еще гениальнейшую вещь: русский воин. На фоне иконы портрет офицера д<емобилизованного> с костылем чуть видимым и Георгием». Я в восторге от этой мысли.

Мы приходим домой усталые и влюбленные, заходит к нам на минуточку мама, затем мы ложимся спать.

Политика: все говорят, что немцы скоро уйдут и будут заменены англичанами, чехо-словаками.

Деньги падают безумно.

Когда в совдепии голодной
Воскликнешь: ах, зачем я тут!
Спеши к брегам Тавриды томной,
Где чувствам ты найдешь приют.

Осталась должна за сало Григоровичу возле парикмахерской 4.50, мяснику 9.75.

Как живете? — Ничего, по карточкам!

23 августа. пятница

В шесть часов нам в дверь стучала Ирина, а в семь мама объявила, что они идут на пароход. Тогда мы, еще совсем измученные, невыспавшиеся, стали одеваться. В восемь часов все опять объявились, и мы пошли пить кофе, Сережа пошел искать потерянную вчера табакерку (распутинскую), а мы сидели в кафе и ждали его, затем, купив для Ирины груш и взяв бутылку вина для Сергея Валерьяновича, пошли на пароход. Мама по дороге еще покупала все против морской болезни, даже соленые огурцы. Пароход самый лучший, выгружает сено, много народу, пахнет морем. Я с содроганием думаю о моле, о его значении в дни революции, а Сережа совершенно забывает об этом. На пароходе толкотня: масса провожающих. Николай Николаевич Евреинов уже там. Мы занимаем места на палубе. Сергей Валерьянович так был энергичен и раздобыл маме место в каюте. К маме приходят Ферман, Риффель и Марья Павловна, все просят передать письма. Мы прощаемся раньше времени, чтобы не стоять глупыми в толпе и не ждать бессмысленно отхода парохода. Я говорю классическое «пишите», но на этот раз оно звучит значительно. С парохода на город вид очарователен. Мы выходим на улицу. Сережа идет к Бучумову хлопотать о деньгах (мама взяла у нас почти все, и то мы заставили ее), я в гостиницу отдыхать. Пока я лежу раздетая на кровати, несколько раз гудит пароход, и только еще через полтора часа он отходит. Сережа приходит через три часа, утомленный от жары и бесплодных поисков у Бучумова, где он не застает его, но <застает> жену, угощающую его разговорами об абортах. У Паллады он находит свою табакерку и объясняет ей, как немис-

лимо быть Судейкину без табакерки, но она не понимает его и задает такой вопрос: «А какого она века» и «А я думала, что это прачка забыла у меня».

Сережа отдыхает полчаса, и мы идем обедать в кухмистерскую, оттуда на минуту к Палладе, где Сережа меня оставляет и идет вновь к Бучумову. Он его застает, но денег не получил, посему вернулся за мной расстроенный и заторопился уехать в Мисхор. Я тем временем рассказывала Палладе о Сухотине, пане Зосе и так далее. Сухотин был как раз у нее с письмом от Феликса, в котором он пишет, что Сухотин его друг, которому она может довериться, и передать ему через него, что необходимо. Паллада решила влюбить в себя Сухотина.

24 августа. суббота

Мы весело настроены и мирно и дружно приводим все в порядок. Мы чудно выпались. Странно, что у меня больший порядок в кухне, чем при маме.

25 августа. воскресенье

Обед у меня готов со вчерашнего дня, и поэтому я могу заняться уборкой комнаты. Сережа мне дарит все маленькие этюдики и крестится, что не продаст их. А если они кому-нибудь страшно понравятся, то он сделает копию. Я развешиваю их фриум в моем музее, затем бегу спешно выкупаться в море, возвращаюсь, разогреваю обед, сплю до трех часов, пока не приходит Сорин. Сережу он будит в самом сладком сне, но я бодро настроена и собираюсь хорошо позировать, но нам мешают как раз <тогда>, когда я сижу в томной позе, загипнотизированная строгостью Савелия. Перед окном как из-под земли вырастает Якобсон с двумя фигурами. Я сразу чую покупателей, но боюсь пошевелиться, только произношу: «Сейчас Сергей Юрьевич выйдет». Они, страшно извиняясь, идут на балкон, куда Сережа им выносит некоторые свои этюды, упрасывая нас тоже выйти к ним. Савелий, оказывается, знает одного из них — это тот самый Давыдов, на автомобиле которого каталась Нана Завадская, и Сорина отвозили в Батильман из Алушты. Мы прекращаем сеанс, и они все заходят в комнату смотреть большую картину. Якобсон говорит хвалебные слова, Сорин тоже пробурчал что-то хорошее, я тоже, сам Сережа себя хвалит, лишь Давыдов и его спутник смотрят и молчат. Я веду Якобсона в кухню, чтобы показать наш лубочный портрет, от которого он в восторге,

тут он мне рассказывает, как богат Давыдов и что он сын известного декабриста, что он едет в Ялту, где идут переговоры об основании Художественного общества, что Давыдов хочет купить фонтан Эрланг <е>ра и «окно», и так далее. Возвратясь в мастерскую, он убеждает меня показать и им лубочный портрет, и мне приходится вести их в кухню. Давыдов проявляет некоторый вкус и знание, он сравнивает живопись в «Карнавале» с Пуссеном. Когда они уезжают, остается такое впечатление, что он непременно купит, до того солидное впечатление, хотя и был молчалив. Якобсон мне передает привет от Клавдии Александровны Соловьевой, которая вышла замуж и собирается приехать в Мисхор. Я говорю о свободной комнате у меня. Мы снова принимаемся за сеанс. К концу сеанса телефонный звонок из Гурзуфа. Блуменфельд просит известить свою дочь, чтобы она завтра обязательно приехала в Гурзуф, поэтому после сеанса мы идем к ней вместе с Сориным до тенниса, где опять много разряженного народа и четверо взрослых мужчин перекидываются шарами. Савелий при виде их впадает в свой озлобленный тон, и я сочувствую ему и понимаю, почему он иногда бывает так груб. В данный момент он тоже что-то говорит и часто повторяет слово «сволочь». Нина Блуменфельд живет в старом Мисхоре около мечети, в единственном комфортабельном татарском доме. У нее маленькая комната, рядом с ней живет итальянка. Трогательно большое количество фотографий, пианино и немое пианино на балконе. Она не хочет играть нам, и мы недолго сидим у нее. На обратном пути выбираем места для «Долины Хлои» — есть дивные недалеко от тенниса. Уже около Нового Мисхора встречаем Кореневу: «Какую это даму Вы хотели в мои комнаты вселить». Мы мило здороваемся, и она идет с нами и проводит весь вечер. Римма Никитична приходит ужинать к нам, потому что Леонид ушел пешком в Ялту утрясать денежные дела. У нас возникает интересный разговор о pruderie <притворной стыдливости>.

26 августа. понедельник

Мне ночью снился пожар, и во сне же я решаю, что это к деньгам, так нам хочется, чтоб покупка Давыдовым состоялась, боимся, что сглазим, потому что Сорин (с черными глазами) утверждал вчера, что дело верное, и предлагал вперед дать три тысячи рублей, он-де знает Давыдова, что он серьезный человек и зря не приезжает. Встаем поздно, вчера дол-

го разговаривали. Я с утра топлю печь, чтобы готовить обед. В десять часов уже Лидия Михайловна у нас, присутствует при кофепитии и Сережином бритье, и разговариваем о М. Яковсоне (утро, посвященное Мирону). В час я хочу сбежать выкупаться, потому что мне жарко и душно от плиты, это вызывает целый скандал со стороны Сережи: «Ты совсем похудеешь, я тебя каждый день на портрете делаю худее и тоньше, если хочешь знать, ты уже стала некрасива». Это вызывает слезы на глаза, и в скандал вмешивается Римма, которая тоже утверждает, что купание берет силы, и я в отчаянии иду развешивать белье в сад, куда приходит мириться Сережа и посылает меня купаться, но уже поздно. В это время неожиданные посетители ищут Римму Никитичну — она их принимает и усаживает около нашей кухни и знакомит нас. Это Брянские, приехавшие только что из Москвы и ищущие комнаты в Мисхоре. Мы сдаем две комнаты за двести пятьдесят рублей и счастливы. С обедами тоже устроимся, потому что Сведомская будет давать обеды. Брянские сидят около часу и рассказывают о Москве. Большевики надолго, в Украине брожения и другие неприятности. Она вроде Нины Севрюговой, enlaide <подурневшая>, милая и симпатичная и очень любезная с мужем.

Сеанс проходит сосредоточенно. Во время перерыва пьем кофе и говорим с Вавичем, который спрашивает нас: «Неужели правда, что Маковский, Судейкин и Вы устраиваете вечер в пользу еврейской общины?»

В конце сеанса приходит Поль. Ему Сережа показывает «Карнавал», и от него узнает что-то о мобилизации. Это его так волнует, что он бежит в Алупку. (Римма меня ведет слушать «Боже, царя храни» у Дёмкиных.) Вечером Римма, Коренева и я сидим у нас в кухне и ждем мужей. Сначала приходит Сережа из Алупки (у Фельдмана Маковский), затем Леонид из Ялты.

Вечером Сережа говорит о настоящем театральном искусстве.

27 августа, вторник

Утром думаем, купит ли Давыдов. Опять что-то поздно встали, и уже Коренева у нас. Римма подразнивает, что она равнодушна к Сереже. Я готовлю и между прочим читаю Лидии Михайловне стихи. Сережа перед кухней готовит большой подрамок и рассказывает нам о «передоновских вечерах»

Сологуба, о выступлении Игоря Северянина, о эротическом поэзо-вечере.

Приходит Яновский, Сережа его целует и рад ему. Я приготавливаю быстро обед. До этого Яновскому показывается большая картина. За обедом Яновский рассказывает, как живет (в огороде засуха). После обеда идут к Браиловским, а я показываю Сережины картины какой-то немке, художнице Вагнер. Сегодня сеанса нет, потому что Сорин поехал в Ялту за гобеленами. Телефонные розыски Якобсона. Яновский и Сережа идут на этюд к теннису. Я убираю, глажу, стираю. Сережа возвращается раньше, один, и дописывает дома этюдик. Является Сорин из Ялты, рассказывает много, и я понимаю одно, что каждую минуту к нам может приехать компания: Якобсон, Давыдов, Рындина, Балановская, и уже раздастся автомобильный гудок, я быстро привожу себя в порядок, и меня мучает только то, что от меня пахнет чесноком, который я только что съела. Приходят Рындина, Давыдов и Якобсон. Рындина в шапочке и вуалетке, веселая, напудренная и намазанная, сразу начинает хвалить Сережину живопись и от всего приходит в восторг. Давыдов покупает Сережины картины и пишет расписку. Они ждут Балановскую, которая заехала в Алупку. У нас в мастерской собирается постепенно большое общество. Сначала Рындина сидит у Браиловских, и Давыдов в мужской компании говорит о событиях — он умен и положителен, а затем, когда появляются дамы, о своем имении и старых вещах.

Римма говорит Мирону Исхаковичу о Кореневой и сообщает, что она: «Влюблена в Вас». Я кое-как пробую это оформить, но потом Якобсон с Сережей исчезают, оказывается, они идут за Кореневой. Встреча Кореневой и Рындиной — холодна своей враждебностью, и Леонид Михайлович потом весь вечер говорит: «Как я только вспомню этих двух артисток, так мне на душе холодно и страшно». При отъезде Давыдов говорит Сереже: «Надеюсь, я посету Вас и без Якобсона». Якобсон говорит: «Давыдов, наверное, купит у Вас большую картину», а я спрашиваюсь к Давыдову в имение посмотреть луи-филипповские сервизы и другую старину.

Вечер проводим уютно в кухне. Сплетничаем, дразним Кореневу Мироном — в честь его я раздаю всем чеснок. Рисуем программы для вечера Маковского, Коренева переписывает стихи.

28 августа. среда

Крайний день приготовить комнаты для Брянских. Я устраиваю маленькую комнату, которая становится душ-кой. Все помогают. Яновский даже пол моет. Обед берем от Сведомской — удивительный. Сережа с Яновским идут к Сорину, чтобы не было сеанса, а мне дать отдохнуть. Все утро у нас сидела Коренева, и, когда Римма пришла, она спросила, уходит ли она на ночь. Я чуточку отдыхаю, затем принимаю за уборку комнаты. Когда я стою с метлой и тряпкой — вдруг передо мной вырастает маленькая фитюлистая фигурка в большой шляпе — Клавдия Александровна Соловьева. Мы целуемся — она, как и раньше, говорит что-то о своем неудачном виде — цвете лица и просит меня устроить их как-нибудь. Я устраиваю у Хотяинцевой, где они берут мастерскую. Ее муж почти красавец, и я удивляюсь втайне этому браку. Сережа возвращается домой и застает нас, когда я их веду к Хотяинцевой. Он недоволен, что я опять волнуюсь и хлопочу для кого-то, и просит скорей вернуться, так как они принесли гобелены. Когда я возвращаюсь, гобелены раскинуты в саду, и поневоле хочется их сравнить с Риммиными. Яновский в восторге от Римминых. Мы ужинаем в саду, и Яновский трогательно рассказывает из своей жизни.

232

Его чистое отношение к искусству даже волнует. Уже поздно приходит Коренева, и мы сидим в кухне, где все рисуют, кроме меня, которая убирает кухню. Разговор складный, о жизни, о <не законч.> Я бегаю на полчаса к Хотяинцевой, чтобы передать Клавдии Александровне скатерть вместо простыни. За мной приходит Сережа. Он возмущен ее лепетом и тем, что такая бездарная самка завладела таким хорошим самцом. Она, между прочим, рассказывает, что Озаровский в Ялте.

У Пушкина я нахожу стихотворение Давыдову, Аглае.

29 августа. четверг

Яновский уходит, помогая перед тем поставить кровати.

В двенадцать часов приезжают Брянские. Сережа приходит в плохое настроение, потому что чужие люди как-то вторгаются в жизнь, ребенок их пищит, горничная ежеминутно заходит в кухню, Римма предлагает им готовить утром в нашей кухне (!), а главное, я бегаю, мою тазы и устраиваю для них. Утром я едва успела проснуться (спали плохо от москитов и поздно легли), как Сережа, взглянув на меня и заметив на лице следы бессонной ночи, набрасывается на меня и дол-

го отчитывает меня за мою худобу. Он запрещает мне что-либо делать, изображает, как я стою, опустив все мускулы от усталости, говорит мне такие вещи, вроде: «Ты знаешь, я могу тебя разлюбить, если ты не будешь полнеть, у тебя нет чувства самосохранения, у тебя черты Генриетты Федоровны, те черты, которые ты так не любишь, нет больше того приятного спокойствия, той легкости здоровой, беззаботной женщины, которую я так обожаю». От этой речи я почувствовала себя такой несчастной и больной, что днем несколько раз порывалась плакать. После сытного обеда мы хорошо поспали (Савелий отменил сеанс, он рисовал программы), потом я выстирала и выгладила Сереже рубашку, которую он замазал, желая утром сам все сделать, затопить печь, которая дымила, и приготовить кофе.

Сережа дорисовывает программы, и в восемь часов мы с Риммой отправляемся на концерт, сначала пешком до Алупки, надеясь там достать извозчика, — но ужасные извозчики хотят сто пятьдесят рублей, душно, накрапывает дождь, и я звоню Маковскому по телефону. Но там, очевидно, столпотворение, подобное крутогорскому концерту, и какая-то дама, которую я прошу подробно передать относительно программ Маковскому, говорит мне: приходите пешком. Мы обижены, идем ужинать и чудно разговариваем, сначала целый час посвящается характеристике Лидии Михайловны (хлыстовка, втируша, подлиза). Мое мнение: большая чуткость относительно истинных людей.

На обратном пути говорим о половых чувствах. Женщина менее темпераментна — потому что она должна быть беременной, поэтому приливы страсти у нее не в продолжение всего года.

Сережины картины в Москве продаются по десять тысяч рублей.

30 августа пятница

После сеанса я иду проведать Марию Дометьевну. Она оказывается очень милой, считает себя скучной и неинтересной и поэтому отказывается прийти в гости к нам.

Приходят Чеховы и Леонид Михайлович из Ялты, и все у нас ужинают в кухне. В Ялте необычайная жизнь. Игорные дома, много приезжих (Мордкин). Лидия Михайловна набрасывается на Марию Павловну и просит ей посоветовать насчет отъезда. У Кореновой был, очевидно, роман с Ликиардопуло, а Сережа назвал его жуликом.

31 августа. суббота

С утра у меня расстройство сильнее обыкновенного, и потому я до обеда ложусь с горячей бутылкой. Сережа пользуется случаем и тоже ложится. Я читаю с утра Пушкина, все, что относится к его пребыванию в Крыму и его знакомству с Раевскими и Давыдовыми. Сереже я предлагаю создать альбом с Пушкинскими стихами и виньетками к нему.

Сегодня первый сеанс после перерыва, а так четырнадцатый. Сорин работает над выражением — но я себе не нравлюсь: старая, измученная еврейка, а у Сережи — восторг. Приходит Поль, взволнованный и нервный, — передает то, что Маковский говорил по телефону, и как Маковскому досталось от него, Поля. Он просит нас дать ему тоже по носу. «Это черт знает что себе воображают критики, удивляется, что я не был на его концерте, и не присылает за мной экипажа». Поль до того нервен, что производит впечатление обиженного артиста с уязвленным самолюбием. Сережа обдумывает новую картину — «Отдых Афродиты». Я сочиняю четверостишие Кореневой в альбом. За ужином у нас Вавич, который оставляет у нас в душе отвратительное впечатление, а в альбоме мелодекламацию, тоже отвратительная, плохая карикатура на Вертинского. Я даю Вавичу письмо к Палладе и рекомендацию к Протазанову. Он рассказывает о своем бенефисе в ресторане «Россия», о попойке после него, о его мечте попасть в T<heatre?> de Paris и кинематограф. Сережа рисует ему на память в альбом. Вечер с Кореневой. Опять бесконечная философия о жизни.

234

1 сентября. <воскресенье>

Я напоминаю Сереже, что <сегодня> воскресенье. Он с утра засел за «Чижика» для Кореневой. Я моюсь в мастерской с ног до головы. Сережа тоже, бреется и моется. Сеанс проходит хорошо. Сорин второй день пишет один глаз и очень нервится, Сережа, чтобы подбодрить Сорина, обещает еще долго работать над портретом, хотя бы сорок сеансов еще. Сорин напоминает, что надо отнести гобелены к Тищенкам, если мы хотим продать их. Жаль, но оставить их невозможно, слишком дорого. У Тишенок были все милы по обыкновению, мы сидели недолго, я прочла свое четверостишие по Сережиной не совсем уместной просьбе. У них еще прибавилось несколько вещей. Когда мы пришли домой, я Сереже рассказала, какие конкурсы мы устраивали в имении у Alvary, и

предложила Римме устроить тоже конкурс: она должна устроить буфетную и столовую, а мы кухню. Задача эстетическая и целесообразная. Запрещается тратить деньги и, например, вешать в кухне гобелены, то есть делать несоответствующие украшения. Срок — неделя. Жюри: Сорин, Тищенко, Рябушинский, Маковский, Давыдов, который должен приехать через неделю. Сережа все время отчитывал Римму за беспорядок, за неумение устроить эстетичную жизнь, а Леонид Михайлович ахал, что из такой дачи ничего не сделаешь. «Все можно. Вы увидите, какую кухню мы устроим из этой комнаты».

Утром звонил Маковский и просил кого-нибудь к телефону. Подошла случайно я и воспользовалась случаем отчитать его — сделала это мягко и закончила фразой: «Будем очень, очень рады Вас видеть у себя», — но прибавила, что афиши уже проданы. Вчера Польша, сегодня я.

С Кореновой весь вечер говорили на тему, что она не любит Браиловских. Ходили провожать в дождь. Жуткая близость туч.

235

2 сентября. понедельник

Все утро посвящается Кореновой. Читаем целые лекции о жизни, даем советы. Мой совет, конечно, остаться в Крыму, чтобы сохранить душу и тело и иметь возможность в новой обстановке найти человека для брака. Она вдается в такие психологические дебри, что не знает сама, как из них выбраться. Сережа говорит очень хорошо о любви, о театре, о предназначении женщины, о старости артистки.

Коренева обедает у нас. Я рисую ей в альбом виньетки. Обед запоздал, и мы обедаем в присутствии Сорина. Сережа спит, и Сорин один меня пишет. Я устала, и блестящая листва пальмы меня гипнотизирует и усыпляет, мускулы опускаются, лицо деревенеет, а глаза становятся стеклянными. У меня такое настроение, что я смотрю ежеминутно на часы, и вместо получаса оказывается, что прошло только пять минут. Сорин сердится и нервничает по-настоящему, и ежеминутно просит дать выражение, и, чтобы окончательно меня разбудить, говорит: «Вот кто чудно держал выражение — это Ольга». Но я не реагирую и продолжаю сидя спать. Я зла. Сорин изредка говорит со мной, и я, потому что зла, поражаюсь, до чего он туп, и все время думаю: «Как странно, что такой человек — художник», и мне хочется употребить выражение

пани Зоси: какой он нетонкий. Последние полчаса проходят лучше, и Сорин меня занимает рассказами о Теа Линген. Потом я бросаюсь на постель и слушаю разговор Сережи и Савелия. Сережа сообщает, что хочет из «Мира искусства» перейти в Союз, потому что ему претят ссоры.

Иду ставить самовар. В это время приходят Рябушинские. Сергей Павлович приехал в субботу вечером. Книг никаких нет в Харькове. И Степан Павлович прислал для просмотра две книги по иконописи. Степан Павлович говорил брату, что у Судейкина хорошая коллекция икон. Мы сидим в саду. Вдруг приходят Соловьева с мужем. Она в чепчике и с разбитым носом, говорит скучные и пошлые вещи. Сережа так ее возненавидел, что сразу увлек Сергея Павловича в кухню, где показывал портрет и, очевидно, рассказывал о проектах. Слава Богу, что они остаются тут всего две недели, а то я не знала бы, как быть с Сережей и ими. Римма тоже на них косилась. Хуже нет, когда люди, от которых хочешь отделаться, предлагают всевозможные совместные предприятия, вроде пикников, поездки в Ялту и тому подобное.

Когда они ушли, я позвала Марию Дометьевну тоже в кухню, но, так как уже было время ужина, они ушли, обещав прийти после. Они пришли, и мы сидели в кухне до двенадцати. Все восторгалось кухонным подносом, который сегодня утром Сережа расписал, по стилю удивительно удачно. Вторая вещь в кухне, отражающая нас в двадцатые годы: Сережа лежит на лежанке и курит трубку, я подаю ему чай — в руках у меня поднос с чайниками, надета моя синяя шубка, всюду фигурирующая. За нами окна, за которыми чувствуется зима. Таково и название. Вечером же Сережа скомпоновал пейзаж для маленького подноса. Рябушинским мы показывали программки — говорили много о Яновском, акварель которого очень не нравится Леониду, он называет такого рода акварели погибелью для художника. Корневой не было.

Дроздов тоже в обиде на Маковского — даром прошелся к нему в назначенный час.

3 сентября. вторник

Я вставала рано утром в шесть часов, открывала двери в сад, и меня поразило утро, свежее и душистое. Завтра же попробую встать рано. Сегодня же мы спали до половины девятого и, проснувшись, читали по иконописи. Сережа сел за «Карнавал» — его необходимо закончить, потому что Давы-

дов довольно ясно намекнул, что желал бы увидеть вскоре картину законченной. Мне он сначала не позволяет ни умыться, ни одеться и требует, чтобы я садилась рядом с ним, но потом, при виде моего встрепанного, недовольного вида, даже позволяет мне полежать час. Это меня очень освежает. Зато потом я до обеда бодро и с удовольствием читаю ему статьи из Пушкина. В его Кишиневском пребывании описаны все его ссоры, и характер его напоминает как две капли воды Сережин, Сережу это трогает и волнует до слез.

Утром у нас сидела Нина Александровна, и мы ее жалели. Два мужчины-паука высасывают ее силы.

Обед изумительный. Поросенок с кашей! Кончаем обед, и Сорин уже хочет начать сеанс, как прибегает Коренева и спрашивает, взяли ли мы для нее обед. Мы ничего не знали и поэтому не взяли. Я предлагаю ей взять миски-тарелки и корзинку и пойти за обедом. Но она находит это кошмарным. «Но ведь все же так ходят за обедом». — «Нет, нет, это невозможно, как же я это сделаю, нет, это кошмар, суп разольется». Но я все же убедила ее пойти с тарелками без корзины. В половине третьего начинаем сеанс, который проходит хорошо, у меня довольно свежий вид. Все время говорим о политике. Сорин принес сенсационное известие об убийстве Ленина и о взрыве в Одессе. Брянские проверяют по телефону. «Если Троцкий один останется — вот будет мстить за жизнь Ленина», — говорит Сорин. Сережу это выводит из себя, и он нападает на евреев: «Чтобы один жид управлял Россией — так хоть один из них был русский». Спор грозит стать ужасным, но тогда я отказываюсь позировать.

Мимо окна проходит Вавич и приносит письмо от Паллады: она с Волконским будет на днях. Потом мешает сеансу та барышня, которая уже на днях приходила относительно Паллады. Я не выхожу, но через окно переговариваюсь. Сорина очень нервируют такие вмешательства, также и то, что Римма теперь заставляет ежедневно Брянского поливать сад, и он в четыре часа добросовестно занимается садом, очевидно, и для здоровья, не только для Риммы.

В половине шестого мы все идем пить чай к Рябушинским, которые вчера нас пригласили. Стол с кексами, печеньями, фруктами, земляникой и конфетами. Мужчины еще равнодушны к такому изобилию, но Римма и я буквально набрасываемся на все сласти. Сидим до темноты. Рябушинский по Римминой просьбе говорит два слова о своих предках, дерев-

не Рябушки, их бывшей фамилии Стекольниковых (они были резчиками по дереву). Мы на днях собираемся с ними в Ялту.

Неожиданный визит Анны Николаевны. Она хочет посмотреть картину и очень мило реагирует на это. Сережу это в высшей степени волнует — он ей целует руку.

Вечером Сережа заканчивает серию рисунков к «Карнавалу». В Ялте хочется купить рамки, стекло для окантовок.

Коренева второй вечер как не приходит. Что бы это значило! В газетах есть телеграмма о Ленине, он лишь ранен и уже поправляется! Который уж раз.

4 сентября, среда

Я встала, как хотела вчера, в седьмом часу и пошла к морю. Сережа плохо спал ночь и просил его не будить. Я воспринимала утреннюю свежесть, точно только что вышла из душного вагона и приехала в деревню. У моря я выкупалась в холодной воде. На берегу никого. Пришла домой, приготовила себе какао (какое счастье — я нашла одну пачку какао и наслаждаюсь теперь), а Сереже кофе и принесла ему в постель. Пока он вставал и чистил себе сапоги, я с Ниной Александровной делала пироги с яблоками. Нина Александровна еще хотела привести в кухню одну из «сестер», но я воспротивилась. Несчастливая Нина Александровна, на нее, кроме двух пауков, надела еще эта сестра, и Нина Александровна потом еще до обеда возилась в кухне, готовя ей тоже пирог. Зашла Лидия Михайловна и, сидя за столом в кухне, по обыкновению вытаскивала из колоды карты и гадала, будет ли удачна дорога, надо ли ей ехать, благополучна ли будет ее личная жизнь. Потом и мне, хоть я и не просила, — на нашу поездку в Ялту — вышло, что пожилой человек принесет нам удачу. Лидия Михайловна рассказала ужасы из своей поездки сюда. Ураган в поле с убитыми. Вершинин звонил по просьбе Сорина, что тот уехал в Ялту и сеанса не будет. Значит, и завтра не будет. Наконец в двенадцать я легла отдохнуть — дав Сереже слово — он ушел в Алупку с Браиловским. Пришел в половине первого и лег спать. После обеда мы опять легли спать (люб.). Затем пили чай с пирогом. Сережа пошел хаять Риммин поднос (она не очень чувствует стиль), а потом пошли гулять, мимоходом заходили к Рябушинским, но их не застали. Зато лицезрели, как Хотяинцева преподает детям скульптуру (работы Жакье).

У моря встретили Рябушинских. Сережа побежал с Сергеем Павловичем в Алупку, а я с Марией Дометьевной до су-

мерек говорила интимно о жизни нашей. Сережа тем временем тоже говорил о своем отце. Мария Дометьевна — очень славный человек, понимает все с полуслова.

Вечером Lidия Михайловна у нас шила рубашку и пила чай, и одолжила мне на завтра юбку, а то мне нечего <было> бы надеть. Сережа долго спорил, но наконец позволил взять. Когда провожали ее, разыгрался опять разговор: нужно ли ей ехать. Я говорила ей о гигиене души, которую нужно так же соблюдать, как гигиену тела.

5 сентября, четверг

Заказанный мною вчера извозчик приехал в девять часов. В телефоне пленил меня его голос, оказалось, на козлах сидел сам хозяин, корейский учитель-старичок.

Я одевалась спешно — надела большую шляпу, оставленную мамой, и корневскую юбку. Сережа ходил за Рябушинскими, и когда они подходили, я слышала их веселый смех. Сережа сообщил им о смерти Ленина (вчера Пасманик по телефону сообщил это известие). Веселое настроение в продолжение всей поездки — говорим об искусстве. Сергей Павлович спрашивает Сережу, согласился бы он расписать плафон в их имени. В Ореанде так чудно, что мужчины идут при подъемах пешком, а мы решаем приехать пикником на целый день. В Ялте мы ходим у Екатерининской улицы. Сережа пошел в банк, я зашла к Палладе, чтобы выяснить дело, переезжает ли она в Мисхор. Паллада была сногшибательно экстравагантна: рыжие, всклокоченные волосы торчали чубом над сильно подмазанными глазами, красная полосатенькая материя едва покрывала ее тело, на оголенных до плеча руках и на шее звякали и блестели бесчисленные цепочки, браслеты, аграфы — при этом на ввалившихся после болезни щеках два ярко румяных пятна — покрашенных. Умиряющая в чахотке обезьяна, карикатура на издыхающую Сару Бернар, с которой у нее есть сходство. У нее сидела молодая княгиня Долгорукая, и, когда я входила, Паллада давала приказание горничной позвонить в Петроградскую гостиницу и сказать Волконскому, чтобы немедленно шел к ней; а рассказывала она в это время, конечно, что-то о Феликсе. И в мыслях, и наяву, и в воспоминаниях все титулованные. Впрочем, вскоре Наталочка испортила этот «ансамбль» — но Паллада удалась с княгиней Долгорукой на балкон поговорить по «безумно важным делам», извинившись передо мной и оставив

меня с Наталочкой. Наталочка меня тронула. Я похвалила ее платье, и она чуть не вспыхнула, и стала рассказывать, что шьет себе к именинам белое платье, в котором пойдет в церковь. Пришел Сережа за мной, и мы ушли. Паллада крикнула: «Итак, я завтра у Вас с князем Волконским». Когда мы вышли, на той же улице шел к Палладе Глеб — издали раскланялись.

240

В адресном столе, куда мы пошли узнавать адреса Озаровского, Переpletчикова и Мордкина, узнали только адрес Мордкина. Двух других адресов не было. Потом долго шли через Аутскую (искали адрес Ковако Куков), коллекцию которого решили осмотреть с Рябушинскими) на набережную и в городском саду встретились, как условились, с Рябушинскими, чтобы пообедать на поплавке «Франции». Сережа вдруг нахмурился, почувствовав себя недостаточно хорошо одетым в «блестящем», как казалось в первый момент, обществе. На цимбале играли старинные вальсы, в бухте — парусные лодки — хороший обед, милые люди, забавные наблюдения — и Сережа опять пришел в себя. Только что на улице мы встретили Маковского, Струве, Дерюжинского. Теперь Маковский вместе со своей матерью обедал во «Франции» и ходил как *maître d'hôtel* от одного стола к другому, пока не дошел до нашего. «Сергей Юрьевич, я буду у Вас во вторник с огромной просьбой: знаете ли, у меня планы, планы. Хореографическая вещь! Такой костюмер и не использован в Крыму! Несмотря на дороговизну, мы устроим — Вы не представляете, какие тут богачи!» — «*Ce sont les juives* <Это евреи>? Это, между прочим, *pas tous mon* <не все мое> <1 нрзб.>». Мария Дометьевна и я восторгались внешностью его матери. Рядом за столом сидел Волконский, который должен был завтра быть у нас, а сейчас сидел незнакомый нам. При выходе из ресторана Сережу остановил молодой человек, красивый, осанистый, и я сейчас узнала балетного, но кто? «Сергей Юрьевич, не узнаете? Париж! Дягилев». — «А, Фроман!» Сережа успел сказать с ним только два-три слова, мы ждали его, чтобы идти к Ковако. По дороге, на набережной заинтересовались археологическими раскопками у старика и даже зашли к нему на квартиру, там форменный Anatole France. Комната, разделенная на две половины ситцевой занавеской и шкапами. В первой археологические вазы и статуи, из-за занавески выглядывала хорошенькая дочка семнадцати лет. Перед дверью на терраске цветочки, вид на горы, японская собачка. «Брюллов!» — воскликнул

Сережа. — «Anatole France!» — я. Рябушинский купил маску и фигуринку, и мы отправились дальше. Я плохо себя чувствовала и поэтому уже стала уставать. У меня кружилась голова, и знобило. Поэтому у Коваки я не так наслаждалась, как могла бы. У него великолепные коллекции фарфора, гравюр, рисунков, картин, мебели, книг. Все это мелькало у меня перед глазами, и я больше отдыхала в старинном мягком кресле, чем смотрела. Ковако все продает, потому что нуждается, — непонятно — как может нуждаться человек, обладающий этими богатствами и именем «Шайтан-Мердвен» — куда Рябушинские собираются проехать на днях.

Он бывший земской начальник, всюду у него знаки внимания царской семьи, портреты, сувениры.

После Коваки мы расстались с Рябушинскими, которые пошли в гостиницу «Россия», где достали место в игральне, а мы стали разыскивать нашего извозчика, но он уже уехал, и мы, побродив по базару, оба уже уставшие, — решили найти комнату, чтобы остаться ночевать — а то ничего не сделать. Наша поездка в Ялту имела слишком вид *partie de plaisir* <экскурсии ради удовольствия>, к тому же дорогой. Но комнат нигде <не было>. В паршивеньком отеле на Морской комнаты на задворках с железным умывальником — двадцать пять рублей (с бельем). Я стала к тому времени такой слабой, что уговаривала Сережу поехать домой, и мы опять стали искать случайного обратного корейского извозчика — таковой нашелся и довез нас за пятьдесят рублей до дачи Браиловских. Проезжая по набережной, было шесть часов, мы видели много народу — дамы выползли после жары, раздетые, даже в мехах — Florin весь полный. У Hôtel de France мы остановились, чтобы взять мое пальто, из подъезда выходили в это время Маковский и его мать. Не узнав меня сначала, Маковский затем воскликнул: «Смотрю, какая это красавица сидит!» — «А мы смотрим на Вашу матушку и думаем: какая красавица», — отрезал Сережа. Тем временем старушка увидела меня и быстро подошла к коляске с нежной улыбкой и со словами: «Позвольте пожать Вашу ручку». Старинность оборота меня тронула, я быстро выпрыгнула из коляски. Сережа эту встречу назвал исторической: бывшая красавица жала руку настоящей, обе — жены художников. Маковский еще повторил Сереже все свои планы. Тем временем hôtel'ные мальчишки выносили пакетики и чемоданы и все ставили ко мне — как я ни убеждала их, что это не мои вещи. Сережа

объяснил это тем, «что они засматривались на красавицу и все несли к ее ногам». Домой ехали чудно — я люблю медленно подыматься в лесистые горы. Я чувствовала себя усталой и больной и, нежно прислонившись к Сережиному плечу, дремала. Он же, любовно обняв меня, рассказывал детские воспоминания о снах с ангелами-хранителями. Когда мы въехали в Кореиз, уже мелькали огоньки.

6 сентября. пятница

Приехав вчера такой больной, я приняла все меры, напилась горячего чаю, приняла лекарство (к<асторовое> м<асло>), Леонид Михайлович принес мне кипяток, и я, вся в жару, легла спать. Сережа еще болтал на кухне с Браиловскими и Кореновой, которая заходила и ко мне.

Утром я проснулась здоровой, но еще долго лежала. Затем, встав, как-то сразу решили расписывать кухню, я полки иконным орнаментом, найденным в книге «Русская икона», а Сережа Святого Георгия Победоносца — нашего патрона, по своей медной фронтовой иконке.

В кухне как-то сразу определился иконный стиль. Когда сели обедать, так хотелось продолжать роспись без отдыха, что Сережа сожалел, что сейчас придет Сорин, и будет сеанс. Но Сорин пришел, и сеанс не состоялся, во-первых, потому что я себя плохо чувствовала и плохо выглядела, во-вторых, Сорин говорит, что надо спешить, готовиться к выставке и поэтому на время хочет отменить сеансы. Он вскоре ушел, хотя мы уговаривали остаться к чаю, когда должна была приехать Паллада с Волконским. Сорин назвал Волконского шантажистом и авантюристом, а о Палладе рассказал отвратительную правду или сплетню — неизвестно. Он был в среду в Ялте и встретил там человека, который его спросил: «Какого Вы мнения о Палладе?» — «Ничего, она милая женщина!» — «Она просто б...ь, заразила моего друга триппером, тот ей устроил скандал». Сорину Паллада противна, и он просит не устраивать ее тут. Сорин пошел в Алупку и еще зашел. Когда в три часа приехала Паллада, мы услышали ее голос, громко кричавший: «Князь, князь, это тут», и она появилась. Сережа в это время расписывал и не особенно любезно их встретил — я сразу стала объяснять им, как пройти в кухмистерскую, а там и к баронессе Штакельберг, где, очевидно, Паллада сняла комнату, и указала им дорогу. «Через два часа я жду Вас к чаю». За это время мы продолжали расписывать, и когда они вернулись — то я заста-

вила Волконского ставить самовар, сама накрывала стол, а Сережа тащил для Паллады мягкое кресло, потому что она умерла от слабости и усталости.

Паллада отказывается взять комнату у Штакельберг: «Отвратительная комната и к тому <же> слишком высоко для моего больного сердца — я хочу жить в Мисхоре», — добавила она категорически. Я берусь с ней пройти к Ухову, Хотянинцевой, Баулину, а Лидия Михайловна, которая приходит в это время, так мила предложить ей переночевать у себя. Князь ночует у Дроздова, он приехал из Добровольческой армии с особыми поручениями, должен завтра зайти к императрице, Юсуповым и так далее, и завтра едет с Палладой обратно в Ялту, а оттуда через день в армию. Об армии он рассказывает с восторгом — о подвигах ее, о том, как она растет.

«Через два месяца мы будем в Москве!» Лидия Михайловна вся напряжена: «Неужели. Господи, дай-то Бог, одна надежда». Даже Сережа с удовольствием начинает слушать рассказы князя. Он нравится всем, и нас трогает, что он принес в мешке чай, сахар и баранки. Читает он нам мадригал, посвященный Палладе, премило — остроумно и грациозно. Уже когда стемнело, я веду Палладу к Ухову и Баулину, а Лидия Михайловна показывает князю, как и где разыскать завтра Палладу. Везде мы терпим фиаско, комнат нигде нет, и Паллада возвращается к нам разочарованная. «Вы видите, что не так легко найти!» Паллада, усталая и беспомощная, бросается в кресло. Римма Никитична так любезна пройти с Палладой к Хотянинцевой, пока я готовлю ужин. «Как она всех утруждает, это черт знает что!» — говорит Сережа. Коренева находит ее ломакой, позеркой, но занятой и порой несчастной, когда она, свернувшись комочком, сидит в кресле, больная и слабая. Как-никак, но в ее отсутствие мы только и говорим о Палладе.

Римма Никитична возвращается с Палладой через полчаса. Паллада в ужасе от «красного капота», так она называет Александру Александровну, но, тем не менее, ей очень хочется устроиться в мастерской. Завтра она еще пройдет к Грюнберг на Кривошеинскую дачу и тогда даст ответ. Паллада с Кореновой говорят об общих знакомых, о княжне Вяземской, синемаатографической артистке. Паллада рассказывает о ней ужасы. Она была продана пятнадцати лет богатому купцу, от которого бежала. Теперь в страшной нужде, перебивается кое-как. Сережа ее тоже знал.

Потом Паллада расспрашивает Сережу о его отце (по поводу Святого Георгия и почему Сережа Юрьевич, а не Георгиевич), и Кореневу удивляет, до чего бесцеремонно она спрашивает, с особенным вкусом, о подробностях убийства.

Когда мы идем спать, Сережа перечисляет всех аристократов-дегенератов, которых он знал, и получается жуткий список.

7 сентября. суббота

С утра принимаемся за веселую работу в кухне, я расписываю над и под полками, где стоят медные и другие кастрюли, а Сережа в углублении над шкафиком <пишет> дивное панно, для современного состояния сплошной соблазн: сахарная голова, чай в китайской коробке, табак с турками на коробке, жестянка с керосином, мыло, наливки, лимоны, фрукты, сыр, колбаса. Дай Бог, чтоб зимой не пришлось с жадностью смотреть на все это. У меня рисунок с чадры, который я так легко и свободно набрасываю на стену, что Сережа в восторге от моей талантливости и мечтает, как я ему буду помогать при росписях. «У тебя такая верная рука, и ты так чисто работаешь, как мои лучшие маляры-уборщики. Как хорошо мы с тобой бы работали, если бы не это чертово время! Подъезжаем на автомобиле к дому, где расписываю. Ты в большой шляпе и манто — а под ним грациозный фартук, и мы оба принимаемся за работу — вот фурор. Вообще, с такой женщиной, как ты, я бы смог сделать сногшибательную карьеру — это я уже в Ялте почувствовал, когда кругом тебя только и было слышно: какая красавица — жена Судейкина!» А я уже прикидываю, сколько бы взять за роспись кухни. Римма в восторге от наших затей и говорит, что все в кухне обведет масляной краской, чтобы сохранить нашу роспись, и что <мы> кладем начало дому искусства. Но каковы суждения буржуазного класса, тому пример Нина Александровна, пришедшая утром кипятить молоко и пробывшая в кухне пять минут, ничего не заметив. Как глаза иных, «невоспитанных» людей, не умеют смотреть. Слух развит лучше. После того как мы обратили ее внимание, она первое, что воскликнула: «А как же ремонт делать!»

В обед Сережа устраивает сюрприз. К Чернояровым из Киева неожиданно приехал брат, привезший сведения от мамы и Шаминых. Но Сережа узнает, что есть и письмо от мамы, и кой-какие вещицы, и приносит их мне неожиданно.

Какая мама трогательная: и подробное, длинное письмо, и двести рублей к именинам (это при бедности-то!), и целую массу киевских сладостей, и пуговицы для Сережиной пижамы, и трубку ему. Все это трогает нас до слез, а над одним местом в письме мы прямо-таки плачем: это описание встречи Шаминых со своим сыном, которого они считали пропавшим. Шамины остаются в Киеве, и уже Сергей Валерьянович получил место директора департамента. Словно в сказке. А мама в делегатском поезде получила билет до Москвы без пересадок и без обысков. После обеда Сережа отдыхает, а я чуть-чуть лежу и читаю присланные мамой немецкие журналы. Потом встаю и гуляю по саду. Приходит Сорин с Квилем мимоходом в Алупку. А Паллада с князем и Кореновой не появляются до пяти часов. Когда они наконец являются, я их моментально посылаю к Грюнберг, где, как вчера узнавали, есть комната. Я учу Палладу, как засыпать Мте княжескими титулами и экстравагантностями. Утром приходила Хотяинцева и почему-то очень ажитированно отказала Палладе в комнате. Римма говорит, что Паллада ставила слишком европейские вопросы. Тем временем готовлю чай. Они возвращаются через час, и Паллада прекомично рассказывает, как сегодня утром еще свободная комната только что занялась целой массой жидов и как Грюнберг категорически отказала Палладе — но выпущенные пачками титулы, присутствие князя Волконского и телефонный разговор Паллады с Феликсом так подействовали, что тут же жидов стали выселять, — это вызвало с их стороны протесты, крики, сопротивление с истерикой, и кончилось тем, что двух женщин отвезли в больницу (это последнее, конечно, преувеличение. Эти женщины действительно поехали в больницу, куда собирались и до Паллады). В результате Палладе предложили комнату с каким-то «но» — Паллада осталась не совсем довольна и обещала завтра дать ответ.

К чаю приходит Коренева, собирающаяся в церковь, и я ей завидую, и внезапно появляется Сережина знакомая Семенова, некогда Ольгина подруга, с ее «сожителем», препаршивым жидовским юнцом, — с которым моментально сцепляется князь Волконский по поводу недоверия к Добровольческой армии, выраженного этим еврейским юношей, и его же фразой: «Я не пойду в армию, а буду лучше ждать, когда французы придут!» Неизвестно, что еще выйдет. А Семенова отличается тем, что говорит Палладе: «Мы с Вами знакомы!» — «Как, уже?» — «Ваша фамилия Паллада?»

Так как Палладе больше всего хочется поселиться у Кореневой, то после ухода Лидии Михайловны князь и Сережа обещают «наседь» на нее и попросить ее уговорить дворничиху отдать комнаты Палладе. Лидии Михайловне, как знакомой Рейнбот, это легко сделать. Но когда Лидия Михайловна возвращается из церкви, Паллада тем временем успела уже так опротиветь Сереже, что он не поддерживает князя, а явно принимает сторону Лидии Михайловны. Князя это в высшей степени удивляет, и он вскоре уходит (они все ужинали у нас).

Паллада окончательно расстроена, она потеряла весь свой «палладиизм», она неостроумна и то лежит у меня на постели, то полулежит в кресле и все говорит о своих неудачах, неприятностях, болезнях, всего больше ее нервирует то, что, позвонив Феликсу по телефону, она узнает, что он уехал в Севастополь. «Как мне быть с деньгами, ведь у меня ни копейки нет». Она очень расстроена этим. Мы ее утешаем, как можем, но Сережу крайне нервит ее нытье, и он называет ее куском г...., прилипшего к подошве (не вслух, конечно). Она, чувствуя с нашей стороны какую-то подымающуюся неприязнь, уходит одна раньше спать. Лидия Михайловна еще остается. Ей явно хочется поговорить о Палладе, которая ее совсем выбила из колеи. Вчера и сегодня она несколько часов говорила с ней и пришла к заключению, что она бедная, несчастная женщина: «Как она выглядит без грима! Усталое, исстрадавшееся лицо несчастной женщины! Но я ее все же не понимаю, к чему эти позы, к чему это приставание к князьям, к снобам, как она сама говорит. Как она со мной говорила о жизни. Просто и хорошо!» Так как Сережа ею недоволен, то он говорит, что она развратная, дегенеративная женщина, имеющая нюх, как с кем говорить. «Да, — говорю я, — я знаю лишь одно, что на Палладу интересно смотреть, как на хорошего эксцентрика в цирке. Так мы и смотрели на нее, когда мы Вам ее расхваливали, — но в интимной жизни она невозможно беспомощна, отвратительное зрелище». Сегодня она всех вывела из терпения, даже Брянские, на балконе которых она несколько раз говорила по телефону, сказали: «Бедные, бедные Судейкины». Поздно вечером заходит к нам Римма и с места начинает говорить о том, что наши знакомые слишком беспокоят Брянских телефонными разговорами. Тут происходит крупнейший скандал: Лидия Михайловна, чье больное место телефон, вскакивает и почти крича («Будьте воспитанной», — говорит ей Римма) доказывает Римме, что Брянские не имеют ника-

кого права не пускать к себе и так далее. Сережа тоже говорит в этом роде. Одна я остаюсь стойко беспристрастной и скорей на стороне Риммы. Кончается тем, что Коренева в слезах, бросая «до свидания», убегает домой, а мы еще договариваемся до мирных тонов. Потом Римма даже закусывает у нас остатками ужина и рассказывает под честное слово тайну о Палладе — я взамен ей тоже. Она то, что ей рассказал Дроздов: у князя Волконского важные и тайные поручения из Добровольческой армии, ему как можно скорее надо вернуться, а Паллада всячески его привязывает к себе, а он, старый дурак, весь подчинен ей, завязывает ей, например, посреди Ялты башмаки и тому подобное.

А я ей: как Паллада верхом дала пощечину Стефенсу, а он, кажется, ей. Во всяком случае, произошла скверная история.

8 сентября, воскресенье

Сережа плохо спал и отсыпается до десяти часов. Его вывела из себя вчера Паллада «разлагающаяся» — новый эпитет. «Она несет с собой гниль и запах!» Я тем временем мою кухню и вытаскиваю мягкие кресла из кухни, поставленные для Паллады. Все в доме как-то переверочено. Сережа, чтобы начать опять от печки, выходит в солдатской форме, хороший и плохой признак: был развинчен и теперь, очевидно, старается свинтиться. Палладина тросточка находится при уборке, но я ее выношу из кухни после Сережиного заявления.

В двенадцать часов приходит Лидия Михайловна за юбкой. Она расстроена, нервна и через пять минут уже рыдает. Телефонные неприятности, шутка Риммы относительно ее влюбленности в Якобсона, — а на самом деле расстроены нервы из-за Паллады — и мы чувствуем себя виноватыми, что поместили ее у Кореновой. Действительно, у чистой, аккуратной Лидии Михайловны с хорошими домашними привычками — Паллада, бросающая всюду тряпки и грязную вату, наполняющая все сосуды кровью, которая хлещет у нее отовсюду, распоряжающаяся всем домом как своим — как тут не потерять равновесие. К тому же Волконский, все время сидящий тут, и Феликс, которого Паллада хочет позвать, и пижама, в которой Паллада норовит выйти в сад, — от всего этого Лидия Михайловна рыдает. Она мне интимно рассказывает некоторые подробности о Палладе, и мне жаль Лидию Михайловну. Сережа и я, оба, стараемся ее успокоить. Сережа начинает разбирать вещи к выставке и советоваться со мной, что выставить, что

нет. Лидия Михайловна сидит тут же в кресле и постепенно успокаивается. Она долго сидит, потому что боится идти домой. После обеда, когда Сережа спит, я сама прихожу в такое же Корневское состояние, когда, выйдя на минутку в кухню, слышу Палладин голос: «Вера Артуровна! На минутку откройте дверь. Вера Артуровна!» Я с сердитой миной выхожу — князя прошу не входить, так как я не одета, и сажусь с Палладой в кухне. Она рассказывает длинно о нервной и потешной в своей нервности Лидии Михайловне, как она ходит с тряпкой и поминутно все вытирает, взбивает подушки, переставляет предметы, брезгливо смахивает со стола крошки — что больше она не может ночевать у нее и постарается устроиться у Грюнбергов на эту ночь. Я ей спокойно и серьезно говорю: «Напрасно Вы удивляетесь нервности Лидии Михайловны — Сергей Юрьевич точно такой же — мы живем тут такой спокойной, тихой жизнью, что вносимый кем-нибудь или чем-нибудь малейший беспорядок безумно нервит всех — смотрите, как у нас в кухне чисто и аккуратно, а вчера, оттого что стояли какие-то кресла, Сергей Юрьевич был нервен и не мог работать». — «Как странно! Я бы от такой спокойной жизни в три дня перестала бы быть нервной». — «Как Вы устроитесь у Грюнбергов, Паллада, не лучше ли было бы Вам в санатории Алупки, тут Вам скучно станет!» — «Как скучно, а Вы, а Сорин? Кроме того, мне необходимо жить близко от Феликса — от которого я буду получать деньги — а в Алупку ему не по дороге». — «Напрасно Вы надеетесь на общество Сорина — и он, и Сергей Юрьевич сейчас очень заняты подготовкой к выставке». — «Сорин сказал, что будет часто бывать у меня и мечтает писать мой портрет. Князь ему обещал достать красок».

В этом разговоре я старалась ее подготовить к нашему будущему отношению к ней.

Затем они с князем, выпросив у Риммы кровать, идут сговариваться с Грюнбергами. Я мечтаю засесть за дневник, но мешают Анна Михайловна, которая просит показать роспись. Я отказываю, так как Сергей Юрьевич спит, но приходится подняться наверх, где Поли пьют чай, чтобы они не обиделись.

Когда Сережа встает, мы идем с Риммой к Тищенкам, отчасти, чтобы избежать Паллады, отчасти, чтобы посмотреть сгоревшее сегодня ночью ванное заведение. Заходим к Сорину, он с нами очень мил — хотел сегодня привести покупателей (Штейнгелей), но Сереже сообщает неприятности политические, будто бы немцы уходят. Сережа этим расстраивается.

Дома у нас уже Лидия Михайловна. Мы запираемся, так как слышим где-то Палладин голос, и, уютно устроив лампу в кухню, садимся за обычное времяпрепровождение: Сережа рисует, я зарисовываю татарские вышивки (данные Тищенко), а Лидия Михайловна читает Пушкина, но стук в дверь принуждает нас впустить Палладу, которая, бросаясь в кресло, начинает подробно рассказывать свой день и как она устроилась у Грюнбергов, — но успеха особенного нет, и тогда, чтобы сразу завладеть Сережей, она, стараясь попасть в тон, говорит: «Сергей Юрьевич, что Вы считаете у Веры Артуровны самым красивым?» Сережа объясняет, что все. «Господи, я понимаю, что рядом с такой женщиной, как Вера Артуровна, Вы успокаиваетесь». Сережа что-то мычит, а мы молча продолжаем наши занятия. «Я представляю себе, до чего Вы нервничали с Олечкой». Коренева удивленно на нее смотрит. «С каких пор Вы так интимно близки с Ольгой Афанасьевной?» — «Я теперь ее ненавижу, а раньше восторгалась ею». — «А Вам Ваш первый муж очень действовал на нервы?», — спрашивает Сережа, но Паллада хорошо парирует, подробный начиная рассказ о первом муже. Ей, очевидно, непонятно, чем она заслужила нашу немилость, и вскоре уходит.

9 сентября. понедельник _____

Мы долго спим, потому что я заболела еще вчера вечером. Сережа посему тоже весь день в сонном настроении. Газетные известия из Москвы ужасные. Сережа идет к Сорину, но не доходит. До обеда лежали, Сорин разбудил и говорил с Сережей о выставке — советует ее поскорей устроить и сначала в Ялте. О Палладе он говорит с омерзением и ее портрет и не думает писать. Сережа беседует с Брянским о событиях. Во время обеда приходит стекольщик и режет Сереже некоторые стекла для окантовки. Они дороги безумно. Я весь день почти пишу. До пяти Сережа спит. Под вечер ходили по саду, выбирали места для этюдов. Сережа хочет опять засесть за работу и упрекает опять меня, что я не содействую этому и не позирую ему. Он забывает про портрет.

Вечером у нас Римма Никитична (Леонид Михайлович в Ялте). Мы ее просвещаем, рассказывая разные извращения.

Лидия Михайловна решила завтра ехать. Сережа все дни ей предсказывал, что она не уедет, потому что не найдет компании. Но она наконец собралась, несмотря ни на что, одна. Она пишет нам в альбом.

10 сентября. вторник

Лидия Михайловна на самом деле уехала, несмотря на то что вчера вечером, уже поздно, позвонила Мария Павловна и сообщила газетное сведение, что помещение Художественного театра реквизировано для народной библиотеки, и театр, таким образом, закрылся. Лидия Михайловна очень взволнована, мы с ней трогательно простились, я ее перекрестила. Сегодня утром в девять часов она проехала на извозчике, и мы обе заплакали при прощании. С Сережей они расцеловались только в лобик (он иначе не хотел). Я ей подарила мою палочку. Совершенно такое впечатление, будто ее проводили на войну, — не ужасно ли это? Затем Сережа принялся за этюдики. Наконец-то мы перестали сидеть безвыходно в кухне, и время мне напомнило Каломийцевское.

250

Так как все мои немногие платья уже использованы вдоль и поперек, я долго ломала голову, каким туалетом, каким сочетанием дать Сереже новое впечатление. Сережа мне и помог — из его панамы я сделала себе старинную шляпу шестидесятых годов с завязками, под белое платье надела все существующие юбки и сделала его пышным. А корсаж сделала из коричневого платка, который сильно перевязала вокруг талии. Получилось прелестно, и Сережа с вдохновением написал очаровательнейший, солнечный этюд. Он испробовал совсем новый способ с такими удачными результатами, что в продолжение дня, до глубоких сумерек он заготовил еще три этюдика. Этот способ заключается в следующем: материал — картон, сначала он делает тщательный рисунок, затем подмалевок, потом опять прорисовывает и затем уж окончательно прописывает. Я в разных местах сада, сидящая и гуляющая среди боскетов с книжкой и букетом цветов. Пришел Леонид Михайлович из Ялты с Иваном Павловичем, кое-что рассказал о Ялте, получил в кредитном обществе две тысячи пятисот рублей. Рано легли спать — с утра чтобы приняться за этюдики.

11 сентября. среда

С девяти часов Сережа пишет меня, и Римма принимает участие. Рассказывает о Дроздове и Нине Блуменфельд, которая якобы стоит на коленях перед Анной Яковлевной и плача говорит: «Что мне делать», а та, тоже плача, говорит: «Поезжайте за ним». Дроздов в пятницу уезжает в Харьков, и мы вечером идем проститься с ним. Там чеховское настрое-

ние и неожидан<ный> Якобсон (рассказывает о Мелитополе, о том, что проводил Лидию Михайловну).

Днем смотрели эскизы Леонардо и пришли в восторг.

После обеда я позировала в синем сарафане. Римма тоже писала. На скамейке сидела Лидия Никитична и все удивлялась моему терпению. Говорили о Лескове, о женской красоте.

Забегала к Клавдии Александровне Охотиной, они завтра уезжают (говорили с ней о брате Леониде).

12 сентября. четверг

Вчера Сережа объяснялся в «страстной любви» к Леониду, а сегодня поссорился с ним из-за стекла. Леонид первый пришел мириться и был страшно трогателен. Проходом был Якобсон и говорил по телефону с Феликсом и Маковским. Мы с Риммой восторгались его деловитостью, «хорошая фирма». Я ждала его к чаю и сделала пирог, но он не пришел.

Я делаю очень неудачный орнамент в кухне, и Сережа ругает меня. Вообще день с утра неладен, хотя Сережа работает над одним из этюдов. Я собираюсь расписывать дверь, но становится темно, а Сережа пишет кота на печке.

Идем к Сорину. Квиль с перепалками. Автопортрет.

Сорин идет с нами. Он хочет устроить Тищенко у Сведомских. Я хожу к ней. У Ниты рыжая француженка, и все ужинают. Маковский ночует у Браиловских. Вечером сидит у нас. На кухню он не обращает никакого внимания. Очевидно, потому что он был очень увлечен проектом краевого правительства об академии искусств.

Тут Сорин вдруг с пеной у рта начинает доказывать, что ничего не выйдет в Крыму, что это не центр. Центр там, где заводы, кинематограф. Это типично еврейская черта: не чувствовать влечения к природе, к курорту. Он только представляет себе жизнь в городе.

Все мы, особенно я, говорим ему колкости.

13 сентября. пятница

Ко мне пришла прачка, и я с раннего утра, с семи часов на ногах. Пробую позировать Сереже у окна, но все платья отданы в стирку, и еще почему-то Сережа нервится, и работа не клеится. Он спит и до, и после обеда. Я тоже сплю. Потом расписываю в кухне и прибираю, пока Сережа ходит в Алупку. Вечером мы уютно расписываем бутылки и жбаны. Заходит Сорин — Сережа его просит зайти в башенный ма-

газин, посмотреть две картины восемнадцатого века, стоит ли купить их.

Когда Сережа ходил в Алупку, я прибрала в кухне и, дожидаясь его, сидела в кресле перед кухней и разговаривала в сумерках с няней Брянских. Какой ужас иметь дело с таким идиотиком, как этот ребенок. Четвертый год, ничего не говорит и вдруг, сев на корточки, завопил: «Аминь, аминь, аллилуйя». Прежуткое впечатление.

Вечером читали «Весенний салон поэтов» — странно собранные стихотворения двадцати поэтов. Есть хорошие, есть презабавные: Пастерначьего сына, Рафаловича.

Сережа очень много думает о Москве, где происходят такие ужасы.

Мы расписываем бутылки.

14 сентября, суббота

252

Всю ночь мне снились орнаменты. Сережа пишет большую картину в кухне, чтобы быть в моем обществе и дать мне возможность дорисовать двери. Я то пишу, то вожусь с прачкой. Няня Брянских открывает мне свою душу: она хочет ехать обратно в Москву, так нестерпимо ей с ребенком, я ее рекомендую Тищенкам, потому что мы ее жалеем. На Сережу этот ребенок действует ужасно, и мы говорим на тему: за какой грех послано такое дитя родителям и как должны поступить с ним родители.

К Нине Александровне приехала мать из Киева с целым возом корзин и тюков.

В четыре часа приходит Якобсон. Мы пьем чай в мастерской до глубоких сумерек. Он живо и интересно рассказывает. Мы говорим с ним о Кореневой — откровенно.

С Якобсоном я могла встретиться в Берлине в 1907 году в р<усской> опере.

Вечером к нам заходят Рябушинские. Сергей Павлович был опять в Харькове, видел Кореневу, привез записочку.

Пригласили нас на завтра на Степана Павловича, чтобы поговорить об иконописи.

Прачка хочет стирать за расписной жбан.

15 сентября, воскресенье

Газетные сведения всех расстраивают. Я лишь стараюсь быть спокойной. Спим после обеда. Все утро я гладила — прачка не догладила белье. Павлин сидел у нас. Предлагает купить свой дом в Ялте. Так хочется — ужасно.

В пять часов мы и Браиловские к чаю у Рябушинских. Леонид больше говорит об иконописи со Степаном, чем Сережа. Мы к Рябушинским питаем нежные чувства — очень они приятны, живые, всем интересуются. Паллада переехала вчера вечером.

16 сентября. понедельник _____

Сегодня ждем Давыдова, и я пеку пирог и убираю кухню. Но он не приезжает. Заходит до обеда Паллада, рассказывает о мещанстве Грюнбергов. После обеда заходит Сорин и поражается картиной: в маленькой спальне я стою в сарафане и рассматриваю икону, висящую на стене. Сережа принялся за «Карнавал». Я ему читаю и рассказываю об иконах.

Вечером Вера Георгиевна у нас к чаю.

Сережа с Риммой Никитичной самобичуются, пока я навожу порядок в кухне, и договариваются до того, что я гениальна, потому что во мне нет ни капли русской крови.

253

17 сентября. вторник _____

Утром во время кипячения молока разговор с Ниной Александровной об искусстве, до такой степени раздражительный, что мы с Риммой Никитичной мечтаем после ее ухода о диктатуре в искусстве. До чего люди необразованны и, главное, претендуют на образованность (Рафаэль — французской школы. Айвазовского не отличить от других).

До обеда я читаю Сереже сначала об иконах, затем стихи. Во время обеда забегает Паллада с просьбой дать тряпки. У нее гости — Феликс и кто-то еще. В четыре часа мы тщательно ждем Давыдова, но приходит Якобсон (история Маковского с Балановской). Мы ему читаем Кузмина.

Идем гулять. Встречаем Сорина, его оптимистические надежды на близкий мир. Гуляем при луне. Вечером Сорин ужинает у нас, а затем сидим у Браиловских, где Рябушинские. Она прелестна в черном платье. Я читаю стихи (в связи с приходом сегодня Чурилина, жену которого Маковский пригласил на выставку).

Говорим о Горьком, Маковском, о земле.

18 сентября. среда _____

Сережа свеж и хочет пробежаться к Сорину, но его не застает. В газете читаем, что Давыдов, Пасманик избираются в кабинет. Потому-то Давыдов не идет.

Я читаю Сереже дневник.

После обеда спим — я стала пить красное вино, которое мне принес сегодня Сережа.

Сережа работает над «Карнавалом», который становится изумительным, но бьется из-за рефлекса. После обеда вытаскивает картину в сад и там пишет.

Инженер Гулари рассказывает о Петрограде, я его угощаю вином и жалею, что он сидит так долго, потому что у Риммы на балконе завывает поэт Чурилин, и мне очень любопытно.

Вечером мы идем к Дроздову слушать Якобсона. По дороге ссора с Сориным. Якобсон чарует нас и, по-видимому, посвятит нам романс на слова Кузмина.

Говорят о мире.

19 сентября, четверг _____

Проект выставки.

254

Я изобрела делать картинку на стекле. За обедом Павлин рассказывал, что на даче Крестовникова арестовали жида. Сережа моментально идет туда — оказывается, в девять утра приходили офицеры арестовать Соколова. Квиль тронут участием Сережи.

Сорин идет в Ялту пешком за деньгами (Оболенские). Сережа пишет, придя домой, «Карнавал», я пишу по стеклу. На минуту заходит Якобсон с сестрой Нины Blumenфельд, невоспитанной девчонкой.

Приносят черную раму для «Карнавала». Вечером Сережа рисует мне силуэтики и другие картинки для стекла — очаровательно.

Римма говорит о том, что Сорин, поместив объявление на ее имя, поступает нетактично и так далее.

Василий Лазаревич уехал в Киев, и я с ним говорила о земле.

20 сентября, пятница _____

С утра читаем газету — что-то много стоит. Опять о мире — не верится.

Я увлечена силуэтиками, которые Сережа мне вчера нарисовал, и рисую их на стекле рядом с Сережей целый день. Два очаровательны. Хотела их продавать в Башне, но выставлю на выставке — так хочет Сережа.

Мы говорим о людях приемлемых и неприемлемых. Сережа считает Сведомскую, Хотяинцеву, Калишевского более талантливыми и приемлемыми, чем семью Нины Александров-

ны (кстати, она утром занимала Сережу рассказом о том, как дивно ее отец выжигает портреты Достоевского, Толстого).

Брянские тоже туповаты.

Получаем приглашение в клуб (открытие). Заходит Паллада (разговор о половых требованиях мужчин: лицо, тело, уменье, ум, в связи с Мартой Картавцевой и изменой ее мужа).

Сережа внезапно говорит Римме, что в Крыму Челноков. Она сходит с ума и придумывает целый вечер, как устроить свидание с ним, и целый вечер говорит с нами о нем, о своей любви, о жертвах (!) и...

Брянский вдруг дает нам тысячу рублей займа — удивительно мило!

Я захожу платить Сведомской (кухарка-акробатка). Дивные лунные пейзажи.

21 сентября, суббота

Я составила с утра план дня: все утро уборка квартиры, затем работа до четырех — тогда одеваемся во все чистое и идем с визитом к Сведомским, Рябушинским, на минуту к Палладе (она просила зайти именно вечером из-за желтого абажура) и, если бы не праздник, то мы зашли бы в магазин Башню и купили бы красок, альбомов, бумаги, а в восемь часов на концерт Балановской. До четырех часов все так и шло. Утром позвонил Маковский — ему сообщили, чтобы он пришел на заседание группы художников, которые устраивают выставку, и он назначил десять часов вечера. В пять часов мы стали одеваться, и Сережа хотел пробежаться к Сорину, чтобы предупредить его насчет концерта и насчет Маковского, как явилась Паллада и, еще идя по коридору, стала рассказывать о том, как ей звонил Глеб и просился к ней на ночь и что она ему ответила, между прочим, такую фразу, забыв, что рядом хозяйка: «Если у кого болит живот, то не все ли равно, чьей уборной он пользуется, своей или чужой» (это она себя сравнивала с уборной!). После этого ответа вышел скандал с хозяйкой. Сереже все это не понравилось, и он сказал ей: «До чего Вы низко пали, Паллада, от Вас только и слышишь: триппер, уборная, половое извращение и так далее». Я в эту минуту одевалась, и Паллада меня спрашивает: «Вы идете в концерт? Глеб безумно меня просил приехать. Я поеду с Вами». А Сережа ей на это: «Нет, Вы с нами не поедете». — «Как, почему?» — «Пока Вы не перемените Вашего образа жизни, я не могу, чтобы Вы появлялись с нами в общественных мес-

тах!» — «Но я уже стала другой, я жажду стать другой», — и она стала плакать.

В это время к Сереже пришла ученица, и он ушел в мастерскую, а Паллада стала обращаться ко мне, как женщине и другу, и страшно справедливому человеку, с просьбой понять ее: у нее есть еще какое-то чувство к Глебу, отсюда все эти нелепые разговоры — она знает, что Глеб нехороший человек, что он поганый, но иной раз она чувствует, что он ей нужен безумно. Сейчас она чувствует себя одинокой и покинутой и хотела бы именно с нами показаться в концерте, чтобы Юсуповы и другие видели, что у нее есть друзья (они ей всегда говорят: «Судейкины — не Ваши друзья»). Мне жаль ее было — но на самом деле нельзя же было бы показаться в концерте с Палладой!

256

Когда Сережа освободился от ученицы, он еще раз высказал ей свою точку зрения на нее, очень справедливую и искреннюю, но безжалостную, отчего она опять стала плакать. К тому <же> Римма Никитична пришла требовать обратно свой тюфяк для Маковского, и Паллада ушла домой униженная и оскорбленная — мне жаль ее было — и хотелось сказать ей что-нибудь вдогонку, но ничего не находила. А Сережа, конечно, был прав, а когда Сорин пришел потом и выслушал эту историю, он сказал: «Вы просто бы сказали ей: Вы <с>компрометируете мою жену, если появитесь с ней в обществе». Бедная Паллада! После сегодняшнего разговора ей нельзя больше бывать у нас. Интересно, как она себя поведет.

В восемь часов мы пришли в гостиницу «Россия» к Якобсону, чтобы получить билеты, а затем пошли в Общественное собрание. Там оказалось, действительно, масса хорошей публики: Юсуповы, Васильчикова, Лейхтенбергский. Граф Тышкевич заведовал этим вечером, потому что это было в пользу польских беженцев. Нас устроили в третьем ряду. Был весь Алупкинский бомонд. Начали в десятом часу, и граф Тышкевич ругал Якобсона за опоздание. Первые два номера было нестерпимо скучно. Какой-то местный домовладелец играл на скрипке, а местный же аптекарь пел... Было невыносимо скучно. Наконец появилась Балановская с Якобсоном. Она вся в черном, в завитушках с большой бабочкой на голове, вся пухлая, розовая и игривая, а Якобсон в великолепнейшем фраке заиграл на ужасном пианино, и оба улыбнулись при дребезжащих звуках. Впечатление от ее пения было такое сильное — как свежая вода из источника — легко и сво-

бодно, с чарующими низкими нотками, что мы помчались за кулисы, осыпать их обоих комплиментами. От нее пахло хорошими оперными традициями, и Сережа был в восторге. «Но какое пианино!» — заметил Якобсон. — «Благодаря этому, у Вас был все время профиль сатира», — ответила я ему. Балановская ревниво взглянула на нас, и Сережа решил потом, что они живут друг с другом. Якобсон аккомпанировал великолепно, и Сережа восторгался его артистичностью, его фраком, его игрой и расцеловался с ним.

Второе отделение начали Балановская и Запорожец (бас из Императорской оперы, знакомый Сереже по Дягилеву), благодаря нашей просьбе, потому что мы должны были уехать раньше из-за Маковского.

Шли обратно веселые и освеженные, даже Сорин был доволен. Придя домой, Маковского не застали и, посидев до двенадцати, разошлись спать, обвинив Маковского в обычной некорректности. Около часу раздался стук, я его услышала и сказала Сереже. «Пусть идет себе обратно, нечего его впускать». Но стук был настойчив и повторялся то в одну дверь, то в другую — наконец Сережа в одной рубашке вышел — дом весь был внутри темный, во всех этажах спали, но снаружи залит луной. У дверей стояла длинная фигура Маковского, который своим солитером стучал в стекло, а вокруг него прыгал бычок, неизвестно откуда взявшийся. Дверь в буфетную была открыта, и в ней стоял велосипед. Все это так поразило Сережу, что он решил, что что-то случилось с Риммой, — но потом успокоился.

257

22 сентября, воскресенье

С утра заседание с Маковским. Сережа хочет, чтобы я была секретарем, но я отпрашиваюсь, потому что делаю пирожное. Сегодня придут Оглодины и, «может быть», сказал Якобсон, с Балановской. В час я бегу выкупаться — Сережа меня сопровождает.

Маковский обедает с нами и читает докладную записку об академии. Выставка будет целиком <не законч.>

Сорин заходит за Брянскими, чтобы показать им портреты. Сережа ложится спать. Я же одеваюсь и приготавливаю чай. Подымается ужасный ураган и сносит сверху палатку, тюфяки, белье. Летит все, деревья гнутся, и к чаю никто не приезжает. Сережа встает в шесть часов, а я зла, что не могла отдохнуть. Предлагаю идти к Рябушинским. Холодно, Сережа

оделся теплее, а я затапливаю плиту. Идем к Рябушинским, чтобы позвать их и застываем у них (приносим пирог). Сережа рассказывает о постановке «Беглой». Мария Дометьевна говорит мне, что хотела бы на память иметь маленькую картинку Сережи («Упавшее облачко»), так как на большую у них нет сейчас денег.

Я рассказываю о Палладе, оказывается, дети Рябушинских с ней познакомились и в восторге от нее.

23 сентября. понедельник

258

С утра по саду ходит расстроенный Леонид Михайлович, его походка в Ялту полна неудачи, и неизвестно, откуда они возьмут деньги. Сережа не может писать «Карнавал» в нашей мастерской и просит Леонида пустить его на часок в его мастерскую, но у Леонида такой раздраженный голос, что Сережа уклоняется от этого, к тому же должна еще до обеда приехать из Ялты с Чеховыми госпожа Метнер, богатая еврейка, у которой всевозможные планы насчет художников — она же заведует сейчас в Кремле реставрацией Кремля, она же, говорят, купила майоликовый завод в Абрамцеве. Что ей надо от Леонида — неизвестно — наверное, она зайдет и к нам. Сережа принимается за этюд (боскеты), и я переодеваюсь, чтобы позировать, но страшно устаю и хочу лечь до обеда. В это время приезжают Чеховы с Метнер. Мы издали говорим несколько милых слов с Марьей Павловной и разглядываем Метнер. Это толстая, затянутая в корсет еврейка, с пухлым, чуть жабьим, но, как будто, добродушным лицом. Они идут к Леониду Михайловичу в мастерскую, а Иван Павлович говорит с балкона: «Она и к Вам потом зайдет».

Проходит час, сверху доносятся разговоры. Вдруг влетает к нам Леонардо с лицом, выражающим радость, упоение, вдохновение и так далее, и заявляет, что получил заказ на тринадцать тысяч — два проекта: петровский домик в пять комнат и увеселительный елизаветинский. Оба домика жилые. Он в восторге. Еще утром сегодня такое безнадежное состояние, а сейчас вроде золотого дождя (Иван Павлович еще привез ему заказ на три кинематографических плаката по триста рублей). «Да, но ведь это жидовка, — говорит ему саркастически Сережа, — как могли Вы от нее принять предложение», но Леонид только блаженно улыбается. Мы рады за него. «Через три-четыре дня она привезет задаток, и тогда мы первым делом будем хорошо питаться, а то Римма похудела. Сейчас

она будет заниматься Риммой, а потом придет к Вам. У нее большая осведомленность и она производит очень хорошее впечатление». Сережа начинает готовиться к приему, бреется, убирает мастерскую, а я приготавливаю чайный стол — но Римма после обеда прибегает к нам за чайными блюдами и взволнованно и категорически заявляет: «Чай пить она будет у меня». — «Римма Никитична, как Вам не стыдно — русская дворянка так распинаяется и так волнуется перед богатой еврейкой». Римма, смущенно улыбаясь, уходит. Иван Павлович ставит наверху самовар, а я внизу, и мы переговариваемся. «Как мы рады, что финансы Леонида Михайловича поправились». — «Надо полагать, что и Ваши поправятся».

Мы ждем. У Сережи являются такие нелепые мысли, как: «После Браиловских я не приму ее — ко мне приходят сначала». Или: «Возьму да уйду, и совсем ее не приму, скажу, <что> в пять часов вечера мои картины не смотрят». Но, в конце концов, она появляется, и мы ее любезно принимаем в мастерской. Я временами ухожу из мастерской, тогда, когда я полагаю, что будут говорить о деле, но она сначала рассказывает очень пространно о своих планах, кто у нее уже работает (Жолтовский, Щусев, Озаровский, Ноаковский, Лансере, Добужинский) и кто будет работать (Сомов, Бенуа и так далее). Какие мастерские она полагает открыть: мебельные, ткацкие, фарфоровые и майоликовые, архитектурные разработки <1 нрзб.> (принимать заказы на дачи, особняки с intérieur'ом), отделения в Киве, Харькове, Ростове и, может быть, в Ялте. Хочет арендовать землю около Чеховской дачи в Мисхоре и построить студию и общежитие для художников. Тон у нее уверенный и спокойный, и никакие крупные цифры ее не пугают. Дело, по-видимому, многомиллионное. Говорит она тактично, предоставляет, по-видимому, полную свободу художникам. От Сережиных картин и рисунков она в восторге. От росписей в кухне и Алуштинских этюдииков тоже. Мои силуэты тоже нравятся, и я чувствую, что они будут куплены ею. Работу она предлагает Сереже следующую: домик из пяти комнат для музыканта — Сережа не сразу соглашается, а расспрашивает: для какого музыканта, какого человека, каких привычек, воззрений и так далее. Оказывается, для композитора Метнера, который ее родственник. Она вкратце делает его характеристику. Сережа говорит: «Моя жена будет в восторге от этого». Тогда я выхожу и начинаю тоже говорить с ней о наших крымских мечтах (о домике, о городке художников). Приходит Мария Павловна

и напоминает об отъезде. Шикарный извозчик увозит их в шестом часу обратно. Мы, оживленные и полные надежд, отправляемся в Алупку закупить бумаг, красок и так далее. Римма успевает нам сказать, что Метнер у нее забрала все маленькие эскизики вышивок (по сто пятьдесят рублей) и дала несколько заказов.

В Алупке мы тратим сто рублей, ужинаем в кухмистерской и с массой пакетов из бумажного магазина возвращаемся домой. Мимоходом заходим к Палладе, чтобы сгладить последнее впечатление и восстановить отношения. Мы долго не можем войти. Наконец находим Палладу. Ее комната, сверх ожидания, уютно устроена.

24 сентября. вторник

260

Сережа говорит, что плохо спал. К тому же утром в кухне пищал белый котенок, и я послала Сережу выпустить его, Сережа спронеся так стучается ногой о стену, что палец у него в крови, от этого он на целый день становится в плохом настроении и до обеда опять ложится спать. Спит он и после обеда. Я знаю, что означает такая спячка: перед большим заказом он всегда бесконечно много спит и когда, наконец, встает, он точно знает, что нужно делать, точно во сне обдумал. На этот раз он, встав, объявил мне, что откажется от заказа, — я в недоумении: почему? — «Потому что я не архитектор и не могу даже точно начертить окна, я живописец и желаю только живописной работы, а мне дают работу не по моей специальности — я знать не хочу ничего, кроме росписи». — «Конечно, если ты так будешь рассуждать — а не будешь немного логичен, что, в сущности, раз тебе дают полную свободу, ты можешь хотя бы весь дом расписать», — и я надуваюсь, и у нас начинается разговор, спор. Сережа нервничает, говорит мне, что я не ценю его искусство, а хочу, чтобы он стал декоратором *intérieur'a*, вроде Фельдмана, что жена Григорьева и то все говорила: «Моему мужу нужна только роспись». Я обижаюсь и начинаю плакать — Сережа еще больше сердится и говорит, что ушел бы из дому, если бы не больная нога, и говорит мне: «Так вот когда наконец ты товар свой лицом показываешь». Выраженное изречение весьма непонятное, но такое обидное, что я пускаюсь в настоящий рев. В это время пора идти за обедом, а мне приносят новое белое платье. И за обедом мы миримся, а после обеда оба мирно и любовно спим. Над выражением «товар лицом показываешь» много смеемся. В сумерках ходим по саду

и обсуждаем с Сережей заказ, и я с ним вполне соглашаюсь, что лучше предложить Метнер альбом со всевозможными рисунками, как: лежанка поэта, камин композитора, часы писателя, разбивка сада, фонтаны, беседки, фарфор, рисунки для ковров и тканей.

Сережа ходит говорить с больным Леонидом, который болен от всех тревожностей. Римма с утра вышивает ковры, ей помогают, сколько кто может: Ольга Богдановна, Лидия Никитична, Недович, сестры Вальтер — все получают один рубль в час. Вечером Сережа делает мне силуэтик, но так как он не курит, то нервен, и рисунок выходит грубоватым, хотя и очень интересным по сюжету.

25 сентября. среда

Сережа вчера еще решил рано встать и начать как следует работать, утром закончить все рисунки к «Карнавалу», чтобы я могла их закантовать. Я делаю до обеда два силуэта, а после обеда начинаю закантовывать. Сережа спит, потом начинает работать над маленьким эскизком (pendant <пара> Тищенко), который ему не дается, — очевидно, потому что он не курит. В шестом часу я ему предлагаю пробежаться в Алупку за табаком. Там мы покупаем всякой всячины (масло, колбасу) и, встретив Браиловских, которые ввиду приезда Метнер и скорых благ тоже раскупились и ели отбивные котлеты в кухмистерской, идем с ними обратно. Встретили Фельдмана, который сообщил, что делает проекты разбивки садов для какого-то общества, в котором Юсупов и прочие князья. Странно, что вокруг этих князей всегда группируется все бездарное. Фельдман меня злит, он как-то особенно нагло всегда ou sougant <в курсе> всего. Я заговорила об академии, оказывается, он составлял докладную записку. Я заговорила о Балановской, оказывается, он только что был у нее, и так далее.

Дома мы приготовили вкусный ужин из чая и бутербродов с колбасой, и в то время, как мы садились за стол, и к нам пришли Браиловские, явились Рябушинские. Мило просидели весь вечер.

Сереже я даю программу для силуэтов.

26 сентября. четверг

Утром я позирую для заканчивания удачных четырех этюдов, один (я сижу под деревом) теперь совсем закончен. После обеда, в четвертом часу надо было взяться за другой, и

мы, уже поспав немного, приготовились к нему, как вдруг раздались оглушительные пушечные выстрелы с раскатами и ударами, похожими на взрывы; конечно, Сережа, бросив все, побежал к морю — там уже были Рябушинские. Наверху тоже стояли люди и смотрели; виден был не то крейсер, не то еще какое-то судно, которое проделывало странные повороты перед Алушкой. Сережа предложил Сергею Павловичу бежать в Алушку — я же пошла к телефону и провозилась полчаса. Выхожу, никого уже нет, только Мария Дометьевна идет из своего дома — мы вместе отправляемся искать мужей. Встречаем Тищенко и Квиля, идущих в Алушку, а своих Сергеев около моря, и они, и я разузнали все: взрывали мину. А Сережа уже уговаривал Сергея Павловича ехать в Америку. Настроение к работе сорвано, и мы идем домой клеить, кантовать. Вечером у Риммы Никитичны сидит художник Пинегин, приехавший от Билибина погостить в Мисхор, остановился у Хотяинцевой — пришел к Браиловским познакомиться и поговорить о выставке, к нам попросил зайти завтра. Впечатление довольно сносное, особенно после фразы: «С Билибиным ведь жить очень трудно, он совсем не пригоден для совместной жизни». Вечером я читаю немецкую газету, данную Рябушинским, раскладываю пасьянс. Сидит Ольга Богдановна.

27 сентября. пятница

Утром я позирую в саду. Заходит Пинегин к Сереже, но Сережа просит его прийти позднее. Он приходит после обеда, и мы, не поспав, принимаем его. Перед его приходом я говорю Сереже, что нужно его очаровать, чтобы около Билибина был человек, восторгающийся нами. Он приходит, и мы с ним крайне милы, Сережа показывал свои вещи, уговариваем его переехать в Алушку, показываем кухню и как рычит Труффи. Он в четыре часа уходит, и мы принимаемся за этюд (я стою под деревом). Сережа в восторге от него, говорит, что это лучшая его вещь, соединение чисто Судейкинской композиции и свежего реализма. Когда несем этюд в дом, сверху от Браиловских к нам спускается Набоков, и Сережа ему начинает еще издали расхваливать свой этюд — он тоже хвалит, и Сережа принимается показывать рисунки к «Карнавалу» и мои силуэты. «Вот это подходит отчасти к тому, о чем я намерен Вас просить». В двух словах: художники не так потерпели от революции, как литераторы, художникам повезло, а литераторы бедствуют, и пока на юге не организовали

всяких издательств, устраивается ряд литературных вечеров, сбор с которых пополнит кассу взаимопомощи. Нужны программы, которые будут распродаваться после концерта и аукциона. Сережа дал свое согласие, и Набоков экспансивно пожал ему руку. Затем, рассказав о своем осмотре Ливадийского дворца с тремя министрами и о своей встрече там с немцами, ушел (Набоков юрисконсульт). Кстати, Ливадия будет не то Монте-Карло, не то будет отдан<a> в распоряжение академии художеств. Набоков сказал *entre nous* <между нами>, <что> к Монте-Карло больше подходит, до того безвкусно внутреннее убранство. Получили письмо от Мирона, «большому художнику С.Ю. Судейкину» стояло на конверте, а в письме такие выражения, как: «Ваше высокоталантство». В письме он просит прийти на концерт Балановской завтра, в субботу. Мы уже знали об этом концерте и собирались идти. Мы звали и Рябушинских пойти, они было согласились, но вечером Мария Дометьевна прислала письмо с отказом (помоему, они боятся встречи с первой женой, которая живет в Симеизе) и просьбой прийти вечером и прочесть им что-нибудь из моего дневника (это Серезин вымысел). Сегодня мы и пошли к ним и очень мило и оживленно провели вечер. Я прочла лишь «Александровский рынок» из дневника и «Чужую поэму». В поэзии они чуть-чуть, мало образованы, но, в общем, так тактичны и так идут всему навстречу, что одно удовольствие с ними быть. Сережа подробно рассказал о своей постановке «Саломеи» у Дягилева, о Карсавиной.

Я их пригласила к моим именинам. «Когда Вы принимаете поздравления? Утром?» — «Нет, в четыре часа».

28 сентября. суббота

Я с утра сажусь за подарок Вере Георгиевне — срисовываю фигурки из Деньшинской книжки и к пяти часам изготавливаю семнадцать фигурок. Сережа в конце концов сердится, что я отдаю столько времени каким-то подаркам. Сам он пробует начать большую композицию (с Леонидиноного балкона в сад), но она не удается, у него начинает болеть зуб, и, сбросив сверху мольберт, который разбивается, он укладывается спать. Я же, не обращая особого внимания на его нервность, одеваюсь к концерту, чтобы раньше пойти и успеть все закупить к именинам. Сережа встает, все его раздражает, становится уже совсем темно, и я тоже прихожу в плохое настроение. Но когда мы, совсем одетые, выходим на дорогу, мы

миримся и весело идем до Алупки, там успеваем и закупить сахару, яиц и масла, и поужинать в кухмистерской. На концерте долго ждем начала — в девять часов приезжает Мирон прямо из Севастополя на Давыдовском автомобиле, во фраке и *cache-poussière* <пыльнике>. Народу мало, Фельдманы присутствуют, и она очень волнуется — у нее взбитая прическа, много бриллиантов и розовая кофточка. У нее приготовлены три букета (зеленые метелки, в каждой из них торчат три флокса) для Балановской, Запорожца и Мирона. Она сама подает их. Мы с ними говорим два слова всего. После конца концерта заходим за кулисы. Мирон сообщает, что завтра в два часа будут Давыдов, Балановская и он у нас. Чтобы поблагодарить за великолепное пение, мы говорим Балановской много комплиментов, помня слова Мирона, что лучше сказать ей, что она красивая женщина и плохая певица, чем что-нибудь в обратном смысле.

264

29 сентября. воскресенье

Я очень рано просыпаюсь и принимаюсь энергично за готовку пирога к двум часам (я обещала Балановской сделать пирог с кремом) и уборку всей квартиры, а Сережа, который встает позднее, раскрашивает полки, где мною начат татарский орнамент. Выходит изумительно, впечатление ошеломляющее: на одной полке стоит фаянсовый прибор, на другой шесть чайников с розами, а между ними чашки. Фоном чайникам служат черные подносы. Я мою все полы, всю посуду, полки — навожу тщательный порядок. Но мы запаздываем, и к двум часам мастерская хоть и чиста, но не убрана эстетически. Сережа ругает меня за то, что я опять слишком налегла на работу и с семи часов непрерывно утруждаю себя, — я уже успела и побледнеть, и похудеть. К трем часам нам удается все же все закончить настолько хорошо, что у квартиры нарядный, праздничный вид, а мы оба тоже одеты и сидим в кухне под своими портретами и ждем гостей. Но ни Давыдов, ни Мирон не являются. Вместо этого Римма умоляет пустить показать все баронессу Кнорринг — подругу Лидии Никитичны, которая сгорает от желания посмотреть кухню и Сережини картины. Эта та самая, которая слегка помешана на собирании автографов и нечаянно даже попросила расписаться в своем альбоме сенатора Соколова, которого, как аристократка, ненавидела, она урожденная Гагарина и внучка академика и художника князя Гагарина. Вид у нее невозможный: старая

дева, высохшая, дегенеративного вида, хлопающая беспрестанно маленькими близко стоящими глазами, восторгающаяся искусством во всех видах, плохо говорящая по-русски. У нас она от всего была в восторге и приглашала посмотреть их имения за Гурзуфом (роскошные имения, за одно давали на днях пятнадцать миллионов), где есть фрески Гагарина и домовая церковь, расписанная им, и развалины греческого храма Артемиды. Там живет ее сестра, которая замужем за Раевским.

После Кнорринг мимоходом у нас сидят полчаса Рябушинские, а Давыдова так и нет.

Вечером я принимаюсь аккуратно наклеивать картинки для Тищенко и разрисовывать обложку, а Сережа, которому стало страшно завидно, что у меня вышла такая аккуратная и забавная книжка, говорит, что сделает такие же картинки. «Но в каком стиле, какого времени?» — «Двадцатого столетия!» — «Хорошо». И Сережа принимается за рисунки. Мы усаживаемся в кухне, у меня топится печь — я готовлю ужин. Вдруг в дверях показывается Татьяна Николаевна Дехтерева с Мте Фельдман — обе поздравляют с наступающими именинами, принесли винограду. Мы приглашаем их холодновато, что относится особенно к Мте Фельдман. — Татьяна Николаевна мила. Они уже собирались уходить, как внезапно появился Давыдов — в дверях вырастает его огромная фигура. Мы очень рады его приезду и не рады, что при этом находится Мте Фельдман, и, действительно, она мешает невозможным образом тем, что начинает себя неистово рекламировать: говорим об академии — что она устроила академию, говорим о выставке — она точно тоже ее устраивает — тут я не выдерживаю и начинаю взволнованно рассказывать Давыдову, что комитет выставки из четырех лиц состоит и жюри также — что Маковский комиссар выставки. Давыдов, наверное, удивлен тому, что я так волнуюсь. Мте Фельдман замолкает говорить о вы<ставке>.

30 сентября, понедельник

День пасмурный. Мы выпались, и настроение поименному. Сережа становится на колени и дарит мне вчерашние две тысячи пятьсот рублей. В кухне стоит блюдо с персиками, украшенное цветами, с визитной карточкой Брянских. Я начинаю печь пирожное, так как вчерашнее всё съели. К двенадцати все готово. Приходит Сорин с букетом.

Мы собираемся к Тищенко, которая больна и прийти не может. Но успеваем лишь после обеда, к двум часам. До этого Леонид и Римма совершили церемонию преподношения, я тронута Леониديным подарком: его эскиз.

У Тищенко только сели к обеду: пьют вино за здоровье обеих именинниц. Настроение гмырое, потому что Вера Георгиевна сидит тут же больная, злая и с завязанным горлом. Они долго о чем-то советуются, затем, говоря: «Разыграем все это тут», и Вера Георгиевна, и Квиль преподносят мне, первая — завязанную корзиночку, по-видимому, с пирожными, второй — букет роз. После обеда долго накрывают чайный стол. Сереже скучно, и он все время просматривает журналы, но надо отведать пирог, на котором из крема буквы «В.Г.Т.».

В половине четвертого мы очень извиняемся и спешим домой — где в четыре уже должны собраться гости. Отойдя от Тищенковского дома, я развертываю корзиночку, так и есть: пирожные, и очень хорошие. Дома на столе в мастерской стоит огромный букет и большое блюдо с фруктами. Письмо от Рябушинских. Из фруктов торчит что-то вроде кастрюльки, очевидно, для подставки. «Придется отослать обратно», — но я вынимаю оттуда античную вазу.

266

1 октября. вторник

Мы очень устали после этих дней уборки и гостей. Пока Сережа читает газету и вычитывает опять какие-то ужасы, я опять ложусь, но меня будит Леонид Михайлович, который сверху зовет Сергея Юрьевича, так как пришел Маковский. Вскоре Сережа возвращается сверху и просит меня поскорее встать и прийти наверх, чтобы быть секретарем заседания. Когда я прихожу с бумагой наверх, Маковский уже рассказывает о дивном помещении, которое он нашел, о ялтинских ужасных художниках, о том успехе, который будет иметь выставка и так далее. Я записываю под диктовку Маковского то, что он прочтет ялтинским художникам, приглашая их на выставку. Тут Сережа делает предложение, за которое он себя называет потом гениальным политиком. Он предлагает составить два условия-договор: один официальный, в котором Маковский является главным организатором и где он, Маковский, приглашает Судейкина, Сорина и так далее в жюри, и другой тайный, где Судейкин, Сорин, Браиловский и Маковский все вместе являются организаторами и участниками доходов и расходов. Таким образом, все хлопоты, все недо-

вольства, все споры будут на Маковском. Очень много времени было уделено евреям, особенно Фельдману. Мне не удалось разыграть с Риммой сценку («Я забыла Вам рассказать историю, которая является подтверждением нашего разговора, что вокруг князей собирается всегда все бездарное, — вчера я видела Фельдмана, который сообщил, что участвует в обществе садоводства, где принимают участие Юсупов и другие». — «Недостает, чтобы и мы привлекли его к нашему делу». — «А я его пригласил». — «Вы шутите». — «Нет, правда». — Неловкое молчание). Не удалось этого сделать, потому что предупредил Маковский, сказав, что пригласил его как подрядчика по части лесов, которые нужно воздвигнуть. Римма Никитична не выдержала, чтобы не сказать: «Надо будет поместить в каталог: свой зубной врач». — «Больше он ни во что вмешиваться не будет, но, знаете ли, без евреев не обойдешься — но надо всегда так устраиваться, чтобы не они садились бы верхом, а Вы бы на них ездили». — «Но как быть с его картиной? Ведь придется ее принять, и, Сергей Юрьевич, Ваша вина, что Вы ее похвалили, — я же прямо ему скажу, что я буду против его картины». — «Кстати, Фельдман Вас не очень долюбивает, кажется, вначале Вы были милы, а потом раззнакомились, фыркали на них». — «Как странно, Сережа с ним всегда очень ласков, это моя вина, я так нелюбезна с ними». После заседания Римма мне шепнула: «А ведь три четверти времени было посвящено евреям». Маковский произвел очень дельное впечатление, говорил, что будет отдел старой живописи, может быть, фарфора. Предложил устроить почетный комитет. «Вот Давыдова в почетный комитет, у него Левицкий, и он прелестный человек». — «Смотрите, не влюбитесь в него». — «Это при муже-то Вы говорите, — сказал Сережа, — я Вас даже перестал бояться». — «Да что я — для меня женщина уже больше не существует — я дошел до такого унижения, что Милиоти, уезжая, поручает мне свою любовницу». В комитет предлагают пригласить Панину. Нас всех он просит пойти к Долгоруким, к Вяземским и попросить дать старинную живопись и рисунки. У Долгоруковых великолепный Орловский. Попросить Набокова дать из дворцов мебель и растения. Маковский торопится в Симеиз, а так как нам нужно в Алушке купить бумаги, мы идем с ним. Предварительно я его угощаю именинными пирожными и фруктами. «Как много цветов и как они идут к Вам. Сергей Юрьевич, напишите Веру Артуровну и цветы — кожу и лепестки роз».

Возвращаемся из Алупки ужасно усталые и распаренные от жары. Пообедав, <Сережа> ложится спать — я же сижу в кухне и пишу дневник, как стук в окно меня заставляет открыть дверь Миرونу с букетом — который просит разрешения прийти Балановской, ее кухне и еще одному офицеру. Я бужу Сережу, но он долго не выходит, потому что зол, и когда появляется, то Балановская сравнивает его с невыспавшимся бебе. Я целуюсь с Балановской. Она в белом тюлевом платье с большим декольте и голыми руками. На завитой голове розовая шляпа «никиш» с белыми страусовыми перьями. Свежа, кругла и весела. Сережа оживляется, когда начинается забавная перепалка относительно Кореневой, которую Балановская терпеть не может и называет ее кривлякой, — Сережа и Мирон ее защищают, называют очаровательной (Мирон даже сердится). Балановская ведет себя настоящей женщиной, настоящей оперной артисткой. Нежданно приезжают с визитом Оглодины. Она очень хороша, я их веду в кухню. После них кухню осматривает компания Балановской. Мирон привез мне несколько бутылок из-под одеколону для расписывания. Одну, самую лучшую, мы распишем и подарим ему. Он на днях известит нас о концерте Изы Кремер, на которую пришлет билеты. Мирон нам обоим очень нравится, и мы всячески ему выражали нашу симпатию — он тоже. В пять часов они уехали. «Оставайтесь Вы», — говорю я Миرونу. — «К сожалению, не могу — я обедаю у Юсупова». Значит, Мирон пошел в гору. Я пошла к Римме, сообщить ей о наших гостях — ее, главным образом, интересовало известие, что к Рындиной приехал муж; а Сережа побежал с Леонидом в Алупку. К вечеру мы так устали, что были в силах только разложить пасьянс и в девять часов уже легли спать.

2 октября, среда

Сережа после трех дней гулянья решил приняться за работу — просматривает все работы с меня. «Венерой» он очень неудовлетворен и хочет замазать. «К тому же ты так похудела, что от пышной Венеры ничего не осталось». Я обижаюсь и сажусь в плохом настроении позировать на окне для нового этюда. Моя фигура силуэтом на ярком окне, рядом со мной букеты цветов и фрукты. В двенадцать часов мимоходом заходит Сорин и очень веселит нас таким разговором: «А в Константинополь Вы с Давыдовым не поедете». — «Почему?» — «Потому что я имею зуб против него». — «Он что-нибудь

плохое сказал?» — «Сказал, да не плохое, а очень даже хорошее». — «Он влюбился в Веру Артуровну?» — спрашивает Сережа. — «Может быть, и не влюбился, но, во всяком случае, моим знакомым слишком много говорил о ней». — «Да, я думаю, что я ему понравилась, потому что последний раз я проявила мою образованность, зная все пушкинские стихотворения, посвященные семье Давыдовых». — «Нет, он больше насчет глаз, чем насчет образованности». — «А Вам-то что», — хотелось мне сказать Сорину. — «Если Вы теперь поедете в Константинополь, то пойдут сплетни, и я, как Сережин друг, должен предупредить его».

Меня все это очень веселило — но Сережа, хотя тоже смеялся и не придавал особого значения, после обеда, когда я ходила за чаем, позвал меня и, сказав: «Я хочу серьезно поговорить с тобой», принялся мне говорить, по его мнению, невероятные вещи: как невероятна и необыкновенна вся наша встреча. А именно: «Если ты хочешь, уйди к Давыдову, так как с ним у тебя будет спокойная, сытая и, главное, достойная тебя жизнь, а со мной ты только худеешь и маешься. Я буду счастлив, зная, что ты счастлива». И так далее. Я и смеялась, и плакала, и всячески стыдила его.

Вечером гуляем с Марией Дометьевной и чуть сплетничаем. Сергей Павлович уехал в Ялту.

3 октября, четверг

Сережа с утра работает над вчерашним этюдом, он его срезал сверху и пишет в очень мягкой манере. Несколько раз заходит Леонид. У меня опять ужасно расстроен желудок — придется обратиться к доктору. Когда кончаем обед, я слышу наверху шаги, несомненно, гостей, и захожу узнать, кто приехал к Браиловским. Вышивальщицы говорят, что приехала пожилая дама еврейского типа с молодым человеком. В мастерской ходят и суетятся, и нам ясно, что приехала Метнер. Я предупреждаю Сережу и делаю наскоро порядок, как они уже приходят к Сереже. Меня в это время нет, и я долго не прихожу в мастерскую, когда же вхожу, то вижу, что разговор не клеится. Сережа сидит в кресле, Метнер на соломенном кресле, а ее компаньон, огромный детина, завитой, в пенсне и кожаных сапогах, стоит безмолвно посреди комнаты и своей огромной фигурой, неподвижно стоящей, как бы гипнотизирует Сережу. Я за неимением стула сажусь на кончик стола, но я вижу, что никто не может связать двух слов, <i>

ухожу, думая, что лишний человек только осложняет трудность разговора. Но отчего эта трудность? Я захожу во второй раз, картина все та же. «Вы разрешите посмотреть Григорию Васильевичу Вашу кухню?» — «Конечно». Но в это время Брянские шумят в клозете, и я прошу подождать; когда я возвращаюсь, разговор как будто стал оживленнее, и я, чтобы дать ему разгореться, молчу о кухне. Потом Сережа опять молчит — и я ему даже делаю замечание: «Что это ты, Сережа, такой молчаливый?» — «Ты знаешь, — обращает ко мне Сережа расстроенное лицо, — у меня сегодня ничего не выходит — у меня нет мыслей, я ни на что не соглашаюсь — придется отказаться». Я кое-как помогаю, советую, намекаю — наконец с большим трудом Сережа берет заказ на альбом проектов всевозможного характера. В это время происходит странная сцена: молодой человек срывается с места и, хватаясь за голову и говоря: «Ах, мне дурно», бурно выбегает из комнаты. Метнер продолжает сидеть, красная как рак, — чувствуется неловкость, и я в недоумении — что произошло? После его ухода Метнер наскоро выясняет цену (тысяч двадцать) и тогда уходит наверх к Браиловским, куда Сережа ее провожает и прощается с ее компаньоном. «Что случилось? — накидываюсь я на Сережу. — Почему ты молчал и с таким трудом сговорился?» — «Меня все нервило: пришел этот жид, встал как столб передо мной, спросил про “Карнавал”: “Картинка готова?” И потом замолк, только несколько раз, когда она ему говорила: “Отчего Вы не сядете”, — он отвечал, что очень торопится. Ну, раз торопится, так чего я вообще буду принимать заказ, ко мне приходят обстоятельно, серьезно говорить о деле, а не между прочим — потом что это за манера, сказать, что торопишься, а теперь сидят у Браиловских больше часу», — и Сережа еще больше нахмурился. — «Может быть, он обиделся за то, что ты такой гмырый». — «Ну, вот еще, вести себя неподобающе и еще обижаться!»

Работа больше не клеилась, да и стало смеркаться. Сережа и я сидели спокойно в мастерской и, друг другу не сознаваясь, дожидались, когда уйдут сверху, и прислушивались к верхним шумам. Наконец их проводили, и Леонид пришел к нам. «Представьте, чуть не в последнюю минуту они купили у Риммы ковров на двадцать две тысячи и дали еще массу заказов». — «А они ничего не говорили о Сергее Юрьевиче — почему он сбежал». Леонид чуть замялся и только сказал: «Первый раз Судейкин был в духе, а этот раз нет. Вот все, что

они сказали». От Леонида ничего нельзя было добиться, он рассказывал подробно о своем заказе, потом ушел. Мы пошли пройтись, чтобы как-то прийти в себя. Настроение было неприятное. Я имела неосторожность упрекнуть Сережу, что он продешевил: «А еще говорил: я с нее сдери сто тысяч, если Браиловские возьмут двадцать пять тысяч». Сережа тут совсем разнервился. Мы, поужинав, пошли к Римме, которая пропадала у Майделей, куда ходила отдыхать от потрясения (она чуть в обморок не упала, услышав, что у нее покупают три ковра). Поздоровали ее (Сереже завидно), поболтали и поделились впечатлениями. Римма, как человек прямой и болтливый, стала нам откровенно и подробно рассказывать, что метнеровский компаньон говорил о Сереже и так далее. И тут выяснилось все — и гмырое настроение, царившее во время визита, и плохое самочувствие всех, и вся психология. Григорий Васильевич был в страшной обиде на Сережу, что он не пригласил его сесть и что устроил ему такой ледяной прием, говорил с ней, а ему ни полслова. Что Сережа имел вид Леонардо да Винчи, а он бедного тряпичника. Что он знал Сережу раньше, как художника, очень ценил его, и с трепетом шел к нему, и не ожидал, что большой художник может так себя вести. Григорий Васильевич — человек, еще не приобщившийся к искусству и очень романтически относящийся к нему.

Выслушав все это, Сережа понял, что сделал большой промах, что мог, действительно, получить большой заказ, а теперь, может быть, и этот фукнет. «Да и вообще, теперь я не желаю работать на этих жидов».

Но Римма стала уговаривать его исправить дело, позвонив по телефону, — стали звонить, но у Браиловских телефон оказался испорчен, а у Пантелеевых не дозвонились. Что делать. Сережа ходил очень хмурый: «Это ты во всем виновата, если бы ты не отсутствовала все время, а помогла бы мне оживленно говорить, все было бы хорошо. А теперь мне и работать не хочется. Только поэтому и у Риммы купили столько». — «Если ты уж так хочешь поправить дело, то поезжай завтра утром в Ялту». — «Но он завтра рано уезжает». — «Так поезжай совсем рано — я тоже поеду, мне к доктору, а ты будто пользуешься моментом».

Мы сразу повеселели и, разложив пасьянс, пошли спать. Но у меня от усталости и нервности вдруг полились слезы, и я выложила Сереже все обиды мои на него. Сначала он рвал метал, потом проникся нежностью, и мы любовно и нежно заснули.

4 октября. Пятница

Хотя мало спали, но встали без десяти минут шесть очень бодрые. Пока оделись, ставили самовар, стало уже семь часов, и мы к половине восьмого только пришли в Кореиз. Настроенные нежно, мы радовались утру и решили всегда рано вставать. В Кореизе нам удалось сторговаться за пятьдесят рублей с извозчиком, который к девяти часам нас привез в Ялту. Мы около месяца не были в Ялте, и дорожные впечатления опять очень освежили нас. Когда мы подъехали к Джалите, Сережа слез, а я поехала на базар. Перед Джалитой уже стоял экипаж, в который садился Григорий Васильевич. Сережа поспел минута в минуту, чтобы ликвидировать недоразумение. Григорий Васильевич расцвел с первых же слов Сережи, и в пять минут дело было настолько улажено, что с этого момента, без сомнения, дружеские чувства у Григория Васильевича к Сереже перевесили. Сережа взял с него обещание пить у нас чай, как только тот вернется из Ростова. Я тем временем покупала на базаре сахар и разыскивала в аптеке адрес доктора Сиротинина, но, так как он живет где-то очень далеко, я решила обратиться к доктору Васильеву, тем более, что этот доктор когда-то хорошо знал Сережу и ухаживал за его сестрой. По телефону мне горничная ответила, что его нет дома, — но я решила пройтись к нему наугад, так как до одиннадцати часов — час свидания с Сережей в городском саду — было много времени.

На Виноградской у него оказалось такое палаццо, что я сомневалась, пойти ли к нему. Войдя, не могла найти парадной и решила идти через сад. На балконе много народу, декольтированные женщины, смех и разговор. «Попала на именины, как неудачно», — и спрашиваю какого-то мальчику, как пройти к доктору Васильеву. В это время молодой человек в сапожках слезает с лестницы: «Вы артистка Коренева?» Тогда я сразу понимаю, что здесь синемаграф, и узнаю в молодом человеке маленького помощника режиссера Андреева, с которым играла в Вербицкой. Но не подаю виду и, строго отвечая «нет», спрашиваю его, как пройти к доктору. «Пожалуйста, тут». Быстро прохожу мимо репетируемых сцен, у аппарата стоит Волков. Вхожу в вестибюль, где в углу сидят два гримированных артиста и разговаривают, сажусь. Молодой человек за мной и так и увивается: «Вы, наверное, артистка. Да?» — «Какое Вам дело». — «Вы танцовщица, я знаю наверное». Я молчу. «Вы, наверное бы, сыграли у нас». —

«Нет, я не играю больше». — «А, значит, Вы играли раньше и Вы артистка». — «Если Вы так интересуетесь мной, то позабойтесь найти доктора Васильева». Он забегал и захопота, и вскоре пришла горничная. Доктор был дома, но уезжал сию минуту к больному. Она советовала сговориться с Васильевым: «Как о вас доложить?» Я подозвала ее поближе и сказала: «Жена художника Судейкина». Не успела она выйти в другую комнату, как на нее набросился молодой человек: «Кто это?». Очевидно, она ему сказала. Через минуту пришел доктор Васильев, мило мне назначил в три часа и предложил провести меня другим ходом. До одиннадцати оставалось еще полчаса, и я, купив газету, ждала Сережу до половины двенадцатого — сначала в городском саду, потом на набережной. Встретила Запорожца, который фланировал, затем Вертинского, который оглядывался на меня и, зная, кто я, но не зная, знаком ли, сомневался, кланяться или нет. Одет был в клетчатые брюки и голубенькую пижаму пятилетнего ребенка. Походка разочарованного Пьеро. — Наконец встретила Сережу с Бучумовым. Он успел обойти всех художников, бросить карточку Метнер (у Тесленки) и теперь хотел отдохнуть полчаса в café. В это время Запорожец спрашивает, где может познакомить Сережу с меценатом, московским шелковым фабрикантом. — «У Ravet». Садимся у Ravet — вдруг дама подбегает к Сереже: «Господи, Сергей Юрьевич, как рада Вас видеть, а сейчас мы с Изой Кремер любовались Вашей женой, а теперь Вами — как Вы поправились, похорошели — а я бежала из Петрограда, приговоренная большевиками к каторге», — это артистка Марадудина. После нее к нам подходит Запорожец, его жена и московский шелковый фабрикант — бородатый старик, меценат, и мальчик в пенсне. Вся эта компания садится у нашего столика. Мне Запорожец, маленькая толстая женщина лет сорока с хвостиком, в завитушках и бантиках, требует кофе со взбитыми сливками, хоть ее муж уверяет, что ее ничем угощать не нужно, потому что у нее грудная жаба. Я говорю с ней и со стариком, от которого узнаю, что у него дом рядом с Третьяковской галереей и много коллекций. Все мужчины уходят рядом к Минасову смотреть картинку эротического содержания, приписанную Тропинину только потому, что под ней стоит «Т», а я двадцать минут скучаю с Mme Запорожец, которая рассказывает мне, что на ней надеты последние хорошие шелковые чулки, а за новые она заплатила восемьдесят рублей и <они> никуда не годят-

ся, что из Москвы она успела вывести бриллиантов на тридцать тысяч, и «тридцать тысяч» она произносит так, что непонятно: триста или тридцать тысяч. К счастью, мужчины скоро возвращаются, и мы прощаемся с ними. Они обещают к нам приехать в скором времени. «Да, но ведь к Вам на самую гору лезть нужно!» — заявляет госпожа Запорожец. — «Как гору — ведь мы у самого моря живем». — «Ах, он, подлец, нарочно мне про гору рассказывал, чтобы я не ехала». — «Так приезжайте — будем ждать Вас», — и мы говорим свой адрес. «Капитоша, у тебя ведь картина Брайловского есть». — «Да вовсе, матушка, не Брайловского, а Брюллова». Мы уходим, помирая в душе со смеху. Сережа идет по художникам с Бучумовым, а у меня до доктора есть час времени, и я наносу визит Метнер у Тесленки. С Сережей мы встречаемся потом у доктора.

274

5 октября, суббота

Встали в восемь часов, выпив чай, пошли к Рындиной, Сереже хотелось видеть Грифа (Соколова). Она одевалась, они нас приняли на балконе. Сережа расцеловался с ним. Шрам едва заметен. Он, по-видимому, очень несчастлив — потому что любит ее, называет «мое золото». Он рассказывал о плене, о лагере, о театре, теннисе. Говорил умно о событиях — вообще проявил много образованности. Вышли все вместе, уже на лестнице заговорили о красивой жене Милиоти, которая играет в кинематографе, — очевидно, у Ермольева. «Там играет только Лисенко и Карабанова». — «Как Карабанова, Господи! Да ведь мы вместе танцевали! Сколько воспоминаний!» — «Да она тут же живет! В “Ореанде”!» Я бегу к швейцару, <к> госпоже Вермель — № 9. Я бегу вверх, открываю комнату — горничная убирает комнату, она сидит на балконе и читает журнал — узнав меня, вскрикивает и падает в мои объятия. Встреча самая трогательная. «Вы с мужем здесь?» — «Да». — «С тем же или другим?» — «Тем же» (современный разговор). Я спешу, так как Рындины ждут, и, взяв с нее обещание приехать к нам (о нашей кухне и она знает, Иван Павлович рассказывал), иду в сопровождении ее в вестибюль — там Сережа разговаривает с Набоковым, а Рындина с Сомовым. Сережа мило говорит с Карабановой, и мы идем. Расстаемся у старьевщика (антики), где Рындина собирается что-то купить. На днях «Грифоны» приедут к нам. Еще раз на базар и тогда на пароход. Подходит сначала большое судно, затем наш маленький. На нем подъез-

жает Маковский. До отхода говорим с ним два слова о выставке. Отъезжаем. Погода дивная, море гладкое, пассажиров немного. Пейзаж такой, что Сережа все время ахает и жалеет, что нет хотя бы карандаша. Безобразные постройки наводят на разговор о том, какие дома нужно строить на гористом берегу. Такие, которые сливались бы с природой, — архаически греческие и очень монументальные. Какие скульптурные украшения можно было <бы> дать скалистым берегам!

В Мисхоре рыбацья лодка подвозит нас к берегу — мальчишки-татары окружают, плавая, пароход.

Сахар оставляем у Тищенко, которые сегодня переехали в Ялту, а сами к обеду поспеваем домой. Жара страшная, а у нас прохладно. Браиловские приходят во время обеда слушать рассказы. Сережа спит долго, я чуть-чуть. Ставлю самовар и много пью чай. Хочу навести порядок в квартире, унести именные букеты — приходит Гурари, говорит, что Татьяна Николаевна сейчас зайдет с просьбой о письмах — рекомендательных. Сережа набивает подрамки — затем идем вчетвером к Палладе — она собиралась к нам с толстым письмом Шт<акельберга?> и стихами Волконского. Она обещает Татьяне Николаевне написать к завтра несколько писем и идет с нами, где по-старому остроумно рассказывает о поведении своей хозяйки госпожи Грюнберг. Браиловские слушают ее. Мы ужинаем. Едва Паллада ушла, как приходят Рябушинские. Им мы рассказываем о Ялте и о Метнер. У Сергея Павловича новые дела: они устраивают в Ялте банк, который покупает имения, и делит на участки, и продает.

Сегодня хоронили Толстого. Церковное пение смешивалось с граммофоном.

6 октября. воскресенье

Я заболела и лежу до обеда. Сережа работает над «Карнавалом», обобщает его, а я читаю роман. Встаю в четыре часа. Сережа идет к Сорину, который звонил (дал Маковскому тысячу рублей и беспокоится о деньгах), кроме того, он болен. Ко мне заходит Татьяна Николаевна. Я ей пишу письмо к доктору Васильеву.

Сережа начинает новую картину — берег со скалами. Приблизительно то, что мы видели с парохода у Ореанды. Одна скала в воде, и у нее плещутся нимфы, на скале пан. Неба почти нет. Вверх гроздятся покрытые лесом горы. Стада. Полдень. Я ложусь в половине девятого, а Сережа сидит в кухне и

компонует. По коридору бегают и играют, как дети, котята. Очень уютно, и я хорошо засыпаю. Просыпаюсь через час. Сережа все еще работает (болтает Леонид у нас), а у меня на кровати мурлыкают все котята, усталые от игры. В двенадцатом часу и Сережа приходит спать.

7 октября, понедельник _____

Сережа целый день работает над новой композицией. Вечером Квиль и Вершинин. Серьезные разговоры о мире. Письмо от папы.

8 октября, вторник _____

Вчера вечером пришел Маковский, а сегодня утром было заседание. Сережа рано, в половине шестого, ходил за Сориным. Все благополучно, выставку не переторопят, а откроют через две-три недели. Сорин будет заканчивать мой портрет не особенно охотно, но мне бы хотелось. Сережа пошел провожать Маковского в Алупку. Письмо от Жени. Встреча с Биленки. Вернувшись, сел переделывать композицию и испортил, по его мнению. Сердился, что потратил дорогую краску, голубую небесную. Приходила невпопад Паллада сообщить, что рассорилась с хозяйкой. Мы советовали помириться, потому что комнат нигде нет. Пока она рассказывала всякие истории про жильцов и доктора, ухаживающего за ней, Сережа лежал. Встал, когда уже наступили сумерки, я сидела в саду с Леонидом и разговаривала о земельных покупках и стройках. Брянский по телефону узнает о мире. Приходил Поль и успокоил относительно ухода немцев — если мир, то они останутся. Сережа весь вечер нервничал, что у него нет вещей к выставке, что даже Римма, которая, в сущности, целиком ахает с него, забудет его своими коврами. Леонид, который тоже вышел из него, выставит тридцать хороших вещей, у Сорина такие облака — совсем судейкинские, а у него самого ничего — и целая уйма обвинений посыпалась на мою голову: он так обожает меня, так неразлучен со мной, что если я не выражаю желания пойти на эту, то сам он не додумается. Я не интересуюсь его работами и все прежние обвинения. Я серьезно обиделась и просила мне больше подобное не говорить, а Сережа твердил все одно: «Я тебя обожаю и без тебя не могу создать ни одной вещи. Кроме “Карнавала” у меня ничего нет. Я художник большого масштаба, я хочу писать с натуры — мне надоело выдумывать».

9 октября. среда

Утром этюды на воздухе (мои) до обеда. В два пришел Сорин писать портрет (о мире, о любовнике Черной Штучки, о том, как выругал Великого князя за большевизм).

Сережа скучал и заходил к Палладе. Я беспокоюсь, что отнимаю у него мастерскую своим портретом.

Вечером с легкостью Сережа набрасывает пять силуэтов. Немцы в Ялте кричат: «Frieden, Frieden <Мир, мир>!» На небе радуга.

10 октября. четверг

Сегодня день скандалов. Римма накричала в телефон на Долгорукую и управляющего Кострова, за то, что этот назначил без их ведома собрание жителей Мисхора в их студии по поводу разговора о самоохране (на случай ухода немцев и прихода большевиков). Леонид в Ялте, в семь часов заехал Ермольев на автомобиле за ним. Вторая ссора между нами и Сориним. Собственно, крупного разговора не было, но он готовится. Сережа даже побежал за ним, но не застал его, к счастью.

Он пришел в половине первого работать и заявил, что неохотно отнимает у Сережи мастерскую, на что Сережа заявил, что с большим удовольствием дает ему ее на восемь дней.

Сережа написал изумительнейшие этюды (два). Я думаю, что он нашел окончательный и правильнейший подход к природе.

У меня планы относительно стройки и устройства домов и их продажи.

Вечером заходила Паллада, приглашала на Изу Кремер, читала свои песенки. Сережа делает мне изумительный рисунок для силуэта (рыдван в снегу).

11 октября. пятница

С утра хотим писать этюд: я на лесенке. Уж очень у Сережи удачная полоса рабочая, боишься ее спугнуть, но пошел дождь, и мы весь день просидели в комнате. Я делала силуэты и кантовала Сережины рисунки, а он писал «Весну (с индюком)».

В четыре часа пошли к Рябушинским, которых как-то давно не видели, и премило провели у них время до семи. Мария Дометьевна была чуть-чуть больна, и мы сидели у них в комнате. Говорили о «громадных» делах. Они ездили осматривать имения, Партенит и другие. Хотят купить и разбивать на участки, и продавать.

12 октября, суббота

Ожидается Метнер. Сережа предлагает мне убрать квартиру. В коридоре вешает этюдики, а в клозете наклеивает Zille. Я окантовала еще вчера его все рисунки. К обеду мы одеты и готовы. Она приезжает с Марией Павловной. Леонид Михайлович получил странное письмо от Сорина, где он отказывается от участия на выставке, потому что у него нет работ, и жаелает всем успеха. Сережа идет к нему, кстати и поговорить о портрете. Я волнуюсь и прошу его не говорить всего того, что он хотел. Он успокаивает меня, он идет также предупредить Сорина насчет Метнер, которая заедет сегодня к нему. Я приготавливаю чайный стол, почему-то нервничаю. Привезла ли Метнер задаток Сереже. Сережа возвращается — все с Сориним улажено. На выставке будет участвовать, портрет мой докончит — ссоры никакой нет. Мне он написал милое, извинительное письмо. Он болен, у него, очевидно, испанка. Сережа идет наверх позвать к чаю Метнер и Марию Павловну. В это время слышу шаги в мастерской: «Можно?» Выхожу: Вертинский. «Я с Изой Кремер и с Марадудиной — Сергей Юрьевич может нас принять?» — «Он будет очень рад — но сейчас у него деловой разговор». И я бегу его предупредить. Сережа идет вниз. И мы принимаем всю эту компанию. Все они производят милое впечатление. Иза Кремер лучше в натуре, чем на ее фотографиях, Вертинский картавит, как аристократ, и говорит о своих успехах трогательно, а именно: «Я так привык к такой жизни, что будет, если вдруг запас аплодисментов кончится у Боженьки, — ведь на все есть определенное количество». Иза Кремер приехала, собственно, по делу: заказать Сереже экран, костюм и плакат. Вертинский тоже хочет «посоветоваться», его костюм Пьеро и надоел, и истрепан. Я их угощаю пирожными, чаем. — Осматривали кухню. Но, так как Сереже нужно говорить с Метнер, он на время уходит. В это время приходят Браиловские, и Римма ведет всех осматривать ковры, от которых они в восторге. Вертинский, у которого еще недавно не было денег на колбасу, говорит: «Десять тысяч — как дешево Вы за них берете! По пятьдесят тысяч!» Затем идут в мастерскую Леонида Михайловича смотреть его эскизы. Там Сережа с Метнер говорят о делах. Приходится попросить их пойти вниз. Туда же приходит Мария Павловна и пьет чай. Через десять минут все спускаются опять к нам, и Сережу с Метнер приходится попросить в кухню — где они и заканчивают, на этот раз удач-

но, дело. Сережу я еще раз отрываю проститься с Вертинским и компанией, которые уезжают обратно в Ялту. Перед нашей дачей стоят два шикарнейших извозчика. Вертинский на днях будет петь в Алушке и пришлет билеты. «Будете? Обязательно будете? Для Вас я особенно хорошо спою». Они уезжают, и мы все выражаем надежду еще раз увидеться. Даю им поручение в Одессу — попросить Озаровского написать нам. Сережа получает, между тем, три тысячи задатку, а дело складывается так: ему представляется в ее музее целая комната, которую он может обставить, как хочет: ковер, панно, мебель, люстра, печь и так далее.

Я даю Метнер расписку, и они уезжают. Браиловские едут с ними до Паниных, и Метнер со сладострастием говорит кучеру: «Во дворец Паниных». Падки они на аристократию! Мы идем к Сорину, которого застаем в постели с 39-градусной температурой. Метнер заедет к нему следующий раз. Мы вполне помирились. Написал он письмо, потому что чувствует себя как портретист не на высоте положения: Милиоти пишет портреты, Сережа выставит мой, а у него мой портрет не закончен, а старые портреты Маковский не допускает выставлять.

13 октября, воскресенье _____

С утра капает дождь, а в одиннадцать часов гроза со страшным ливнем, а Сереже так хочется заканчивать этюды. Легли спать, потому что я бегала к Сведомским менять деньги и промокла. В половине первого попробовали писать этюд, но солнце то выходило, то скрывалось. К обеду приехал Маковский. С первых слов, когда он, промокший, входил в кухню, мы поняли, что выставочные и политические дела неважные. Он попросил устроить заседание, а о политике сказал только, что мира, очевидно, пока что еще нет, что немцы с минуты на минуту могут уйти и что серьезно опасаются возврата большевиков, и что тогда будет!.. Ялта с ее богатствами, игорными домами и так далее будет многому виной.

У нас на весь день испортилось настроение.

Маковский у нас обедал, а после обеда, когда пришли Браиловские, он стал говорить о выставочных делах: смета в двадцать пять тысяч, он прочел — денег таких мы не можем дать, и поэтому он предлагает попробовать занять их, у него есть в виду такой человек, который бы дал даже целых три<дцать>. Во вторник он даст нам ответ. Говорил он так уверенно, что

Леонид Михайлович после его ухода сказал: «Помяните мое слово, это все инсценировано — и преувеличена большевистская опасность, и смета, и все». Может быть, потому, что, несмотря на всю отчаянность положения, Маковский оставил нам программы и билеты для обозначения картин.

После чаю он ушел, а Сережа бегал к Сорину. Тот выздоровел и сидел у Квиля, который устроил воскресный обед с шампанским для барона Штейнгеля, его жены и какого-то офицера с женой. Сережа говорил о политике, все очень пессимистично настроены и боятся возврата большевиков. Сережа вернулся домой крайне расстроенный, и весь вечер мы раскладывали пасьянс. Стало холодновато, на улице дождливо, шумит водопад — все это так напоминает зиму. От скверного настроения мы слегка ссорились, то есть Сережа делал упреки, что я все время молчу.

280

14 октября. понедельник _____

Покров день, праздник, унылый звон колокола, опять дождь, и Сережа принимается за мой портрет. Работаем до обеда. Я встала в шесть часов и очень устаю. После обеда Сережа спит, а я читаю рассказы Сургучева — и от чрезмерной психологии у меня начинает болеть голова. Чай с пирожными освежает нас, идем наверх, болтаем, там по случаю праздника нет вышивальщиц, одна Мара Пантелеева вышивает, да Римма немного ковыряет. Небо проясняется, и мы четверо идем в Алупку прогуляться. Идем весело, покупаем Воронцовский виноград, говорим о постройке мастерской, о покупке земли. В Алупке я покупаю на семьдесят рублей вкусных вещей. У нас был тем временем Сорин, просил Брянского передать нам, что Маковский сильно утрировал, что события не так плохо складываются. От этого мы повеселели. Вечером у нас сидели Рябушинские. Они едут в Харьков, я передам им письма для мамы и для папы. Зиму будут жить в Ялте. Я показывала план нашего будущего домика, силуэт Сережа рисовал.

15 октября. вторник _____

Я позирую с девяти часов утра, сначала этюд, затем портрет (отдых полчаса), затем опять этюд в сарафане — тут происходит маленькая драма. Метнер звонит Римме по телефону, что покупает ее четвертый ковер, — Сережа возмущен, что у него, такого художника, она ничего не купила, а только торгуется, и высказывает это Римме, причем говорит ей: «Заве-

ли себе жидовскую меценатку и радуетесь, а я ей ее три тысячи в морду швырну». Я полагаю, что Римма должна очень обидеться на такие слова, поэтому краснею, нервничаю и даже ухожу с сеанса. Сережа зовет меня, но я так расстроена, что чуть не плачу, мне кажется, что Римма наверху рыдает, и я возмущена, что Сережа, такой большой художник, и высказал такую мелкую зависть. Я вновь ухожу — Сережа, тоже расстроенный, бросает работать и говорит мне сначала обиду, что жена Григорьева, наверное бы, наскандалила, что не у ее мужа купили, а у какой-то вышивальщицы, а потом готов пойти мириться. Возвращается обратно веселый и смеется: «А Римма и не думала обижаться — она даже не поняла, почему я извиняюсь, а ты-то чего плачешь». — «Очевидно, я тоньше ее чувствую и обиделась за нее». — «Вот история!» — и Сережа смеется. Мы пьем мирно чай, а потом устраиваемся в кухне уже на вечер. Я пишу письма маме и папе. Заходит Сорин — он будет послезавтра дописывать портрет. Он в восторге от Сережиных этюдов, сравнивает его с Corot и М<нрзб.>, о политике говорит очень успокоительно, хочет переехать в Ялту, а в Мисхоре останется, пока не кончит моего портрета.

Виктор Диодорович сидит впервые у нас и смотрит, как Сережа раскладывает пасьянс. Говоря о политике, выясняется, что он реакционер. Сережа забегал к Рябушинским. Они будут послезавтра.

16 октября. среда

Я плохо спала, потому что снились большевистские сны. С десяти часов стала позировать для портрета и сидела до обеда. Сережа страшно нервничал за работой, один раз даже все опять стер, что написал, и от этой смазанности лицо стало мягче и лучше. Но Сережа остался крайне недоволен работой и говорил все: «Я совсем разучился работать в большом масштабе — все детализую, — а больших плоскостей даже боюсь замазывать». После обеда я пошла к Палладе, которая меня вызывала по телефону: она больна и ей нужно было составить французское письмо. Я просидела у нее около часу. Она меня занимала рассказами о скандале с хозяйкой, который кончился криками: «дура», «Вы из простых», истерикой и кровохарканьем. В результате Паллада должна есть в своей комнате и по возможности скорей выехать. Прочла стихотворение, написанное ей в альбом Феликсом Юсуповым, — гнуснее ничего не придумаешь, смысл такой: как ты ни старайся, я тобой не соблазнюсь.

Пришла домой, Сережа встал и звал в Алупку, потому что для этюда уже было поздно. В четыре часа уже солнца нет! Но я так устала, что прошла несколько шагов и вернулась, у меня чувство, точно всю кровь вылили из меня. Сережа пошел звать Леонида Михайловича; в это время пришли к Браиловским с визитом Рябушинские. Они просидели пять минут и все вместе пошли в Алупку. Я осталась болтать с Риммой и Олей Майдель. Потом, при луне, иду по шоссе навстречу Сереже — он идет веселый с Леонидом Михайловичем — оба говорили все время об искусстве и решали издать трех художников (Лебедева, Микешина и <не законч.>)

Сережа взял из починки три пары сапог (девяносто рублей) и купил полфунта колбасы — мы ужинаем, а затем идем к Рябушинским, где вместо пяти минут сидим полтора часа, — разговор о политике, о России, о национальности, о капиталистических странах. Сережа говорит волнуясь и сумбурно и сознается в этом.

282

17 октября, четверг

Маковский прислал телеграмму: «Все устроено, жюри 20-го, выставка 27-го». От этого все разволновались. Сережа стал просматривать работы — решили, что Сорин уж не будет писать, — едва ли и Сережа успеет кончить мой портрет. В первую очередь этюды. У Риммы тоже закипела работа. А мои силуэтики — еще сколько нужно сделать! А стекло нет. Сережа сел писать большой этюд, где я вроде Resamier; перед самым обедом пришел стекольщик, и мы час провозились с мерками и выбором стекол. На сто восемьдесят рублей! Сережа задает такой глупый вопрос: вернутся ли деньги?

После обеда я на минуту забегаю к Палладе, чтобы отдать ей французское письмо. Она объясняется мне в любви и спрашивает совета, как заработать деньги. Сережа тем временем уже приготовился писать другой большой этюд (закатный), но пишет до четырех, когда солнце садится, только пейзаж. Потом пьем чай, заходим к Леонардо — у него уже несколько эскизов окантовано — выглядят неожиданно хорошо, и Сережа меня, уходя, спрашивает: «А вдруг Леонардо больше меня продаст? Что я буду тогда делать!» Мы смеемся. Когда электричество загорается, Сережа садится дописывать ночной этюд у окна со мной. Заходит Ольга Богдановна, смотрит портрет (сегодня его видела Сведомская, и он ей очень понравился). Затем Римма с Леонидом — советуемся, когда послать

вещи. Маковский просит к воскресенью, Римма хочет это сделать. Сережа — лишь за день до открытия. Я говорю, что тогда я поеду выбрать место. А 25-го мы переедем на неделю в Ялту, будем жить у Павлина. Сережа пишет до девяти часов, затем мы ужинаем и ложимся спать.

18 октября, пятница

Художники, безусловно, нервны перед выставкой. Сережа не спал всю ночь, вставал, пил воду, ел котлету и спал до половины девятого. Римма, оказывается, тоже. Начинается бешеная работа. До обеда три этюда — вчерашний вечерний Сережа пережелтил и исправлял его днем — потом писал фигурку в большом этюде и закончил этюд, где я гуляю меж роз в сарафане. После обеда сейчас <же> принялись за маленький <этиод> под деревом. Теперь эта серия из четырех закончена. В виде отдыха смотрели, как лучше скомпоновать развеску. Я сегодня утром, пока Сережа спал, вымыла стекла и буду кантовать вечером. Сегодня из Ялты звонил некий Морской и вызывал Сережу, чтобы сообщить, что есть два письма из Москвы, от Федотика и, очевидно, мамы. Звонящий сказал, что знает меня, потому что служил у Тимана, а теперь приехал в Ялту с новой кинематографической фирмой «Русь» и, зная, что я раньше играла, просит меня сыграть. Сережа, конечно, показал ему в телефоне или мысленно, уж не знаю, кукиш, но мило пригласил заехать к нам.

Звонил Дерюжинский, Леонид говорил с ним что-то долго и сухо, все о жюри и Маковском, Сережа, наконец, подошел и стал с ним говорить. Дерюжинский, оказывается, волнуется, что его не оповестили об открытии выставки. Сережа с ним крайне любезно обошелся — пригласил его поместить свои скульптуры в его отделении и сказал, что Дерюжинский может и без жюри помещать, на что тот стал рассыпаться в любезностях: «Я Вам так признателен, мне так лестно», — и так далее.

Затем Римма звонила Полю о жюри — у того есть акварельки. Потом вызывали Сорина, и было решено, что все поедут в воскресенье на жюри и выбирать места, а то выйдут неприятности. — Одним словом, телефон работал.

Когда стемнело, Леонид Михайлович с Сережей пошли к Хотяинцевой жюрировать ее вещи. Недович тоже пристаёт посмотреть ее работы (!). Сережа возвратился от Хотяинцевой с кошмарным чувством: «Эта старая обезьяна “наковы-

ряла” черт-те что». И он мне изображает на листке бумаги ее манеры и технику. Я отплеываюсь. Вечером к Римме Никитичне принесет Вальтер свой этюд.

19 октября, суббота

Сережа пишет большой этюд у окна до обеда. В два приходит Сорин на жюри, которое очень плачевно. Сережа идет на террасу Риммы Никитичны, и там Недович расставила свои бездарности. Сережа молча уходит, Римма шепчет: «Как неловко», а Сорин говорит: «Да пошлите завтра в Ялту на жюри — я ничего определенного сказать не могу», — и уходит. Недович нисколько не взволнована, только говорит: «Как у Вас ничего не ладится! То ли дело в нашем обществе, там все складнее!» Вальтер беспокоится и нервится чрезвычайно, надевает фартук, половинные очки и что-то дописывает — забыла про ребенка, и Мария Алексеевна поэтому хмурится. Сорин только мычит, глядя на ее работу, — а Сережа, когда она в десятый раз приносит свои этюды к нам в кухню, не выдерживает и, смеясь, спрашивает: «Вам так хочется выставить? Почему, собственно?» — «А что, очень плохо?» — и Вальтер панически смотрит на него. — «Нет, очень хорошо, но...» — и он как-то не досказывает. Вечером мы видим, как она бежит в Гаспру к своим за стеклами и ночью возвращается, и кантует на следующий день с утра.

Сорин очень хвалит портрет и большие этюды Сережи, видя меня в стольких видах, шутя называет его Amateur <любитель>.

До сумерек я успеваю сделать один силуэт — у меня почти ничего не готово.

Потом готовлю к завтра в дорогу пирожки Сереже. Приходят Поли — он приносит свои акварели.

20 октября, воскресенье

К часу заказан извозчик. С утра невероятная спешка. Сделать ничего не приходится, так как Сережа приводит в порядок работы, моется и бреется, а я докантовываю рисунки, убираю квартиру, мою стекла для того, чтобы, как только они уедут, сесть за силуэты. В час я еще успеваю накормить Сережу, и они уезжают. Забегает еще взволнованный Поль. Как только они уезжают, я так <ой> оказываюсь усталой, что, пообедав, ложусь и не могу, чтобы не отдохнуть час. Потом спешно принимаюсь за работу — страшно боясь, что кто-

нибудь помешает. Приходит Паллада и хотя не очень мешает, но тормозит работу.

21 октября, понедельник

Сереза приводит в порядок вещи. Я рисую силуэты. Приходит Паллада. «Для этой выставки!» — «Как, выставка будет очень хорошая». — «А кто же кроме Вас?» — «Будет ретроспективный отдел». — «А кто же там будет?»

Столяр.

Вечером идем втроем в Алупку. Пьем у Витали кофе. Мне Фельдман, Руфь. На обратном пути разговор о политике. Я злюсь.

22 октября, вторник

Холод!

Паллада должна читать роман (продолжение). Сереза утром на холоде пишет меня декольтированную. Потом портрет до обеда, потом спит. Паллада приходит и рассказывает, что переезжает к Хотяинцевой. Говорит по телефону (Римма возмущается и запрещает). Эротический рассказ о Врангеле и Н<нрзб.>. Идем в Алупку с Браиловскими. У Паллады сидят все Хотяинцевы.

23 октября, среда

Я встаю в шесть часов, когда еще нет солнца, работаю над силуэтами. Потом позирование — мучительное, я мечтаю, чтобы был выставлен портрет, — но спешка меня изнуряет и доводит до нервности чрезвычайной. Еще столько кантовок. Заходит Биленкий — Сереза его утром отчитывает за сходство с Григорьевым. — Сорин заходит. Весь день в ожидании каких-то скандалов. Римма зовет посмотреть себя в бархатном платье и воротнике, который ей выгладил Брянский. Сорин приходит ругаться насчет 15%. Вечером Татьяна Николаевна и Гурари. Я в подавленном настроении, которое держится вот уже несколько дней, — а Сереза готов ежеминутно скандалить, от этого бьется сердце.

24 октября, четверг

С утра уезжают Браиловские, а Оля Майдель везет на Юсуповской линейке гобелены и Серезину картину. Лидия Никитична мне кантует. Заходит Биленкий — в восторге от Серезиных картин. Я мечусь целый день.

25 октября, пятница

286

Последняя неделя перед выставкой была чрезвычайно утомительна. Я по какой-то неизвестной причине нервничала, злилась, выбивалась зря из сил, и Сережа очень сердился на меня за это. С утра до позднего вечера меня одолевали хлопоты и заботы хозяйственные и художественные, особенно последние. Нужно было позировать Сереже для закончивания маленьких этюдов и для портрета, нужно было закончить силуэты, из которых многие были еще совсем сырые, нужно было все окантовать и уложить, и за день, по крайней мере, до выставки отвезти в Ялту. Было решено, что мы поедем в пятницу. Браиловские уже уехали в четверг, и «Карнавал» был послан с Римминными коврами. В четверг я в последний раз должна была позировать для портрета — он все еще не удавался, и Сережа бросал работу и говорил, что не выставит его, а я, несмотря на нервность, высиживала по три часа. Так как я чувствовала, что ничего не успею сделать к пятнице, была приглашена Лидия Никитична для окантовки моих силуэтов, это было для меня спасение. И все же в четверг вечером многое еще не было готово. Тогда Сережа попросил меня сделать ему большое удовольствие и поехать лишь в субботу. Я согласилась и была потом рада, потому что пятница оказалась потом наиболее веселым днем. Во-первых, до обеда я еще позировала Сереже для портрета, который был закончен и которым Сережа наконец был доволен, затем были оклеены и докантованы все силуэты и Сережины работы. Потом я гладила себе и Сереже платья и брюки, причем Брянский мне предлагал свои услуги, затем Сережа в присутствии Брянских устроил смотр своим работам и остался доволен. А вечер был посвящен веселой упаковке, причем мы распевали из всевозможных опереток, какие только приходили на ум.

В субботу в восемь часов подъехал заказанный экипаж, на который проявили большое поползновение Хотяинцева и Паллада, тоже ехавшие в Ялту.

Всю неделю я соображала, на сколько Сережа может продать и можно ли будет купить землю.

Мы в элегантном виде еще показались Брянским и, распростившись с кошками, которых никак не могли выгнать из-под экипажа, — отъехали. Поездка, как всегда, очаровательна. И Сережа, как всегда, настроен поэтически и говорит мне на ухо тысячи любезностей.

В Ялте подъехали со всеми вещами к выставке, не зная еще, где устроимся. Первую особу, которую встретили в Ялте, — Метнер. Накануне Сорин звонил нам о скандале на выставке из-за места, которое у него отняли, и я боялась, как бы с Сережей чего не вышло, — но все вышло благополучно, место его ждало, и Сережины слова оправдались: «Мой характер знают и побоятся меня как-нибудь обидеть». На выставке все уже было развешено, но из художников никого не было, только Сорин докантовывал и развешивал свои вещи. Мы тотчас же принялись за работу. Было трудно из-за солнца, из-за рефлексов, к тому же рабочие, которые должны были помогать вколачивать гвозди и вешать картины, торопились, и мы, развесив с их помощью все картины, после их ухода все сняли и начали скомпоновывать сначала. «Карнавал» пришлось вешать на боковой стене, потому что на средней он блестел, но когда стали приходить художники — все заявили, что «Карнавал» не на месте, и развеску пришлось начать сначала. Маковский, затянутый в свой неизменный клетчатый костюм, сильно осунувшийся, с изнервленным лицом, несколько раз прошелся по выставке, ни с кем не говоря. Пришел Билибин, не пьяный, но веселый. Очень хвалил мой портрет: «Это лучшая работа Сергея Юрьевича». Про «Карнавал» сказал, что это тоже хорошая вещь, но имеющая много «но». Пришел Яновский и, узнав, что нам нужно стекло для «Весны», сейчас же побежал за ним, успев сказать несколько восторженных слов о Сережиных этюдах. Бучумов тоже услужил нам, сбегав к полковнику Соснину — узнать, сможем ли мы переночевать у него. Вернулся с ответом, что нас ждут с восторгом.

Графиня Шувалова — как председательница почетного комитета выставки, приходила проведать и вместе со мной осматривала залу, причем ругала бюст Дерюжинского.

Паллада и тут лезла: раза три прибегала на выставку, ища, по-видимому, Глеба. В третий раз она нашла его, и между ними происходил крупный разговор, сначала едва слышный, а при назначении свидания — громкий.

Встретили Браиловских, оба стали рассказывать, какой успех имеют они, какие комплименты им все говорят, и Римма уверена, что у Леонида все купят.

До четырех часов мы все вешали и перевешивали. Приходила Вера Георгиевна с Квилем, какой-то дамой и Тявкой, и все дожидались, пока мы все повесим, чтобы рассмотреть

этюды как следует. А мы забаррикадировали наше отделение чемоданами и тюком и никого не впускали. Они сидели в Соринском отделении и помогали ему развешивать, что было сложно, потому что среди его вещей должен был висеть портрет Милиоти. Вера Георгиевна получила в этот день плохое известие: будто бы было потеряно все их состояние, и поэтому рассчитывать на нее, как на покупательницу, нельзя было.

В четыре мы пошли с Сориным обедать в «Метрополь». За обедом Сорин говорил, что выставка будет иметь большой успех, что Сережа должен держаться высоких цен, что политические события складываются хорошо, что мир решен и так далее. После обеда зашли еще на выставку, а затем в сумерки потащили вещи к Сосниным, живущим рядом с Пушкинским базаром. Пришли к ним к чаю. Маленькая, скромная, уютная квартира, полковник в коляске-кресле, она, хлопчущая по хозяйству, аккуратная и веселая, и маленькая Милюня, толстая пятилетняя девочка, раскладывающая камушки и раковинки на столе. Лампадка в спальне. Первое впечатление было приятное, семейное, хозяева искренне, мило встретили нас, и мы моментально переменили городское платье на домашнее и сели за чай — но после чаю оказалось, что мы так безумно устали, что едва сидели, но нужно было поговорить об искусстве со словоохотливым хозяином. К тому же пришел еще доктор Чернорук, бывший певец, знавший Мамонтова, Врубеля и поэтому начавший оживленно говорить с Сережей. До двенадцати часов тянулся чеховский, интеллигентский разговор, и лишь в двенадцать часов мы, сами приготовив себе походные кровати, легли.

На другой день — воскресенье — я встала спокойной и бодрой, Сережа, немного взволнованный, не хотел дожидаться чаю, а <хотел> пойти побриться, затем в «Бристоль» к синематографщику за письмом от Федотика, но я уговорила его выпить кофе, чтобы не обидеть Сосниных. Утром опять завязался разговор о политике, и я даже сама поторопила Сережу уйти по делам, чтобы не возникли спор и плохое настроение в такой серьезный день. До открытия выставки, то есть до одиннадцати, мне нужно было еще окантовать два этюда, и я поспешила уйти. Был солнечный, почти жаркий день. Проходя мимо церкви, я зашла в нее, поставила две свечи и постаралась искренне помолиться, но за спешкой не было нужной проникновенности. На выставке было все убрано, только еще расставляли растения. Один Сорин еще что-то

клеил. Маковский говорил о дворцовой мебели, о цветах, о музыке — ничего этого не предвиделось — были действительно хорошие залы, с хорошими стенами для картин. До одиннадцати часов мне пришлось очень хлопотать — разводить клей в соседней кухмистерской, клеить, было жарко и неудобно в городском платье. А Сережи все не было. К четверти двенадцатого, когда все было сделано и убрано и я, познакомившись с женой Маковского Мариной Эрастовной, разговаривала с ней и следила за первой появлявшейся публикой, — пришел Сережа, расстроенный, и первые два часа у нас прошли в уговорах и объяснениях. Он заходил за письмом к режиссеру синематографа, и этот его всеми силами уговаривал позволить мне сыграть в синематографе. «Он предлагал какие угодно деньги и говорил, что ты будешь через год мировой знаменитостью, что у тебя такие данные, каких нет ни у Веры Холодной, ни у Каралли, ни у других. Но если ты согласишься, то у нас начнется разлад, так же, как он начался у меня с Ольгой. Конечно, я тебе предоставляю решать».

289

Наши разговоры кончились тем, что я поклялась никогда не упоминать о синематографе и театре. Мы пили чай в буфете, и там происходил наш разговор, там я всплакнула, и там мы друг другу пожали руки. Затем мы поднялись наверх и отдались ожидательному состоянию. Публика прибывала, но было мало. Все больше свои, мало чужой публики, но из знакомых многих не было, не было всех мисхорцев, Юсуповской компании, компании Вейнер, князей Щербатовых, не было никого из Гаспры, не было Рябушинских. Маковский утром принес большой букет, очевидно, для графини Шуваловой, но и ее не было. К обеду, то есть часам к двум, стало ясно, что вернисаж не из удачных, хотя Сорин и обещал приход главной публики от трех-четырёх. Мы пошли с Сережей обедать и на Боткинской увидели два первых экипажа, направляющихся к выставке (до сих пор были все пешие посетители), в одном Орлова-Давыдова, в другом Метнер. Метнер крикнула нам: «Неужели Вы уходите?» — «Сейчас придем». Пообедали в «Метрополе» и спешно отправились обратно со сладкими надеждами. Публики действительно было больше, но это был еще далеко не успех, как следует. Пришли Чеховы с Браиловскими. Сережа мне поручил поймать Метнер и с ней поговорить — но ее познакомили с Сориним, и она удалились в ретроспективный отдел для переговоров с ним. Идя оттуда, я наткнулась на седовласого шелкового фабриканта и

решила его поддеть — он сам сразу заговорил о Серезиных вещах и очень стал хвалить «Утро», я его поддержала. «А какие цены у Вашего супруга? “Утро”, я справлялся, пять тысяч». Я обрадовалась и стала называть ему цены. «Я и Ваши силуэты хочу приобрести». В это время показался Сереза, и я поторопилась позвать его, и он продолжал разговор с ним, а я стала искать Метнер, она уже и сама шла навстречу, и стала со мной говорить о покупке. «Видите ли, у меня сейчас нет свободных денег, но мне так хочется купить у Сергея Юрьевича несколько вещей. Григорий Васильевич, когда уезжал, крикнул мне с парохода: “Подумайте о ‘Карнавале’ Судейкина”. Но сейчас я ничего не могу решить. Я через неделю хочу проехать в Ростов к Георгию Васильевичу, и там мы многое решим. А сейчас мне бы хотелось заручиться двумя маленькими рисунками к “Карнавалу”». И она выбрала два рисунка — «Муза с поэтом» и «Reconnaissance <Признание>». Затем мы сели против картин, и она попросила меня назвать все цены. Затем заговорила об Озаровском и показала мне две телеграммы, из которых я могла заключить, что на нее многие смотрят как на дойную корову. В первой он откликается на ее запрос, что он делает и где он, — причем подписано: «душой Ваш Озаровский», а во второй он умоляет «взять их к себе и выслать немедленно пять тысяч, дабы он мог приехать в Ялту и начать с Вашими художниками, моими приятелями, художественное дело». Пока я разговаривала с Метнер, Сереза пил чай с Соколиковым, и, когда я пришла, они уже разошлись, причем Соколиков не решил продажи, пока не придет Владимир Павлович Рябушинский, который должен привезти ему денег, а сейчас предлагал Серезе две с половиной тысячи, но Сереза отказался — так разошлись вничью, и, благодаря этому, было кислое настроение. Публики так и не прибывало, и сразу стало скучно. Сереза меня познакомил с женой Сазонова Слонимской, директрисой кукольного театра, и она заговорила меня рассказами о кукольном театре. Как хорошо было бы начать дело в театре, только бы резчика и капитал. Сама она похожа на плохо вырезанную из дерева куклу, с чрезмерно большими, черной краской вымазанными глазами, плохо поставленными. Сереза тем временем ходил и ждал покупателей, но никто не являлся. Билибин продал два пейзажа, и те Шульцу (устроителю выставки), он же, Шульц, купил две картины в старом отделе. Вот весь оборот выставки.

Сазонов говорил, что спрашивают Сережу много, но шарахаются от цен. Пили в буфете чай. Сорин ходил кислый и все говорил: «Полная неудача».

Встретила Ал. Ал. Волкова, с которым у Сережи был скандал. Говорили мило два-три слова.

Встретила Иру Остроумову — у нее уже сын гимназист и морщинки около глаз.

В прошлое воскресенье Маковский говорил о большом обеде после выставки, теперь же об обеде ни слова.

Когда уже стало ясно, что нечего больше ожидать, мы ушли. Зашли к Сосниным, где я переменяла черные лакированные туфли на белые, и затем пошли с Сережей вдвоем на набережную, где в «Чашке чаю» делились впечатлениями. «Как ты думаешь, не все еще потеряно?» — «Что ты, тебя массу спрашивали, если ты понизишь цены, все раскупят». Но мечты о земле и мастерской сразу ухнули, они были бы возможны только при огромном успехе в первый же день.

Пришли к Сосниным к семи часам усталые, но пришлось еще до десяти сидеть за чаем, рассказывать о выставке, говорить о политике, об искусстве, причем Соснин все говорил такие слова: «Через тысячу лет, через две тысячи лет люди будут иные», — и от этого становилось безумно скучно.

Тищенко была на выставке в берете и горностаевой пелерине, с восьмью рядами жемчугов и изумрудами.

Собинов был с женой и собачкой.

28 октября. понедельник

Яновский обещает нас устроить около себя на даче Скворцова. На выставке нудно — мало народу. В четыре часа, перед самым закрытием, приходят все мисхорцы — компания Юсуповых и Александровичи — Вейнер с ними. Вечером мы сговариваемся встретиться у Ravet с Чеховыми, Браиловскими, Маковск<ими> и Соколовыми. Рындину мы видели днем — обещает прислать покупателей на выставку. Днем мы ходили к Чеховым. В первый раз мы у них. Мария Павловна нас оставила ужинать. У них живут Браиловские и Нита. Уютно и семейно, и мне так скучно думать о неудавшейся выставке. После недели хлопот и труда я чувствую себя такой усталой и с наслаждением думаю: хорошо бы надеть просторный халатик, сесть вот на этот диван и просмотреть все разбросанные на нем книги. Мария Павловна нам подробно показывает весь дом и в комнате Антона Павловича зажигает све-

чи для нас. Трогательно и просто, с любовью говорит: «Вот в этом сундучке его пиджачок, его сапожки, которые он надевал последнее время. Вот коробка конфет с двумя оставшимися в ней конфетами. Вот нераспечатанная почта». Я смотрю: каталоги от Иммера. Странно — нет волнения — когда все это смотришь, потому ли, что нет цельности вкуса — нет стройности в этом интеллигентском укладе жизни: письменный стол со случайными вещами в стиле модерн, самом безобразном, Левитан, случайно висящий рядом с большим набором фотографий, полное отсутствие книг, но зато много любительских этюдиков и рисунков, большая часть из них приколоты к стене кнопками.

Мария Павловна соблюдает большой порядок, и все поражает чистотой и аккуратностью.

292 После ужина мы все вместе выходим из дома, я захожу к Сосниным взять пальто, и там в пятиминутном разговоре политический спор, в котором Сережа говорит несколько вспыльчиво с Сосниным (Соснин посылает всех в Добровольческую армию).

У Ravet мы образовали длинный стол. И Рындина говорила беспрестанно с Маковским — какой устроить вечер-концерт на выставке? Почему-то Рындина усиленно говорила о молодой английской поэзии (Соколов в плену занимался английским языком и переводил английские стихи молодых поэтов). Была Метнер и при уходе обещала быть на выставке завтра с кем-то. Появилась надежда.

Когда мы шли к Чеховым — мы все время ссорились — Сережа ругал меня за то, что я всегда перестараюсь, — бежала с рынка до дому с покупками и конфоркой, не взяв извозчика.

29 октября. вторник

Утром Сережа переехал один на дачу Скворцова при помощи Яновского, а со мной встретился в городском саду. Я была на выставке, но безуспешно. Был князь Долгорукий, и хотя хвалил вещи, не говорил со мной ни гугу о покупке.

Вчера Леонид Михайлович обнадежил покупкой. Его покупатель хочет купить и у Сережи, но дешевле, поэтому в Мисхоре.

Была Метнер, но безрезультатно. Сорин уверяет, что Собинов. (пояснить) купит, поэтому в шесть часов они идут с Сережей в гостиницу «Россия» с визитом, но его нет дома, и ничего не выходит. Я навещаю Дехтереву, которая служит там.

Вечером идем наверх. Ночью ужасающая гроза.

Я встретила Нину Севрюгову.

Когда выяснилось окончательно, что выставка провалилась и на продажи рассчитывать нельзя, что все намеченные нами покупатели находятся либо в безденежье, либо заняты больше политическими делами, чем покупкой картин, — мы окончательно поникли головами, стало скучно, неуютно на даче Скворцова, захотелось домой в Мисхор — и Сереже ходить на выставку и поджидать покупателей стало казаться самым унижительным занятием. «В таком положении я еще никогда не бывал, до сих пор все вернисажи были для меня сплошным успехом, днем победы — а теперь не только я хожу и ловлю ежедневно покупателя, но и тебя заставляю — нет, это ужасно, и мы больше ходить не будем». Два дня мы обретались дома, кстати, я заболела и целый день провалялась, а вечером мы, взяв Яновского, собрались пойти к Соколикову, играть в дурачки. У него кроме племянницы Запорожца Анны Павловны, молодой вдовы вульгарного типа, оказался еще квартирант немец, пивовар из Казани Оскар Эдуардович с дочерью. Дочь мы так и не видели — но зато Оскар Эдуардович и этот раз, и в следующий наш приход наслаждался обществом гостей и много болтал — с немецким акцентом и с немецким же уютным юмором рассказывал всякие приключения из своей жизни (большевики, бутылка в Казан, Чириков — все казанцы любят свой родной город). Соколиков хлопотал о чае, о свечах (в следующее посещение у него уже было проведено электричество), показывал дом — но потом больше молчал. Кроме Оскара Эдуардовича говорила много Анна Павловна, забравшая, по всему виду, старика в руки, она готовится к сцене и посещает Ялтинскую школу — причем ее часто в город сопровождает старик. Этот вообще томится и скучает, и беспокоится о своих богатствах в Москве, и, когда Сережа в утешение ему сказал: «Да ведь у Вас эта Ваша дача с землей миллион стоит», он, чуть не плача, ответил: «Голубчик, да на что мне миллион, когда у меня в Москве пятьдесят миллионов».

31 октября, четверг

Чудно выпалились в номере, Сережа решил пройти наверх, к Скворцову на дачу, затем зайти к Бучумову и так далее, а мне позволяет принять ванну, причесаться у парикмахера и в два часа быть на выставке, когда обещали зайти Рябушинские перед отъездом в Мисхор.

Мы повеселели и встретились оба веселые. Я была у Карабановой. Но затем долго ждала Сережу, проголодалась, и настроение спало. Рябушинские на выставке были утром, а потом сообщили, что уезжают спешно.

Сережа решает разыскать Соколова и предложить ему по дешевой цене, и мы долго говорим и спорим об этом.

Я записываюсь в библиотеке, беру интересные книги, которые потом хочу отдать Сосниным, и мы тащимся в четыре часа в гору.

Соколов живет рядом с нами, то есть через дорогу его имение, и мы собираемся зайти к нему. В тот вечер идет один Сережа на минуту и, возвратясь, говорит, что дело не потеряно, то есть что старик имеет желание купить, когда только будут деньги. У него живет племянница Запорожца.

<Предсказания>

294

Судьба Крыма.

Римма Никитична: Украина будет обязательно бороться оружием за обладание Крыма. В конце концов, Крым будет украинским под протекторатом немцев или австрийцев. Англичане не придут. Большевики не подымут головы, хотя будут налеты.

Леонид Михайлович: Англичане будут делать попытки овладеть Крымом. Результат в зависимости от западных успехов. Большевики не вернуться. Крым будет татарской федеративной республикой под протекторатом немецким или английским.

Сергей Юрьевич: Англичан в Крыму не будет. Большевиков в Крыму не будет. Украинцев в Крыму не будет. Налеты большевиков будут очень интересны. Крым будет под протекторатом немцев.

Вера Артуровна: Крым немцы не покинут. Сделают его, может быть, татарской республикой. Английской опасности серьезной нет. Большевики не вернуться.

Исход Мировой войны.

Римма Никитична: Война будет продолжаться несколько лет. Будет еще сильное вмешательство Японии и Америки, которые будут способствовать освобождению России от немцев. Победы не будет ни у

кого. Кончится дипломатическими разговорами насчет России.

Леонид Михайлович: В сентябре конец. Немцы не победят. У Англии, Франции и Америки будут шаги, которые сведут к нулю победы немцев.

Сергей Юрьевич: Не раньше весны конец войны. Потом будет перемирие, и, может быть, вновь начнется. Уничтоженная Франция, сокращенная Англия. Европейская гегемония Германии. Россия — федеративная республика. Мир насчет России.

Вера Артуровна: В продолжение года кончится война. Вничью. Может быть, с небольшим перевесом немцев.

26–28 <ноября>, вторник–четверг

С того момента, как М. Волошин сообщил по телефону, что он к вечеру будет у Браиловских, мы с нетерпением стали ждать его, и, когда зашли к нам Голобородьки, мы даже приняли их шаги за него и Веру Ивановну Брюллову. В тот вечер он не пришел, а застрял у Токмаковых. На другой день опять звонил по телефону и сказал, что обедать будет у Токмаковых, так что пришли они лишь в четыре часа. В это время Сережа сел бриться, а я прилегла, так как заболела. С Браиловскими у нас были хорошие отношения, так как в это утро была послана Полю телеграмма, и Леонид Михайлович был очень доволен. «Не беспокойтесь, Римма Никитична, — уверял с антресолей Сережа, — с Волошиным я не поссорюсь». Когда они пришли, к нам неожиданно пришел художник Субботин приглашать нас в субботу на художественный кружок. Чрезвычайно вульгарной внешности, он оказался довольно милым человеком, много рассказывал о большевистских временах, о художниках в Москве и Петрограде. Оказалось много знакомых.

29 ноября, пятница

Сегодня Брянские уехали утром. Мария Алексеевна счастлива, а Брянский несколько раз целовал мне руку, а Сережа тоже поцеловал. Леонид Михайлович не сказал ему приготовленную фразу: «Если к Вам вернутся миллионы, не забудьте художников и покупайте их». После него осталась только одна фраза: «Это что-нибудь или это так себе?» Вчера, когда уже все спали, был звонок из Ялты. Браиловские подходили: приехал Иван Павлович и привез известия и деньги. Мы очень

волнуемся, что с мамой! Сегодня утром решили убрать квартиру. Сережа колот дрова, я стала мыть посуду. Хоть и не у нас были гости, а беспорядку много. Леонид Михайлович вторично позвонил в Ялту и узнал, что наше присутствие необходимо, мамой присланы три вещи: пирожок, очки и зеркальце, и в них деньги. Кроме <этого> есть письма. Сережа, не долго думая, уселся с Брянскими и поехал. В первый раз мы расстались на сутки, потому что ночевать он решил в Ялте. Мы перекрестили друг друга и нежно простились. «Приведи все в порядок». И хотя я после поощрений Макса Волошина страстно хотела засесть за дневник — я принялась сначала за уборку, вымыла полы и привела коридорчик в порядок. В обед мы позвонили. Сережа был у Чеховых, но не видел еще Ивана Павловича, которого ждали к обеду. Сказал только, что мама здорова и не собирается пока в Крым, потому что фабрика требует ее присутствия.

296

Леонид Михайлович волновался, что им не прислано денег, и был бледен как полотно — потом кричал «ура!». «Он ведь гимназист по своим чувствам», — сказала Римма.

Пообедав, я принялась за дневник, но Римма позвала меня чай пить. Она еще больна, и пришлось просидеть у нее часа два, пока Леонид Михайлович ходил в Алупку. Она было принялась меня confesser <исповедовать>, но я не очень реагировала, зато ее заставила рассказать о Лидии Никитичне, ее романе — Оля ее незаконная дочь — целое открытие.

Когда пришла Нита, мы стали мечтать о поездке в Италию, и Нита подробно рассказала о их доме в Риме.

Потом я до глубокого вечера писала. Когда стихло в доме, стало жутко, и я непрерывно думала о Сереженьке. От нервности у меня заболело горло, я смазала <его> йодом, затопила печку, напилась горячего чаю и снова села писать.

30 ноября. суббота

Ночь была неприятна и утомительна. Чувство одиночества было так велико, как я этого не ждала. Была такая выбитость из колеи, что несколько раз я просыпалась ночью. Болело горло, и я испугалась, как бы не заболеть. Вставала и полоскала горло. Под утро лишь заснула крепко.

Все утро убирала фонарь, думая, к приходу Сережи, обрадовать его. Леонид Михайлович просил иконные книги для компоновки города. После обеда пишу, но не сосредоточенно, ибо все время жду Сережу. Сегодня мы приглашены ху-

дожником Субботиным на собрание, и меня мучает, что не могу по телефону сообщить ему. Браиловские поминутно спрашивают, не пришел ли Сережа. Иду к ним. Римма убирает и наводит порядок, я удивляюсь ее безвкусию. В спальне, где всегда пахнет детскими пеленками, стоит обеденный стол, и аккуратно разложены на нем приятные салфеточки цвета хаки. Письменный свой стол она устроила в мастерской и поставила для украшения и к добавлению всем набросанным на него вещам свои расписанные аптекарские бутылочки с завядшими астрами. На диване в мастерской искусно разложены большие подушки и на них этажом выше маленькие, на всех вязаные тряпочки. При первом же возлжании вся эта постройка разлетится. Как мало у нее понимания. Я беру несколько книг и иду наверх, сажусь под лампой, достаю орехи и начинаю читать стихи Бальмонта. В это время стук в дверь, и радостный стук в моем сердце, я узнаю Сережу: «Столько рассказов, столько рассказов — я начинен рассказами, вещами, письмами, деньгами». — «Надо только Браиловским сказать, что ты приехал и привез им деньги». — «Да, но сначала я буду тебе одной все рассказывать». Но внизу уже прослышали, и Леонид что-то кричит наверх. Приходится выйти на площадку и сказать: «Привез деньги, Ялта вся в флагах, пришли союзники — настроение радостное, прямо ликующее». Я увожу Сережу обратно в комнаты и хочу его накормить, он же торопится мне дать подарки: «Я очень, очень поистратился, ничего?» И он не знает, дать ли мне все сразу или выкладывать постепенно, но терпения нет, и он идет в спальню, чтоб под новый коврик положить все подарки. В это время Ольга Богдановна стучится в дверь и подает сверток: от Поля стихи и музыка — ответ на телеграмму — оказывается, они сами пришли и сидят внизу — Сережу зовут вниз — он целуется с Владимиром Ивановичем, а затем рассказывает о событиях, все, что видел в Ялте и что узнал там о России. «А знаете ли Вы, что художники получают в Совдепии: что получил Петров-Водкин за эскиз, ну, как Вы думаете? Вы, Анна Михайловна». — «Пятьсот рублей». — «Вы, Римма Никитична». — «Пять тысяч». — «Вы, Леонид Михайлович?» — «Десять тысяч». — «Вы, Владимир Иванович?» — «Триста?» — «Два миллиона! Альтман за черный шар на красном фоне получил пятнадцать тысяч». Я беру мамино письмо и иду наверх читать. Подарков я нарочно не вижу. Наконец Сережа все рассказал, и я его зову ужинать и рассказы-

вать. Показывается подробно зеркальце и футляр. Затем подарки! Флакончик для духов, черепаховая пудреница, пепельница финифтевая и весь Остроумовский магазин: мыло, зубная щетка, порошок, пудра, одеколон и духи в семьдесят пять рублей с вложенными внутри стихами от Макса Волошина. Я тронута. Сережа подробно начинает рассказывать о Брянских, о Чеховых, о встречах на набережной (граф Баранов, Дехтерев, Потокер, Дерюжинский) и так далее. Сначала он сообщает неприятное, единственное: скандал с Маковским — кончившийся мирными поцелуями и дружелюбным ужином. Затем я слушаю целый поток о встречах, остроумных фразах, сказанных мимоходом, сидениях в кафе — о зеркальце, которое вызывает восторги даже за соседним столом, и дамы предлагают за него десять тысяч — о визите к Цветаеву, который очаровал Сережу блестящими рассказами о Дягилеве и Париже. О Билибине, который бросается Сереже в объятия (его невеста, по-видимому, тип девушки из Билибинских сказок, белокурая, смазливая мовешка). О Максе Волошине, который на набережной целуется с Сережей к общему удивлению окружающих, о покупках мне подарков — о поисках Сорина, даже у больной Миллер, о Квиле в халате, о осунувшейся Наталочке, которой он дает любовные советы, о Вальтер, которая не знает, где купить немецкие книги для детей, и о мчащихся в автомобилях союзниках, о курчавых английских матросах и о черноусых французах, о музыке у Ravet к приезду союзников и о наших добровольческих офицерах-красавцах, таких, каких свет еще не видел, — сошедшие Георгии Победоносцы с икон новгородского письма. У Сережи при этом слезы на глазах, и я тоже подплакиваю.

Долго-долго Сережа мне рассказывает всевозможные подробности, что кто сказал, кто как выглядел. Затем Сережа подсчитывает расходы, не так уж ужасно. «Зато я всех угощал, за всех платил!» Заходит Римма, хвалит покупки, говорим еще о Маковском. «Мне не очень нравится, что Метнер его звала в Ростов», — говорю я. — «Мне тоже. Вы знаете, Римма Никитична, что он уже сказал: почему это Метнер покупает все только одну художницу?» — «Ну, потому что в этой области другой нет», — отвечает Римма с гордой осанкой. — «У него нелегкая рука — в этом меня не разубедите, а симпатичен ли он или нет — это в конце концов безразлично». — «А Сорин тоже собирается в Ростов?» — «Неужели из-за Метнер? Бедная — вот щипать будут!»

1 декабря, воскресенье

Утром рассказываем друг другу недорассказанное. Сережа в кровать мне приносит флакончик и другие вещицы. За кофеем я читаю ему свой дневник. Затем он спит до обеда. С крыши смотрим пейзажи осенние. После идем к художнику Субботину извиниться за вчерашний неприход. Встречаем его по дороге к нам. Сережа приходит в уныние от его бездарных вещей и усталый возвращается домой.

Вечером рисунок Аполлона, очень хороший, своеобразный и острый.

Сережа предлагает в Ялте устроить артистический клуб (без вина).

2 декабря, понедельник

Я тщательно убираю квартиру, пока Сережа говорит с Леонидом Михайловичем о событиях. Вчера его Алекс. Наумович напугал, сообщив, что Одессой овладели большевики, а сегодня он в газете вычитал, что скоро будет сообщение между Россией, Турцией и Италией и прибудет много товаров. Сереже не сидится дома, и мы идем в Алупку под предлогом купить съестного. По дороге я говорю об искусстве: как творит художник. Как сначала возникает духовный облик его творения — трагический ли (Демон Врубеля), радостный ли (бабы Малявина), поэтический ли — и как сейчас <же> начинает переходить в зрительный. Зрительный у него возникает в душе еще, он видит мысленно распределение масс и пятен, не зная точно, что они означают, затем образы постепенно выясняются, и он начинает переводить <их> на полотно, или же он ищет в природе то, что соответствует его образу, его мысли, он выбирает из словаря природы те слова, которые нужны ему, чтобы составить гениальную фразу. Это последнее в ответ на Сережин вопрос: как бы соединить работу от себя с работой с натуры? В его «Карнавале» разрешено это вполне. И я очень убеждаю его работать в этом направлении. Когда он приехал с фронта, он все потерял, он, как ученик, не знал, за что взяться, и говорил часто: «Ах, как хорош этот стакан с водой — вот его изобразить хорошо — больше ничего <и> не надо». Потом он делал попытки работы от себя («Седьмое небо» и «Комедиант»), и обе неудачные, — наконец, теперь он, кажется, вошел в работу и знает, что делать: работать от себя, подсматривая у природы то, что нужно. Работа от себя, конечно, острее.

В Алушке покупаем много и едва поспеваем домой к обеду. Сережа спит. Потом принимается за рисунки к эскизу. Великолепны два рисунка двух муз. Мне нравится его манера, лапидарная и острая. Я читаю «Сафо» Доде.

Сережа боится, что у него подагра.

Я читала Браиловским наши политические предсказания — один Леонид Михайлович верно предсказал, остальных мы освистываем.

3 декабря, вторник

Сегодня первое впрыскивание мышьяка, от которого Сережа увертывается и идет писать маленькие этюды. Утром он меня побаловал и приготовил кофе, я пила его в постели. Весь день он много работал: четыре осенних, очень красочных этюда, а вечером три рисунка муз: Уранию, Мельпомену и Талию. Я читаю ему весь день «Сафо» Доде. Я придумываю Сереже этюд с меня и интригую его, не говоря какой (в духе Zorn'a или Degas'a). Но вечером <он> не успевает его сделать.

300

4 декабря, среда, праздник

Сережа пишет утром Ай-Петри, затем вид из окна. Когда я его умоляю дать себе впрыснуть мышьяк, он становится на колени и просит извинить его. Ольга Богдановна рассказывает сплетни про Иваненко. Мечтаем о поездке в Италию. Потом я докантовываю три Сережиных этюда, читаю «Сафо» и позирую ему на фоне ковра. Я гмыраю и злая. Сережа недоумевает. Я смотрелась в зеркало под влиянием «Сафо» и увидела себя впервые стареющей — лучшие годы отняла война! Пошли гулять и славно болтали, как встретили Петра Ивановича — и он заговорил о событиях, я стала злой. Развеселились, когда Петр Иванович предлагает разные названия для общества. «Семь муз».

5 декабря, четверг

Сережа дописал меня на фоне ковра. Прелестный этюд. Я одевала сарафан и безумно замерзла. Мы убрали всю квартиру тщательно. «Не помешайся на порядке», — сказала я Сереже. После обеда ходили в Алупку и записались в библиотеке. Продавец в башне опять рассказывал о своих коллекциях и имени.

6 декабря, пятница

Ветер рвет и мечет. У Сережи болит горло. Вечером мы без электричества. Утром закончил набросок с меня на фоне ков-

ра. После обеда согревались в постели. Пришел Петр Иванович напомнить о завтрашнем заседании. Сережа говорил с ним об искусстве. Сережа говорил Леониду Михайловичу, какое «Рождество» он хотел бы написать и как он понимает свое «Пробуждение Аполлона» (пробуждение, возрождение искусства). Очень поэтично рассказывал о «Музах».

Сережа потерял ключик от сарая и угрызается. «Вот до чего тебя довел порядок».

7 декабря, суббота

Сережа взялся за «Венеру», приписал сатира и амура и до обеда, и после с увлечением работал. Я читала ему Боборыкина. В обед позвали нас к телефону: Арсений Васильевич через доктора Оглодина — известия о брате из Москвы. Сережу ужасно опечалило известие. Что, в самом деле, делать? Откуда такой слух, что Сережа безумно зарабатывает. И как теперь доставить в Москву денег, и что сделают несчастные три тысячи, которые мы могли бы с грехом пополам отдать? Сережу все это страшно взволновало, а я думала про себя, что со стороны Леонида даже бестактно просить помощи таким образом. Придется еще навестить какую-то даму из Москвы в Ялте, которая даст более подробные сведения о брате. Сережу я уговорила до тех пор не страшно волноваться, а лучше искать случая, кто бы мог доставить в Москву письмо. Мы долго говорим о стиле каждого человека, о Леонидином стиле: беспомощность и нытье. Человек, имеющий собственный дом, не мог устроиться практичнее, а мы, у которых никогда копейки не было за душой, — кое-как умеем наладить жизнь.

После обеда мы отправились на заседание вместе с Браиловскими. Путались в парке, и Леонид Михайлович нас привел на дачу Балыкова, откуда пришлось с трудом отыскивать дорогу на дачу Атрыганьевой. Наконец дошли и были первыми. Петр Иванович нас встретил и повел к хозяйке. Первое впечатление было хорошее: уютное помещение с мебелью красного дерева и роялью, в соседней спальне треск кеночек, горящий камин, хорошо накрытый стол. Сели вокруг стола с журналами и книгами и стали их рассматривать, а Браиловским предоставили ломать лед первого знакомства. Потом пришли остальные. Две барышни и молодой человек, Белкин, — очень подтянутый, почти что англазированный, с лицом русского амура-полотера. Сережа вспомнил, что видел его с Якунчиковым, и сразу стало понятно, что это его любовник.

До чаю ходили еще смотреть этюд Петра Ивановича, причем не зная, что сказать. Римма объявила себя специалисткой по облакам и стала их критиковать, тогда Сережа, смеясь, назвал себя специалистом по синему цвету и сделал несколько замечаний. За чаем, к которому нас позвала девица театральным жестом, мы набросились на пирожные. Сначала долго не говорили о деле, как будто стеснялись, потом Петр Иванович принялся читать написанные, даже на машинке, прошлое заседание и устав — причем вышло много смеху.

8 декабря. воскресенье _____

С восьми часов Сережа пишет «Венеру». Сегодня умер Ухов. Я читаю Боборыкина. В сумерки Браиловские идут на панихиду. Сережа спит. С пяти часов до одиннадцати часов рисует своих муз, я ему читаю. Комната натоплена, мы наслаждаемся электричеством, которое не горело два дня. Утром я сидела у Лидии Никитичны, которая больна. Над ее кроватью большой портрет не ее мужа, и я поняла любовь матери и дочери друг к другу, дочери — которой все известно. Сережа утром рассказывает о своих мимолетных связях в «Альказаре», «Аквариуме» и тому подобное. Пробовала дозвониться к Рябушинским, но неудачно. Подслушала разговор о политике.

302

9 декабря. понедельник _____

Сережа с рвением работает над «Венерой». Римма читает нам сценарий и просит меня сделать указания.

Голобородьки собираются в Константинополь, а оттуда в Италию.

После обеда Сережа показывает Браиловским «Венеру» и «Муз». «Когда будете показывать Венеру мужчинам, умоляю Вас, позовите меня».

«Вот жаль, Брянскому не показали».

«И когда Нита будет смотреть», — и Римма рассказывает о Ните, о ее *pervertir* <испорченности> (о тетке натурщице).

Ходим смотреть нижнюю квартиру. Я мечтаю открыть антикварную лавку. Вечером Сережа обдумывает дальнейшие работы. Мы оба обсуждаем комнату Венеры Амуровны, и я говорю Сереже, какие три условия надо поставить названию комнаты и, следовательно, ее разработке: судейкинское, национальное и обозначение ее содержания. Сережа рисует и объясняет мне плафон, я ему рассказываю и даю тему другого, и он сознается, что моя тема лучше. Мы обсуждаем створки, которые хотим заказать из фанеры, с жизнеописанием Ве-

неры Амуровны. Это жизнеописание я предлагаю фризом в комнату Венеры Амуровны. Потом идем к Браиловским, где затеваем забавный разговор в связи с confidences <откровениями> Марьи Игнатьевны относительно дачи Айсандра. Мы допрашиваем Сережу, которая из женщин могла бы его возбудить и к которой он не мог бы найти никакого полового подхода. В первую категорию попадает Оля Майдель, Дехтерева, как curiosité <диковинка> Нита, а во вторую Мария Игнатьевна, Паллада.

Потом Сережа и меня с Риммой допрашивает. У Риммы разгораются щеки, и она называет целый ряд мужчин, могущих возбудить ее. У меня с ней вкусы совпадают. Разговор так увлекателен, что, когда Леонид в десятый раз просит дать ему возможность лечь спать, мы идем к нам наверх и говорим, пока не тушат свет.

«Как ты думаешь, Римма будет <1 зачерк.>?»

10 декабря. вторник _____

До обеда Сережа пишет «Венеру», потом идем в Алупку — я заказала кольцо Ните. Алекс. Наумович только завтра пошлет за товаром, а мы, как дети, считаем дни. У Касимова Сережа долго читал газету. Я встретила Мте Оглодину: «А мы к Вам с Бруновым собирались». «Скажите, где живет Сорин, мне он очень нужен».

Дома Сережа принялся за новую композицию Рождества Христова. Он предложил мне пять тем для выбора: «Павильон поэта», «Рождество Христово», «Персонажи графа Гоцци», <не законч.>

11 декабря. среда _____

Хороший спокойный день. Сережа работает над «Рождеством», утром немного над лицом Венеры. Я хлопочу по хозяйству, стираю, штопаю, топлю усиленно, чтобы вымыться как следует. Устраиваю форменную баню, потом пьем чай. Сережа заказал иконостасик у Бутника, мальчик которого приходил к нам. Зашла Недович, которая ждала Браиловских. Мы ее позвали пить чай. Я сушила волосы, а Недович умиленно рассказывала о эскизах, неосуществленных картинах Рождества (в лесу). Она заикалась и несколько раз прослезилась, а Сережа еле держался от хохота. Когда вернулись Браиловские из Алупки, и Недович им отчитала свой час, мы их позвали. Римма рассказала о Голобородьках, у которых они были, о нем — сатире, в связи с последним разговором о его чувственности, и о «Голом

мужчине» — плакате, о croquis. Звонила Мне Фельдман, заинтересованная плакатом «Голый мужчина».

Известия газетные чудные: американцы привезут много товару, и в Харькове уже понижение цен и паника среди спекулянтов.

12 декабря, четверг

С утра мы радовались, что пойдём к Алекс. Наумовичу покупать альбомы, бумаги, карандаши и после обеда вместе с Браиловскими пошли (до обеда Сережа писал «Рождество», а я читала ему). Какое разочарование — половину товара выкрали и ящики навалили картошкой! Ходили смотреть «Голого мужчину», оказывается еще, плакат с египетским орнаментом. «Это он себя изобразил». Много смеялись. Рассматривали драгоценные камни у соседа Алекс. Наумовича. Я пленилась розовым сапфиром. Сережа хочет сделать мне подарок, но признает только крупный декорированный бриллиант. Говорили о его живописных задачах, и так как электричество опять полвечера не горело, то Сережа обдумывал новые темы. Он решил писать только на русские темы. «Катание» дворянское или купеческое. Только купеческое. Сережа восторгается своими рисунками-лубками и говорит, что это настоящий подход к его теперешним работам. И сейчас он будет работать только таким образом, а темы: «Баня, лавка, пьянство монахов и так далее». Остро, похабно, чтобы воняло.

Приходили Уховы — Сережа будет набрасывать Валю — только она из боттичелльевской превратилась в толстушку со стриженной головой. Они совсем спокойны после смерти Ухова. Я звонила Рябушинским. Сергей Павлович уехал в Ростов. Рано легли спать. Звонила Мария Павловна — слухи о взятии Петрограда.

13 декабря, пятница

Очень плохо спала ночь, пришлось еще рано встать из-за прачки, и я разбита. Завтракаем на балкончике, такая теплень. Потом лежу и читаю Сереже Боборыкина, а Сережа пишет «Рождество». В четыре часа собираемся на croquis к Субботину.

14 декабря, суббота

Сережа работал над «Рождеством», я читала «Китай-город» — этот спокойный роман как бы создает и спокойную

работу. До сумерек так проводим время — я сижу на кровати и читаю. Сережа раз в день зовет кого-нибудь из Браиловских посмотреть на свою работу. К шести часам стали ждать Голобородек. Получили днем письмо от Грифа. Какая новость: Анна Павловна, жившая у Соколова, умерла от испанки. Старик скучает и приготовил маленькую дачку, которую хочет дать нам. Гриф советует воспользоваться случаем. Нам жаль старика. Вот поедем в Ялту, привезем его с собой погостить у нас. В четыре я бегаю к Анне Николаевне за яблоками и смальцем. Туда заходит итальянка, которая мечтает о поездке в Италию. В шесть приходят Голобородьки — сначала разговор о политике нервит меня сильно (хорошо ли сделали союзники, так притесняя Германию контрибуцией?), и я ухожу готовить к ужину. Римма очень уж беспомощна. Я готовлю полчаса — ужинаем мы в мастерской, и разговор уже об искусстве. Сережа весело настроен и много острит в связи с тем, что Якунчикова стирает своему возлюбленному белье. Леонид Михайлович в этом видит передвижнический реализм. Говорят о передвижниках. Сережа предлагает сделать «обход» работ — начинаем с Риммы, потом Леонидины архитектурные рисунки, производящие впечатление в общей массе, — потом наверху: «Венеру», лубки и «Рождество». О «Венере» много разговору. Кончаем рассказами из «практики», анекдотами и анкетой.

Голобородьки едут на днях в Ялту и нас зовут. Мы поедем. Сегодня вылетела Asie со скандалом. У прачки моей пропала материя в стирке. Сережа в этом усматривает какой-то поворот к большевизму.

<Анкета:>

- 1) *Любимый поэт.*
- 2) *К чему в жизни Вы чувствуете наибольшую антипатию?*
- 3) *Любимый тип женщины в литературе.*
- 4) *Где Вы хотели бы жить?*
- 5) *Ваш стиль жизни?*

<Ответы:>

- 1) *Римма Никитична: С декабря Волошин.
Анна Осиповна: Крандиевская.
Леонид Михайлович: Верхарн.*

Иван Иванович: Эту зиму обходился без. Бунин — впечатление поэта.

Сергей Юрьевич: Волошин. «Двенадцать» Блока. Anatole France «La révolte des Anges».

Вера Артуровна: Кузмин и Блок. Рюрик Ивнев.

2) **Римма Никитична:** К цифровым разговорам.

Анна Осиповна: К вокализмам.

Леонид Михайлович: К заседаниям.

Иван Иванович: [К флякам по-польски и] ораторам.

Сергей Юрьевич: К мышам.

Вера Артуровна: <без ответа>.

3) **Римма Никитична:** Иоанна д'Арк.

Анна Осиповна: Настасья Филипповна в «Идиоте».

Леонид Михайлович: Леди Ликей из Э. По.

Иван Иванович: Тамара из «Демона».

Сергей Юрьевич: Казначейша Лермонтова.

Вера Артуровна: N. de La <нрзб.>.

4) **Римма Никитична:** Где тепло.

Анна Осиповна: Где больше памятников старины или Сухаревская башня.

Леонид Михайлович: [В Индии] Там, где можно хорошо есть.

Иван Иванович: В собственном дворце в Тегеране.

Сергей Юрьевич: Там, где не будет революции.

Вера Артуровна: В особняке в Москве около Сухаревки.

5) **Римма Никитична:** Стиль фермерши.

Анна Осиповна: Стиль испанской танцовщицы.

Леонид Михайлович: <без ответа>.

Иван Иванович: Рабовладельца.

Сергей Юрьевич: Буржуя.

Вера Артуровна: Талантливой женщины.

15 декабря, воскресенье _____

Дочитываем «Китай-город» и даже плачем над Москвой и ее бытом — теперь уже ушедшим куда-то далеко. Утром хозяйничаем с Сереей, развешиваем белье — устраиваем уголь. В обед наносят визит Фельдманы. Она пьяна — были у Долгоруких и пили вино, очевидно, в погребе или у какого-

нибудь управляющего. Он рассказывал о дешевой жизни в Лондоне, о том, что Якобсон открыл театр в Севастополе. После их ухода Сережа говорит: «Теперь я знаю, что в ней самое противное, у нее жест пальцами, точно она крутит пломбу». До сумерек Сережа работает. Анна Николаевна приходила, хочет сдать всю свою дачу, а самой поселиться у Риммы Никитичны и у нас. Вечером у нас сидят Браиловские и Нита. Римма Никитична рассказывает сплетню о Мме Фельдман: «Все зубные врачи в Алушке возмущаются ее кабинетом, где она принимает мужчин». — «Потому что у них не такие кабинеты?» — шутит Сережа. Я перерисовываю рисунки чадр — которые хочу отвезти Тищенко.

16 декабря, понедельник _____

Такой весенний день (все цветы зацвели), что мы идем в Алупку. Фарфор у Алекс. Наумовича. Татарское кольцо. Встреча с Белкиным. Он провожает нас и рассказывает о субботе в темноте со спиритами, о кафе поэтов в Москве. Труффи нашелся. Вечером мы его моем. Взяли нового Боборыкина.

307

17–18 декабря, вторник–среда _____

Голобородьки заехали за нами в одиннадцать часов и, о ужас, на Юре. Холодный день — мы закутанные, медленно поплелись. Сережа по дороге шел в перегонку с извозчиком. Приехали к трем часам, когда магазины, банки уже закрыты. Отпустив Юру и уговорив Голобородек остаться ночевать, заручившись комнатами в Джалите, мы начали ялтинский день. Какая разница с Мисхором. Тысяча встреч, разговоров, сообщений приятных и неприятных, политические секреты, сенсации — ужасные вести из Москвы, встречи с приезжими из Совдепии. Голова закружилась через час, а к вечеру, среди громкой музыки и кофейной парижской обстановки, Сережа с пылающими щеками уже обсуждал нашу поездку в Америку. «На этот раз ты не возражай, мы с Савелием все обдумали — спешить особенно не надо, но надо усиленно готовиться к отъезду — положение такое». И заговоришь об отъезде — я, противившаяся такому путешествию, похожему на бегство, на другой день подробно расспрашивала одного из служащих в Международном банке, как променять рубли на франки или стерлинги. Мимолетных встреч за эти два дня в Ялте было много. Впечатления от них следующие. Начинаю по порядку.

Нина Севрюгова. «Нина, ты еще в Ялте?» — «Да — рвусь в Ростов — хочу хоть морем в Новороссийск — по телефону сейчас сообщили, что Харьков отрезан от Юга, там петлюровцы, а может быть, большевики», — и взволнованно пошла дальше. «Верка, заходи ко мне, и Вы тоже». Сережа: «Как она мне не нравится — сухокостный цыпленок, да еще вульгарно картавая». В тот же день я еще раз видела ее, так как разыскала ее и просидела у нее полчаса в обществе ее брата и родственницы. Комната со штофными занавесями, а на столе, примкнутом к стене, остатки еды, кофейник и посуда. Они меня подробно расспрашивали о Мисхоре, но вопросы были большей частью такие: «Ну как же, ведь скучно же там», «Неужели еще не соскучились в Мисхоре», «Верка, вытерпишь там целую зимуто?». Нина ни словом не заикнулась о выставке, о моей жизни, отнеслась ласково, но не сердечно и не тонко. Брат несколько раз громко гоготал, особенно когда я сказала, что стирала сама и самовары ставлю. Если бы не детские годы, теперь бы я отплевывалась бы от такого знакомства.

Оскар Эдуардович. «Где же Вы живете теперь, Оскар Эдуардович?» — «Ломоносовский, 23, у Ивана Егоровича очень было уж холодно, наступила скверная погода». — «Анна Павловна-то умерла!» — «Да, в несколько дней». — «Приезжайте к нам в гости обязательно». — «Очень Вам благодарен, станет тепло, приеду, спасибо».

Сорин несомненно ухаживает за Миллер, судя уже по тому, что целый день проводит с ней. Политическое настроение — неважное. В скорое спокойствие не верит и поэтому очень советует уехать из России в Америку. Так много рассказывал о событиях, добровольцах (осторожное отношение к ним!), что Сережа совсем разнервился, а я за это стала злиться на него.

В ресторане Горшанов сказал несколько политических ужасов. Приехал только что из Одессы. Около рта у него угри, прыщи и экземы от известных дел, очевидно. Я просила кланяться Ксении Сергеевне Бубновой.

Карышева. К ней мы пришли в санаторий Иванова, чтобы получить сведения о Леониде. Она лежала в постели под розовым шелковым одеялом в прелестной рубашке и чепчике и произвела на меня большое впечатление. Хороша собой, умна, со вкусом (фотография ее *intérieur* <a>), тонко разбирается во всех делах, приятна чрезвычайно. Извинялась, что сообщает нам одно грустное о брате, и действи-

тельно ужасно. «Лицо у него с кулачок, все дергается, вот-вот заплачет», — рассказывала она. — «Вы были дружны с моей сестрой?» — спросил Сережа. — «Да, мы были с ней нежные подруги, и я переживала ее смерть сильнее смерти своей сестры». «Какая приятная женщина!» — восторгались мы оба. Сорин был с нами и, как мы вышли, стал рассказывать о ней: «Бывшая опереточная дива, выходившая голой в роли Фрины, теперь замужем, очень богата, дружит в Москве со всеми богачами». Он с ней познакомился у Высоцких. Мы ее приглашали усиленно к нам.

В «Чашке чаю» офицер добровольческой армии и Миллер. Офицер рассказывал о добровольцах. Когда ушел, Сережа охотно разговаривал с Миллер в кафе, а потом и у нее в номере, где мы все отдыхали. Она хотя и не нравится ему внешне, но с ней приятно разговаривать, по его мнению, потому что она с большим интересом относится к искусству (еще бы, влюблена в Сорина!) и разбирается в политике, может поговорить и о разнице пролетариата в Англии и Германии, о том, почему возможен в Германии большевизм. К поездке в Америку относится сочувственно (сама, небось, едет с Сориним) и говорит обо всем убежденным, солидным голосом. Кажется, человек она неплохой, но меня от нее воротит из-за безвкусицы — стоит только взглянуть на фотографические карточки на ее столе. Одевается и причесывается ужасно. Денег у нее много. В обращении ласкова.

Паллада произвела ужасающее впечатление. На задворках, в комнатах, полных каких-то женщин, с ультрамещанской обстановкой, приняла нас Паллада в чужом платье, с синяками под глазами, настоящими, не подведенными, заплаканная и худая, и без предисловий начала рассказывать, как жестоко она брошена и Глебом, и Феликсом. Этот не отвечает ни ей, ни адвокату, ни Глебу на звонки по телефону, на письма, и визит Глеба в Кореиз не был принят. Она прочла свое <не законч.>

Заходили к Тищенко, но она оказалась больна, тогда пошли к Ravet, где наверху играл оркестр, а Сережа, взволнованный после дня, проведенного в разговорах, планах, встречах, говорил восторженно о жизни в Америке. «Сейчас мы сидим в семидесятом этаже в кафе».

Появление Маковского, чуть пьяного. Старался дать резюме своей поездки в Ростов и говорил все время извинительным тоном, потому что денег не привез ни нам, ни Бра-

иловским. Жизнь в Ростове ругал, Метнер тоже. «К весне задумали приготовить выставку intjgieur'ов тридцати пяти комнат! А мне следовало дать три тысячи рублей, и три дня они бегали по Ростову, разыскивая эту сумму. Я сказал ей, что к художникам я не могу явиться без денег, Вы понимаете?» С Сережей он еще пофранцузил минут пять, потом ушел вниз, где, проходя, увидели его с Дерюжинским. «Глеб Владимирович, Вы уезжаете, сделайте что-нибудь для Паллады, она в ужасном положении!» — «Я только что от нее, все улажено, деньги будут — неужели Вы думаете, что я уехал бы не простясь!»

В гостинице мы до часу говорили с Голобородьками.

На другой день началось.

Кофе пили в «Чашке чаю». Там Сережа познакомился с тем человеком-попугаем, которого мы встречаем, и покупающим бриллианты, и пьющим кофе, бесконечно часто, и верхом то в Ялте, то в Алушке. Думали, богатый жид, оказался — ювелир Морозов, магазин под Думой. Предложил Сереже писать иконы, но по пятьдесят рублей штука.

Квиль был любезен и мил и безумно обрадовался приглашению приехать к нам. «Но Вам придется ночевать в холодноватой комнате». — «Ничего, мы поедем в лес, нарубим себе дров». У Миасова Голобородьки купили браслет, а у Коваки только осмотрели вещи. Мы отправились в банк. Шульц — убыток в три тысячи. Там встреча с Якуловым. Сережа рад ему. Якулов говорит ему комплименты относительно картин. Говорит о Москве, видел брата в сентябре: «Одет с иголочки — особенного расстройства я не заметил — но, конечно, в Москве кошмарно». — «Александр Богданович, мне бы так хотелось с Вами повидаться». — «Где Вы обедаете, в гостинице “Франция”, хорошо, я, может быть, приду». — «Приходите, я так рад Вас видеть». — «А Вашу жену я узнал по портрету».

На выставке Сазонов просит вещи оставить, так как есть покупатели, некий Яблоков, какая-то дама и еще кто-то определенно спрашивали его вещи. Мы берем лишь мелочь и мой портрет и отвозим их в Джалиту. Обедаем во «Франции», куда заходит Якулов. Он Сережу потом в кафе знакомит с Каринскими, жена нравится Сереже — она и есть та дама, которая хочет купить у Сережи. Сережа, по его словам, ведет себя блестяще. Их тоже приглашает к нам в Мисхор.

Перед обедом мы заходим в магазин Самедова, чтобы встретить Соколикова и его утешить. Его рассказ о смерти Анны Павловны пестрит цифрами: цена номера, доктора, гроба, всех похорон, но это не коробит, а выходит даже сердечно. Старик тут же почти плачет, несмотря на то, что: «Анна Павловна была последнее время злая-презлая, и особенно она злилась, когда я ей говорил: не ходите Вы на эти самые подмостки. Немец сначала уехал от меня, потому что с хозяйством не поладил, а потом и Анна Павловна — далеко ей было и неудобно ходить в студию». Старик был чрезвычайно тронут нашим приглашением и обещал приехать.

Струве рассказал о смерти Шона, и какой он был чуткий человек к искусству.

Дехтерев оставил трогательное впечатление. Он все-таки оказался на высоте мужчины. Такой слюнтяй, а достал денег, пропуск и приехал к жене и детям. И как он возмущался положением жены и отношением между нею и детьми. При прощании он несколько раз поцеловал мне руку, чтоб показать благодарность за отношение к нему, поцеловал как человек, не умеющий целовать руки.

Пока я хожу перед отъездом к Рябушинским и не застаю их дома, Сережа встречает Яновского, увлеченно говорит с ним об Америке, а потом Щербатова, который, как плюшевый медведь, разгуливает по Ялте. Он заинтересовался Сережиным русским циклом и приедет через две недели к нам. «А эротические темы будут?» Отъезжаем в шесть часов. Луна, приятные разговоры, хороший извозчик. Сережа рассказывает о Париже, и дорога сокращается таким образом на час. Когда входим в квартиру, оба танцуем типушку и сверху кричим Голобородькам, сидящим в коляске: «Боже, как дома хорошо!»

19 декабря, четверг

Все утро мы с упоением развешиваем силуэты и картины, и комната приобретает вид антикварного магазина. К семи часам идем к Голобородько. Ужин совсем старомодный. «Как у попа в былые времена», — говорит Сережа. Знакомимся с Михайловым (Якунчиковским), он Сереже много рассказывает о брате, находят общего родственника Старковского, но, когда переходят на тему искусства, я начинаю бояться скандала, так как Михайлов говорит такие фразы: «Я ведь человек земной, я Вас, художников, не понимаю». Или: «А что, разве Серов умер?». Или: «Неужели Вы считаете Коненкова талантливым». Но Се-

режа ведет себя блестяще, я хвалю его на обратном пути. Говорит остроумно, метко, тонко высмеивая, — злости никакой. Пьем и едим до ужаса много. Даже индейка. Голобородьки провожают нас до дворца и немного дальше.

Анна Осиповна говорит со мной об искусстве, Сережа читает Михайлову целую лекцию о стилях, а Леонид говорит на подобную же тему с Иваном Ивановичем.

20 декабря. пятница _____

Я читаю Боборыкина, а Сережа принимается за работу «Рождества», но в сумерки мы уже идем на сто quis. С нами Жакье, а там дочь Самокиш-Судковской Ла Гранж и еще какой-то неизвестный художник. Позирует опять тот же грязный и вонючий натурщик, русский; татарин обманул, причем все напасти опять сваливают на Петра Ивановича, вообще легкое издевательство над ним продолжается, и мне его жалко. Я увлечена работой, потому что делаю огромные успехи. Анна Осиповна тоже приходит и разводит паутину (такие тонкие рисунки). Мы не довольствуемся одним натурщиком и просим Белкина попозировать, конечно, в платье. Он соглашается с удовольствием и принимает экстравагантные позы. «Мордкин Вы», — говорит Сережа. Но художники почему-то расходятся (Сережа с Леонидом идут к Петру Ивановичу смотреть его рисунки), и остаются одни дамы — над чем Римма старательно подтрунивает.

21 декабря. суббота _____

Льет дождь. Сережа спит днем после обеда. Я хожу в Алупку одна с Браиловскими. Прихожу, Сережа еще спит, электричества нет — Сережа идет вниз говорить о новостях с Леонидом Михайловичем. В это время приходит Михайлов. Я вспоминаю, что Леонид Михайлович у Голобородек сказал ему: «Моя библиотека к Вашим услугам». Внизу из-за этого получается прекомичная сцена, когда при огарке Леонид Михайлович открывает шкафчик, и там торчат корешки рваных книг. Потом Михайлов пьет у нас чай, и мы говорим на тему любви женщин («Всем женщинам я предпочитаю славянских — они самые женственные»). После его ухода Браиловские ужинают у нас, затевается интересный разговор о будущем искусства. Сережа говорит, что искусство будет очень демократичным, что будут в фаворе такие художники, как Петров-Водкин, Яковлев.

А Леонид Михайлович говорил что-то о золотых каретах. Сережа рассказывал о Григорьеве и его жене, я ревную. От Паллады письмо, что все улажено.

22 (9 старого стиля) декабря, воскресенье _____

Сегодня день Святой Анны, и я Ните отпущу подарок. Она лежит в постели и страшно нежится. Ее занимает Евгения Петровна. Обед изумительный. Я мою волосы, делаю прически, а потом усиленно плачу, потому что нахожу себя неинтересной, постаревшей. Сережа утешает и говорит со мной о прическе. Я заболеваю и этим объясняю свою нежность. Сережа рисует вторую тройку для катанья. Рано ложимся, днем отдыхали любовно.

Утром, пока я ходила к Ните, Сережа болтал внизу на эротические темы. «Мы с Риммой Никитичной уговариваем Леонида Михайловича выбрать себе любовницу, а он нам все исторические примеры сует».

313

23 декабря, понедельник _____

Сережа отправился в Ялту с Жакье — надеется продать картины через Якулова. Просил не ревновать его к Каринской или другим. Я лежу целый день, а потом рассказываю Римме свои романы и в особенности свой театральный период.

24 декабря, вторник _____

Я очень беспокойно засыпала вчера и долго еще читала, даже при свече. Утром убирала, мыла полы и приводила все в порядок. Потом одела себя, причесалась, умылась и села писать дневник. Натопила и все ждала Сережу. Он приехал в седьмом часу. Я встретила его типушками и бульбушками, и мы долго и нежно целовались. «Ну что, так же интересно, как прошлый раз?» — «Да, очень, очень интересно. Я тебе буду все по порядку рассказывать. Дело сделано почти навверное. Каринская покупает один этюд за полторы тысячи и приедет в воскресенье с мужем и частью денег». — «Подожди, я только скажу Браиловским, что ты приехал, а то они еще сюда придут».

Леонид Михайлович все-таки потребовал, чтобы Сережа с балкона хотя бы сказал несколько слов о политическом положении и о Маковском, привез ли он деньги. «Политическое положение нескверное. В Одессе союзники выбили петлюровцев, — там чернокожие. Ультиматум действительно поставлен большевикам. Маковский приедет скоро говорить о де-

лах Метнер, а мне поручил сказать Вам, чтобы Вы составили подробные записки, что Вам заказано, ибо эта Метнер даже не знает, что она заказала. Она высылает сто тысяч Маковскому для художников, а покупка гобеленов — это ее старое дело, в это Маковский не хочет вмешиваться. Вот и все». Войдя в комнату, Сережа рассказывает мне, как Маковский ругал Метнер и ругал Браиловских: «Ведь нельзя же, чтобы Римма Никитична получала такие деньги за прикладное искусство, да еще скверно исполненное — плохая фактура, краски выцветут, а рисунки никуда не годятся — скомпонованы со всюду — вот если бы она по Вашим рисункам вышивала, Сергей Юрьевич». Затем Сережа рассказал о знакомстве с Каринскими. Первая мимолетная встреча на улице, где он нарочно не остановился, затем в café, где долго сидел с ними. «Много забавного в смысле быта. Сначала только я должен сказать тебе, что я ее рассмотрел, и она совсем не так интересна. Стрижка, волосы с проседью. Неполная. Только шея изумительна и руки хороши, но зато и разделяет она штучки своими руками, — и Сережа изобразил ее смешно. — Купчиха она самая настоящая и жох баба — так и Якулов про нее сказал. В это свидание мы совсем не говорили о покупке, а только о Москве, о Метнер, о Ялтинской жизни, сговорились на следующее утро идти к Яновскому. Ко мне чувствует она неудержимое влечение, я потом только понял почему, когда она спросила, где моя картина “Бабье лето” — я подумал: ах вот ты откуда, ведь ты же, матушка, из девок, а я барин, и ты это чувствуешь и льнешь ко мне, хоть ты и богатая купчиха. Говорил я как соловей, и все выходило так удачно. Сели к столу какие-то два типа вроде подьячих, и один рассказывает, что на лотерею (общество имени Чехова) пожертвовали этюды следующие художники: Билибин, Сорин, Браиловский обещал и даже Судейкин. “Да вот он (чуть не они) сам сидит тут”, — обрадовалась она... Пришел Якулов. Какой он милый товарищ. Вдруг говорит: “Сергей Юрьевич, Вы картины уже увозите? А у меня есть покупатель”. Это он нарочно сказал для Каринской — потом он мне значительно пожал руку, и я понял. Заговорили о Сорине, и как всегда я опять слышу фразу: “Вы знаете, мне Сорин не особенно нравится”. Я чуть не выпалил: “Опять — как мне это надоело слушать”. И я стал защищать его — объяснил, каким должен быть женский портрет, что такое романтизм в портрете, и говорил такие фразы: “Кто фиксировал последние судороги красоты Орловой — Сорин. А Сазоно-

ва — кто так превосходно изобразил ее — Сорин, и так далее. А Васкак Малютин изобразил, сами говорите — злой купчихой. Кто мою жену пишет, конечно, — Сорин”. Все это произвело впечатление — в эту самую минуту в café вошел Сорин, я их познакомил. “Сережа, тебя Маковский ищет по всей Ялте”. Странно, относительно Сорина, как это все говорят одно и то же, люди, которым Сорин должен казаться божееством, критикуют его, вернее, просто заявляют, что не нравится. Встречаю Белкина, он мне тоже говорит: “Знаете ли, мне Сорин не нравится”. Как это, действительно, надоело. Я чуть было не выпалил это. Белкин мне рассказал о субботе, очень оживленно и остроумно. Он пришел в Ялту пешком с сестрой. Да, но самая интересная встреча — это с Палладой. Перед Каринскими я встречаю в café ее. Одетая опять хорошо, костюмчик, обшитый мехом, хорошая шляпка — откуда у нее это? Хватает она меня за руку и говорит: “Сергей Юрьевич, на этот раз я Вам ужасную вещь расскажу — как я попала, как попала!” — “Что Вы, Паллада, ведь все же улажено с Феликсом”. — “Нет, совсем не то: вызывают меня однажды в штаб, чтобы сделать допрос относительно Скаржинского, знаете, этого провокатора, который жил рядом со мной, — я, конечно, говорю: мерзвец, негодяй, провокатор, — через несколько дней меня вновь вызывают: восемь офицеров Добровольческой армии ручаются за него, и мне устраивают очную ставку. Я смотрю и узнаю: все восемь офицеров — большевики! Представляете себе мой ужас! Я не знаю, что делать, как поступить?” — “Паллада, — говорит Сергей Юрьевич, — ради Бога, будьте осторожны, как можно выдавать человека, не зная определенно, кто он”. — “Да, но все-таки мое положение ужасно! Что мне делать?” — “Не вмешиваться!” После этого разговора Сорин рассказал, как пример, как легко ошибиться. Весь год мы за старого Врангеля считали одного старика, ходившего по Ялте, — <а он> оказался братом Челнокова. Как легко погубить человека, не проверив сто раз себя и его».

Обедает Сережа поздно, видит еще Яновского, Сорина у Миллер, которая ему наконец-то стала противной. Потом проводит ночь у Маковского. Заходит во «Францию» — сцена с водкой у окна. На другой день он стоваривается с Каринскими идти к Яновскому, где проводит с ними целый час, говорит оживленно и остроумно. На обратном пути Каринская спрашивает его: «Сергей Юрьевич, я хочу ведь одну Вашу вещь купить — никак только не могу решить, которую». — «Что же —

я Вам занесу обе — Вы их повесьте у себя, пусть повисят, — ту, которая разонравится, Вы мне вернете». И они решают, что Сережа пойдет к ней в три часа, принесет картины. При них он два раза встретился с Феликсом и оба раза раскланялся с ним. Второй раз он к нему подошел и сказал: «Феликс Феликсович, я бы очень хотел, чтобы Вы приехали ко мне посмотреть некоторые мои работы, — я их хочу показать немногим, но понимающим людям». Он был страшно любезен и готов был хоть сейчас ехать. Сговорились, что я сообщу ему письменно. «Нельзя, Веринька, продолжать жить так — надо и с князьями теперь водить знакомство, а то останешься при одних павлиньих перьях». Мы очень смеемся.

25 декабря, среда

316

Сережа садится за «Рождество» и делает изумительнейшую картину. С большим темпераментом он переиначивает ее, и я бесконечно ахаю над ней. У меня мигрень, очевидно, от нервности. Вчера мы болтали до двенадцати часов уже при свече, я была очень возбуждена, и, когда засыпали, мне Сережа говорит вдруг: «Знаешь, кто умер, — Балджи». Я была так ошарашена, так испугана этим количеством смертей за последнее время, Балджи — с которым мы мечтали проехать в Константинополь на этюды и который ехал туда с такой легкостью и молодой беззаботностью, что я даже завидовала ему. Маковский получил телеграмму из Севастополя от брата: «Балджи умер, картин не продав». У меня началось сердцебиение — всю ночь мне снились бесконечные сны, а сегодня мигрень. Утром я читаю Сереже дневник, рассказываю роман Боборыкина, который я дочитала без Сережи, и мозг работает у меня как никогда. «Ты такая умная, гениальная, оттого у тебя и болит сейчас головка — слишком много мыслей зараз!» — говорит Сережа.

Завернув голову теплым, приняв порошок, я ложусь с Сережей в сумерки, мне лучше.

Будит меня Леонид Михайлович — ему нужен шприц для Оли Майдель, у которой такие боли, что она кричит всюю. В это время пришли Голобородьки, и я иду занимать их вниз. Через полчаса приходит Сережа, потом Римма Никитична, Михайлов. Смешной разговор между Риммой Никитичной и Михайловым.

Римма Никитична: «Вы едете в Ростов на днях, не может быть!»

Михайлов: «Да, а в чем дело!»

Римма Никитична: «Вы должны мне помочь, Вы должны мне привезти денег!»

Михайлов: «С удовольствием, но как?»

Римма Никитична: «Понимаете, я заработала моими кровными произведениями большую сумму и не могу ее получить. Купила мои ковры некая госпожа Метнер и ее компания». И Римма начинает подробно рассказывать.

Михайлов: «Какая же это сумма?»

Римма Никитична: «Двадцать пять тысяч!»

Михайлов: «Что, за картины?»

Римма Никитична: «Почему Вы так удивились? Даже, собственно, тридцать пять тысяч».

Михайлов сконфуженно молчит, и все смеются, кроме Риммы.

«И вот Вы должны мне достать эти деньги. Расписка у меня такая: “Я, Г.В. Гринштейн, купил у Р.Н. Браиловской три ковра на двадцать две тысячи”». — «Как же, Римма Никитична, — вставляю я, — Леонид Михайлович мне сегодня еще говорил, что в расписке стоит: “Обязуюсь уплатить в продолжение семи недель”». — «Ах, ради Бога, молчите — я страшно скрываю перед Леонардо — расписка самая глупая».

Михайлов: «Да по этой расписке Вы ничего не можете требовать, купил и купил, хорошо еще, что расписка у Вас».

Римма Никитична: «Как это глупо. До чего мы не практичны!»

Михайлов: «Насколько я могу судить, Вы их никогда не получите. Знаете что, продавайте эти ковры и плюньте на эти двадцать две тысячи».

Римма Никитична: «То есть, как так продавайте». Взрыв смеха. «Ведь выставка кончилась».

Михайлов: «Ну, на другой выставке».

Римма Никитична: «Нет, Вы этого не понимаете!»

Все долго, и некоторые как будто злорадно, смеются. [Действительно, не один он не понимает, как так могли купить.]

Потом Голобородьки идут к нам, и Михайлов сидит у нас, потому что Браиловские побежали за врачом, морфием и так далее. Я читаю стихотворения Волошина. Они уходят. Мы опять без электричества. Я готовлю блины. Сережа читает газету. Римма приходит поболтать и рассказывает о Коровине и Комаровской, о их свиданиях у нее на

квартире и о небрежном отношении Коровина к ней. В половине десятого загорается электричество, и Сережа рисует еще тройку.

26 декабря. четверг _____

Сережа успешно работает над «Рождеством». К двенадцати заканчивает, показывает Браиловским, хочет приняться за «Венеру» — приходит Черноярова Н.А., как она вульгарна — пополнела, в красном платке, мешанка *rig sang* <чистокровная>. «Как у Вас хорошо! Совсем по-другому, чем у нас!» — «Вот еще, тебя, стерву, надо ткнуть в умывальник, чтобы посмотрела, какой он теперь чистый», — думает Сережа. Она скоро уходит, когда чувствует, что Сережин тон становится издевательским. У Браиловских сидит Михайлов и сообщает ужасную весть о расстреле Гужона двенадцатью неизвестными солдатами. Римма справляется по телефону и получает подтверждение. Это, наверное, политическое убийство такого же порядка, как убийства Эйхгорна и Мирбаха. Все взволнованы. Сережа идет работать — до сумерек. Удачно — работает отчасти с меня. Показывает Уховой свое «Рождество», чтобы проверить православные чувства, оказывается, полное отсутствие их.

318

Идем в Алупку. Нет электричества, у Майделей сижу полчаса. Хотяинцева рассказывает о Палладе то, что она под клятвой сообщала Сереже.

27 декабря. пятница _____

Двенадцать праздников: 1. Крещение, 2. Сретение, 3. Благовещение, 4. Пасха, 5. <пропуск слова>, 6. Троица, <7>. Рождество Богородицы, <8>. Воздвижение, <9>. Покров, <10>. Введение во храм, <11>. Знамение, <12>. Рождество.

Двенадцать месяцев в году, как <они> воспринимались в купеческом и дворянском быту.

1. Свистопляс российский.

С этими картинами Сережа собирается ехать за границу. Он komponует «Благовещение», я тоже обдумываю композицию. Сережа бреется, убирает комнаты. Чудный весенний день. Мы сейчас же после обеда идем гулять, заходим к доктору Оглодину — давно уже обещали. Он совсем приказчик с шевелюрой телеграфиста, она свежа, с яркой лентой в волосах. Он пессимистично настроен и говорит только о политике. «Как ты думаешь, они много предаются любви?» — спра-

шиваем мы, уходя, друг друга. Потом к Голобородько — там уютно, тепло. Пьем чай. Михайлов — разговор о любовных похождениях и как художник относится к женщинам, натурщицам. Идем на *scoquis*. Я прошу Голобородько подумать и о нас, когда будут брать разрешение на отъезд в Италию.

Нет электричества дома, поэтому рано ложимся спать. Олю Майдель увезли в больницу. Римма рассказывает об этом с содроганием. На меня это произвело ужасное впечатление. Как кругом люди мрут, болеют — как страшно, какая кара, за что?

28 декабря, суббота _____

Сережа с утра komponует «Благовещение». Я читаю ему. В сумерки пошли гулять в Алупку. Браиловские ходили в больницу к Оле Майдель. Электричества нет, лишь в десять часов. Я моюсь — пьем уютно чай, раскладываем пасьянс и спать. Леонид Михайлович рассказывал, в каком чудном настроении Михайлов, который всегда был пессимистом, и говорит: «Если уж он в хорошем настроении — то, значит, все действительно хорошо».

319

29 декабря, воскресенье _____

Сережа — «Благовещение». Ждем Каринских. Приготовились — они не приехали. Ухова принесла записку, послать в Москву — она добрая женщина. Я читала Боборыкина. В сумерки пришли к Браиловским Полю. Потом Леонид Михайлович рассказал, что они настроены очень пессимистично. «Уехать бы за границу», — только и говорят. Мы говорим об отъезде за границу — уговариваем Браиловских продать дачу. Римма «за», Леонид Михайлович «против». «Поговорите с ним, — говорит Римма, — ведь мне с ним приходится возиться как с нервной барышней».

Вечером с Сережей решаем, что надо действовать относительно отъезда. Я говорю, что, наконец, окончательно согласна. Сережа: «Нельзя терять ни минуты». — «Хорошо, тогда завтра ты пойдешь в Ялту».

30 (17) декабря, понедельник _____

Мы уютно спим, долго и нежно, и так все эти дни. Сережа звонит Белкину, узнать, идет ли он в Ялту. Я пытаюсь дозвониться в Ялту к Каринским, чтобы не приезжали. Но не могу, говорю слишком многие, подслушиваю французский разго-

вор об отъезде. Все только и думают об этом. В десять часов приходит Белкин, и они уходят. Я даю Сереже записку: кого повидать, насчет чего поговорить. После его ухода принимаюсь за работу. Я все утро обдумывала, идти ли мне с ними, потом решила остаться, потому что уж очень много я успеваю сделать дел в Сережино отсутствие. «Буду целый день стирать и писать дневник», — так и делаю. Римма убирает маленькую столовую для Лидии Никитичны, которая одна не может жить там, вдобавок там сыро. Определенно говорят, что Петербург взят.

В сумерки я иду болтать к Лидии Никитичне, Нита ей принесла письмо от Оли, и она счастлива. Приходит Хотяинцева. Римма рассказывает о своих болезнях и операции. Невеселый разговор. Вечер весь я пишу. Каждый раз, когда уходит Сережа, я говорю: «Больше я его не отпущу, слишком я тоскую без него», — и каждый раз отпускаю.

Надо надеяться, что много сделает на этот раз.

От Якобсона письмо.

320

31 (18) декабря, вторник _____

Вчера с трудом заснула — нервничала без Сережи — все слышались шорохи и звуки, а это только шумел водопад. Утро было настолько радостное и солнечное, что я пришла в хорошее настроение, но потом опять огорчилась пропажей Труффи — что если Сережа приедет, и его не будет. Через час он объявился, и я его накормила котлетой. Потом мыла полы, ставила себе клизму, гладила. Леонид Михайлович звал меня посмотреть плакат, я дала ему совет. Итальянка трогательно ждет английского парохода, который должен прийти и увезти несколько англичан и итальянцев. Она должна была уехать тоже.

Сережа приезжает поздно, в семь часов. С новогодними пончиками и куклой-балериной. На этот раз устал и не так оживленно рассказывает. Устал от долгого ждania паспорта, который ему переменили, и от всех неприятных политических сведений, которыми его снабжали. Весь первый день он провел с Виктором Дмитриевичем Михайловым — очень подружились. Потом встретил Арсения Брунова. Он едет как представитель льна в Париж с Сазоновым и так далее. Обещает быть у нас и поговорить на эту тему. Разговоры с Соколовыми. («Рындину я ненавижу — такая завистливая, злобная».)

У Сорина ночевал.

Якунчиков отправлял свою дочь в Англию. С Каринскими виделся, но не намекал на покупку и деньги. Они, должно быть, хамы и жулики. Она окончательно разонравилась — вульгарная купчиха, а ее девочка — обсусоленный леденец.

«То, что Арсений рассказал о Москве, чрезвычайно, я просил про мрачное не говорить — но о художниках. Как Павел Кузнецов спасал имение Якунчиковой.

Мне просят передать: приезжайте в Москву, Вам приготовлен класс в Училище живописи и зодчества — не будьте саботажником. Ваши картины покупаются в Новый музей. Приезжайте сами и привозите картины».

Сорин говорил с Идельсоном, который говорит то же самое, что Сережа: евреи дадут миру новую религию.

Телефон 2-53 Сорин.

Сережины расходы:

1-й день папиросы 3

обед 17

café 5

бритье, чистка сапог, газета 4

в канцелярии 7

папиросы 4

Von appetit 6

кукла (4.50) и пирожн<ые> (6.)10.50

извозчик 25

<Итого> 81.50

1919 (1 января – 7 апреля)

1 января. среда

322

Вчера мы легли в девять часов. Сережа очень устал после Ялты, а про Новый год мы забыли, так как справляем праздники по старому стилю. Проснувшись около часу, я удивилась, что горит электричество, и тогда только вспомнила про Новый год. Спали мы долго, и у меня сегодня чрезвычайно свежий вид. Сережа восторгается и хочет сделать набросок, но весь день проходит в разговорах о политике, в рассказах о Москве и в вопросе: что делать? Приходит из Ялты Иван Павлович и весь день рассказывает о Москве; таким образом, мы слышим все время то рассказ Ивана Павловича, то Сережин. Иван Павлович говорит, что только сейчас он в состоянии рассказывать, до сих пор он не мог отдышаться от поездки — это было сплошное мытарство, несмотря на то, что ему, как брату писателя, всюду оказывали внимание и помощь. Интересно то, что в Москве молодежь, артисты и большая часть интеллигенции в восторге от большевиков, очевидно, из-за заработка, который те им дают. Они негодуют на союзников, которые «вмешиваются не в свое дело». Голод невероятный, магазины все закрыты, у Мюра столовая. Иван Павлович подробно рассказывает о своем обеде в Алатре (два блюда отвратительных за восемнадцать рублей) и у Мюра. Театры процветают, и за билет в Художественный театр скорей можно что-нибудь купить, чем за деньги. Представители искусства — первые люди. К пяти часам мы ждем Арсения, но он, конечно, не приезжает. Мы гуляем с Сережей по Мисхору. Погода все дни удивительная, ходишь одетой почти как летом. Мы говорим о том, что нам принесет 1919 год, — я за то, что хорошее, Сережа пугает меня плохими приметами. Вечером Сережа делает с меня набросок карандашом и сангиной, и в два часа есть сходство. «Не чета Сорину, который никогда бы не мог набросать так быстро и с таким сходством». У нас сидят Ле-

онид Михайлович и Иван Павлович. Говорят опять о событиях. Я и то стараюсь сообразить, что делается на свете, и высказываю свое мнение. В Германии победил Спартак, то есть большевики, пахнет мировой революцией. Махно с пятнадцатью тысячами под Мелитополем. Крым в опасности. О союзниках и их планах ничего не слышно. Я и то начинаю говорить об отъезде.

2 января, четверг

Все утро Сережа с Леонидом Михайловичем говорит о политике, и когда приходит Иван Павлович, то и с ним. Леонид Михайлович и Иван Павлович утверждают, что союзники победят немецких большевиков. Мы с Сережей — противоположного мнения. Сережу интересует вопрос: поют ли в Берлине «Марсельезу», я уверена, что нет. Поднимается вопрос о родине и чувстве к ней. Леонид Михайлович уверяет, что он интернационалист и чувствует себя хорошо только в Италии, Испании, Франции и так далее. Наибольшими патриотами оказываются те, у кого всего меньше русской крови: Римма, я. О Сереже и говорить нечего.

В обед Сережа принимается за «Благовещенье», а я, вымыв волосы, рассказываю о романе Боборыкина. После обеда неожиданно приходят Сомовы, отец и дочь, просить Сережу давать уроки дочери. Сережа выходит один, я сижу в соседней комнате и слышу, как Сережа ссылается на меня: «Если жена моя согласится...» Или: «Я поговорю с женой...» Боясь, чтобы они не сочли меня за мегеру, я выхожу к концу разговора. «На Вас вся надежда». — «Я оправдаю ее», — смеюсь я. Оба они производят милое впечатление, и мы вспоминаем после их ухода, как Сорин ругал их.

В сумерки идем в Алупку с Браиловскими и Иваном Павловичем. Иван Павлович рассказывает о писателях, в связи с нашим «увлечением» Боборыкиным, и о нем. Он советует прочесть Мамина-Сибиряка.

Мы спешим домой, потому что Белкин хотел прийти в шесть часов.

Приходит к семи и сидит весь вечер. Сережа относится к нему мило, я расспрашиваю его о его вкусах.

«Вы, конечно, любите поэзию, так скажите, кто Ваш любимый поэт», — спрашиваю я, имея в виду прочесть Волошина. — «Я стихов не признаю», — заявляет он. — «Как?» — «Ну, конечно, что же в них естественного и красивого, ведь никто

же не говорит стихами». Ну и распек же его Сережа за такое заявление. Прошлый раз он сказал, что картины его не трогают, сегодня он ни во что не ставит поэзию и осмеливается говорить, что если бы «Евгений Онегин» был написан прозой, то, наверное, был бы лучше.

Римма стоит в стоптанных туфлях, животом вперед, со щеткой: «Я совсем забросила свое тело, я живу только искусством».

3 января, пятница _____

Иван Павлович рано утром ушел — его мать умерла. «Он поступил очень по-мужски, — говорит Сережа, — что не хотел присутствовать при смерти, — я его очень понимаю». Сережа все утро говорит о политике внизу с Браиловским. Перед обедом садится за «Благовещенье», я читаю ему Боборыкина, но Боборыкин стал скучноват — вчера Иван Павлович советовал взять Мамина-Сибиряка. Днем заходит к Браиловским Поль с молодым Булгаковым. Мы идем вниз, он рассказывает о событиях — в Гаспре бывает много всякого народа — но все говорят по-разному. Решительно ничего не известно. Идем в Алупку узнавать новости. По дороге Иванов нагоняет тоску мрачными сообщениями. Там главный рассказчик новостей аптекарь Лютц, к нему все идем, он общает утешительное о десантах.

324

4 января, суббота _____

Целый день дома.

В сумерках Сережа ходит к Сомовым дать ответ.

[В сумерки идем в Алупку. Алекс. Наумович сделал альбом Сереже к Рождеству.] Почему Сорин их так хаял — милая русская семья.

Вечером разговаривали с Браиловскими, как кто хотел бы жить.

5 января, воскресенье _____

Сережа показывает Лидии Никитичне картины. Голобородьки у нас вечером.

6 января, понедельник. Сочельник _____

Погода изумительная все дни. Все розы скоро расцветут. Я иду в Алупку и беру Сережу с собой. Утром привожу в порядок квартиру. В Алупке покупки к Рождеству. Сережа уго-

варивал меня купить себе что-нибудь. Он заметил, как я взяла у Алекс. Наумовича альбом, и обижен.

Браиловские тоже в Алупке. Они хмурые от услышанных новостей и решили наконец продавать дачу и уехать за границу. Сережа только и говорит об этом. Леонид Михайлович рассказывает о мастерских в Риме. Я дома начинаю устраивать ёлку.

Детское настроение.

Куклы.

Леонид Михайлович.

---

10 января, пятница

Еще находим вещи для продажи. Сережа доканчивает карикатуру и относит. Утром Сережа занимает меня разговорами о мужчинах, которые ему нравятся (Якунчиков, Корвин, Дягилев).

Он спит на балконе на солнце.

Я привыкла к мысли об отъезде.

Заходит Ухова и любитесь нами: два любящих друг друга человека делают игрушки.

На нитках они подвешены — сушатся. «Мы даже сами не сознаем, до какой степени это поэтическое времяпрепровождение».

Леонид Михайлович заходит к нам. Они были у Руперти, видели Мте Гужон.

«Выехать в страны невозможно. Франция, Италия, Англия не принимают русских! Плохих русских нам не надо, а хорошие должны остаться у себя».

Все куклы висят, крутятся, и каждая поет куплет.

---

11 января, суббота

Сережа идет в Алупку продавать краски и книги. У Алекс. Наумовича денег нет. Субботин предлагает под залог достать денег. Он едет с Атрыганьевой за границу.

У Риммы сидит Nena Stakelberg и расстраивает ее: денег нет, события надвигаются, и бороться она не может.

Я стираю, сушу кукол.

После обеда Сережа спит. Я иду за утюгом. У Браиловских Ухова объясняет мне продажу Рындиной.

Делаем куклы. Жакье. (Style c'est l'homme <Стиль — это человек>.)

12 января, воскресенье

Сережа объясняет мне, что нужно еще сделать с куклами. С утра принимаюсь. Римма Никитична заходит (об Рындиной насчет прод<ажи>, о Оле Майдель и ее болезни). Иван Павлович приходит из Ялты. Я иду вниз [за утюгом] к Лидии Никитичне, которая тоже просит о продаже.

Петр Иванович Субботин о поездке.

Беспрерывные гости: Голобородьки (розыгрыш), Ухова, Валя, девочки Бартрам, Нита, Анна Николаевна с Евгенией Петровной.

Голобородьки расстраивают сведениями из Ялты (ежедневные убийства).

Миловида: <голубой> б<ант> на шею; подкрасить голубой краской прическу, пальцы розовой краской; золотые стрелки на чулках; лакировать; черные шелковые башмаки с бантами, синие.

Миловзор: лакировать все синее, камзол золотом, золотой орнамент на рукаве, чулочки лакировать.

Алина: лакировать руки и ноги.

Перигримус: отлакировать.

Заира: пролакировать.

Скаромуш: перчатки, манжеты кружевные и на ногах, пояс с бантом, пролакировать.

Полишинель: лакировать манжеты, шею, руки, ноги; банты на ботинки; узоры синие.

13 января, понедельник

В шесть утра Евгения Петровна постучалась, я ей предложила подождать и стала сама зажигать жаровню. Она взялась приготовить кофе. Сережа не выспался и не в духе. С трудом встал. Евгения Петровна торопила: «Ах, Боже мой, этак мы опоздаем, только в семь часов выйдем». Только когда он выпил два стакана кофе, Сережа пришел в себя и стал балагурить с Евгенией Петровной: «А Вы паспорт-то не забыли взять?» — «Ах, Боже мой, забыла — да за что меня арестовать-то!» — «А за малый рост?» — «Ну, батюшка, скорей».

Я перекрестила Сережу и проводила их. Легла, но не могла уснуть. В половине восьмого стала убирать комнаты, крайне тщательно к Новому году. Пришла Ухова с сумочкой, поразила, что я не поехала, не ради себя, а не заболела ли я и как с куклами. «Не продавайте их дешевле ста рублей. Даже Барт-

рам вчера сказала: за двадцать я бы, пожалуй, купила». После ухода мыла то полы, то волосы. Убрала все на славу к обеду и даже успела завиться. Не достает кукол. Вчера вечером устраивали еще кадрили. Анна Николаевна продала у скупщицы. После обеда немного читала Загоскина. В четыре часа пошли в Алупку: я, Браиловские, Иван Павлович и профессор Симферопольского университета, пришедший в гости к Браиловским. Узнав, кто я, он на ухо сказал Римме Никитичне, что ему сказали в Алупке: «Приходите к нам справлять Новый год — будет Судейкин с женой, а она красавица».

Оглодин — купчик из «Будильника». В Алупке купила вина к устрицам, сыру, папирос, хочу порадовать Сережу. Алекс. Наумович продал пастель за пятьдесят рублей. Идя домой, с Риммой Никитичной говорили о том, что женщина должна чувствовать свое тело, — тогда она может завоевать весь мир. «Я была так же хороша, как Штучка, и так же искрилась».

Пришли домой к шести. Я волновалась, не приехали ли они, — нет, и ждала, еще волнуясь, до половины седьмого.

Наконец раздались Сережины шаги, я выскочила навстречу, мы спели титипушку и долго обнимались. «Удачно?» Лицо веселое. «Да. Кукол устроил у Ravet, Mme Ravet сама их приняла и будет продавать их по сорок рублей. Она жалела, что их не было на новый год нового стиля. Но я получил неожиданно пятьсот рублей от Каринской». Сережа так устал, что я его уложила спать, накормив, а он обещал все подробно рассказать, как встанет.

327

14 (1) января. вторник. Новый год старого стиля _____

Продажи:

Пастель, маленький ящик 55

1 п<уд> муки и 1,5 п<уда> сухарей 92.50

Английский учебник 20

Старую обувь (3 кожаных и 4 парусиновых калоши) 180

Павлину (синюю юбку и блузку (мамины) и 4 детские рубашки) за февраль: хлеб, носку и карт<офель?> 65

Шляпа бархатная 18

Каринская привезла 310 (?)

Погода великолепная. Все утро построено на приметах: продажа муки и сухарей. Я моюсь и одеваю чистое, мальчики приходят славить новый год и бросают зерно на икону.

Сереза пишет Венеру, я читаю Загоскина. После обеда Сереза спит.

Ухова с Валей, Валя изменилась невероятно. Приносит фиалки. Хочет позн<акомиться> с Nolhen — он служит во французском штабе в Севастополе. Она думает о куклах, мы об отъезде.

Убили начальника милиции в Мисхоре — что за жуткое впечатление.

Сереза садится вечером делать с моей головы рисунок. Я ему скалькировала Венеру. Приходила Мария Игнатъевна (разговор о Татьяне Николаевне, о саване и internat'e <интернате>).

Браиловские ушли слушать Булгакова к Токмаковым, звали и нас.

15 (2) января, среда _____

328

Сереза слушает внизу рассказ о вчерашней лекции. До <19>40 года вся Россия будет состоять из мелких федераций. К <19>40 успокоение и появление Николая.

Сереза моется.

16 (3) января, четверг _____

С утра Сереза пишет Венеру и очень мучается. Я то читаю ему Загоскина, то позирую. После обеда даже сажусь рядом и помогаю, делая замечания. Наконец лицо удачно. Идем с Леонидом Михайловичем к Голобородько отдавать вчерашнюю газету. Там рассказывают опять о денежных делах, в связи с отъездом, о характерах и национальностях (поляки). Сереза благодушен — получает в подарок тетрадку с Гаварни, а я лоскутки для кукол. «Анна Осиповна уже, кажется, мечтает делать кукол», — говорит Иван Иванович. Домой они нас провожают до газет. Разговор с Иваном Ивановичем об отъезде, оказывается, уже через две недели. Они нас что-то не зовут, боятся, чтобы не сели на голову. Встреча с Петром Ивановичем, который запросто и размашисто стал целовать руки у дам. Дома уже сидит Белкин, которого Сереза пригласил зайти. Он у Риммы Никитичны. Пока я занята хозяйством, происходит скандал (<1 нрзб.> Вы очень много пользуетесь черной краской).

17 января, пятница _____

Сереза целый день работал над «Венерой», а я лежу целый день, потому что больна. Петр Иванович заходит в сумер-

ки (оракул). Утром заходила Вейнер, когда Леонид Михайлович чинил водопровод. Вечером я встаю. У нас Лидия Никитична, потом Леонид Михайлович.

18 января, суббота _____

Мы отгадываем новое занятие. Je me sauve par ci par la comment trouvez-vous tout cels. La république russe <Я спасаюсь тем и этим — как вы это все находите. Русская республика> <несколько слов нрзб.>. Сережа докончил «Венеру» и на некоторое время ее оставит. Веселый день. Перед сумерками заходят Жакье и Лидия Никитична, смотреть «Венеру». Хвалят и портрет (сopcombге <огурец> и с <1 нрзб.>).

Я читаю Загоскина, стираю, вышивала.

Я читаю газету всем вслух. Вечером гуляем при луне.

19 (б) января, воскресенье _____

Римма Никитична смотрит (бьет себя в грудь): «Вся соль в женщине, если она сознает каждый кусочек своего тела, тогда она владелица мира».

Сережа выскочил на балкон.

«Сергей Юрьевич, не правда ли?»

С.Ю.: Что это значит? Я не понимаю.

Р.Н. повторяет.

С.Ю.: Вы говорите о кокотках. До сих пор кокотки и фаворитки приносили только разорение стране, и проповедовать девицам этого нельзя.

Р.Н.: Я говорю только о их личном счастье.

Я: В защиту Риммы Никитичны привожу примеры: Штучка Бела, Паллада, Вейнер.

Р.Н.: Да, есть же несознающие и сознающие.

С.Ю.: Просто <есть> женщины чистоплотные и нечистоплотные. Нита и... интересные и неинтересные.

Р.Н.: Ах, Вы не понимаете, благодаря этому женщина достигает бриллиантов, автомобилей.

С.Ю.: Да, вроде госпожи Сухомлиновой, например. Мы знаем результаты.

Р.Н.: Вы не хотите меня понять: я говорю только о самой женщине, ее благе, а, конечно, мы знаем, что красота — опасность и разорение для других.

Конец разговора. Р.Н.: «Если бы меня назначили министром по женским вопросам, то...» Л.М. перебивает: «То ты бы допустила, что развелись бы вши на голове».

Сережа пишет «Благовещение».

Вечером делает первый рисунок для вышивки. Я тоже переделываю для вышивки «Aveu <Признание>» из «Карнавала».

Внизу сидит Якунчикова. «Если у кого есть десять тысяч, тот должен ехать в Лондон — так там дешево жить».

20 января, понедельник _____

Я беспокоюсь, что у меня прошли гости, говорим о беременности, но потом опять появляется.

Сережа работал над «Катаньем» и приделал много народу. Я вышиваю.

После обеда Сомова. Завтра урок.

Идем в Алупку.

Пропажа Лидии Никитичны.

Сережа делает чудесную вышивку «На Нижегородской».

330

21 января, вторник _____

Утром раскрашивает вышивку «У Макария», которая выходит немного тяжеловатой. В обед бреется, моется и франтом идет на урок, перед тем он мне устроил репетицию, то есть сказал то, что будет говорить Сомовой о том, что, если из нее даже и не выйдет художница, у нее, все же, будет открытый кругозор на всю жизнь, которую она будет понимать через все стили.

У Оли Майдель перекинулось на другую сторону, что за несчастье.

22 января, среда _____

Утро чудное: в Алупку с Браиловскими. Le style c'est l'homme. Об отъезде. Дома Леониду Михайловичу из банка деньги.

Днем Голобородьки. Письмо Сорину. Упреки в бездействии относительно отъезда. У Уховых.

23 января, четверг _____

Махно. Он хам.

Карикатура Гаварни. «C'est décidé, mon bébé, tu le vends a Mme Angot. Tu payes la consommation a Pape Maco... et en partant tu fais comme Turner je le vends a Ms Kile» <Решено, мальчик, ты ее продаешь мадам Анго. Ты оплачиваешь счет папа Мако и затем ты пишешь, как Тёрнер, я картину продаю мисс Киле>.

Утром Леонид Михайлович по телефону узнает от Марии Павловны, что приехал студент, племянник Метнер, и привез деньги, что послезавтра <он> придет с Маковским. «Вот ты меня заставляла всякие глупые вышивки делать, а эскиз к «Аполлону» я не сделал, как теперь быть?» — «Сережа, ты успеешь!» — «Какой там: ни подрамка, ничего!» — «У Леонида Михайловича попроси».

К обеду натянута холст и разлинован, и Сережа пишет весь день и вечер (как для вышивки). Я моюсь (голову) — приход Вальтер (крымская мадонна).

Сережа спит.

Потом читаем газету. Я натопила печь и моюсь вся.

Украинизация Аполлона и стихи:

В бадермейерском костюме
 Лежит Гоголь на спине,
 Преогромная дивчина
 Пучит глаза на mine.

331

Разговор о стиле. Как придать остроту? Приемом?

24 января, пятница

Сережа с утра принялся за «Аполлона» и придает ему опять античный стиль. До обеда, который запаздывает из-за двух князей, поселившихся у Анны Николаевны и только в час изволивших выкушать кофе и этим перепутав все мысли и часы у Анны Николаевны, Сережа набрасывает всю нижнюю группу, а после, до сумерек, верхние фигуры, причем Пегашка упраздняется, а вместо него прибавляется Эрос.

Заходит Римма. Ухова заболела и не поехала в Ялту, у нее что-то с яичниками — нас, женщин, обуял страх от этой поваральной болезни. Римма остроумно рассказывает, как Ухова была влюблена в Леонида Михайловича и сыпала ему в кушанье порошки для возбуждения, отчего с Леонидом случались судороги, и он поминутно умирал. Римма приписывает Уховой большой темперамент, и следствием этого темперамента ее болезнь сейчас. Уж и выдумает.

В сумерки Сережа спит.

Вечером на столе у нас разложены пачки этюдов, краски, дневники, рисунки — все это мы хотим взять с собой. Выходит преогромное количество. Распределяем, которые из Сережиных этюдов продать, которые нет.

---

25 января, суббота

Снег. Сережа хочет, чтобы я читала Диккенса. Я вышиваю. Сережа пишет панно. После обеда бреется и идет на урок. (В обед разговор у Анны Николаевны в кухне: «Манька занепрудодлила». — «А по морде». — «Не по морде, а по другой стороне». — «По мадам санже». — «Ну, давайте моим скорей котлеты». — «Аль уже суп слопали?»)

В его отсутствие звонок по телефону Сорина из Ялты. Римма подходит и потом рассказывает мне: «Я два дня беспрерывно звоню Вам по поручению Маковского. Приехал секретарь Метнер с пятью тысячами, из которых нужно заплатить Вам за гобелены, Леониду Михайловичу и Сергею Юрьевичу за заказы, дать новые поручения и купить много фарфору. Так как Маковский не решается приехать к Вам в Мисхор, имея такую малую и то неизвестную сумму, а я ругаюсь, что все эти пять тысяч может получить Ваша дача, то Маковский просит взять все, что у Вас есть, и привезти это в Ялту, где у меня можно устроить заседание».

Римма и я, как женщины, стали обсуждать возможность поездки в Ялту и решили ее скорее утвердительно, но когда вернулись мужчины, то оба воскликнули за раз, хоть и в разное время (Леонид Михайлович пришел из Алупки позже), одно и то же: «Чтобы мы, художники, отправились бы в Ялту за какой-то несчастной суммой — выпрашивать ее («У жиди», — прибавил Леонид Михайлович), да мы лучше ничего не возьмем, а пусть нам эти деньги сюда привезут, да еще на подносе принесут и попросят принять».

Было решено отправить Маковскому телеграмму: «Сорин передал Ваше поручение. Крайне затруднительно привезти работы в Ялту. Милости просим к нам в Мисхор».

---

26 января, воскресенье

Сережа работает над панно, а в сумерки спит. Я иду в гости к Уховым с тайной надеждой выпить у них чаю. Выпиваю четыре чашки, растапливаю камин и говорю о жизни, браке и любви с Надеждой Михайловной. Она говорит о том, что женщина в браке должна сохранять свою самостоятельность, иметь свое определенное занятие и положение и не так всецело подчиняться мужу, как, например, я. «Женщина должна только иметь внутреннее богатство и внутреннее содержание, и она никогда ничего не потеряет. Оттого, что Сергей Юрьевич меня не пускает в синематограф и театр, и что Вас

так возмущает, я ничего не теряю, ибо приобретаю большее тем, что позирую ему, тем, что вместе с ним создаю произведения искусства и, кроме того, что бы ни случилось, разойдись мы с Сергеем Юрьевичем или сойдись еще крепче, — я так знаю и понимаю теперь искусство, что этого богатства ничто и никто у меня не отнимет».

Рассказывала она и о своем втором муже и сказала, между прочим: «Понимаете ли, человек, который меня боготворил, на меня почти молился, меня вдруг возненавидел».

Написала она письмо Рындиной и пошла вместе со мной к Римме Никитичне. За мной зашел Сережа.

У Браиловских сидела Якунчикова, которая приходит, зовет нас к ней. Она мила, женственна, очень оживлена, хорошее, милое впечатление. Римма Никитична все говорила: «Какая хорошенькая!». Вечером раскладываем пасьянс, и спать.

Леонид Михайлович сделал чудо-эскиз ванной комнаты.

333

27 января, понедельник

Сережа работает над «Аполлоном». Я с Риммой в Кореиз за покупками (дорогой сахар), к Оле Майдель (татарки, лежащие с ней). Татарин в лавке играет на маленьком пианино-гармонике. Ай-Петри в снегу. Стада баранов и коров.

После обеда Сомова. Ее вялость немного раздражает, но, вместе с тем, ее жалко. Дали читать о иконах и Гофмана. Вечером делаем корзинку для провизии.

28 января, вторник

Я иду за морской водой. Сережа замазал Аполлона, потому что неудовлетворен (похоже на Grande Opéra, а маленький эскиз так остер).

На море волны, ветер, и я возвращаюсь свежая и веселая.

Василий Лазаревич Чернояров рассказывает о своей поездке из Киева. Мы рады ему. Старик рассказывает медленно, со вкусом и весело. Письмо к Изе Кремер. Днем расстроенный Иван Иванович Голобородько приходит взять теплое пальто, потому что едет в Киев за деньгами, — взволнован сильно. У Браиловских Руперти — после их ухода споры о женской красоте. «Какая она хорошенькая», — говорит Римма. — «А я ничего безобразно скучнее не видел». Перебираем всех знакомых. Римма Никитична принадлежит к числу тех женщин, которые видят красоту в хорошем платье и прическе. «Вот у Хотяинцевой поселилась двоюродная сестра Вален-

тина-революционера — говорят, красавица, я ее видела, не нашла, пойдемте сейчас посмотреть, кстати, и игрушки посмотрим, а игрушки, действительно, очаровательны». — «Ну, уж, мы Вам, Римма Никитична, не верим — кто говорил, что Ухова красавица, что Якунчикова прехорошенькая и так далее». Однако мы с Сережей пошли к Хотяинцевой.

29 января. среда

Пока я лежу, Сережа рассказывает о своих парижских любовницах (Henriette и américain) и в связи с этим вспоминает, кого он мог бы встретить еще в Париже.

Связи в Париже.

Бакст, Florent Schmitt, Dumièrre, Cocteau, Colombier, Дягилев, художник Sert, Судьбинин Серафим Николаевич, Барон Denis Cockin, Marquise de Greffulhe, Корebut-Кубитович, родственник Дягилева, Софья Григорьевна (Грингмут?).

Comédie Mustre.

Astruc.

Весь балет: Нижинский.

Светлов.

Барон Гинзбург с женой.

В Лондоне Ростовцевы.

Спросить о знакомом Макс<имилиана> Волошина Жолткевиче.

После обеда Сережа идет на урок (знакомство с Сумароковой-Эльстон). Я должна с ним встретиться у Вейнер, но ее нет; захожу к Уховой — она все ноет: денег нет, Рындина стерва и так далее. Встречаю Сережу, взволнованно ищущего меня, гуляем с ним, пока нет электричества. Браиловские пошли к Голобородько.

Вечером пеку блины, раскладываем пасьянс, и спать.

Спим от девяти вечера <до> десяти утра.

30 (17) января. четверг

Утром Тиран сообщает скверные вещи: Петлюра предал Украину большевикам, и Киев на днях занимается большевиками.

Я пишу письмо Якобсону.

Газетные сведения очень плачевные.

После обеда идем в Алупку продать старые сапоги, калоши, туфли сапожнику и альбомчики, брошку и рамочку Алекс. Наумовичу. Все вздрожало необычайно, а сапоги как

нарочно подешевели, и Сережа получил не триста, как мы мечтали, а сто восемьдесят рублей. Идем в Алупку нагруженные, Сережа на спине несет мешок с сапогами («Теперь бы я не хотел встретить мою ученицу»). Говорим всю дорогу об отъезде — это постоянная тема последних дней. Приходим обратно к электричеству. Я взяла в библиотеке французский роман Prévost «Monsieur et Madame Moloch»). Я его читаю немного. Сережа раздирает свои альбомы, сортирует рисунки, некоторые разрывает, все маленькие дарит мне.

Сегодня Сережа очень удачно прописал Аполлона и показывал Леониду Михайловичу — он тоже в восторге.

31 (18) января. пятница

Сережа пишет весело и с удовольствием. Поет все утро «Марш авиаторов». Римма Никитична по этому поводу говорит мне позже: «Странные художники — и Леонид, и Сергей Юрьевич распевают по утрам — точно птицы какие».

Я читаю Сереже «Moloch'a», а потом пишу письмо Corradini, которое возьмет с собой итальянка, и проверяю часть его у Лидии Никитичны. Говорим об отъезде за границу.

Приходят маленькие Врангели и маленький Вейнер просят кошку для зверинца, старшая девочка очаровательна в своей оживленности, а маленький Вейнер настоящий жиденок.

1 февраля (19 января). суббота

Проснулись до солнца, нежничали и не засыпали до восхода его. Дела было много до одиннадцати часов. Сережа в комнате, где спят кошки, должен был навести порядок, вынести к.....и кошачьи и превратить ее в atelier <мастерскую>, ему очень не хотелось показывать в спальне картины в соседстве с постелью. Я заодно навела порядок как следует во всех комнатах: вымыла полы и так далее. Сережа брился и одевался, а я еще не успела и с красным лицом поспешно завивалась и надевала синее платье. «Оно тебя делает слишком худой — надень красное платье». — «Нет, в нем я чувствую себя не по себе». — «Нет, ты оденешь, я хочу, чтобы ты выглядела как следует». Эта маленькая размолвка вышла перед самым их приходом, когда они уже подъехали. Маковский пошел вниз к Браиловским, а Сорин и Каринская стучались в дверь.

Сережа почти моментально увел Сорина в спальню, оставив меня с Каринской. Мы с ней заболтали очень непринужденно и оживленно, через каких-нибудь пять минут мы го-

ворили уже о старинных вещах, о вышивках, я ей показывала свои, а она рассказывала о своих. Потом Сережа повел Сорина в соседнюю комнату, где, очевидно, говорил об отъезде и где заморозил Савелия. Он выскочил оттуда как ошпаренный, и Сережа тогда повел туда Каринскую, предварительно попросив надеть пальто. Я быстро успела расспросить Сорина об отъезде и всяких делах. Он мне показал письмо Идельсона в Лондонский банк с просьбой выдать Сорину сто двадцать пять фунтов стерлингов (это за пять тысяч, которые он получил с последнего портрета старухи Месаксуди). Сорин показал письмо Миллер из Ростова, где она пишет о расстроенных делах Метнер, о ее суетливо-skonфуженном приеме, о том, что она спрашивала про картину Судейкина («Карнавал»).

Сорин хочет переехать на две недели в Мисхор, чтобы закончить мой портрет.

336

Маковский тем временем все разговаривал у Браиловских. Когда я говорю Савелию о том, что через Энно можно получить только разрешение и что это самое трудное, он смеется *d'un air malin* <с хитрым видом>. «Без жиды тут не обойдетесь: во-первых, Маргулиес это с легкостью может устроить, во-вторых, Энно женат на киевской еврейке».

Происходит перемена: Маковский подымается наверх, а мы все идем вниз к Браиловским. Римма Никитична здорова с Варварой Андреевной как со старой знакомой, та расточает ей комплименты: «А меня, когда я устраивала выставку, только и спрашивали: а где же Браиловская, неужели она не участвует». А мне потом отдельно, когда мы рассматривали маленькие рисунки: «Неважно сделано! По ним и вышивать-то нельзя».

Сережу она хвалила мне вовсю: «Какой он у Вас талантливый, что за вышивочки — один восторг! От “У Макария” я прямо с ума сошла».

Леонид мне успел шепнуть, что Римма таки выпросила у Маковского две тысячи рублей. «А что Вы?» — «Кажется, ничего». Когда Маковский с Сережей сошли вниз к обеду (на грех все Сведомские были больны, и готовила Шура), я Сережу спросила насчет денег. «Ничего! Но я еще буду говорить с ним».

За обедом мы сидели так: Римма на председательском. На одной стороне, против света, Каринская между Сережей и Леонидом Михайловичем, а на другой стороне я между Соринным

и Маковским. Сорин расхваливал нашу *vie rustique* <деревенскую жизнь> и говорил, имея сытый и довольный вид, что тратит в Ялте на еду сто рублей (этого ему Римма потом простить не могла и рассказывала несколько дней подряд кому попало). Маковский вел себя галантно и вспомнил опять летнюю историю с быком и велосипедом. Римма была довольна, что ей приписывают романтические истории, и хохотала во все горло. Каринская мечтала о том, чтобы переехать на все лето в Мисхор, и просила ей после обеда показать какую-нибудь дачу, которую можно снять. Сережа пошел с нами. Все предполагаемые дачи были уже заняты, и только дача Уховой была бы подходящей, и то только к маю. Сережа нас покинул, чтобы еще поговорить с Маковским, а мы пошли к Надежде Михайловне переговорить об условиях. У бедной Надежды Михайловны был такой несчастный, растерянный вид, что мне стало жаль ее. Она не обещала ничего определенного.

Придя домой с Каринской, мы сели в комнатке и еще оживленнее разговорились, я — об устройстве антикварной лавки, о ткацкой фабрике, она о театрике, о своих выставках (имевших большой успех, она заработала за год шестьдесят тысяч), говорили так складно, что я первая сказала: «Какой Вы деловой и жизненный человек, мы с Вами, соединившись, могли бы горы сдвинуть». Она так и загорелась: «И Метнер бы втоптать в грязь». Когда я сказала о себе, подразумевался и Сергей Юрьевич, поэтому она так и увлеклась, и вдохновилась. Я заметила и теперь, и потом, что у нее к Сереже не только влечение как к таланту, но и как к мужчине. По взглядам и по всему *tenue* <поведению> это было заметно. Сережа почувствовал это с первого раза и сам сказал мне об этом, формулируя это так: «Она чувствует себя крепостной девкой по отношению ко мне, барину. Поэтому так и подставляется». Вид у нее, действительно, очень крепостной; фигура, плечи, шея изумительны, с меня ростом, а лицом хоть и привлекательна, но не очень хороша, очень вульгарна. А манеры до того разухабисты, руками так и размахивает. Сорин сказал о ней: «Хороша баба! Мог бы влюбиться в нее, будь она немного моложе и не будь у нее этого московского купеческого жанра, не переносу этого». В разговоре с ней после обеда у меня вполне выяснился ее эстетический облик и ее характер по нескольким данным. «Уж я так люблю свое дело, так люблю, клянусь Вам, что мужчины мне всегда говорят: “Да с Вами, Варвара Андреевна, кроме как о Ваших вышивках, ни о чем

другом разговаривать нельзя". Уж я если кого поллюблю, то все на свете могу позабыть ради этого». В ее квартире она устраивает комнаты, которые впоследствии хотела выставить, причем размах у нее меня трогает: для того, чтобы купить один туалет красного дерева, понравившийся ей, пришлось продать всю старую спальню, со всеми вещами и мелочами. А комнаты у нее огромных размеров, с невероятно огромными диванами и преогромным количеством подушек.

Выставки она устраивала так: в первый день роскошный чай с музыкой, с фруктами и пирожными, и в этот же день она продала на сто сорок тысяч. Деловая!

Вкус у нее очень неважный, да и не было у нее никаких образцов (кроме Риммы и Хотяинцевой, сказала потом Римма), и не училась она ничему, но темперамент и любовь такая, что, я верю, попади она в Сережины руки, из нее вышел бы первоклассного вкуса художник. Чувство колорита большое — это славянская черта.

338

В четыре часа они решили ехать обратно. Она меня расцеловала и приглашала в понедельник приехать в Ялту и у нее ночевать. «Мы с Вашей женой такие дела затеваем!»

Сережа Маковским остался недоволен. Он вяло отнесся к его работам (еще бы, на морозе), не дал денег, хоть и обещал через две недели, формулировал заказ к Метнер, который свел к десяти тысячам (четыре вещи), а когда Сережа упрекнул его в том, что он Браиловским дал, <ответил:> «Да, но Вы не представляете, как Римма Никитична у меня выпросила эти деньги, буквально вытащила их из меня».

Сережа был разочарован <их> приездом, и, когда они уехали, он стал горько, хоть и довольно вежливо, упрекать Браиловского, что он, допустив Маковского раньше к ним, лишился денег, что Маковский бойкотирует его и так далее. Леонид Михайлович очень взволновался и предлагал дать половину, Римма тоже: «Ведь Вы не представляете, как я у него выпросила эти деньги, он бы нам их не дал, но мы в таком критическом положении, что это меня подзадорило». (А, небось, балкон строите и дачу имеете, и жильцов — думала я. Непременно это скажу Маковскому, как он всегда поступает мимо: дал задатки Щербатову (!), Браиловским, Билибину — дачевладельцам, а нам — ни шиша.)

До сумерек мы сидели у Браиловских. Сережа несколько успокоился. Римма рассказывала о бездарности Каринской, критиковала Сорина, а Сережа распределял всех лиц, кто какого ху-

дожника и кому с кем поэтому везет: Каринская с картин Судейкина, и поэтому он скорей верит удаче с ней, чем с Маковским, который абсолютно не его работы, а Леонида Михайловича.

Вечером я характеризую Сереже Маковского, который мне стал почему-то понятен: <не законч.>

2 февраля. воскресенье

Сережа садится за «Катание на масленице». Мы делимся впечатлениями о вчерашнем визите. В четыре часа приходят Булгаков и Поль. Мы ждем откровений, но Булгаков пользуется тем, что он у художников, интересуется живописью и просит ему показывать и объяснять. Идем к нам. Он близорук, я даю ему мою лорнетку. «Сначала я покажу Вам языческую картину («Венеру». Римма крайне заинтересовалась, как он будет реагировать), а затем уже религиозные». Показывает и «Аполлона». Ему интересна каждая деталь, просит объяснения, как расположены музы (музы — это излучения Аполлона), и при этом показывает большие знания.

Поль оставляет нам книгу «Греческая религия». О политике Булгаков мало говорит — Римма утверждает, что он крайне подавлен. Лицо у него очень русское. Я вижу в нем и жуликоватость, Сережа — нет. Красивое.

3 февраля (21 января). понедельник

Сереже не хочется идти в Ялту, он не видит особой надобности идти. Я же очень хотела бы, я чувствую, что надо все же энергически действовать относительно отъезда и тому подобного. Но после обеда начинает идти ужаснейший дождь. Я лежу в постели до обеда — просто так, читаю Сереже Prévost. Хотела идти в Алупку, но Римма не пошла. У Леонида опять мигрень (наверное, от ...), а одну меня Сережа не пустил. Он же работает над «Катанием». У нас нет ни сахара, ни колбасы, ничего, и Сережа вызывается пройти в Алупку один. Идет в шинели один (с Мг Жакье на обратном пути разговор на любовные темы. Сережа хочет выпытать от него все). Телефон у нас испорчен, а кто-то непрерывно звонил нам из Ялты, так общили с телефонной станции. Я пробую у Пантелеевых добиться по телефону, кто звонил — из Морской гостиницы, какой-то артист Званцев или в этом роде. Все заинтригованы — не из Москвы ли, к кому относится телефон<ный звонок>.

Вечером сидим около постели Леонида Михайловича и болтаем.

4 февраля (22 января), вторник

Чудный день. Сережа вчера принес из библиотеки две французских книги, и я читаю ему сначала «Les mémoires secrets de Madame D. K<нрзб.> <Сокровенные записки мадам Д. ...>», оказывается бульварным романом для горничных — отвратительно. Второй лучше — «Le divorce de Cady». Вчера я обдумала для Сережи, что и как ему приняться за заказ Метнер. Обдумала фруктовые тарелки и фруктовую вазу. И фасон печки с лежанкой. И вчера же стала ему объяснять. Он остался доволен и сегодня же принялся за рисунки к тарелкам — галантные сцены. Он с легкостью их все сделал в черновом виде и даже раскрасил. (Я в виде прогулки заходила к Уховой, пила чай и слушала несчастный разговор о Рындиной и безденежья.) Вечером начал компоновать букеты (шесть букетов и шесть фигурных сцен), очаровательнейшие рисунки. Пришли Римма и Леонид слушать мое чтение о древнегреческой религии Зелинского, но быстро устали, ушли спать. Я еще читала «Cady».

340

Политические разговоры опять приобретают пессимистический характер. Большевики прорвали фронт на Дону и подходят к Александровской. На севере англичане потерпели поражение. Из Киева все бегут, и Голобородько не поехал. Никто ничего не покупает.

В мое отсутствие заходили к нам Сомовы, отец и дочь, просить Сережу прийти пораньше.

Молодой месяц. Дивная ночь.

5 февраля (23 января), среда

С утра я советую Сереже одеться к уроку, выбриться и так далее. Он готов к двенадцати. Чистит сапоги целый час.

Говорили о нашем безденежье! Я продала Павлину разные вещи (за хлеб за февраль). Я утро все чищу керосинку и прикус для продажи, Сережины кисти, мою и убираю.

В Сережино отсутствие Римма все время зовет меня: «Как Вы относитесь к будущему, к себе? Сергей Юрьевич сегодня что-то был очень пессимистичен, а Вы?»

Сережа с урока приносит скверные политические сведения (письмо от Бенкендорфа из Лондона к Догоруковым: «На англичан не надейтесь!»).

Я пью чай с Лидией Никитичной и Риммой Никитичной, обе позвали меня в дамское общество. Римма все возобновляет разговор о том, следует ли нам ехать и что вообще делать.

Вечером я моюсь с ног до головы, przygotowляю список действий завтрашнего дня, упаковываю вещицы.

Разговоры о продаже с Соколиковым, Рябушинскими, Квилем (другим продать);

и о нас: <с> Якуловым (Ябл<оковым?>), Минасову (старинные вещицы), Щербатов, Яновский, Арсений Брунов!

Предложить платье, жемчуг Карабановой.

Устроить кукол.

Взять деньги из банка. Залог из библиотеки.

Письмо маме. Метнер? Григорию Васильевичу?

Паллада.

Акварель, кальку.

6–10 февраля, четверг–понедельник (Ялта) _____

Сережа против поездки в Ялту: «Только деньги истратим и ничего не сделаем». Но я привожу всевозможные доводы: «Нельзя терять ни одного дня, надо начать действовать, к тому же оказался молодой месяц, хорошая примета для всяких начинаний. В Ялте мы узнаем, как отнесутся к вопросу о помощи нам Рябушинские, Соколиков, Квиль и так далее. Если мы и ничего не добьемся, то по крайней мере посмотрим всему открыто в глаза, затем я хочу, чтобы ты у Якулова узнал о том, можно ли нам венчаться, затем мы продадим все наши старинные вещицы (я оставляю себе из фарфора: чернильницу и флакончик, две золотые шкатулочки, бисерный кошелечек и портфельчик), мои серьги, браслет, подаренный Тищенко, он мне приносит несчастье, и я ведь его ни разу не надевала. Увидим Сорина и столкнемся с ним окончательно об отъезде, с Каринской поговорим о деле, с Рындиной мне надо выяснить дело с платьями, Ухова меня об этом умоляла. Видишь, сколько дел». — «Хорошо, пойдем, только если погода будет хорошая».

Проснулись — солнце взошло на безоблачном небе, стали быстро собираться, в десять вышли (Браиловские нам желали счастья и пожелали привезти с собой десять тысяч).

А в половине первого пришли в Ялту, успели зайти в банк и взять оставшиеся там четыреста рублей.

Шли по верхней дороге, было жарко и немного утомительно идти в теплом платье и с вещами (у Сережи был мешок на спине), солнце грело сильно. Сережа говорил о работе в Париже: я — в синематографе, а он — в театре — но каковы тогда наши отношения? «У меня славная натура — если я увижу, что у тебя флирт, я, ни слова не сказав, изменю тебе».

Впечатления в Ялте.

342 Может быть, потому, что в пятницу пошел снег, а на следующий день была слякоть и дождь, и так продолжалось все дни, пока мы были в Ялте, может быть, потому, что люди, на которых мы всего больше надеялись, оказались далеки от мысли помочь нам, — впечатление от Ялты было при отъезде самое отчаянно грустное. Сережа принимался несколько раз за свое самое отчаянно-злое настроение, я тоже дулась и была раздражена, и, только когда мы выехали из Ялты, и лошади с трудом стали подыматься по обледенелому шоссе в горы, и на одном высоком повороте мы оглянулись на Ялту, нежно-голубую, нам стало хорошо, и мы, прижавшись друг к другу, стали думать о том, как нас встретят Браиловские и что мы им станем рассказывать, что затопим печь, сварим чай и будем сидеть в нашей уютной комнатке. Ночевка на неудобном диване в большой холодной комнате, двухдневная мигрень от холода, злобная Рындина, промоченные ноги и хождения по покрытой слякотью набережной — все отошло и забылось.

Первый день был еще лучше других: мы были еще свежи, несмотря на пройденный путь. Надежд было много, хотя мой разговор с Рябушинскими ни к чему не привел (они отнеслись очень мило, по-родственному, угощали пирожными, и Сергей Павлович даже похвалил мое пальто). Вечером мы встретились с Каринской, пошли смотреть Рындины, Волконского и Вяземскую в «Графине Ферби» (роман пинкертоновский) и очень веселились. Каринская отнеслась премило, дала нам подушку, плед и простыню и угостила ужином. Ее комната во «Франции» мило устроена, висят Сережины два этюда, маленькие этюдики Хотяинцевой, Ломакиной, вышивка и большой старинный ковер. У окна ее рабочий стол с начатыми работами, шелками и лентами. В первый день Сережа немного поговорил с ней об искусстве и о своем участии в ее деле принципиально — она слушала «всем существом», поминутно и со слезами экспансивно восклицая: «Милый, если бы Вы знали, как я люблю искусство». С ней мы пили кофе в «Чашке чаю», с ней же пошли в синемаатограф.

(Банк, обед в кухмистерской в обществе Якунч<икова>, пустая квартира Соколовых, «Чашка чаю» с пирожным, Сорин, Рябушинские, синемаатограф, вечером у Рындиной. Политический разговор. Общество «Единение России». Рябушинский предложил Сереже делать плакаты, изображать

большевистские зверства. Сережа возмущен: «Мое искусство никогда не будет мстить людям».)

Второй день. Кофе у Рындиной — приезд Уховой, разговоры о продаже платья. Рындина явно надувала Ухову. Сережа один идет к Рябушинским. Я сижу полдня и весь вечер у Каринской (английский урок). Сережа приходит за мной в девять часов и застаёт такую картину: три дамы (я, Каринская и ее гувернантка Анна Дмитриевна) сидят, раскрасневшиеся от вина и разговора. Сережа присоединяется к нашему разговору и, быстро опьянев, тоже болтает всякую ерунду. У Рындиной все спят, мы с трудом проникаем в квартиру. Я вижу Лидию Дмитриевну в кровати: прыщавая, близорукая, почти слепая, уродливая женщина.

Меня у них раздражал всего больше их недоделанный европеизм: сервировка, камеристка, халат и ночные туфли — и при этом недостаток во всем: нам было у них по-настоящему холодно, и голодно, и неуютно.

В субботу утром мы показывали Рындиной наши старинные вещи, принесенные для продажи. Она советовала их отнести на комиссию к барону Кистеру, открывшему недавно антикварный магазин. Все утро проходит в антикварных разговорах. Она показывает купленные ею вчера даром (за пятьсот рублей) серьги: рубины с бриллиантами (а Уховой дает деньги по горсточке). К нам приходит Каринская посмотреть Рындины. Сережа говорит ей комплименты и по поводу роста, и по поводу ее шапочки. Рындина злится. Сережа идет вперед к барону Кистеру, мы приходим позднее. Сережа знает Кистера по полку. Вещи оцениваются меньше чем на две тысячи рублей — на тысячу рублей наберется. Мои серьги идут к Шульцу на комиссию (разговор о Маковском. Шульц его ругает. Сережа говорит: «У него несчастная рука». А Шульц: «У него просто нечистая рука»). Маленькая миниатюра оценивается Миначевым в две с половиной тысячи, и Сережа ее оставляет до Парижа (!).

После обеда я иду к Мусе Юрьевой, которую я встретила еще вчера на улице. В Джалите я никак не могу найти ее номера и попадаю к разным артистам и, наконец, к ней, где среди открытых чемоданов, не убранной постели, ворохов платья сидит она в штанишках, ботиках и гримируется. Она изменилась, стала сильно мазаться, похудела, волосы выкрасила в светлый цвет. Мы мило вспоминаем о прошедших временах, о нелидовках, о том, какая участь кого постигла. Во время разговора ежеминутно в номер заходили разные люди: сначала

произошел скандал с горничной, которая без разрешения перенесла все вещи в другой номер, причем Муся ее ругала, перепинала и говорила такие фразы: «Да как вы смеете так разговаривать со мной, да Вы знаете, если я захочу, то Вашей гостиницы к вечеру не будет». Потом какая-то пожилая, рыжеволосая артистка, как оказалось — аккомпаниаторша, долго вынимала из несессера то пудру и пудрилась, то духи и душилась во всевозможных местах, то вынула коробку, из нее преогромные бриллиантовые пуговицы и аккуратно стала их насаживать на свое черное бархатное платье. С Мусей мы отправились, как только она оделась, в «Чашку чаю», и там я познакомилась с Сережей. Я думала, что он в ужас придет от ее носа, оказывается, наоборот, ее наружность ему понравилась. Говорили о поездке в Париж. Она рассказала, что в Одессе к ней за кулисы приходил Энно, и поэтому она с легкостью может достать визу. Зарабатывает она десять тысяч в две недели!

344

Из «Чашки чаю» мы отправились к Палладе. Поправившаяся, в новом платье и новой шляпке-цилиндрик, она нас встретила весело и, усадив в столовой, засыпала нас рассказами. Теперь ее тема: все доктора Ялты, у которых она лечится. Конечно, мы услышали знакомые нам вещи: потеря шестисот рублей, влюбленное письмо от Глеба, о Феликсе — мерзавце и так далее.

Вечером мы ужинали у Рындиной по ее просьбе, то есть съели две холодных котлеты. Она угощала рассказами о Любови Столице и читала из ее романа «Елена Деева». Мы позволили себе сказать, что тон вульгарен, — она защищалась.

11 февраля. вторник

Я ночью заболела, вставала, при свете сидела часа два в другой комнате, чтобы не мешать Сереже, а сегодня лежала до вечера. Заходила Римма, и мы рассказывали ей о Ялте. У них в наше отсутствие был Феликс, были Пантелеевы, и те и другие, по мнению Леонида Михайловича, чувствуя приближение большевиков, пришли интуитивно к художникам, как <к> людям, стоящим вне политики, и, вместе с тем, людям, которые ближе к большевикам.

Сережа принялся за «Аполлона».

Вечером мы сидели у печки. Пришел Жакье: эротический разговор, как соблазнить девицу Семиградову и какие бывают способы любви.

Сережа много говорит о том, что будущее принадлежит людям мысли и творчества.

12 февраля. среда

Такой ветер со снегом, такая метель, какой в Крыму никогда не бывало! Я прибираю с утра квартиру тщательно. Чуйко прислал повестку, что электричества не будет еще с неделю, нет топлива, поехали за ним на Кавказ. Для Сережных работ это зарез.

13 февраля (31 января). четверг

День ясный. Солнце, но мороз. Сережа выбрился с легкостью новоотточенной бритвой и пошел на урок. До обеда он работал над «Аполлоном», а я ему дочитала «Le divorce de Cady».

Вечером говорили о устройстве комнат, и я предлагала идеи модные: столовую модной, изощренной женщины. Сережа меня хвалит и просит записывать все мои мысли.

Плафон овальной комнаты весь в подборах и нитях бус. Как один сплошной абажур. В середине живопись: Амур в венке из роз.

345

14 (1) февраля. пятница

Сережа до сумерек пишет «Аполлона», затем идем в Алупку. Несмотря на пасмурность — весенний воздух, в Алупке достаем денег у Алекс. Наумовича (сто рублей за проданные вещи), идем обратно при луне.

Дома при свете печки (мы экономим керосин) я сочинила печку, очень понравившуюся Сереже.

15 (2) февраля. суббота

Сережа работает, начал компоновать раму. В сумерки мы ходим перед домом, и Сережа ноет, что нет денег. Это меня расстраивает и приводит на весь вечер в плохое настроение. Даже газетное известие, которое приносит Леонид Михайлович из Алупки, об аресте Ленина Троцким, меня не радует — не верю. Мы ложимся, по обыкновению, в девять часов, а в половине десятого вдруг зажигается электричество — какая радость. Завтра Сережа сможет начать вечерние рисунки.

Читаем *Prévoist* и сказки Андерсена. Днем заходила Надежда Михайловна, и Сережа говорил с ней о заказе плаката для синаматографа, который она, может быть, устроит у Ханжонкова, ругали вместе Рындицу.

Надежда Михайловна — добрая и милая, узнав, что мы не продали кукол, предлагает две купить, а третью продать Бартрам. Мы, конечно, согласились.

Расчет на месяц:

квартира 200 р.

электричество 35 р.

обеда 24 × 30 720 р.

молоко 30 × 4 60 р.

хлеб 45 ф. × 15 р.

сахару 12 ф. × 10 120 р.

кофе, колбасы, смалец, уголь 245 р.

<Итого:> 1500 р.

спички, табак, библиотека, мыло, стирка

16 (3) февраля. воскресенье

Утром, пока Сережа писал «Аполлона», я прочла ему два рассказа Prévost. После обеда (обед дивный) он пошел на урок, а я считала белье (завтра, наконец, прачка), мылась с ног до головы и вымыла пол. Когда Сережа пришел, уютно пили кофе и с восторгом дожидались электричества. Сережа лег отдохнуть. К Браиловским приходили Поли и к нам хотели, но я вышла сказать, что Сережа отдыхает. Как только зажглось электричество, я приготовила стол, и Сережа принялся рисовать. Закончил букетики и начал рисунок для кашпо. Эти его рисунки до такой степени хороши, что я умоляю сделать в этом роде панно побольше. «Значит, тебе “Аполлон” не нравится?» — «Нет, нравится, но что касается меня, то я заказала бы тебе два панно: 1). Сельский Эрмитаж, 2). Падшие ангелы».

Я сочинила опять удачное: скатерть на стол.

17 (4) февраля. понедельник

Пришла прачка — с ней возилась. С Сережей обдумывала поездку с Тиман<ом> в Германию. «Я тебя пошлю в Ялту одну, у тебя счастливая рука — ты переговоришь с Тиманом и устроишь меня, как художника, у него, а он нас перевезет за границу». К Браиловским приезжал Ермолев. Политически настроен хорошо. Плакатами остался не особенно доволен, хотя Леонид не сознался в этом. Мы подслушали тон разговора и по этому судим.

Надежда Михайловна Ухова уехала в Ялту и в четыре часа звонила, прося узнать, в Ялте ли Баулин, обещавший ее привезти обратно. Я ходила на Баулинскую дачу с Риммой. Римма — романтик, она уже опять занята мыслью о моей игре в синематографе и говорит мне по дороге: «Давайте думать, что

было бы, если бы Тиман вдруг увидел Вас прекрасно одетой и хорошо выглядящей, предлагающей свои услуги, и Сергей Юрьевич согласился бы на это...», и так далее. Ей безумно интересно, как повела бы себя я в роли артистки и шикарной женщины, как вел себя бы Сережа, ревнивым ли безумцем или хорошее денежное положение умиротворило бы его.

В сумерки пошли в Алупку вдвоем. Алекс. Наумович продал мои сапоги и дал мне еще денег. Он рассказал о своих семейных несчастьях. За Перекопом делается Бог знает что, в имение его дяди приехала на автомобиле с пулеметами банда и, расстреляв шестерых из его родственников, забрала все ценное в доме. Он очень расстроен. Надеется на скорое падение большевиков. «В конце лета мы поедем в Москву». Как отраднo слышать подобное, хоть и не верится. Когда подошли к дому, навстречу поднимался пустой экипаж сзади привязанными узлами. Кого-то привез? Не Шаминых ли, не маму ли?

Переменили книгу и пришли домой. Сидели у нас Браилы. Говорили на темы политические, но потом, благодаря Римминому «давайте думать, почему от Дроздова нет никаких известий и какую роль играет Нина Блуменфельд», перешли на тему любви Нины Блу к Дроздову.

18 (5) февраля. вторник

Дождь весенний и теплый. Все утро читаю Сереже «Княгиню Д'Эрменж», а он перерисовывает начисто фарфоровые рисунки. После обеда неожиданный стук в дверь: «Артист Вавич». «Зачем он пришел, — думала я, — наверное, просить на бедность». Приготовила кофе и напоила его, слушая его рассказ о безвыходности положения, о том, что у него и его друга только одна пара ботинок и что они изобретают теперь план действий для заработка, сначала концерт, который даст им возможность купить себе обувь, затем в Ялту — кабаре, синематограф и так далее. Наконец, просидев у нас более часа, продекламировав свои и своего друга стихи и пропев песенку у Вертинского, он наконец приступил к просьбе: не даст ли Сережа для американского аукциона какую-нибудь свою вещь — за плату. Долго обсуждали, какую. Сережа согласился дать большие цветы, долго спорили о плате. Условия показались мне жульническими, и я стала «выводить его на свежую воду» — но в конце концов условились правильно и не обидно ни для какой стороны.

Только он ушел и наступили сумерки, как Сережа пожелал отдохнуть, и мы оба легли — как шаги по лестнице, и голос Ниты заставил нас встать. Со слезами и расстроенным лицом Нита вбежала в комнату: «Сергей Юрьевич, что же это — большевики в Крыму», — и заплакала. — «Что такое — расскажите толком, откуда у Вас это и где они, близко?»

19 февраля, среда

Холодный день, пасмурный. Сережа обеспокоен опять своими опухольями на пальцах, опять долго говорит со мной о своей болезни и всех возможных осложнениях. Я очень беспокоюсь. Он идет к Римме и ей жалуется. «После этого тебе легче стало?» — «Да, Римма уверяет и клянется, что это «engelures <обморожения>», которыми страдают в Крыму и в Италии буквально все из-за холодных квартир».

348

Вечером, в страшный туман мы идем в Алупку, я уговариваю Сережу зайти к доктору. Гохбаума нет дома, и Сережа к другому не идет. Возвращаемся в темноте полной. Лютец рассказывал о Симферополе, где был: «Это военный лагерь добровольцев — Мелитополь тоже».

20 февраля, четверг

Наконец хорошая погода для сушки белья. До обеда работаем — прачка и я. Я читаю в свободную минуту Сереже Уальда «Идеальный муж». Некоторые парадоксы приводят нас в восторг.

После обеда Сережа идет на урок, я в его отсутствие глажу. Приходит Надежда Михайловна, рассказывает, что у Ханжонкова она говорила о Сережином желании делать плакаты, и он заинтересовался: «Но Судейкин ведь очень драгоценен?» — «Между нами говоря, я думаю, что он согласится и на небольшое сейчас». — «Это у него жена красавица?» — «Да, она очень красива». — «Она не играет в синематографе?» — «Нет, муж не позволяет». — «И хорошо делает, что бережет жену».

Когда Сережа пришел, она все повторила. Ее итальянка имела большой успех — мы все трое возрадовались!

С урока Сережа принес хорошие успокоительные политические сведения.

Выпив чаю, он лег. Ко мне зашла Вальтер прощаться. И что за качество — приходиться в самый неудачный момент! Руперти ей заплатил за два месяца, устроили в ее пользу лотерею,

подарили сапоги и посоветовали уехать в Севастополь, а там хлопотать о выезде из Крыма! Вот до чего довела она их.

Я ходила к Сведомским. Легли в половине девятого спать.

21 (8) февраля. пятница _____

Павлин принес мне козьего молока и поговорил с Сереей о политике. Потом мы долго болтали с Риммой внизу о человеконенавистничестве, в связи с нашим вчерашним разговором, что Ольга Афанасьевна на всех людей фыркала. Сереежа подробно рассказал о своем самом бедственном периоде жизни на Васильевском острове и о том, как Ольга, фыркающая на всех, не допускала никаких знакомств.

А я говорю Серееже, <что> всех людей ненавижу и всех страстно люблю. У меня есть некоторые люди, которых я хоть и не ненавижу, но которых я ни под каким видом не хочу допустить к себе ближе — просто потому, что они крайне скучны. Вальтер, Печнов, Нина Александровна, Рындина, Дёмкины и так далее.

Сереежины опухоли лучше, очевидно, потому, что теплая погода. Он с утра садится за рисунки к фарфору, делает букетик.

Заходит Римма и рассказывает страшно возбужденно, что Оля Майдель выписывается из больницы за неимением там места, и весь ужас в том, что дома она не сумеет проделать все лечение, во-первых, за неимением ванн и тому подобного, а во-вторых, потому «il y a un drame, que je veux vous raconter, mais jurez, que vous ne le direz a personne <вот драма, о которой я хочу Вам рассказать, но поклянитесь, что Вы о ней никому не расскажете>». Мы клянемся. «Ведь Оля не девушка, у нее была продолжительная связь с женатым человеком, и я в это посвящена, но мать этого не знает, и когда я ей сказала что-то насчет спринцевания Оли — она возмущенно посмотрела на меня: “Спринцевать! Олю!”». Сереежа возмущается: «Неужели Лидия Никитична такая дура, извините за выражение!» — «Да, она хоть и умна, книжно умна, но в некоторых вопросах она глупо наивна». Я даю совет Римме Никитичне: «Вы должны обо всем сказать доктору Михайловой, и если Оля будет выписываться — доктор сделает матери внушение относительно лечения». — «Это самое лучшее». — «Бедная Ольга Богдановна, — говорит Сереежа, — теперь мне многое становится понятным в ее характере, ее раздражительность, ее отношение к юнцам». — «Да ведь, собственно говоря, она вдова, — говорит

Римма, — неофициальная вдова, и у меня страшное подозрение, что ее болезни от ее связи с тем человеком, который был, очевидно, болен». — «Какая гадость со стороны мужчины».

В это время меня зовут к телефону: Паллада просит передать Хотяинцевой, что приедет в понедельник с князем Волконским, который ее довезет на автомобиле; что она получила от Глеба письмо с просьбой не разводиться — но это секрет, о котором она просит не распространяться.

Мы читаем Уальда и так восхищены его критическими статьями, что одну из них («Кисть, перо и отравка») хотим переписать (выдержки) и послать Маковскому анонимно.

В сумерки Сережа идет в Алупку, заходит за Жакье, но с ним идет Мария Игнатьевна, мне приходит сообщить об этом Александра Александровна, с которой мы обсуждаем пасхальный базар в Ялте.

350

Я иду к Сведомским за книгами, которые мне обещала разменять Евгения Петровна. Лидия Никитична стучит в окно, я вхожу, и из соседней комнаты голос Ольги Богдановны зовет меня. Я поражена: «Переехали? Как неосторожно!» — «Но что же мне делать, когда женщины рожают как сумасшедшие, и в больнице на самом деле нет места для таких, как я». Я сажусь и болтаю с ней. Мать и дочь счастливы. У меня такое впечатление, что Лидия Никитична великолепно все знает, но не желает, чтобы другие, даже Римма Никитична, в это вмешивались. У нее очень простое, любовное отношение к дочери.

Вечером составляем списки людей, которых мы любим и не любим, и очень забавляемся. Приходит Римма.

Сережа был в Алупке и принес неважные сведения: из Перекопа выехала мать Алекс. Наумовича, потому что городу угрожают большевики. Сережа звонит по телефону Каринской. Узнает успокоительное. У Каринской гостит Билибин (!), меня передернуло при этом известии.

<Список> Людей, которых мы определенно любим

Я люблю, хорошо отношусь:

Браиловских л.

Сорина л. (иногда)

Рябушинские очень х.о.

Паллада х.о.

Наталочка х.о.

Нита очень х.о.

Волошин л.
Брюллова очень х.о.
Якобсон х.о.
Каринская очень х.о.
Коренева л.
Уховы х.о.
Иван Павлович Чехов очень х.о.
Шамин очень х.о.
Яновский х.о.

Сережа:

Браиловского л.
Яновского л.
Сорина л.
Каринскую л. (?)
Василия Лазаревича л.
Алекс. Наумовича л.
Шамин х.о.
Римма л. иногда
Оля Майдель х.о.
Рябушинские х.о.
Паллада х.о.
Павлин х.о.
Наталочка х.о.
[Анна Осиповна Голобородько скорее х.о. (?)]
Ирина Шамина х.о.
Волошина л.
Блуменфельд х.о.
Якобсон л.
Коренева л.
Уховы х.о.
Ор. Чернорук х.о.
Иван Павлович Чехов очень х.о.
Феликс Юсупов
Анна Николаевна Сведомская
Жакье

351

<Список> Людей, которых мы не любим

Я:

Билибин н.л.
Рындина н.л.

Мме Фельдман скучна
 Маковского презираю
 Вальтер скучна
 Грюнберги
 Ассан молочник
 Печнов н.л.
 Нина Александровна скучна
 Блуменфельда кузину
 Калишевский

Сережа:

Милиоти очень н.л.
 Рындина очень н.л.
 Тищенко н.л.
 Билибин н.л.
 Маковский индифферентен
 Мте Дроздову
 Л. н.л.
 Грюнберги
 Блуменфельда выдрать
 Дёмкин
 Мше Дёмкина

352

22 февраля _____

У меня легкая головная боль. Сереже надоело делать букетики, и он не в духе. В четыре часа идем с Браиловскими в Алупку. Туда идем весело. Решаем навестить Анну Осиповну. «Там ведь тоска будет зеленая, но делать нечего, приходится», — говорит Сережа.

Приходим. Она больна, лежит расстроенная одиночеством, письмами, получаемыми от Ивана Ивановича и ее родственников, и своей болезнью. От всех этих причин она становится болтливой, и мы с ужасом слышим вещи, которые дают нам возможность сделать невероятные заключения о еврейском засилии, о еврейских капиталах.

23–26 февраля. воскресенье–среда _____

Три дня у нас гостила Каринская, спала рядом в комнате, проводила все время с нами, гуляла, рассказывала — и впечатление о ней у нас осталось самое лучшее. Экспансивная, любящая до предела искусство и свое дело, влюбленная в Москву (ее выражение: «Господи, какое счастье, когда вый-

дешь иной раз на улицу и чувствуешь, что впереди, сзади, со всех сторон Москва, на лице, на руках, на ногах»).

26 февраля. среда

Встаем в семь, провожаем Каринскую, идем в Алупку, я к зубному врачу. Встреча с Якунчиковым и разговор в кафе о гипнотических сеансах. О Якунчикове идет молва, что он идиот. Он нам рассказывает о своем монархическом убеждении (узко монархическом). «Не могу я быть так бесчестен, чтобы желать зла моему благодетелю Николаю II, человеку, от которого у меня все блага жизни. Я за закономерность. Пусть Николай пробудет хоть две недели на престоле, но только он имеет право передать престол другому, а именно — своему сыну, и никому другому. Если бы Николай Николаевич попал на престол, то Россия для меня не существовала <бы>. Я знаю, что я узкий монархист». Затем о гипнотических сеансах: «Последние сеансы духи писали генеалогические рисунки, и в 578 году был Сирус Кокус, очевидно, которым я был, потому что... — и следует длинное и занудное объяснение. — На последнем сеансе два астральных тела, Володи Белкина и Веры Александровны Кузнецовой, отделились и вели разговор в самых трагических тонах, как в “Hamlet”. И он изобразил: “Это ты, мой супруг”, “Да, это я, возлюбленная твоя”. Потом начались ужасающие рыдания, которые все усиливались, такие стоны, что все присутствующие стали просить меня зажечь электричество, но раньше пяти ударов нельзя (!), наконец я зажигаю, и мы видим: Володя Белкин, как распятый, стоит на голове у стены, мы бросаемся к нему, он как деревянный, мы откачиваем его целый час, выходим из комнаты, я возвращаюсь: он опять стоит на голове и так далее». Затем следует рассказ о цветах, которыми вся комната была убрана, о фиалках, которые сыпались на него. В это время прошел Белкин. «Володя, Володя». Он вошел бледный, почти землистый, изможденное лицо, обрамленное бородой, уродлив ужасно. Действительно, христианский мученик. Якунчиков с ним обходится нежно, поминутно беря его за руку и декламируя его стихи. «Они у него очень хороши — ему нужно только отшлифоваться за границей — а не жить в Москве, Москва — это ужас». — «А я люблю Москву». — «Неужели!» (Хотела я сказать, да всегда не нахожу момента: «Я была бы нечестным человеком, если бы не любила Москвы, которая дала мне все первые впечатления и первые чувства»).

Насчет же Белкинской поэзии я тоже хотела сказать: «Как может писать хорошие стихи человек, отрицающий Пушкина». Но тоже не сказала.

Поговорили о карнавале, который Маковский собирается ставить в Ялте. Сережа предложил Якунчикову участвовать. «Если бы немного раньше, но теперь я так отяжелел».

Шел дождь, когда мы шли домой. В парке Сережа <1 нрзб.> и все боялся, что мимо пройдет Сирус Кокус со своим мучеником.

Днем я спала.

27 (14) февраля. четверг _____

Ждали звонка Каринской с нетерпением. Наконец в двенадцать часов меня позвали: комнату она берет у Уховой. Для своей семьи она еще подумает. Денежные дела выйдут, и Сережа может считать заказ за собой в пределах той суммы, которую она говорила.

354

Политические дела хорошие — все спокойно. За неверные известия о Перекопе корреспондент привлечен к ответственности. Значит, все хорошо — Сережа очень обрадовался хорошим известиям. После обеда он спал. Я ходила к Майдель и рассказывала им о Палладе. Была Fraulein Вальтер. Я получила сегодня письмо, адресованное, собственно, маме от тети Гедвиг из Юзовки на немецком языке. Не имея с ними никаких сношений уже столько времени, меня как-то странно поразило и само письмо, и то, что оно на немецком языке. Как только Сережа встал, я приготовила чай, мы долго пили и говорили о том, как нам одеться летом. Я расписала Сереже, каким бы я хотела его видеть одетым, а он стал мне давать советы. Предложил сделать несколько рисунков, я с радостью согласилась. Два чепца. Поздно пришел Леонид и сообщил скверные известия. «Вы не будете звонить Каринской?» — «Нет, ведь мы утром с ней уже говорили по телефону, а почему Вас интересует?» — «Да известия неважные». Сережа выпустил карандаш из рук и сразу весь поник. «Говорите же, что?» — «Ожидаются выступления большевиков в Крыму. В Ялте была уже облава». Сережа уже не мог больше рисовать, помчался к Жакье за газетой, ничего не узнал и, очень взволнованный, лег спать.

28 февраля. пятница _____

Солнечный день, но очень холодный. Римма убирает всю комнату для будущих жильцов. Я берусь основательно

за кладовую. Сережа решает пойти на урок от десяти до двенадцати. Я работаю безумно, вожусь в угле, мою пол, так что Надежда Михайловна, которая видит меня, возмущена: «Я, как посторонний человек, и то запрещаю Вам, как женщине, заниматься подобной грязью. Неужели Вы сами полы моете. Я возмущена. На что у Вас будут похожи руки, кожа». Она в хорошем настроении, потому что есть надежда заложить дачу, Долгорукая дала разрешение. Утром заходил Павлин, удрученный: «Дела очень плохи. В Севастополе уже было выступление. Нашего хозяина отозвали из Крыма из-за очень опасного положения в Новочеркасске. Вчера он получил телеграмму от жены и сейчас же уехал». Павлин был в Ялте и ехал вместе с Каринской. Оба нахваливали нас. Сережа в двенадцать часов не вернулся, а только к обеду, и, сказав только, что «ел блины, страшно устал и получил деньги», прошел к Браиловским сообщить новости, не посмотрев даже на результаты моего четырехчасового труда. А я так старалась и так хотелось удивить его к приходу. Обидевшись, я одна обедала, не позвав его. Конечно, потом последовало объяснение и прощение, и он лег спать: «Я совсем измучен». И меня звал, но я решила отдохнуть за чаем.

В сумерки ходили в Алупку, причем сначала с Браиловскими, обратно одни. Сережа все время, пока я покупала, сидел в кафе и читал газету, но ничего не вычитал. А Леонид узнал от торговцев, что Крым оккупируется французами, и поэтому ходил радостный и сияющий.

Придя домой, я пошла к Хотяинцевой топить ванну. Сережа должен был прийти через час. Выкупались славно, все время мило беседуя. Когда я уже оделась, а Сережа сел в ванну, пришла Паллада с Mr (перед тем она брала французский урок, лежа на диване) и стала рассматривать Сережу (его силуэт на стене).

Mr Жакье пришел слушать чтение газет. На свете — столпотворение, все дерутся между собой — вот единственное впечатление.

1 марта суббота _____

Сережа делает акварели, но лениво, поминутно я извлекаю его из мастерской Леонида Михайловича, как Труфишку, куда он бежит поделиться соображениями политического характера. К обеду блины, после которых он уговаривает меня выпастыся. Спим любовно и очень долго. Сережу зовут к те-

лефону. Сорин просит приехать во вторник по очень интересному делу: затевается группой из восьми человек (в том числе Брунов) «дом артиста», помещение — Flogain, первая постановка — «Карнавал» Шумана с Судейкиным, во вторник заседание, после которого Брунов едет закупать материи в Константинополь. Интереснее дела не придумаешь. Сережа оживлен, я чуть скептически, расхолаживает участие portemalheur'a <вестника несчастья> Маковского.

Я посылаю Сережу в Алупку купить к завтрашним блинам сметану и масло, а сама иду к Уховой — там застаю, знакомлюсь с Бартрам, рассказываю о въезде немцев в Крым. Прихожу — Сережа уже дома, он не ходил в Алупку, задержался у Хотяинцевой и там встретил Иванова, с ним решал ехать на Кавказ, искать там спасение и заработок.

2 марта, воскресенье

356

Ходили рано в Алупку на базар. Говорили о Кавказе! Встретили Якунчикова (о нем ходят анекдоты: вся молодежь его надувает на сеансах).

Обед с блинами и Палладой. До обеда у нас Александра Александровна Хотяинцева, которой Сережа говорит нежности и с которой хочет раз навсегда быть друзьями («воскресенье прощенное» — оказалось потом).

Паллада решает, как ей быть: Юсупов ей должен еще выплатить пятнадцать тысяч, и когда она их истратит, что тогда? Быть Марьей Ивановной или стать куртизанкой? Ясно-видящая гадалка в Ялте ей предсказала невероятное богатство и славу.

Она уходит и сталкивается в дверях с князем Волконским, заходят к нам, но Паллада его тащит к себе. Они придут вечером. Князь будет читать свою книжку «Отчет о Добровольческой армии». Я заходила к Оле Майдель за шапочками, хочу, чтоб князь купил одну для Паллады. Там встречаю Nena Stackelberg.

У нас сидит Валя Ухова и молчит. Странная девочка. Принесла мне фиалки.

Вечером сидение с князем не у нас, а у Хотяинцевой, где тоже хотят послушать чтение. Сережа делает рисунок с князя. Александра Александровна набросок — не он, а наша Паллада не слушает, а пишет стихи: «Я уже четыре раза слышала». Пишет акrostих «Вера». После чтения сейчас же уходим. Даем керосиновую лампу князю.

3 марта. понедельник

Я провожаю Сережу до верхнего шоссе, где он садится на извозчика, по дороге я говорю ему еще быстро, с кем и о чем поговорить. С Якуловым о Кавказе, у Шульца взять мои сережки, у барона Кистера мои вещи, если они не проданы, а то это знакомые Рындиной и наверное устроят какую-нибудь гадость. У меня такое чувство. Поцеловавшись в присутствии двух татар и одного солдата, я пошла в Алупку к зубному врачу. Обратное шла быстро, зашла к Ольге Богдановне и проговорила с ней целый час о былых временах, о платьях, которые я носила, и так далее. Придя домой, открываю дверь в мастерскую, чтобы сказать: «А я проводила Сергея Юрьевича», как красная и взволнованная Римма кричит мне: «Идите скорее растирать Леонида Михайловича, он упал в обмарок». Перепуганная, я примчалась: Леонид Михайлович лежал на постели без движения. Бледный. Римма махала перед носом платком со спиртом, а <1 нрзб.> растирали руки. Мне сунули щетку, и я начала растирать ноги. «Мне лучше, я спать хочу», — сказал он. — «Только не спи». Через пять минут он совсем пришел в себя, но был настолько слаб, что его уложили. Мы еще посидели с полчаса у его постели и для его развлечения болтали на тему: почему бы мне не поиграть в театре и что Римма вчера поверила, что я красавица, когда я надела шапочку Оли Майдель. Наверху у себя я села вышивать, но пошла к Уховым и там до сумерек сидела, пила чай с тянучками, старушка мила, а Надежда Михайловна немного раздражает своим безвкусием. В сумерки пошла к Палладе и застала там французский урок, она лежала на диване на животе и болтала ногами, а Жакье читал и объяснял что-то, Александра Александровна ассистировала. Урок отменили из-за меня, а потом оставили меня ужинать.

Газета с критикой о Сорине (мармелад и так далее) и похвалами Сереже (гвоздь выставки — «Маскарад» Судейкина). Рассказ Паллады о синемаатографе — причем она хохочет до слез, которые размочили краску для ресниц и причинили боль («Для усы и бородов <sic!>»).

4 марта. вторник

Целый день вышиваю, сидя дома.

Разговор с Сережей по телефону.

Ночь у меня горит лампадка, и спят коты.

Поль принес краски от Сумароковой, я купила Сереже.

---

5 марта, среда

Сереза возвращается вечером в шесть часов. Утром он мне об этом сообщает по телефону и о том, что, может быть, мы поедем в Симеиз с Маковским и Бруновым на заседание о театре. Вместо вышивок я целый день убираю (заходит Сомова), шью и стираю, одеваю шелковые чулки мамины, платье и показываюсь Браиловским, у них пью чай со сладкой булкой, которую испекла Сведомская (ее собака вчера вылакала молоко).

Сереза является один: заговорился с дядей Уховой Серебрянниковым, который хочет купить у него, и пропустил Маковского и Брунова. Новости: привез деньги от Каринской, задаток — две тысячи. Она прелесть. Купил бумаги, краски. Кистера обокрали, и наши вещи пропали. Осматривал портреты Сорина (Идельсон и Каринских). Шульц продал мои сережки за тысячу рублей. Познакомился с Вермелем, который очень хочет ставить «Карнавал».

358

На обратном пути Сереза сел в экипаж с поэтом Олимповым и всю дорогу интриговал его.

Идельсон поклялся, что три месяца все будет спокойно.

---

6 марта, четверг

Утром я долго лежу в постели, а Сереза рассказывает еще недосказанные подробности. Римма заказала из кипариса яйца и раскрашивает их, хочет сделать сотню. Надежда Михайловна мне делает заказ вышивки — и проявляет в выборе цветов невероятное безвкусие — Сереза по этому поводу вспылил: «Одна женщина безвкуснее другой, и все еще причастны как-то к искусству».

---

7 марта, пятница

Утром я хожу в Алупку с Тоней (она прожила четырнадцать лет в Кореизе и ни разу не была в Алупке). Сереза ей говорит: «Там все так же, как в Кореизе, только вторые этажи перенесены в первый, но это сразу незаметно». Я заказываю пальцы. Днем Паллада присылает записку: «Идем в Алупку смотреть Ника Картера». Все идем, и Леонид. Вечером у нас Паллада и Мг Жакье. Говорили, какая разница между разворотом и цинизмом. Сереза упрекает Палладу в отсутствии первого и в обладании вторым.

---

8 марта, суббота

Сереза делает новые рисунки для фарфора — несравнимо интереснее первых. Первые — точное воспроизведение

старины. Вторые — старина с точки зрения современного человека. Для вышивки они изумительны. Вечером звонит мне Каринская. Я ей рассказываю об этих рисунках. Она в негодовании: «Как, эти рисунки получит Метнер? А он мне обещал начать работать, это Бог знает что. Вера Артуровна, у меня надежда на Вас, что Вы их отберете у него для меня». Она рассказала мне новости: «Представляете, сегодня приходит к Сорину Рындина и говорит: “У меня прошли прыщи, и Вы должны нарисовать теперь мой портрет. Для Вас это большая реклама. Портрет купит и Хонжонков, и музей в Петербурге, кроме того, он будет напечатан в открытке”, и так далее. Сорин, чтобы отделаться, дал ей образчик бумаги и сказал: “Если Вы достанете мне такую бумагу, то я нарисую Вас”. И теперь он боится, как бы она не нашла такой бумаги».

Сережа думал, что звонили Рябушинские по политическим делам, и взволнованно ждал меня. Но о политике она сказала только: «Ничего хорошего и ничего особенно плохого нет».

Я раскрасила трафаретом кресло, чтобы скрыть грязь. Ходила в сумерки в Алупку за пальцами, но они не готовы.

<6 апреля> 24 марта, воскресенье _____

Сережа утром пошел к Варваре Андреевне, чтобы с ней пописать этюды, я должна была присоединиться к ним, как только закончу все дела по уборке квартиры. Не успел Сережа уйти, как маленькая Врангель позвала меня или Сергея Юрьевича к телефону. Я побежала вниз, это был Сорин. Начало разговора самое обыкновенное: «Ну, как Вы поживаете?» — «Ждем Вас, приезжайте скорей. Варвара Андреевна Вам приготовила в флигеле комнату, украсила цветами, приезжайте, мы ждем Вас». — «А дела очень скверны». — «А что такое?» — «Хуже, чем было, не могу всего сказать, все шиворот-навыворот». — «Скажите что — Перекоп?» — «Да». — «Что же нам делать». — «Надо уезжать, время еще есть — предосторожность не мешает — во всяком случае, я к Вам приеду завтра вместе с Вермелем посоветоваться».

После этого разговора я бегу к Варваре Андреевне сообщить. Все удручены, тем не менее идут рисовать. Что положение серьезное, ясно: за баронессой Nolhen пришлют автомобиль. Браиловские звонят в разные места. Волнение неособенное. Сидим на балконе, вышиваем, заходит Паллада. После обеда заходят Сомовы, отец и дочь. «Успокойтесь, взят лишь город

Перекоп, а на позициях все еще спокойно — приходите завтра на урок». Сережа повеселел и делает рисунок для Варвары Андреевны (*J'aime la liberté* <Я люблю свободу>). Вечером опять звонит Савелий, взволнованный: «Я не приеду завтра, нельзя терять времени, завтра пусть Сережа и Варвара Андреевна приезжают в Ялту, и надо уговорить Варвару Андреевну, чтобы она устроила нам через Николая Сергеевича выезд на Кавказ». Волнение большое.

<7 апреля> 25 марта. понедельник _____

Сережа рано уезжает с Варварой Андреевной в Ялту — раза три он ходит будить ее. Утром уезжают Врангели и Ольга Богдановна. Я начинаю укладывать вещи — медленно и основательно. Весь день убираюсь. В два часа звонок. Сережа сообщает, что Варвара Андреевна говорила по телефону с Николаем Сергеевичем и положение серьезное. «А у Риммы сняли все квартиры, и хорошо, что это значит?» — «Ничего это не значит». И действительно, через час начинают отказываться от комнат, и Римма в отчаянии. Я несколько раз пытаюсь позвонить в Ялту, слышу отрывки разговоров и по жужжанию в телефоне угадываю, какая паника в Ялте. «Пусть Анна Дмитриевна и дети укладываются», — сообщает мне Варвара Андреевна, и я иду им это сказать. Леонид Михайлович приходит несколько раз, улыбается, но взволнован: «Ну как, есть какие-нибудь сведения?» Я говорю, что знаю. «Одно лишь скверно — за баронессой Nolhen прислали автомобиль, и она уехала».

Я стираю, укладываю, посылаю Натали за Серезиными брюками.

Огромный дрейднот останавливается перед Дюльбером, и все мое стойкое настроение рушится.

<19> 6 апреля. суббота. Пасха _____

Сережа получил удостоверение от коменданта.

<Газе>ты на страстной неделе принесли несколько радостных известий: в кафе Аркис (единственный не прячущийся с заграничным паспортом, а подробно рассказывающий желающим о всех <выг>одах) сообщил, что от коменданта слышал, что призыва тридцатисемилетних не будет вовсе, — то же подтвердил пришедший к Каринским офицер. Сорин наладил дело с Гордоном, и Сережа должен был еще повидаться с ним. В четыре часа они оба ходили в английскую миссию.

Я делала покупки одна и с Варварой Андреевной и Димой Волконским. Дима хотел купить два пуда кулича, но, достав, ушел домой, и мы жалели, что на другой стороне стояла Карышева. Встретив Сережу и Сорина, обоих веселых — стояли и смеялись, подошел Щербатов, и мы выполнили задуманную программу насчет готового уже заграничного паспорта.

До заутрени Сережа спал. Я разбудила его за пятнадцать минут, пошли большой компанией. На площади служба. Хоругви и золотой поп на лунном небе. Ивановы. Давыдовы. Слезы. При такой гражданской войне ни слова «не убий».

Вернувшись раньше Каринских, сидели в садике, и ждали, и томились. Уже хорошее утреннее настроение было испорчено: вторично было сказано, что призыв будет до сорока трех лет, возможно, на днях.

Сели разговляться. Одна половина стола (два офицера, Андрей Яковлевич, Николай Андреевич и дети) занята военными разговорами, другая (мы четверо) флиртом, то есть флиртуют только Варвара Андреевна и Сорин, а мы помогаем Варваре Андреевне нападать на Тищенко. В четыре легли спать. Сорин хотел, уходя, христосоваться, но ограничился тем, что жал Варваре руки на моем животе.

361

<20> 7 апреля. воскресенье _____

«Что мне делать, пока Сорин одевается, а ты лежишь?» — «Пойти на пристань».

Через полчаса Сережа вернулся. «Все кончено. Л. Ив. нет, он уехал — не могли Вы меня уберечь, черт знает что — почему нельзя было уехать на вчерашней барже, все пропало». У меня сердце остановилось при этом известии. Сорин ушел, я стала быстро одеваться, глотая слезы, слушая упреки Сережи, и, не выпив чаю, пошла с ним вторично на пристань. Хотела было зайти к Варваре Андреевне, почему-то упрекнуть ее за Л. Ив., но прошла <мимо>. Посоветовала Сереже зайти в «Метрополь» к Селиванову, который тоже хотел ехать. Пока Сережа ходил, я молилась об удаче. «Он, может быть, на другой пристани грузит масло».

Так и было. На пристани шхуна стояла, и Л. Ив. вышел к нам: «Что вы так волнуетесь». — «Да вот призыв. Мы все-таки вещи перевезем». — «Пожалуйста».

Шли домой, встретили Кайсарова, говорил о том, как бы спастись от призыва. «Это не война, а драка у трактира, и я не желаю в ней участвовать». Сережа стал ему излагать о воз-

возможности работы декораций для Павловой, повел домой и показывал этюдики. Сорин сообщил о пароходе «В<итязь>», пошли посмотреть. Ужас. Дома поели. Пошли к Рябушинским, не застали.

Зашли к Голобородькам. Они милы к нам. Мы чувствуем себя как дома у них. Угощают нас.

Читаем забавнейшую критику.

[Вечер у Варвары Андреевны.]

<21> 8 апреля. понедельник _____

Утром укладываем вещи и перевозим на шхуну. Сережа повеселел. Чистим сапоги. Я иду к Варваре Андреевне, а Сережа к Гордону и к Голобородько. Я помогаю готовить обед и вместе с ними срисовываю карту. К<арин>ский и Дерюжинский. В три часа приходит Сережа. «Пойдем, через час отходит шхуна». Заволновались, <по>прощались и пошли.

ИВ. МАХЪ, въ **Одессѣ и Кіевѣ.**

Складъ Общества писчебумажной фабрики „СОЧЕВКА“

ТЕТРАДЬ

ДЛЯ

учени ..... класса

ТИФЛИС

ВЪ ОДЕССѢ, уголъ Преображ. и Полнц. п.л., д. Понудовой.
ВЪ КІЕВѢ, на Мещатинѣ, д. Лучинскаго, бывш. де-Мозера

1 мая.

«Веринычка, не забудь: я видел две радуги, когда отвозил вещи на вокзал в Потим!»
«А помнишь радугу в воде, на шхуне?»
«Радуга — это ворота в рай, неужели она нас обманет!» «Нет, нет и нет — нельзя лишь терять время». Все утро Сережа рисовал плакаты для Василия Каменского, а я писала «интервью с художником Судейкиным» для Львова. Звонил Ник. Дм. Соколов и приглашал с балкона дворуша посмотреть майскую procession мое от Карамисев. потом я погнала плакат на Вас. Каменского, доказывая Каракашу, кто он — поэт, а не перемотчик с которого срабатывает Каракаш. В 2 пошел отгадывать в Мерте, где Сережу растючили воев-киз член (один вор!) «популярность! знаменитость!» но неужели не будет заработка. Взяли под руку «куда, болон?» «Зайдем к Львову, отбавим «интервью»! Мир кафе на углу выскочил Яков Львов, посидите с нами, тут как у меня капитанские испилки художеств. Мирмиса? и нагласит Вереница знакомство: «поэт Ливини, поэт Родасиде, поэт... где; художеств. двачили, художеств. ... шили, скульптор такой ты, комиссар гв. театраль Чучунава» и Верену у меня распухла голова от

1919 (1 мая — 2 сентября)

1 мая

«Веринычка, не забудь: я видел две радуги, когда отвозил вещи на вокзал в Потим!» — «А помнишь радугу в воде, на шхуне?» — «Радуга — это ворота в рай, неужели она нас обманет!» — «Нет, нет и нет — нельзя лишь терять время». Все утро Сережа рисовал плакаты для Василия Каменского, а я писала «интервью с художником Судейкиным» для Львова. Звонил Николай Дмитриевич Соколов и приглашал с балко-

на дворца смотреть майскую процессию. Мы отказались. Потом я потратила час на Василия Каменского, доказывая Каракашелю, что он поэт, а не пепельница, с которой его сравнивал Каракаш. В два пошли обедать в «Мефисто», где Сережу расстроили высокие цены (счет восемьдесят рублей!). «Популярность! Знаменитость! Но неужели не будет заработка». Вышли под руку. «Куда, домой?» — «Зайдем к Львову, отдадим интервью». Из кафе на углу выскочил Яков Львович: «Посидите с нами, тут нас целая компания, все сливки художественного Тифлиса». И началась вереница знакомств: «Поэт Яшвили, поэт Робакидзе, поэт ...дзе, художник Зданевич, художник ...швили, скульптор такой-то, комиссар государственных театров Цуцунава». К вечеру у меня распухла голова от грузинских фамилий, от тостов и пожеланий, от восторгов и благодарностей. В кафе пили вино, ели лук и пахучую траву, отзывавшую анисом, потом пошли на грузинскую выставку, еще не открытую, и там за Сережей ходила толпа и слушала его объяснения. Старик художник, которого Сережа всего больше разбирал, отошел в сторону и спросил: «Скажите, кто это так критикует?» — «Это Судейкин, это Судейкин», — подсказали ему со всех сторон. — «Господи! Судейкин, да ведь это мой Судейкин!» — и старик со слезами стал пожимать Сереже руку и подарил тут же два понравившихся Сереже эскиза. Пришлось долго отказываться и наконец убедить один хотя бы продать за минимальную плату. Другой художник, Гудиашвили, их гордость, также подарил Сереже рисунок. «Ничего нельзя хвалить». Но так как над рисунком сейчас же появилась надпись: «Собственность С. Судейкина», мы успокоились: «Лучшая реклама для дальнейших продаж». Сережа разбирал каждого художника и долго говорил о каждом. Выставка слаба. Мозгологический Гудиашвили с любопытными рисунками и одной картиной в стиле Шагала, немецко-сухой портретист, пожалуй, самый сильный по технике, и трогательный старик-отец, колорист, влюбленный в искусство, да его сын, мальчик с рисунками Доре. Остальные ниже среднего. Помещение — храм славы с верхним светом и просторное. Пока Сережа говорит и выслушивает приветственные восторги, я разговариваю с поэтом Робакидзе, самым культурным из них, кончившим немецкий университет, знающим Stephan George и Rainer M. Rilke, он и местный кавалер, не умеющий говорить, однако, с дамой на должном расстоянии и пахнущий луком, он и лучший оратор.

Сереза восторгается его наружностью: «Я хочу не слушать Вас, но смотреть на Вас», отчего тот смущается.

Нас заставляют еще восторгаться примитивами безымянного художника, писавшего вывески в духанах и открытом братьями Зданевичами. Действительно, забавные грузинские лубки, пожалуй, самое привлекательное на выставке. Цуцунава, комиссар театров, приглашает нас вечером на «Севильского цирюльника», и мы идем к Львову, простившись со всеми и приняв приглашение на субботу, ужин в нашу честь. Пока Львов ходит куда-то по делам и мы ожидаем у него, нам делает откровения хорошенькая барынька. Прослушав ее семейную драму, мы идем на «Севильского цирюльника». Через три года снова театр, литерная ложа, шелест занавеса и «Свадьба при фонарях», опять свадьба при фонарях, как три года тому назад. «Россини, божественный Россини». Сереза взволнован и всех заряжает своим волнением. От Черепнина он узнает подробности о Россини и передает их всем, окрасивая их своими восторженными отступлениями.

367

2 мая. пятница

В шесть часов Сереза уже встал и до одиннадцати работал над плакатами для Василия Каменского, затем показывал их Каракашам. Я спала до девяти часов, встала усталая и грустная — яркий солнечный день, одеть нечего, все платья испорчены, измяты, нет ничего лишнего, из чего бы сделать хотя бы шляпку, и у меня поэтому раздражение. У Серези в двенадцать часов свидание с Зальцманом, и он уходит. В три часа мы сговариваемся в «Унионе». Я тем временем напрягаю все свои женские способности, принимаю в соображение каждый лоскуток и являюсь в «Унион» одетой с таким вкусом, что Сереза делает мне скрыто знаки одобрения. Там Соколов Николай Дмитриевич, художник Евсеев и Зальцман, который ломает себе голову, когда и где мы с ним встречались. Я ему подробно не напоминаю о наших встречах в Берлине, а только говорю: «Как Вы постарели, тогда Вы только начали увлекаться Далькрозом и переселились в Hellerou». Говорю я больше с Соколовым, который уезжает завтра в Баку, Астрахань и дальше в Петербург, ему я рассказываю о Вере Георгиевне, разогреваю его ревнивые чувства сведениями о Квиле и о том, что он, конечно, будет сопровождать семью Тищенко, о чете баронов Штейнгелей и их поведении на «Посаднике» и так далее. Мы сердечно с ним прощаемся, и он уходит. Евсеев дает

нам сведения об Оле Браиловской, о том, что она за пятьсот рублей в месяц танцует в «Миниатюрах». Подходит художник Шарлемань с милым, добросовестным, европейским лицом. Он Сереже за отдельным столом рассказывает о своих бедствиях и о положении художников в Тифлисе. Оно, положение, очень среднее. Зальцман, декоратор государственного театра, получает семьсот рублей в месяц. Журнал, в который Шарлемань давал иллюстрации, закрылся за неимением средств и бумаги. Картин покупают мало, государственных заказов нет. Сережино настроение от всего этого очень понижается. В «Мефисто» сидим с Василием Каменским, пьем кофе и едим мороженое. Василий Васильевич рассказывает о грузинских поэтах и художниках. Года два тому назад он с ними много возился и хорошо их познал. Он их учил, он дружил с ними, старался всячески поднять уровень всей художественной жизни, и в благодарность они его, как поэта, обворовали самым наглым образом (грузинские девушки выдали их Каменскому). На грузинском языке они повторяли то, что слышали нового от него. «И хоть бы одно посвящение мне в их книге стихов — ни одного. Это поверхностный, льстивый и ленивый народ. Вчера они меня чествовали, сегодня тебя, а завтра Игоря Северянина, если он придет сюда. В этих чествованиях они не нас, приезжих русских поэтов и художников, чествуют — а себя, потому что всего больше они хотят показать, что они культурны. Ты думаешь, они признают нас в душе, восторгаются, любят нас, — ничуть! Это все поза культурности, на самом же деле эти шовинисты презирают все русское. Они говорят: Судейкин ведь, собственно говоря, не русский художник, он ведь целиком вышел из Парижа». — «Как же вести себя по отношению к ним?» — «Как англичане по отношению к сипайям». — «А армяне?» — «Ну, это совсем тупой народ». — «Так что же, тут совсем жить нельзя?» — «Долго — нельзя, да мы и не будем тут долго, осенью поедем в Москву, там проживем и — в Америку», — и Василий Васильевич принялся рассказывать, как он чуть было не поехал в Америку на гастроли. Из «Мефисто» мы двинулись домой, но встреча с Городецким задержала нас. Они с Сережей поцеловались и принялись расспрашивать друг друга. Сережа о делах и том, можно ли продать тут что-нибудь. «Можно, и я ручаюсь, что продам тебе, — у меня есть несколько покупателей — армян — это единственные люди, с которыми можно иметь дело, они ближе нам, славянам, они глуп-

же грузин и так далее», — и Городецкий стал излагать все выгоды армянской ориентации. Около дома, уже без Городецкого, мы встретили Николая Николаевича Черепнина. Несмотря на красный нос и сильный запах вина, он сразу очень приятен. «Голубчик, Вы должны сразу себе выяснить, что тут, в Тифлисе, Вы можете знать только с грузинами, — это прелестные, гостеприимные, темпераментные, талантливые люди и так далее». И мы выслушали убежденную грузинскую ориентацию. Дома Каракаши ругали и грузин, и армян, и ложась спать, Сережа сказал мне: «Ах, пришли бы русские войска и уладили бы всю эту восточную сволочь».

3 мая, суббота

«Сегодняшний вечер мы должны взять в руки, чтобы избежать пьянства, драки и всех подобных восточных увеселений. Я хочу говорить об искусстве, ты прочтешь несколько стихотворений, Каменский скажет обо мне несколько слов, и вечер примет определенный характер».

Я выбрала три стихотворения: Мандельштама, посвященное нам, и Кузмина «Русский рай» и «Балет (Картина Судейкина)», и все утро разучивала их с Сережиной помощью. Когда пришел Василий Каменский, я прорепетировала перед ним, и он одобрил наши вечерние планы. «Драки, может быть, и не будет, потому что это частный дом, но пьянство будет вволю, и раньше утра Вас не выпустят». В двенадцать часов к Сереже приходят двое (один из них Фефелов — очень богатый купец-молоканин) приглашать участвовать на выставке, устраиваемой Фефеловым. Выставка типа «Мира искусства», со всеми направлениями и со всеми национальностями. Сережа долго говорит с ним, но, так как нам с Василием Каменским очень хочется есть, мы прерываем их разговор и напоминаем об обеде. Идем в «Мефисто», во время обеда начинается идти дождь, и мы долго сидим, пьем кофе, едим торт, пятнадцать рублей кусок, Василий Каменский говорит о впечатлении, какое произвело на него «поправление Сережи». «Знал я, что ты поправел, но не думал, что так сильно, как увидел я твои этюды, твою “голландскую” живопись — ну, думаю: “chercher la femme <ищите женщину>”! Но теперь, увидев все твои работы, думаю, что Вера Артуровна тут ни при чем, что нужно было тебе набраться сил, напиться крови не бледно-розовой, а самой ярко-красной, что сделать это можно было только так, окунувшись в природу, как ты, и я

предсказываю тебе, что теперь ты, набравшись сил, полевешь не в десять раз, как поправел, а раз в сорок. Я ручаюсь чем угодно». — «Я очень рада, — говорю я, — что Вы не обвиняете меня в Сережином поправении, а видите в этом более глубокий смысл, а то так часто приходилось мне слышать: «У Судейкина теперь такая здоровая жена и он так просто счастлив с ней, что пишет только реальные пейзажи, а от фантастики и изощренности совершенно отошел».

Во время дождя спасается в «Мефисто» и садится за наш столик чета Хохловых — он мелкий рецензент — неприятный, рыжебородый, исключительно бездарной внешности человек, ищущий всюду знаменитостей и поддельвающийся под их тон. Она — женщина, вызывающая сожаление. Говорим с ним о синематографе, который предполагают открыть в Тифлисе. Каменский недоволен их обществом и молчит. Когда-то в петербургском «Огоньке» Хохлов писал гнусные бездарные стишки о футуристах.

370

Бежим домой под дождем — мое платье, единственное, промокает, шляпа тоже, и коричневый платок дает пятна — вот трагедия. Я почти плачу и до семи стараюсь высушить и исправить вещи. В семь за нами заходят Василий Каменский и его сестра (не родная) Соня, и в восемь часов мы уже сидим одинокие, потому что первые, в красной плюшевой приемной редакции «Голубых рогов», в соседней зале которой только еще расставляются столы, и приносятся кульки с покупками. Никого еще нет — только Тициан Табидзе смущенно не знает, как и чем нас занять. Мы чувствуем себя как ожидающиеся очереди в приемной у врача: тишина, плюшевые кресла, два-три журнала на столе, одна газета, что-то вроде Айвазовского на стене и на вазочке несколько визитных карточек. «Ну и обиталище грузинской поэзии». — «Я же Вам говорил, — отвечает Каменский, — что ни книг, ни картин не найдете Вы у них, ни просто культурной обстановки». Постепенно собираются все, в соседней зале шум становится все светлее, и, наконец, в одиннадцать часов Паоло Яшвили открывает двери, просит войти, страшно извиняясь, что задержал всех. «Да это старый режим!» — восклицает кто-то. На столе индюшки, фрукты, вино, всевозможные закуски вплоть до икры — вокруг стола суетится повар. Сережу сажают на почетное место между Ниной Михайловной Мадгавариани и грузинской княжной Х. Меня — против него, между старым армянским поэтом Ованесом Туманяном и поэтом

Робакидзе, тамадой этого вечера. Недалеко от меня сидят Саломея Андроникова и Рафалович, против меня Львов, Каменский, всего человек тридцать. На каждом приборе цветок.

Через пять минут уже произносится первый тост — сначала Ованесу Туманяну — как самому почтенному среди нас, через следующие пять минут Судейкину, через еще несколько минут — Каменскому, потом опять Судейкину, потом за поэтов «Голубые Роги» каждого в отдельности, за русское искусство, за грузинское и вообще за искусство, за...

К концу ужина, то есть к часам трем, больше уже не за кого было говорить и пили за повара, за будущее сборище и за всякие будущие возможности.

Сережин ответ.

Я улыбалась на все стороны, кивала тем, за кого пили, и ждала.

4 <5> мая, понедельник

С утра Сережа уходит по делам, а я укладываю вещи и переезжаю на новую квартиру. Сначала переносу икону и подковы, затем кушетку, затем вещи при помощи мушей. На улице встречаю Василия Каменского, он снял для своего выступления «Тарто», и нужно переделать на афишах число (с 18-го на 14-е). За обедом встречаемся в «Мефисто» с Сережей, Василием Васильевичем и Харазовым. Каменский уговаривает меня выступить на его вечере, и Сережа почти что склонен согласиться, задержка за моим псевдонимом, который никак не могут придумать (Вера Крестинская, Вера Лебединская и так далее). Вечером мы на «Демоне» (специально возобновленном для Сережи) — попадаем на третий акт и в ужасе бежим через десять минут. Кавказом и не пахнет. Не то из «Валькирии», не то Демон Гамлетом пробирается в темноте к каким-то кубическим строениям. Смесь ужасающая: стиль плохой оперы, Мюнхена, Гордона Крега — разобрать ничего нельзя. Ну и Зальцман.

В театре Сережа узнает, что правительство ассигновало большую субсидию грузинским художникам.

5 <6> мая, вторник

В нашем подвале много недостатков, главное то, что темно для работы, и если кто становится перед окном, то хоть лампу зажигай, затем с двух сторон голоса дети: из одной комнаты несутся грузинские вопли, из другой православные.

Потом обнаружили клопы и в стенах, и в кушетке. Идет дождь, и легкие струйки текут по подоконнику вниз, в комнату. Тем не менее, мы довольны. Сережа за обедом расписывает все достоинства своего подвала, и Каменский его упрекает в кокетстве. Так как идет дождь, мы долго сидим в «Мэфисто», где, поэтому, съедаются торты, пьется вино и кофе. Сережа в ужасе, так как счет такой же, как за комнату в месяц. Сережа делает рисунок с Харазова, и мы все расписываемся. Харазов во время позирования объясняет мне мой сон о насекомых и английских крейсерах, севших на мель, по Фрейду.

Вечером Сережа начинает «Арлекинаду».

7 мая, среда

372

Сережа занялся «Арлекинадой», и ему не хочется идти далеко обедать. Обедаем рядом, за обедом знакомимся с парой ялтинцев, приехавших на «Фортуне». Я захожу за Каменским в «Мэфисто» и веду его к нам пить чай. Переделываем плакаты. Если Василий Васильевич будет иметь успех, то поставят его «Стеньку Разина», к которому Сережа будет делать декорации.

Вечером Львов нас ведет в «Фантастический кабачок» на заседание цеха поэтов — первое после какой-то их ссоры и раздвоения. В маленькой сводчатой расписанной комнате полутемно от одной дымящей свечи, много народу — грузинские, русские, армянские поэты, лиц нельзя разобрать, но Львов объясняет и называет мне всех. Несколько поэтесс, одна из них урожденная герцогиня Лейхтенбергская (в голосе Львова трепет); футурист Илья Зданевич, тот самый, который так порывисто преподнес мне красивые маки в кафе; Кара-Дарвиш, армянский поэт, считающий себя футуристом и сам продающий на улице свои «Песни бунтующего тела», отпечатанные, каждая в отдельности, на листочках с портретом автора; Тициан Табидзе с безумными глазами; конечно, Василий Каменский и много молодежи, фамилий которых и лиц я не смогла запомнить. За столик, на котором стоит свеча, садится поэт Семейко и открывает заседание небольшой речью. Раздают билетки на очередь. Первый номер получает Василий Каменский. «Кто начинает читать стихи, кто получил первый номер?» — спрашивает председатель. — «Конечно, я — уж так мне на роду написано — быть везде и всегда первым», — отвечает Каменский и выходит к свече. Его

приветствуют аплодисментами. «Если он опять будет читать “Цувамму”, я уйду», — раздается голос Ильи Зданевича, и я замечаю, что он слегка пьян. Но Василий Каменский говорит сначала о России, о советской России, об «алошелковом расцвете понизовой революции», об успехе, который он имел там, о своем «Стеньке Разине», не сходящем со сцены тридцати театров и так далее, приблизительно то, что он говорил на ужине «Голубых Рогов». Илья Зданевич не давал ему покою, и, несмотря на усилия окружающих предупредить скандал, <у него> ежеминутно вылетали вместе со смехом злобно-насмешливые слова: «сосуны советской власти», «идиоты, воображающие себя футуристами», и, когда Василий Васильевич после речи начал читать «Цувамму», свист, крики, хохот той части публики, которая слышала остроты Зданевича и радовалась скандалу, заставили его остановиться и с обиженно-беспомощным лицом заявить, что если: «Илья Зданевич, который, очевидно, пьян, не умолкнет, то... и так далее». Кое-как упростили Зданевича помолчать, и кое-как Каменский прочел свою «Птицу-предвозвестницу». После него безуспешно и скучно прочли бледные стихотворения Хохлов, Семейко, как вдруг появление Кара-Дарвиша, в короткой речи пожелавшего выразить Каменскому свое поклонение и приветствие, вызвало снова бурю. Зданевич пожелал говорить вне очереди, но ему не давали право. «Я разнесу все собрание — если мне не дадут слова». У меня забилося сердце, и я стала поглядывать на выход, загроможденный людьми. Ему дали слово, и Василий Васильевич сейчас же ушел, бросив собранию жалкое, детское, по выражению и лица, и тона: «Тут меня обижают, и я поэтому уйду». Вместе с ним ушел Харазов. Мне тоже захотелось уйти, не столько из-за солидарности, сколько из-за нелюбви к скандалам, но Сережа шепнул, что надо еще остаться.

Зданевич говорил талантливо, остро, насмешливо, и мне было лишь досадно, что он говорит в отсутствие Каменского. Когда я об этом сказала Сереже, он ответил: «*Tu est trop bien élevée comme un enfant* <ты слишком хорошо воспитана, как ребенок>». После Зданевича, который после речи прочел заумные стихотворения, последовал Табидзе, речь которого производит впечатление бессвязных пьяных изрыганий, — начатая Сергеем Судейкиным речь кончилась восхвалением единственно гениального художника Кирилла Зданевича.

«Прежде чем возобновить чтение стихов, нужно дать возможность остыть собранию, так как такая разгоряченная атмосфера — плохой фон для стихов, поэтому объявляю антракт».

Все вышли на двор. Ко мне подошла женская фигурка в темном и спросила: «Вы Судейкина?» — «Да?» — «Я жена поэта Дегена — мой муж сейчас уехал и просил меня познакомиться с Вами и Вашим мужем — мы в Петербурге очень часто виделись с Ольгой Афанасьевной и с Лурье». — «Вот как — расскажите подробности, мы так давно не имеем от них известий, Вы бывали у них на квартире на Екатерининском канале?» — «Да, мы даже ночевали у них, Ольга Афанасьевна очень похудела — но была весела и жизнерадостна, особенно, когда она выступала в театре, Артур Сергеевич — комиссар музыки, и у него много дела — он нам много играл, мы чудные вечера проводили у них». — «Но ведь это год тому назад? А что потом было с ними?»

374

Антракт кончился, все стали собираться обратно, а мы пошли домой...

8 мая, четверг

До обеда я иду к Нине Михайловне, которая меня ведет к портнихе, а после угощает кофе и делает мне откровения. Ее отношения к Львову очень определенные, их роман продолжается уже год, она к нему очень привязана и ничего бы не имела, чтобы выйти за него замуж: «Если бы только он меня взял с собой в Москву, как я бы хотела развязаться с мужем — Вы не представляете себе, как он меня мучает». У нее в комнате разбито зеркало, отбитые носы у чайников — все результаты свиданий с мужем. Она умоляет меня говорить с Львовым так, чтобы у него окрепло бы желание связать себя с ней на более долгие времена, за это она мне дарит деревенское масло и дает кастрюлю и сковородку.

Дома у Сережи сидит Тициан Табидзе, они составляют критический отзыв для грузинского журнала о выставке.

Я хожу и покупаю все необходимое к чаю, ставлю самовар и хожу несколько раз к Львову звать его и у него сидящих Нину Михайловну, Каменского и Харазовых к чаю. Позднее они все приходят к нам. Сережа усиленно работает над «Балаганом Арлекина». Львов приглашает меня в грузинский клуб на бенефис танцовщицы Ласкари. Сережа меня отпускает. Львов дает мне сведения: «Грузинский клуб самый

фешенебельный, бывает много английских офицеров, Вы будете сидеть рядом с Анановым, редактором «Кавказского слова», не критикуйте особенно Ласкари, потому что это его родственница». Народу, действительно, много. Львов знакомит <меня> с князем Бектабским, лучшим танцором и вдохновителем труппы, с каким-то слащавым кудрявым типом, только что приехавшим из Петербурга и знающим хорошо Ольгу, о которой он рассказывает, что она похудела, как тень, но что пока Артур Лурье — комиссар, о ней беспокоиться нечего.

На сцене невероятные бездарности. Чествуют Ласкари. Милы дети-крошки. Дивертисмент хорошо составлен — дамы общества в хороших туалетах великолепно танцуют танго и всякие *ster'ы*, несколько красавиц.

9 мая. пятница

Сережа вчера долго ждал меня, и сегодня он раскис — целый день спит. Я нервничаю, потому что приношу от Каракашей выстиранную материю — пятна, после промокших чемоданов на шхуне, не вышли в стирке — для меня это трагедия — я несу их к портнихе, которая обещает мне их незаметно вшить; портниха оказывается премилой и трогательной старушкой. Она в свое время жила в Петербурге и была очень близка к семье Брюллова, хочу пригласить ее к нам пить чай и послушать воспоминания. От портнихи иду в офицерскую лавку за Курой. Там теряю палку, подаренную мне Варварой Андреевной, а на обратном пути промокаю — погода отвратительная. Хожу за керосином, отдаю лудить кастрюли, хожу к прачке — в конце концов, водворяюсь дома, усталая и злая. Вдруг: Савелий! Рассказы без конца. Савелий благословлял каждую минуту, которая нас удаляла от Новороссийска, потому что там стало нестерпимо. «Кого мобилизовали, как Вы думаете? — Князя Щербатова!» Савелий настоящий друг — он имел возможность уехать даром в Америку и не уехал из-за нас, а Глеб Дерюжинский при нем был принят на пароход, идущий в Нью-Йорк, матросом за семьсот рублей. «Только из-за Вас не поехал, а заграничный паспорт уже был готов, я только должен был за ним съездить в Екатеринодар». — «Почему же Вы на всякий случай не взяли его?» — «Потому что стали ходить слухи, что сообщения между Новороссийском и Батумом больше не будет, я и поспешил, к тому же приехал муж Варвары Анд-

реевны из Константинополя, и мне неприятно было оставаться». — «А!» — мы поддразниваем его. — «Ты знаешь, Веринька, он совсем потерял сердце». Сережа несколько раз принимается целовать его — он ему рад, как брату.

Вечером за нами приходят Василий Каменский, Львов и Нина Михайловна, чтобы идти на лекцию Львова о театре в русский клуб. Василий Каменский: «Это становится невозможным: всюду, где бы я ни появлялся, происходят скандалы; вчера, думаю, проведу мирно вечер, взял билет на «Евгения Онегина», сижу, и вдруг Евгений с Ленским так поскандалили, что я поспешил убраться из театра».

Идем за Куру на лекцию. Переход через мост — самое фантастическое в Тифлисе. Савелий прощается с нами на той стороне.

Лекция слабая, Львов очень старается. Василий и Сережа сидят на эстраде и все время что-то записывают, я думаю, что они готовятся оппонировать, оказывается, они пишут всякие глупости, вроде — сколько народу сидят и сколько вышло.

Сережа: «Евреинов сочинил про меня: “Суди люди, суди Бог, суди сам Судейкин”».

Василий Каменский: «А моя легенда: Сергей Судейкин будет в книге вечности».

Сережа: «Хочешь, я тебе дам даты завтра?»

Василий Каменский: «Надо это для монографий».

Сережа: «А не для легенды?»

Василий Каменский: «Легенды создаются пророческим наитием духа... Хорошо, если 14-го в кассе будет, как у Собинова, десять тысяч рублей пятьдесят копеек наличными. Необходимо поддержать вкусное дело у “Мефисто”. И еще множество “харь” ждут моего “товарищеского” успеха».

Говорит только Василий Каменский, опять об алошелковой революции, и имеет успех.

10 мая, суббота

За Сережей заходит Савелий, и они идут к Фефелову. Вчера Львов очень уговаривал меня выступать: моментально пятьсот рублей за выход, а то и больше. Сережа предлагает обдумать «Падших ангелов». Я мою голову, иду к парикмахеру, портнихе. После обеда по соседству иду с Савелием в «Мефисто» пить кофе, с нами сидит Василий Каменский. Плакаты уже развешены. В грузинской «Чашке чаю» висит: «Она идет на лекцию Каменского». У меня также завязана вуалетка, ког-

да я прохожу мимо, впечатление забавное. Вечером возвращаюсь от портнихи — перед домом слышу: «Она идет на лекцию Василия Каменского?» Скульптор Кепинов — я зазываю его к нам. Сережа не особенно доволен, но показывает ему все же этюдики. С Савелием они вспоминают Париж. Когда мы ложимся, заходят Рафалович и Зданевич, но мы уже не принимаем их.

11 мая, воскресенье _____

Савелий рано утром приносит газету с Сережиным интервью. Он недоволен одним местом: «Я аполитичен, я считаю, что искусство стоит вне времени... Я не верю в единую Россию — добровольческую или большевистскую, но я верю в эстетические ценности и глубоко верю в возрождение России...» — «Нехорошо, Сережа, ты все же русский человек». И возникает долгий, политико-художественный разговор. Иду к портнихе и Нине Михайловне (о Сорине она отзывалась отрицательно: тяжелый такой, всем недовольный — не дай Бог быть его женой), дома застаю Василия Каменского и Сорина. Сережа принялся за плакаты для Василия Каменского на пергаменте. «Сердце солнцевеющее» вышло изумительно. К вечеру собираются у нас Львов с Ниной Михайловной, Сорин и Каменский — пьют кофе и неистово спорят о политике. Как ни стараемся мы перейти на другие темы, Сорин все возвращается к политике и сцепляется с Каменским не на шутку. Я зла на него и мысленно называю его тупым балдой.

377

12 мая, понедельник _____

Утром спор, кто из присутствующих всего симпатичнее. Для меня — Василий Каменский, а не Сорин, который только очень порядочный человек, а в Каменском есть все лучшее, что можно найти в артисте: талантливость к жизни, зажигающая «солнцевейность» — интуитивность.

Идем в «Тарто» говорить о том, как повесить плакаты, — Сережа их все закончил. Встречаем Струве на улице. В «Мефисто» иду одна пить кофе — там с Сориным спор об англичанах. Дома Сережа спит, потом принимается за новый театральный эскиз. Вечером та же компания, как и вчера, и, несмотря на тему, предложенную Сережей специально для нас, женщин: «Какой национальности мужчина лучше всего», разговор сворачивает на неизбежную политику.

13 мая. Вторник

Сереза работает над «Итальянской комедией» — но отрывается, чтобы идти в «Тарто», где с директором обсуждает относительно сукон и плакатов. Я вмешиваюсь и объясняю непонятливому директору вместо Серези — за что по выходе из театра Сереза устраивает мне сцену: «Перебивать меня — в Париже весь театр молчал, когда я говорил». В колбасной, где мы выбираем вкусные вещи, обида ликвидируется. Каменский купил себе ковровую материю на рубаху: «Только что получено из Константинополя».

Дома Сереза работает, а я, сидя перед зеркалом, шью себе шапочку.

Сорин входит: «Когда я ни прихожу, Вера Артуровна перед зеркалом». Я огрызаюсь и объясняю, что я собираюсь выступать и должна кое-что из туалета себе приготовить. Он сомневается, что Сереза мне позволит выступать. Вечером после всех остается Нина Михайловна и рассказывает о своем муже-звере, грозящем изуродовать ее в случае измены и так далее. Она плачет, а мы даем советы: уйти из дому, зажить самостоятельно. Сереза начал «Лебединое озеро».

378

14 мая. среда

Ясный солнечный день! Везет же Ваське Каменскому. Сереза идет утром за ботинками и узнает от Каракаша, что билеты на Каменского перепродаются уже по сто рублей.

Сереза работает над «Лебединым озером», оно не ладится в композиции. Он нервничает, обвиняет меня, что я, не понимая его творческого подъема, заставляю повторять старые, скучные эскизы. Слезы, обиды — Сереза разрывает эскиз. Обед — любовь — сон...

Просыпаемся в половине шестого. Серезины воротнички у прачки не готовы, и я бегаю по Головинскому, стучусь в закрывающиеся уже магазины и покупаю ему с трудом все новое. Он долго одевается и уходит один. Ко мне приходит Нина Михайловна, разодетая, в новой шляпке. Я иду в театр с Сориним мимо плаката «Она идет на Василия Каменского».

Аншлаг — оживление — масса народу. Много элегантной публики. У нас ложа бенуара, в ней мы, Сорин со скучающим лицом, Нина Михайловна и Львов. Рядом в ложе Харазов с Софьей Григорьевной. До начала подходят к нашей ложе много знакомых. Каракаш уже заранее острит насчет «Цувамма», «Цамайра».

Кепинов сообщает, что у него наглая мечта о моей <sic!> бюсте.

Ананов приходит в ложу специально, чтобы поговорить с Сориным о политике.

В театре нет почти грузинских поэтов, нет Городецкого и Рафаловича.

Публика настроена насмешливо и ждет скандала. Но никакого скандала нет. В первом отделении Каменский очень старательно, с большим пафосом и малопонятно говорит о своем творчестве, о своих двенадцати книгах, названия которых иллюстрированы Сережей на двенадцати плакатах. «Встречальности, звучальности, венчальности».

В антракте многие разочарованно уходят.

Во втором отделении чтение стихов с сюрпризом: поэзия Сергею Судейкину.

Мы идем за кулисы, поздравляем с успехом и вместе идем к Фефеловым (брату Николая Титыча), где в большой мещанской столовой нас угощают ужином. Много народу. Хозяйева стараются быть простыми и очень гостеприимными. Сами обносят гостей блюдами. Тосты без конца — алаверды направо и налево. Черепнин играет несколько своих произведений — очень талантливых. Мне поет. Василий Каменский говорит свои стихи. Какие-то скромные старички пытаются завести спор о футуризме, но неудачно.

Сережа и я приходим домой пьяненькие.

15 мая, четверг

В «Мефисто» Каменский угощает всех нас обедом с вином и тортом. Целый день льет дождь, и мы возвращаемся домой поэтому только в восемь.

Каменский дал Сереже тысячу рублей.

16 мая, пятница

Вышли афиши, что в воскресенье открывается выставка «Малый круг», а Сережа твердит целый день «я не успею» и злится.

Я берусь за все скучные работы: бегаю на рынок за стеклами, в театр к столяру, к Фефелову. Ничего еще не окантовано, не сделано еще ни одного подрамка, «Карнавал» еще не наклеен и не прописан. Я захожу на выставку, где делают навесы и большая суетня, и прошу Фефелова зайти к Сереже и объясниться лично. Когда я возвращаюсь, Фефелов уже

там — объяснение произошло, к счастью, небурное, и решено открытие выставки отложить до вторника. Фефелов потом говорит, что это для него зарез, потому что Тифлис и в воскресный день трудно заманить на выставку, а не то что в будний.

Сережа усиленно заканчивает «Арлекинаду» и «Итальянскую комедию». Первую он называет «Балаганом Арлекина», а вторую «Комедиантами».

У нас целый день сидит Нина Михайловна, пришедшая от фотографа в черном декольтированном платье, и кокетничает со всеми мужчинами. У нее, оказывается, плохая репутация в Тифлисе, и Каменскому сегодня было сказано: «Почему Мне Судейкина показывается так часто с этой б....., она, очевидно, не знает, кто это». По той же причине она не была приглашена вчера к Фефеловым. Вышла критика Львова о Каменском и заметка о банкете у Фефелова. Василий Васильевич приносит нам газеты: «Началось-то с трех строчек о приезде, а разрослось-то во что!»

380

17 мая, суббота

Утром неожиданно явилась Оля Браиловская, мы говорили о Крыме, я читала ей из дневника о Леониде и Римме. Сережа наслаждался: «Крым — наша вторая родина». До обеда я ходила за стеклами, за картоном, к столяру в театр — Оля Браиловская всюду за мной, удивляясь моей распорядительности и знаниям. На Головинском встречаем Каменского, в руках у него газета с ругательным письмом в редакцию о большевизме [и футуризме, которые снабжены нелестными эпитетами, о Судейкине и Каменском] в искусстве по поводу вечера В. Каменского, подписанным художником Джорджадзе. «Много непризнанных футуристических талантов нашло радушный приют в столице Грузии и навязывают нам свой большевистский взгляд на искусство». Он называет Городецкого, Каменского, Судейкина. Статья написана безграмотно и отвратительно глупо — но я все же боюсь, что она расстроит Сережу, и, посылая Каменского к нему, я говорю: «Прочтите так, чтобы было смешно и чтобы Сережа и не успел бы расстроиться».

Когда я возвращаюсь домой, Сорин, Василий Васильевич и Сережа уже смеются над статьей и веселы.

После обеда готовлю кофе и жду Каменского с пирожными. Он приходит и предлагает мне выступить с ним в час-

тушках. Увидя мой дневник, он просит прочесть что-нибудь. Я читаю о Палладе, он остается недоволен, потому что ожидает творчества, а не простого документального описания жизни. «Почему Вы описываете таких неинтересных людей?» — «Потому что они были в нашей жизни, мы ими интересовались, уделяли им внимание». — «А есть у Вас о Евреинове?» — «Есть, но Вас это также мало удовлетворит, я лучше прочту Вам более творческое», — и читаю «Александровский рынок». Это ему действительно нравится гораздо больше, и я вспоминаю Волошина, который был обратного мнения.

Очевидно, утренняя статья оставила впечатление, потому что у Сорина с Сережей настойчивый разговор о том, что до выставки надо побывать у Городецкого, «а то Бог его знает что еще тиснет». Собираются вечером поехать к нему втроем, но становится поздно, и визит откладывается на завтра.

18 мая, воскресенье

С семи часов утра кипит у нас работа, я наклеиваю «Карнавал», помогает мне Сорин. Он пришел утром напомнить о Городецком, и Сережа едет к нему, но не застаёт его дома. Сорин волнуется и ожидает почему-то ругательной критики. Я мою стекла, кантую и спешу невероятно. Сережа полубольной, очевидно, от малокровия и плохой еды, целый день работает над заканчиванием. В пять забегает Сорин сообщить, что скульптор Николадзе обещает ему продажи. Затем приходят Харазовы и Каменский, которым Сережа на балконе показывает свои вещи; большое впечатление Сережины картины производят на нашего дворника, который, облокотясь на балясины, буквально ржет от восторга. «Вот человек, который физически наслаждается сейчас живописью». Василий Каменский, указывая на «Рождество», говорит пророчески: «Эта вещь будет продана первой».

Я иду к портнихе, а потом, как условлено, прихожу в «Picadilli», где сидят Сережа и Василий Васильевич. Его песенки. Мечты о будущей хорошей жизни. Вечером, усталая, я долго не могу заснуть от голода.

19 мая, понедельник

Сережа с Сориним идут с утра на выставку. Все благополучно. Сережа взял у Фелова еще сто рублей, и мы хорошо завтракаем. Я сегодня работаю не спеша и готовлю обед дома.

Серезу потрясло то, что я вчера не могла заснуть от голода, и он говорит, что продаст все, лишь бы питать меня.

День проходит складно и не очень утомительно. Сереза великолепно освежает небо у «Карнавала» и лакирует «Рождество». Василий Васильевич, присутствуя при этом, выдает Харазова — желающего купить «Рождество». Он сидит у нас все <время> после обеда и рассказывает о своей пьесе «Мастерская переселения душ». К вечеру идем к <1 нрзб.>, где Каменский угощает нас и ужином, и вином, и тортом и превесело рассказывает о Маяковском и его игре в карты. Говорим об отжитом корректном европеизме и о современном американизме, о людях, приносящих несчастье.

Заходим на выставку. Василий Васильевич сейчас же дает мысль с верхнего балкончика сказать приветственную речь. Тут же устраивается заседание о рекламе, а я иду домой.

382

Вечером Сереза едет к Городецкому, а я до двенадцати часов ночи помогаю столяру в кухне. Он делает рамы. Захожу на минуту к Якову Львовичу и узнаю о странном поведении Городецкого. На замечание Львова, что у Судейкина изумительные картины, он промолчал, а о Сорине сказал: «Прежде у него были очень сладкие портреты». «Как Вы думаете, — спрашиваю я Львова, — может Городецкий тиснуть что-нибудь скверное?» — «А Бог его знает — от него все можно ожидать». В двенадцать часов является Сереза, радостный и оживленный: «Был принят как настоящий друг, сердечно и тепло, — все обстоит удачно».

20 мая, вторник

День, от которого зависит все наше существование! С семи часов у меня пылает лицо, и я бешено заканчиваю работу, ползаю по полу, клею, бронзирую рамы. Едва заканчиваю одну вещь, как приходится ее сдавать, еще свежую от последних мазков и только что остекленную, приходящим с выставки людям. В комнате постепенно редеет, и остается груда обрезков золотой и белой бумаги, картонок, прилипший и рассыпанный по всему замазанному клеем полу бронзовый порошок. На кровати, стульях, столе еще несколько оставшихся этюдов, которые я хочу отнести сама. Сереза ушел уже в десять часов и, очевидно, больше не вернется. К двенадцати хочу вымыться и одеться; сильная мигрень стала меня мучить. Последние сто рублей я хочу истратить на белую шляпку, которую я заказала, — к открытию выставки быть

без копейки денег — шик. К половине первого я с «Палладой» и «собой на окне» (в окне) поднимаюсь по лестнице — оживление уже сильное. На площадке Робакидзе, Саломея Андроникова и Рафалович меня весело останавливают и просят посмотреть. В зале Сережа уже почти все развесил, и в его отделении уже целая толпа зрителей — слышен восторг. Его стена лучшая по свету, и «Карнавал» висит и выглядит бесподобно — около Сережи вертится Городецкий и выслушивает быстро бросаемые объяснения и замечания. Рабочие выметают последний сор. Отдав картины, я ухожу отдохнуть дома хотя бы полчаса.

Возвращаюсь и отыскиваю Сережу уже в густо набитом зале. «Un succès fou <огромный успех>», — и Сережа целует мне руку. «Васенька, еще билетик». И Василий Каменский тут же карандашом четко пишет и приделывает к одному из этюдов «приобретено таким-то». Четыре вещи уже проданы, и Сережа знакомит меня с покупателями. Целых полчаса я говорю с Таировой, первой покупательницей, купившей меня под деревом, — в то время как мне на самом деле хочется сесть в соломенное кресло и смотреть, как Сережа продает и разговаривает с тем и другим с такой легкой ловкостью, что только близкий человек может подметить в его лице взволнованность и напряжение. Но после Таировой Сережа знакомит меня с банкиром Вейсбрутом и его женой, при мне покупающим за шесть тысяч большой этюд с меня в окне. Они упрашивают продать также «Гадание», которое значит моею собственностью, и Сережа предоставляет решение вопроса целиком мне. Я ломаюсь, сколько нужно, хотя мне действительно безумно жаль расставаться с этой вещью, но после Сережиного энергичного слова на ухо «обязательно продавай», я уступаю им «Гадание» за пять тысяч. Люди невежественные, и обидно, что две таких прекрасных картины будут в их руках. Я чую какие-то переговоры относительно «Карнавала» и потому объясняю его банкирше. Она явно ничего не понимает, и Chiarina, Florestan, три сфинкса для нее пустые звуки. Далее я, любезно улыбаясь, говорю с Яблоковыми, Коронами и всеми остальными, которые так или иначе имеют отношение к Сережиним продажам, и зато ни одним словом не устаиваю таких людей, как Нина Михайловна, Оля Браиловская. В четыре часа Василий Каменский стал настаивать на обеде. Публики стало мало, и я теперь могла обойти всю Сережину стену, чтобы прочесть: «приобретено

Харазовым» («Рождество»), «приобретено Таировой», Яблоковым, Числиевым, Меликовой, Вейсбрутом.

Мы с Василием пошли вперед в «Мефисто», а Сережа остался еще поговорить с Фефеловым о двух картинах, которые тот тоже захотел купить. В «Мефисто» на этот раз мы угощали. Как только Сережа передал мне под столом пять тысяч — я стала думать о фарфоровом сервизе. С Василием Каменским и Валишевским я его и купила.

В «Picadilli».

Приобретение эскиза Валишевск<ого>.

В оперу на «Кармен». Я сижу в ложе с Коронами. Сережа за кулисами.

21 мая, среда _____

Грандиозная уборка квартиры и любование сервизом. Хотим попасть в баню, но застреваем на выставке. Сережа идет с Василием Каменским на Майдан и возвращается с подарками и с восторженными рассказами. Персы, курящие кальян, кавказцы, выделяющие шапки, мнущие кожи, полуголые. Терпкость. Все черно-коричневые тона. Какие лавки! Какие торговцы. Сережа принес сундучок, открывающийся с музыкой, пестрые носки, рамы.

384

22 мая, четверг _____

До шести часов ходим по Майдану с Василием Каменским. На главной улице останавливаемся у каждого окна, запястья и сережки пленяют нас.

Флоренция. <1 нрзб.> массы домов надсерой Курой. Бани. Персидский ресторан и чайная с попугаем. Дома готовлюсь к концерту А. Черепнина.

Театральный клуб с Числиевым. Проект клуба.

23 мая, пятница _____

Валишевский принес кипу своих рисунков для просмотра.

Сильный весенний дождь.

Весеннее настроение. Визит в «Орион».

Письмо маме.

Городецкий у нас. Стихи.

Вечером у Харазовых с пирогами, спорами (Робакидзе, Черепнин).

1

2

1. Вера де Боссе с матерью Генриеттой де Боссе (1880-е)
2. Артур де Боссе, отец Веры (1900-е)

1

2

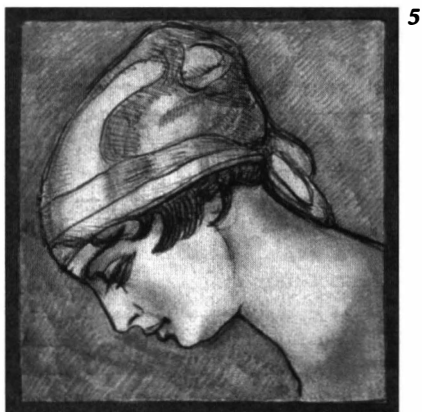
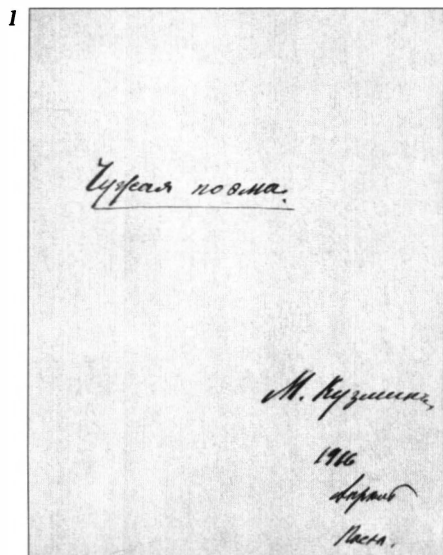
3

1. Вера де Боссе с племянником Володей (*Кудиново*, 1905)

2. Вера де Боссе (1908)

3. Вера Шиллинг в роли Элен Безуховой в фильме «Война и мир» (1915)

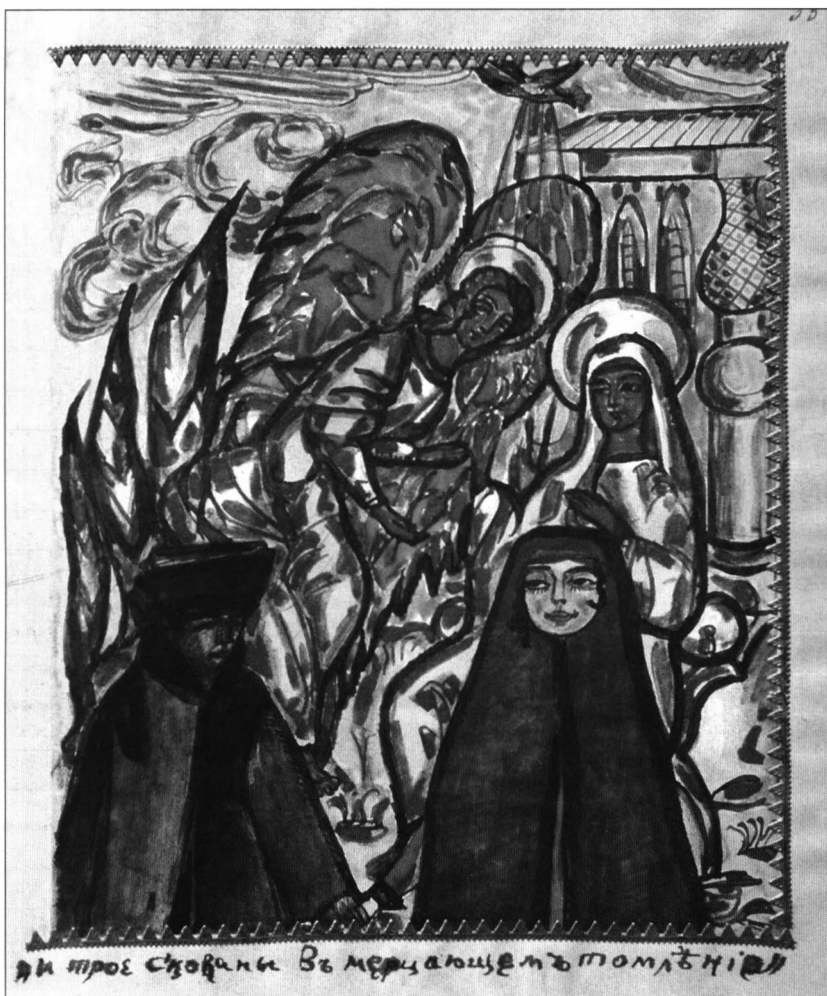

1. М. Кузмин. Чужая поэма. Автограф первой страницы
2. Рисунок С. Судейкина из «Альбома» (1916)
3. Вера Судейкина на «Вечере моды» (май 1916)
Фотография из журнала «Солнце России»
4. Вера Судейкина. Силуэт работы Анны Ахматовой (1916?)
5. С. Судейкин. Портрет Веры Судейкиной из «Альбома» (1917–1918)

1. Ольга Глебова-Судейкина. Открытка (1910-е)
2. С. Судейкин. Рисунок из петроградского дневника (пара под деревом)

1

2

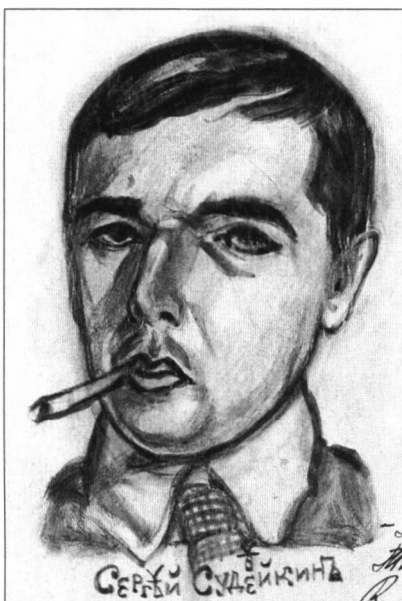

1. С. Судейкин. Рисунок из петроградского дневника («и трое скованы...»)
2. С. Судейкин. Рисунок из петроградского дневника (корзина с цветами)

1. Фотография дома на канале Грибоедова (Екатерининском), д. 83 (2005)
2. Карта Южного берега Крыма из путеводителя Г. Москвича (Петроград, 1915)

1

2

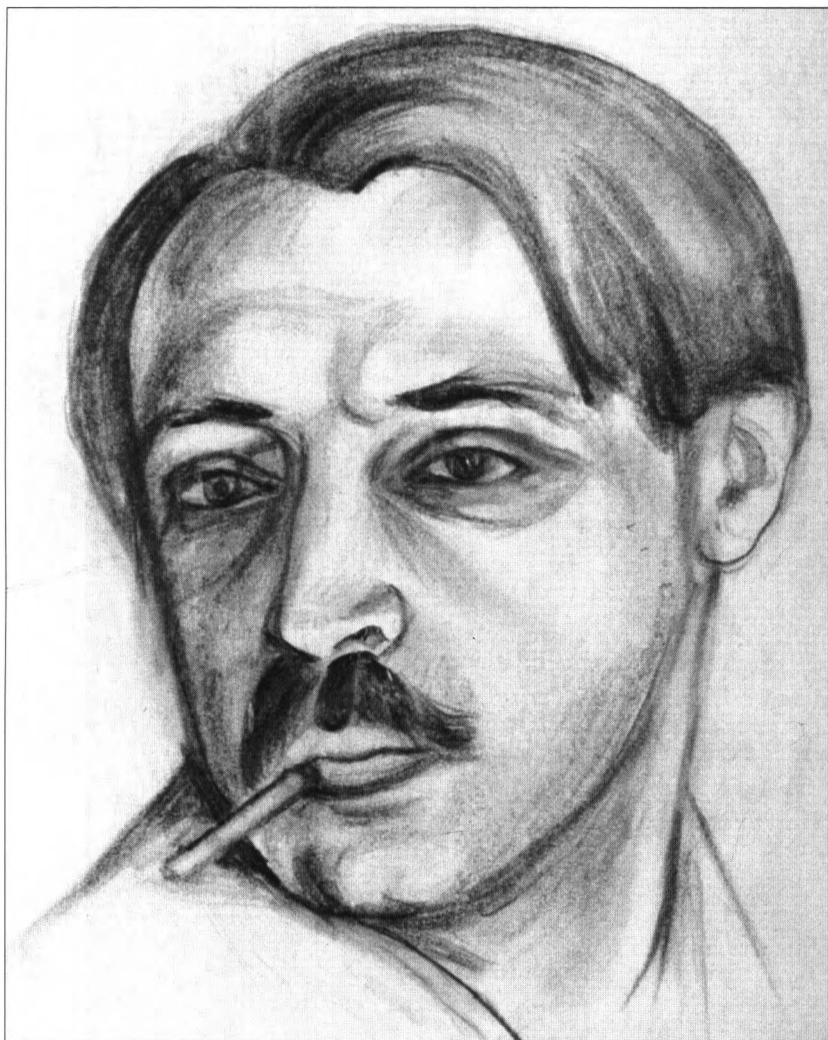

1. С. Судейкин. Автопортрет из «Альбома» (ок. 1920)

2. Вера Судейкина («Через плечо поглядела...»).

Фотография П. Шумова (Париж, 1921)

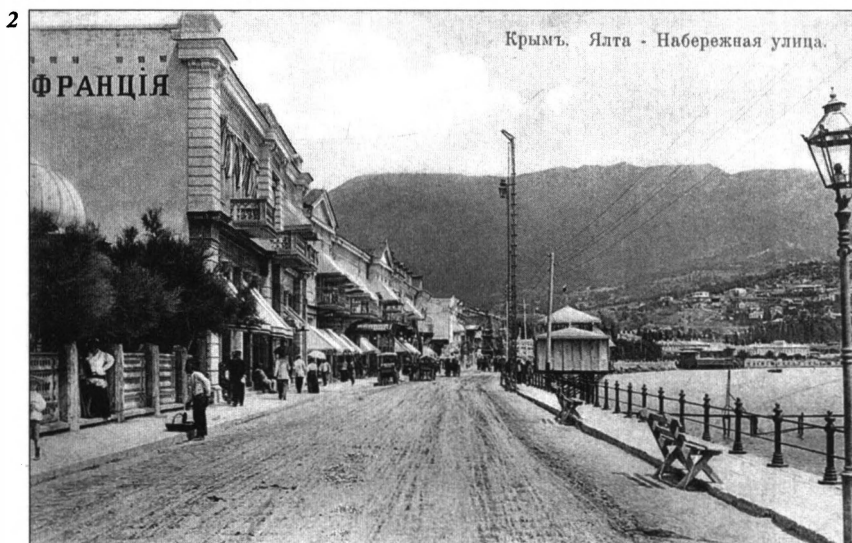

С. Сорин. Автопортрет из «Альбома» (ок. 1920)

-
1. Ялта. Общий вид с восточной стороны. Открытка (1910-е)
2. Ялта. Набережная улица. Открытка (1910-е)

1. Паллада Дерюжинская (справа) и неизвестная (1916 ?)

2. С. Сорин. Портрет кн. Ольги Орловой (1917 ?)

3. С. Сорин. Портрет Веры Тищенко (1917)

4. Л. Корнева в роли Лизы из спектакля МХТ «Николай Ставрогин». Открытка (1910-е)

2

1

3

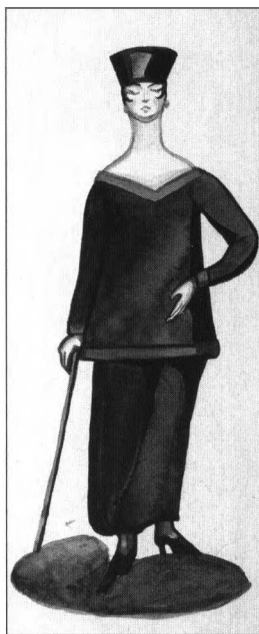

1. С. Судейкин. Куклы Вера и Сергей. Рисунок из «Альбома» (1919 ?)

2. С. Судейкин. Портрет Паллады Дерюжинской (1918)

3. С. Судейкин. Комедианты. Рисунок из «Альбома» (1919)

2

1

3

1. Тифлис. Мост на Майдане. Открытка (1910-е)

2. С. Судейкин. «Она идет на лекцию Каменского». Рисунок из «Альбома» (1919)

3. С. Судейкин. Евреинов и Каменский. Рисунок из «Альбома» (Тифлис, 1919)

Вера Судейкина. Фотография Е. Липницкого (Париж, 1924)

Б. Григорьев. Портрет С. Судейкина. Рисунок из «Альбома» (1921)

1

2

1. С. Судейкин. Портрет Веры Судейкиной (Париж, 1921)
2. Вера Стравинская (1982)

24 мая, суббота

Я лежу, разболелась. Оля Браиловская. Читаю ей о Римме. Сережин вечер. На «Севильский цирюльник» с Валишевским.

30 июля, среда

Проснулась с головной болью. Сережа ушел к Тотвену. Чтобы быть абсолютно здоровой к его приходу, я принимаю три порошка и отравляюсь. Меня тошнит, но через час, когда он возвращается с Маркозовым, я совсем здорова, хотя слаба.

Спим. Перед обедом Деген. Сережа говорит с ним в коридоре и возвращается веселый и возмущенный: «Чтобы каждый принес сто пятьдесят рублей, Меликов — двадцать бутылок вина. Саломея — <1 нрзб.>, и завтра в семь утра я должен поехать за Евреиновым». Обед у Меликовых. Перед редакцией прощаются Деген с Семейко. Саломея мне возмущенно рассказывает о их требованиях. За обедом обсуждаем: не идти к Дегену и почему. «Раз с меня берут деньги, то я хочу принять участие в обсуждении этого вечера, кого пригласить и куда, почему именно к Дегену».

Долго сидим в кабинете. Вавочка и Сережа играют, Ашхен на гитаре.

31 июля, четверг

Сережа должен был поехать за Евреиновым в семь часов, проснулся в половине девятого. Вавочка изображала Independent Barbara <независимую Варвару> и спрашивала, можно ли поцеловать Рафаловича. Не успела уйти, как явился Рафалович и попросил Сережу на две минуты разговора. Я побежала к Вавочке испугать ее этим. В половине десятого пошла напомнить Сереже относительно Тотвена. Тогда оба они пришли ко мне. «Выслушай Сергея Львовича и пораскинь умом». Я насторожилась. — «Я хотел себя проверить и поэтому поделился с Сергеем Юрьевичем, который хочет, чтобы и Вам я это рассказал: Саломея позирует Кепену обнаженной. Как Вы относитесь?» — «Это зависит от моей веры в художника». — «Она у меня спрашивала совета, я, ничего не имея против этого, ходил выбирать позу. Кепенов работает невероятно долго, и, так как Саломея много пропускает, он захотел снять слепки с ее рук, живота, груди и по ним работать. Я запротестовал, но Саломея, назвав

это капризом с моей стороны, все же пошла, позволила мастерам снять слепки, и на этом мы вчера поссорились основательно. Прав ли я, требуя теперь, чтобы либо она бросила бы совсем позировать, либо Кепенов уничтожил бы при нас слепки. Саломея протестует и ничего поделывать не хочет». — «Факт совершился, и поэтому, действительно, трудно посоветовать. Может быть, Вы сделаете реприманд Кепенову — потому что с его стороны огромный faux-pas <ошибочный шаг> подвергать свою модель — даму общества — подобным манипуляциям». — «Нет, я Кепенову ничего не могу сказать — но Саломея должна потребовать уничтожить слепки». — «Закончить работу необходимо, но слепки можно уничтожить, как только они отслужат». — «Да, но Саломея Николаевна никогда не согласится — посягать на ее свободу!» Сережа не верит, тогда Сергей Львович: «Вы ее не знаете: она расстраивает все браки, доказывая всем женщинам, что они должны быть самостоятельны». Сергей Львович уходит. «Теперь Саломея может попасть в ужасное положение. Она не сможет отказать ни одному художнику в просьбе писать <ее> обнаженной. Ни тебе, ни Сорину, ни Зданевичу».

Сережа идет к Тотвену.

Сережа запутался в рисунке церкви и Христа, трудно работать без муштабеля — нервничает, что не может найти исхода. Я пробую ему читать «Ватто» Потера, которого я читала без него. Он мне не нравится. «Но он напоминает меня». — «Да, но я гораздо тоньше о тебе думаю, чем Потер о Ватто». — «А мне нравится, потому что эта статья мне многое уясняет в Ватто и во мне. Угрюмость, одинокость Ватто такая же, как моя, когда я слишком ухожу в работу от себя, а той жизнерадостности, о которой ты говоришь, в сущности, совсем нет, потому что с натуры я почти не пишу. И Ватто также — дошел до такой утонченности — что дальше — сумасшествие — «где тонко, там и рвется»».

<Без даты>

Перед обедом решили отдохнуть. Маркозов с письмом из Боржома. Мнение о Каменском очень правильное (широкая натура, жизнерадостность, искренность) и о Евреинове: такой же неуравновешенный, позывный и вдохновенный, как Судейкин. Маркозову я читаю дневник <за> январь семнадцатого года, говорим об иконописи. Сережа: «Так

надо писать теперь. Жизнеописание Маркозова или впечатление Майдана».

После обеда, пока Сережа спит, я иду с Вавочкой в баню. Снимают сто шкур. Обрато рассказываю ей о первом дне приезда в Тифлис.

У нас Деген и Рафалович, ждем Городецкого, но он не приходит. Заходит к Сереже Ис<нрзб.>в, фатишка, которого Сережа третировал и который его теперь растрогал. «Ведь ему двадцать лет, и он изучает историю искусства, чтобы стать профессором».

Харазов, Ашхен. Саломея приходит и мирится с Рафаловичем. Ашхен в их отсутствие высказывает мнение о их ссоре и семейной жизни вообще.

Гуляют в саду.

Деген принес тридцать рублей от герцогини и поручил мне <не законч.>

387

27 августа, среда

Сережа расстроился от моего отъезда. Днем спал после обеда, проснулся с мыслью, что меня уже нет — я уехала, — и, услышав мой шорох в соседней комнате, стал звать меня. Я тоже взволнована. Но ехать нужно. Устраиваю в комнате так, чтобы все было под рукой, особенно съедобное. В пятом часу идем к аптеке. Свежий закатный час. «Я буду много, много работать». Автомобиль сломался в пути, сильно опоздает, Сережа не хочет испытывать томлений проводов и уходит домой — я, проведив до поворота, возвращаюсь и долго жду. В семь часов автобуса еще нет, и я устраиваюсь в частном автомобиле, сижу рядом с шофером. В Атахтвелах зажигаем фонари, и через полчаса начинается фантастический спуск в звездное небо. При последнем повороте созвездия превращаются в освещенные дома, лавки и магазины, и городской соблазн очаровательно ударяет в нос. Шины шумят по асфальту Сололакской, и на Эриванской площади я схожу. Мальчишка за пять рублей соглашается донести мои вещи до заведения Св. Нины (милиционер останавливает нас, принимая за воров, и провожает до подъезда). Швейцар сидит перед подъездом — электричество не горит у нас. Я оставляю у него вещи и, узнав, что господин Рафалович с супругой изволили выйти <не законч.>

Варвара Христофоровна в белом доме, я иду к Меликовым. С трудом через двор при помощи бабищи, смотрящей

со стеклянной террасы на двор, я нахожу Анановскую квартиру и Телем, сидящую у Меликовых. Ашхен, Саломея настроены злобно, Рафалович безразлично, Сергей Альбертович производит впечатление человека, пришедшего недавно со свидания и тоскующего дома.

Прием не очень оживленный. Ужинали. После ужина я хочу использовать каждую минуту и пойти разыскивать знакомых. Сорина я могу застать у Маркозова. Во всяком случае, Маркозов дает мне много сведений.

Спуск в звездное небо. Очарование города, городской соблазн ударяет по нервам. Эриванская площадь. Мальчишка, милиционер. Заведение. Меликовы, ужин. К Маркозову. Там Сорин, Тотвен. Сообщения: Соколов уехал, Рамишвили нет, Тирумов уехал на полтора месяца. Сплетня о Сорине и Судейкине, эксплуат<ируют> груз<инское> прав<ительство>.

388

Сорин хочет ехать в Сухуми и Гагры, должен был уехать сегодня.

В заведении нет электричества, но порядок и прият<ое> разм<ещение>.

<28 августа>. четверг. Успение _____

Встала в восемь часов. Чавчавадзевская улица, где жил Сорин, и напротив, по дороге к Богдановой, туда встретила Илью Зданевича. Иду к Львову и Марии Ивановне вниз. Мар. Руд. уезжает в Ялту. У Марии Ивановны есть комната.

Иду пить кофе в «Интерна<циональ>». Там Яблоков. <1 нрзб.>. Он долго рассказывает о Пет<рограде> и Москве.

Николадзе и Каменский. Николадзе идет со мной в Управу (Кепинов по дороге). Из Управы к Тарутиной и обратно. Предлагают реквизировать комнату в гостинице. Саша Черепнин. Валишевский. Числиев (воспит<анница> Евреинова умерла), Брион. Домой (к директору в час). В половине второго пошла вниз (сговори<ась> с Сориным). Сошла на Головинском и повернула к «Интерн<ационалю>», встретила Никол<адзе>. Мы пошли вперед, я упомянула Сорина, вернулись обратно. Навстречу Сорин, Робакидзе, Мадгавариани и Вагн. Все в «Интернациональ». Нина Михайловна предл<ожила> ее обед в «Интернационале». Маркозов и Кепинов. Маркозов приносит адрес и устроил с Черновицким. Сорин

и я идем туда. Длинный разговор о портретах и куда ехать. Автомобиль с поэтами.

Обратно в заведение, хочу в баню, но устала. Прачка, отдыхаю. Тарутина. Черновицкий говорит о брачном отношении и дает квартиру. Я одеваюсь и иду с Мелик<овой> в клуб. Кепинов, Городецкий, Саша Черепнин, поэт Б., Харазов, Джапаридзе, абхазский офицер.

За кулисами Илья Зданевич со скандалом.

<29 августа>. пятница

Легла в половине второго, встала к восьми, прачка, и в девять была на Грибоедовском. Отдала башмаки, зашла к Богдановой (босоножки <1 нрзб.>), сапожник, к городскому голове (нет приема). В кафе: два офицера — городской голова, там трое просили обо мне. К Нине Михайловне на Судебную улицу. Обед с Харазовым и Сориним. Черновицкий. Знакомый Каменского обещает комнату. На телеграф (четыре часа), к Меликовым (пью чай, Саломея спит, Ашхен мрачна). Беру вещи и домой. Жду Черновицкого. Приходит к восьми. Долго говорим (тип экзамена). Потом у Вавочки до прихода Рафаловича. Полны комнаты стрекоз.

389

<30 августа>. суббота

Встала в восемь, к десяти прошла по Салалакам и в Управу. Никого нет. Въезд генералов. В одиннадцать жду «спекулянта». Устраивает комн<аты>. Разговоры. Я счастлива, иду в «Орион», встречаю Бориса Ивановича (синематограф). Приходит Деген (письмо). Сорин. Обед. К Сорину. И по воду квартиры.

Из починки сапоги. Покупаю ящик, иду к Меликовым пить чай. Там ждут герцогиню. Ашхен сообщает, что будет кутеж с оркестром. В семь я иду домой укладываться. Маркозов, разговор о Сереже, в десять ужин у Меликовых. В три ложимся. Герцогиня — народ и духов<ность>.

<31 августа>. воскресенье

Дождь! Укладываюсь, Маркозов помогает. До трех переношу все (сто рублей). Обед. Харазов. Меликовы. Домой с Харазовым. Беседы о пошлости Мелик<овой>. К Дегену, его сначала нет, потом приходит и Маркозов. До одиннадцати собираем комн<аты> с Маркозовым.

<1 сентября>. понедельник _____

Утром до девяти хожу насчет автомобиля и покупаю вату. К десяти жду Маркозова. Потеряла лорнет. Иду с сундуком в «Телем». У Мелик<овой> беру деньги. Иду насчет автомобиля на Эрив<анскую> в час. Покупки. Дадут ответ. Пью кофе с офицером. Должна собраться в пятнадцать минут. На извозчике домой. Дома приходили насчет реквизиций. Хозяин не советует уезжать. На оrel'e одна — кафе (<1 нрзб.>), городской голова — «Кодисоры» и: «Вот и я!»

<2 сентября>. вторник _____

Я заболела ночью. До четырех много лежу, сплю, застаю Сережу за мной ухаживать.

Приложение 1¹

(Отрывок)

В феврале 1917 года жизнь в Петербурге стала невыносимой, страшно было выходить на улицу. Беспричинная стрельба, пожары, грабежи и шляющиеся пьяные солдаты наводили ужас. В апреле я переехала в Москву к маме, а Сережу все-таки послали на фронт, командир и адъютант Преображенского полка, которых мы хорошо знали, не смогли оставить его в Петербурге, чтобы он мог продолжать писать патриотические плакаты.

«Ты не беспокойся, война почти кончилась». Я всплакнула, но верила, что война скоро кончится, и поехала в Москву к маме, где хотела отдохнуть, так как все еще не очухалась от скверной и сложной простуды. В Петербурге беспорядки прекратились, мы вышли погулять, но попали вдруг под пулеметный обстрел с крыши и, спасаясь, лежали минут двадцать в снегу, я и простудилась.

В Москве было сравнительно тихо и хлеба сколько угодно. Доносились ужасающие известия, но думали, что все ограничится арестами в Царском Селе.

Я ходила в театр, навещала друзей и ждала известий от Сережи, ждала с нетерпением.

Как-то днем раздался звонок, никого не было дома, я пошла открывать дверь, и небритый, грязный солдат бросился меня целовать.

Сережа!

«У тебя отпуск?» — «Какой там отпуск, сел в поезд и уехал — к тебе». — «Но ведь тебя арестуют!» — «Никто не арестует, весь фронт разбегается — ведь революция! Завтра же ты начнешь укладываться, и мы едем в Крым».

Сели в поезд. Теснота ужасная, в купе вместо шести человек — десять. Спали на полу и в коридорах. Одному мальчику, спавшему в коридоре на полу, сунули голову в ведро, чтобы его не раздавили. Мы спали по очереди, сидя. Поезд часто останавливался, на больших станциях целое поле серых солдат, сотни и сотни. Жутко было видеть такое количество. «Что они хотят?» — «Что хотят? Ехать домой».

¹ Начало незаконченных воспоминаний Веры Судейкиной, касающихся событий, записи о которых не сохранились (отъезд из Петрограда в Москву и Крым, первое время жизни в Крыму, общение с О. Мандельштамом). — *Прим. сост.*

В толпе тесно сидящих невозможно было разговаривать. Сережа стал мне писать записки. Я тоже. Три ночи и два дня. «Что станет с нашей квартирой? Ведь мы все деньги тратили на Александровском рынке. Сколько у нас книг, литографий и какие иконы, какой фарфор! Ты знаешь, я хотела бы иметь антикварную лавку. Может быть, не надо было уезжать? Мы вернемся, когда все кончится, — в 1905 году была уже революция и кончилась». — «Да это была генеральная репетиция — а на этот раз дело серьезное».

Уставшие, измученные, грязные, мы, наконец, приехали в Симферополь. Пока Сережа торговался с извозчиком, я смотрела на бегущие облака и думала о новой жизни, которая ожидает нас. «Мы создадим свой мир, не правда ли?»

«Мы не доедем до Ялты, слишком далеко, лошади не выдержат», — и мы остановились в Алуште.

392

Белый двухэтажный дом с белыми колоннами, окруженный виноградниками, кипарисами и ароматом полей. Какое блаженство: свежий, душистый воздух после грязного, вонючего поезда. Здесь мы будем сельскими затворниками, будем работать и днем дремать в тишине сельских гор.

Так и было. Рай земной. Никого не знали и не хотели знать. И вдруг появился Осип Манделъштам. «Каким образом Вы узнали, что мы живем здесь?» — «Я ведь тоже живу в Алуште. [Смирнов и другие.] Некоторые помещики, у которых дачи здесь, уделили нам место жительства [“Профессорский уголок”]». Как рады мы были ему. Я потом говорила Сереже: «Ах, ты, оказывается, не так уж доволен быть только со мной — нам нужны друзья». Мы повели его на виноградники: «Ничего другого не можем Вам показать». Да и угостить не можем, только чаем и медом. Хлеба нет. Но разговор был оживленный, не политический, а об искусстве, о литературе, о живописи. Остроумный, веселый, очаровательный собеседник. Мы наслаждались его визитом. «Приходите опять, мы так рады Вас видеть». Он пришел и принес нам свою поэму: «Золотистого меду струя из бутылки текла...»

И опять мы хотели увидеть его, увидеть его воодушевленное выражение, его энтузиазм в разговоре. Он приходил к нам в дождевике, по-моему, у него не было даже костюма, и вид у него был голодный, а мы не могли его угостить буквально ничем — мы сами были полуголодные. Помню, была одна, оставленная после обеда котлетка и спрятанная в комод «на всякий случай». Он долго стоял перед комодом, рассматривая эскизы, прищипленные к стене, и я подумала: «Надо дать ему эту котлетку, он, наверное, угадывает»

ее существование», — и не дала — она предназначалась Сереже вечером перед сном.

Мы продолжали нашу жизнь в Алуште — ходили гулять к морю, пили там виноградный сок, познакомились с некоторыми соседями и все думали, когда нам двинуться в Ялту. «У нас не так уж много денег, в Ялте мы встретим, может быть, друзей, может быть, устроим выставку или удастся продать картину — нельзя жить без друзей, хотя бы, чтобы отвести душу». И мы переехали в Ялту.

Как трудно было найти подходящую комнату, все, что находили, было так неудобно, убого, что мы пожалели Алушту, где комната была огромная, с видом на виноградники, а не на задворки с запахом помоев.

Нашли одну, переменили, другую, поближе к центру, наконец остановились на пансионе Богдановой, Аутская, 22. Комната была крохотная, но чистая. Я стала устраивать уют, развесила мои московские платки, Сережины этюды, несколько предметов с Александровского рынка, которые всегда со мной. А Сережа пошел на улицу узнать последние политические новости. В Алуште мы не читали газет.

С улицы Сережа возвратился оживленный: «Смотри, газета со всеми новостями». — «Со всеми ли?» — «Что за вопрос». — «Сегодня успокоительные новости, а завтра тревожные или наоборот». — «Какая умница! Я не был еще на набережной, но уже встретил Белкина. Он говорит, Коровин здесь, подумай — Коровин. Я хочу его видеть, и моментально. Боже, сколько интересных людей. Мы пойдем с тобой на набережную, там, в café, можно посидеть и увидеть многих, между прочим, князь Щербатов тут — ведь раньше он часто покупал у меня. Словом, хорошо, что мы переехали в Ялту».

И началась наша ялтинская жизнь. Каждый день шли на набережную и каждый раз встречали кого-нибудь, кого знали раньше.

Сережа мало работал, с утра бежал за газетой, читая, возмущался до бешенства и расстраивался на весь день. Телеграмма из Москвы, которую мы ждали, не приходила: «Скверный признак!» Часто заходил Сорин, всегда с политическими новостями и бесконечными спорами, которые меня дико утомляли. Раз он пришел с Сазоновым. «Вот кто нам расскажет обо всем». В общем, ничего нового не рассказал. Мы и до него знали, что большевики все больше и больше проникают в Крым. «Сережа, начни работать, ведь есть возможность выставки. Маковский (которого мы тоже уже встретили) говорит об этом серьезно. А денег у нас все меньше и меньше. Нельзя же питаться только чебуреками и халвой. Хороша диета!»

И он начал работать усиленно и с увлечением. <...>

А известия из Петербурга становились все хуже и хуже. «Сереза, пойми, что это конец нашей прежней жизни, ведь народ может быть таким жестоким. Помнишь, в Петербурге ты мне говорил в начале революции: не выходи на улицу, опасно, а наша кухарка ходила за хлебом и прибежала вдруг возбужденная, не то смеясь, не то плача, едва произнося слова: на углу костер... городского растерзали, ох, ох и жгли его...»

А в Ялте жизнь как будто спокойная и иногда даже оживленная и веселая. Сереза работает усиленно и ходит на заседания относительно выставки, которая откроется перед Рождеством. Я читаю много, взяла из библиотеки историю французской революции, мы оба с увлечением сравниваем ее с нашим временем и выводим очевидно абсолютно идиотские заключения. Мы стараемся видеть как можно больше людей — может быть, будущих покупателей.

<...>

394

Телеграмма от мамы, слава Богу, она жива и здорова. Баронесса Штакельберг принесла мне ее. Мы сидим с ней на балконе и рассуждаем, как привезти сюда драгоценности и деньги. Все стало очень изобретательно. Однажды большевики нагрянули к Морозовым с обыском — все сидели за обедом, и Madame Морозова не растерялась и опустила в супную миску свое ожерелье. А другая лежала с мешком теплой воды, в который были сунуты все ее бриллианты.

Сереза слишком много говорит с соседями, со встречными-поперечными, с кем попало. «Наверное, о политике, будь осторожен». — «Нет, главным образом о жизни в Петербурге, о художниках, о Париже, о поэтах». — «Я повторяю: будь осторожен, люди превратят твои “сказки заморские” в безобразную сплетню. Например, ты как-то упомянул имя Вырубовой и также, что знаком с Феликсом Юсуповым. Сплетня создалась: ты причастен к убийству Распутина». — «Какая брехня!»

<...>

Я читаю без конца. Это единственное, что успокаивает меня.

Сереза пошел разыскать Коровина и посоветоваться с ним. Что делать? Вернулся взволнованный. Коровин говорит, что единственный выход — это ехать в Америку, но это сложно и требует много труда, чтобы организовать такое бегство. Сереза принес газеты, все новости хуже и хуже. Что делать? «Сильные духом победят», — говорю я, а сама плачу.

Приложение 2¹

С. Судейкин (?)

<Первая выставка картин и скульптуры

«Товарищества объединенных художников»> (1917)

В такое ужасное, кошмарное, хаотическое время, которое мы теперь переживаем, отраднo сознaвать, что существует ценность, которой мы всегда можем гордиться и которой мы можем влиять на Европу, — это наше русское искусство.

На выставке две группы.

1. местных художников и
2. петроградских.

Исключительное соединение трех совершенно различных и одинаково сильно выраженных художников дает мне возможность дать как бы справку из истории нашего искусства.

Билибин удивительный график, иллюстратор с непревзойденным мастерством. Известный своими бесчисленными работами в книгах, орнаменталист, стоящий во главе целой школы русского графического искусства. Этот тонкий мастер выставил свои известные «Билибинские сказки», которые достаточно знакомы, чтобы о них говорить. Пейзажи этого художника своей строгостью и продуманностью линий и форм заставляют видеть мир как бы более совершенным, более кристальным, твердая рука художника как бы гравировывает природу цветными линиями, придавая ей ту ценность драгоценной грани, которую может увидеть только художник.

У Сорина такой диапазон, что <он> может писать такие чудесные пейзажи, какие были не чужды Серову, Левитану, или даже у Сомова — такие же объединенные купы деревьев.

Сорин-портретист — ученик Репина, прошедший через Серова и Сомова для того, чтобы прийти к той романтической сдержанности, которую разве только можно сравнить с нашим изумительным Кипренским. Точность формы и блестящее мастерство не делают его портретные рисунки излишне реальными. Его портреты полны романтического обаяния, которого не хватало Серову, некоторой принужденности, которая была в портретах Сомова.

Женский портрет особенно удачный, я не боюсь сказать — изумителен. Мне кажется, что это тот стиль женского портрета, которого так не хватало у нас. По мастерству — это западный художник, но по тому чувству глубины, которое выражено в мужских портретах, — это художник русской углубленности.

¹ Черновик речи Маковского на открытии Ялтинской выставки 1918 г. (Запись рукой В.С. Архив ИМРС.) — Прим. сост.

Судейкин — декоратор, давший России и Западу в продолжение десяти лет много интереснейших постановок. Если вспомнить, какой высоты достигало наше русское декоративное искусство; такие удивительные декораторы, как Коровин, Врубель, Сапунов, Судейкин, выходят из этой семьи русского народного искусства.

Работавший много на Западе, он остался национальным своим удивительным колоритом. Редкий стилист, художник с пламенным воображением (достойный ученик Врубеля). Из четырех наиболее крупных вещей каждая говорит о своей индивидуальной задаче, красочной и стилистической. Его живопись — это дар, так редко встречающийся вообще в истории искусства. Любая из выставляемых вещей может служить образцом мастерской живописи. Его декоративный эскиз «Седьмое небо» говорит об удивительной фантазии и наблюдательности. Это живопись для глаз. Его «Комедианты» в фантастических костюмах, освещенные ночным светом, <их> причудливое настроение говорят нам о театральной, закулисной жизни, о тайнах театра и тайнах искусства.

Nature-morte с иконы изумительно сочетает бисерный блеклый цвет ризы и нежный роз с томным ликом и ярком синим платка. Это изысканнейшая вещь по вкусу.

Маленькие этюды — маленькие драгоценные камни — которые фиксировали солнце и теперь излучают его всеми своими гранями.

Приложение 3¹

Я. Львов

У художника Судейкина (беседа)

<...>

Здесь, в Тифлисе, Сергей Юрьевич с большим интересом прочел помещенную в «Кавказском слове» статью С. Городецкого о самом себе «Трагедия художника» (Кавказское слово. 18 июля 1918), в которой в качестве неопровержимого слуха сообщалось, что разум изменил художнику.

— Сергей Митрофанович был не очень далек от истины, — говорит по этому поводу Судейкин. — Два года назад меня, измученного и больного солдата с фронта, жена привезла в Крым. Полгода я не мог работать, и только простая, здоровая жизнь в деревне вернула мне острую впечатлительность и желание деятельности.

¹ Интервью Судейкина с рассказом о жизни в Крыму, опубликованное в Тифлисе (Кавказское слово. 1919. 11 мая. *Перепечатано в сокращении*). — Прим. сост.

Жили мы в Мисхоре, я бродил вокруг дома, писал жену то в огороде, то в оранжерее, рубил дрова, носил воду, в расписанной мною кухне ел приготовленный тут же обед. Вечером в той же кухне под лампой за большим столом работал, слушая чтение, разговаривая с гостями.

Я отдышался.

Только такая жизнь дала мне полное выздоровление. Захотелось дать приютившей меня и оздоровившей Тавриде запас накопленных сил. В Крыму при мне были организованы две выставки. Первая, устроенная в Ялте местными художниками, вызвала большой интерес. Крупных работ у меня не было, я дал целый ряд небольших этюдов, отразивших бесчисленные грани нескончаемого крымского солнечного дня, где передавались бегущее облако, прозрачные воды, порыв ветра, прыснувший дождь. На выставке участвовали Билибин (сказки и пейзажи) и портретами Сорин, давший великолепный портрет кн. Орловой, той самой, которую рисовал Серов и которую называют самой модной дамой Европы, и бывшего министра Сазонова.

397

Вторая выставка была устроена С. Маковским в октябре 1918 года и составила событие в художественной жизни Крыма. В ней было два отдела — современный и ретроспективный. Местные коллекционеры приняли большое участие в выставке, дав Кипренского, Левицкого, Боровиковского, Лампи, Орловского, Терebeneва, Федотова, Грёза, Ван-Остаде, Снейдерса, Тенирса и других. В современном отделе участвовали Билибин, Сорин, Браиловский.

У меня были две крупные работы: «Карнавал» и портрет моей жены...

Соседство с пианистом Владимиром Дроздовым, игравшим мне «Карнавал» Шумана, пейзаж Крыма, моя любовь к Шуману — предвестнику нового искусства, музыка, которая так близка современной утонченности, — все это толкнуло меня написать мой мистически-мрачный «Карнавал» с застывшими в экстазе фигурами, с выделяющимися среди них Арлекином, Смертью — на фоне лунного пейзажа с большими деревьями.

Успех выставки дал толчок осуществлению давно назревшей потребности дать эстетическую культуру Крыму и обратить внимание правительства на этот вопрос. При министерстве народного просвещения была устроена секция искусства, и в скором времени должна была открыться в Ялте высшая художественная школа, профессорами которой были избраны Билибин, Сорин, Браиловский, архитектор Дубинский и я.

Я должен был устроить декоративно-ремесленные мастерские для производства постановочных вещей — задача мне близ-

кая, ибо тождественная моим задачам в «Поощрениях» и на архитектурных курсах Багаевой в Петрограде. Мастерские, выработывавшие цеховых мастеровых специалистов, давали бы заработок безработной молодежи, которая, получая оплату, училась бы на заказах.

Мысль об открытии картинной галереи, столь важной для художественного развития масс, также была близка к осуществлению. Коллекционеры жертвовали свои вещи... Неустановившийся, колеблющийся взгляд на картинную галерею должен был быть выяснен, так как искусство не есть роскошь: искусство — летопись истории, нравов, быта и духовно-исторических ценностей.

Следующая важная культурно-эстетическая задача, которая должна была быть разрешена, — это диктатура архитектуры.

398

Это вопрос чрезвычайной важности, потому что безвкусице капиталистов вызывает огрубение вкусов, поощряет синемаграфическую бесстильность и делает из революции «театр ужасов». Падение искусства идет рука об руку с дегенерацией правящих классов. Не зная хода истории, мы можем по одним архитектурным изображениям в гравюрах предсказать революцию (архитектура Екатерины II — Николая I) и полный упадок (Александр II — Николай II). Крым, когда-то греческая колония, обстраивается безобразными постройками модерна. Ливадия, Гурзуф — синонимы безвкусицы. Диктатура архитектуры должна была положить этому конец, так как все проекты должны были проходить через художественное горнило.

Кроме этих задач, в компетенцию секции искусства должна была входить и цензура синемаграфического, так как предоставленное само себе «творчество» современной синемаграфии дошло до апогея безвкусицы и пошлости.

Таковы грандиозные и интересные перспективы, которые намечались в Крыму. Намечалось, кроме всего перечисленного, в Ялте и большое театральное дело, для чего найдены были уже средства. Первой постановкой должен был идти «Карнавал».

Приложение 4¹

<1919>

Я сказал Вериньке: «Можно мне <не законч.>»

Разъединенных трамваем Маркозова и Ивнева на тротуаре Picadilli соединил Константин Леонтьев. Когда я, отставший на

¹ Две дневниковые записи С. Судейкина, сделанные в Тифлисе. — Прим. сост.

несколько шагов, узнал от Маркозова, что Леонтьев как бы поясняет Лескова, то я успел присоединиться к ним. В пересказе о непопулярности Лескова, о удачном критическом моменте Тургенева, интеллигентно-эстет<ский> разговор, столь близкий Маркозову и Ивневу, был разъединен мной, встретившим Каракаша, и сопоставление двух — эстетствующего Ивнева и Каракаша мне показалось таким забавным, что я их познакомил. Маркозова лицо выражало недоумение и неудовольствие прерванного разговора.

Ивнев почувствовал как бы укол иглы, и две мужские фигуры в блеклом свете оранжевого электричества на голубом тротуаре, в белых костюмах, с жеманным передвижением бедер, вызвали раздражение Маркозова, а во мне естественное удовлетворение.

Когда предупредительно оба молодых человека остановились перед «Интернационалом», чтобы пропустить нас вперед, мы с Маркозовым повторили Гоголевскую любезность, а я сделал длительную паузу так, что они вошли одни. Неужели мальчишество свойственно таким натурам, как я. Мне так хотелось удрать с Маркозовым. Маркозов, сочувствуя этому, все же нашел это неприличным. В модернистом «Интернационале», в однотонном электричестве сидели малорослые тифлиские футур-артисты — пара Зданевичей, Гудиев и Зига.

Англизированной снимаем шляпы без рукопожатий и любезностей. Улыбка на лице каждого, даже Кирилла, была приветствием.

Армянская Суссанна, симп<атичная> В., смеясь, поднималась к нам.

Болтая вздор, я вышучивал Каракаша. Ивнев наклеивал афиши в трогательном пиджаке.

Явился Деген, на его куртке сзади кокетка, точно крылышки. Зданевич снова со мной говорит, и мы идем в аптеку от головной боли.

Вернувшись — Робакидзе с Маркозовым. Приходит Паоло — рассказы о Тициане и его женитьбе. Говоря о женитьбе Тициана, я спрашиваю Робакидзе: «Хорошо, что он женится?» — «Очень ужасно! Для такого артиста нужна сдерживающая жена, а не такой бессмысленный ребенок. Потом он сомневается во всем, он опаздывает на пять-шесть часов всюду. Как может жениться человек, который сомневается во всем. Такого эмоционального артиста могла утвердить в жизни только такая цельная женщина, как Вера Артуровна, но таких женщин мало».

Вновь является Гудиев. Терентьев. Илья исчез.

Простившись со всеми <не законч.>

Совершив все утренние обряды, я почувствовал, что не в состоянии взяться за мольберт. Утром, врывающийся яблочный, осенний воздух вызывает бодрость, и, несмотря на то, что Вера занята хозяйством и не может вместе совершить прогулку, я поддаюсь соблазну опьяняющего воздуха и иду один. Только утром человек принимает жизнь так детально, и я долгое время употребляю на рассматривание витрин, брошенных книг на тротуаре и наконец попадаю в аукционный зал. Там, за аркой, которая отделяет покупателей от продавцов аукциона, происходит подготовительно-наступательное движение на публику. Там замечаются три фигуры: культурный восточный человек с пробором, увеличенная фотография которого висит на стене с надписью «деятель». Реклама, реклама. Все считают это нормальным. Как понимают психологию продавцы — поразительно! Во-первых, высокая, красивая продавщица, издали — очень эффектная, очевидно, любовница деятеля с пробором, делает аукцион интересным и значительным. Продают неинтересные вещи, вплоть до момента, когда рама от стар<инного> зеркала ударяет по моим эстет<ским> нервам, и я чувствую, что я ее куплю. Я никогда не думал, что соревнование в цифрах вызывает сердцебиение, и, когда я за одиннадцать рублей получаю раму и я подхожу к столу расплатиться, у меня слегка дрожат руки, и, когда кассирша спрашивает, как моя фамилия, я говорю очень невнятно, и она пишет «Заикин», чему я не противоречу. Вот я обладатель рамы. Появляется фигура Ильи Зданевича. Мы стоим рядом и хохочем, пока сзади стоящий господин не подмигивает мне и показывает перстом на шею Зданевича, не понимая, я вижу: на выбранной шее сидит огромная вошь. Когда она уничтожена, Илья убегает в ужасе с аукциона. Я тоже почесываюсь и прихожу домой, тщательно скрыв от Веры относительно насекомых.

С.17

Петроград — петроградская часть дневника (петроградский дневник) охватывает период с 1 января по 24 февраля 1917 г.

Тетрадь заполнена наполовину, обложка утрачена; вклеены три рисунка Судейкина (картон, акварель): первый — в конце записи от 9 января (пара под деревом, над ними Амур; картон, акварель); второй — в конце записи от 13 января (*Судейкин В.С.*, ангел и мадонна на фоне собора с цитатой из «Чужой поэмы» Кузмина: «И трое скованы в мерцающем томленьи»); третий — после всех записей (корзина с цветами). Записи состоят из трех частей: 1) основной корпус — записи от 1 января — 11 февраля 1917 г.; 2) краткие записи от 4–20 (без указания месяца) с позднейшей пометой «1917» на отдельном листке, вклеенном в тетрадь после всех записей, судя по упоминанию дня рождения Сорина и службы Судейкина, от 4–20 февраля 1917 г.; 3) записи от 20–24 февраля без указания года, вписаны в тетрадь, вероятно, в 1960–1970-х гг.

Впервые опубликованы частично в переводе на английский: *Bowl J.E. Of Miracles and Simple Nonsense. The Petrograd Diaries of Vera Sudeikina // Europa Orientalis. 1997. № 16, 2. P. 249–256.*

С. 19

Сереза проснулся — Сергей Юрьевич (Георгиевич) Судейкин (1882–1946), живописец, график, сценограф. Учился в МУЖВЗ (1897–1909) у К.А. Коровина и В.А. Серова, в АХ (1909–1911) у Д.Н. Кардовского. Один из организаторов выставок «Алая роза» (Саратов, 1904) и «Голубая роза» (Москва, 1907), участник Выставки русского искусства в парижском Осеннем салоне (1906), выставок «Стефанос» (Москва, 1907/1908), Московского товарищества художников и Союза русских художников (1905–1910), член-учредитель и участник выставок «Мира искусства» (СПб., 1906, 1901–1917). Оформитель спектаклей для оперной антрепризы С.И. Мамонтова (конец 1890-х гг.), Театра-студии на Поварской (1905), Театра В.Ф. Комиссаржевской (1906), Нового драматического театра (1910), Малого драматического театра (1911), Русских сезонов Дягилева (1912–1913), Камерного театра (1915) и других театров обеих столиц. Один из организаторов и участников петербургских художественно-артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Покинул Россию в 1920 г.

В архиве В.С. сохранился черновик его автобиографии (написанный, вероятно, в 1916–1917 гг.):

«Краткие сведения

С. Ю. Судейкин родился <в> 1882 г. (7 марта). Мать урожденная Гусева. Отец из обедневших помещиков Смоленской губернии. Жил с детства в Москве. С 8 лет дружба с де-Маньяном. 14<-ти> лет С.Ю. поступил в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества (1896). В 1900 г. исключен на год из Училища за крайнее направление. Товарищами по исключению были художники Фон-Визин и Ларионов (первый на три месяца, второй на полгода). При исключении было предложено начальством Училища перевести исключенных в Академию Художеств для исправления нрава.

С.Ю. поступил в Училище в год <sic!> Мусатова за границу, в выход Милиоти из фигурного класса, смерть Саврасова. Дружба с Феофилактовым, Араповым, Якуловым. Товарищи П. Кузнецов, Уткин, Сарьян, Ларионов, Половинкин, Фон-Визин, Петров-Водкин. Драка с Фон-Визиным. Исключение Фон-Визина окончательное. В год поступления Судейкина профессорами поступили Левитан, Серов, Коровин (первый из них умер при Судейкине). Раскол с <1 нрзб.>, дружба с Сапуновым. После вторичного поступления в Училище знакомство с Дягилевым и Мамонтовым и ред<актором> «Весов». Любовные мечтания. Болезни. Дружба с Дягилевым. Влияние Дягилева на С.Ю. Любовные истории. Писание декораций. Распутство и эстетизм. Вновь дружба с С. де-Маньян. Работа в Училище. Декоративные работы в Опере. <В> 1904 г. знакомство с Мейерхольдом и Станиславским. Тетр-Студия. Постановки «Смерти Тантажиля» и «Ган<з>ела». Успех, делимый пополам с Сапуновым. Станиславский за декорации целует при всех С.Ю. Вечером пьянство с актерами, драка с Сапуновым. С.Ю. сбрасывает Сапунова с лестницы. Революция. Примирение Судейкина с Сапуновым. Увлечение «Маруськами». Первая выставленная картина «Ковер Эрот». Выставляется в «Союзе Русских Художников». Фантастическое знакомство Дягилева с Судейкиным.

Командирован от Академии Художеств в Париж после тяжелой болезни и потери голоса. Участвовал на выставке Русской Секции Осеннего салона в Большом Дворце. Покупка золотых часов и поездка на собственные деньги в Италию после болезни, после работы в Опере. Редактирование журнала «Искусство», ставшего впоследствии «Золотым Руном». Из Парижа С.Ю. попадает в Петербург. Работа у Комиссаржевской. «Сестра Беатрисса». Знакомство с Сомовым, Кузминым, Вяч. Ивановым, Бакстом. Возвращение в Москву с женой, артисткой Ольгой Афанасьевой Глебовой (1907). Участие в «Союзе». Удачна<я> продажа (1907-9). Устройство «Голубой Розы», «Венок» и «Современной живописи». Уничтожение вещей, выставленных в «Голубой Розе». Устройство декоративного вечера в «Свободной Эстетике». Окончание училища Живописи. Звание художника. Две малых серебряных медали.

Переезд в Петербург и поступление в Академию. Бедность. Работа в «Малом Театре» над «Принцессой Маленой». Написано больше 10 корзин, но пьеса не пошла. Театральные интриги (1910-11 г.). № «Апполона», посвященный С.Ю. Театр «Новой Драмы», бывший Комиссаржевской.

1911 г. постановка пьесы Кузмина «Забава дев». Необычайный успех, любовь. В <19>11 г. работа в «Веселом театре» Комиссаржевского. В <19>12 г. в «Доме Интермедий».

“Цезарь и Клеопатра” Бернарда Шоу, “Весеннее безумье” Осипа Дымова. Спектакль памяти В.Ф. Комиссаржевской». (Публикуется впервые с сохранением особенностей автографа.)

Библиографию литературы о нем см.: ХРЗ. С. 553–554; см. также: Чеботаревская А.Н. Художник С.Ю. Судейкин // Новая жизнь. 1914. № 2. С. 167–171; Коварская В. Сергей Юрьевич Судейкин // НРС. 1946. № 12527. 15 августа. С. 3; Букинник М. Памяти С.Ю. Судейкина // НРС. 1946. № 12530. 18 августа. С. 5; Похороны С.Ю. Судейкина // Там же; Романов Б.Г. Три года работы с С.Ю. Судейкиным: Из театральных воспоминаний // НРС. 1947. № 12911. 31 августа. С. 2; № 12918. 7 сентября. С. 2; Евреинов Н. Живопись и театр: Творческий путь С. Судейкина как живописца в театре // Грани. (Франкфурт-на-Майне) 1958. № 39. С. 160–172; 1959. № 41. С. 174–194; Кашина-Евреинова А.А. Воспоминания о С.Ю. Судейкине // РМ. 1961. № 1723. 19 августа. С. 7; № 1725, 24 августа. С. 5; Кравцова И. Забытый портрет М. Кузмина // НЛО. № 3 (1993). С. 130–133.

поповская собака — статуэтка работы подмосковного фарфорового завода в с. Горбункове. Выпускал сервизы, вазы и статуэтки бытового и анималистического характера. Основан в 1804 г. К. Милли, в 1811-м перешел к Алексею Гавриловичу Попову; закрылся в 1875 г.

Жизнь по чужой биографии — по-видимому, слова относятся к неудавшейся попытке Судейкиных начать уединенную жизнь; до переезда в квартиру на Екатерининском канале, 83 (Фонарный пер., 18) с марта 1916 г. они жили в доме Адамини на Марсовом поле, 7 (наб. Мойки, 1) в квартире над «Привалом комедиантов»; в этом доме также находилось художественное бюро Добычиной и жили многие их знакомые (см., например: Евреинов 2. С. 14); по справочнику «Весь Петроград на 1917» — адрес О.А. Судейкиной.

С. 19–20

Куинджи, Архип Иванович (1842–1910) — был «анакорет и терпеть не мог ездить по гостям и принимать у себя» (Гнедич П.П. Книга жизни: Воспоминания. 1855–1918. М., 2000. С. 59).

С. 20

сел за мольберт — о настроении Судейкина в конце 1916 – начале 1917 г. можно судить по «Письму к ***», в котором он писал: «Сегодня я весело работаю и чувствую, что кругом меня по каналам разбросаны мастерские, в которых работают русские художники, объединенные историей, утерявшие свое родословное древо и стремящиеся к восстановлению родного искусства. Только нашей могучей стране суждено исчерпать горькую чашу жизни до дна, и никакие события не помешают разрастись цветущим садом нашему родословному древу».

видел на Александровском рынке — Александровский Новый рынок, построенный в 1867 г. на участке, ограниченном Садовой улицей, Малковым переулком, Вознесенским проспектом

и набережной реки Фонтанки. (См. его описание в записи от 4–11 февраля 1917 г. и комм. к ней; а также комм. к с. 25; *Засосов, Пызин*. С. 106–108; *Добужинский*. С. 181; *Карсавина*. С. 127.)

в образе *Ангела-Руководителя* — ср. с записями Судейкина, обращенными к В.С. и сделанными в первые дни нового года: 1. «Котенька, родная моя, не думай, что со мной всегда будет так скучно, как сегодня. Право я не виноват, что болен, не сердись, Душенька, я так тебя люблю. Я решил делать все, что ты мне прикажешь, исправь меня, пожалуйста, я буду, каким ты захочешь, вот увидишь. Ты такая добрая <1 нрзб.>, что мне даже больно смотреть, а я не знаю, каким мне надо быть, пожалуйста, возьми меня в руки и сделай, что только возможно с таким характером и нравом сделать можно, я за все тебе буду несказанно благодарен» (б.д.); 2. «Кончив работу, я невольно долго молчал. Я, лишенный голоса, хочу тебе, моя обожаемая, сказать, что думал о тебе весь день. Как мне благодарить Тебя за все, что Ты делаешь для меня? Я хочу, по крайней мере, сказать тебе, что заботливость твоя, тревога, грусть и радость — все это мною замечено и что вовремя не могу сказать этого только потому, что не могу говорить. Для меня сейчас большое счастье, что я могу тебе написать, как я тебя понимаю и как бесконечно ценю твою подлинную душу человеческую. За это время ты еще нашла возможность избаловать и усладить меня, благодаря моей болезни. Ты неиссякаемый жизненный источник. Ты красавица, но если нужно, ты забываешь об этом. Ты умница и поэтому можешь удовлетворяться самым однообразным» (2 января 1917 г.). См. также описание другой работы художника в дневнике Бенуа: «Больше всего мне понравился натюрморт: посреди большущая икона (та самая, что у них висит в столовой, — с ликом его жены), а перед иконой пестрая трактирная посуда. Очень красиво, глупо по тону» (с. 38).

404

пришла Ольга — Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (урожд. Глебова) (1885–1945), актриса и танцовщица; художница прикладного искусства; первая жена Судейкина (январь 1907–1915), из которой он, по словам Веригиной, «сделал произведение искусства, исходя из ее индивидуальности» (*Коган*. С. 203); в эмиграции с осени 1924 г. Окончила драматические курсы Императорского театрального училища в Петербурге по классу В.И. Давыдова (1902–1905; см.: *Ежегодник Имп. театров. Сезон 1904–1905*. С. 83), выступала в основном в эпизодических ролях на сценах петербургских театров (Александринский, В.Ф. Комиссаржевской, Литературно-художественного общества), участница представлений в «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов»; «всеобщая любимица» (*Лурье*. С. 141), «подруга поэтов» и адресат многих стихотворений (см.: *Мок-Бикер*. С. 79–113), прототип героинь Кузмина, героиня «Поэмы без Героя» Ахматовой. Художник неоднократно писал ее в период их совместной жизни, см. также ее изображения в его картинах из цикла «Моя жизнь» (1916 г. и 1940-е гг.). См. о ней: Два письма О. Глебовой-Судейкиной к Ф.К. Сологубу / Публ. И. Кравцовой // *НЛО*. 1994. № 7. С. 220–224; *Мок-Бикер*; *БС*; *ПК*; *Ахматова*. Поэма. С. 212–226; *Тименчик Р. О. Глебова-Судейкина: Первое приближение* // *НЛО*.

1994. № 7. С. 213–219; дневники Кузмина; воспоминания современников: Анненков. С. 77, 125–127; Гильдебрандт I; Веригина (Коган. С. 202–205); Лурье; Мгебров; Романов (31 августа); Чуковский; Богомолов, Малмстад. С. 117–118; ХРЗ. С. 223–224; НМ. Т. 2. С. 117; НМ. Т. 2. С. 117. В 1915 г. связала свою жизнь с Артуром Лурье. В описываемый период жила в доме Адамини (Мойка, 1). См. упоминание ее и В.С. в воспоминаниях ученицы Судейкина, относящееся, по-видимому, к 1916 г.: «Однажды он <Судейкин> привел двух дам и, стоя с ними в дверях, показывал мастерскую, как свой зверинец, и хвастался нашими талантами. Обе дамы были очень хороши собой, каждая на свой лад. Алешка шепнул нам, что это Оленька и Веронька, жены Судейкина: одна бывшая, другая настоящая. Статная сероглазая красавица разглядывала нас в лорнет со спокойным любопытством. В годы нашей молодости встречались такие образцы женской красоты, выхоленной и вынеженной на особых пастбищах для утешения и оболения мужского рода» (Морозова. С. 118–119). См. также описание письма Судейкина к ней от 8 июля 1916 г. о поиске квартиры для нее (Мок-Бикер. С. 165). Об отношении Глебовой-Судейкиной к В.С. см.: Мок-Бикер. С. 63.

405

привела... Мельницкого — вероятно, Владимир Константинович Мельницкий (? – после 1935), штабс-капитан, проживал на Гагаринской, 14. См. упоминания о нем в дневнике Кузмина (Кузмин 2). В собрании М.С. Лесмана (ныне в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме, С.-Петербург) хранится экземпляр книги Кузмина «Осенние озера» (М., 1912) с дарственной надписью автора В.К. Мельницкому (см.: Лесман. С. 121. № 1212).

каталог музея Александра III — см.: Врангель Н.Н. Русский музей имп. Александра III: Живопись и скульптура. [В 2 т.]. СПб.: Изд. Рус. музея имп. Александра III, 1904. Об Александре Осиповиче Орловском (1777–1832) см.: Т. 2. С. 331–337; об Александре Гавриловиче Венецианове (1780–1847) см.: Т. 1. С. 100–112; об Оресте Адамовиче Кипренском (1782–1836) см.: Т. 1. С. 196–205.

разговор с Сориным — Савелий Абрамович (Завель Израилевич) Сорин (1878–1953), художник, портретист (к этому времени автор портретов Ахматовой, Глебовой-Судейкиной, М. Горького, Евреינוва, Карсавиной, Лурье, Шаляпина и многих других), друг «легендарного» Судейкина и его первой жены; его верность дружбе и отзывчивость отмечали многие современники. Родился в небогатой еврейской семье, в 16 лет ушел из дома; учился в Одесской рисовальной школе (1895–1899) и АХ (1899–1907), слыл известным портретистом не только в России, но и в эмиграции. В описываемый период жил в д. 83 по Екатерининскому каналу, в котором, вероятно, осенью 1916 г. поселились В.С. и Судейкин. По-видимому, к нему относятся строки из «Письма к ***» Судейкина (январь 1917 г.): «Мудрый сосед указывает мне примером и возвышенным зрением, какие богатства скрыты в нашей родной стране». «Если б передо мной была задача вывести <...> светского художника, молодого, красивого, элегантного, такого, при одном виде которого каждый безошибочно сказал бы “это художник” <...> — я бы непременно взял

моделью С.А. Сорина! <...> Очень красивый. Матовый тон лица, поэтическая внешность. <...> Верх деликатности. Верх обходительности. <...> Словно не человек, а сплошной девиз “нравиться, нравиться, нравиться во что бы то ни стало!” всеми своими качествами! всеми своими данными! — И труженик-то, — и балетоман, и домосед, — и “айда в гости”, и строгий, и добрый, и... Ну, просто прелесть! — Положить за щеку и сосать, как карамель» (*Евреинов 2*. С. 47). См. о нем также комм. к с. 34 и записи В.С. крымского и тифлисского периодов; его «портрет», характеристику творчества, описание его квартиры на Екатерининском канале см.: *Евреинов 2*. С. 47–51; см. о нем также: *Кузмин 2* (он стал фиксировать встречи с Сориным начиная с марта 1915 г.); *Камышиков Л.* Савелий Сорин: Личные воспоминания // *НПС*. 1953. № 15188. 26 ноября. С. 3; *Добужинский М.* Памяти ушедших // *НПС*. 1953. № 15212. 20 декабря. С. 5; *Лидарцева Н.* Памяти большого портретиста // *РМ*. 1973. № 297. С. 9; *Щербакова Г.* Мастер портрета // *Огонёк*. 1974. № 22. С. 8; *Шустер Д.* Странная судьба портрета Ахматовой // *Нева*. 2000. № 8. С. 234–236; он же. Художник Сорин в Нью-Йорке // *Нева*. 2000. № 12. С. 224–227; он же. Жена художника и портрет княгини // *Нева*. 2002. № 2. С. 250–251; *Обухова-Зелиньска; ХРЗ*. С. 536–537.

406

с бароном Врангелем — Николай Николаевич Врангель (1880–1915), барон, историк искусства, художественный критик; постоянный сотрудник и член редакции журнала «Старые годы», со-редактор (вместе с С.К. Маковским) журнала «Аполлон» (1910–1912); организатор художественных выставок, составитель каталогов; один из создателей и секретарь Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909); посетитель вечеров в «Бродячей собаке». Врангель («генеральный комиссар») вместе с Судейкиным («декорационный комиссар») и Озаровским («театральный комиссар») пытался возобновить народные гулянья на Марсовом поле (см.: *Евреинов 1*, 41. С. 176). Судейкин высоко ценил его: «Все что угодно погибнет, но Врангель и Дягилев останутся. Врангель, создавший “Старые годы” <...> Они — Врангель и Дягилев — высочайшие вехи культуры» (*Тименчик*. С. 216; см. также: *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании бар. М.Д. Врангель: Архив Гуверовского ин-та в Стэнфорде. Stanford, 1995. С. 43–44); комм. к с. 37, а также статьи и библиографию: *Злочевский Г.Д.* «С беспристрастием судьи и изяществом художника»: Н.Н. Врангель // *РУ*. 2000. Вып. 6 (22). С. 494–506; *Золотникова И.* «Моноклем остекливший глаз»: Николай Врангель, барон и искусствовед // *НН*. 2004. № 69. С. 50–68.

С. 21

Ари — Артур (Артур-Оскар-Винцент) Сергеевич (Наум Израилевич) Лурье (1891–1966), композитор, теоретик искусства; с 1918 по январь 1921 г. — заведующий музыкальным отделом Наркомпроса (МУЗО); мемуарист; в эмиграции с августа 1922 г. Приехал в Петербург в 1909 г., учился в консерватории (1909–1916) по классу фортепьяно у В.Н. Дроздова (см. запись от 25 марта 1918 г.) и М.Н. Бариновой (с 1912 г.), по классу теории и композиции у А.К. Глазунова (см. запись от 25 марта 1918 г.); посетитель и уча-

стник вечеров в «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов». По его словам, познакомился с Судейкиной (и, вероятно, с ее мужем) в 1913 г. благодаря Кульбину; близкий друг Глебовой-Судейкиной с 1915 г. до своего отъезда из России. «Дружба Артура Сергеевича с Судейкиным была настолько близкой, что они жили в одной квартире. В те годы Судейкин был женат на Вере Артуровне, прозванной Бякой. Артур Сергеевич много занимался на фортепиано и с утра подряд играл все одно и то же упражнение с повторяющимся пассажем; Судейкин уверял, что в переводе на слова пассаж звучит так: «Как люблю я Бяку, Бяку, как люблю я Бяку, Бяку, Бяку!»» (Грэм. С. 218; ср.: одна из восьми пьес фортепьянного цикла Лурье, написанного, вероятно, в конце 1916 – начале 1917 г. и посвященного его дочери, называется «Бяка», см.: Роль в детской / Рис. П. Митурича. Пг., 1920. С. [23–25]; ил. на с. [21]; можно предположить, что в образе «лупоглазой» девочки из иллюстрации к этой пьесе отразились рассказы В.С. о ее детстве; см. также комм. к с. 203). Вероятно, мемуаристка имеет в виду жизнь в доме Адамини, где в 1916 г. некоторое время в одной квартире жили Судейкин, В.С., Глебова-Судейкина и Лурье (см.: *Stravinsky in Pictures*. P. 288). См. воспоминания Лурье (в пересказе Грэм) о Судейкине (опубл.: *Кралин М. Артур и Анна*. Томск, 2000. С. 171–172) и Сорине (не опубл., машинопись хранится в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме). См. о нем: *Кузмин 2; Лившиц*. С. 464–466; *БС*. С. 224–225; *Грэм; Золотая книга*. С. 375–376 (ст. Е. Пальдяевой); *НМ*. Т. 4. С. 244–245; *Нестьев И.* Из истории русского музыкального авангарда. Ст. 1 // Советская музыка. 1991. № 1. С. 75–87; *Рубинчик О.* В поисках утраченного Орфея: Композитор Артур Лурье // *Звезда*. 1997. № 10. С. 198–207; *Казанская Л.В.* Артур Лурье и его первая музыкально-критическая статья «Капризы и лики Бетховена и Вагнер» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1995. СПб., 1999. С. 54; *Савенко С.* «Жить становится все труднее и труднее»: Парижские годы Артура Лурье // *Русские евреи в зарубежье*. Т. 4 (9). Иерусалим, 2002. С. 378–389; *Корабельникова Л.З.* Там, за океаном... // *Русские евреи в Америке*. Кн. 1. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 125–142.

дулся на Ольгу — Лурье сблизился с Глебовой-Судейкиной, вероятно, весной 1915 г. (см. их упоминания: *Кузмин 2*) и, по словам Ахматовой, «долго» был ее мужем (*Лукницкий 1*. С. 45; см. также комм. к с. 203). В описываемый период, по-видимому, они продолжали жить в доме Адамини (Мойка, 1), а после отъезда Судейкиных и Сорина поселились на Екатерининском канале, 83, в одной из их квартир. См. его воспоминания о Глебовой-Судейкиной — «волшебной фее Петербурга» — в которых он создал идеальный образ своей подруги; а также: *Детский рай // Воздушные пути*. 1963. Кн. 3. С. 163, 164.

уходил... позировать — см. воспроизведение портрета Лурье работы Сорина: *Мок-Бикер*. Ил. [16] (с датой: 1916). Позднее, в 1944 г., Сорин написал еще один портрет Лурье.

мама — Генриетта Федоровна де Боссе (урожд. Мальмгрен) (1870–1944?), шведка по происхождению, родители которой жили в Петербурге (см. комм. к с. 36, а также комм. к с. 45).

Козьминых говорил — вероятно, Иван Михайлович Козьминых (Козьмин), владелец антикварной лавки «И.М. Козьминых и К^о» в Александровском рынке (Большой пассаж, левая линия, 72).

пришел... Фидман — возможно, художник Владимир Иванович Фридман (Фидман), проживавший в Петербурге на Фонтанке, 18.

за ним Миклашевский — Константин Михайлович Миклашевский (1885–1943), выпускник Александровского лицея (1904, курс 60), актер (с конца 1905 г. в труппе Общества Старинного театра, с 1916-го — в Театре музыкальной драмы), режиссер, драматург, теоретик театра, автор книги об итальянском театре (*La Commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII ст. Пг., 1914–1917*); постановщик Рождественской мистерии Кузмина «Вертеп кукольный» (1913), оформленной Судейкиным; в начале войны был призван в армию, вернулся в 1916 г. и поступил в труппу Музыкального театра; эмигрировал в 1925-м. См. о нем: *БС; ПК; Кузмин 2; БС; ПК; НМ. Т. 4. С. 535; «За революционным фронтом я плетусь в обозе 2-го разряда...»* (Из писем К.М. Миклашевского к деятелям театра (1914–1941) / Вступ. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // *Минувшее. 1996. Т. 20. С. 404–431*); *Ан Чжиен. Стилизация в русской драматургии XX в.: Заметки о неопубликованных пьесах К.М. Миклашевского // РЛ. 2000. № 4. С. 113–150; Серков. С. 544.*

относительно «Георгиевского комитета» л.-гв. Измайловского полка, который занимался награждением орденом Св. Георгия (Георгиевским крестом) за военные отличия; см. также комм. к с. 26 и 27 (письмо Петрова-Водкина).

С. 22

читала Крысакова — имеется в виду Алексей Александрович Радаков (1879–1942), художник-карикатурист, поэт, соредактор и постоянный автор журналов «Сатирикон» (СПб., 1908–1914) и «Новый Сатирикон» (СПб./Пг., 1913–1918). См. его воспоминания «“Сатирикон” и сатириконцы» (Литературное обозрение. 1993. № 6. С. 29–31); его упоминание в письме Судейкина к Кузмину 1912 г. (*Коган. С. 179*); *БС; ПК; А. Радаков. А. Юнгера: Альбом / Авт.-сост. И.С. Вискова и др.; авт. вступ. ст. Т.Э. Суздалева, В.Н. Шипов. М., 1989; БС; ПК.*

до прихода Алеши — Алеша, ученик Судейкина, принимал участие в создании кабаре «Би-ба-бо» (см. ниже); возможно, это художник А.П. Павлов, исполнивший декорации для постановки «Самого короткого романа» (и, вероятно, «Самого длинного романа») в «Привале комедиантов» (преьера состоялась 13 ноября 1916 г., см.: *ПК. С. 131*). Сохранилась позднейшая запись В.С. о ее уходе от мужа, Роберта Шиллинга, и переезде из Москвы в Петроград, с упоминанием Алеши. «Когда я познакомилась с Судейкиным, я также познакомилась с Алешей. “Это Ваш ученик?” — спросила я его. — “Нет, — мой подданный”. И так это и было. Он приходил ко мне и приносил Сережины любовные записки — я была в “заключении”, потому что Шиллинг, очевид-

но, пронюхал про мое увлечение Сережей и мог каждую минуту вернуться с фронта. Я успела сказать по телефону в Камерный театр, что я не приеду завтра, я заболела и в одно отсутствие Шиллинга, собрав маленький чемоданчик, поехала в гостиницу, где, я знала, что застану моего отца, который переночевал в Москве, чтобы ехать на следующий день в Петербург. Я заперлась в своей комнате и сказала горничной, что, возможно, мой муж будет стучаться, но я не отворю дверь — «он хочет убить меня» и у него ружье. Она пришла в ужас и обещала мне не открывать дверь, если увидит его около моей двери. Так и было. Он начал стучаться поздно вечером каждые десять минут до трех или четырех утра. Говорил, обещал, умолял — а я притворялась отсутствующей. Утром он прекратил, и горничная пришла сказать, что пропустил меня через черный ход. Я забежала к отцу и помчалась на Курский вокзал, просидела в буфете два часа, купила билет в купе первого класса и наконец уехала в Петербург». О «бесе Алешке» см. в автобиографической повести ученицы Судейкина О. Морозовой: «Судейкин добросовестно возился с нами, учил ремеслу, но иногда исчезал без предупреждений, и тогда на сцену выходил его подмастерье Алешка, призванный помогать нам в технических делах. Пользуясь свободой, он копировал повадки маэстро, куражился, и тогда в мастерской начинались бури. Жаловаться на Алешку было бесполезно. Он знал свою силу и цену в глазах Судейкина» (Морозова. С. 118 и сл.). См. также упоминания о нем в дневнике Кузмина с конца мая 1915 г. (Кузмин 2). Возможно, изображен на картине Судейкина 1916–1919 гг. из цикла «Моя жизнь» в виде Амура (см. комм. к с. 37).

ученица Головушкина — ученица Судейкина на театрально-декоративном отделении Женских курсов высших архитектурных знаний Е.Ф. Багаевой (Бассейная, 10); возможно, одна из сестер Головушкиных, живших на Гатчинской, 31/33: Валентина, Лидия или Мария Михайловна.

Гржебин, Зиновий Исаевич (1869–1929) — художник-график, издатель сатирического журнала «Жупел» (1905–1906, вышло четыре номера), совладелец (с С.Ю. Копельманом) издательства «Шиповник» (1906–1922), фактический руководитель издательства «Пантеон» (1907–1912); эмигрировал. Гржебин хотел привлечь Судейкина к оформлению детских книг для издательства «Парус» (см.: Бенуа. Дневник. С. 28, 35); ранее по его рисунку была сделана обложка детского сборника издательства — «Жар-птица» (Кн. 1. СПб.: Шиповник, [1912]). См. о нем: Юниверг Л. И. З. И. Гржебин и его издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. Сб. 69. М., 1994. С. 122–133; НМ. Т. 2. С. 221.

для Пушкинских песен Артура — в 1916 г. Лурье написал музыку на стихотворения Пушкина: «Лишь розы увядают», «Не пой, красавица, при мне», «Не розу пафосскую», «Ночной зефир», «О дева-роза», «Пью за здравие Мэри», «Роза», «Юношу, горько рыдая». Опубликованы отдельными выпусками в трех тетрадях: *Elisium: Восемь стихотворений Пушкина*. М.: Гос. муз. изд-во, 1921.

Блок — А.А. Блок (1880–1921) был любимым поэтом Лурье (см. комм. к с. 203).

купленных... на вербе — Вербная неделя, шестая неделя Великого поста, или Вербное воскресенье — последнее воскресенье перед Пасхой, когда на Конногвардейском бульваре и Малой Конюшенной улице устраивались вербные базары (подробнее см.: *Засосов, Пызин*. С. 153–155).

С. 23

взамен... получили книги издательства «Шиповник»: *Бенуа А.Н.* История живописи всех времен и народов: В 4 т. СПб., 1912–1917; *Саккетти* Ливерий Антонович (1852–1916). История музыки всех времен и народов. СПб., 1913 (3 вып.).

значок Измайловского полка — см. комм. к с. 26; о другой вынужденной работе Судейкина см. комм. к с. 35.

продал Зимину — Сергей Иванович Зимин (1875–1942), основатель и режиссер частного Оперного театра в Москве («опера Зимина», 1904–1917). В 1915 г. для театра С.И. Зимина Судейкиным были созданы эскизы к неосуществленной постановке комической оперы Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана» (*Коган*. С. 112–116). См.: *Боровский В.Е.* Московская опера С.И. Зимина. М., 1977.

410

«Би-ба-бо» — кабаре в подвале «Пассажа» на Итальянской, 19 (1916–1918), создателями которого были К.А. Марджанов, Н.Я. Агнивцев, А.А. Радаков, Ф.М. Курихин. См.: *Аш [Шайкевич А.Е.]* Кабарэ. К открытию Би-ба-бо // *Русская воля*. 1917. № 7. 8 января; *Алянский*. С. 47–49. В 1918 г. на его сцене выступала Глебова-Судейкина (см.: *Тименчик*. С. 218, примечание 25).

«Сатирикон» — еженедельный журнал сатиры и юмора, выходил в Петербурге в 1908–1914 гг.; с 1913 по 1918 г. (последний № 18 вышел в июле) стал выходить «Новый Сатирикон» (под ред. А.Т. Аверченко); одним из основателей, соредактором и постоянным автором журналов был А.А. Радаков. Изредка на страницах журнала появлялись рисунки Судейкина; см., например, в «Сатириконе»: 1912. № 36. С. 9 («Патриот, или Пленный француз в помещицьем доме»); № 38. С. 2 («помещица с крепостными девками»); в «Новом Сатириконе»: 1916. № 3. С. 8 (ил. к стихотворению А. Бухова «Песенка на маскараде»); № 5. С. 4 («Узкий кругозор»); № 34. С. 4 («Утлое суденышко»). В журнале также принимали участие и другие художники, упоминаемые в дневнике: Анненков, Бенуа, Билибин, Григорьев, О'Коннель, Шарлемань, Яковлев. Первый номер за 1917 г. вышел 1 января.

Настройщик Асколин — Альбин Адольфович Асколин.

Петр Клавдиевич Степанов — актер, заведующий постановочной частью петроградских театров, сын художника Клавдия Петровича Степанова (1854–1910), он «пол своей жизни провел в Италии, учился петь в Милане. Но сорвал свой «чудесный тенор»<...> Внешность у Степанова была теноровая... Любезная

улыбка несколько “амебных” губ, может быть, даже слегка и напоминавших губы Силена! <...> Хитренькие глазки пьянеющего вахха, причем все в очень “славянском стиле” (Милашевский. С. 142).

С. 24

Сережины декорации... у Дягилева — Сергей Павлович Дягилев (1872–1929), театральный и художественный деятель, коллекционер; издатель и редактор (вместе с Бенуа) журнала «Мир искусства» (1898–1904), один из основателей объединения «Мир искусства»; устроитель выставок; пропагандист русского искусства на Западе, организатор Русских сезонов (1907–1913). Сотрудничество Судейкина с Дягилевым началось в 1906 г., когда он (вместе со своими однокашниками М. Ларионовым и П. Кузнецовым) был приглашен для участия в парижской выставке «Два века русской живописи и скульптуры», проходившей в Осеннем салоне с 15 октября по 11 ноября (см. об этом письма Судейкина 1906 г. к Арапову: *Коган*. С. 175; краткие воспоминания художника: *Судейкин 2*. С. 37–38; а также: *Бенуа — Дягилев*. С. 63–71; *Зорин*. С. 165; *Коган*. С. 22–23); в 1912 г. художник участвовал в исполнении декораций для четвертого Русского сезона: по эскизам Бакста для балетов «Послеполуденный отдых фавна», «Дафнис и Хлоя», «Тамара», «Синий бог» и по эскизам Рериха к «Весне священной»; в 1913 г. самостоятельно оформил одноактный балет «Трагедия Саломеи» на музыку Ф. Шмитта (см.: *Соловьев*. С. 21; комм. к с. 68 и 263); в 1914 г. он должен был оформить балет Черепнина «Маска Красной смерти», постановке которого помешала война. О работе Судейкина у Дягилева см.: *Коган*. С. 72–74; *Евреинов 1*, 41. С. 174–176; *Романов*; см. также упоминания о Судейкине и Дягилеве в дневнике Кузмина (*Кузмин 1*. С. 257, 260); высокую оценку Дягилева см. в воспоминаниях Судейкина о Н. Врангеле (комм. к с. 37). См. также изображение Дягилева в картине Судейкина «Моя жизнь» 1940-х гг.: *Коган*. С. 169.

411

на императорской сцене — в 1914 г. для имп. Мариинского театра Судейкин оформил постановки В.Э. Мейерхольда — комическую оперу Ферраре «Секрет Сюзанны» и «Торжество держав» А.В. Бобрищева-Пушкина (см.: *Евреинов 1*, 41. С. 180–181) и чуть было не стал штатным художником театра (см. там же. С. 181); помимо этого в 1914–1915 гг. художник оформил одноактные балеты для гастролей по России труппы Мариинского театра под руководством Б.Г. Романова: «Лебединое озеро» Чайковского, «Андалузиана (Соус из томатов)» на музыку Бизе, «Козлоногие» И. Саца, «Жизель» Адана, «Классический балет» и хореографическую фантазию «Русские пляски» (см. там же. С. 181–182; *Коган*. С. 74).

читал Олеария — Адам Олеарий (Olearius) (1603–1671), немецкий путешественник, посетивший Россию в 1630-х гг., автор «Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (первое издание 1647 г.; первый полный русский перевод вышел в 1869/70 г.); возможно, имеется в виду издание А.С. Суворина 1906 г., подготовленное А.М. Ловягиным.

Коля Юдин — Николай Александрович Юдин, капитан (1914–1917), литератор; ему посвящено стихотворение Кузмина «Летний сад» (1916; сборник «Вожатый»). В одном из списков работ Судейкина есть запись: «Коля Юдин купил 3 Летн<их> сада» (1916?).

Бабенчиков-Мишельчик — Михаил Васильевич Бабенчиков (1891–1957), художник, театровед, искусствовед, мемуарист; сын художника Василия Петровича Бабенчикова (1862–1915); читал лекции по истории и эстетике театра на Женских курсах высших архитектурных знаний Е.Ф. Багаевой, где преподавал и Судейкин (1915–1916); мемуарист. См. отрывок из его воспоминаний «Из века в век» (опубликованы не полностью), посвященный театральным работам художника начала 1910-х гг.: Театр Сергея Судейкина / Публ. К. Рудницкого // Декоративное искусство СССР. 1975. № 12. С. 39–40; в публикации другого отрывка упоминается Судейкин, похожий на «фарфоровую статуэтку или игрушечного барабанщика» («Счастливые дни юности...»: Воспоминания М.В. Бабенчикова о С.А. Есенине / Публ. С.В. Зыковой // Встречи с прошлым. Вып. 4: 2-е изд. М., 1987. С. 177). См. упоминание о нем: Кузмин 2.

412

на концерте у Бруни — в знаменитой «квартире № 5» (Васильевский остров, 4-я линия, 3), которая в предреволюционные годы была объединяющим центром для деятелей левого искусства и где «в большой комнате с окном на угол 4-й линии <...> и набережной Невы» постоянно «собирались, делились работами и по поводу работ, следили за литературой: читали статьи, слушали стихи; <...> учились искусству» члены литературно-художественного кружка Бруни, Пунин, Лурье («единственный среди нас музыкант»), Альтман, Мандельштам, Митурич и др. (цит. по: Пунин Н. О Татлине / Сост. И. Пунина, В. Ракин. М., 1994. С. 8, 12; полный текст 5-й главы книги Н.Н. Пунина «Искусство и революция» в публ. И. Пуниной см.: Панорама искусства. Вып. 12. М., 1989. С. 162–198). Квартира принадлежала отчиму братьев Бруни, помощнику хранителя музея Академии художеств С.К. Исакову. Центром кружка был художник Лев Александрович (1896–1948), по словам Лурье, «выдающийся молодой человек, выдающийся по своей настроенности в смысле новизны и свежести впечатлений» (Наш марш // НЖ. 1964. Кн. 94. С. 158–159), автор портрета Лурье (1915; более известен портрет Лурье, написанный тогда же другим участником этих собраний — художником П.В. Митуричем). Его старший брат Николай Александрович (1891–1938), поэт и прозаик, член Цеха поэтов (1911–1914), ровесник Лурье, так же как и он, учился в Петербургской консерватории (окончил в 1913 г.). О братьях Бруни см.: Милашевский. С. 64–65 и др., о Лурье см. там же. С. 68–69, 107, 108.

пришел с Ядвисей — Ядвига-Мария Вильгельмовна Лурье (урожд. Цыбульская) (1888–1930), пианистка, жена А.С. Лурье (с 1913 г., официально брак был расторгнут в октябре 1921 г.), мать его дочери Анны. См. о ней: «Мой первый друг, мой друг бесценный»: Письма Артура Лурье к Ивану Яковкину (1912–1915) // Белякаева-Казанская. С. 131–161 (на с. 137 см. дарственную надпись Лурье 1921 г. на книге Кузмина «Вторник Мэри»: «Ядвисе Артур»).

Пришлось мне аккомпанировать — В.С. во время учебы в частной московской гимназии М.Б. Пуссель брала уроки музыки у пианиста Давида Шора (1867–1942), участника знаменитого в свое время трио «Шор, Крейн и Эрлих».

Кузмин, Михаил Алексеевич (1872–1936) — поэт, прозаик, переводчик, критик, драматург, композитор, друг Судейкина (познакомились 14 октября 1906 г., см.: *Кузмин 1*. Их отношения отражены в творчестве обоих, а также в дневниках Кузмина; см. также письмо Судейкина к Кузмину: *Коган*. С. 179. См. повесть Кузмина «Картонный домик» (Судейкин выведен под именем Павла Ивановича Мятлева) и сопутствующий ей цикл стихов «Прерванная повесть» (впервые: Белые ночи: Петерб. альманах. СПб., [1907]; стихотворения вошли в сб. «Сети» (1908); в альбоме Судейкина в РГАЛИ датированы 1906–1907 гг.); его стихотворения о картине художника «Балет» и «Прогулка» (1912; вошли в третью книгу стихов «Глиняные голубки». СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1914; 2-е изд. — 1923 г.), а также «Чужую поэму», посвященную роману В.С. и Судейкина (1916; см. комм. к с. 62). Их общение возобновились летом 1909 г.; с августа 1912-го, по-видимому, по февраль 1913 г. Кузмин жил вместе с Судейкиными (см.: *Кузмин 2*). Кузмин предполагал написать о Судейкине для задуманного им цикла художественных биографий «Новый Плутарх» (см. «Список лиц для “Плутарха”» начала 1920-х гг.: *Кузмин М. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. Л., 1990. С. 558*). По словам жены Евреинова, в начале 1920-х Кузмин много рассказывал о Судейкине (см.: *Кашина-Евреинова*). В свою очередь Судейкин иллюстрировал «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим замечательным странам» Кузмина (Аполлон. 1910. Февраль. № 5. Отд. III. С. 11–64); оформил его книги: «Куранты любви» (вместе с Н. Феофилактовым; М.: Скорпион, 1910), «Осенние озера» (М.: Скорпион, 1912), «Венецианские безумцы» (М.: А.М. Кожебаткин и В.В. Блинов, 1915), «Военные рассказы» (Пг.: Лукоморье, 1915), театральные постановки его произведений: «Забава дев» в Малом (Суворинском) театре (1911), «Рождество Христово: Вертеп кукольный» в «Бродячей собаке» (6 января 1913 г.), «Венецианские безумцы» (1914) в Москве, в доме Е.П. и В.В. Носовых; летом 1912 г. написал совместный портрет Кузмина и Князева, в феврале 1915 г. — графический портрет Кузмина (см. о нем: *Кравцова И. Забытый портрет М. Кузмина // НЛО. 1993. № 3. С. 130–133*), а также изобразил поэта в картине из цикла «Моя жизнь» (1916). Помимо автографа «Чужой поэмы», вклеенного в *Salon Album* (17а), в бумагах В.С. сохранился автограф стихотворения Кузмина «Господи, я знаю, я недостоин...»

413

Юркун (Юркунас), Юрий (Иосиф) Иванович (1895–1938) — прозаик, художник, многолетний близкий друг Кузмина (с 1913 г. и до конца жизни поэта). См. его портрет 1915 г. работы Судейкина (ГРМ; воспроизв.: *ПК. С. 136*); художник также изобразил его в костюме Пьеро в картине из цикла «Моя жизнь» (1916). «Юркун к обоим относился очень хорошо: очень гордился дружбой Судейкина и мягко относился к слабостям Ольги» (*Гильдебрандт 1. С. 150*); см. также: *Кузмин 2, 3; Богомолов, Малмстад. С. 179–181.*

которому скучно у нас — ср.: «Когда у С<удейкина> появилась новая любовь <...> — бывать <у него> стало как-то нетактично — страсть С<удейкина> к этой новой была столь яростной, что делалось нетактично у них сидеть и мешать их “счастью”» (*Гильдебрандт* I. С. 151; в рукописи зачеркнуто «неудобно»).

запрос Кандаурова — Константин Васильевич Кандауров (1865–1930), живописец, театральный художник, секретарь объединения «Мир искусства».

неизвестному Щербатову — кн. Сергей Александрович Щербатов (1875–1962), живописец, меценат, коллекционер, мемуарист (первое издание: *Художник в ушедшей России*. Нью-Йорк, 1955). См. о нем: *ХРЗ*. С. 638–640; о его собраниях помимо его мемуаров см.: *Фролов А.И.* Московские музеи. М., 1999. С. 188–192; см. упоминания о нем в записи от 15 января 1917 г. и в крымском дневнике В.С.

по делу моего развода — с Р. Шиллингом; см. комм. к с. 26.

414

С. 25

Цыбульский, Николай Карлович (1879 – после 1919) — композитор, автор вальсов, мазурок, романсов; действительный член «Бродячей собаки», один из создателей «Привала комедиантов»; в описываемый период жил в доме Адамини. «Не меньшей характерностью, хотя и совсем в другом стиле, запечатлена была фигура талантливого композитора — громадного дылды с добродушным и симпатичным лицом — Цыбульского, увы, морфиниста, кокаириста и алкоголика» (*Могилянский М.М.* Кабаре «Бродячая собака»: Отрывки из повести о днях моей жизни / Публ. А. Сергеева // *Минувшее*. 1993. Т. 12. С. 172–173). См. о нем также: *Кузмин 2*; *БС*. С. 237–238; *ПК*; воспоминания: *Судейкин I*. С. 190–194; *Г. Иванов*. С. 32–33, 35–40, 51; *Мгебров*; *Пяст*. С. 179–182; *Романов*. 31 августа. Отрывок из дневника В.С. (со слов «Цыбульский все болтал» до «Сережа тоже») впервые опубликован Р.Д. Тименчиком (*Прилежаева-Барская*. С. 382).

Ольга, зашедшая показать свои покупки — ср.: «Помню, как она <Глебова-Судейкина> любила ходить на Александровский рынок, где знала всех торговцев. Оттуда она приносила всевозможные невероятные вещи, раскопанные ею среди всяческой рухляди: старый фарфор, табакерки, миниатюры, безделушки» (*Лурье*. С. 141); см. также комм. к с. 115.

С. 26

«*Маленькая прогулка в Михайловском парке*» — вероятно, речь идет об уменьшенном варианте картины «Прогулка в Михайловском парке» (см. запись от 15 января 1917 г.), о которой писал Бенуа: «<Судейкин> Занят сейчас картиной, изображающей гулянье в Михайловском саду. Мотив пейзажа взят из окон Добычиной; масса фигур в “онегинских” (чисто оперных) костюмах. Как будто желание угнаться за Сомовым, но до Сомова далеко! Несмотря на довольно удачные куски, общее впечатление неприятное — что-то любительское и просто безвкусное, чуть что не доморо-

щенная иллюстрация из «Нивы!»» (Дневник. С. 38); см. также картину «В Михайловском парке» (1915): *Коган*. С. 133.

«Финал свадьбы Фигаро» — эскиз к спектаклю Камерного театра «Женитьба Фигаро», благодаря которому они познакомились; см. комм. к с. 29, 165 и 199 (эскизы декораций и костюмов см.: *Коган*. С. 107–111).

у *Сорина был Гешелин* — вероятно, Александр Исаакович Гешелин, секретарь петроградского Отоларингологического общества, практикующий врач, муж пианистки Эсфири Александровны Чернецкой-Гешелиной (1893?–1922), участницы вечеров «Бродячей собаки» и «Привала комедиантов».

нужно было... в полк — в июле 1916 г. был объявлен очередной призыв ратников ополчения 2-го разряда, Судейкин был призван в солдаты, службу проходил в особой роте л.-гв. Измайловского полка, скомплектованной из профессиональных деятелей искусства (см.: *Евреинов I*, 41. С. 183), выполняя для полка разные художественные заказы; описание службы в этом полку, сделанное Петровым-Водкиным, см. в комм. к с. 27.

увлечении *Голбейном* — Ханс Хольбейн (Гольбейн) (Holbein) Младший (1497 или 1498–1543), немецкий живописец и график.

эксцессов со стороны *Шиллинга* — Роберт Федорович Шиллинг — второй муж В.С. (с 1912 г.), с которым она познакомилась во время учебы в Берлинском университете (см. комм. к с. 22; *Igor and Vera*. P. 40). До революции жил в Москве по адресу: Воздвиженка, Шереметевский пер., 2, кв. 8. По-видимому, В.С. удалось добиться развода; из ее слов, что Судейкин еще «не развелся с Ольгой» (записи в дневнике от 24 февраля 1918 г.), можно заключить, что с ее стороны препятствия к их браку не было. Спустя годы, в 1928 г., мать Веры писала ей из Москвы в Париж о том, что Роберт регулярно ее навещает и каждый раз спрашивает о Вере, что он ушел из «Московского театра» (вероятно, речь идет о Камерном театре) и стал давать уроки немецкого языка (*Dearest Bubushkin*. P. 38). По предположению Д. Боулта, изображен на рис. Судейкина вместе с В.С. и Глебовой-Судейкиной (см.: *Salon Album*. 128).

из *Малого театра* — Театр А.С. Суворина (Фонтанка, 65); Судейкин оформил для него несколько постановок: в 1911 г. — «Забава дев» Кузмина (1911; современники особо отмечали судейкинский занавес) и балеты «Лебединое озеро», «Привал кавалерии» И.И. Армсгеймера, «Тщетная предосторожность» П.-Л. Гертеля (см.: *Евреинов I*, 39. С. 170–171), в 1914 г. — «Мамзель Фифи» по Мопассану (постановка Мейерхольда; см. там же. 41. С. 180–181), премьера последней закончилась патриотической манифестаций (см. там же. С. 181).

С. 27

Пушкина... издание <18>59 года — см.: Пушкин А.С. Сочинения. Т. 1–6 / Изд. Я.А. Исакова. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. По словам биографа художника, он «из писателей предпочитал Пушкина, особен-

но — его поэзию (“Нет никого выше Пушкина” <...>)» (Зорин Ю. Вновь обретаемый профиль // НРС. 1976, 15 августа. С. 7).

Ольга нам читает — «“Олечка”, <...>, одна из редчайших русских актрис, умевшая читать стихи» (Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 93). Выступала с чтением стихов в концертах и на вечерах «Бродячей собаки» (см.: БС. С. 194, 224, 230–231, 237), «Привала комедиантов» (см.: ПК. С. 133, 143, 149) и др.; см. также: *Мок-Бикер*. С. 52. См. о том, как она читала Пушкина в 1937 г.: «По-своему, “по-петербургски” <...>, особенно мастерски подчеркивая чечанность пушкинского стиха, прелесть русской “латыни”. Публика по заслугам оценила эту строгость чтения» (Последние новости. 1937. 23 февраля. Цит. по: *Тименчик*. С. 216).

Георгий Иванович — вероятно, Георгий Иванович Лескинен (1870 – не ранее 1938), полковник л.-гв. Измайловского полка, проживавший на Фонтанке, 120; позднее командир 114-го пехотного полка, генерал-майор, участник белого движения; эмигрировал. См.: *НМ*. Т. 4. С. 138.

416

Журавский — поручик л.-гв. Измайловского полка Андрей Юрьевич Журавский.

эскиз одной из ставень зала Гоцци — в «Привале комедиантов», посвященного «памяти графа Карло Гоцци» (Gozzi) (1720–1806), где художник изобразил венецианского драматурга и его героев. «Судейкину принадлежит художественная отделка зрительного зала, стенная живопись которого, по мысли художника, посвящена сценкам и образам из волшебных театральных сказок великого венецианского причудника и фантаста» (Биржевые ведомости. 1916. № 15110. 28 февраля, утр. вып.; цит. по: ПК. С. 108). См. также: *Соловьев*. С. 27–28 (ил.: с. 22, 23, 26, 27); *Коган*. С. 116–121. ПК. С. 103, 108–109 (ил.: с. 114–117); комм. к с. 40.

Петров-Водкин, Кузьма Сергеевич (1878–1939) — проходил службу с декабря 1916 по июнь 1917 г.; о «жизни ратника лейб-гвардии Измайловского полка, 1-й роты, 1-го взвода, 1-го отделения» писал матери (что надо иметь в виду) 25 декабря 1916 г.: «Занятие — скорее бездельничанье — начинается с 7 с половиной утра и с перерывом часа на три на обед — до 6 часов вечера. Покуда это меня забавляет — вроде гимнастики, — да и любопытно видеть особенную солдатскую жизнь, слушать уроки словесности — все это очень просто, кроме упражнения с винтовкой, которая руки царапает. Работать покуда совсем нет времени, вероятно, до окончания строевой службы. Хорошо еще, что в гвардии перворядники по образованию получают право жить на частных квартирах. Да и обстановка более приличная, чем в других полках. <...> Отношение ко мне очень хорошее, например, до сих пор хожу в штатском, что дает свободу на улице. Судя по разговору, работа мне предстоит следующая: портреты офицеров георгиевских кавалеров нашего полка для музея полка» (*Петров-Водкин К.С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и комм. Е.Н. Селизаровой. М., 1991. С. 194).

Федор Сологуб — Федор Кузмич Тетерников (1863–1927); Судейкин познакомился с ним, вероятно, в 1906 г. в Театре Комиссаржевской и бывал на его воскресных вечерах; в 1912 г. Судейкины жили на Разъезжей ул., 16/18), недалеко от Сологуба и Чеботаревской (д. 31); с ними была особенно дружна Глебова-Судейкина. См. посвященные ей стихи Сологуба; ее письма к нему 1924–1925 гг.: Два письма О.А. Глебовой-Судейкиной к Ф.К. Сологубу / Публ. И. Кравцовой // *НЛО*. 1994. № 7. С. 220–224; *Мок-Бикер*. С. 80–85; см. также фотографию Сологуба и Чеботаревской на фоне панно работы Глебовой-Судейкиной по эскизу Судейкина (1912 г; хранится в музее-квартире Блока, С.-Петербург); комм. к с. 230.

С. 28

жена Комиссаржевского — Галина (Анфиса) Ивановна Комиссаржевская (Протопопова), певица, в первом браке жена режиссера Федора Федоровича Комиссаржевского (1882–1954), младшего брата В.Ф. Комиссаржевской, «хорошего друга Судейкина» (*Евреинов I*, 41. С. 179). См. упоминание о ней в дневниках Сомова: «Комиссаржевская очень славная, немного богема, веселая, простая, искренняя. И наружность у нее очень интересная» (*Сомов*. С. 128, запись от 7/20 марта 1914 г.) и Бенуа: «Днем из Москвы хорошенькая жена Ф.Ф. Комиссаржевского — Галина Ивановна» (*Дневник*. С. 106).

417

о... встрече с Верой Александровной — Вера Александровна Лишневская (Кашницкая) (1894–1929) — вторая жена Б.К. Пронина (1914 – начало 1920-х), активно участвовала в деятельности «Бродячей собаки» (1914–1915) и «Привала комедиантов» (1916–1919); см.: *БС* (с. 247); *ПК*.

едем... к брату — Леонид Георгиевич Судейкин (1876–?), старший брат художника, штаб-ротмистр 1-го гусарского Сумского полка, служил в Московском комендантском управлении; домовладелец, жил в Москве на Зубовской ул., 13.

С. 29

приходит Марочка — жена Л.Г. Судейкина Тамара Александровна.

идем к матушке — мать художника Вера Петровна Судейкина (урожд. Гусева), дочь полковника Корпуса жандармов.

у Пантелеймона — часовня Св. Пантелеимона на Никольской улице у Владимирских ворот, в 1883 г. в нее были перенесены мощи великомученика Пантелеимона (между 280 и 285–305), привезенные в 1866 г. с Афона; почитается как покровитель воинов и всемилостивый целитель.

за упокой души Георгия, Порфирия — отца и деда Судейкина; Георгий Порфирьевич Судейкин (1850–1883), жандармский подполковник, убит на квартире народовольца, провокатора С.П. Дегаева (см. комм. к с. 77). О деде, Порфирии Судейкине, см. рассказ художника Кузмину: «Бедные дворяне, дед весь в охоте, в собаках,

12 чел<овек> детей, мать молится на перекрестке 3-х дорог, чтобы не было больше детей, — все умирают по очереди почти от года, остается один» (Кузмин 1. С. 256).

Софии — сестра Судейкина (см. комм. к с. 54).

в... Асиной комнате — дочь Л.Г. Судейкина.

Камерный театр — основан в Москве в 1914 г. режиссером Александром Яковлевичем Таировым (наст. фам. Корнблит) (1885–1950), знакомым Судейкина по Театру Комиссаржевской. Узнав об открытии нового театра, В.С. встретила с его создателем и сказала ему, что хочет стать актрисой, хотя ничего не умеет и не видит в себе особого таланта. Таиров взял ее в свой театр, возможно, благодаря ее решительности и красоте, к тому же он предполагал, что она богата, хотя к тому времени ее отец был почти разорен. В Камерном театре (Тверской бульвар, 23), в сентябре 1915 г. произошло знакомство В.С. и Судейкина (см.: *Богомолов, Малмстад*. С. 196–197). Художник оформил для театра спектакль по комедии П. Бомарше «Женитьба Фигаро» (премьера 10 октября 1915 г.), в котором В.С. исполняла испанский танец, придуманный для нее Таировым по просьбе Судейкина. О его работе для Камерного театра см. краткие и критические упоминания в воспоминаниях А. Коонен (Страницы жизни. М., 1975. С. 219) и Таирова (Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речи. Письма. М., 1970. С. 104); а также: *Евреинов 1*, 4. С. 179–180; *Коган*. С. 107–114. Ранее, в 1912 г., в Театре Рейнеке Таировым была поставлена пьеса Х. Бенаvente «Изнанка жизни» с музыкой Кузмина и в декорациях Судейкина (см.: *Кузмин 2; Евреинов 1*, 41. С. 174; *Коган*. С. 64–69; *БС*. С. 199); см. также комм. к с. 165 и 199.

у Жени — вероятно, подруга В.С. — Евгения Монозон (Монозон).

С. 30

Кустарный музей — основан в 1889 г.; в 1904 г. разместился в специально построенном для него Сергеем Тимофеевичем Морозовым здании в Леонтьевском переулке, 7. Помимо демонстрации изделий народных промыслов в специально пристроенном в 1911 г. торговом помещении была организована их продажа (см.: *Маковецкая О.* Забытый музей заброшенного искусства // *НН*. 1998. № 45. С. 114–121).

обходим всех антикваров — до революции Леонтьевский переулок наряду с Сухаревкой был средоточием антикварной торговли в Москве.

«угар клубился серо» — цитата из «Чужой поэмы» Кузмина (см. комм. к с. 62): «Целуют... вздох... угар клубится серо...» (6-я строфа, 8-я строка).

пожар незлобинского театра — театр актера, антрепренера и режиссера Константина Николаевича Незлобина (Алябьев) (1857–1930) на Театральной площади.

проводим... на Сухаревке — часть Садового кольца в Москве около Сухаревой башни, район Большой и Малой Сухаревских площадей, где находились торговые ряды, в том числе с большой антикварной торговлей. «В юности художник целыми днями бродил вокруг сердца старой Москвы, Сухаревой башни, разыскивая в лавочках старинные лубки, платки, вышивки, фарфор (Попова и Гарднера), привлекавшие его причудливостью своих красочных сочетаний» (*Чеботаревская*. С. 168). Сухарева башня, построенная в конце XVII в., снесена в 1934 г.

едem на «Мир искусства» — выставка экспонировалась в Москве в «Художественном салоне» на Б. Дмитровке, 11, с 26 декабря 1916 г. по 2 февраля 1917 г. Среди ее участников были М.А. Волошин, М.В. Добужинский, Б.М. Кустодиев, А.П. Остроумова-Лебедева, К.С. Петров-Водкин, А.Е. Яковлев и др. См. газетные отзывы: *Латшин*. С. 318.

Серезины картины — сохранился автограф Судейкина — листок с перечнем выставленных работ: «Сведения для каталога. С.Ю. Судейкин. Петроград, Екатерининский канал, 83. 1) “Прогулка в Михайловском парке”; 2) “Летний пейзаж”; 3) “Идиллический пейзаж”; 4) “Сад Арлекина”; 5) “Новолуние”. Цены сообщает В.И. Чекато. *Сергей Судейкин*».

Кончаловский, Петр Петрович (1876–1956), Машков, Илья Иванович (1881–1944) — оба художника, как и Судейкин, были учениками К. Коровина.

С. 31

куплена Морозовым — вероятно, Иван Абрамович Морозов (1871–1921), купец, один из владельцев Тверской мануфактуры, коллекционер.

князем Щербатовым — о кн. С.А. Щербатове см. комм. к с. 24 и 46; в списке принадлежавших ему картин (ныне в ГТГ) числится лишь «Бабье лето» (см.: *Щербатов*. С. 642).

Ушков купил — вероятно, Михаил Константинович Ушков (1881–1943), купец, коллекционер, благотворитель, издатель журнала «Аполлон» (с 1911 г.); эмигрировал. См. его портрет 1915 г. работы Сорина (Аполлон. 1916. № 2. Вкл. между с. 32–33).

куплен... Френкелем — возможно, провизор Яков Михельевич Френкель, от сына которого, В.Я. Френкеля, в 1964 г. в Русский музей поступила картина Судейкина «Парк» (возможно, это и есть «Идиллический пейзаж»; см.: Гос. Русский музей: Живопись XVIII–нач. XX в.: Каталог. Л., 1980. С. 312. № 5620).

Ирина Николаевна и Маргарита — вероятно, родственницы В.С.; одна из них, возможно, сестра отца Маргарита Артуровна де Боссе (жила в Петрограде на Б. Пушкинской, 69).

Волошин, Максимилиан Александрович (1877–1932) — поэт, критик, художник. Вероятно, познакомился с Судейкиным в октябре 1906 г. (см.: *Труды и дни Волошина*).

Гюго (*Hugo*), Виктор Мари (1802–1885) — французский писатель.

едем на Екатерининский канал — предположительно с осени 1916 г. Судейкины жили в д. 83 по Екатерининскому каналу «почти vis-a-vis “Кривого зеркала”» (д. 90; см.: *Евреинов* 2. С. 48). См. описание их квартиры: «Захожу, как обещал, к Судейкину (живет на Екатерининском канале в верхнем этаже того очень банального дома, в котором помещается гимназия Гедда), рядом с Судейкиным квартира Сорина. У Судейкина “новая жена” <...>. Живут они без прислуги. Огромная мастерская с рядом ряд кле-тушек; все очень забавно и живописно разукрашено всякой всячиной» (*Бенуа*. Дневник. С. 37–38).

С. 32

420

Рославлев, Александр Степанович (1883–1920) — поэт, прозаик, публицист, участник вечеров на «башне» В. Иванова и в «Бродячей собаке». См. упоминание о нем: *Кузмин* 2; а также в письме Станиславского из Крыма (1913): «Там живет поэт Рославлев, который пишет те сказки, которые Билибин иллюстрирует. Громадный толстый мужчина в русской рубаше» (*Станиславский* 8. С. 335–336). Вероятно, летом 1918 г. уехал на Юг России (Новороссийск, Одесса, Екатеринодар); см.: *Веленгури* Н. Последняя поездка поэта // *Кубань*. (Краснодар), 1986. № 8. «Посрамление Кедрилы. Русская комическая опера. Либретто А. Рославлева и С. Судейкина, музыка Цыбульского, декорации Судейкина. 1 действие: скотный двор и баня; 2 действие: сватовство; 3 действие: брачная ночь» (список работ Судейкина за 1916–1917 гг., архив IMRC). С чтением комедии-сказки «Посрамление Кидриллы <sic!>» Рославлев выступил на первом вечере петроградского «кабачка писателей и художников» «Петрушка» в мае 1918 г. (см.: *Литературная жизнь*. С. 184). Вероятно, летом 1918 г. уезжает на Юг России (Новороссийск, Одесса, Екатеринодар).

С. 33

Внешность у него грандиозная — ср.: «Это огромный человек — необыкновенного роста, чудовищной толщины. Все в нем колоссально — голос, кулаки, аппетит» (*Иванов* Г. С. 208). См. также шарж Билибина в журнале «Новый Сатирикон» (1913. № 8. С. 3; был представлен на выставке в Ялте; см.: *Выставка* 2. С. 5. № 30).

Наумов — вероятно, юнкер Инженерного училища, затем подпоручик 18-го саперного батальона Виктор Андреевич Наумов, которому Кузмин посвятил циклы своих стихов «Мудрая встреча», «Ракеты» и «Вожатый» (1907–1908). См. о нем в дневниках Кузмина.

о Распутине, Вырубовой — постоянная тема разговоров того времени. Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1872–1916),

фаворит имп. Александры Федоровны и имп. Николая II; Анна Александровна Вырубова (1884–1964), фрейлина имп. Александры Федоровны (с 1903 г.); эмигрировала в 1920 г.; мемуаристка. Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в особняке кн. Юсуповых на Мойке (д. 94); с участниками убийства, кн. Юсуповым-мл. и Сухотиным, Судейкины встретятся в Крыму.

фамилия одного... Бененсон — вероятно, Александр Эммануилович Беленсон (1890–1949), поэт, прозаик, издатель трех выпусков альманаха «Стрелец» (1915, 1916, 1922); с 1910 г. печатался в журнале «Сатирикон»; входил в кружок Кульбина. См. упоминание о нем: Кузмин 2.

его приятель Шик — вероятно, Максимилиан Яковлевич Шик (1884–1968), поэт и переводчик, сотрудник журнала «Весь», секретарь дирекции МХТ (1908–1910). См. о нем: Садовской. С. 35, 51; Азадовский К.М. Шик и его письма из Германии // Восприятие русской литературы за рубежом. XX в. Л., 1990. С. 113–130.

в сопровождении Николая Ивановича — Николай Иванович Кульбин (1868–1917), приват-доцент Военно-медицинской академии, главный врач Генерального штаба, живописец, теоретик искусства, устроитель выставок и диспутов (в 1908 г. организовал первую выставку авангардного искусства); постоянный посетитель и участник вечеров в «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов»; жил в Максимилиановском пер., 17. На смерть Кульбина 6/19 марта 1917 г. Судейкин написал некролог, в котором вспоминал о своем «с женой» посещении Кульбина в «один из первых дней русской свободы, 3 марта» (Смерть художника // Русская воля. 1917. № 6. 9 марта. С. 7); см. также статью Судейкина «Художник-зритель»: Кульбин: Каталог / С. Судейкин, Н. Евреинов, С. Городецкий. СПб.: Изд. О-ва Интимного театра, 1912; портрет Кульбина работы Судейкина (1912–1914), его рисунок «Н.И. Кульбин и П. Богданова-Бельская» (Ахматова и ее современники. С. 145) и шарж с надписью-характеристикой: «Художник-доктор / Философ-лектор / Кубист-футурист / Николай Иванович Кульбин / Человек семейный / Военный-медик / Статский-советник / Первый мой, мой друг / Преданный душой искусству / 14 июля 1913 года / Финляндия “Куоколо”»; а также графический портрет Судейкина 1913 г. работы Кульбина (там же. С. 77). См. о нем: Кузмин 2; Лившиц; Лурье А. Наш марш // НЖ. 1969. Кн. 94. С. 133–136; Белякаева-Казанская. С. 66–109; Н.И. Кульбин и русский музыкальный авангард.

С. 34

Кузнецов, Николай Васильевич — поэт, прозаик, действительный член «Бродячей собаки». См. упоминание о нем: Кузмин 2.

Эснер — возможно, архитектор-художник Владимир Владимирович Эйснер; в декабре 1917 г. выступал в Тенишевском училище с лекцией «Искусство Древнего Египта и Атлантиды» (см.: Лапшин. С. 425). См. отзыв о нем в письме А. Белого 1921 г.: Андрей Белый и антропософия / Публ. Д. Малмстада // Минувшее. 1992. Т. 9. С. 477.

сцена из Расина — Жан Расин (Racine) (1639–1699), французский драматург, представитель классицизма.

Говорили... о Горьком — Сорин познакомился с Горьким в 1901 г., когда И.Е. Репин привлек его в числе других своих учеников к работе над иллюстрациями к произведениям писателя для изданий «Дешевой библиотеки». Сорин проиллюстрировал рассказы «Старуха Изергиль», «Бывшие люди», «Проходимец», «Дружки» (см.: *Зильберштейн И. Репин и Горький. М., 1944. С. 36–38*); в 1902 г. их отношения были наиболее дружескими; Сорин жил у Горького в Арзамасе и Нижнем Новгороде (1902–1903), приезжал к нему на Капри (1909); в Арзамасе написал портреты Горького (ныне в США) и его жены Е.П. Пешковой (Музей А.М. Горького в Москве; см. ее воспоминания: М. Горький в изобразительном искусстве, 1868–1968. М., 1969. С. 55). Сохранились одно письмо Горького Сорину (1902) и одно письмо Сорина Горькому (1903). См. также дарственную надпись Горького на его фотографии, подаренной Сорину: «Славному парню Савелию Сорину с искренней верой в его талант и яркое будущее. Работайте во славу искусства и не забывайте о хорошем народе нашем — это совет человека, очень полюбившего вас и давно любящего народ ваш. М. Горький. Н.-Новгород. 1902» (см.: *Желтова Н. Автографы М. Горького // РЛ. 1966. № 3. С. 210*), а также фотографию Сорина с дарственной надписью писателю и его жене (*Современники Горького. 505а*). В письме Горького К.П. Пятницкому от 1–2 января 1903 г. подробно рассказывает история несостоявшегося брака Сорина с дочерью петербургского банкира, скрипачкой Яниной Осиповны Берсон (в замуж. Зборовская) (1882–1958), которая тайно бежала из дома своих родителей в Петербурге и в 1902–1903 гг. жила у Пешковых в Нижнем Новгороде; Скиталец, способствовавший ее побегу, распространил «частично подтвердившийся слух, что родственники Сорина ставили свое согласие на брак в связи с получением от семьи Берсон определенной суммы денег» (*ЛН. 1965. Т. 72. С. 172*). После объяснения с Берсон художник пытался покончить с собой; о реакции писателя см.: *Горький М. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 3. Письма. М., 1997; см. также: Сорин в Крыму. С. 493 (вступ. заметка М. Пархомовского). Современники упоминали о визите В.С. к Горькому — вероятно, он был связан с попыткой освободить Судейкина от отправки на фронт; в то время многие обращались к писателю за помощью, художнику он помочь не смог или не захотел (см. также: *Бенуа. Дневник. С. 170*).*

422

С. 35

из «Старых годов» — ежемесячный иллюстрированный журнал для любителей искусства и старины (СПб., 1907–1916), посвященный, в основном, искусству XVIII–XIX вв., описывающий «все редкое и прекрасное, все достойное внимания в области старого искусства» (*Верецагин В.А. Старые годы // Старые годы. СПб., 1907, январь. С. 1*). В редколлегию журнала входили такие знатоки, как В.А. Верецагин (1859–1931), П.П. Вейнер (1879–1931; редактор-издатель с 1908 г.), А.Н. Бенуа, Н.Н. Врангель, И.И. Леман (1866–?), С.К. Маковский, С.Н. Тройницкий (1882–1948),

А.А. Трубников (1882–1966). Среди его авторов были также И.Э. Грабарь, В.К. и Г.К. Лукомские и др. См.: *Вейнер П.П.* «Старые годы», их история и критика: Комментар. 1928 // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 77–83.

Настасья Николаевна — Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876–1921), писательница, переводчица, жена Ф. Сологуба (с 1908 г.); автор статьи о творчестве Судейкина (см.: *Чеботаревская*), в которой упоминает и его первую жену, называя ее «Бетриче» художника (см. там же. С. 170). Судейкин и его первая жена были посетителями воскресных вечеров Сологуба и Чеботаревской. Письма Глебовой-Судейкиной к Чеботаревской (1910–1921) хранятся в РО ПД (см. о них: Два письма О.А. Глебовой-Судейкиной к Ф.К. Сологубу / Публ. И. Кравцовой // *НЛО*. 1994. № 7. С. 220).

недавняя лекция Гершензона — Михаил Осипович Гершензон (1869–1925), историк литературы и общественной мысли; 26 января 1917 г. в Тенишевском училище в Петрограде выступил с лекцией «Мудрость Пушкина» (см. письмо Гершензона брату от 30 января 1917 г., в котором он упоминает и о визите к Сологубу 27 января: *Гершензон М.О.* Избранное. Т. 4 / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000. С. 488).

423

видеть в Гончаровой — Наталья Николаевна Пушкина (урожд. Гончарова, во втором замуж. Ланская) (1812–1863). Ср. с высказываниями Ф. Сологуба: *Данько Е.Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Публ. М.М. Павловой // *Лица*. 1992. Т. 1. С. 209–210.

с Колей Петером — Николай Васильевич Петров (1880–1954), актер, режиссер; работал в петербургских театрах-кабаре, один из создателей «Бродячей собаки»; в описываемый период — помощник режиссера Александринского театра (с 1911 г.; с конца 20-х — его директор и художественный руководитель) и руководитель «Мастерской драмы»; после Февральской революции — сотрудник театрального отдела политического управления военного министерства. См. о нем: *БК; ПК; Кузмин 2; Пяст*. С. 136–137. В своих опубликованных воспоминаниях (см.: 50 и 500. М., 1960) в главе о «Бродячей собаке» (с. 142–150) лишь кратко упоминает Судейкина и «Привал комедиантов» (см. с. 149–150 с описанием одного вечера «в марте или апреле 1917»); о псевдониме, данном ему Кузминым, см. там же. С. 148.

вся вторая неделя поста должна быть испанской — премьера «Испанской недели» в «Привале комедиантов» состоялась 20 февраля.

в его школе — вероятно, в «Мастерской драмы».

его послал... к Бенуа — на 1-ю линию Васильевского острова, 38. Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), живописец, график, сценограф, художественный критик, историк искусства и мемуарист; в конце 90-х годов XIX в. один из создателей объединения «Мир искусства»; одним из первых написал о твор-

честве Судейкина (см.: Художественные письма // Речь. 1911. 14 января). Был редактором серии детских книг издательства «Парус» (см. комм. к с. 22). В его дневнике это посещение не зафиксировано. См. о его отношении к Судейкину в этот период: «Встретил там <на выставке> Судейкина. Он в солдатской форме (уж этот мне маскаррад!). “Мечтает со мной сблизиться” и вообще совершенно новый тон: точно ученика с учителем. К сожалению, он лично мне неприятен, “неприемлем”. Он весь какой-то колючий и неверный. — Дал ему идею написать заказанный ему его полком портрет имп. Анны Иоанновны (создательницы полка?) с (бронзовой) статуи Растрелли-отца» (с. 32–33, 26 октября 1916 г.; см. также с. 37, 170). См. также: *Бенуа — Дягилев*. С. 66, 82; комм. к с. 81; об отношении Судейкина к Бенуа см. его письма к нему 1909 г.: *Коган*. С. 176.

позировал... *Лукомский* — один из братьев Лукомских: Георгий Крескентьевич (1884–1952), историк искусства и архитектуры, автор путеводителей по Петербургу и провинциальным городам, мемуарист; 9 января 1917 г. выступил с лекцией о старинных усадьбах Харьковской губернии в Обществе художников-архитекторов, в январе же в издательстве «Шиповник» вышла его книга «Старый Париж»; в марте 1917 г. вошел в состав Особого совещания по делам искусств, ставившего целью выработку мероприятий по охране художественных богатств; с апреля 1917 г. руководил Царскосельской художественно-исторической комиссией; или Владислав Крескентьевич (1882–1946), историк, генеалог, геральдист, экслибрисист, коллекционер.

424

С. 36

письма... от Шухминой — вероятно, Вера Алексеевна Шухмина (Унтилова) (?–1925), выпускница драматических курсов имп. Театрального училища в Москве (1903), член труппы Товарищества новой драмы под руководством Мейерхольда (1903–1904), актриса московского Малого театра (с 1910 г.). Вместе с ней училась актриса Чалева (Челеева), упоминание о которой в связи с Судейкиным см.: *Гильдебрандт I*. С. 151.).

над... статьей из «Знамени» — вероятно, речь идет об общественно-политической газете, органе социалистов-революционеров «Знамя труда» (Пг., 1917–1918).

день рождения моей бабушки — бабушка В.С. со стороны матери Мария Павловна Мальмгрен, жена Федора Федоровича (Фердинанда Фердинандовича) Мальмгрена, шведа по происхождению (предки которого поселились в Петербурге не позднее середины XIX в.), петербургского потомственного почетного гражданина, казначея петроградского отделения Российского общества покровительства животным; жили на Канонерской, 5; в 1930-х гг. в Париже (см.: *Dearest Bubushkin*. P. 76). По-видимому, у них было пятеро детей: Владимир (см. комм. к с. 92), виолончелист Евгений, которому аккомпанировал восемнадцатилетний Игорь Стравинский, Генриетта (мать В.С.), Иоганна, учительница музыки, и Ольга (в замуж. Петрова). Среди родственников этой семьи — шведский геофизик, исследователь

Арктики Финн Мальмгрен (Malmgren) (1895–1928), памятник которому установлен в Стокгольме.

зайти к Куражеву — Николай Валентинович Куражов, владелец магазина художественных принадлежностей (Мойка, 56).

сервис vieux-saxe <старый сакс> — майсенский (мейсенский) фарфор первого в Европе фарфорового завода (1710) в городе Майсен (Meissen) в Саксонии; вероятно, имеются в виду изделия 1730–1760-х гг. в стиле рококо.

С. 37

заходит профессор Павлов — возможно, Тимофей Павлович Павлов (1860–?), профессор Военно-медицинской академии, проживал в Петербурге на Екатерининском канале, 96.

едем к Радакову — Радаковы жили на Итальянской, 4. Описание внешности Радакова («Это был типичный Фальстаф») см. в воспоминаниях художника Милашевского (с. 225).

Берта Ностовна — Берта Юстовна Радакова, жена А.А. Радакова, работала в 1-й гимназии.

425

эскиз intérieur'a — вероятно, имеется в виду работа над картиной «Моя жизнь» (см. воспроизв.: ПК. С. 135; НН. 1989. № 1. С. 126), где изображены три пары и два друга художника (слева направо): Сорин, Юркун (Пьеро, пишущий книгу), Кузмин, Лурье (Орфей с повязкой на глазах и с арфой), Амур (Алеша?), Глебова-Судейкина (Коломбина), В.С. (Венера с зеркалом) и сам художник (Арлекин); о судьбе картины и иную расшифровку трех ее героев (не Сорин — а Городецкий, Пьеро — Мейерхольд, в повязке Князев) см.: Этот странный объект желаний / В. Дудаков // Антиквариат. 2004. № 1. С. 92; см. также: комм. к с. 50 о картине «Волшебный круг», рисунок группы «комедиантов» в *Salon Album* (114; в центре — В.С. с Судейкиным, а рядом с ними справа — денди в повязке на глазах, с нотной (?) папкой, по-видимому, Лурье; этот же образ см. там же: 95с); см. также картину начала 1940-х, в которой лицо В.С. выступает из-за плеча первой жены художника (воспроизв.: Коган. С. 167).

статьи Врангеля — барон Н.Н. Врангель (см. комм. к с. 20) для журнала «Старые годы» за период с 1907 по 1915 г. написал свыше семидесяти статей (см. библиогр.: Старые годы. 1915. Июнь. С. 60–64).

о курсах — по-видимому, о Женских архитектурных курсах Е.Ф. Багаевой, на которых преподавали Судейкин и Бабенчиков.

об «Аполлоне», о Маковском — Сергей Константинович Маковский (1877–1962), поэт, художественный критик, основатель и редактор художественно-литературного журнала «Аполлон» (СПб., 1909–1917; последний номер за 1917 г. вышел марте 1918 г.), организатор выставок, мемуарист; с 1919 г. в эмиграции. Вокруг журнала группировались русские модернисты, в его ре-

дакции устраивались литературные собрания, музыкальные вечера и выставки современных художников, на которых выставлялись и работы Судейкина. Художник также принимал участие в оформлении журнала, на его страницах часто упоминалось его имя. Маковский первым посвятил творчеству художника персональную статью (см.: С.Ю. Судейкин // Аполлон (СПб.). 1911. № 8. С. 5–12, ил.; см. также упоминания Судейкина в других его статьях: Женские портреты современных русских художников // Аполлон. 1910. № 5. С. 20–21 (о портрете Глебовой-Судейкиной в роли Путаницы); Силуэты русских художников / Сост. В.М. Толмачев. М., 1999; в одном из последних номеров журнала была опубликована большая статья о художнике, которая подвела итог дореволюционному периоду его творчества (см.: Соловьев). О Маковском см. в крымском дневнике В.С.

4–11 февраля — в дальнейшем В.С. неоднократно читает знакомым эту запись, назвав ее «Александровский рынок». Это единственная запись в дневнике с многочисленными следами правки; сохранился также отрывок чернового варианта с незначительными отличиями. Ср. с тем, как впоследствии описал коллекционерство своего отца Маковский, знакомый с этой записью (см.: Маковский. С. 48).

426

С. 38

приходим на рынок — см. о нем примеч. к записи от 1 января 1917 г.; ср.: «Только в лавках, выходящих на Сенную и Вознесенский, торговали новым товаром, во всех остальных пассажах, лавках, на площадях торговали подержанными вещами разного рода. Чего нельзя было найти ни в одном магазине столицы, можно было наверняка найти на Александровском рынке. В лавках Еврейского пассажа, например, продавались гобелены, ковры, хрусталь, фарфор, картины, старинные монеты, меха. Эти же торговцы занимались и скупкой вещей. Там же и в Татарском пассаже продавали и покупали золотые и серебряные вещи, драгоценные камни» (Засосов, Пызин. С. 108).

играющим «Трубадура» — опера итальянского композитора Джузеппе Верди (Verdi) (1813–1901) «Трубадур» (1853).

икона строгановского письма — так называемой строгановской школы (конец XVI – начало XVII в.), по фамилии заказчиков, купцов Строгановых.

эталаж — выставка.

совсем кузминские — см. цикл Кузмина «Бисерные кошельки» (1912), который написан им для Глебовой-Судейкиной и который она любила исполнять.

фарфоровый амур Гарднера — завод Гарднера (1766–1892) основан англичанином Ф.Я. Гарднером в селе Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии; на протяжении XVIII – первой половины XIX в. был первым и ведущим среди частных фарфоровых учреждений и выпускал изделия высокого каче-

ства. Архив завода и коллекция образцов утрачены. В списке работ завода «Амур с повязкой» не отмечен (см.: *Черный Н.В.* Фарфор Вербилок. М., 1970. С. 267–269).

С. 39

Читаем Амфитеатрова — Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938), прозаик, публицист, критик, драматург; эмигрировал. Возможно, речь идет о его «Этюдах» (Русская воля. 1917. 22 января), за публикацию которых он был выслан из Петрограда.

Чит<аем> «Дафниса и Хлою» — повесть древнегреческого писателя Лонга (II–III вв.).

Четыре картины на выставку — вероятно, речь идет о выставке произведений художников общества «Мир искусства» в Художественном бюро Н.Е. Добычиной в доме Адамини (19 февраля – 26 марта 1917 г.). См.: *Лапшин*. С. 324–325.

пишет небо в Привале — имеется в виду подновление росписи главного зала «Привала комедиантов», страдавшей от сырости. Кабаре было задумано как «продолжение и расширение» (ПК. С. 96) «Бродячей собаки» (31 декабря 1911 – 3 марта 1915 г.), находилось в подвале дома Адамини на углу Марсова поля и Мойки (д. 7/1); по словам его создателя, Пронина, свое название получило от картины Судейкина (см. там же. С. 106); открылось 18 апреля 1916 г.; Судейкин не мог активно участвовать в его деятельности, все же он с помощью своих учеников расписал главный зал («зал Гоцци») и «маленькую комнату», а также оформил некоторые постановки, которые шли и после его отъезда из Петрограда; см.: ПК. Описание «неба» см. в воспоминаниях Веригиной: «На черном фоне, тогда неожиданным для плафона, были разбросаны крупные осколки зеркал в цветном обрамлении выпуклой лепки преимущественно бирюзового оттенка» (цит. по: *Коган*. С. 204). По-видимому, о нем упоминает Ахматова в стихотворении «Художнику («Мне все твоя мерещится работа»)» (1924): «Взойду ли я под свод преображенный, / Твоей рукою в небо превращенный». О росписи в «Привале» см. также комм. к с. 40.

427

[*Вечер поэтов.*] — см. о нем: ПК. С. 134; вероятно, это было повторение «Вечера поэтов», состоявшегося 12 декабря 1916 г. (см. там же. С. 133), в котором принимали участие Г. Адамович, М. Зенкевич, Г. Иванов, Р. Ивнев, Л. Каннегиссер, М. Лозинский, К. Ляндау, В. Пяст, С. Радлов, А. Радлова, М. Струве, М. Тумповская, В. Шилейко, а также стихи Ахматовой и Цветаевой читала Глебова-Судейкина. Возможно, то, что эта запись зачеркнута, означает, что Судейкины на вечере не были.

История с Борисом — Борис Константинович Пронин (1875–1946), артист, режиссер, создатель кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов» в Петербурге, мемуарист. Судейкин, активный помощник Пронина в его начинаниях, написал о нем в своих воспоминаниях о «Бродячей собаке»: «Борис Пронин, ни-

когда ничего в театре не сделавший, помощник Мейерхольда, необходимый Мейерхольту, Сацу, Сапунову и мне, как воздух, как бессонные ночи, как надежда, как вечно новое» (*Судейкин* 1. С. 189 и др.). См. о нем также: воспоминания Пяста, Г. Иванова, Мгеброва; *БС*; *ПК*. С. 96–154; Шульц, *Склярский*.

С. 40

О'Коннель (во втором замуж. Михайловская), Рене Рудольфовна (1891–1980) — художница прикладного искусства, жена И.Я. Билибина (1912–1917), мемуаристка. 20 февраля в ее декорациях состоялась премьера водевиля Ф.Л. Соллогуба «Честь и Месть» (см.: *ПК*. С. 134). См. запись в дневнике Бенуа (с. 105); о ее жизни с Билибиным и дальнейшей судьбе см.: *Митусова Л.С.* О прожитом и судьбах близких. СПб.; Вышний Волочек, 2004. С. 80–83.

Вечером в Привале — 20 февраля 1917 г. состоялась премьера «Испанской недели» (см.: *ПК*. С. 134). В программе вечера: 1) «Загадка и разгадка» В.О. Трахтенберга; 2) «Честь и мечь» Ф.Л. Соллогуба (постановка Евреинова, костюмы Билибина, декорации О'Коннель); 3) «Балет» (постановка Л.С. Леонтьева, костюмы и декорации Судейкина; возможно, именно к нему относится эскиз декорации и мизансцены к «неизвестной постановке», см.: *Коган*. С. 121); 4) романсы в исполнении Я. Завалова; она повторялась ежевечерне до следующей премьеры 3 апреля 1917 г.

428

устроим фестиваль — см. предыдущий комм.

расписывает «венецианскую комнату» — главный зал в кабаре «Привал комедиантов», непосредственно примыкавший к сцене, панно и ставни в котором были расписаны Судейкиным на темы К. Гоцци (о его работе, отзывы прессы и впечатление посетителем см.: *Соловьев*. С. 27–28 (ил. на с. 22, 23, 26, 27); *ПК*. С. 108–109 и далее; *Морозова*. С. 119–122; *Веригина*. С. 215–216 (см. также вариант: *Коган*. С. 203–204); *Коган*. С. 116–124; *Рудницкий К.* Театр Сергея Судейкина // Декоративное искусство. 1975. № 12. С. 39). «В подвале расписывались три сводчатых зала и — как довесок к ним — маленькая комната, которую Судейкин передал нам, начертав рукою в воздухе эскиз росписи. — В помпейском духе. Центральное пятно на каждой стене, виньетка или картуш из античных масок, свирелей, голубков и лавровых веток. Понятно? — Понятно, — кивали мы. Работа закипела. Маэстро показывался у нас редко. Он расписывал соседний зал на тему венецианского карнавала. Это был, несомненно, лучший зал в подвале. На стенах из бархатно-черной глубины появлялись веселые маски: арлекины, коломбины и пьеро. Они плясали, обнимались, сбегались в простенки над канделябрами с пучками восковых свечей. Эти группы в масках, освещенные колеблющимся светом, казались более живыми, чем сама жизнь. От стен исходило щекочущее, дурманящее веселье и волшебство» (*Морозова*. С. 119–120); «Судейкинская работа <...> производила <...> волшебное впечатление. Особенно сказочным казался его “зал Карла Гоцци” в дни костюмированных вечеров. Вспоминаю, как по черному полю стен сверкал золотой орнамент, а бра со свечами, прикрытые лепными полумасками, создавали в поме-

шении таинственно-загадочную атмосферу» (Романов. 31 августа). В записи В.С. речь идет о реставрации росписи, сделанной к открытию «Привала» в начале 1916 г.

Билибин, Иван Яковлевич (1876–1942) — живописец, график, член объединения «Мир искусства» (с 1900 г.). По его эскизам были созданы костюмы к постановке водевиля «Честь и месть» Ф.Л. Соллогуба (см.: ПК. С. 134). См. о нем в крымском дневнике В.С.

Куракин, Федя — возможно, Федор Михайлович Курихин (1881–1951), актер театра «Кривое зеркало», Литейного театра, Троицкого театра миниатюр, соученик Глебовой-Судейкиной по Театральному училищу (класс В.И. Давыдова), один из создателей кабаре «Би-ба-бо» (1917–1918), «подлинный король подмостков развлекательных театров столицы» (Алянский. С. 195); или же упоминаемый в ноябрьских записях 1917 г. кн. Федор (Федотик).

Нарбут — возможно, виолончелист Николай Васильевич Нарбут.

Чернецкий — возможно, А.И. Гешелин или брат его жены.

Бутамо — Ольга Николаевна Бутамо-Названова (1888–1960), певица (меццо-сопрано); окончила Петербургскую консерваторию (1915); по словам З.Н. Пастернак: «Это была женщина со всесторонними интересами, она увлекалась стихами, хорошо знала литературу и любила собирать у себя знаменитостей из артистической среды» (Пастернак Б., Пастернак З.Н. Второе рождение; Письма к З.Н. Пастернак / Б. Пастернак. Пастернак З.Н. Воспоминания / Сост. Н. Пастернак, М. Фейнберг. М., 1993. С. 250). См. ее письма 1920-х гг. к Ф.М. Blumenfeldу: Анастасьева. С. 158–161, 252.

Балицкая — возможно, описка и имеется в виду пианистка Сара Семеновна Полоцкая-Емцова (1878–1957); см.: ПК. С. 121. Кравцов, Чернецкий, Завадский, Балицкая, Нарбут, Бутамо-Названова и сама В.С. не учтены среди посетителей «Привала комедиантов» (ПК. С. 151–154).

о вечере Саца — сведений нет. Илью Александровича Саца (1875–1912) Судейкин знал со времени работы в московской студии Мейерхольда и считал его «гениальным композитором театра» (Судейкин I. С. 188–190); после его смерти исполнил его графический портрет с надписью: «Первый вдохновенный импровизатор нового театра» (1912). Ранее вечера памяти Саца устраивались в «Бродячей собаке» 14 октября 1912 г. и 17 октября 1913 г. (см.: БС. С. 192–193, 214; Судейкин оформил приглашительный билет). В «Привале» были три куклы в память «безвременно скончавшимся друзьям учредителей: Сапунову и Сацу», «одетые “метром подвала” Судейкиным: Коломбина, Пьеро и Арлекин» (ПК. С. 109). См. также комм. к с. 66.

Акриды — А. Лурье и О. Глебова-Судейкина. Акрида — саранча, кузнечик. «Судейкин прозвал его Арткритиком, а также Акридиком из-за худобы» (Грэм. С. 218).

надо идти в полк — см. запись Евреинова: «Как безысходно-нелепо-глупо, грустно и невероятно было в тот вечер, что автор этого мирного “детского театрала”, обнаруживший в отроческой мечте кузминской пасторали созвучную своей душе нежность, был одет в форму “пушечного мяса” и должен был торопиться с премьеры, чтобы успеть выспаться к раннему часу военного учения» (цит. по: *Тихвинская Л.И.* Кабаре и театры миниатюр в России 1908–1917. М., 1995. С. 128–129). См. также запись Бенуа от 10/23 марта 1917 г.: «Сегодня на собрании председательствовал Горький <...>. Маленькое интермеццо внес телефон Судейкина, которого “товарищи”-солдаты вместе со всей нестроевой ротой, укрывающей всяких художников и музыкантов, ныне заставляют нести общие для всех обязанности. Судейкин умоляет “спасти” его. Горький обещал позаботиться» (Дневник. С. 170), но, по-видимому, помочь не смог; художник был отправлен на фронт (см. комм. к с. 43), а в начале июня группа московских художников, освобожденных от призыва (В.М. Васнецов, В.Д. Полenov, Л.О. Пастернак и др.), «подали заявление военному министру и в мобилизационный отдел Главного управления Главного штаба об освобождении художников от военной службы. <...> В результате этого письма по двум поданным спискам свидетельство об освобождении получили» двадцать три художника, в том числе друзья Судейкина: Анисфельд, Григорьев, Кузнецов, Н. Миллюти, Якулов (см.: *Лапшин.* С. 369–370).

430

В городе беспорядки — волнения в Петербурге начались в середине января, но в дневнике лишь два кратких упоминания о них (см. также запись от 13 февраля 1917 г.), подробнее В.С. пишет в своих воспоминаниях, см. Приложение 1.

С. 41

Крым — крымская часть дневника (крымский дневник) охватывает период с 1 ноября 1917 по апрель 1919 г.

16 июля 1967 г. В.С. начала переводить свои дневники «революционных лет» на английский (см.: *Dearest Bubushkin.* P. 223), но эта работа не была завершена. Позднее, предположительно в начале 70-х, после смерти Стравинского, В.С. стала писать по своим дневникам воспоминания, но не закончила их, доведя рассказ лишь до лета 1918 г. (сохранился листок с недатированной записью о том, что она «устала вспоминать») — это две «общих» тетради «Алушта, Ялта, Мисхор. 1917–1918». В них связный рассказ постепенно сменяется обработанными выписками из дневника. В Приложении 1 публикуется начало воспоминаний, рассказывающее о последнем периоде жизни в Петрограде, об отъезде Судейкиных из Москвы, о первых месяцах их жизни в Крыму — в Алуште и Ялте — до переезда в Мисхор. Описание ялтинской жизни в ноябре–декабре 1917 г. дополняют дневниковые записи за этот период; а их сравнение дает представление о том, как В.С. работала над воспоминаниями. Видно, что цити-

руемые в воспоминаниях записи она редактировала, исправляя не только стиль, но и корректируя оценки событий и людей. Текст воспоминаний не комментируется. Отрывки из них, несущие дополнительную информацию о событиях с декабря 1917 по июнь 1918 г., приводятся в комментариях.

Отрывок из воспоминаний, посвященный Мандельштаму, был впервые опубликован в пер. на англ.: *Igor and Vera*. P. 44; *Salon Album*. P. 39; на русском яз. в кн.: *Кофейня*. С. 19.

Записи крымского дневника — на отдельных листах разного формата, в ученических и самодельных тетрадях; большинство из них сделано наспех, лишь в «спокойный период» лета 1918 г. они подробнее, почти без сокращений слов и имен. И выбор бумаги, и почерк, и сокращения слов из экономии места или осторожности (например, «б<ольшевикам>») по-своему отражают время записей и происходящие события. В отдельные периоды В.С. часто делала запись дважды — сначала кратко, для памяти, а когда выпадала свободная минута, первоначальный краткий черновой вариант переписывался на белом, более подробно (см., например, сводные записи от 22 мая – 5 июня и двойные № за 1–3 августа 1918 г.), но, чаще она не успевала сделать это, — и в относительно спокойные времена записи не всегда пространны.

431

С. 43

1 ноября, в Ялте — о том, что произошло с Судейкиным весной 1917 г. до его воссоединения с В.С., вероятно, в конце мая, известно из его рассказа Евреинову. «Революция не принесла облегчения призванному на войну Судейкину; невзирая на льготный призыв его в качестве “ратника 2-го разряда”, он был послан на Галицийский фронт и чуть не убит на передовой позиции. Его спасла болезнь: голодный, измученный, он захворал нервным недугом и цингой и долго пробыл в одиночестве на койке переполненной больницы, пока не получил “белого билета”. Полуинвалидом он уехал в Крым» (*Евреинов 1*, 41. С. 184; см. также Приложения 1 и 2); возможно, художник дезертировал, как и многие другие, и с этим также связаны его опасения повторного призыва. Судейкины приехали в Крым в июне 1917 г. и сначала поселились в Алуште (см. воспоминания В.С. и Судейкина в Приложениях 1 и 2), затем, вероятно, в конце октября они переехали в Ялту, где жили на Ломоносовском бульваре, 17 (адрес см.: *Выставка 1*. С. 11) и в пансионе Богдановой на Аутской улице, 22 (см. адрес на конверте письма к Браиловской в комм. к с. 57). О Судейкиных в Крыму см.: *Боулт*. Судейкин; *Salon Album*. См. запись ялтинских впечатлений художника: «Зрительные наблюдения в Ялте: 1. день — пейзаж, воздух, архитектура, движение, все это залито солнцем, 2. день — сумерки, 3. день — полночь, видишь только лицо собеседника».

С. 44

заходит Сорин — в Крыму «Сорин был <...> как я знаю, самым верным и житейски мудрым другом полубольного Судейкина» (*Евреинов 1*, 41. С. 185). О Сорине в Крыму см.: *Боулт Д.Э.* Савелий Сорин в Крыму и Закавказье в 1917–1919 годах // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 2. Иерусалим, 1993.

С. 493–506. Его отзывчивость и верность дружбе позднее неоднократно отмечали подружившиеся с ним в эмиграции Бенуа и Добужинский, а также Сомов, Грабарь и др.

что за гадости — ср.: «Газеты полны сообщений о самом ужасном, что только можно себе представить. Повсюду царит анархия, и никто ничего не делает, чтобы этому помешать. Говорят, нынешнее правительство низложено» (МФ I. С. 219: запись от 21 октября).

Сереза делает с меня набросок — Судейкин писал В.С. множество раз; см., например, его рисунки крымского периода в *Salon Album*: 17b, 72a, S1, S3; см. также упоминание о большом альбоме (50 листов), в котором «Судейкин увековечил ее»: *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Воспоминания // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 2003. М., 2005. С. 139.

подрамник для «Венеры Амуровны» — для нее позировала Вера Артуровна; ср.: «О донна Анна, о моя Венера, / Запечатлею ли твой странный лик?» (Кузмин. Чужая поэма, строфа 12; о поэме см. комм. к с. 62).

432

о поездке на Учан Су — водопад Учан-Су в окрестностях Ялты по дороге на гору Ай-Петри. Видимо, речь идет об одной из экскурсий, которые организовывало ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба (1891–1920); маршрут на Ай-Петри был самым популярным.

Записываюсь в библиотеке — в то время в Ялте было несколько хороших библиотек и читален; см.: *Москвич*. С. 178–179; так, например, при книжном магазине Юлии Владимировны Волковой на Набережной улице находилась одна из «лучших частных библиотек в городе», в которой «было несколько тысяч томов книг на русском и иностранных языках» (*Фоменко И.Ф.* Дом М.П. Решеткина на набережной Ялты // VI Дмитриевские чтения. Ялта, 2002. С. 91–93).

читаю Серезе А. де Ренье — Анри де Ренье (Regnier) (1864–1936), французский писатель, произведения которого любил и впоследствии переводил Кузмин (см.: *Кузмин* 3. С. 363. Примечание 51; *Ренье А. де.* Собрание сочинений: [В 19 т.] / Пер. с фр. под общ. ред. М.А. Кузмина, А.А. Смирнова, Ф. Сологуба. Пг.; Л., 1922–1927).

постановку «Душеньки» — неосуществленная постановка по поэме-сказке Ипполита Федоровича Богдановича (1743–1803) «Душенька, древняя повесть в вольных стихах» (1778) о любви Психеи и Купидона. Античная история, стилизованная под русские народные сказки, неоднократно переиздавалась, в том числе с иллюстрациями гр. Ф.П. Толстого (1820–1833). В бумагах В.С. сохранилась краткая запись об этом проекте Судейкина: «Душенька (балет) по Богдановичу. Представление смешанное, с бытовыми крепостными сценами (мечты и действительность)».

переписку с Карсавиной — Тамара Платоновна Карсавина (в замуж. Мухина, Брус) (1885–1978), балерина Мариинского театра, «богиня воздуха» (*Судейкин* I. С. 193), с 1909 г. постоянная участница Русских сезонов Дягилева; исполнительница главной роли в балете «Трагедия Саломеи» на музыку Флорана Шмитта (преьера 13 июня 1913 г. в Театре Елисейских полей в Париже), оформленного Судейкиным (см.: *Романов*. 7 сентября; *Коган*. С. 73–74; комм. к с. 68 и 263; рисунок Судейкина в сб.: Тамаре Платоновне Карсавиной — «Бродячая собака». [СПб.], 1914. С. [15]; в образе судейкинской Саломеи «смотрит» Карсавина в окна Бюро Добычиной в набросках прозы к «Поэме без Героя», см.: *Ахматова*. ЗК. С. 174); посетительница и участница вечеров «Бродячей собаки» (о «Вечере танцев XVIII в.» 28 марта 1914 г., оформленном Судейкиным, см.: *Карсавина*. С. 274–275; *Судейкин* I. С. 193; *Романов*. 31 августа; *БС*. С. 231–232; *Коган*. С. 87, 184); последний раз на сцене Мариинского театра танцевала в «Баядерке» 14 мая 1918 г.; присоединилась к дягилевской труппе в июле 1918 г. в Лондоне; мемуаристка. См.: *Карсавина*; *Красовская*. С. 274–302; *Золотая книга*. С. 285–287; *БС*. С. 231–232; *Бенуа*. Дневник.

и Дягилевым — с 1913 по 1929 г. Дягилев возглавлял созданную им труппу Русского балета; в конце 1917-го она находилась в трудном положении: ноябрь труппа провела в Лиссабоне, откуда с трудом перебралась в Испанию, а затем в Англию; за весь 1918 г. не было ни одной премьеры. Оказавшись во Франции, Судейкин не сможет продолжить свое сотрудничество с Дягилевым. Но в 1921 г. Дягилев сыграет важную роль в жизни В.С.: благодаря ему она вновь выйдет на сцену (см. комм. к с. 45), нарушив обещание, данное Судейкину; познакомится с И.Ф. Стравинским (см., например, ее рассказ об их встрече в документальном фильме 1965 г. «Stravinsky»), на долгие годы станет его спутницей, а в марте 1940 г. выйдет за него замуж; в 20-х гг. В.С. изготовляла костюмы для Русского балета Дягилева; до сих пор в созданных ею костюмах идет балет С. Прокофьева «Блудный сын» (преьера 1929 г.).

впечатление заграничного городка — ср.: «<Ялта> среди крымских курортников занимает первое место, давно установив за собою репутацию «русской Ниццы»» (*Москвич*. С. 165).

С. 45

В городском саду — см. его описание 1915 г.: «Городской сад с его совсем жалкими курортными учреждениями — курзалом, павильоном для бесплатного чтения газет в сезонное время, рестораном и прочим, не отличается обширностью, хотя и имеет тенистые места, где можно укрыться от зноя. С Пасхи до середины октября играет хороший симфонический оркестр. По вечерам в Городском саду сыро» (*Москвич*. С. 182).

из «Спящей красавицы» — фантастический балет П.И. Чайковского по мотивам сказок Ш. Перро (впервые поставлен в Петербурге в 1890 г.). Впоследствии, в ноябре 1921 г., в Лондоне В.С. сыграла роль Королевы в спектакле дягилевской труппы (см.: *Salon Album*. P. XXV–XXVI).

«Полуночная свадьба» («Le Trefle noir», 1895) — роман французского писателя А. де Ренье.

Скифы, разрушающие свои... храмы! — речь идет об артиллерийском обстреле Московского Кремля во время вооруженного восстания 31 октября – 3 ноября 1917 г., когда были повреждены соборы Большой Успенский, Верхоспасский, Двенадцати апостолов, колокольня Иван Великий, Никольская, Спасская и Беклемишевская башни, Патриарший дворец и другие здания. См.: «Сего 7-го ноября 1917 года...»: Протокол обследования разрушений в Московском Кремле / Публ. В.А. Бессонова // Голоса истории: Сб. науч. тр. Вып. 22. Кн. 1. М., 1990. С. 54–62; подробнее, с документами, цитатами из прессы и фотографиями: *Нестор Камчатский, еп. (Анисимов)*. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.) / Сост. и предисл. Н. Малинина. Репринт. воспроизв. изд. 1917. М., 1995. Ср. с ноябрьской записью 1917 г. из записной книжки М. Цветаевой, сделанной под впечатлением от газетных статей по дороге из Крыма в Москву: «Кремль и все памятники взорваны» (*Цветаева*. С. 179); см. также записи в дневнике Бенуа (с. 207–208, 229), письмо Добужинского к Бенуа от 8 ноября 1917 г. (*Бенуа*. Дневник. С. 230; а также: А.Н. Бенуа и М.В. Добужинский. Переписка (1903–1957) / Сост., подгот. текста и коммент. И.И. Выдрин. СПб., 2003. С. 92–94 (с «мартирологом Кремля»); *Добужинский М.* Расстрелянное искусство: (Мысли художника) // Рус. ведомости. 1917. № 255. 21 ноября). Схрамами Московского Кремля связан роман Судейкина и В.С. (см. запись от 25 июля 1918 г.; *Богомолов, Малмстад*. С. 197).

434

иду к баронессе Штакельберге — жена бар. Э.Л. Штакельберга (Stackelberg), заведующего технической частью Московского товарищества производства электрических углей в селе Кудиново Богородского уезда (с 1899 г.), управляющим которого был отец В.С.; он и его жена были близкими друзьями ее родителей; эмигрировали, жили в Кёльне, в последний раз В.С. виделась с баронессой 22 апреля 1936 г. (см.: *Dearest Bubushkin*. P. 53, 78).

известия от... мамы — Г.Ф. де Боссе приехала к дочери в Крым 31 декабря 1917 г., уехала обратно в Москву 23 августа 1918 г. (см. запись в дневнике за этот день). Она единственная из семьи осталась в России. Последний раз мать и дочь виделась в ноябре-декабре 1925 г. в Париже, откуда Г.Ф., к удивлению своих знакомых, вернулась в Москву, где жила на Покровском бульваре у своего племянника, сына сестры Ольги, впоследствии доктора медицинских наук, профессора Московского областного клинического научно-исследовательского института, профессора радиологии Московского университета Владимира Ивановича Петрова (1905–1967), и работала в химическом институте им. Карпова; умерла в Москве во время войны. «В.А. сообщила, что у нее вчера был двоюродный брат, профессор, с которым она не встречалась чуть ли не с юности. Но она не сказала мне тогда (об этом я узнала позднее), что брат сообщил ей о смерти в войну ее матери, о которой она ничего не знала примерно тридцать лет» (*Стравинская К.Ю.* О И.Ф. Стравинском и его близких. Л., 1978. С. 110–111). См.: *Igor and Vera*. P. 32; *Dearest Bubushkin*. P. 38 (письмо матери от 1928 г.).

Телеграмма от мамы — в своих воспоминаниях В.С. уточняла: «Баронесса Штакельберг принесла мне ее. Мы сидим с нею на балконе и рассуждаем, как привезти сюда драгоценности и деньги».

«*Несчастный ангел*» (Пг.: Дом на Песочной, 1917) — роман Рюрика Ивнева (наст. имя и фам. Михаил Александрович Ковалев) (1891–1981), поэта и прозаика. По его словам, он познакомился с Судейкиным в 1913 г., см. его воспоминания о встречах с художником в Петербурге: О Сергее Судейкине // Литератор. (СПб.), 1991. № 14 (68). С. 5 (или: *Ивнев Р.* Богема. М., 2005. С. 368–371); автографы его стихотворений в *Salon Album*. 97 а–97 б: «Петербург (О как мне горестно, мой город неживой)» и «В.А.С. (Смотря на Вас, Россию вспоминаю)» (ср. с 12-й строфой «Чужой поэмы» Кузмина); а также дневниковые записи Судейкина о встрече с Ивневым в Тифлисе в 1919 г. (см. Приложение 4).

С. 46

Берем... «Историю французской революции» — литература о Великой Французской революции 1789–1794 гг. огромна, и невозможно точно сказать, какую именно книгу и на каком языке читали Судейкины; назовем некоторые из них, опубликованные в России в начале XX в.: *Блос В.* Французская революция: Изложение событий и общественного состояния во Франции от 1789 до 1804 г. / Пер. с нем. Н.С. Тютчева. СПб., 1906; *Минье О.* История Французской революции / Пер. с фр. 6-е изд. СПб., 1906; *Рамбо А.* История Французской революции 1789–1799 / Пер. с фр. СПб., б.г. В то время многие обратились к чтению литературы о Французской революции; см., например: отрывок из письма М.А. Волошина к Ю.Л. Оболенской от 15 ноября 1917 г. о чтении книги И. Тэна «Происхождение современной Франции»: «Если у Вас есть, раскройте последние главы “Якобинского захвата”, где речь идет об августе 1792... Аналогии потрясающие...» (Воспоминания о Максимилиане Волошине: [Сб.] / Сост., коммент. В.П. Купченко, З.Д. Давыдова. М., 1990. С. 668); а также запись в дневнике Р.М. Хин-Гольдовской: «Уж если революция, то — тютелька в тютельку — по французскому словарю!» (с. 577: запись от 7 марта 1917 г.).

435

заходил князь Щербатов — по-видимому, кн. Сергей Александрович Щербатов. О его отъезде из Москвы по совету М.В. Нестерова см.: *Щербатов*. С. 411–413 (автором послесловия высказано сомнение, что он с женой выехал из Москвы в конце 1917 г.: см. с. 444, 641; по словам А. Трубникова, Щербатов уехал из Москвы, когда «большевики крепко осели в Кремле», см.: А.Т. Князь С.А. Щербатов // *РМ*. 1962. № 1863. С. 5). В.С. не называет имени Щербатова, но, судя по упоминанию его жены (см. запись от 5 января 1918 г.), ее описанию и упоминанию его работы (см. запись от 22 мая – 5 июня 1918 г.), В.С. пишет именно о С.А. Щербатове; см. также упоминание о Щербатове в ее воспоминаниях (Приложение 1). В набросках к ним В.С. пишет о нем: «Милый, толстый Щербатов, по-моему, навсегда перепуган большевиками и очевидно не способен предпринять что-либо, сидит дома и дико скучает». О нем в Крыму см. также: *Васильчикова*. С. 427, 431.

Прогулка по парку Эрлангера — вход в парк был с угла Аутской улицы и Лютеранского переулка. «Прекрасный парк Эрлангера приспособлен для лечения методическим восхождением» (Москвич. С. 182). Антон Максимович Эрлангер (1839–1910), «русский мельничный король», основатель мельнично-строительного товарищества «Антон Эрлангер и К°» (1887), ялтинский землевладелец, «свой обширный парк <...> сделал общедоступным местом отдыха» (Нечаев Г.А. Мельник: Москва и Крым Антона Эрлангера // Крымский альбом 1999. Феодосия; М., 2000. С. 70).

Крым отделяется — о событиях в Крыму в конце 1917 г. см.: Зарубины. С. 41–57.

к княгине Орловой — кн. Ольга Константиновна Орлова (урожд. кн. Белосельская-Белозерская) (1872–1923), жена кн. В.Н. Орлова (с 1894 г., разошлись в 1918 г.); эмигрировала в апреле 1919 г. По словам современников, «самая элегантная женщина Петербурга», «первейшая при дворе дама» (цит. по: Лапшин В.П. Валентин Серов: Последний год жизни. М., 1995. С. 82), героиня знаменитого портрета работы Серова (1911, ГРМ); см. также ее портрет работы Бакста (1909, ГРМ). «Она была особой “милой”, любезной, порой даже добродушной, но не особенно “содержательной”. <...> Она знала большой толк в нарядах, которые всегда (и несмотря на свое парижское происхождение) отличались какой-либо, иногда и очень смелой, оригинальностью. В этом причина, почему именно она пользовалась большим фавором среди художников», — писал о ней А.Н. Бенуа (Письмо к А.Н. Савинову от 16 окт. 1957 г. // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников: В 2 т. Л., 1971. Т. 1. С. 425–426); см. также отзывы Судейкина (Приложение 2); *НМ*. Т. 5. С. 255–256. В записи, вероятно, речь идет о ее портрете работы Сорина (см. комм. к с. 60). Упоминания о ней см. у Сомова, а также в крымском дневнике имп. Марии Федоровны (*МФ* 1. С. 187, 236 и др.).

Читали Гофмана — Эрнст Теодор Амадей Гофман (Hoffmann) (1776–1822), один из любимейших авторов Кузмина. В начале века «Амадей Гофман царил во всех умах!» (Милашевский. С. 191). В 1915 г. Судейкиным были созданы эскизы к неосуществленной постановке комической оперы Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана» в театре С.И. Зимина (Коган. С. 114–116). В связи с этим художником, «избороздившим Гофмановы сны», из «Сонета» Ахматовой (1941) может быть и Судейкин. Ср. с мнением Веригиной об оформлении «Привала комедиантов»: «Все созданное здесь Судейкиным определенно указывает на близость художника с искрометной фантазией <...> Гофмана» (Коган. С. 205). В последующих записях В.С. не раз упоминает о чтении Гофмана (см. записи от 13 и 20 февраля, 20 июля 1918 г.).

С. 47

встреча с Палладой — Паллада Олимповна (Олимпиевна) Богданова-Бельская (урожд. Старынкевич, в замуж. также Берг, Дерюжинская, Пэдди-Кобецкая, Гросс) (1887–1968), дочь инженера, генерал-майора Олимпа Ивановича Старынкевича и его

жены Варвары Васильевны; актриса, поэтесса (автор единственного стихотворного сборника «Амулеты», вышедшего двумя изданиями в 1915 г. тиражом 380 и 320 экз.), своеобразнейшая личность своего времени; мемуаристка (к сожалению, по словам В.П. Максимовой (Гросс), писать воспоминания она начала в 78 лет и успела сделать только «краткие и очень путанные в хронологическом порядке зарисовки»). В Петербурге «об этой женщине, о ее капризах, причудах, экстравагантности и взбалмошности ходят легенды. Если Сомов, Бенуа воплощают XVIII в. в своем искусстве, то она его повторяет в собственной жизни, в беспечно-легкомысленном ее течении. Она красива, но не красотой бесспорной красавицы — она неповторима, это больше!» (Милашевский. С. 94); в Ялте «великая блудница» Диана Олимпиевна мелькала, как рыбка, там и сям. Она называла себя «маркой старого Петербурга» (Морозова. С. 130). См. два ее письма к Кузмину (архив Музея Ахматовой в Фонтанном Доме); см. о ней также: РП. Т. 1. С. 299 (ст. Р. Тименчика); БС. С. 253 (примечание 175); Кузмин 2; Берг Б.О. «Не забыта и Паллада...» / Публ. Р. Тименчика // РМ. 1990. № 3852. 2 ноября. С. XI (Лит. прилож. № 11); Иванов Г. С. 194–196, 426–431; Прилежаева-Барская. С. 391, 405–408 (примечание 27); Барон и Муза: Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская / Сост. А.А. Мурашев, А.Ю. Скаков. СПб., 2001; *Salon Album*. 77b, 127c. Судейкин по крайней мере четырежды изображал ее: 1) рисунок «В Бродячей Собаки <sic!> Н. Кульбин и Порт-Артурова» (см.: Ахматова и ее современники. С. 145), 2) портрет к предполагаемой книге ее стихов (см. комм. к с. 143), 3) портрет, представленный на выставке в Тбилиси (см. запись от 20 мая 1919 г.); 4) этюд с «Паллады и Наталочки» (см. записи от 14 и 20 июня 1918 г.). П.О. вышла замуж за Дерюжинского в апреле 1917 г. (венчание состоялось в часовне Академии художеств); по-видимому, вместе с ним по приглашению Юсупова-мл. она уезжает в Крым (о чем Дерюжинский в своих опубликованных воспоминаниях не упоминает), живет в Алуште, Корезе; в Крыму ее дважды арестовывали, сначала белые, потом красные, она была контужена, отчего голова ее всю оставшуюся жизнь была немного набок; в 1921 г. вернулась в Петроград; в 1924-м вышла последний раз замуж — за искусствоведа и журналиста В.Н. Гросса (1903–1935), по 1935 г. они жили в Царском Селе, в Лицее (см. воспоминания О.Н. Высотского: Мера. 1995. № 4 (10). С. 100). За сведения о П.О. и возможность процитировать отрывки из ее воспоминаний приношу благодарность В.П. Максимовой (Гросс), вдове третьего сына Паллады — Эрнста. По ее словам, «Паллада полвека, то есть с 1918 по 1968 г., прожила тяжелую жизнь, и морально, и матерьяльно. Тем не менее, она держалась прекрасно, старалась достойно выглядеть, посещала вернисажи, театр, кино. <...> Она перенесла те же тягбы, что и многие люди: вызовы в КГБ, аресты, дважды, младшего сына, жизнь в коммунальной квартире (одна комната с сыном с 1935 по 1967 г.). <...> Паллада всегда оставалась настоящей женщиной — всегда ухожена, с прической, в шляпках, шарфиках, несмотря на тяжелое состояние здоровья».

идем к Вейнер — Ванда Игнатъевна Вейнер (урожд. Быховец), дочь инженера путей сообщения, действительного статского

советника Игнатия Николаевича Быховца и его жены Евгении Ивановны (урожд. Хотимская), родной сестры второй жены государственного деятеля гр. С.Ю. Витте Матильды Ивановны; жена директора правления Товарищества Вейнеровского пивоваренного завода, выпускника Александровского лицея (1908, курс 64) Николая Петровича Вейнера (1888–1950), покинувшего Россию с войсками Юденича, мл. брата редактора-издателя журнала «Старые годы» Петра Петровича Вейнера (1879–931); до революции жила в доме Вейнеров на Сергиевской, 38; участница Ялтинской выставки 1918 г. (см.: *Выставка 2*. С. 9. № 106: *Nature morte*). Ее портрет 1916 г. работы Сорина демонстрировался на выставке Нового общества художников в 1917 г. (воспроизв. см.: *Искусство*. 1916. № 1/2. С. 23; *Столица и усадьба*. 1917. № 77/78. С. 20; в цвете: Произведения русских и западноевропейских мастеров XVI – начала XX в. из собрания И.С. Зильберштейна: Каталог / Общ. ред. И.Е. Даниловой, Е.С. Левитина. М., 1993. С. 229); см. также ее статуэтку работы скульптора К.К. Рауш фон Траубенберга (воспроизв. см.: *Столица и усадьба*. 1914. № 9. С. 22; 1917. № 76. С. 22; упоминание о ней см.: *Бенуа*. *Дневник*. С. 107–108); позднее, в эмиграции во Франции, в 1925 г., ее портрет писала З.Е. Серебрякова (см.: *Сомов*. С. 295).

438

говорит, что Сазонов — Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927), гофмейстер, министр иностранных дел (1910–1916), член Государственного совета (с 1913 г.); посол Временного правительства в Англии (1917); в 1918 г. возглавлял внешнеполитическое ведомство в Особом совещании при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине; эмигрировал в 1921 г.; мемуарист. О визите Сазонова см. Приложение 1. Сорин написал его портрет (см. Приложение 2), который был на выставке «Малый круг» в Тифлисе (1919). О нем в Крыму см.: *МФ I*. С. 194, 236 и др.; воспоминания Васильчиковой (с. 418, 428–429, 434, 442, 444–445), Урусова (с. 63–64).

хотят прийти к нам — «Я в ужасе – это невозможно, ведь наша комната — не комната, а комнатушка, она же и спальня, и столовая, и кухня, и студия» (В.С. Воспоминания).

17 ноября — в архиве В.С. сохранилось несколько листов с «предсказаниями» о будущем России и мира, которые в разное время делали она, Судейкин и их крымские знакомые. Первое по времени записано рукой В.С., авторство не указано, но, вероятно, оно принадлежит Судейкину. «Предсказания. 17 ноября 1917 г. В Крым придут англичане с французами, через три-четыре месяца французы уйдут ввиду революции во Франции, через полгода в Англии будет революция. Добровольческий фронт ослабнет. Большевики войдут в полный контакт с немцами, и в Германии будет большевизм. Через год большевизм будет во Франции. В Америке через один год революция. Меньше чем через год Россия будет объединена в единую большевиками (советская российская республика). Интеллигенция будет вся перерезана, кроме тех, кто перейдет в лагерь большевиков». См. также другие «предсказания» в комм. к с. 108 и 300, а также в записях от 12 и 31 октября 1918 г.

«Пир» Платона — Платон (428 или 427–348 или 347 до н.э.). Об интересе Судейкина к Платону см. в воспоминаниях Веригиной времен Театра Комиссаржевской. «Как-то он пытался завести со мной серьезный разговор о Платоне. <...> Судейкин держал в руках книжку и спросил меня, знакома ли я с диалогами Платона. Я была с ними знакома, не по-настоящему, конечно, но все-таки... Мы заговорили осторожно, оба плавая на поверхности, и мне показалось, что мой собеседник держит книжечку в руках, пожалуй, в первый раз» (с. 199–200); впоследствии, по воспоминаниям американского друга художника, он «любил перечитывать Платона и Аристотеля» (Зорин Ю. Незнакомый Судейкин // НРС. 1975. 28 декабря. С. 5).

С. 48

иметь детей — к этому времени у П.О. было двое сыновей-близнецов от первого брака с С.И. Богдановым — Орест Сергеевич (1906–1962) и Эраст Сергеевич (1906–1998) Богдановы, которые находились на попечении родственников.

Читала Б. де С. Пьер — Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер (Bernardin de Saint-Pierre) (1737–1814), французский писатель, один из виднейших предшественников романтизма, наиболее известен его роман «Поль и Виргиния» (1788).

439

к доктору Грановскому — ялтинский врач Иосиф Данилович Грановский (1865–1937), портрет которого работы Н.И. Альтмана был представлен на выставке «Искусство в Крыму» (1918); эмигрировал (см.: НМ. Т. 2. С. 209).

с Корнель — вероятно, кто-либо из семьи Василия Ивановича Корнеля (1866–1936), владельца электромеханического завода в Москве (основан в 1889 г.), занимавшегося той же отраслью производства, что и отец В.С. (см. о нем: НМ. Т. 3. С. 460).

играют Шумана — Роберт Шуман (Schumann) (1810–1856); под знаком этого композитора, в работе над картиной «Карнавал», навеянной его музыкой, пройдет для Судейкина вторая половина 1918 г. (см. Приложение 2; запись от 23 июня 1918 г., а также комм. к с. 174).

«Седьмое небо» — в списке предполагаемых работ Судейкина есть запись о постановке с таким же названием: «Седьмое небо (проект пьесы). Действие в двух видениях. Действующие лица: 1. мулла, 2. эфенди (артисты-карлики), 3. гурия рая, 4. бык крылатый, 5. птица райская. 1 картина чтение корана, 2 картина седьмое небо. (Содержание философско-эротическое)».

С. 49

ожидается татарский эскадрон — имеется в виду эскадрон Крымского конного полка, нижние чины которого до революции набирались из местного крымско-татарского населения. Полк прибыл из Херсона в Симферополь 11 ноября (четыре эскадрона) и 31 декабря (два эскадрона) 1917 г.; в декабре началось формирование 2-го Крымского конного полка, и полки стали

именоваться 1-й и 2-й Конно-татарские полки; для поддержания порядка в Ялту был направлен 4-й эскадрон 1-го полка под командованием ротмистра К.П. Баженова. См.: Крымский конный Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полк. 1784–1922 / Сост. В.Т. Юрицын, В.А. Эммануэль. Сан-Франциско: Глобус, 1978 (о судьбе полка после Октября 1917 г. см. с. 115–196; о событиях в Ялте в январе 1918 г. см. с. 124–125).

в Петроградскую гостиницу — здание гостиницы с рестораном (бывш. назв. «Отель С.-Петербург») не сохранилось; гостиница находилась в «Новом городе» на Набережной улице (см.: Москвич. С. 171–172).

С нами пошли Эллиоты — вероятно, имеется в виду один из братьев, лейтенантов л.-гв. Преображенского полка: Леонтий Федорович (Фридрихович) или Федор Федорович (Фридрих Фридрихович) Эллиот; их отец, генерал-лейтенант Фридрих Иванович Эллиот (1849 – после 1905) — дядя второй жены отца А.А. Блока.

о Елене Ивановне и таком типе женщин — по-видимому, речь идет о Елене Ивановне Борисовой из повести Кузмина «Картонный домик», прототипом которой является первая жена Судейкина; в повести отражена история отношений Кузмина, Судейкина и Глебовой-Судейкиной.

приговорил солдата к смертной казни — в целях спасения армии и восстановления дисциплины 12 июля 1917 г. Временное правительство единогласно приняло постановление об учреждении военно-революционных судов и о введении смертной казни на фронте (расстрел).

по подозрению Корнилова — Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), генерал от инфантерии (1917); в марте–апреле 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа, в мае–июле — командующий 8-й армией и главнокомандующий Юго-Западным фронтом, в июле–августе — верховный главнокомандующий; 25 августа поднял мятеж против Временного правительства, 27 августа смещен со своего поста, 2 сентября арестован, в ноябре освобожден; уехал на Дон, где вместе с генералом М.В. Алексеевым возглавил формирование Добровольческой армии; с 25 декабря — ее командующий. Корнилов был сторонником решительных действий и требовал от Временного правительства применения исключительных мер, вплоть до введения смертной казни на фронте, а затем и в тылу.

С. 50

По случаю Учредительного собрания — открытие Всероссийского Учредительного собрания было назначено Временным правительством на 28 ноября; многие возлагали на него большие надежды. В этот день были арестованы видные члены кадетской партии. Постановлением Совета народных комиссаров от 20 декабря открытие Учредительного собрания было перенесено на 5 января 1918 г. О подготовке к выборам в Учредительное собрание в Крыму см.: Пасманик. С. 64–73.

портретик с меня в шубке и чалме — возможно, имеется в виду рисунок, сохранившийся в альбоме В.С., с надписями В.С. и Судейкина: «Очень некрасива? — «<Пусть?>, я безумно ус- тала». — «Сейчас и <потом?> я тебя обожаю, Типинька»» (см.: *Salon Album*. S3); см. также другой портрет В.С.: *Коган*. С. 128.

наброском «Волшебного круга» — судя по записи в списке предполагаемых работ Судейкина, эта картина относится к циклу «Жизнь художника» (см. комм. к с. 37). «Волшебный круг. Бродячие артисты: Кузмин, два ангела, Ольга, Артур, Венера с амуром, автопортрет. Освещение: светильник, отбрасывающий тень. Аксессуары: клавишины, зеркало, ручная арфа, книги, мас- ки, стол уставлен яствами, вином, фруктами. Алеша. Распреде- ление фигур видно мной в пансионе Каломийцева».

Стивенсон (Stevenson), Роберт Луис (1850–1894) — англий- ский писатель, автор приключенческих романов.

С. 51

со своим мужем Дерюжинским — скульптор Глеб Владимиро- вич Дерюжинский (1888–1975), сын профессора Петроградско- го университета, редактора «Журнала министерства юстиции» Владимира Федоровича Дерюжинского (1861–1920); соученик кн. Ф.Ф. Юсупова-мл. по петербургской гимназии Гуревича; окон- чил юридический факультет Петербургского университета (1906–1912) и скульптурное отделение АХ (1913–1917); жил в доме отца (Саперный пер., 10); приехал в Крым по приглашению Юсупова-мл.; в описываемое время муж П. Богдановой-Бель- ской (с апреля 1917 г.); позднее написал о ней роман (хранится в его фонде в Syracuse University Archives, USA); участник Ялтин- ской выставки 1918 г. (см.: *Выставка 2*. С. 10. № 118–122); мемуа- рист; эмигрировал в США в апреле 1919 г. (см. запись от 9 мая 1919 г.). См. о нем: *Резникова; ХРЗ*. С. 257–259 (дневник В.С. уточ- няет время пребывания Дерюжинского в Крыму); *НМ*. Т. 2. С. 356; воспроизведение его дореволюционных работ см.: *Кон- даков С. Скульптор Г.В. Дерюжинский // Столица и усадьба*. 1917. № 81/82. С. 14–15; № 89/90. С. 16: рисунок «В мечтах» (предполо- жительно Богданова-Бельская). Автор скульптурных портретов кн. О.К. Орловой (1915), А.Ф. Керенского (1917) и др.; возмож- но, им был сделан карандашный портрет В.С., подписанный «ГД» (см.: *Salon Album*. 41a).

об отъезде в Америку — ср.: «Что меня поражало во всей той интеллигенции, которая тогда собралась в значительном коли- честве в Крыму, <это> было полное отсутствие сознания *ката- строфичности* всего происшедшего, стихийного сдвига земной коры и подземных пластов. <...> Она прежде всего не понимала, что она сама уже не может быть той, какой она была раньше, что она переживает внутреннюю катастрофу, что ей необходимо перестроиться на совершенно новых основаниях, ибо ее нынеш- няя историческая миссия закончилась» (*Пасманик*. С. 168). Раз- говор об Америке, как стране дальнейшей жизни, был связан, вероятно, с тем, что дядя Дерюжинского А.Ф. Дерюжинский был русским консулом в Сан-Франциско. Разными путями и в раз-

ное время в Америку перебрались на время или на постоянное жительство многие из упомянутых в дневнике: Вавич, Давыдов, Дерюжинский, Дроздов, Евреинов, Карабанова, Каринская, Каринский, Лурье, Набоковы, Оболенские, Панина, Сазонова-Слонимская, Сорин, Щербатовы, Якобсон и др.; Судейкин приехал в США в сентябре 1922 г. вместе с группой Н.Ф. Балнева, через полгода он вернулся в Париж, но вскоре вновь уехал и окончательно поселился в Нью-Йорке (о работе Судейкина в Америке см.: *Евреинов 1*, 41. С. 186–194; *Коган*. С. 141–170; *Зорин*). На прощальном вечере Дягилев сказал художнику: «Не понимаю, как ты <...> с твоим талантом, с твоей культурой решил вдруг уехать в Америку — страну бескультурия, наконец... страну — без истории! — Мы соединимся и будем делать историю! — ответил Судейкин» (*Зорин Ю. Незнакомый Судейкин // НРС*. 1975. 21 декабря. С. 5). Художник не только много и с успехом работал для американской сцены, но и отобразил свое видение страны в сериях работ так называемой «Американы», он одним из первых стал писать жителей Гарлема. В.С. перебралась за океан в январе 1940 г. с помощью Стравинского, в августе 1945 г. она вместе с ним приняла американское гражданство.

442

о предполагаемой выставке — см. комм. к с. 61.

у Сумарокова-Эльстона — в Кореизе. После революции и до эмиграции в апреле 1919 г. в своих крымских имениях находились супруги гр. Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон кн. Юсупов-ст. (1856–1928) и кн. Зинаида Николаевна Юсупова (1861–1939) и их сын Ф.Ф. Юсупов-мл. с женой Ириной Александровной и дочерью Ириной (1915–1983). «У нас в Крыму было несколько владений. Два самых больших в Кореизе, на самом побережье, и в Кокозе, более вглубь, в долине меж гор» (*Юсупов*. С. 87). См. записи из дневника З.Н. Юсуповой от января–марта 1919 г. и воспоминания Ф.Ф. Юсупова в: *Красных*. С. 474–536; о жизни в имении кн. Юсупова (гр. Сумарокова-Эльстона) Кореиз см. воспоминания Дерюжинского «В Крыму»; о Кореизе см. также: *Столица и усадьба*. 1914. № 8. С. 10; *Юсупов; Архитектор Краснов*. С. 95–102, 139–140; *Пинхасова Г.А.* Имение «Кореиз» Юсуповых// II Таврические научные чтения. Симферополь, 2002. С. 53–56.

Паллада говорит об Ольге — об их отношениях можно только догадываться; в жизни В.Г. Князева, в его отношениях с Кузминым у каждой была своя роль. См.: дневник Кузмина (*Кузмин 2*). Образы обеих отражены Кузминым в романе «Плавающие-путешествующие» (1915): Богданова-Бельская — прототип Полины Аркадьевны Добролюбовой-Черниковой (ее реакция см. в воспоминаниях Б.О. Берга; ср. с описанием В.С. ее внешности, манер, монологов и пр.); черты Глебовой-Судейкиной угадываются в образе Елены Александровны Царевской (Лелечки), см. запись в дневнике Кузмина, что Судейкины «несколько обижены за “Плавающих”» (*Кузмин 2*. С. 520). См. групповой снимок, сделанный в «Бродячей собаке» осенью 1913 г., на котором обе женщины стоят рядом (*Шульц, Склярский*. С. 86); см. также запись В.С. от 8 сентября 1918 г.

встретил Биленки — Исаак Моисеевич Биленкий (Биленький) (у В.С. также — Беленки) (1889–1950), живописец и график, участник Ялтинской выставки 1917 г. (см.: *Выставка 1*. С. 3. № 4–16). См. о нем: *ХН СССР*. Т. 1. С. 396. В своих воспоминаниях В.С. ошибочно называет его Белкиным (см. комм. к с. 54), встреча с которым, судя по дневнику, произошла через год (см. запись от 7 декабря 1918 г.).

читала Ведекинда — Франк Ведекинд (Wedekind) (1864–1918), немецкий поэт, драматург и актер, автор пьесы «Весенние побеги» («Пробуждение весны», 1891), премьерой которой 15 сентября 1907 г. открылся сезон 1907/08 г. в Театре Комиссаржевской (пер. Г. Федера под ред. Ф. Сологуба, постановка Вс. Мейерхольда, оформление В.И. Денисова).

С. 52

читали Крафта-Эбинга — Рихард Крафт-Эбинг (Krafft-Ebing) (1840–1902), австрийский психиатр, профессор Венского университета, автор трудов по половой психопатологии, из которых наиболее известно исследование «*Psychopathia Sexualis*» (1886; переведено на русский в 1903 г.).

443

встречает... Зельманову — художница Анна Михайловна Зельманова (в замуж. Чудовская, Белокопытова) (ок. 1890–1948), член объединения «Союз молодежи», автор портретов Ахматовой и Мандельштама (1914), с 1912 г. жена критика и сотрудница журнала «Аполлон» В.А. Чудовского; петербургская знакомая Судейкина; по словам Б. Лившица, «женщина редкой красоты»; летом 1917 г. жила в Алуште; участница Ялтинской выставки 1917 г. (как А. Белокопытова), на которую представила портреты Паллады Дерюжинской и Анны Радловой (см.: *Выставка 1*. С. 5. № 51–52); эмигрировала. См. о ней: *ХРЗ*. С. 291; *Кофейня*. С. 17, 30; *Лившиц*. С. 520–521, 697–698.

Феликс Феликсович Юсупов — граф Сумароков-Эльстон-мл. (1887–1967), наследник одной из богатейших семей в России; муж (с 1914 г.) дочери вел. кн. Александра Михайловича и вел. кн. Ксении Александровны, племянницы императора Ирины (1895–1970); участник убийства Г.Е. Распутина; мемуарист; эмигрировал весной 1919 г. Приехав в Крым в начале мая, он в конце того же месяца уехал в Петроград, вернулся в середине ноября 1917-го (см. его рассказ: *МФ 1*. С. 223). О жизни Юсуповых в Крыму после революции см.: *Юсупов*. С. 230–235, 238–244, 250–252; воспоминания Дерюжинского (см. комм. к с. 51); см. также фотографию 1918 г.: *Russia in Photographs*. № 197.

коттедж в татарском стиле — был построен к лету 1915 г. по проекту архитектора Николая Петровича Краснова (1864–1939); не сохранился (см.: *Романовы и Крым*. С. 181; *Архитектор Краснов*. С. 139–140). «Великий князь Александр Михайлович подарил дочери сосновый лесок на скале над морем. Место красивейшее. В 1915 г. мы построили в соснах домик, беленный известью, с черепичной внутри и снаружи зеленой крышею. Домик стоял на склоне, так что был кособок и асимметричен.

У входа — цветочный газон» (Юсупов. С. 243–244; о предполагаемой работе художника не упоминается). «Когда наступила весна, Феликс поселил меня на своей вилле “Сосновая роща”, почти уже отделанной и стоявшей на самом берегу. Вилла граничила с одной стороны с Ай-Тодором, а с другой — с Дюльбером, находившимися близко к нижней дороге, ведущей в Ялту» (Дерюжинский. С. 247).

Сохранился автограф Судейкина, связанный с этим неосуществленным проектом:

«Дом в Сосновой Роще

“Простота неотделима от подлинной красоты” (Motto <девиз>).

Быстрый переезд и холодный день замедлил впечатление, и теперь, вспоминая виденное, хочется проверить мелькнувшие мысли.

Что может быть прелестнее, как постройка дома, связанного с пейзажем. Много примеров в истории архитектуры можно привести, как возникали загородные дома, виллы в Висенпе <Виченце>, построенные гениальным Палладием в содружестве с Паоло Веронезом, где вся работа архитектора и живописца сливалась в один стройный аккорд, характеризующий нравы и потребности патрициев, их вкусы, и оставившие неизгладимый след в истории мировой культуры. А раньше целые города возникали только для того, чтобы охарактеризовать Неаполитанский залив, отразиться великолепным силуэтом на лазурности моря, вызвать зависть в горах и потонуть в извержениях лавы. Конечно, этот пример эстетически связан с пейзажем, нераздельно, как существовавший на фоне лазурного залива, так и застывший в потоках лавы. Нам не дано так цельно мечтать, как мечтали древние художники. Бедность эстетической философии так очевидна в России. У нас не мог бы возникнуть даже Psauguet <Псоро>, а потому так беспощадно и характеризует нас эстетическая неразвитость нашего народа. Но, казалось бы, в Сосновой Роще можно почувствовать здоровый, иглистый запах простой деревенской эстетики. Может быть, несколько подчеркнуто англоязырованный сухостью, но уже приятный тем, что простой.

Все переходы в доме, напоминающие античное, так естественно вяжутся с пейзажем моря и берегов, говорящих о Тавриде, об античной. Вся британская эстетика есть только часть эллинской культуры, а потому так называемый английский модерн, когда он не изломан и может нравиться, всегда напоминает античную простоту форм.

1. Если Вы думаете еще больше связать внешность Вашего летнего дома с пейзажем, то с сосновой рощей вязалась бы лавровая аллея, насаженная вокруг пропилей дома с одной стороны, что отбрасывало бы тень в водоемы.

2. При беглом осмотре комнат я вынес некоторое отсутствие колорита, подчеркнутая простота мне кажется весьма привлекательной, но сухость замысла в расцветке комнат и несколько одинаковой раскраски и обликовки на меня действуют утомительно и напоминают мне не простоту вкуса, а скорей обычность англоязырованной эстетики, стремящейся только к корректной

простоте и бедности воображения. Мне очень нравится целое поле фиалок по склонам горы у дома. Господь Бог так колоритно будет освещать эту однообразную красоту, и замысел человека сделается многоцветным и радостным. Иное дело внутри дома. Монотонность и повторение в цветах, столь свойственные мюнхенскому вкусу и английской эстетике, должны нарушиться естественной деревенской любовью к более сильной, живой окраске, которая составляет необходимость каждой комнаты, ибо цельность всегда будет нарушаться излишними мелочами и пестротой (хотя бы и однотонной) мебели, а потому каждая комната должна обладать своей колористической гаммой, будь то в однотонно раскрашенных стенах, в большом живописном сельском панно-гобелене, и это одно пятно даст всей комнате субъективную прелесть, а нескучную однотонность, корректность белых стен, хотя бы и в сельском доме.

Мне понравилась фаянсовая посуда на камине. Она хорошо характеризует сельскость дома, и как легко нарушить это неподходящими картинами или их отсутствием. Мне кажется, здесь должны были бы висеть какие-нибудь два или три натюрморта, изображающие упрощенные букеты полевых цветов, и натюрморты с фаянсовыми сельскими фигурками, сделанными в упрощенной крупной и колоритной манере. Тогда не нужна была бы перекраска <1 нрзб.> одноцветного больничного характера. Эти пейзажи свяжутся с зелеными ставнями дома и свяжутся со стоящими в вазах свежими букетами, которые наполнят как бы гобеленовым отображением реальных цветов (рефлексы от только что виденного в природе). Я их считаю очень удачными. Мне нравится коробочный стиль маленьких спален. Относительно библиотеки, этой “мансарды на quai Voltaire <набережной Вольтера>”, то ее можно оставить или белой, или выкрасить в бледный цвет выгоревшей слоновой кости или цвета моли.

Проект студии мной понимается так: это та комната, которая нарушает однообразную гигиену очаровательной сельской жизни, которая нарушает отдых, дошедший до пресыщения, в этой комнате небо в верхнем окне должно казаться синее, чем в природе (так как оранжевый цвет вызывает это), луна ярче, чем в натуре, так как она светит в длинное окно. И замысел о маскараде с античными масляными лампами, повешенными в пропилях винограда и глициний, освещающими маскарадные фигуры Диониса в костюме Ватто, Аладина с венецианской кружевной маской, Нарцисса в треуголке и бауте, юного эфеба в фижмах и другие очаровательные маскарадные вымыслы, вся эта пестрота, выражающая какую-нибудь одну музыкальную пьесу или разыгранный балет со словами времен Vestris <Вестриса> и Камарго, весь милый вздор сельской пасторали, написанной нашим русским Verlaine'ом <Верленом> Кузминым, античный-восточный-крепостной быт, весь милый вздор веселья, может быть задуман только в комнате, в которую попадаешь через философию живой мудрости (да, эта комната рисуется мне очень ясно). Какие боги, какие пенаты вызовут к жизни сельских затворников. Рука скульптора и кисть живописца должны создать богов мансарды, которым суждено разбудить дремлющего Диониса для того, чтобы он одел одну из своих масок спящего в тишине сельских гор Силена. К музыке, к этому вызовут

только домашние пенаты мансарды. Все должно быть приготовлено пробуждением веселых богов. Бра с масками, оранжевый цвет для неба, диваны для *<не законч.>*

Проект стены, где камин. Вся стена представляет написанный театральный занавес, написанный очень упрощенно над камином. Фигура Арлекина, слегка приоткрывшая занавес, в узкий просвет видно небо, по углам две маски — разные фигуры, майоликовые или живописные, характеризующие дружбу и ревность.

Относительно маленькой комнаты, жизнь в которой особенно поймется во время маскарада или оживленья на нижних террасах. Я предлагаю изобразить живописание Faublas'a <Фабласа>, или миф о Нарциссе, или 1001 ночь, избранные сказки Шехеразады, или легенды Боккачио — все это миниатюрные акварели или же такой фигурной, декоративной живописи, которая лезет на вас» (Архив IMRC). См. также: Приложение 1.

С. 53

с князем Оболенским — возможно, речь идет о кн. Сергее Платоновиче Оболенском-Нелединском-Мелецком (1890–1978), втором муже (с 1916 по 1924 г.) дочери имп. Александра II св. кн. Екатерины Юрьевской (в первом замуж. Барятинской) (1878–1959), портрет которого работы Сорина был представлен на выставке «Малый круг» (1919); или о кн. А.А. Оболенском.

446

в Мисхор — имеется в виду поселок Новый Мисхор, построенный на землях, арендованных на длительное время у владелицы Мисхора кн. Ольги Петровны Долгорукой (урожд. гр. Шувалова) (1848–1927), статс-дамы, вдовы обер-гофмейстера кн. Александра Сергеевича Долгорукого (1842–1912); приехала в свое имение конце мая 1917 г.; эмигрировала в апреле 1919-го; см.: МФ I (с. 188 и др.); НМ. Т. 2. С. 400. В Мисхоре (у В.С. — Месхор) Судейкины прожили до отъезда из Крыма в апреле 1919 г. «По нижней дороге, за Олеизом, начинается имение Мисхор (116 десятин). Вина имения Мисхор пользуются заслуженной известностью. Недалеко от подвала единственные в Крыму по обширности оливковые рощи. <...> В прибрежной полосе расположен обширный парк с старыми миндальными и кипарисовыми рощами и живописными аллеями. Кроме главного здания, в Мисхоре имеется несколько дач-особняков с кухнями, которые отдаются внаем. <...> Все постройки размещены в большом парке, представляющем живописное и удобное место для прогулок. Имение имеет две версты береговой полосы. В деревне Мисхор, выходящей на верхнее шоссе, имеется несколько дач — Карташева, Пясецкого, Грицаева, Колесникова, Наддачина, Баранова и др. <...> Западная часть имения — Новый Мисхор, разбита на участки, которые сдаются в долгосрочную аренду. <...> Здесь имеется уже несколько дач — Уманского, Ухова, Баулина, Плотниковой, Муравьевой, Чеховой, Садиковой, Хотяинцевой, Келлера, Браиловского и Кульчицкого» (Москвич. С. 253–254).

из Кузмина вновь попало четверостишие — ср.: «Кто-нибудь начинал серьезный и интересный разговор, а Кузмин предлагал гадать по стихам» (Лукницкий 2. С. 24).

Пронеслась, исчезла конница — строки из стихотворения «Я цветы собираю пестрые...» (цикл «Вожатый») из первой книги стихов Кузмина «Сети» (М., 1908; 2-е изд. Пг.: М.И. Семенов, [1915]).

«Россия» спокойна — гостиница, в то время самая большая и комфортабельная в Ялте (открыта в 1875 г.). «В Новом городе, на Набережной улице, находится известная гостиница “Россия”, окруженная садами. <...> Перед гостиницей находится обширный, удобный для прогулок сад с павильоном для музыки. Тут же — кафе-ресторан. Сад-терраса служит любимым местом прогулок приезжих» (*Москвич*. С. 171). В разные годы в ней останавливались М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, А.П. Чехов, М.Н. Ермолова, мхатовцы, И.А. Бунин. См. о ней: *Алипов Н.* «Идым отечества»: Судьба гостиницы «Россия» // Крымский альбом. Феодосия; М., 1998. С. 71–74.

С. 54

Я встретил встревоженного Биленко — ср. с воспоминаниями В.С.: «Пришел Белкин, до крайности встревоженный: “На базаре уже начались драки со стрельбой — уезжайте”».

собрались и поехали — расстояние от Ялты до Мисхора составляло приблизительно 15 км. «Проезд от Ялты в Ай-Тодор, Мисхор и Алупку через Ореанду идет ореандскими виноградниками» (*Москвич*. С. 251).

знакомство с Браиловскими — ср. с воспоминаниями В.С.: «Мы приехали в Мисхор поздно вечером и узнали дачу Браиловских по большому окну мастерской. Прием Браиловских был чрезвычайно гостеприимным. Сережа знал их раньше, десять лет тому назад, в Петербурге. Они нас не хотели отпускать, накормили, напоили и оставили ночевать. <...> Леонид — архитектор, а Римма вышивает ковры, которые она называет gobelenaми. Ей, наверное, за пятьдесят лет, но она чрезвычайно живая, полна всевозможных предприятий — иногда слишком фантастических. Браиловские — Леонид Михайлович (1867–1937), живописец, график, архитектор и сценограф, и его жена Римма Никитична (урожд. фон Шмидт, во втором замуж. Браиловская) (1877–1959), дочь капитана Никиты Кондратьевича фон Шмидта; живописец, художник прикладного искусства, владелица мастерской художественной вышивки в Москве (Хлудовский тупик, 8). В марте 1917 г. они уехали на свою дачу в Новом Мисхоре, эмигрировали весной 1920 г. за семь месяцев до эвакуации из Крыма через Константинополь в Белград, позднее переехали в Рим (см. письмо Л. Браиловского к бар. М. Врангель; *Н!*). Браиловский, в числе других преподавателей МУЖВЗ, подписал в октябре 1902 г. постановление о лишении права «посещения классов до весны 1903 года» учеников Судейкина, Ларионова и Фонвизина; сохранилось одно письмо Судейкина Браиловскому 1912 г. (РГАЛИ). См. характеристику Браиловских и описание их московского дома: «Помню еще маленького, с огромными усами художника Браиловского и его большую некрасивую жену Римму, тоже художницу. Они всегда были в центре творческих событий, их мнение становилось приговором картине, спектаклю,

книге. Но больше всего славились они чрезмерной приверженностью русскому стилю. Их особняк в Лазаревском переулке был построен под русскую избу: деревянные двери, деревянные ступени у входа, за столом деревянные табуретки и неудобные узкие креслица, вышитые занавески, полотенца — все “невсамоделишное”, напоказ. В их мастерской по воскресеньям собирались дамы и под руководством одетой в стилизованные русские одежды хозяйки занимались русской вышивкой. В этой же придуманной обстановке они, правда, устраивали и интересные вечера молодых поэтов и новой музыки. В общем, пара странная, смешноватая, но занятая» (*Гиацинтова С. С* памятью наедине. М., 1985. С. 414–415). О Браиловском см.: *Нащокина. С.* 49–50; *НМ. Т. 1. С.* 398; О Браиловских см.: *ХРЗ. С.* 170–173; а также упоминания в дневниках и воспоминаниях современников: *Хин-Гольдовская. С.* 550; *Сестры Герцык; Лосский Б.Н.* В русском Париже (1927–1935) // *Минувшее. 1997. Т. 21. С.* 66, 68; *Сомов. С.* 367.

448

знали Ольгу — О.А. Глебову-Судейкину; *Серезину сестру* — Софью Георгиевну (в замуж. Дриттенпрейс) (1879 – ок. 1913?); *Владимира Петровича* — Дриттенпрейса (1878 – не ранее 1916), художника, сына архитектора Петра Александровича Дриттенпрейса (1841–1912), он поступил в МУЖВЗ в 1898 г., сотрудничал в журналах «Весь» и «Золотое руно», вторым браком (с 1905 г.) был женат на сестре Судейкина Софье (возможно, это она, «сестра», упоминается Глебовой-Судейкиной в письме к Садовскому 1913 г., см.: *Кузмин 2. С.* 739, примечание 12); до революции жил в доме старшего брата Судейкина Леонида; см. о нем: *Гофман. С.* 244–249; см. их упоминания в дневнике Кузмина за 1909–1910 гг. (*Кузмин 2. С.* 168, 193, 229).

мы узнали их дачу — дача была построена по проекту Л.М. Браиловского в 1900-е гг. (см.: *Нащокина. С.* 49–50).

показала гобелены — образцы рисунков Браиловской для вышивок и гобеленов см.: *Мотивы кружев, вышивок, резьбы: Сб. / Сост. Р. Браиловская. М., б.г.*

Нита Сведомская, дочь... вдовы художника — Анна (Нита) Александровна Сведомская (в замуж. Manuela-Gismondi) (1898–1973), дочь певицы и пианистки Анны Николаевны Сведомской (урожд. Кутукова) (1871–1925) и художника-пейзажиста Александра Александровича Сведомского (1848–1911). А.А. Сведомский, член Петербургского общества художников, получил художественное образование в Дюссельдорфе, как и его брат, исторический живописец Павел Александрович Сведомский (1849–1904); с 1875 г. оба брата постоянно жили в Риме, приезжая на лето в свое пермское имение Михайловский завод. См.: *Дылдин В.А.* Материалы к биографиям Сведомских по документам Госархива Пермской области // *Тезисы докладов и материалы региональной научно-практической конференции «Сведомские в селе З<аводе>-Михайловском».* Чайковский; Сарапул, 1999. С. 5–7; *Клименская О.Г.* Художники Ф.А. Бронников и братья П.А. и А.А. Сведомские // *Сведомские. С.* 14–20; *Талалай. С.* 431, 433. См. также следующий комм. и комм. к с. 153.

историю... ее матери — «Они <братья Сведомские>, как и все почти смертные, иногда испытывали смутную потребность жениться, но удачи в этом не имели до того дня, пока однажды в Риме не появилась и не заинтересовалась ими некая энергичная или эксцентричная соотечественница и, шутки ради, не предложила на себе жениться. <...> бракосочетание состоялось, и в Россию полетели письма с извещением, что “Сведомские женились”» (*Нестеров М.В. Давние дни: Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 267*). Венчание состоялось 30 августа 1896 г. в пермском имении Сведомских Михайловский завод.

С. 55

Приехали домой — «12 декабря мы вернулись в Ялту. <...> В Ялте опять суета. Люди с ума сходят от страха, ждут большевиков, все в панике, только и слышно: что делать? куда деваться?» (*В.С. Воспоминания*).

Бучумов, Николай Михайлович — художник, сын московского купца и домовладельца Михаила Яковлевича Бучумова; участник Первой (с. 5. № 39–50; указан его адрес в Ялте: угол Суворовской, дом Месакусди) и Второй (с. 7. № 92–94) ялтинских выставок; позднее член Владикавказской ассоциации художников (1926–1927), участник выставки во Владикавказе (1926).

449

эскизы для выставки — имеется в виду Первая выставка картин и скульптуры «Товарищества объединенных художников» в здании Ялтинской женской гимназии (см. комм. к с. 61).

съездить к Коровину — к Константину Алексеичу Коровину (1861–1939) в санаторий в окрестностях Ялты, где художник лечился, или в Гурзуф, где у него была дача «Саламбо» (построена в 1910–1912 гг.; см.: *Коровин вспоминает. С. 299–304*); Коровин считал Судейкина одним из своих «лучших учеников» в МУЖВЗ (там же. С. 91; см. также с. 752); в свою очередь Судейкин относился к своему учителю с неизменным уважением и считал себя художником, «идушим от Коровина». См. также анекдот о том, кто помешал Судейкину стать декоратором Мариинского театра — Коровин (с 1910-го главный декоратор Императорского театра) или А.Я. Головин (см.: *Евреинов 1, 41. С. 181*).

Сорин сообщает — ср. с воспоминаниями В.С.: «Встреча с Белкиным, от него узнал, что в Ялте Коровин».

встречаю Сережу с Маковским — по словам С.К. Маковского, он: «Тотчас после “Февральской”, в апреле 1917 года, <...> уехал из Петербурга в Крым, будучи уверен, что никогда не вернется (*Маковский. С. 451*); Маковский активно участвовал в культурной жизни Ялты в 1917–1918 гг.: организовал две выставки, входил в Комиссию по охране художественных сокровищ Крыма, печатался в местной прессе. О его жизни и деятельности в это время см. в его воспоминаниях о В.И. Поле (см. там же. С. 571–577); а также: *Левицкая З.Г. Ялтинские труды и дни С.К. Маковского // VIII и IX Волошинские чтения: Материалы и исследования. Симферополь, 1997. С. 64–66*.

у гостиницы «Франция» — гостиница «Франция» («France») в Ялте не сохранилась, находилась в «Новом городе» на Набережной улице; в ней в начале июня 1918 г. умерла вдова Ф.М. Достоевского Анна Григорьевна.

Коровин не может ехать — 15 декабря 1917 г. Коровин отправил из Ялты заявление: «В Совет преподавателей УЖВЗ в Москве. Будучи больным, прошу Вас, совет преподавателей, выбрать на мое место другого преподавателя — временного или постоянно, как найдете нужным для училища, так как в этом году я не в состоянии заниматься. С уважением к Вам Константин Коровин. Ялта. Санаториум Иванова» (Константин Коровин: Жизнь и творчество. Письма, документы, воспоминания / Сост. и авт. моногр. очерка Н.М. Молева. М., 1963. С. 449). Однако его планы изменились, и в январе 1918 г. он вернулся в Москву, где в конце того же месяца стал членом пластического отдела при Комиссии по охране памятников искусства и старины; эмигрировал в 1923 г.

450

заседает Вырубова! — А.А. Вырубова после Февральской революции была арестована; с марта по июнь 1917 г. содержалась в Петропавловской крепости, затем была освобождена по требованию Петросовета, после чего некоторое время находилась в Свеаборгской крепости, с начала октября 1918 г. жила в Петрограде; с 1920 г. — в эмиграции. Источником слухов явились газетные публикации: «Целые статьи были посвящены мне и Каменевой: пошли легенды, которые окончились рассказами, что я заседаю в Смольном» (*Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы из моей жизни // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 166; здесь же см. подробнее о встрече с Каменевыми и реакцию на нее в печати). Ср. с записью в дневнике Бенуа за 27 ноября 1917 г.: «Брус рассказывал, что Вырубова, попав в Смольный и “выплакавшись на плече Каменевой”, совершенно завоевала все сердца, а пользуясь ее покровительством, стала даже играть там некоторую роль» (с. 290).

С. 56

приходит Билибин — с сентября 1917 по сентябрь 1919 г. Билибин жил на южном берегу Крыма на своей даче в Батилимане (см. комм. ниже), он принял участие в обеих ялтинских выставках; эмигрировал в феврале 1920 г., вернулся в Россию в 1936-м. В статье Г. Лукомского «Как живет и работает Билибин» (Жар-птица. (Берлин), 1921. № 2. С. 33–34) сведения о жизни Билибина в Крыму даны со ссылкой на Судейкина (см. там же. С. 33).

бросила Renee — вторая жена Билибина Р.Р. О’Коннель (см. комм. к с. 40).

рассматриваем Билибинские этюды — на выставке было десять его работ: иллюстрации к сказкам и крымские пейзажи (см.: *Выставка 1. С. 4. № 17–6*).

С. 57

приехать... к Билибину — в Бати-Лиман (Батилиман, у В.С. также Батильман); см. слова Билибина в воспоминаниях В.С.: «Вы переезжаете в Мисхор? Приезжайте лучше ко мне — большеви-

ки туда не придут, там некого резать». Батилиман — кооперативный поселок, расположенный между Ялтой и Симферополем в Байдарской долине. Участок под строительство дач был приобретен в 1911 г. Обществом крымских климатических станций и морских купаний. Среди пайщиков кооператива, организованного «лицами интеллигентного труда и свободных профессий», были видные деятели русской культуры и науки: А.Я. Билибин, В.И. Вернадский, С.Я. Елпатьевский, А.Ф. Иоффе, В.Г. Короленко, П.Н. Миллюков, Г.Ф. Морозов, М.И. Ростовцев, К.А. Станиславский, Л.А. Сулержицкий, Е.Н. Чириков, Н.И. Шнитников, А.М. Ян-Рубан и др. (всего 248 человек). О жизни в Бати-Лимане и Билибине см. мемуары: дочери писателя С.Я. Елпатьевского бар. Лидии Сергеевны Врангель (в первом браке Кулаковой) (1877–1967) «Воспоминания и стародавние времена» (с. 73–98), жены Билибина Р.Р. О’Коннелль (*Билибин* I. С. 151–154), дочерей писателя Е.Н. Чирикова В.Е. Чириковой-Ульянищевой (при участии Л.Е. Чириковой-Шнитниковой; там же. С. 178–179) и Л.Е. Чириковой-Шнитниковой (Вспоминания Билибина / Вступ. Д. Иванова // *НН*. 1991. № 6. С. 30–34), см. также: *Бедарева Г.Я.* Батилиман — Ла-Фавьер // III Дмитриевские чтения. Ялта, 1999. С. 58–61. «Нас было много собственников имени Багы-Лиман, — что значит по-татарски — Западный залив, — переживавших грозное революционное время в этом уголке южного берега Крыма» (*Врангель Л.* С. 73). Билибин начиная с 1909 г. каждое лето жил в Крыму, в 1912-м он приобрел небольшой участок земли в Бати-Лимане, где провел и лето 1917 г.; в сентябре он вновь вернулся и жил в Крыму до октября 1919 г. «Если бы Вы знали, какой у меня прекрасный участок на южном берегу. Там и жилье есть, только пока неудобно жить. Вот получу деньги за “Могилу”, отремонтирую дом и буду в нем жить до могилы», — писал Билибин С.И. Зимину в июле 1913 г. (*Билибин* I. С. 105).

или <в> Мисхор — в архиве В.С. сохранился черновик ее письма к Браиловской с проставленной позднее датой «16 декабря 1917»: «Ялта, Аутская, 22, пансион Богдановой. Милая Римма Никитишна. Так как приходится говорить по телефону от соседей, то я предпочитаю написать письмо. Во-первых, относительно нашего переезда: ввиду того, что Сергей Юрьевич решил участвовать на выставке, мы можем переехать, к нашему большому сожалению, не ранее как на второй день после открытия выставки, то есть 27 декабря. Если почему-либо Вам неудобно держать комнату так долго пустой, то считайте ее за нами с 15-го числа. Нам очень, очень хочется переехать к Вам». Судейкины переехали из Ялты в Мисхор 24 декабря.

на выставку — выставка располагалась в здании Ялтинской женской гимназии на Гимнастической ул., 4.

в Севастополе расстреляны — «В эти дни, 15–17 декабря, полуостров потрясли “ужасы, которые пережило население Севастополя”, матросами были убиты “как минимум, двадцать три офицера” (*Зарубины*. С. 53); по данным подполковника Н.Н. Кришевского «всего погибло 128 отличных офицеров» (*Кришевский*. С. 341); подробно о событиях в Крыму (в частности, в Севастополе) в декабре 1917 г. см. там же. С. 335–344).

у князя Оболенского (*портрет Сорина*) — вероятно, имеется в виду портрет кн. С.П. Оболенского-Нелединского-Мелецкого (см.: «Малый круг». С. [8]. № 68), см. также его упоминание в стихотворении А.А. Городецкой «Певец старинной красоты», посвященном Сорину: «Потомок вековых колен, / Князь Оболенский мнет печатку» (*Salon Album*. 7b); но, возможно, речь идет о портрете кн. А.А. Оболенского или портрете его жены кн. Л.П. Оболенской (см.: *Выставка 2*. № 180; частичное воспроизв. см.: *Коробко*. Вкл. 19).

на *городскую станцию* — Южных железных дорог, находившуюся на Набережной в Черноморском тупике (см.: *Москвич*. С. 176–177).

Бакст в Крыму! — Лев Самойлович Бакст (Розенберг) (1866–1924). Судейкин познакомился с ним, вероятно, в Париже в 1906 г. на выставке русского искусства в Осеннем салоне, а в 1912–1913 гг. для Русских сезонов он исполнил «в Париже ряд трудных и затейливых по заданию декораций, согласно с капризными эскизами капризного Бакста. Три балета — “Полдень Фавна” Дебюсси, “Дафнис и Хлоя” и “Тамара”, и драма “Саломея” О. Уайльда (с Идой Рубинштейн) — вот задачи, срочно разрешенные Судейкиным на парижском экзамене, под контролирующим оком Бакста» (*Евреинов 1*, 41. С. 175; см. также комм. к с. 68). В 1910 г. Бакст поселился в Париже, приезжая в Россию лишь на время; в конце 1912 г. он получил предписание покинуть Петербург, в феврале 1914 г. ходатайство о предоставлении ему вида на жительство было отклонено императором, в мае того же года он был избран академиком, но, несмотря на то что это давало ему наконец право на свободное проживание в любом месте России, художник посетил Петербург последний раз в январе 1914-го; по словам Бенуа, он «дал себе клятву никогда больше в Россию не возвращаться» (*Бенуа*. Воспоминания. Т. 1. С. 627). «Невероятное известие» оказалось ложным, но его имя успели внести в каталог Первой выставки с местом жительства: «Новый Мисхор, д<ом> Браиловского» (с. 4. № 2–3), в судейкинском экземпляре оно исправлено на «Зак» (см. комм. к с. 59). Впоследствии, в 1920-х, общался с В.С. в Париже и написал ее графический портрет (см.: *Igor and Vera*. P. 54–55).

Петренко (Грайворон), Александр Григорьевич — художник, участник Первой выставки (с. 10. № 133–141), жил в Ялте по адресу: Бассейная, 15.

забракованных вещей Краснушкиной — на Первой выставке были работы Е.З. Краснушкиной (см. каталог: с. 8. № 115–166, с ее адресом: «Новый Мисхор, дом Чехова»).

С. 59

начала учить... немецким словам — позднее В.С. с благодарностью вспоминала свою гувернантку фрейлейн Эрну, которая дала ей второй язык — немецкий.

кафе Джалита — кафе при гостинице «Джалита» («Маленькая Ялта»), находившейся на Набережной улице, напротив Алек-

сандровского сквера. «Гостиница-дача устроена в швейцарском стиле, утопает в зелени. Кругом цветники и фонтаны. В “Джалите” 150 комнат и табль д’от» (*Москвич*. Вкл. между с. 160–161, с. 172).

господство большевиков — об этом периоде см. также: *Врангель Л.* С. 89–98: Большевики в Ялте (зима 1917/18).

сев... в наполеоновскую позу — см. комм. к с. 81.

все выставить — в каталоге Первой выставки (с. 11) указаны следующие работы Судейкина: «№ 154: Икона и цветы; № 155: Комедианты; № 156: Седьмое небо (декоративный эскиз), этюды и наброски» (см. также Приложения 2 и 3).

оказался... Заком! — художник Лев (Леон) Васильевич Зак (1892–1980), ученик И.И. Машкова, участник выставок «Мир искусства» (1916–1917); участник Первой (с. 3. № 2–3) и Второй (с. 10. № 129: «Портрет госпожи <В.Е.??> Копельман») ялтинских выставок; эмигрировал в апреле 1920 г.; см. о нем: ХРЗ. С. 280–283 (без указания его участия в ялтинских выставках).

Начальница водит меня — Варвара Константиновна Харкевич (урожд. Сытенко) (1850–1932), основательница и начальница Ялтинской женской гимназии (1877–1920-е), близкая знакомая семьи Чеховых.

453

С. 60

острит с Дубинским — участник Первой выставки (см. каталог: с. 7. № 86–88: Три архитектурные проекта; Приложение 2); вероятно, архитектор Михаил Анатольевич Дубинский (1877 – не ранее 1945), который с 1916 г. работал в Крыму по проектированию и строительству курортов (Евпатория, Гурзуф, Симеиз и др.), друг Маковского; эмигрировал в 1920-м. См.: Приложение 2; *Серков*. С. 316.

портрет <О.К.> Орловой — экспонировался на Второй Ялтинской выставке (см.: *Выставка 2*. С. 15. № 178; а также на второй выставке «Малый круг» (с. [8]. № 64); см. упоминание о нем: Приложение 2), воспроизведен в журнале «Жар-птица» (Берлин, 1921. № 4/5, ил. между с. 4–5), в 1929 г. Сорин называет его среди десяти своих «наиболее отмеченных» работ (письмо к бар. М.Д. Врангель; *Н1*). См. упоминание о нем в стихотворении А.А. Городецкой, посвященном Сорину: «И, полн порочной глубины, / Тигриный взор Орловой ранит» (*Salon Album*. 7b). О кн. О.К. Орловой см. комм. к с. 46. До Сорина портреты Орловой писали Серов и Бакст.

перевод Овидия — «Зная хорошо латинский язык, Иван Яковлевич стал трудиться над переводом “Метаморфоз” Овидия. Миф об Аполлоне и Дафне был переведен звучным гекзаметром», — писала жена Билибина Р.Р. О’Коннель, вспоминая о своем первом лете в Бати-Лимане в 1912 г. (см.: *Билибин 1*. С. 152).

Томсон Холь — название дачи Браиловских.

Встреча с Долгоруким — вероятно, кн. Сергей Александрович Долгорукий (1872–1933), генерал-майор свиты; сын владелицы Мисхора кн. О.П. Долгорукой; состоял при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны с 1915 г. до конца ее жизни (постоянно упоминается на страницах ее крымского дневника, см.: *МФ 1*). Жил в Петербурге в родительском доме на Галерной, 77, после женитьбы — на Мойке, 120. В Крыму 28 мая 1917 г. умерла (возможно, покончила жизнь самоубийством) его жена (с 1914 г.) Ирина Васильевна (урожд. Нарышкина, в первом замуж. гр. Воронцова-Дашкова) (1877–1917), см. о ее смерти: *Урусов*. С. 61; *МФ 1*. С. 186–188; письмо имп. Марии Федоровны (*МФ 2*. С. 49). Находился в Крыму вместе с матерью и дочерью Ольгой (1915–?) в Кореизе и Хараксе; эмигрировал в апреле 1919 г. См. о его визите к Судейкиным в записи от 6 июля 1918 г. Судя по дневнику В.С., был в близких отношениях с Глебовой-Судейкиной. В конце октября-начале октября ездил в Петроград и мог рассказать Судейкиным о своих впечатлениях (см.: *МФ 1*. С. 222). См.: *НМ*. Т. 2. С. 400. Менее вероятно, что имеется в виду его младший брат — Петр (1883–1925).

454

к *Хотяинцевой* — Александра Александровна Хотяинцева (1865–1942), художница-карикуристка, педагог; вместе с Е.Н. Званцевой создала художественную школу в Москве (1899–1906), в которой преподавали В.А. Серов, К.А. Коровин, Н.П. Ульянов; позднее, в 1923 г., организовала художественную студию вместе с Т.Л. Сухотиной-Толстой. Соученица М.П. Чеховой по вечерним классам Строгановского училища, адресат А.П. Чехова (сохранилось 13 его писем к ней) и автор воспоминаний о нем (см. первую публ. и биогр. заметку к ней П.С. Попова: Хотяинцева); владелица дачи в Мисхоре (см. также комм. к с. 202); участница выставки «Искусство в Крыму» (с. 18–19. № 260–268); в конце 1920-го была вынуждена покинуть свой дом, преподавала рисование в частной школе в окрестностях Ялты (см.: *Павлова В.Н.* Воспоминания // *НРС*. 1973. 14 января. С. 4), затем вернулась в Москву. По словам Бориса Зайцева, в молодости она была «смешливая и приветливая, с высоким узлом волос на голове» (*Зайцев Б.* Москва. Мюнхен, 1960. С. 13). М.П. Чехова писала о ней: «Она бесспорно была талантливым человеком, но недостаточно цельной натурой, слишком много распылялась по мелочам и только поэтому не создала ничего значительного. Она была к тому же очень способным и тонким карикатуристом, ее рисунки публиковались в журналах и газетах» (*Чехова М.П.* Из далекого прошлого. М., 1960. С. 173).

С. 61

Подарки я получила — 25 декабря — день рождения В.С. Ей исполнилось 29 лет.

подарок мне — в этот день В.С. получила от Судейкина еще один подарок. «25 декабря 1917 года. Новый Месхор. У Браиловских. Признание. Читать только моей жене. Хвала тебе, о земля, создавшая мою жену; до сих пор пребывавший в полузрении, я увидел совершенство мира. Нужны были миллионы сил, миллионы смертей, проклятий, неверий, чтобы луч солнца осветил тех,

кому суждено видеть. Бледное слово, бледная мысль, или замерзает она, несясь в бесконечном времени, стараясь остановить мгновение солнца. Всегда говорит и мыслит взгляд, без слов, без мыслей. Вижу я мир, как один атом, и в каждой частице вижу мир. Человек — это единое, состоящее из бесконечных миров. Зрением понимаю я, а не мыслями вижу. И теперь сколько страдания и наслаждения получаю я от совершенного дара, данного мне жизнью, моей женой. Весь пройденный путь воспитания, взгляда и чувств для того, чтобы принять прекраснейшую из существующих женщин. Клянусь Аполлоном, видеть жизнь с той божественной ясностью, в которой нахожусь теперь. Клянусь мыслить так ясно, что мысли мои будут зрением; та свежесть, вечно новая, которая в природе, пусть <будет> неразрывно связана с моей женой. Что могу я дать? кроме сердца, вынужтого собственной рукой для моей прекрасной дамы. Твердость и уверенность в божественном даре, данном нам для решения и продления жизни, уверенность в чудесности жизни, в том, что все совершенно, что все глубоко и нам лишь слегка приоткрыто. А человеческие прозрения умирают на первой ступени знания, не достигнув большего».

455

Вернисаж — в Первой Ялтинской выставке принял участие сорок один художник, профессионалы и любители, как местные жители, так и приезжие: Адамик, М.А. Алисов, Х.Д. Алчевская, А.М. Белокопытова (Зельманова), И.М. Биленкий, И.Я. Билибин, Г.Г. Бояджиева, Л.М. Браиловский, Н.М. Бучумов, С.М. Бюнтинг, В.С. Васильев, Е.И. Висниовская, А.В.В., В. Горшанов, Н. Гульч, <М.А. ?> Дубинский, А.И. Жирнов, <Л.В.> Зак, О.П. Зеневич, Е.Н. Ильина, М.Н. Ильина, Ю.А. Ковако, Е.З. Краснушкина, <П.С.> Крыжановский, Е.Э. Куртэн, И.П. Махлис, П.А. Нилус, И.М. Пантюхова, Н.М. Пантюхова, И.Л. Пеньковский, А.Г. Петренко, Е.О. Плотницкая, М.И. Радзишевская, И.А. Роджеро, В.Д. Серебрякова, С.А. Сорин, С.Ю. Судейкин, В.И. Соснин, Н.Э. Ульман, Л.П. Шаповалов, В.К. Яновский. Был издан каталог выставки (см.: *Выставка 1*); не учтена в таблице выставок на Юге России 1917–1920 гг. (см.: *Еремеева*. С. 171); см. также Приложение 2.

идем в Алуэту — об Алуэте, еще сохранившей прежний облик, см.: *Ковалевская Н.А.* Алуэта начала XX в.: (По материалам газеты «Русская Ривьера») // IV Дмитриевские чтения. Ялта, 2000. С. 41–46. «Полновластной хозяйкой этого небольшого южнобережного селения с 1904 г. вплоть до революции была жена наместника царя на Кавказе, внучка М.С. Воронцова, Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова. Будучи деятельной и энергичной, она сдавала земли алуэтинского майората в долгосрочную аренду, прокладывала водопроводные линии, курировала школу, жертвовала церкви, возводила собственную электростанцию и строила многочисленные павильоны. <...> Ученые считали долину Алуэты самой теплой, пригодной для выращивания нежных экзотических растений, а также врачующей больных туберкулезом. Неудивительно, что именно здесь селились профессора и доктора медицины. <...> Популярность Алуэты как курорта росла год от года, что требовало расширения инфраструктуры, реконструкции старых и возведения новых отелей,

пансионов и магазинов. Накануне первой мировой войны в селении насчитывалось три санатория, один частный противотуберкулезный пансион, 60 пансионатов и свыше 120 крупных дач» (там же. С. 41–44).

разговор... с Сориним — см. подробнее: «Сорин телефонизирует нам из Ялты отчет о вернисаже: продано уже на четыре тысячи, и мы мечтаем купить десятину и соорудить домик. “Сережа, давай больше не будем говорить об эмиграции, тут так хорошо живется. Вот наконец настала беззаботная жизнь. Я уверена, что она будет продолжаться, и политическое положение улучшится”. Мы перезнакомились со всеми соседями, с некоторыми подружились, некоторых “выкинули из репертуара” и были счастливы наедине друг с другом, работая непрерывно, Сережа над живописью, я организую уютную жизнь, рисую и пишу дневник» (В.С. Воспоминания).

Дроздов, Владимир Николаевич (1882–1960) — пианист и композитор; родился в Саратове; в 1904 г. окончил Петербургскую консерваторию (класс А.Н. Есиповой), где преподавал в 1907–1917 гг. (с 1914 г. профессор); в 1905–1917 гг. выступал с концертами в Петербурге, Москве и других городах России, а также в Германии; в основе его репертуара были произведения Шумана, Шопена, Мендельсона, Листа, Чайковского, Рахманинова, Метнера; после Крыма оказался на Кавказе; эмигрировал в 1923-м. См. упоминание о нем: Приложение 2.

456

Блуменфельд (у В.С. — Блу, Блумен, Блю, Блуменфельд), Феликс Михайлович (1863–1931) — пианист, дирижер, композитор; окончил Петербургскую консерваторию (1881–1885); профессор Петербургской (1885–1907, 1911–1917), Киевской (1920–1922) и Московской (с 1922 г.) консерваторий; концертмейстер и дирижер Мариинского театра (1895–1911), участник Русских сезонов Дягилева (Русские исторические концерты 1907 г., дирижировал оперой М.П. Мусоргского «Борис Годунов» в 1908 г.); с осени 1918-го два года был директором Высшего музыкально-драматического института им. Н.В. Лысенко в Киеве; впоследствии заслуженный деятель искусств РСФСР (1927); дядя пианиста Г.Г. Нейгауза. Был в дружеских отношениях с В.В. Стасовым, Н.А. Римским-Корсаковым, А.Г. Рубинштейном, А.К. Глазуновым и многими другими композиторами, музыкантами и художниками. По состоянию здоровья после 1909 г. отошел от активной исполнительской деятельности и занимался в основном педагогической работой. Бенуа в воспоминаниях дал ему следующую характеристику: «Для руководства всей музыкальной частью нельзя было найти лучшего мастера дела, нежели Феликса Блуменфельда, милейшего человека и на редкость чуткого дирижера» (Бенуа. Воспоминания. Т. 2. С. 479). См. о нем: *Расстончина Н.М.* Феликс Михайлович Блуменфельд. Л., 1975; *В.С.* С. 209, а также воспоминания его внучки, дочери сына: *Анастасьева*. В них и в монографии Расстончиной сказано, что летом 1918 г. Блуменфельд переехал из Петербурга в Киев, но, судя по упоминанию в дневнике В.С. его дочери Нины (см. с. 229 наст. изд.), с декабря 1917 до середины лета 1918 г. он жил в Крыму, где находилось имение родителей его рано умершей жены Марии

Викторовны Анастасьевой — «Магарач»; с ним, по-видимому, находились и все три его дочери: Нина, Ольга и Наталья.

Я впервые дежурная — см. воспоминания В.С.: «Она <Браиловская> создала в Мисхоре кооперативную столовую, кто хотел участвовать, должен был готовить на кухне два дня, закупать в Алушке все продукты и в конце двух дней высчитывать, сколько приходится на человека».

С. 62

о моем первом браке — о первом муже В.С., «некоем» Лури (Люри), и их кратком браке (1910) никаких сведений не сохранилось, кроме того, что ее родители были им недовольны (см.: *Igor and Vera*. P. 40; *Dearest Bibushkin*. P. 5; в воспоминаниях Т. Табидзе В.С. названа «Лури-Судейкиной»: см. комм. к с. 370); во втором браке (с 1912 г.) В.С. была замужем за Р.Ф. Шиллингом.

«*Чужая поэма*» М.А. Кузмина, посвященная роману В.С. и Судейкина, была написана в 1916 г., впервые опубликована, вероятно при их содействии, в журнале «Орион» (Тифлис. 1919. № 5. С. 3–6) с датой «1916 г., апрель, Пасха» и посвящением «Дорогим С.Ю.С. и В.А.Б.». См. воспроизведение автографа в виде самодельной книжечки: *Salon Album*. 17а (без 12-й (11-й) строфы и с разночтениями в строфах 5: «Синеет роскошь...», 8: «...сжал вам плечи», 10: «Твой взор смеялся, грустен и широк: / «Не надо... нет... не вспоминай печали!» / ... / Над нами реял белый голубок»); историю поэмы со слов В.С. см.: *Богомолв, Малмстад*. С. 196–198; см. также комм. к с. 197.

457

читаем рецензию — не имея возможности ознакомиться с ялтинскими газетами этого периода, к сожалению, не можем привести сведения об откликах на эту выставку.

письмо к Рериху — Николай Константинович Рерих (1874–1947), член-учредитель и председатель комитета общества «Мир искусства» (1910–1913); как и Судейкин, участвовал в Выставке русского искусства, организованной Дягилевым в Осеннем салоне в Париже в 1906 г.; в 1913-м Судейкин принимал участие в исполнении декораций по эскизам Рериха к балету Стравинского «Весна священная» для Русских сезонов. В декабре 1916 г. Рерих поселился в Сердоболе (Карелия), до января 1918-го часто бывал в Петрограде (см.: *Бенуа*. Дневник).

С. 63

приехала мама — из Москвы.

с... Ириной Сергеевной — Шаминой, дочерью Сергея Валерьяновича Шамина, надворного советника, члена правления первого Русского общества взаимного страхования от падежа животных. В 1916–1917 гг. жили в Петербурге на Пантелеймоновской ул., 5.

четыре упряжки — см. гл. XXXVIII трактата Л.Н. Толстого «Так что же нам делать» (1882–1884): «Мне представляется так: день всякого человека самой пищей разделяется на 4 части, или

4 упряжки, как называют это мужики <...>. Деятельность человека, в которой он, по самому существу своему, чувствует потребность, тоже разделяется на 4 рода: 1). деятельность мускульной силы, работа рук, ног, плеч и спины — тяжелый труд, от которого вспотеешь; 2). деятельность пальцев и кистей рук, деятельность ловкости мастерства; 3). деятельность ума и воображения; 4). деятельность общения с другими людьми. <...> И мне представилось, что лучше бы было чередовать занятия так, чтобы упражнять все четыре способности человека и самому производить все четыре рода блага, которыми пользуются люди, так, чтобы одна часть дня — первая упряжка — была посвящена тяжелому труду, другая — умственному, третья — ремесленному и четвертая — общению с людьми». С середины 80-х годов XIX в. трактат распространялся нелегально, первое отдельное издание вышло в 1906 г. в издательстве «Посредник».

у *Чернояровых* — Василий Лазаревич Чернояров, купец, владелец Трипольского чугунолитейного и механического завода (основан в 1858 г.) под Киевом, и его сын Михаил Васильевич с женой Ниной Александровной.

458

Жакье, Жан (Jaquie, Jean) — француз, скульптор; впоследствии, по-видимому, муж М.И. Мухиной. См. его записи от 1919 г.: *Salon Album* (40, 54а и примечания к ним: р. 31, 42, 52).

Обед в «Метрополе» — ресторан гостиницы «Метрополь» считался одним из лучших в Ялте; гостиница находилась на углу Виноградной и Боткинской улиц; построена по проекту архитектора О.Э. Вегенера.

Встретили княгиню Щербатову — кн. Полина (Павлина) Ивановна Щербатова (урожд. Розанова) (1882–1966), жена кн. С.А. Щербатова; по происхождению из крестьян Тульской губернии, до замужества (в 1904 г.) работала медсестрой в сельской больнице; ее портрет писал Суриков (1910, Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева), ее скульптурный портрет исполнил К.К. Рауш фон Траубенберг (10-е, ГТГ), подготовительные эскизы к ее портрету — одна из последних работ В.А. Серова (1911, ГТГ); эмигрировала вместе с мужем. См. о ней: *Щербатов* (см. там же воспроизведения ее портретов). Даты ее жизни уточнены в: *Тестаччо*. С. 123.

С. 64

Поли — Владимир Иванович Поль (1875–1962), композитор, пианист (окончил Киевскую консерваторию), участник ялтинской выставки «Искусство в Крыму» (см. с. 14. № 174, 175; учился живописи у Н.Н. Ге), в эмиграции — один из основателей Парижской консерватории им. С. Рахманинова, ее профессор и директор; и его вторая жена Анна Михайловна Петрункевич (сценический псевдоним Ян-Рубан, у В.С. также — Ян Рубан; в первом замуж. Маевская) (1874–1955), певица, педагог; по матери внучатая племянница М.А. Бакунина, ее отец — врач и земский деятель М.И. Петрункевич (1845–1912), брат лидера партии кадетов И.И. Петрункевича, женатого на матери графини С.В. Паниной,

в усадьбе которой, в Гаспре, жили в описываемое время Поли. «У Петрункевичей в Гаспре гостила его племянница, известная певица Ян-Рубан. Это была настоящая серьезная артистка, с тонким художественным вкусом и сильным музыкальным темпераментом. Кроме того, она была премилая женщина. Она жила, кажется, в гражданском браке с неким Владимиром Ивановичем Полем, большим оригиналом, тоже очень милым человеком и музыкантом. Он аккомпанировал жене» (*Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 163). По мнению Васильчиковой, Поля «природа наделила положительно всеми дарами» (с. 448). «Он <Поль> был благоговейным учеником Римского-Корсакова и страстным ненавистником Стравинского. Его музыкальному таланту сопутствовал талант живописца-рисовальщика, физические и духовные качества подлинного йога и несусветное, ставшее баснословным, чудачество» (*Лосский Б.Н.* Наша семья в пору лихолетья, 1914–1922 // *Минувшее*. 1991. Т. 11. С. 160). См. также: *Маковский*. С. 560–579; *Вернадская Н.В., Вернадский Г.В.* В Крыму // *НЖ*. 1971. Кн. 105. С. 208–209; *Шаховская; Мищенко А. В.И.* Поль: [Некролог] // *Вестник РСХД*. Париж; Нью-Йорк. 1962, № 865. С. 55–57; *НМ*. Т. 5. С. 559. *Серков*. С. 655–656; музыкальные записи Поля 1918 г. см.: *Salon Album*. 37d, 39a. Возможно, Судейкин познакомился с Полем в редакции журнала «Аполлон» в 1909 г.; несомненно, он виделся с ним и Ян-Рубан в марте 1914-го в «Бродячей собаке» на Карсавинском вечере, участниками которого они были (см.: *БС*. С. 231); возможно, Поль также общался с Судейкиным и в Москве в Камерном театре (он автор музыки к спектаклю «Сакунтала» по драме Калидасы, премьерой которого открылся театр 25 декабря 1914 г.).

Тищенко (в замуж. Квиль), Вера Георгиевна (Юрьевна) — дочь Августины Исааковны и Георгия (Юрия) Макаровича Тищенко (парт. псевд. Титыч) (1856–1922), дворянина, инженера-техника (образование получил в мюнхенском Технологическом институте), бывшего члена организаций «Земля и воля» и «Черный передел» (арестован в 1883 г. и сослан на три года, после чего отошел от революционной деятельности), впоследствии ставшего управляющим нефтяной фирмы «Каспийское товарищество», председателем правления Урало-Кавказского акционерного общества «Лахта гр. Стенбок-Фермор и К°», директором правления акционерного общества Верхне-Исетского горного и механического заводов; см. о нем: *Деятели*. Вып. 4 (1932). Стлб. 1708–1711. В годы войны В.Г. — патронесса петроградского городского лазарета № 162 им. Президента Французской республики; близкий друг Сорина, ее портрет его работы экспонировался на выставке «Искусство в Крыму» (с. 15. № 181) и «Малый круг» (с. [8]. № 66), воспроизведен в журнале «Жар-птица» (Берлин, 1921. № 2. Цв. вкладка после лицевой обложки; см. также воспроизв. его варианта или копии без указания имени изображенной: *Пинакотекa*. 1998. № 6/7. С. 121). В эмиграции, во Франции, дружила с первой женой Судейкина Ольгой; см. письмо Глебовой-Судейкиной к ней с обращением: «Мой чудный, драгоценный, ни с кем не сравнимый друг»; а также: *Мок-Бикер*. С. 192; ей адресовано письмо Н. Милиоти о смерти Глебовой-Судейкиной (см. там же. С. 77); см. также упоминания о двенадцати куклах работы Глебо-

вой-Судейкиной и картине «Танец» из собрания В. Квиль: *Мок-Бикер*. С. 170–171.

О *Сомове* — Константин Андреевич Сомов (1869–1939), «с его пленительной интимностью и изысканною нежностью красок и линий», по мнению А.Н. Чеботаревской, оказал несомненное влияние на творчество Судейкина (см.: Художник С.Ю. Судейкин // Новая жизнь. СПб., 1914. № 2. С. 170); сравнение их творчества см.: *Маковский*. С. 698; *Евреинов* 1, 41. С. 184. Кузмин «из “Мира искусства” выше всех ставил Сомова. Судейкин ревновал к этому отношению к Сомову!» (*Гильдебранд* 2. С. 268). См. также упоминания Судейкина: *Сомов*.

много неприятных новостей — живший в то время в Ялте в качестве частного лица бар. П.Н. Врангель вспоминал: «8 января утром по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами крымских драгун, расположенных в Ливадийском дворце, и местной красной гвардией, что крымцы отошли в горы и власть в городе захвачена советами. Около полудня, от имени советов, появились прокламации, указывающие на то, что отныне единственную властью в городе является местный совет, требующий немедленной сдачи обывателями всякого оружия. Под вечер прибыло в город судно, и высадившиеся матросы, руководимые членами местного совета, приступили к повальным обыскам» (*Врангель П.* Ч. 1. С. 54).

Ялту захватили большевики — в ночь с 8 на 9 января в Ялту из Севастополя прибыл миноносец «Гаджибей», и десант из двухсот матросов вступил в сражение с эскадронцами; в течение 9–15 января город переходит из рук в руки; бои закончились 16 января, власть перешла к Советам до конца апреля. О событиях тех дней см. воспоминания очевидцев: «В Ялту прибыли матросы <...> 9 января. Они полагали, что татары и русские офицеры им окажут сопротивление. <...> Татары, не имея пушек, боя не приняли и ушли на следующий день в горы. Матросы, несмотря на это, обстреливали Ялту и следующий день. 11-го они заняли весь город. Немедленно начались аресты офицеров по спискам» (*Пасманик*. С. 76); «Около девяти часов 10 января я проснулся от орудийной стрельбы. От прислуги узнал, что ночью спустились с гор Крымские драгуны, что западная часть города ими занята, что на рассвете из Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстреливают город. <...> В городе слышалась сильная ружейная стрельба, часто рвались шрапнели, обстреливалась, главным образом, центральная часть города. От снарядов значительно пострадали некоторые здания» (*Врангель П.* Указ. соч. С. 54); «10 января Крымский полуостров был занят севастопольскими матросами и рабочими, расстреливавшими на месте всех без разбора помещиков, не успевших покинуть свои усадьбы» (*Давыдов*. С. 174); см. также: *Барятинская*. С. 75–78. Примечательно, что в тревожные дни 10 и 11 января В.С. ничего не записывает.

Черная Штучка — Екатерина Григорьевна Штукенберг, художница-футуристка; дополнительные сведения о ней не найдены; см. также комм. к с. 72.

идут к Соколову — Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928), юрист, присяжный поверенный окружной петербургской судебной палаты, политический защитник, неоднократно выступавший в защиту евреев, социал-демократ (меньшевик); член III Государственной думы, член Исполнительного комитета Петроградского Совета, член Совета по делам искусства и председатель совета в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, один из составителей «Приказа № 1» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1918 г. Фиксируемое В.С. в дальнейшем неприязненное отношение к нему большей частью связано, по-видимому, именно с этим приказом, который, по мнению многих, способствовал развалу армии; см., например: «Приказ номер один за один день уничтожил огромную российскую армию» (*Кантакузин*. С. 290). См. характеристики, данные ему его младшим коллегой: «<Соколов> имел вид важный и недоступный. Этот вид ему придавали черная борода и гордая осанка. Этой великолепной бороде да еще своему громкому голосу в значительной мере обязан был Соколов своими адвокатскими успехами. Он производил ими большое впечатление на свидетелей в уголовном суде. Но красивых и талантливых речей я от него никогда не слышал. Говорил он с большим апломбом, но весьма бесцветно и даже не слишком гладко. Его важная осанка отражала, по-видимому, великое самомнение и внутреннюю холодность» (*Каменский* С. Век минувший: Воспоминания. Париж, 1958. С. 97–98), и директором Института путей сообщения: «Я слышал, что в военно-революционном Комитете играет большую роль Н.Д. Соколов, впоследствии сенатор. Я встречал его раньше в доме известной художницы Е.Ц. Кавос, но знал про него очень мало. Его считали недалеким человеком. Он был социал-демократ и при этом довольно богат, так как получал солидные деньги за издание катехизисов, составленных его отцом, протоиереем Соколовым» (*Брандт* А.А. Листья пожелтелые: Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 74). Вероятно, он только что приехал в Крым, так как в начале 1918-го он еще был в Петрограде. Биогр. справку и литературу о нем см.: *Серков*. С. 759; см. также: *Дубнова С.М.* Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи / Подгот. текста, сост., послесл. Т.В. Ланиной. СПб., 1994; о его деятельности во время революции см.: *Бенуа*. Дневник; *Суханов Н.Н.* Записки о революции: В 3 т. / Предисл., примеч. А.А. Корникова. М., 1991; *Кускова Е.Д.* Люди Февраля и Октября // НРС, 1957. № 15975. С. 3, 7; *Оболенский*. С. 695; см. также его автограф «кавказского периода» в: *Salon Album* (61a).

я к Лидии Никитичне — Лидия Никитична Майдель (урожд. фон Шмидт), баронесса, сестра Р.Н. Браиловской, вдова бар. Богдана Карловича Майделя (ум. не ранее 1914 г.), мать Ольги Богдановны Майдель; другая ее дочь, Елена Богдановна, жена бар. Рудольфа Александровича Штакельберга (1880–?), церемониймейстера, делопроизводителя канцелярии министерства Имп. двора, по-видимому, также находилась в Крыму вместе со своими сыновьями Александром (1906–?) и Петром (1909–?).

слышна... канонада — см. подробнее в воспоминаниях В.С.: «Канонада из Ялты все слышней. Утром мы видели, как прошли в порт один миноносец и два крейсера. Кончилась наша спокойная жизнь. Телефон прерван. Из Кореиза идут беженцы с белыми узлами. В Ялте расстреливают людей, но также, связавши руки и ноги, бросают людей в море. Это “бескровная революция”? При обысках жестокие подробности. “Кто это вам все рассказывает, телефон ведь прерван?” — “Беженцы и некоторые храбрецы, которые съездили в Ялту». О событиях в Ялте и ее окрестностях в январе 1918 г. см. также: *Зарубины*. С. 66–73; *Красный террор*. С. 205–214.

слишком много аристократов — см.: «Осенью этого <1917> года на крымском побережье — от Гурзуфа до Севастополя — собралась целая колония петербуржцев и москвичей в своих поместьях или дачах, построенных на сравнительно недавно приобретенных участках. Здесь жили, не слишком общаясь друг с другом, но все же забыв немного из-за общего “несчастья” о сословных перегородках, и аристократия, и представители купеческой и промышленной знати: <...> княгиня Тенишева с княгиней Четвертинской, князь Щербатовы, графы Мордвиновы, графиня Елизавета Владимировна Шувалова, князь Гагарины, Раевские и князь Бярятинские (на ялтинской “вилле роз” Сербилляр), хан Нахичеванский во дворце крикливо-восточного вкуса по дороге в Ливадию (где проживала вдовствующая императрица, великий князь Александр Михайлович с Ксенией Александровной и Александр Петровна Ольденбургская (в Дюльбере), рядом — князь Юсуповы и Долгорукая (Кореиз), графиня Воронцова (Алупка), Иван и Николай Сергеевичи Мальцовы и Сергей Иванович, женатый на княгине Бярятинской, князь Урусовы (Симеиз)» (*Маковский*. С. 573).

проходят крейсера и миноносцы — см.: «Одновременно несколько миноносцев было направлено в Ялту, Алушту, Феодосию, и везде, не встречая никакого сопротивления, матросы неистовствовали, расстреляв в Ялте свыше восьмидесяти офицеров, в Феодосии больше шестидесяти и в Алуште нескольких, проживавших там, старых, отставных офицеров» (*Кришевский*. С. 343).

С. 66

Сметут ее с земли — см.: «4-й эскадрон еще два дня оставался в Ялте, подавив попытки местных большевиков захватить власть в городе, но 15 января в Ялтинскую гавань вошел один из миноносцев 3-го дивизиона, матросы которого считались особенно жестокими и кровожадными. Городские власти стали просить ротмистра Баженова, ради спасения города от бомбардировки, уйти за пределы города. Зная, что в Симферополе уже все кончено, и принимая во внимание создавшуюся местную обстановку, а также настроения всадников, ротмистр Баженов увел эскадрон из Ялты. Почти полностью эскадрон ушел в горы и уже оттуда постепенно “распылился”» (Крымский конный Ее Величества гос. имп. Александры Федоровны полк. 1784–1922. Сан-Франциско, 1978. С. 124).

о Арапове... и Феофилактове — художники, соученики Судейкина по МУЖВЗ; как и он, члены художественного содружества «Голубая роза». Анатолий Афанасьевич Арапов (1876–1949) поступил в училище в 1897 г. одновременно с Судейкиным, в 1909 г. вместе с ним и Сапуновым оформил спектакль «Цезарь и Клеопатра» по пьесе Б. Шоу для Нового Драматического театра, в 1910 г. вместе с Сапуновым; оформил водевиль Кузмина «Голландка Лиза» для «Дома интермедий» (см. о нем: Гофман. С. 236–238; отрывки из писем Судейкина 1906 г. к Арапову см.: Коган. С. 175). Николай Петрович Феофилакт (1878–1941), выпускник московского Константиновского межевого института, один из ведущих художников журнала «Весы»; познакомился с Судейкиным через Сапунова; вероятно, первым из «голуборозовцев» познакомился с Кузминым; автор обложки к первой книге стихов Кузмина «Сети» (М., 1908), иллюстратор (вместе с Судейкиным) книги Кузмина «Куранты любви» ([М., 1910]), автор обложки первого издания сборника «Сети» (1908); ему посвящены «Александрийские песни» Кузмина (1906); друг Арапова (см. о нем: Кузмин 2; Садовской; Гофман. С. 286–289; Киселев).

все рано умирали — Судейкин вспоминает погибших в 1912–1913 г. Сапунова и Князева, как и он, близких к Кузмину: «Художник утонувший / Топочет каблучком, / За ним гусарский мальчик / С простреленным виском...» (Кузмин. «Форель разбивает лед». Второе вступление). «Ретроспективно, для людей Серебряного века гибель двух членов дружеского круга поэтов и художников в 1912 и 1913 г. связалась с идеей “последнего года” перед общей гибелью, перед началом Первой мировой войны и затем революции» (Паперно И. Двойничество и любовный треугольник: Поэтический миф Кузмина и его пушкинская проекция // Studies in the Life and Works of Mihail Kuzmin. Wien, 1989. С. 64). Возможно, Судейкин упомянул также И.А. Саца и бар. Н.Н. Врангеля, преждевременная смерть которых переживалась современниками как огромные потери. Илья Сац, хороший знакомый художника (см.: Судейкин 1. С. 190), умер в октябре 1912 г. от ошибки врача; по словам его друга Л. Сулержицкого: «Умер <он>, как и жил, со всего размаха, без расчетов, подхода, весь до дна, без остатка уходя в то, что делал, не ушел, а бросился в смерть» (Илья Сац. Из записных книжек; Воспоминания современников / Сост. Н.И. Сац. М., 1968. С. 31); по свидетельству Осипа Дымова, телеграмма о его смерти пришла в Петербург 12 октября, в день премьеры его балета «Козлоногие» в Литейном театре (см. там же. С. 104), в котором танцевала Глебова-Судейкина. Н. Врангель, «защитник памятников, он, который так боролся с разрушающей смертью», с начала войны «бросил свое любимое искусство и поступил» (Волконский. Т. 1. С. 98–99) в организацию Красного Креста; меньше чем через год, в июне 1915 г., он скончался в возрасте 34 лет в варшавском госпитале, заболев желтухой. Возможно, были упомянуты имена рано ушедших поэтов-самоубийц В.В. Гофмана (1911), Н.Г. Львовой (1913), И.В. Игнатъева и В.А. Комаровского (1914), с которыми Судейкин мог быть знаком.

Сапунов, Николай Николаевич (1880–1912) — друг-соперник Судейкина, его соученик по МУЖВЗ (поступил в 1893 г.), член

содружества «Голубая роза» (см.: *Гофман*. С. 272–274); оба художника много работали «бок о бок»: в Москве — в конце 90-х годов XIX в. над оформлением спектаклей для оперной антрепризы С.И. Мамонтова в театре «Эрмитаж», летом 1905 г. для Студии на Поварской (драма «Смерть Тентажиля» Метерлинка в постановке Мейерхольтда, премьера не состоялась; Судейкин — 1–3-й акты, Сапунов — 4-й и 5-й), в Петербурге — в 1906–1907 гг. для постановок Мейерхольтда в Театре В.Ф. Комиссаржевской (Сапунов — «Гедда Габлер» Ибсена и «Балаганчик» Блока, Судейкин — «Сестра Беатриса» Метерлинка), в 1910-м для «Дома интермедий» (Сапунов — «Шарф Коломбины» А. Шницлера, Судейкин — «Обращенный принц» Е. Зноско-Боровского). Кузмин вспоминал о знакомстве с ними осенью 1906 г.: «Мне он <Сапунов> казался олицетворением или, вернее, самым характерным образчиком молодых московских художников, группа которых была только что выдвинута С.П. Дягилевым. И громкий московский говор, и особливые словечки, и манера при ходьбе стучать каблуками, татарские скулы и глаза, закрученные вверх усы, эпатанные галстуки, цветные жилеты и жакеты, известное рапэ-нство и непримиримость в мнениях и суждениях, — все было так непохоже на тех представителей “Мира Искусства”, которых я знал в Петрограде, что мне невольно показалось, что вот пришли новые люди» (*Сапунов*. С. 46–47; о противопоставлении двух художников см. воспоминания: *Мгебров*. С. 181–182; *Веригина*. С. 72; *Ульянов*. С. 262). См. о нем: *Коган Д.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1998 (сравнительный анализ творчества Сапунова и Судейкина см. на с. 42–44, 96–100, 133–137); см также упоминания Сапунова в дневниках Кузмина и письма Сапунова к Кузмину: *Letters of N.N. Sapunov to M.A. Kuzmin / Publ. of J.E. Malmstad // Studies in the Life and Works of Mihail Kuzmin*. Wien, 1989. P. 153–159; его портрет Кузмина 1911 г. в восточном костюме (воспроизв.: *Гофман И.* Стихии Николая Сапунова // *НН*. 2004. № 71. С. 51); воспоминания Л.В. Шапориной (Яковлевой): О Н.Н. Сапунове / Публ. А.Г. Носовой // *Ежегодник РО ПД на 2001 г.* СПб., 2006. С. 266–286. Художник утонул во время прогулки на лодке в Финском заливе 14 июня 1912 г., обстоятельства гибели, одним из свидетелей которой стал Кузмин, см. в его дневнике (*Кузмин 2*. С. 358), а также: *Алперс Б.В.* Из дневников / Подгот. Ю. Галаниной и др. // Мейерхольд и другие. М., 2000. С. 296–297; *Веригина*. С. 179–182; *Мгебров*. С. 206–208; записи от 14–16 июня 1912 г. в дневнике Блока (Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 150–151). О том, что Судейкин ходил к Кузмину узнавать подробности смерти Сапунова и не мог ему «простить», что «он спасся — а его близкий друг Сапунов — погиб», см. в письме С.М. Вермеля В.Ф. Маркову (Письма «последних могикиан» русского футуризма // *Ежегодник РО ПД на 1994 г.* СПб., 1998. С. 314); по словам биографа Судейкина, никто не мог «ему заменить Сапунова» (*Зорин*. С. 165). В его память было выпущено два сборника, для одного из них Судейкин нарисовал обложку с печальным Пьеро (см.: *Сапунов*).

он погиб бы... если бы не я — ср. с недатированной запиской Судейкина к В.С. в комм. к с. 197.

С. 67

историю Кузмина—Князева и Ольги — впоследствии отражена Ахматовой в «Поэме без Героя» и, «к сожалению, ее близко касалась» (Будыко М.И. Рассказы Ахматовой // *Воспоминания об АА* 1. С. 495). Всеволод Гаврилович Князев (1891–1913), вольноопределяющийся 16-го гусарского Иркутского полка, поэт (см. его единственный сборник: Стихи. Посмертное издание. СПб.: Тип. Имп. СПб. театров, 1914), близкий друг Кузмина (познакомились весной 1910 г. при посредстве Богдановой-Бельской, брат которой Леон Старынкевич был женат на сестре Князева Ольге); ему посвящен (в рукописи) сборник Кузмина «Осенние озера», обложку которого оформил Судейкин (М.: Скорпион, 1912), а также стихотворения, вошедшие в другие его книги; см. также упоминание о том, что в 1912 г. Князев делал надписи к рисункам Судейкина (Кузмин 2. С. 370). В июле 1912 г. художник работал над совместным портретом Кузмина и Князева (см. там же. С. 365–366), с начала августа, вероятно, по февраль 1913 г. Кузмин жил в квартире Судейкиных, где бывал Князев; роман Князева с Глебовой–Судейкиной начался летом 1912 г.; в первой половине сентября Кузмин ездил к Князеву в Ригу, на Рождество Князев приехал в Петербург, а 29 марта 1913 г. в Риге он выстрелил себе в грудь и умер 5 апреля. В.С. утверждала, что Судейкин не считал Глебову–Судейкину причиной самоубийства Князева (см.: *Stravinsky in Pictures*. P. 288). См.: Кузмин 2; письмо Глебовой–Судейкиной Б. Садовскому см. там же, в примечании 12 на с. 739), Кузмин 3. С. 55; *Тименчик Р.* Рижский эпизод в «Поэме без Героя» // Даугава, Рига, 1984. № 2. С. 113–121; он же. Заметки о «Поэме без Героя» // *Ахматова. Поэма*. С. 4–10; *Мок-Бикер*. С. 100–108; *Богомоллов, Малмстад*. С. 175–179; отрывки из писем Судейкина Кузмину в Ригу за 3 и 5 сентября 1912 г. см. в ст.: *Тименчик Р.* Рижский эпизод. С. 116; *Глебова–Судейкина*. С. 217–218; одну из версий его самоубийства см.: *Гильдебрандт I*. С. 155–156. Несмотря на то, что в жизни Кузмина Глебова–Судейкина дважды сыграла «роковую» роль, его дружеские отношения с «коломбинной Психеей» сохранились до ее отъезда из России; см. его дневники, а также посвященное ей стихотворение «Пускай нас связывал издавна / Веселый и печальный рок» (11 июля 1918 г.).

465

С. 68

«Ал<ександрийские> стихи» Кузмина — цикл «Александрийские песни», вошедший в первую книгу стихов Кузмина «Сети» (М., 1908; 2-е изд. Пг., 1915; первая публикация 11 стихотворений цикла: *Весы*. 1906. № 7), посвящен Н.П. Феофилактону; предполагалось выпустить отдельное издание с его иллюстрациями.

воспоминания об Академии — Браиловский окончил архитектурное отделение АХ (1886–1894), за годы учебы получил малую (1890) и большую (1892) серебряные медали, малую золотую медаль (1893), звание художника 1-й степени (1894) и двухлетнее заграничное пенсионерство. «В 1916 я был выбран академиком. Это был последний диплом, подписанный Великой княгиней Марией Павловной» (письмо к бар. М.Д. Врангель. *НП*). Он получил это звание «за известность на художественном поприще» (*Нащокина*. С. 49).

о своем разговоре с Никол<аем> — возможно, имеются в виду события 1905 г., когда группа художников опубликовала в газете «Право» (№ 18. 8 мая) «Резолюцию» о современном положении России и возможных путях преодоления кризисной ситуации, адресованную имп. Николаю II и подписанную 113 художниками, в том числе Браиловскими, Грабарем, Кардовским, Пастернаком, Репиным, Серовым. «Все население России, задыхаясь в тисках бюрократического произвола, доведшего нашу страну до полного разорения и способствовавшего целому ряду поражений нашей армии более, чем усилиями внешних врагов, ждет не дожидается того единственного выхода из невыносимого положения, который давно уже настоятельно рекомендуется лучшими органами общественной мысли <...>. Можем ли мы, художники, оставаться в настоящее время безучастными свидетелями всего происходящего вокруг нас, игнорируя трагическую картину действительности и замыкаясь от жизни лишь в технических задачах искусства, единственной области, свободной от цензурного усмотрения? Нет» (см. полный текст: Валентин Серов в переписке, документах и интервью / Сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. Л., 1989. Т. 2. С. 38–40).

466

о Сомове, Званцевой — возможно, об историке искусства, хранителе Эрмитажа Андрее Ивановиче Сомове (1830–1909), но вероятнее — о его сыне Константине Андреевиче (см. его позднейшее отрицательное мнение о творчестве Браиловских: Сомов. 367). Елизавета Николаевна Званцева (1864–1921) — художница, организатор и владелица нескольких художественных школ в Москве (вместе с Хотяинцевой) и Петербурге; последняя по времени (1906–1916) находилась этажом ниже квартиры Ивановых в «доме с башней» на углу Таврической и Тверской улиц, в ней преподавали Бакст, Добужинский, Петров-Водкин; в квартире хозяйки при школе осенью 1907 г. поселился Кузмин.

Майдель, Ольга (Оля) Богдановна — дочь бар. Л.Н. Майдель, племянница Р.Н. Браиловской.

его женских друзей — по словам Евреинова, Сорин — «платонический поклонник» Карсавиной, ее «верный паладин», «с максимальным наслаждением писал одно время ее, и только ее» (Евреинов 2. С. 50; возможно, именно он тот художник, который впервые привел балерину в «Бродячую собаку»; см. воспроизвед. его работ: Тамаре Платоновне Карсавиной — «Бродячая собака». [СПб.], 1914. [С. 9]; Карсавина Т. Театральная улица. Л., 1971), см. также именной билет Ахматовой на вечер балерины в «Бродячей собаке» 26 марта 1914 г., подписанный Соринным (Лесман. С. 282).

баронессу Штенгель — по-видимому, имеется в виду сестра В.Г. Тищенко бар. Юлия Георгиевна Штейнгель (урожд. Тищенко), жена бар. Б.Л. Штейнгеля. См. ее портрет раб. Сорина: Нива. 1917. № 22. С. 332.

о ней в Париже — в 1912–1913 гг. Судейкин мог видеть Карсавину на парижской сцене как в новых постановках, в оформлении которых он участвовал («Синий бог», «Тамара», «Дафнис

и Хлоя», «Трагедия Саломеи»), так и в старых («Павильон Армиды», «Клеопатра», «Карнавал», «Жар-птица», «Призрак розы», «Петрушка» и др.). См. о них: Карсавина. С. 208–220, 235–239, 255–269; Красовская. С. 283–294; см. также комм. к с. 44. Среди многочисленных поклонников балерины были многие мирискусники, а также Кузмин. «Единственное для него идеальное существо была Карсавина. Он спорил всегда за ее приоритет над А. Павловой — и говорил о ней почти восторженно, и не позволял ни другим, ни себе ни одного плохого слова» (Гильдебрандт 2. С. 266).

о «Саломее» — речь идет о постановке «Трагедии Саломеи» с Карсавиной в главной роли (см. комм. к с. 263). Описание танца Саломеи на фоне декораций Судейкина см. в воспоминаниях постановщика балета Б.Г. Романова: «Золотой занавес, стремительно падая вниз, обнаруживал фантастическое по краскам темно-синее небо, с которого вниз спускались ступени. На верхней площадке стояла Карсавина-Саломея. <...> Саломея, сойдя по ступеням, начинала танцевать свой танец, продолжавшийся без перерыва 13 минут. С последним музыкальным аккордом она падала под тяжестью щитов палачей. Свет мгновенно потухал» (Романов. 7 сентября). Костюм балерины «отличался тем, что на голой ноге нарисована была роза, и Судейкин каждый спектакль собственноручно ее рисовал» (там же). Ранее, до этой самостоятельной работы, в 1912 г., Судейкин исполнил декорации к драме «Саломея» О. Уайльда (с Идой Рубинштейн в главной роли) по эскизам Л. Бакста; об участии Судейкина в Русских сезонах Дягилева в 1912–1913 гг. см.: Коган. С. 72–74; см. также: Добро-творская К. Русские Саломеи // Театр. 1993. № 5. С. 134–142.

467

о Ротшильде — о ком-то из членов семьи банкиров Ротшильдов.

«L'après midi d'un faune <Послеполуденный отдых фавна>» — одноактный балет на музыку Клода Дебюсси (Debussy) (1862–1918) был поставлен для дягилевской антрепризы Вацлавом Нижинским и оформлен Л. Бакстом; премьера состоялась в апреле 1912 г. в театре «Шатле» («Chatelet») в Париже, Фавна танцевал сам Нижинский, Нимфу — Л. Нелидова. Судейкин был одним из исполнителей декораций к спектаклю. О скандале, вызванном этой постановкой, «не столько в области искусства, сколько морали» (по словам С. Лифаря), см., например: Тугенд-хольд Я. Письмо из Парижа: Русский сезон 1912 г. // Аполлон. 1912. № 7. С. 52–53; Фокин. С. 165–168; Лифарь С. Дягилев. СПб., 1993. С. 255–260. Вероятно, Судейкин рассказал также о происшедшем лично с ним «инциденте, несколько анекдотического характера»: «Декорация “Полдень Фавна” была написана сначала Судейкиным в довольно свободной колористической трактовке эскиза Бакста. По окончании работы Бакст зашел <...> взглянуть на передачу своего эскиза в виде “задника” в требуемых размерах. Долго смотрел Бакст, не нарушая молчания. Затем сделал очень “деликатное” выражение лица и, мямля, обратился к Судейкину: “Знаете ли, здесь немножко...” — “Хорошо, — перебил его сразу нервный Судейкин, я перепишу все заново!” <...>

Бакст ушел, а Судейкин спешно смыл все им написанное (материал дорог, потребовать новое полотно Судейкин постеснялся), затем написал все заново, точно копируя эскиз Бакста <...> Пришел Дягилев. Взглянул на великолепную, педантично сделанную копию Судейкина и ахнул от досады: “Ну что это, голубчик!.. Я думал, вы внесете свои краски в эту Бакстовскую “бледную немочь”! А вы вместо этого... Зачем же я вас привез сюда, спрашивается?”» (*Евреинов 1, 4. С. 175*).

С. 69

Сорин будет писать мой портрет — Сорин дважды писал портреты В.С. — в Крыму и в Париже.

Сообщают о декрете большевиков — возможно, речь идет о «декрете 21 января», согласно которому аннулировались все государственные займы, как внутренние, так и внешние.

о разных салонах — Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), историк античности, археолог, профессор Петербургского университета, друг Вяч. Иванова, был близок к кругу художников «Мира искусства»; упоминания о визитах к нему и его жене Софье Михайловне (урожд. Кульчицкая) (1878–1963) см. в дневнике Кузмина (*Кузмин 2*); об их *jour-fixe*'ах см.: *Иванова Л.В.* Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 39. Дом Александра Николаевича Бенуа был объединяющим центром, вокруг которого в «атмосфере благожелательности, внимания и высокой художественной культуры» собирались художники круга «Мир искусства» (*Остроумова-Лебедева. Т. 1–2. С. 376*); об отношении Бенуа к Судейкину см.: *Бенуа. Дневник*.

468

Нет спокойных минут — ср.: «Жили все время под угрозой какого-либо нового несчастья. Особенно тревожные дни переживал город во время наездов севастопольских матросов» (*Врангель П. Ч. 1. С. 59*).

Моя поза следующая — на листке из дневника 26 февраля 1918 г. сохранился набросок этого портрета.

я революционер — см. комм. к с. 84, а также записи от 18 и 26 марта и 11 апреля 1918 г.

С. 70

Идем... слушать газеты — «С приходом большевиков Крым оказался как бы отрезанным от всего мира. Газеты приходили чрезвычайно неаккуратно. Контр-революционная печать еще не была в России совершенно задушена, и из разрозненных номеров разных газет мы изредка получали сведения о том, что делается в остальной России. <...> Эти случайные известия чередовались с самыми нелепыми слухами, неожиданно возникавшими и столь же быстро заменявшимися другими. <...> Все эти слухи еще более раздражали нервы» (*Врангель П. Ч. 1. С. 59*).

рассказываю о... профессорах-знаменитостях — в 1910–1912 гг. В.С. изучала философию, физику, химию, анатомию и искусство в

Берлинском университете (см.: *Igor and Vera*. P. 35, 40; *Dearest Bibushkin*. P. 85); одним из ее профессоров был швейцарский искусствовед Генрих Вёльфлин (Wölfflin) (1864–1945), который, по ее словам: «Открыл мне глаза» (*Stravinsky in Pictures*. P. 236).

на даче Ухова — Федор Акимович Ухов (по сцене Акимов) (1859–1918), актер Малого театра, владелец дачи в Мисхоре; благодаря дневнику В.С. устанавливается дата его смерти (см. запись от 8 декабря 1918 г.).

о... Комаровской — Надежда Ивановна Комаровская (наст. фам. Секевич) (1885–1969), актриса, ученица школы МХТ; играла на сценах МХТ, Камерного театра, Малого театра, Театра В.Ф. Комиссаржевской, Большого драматического театра; мемуаристка (О Константине Коровине. Л., 1961; Виденное и пережитое: Из воспоминаний актрисы. Л.; М., 1965); к ее воспоминаниям о Коровине обращается всякий интересующийся его жизнью и деятельностью, в его воспоминаниях она ни разу не упомянута. «Она была женой Коровина, но он жил в своей мастерской, а Комаровская в Камергерском переулке, против Художественного театра», — вспоминала ее подруга по школе МХТ (*Веригина*. С. 159); см. также: *Шверубович В.* О старом Художественном театре / Вступ. ст. В.Я. Виленкина. М., 1990. С. 84–85; о ходивших о них слухах см.: *Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1999. С. 274–275. В.С. снималась вместе с Комаровской в фильме «Андрей Тобольцев (Дух времени)» (см. комм. к с. 105).

469

Играют Бородин и Калининкова — русские композиторы Александр Порфирьевич Бородин (1834–1887) и Василий Сергеевич Калининков (1866–1900/1901), который последние семь лет жизни провел в Ялте и был похоронен в Массандре (Браиловский — автор памятника на его могиле).

даст мне Le Dantes'a — имеется в виду книга французского биолога и философа Ф.-А. Ле Данте (1869–1917).

увидеть гобелены — то есть пойти к Браиловской.

С. 71

в восторге от Ян-Рубан — «Свое артистическое имя “Ян-Рубан” она избрала по совету своей бабушки с отцовской стороны, последней в роде Ян-Рубан» (*Вернадская*. С. 101).

Ed. Manet, Rodin — Эдуар Мане (1832–1883); Огюст Роден (1840–1917), французские художники-импрессионисты.

еще в Алуште — Судейкины приехали из Москвы в Крым, в Симферополь, в июне 1917 г. и поселились сначала в Алуште (см. воспоминания В.С.: Приложение 1), где прожили, по-видимому, все лето и большую часть осени (см. запись «D.W.» на их отъезд в Ялту с датой 21 октября 1917 г.: *Salon Album*. 173b), где рядом с ними находились многие из их петербургских знакомых: «О. М.<андельштам> жил <в> Крыму <в> 1916–<19>17 годах не только в Коктебеле, но и в Алуште у Магденко. Там в это

время были Мочульский, Недоброво, Смирнов, бр<атя> Радловы, Жирмунский <...>, Саломея с Рафаловичем, Чудовские. Судейкин и Вера Артуровна отдельно, недалеко от Алушты. Это она “через плечо поглядела” (Ахматова. ЗК. С. 554); см. также рассказ С.Н. Андрониковой: «Мы жили в доме жены профессора из Ростова-на-Дону. Дочь ее <Елизавета Петровна Магденко> вышла замуж за Александра Александровича Смирнова. <...> Имение этой женщины называлось “Профессорский уголок”. В имении был главный дом, где она жила с мужем, и целый ряд маленьких домиков. Она принимала на лето дачников. <...> Значит, Саша Смирнов, Мочульский, Жирмунский, Радловы, я с Сергеем Рафаловичем, Шухаевы Вася и Вера. Еще поэт такой незначительный, Константин <Олимпов?>, со своей подругой, Паллада и другие из Петербурга» (Васильева. С. 376); см. также комм. к с. 77.

С. 72

470

у Дёмкиных — вероятно, Дмитрий Иванович Дёмкин (1867–1925), юрист, мировой судья, действительный статский советник, товарищ петроградского городского головы (руководил работой по техническому обеспечению города), директор правления петроградского строительного акционерного общества и Товарищества Чудовского цементного завода, гласный городской думы и Губернского земского собрания, владелец трех домов в Петрограде, жил в особняке на Каменном острове (Петровская аллея, 3), мемуарист (см.: Петроградская городская дума в первые дни смуты // Русская летопись. Кн. 6. Париж, 1924. С. 141–158); и его вторая семья: жена и ее дочь от первого брака (см. запись от 22 мая – 6 июня 1918 г. и примеч. к ней); эмигрировали. См. о нем: *НМ*. Т. 2. С. 341; Семья Дёмкиной и Раутиана (ДеРаут) / Сост. В.Г. Раутиан. СПб., 2001. С. 45–46 (в воспоминаниях его племянницы Л.И. Дёмкиной дан другой год его смерти: «1955(?)», см. табл. 8 на с. 30).

о Врубеле — Михаил Александрович Врубель (1856–1910). Судейкин высоко ценил художника и оставил яркие воспоминания о своих посещениях в клинике «нашего единственного Врубеля» и работе над подготовкой его картин к парижской выставке русского искусства 1906 г. (см.: *Судейкин 2*; перепечатаны с сокращениями, касающимися подробностей болезни: Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике / Авт.-сост. Ю.Н. Подкопаева, Ю.В. Новиков. М.; Л. 1963. С. 291–295). По свидетельству Феофилактова, к Врубелю также ездили: он сам, Сапунов, Арапов, Якулов и Крымов (см.: *Киселев*. С. 429). Судейкин считал, что «началом начал современной живописи был Врубель» (*Судейкин 2*. С. 38), в «Письме к ***» он так писал о его влиянии: «Как бы перелетев на ковре-самолете над половецким станом в родную забытую страну через моря с драгоценными рифами, через леса, где в болотистых низинах отдается эхо русского добродушия — увидел я три радости: для глаз, ума и сердца; и искра из пожара Врубеля и Мусоргского загорелась и во мне» (1916?).

вышел петь Демона — см. подробнее: «Врубель был в театре. Шел “Демон”. Врубель вышел на сцену, желая петь. Опустили

занавес. Врубель вызвал на дуэль Шаляпина, назвав его при этом “не творцом, а только певцом”» (*Судейкин 2. С. 31*).

написал *Н.И. Мамонт<ова>* — речь идет о картине Врубеля «Гадалка» (1895, ГТГ); вероятно, эту историю Судейкин знал со слов Коровина. «Он писал с какой-то дамы, с которой познакомился накануне, портрет ее с игральными картами, причем он написал ее на портрете одного купца, который долго ему позировал. Тот, когда пришел и увидел свое превращение, очень обиделся, ругался и <хотел> судиться. Михаил Александрович объяснил мне, что он очень рад, что переписал его, так как ему было противно смотреть на эту рожу у себя в доме» (*Коровин вспоминает. С. 123*); ср. с рассказом сына С.И. Мамонтова — В.С. Мамонтова: «В Москве он написал “цыганку-гадалку», под впечатлением оперы “Кармен”, поверх заказанного ему портрета Н.И. Мамонтова: “Не могу больше писать Ваш портрет, осточертел он мне”» (*Мамонтов В.С. Воспоминания о русских художниках. М., 1951. С. 82*). Николай Иванович Мамонтов — московский купец, гласный Московской городской думы, брат С.И. Мамонтова.

увидела... *Шаляпина* — Федор Иванович Шаляпин (1873–1938); с ним были хорошо знакомы Блуменфельд, Судейкин и Сорин (см. упоминания фотографии Сорина и Шаляпина: *Современники Горького. С. 208. № 583*; и фотография Шаляпина 1902 г. с дарственной надписью Сорину, хранящуюся в Пушкинском доме: *Желтова Н. Автографы М. Горького // РЛ, 1966. № 3. С. 210*).

Раф (Raff), Йозеф Иоаким (1822–1882) — немецкий композитор.

должна им поставить — см. комм. к с. 74.

заходили Штукенберги — или, как чаще называет их В.С., Черная и Белая Штучки, — «сестры» (см. запись от 23 июня 1918 г.), вероятно, двоюродные или же свояченицы: художница Екатерина Григорьевна (Черная Штучка; см. записи от 12 января и 8 апреля 1918 г.) и Екатерина Владимировна (Белая Штучка, в замуж. Оглодина; см. запись от 23 июня 1918 г.); жили в Алупке.

С. 72–73

получил пропуск — на выезд из Ялты.

С. 73

Поклоны от Чайковского — вероятно, Борис Витальевич Чайковский (1888–1924), журналист, кинорежиссер, сценарист; работал в кинофирмах Патэ (1910), А.О. Дранкова, А.Г. Талдыкина, Р.Д. Перского, А.А. Ханжонкова (1916–1919); с января по июль 1918 г. издатель «Киногазеты» (вышло 36 номеров); в том же году в Москве основал киностудию «Творчество».

хоронили убитого протоиерея — вероятно, описка и имеет в виду настоятель собора Александра Невского в Ялте (о соборе см.: *Опочинская А. «Славьте память святыни Его»: Храмы-*

памятники в русской архитектуре Крыма // Крымский альбом 2000. Феодосия; М., 2002. С. 13–14); среди погибших священнослужителей в начале 1918 г. — митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Василий Богоявленский) (1848–1918), убитый около Киево-Печерской лавры 24 января, и протоиерей о. Петр Скипетров, убитый 19 января в Александро-Невской лавре в Петрограде. См. также: *Зарубины*. С. 73; Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии / Вступ. ст., коммент. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 23, 31.

472

принесли листок — см. подробнее: «Пополняя свою кассу грабительскими способами, коммунистический комитет не упустил и обложение «буржуев» контрибуцией в 20 млн. рублей. Неплата контрибуции, как объявил комиссар Батюков, должна повлечь расстрел по приговору военно-революционного трибунала. Встревоженное до последних пределов население образовало в Ялте, Алуште и Алушке из состоятельных лиц комиссии, которые приняли на себя добровольно сбор контрибуционных взносов. В состав лиц, подлежащих обложению комиссии, включали тех, кто определял свое имущество в сумме не менее 10 000 рублей» (*Красный террор*. С. 209); «После нескольких дней грабежа, убийств и пьянства началось «строение жизни». Был организован «совет народных комиссаров», состоявший из семи человек под председательством матроса Игнатова. <...> Забрали всю наличность в официальных учреждениях, но и этих сумм не хватило надолго. Прибегали к обложению буржуев и объявили, что лишь те кредитные знаки будут иметь ценность, которые будут проштемпелеваны финансовым комиссариатом. Банки были национализированы» (*Пасманик*. С. 77).

Война кончилась — в Крыму установилась власть Советов. «Через несколько дней в городе <Ялте> наступило успокоение. Симферополь, Евпатория, Ялта оказались в руках большевиков. Остатки крымцев скрылись в горы. Более тысячи человек, главным образом, офицеров, были расстреляны в разных городах. Особо кровавые дни пережил Симферополь» (*Врангель П. Ч. 1*. С. 58).

я показываю танцы — см. комм. к с. 74.

идет в Р<айонный> К<омитет> — «Управление Южного побережья Крыма <...> с конца января по апрель 1918 г. сосредоточивалось в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, в Военно-революционном комитете, штабе и следственной комиссии, причем мероприятия советских учреждений проводились в жизнь через комиссаров, заведовавших отделами военным, внутренних дел, юстиции, финансов, домовым и квартирным, здравоохранительным и продовольственным и т.п. Комиссары входили в состав комитета» (*Красный террор*. С. 213); в январе 1918 г. Ревком, Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большевистский комитет и штаб ялтинской красной гвардии разместились в здании бывшей гостиницы «Вилла Елена». Пер-

вым шагом Ревкома и Совета было обложение буржуазии контрибуцией в размере двадцати миллионов рублей, затем последовала национализация банков.

С. 74

о балетной школе — вернувшись из Берлина в Москву в 1912 г., В.С. стала посещать балетную школу танцовщицы и педагога, участницы Русских сезонов Лидии Михайловны (Ричардовны) Нелидовой (наст. фам. Барто, в замуж. Лупандина) (1863–1929), существовавшую в Москве на Страстном бульваре, 8 (дом кн. Ливен) с 1908 по 1920-е гг. «Частная школа Нелидовой не могла, да, вероятно, и не пыталась, соревноваться с казенной школой в подготовке законченных артистов. Из нее не вышло практиков хореографии, но в условиях подъема театральной жизни Москвы эта школа воспитывала интерес к хореографии, пытаясь утвердить ее как равную среди других сценических искусств» (Красовская В. Русский балетный театр второй половины XIX в. Л.; М., 1963. С. 505). По словам В.С., она не собиралась стать профессиональной танцовщицей, так как начала заниматься слишком поздно и была высокого роста, но ей хотелось научиться красиво двигаться, поскольку она считала, что это хорошая основа для актрисы, которой в это время решила стать. В балетной школе в апреле 1913 г. В.С. первый раз увидела Дягилева, когда он и М.М. Фокин приехали в Москву в поиске новых танцовщиков для своей труппы; по просьбе начальницы она сопровождала его, но при новой встрече, в Париже, не решилась напомнить ему об их знакомстве (см.: *Stravinsky in Pictures*. P. 233; *Igor and Vera*. P. 33).

473

Квиль рассказывает — Исидор Николаевич Квиль (1874–1950), член президиума Союза инженеров (1905), служащий в комитете Российской экспертной палаты (1912), инженер-технолог (1912–1916); до революции жил в Петрограде на Итальянской, 7; эмигрировал; масон (см.: *Серков*. С. 384–285) и «Кавалер обезьяньего знака» (см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 347). Впоследствии именно он стал мужем В.Г. Тищенко. Об этой паре писал позднее пасынок Билибина М.Н. Потоцкий, вспоминая парижский период своей жизни: «Очень часто мы отправлялись также в семью инженера Квиля, гостеприимную и веселую» (Билибин I. С. 242). См. также письмо Глебовой-Судейкиной к В.Г. Квилю: «Милый, такой Вам преданный и добрый ко всем Исидор Николаевич <...> мир душевный и чистая атмосфера в Вашем гостеприимном доме».

Эльсхеймер (Эльсгеймер) (Elsheimer), Адам (1578–1610) — немецкий художник, работавший в Италии, один из создателей классического пейзажа. В Эрмитаже было две его картины: «Лес» и «Апостол Павел на острове Мальте». «Эльсгеймер, как творец, представляет из себя нечто совершенно особенное и пленительное» (Бенуа А. Путеводитель по Картинной галерее Императорского Эрмитажа. СПб., [1911]. С. 439); см. также упоминание о пропаже одной из его картин: «Из ящика моего письменного стола <в Гатчине>, лучше охраненного, чем все остальное, исчезла маленькая картина Адама Эльсхеймера “Товий и Ангел”» (Зубов. С. 35).

бронзовая Тальони — Мария Тальони (Taglioni) (1804–1884), знаменитая итальянская балерина, исполнительница главной партии в балете «Сильфида», гастролировавшая в России (1837–1842); ее образ запечатлен в многочисленных рисунках, гравюрах, литографиях, скульптуре (см.: *Соловьев Н.В.* Мария Тальони. СПб.: Сирiuс, 1912).

о... дневнике Фредерикса — Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927), барон, с 1913 г. граф, глава Министерства двора и уделов (1897–1917), командующий Имп. Главной квартирой (с 1905 г.), член Государственного совета (с 1905 г.); 2 марта 1917 г. скрепил своей подписью отречение имп. Николая II от престола; с 1924-го — в эмиграции. Его дом в Петербурге во время Февральской революции был разграблен и уничтожен одним из первых (см. мемуары его зятя В.Н. Воейкова: С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск, 2002. С. 244–245; *Сонина Л.* Граф В.Б. Фредерикс в Сиверской // *Нева*. (Л.), 1997. № 7. С. 218–219); в Ялте в парке Эрлангера находилась его дача. По мнению С.М. Волконского, бывшего директором Имп. театров (1899–1901), он был «недалек» и «неподвижного ума» (*Волконский Т. 2.* С. 162); см. о нем: *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства Двора. СПб., 1992.

читаем о Сезанне — возможно, имеется в виду кн.: *Бернар Э.* Поль Сезанн. Его неизданные письма и воспоминания о нем / Пер. с фр. П.П. Кончаловского. М., 1917.

С. 75

Сухотин — Сергей Михайлович Сухотин (1887–1926), поручик Преображенского полка, получивший философское образование в Лозанне, сын зятя Л.Н. Толстого — М.С. Сухотина от первого брака, пасынок Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой; в первом браке муж пианистки Ирины Алексеевны Горяиновой (арт. имя Ирен Энери, во втором замуж. Чегодаева) (1898–1980), во втором (1921–1925) — внучки Толстого Софьи Андреевны Толстой (во втором замуж. Есениной) (1900–1957); друг Ф.Ф. Юсупова-мл., участник убийства Распутина (в воспоминаниях современников упоминается вскользь). См. характеристику, данную ему В.М. Пуришкевичем: «Молодой офицер Преображенского полка, поручик С., показавшийся мне человеком малоподвижным, но энергичным» (*Пуришкевич В.М.* Дневник «Как я убил Распутина»: Репринт. воспроизв. изд. 1924 г. М., 1990. С. 14); а также: *Аксакова-Сиверс*. Кн. 1. С. 107–108, 365–366; *ЛН*. 1979. Т. 90: В 4 кн.: У Толстого, 1904–1910: «Яснополяские записки» Д.П. Маковицкого. М., 1979; *Фохт-Ларионова Т.Н.* Воспоминания // *Российский архив*. 2001. М., 2001. С. 649, 650–651 (мемуаристка отмечает, что Юсупов и Сухотин учились вместе в Оксфорде). О его дальнейшей судьбе пишет Аксакова-Сиверс: Сухотин не эмигрировал вместе с Юсуповым весной 1919 г., а добрался до Ясной Поляны, где женился второй раз, но вскоре его разбил паралич; ухаживавшие за ним мачеха и теща написали в Париж Юсупову, «прося забрать своего приятеля и “сотрудника” <...>. Юсупов ответил: “Давайте его сюда”» (с. 366); выехал из Моск-

вы 13 марта 1925 г. (см.: Женщины par excellence: Переписка М.М. Шапской и С.А. Толстой. 1923–1928 / Публ. С.И. Субботина // *НН*. 2002. № 63/64. С. 132); умер в Париже.

С. 76

вспоминает барбизонцев — барбизонцами называли французских художников-пейзажистов, работавших в деревне Барбизон в 1830–1860-е гг.

происходят обыски — «Обыски производились во всякое время дня и ночи, сопровождалась они всегда угрозами “расстрелять”, “отвести на мол”, “засадить в тюрьму”. Малейшая лишняя просьба или возражение — и дуло револьвера у виска, штык у груди, приклад над головой. Обыскивалась одна и та же квартира разными группами по два-три раза» (*Красный террор*. С. 209). См. также: *Врангель П.* Ч. 1. С. 54, 58–59; по его словам: «В Мисхоре, Алушке и Симеизе большевицкая пята ощущалась несравненно менее, нежели в Ялте. За два месяца, что мы прожили в Мисхоре, было всего два-три обыска у некоторых лиц, и то приехавшими из Ялты красногвардейцами» (там же. С. 60).

приехал Павлов — возможно, генерал-лейтенант Александр Александрович Павлов (1867–1935), «один из богатейших людей России», командир л.-гв. Уланского полка; участник Первой мировой войны и белого движения (см.: *НМ*. Т. 5. С. 295) или офицер л.-гв. гусарского полка (сын предыдущего?) Александр Александрович Павлов (1890–?), вероятно, именно он упоминается в воспоминаниях кн. П. Урусова, как «очень популярный офицер» Павлов (с. 64).

475

С. 77

в Севастополе резня — «В Севастополе <...> в феврале произошла вторая резня офицеров, но на этот раз она была отлично организована, убивали по плану и уже не только морских, но вообще всех офицеров и целый ряд уважаемых граждан города, всего около 800 человек» (*Кришевский*. С. 343); см. также: *Зарубины*. С. 68–72.

читать «Серационовых братьев» — роман (1819–1821) Э.-Т.-А. Гофмана.

Позировать ему мука — ср. воспоминания Евреинова: «“Голову немножко вниз... — Так. — Нет-нет, это слишком. — Глаза, пожалуйста. — Свободно! Еще свободнее, пожалуйста. — Мерси. — Вот-вот. — Благодарю. — Нет, смотрите прямо. — Вы не устали? — Только губы не поджимайте. — Мерси. — Чуть-чуть левее. — Так хорошо. — Не хмурьте брови. — Свободно. — Еще свободнее, пожалуйста”... До того устанешь от такой “свободы”, что еле дышишь потом» (*Евреинов* 2. С. 48–49). См. также воспоминания В.С.: «Наконец мы организовали сеансы в маминой большой комнате, каждый день по два часа. Позирование требует большого внимания и терпения: две пары глаз смотрят на тебя, изучая все подробности и движения лица. Сережа, который знал мое лицо наизусть, меня совсем не мучил, но позировать

Сорину была мука из-за его придирчивого характера. “Почему Вы надели другое платье?” — “Нет, это то же самое. — “У вас усталый вид, наверное не выспались! Кто это разговаривает в соседней комнате, мне это мешает”».

Говорят, я... изменилась — см. комм. к с. 78.

о своем отце — Судейкину было меньше двух лет, когда его отец, инспектор секретной полиции (с 1882 г.; звание, созданное специально для него и упраздненное после его смерти), организатор политической провокации, подполковник Георгий Порфирьевич Судейкин (1850–1883) 16 декабря по приговору народовольцев был убит («казнен») на квартире участника народнического движения, провокатора С.П. Дегаева (Невский пр-т, 91 / Гончарная, 12) Н.П. Стародворским и В.П. Конашевичем (подробнее см., например: Дегаевщина: Материалы и документы // Былое. 1906. № 4. С. 18–38; Предательство Дегаева и убийство Судейкина: (Из официального отчета) // Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 3. М., 1924. С. 175–177; Убийство полковника Судейкина: (Из архива В.Л. Бурцева) // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. № 9. С. 205–218). До перевода в Петербург, незадолго до смерти, служил в Киевском жандармском управлении, был причастен к разгрому «Народной воли» и аресту В.Н. Фигнер; по мнению народовольца Л.А. Тихомирова, он был не удовлетворен своим положением «сыщика» и ему «постоянно мерещился портфель министра внутренних дел, роль всероссийского диктатора, держащего в своих ежовых рукавицах бездарного и слабого царя» (цит. по: Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 149). Г.П. Судейкин «любил опасность и не боялся ее» (Коваленский М. Указ. соч. С. 175); по словам критика В.П. Буренина, рассказавшего художнику о встрече с его отцом за неделю до убийства, внешне он был «ну совсем Иисус Христос. Такая же причёска, как у тициановского Христа... Такая же борода. Только глаза нехороши: сыщицкие» (Чуковский. С. 86, 87). Его судьба была «источником глубокой травмы для художника: он нежно любил отца, хотя помнил его очень слабо, и в то же время — стыдился отца, его голубого мундира, его службы» (Зорин Ю. Вновь обретаемый профиль // НРС. 1976. 15 августа. С. 7). См. также запись о встрече с одним «из убийц его отца»: Кузмин 2. С. 206 (2 мая 1910 г.; вероятно, это был Стародворский).

в Алуште — см. комм. к с. 71.

у Каломийцева — «Не доезжая 5 верст до Алушты, на берегу моря расположена дача бывшая Н.П. Коломийцева “Камыш-Бурун”, где имеется 36 комнат ценою от 20 до 100 рублей в месяц, пансион 45 рублей» (Москвич. С. 281), помимо нее, в так называемом «Профессорском уголке», расположенном вокруг подошвы Капель, находились «имения профессоров: <А.Е.> Голубева (самое большое и благоустроенное, с красивыми террасами и образцовыми виноградниками, парком и подвалами), Кондакова, наследников <Н.А.> Головкинского, Лебеденко» (там же. С. 281–282); см. также: «Кофейня разбитых сердец», где был впервые

опубликован на русском отрывок из воспоминаний В.С. об О.Э. Мандельштаме в Алуште (с. 19); описание этого пансионата см. также в воспоминаниях дочери Т.А. Богданович: «Ей посоветовали “Профессорский Уголок” недалеко от Алушты, очень живописный и зеленый. Шура съездила туда и сняла там комнату в пансионате г<оспо>жи Коломийцевой. Пансионат прекрасный, с большим красивым садом уступами, расположенными на скалистом берегу» (*Пащенко Т.А. Мои воспоминания // В минувшем веке: Два детства. СПб., 2002. С. 31*).

Завтра день рождения Савелия — 14/27 февраля ему исполнилось 40 лет.

С. 78

о *Соринских портретах* — тема, неоднократно возникающая на страницах дневника В.С.: см. записи от 7 и 16 апреля, 22 мая – 5 июня, 13 августа, 24 декабря 1918 г.; а также мнение Н. Евреинова (*Евреинов 2. С. 47–51*), статью Маковского «Портреты С.А. Сорина» (*Жар-птица. Берлин, 1922. № 8(22). С. 2–6; перепеч.: НН. 1989. № 1. С. 152, 155*), рассказ о публикации в журнале «Аполлон» (1916. № 2) портрета М.К. Ушкова (*Иванов Г. С. 250–251*), а также «суждение» М.П. Чеховой (1918), переданное Билибиным: «Ей все равно, что за дамы нарисованы у Сорина, а молодую женщину, нарисованную мною, ей хотелось бы видеть и услышать ее голос» (*Билибин 2. С. 47*).

477

колю дрова — см. воспоминания В.С.: «Я никак не думала, что буду так наслаждаться простой жизнью: колоть дрова, растапливать плиту, ходить с ведром за водой — даже курица завелась с цыплятами, а на дворе коза. “Я так счастлива! Я помещица!” Все удивляются и говорят, что мы играем комедию”. Павлин, который смотрел, как я колю дрова, говорил: “Вы, барыня, не привыкли, должно быть, к такой работе”. И я не знаю, уважает ли он меня за это или нет. Мама, нежно смотря на меня, пожимала плечами: “Не утомляйся, Веруша”. <...> Римма с улыбкой: “Мне говорили, что Вы были такая элегантная, избалованная — в чем дело? Почему Вы так переменялись? Готовитесь к большевитской жизни?” Вот дура!».

Немцы наступают — германское наступление началось 18 февраля (н. ст.) 1918 г.

С. 79

Не в Ялте, а в Симферополе — «По числу убитых Симферополь занял второе место после Севастополя (третье — Ялта)» (*Зарубины. С. 79*).

венчаться завтра — Судейкин расстался с первой женой, вероятно, в январе 1916 г., но официально их брак не был расторгнут; возможно, этому, отчасти, помешали начавшиеся события. По словам биографа, когда Глебова-Судейкина «обнаружила, что Сергей, по его собственным словам, “женится вторично”, не получив развода, она пригрозила, что разоблачит его как двоеженца <...>. Благодаря вмешательству Сорина, скандал удалось

предотвратить» (*Мок-Бикер*. С. 63). Не ясно, к какому периоду относится эта угроза: союз Судейкина и В.С. не был для нее секретом, а к тому времени, когда Глебова-Судейкина оказалась во Франции и узнала, что в Крыму они заключили гражданский брак, их союз уже распался; возможно, это связано с третьим браком Судейкина; см. также запись от 24 февраля 1918 г. и комм. к ней.

иду сниматься — «Художник <...> отправился в Париж с той, кого выдавал за свою жену и чьей фотографией в своем паспорте он заменил фотографию Ольги» (*Мок-Бикер*. С. 58).

С. 81

в боскетах — боскеты — специально густо посаженные группы деревьев или кустов, часто выстриженные в виде ровных стенок (шпалер).

похож на Наполеона — ср.: «Сам “мэтр Судейкин”, скрестив по-наполеоновски руки, с трубкой в зубах, мрачно стоит в углу» (*Иванов Г. Т. 3*. С. 342); см. также рисунок И. Зданевича, изображающий Судейкина-Наполеона (*Salon Album*. 119).

478

идем в Олеиз — имение принадлежало В.И. Токмаковой. «Для отдачи в наем имеется семь дач. Самая большая в два этажа — “Нюра” находится вправо от миндальной рощи. Все дачи имеют особые кухни и необходимые удобства» (*Москвич*. С. 253).

старуха Пантелеева — Мария Владимировна Пантелеева (у В.С. — Пантелеймонова, Пантелемонова, Пантелеева; урожд. Родзянко), фрейлина, дочь генерал-лейтенанта, помощника начальника штаба Корпуса жандармов Владимира Михайловича Родзянко (1828–1893), сестра М.В. Родзянко, жена кавалергарда, действительного статского советника, шталмейстера (1904) Андрея Васильевича Пантелеева (1852–1938), см. нем: *НМ*. Т. 5. С. 331–332; на их свадьбе в 1879 г. посаженным отцом был имп. Александр II (см.: *Дягилева Е.В.* Семейная запись о Дягиловых / Изд. подгот. Е.С. Дягилева и Т.Г. Иванова. СПб.; Пермь, 1998. С. 189); см. ее среди участников костюмированного бала в Михайловском дворце в Петербурге в 1893: *Russia in Photographs*. P. 44–45 (№ 38); эмигрировали в апреле 1919 г. Пантелеевы жили в Мисхоре с семьей своей дочери Е.А. Тиран и, возможно, с другой своей дочерью, Елизаветой (в замуж. Петрово-Соловово) (1882–?), где их часто навещала имп. Мария Федоровна (см.: *МФ I*. С. 246, 250, 258 и др.). Их сын Андрей (1880–1918), выпускник Александровского лицея (1902), полковник Кавалергардского полка, состоял в свите имп. Александров Федоровны, с октября 1918 г. был адъютантом командующего добровольческими частями на Украине гр. Ф.А. Келлера, убит вместе с ним петлюровцами в Киеве в начале декабря 1918 г. (см. там же. С. 287, 295–296).

О брате своем Родзянко — Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924), крупный землевладелец, член Государственного совета (1906–1917), один из создателей и лидеров партии октябристов (“Союз 17 октября”), председатель III и IV Государствен-

ных дум (с 1911 по февраль 1917 г.), с конца февраля 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной думы, от имени которого вел переговоры со Ставкой, закончившиеся отречением Николая II и созданием Временного правительства, в состав которого он не вошел; при переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем склонял его к отречению от престола; после Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании Добровольческой армии; брат М.В. Пантелеевой; эмигрировал в 1920-м; мемуарист.

он погубил Россию — в эмиграции Родзянко подвергался травле со стороны монархистов, видевших в нем главного виновника крушения монархии.

ругает Бенуа — «Бенуа попал в большевики за участие в «Новой жизни»» (Ремизов А.М. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 311). Александр Бенуа сотрудничал с большевистской газетой «Новая жизнь» до октября 1917 г., 29 октября 1917 г. ему был предложен пост «министра изящных искусств», от которого он «сразу наотрез отказался» (Бенуа — Дягилев. С. 97–98), с 1918 г. — член Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусств и старины Наркомпроса, с августа 1918 по 1926 г. — заведующий Картинной галерей Эрмитажа (см. там же. С. 94, 96, 98, 102–103). О деятельности Бенуа в это время см. записи в его дневнике (в частности, о его репутации «ярого революционера» и «подлого предателя») см. с. 208–209, 223, 246, 400, 449). Из лиц, упомянутых на страницах дневника, сотрудничать с новой властью стали Альтман, Анненков, Зубов, Лурье, Петров-Водкин. См. также запись от 26 февраля 1918 г.

479

идет в Алуку за провизией — «Наша кооперативная столовая постепенно распадается, найти провизию все труднее — мясо мы уже давно не ели. Каждый день кто-нибудь из нас ходит в Алуку и находит что-нибудь. Наше постоянное блюдо — это зажаренная картошка и залитая яйцом — иногда прибавляются ломтики колбасы. Очень вкусно! Теперь большевики требуют иметь пропуск, если мы отлучаемся из Мисхора. К тому же установили *curfew* <комендантский час>, в шесть часов надо вернуться домой. Все это усложняет жизнь» (В.С. Воспоминания).

С. 82

Играл... Шуберта — Франц Шуберт (Schubert) (1797–1828), австрийский композитор.

«*Кот Мур*» — сказка Э.-Т.-А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра, вместе с фрагментарной биографией капельмейстера Иоганнеса Крейсlera в случайно собранных макулатурно листах» (1820–1822). См. рисунок Судейкина: *Salon Album*. 121с.

Приезжал... с Оболенскими — кн. Любовь Петровна (урожд. кн. Трубецкая) (1888–1980), дочь предводителя дворянства, владельца подмосковного имения Узкое кн. Петра Николаевича Трубецкого (1858–1911) и его жены Александры Владимировны (урожд. Оболенская) (1861–1939); впоследствии одна из осно-

вательниц русского дома моды в Париже «ТАО» (1921–1928, см.: *Васильев*. С. 225–231); мемуаристка (фрагменты из ее воспоминаний, касающиеся жизни в Узком и романа с будущим мужем, опубл.: *Коробко*. С. 139–141); ее портрет работы Сорина был на выставке «Искусство в Крыму» (см. комм. к с. 57); и ее муж (с 1909 г.) кн. Алексей Александрович (1883–1942), сын сенатора Александра Дмитриевича Оболенского (1847–1917), кавалергард, певец, композитор, педагог. См. о них: *Васильчикова*. С. 424; *НМ*. Т. 5. С. 182, 184; а также комм. к с. 84. Л.П. Оболенская — родственница С.А. Щербатова, ее отец был сводным братом философа Евгения Николаевича Трубецкого (1863–1920), женатого на родной сестре Щербатова Вере Александровне (1867–1942).

и с коровой — у Оболенских было пятеро детей от трех до семи лет.

С. 83

Называли всех — ср. с манерой Кузмина давать «комические прозвища» своим знакомым: *Гильдебрандт* 2. С. 264–265 (см.: в приведенном списке Судейкин, А.Н. Толстой и «еще кто-то (Потемкин?)») названы «пьяной компанией»).

480

С. 84

день нашей «свадьбы» — «В один прекрасный день, даже очень прекрасный, Сережа решил, что мы должны пожениться, гражданским браком, конечно. — “Это очень просто, пойдем к комиссару — он все сделает”. Пошли. Комиссара не было, но какой-то солдат, куривший папиросу, спросил, что нам нужно. Сережа объяснил: “Впишите мою жену в мой паспорт”. Он тут же и сделал — так просто и скоро. А я надела белое платье и завела волосы; и никто нас не поздравлял. Шли домой, улыбаясь, но я все-таки недоумевала: “Ты ведь не развелся с Ольгой?” — “Да это потом будет, тогда мы повенчаемся в церкви”. — “Ладно, а теперь решим насчет домика”. Дело в том, что мы решили уехать от Браиловских и снять маленький домик, состоящий из одной комнаты, которая будет студией и кухней с плитой и где мы будем спать. Никакого комфорта. Так и сделали и радовались, что будем жить отдельно от всех и не участвовать в сплетнях и политических спорах, и бессмысленных дамских рассуждениях» (*В.С. Воспоминания*).

приглашают быть экспертом — экспертом по национализации Воронцовского дворца (см. также записи от 27 февраля, 3/16 и 5/18 марта 1918 г.). Дворец был построен в 1828–1848 г. для генерал-губернатора Новороссии гр. М.С. Воронцова в его крымском имении. С 1904 г. Алушка, майоратное имение наследников князя Воронцова, гр. Шувалова, принадлежало гр. Елизавете Андреевне Воронцовой-Дашковой (урожд. гр. Шувалова) (1845–1924). В феврале 1918 г. были национализированы все имения и дачи на Южном берегу Крыма, см. приказ главного комиссара по национальным имениям Крыма. «Все нижепоименованные имения: Кичкине, Харакс, Дюльбер, Ай-Тодор, Чаир, Мисхор княгини Долгорукой, Хоба-Губи Токмаковой, имения князя Юсупова-Сумаро-

кова-Эльстон, Крамарж, Титушкина, Гаспра графини Паниной, графини Клейнмихель, генерала Комстадиуса, Хаста-Ага Трубецкого, имени Алупка княгини Воронцовой-Дашковой, Малютина, Мальцова со всем движимым и недвижимым имуществом, живым и мертвым инвентарем переходят в национальную собственность Российской народной республики» (*Брагина Т., Васильева Н.* Путешествие по дворянским имениям южного берега Крыма. Забытые имена: Краткий путеводитель. [Симферополь], 2001. С. 106–107). Летом 1920 г. гр. Воронцова-Дашкова покидает Крым, в августе 1921-го во дворце был создан историко-бытовой музей. См.: *Галиченко А.* Алупка // Дворянские гнезда России. М., 2000. 288–298; о судьбе дворцового собрания см.: *Пальчикова А.П.* История формирования художественного собрания Алупкинского дворца-музея // К 150-летию Алупкинского дворца: 1 Крымские Воронцовские чтения: Материалы. Симферополь, 2000. С. 68–83 (без упоминания о событиях 1918 г.). См. также: «В одной из дач Нового Мисхора жила группа художников: Сорин, Судейкин и другие. Алупкинский комиссариат поручил им составить комиссию для “сохранения предметов искусства”, что в переводе на разговорный язык означало “комиссия для оценки предметов, подлежащих экспроприации”. Художники, с которыми мы были хорошо знакомы, обошли Алупкинский дворец вместе с моими невестками и представителями комиссариата. Чтобы отвлечь внимание от более ценных картин, они нарочно преувеличивали художественные достоинства незначительных предметов» (*Васильчикова.* С. 426).

481

он хоть и большевик — о «большевизме» Судейкина см. также записи от 26 марта и 11 апреля 1918 г. Ср.: «— К какой вы партии принадлежите теперь? — спросил я поэта <Кузмина>, улыбаясь. — Разумеется, я большевик» (Вчера и сегодня // *Чулков.* С. 425).

поедут графы Потоцкие — возможно, братья гр. Потоцкие Павел Павлович (1887–?) и Сергей Павлович (1891–?), сыновья генерал-лейтенанта гр. Павла Платоновича Потоцкого (1858–?).

Оболенские оба музыканты — «Особенно приятно было бывать на музыкальных вечерах у моей belle sœur Александры Владимировны Трубецкой. Ее дочь Люба Оболенская была серьезная пианистка. У них подобрался квартет очень недурной, они прекрасно сыгрались и отлично исполняли классическую музыку. Иногда приезжал муж Любы, Алеша Оболенский, у которого был редкий голос. Все они сами любили музицировать и не заставляли себя просить» (*Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 163).

С. 85

должна была прийти Мая Вл. Лам. — возможно, художница Мария Владимировна Ламакина (Ломакина).

сообщала все — вероятно, об арестах офицеров и их убийствах на ялтинском молу, о грабежах гостиниц, санаториев, магазинов, частных квартир (см.: *Красный террор.* С. 205–208).

Все частные коллекции — см. комм. к с. 84; позднее, по декрету Совета народных комиссаров от 5 октября 1918 г., национализированные коллекции частных лиц, собрания и отдельные предметы искусства, принадлежавшие упраздненным учреждениям, стали достоянием музеев.

26 февраля, понедельник — на листке с записью рисунок Судейкина: портрет В.С. с пером в руке.

Все возмущаются Бенуа — «Все ссорятся и критикуют всех и все: “Керенский, Ленин, что они делают, чего они хотят?” Кто рационально обсуждает положение, кто повторяет все время: “Я же вам говорил”. Кто плачет о гибели русской культуры и возмущается Александром Бенуа, что он работает с большевиками: “Какое безобразие!” Я говорю: “Больше бы таких людей, как Бенуа, и русская культура была бы спасена. А, впрочем, почему вообще она должна погибнуть?” У всех мозги расшатаны, сплошная истерика. Все эти споры не столько из-за политических разногласий, а о том, как спастись. Очень уж все беспокоятся за свою жизнь» (В.С. Воспоминания).

482

Если бы больше таких людей — ср. с мнениями: гр. В.П. Зубова, много сделавшего для сохранения Гатчинского дворца: «Все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы сохранить духовные ценности» (Зубов. С. 34); Г.К. Лукомского, работавшего по спасению Царскосельских дворцов и киевской старины: «Помог ли русской революции <...> русский художник? Да, в деле старины — благодаря тому, что он не саботировал и в течение пяти лет <...> он оказывался полезен и сумел найти удачные точки соприкосновения в работе с властью советов. Он откликнулся на призывы власти — и Бенуа, Зубовы, Миллеры, Ильины, Вейнеры и Шмидты заслужат себе почет в своих потомках, а в умах всех русских эмигрантов должны вызвать уважение, и уж у элементов бездельничавших и ничего для России и ее истории не спасавших — преклонение! Эти люди были подвижниками» (Лукомский. С. 10); и ответ Бенуа на вопрос: «“Зачем, А.Н., вы пошли к ним?” <...> “Для того, чтоб спасти вещи, оставшиеся без призора, брошенные на произвол судьбы, ведь никто не желал о них заботиться; я же исполнил некий свой долг; если мне удастся спасти хоть малую долю — уж это будет реальной заслугой”» (Бенуа. Дневник. С. 254).

С. 85–86

приносит... Вейнингера и Рёскина — Отто Вейninger (Weininger) (1880–1903), австрийский философ, психолог, автор книги «Пол и характер» (1903; рус. изд.: СПб., 1908); об интересе к этой книге в России см.: Берштейн Е. Трагедия пола: Две заметки о русском вейнингеризме // НЛО. 2004. № 65. С. 208–228. Джон Рёскин (Ruskin) (1819–1900), английский писатель и теоретик искусства.

С. 86

застряли в «России» — в Алупке, как и в Ялте, была гостиница «Россия». «Из отелей самым престижным и вместительным был выходящий на главную магистраль, Воронцовскую улицу, — “Россия”. Здесь для богатой публики имелось 65 номеров с террасами и балконами, а также тенистый сад, прекрасный ресторан и кафе-кондитерская» (Ковалевская Н. Алупка начала XX в.: По материалам газеты «Русская Ривьера» // IV Дмитриевские чтения. Ялта, 2000. С. 43–44; см. также: Москвич. С. 257).

С. 87

обедал у Кюба! — об особом мире петербургских любителей балета в начале XX в. и их обедах в ресторане Кюба на Большой Морской, 16, в Петербурге (1887–1917?) см., например, в воспоминаниях критика и историка балета А.А. Плещеева («Под сению кулис». Париж, 1936. С. 90–104) и директора Имп. театров В.А. Теляковского (М.; Л., 1965. С. 413–450); см. также: Алянский. С. 178–179; интервью ресторана см.: Столица и усадьба. 1915. № 31. С. 31.

был абонемент — «В Петербурге в то время был один абонемент на сорок представлений, а так как всех их было около пятидесяти, то, значит, все представления были заняты одними и теми же посетителями. Была, так сказать, одна большая балетная семья» (Теляковский. Воспоминания. С. 152); «Все ложи, весь партер и даже места галерей и балконов верхних ярусов были абонированы. Новые абонементы были редкостью, они записывались кандидатами, ждали смерти какого-нибудь балетомана, да и то нередко безуспешно: наученные опытом, балетоманы завещали свои места родственникам. <...> В зале все были знакомы между собой» (Плещеев. Указ. соч. С. 91); см. также воспоминания балетомана Д.И. Лешкова (Партер и карцер / Сост. Т.А. Латыпова. М., 2004. С. 138–139).

Погромы, мобилизация — в Крыму Судейкин постоянно опался повторного призыва.

1 или 14 марта, четверг — Декретом от 24 января 1918 г. на территории Российской республики было введено григорианское, «европейское» времяисчисление, после 31 января наступило 14 февраля, но В.С. лишь в марте стала изредка отмечать двойную дату, на новый стиль она перешла в мае.

С. 88

решается вопрос о мобилизации — ср.: «Объявлена всеобщая мобилизация. Эти глупые большевики полагают, что кто-то будет сражаться за них. Впрочем, они скоро поняли свою ошибку, столкнувшись с бунтом и выступлениями под лозунгом: “Вам надо — вы и воюйте, а мы не хотим....» (Кантакузин. С. 304).

С. 89

осмотр дворца Воронцовых — см. комм. к с. 84.

седая Дроздова — возможно, художница Мария Тимофеевна Дроздова (1871–1960), соученица по Строгановскому учили-

щу М.П. Чеховой и подруга Хотяинцевой; или же жена В.Н. Дроздова Анна Яковлевна, в эмиграции владелица фортепьянной студии в Нью-Йорке (1922–1924).

на дачу Крестовникова — в Мисхоре находились дачи родственных семей Крестовниковых, Кривошеиных и Морозовых; вероятно, речь идет о даче Григория Александровича (1855–1918) и Юлии Тимофеевны (урожд. Морозова) (1858–1920) Крестовниковых.

видим мамашу — Августина (Инна) Исааковна Тищенко (урожд. Каминер) (1857 – после 1944), дочь земского врача Исаака Абрамовича Каминера (1834–1901), все четыре дочери которого принимали участие в революционных кружках 1870-х гг. (одна из них была замужем за народником, одним из лидеров меньшевиков П.Б. Аксельродом). Познакомилась с будущим мужем Г.М. Тищенко в конце 1870-х, вместе с ним в декабре 1879 г. уехала за границу; вернулись в Россию в сентябре 1882-го, были сосланы в Акмолинскую область, по возвращении из ссылки жили в Тифлисе, Баку, Петербурге; эмигрировали. См. о ней: Деятели. Вып. 2 (1930). Стлб. 536; а также письмо Глебовой-Судейкиной: «Добрая, умная, замечательная — Ваша мама разливает чай. <...> Чудная Инна Исааковна, как я счастлива, что Господь наградил ее долголетием».

484

С. 90

занять Щербатова — о других злоключениях Щербатова см.: *Васильчикова*. С. 427.

Петроград — вольный город! — вероятно, запись связана со слухами о взятии Петрограда немцами; в Москве об этом стали говорить в середине февраля, до Крыма они дошли несколько позднее. Васильчикова вспоминала: «В марте 1918 со дня на день ожидалось вступление германских войск в столицу и свержение ими советского строя» (с. 421); один из петроградцев позднее писал: «После окончательного развала фронта, немцы продолжали продвигаться по русской территории и столь быстрым темпом, что предположения о близком занятии ими Петрограда стали приобретать некоторое вероятие. <...> Громадное большинство желало уехать. К тому было много причин — весь Петроград в то время стремился уехать в провинцию или деревню, ибо первые судороги голода <...> уже сжимали страшными кольцами городское население. Бегство из Петрограда принимало панический характер, и не так легко было уехать в качестве отдельного частного пассажира. Возможность прихода немцев различно оценивалась населением, и наперекор восторженным поклонникам немецкого порядка, считавшим часы до предстоящего вступления их в Петроград, очень многие предпочитали уже лучше быть под большевиками, чем под немецким шутцманом» (*Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде // *АРР*. Т. 8. Берлин, 1923. С. 62); см. также запись от 7 марта 1918 г.; ср. с позднейшей записью Кузмина: «Опять носятся бессмысленные мечтания о porto-franco» (*Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // *Минувшее*. 1993. Т. 13. С. 470) и примечание к ней с упоминанием подобных слухов в его дневнике 1918 г. (с. 513, примечание 28). Немецкое на-

ступление началось 18 февраля (н. ст.), 21 февраля было опубликовано воззвание Ленина «Социалистическое отечество в опасности»; 26 февраля немцы заняли Псков, и на закрытом совещании Совнаркома обсуждался вопрос о переезде правительства в Москву. Возможно, отчасти запись связана и с этим переездом, осуществленным 11 марта (н. ст.).

С. 91

в Дюльбере — в имение вел. кн. Петра Николаевича (1864–1931) Дюльбер в Кореизе в конце февраля 1918 г. по приказу Севастопольского Совета были помещены члены императорской фамилии, находившиеся в то время в Крыму, так как этот дворец, выстроенный в мавританском стиле по проекту архитектора Н.П. Краснова (1895–1997), было легче защищать (см. о нем: *Архитектор Краснов*. С. 66–71; *Романовы и Крым*. С. 138). До прихода немцев в нем находились: «вдовствующая императрица, вел. кн. Ксения Александровна с мужем вел. кн. Александром Михайловичем и сыновьями Федором, Андреем, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием, вел. кн. Петр Николаевич с женой вел. кн. Милицей Николаевной с сыном Романом и дочерью Мариной, вел. кн. Николай Николаевич с женой вел. кн. Анастасией Николаевной, и всего со всеми слугами и придворными императрицы в Дюльбере разместилось 45 человек» (*Красных*. С. 503; см. также: *Александр Михайлович*. С. 289; *Кудрина*. С. 195–203; *Васильчикова*. С. 429; *Романовы и Крым*. С. 155–163, 289–293).

485

С. 92

от дяди Володи — брат матери В.С. Владимир Федорович Мальмгрен, потомственный почетный гражданин, доверенный «Товарищества Ф. Реддавей и К^о»; жил в Москве.

поссорился... из-за «эстетики» — ср.: «Все стали нервничать и придираться ко всяким пустякам. Начались бесконечные ссоры, и появились ругательные слова в нашем обиходном словаре. Сережа поссорился с Шаминам, говоря об эстетике» (*В.С. Воспоминания*).

Мир к б<ольшевикам> — мирные переговоры, начатые в Брест-Литовске 9 декабря 1917, были прерваны 28 января / 10 февраля 1918 г. Брест-Литовский договор (Брестский мир) между Советской Россией и Четвертным союзом (с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией) был подписан 3 марта 1918 г., просуществовал чуть более девяти месяцев и был аннулирован советским правительством 13 ноября после ноябрьской революции в Германии. Согласно его условиям, Россия потеряла значительную часть территории: Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии; Германия контролировала территории Украины, Финляндии, Моозундских и Аландских островов.

С. 93

день рождения Сережи — Судейкину исполнилось 36 лет.

диктует доклад — «Докладная записка» о Воронцовском дворце в Алупке.

Петербург взят 18-го числа — см. комм. к с. 90.

о постановке «Беглой» — «Первая русская оперетта» Н.Н. Евреинова (композитор и постановщик) и Л.Н. Урванцева (либретто) была поставлена в Палас-театре в Петербурге осенью 1913 г. и выдержала «крайне ограниченный ряд представлений», так как в ней нашли «явный пересол в политическом отношении» (*Евреинов 1, 41. С. 176*, см. также с. 177–179; *Коган. С. 102–105, 187–188*); *Белякаева-Казанская. С. 271–277*. «Задание оперетты состояло в том, чтобы показать под сатирической маской помещичьего крепостного быта начала 60-х годов лик дореволюционной консервативной России. <...> Представить этот быт повелителей и повинующихся в канун свободы, уже возвешенной в “просвещенной столице”, являлось и литературной, и музыкальной, и художественной задачей <...>. Судейкин задумал показать в этой постановке всю “красоту” в кавычках рядом с красотой без кавычек нашего старинного помещичьего уклада жизни. Он знал этот “уклад” и любил его любовью... к старой, русской табакерке, под крышкой которой красуется “эдакая прелестница” <...>. Судейкин решил ласково, но больно высмеять в “Беглой”, показав такой “росейский ампир”, такую тяжесть и пузатость в мастодонтном зодчестве, одеже и всяких доморощенных забавах, какие, словно “некий идеал”, могли мерещиться разве что в хмельном бреде нашим квасным “ура-патриотам”» (*Евреинов 1, 41. С. 177*). Премьера вызвала «у подлинных знатоков овации по адресу Судейкина. ...с таким “смаком”, я думаю, ни один еще русский художник не подходил к трактовке дореформенной Руси» (там же. С. 178).

о своей жизни в Куоккале с Кульбиным — Кульбин снимал в Куоккале под Петербургом дачу; см. шарж Судейкина на Кульбина с датой: «14-го июля 1913 года Финляндия “Куоколо”» (*БС. С. 183*). Возможно, что Судейкин приезжал к Кульбину и летом 1912 г., когда тот принимал участие в деятельности «Товарищества актеров, писателей, художников и музыкантов» под руководством Мейерхольда, спектакли которого проходили в театре-казино курорта Териоки.

С. 94

читаю Чехова — в дальнейших записях В.С. упоминает о чтении других чеховских рассказов: «Ариадна» (9 марта), «Дом с зонтином» (12 марта), «Ионыч» (17 марта), «Дуэль» (22 марта).

архитектор Фельдман — Конон Абрамович Фельдман (?– 1939), художник-архитектор, окончил АХ, участвовал в выставке «Искусство в Крыму» (см.: *Выставка 2. С. 20. № 284*); эмигрировал.

С. 95

Набоковы — Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922), юрист, публицист, депутат I Государственной думы, член союза «Освобождение», член ЦК партии кадетов (с 1905 г.); за свою политическую деятельность был исключен из членов Петербургского Дворянского собрания (1911); мобилизован (1914–1917); редактор манифеста об отречении вел. кн. Михаила Александровича от престола.

ровича; управляющий делами Временного правительства; министр юстиции второго крымского краевого правительства (ноябрь 1918 – апрель 1919); мемуарист; с апреля 1919 г. в эмиграции. Первыми в Крым в ноябре 1917 г. приехали его старшие сыновья: Владимир (1899–1977), будущий писатель («поэт»), и Сергей (1900–1945); вслед за ними его жена Елена Ивановна (урожд. Рукавишникова) (1876–1939) с тремя младшими детьми Ольгой (1903–1978), Еленой (1906–?) и Кириллом (1911–1964). Последним 3 декабря 1917 г. приехал глава семьи. «Здесь я провел всю зиму, весну и часть лета безвыездно, — пережил большевиков, захват Крыма, потом немецкое нашествие. 7 июня <1918 г.> я уехал в Киев <...> 22 июля я вернулся в Гаспру» (*Набоков В.Д.* Временное правительство // *APP*. 1922. Т. 1. С. 96). Набоковы поселились в Гаспре, где прожили почти год, затем в конце сентября 1918 г. переехали в Ливадию. В.В. Набоков писал об этом периоде своей жизни в «Других берегах». «Мы осели в Гаспре, около Кореиза. Крым показался мне совершенно чужой страной: все было не русское <...> какая-то странная атмосфера беспечности обволакивала жизнь. <...> В своей Гаспре графиня Панина предоставила нам отдельный домик через сад, а в большом жили ее мать и отчим, Иван Ильич Петрункевич, старый друг и сподвижник моего отца» (*Ann Arbor*, 1978. С. 213–214). О Набоковых в Крыму см.: *Петренко Л.В.* В.В. Набоков, М. Волошин: Ялта, 1918 // I Дмитриевские чтения. Ялта, 1996. С. 42–45; *Петренко Л.В.* Набоков и Волошин в Ялте // Крымские пенаты. Симферополь, 1997. № 4. С. 15–16; *Бушляева В.В.* Максимилиан Волошин и Владимир Набоков. Ялта 1918 // VIII и IX Волошинские чтения. Симферополь, 1997. С. 38–40; *Галиченко А.* Гаспра // *Дворянские гнезда России*. М., 2000. С. 299–309; *Галиченко А.А.* В.В. Набоков в имении Голицына-Паниной Гаспра // Крымский Набоковский научный сборник. Вып. 1–2. Симферополь, 2001. С. 62–79. В описываемый период в Крыму находились также семь братьев В.Д. Набокова — Дмитрия и Сергея (см.: *Набоков Н.Д.* Багаж. СПб., 2003. С. 134).

заходили... Вяземские — вероятно, имеются в виду родственники кн. Л.Л. Васильчиковой; в это время в Крыму, в Алушке, жили ее мать кн. Мария Владимировна Вяземская (Мисси) (урожд. гр. Левашова) (1859–1938), вдова члена Государственного совета кн. Леонида Дмитриевича Вяземского (1848–1909) (см. о ней: *НМ*. Т. 1. С. 656) и ее невестки, внучки владелицы Алушки гр. Е.А. Воронцовой-Дашковой: жена ее брата Владимира кн. София Ивановна (урожд. гр. Воронцова-Дашкова) (1892–1958), вдова брата Бориса (1883–1917) кн. Елизавета Дмитриевна (урожд. гр. Шереметева) (1893–1974) и вдова брата Дмитрия (1884–1917) кн. Александра Павловна (урожд. гр. Шувалова) (1893–1968). Возможно, к этому времени до Крыма добрался и единственный оставшийся в живых из братьев Вяземских — Владимир Леонидович (1889–1960), ротмистр, впоследствии историк и журналист. См.: *МФ* I. С. 233, 236, 251 и др. Возможно также, что имеется в виду кн. Николай Александрович Вяземский (1857–1925), вицеадмирал (с 1916 г.), входивший в свиту имп. Марии Федоровны (постоянно упоминается на страницах ее крымского дневника), и его жена.

С. 95–96

вспомнилась белая Москва — юные годы В.С. прошли в Москве, вновь она смогла побывать в любимом городе только через сорок четыре года, в конце сентября – начале октября 1962 г. вместе со Стравинским. «Он совсем не знал Москвы. Зато В.А. выросла под Москвой, а затем жила в самом городе и все хотела найти места юности (где-то тут кондитерская Филиппова была, где продавались расстегаи...). Она помнила старые названия улиц, площадей и кое-что узнавала» (*Стравинская К.Ю. О И.Ф. Стравинском и его близких. Л., 1978. С. 108*).

С. 96

Была... М.П. Чехова — Мария Павловна Чехова (1863–1957), единственная сестра А.П. Чехова, пожизненная хранительница его дома в Ялте, владелица дачи «Чайка» в Мисхоре, построенной по проекту Браиловского (1907), и заведения «Чашка чаю» в Ялте; мемуаристка. Ее знакомство с Браиловским состоялось, вероятно, в конце 1890-х гг. и связано было с ее увлечением живописью и учебой на вечерних курсах Строгановского училища. Весной 1917 г. она с трудом увезла мать из Москвы в Ялту, а осенью того же года ей еще раз пришлось съездить в Москву по делам (чтоб спасти квартиру и деньги), вновь увидеть которую она смогла только в апреле 1921 г. «Тяжело мне пришлось в годы гражданской войны. <...> Крым был отрезан от Москвы. Поддержки и материальной помощи получить было неоткуда. У меня не стало средств не только на содержание музея, но и на мое существование с матерью, которая тогда уже была слабой и больной. Я вынуждена была взяться, как когда-то в детстве, за иглу; шила белье, платье и тем добывала деньги на жизнь» (*Чехова М.П. Из далекого прошлого. М., 1960. С. 258–259*). См. о ней: *Кузичева. С. 333–422*. В эти годы вместе с ней в Ялте жил ее брат И.П. Чехов с женой.

488

прочла... брошюрку — вероятно: Рисунки голландских художников XVII века: Каталог выставки. М., 1917. 15 с. Ил.

Либерман (Liebermann), Макс (1847–1935) — немецкий живописец и график, импрессионист.

читали Кузмина «Чужую поэму» — см. комм. к с. 62; «Превращенная повесть» (первая публ.: Белые ночи. [СПб.], 1907) посвящена отношениям Кузмина и Судейкина. Их знакомство состоялось 14 октября 1906 г. на вечере в Театре Комиссаржевской, во время которого Блок читал свою пьесу «Король на площади»; роман закончился в конце декабря того же года (см.: *Кузмин 1*), но в 1909 г. дружеские отношения продолжились (см.: *Кузмин 2*).

С. 98

Пантелеева... забрала детей — у Пантелеевой было пять внуков.

вмешательство Футермана — по словам Васильчиковой, это был «один из алупкинских комиссаров» (*Васильчикова. С. 442*).

Игнатенко и Нератов — В.А. Игнатенко (?–1918), председатель Ялтинского ВРК и Совета, по мнению кн. М.В. Барятинской, «чудовище, которое имело обыкновение казнить офицеров своими собственными руками, стреляя в них из своего револьвера» (с. 99), был убит в начале мая немцами; вероятно, именно он упоминается в воспоминаниях Пасманика как руководивший экзекуциями «матрос Игнатов», который затем встал во главе Совета народных комиссаров (с. 76–77); о «начальнике войск ялтинского района» Нератове (?–1918), его интересе к кино и гибели см.: *Ханжонков 1*. С. 116, 120; *Ханжонков 2*. С. 451, 453; а также: *Кантакузин*. С. 303–304.

у обелиска — «Новый Мисхор был на границе Алупки, при въезде в которую стоял большой обелиск, на котором было два герба: со стороны Алупки — герб князей Воронцовых, а со стороны Мисхора — герб князей Долгоруких» (*Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи*. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 203).

С. 99

у одного из них — в записи от 7 (20) апреля 1918 г. В.С. называет, не раскрывая полностью, его имя — Никодим Вик<?>. См. его изображение на рисунке В.С. «Краскотраты»: *Salon Album*. 161a.

489

знает Григорьева, его жену, Щербиновского — Борис Дмитриевич Григорьев (1886–1939), живописец, график, портретист, член общества «Мир искусства»; ученик Строгановского училища (1903–1907) по классу Д.А. Щербиновского; затем вольнослушатель АХ (1907–1913), как и Судейкин, ученик Д.И. Кардовского; рисовал для журналов «Сатирикон» (с 1913 г.) и «Новый Сатирикон»; работы обоих художников покупал bibliофил А.Е. Бурцев (1863–1937), см. его «Мой журнал для немногих»; оба принимали участие в оформлении «Привала комедиантов» (см.: *ПК*. С. 108–112) и проводимых в нем вечеров; автор портрета Судейкина (1916); см. его рисунки (в том числе портреты Судейкина и В.С.) и стихотворные автографы парижского периода в *Salon Album*, а также его письма к Судейкину периода эмиграции (*Григорьев Б. Письма / Публ. Р. Антиповой; Вступ. ст. В. Сапогова // НН*. 1990. № 4. С. 57, 59). См. *ХРЗ*. С. 239–243; о том, как в ноябре 1919 г. он покинул Россию, см.: *Доронченков И.А. Петроград—Куоккала: Через границу. 1920-е годы // Минувшее*. 1996. Т. 19. С. 221–223. Жена (с 1907 г.) Б. Григорьева — Елизавета (Элла) Георгиевна (урожд. фон Броше) (?–1969), соученица Григорьева по Строгановскому училищу. Дмитрий Анфимович Щербиновский (1867–1926), живописец, акварелист, член ТПХВ (с 1916 г.), преподаватель Строгановского училища, друг Коровина.

удары пушек по направлению Севастополя — «Под Севастополем почти до конца апреля продолжались бои. Отряды красногвардейцев, моряков, партийцы — большевики и левые эсеры, анархисты сдерживали — и порой успешно — натиск гайдамацких и немецких войск» (*Зарубины*. С. 94).

Сереза вышел дежурить — см. воспоминания В.С.: «Вспомни, какое было счастье, когда ночь прошла благополучно, ты не был убит, вернулся домой, счастливый, что видишь меня, ты с такой улыбкой смотришь на меня, и мы пьем чай и смеемся, что даже в такое суровое время есть минуты забавные: “Винтовка так не подходила тебе”».

Немцы... на Перекопе — Перекоп был взят ими 18 апреля (н. ст.).

С. 100

В Кудинове — Богородского уезда Московской губернии находилась фабрика Московского товарищества по производству электрических углей (осн. в 1899 г.), управляющим которого был отец В.С.

завести антикварную торговлю — эту мечту В.С. осуществила в 1940-е гг. в Америке (см.: *Igor and Vera*. P. 104).

С. 102

комиссар Григорьев — вероятно, А.В. Григорьев — начальник штаба ялтинского отряда Красной гвардии (см.: *Васильчикова*. С. 434).

490

столетний альбом — вероятно, речь идет об альбоме деда Хотяинцевой — декабриста Ивана Николаевича Хотяинцева (Хотяинцов) (1785–1863), друга П.И. Пестеля. Упоминание об альбоме, в связи с показом его Чехову, см.: *Хотяинцева*. С. 605 (вступ. заметка П.С. Попова).

С. 103

в писчебумажном магазине в Алуке — возможно, имеется в виду «Книжно-писчебумажно-художественный магазин и библиотека М. Девичинского» (см. его рекламу: *Москвич*. [С. 36]).

С. 104

не хотели смотреть карикатуру — «За что Вы нас так обижаете?» Сереза стал показывать им карикатуры и так хорошо и убедительно объяснил им свои рисунки: “Я не обижаю вас, я подчеркиваю только Ваши слабости и Ваши подсознательные желания” (В.С. Воспоминания).

«Венецианские панно» — вероятно, речь идет об эскизах к постановке пьесы Кузмина «Венецианские безумцы» в доме Е.П. и В.В. Носовых в Москве 23 февраля 1914 г. Один из эскизов был продан на выставке в Тифлисе (см. комм. к с. 382); но, возможно, имеется в виду «Панно на тему венецианского театра» 1915 г., см. его описание: *Коган*. С. 98–101 (ил. 59 на с. 99).

грамотный ли он — «Обо мне даже не справлялись — я в это время рубила дрова — ясно, что не грамотная» (В.С. Воспоминания).

о своих бризаковских платьях — Платья, изготовленные в петербургском ателье Виктора Августовича Бризака (?–1916)

«Дамские наряды» (М. Конюшенная, 8), носила и имп. Александра Федоровна (см.: *Васильев А.* Русская мода: 150 лет в фотографиях. М., 2004).

С. 105

нарисовала... карикатуры — образцы творчества Хотяинцевой — карикатуры на Чехова и его окружение — см.: *ЛН.* 1960. Т. 68: Чехов. С. 935; работы художницы хранятся в музеях А.П. Чехова в Москве и Ялте.

альбомы, которые мы все решили завести — альбом, чрезвычайно популярный на протяжении XIX в., продолжал жить и в XX столетии. В.С. осуществила свое желание, ее альбом включает записи и рисунки 1916–1923 гг., сделанные в Петрограде, Крыму, на пароходе по пути в Новороссийск, в Тифлисе, Баку и Париже. Многие из тех, с кем общались Судейкины в это время, оставили в альбоме свои следы, в нем сохранены: автографы стихотворений Бальмонта, Билибина, Волошина, Городецкого, Дегена, Кохно, Кузмина, Мандельштама, Минского, Рафаловича, М. Струве и др.; рисунки В.С. и Судейкина (в том числе портреты В.С., Городецких, Дегенов, Долгушина, Евреинова, Каменского, Рафаловича, М. Струве, Алексея Толстого и др.), а также рисунки Браиловского, Валишевского, М. Герасимова, Городецкого (в том числе карикатуры на Бальмонта, Блока, Брюсова, Вяч. Иванова, Кузмина, Ремизова, Сологуба), Григорьева, Гудиашвили, Зданевича, Сорина и др., в том числе портреты В.С. и Судейкина и карикатуры на них работы Вл. Белкина, Валишевского, Городецкого, Григорьева, Дерюжинского, Зданевича, Сорина, музыкальные записи Поля, Стравинского, А. Черепнина и Якобсона. См. его публикацию: *Salon Album*.

491

Мария Игнатъевна — Мария Игнатъевна Мухина (1887–?), старшая сестра скульптора В.И. Мухиной (1889–1953). Об их крымском детстве, учебе в феодосийской гимназии см.: *Воронова О.И.* Вера Игнатъевна Мухина. М., 1976. С. 4–5; там же см. о дальнейшей судьбе сестры: «Мария вышла замуж за француза и навсегда уехала из России, поселилась в Будапеште. Уговаривала последовать ее примеру и Веру: на дедовские капиталы — а их еще немало было в рижских банках — можно было безбедно прожить до конца жизни» (с. 49; упомянутый «француз», вероятно, Жан Жакье). Возможно, ее («Маша») изобразила В.С. на рисунке «Краскотаты» (см.: *Salon Album*. 161а).

захотелось играть — в дальнейших записях В.С. будет неоднократно возвращаться к теме кино. Она начала сниматься в том же, 1914 году, что и Вера Холодная, но через два года, осенью 1915-го, связав свою жизнь с Судейкиным, она ушла из кино (см. также запись от 25 октября 1918 г.). О начале своей кинокарьеры В.С. позднее писала: «— Кстати, как Вы попали в синемаграф? Вы же не были профессиональной актрисой. — Нет. Я часто ходила в синемаграф, и однажды с одним приятелем, который считал меня <не законч.>, выходя раз со мной из театра, он сказал: “Почему Вы не играете в синемаграфе. Вы такая красивая”. — “А я не знаю даже, как начать, кого спросить”».

Он тут же спросил швейцара: знает ли он, как зовут какого-нибудь директора или режиссера. — «Не знаю, но было раз напечатано в фильме “Протазанов” и также “Тиман” — в телефонной книжке Вы найдете их адреса». Мы так и сделали, и через несколько дней <1 нрзб.> я пошла в агентство Тимман». За два года В.С. сыграла, по-видимому, пять ролей: 1) Эмму, главную женскую роль в фильме «Женщина захочет — черта обморочит» («Русская золотая серия», реж. Я. Протазанов, выпущен 2 февраля 1914 г.; см.: *Вишневский*. С. 39; рец. и либретто см.: Синефоно. 1914. № 8); 2) Нелли Лескову, дочь психиатра — главную женскую роль в фильме «Арена мести» («Русская золотая серия», реж. Я. Протазанов, выпущен 15 апреля 1914 г.) — «большой авантюрно-приключенческий и “психологический” фильм с надуманным сюжетом из цирковой жизни» (*Вишневский*. С. 35; либретто и рец. см.: Синефоно. 1914. № 12, 13); 3) Александру Ивановну, жену главного героя в фильме «Драма у телефона» («Русская золотая серия», реж. Я. Протазанов, выпущен 28 декабря 1914 г.) — «заслуживающий внимания драматический этюд, интересный операторскими работами и монтажными приемами» (*Вишневский*. С. 39; об этом экспериментальном фильме, без упоминания В.С., см. также: *Левицкий А.* Рассказы о кинематографе. М., 1964. С. 26–30; *Протазанов*. С. 305–306); 4) Элен Курагину в экранизации романа Л.Н. Толстого «Война и мир» («Русская золотая серия», реж. Я. Протазанов и В. Гардин; 1-я серия выпущена 13 февраля, 2-я — 14 апреля 1915 г.), «осуществленной одновременно с аналогичными постановками А. Ханжонкова (“Наташа Ростова”) и А. Талдыкина (“Война и мир”))» (*Вишневский*. С. 56; о фильме см. также: *Левицкий*. Указ. соч. С. 64–77; *Гардин*. С. 83–88, упоминание В.С. на с. 84; кадр из фильма см.: *Salon Album*. Р.ХVI или *Igor and Vera*. Р. 43); 5) Лизу Михайлову в экранизации романа А.А. Вербицкой «Андрей Тобольцев (Дух времени)» (в 2-х сериях; сценарий А. Вербицкой, режиссер А. Андреев; выпущен 9 ноября 1915 г., см.: *Вишневский*. С. 52. № 604); рецензенты отметили игру В.С. и дали ей высокие оценки, см. рец.: *Кино-журнал*. 1915. № 21/22. С. 64; *Великий Киноемо*. С. 228–234 (кадр из фильма на с. 229); по-видимому, это единственный сохранившийся фильм с ее участием. См. упоминание В.С. в воспоминаниях В.Р. Гардина: «— Яков Александрович, кто же красавица Элен Курагина? — А невеста художника Судейкина... Лучше не найдем» (*Протазанов*. С. 317; ошибка мемуариста — В.С. еще не была знакома с Судейкиным).

шли в Кореиз — там находились также имения кн. Юсуповых, гр. Е.П. Клейнмихель, «Дюльбер» и др. О Кореизе Юсуповых см.: *Юсупов*. 87–91; *Архитектор Краснов*. С. 95–97.

Доктора Михайлова не было — Константин Александрович Михайлов (убит в Крыму в 1919 г.), земский врач, хирург и глазной специалист, жил в Кореизе и был домашним врачом членов имп. фамилии, живших поблизости; см. его упоминания дневнике имп. Марии Федоровны (с. 203, 212, 356 и др.); и в воспоминаниях Дерюжинского (с. 251–252) и Пасманика (с. 87).

С. 106

с доктором Овсянниковым — Михаил Викторович Овсянников, специалист по внутренним и детским болезням; см. упоминание его имени в списке врачей, «круглый год живущих в Алушке» (Москвич. С. 258).

Почему Вы... это делаете — «Почему вы так стараетесь — я ни за какие деньги не стала бы заниматься хозяйством», — сказала мадам Набокова. — «Я не из-за денег, а из-за любви». — «А! из-за любви?» — «Да, из-за любви к работе!» — и я стала смеяться. Она смотрела на меня с недоумением и, по-моему, даже злобно» (В.С. Воспоминания).

лоизенный — блестящий (фр.).

У меня есть Сомов — акварель «певца радуг и поцелуев» К. Сомова «Радуга» (1908) из собрания В.Д. Набокова была воспроизведена в журнале «Аполлон» (1913. № 9. С. 39).

Бенуа («Версаль») — см. дневник Бенуа: «Заходил к Вл. Д. Набокову, чтоб поглядеть на те два моих версальских этюда, которые он когда-то купил...» (с. 45).

Анисфельд, Борис (Бер) Израилевич (1879–1973) — художник, декоратор; как и Судейкин, ученик Д.Н. Кардовского в АХ; принимал участие в оформлении спектаклей для Театра В.Ф. Комиссаржевской (1907) и Русских сезонов Дягилева (с 1909 г.); эмигрировал. См.: ХРЗ. С. 88–89.

493

С. 107

Бакст писал мой портрет — в 1910 г. (ГРМ).

портрет Бруса — работы Сорина (был на выставке «Малый круг» в Тифлисе в 1919 г.: С. [8]. № 65); Генри Джеймс Брус (Брусс, Брюс; Bruce) (1880–1951), второй секретарь посольства Великобритании в Петербурге, позднее главный секретарь английского отделения Союзной репарационной комиссии; второй муж Т.П. Карсавиной (с 1915 г., офиц. с 1917-го), художник-любитель (см. его рисунок-портрет Карсавиной 1918 г.: *Karsavina T. Theatre Street. N.Y., 1931. P. 322–323*). См. о нем: воспоминания балерины; *Бенуа. Дневник. Сомов; Ступников И.В. Генри Джеймс Брюс // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2002. № 11. С. 133–146.*

Сорина передернуло — о его отношении к Карсавиной см. комм. к с. 68.

Он приятный мужчина — ср.: «С первого знакомства он произвел на меня чарующее впечатление тонкого культурного человека» (*Пасманик. С. 93*).

возится с Моцартом — позднее, в 1926 г., Судейкин оформил постановку «Волшебной флейты» Вольфганга Амадея Моцарта (Mozart) (1756–1791) для Metropolitan Opera (см. его письма: *Евреинов 1, 41. С. 192–193*).

об Артуре Лурье... он был в его классе — Лурье учился в Петербургской консерватории по классу фортепьяно первоначально у В.Н. Дроздова (в 1912 г. перешел к М.Н. Бариновой); о его отношении к учителю можно отчасти судить по записи И. Грэм: «Уроки заключались в том, что учитель и ученик ходили есть блины и закусывать в соседнюю с консерваторией ресторацию» (с. 216).

С. 108

показывал Глазунову — Александр Константинович Глазунов (1865–1936), композитор, дирижер, профессор (с 1899 г.) и директор (1905–1928) Петербургской консерватории; после Октябрьской революции ее ректор, с 1928 г. жил во Франции. Лурье занимался у него «композицией и теорией музыки» (Грэм. С. 216); см. его воспоминания о Глазунове (*Лурье А. Чешуя в неводе: (Памяти М.А. Кузмина) // Воздушные пути. Кн. 2. Нью-Йорк, 1961. С. 190–193*), в которых он отмечает, что «Глазунов был непримиримым и бескомпромиссным врагом модернизма как в своем творчестве, так и в своих высказываниях, — и это при всей деликатности и мягкости его характера и большой доброте» (там же. С. 193). Об отношении Глазунова к современной музыке см. также в воспоминаниях А. Седых (Далекое, близкие. 3-е изд. N.Y., 1979. С. 186).

494

26 марта <8 апреля>, понедельник — в этот день В.С. были записаны очередные предсказания.

«Кто что обещает. 8 апреля нового стиля, понедельник. В мастерской Браиловских.

Вопрос: Положение Крыма в ближайшее время?

Сорин: В Крым немцы не придут, и Крым будет советским.

Р<имма> Н<икитична>: Немцы с украинцами придут в продолжение апреля.

Л<еонид> М<ихайлович>: Крым будет принадлежать немцам или союзникам, и немцы придут в скором времени.

Сергей Валерьянович: Ей Богу, не знаю.

В<ера> А<ртуровна>: Немцы будут через неделю.

С<ергей> Ю<рьевич>: Крым самостоятельной республикой остаться не может. Он сольется с Украиной. Украинцы скоро придут вместе с немцами.

Сорин просит добавить, что сказанное им будет, если мир с большевиками не будет нарушен».

С. 109

Там обедаем — «Ресторан при “России” считается лучшим в Алушке и самым посещаемым приезжими» (*Москвич. С. 257*).

С. 110

любит работать «в обществе» — ср.: «М.А. Кузмин говорил, что Судейкин, рисуя, был очень разговорчив и весел» (*Гильдебрандт I. С. 151*).

С. 111

с дачи Чичкина — Чичкин, Александр Васильевич — владелец молочных магазинов в Москве, арендатор дачи в Новом Мисхоре с 1916 г.

помогал... молодой Набоков — в воспоминаниях В.С. уточняет, что это был В.В. Набоков.

о ее сыне поэте — В.В. Набокове. Ср. воспоминания В.И. Поля: «Отец Сирина как-то пожаловался мне: — Вы знаете, просто беда с Володьюшкой! Он способный, пишет хорошие стихи, а занимается лишь тем, что бегаёт и ловит бабочек. Не могли бы Вы, Владимир Иванович, повлиять на него и постараться хоть на время оторвать от бабочек и написать стихи» (*Шаховская*. С. 233).

о первой книжке стихов — см. *Набоков В.* Стихи. [Пг.: Унион, 1916]. 56 с. (тир. 500 нумер. экз.); в 1918 г. вышел еще один сборник, в который вошло 12 стихотворений Набокова: *Балашов А., Набоков В.* Альманах «Два пути». Пг., 1918 (тир. 500 экз.). См. также: *Набоков.* Другие берега (гл. 11).

Блуменфельд, Нина Феликсовна (1885–1956) — старшая дочь Ф.М. Bluменфельда и М.В. Анастасьевой; художница, ученица РШ ОПХ, до революции работала на Императорском фарфоровом заводе в Петрограде, выполняла для него отдельные заказы и в 20-х годах; участница выставки в Ялте 1918 г. (см.: *Выставка 2*. С. 5. № 36: Индийская фигура (фарфор Императорского завода)); после Гражданской войны жила в Москве с отцом и сестрами Ольгой (1887–1946) и Натальей (1889–1965). См. о ней запись Бенуа: «Очень милое существо, производящее несколько жалкое впечатление какой-то надломленности. Ее прежние, чуть порнографические композиции с двух персидских миниатюр я все же предпочитаю ее нынешним реалистическим работам, в которых сказывается какой-то если и очень «добродетельный», но и крайне обыденный подход к задаче» (*Бенуа.* Дневник. С. 25). Bluменфельд, «рано потеряв жену <...> остался один с четырьмя детьми <...>. Он считал для себя невозможным жениться вторично и всю оставшуюся жизнь был вместе со своими дочерьми. Жил он с ними в большой дружбе, обо всем с ними советовался и считал их самыми строгими судьями в своих музыкальных делах» (*Анастасьева*. С. 166).

С. 112

Григ (Grieg), Эдвард (1843–1907) — норвежский композитор, пианист, дирижер.

Брамс (Brahms), Иоганнес (1833–1897) — немецкий композитор.

Гречанинов со словами А. Белого — см. упоминание о нотах романа Александра Тихоновича Гречанинова (1864–1956) на слова Андрея Белого (Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934). «Объяснение в любви» с дарственной надписью автора: «Искренно уважаемой Анне Михайловне Ян-Рубан на память. А. Гречанинов С. Пб. 3.III.1911» (см.: *Марков А.* Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 293).

Cassini — вероятно, итальянская певица и композитор Франческа Каччини, по прозвищу Чеккина (1587 – ок. 1640). О репертуаре Ян-Рубан в это время см. также: *Маковский*. С. 575.

у нее нет голоса — ср.: «После концерта подошел Цезарь Кюи и стал выражать свои восторги по поводу ее выступления; она же ему ответила, что ей жаль, что голос у нее недостаточно сильный, что она ограничена из-за этого в своих достижениях. Он тотчас возразил: “Наоборот, если бы у вас был оперный голос, вы никогда не достигли бы такой высоты в исполнении”» (*Вернадская*. С. 98; см. там же отзывы А. Гречанинова, Н. Черепнина, Ф. Шаляпина).

С.113

играть... Шопена, Листа — Фридерик Шопен (Chopin) (1810–1849), польский композитор и пианист; Ференц Лист (Liszt) (1811–1886), венгерский композитор, пианист, дирижер.

С. 114

неглижированность — невнимательность, пренебрежение.

интереснейший автопортрет — вероятно, имеется в виду автопортрет в зеркале с картами и трубкой (1918; собрание кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского); воспроизведение его варианта («Натюрморт с автопортретом», 1920), подаренного художником Тициану Табидзе (см.: *Дзуцова* 2. С. 178); см. также описание еще одного варианта — на стене тифлисского кафе «Химериони»: «Автопортрет с зеркалом и заглядывающим в него Амуром, а рядом, в белых одеяниях мадонны, стояла его жена» (*Судейкин в Грузии*. С. 25).

496

С. 115

свои богатства — ср: «Я снова полюбила, как раньше, как Вы, все предметы, иногда битые и раненные: посуды, гравюры, статуэтки Божьей Матери. И, придя домой, скорей, скорей их чинить, иногда с молотком, и с отвертками, и с клеем, и говорила себе — “совсем как Вера Георгиевна”, и Вы были как будто рядом — мне хотелось спросить у Вас — так ли я клею. <...> Я помню, как я к Вам ходила каждый день, и Вы после вкусного обеда показывали мне свои сокровища”; и далее о судьбе этого собрания, оставленного владелицей в Париже накануне прихода немцев: “Я знаю, что Вы пережили удар, потеряв все, что оставили здесь любимого и редкостного”» (*Глебова-Судейкина*. Письмо).

совет (мисхорский) — ср. с описанием кореизского комисариата в воспоминаниях Васильчиковой (с. 423–424).

мемуары о Рославле — возможно, имеется в виду А.С. Рославлев.

С. 116

к Оболенским смотреть портрет — см. комм. к с. 82.

так портить руки — ср. с рассказом Л.Д. Блок о первой жене Судейкина: «Помню, в таких же слезах застала я Олечку Глебову-Судейкину за мытьем кухни. Вечером ей надо было танцевать в “Привале комедиантов”, и она плакала над своими красивыми руками, покрасневшими и распухшими» (*Блок Л.Д. И были, и небылицы о Блоке и о себе // Две любви, две судьбы*. М., 2000. С. 112).

Политический момент напряженный — в Крыму менялась власть, через несколько дней началась немецкая оккупация, которая продолжалась до середины ноября 1918 г.

немцы уже взяли Симферополь — немецкие войска заняли Симферополь 22 апреля (н. ст.).

С. 118

Папа бывает только один — эти слова Судейкина связаны с тем, что он рано потерял своего отца (см. комм. к с. 77).

Севастополь решил защищаться — город был занят немецкими войсками 30 апреля (н. ст.).

придется уехать — «“Но куда, куда и как? Переплыть на лодке в Константинополь?” Мы смеемся. “Ах, как хорошо, что ты смеешься. Мы не пропадем, мы умеем работать, мы сильные духом”. — “Довольно хвастаться, иди спать, завтра опять будут неприятности”» (В.С. Воспоминания).

какие-то Жеребцовы — вероятно, камергер, гласный Петроградской городской думы Дмитрий Михайлович Жеребцов (?–1932), его жена Наталья Михайловна (урожд. Леонтьева) (?–1932) и их дочь; в Петербурге жили на Дворцовой наб., 10; см.: МФ I. С. 232, 248, 260).

497

С. 119

«Русский рай» — цикл из пяти стихотворений, вошедший в сборник «Вожатый» (СПб., 1918); вероятно, имеется в виду первое стихотворение цикла: «Все тот же сон, живой и давний» (см. автограф Кузмина с его пометой «переписано для Серезеньки Судейкина. 1916»: *Salon Album*. 15); о «русском рае» см. также в 9-й строфе «Чужой поэмы» («Пришла ко мне, и сказка стала былью / И растворил врата мне русский рай»).

«XVIII век» — вероятно, имеется в виду цикл из девяти стихотворений «Ракеты» (1907), вошедший в первую книгу стихов «Сети» (М.: Скорпион, 1908).

«Александрийские песни» — см. комм. к с. 68.

С. 120

отнесла ей «Историю иконописи» Грабаря — вероятно, имеется в виду шестой том изданной Игорем Эммануиловичем Грабарем (1871–1960) «Истории русского искусства» (М.: Кнебель, [1915]), посвященный древнерусскому искусству, в котором Грабарь является автором статей «Царские иконописцы и живописцы XVII в.» (с. 409–454, совместно с А.И. Успенским) и «Стенные росписи в храмах XVII в.» (с. 481–534).

«La révolte des Anges» («Восстание ангелов») — роман (1914) французского писателя Анатоля Франса (France) (1844–1924). Спустя несколько лет чтение романа отразилось в названии кабаре, открытого Судейкиным и С. Корона в Нью-Йорке в 1924 г.,

см. слова «Пролога» при его открытии: «Знаете ли вы, куда вы пришли? <...> Вы в подвале Падших Ангелов. Что это значит? Один из бессмертных гениев Французской Академии предсказал наш приход, написав “Восстание Ангелов”. Прочтите эту изумительную книгу и вы поймете, что значит “падшие ангелы”» (*Еврейнов 1, 41. С. 187*).

немцами взята лишь Перекоп — «На страстной неделе распространился слух, что на Украину двинуты немецкие войска, что Киев и Одесса заняты немцами и что в районе Перекопа идет бой. Слуху этому сперва мало кто поверил» (*Врангель П. Ч. 1. С. 60*).

С. 122

жена Павлина... рыдала от страха — «Как ее успокоить? “Все это вранье, люди только и живут выдумками и сплетнями. И кто это успел сосчитать, что шестьдесят человек убито, а не двадцать. Ничего подобного не было”. Это ее как-то успокоило» (*В.С. Воспоминания*).

498

зарезаны татарами — о татарском восстании и событиях в Алуште см.: *Оболенский. С. 589; Зарубины. С. 91, 93*. Немецкие войска заняли Алушту 27 апреля.

С. 123

идут с гор татары — «В двадцатых числах апреля на южном берегу разгорается крымскотатарское восстание... С гор спускаются эскадронцы и офицеры, увлекая за собой местное население. В то же время жители прибрежных селений, напротив, бегут в горы, спасаясь от репрессий» (*Зарубины. С. 90-91*).

С. 124

заходили... Мте и Мг Жакье — А.А.Хотяинцева и Ж. Жакье.

к празднику — к Пасхе. В этом году Пасха была 22 апреля.

со своим... врагом Калишевским — возможно, Яков Степанович Калишевский (1856-1923), регент хора Софийского собора в Киеве (1883-1920).

С. 125

Серов, Валентин Александрович (1865-1911) — русский художник. Среди тех, с кем общались Судейкины в Крыму, были и герои серовских портретов: кн. О. Орлова, кн. Щербатова, кн. Юсуповы и др.

слышна канонада — Севастополь и Феодосия были заняты германскими войсками 30 апреля (н. ст.).

большевики нагрузили — «Кажется, в среду или в четверг... я встретил графа Ферзена. Он сообщил мне, что в Ялте в прошлую ночь был произведен вновь ряд обысков <...>. Когда граф Ферзен уезжал из Ялты, к молу подошло какое-то судно, и он видел, как шла погрузка. Говорили, что грузятся семь комиссаров» (*Врангель П. Ч. 1. С. 60*).

охранять Великих князей — «В намерение Ялтинского совета входил захват заложников и расстрел их. Севастопольский совет действовал в значительной степени по указанию Москвы. <...> Когда немецкие войска начали приближаться к Ялте, Задорожный сообщил, что ялтинские большевики намереваются, не теряя времени, захватить всех узников Дюльбера» (*Кудрина*. С. 200–203); для их защиты им были вызваны дополнительные силы из Севастополя. Подробнее см.: отрывки из дневника кн. Никиты Александровича (записи от 22–24 апреля 1918 г. опубл.: *Нива* (Алабама). 1979. № 3. С. 13–14), воспоминания его отца вел. кн. Александра Михайловича (с. 289–296), *Васильчиковой* (с. 437), *Юсупова-мл.* (с. 240–242; по его словам, подкрепление пришло только под утро).

С. 126

20 (7) мая, <понедельник> — Готовясь к работе над воспоминаниями, В.С. составляла краткую хронику событий, сохранились такие записи к маю – августу 1918 г.: «Май<-июнь>. Немцы заняли весь Крым. Стало спокойнее и лучше. Но и хуже (нет того excitant <волнения, возбуждения> жизни). Билибин приедет. Приехал. Замучил нас пьянством. Разговоры об Академии искусства. Несколько parties <вечеринок>с Билибиным: 1) Сорин, 2) Браиловские, 3) дома у Хотяинцевой до пяти утра. Дроздов. Мы спасаемся раз у Тищенко. Билибин немного спокойнее. Нет денег, пишет розы. Мама ездит в Ялту. Штакельберги уезжают в Германию. Паллада объявилась. Маковский. <пропуск в тексте> с матерью. Глаза болят, едем с Леонидом в Ялту. Якобсон. Продаю ватрушек. Сорин предлагает выписать Ялту. Хотим устроить вечер с Якобсоном. Едем в Ялту к главному доктору. Комната во “Франции”, рассказы Паллады. Концерт, я продаю афиши. Переезжаем к Браиловским. Провинциальный концерт».

499

Двадцать дней как немцы в Крыму! — В.С. имеет в виду Ялту, которая была занята немецкими войсками 1 мая (н. ст.); в этот день «город имел действительно праздничный вид» (*Пасманик*. С. 88). О приходе немцев, противоречивом отношении к этому событию жителей Крыма, о жизни при немцах см. свидетельства очевидцев: *Барятинская*. С. 99; *Васильчикова*. С. 438–447; *Винавер*. С. 2–5; *Врангель П. Ч. 1*. С. 60–61; *Кантакузин*. С. 307; *Кришевский*. С. 351–352; *Оболенский*. С. 591, 605; *Пасманик*. С. 84–111; *Немцы в Ялте* / Публ. А.П. Лукина // *Иллюстрированная Россия*. 1936. № 49 (603). С. 8–9; см. также: *Зарубины*. С. 101–103; фотографию встречи немецких войск в Мелитополе см.: *Russia in Photographs*. P. 204–205 (№ 195).

В парке — см. его описание: «По красоте своей Воронцовский парк был бы в древности причислен к семи чудесам света. Какая роскошь растительности, какое разнообразие пейзажа, какая прихотливость бесчисленных дорожек, какой блеск и обилие воды!» (*Москвич*. С. 259).

С. 127

освободить Великих князей — см. комм. к с. 125. О том, как встретили «пленники» своих освободителей, см.: *Врангель П. Ч. 1*.

С. 61; *Романовы и Крым*. С. 293–294; *МФ 1*. С. 235. «В первый день Пасхи вдовствующая императрица впервые принимает визитеров, и они вновь целуют ей руки и дарят цветы. Теперь она свободна от большевиков, как и все члены царской семьи, оставшиеся в Крыму. Немцы обещали им защиту и разрешили употребление прежних титулов» (*Кантакюзин*. С. 307).

сидим в... кафе — «Рядом за столом сидит пожилая пара с дочерью, очевидно. Она плачет истерически, и слово “унижение” часто доходит до нас, ясно, что это по поводу немцев» (*В.С. Воспоминания*).

минуты радости... минуты скорби — ср.: «Я испытывал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унижительной власти хама и большое чувство обиды национальной гордости» (*Врангель П. Ч. 1*. С. 60).

С. 128

мир с Великороссией — имеется в виду Брестский мир (см. комм. к с. 92, а также: *Пасманик*. С. 105).

500

В Петрограде голод — см. комм. к с. 90

Теперь Вы можете спокойно спать — ср. со свидетельствами современников: «Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателя наименее ощутимым. С их приходом были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками, — карточная система, закрытие текущих счетов и прочее, но обязательное получение пропусков для выезда и въезда в Крым осталось в силе» (*Врангель П. Ч. 1*. С. 60); «Когда немцы прибыли в Крым, они себя чувствовали полными хозяевами края и поэтому относились серьезно к нуждам населения. В первые же дни они приступили к изучению продовольственного дела и внимательно отнеслись к заявлению представителей местного самоуправления. При этом они преследовали и свои интересы: увеличить возможности отправки продуктов в Германию. Но в первые месяцы оккупации они были очень осторожны и зорко следили за колебаниями цен. <...> Таким образом установились приличные отношения между немцами и местным населением. <...> Можно сказать, что население никакой ненависти к немцам не чувствовало. Ни солдаты, ни офицеры их не пьянствовали, не дебоширили, никогда не появлялись ни в кондитерских, ни в ресторанах, а жили своей замкнутой и обособленной жизнью» (*Пасманик*. С. 104–105).

С. 129

неужели Вы думаете — ср.: «В.Д. Набоков и в вопросе об отношениях к немцам сразу стал на почву культурной проблемы. “Мы стали, поскольку мы стали, культурными европейцами, — сказал он мне, — лишь благодаря немцам. Наша наука, наша техника, наша философия — плоды влияния немецкой культуры”» (*Пасманик*. С. 94).

Екатерина Великая — Екатерина II Алексеевна (урожд. принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская) (1729–1796), жена имп. Петра III, русская императрица с 1762 г.

вместе с Алексеем Михайловичем — Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г.

пришел Билибин — в среду, 22 мая; в альбоме В.С. сохранился автограф стихотворения Билибина «Розе» с датой «Мисхор 15 мая 1918» по ст. ст. (27 мая н. ст.; см.: *Salon Album*. 37a).

у Кулаковых — Петр Ефимович Кулаков (1867–?), в прошлом директор-распорядитель товарищеского издательства «Общественная польза», директор (затем член правления) акционерного общества «Лектор» в Петрограде, один из организаторов покупки Бати-Лимана, бывший зять писателя С.Я. Елпатьевского (был женат на его дочери Людмиле Сергеевне, во втором замуж. бар. Врангель), старый знакомый Билибина; и его вторая жена, художница-график, ученица Билибина в РШ ОПХ, Антонина Христиановна Вестфален (1881–1942). «Обычно днем Билибин работал у себя. Когда спадала жара, он отправлялся бродить по окрестностям. Часто спускался в долину в соседнюю деревню Скеле, где жил его старый знакомый Петр Ефимович Кулаков. Это был очень интересный, живой, общительный человек. <...> В округе его все знали», — вспоминала К.Н. Янович (цит. по: *Билибин 1*. С. 161). О нем также писал Маковский: «Я отвез семью подальше в горы — за Байдары, в глухое село Скеле <...>. Мою жену с сыном приютил местный помещик-агроном Кулаков, седеющий типичный “неунывающий россиянин”. В Скеле было необыкновенно тихо и удивительно красиво» (*Маковский*. С. 574). См. о них: *Билибин 2*. С. 48, 150–151.

501

дело в Ласпи — в долине Ласпи, расположенной в южной части Крыма к западу от Ялты, на мысе с тем же названием, недалеко от Бати-Лимана пайщиками Общества крымских климатических станций и морских купаний были приобретены земли с целью создания курорта — города-сада по проекту архитектора И.А. Фомина (1916). См.: *Врангель Л.* С. 80; *Левицкая З.Г.* Имение «Ласпи»: Неосуществленный проект или утопия города-сада // Мир усадебной культуры: I Крымские междунар. науч. чтения: Материалы. Симферополь, 2002. С. 154–159.

стал рассказывать о Батильмане — см. описание его дома в письме Станиславского к жене (1913): «Только Билибин (художник) попал в настоящую ноту и слился с природой. У него небольшой каменный домик, окрашенный белым, красная черепитчатая крыша и несколько деревянных перегородок в доме образуют три комнаты; татарские диваны, самая простая и уютная обстановка, татарский камин, площадка, обсаженная кипарисами и другими деревьями, розы, цветы, виноградничек — создают прелестную идиллию» (*Станиславский 8*. С. 335).

С. 130

ee belle-fille — по-видимому, речь идет о портрете кн. Надежды Петровны Орловой (1898–1988), дочери вел. кн. Петра Николаевича и вел. кн. Милицы Николаевны, с апреля 1917 г. жены сына кн. О.К. Орловой — Н.В. Орлова; в марте 1918-го у нее родилась дочь; эмигрировала. Вероятно, именно этот портрет был на выставке «Искусство в Крыму» как собственность Н.В. Орлова (см.: *Выставка 2*. № 179).

С. 131

об академии в Крыму — см. Приложение 2; возможно, что идея создания в Крыму Академии художеств была вдохновлена открытием в 1918 г. Таврического университета; ср. также: в апреле 1918 г. в Москве на заседании отдела пластических искусств при Комиссии по охране памятников (одним из членов которой стал Коровин) был поднят вопрос о создании Вольной Академии (см.: *Из истории*. С. 197–198). «В Крыму намечалось создание горной станции Вольной Академии изобразительных искусств в бывшем имении царя “Эрэклик” и приморской базы в бывшем царском имении “Ореанда”» (там же. С. 339).

502

барон Врангель — бар. Петр Николаевич Врангель (1878–1928), генерал-майор (с января 1917 г., генерал-лейтенант с ноября 1918 г.) брат бар. Н.Н. Врангеля, один из руководителей Белого движения; в Добровольческой армии с августа 1918 г.; в конце декабря этого же года назначен командующим Кавказской армией; с апреля 1920 г. — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, с мая — Русской Армией); в ноябре 1920-го эвакуировался вместе с армией из Крыма; автор мемуаров. С осени 1917 г. жил с семьей в Ялте, в феврале 1918-го они переехали в Мисхор и «поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых» (*Врангель П. Ч. 1*. С. 59), в августе 1918 г. уехал с женой на Кубань, в Мисхоре остались их дети вместе с бабушкой, Н.М. Иваненко. Недалеко от Батилимана находилось имение родителей его жены. О его жизни в Крыму с осени 1917 по август 1918 г. см. там же. С. 52–61; *Мацылев С.А.* Беглые встречи // *Часовой*. 1948. № 272. С. 12–15.

С. 132

Долгоруковский погреб — «Вина имения Мисхор пользуются заслуженной известностью. Недалеко от подвала единственные в Крыму по обширности оливковые рощи» (*Москвич*. С. 253).

перевод из Овидия — см. комм. к с. 60.

о «*Милюкове и молоке*» — первые две строчки приводит бар. Л. Врангель: «От всех волнений далеко / Милюков пьет молоко» (с. 81). Павел Николаевич Милюков (1859–1943), историк, публицист, общественно-политический деятель, один из организаторов партии кадетов, член ЦК партии, министр иностранных дел Временного правительства; пайщик кооператива в Батилимане (см.: *Врангель Л.* С. 80–82); после Октябрьской револю-

ции уехал из Петрограда сначала в Москву, затем на Дон, в описываемый период находился в Киеве; покинул Россию в ноябре 1918 г.

председатель М<ира> И<скусства> — «Мир искусства» — объединение художников, первоначально устраивавшее выставки при петербургском художественном журнале того же названия, одним из инициаторов создания которого был Александр Бенуа (1899–1903); воссоздано в 1910 г. под председательством Н.К. Рериха; Билибин был председателем комитета общества «Мир искусства» в 1916–1917 гг. Судейкин — член-учредитель и участник выставок (1906, 1911–1917). В 1917 г. членами общества было около пятидесяти художников, в том числе упоминаемые в дневнике В.С.: Анисфельд, Бакст, Бенуа, Добужинский, Жолтовский, Кончаловский, Кузнецов, Машков, Милиоти, Петров-Водкин, Сомов, Феофилактов, Яковлев.

Мисхор, княгини Долгорукой — см. комм. к с. 53.

С. 133

Вершинин, Василий Михайлович (1874–1946) — купец, эсер, член IV Государственной думы от Томской губернии (фракция трудовиков), издатель демократических газет «Жизнь Алтая» (Барнаул, 1911–1912, 1914–1916) и «Алтайская жизнь» (1914, 1916), комиссар Временного правительства, по поручению которого сопровождал Николая II из Ставки в Царское Село, а затем его с семьей в Тобольск, после чего был направлен в Крым для наблюдения за находившимися там членами имп. фамилии («наш комиссар», «старший ангел-хранитель»); эмигрировал. См. его характеристику в письме обер-гофмейстера имп. Марии Федоровны Г.Д. Шервашидзе к вел. кн. Николаю Михайловичу от 20 ноября 1917 г.: «Мы, обитатели Ай-Тодора, находимся под наблюдением Вершинина, депутата Севастопольского исполнительного комитета морского подпоручика Жоржелиани и семнадцати матросов. <...> они оба произвели на меня недурное впечатление. Первый представляет из себя тип добродушного, но темного утописта непереваренных социалистических теорий» (МФ 2. С. 50). См. упоминание о нем в крымском дневнике имп. Марии Федоровны (МФ I. С. 213, 214, 221 и др.); отрывки из его докладных записок Керенскому осенью 1917 г. (Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель Императорского дома. 1917–1919. М., 1992. С. 75–89; Кудрина. С. 187); см. также: *Васильчикова*. С. 416; см. также с. 414–415; *Серков*. С. 177–178; *НМ*. Т. 1. С. 548.

503

волновалась мамаша — см. о ней комм. к с. 89.

«La belle jardinière» — ср.: «Ваш образ белоснежной красавицы — Bellina Тициана с нежным лицом, с глазами как две звезды, остался у меня в сердце» (*Глебова-Судейкина*. Письмо).

Сомова (урожд. Морозова, во втором замуж. Бонч-Осмоловская), Ольга Георгиевна (1895–1975) — художница; дочь лесоведа Георгия Федоровича Морозова (1867–1920), пайщика кооперативного поселка Батилиман; в то время жена инженера Павла

Осиповича Сомова, воевавшего на стороне белых; ученица Судейкина по театрально-декоративному отделению Женских курсов высших архитектурных знаний Багаевой (с осени 1915 г.), помогала ему при росписи «Привала комедиантов»; участница выставки «Искусство в Крыму» (см.: *Выставка 2*. С. 13. № 154–158); жила в Крыму с весны 1917 г. с маленьким сыном и свекровью (в Алуште, Ялте, Симферополе), в Крыму также находились ее родители и сестры. В автобиографической книге кратко описывает свою учебу у Судейкина, работу под его руководством над росписью «Привала комедиантов» (см.: *Морозова*. С. 117–122), но не упоминает о встречах с ним и В.С. в Крыму. О жизни в Ялте, с упоминанием Маковского и Паллады, см. с. 126–133. См. также ее характеристику личности художника: «Судейкин был барин-самодур и с аппетитом играл самого себя, роль, предложенную ему природой и сестрой. По виду это был круглолицый крепыш, с насмешливыми глазками-шелками. Он обращался с нами, как приходилось, по настроению: казнил или миловал. Но мы его любили, и было за что» (с. 118); «Был в Судейкине праздничный самобытный талант, был он выдумщик, сказочник и забавник по самой сути, и перещеголять его на этом поприще было трудно» (с. 120).

С. 134

сказала ему: натуралистом — см. также записи от 9 и 20 июня 1918 г. и комм. к с. 225 (о Евреинове).

С. 135

князь Урусов — вероятно, один из четырех братьев Урусовых, сыновей кн. Сергея Леонидовича (1872–1948) и Ольги Петровны (урожд. Васильчикова) (1867–1931) Урусовых, живших с мая 1917 по март 1919 г. в Симеизе, в имении брата их бабушки Марии Сергеевны Урусовой (1844–1904), генерала от инфантерии Ивана Сергеевича Мальцова (1847–1921): «приятель» С. Маковского Николай Сергеевич (1898–1981), впоследствии председатель Толстовского общества в США Леонид Сергеевич (1901–1970), Иван Сергеевич (1904–1976) или мемуарист Петр Сергеевич (1899–1984). См.: *Ourousoff P.S. Reminiscences of a Vanished Age 1904–1920*. [Изд. авт.], 1984 (публ. отрывка, посвященного Крыму, см.: *Литаиш О.А. Южный берег Крыма в период 1917–1919 г. в воспоминаниях князя П.С. Урусова // III Дмитриевские чтения. Ялта, 1999*. С. 118–125; *Урусов*).

Мте Дёмкина — вторая жена Д.И. Дёмкина (с 1915–1916 г.), в воспоминаниях его племянницы названа «очень симпатичной женщиной с дочкой» (Семья Дёмкиной и Раутиана (ДеРаут). СПб., 2001. С. 46).

за... княгиней Васильчиковой — вероятно, кн. Лидия Леонидовна Васильчикова (урожд. Вяземская) (1886–1948), жена депутата I Гос. Думы, губернатора г. Ковно Иллариона Сергеевича Васильчикова (1881–1969); выехала в Крым за неделю до октябрьского переворота; в описываемое время жила вместе со своей семьей в усадьбе вел. кн. Георгия Михайловича: «Харак лежал в пяти верстах от Алупки, где жила моя семья, и в восьми

верстах от Ялты, где проводили зиму целый ряд моих друзей» (*Васильчикова*. С. 417); в середине июня ездила в Москву. См. ее воспоминания, написанные на основе дневников (о дореволюционном Крыме, Гаспре, Алушке: с. 47–57; о Крыме 1917–1919: с. 412–454, 508–527; упоминание Сорина и Судейкина на с. 426); см. о ней также: *МФ* 1. С. 230, 253 и др.

По нашей просьбе он сыграл — см. Приложение 2.

и в Шумане есть сумасшествие — см. запись неосуществленного проекта Судейкина: «Комната безумцев. 1. Заключение поэта в комнату безумцев. 2. Явление безумцев (Гофман, Квинслей, Матюре, Эдгар По, Бодлер, Верлен, Крейслер, Паганини, Шуман). 3. Освобождение» (1916?).

С. 136

с Астой Нильсен — Аста Нильсен (Nielsen) (1881–1972), знаменитая датская киноактриса; дебютировала в кино в 1910 г., снималась в основном в Германии; мемуаристка.

С. 137

заговорила о тысячах делах — ср. с монологами Полины Аркадьевны в романе Кузмина «Плавающие-путешествующие» (*Кузмин* М. Проза. Т. 5. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1985. С. 33 и др.).

должен мне сделать обложку — см. комм. ниже.

уезжает... Раевский — один из сыновей Михаила Николаевича Раевского (1841–1893), директора департамента земледелия Министерства гос. имуществ, генерал-майора, правнука генерала Николая Николаевича Раевского-ст. (1771–1829), внука друга Пушкина — Николая Николаевича Раевского-мл. (1801–1843), владельца имения Нижний Партенит, и его жены Марии Григорьевны (урожд. кн. Гагарина) (1851–1941): Петр Михайлович (1883–1970), поручик л.-гв. Гусарского полка, причисленный к Главному управлению землеустройства и земледелия, издатель «Архива Раевских» (1908–1912, 1915–1918), участник Белого движения, в первом браке (1908–1916) муж Софьи Павловны (урожд. Ферзен; во втором замуж. Шувалова) (1888–1927); эмигрировал; или Михаил Михайлович (1875–1922), полковник л.-гв. Гусарского полка, флигель-адъютант Е.И.В., муж О.С. Раевской. О Раевских см.: *Дворянский календарь: Справочная родословная книга русского дворянства*. Тетр. 11. СПб., 2003. С. 140–147; об их крымских имениях Тессели, Партенит и Карасан см.: *Васильева Н., Брагина Т. Хозяева и гости дворянских имений Крыма: Забытые имена: Краткий исторический путеводитель*. М., 2002. С. 169–188.

«Знакомы с Вами были мы давно» — см. автограф стихотворения, написанный на восьми маленьких листках из записной книжки: *Salon Album*. 127с.

С. 139

по-грёзовски — Жан Баптист Грёз (Greuze) (1725–1805), французский живописец, прославившийся своими женскими и детскими головками.

несколько фотографий с Феликса и его бюста — «Во время пребывания в Кореизе Г.В.<Дерюжинский> успел высечь из мрамора портреты Ирины и Феликса Юсуповых» (*Резникова*. С. 96). См. в его воспоминаниях: «Я занимался лепкой и собирался приняться за бюст Ирины Юсуповой. Моя модель была удивительно красива <...>. Феликс тоже был очень красив, так что мне хотелось усадить позировать и его» (*Дерюжинский*. С. 242). В каталоге Ялтинской выставки 1918 г. указаны три бюста его работы, два из них как «собственность князя Ф.Ф. Юсупова» (*Выставка 2*. С. 10. № 118–119).

506

с бюста Задорожного — Филипп Львович Задорожный, моряк, комиссар; в 1916 г. служил в авиационной школе, организованной вел.кн. Александром Михайловичем в Севастополе; в декабре 1917 г. направлен Севастопольским Советом для надзора за членами императорской фамилии, жившими в Крыму, спас их в апреле 1918 г. «Он был умным и тактичным человеком, и ему удалось избежать трения с заключенными и установить свой авторитет в команде» (*Васильчикова*. С. 429–430). По воспоминаниям Ф.Ф. Юсупова-ст., выглядел он как «тяжеловатый, широкоплечий орангутанг, одетый матросом» (*Красных*. С. 501; см. его фотогр.: *МФ 1*. Вкл. 13). В благодарность за спасение «Императрица Мария Федоровна заказала Дерюжинскому портрет Задорожного <...>. Его портрет, вылепленный смело и реалистически, удался скульптору. Мария Федоровна, когда портрет был отлит в гипсе, устроила у себя обед в честь Задорожного» (*Резникова*. С. 96); см.: *Выставка 2*. С. 10. № 120 (фамилия Задорожный напечатана как «Задорожский»). См. о нем: *Александр Михайлович*. С. 288–296; *Дерюжинский*; *Юсупов-мл.* С. 240–242; *МФ 1*. С. 258 (о разговоре с Задорожным в сентябре 1918 г.); *МФ 2*. С. 42–45; *Кудрина*. С. 187–188, 200–203.

С. 141

о его пьянстве — см. признание самого художника: «Вот я люблю пить вино. Это — порок, и очень скверный. Это, может быть, окончательная преграда для других людей, у которых есть гостиная, столовая, детская и... все. Но для людей искусства это очень большая, обидная, словом, пренеприятная помеха, но не преграда» (Письмо к Чириковой, 9 августа <1920> // *Билибин 2*. С. 53).

С. 143

Картонное сердце — рисунок сохранился, позднее воспроизведен на обложке единственного сборника стихов третьего сына П.О. — Эрнста Витальевича Гросса (1925–2000): *Вздрыгнуло сердце: Стихи*. СПб., 1998 (изд. за счет автора в кол-ве 200 экз.).

Палладин портрет — этот портрет был впервые воспроизведен в *БС* (см. с. 180) с датой «1915–1916»; издание книги не со-

стоялось; эскизы Судейкина (портрет и обложка) хранятся в частном собрании. В.С. упоминает в дневнике также другой ее портрет работы Судейкина (см. запись от 14<-16> июня 1918 г., а также комм. к с. 383).

наброшена черная шаль — по преданию, сохранившемуся в семье сына П.О., Э.В. Гросса, она сама заштриховала половину своего лица на этом портрете.

С. 144

у его отца большие коллекции — возможно, имеется в виду Август Константинович Кельбер, тайный титулярный советник, жил в Петрограде на Кавалергардской ул., 20.

«Привал» работал вовсю — см.: ПК. С. 142–143.

С. 145

Étienne Rey — Жозеф Этьен Рей (1779–1855), французский публицист и адвокат.

С. 147

на дачу Келлера — возможно, речь идет о юристе, кадете Владимире Васильевиче Келлере (?–1940), владельце дачи «Карабах» в Симеизе; эмигрировал (см.: НМ. Т. 3. С. 256).

«Моль в перчатках» — по словам Д. Бурлюка, так Маковского называл Кульбин (см.: Бурлюк Д. Воспоминания отца русского футуризма // *Минувшее*. Т. 5. М. С. 33); см. также запись Ахматовой: «В Петербурге Маковского никто никогда не принимал всерьез. Его называли <рара Масо> и “моль в перчатках”» (Ахматова. ЗК. С. 363).

Билибин подружился с ним — см. отзыв самого Билибина: «Маковский абсолютно справедливый, чуткий и милый человек» (Билибин 2. С. 46; см. также с. 42–43, 45, 48).

в Ай-Тодор — на мысе Ай-Тодор находились имения вел. кн. Александра Михайловича «Ай-Тодор», где в 1917 г., до перевода в Дюльбер вместе с семьей дочери, жила имп. Мария Федоровна (см. его воспоминания. С. 128, 282–297; МФ I; *Романовы и Крым*. С. 177–179, 277–289; *Науменко И.В.* Имение «Ай-Тодор» великого князя Александра Михайловича // III Дмитриевские чтения. Ялта, 1999. С. 65–71), П.Г. Шелопутина «Жемчужина» (имеющее восемь дач), дача Рахмановой «Ласточкино гнездо» и др. См. также: *Москвич*. С. 252–253.

устроить осенью выставку — см. записи от октября 1918 г. о выставке «Искусство в Крыму»; о планах Маковского и его деятельности в это время см. в его воспоминаниях (*Маковский*. С. 572).

Он в Скелях — см. комм. к с. 129 («у Кулаковых»); см. также: *Маковский*. С. 574.

Ласточкино гнездо — миниатюрный замок на скале мыса Ай-Тодор, построен в 1912 г. по проекту архитектора Л.В. Шервуда.

С. 148

говорили сначала, конечно, о событиях — ср.: «Летом 1918 г. Крым зевал и спал, хотя и неглубоким сном. Где-то, страшно далеко, происходили бурные события, появилась добровольческая армия, ведшая упорную борьбу с большевиками, волновалась Украина, несмотря на присутствие германо-австрийских штыков, готовились какие-то события между Уралом и Волгой, восставали в Ярославле, а в Крыму все было спокойно» (*Пасма-ник*. С. 103).

портрет Вашей жены — кн. Щербатову рисовали многие художники (см. комм. к с. 63), в данном случае идет речь о работе ее мужа, который учился живописи у Л. Пастернака, А. Ашбе и И. Грабаря.

не удастся увидеть... работу князя — ср.: «В Риме я узнал Щербатова, художника. Он и раньше писал в России, но как будто это скрывал и только очень редким близким показывал свои произведения» (*Т <рубников>* А. Князь С.А. Щербатов // *РМ*. 1962. № 1863. С. 5).

508

в Байдарскую долину — долина, «защищенная со всех сторон горами, представляет одну из лучших местностей Крымского полуострова по климату и растительности» (*Москвич*. С. 158).

на мажаре — большой телеге с решетчатыми стенками для перевозки сена и т.п.

барон Штейнгель — вероятно, бар. Борис Леонардович (Леонардович) Штейнгель (1890 – после 1931), сын инженера-строителя Владикавказской железной дороги бар. Леонарда (Леонгарда) Васильевича (Вильгельмовича) Штейнгеля и его жены Екатерины Павловны (урожд. Каменской), директор правления Петроградско-Ялтинского товарищества недвижимости (1916), в 1917 г. — уполномоченный комиссар Временного правительства над Министерством двора и уделов по Царскоесельскому дворцовому управлению (см.: *Лукомский*. С. 51, 52, 55); муж сестры В.Г. Тищенко Юлии Георгиевны; жили в Петербурге на Кронверском пр., 13; эмигрировали; см.: *Серков*. С. 907.

его сестра — вероятно, кн. Вера Леонардовна Голицына (урожд. бар. Штейнгель) (1875–?), третья жена (1902–1906) кн. Сергея Михайловича Голицына (1843–1915); но, возможно, ее сестра кн. Софья Леонардовна (Леонидовна) Кропоткина (урожд. бар. Штейнгель) (1886–1920), первая жена полковника л.-гв. Уланского полка Ильи Алексеевича Кропоткина (1878–1943).

и <племянник> — вероятно, бар. Павел Павлович Штейнгель (ок. 1904–?), сын бар. Павла Леонардовича Штейнгеля (1880–1965), инженера-технолога, владельца кирпично-черепичного завода в г. Грозном, участника Гражданской войны; эмигрировал.

С. 149

«Мыло-Кил» — свою поэму Билибин посвятил «прекрасным юным бати-лиманкам» (написана 19 июня 1916 г.): «Ах! Зачем я не родился / Тем счастливым Мылом-Кил! / Я бы в пену превратился / Из своих всех мыльных сил! / Мыло мылится и тает, / Просто тает и не знает / Про блаженный свой удел; / Я ж бы таял с полным знанием, / С полным знанием, сознанием, / И я б, тая, тайно млел...» (ее полный текст см.: Чирикова Л. Вспоминая Билибина // *НН*. 1991. № 6. С. 31). «К числу лечебных средств, которыми богат Крым, можно отнести также и кил <...>. Он обладает весьма важными целебными свойствами при лечении кожных болезней <...>. Фабрикант Ф.И. Харченко (Севастополь), воспользовавшись выше приведенными свойствами кила, стал вырабатывать особый сорт мыла “мыло Кил”, получившее в последнее время широкое распространение <...>.” «МылоКил” имеет еще одну особенность: растворяться в морской воде, и потому оно незаменимо при морских купаниях» (Москвич. С. 18).

С. 151

в наш альбом — в альбоме В.С. (*Salon Album*) стихотворения Маковского нет.

читаю Вячеслава Иванова — Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949). Судейкин стал приходить в «дом с башней» (Таврическая ул., 25), где в то время жил и Кузмин, в 1909 г.; см. упоминание Судейкина и его первой жены в дневнике Иванова за август–сентябрь этого года (Дневники Вячеслава Иванова // *Иванов Вяч. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт; Введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1974. С. 791, 795, 797–800*) и в дневнике Кузмина (*Кузмин 2*); в 1910 г. художник оформил для «Башенного театра» постановку Мейерхольда пьесы Кальдерона «Поклонение Кресту» (спектакль состоялся 19 апреля, см. о нем: *Зноско-Боровский Е. «Башенный театр» // Аполлон. 1910. № 8. С. 31–36; Иванова Л.В. Воспоминания: Кн. об отце / Подгот. и коммент. Д. Мальмстада. М., 1992. С. 40–42; Пяст. С. 118–125; фотогр. участников спектакля см.: *Сестры Герцык. Вкл. 6* (художник стоит крайний слева); в этом спектакле впервые, по-видимому, раздвигали занавес «мейерхольдовы арапчата», отмеченные в стихах сначала Ивановым, а затем Ахматовой). См. также упоминание Судейкина в стихотворении Иванова «Хоромное действо (Менга, с честью вчера...)»: «Кто шатром волшебным свил / Алый холст, червонный, черный? / В черной шапочке ходил / Мэтр Судейкин по уборной».*

Стихотворение *Мандельштама* — «Золотистого меду <sic!> струя из бутылки текла» Осипа Эмильевича Мандельштама (1891–1938), в котором «молвить хозяйка успела / — Здесь, в печальной Тавриде, куда судьба занесла, / Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела». См. автограф с датой и посвящением «11 августа 1917 г. Алушта. Вере Артуровне и Сергею Юльевичу <sic!> С.» см.: *Salon Album* (51а. Р. 38–39). Первая публ.: *Виноград // Знамя труда. [Пг.]*, 1918. 8 июня. С. 2 (без посвящ.); с посвящ. опубл. (вероятно, при содействии Судейкиных): *Орион. (Тифлис), 1919. № 6 (сент.). С. 4. О встречах Судейкиных с*

Мандельштамом летом 1917 г. см. в воспоминаниях В.С. (Приложение 1; впервые опубл. в пер. на англ.: *Salon Album*. P. 39; на рус.: *Кобейня*. С. 19); *Парнис А.Е.* Штрихи к футуристическому портрету Мандельштама (Автографы в альбоме В.А. Судейкиной (Стравинской) // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 197–198); Письма Н.Я. Мандельштам к М.В. Юдиной и В.А. Стравинской / Публ. А.М. Кузнецова // Невельский сборник. Вып. 2. СПб., 1997. С. 43, 50, 54 (неотправленные письмо и записка Н. Мандельштам к В. Стравинской, 1962). В январе 1969 г. В.С. начала работать над «первой картиной по стихотворению Мандельштама» (*Dearest Bubushkin*. P. 228). В ее альбоме сохранился также другой автограф поэта — стихотворение «В разноголосице девического хора...» с пометой «8 августа 1917 Профессорский Уголок Алушта» (*Salon Album*. 111а, с добавлением слова в 3-й строфе: «Где реют голуби в горячей синеве»), посвященное М. Цветаевой; неслучайно именно оно было переписано поэтом, выбор, несомненно, был определен рассказами Судейкиных об их романе, связанном с Кремлевскими соборами (см. комм. к с. 199).

510

рассказывает о Мандельштаме — «В течение восьми лет (вплоть до моего отъезда из Петербурга весной 1917 года) я встречался с ним в редакции “Аполлона”. Неизменно своим восторженно-задыхающимся голосом читал он мне стихи. Я любил его слушать. Вообще любил его» (*Маковский*. С. 241); Маковский написал о Мандельштаме воспоминания, включенные в его книгу «Портреты современников» (см. там же. С. 234–249).

у меня в «Аполлоне» — в журнале «Аполлон» дважды публиковались стихотворения Кузмина: в № 1 за 1909 г. (с. 7): «Ты именем монашеским оваян», «Как странно в голосе твоём мой слышен голос»; в № 5 за 1911 г. (с. 29–31): «Смирись, о сердце, не ропщи», «У окна стоит юноша, смотрит на звезду», «Троицын день», «Отри глаза и слез не лей». Хотя Маковский назвал Кузмина одним из «ближайших ко мне аполоновцев» (*Маковский*. С. 449), он не написал о нем отдельных воспоминаний.

С. 152

прощальные стихи — «Прости, мой друг, когда ты встанешь, / Светило будет высоко. / Меня ты больше не застанешь, / Я, странник, буду далеко. / Пускай сулят мне тучи грозы, / Пусть солнце знойное палит. / Спасибо, друг! Вино и розы / Мне долго память сохранит. *Мисхор 3 июня*» (см.: *Salon Album*. 37b).

С. 153

ехать в Италию — Браиловские, эмигрировав и прожив некоторое время в Белграде, в 1925 г. переехали в Рим, где, по их словам, у них не было знакомых (письмо к бар. М.Д. Врангель (Н1), а также воспоминания Б.Н. Лосского о них в Риме: В русском Париже (1927–1935) // *Минувшее*. 1997. Т. 21. С. 66).

вместе со Сведомской — А.Н. и А.А. Сведомские покинули Крым в апреле 1919 г. на английском крейсере «Мальборо», добрались до Италии, жили сначала в Риме, затем в Сан-Ремо, где Нита Сведомская вышла замуж за итальянского адвоката Пао-

ло Мануэле-Джизмонди (Manuele-Gismondi), занималась живописью и затем реставрацией картин. См.: *Cazzola P. A.A. Svedomskaja // Imagini di San Remo nel mondo. San Remo, 1998. P. 227; Талалай. С. 431; Моретти М. Петербуржцы в Сан-Ремо после революции 1917 г. // Зарубежная Россия 1917–1945: Сб. ст. Кн. 3. СПб., 2004. С. 53* (упоминание о ее сыне Микеле, ставшем в 1940-е мэром Сан-Ремо, см. также: *Гладышев В.Ф. Сходите на старое кладбище // Сведомские. С. 24*); см. также комм. к с. 296.

С. 154

«*Fliegende Blätter* <Летучие листки>» — немецкий иллюстрированный еженедельный журнал, издававшийся в Мюнхене (1844–1944), рисунки из которого часто перепечатывались в журнале «Сатирикон».

пишупане — отец В.С. Артур Артурович де Боссе (1867–1937), управляющий Товарищества по производству электрических углей под Москвой, в Кудинове Богородского уезда (осн. в 1899 г.); уехал из России после революции вместе со своей второй женой; сначала жил в Берлине, затем в Сантьяго (Чили), где и был похоронен; в последний раз виделся с дочерью в Париже; в августе 1960 г. В.С. была в Сантьяго и навестила могилу отца. См. о нем: *Igor and Vera. P. 32. Один из его французских предков, писатель Луи де Боссе (Beausset) (1770–1835), префект дворца Наполеона в Париже, упоминается в романе Толстого «Война и мир» (т. 3, ч. 2, гл. XXVI, XXIX, XXXIV); о его брате Эдуарде Артуровиче см. комм. к с. 354; другой его брат, Гуальтнер Антонович (Артурович), — солист имп. Мариинского театра; его двоюродный брат — маркиз Федор де Боссе (1861–1936), капитан 1-го ранга, герой Русско-японской войны (похоронен в Лиме, Перу; см.: *НМ. Т. 1. С. 390*).*

511

С. 155

Мама немного обижена — родители В.С., разойдясь после тридцати лет совместной жизни, вероятно, в начале 1917 г., смогли сохранить дружеские отношения и, несмотря на то что отец эмигрировал, а мать осталась в России, писали друг другу, пока это было возможно. Позднее В.С. вспоминала, как, сидя в Летнем саду около памятника Крылову, ей пришлось по просьбе отца сообщить матери о его желании развестись с нею, чтоб жениться на другой (см.: *Dearest Bubushkin. P. 38*).

папина жена — А. де Боссе женился второй раз в 1917 г. на Ирине Эмильевне Мелла, подруге своей первой жены; после смерти мужа она жила в Буэнос-Айресе; В.С. увиделась с ней в августе 1960 г.

С. 157

прочесть нам «Полунощников» — повесть Николая Семеновича Лескова (1831–1895) о протоиерее Иоанне Кронштадтском. Лесков был любимым писателем Кузмина.

С. 159

с Якобсоном — Якобсон, Мирон Исаакович (Исидорович) (ок. 1880–1934), композитор, автор музыки к гимну Доброволь-

ческой армии «Трехцветный флаг» (1919, на сл. кн. Ф.Н. Касаткина-Ростовского; аккомпаниатор Собинова и Шаляпина в июле 1917 г.; в 1918-м на концертах Шаляпин исполнял его романсы, см.: *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаляпина*: В 2 кн. / Сост. Ю. Котляров, В. Гармаш. 2-е изд., доп. Л., 1989. Кн. 2. С. 138, 152, 155); младший брат видного еврейского деятеля Виктора Исааковича Яacobсона (1869/1870–1934). См. упоминание о нем в письме Коровина к сыну директора Имп. театров В.В. Теляковскому от 9 января 1916 г. из Севастополя: «А знаешь ли, мне запретили заниматься живописью; не доктора, нет, а просто я спросил позволения у властей писать, а мне ответили: нельзя, военное время, — честное слово. <...> И кто вскоре мне достал разрешение, кто бы ты думал, — еврей Яacobсон, музыкант, пианист, ныне солдат, вольноопределяющийся. “Вам, господин Коровин, разрешение сделано, завтра будет”. И действительно, я получил его. И потом все хлопал меня по плечу и говорил: “Ничего, мы устроим, Вы же знаменитый художник, но они же ничего не понимают”» (Константин Коровин: *Жизнь и творчество. Письма, документы, воспоминания*. М., 1963. С. 424–425). В декабре 1922 г. Яacobсон уехал в Америку вместе с труппой МХТ (в которой находилась и Коренева), откуда в Россию не вернулся. См. его «музыкальные» автографы: *Salon Album* (45a, 45d).

начинает с ним говорить в таком тоне — ср.: «Держал себя Судейкин с большим апломбом и даже вызывающе. Черточка заносчивости всегда была в его характере» (*Романов*. 31 августа).

Собинов, Леонид Витальевич (1872–1934) — певец (тенор); с 1897 г. — в труппе Большого театра; после завершения сезона 1917/18 г. уехал из Москвы на Юг; в 1920 г. работал в Культпросвете Политуправления морских сил в Севастополе над созданием Народной консерватории; в том же году в Крыму погиб его сын Юрий; вернулся в Москву в конце апреля 1921 г.

напоминают... Аренского — Антон (Антоний) Степанович Аренский (1861–1906), композитор, пианист, дирижер.

песенки... на слова Игоря Северянина — Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941); см. музыкальный автограф Яacobсона «Из Грациозы (Словами ведь грубо сказать, как тонко люблю я)» в *Salon Album* (45a).

романсы на слова Козьмы Прутков — Козьма Прутков — коллективный псевдоним, под которым выступали гр. Алексей Константинович Толстой (1817–1875) и братья Жемчужниковы: Александр Михайлович (1826–1896), Алексей Михайлович (1821–1908) и Владимир Михайлович (1830–1884). Судейкин оформил вечер, посвященный Козьме Пруткову (состоялся 13 января 1913 г. в «Бродячей собаке»), на котором показал «свое мастерство гротеск-махера, живое, стильно интересное и подлинно анекдотическое» (*Евреинов 1*, 39. С. 172; описание вечера см.: *Коган*. С. 122–124; *БС*. С. 204–205). См. музыкальный автограф Яacobсона «Плоды раздумья» в: *Salon Album* (45d) и рисунок Браиловского (там же. 108a).

С. 160

относително его жены — Мария Викторовна Анастасьева, дочь юриста Виктора Константиновича Анастасьева (1836–1897) и его жены Нины Робертовны (урожд. Джаксон), дочери побочного сына св. кн. М.С. Воронцова; жена Ф.М. Блуменфельда (с 1884 г.), умерла от туберкулеза в 37 лет, оставив мужа с четырьмя детьми; о семье Анастасьевых и их даче «Магарач» в Крыму в Никитском ботаническом саду см.: *Анастасьева*. С. 92–94.

увидеть... красавицу — мать Маковского Юлия Павловна (у в.с. — Михайловна) Маковская (урожд. Леткова) (1858–1954), вторая жена (1875–1892) художника К.Е. Маковского; сестра писательницы Е.П. Султановой-Летковой; эмигрировала вместе с семьей сына. По его описанию, она была «со сверхъестественными карими очами, классическим овалом и крошечным ртом» (*Маковский*. С. 12). По словам А.В. Амфитеатрова, в то время ее знала «во многих лицах не только вся Россия <...>. Супруга знаменитого художника <...> глядит едва ли не со всех картин лучшей поры его творчества. Можно сказать, что ею вдохновлена вся та оперно-ряженная Русь, которую <...> изображал Маковский в своих “Боярских пирах”, “Поцелуйных обрядах” и т.п. Царевны, боярыни, боярышни — все это Юлии Павловны» (*Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих*. Т. 2. М., 2004. С. 238–239). См. о ней: *Маковский*; ее фотографию см.: *Столица и усадьба*. 1916. № 67. С. 19.

513

о Сорине она говорит — о портрете В.И. Вейнер работы Сорина см. комм. к с. 47.

С. 161

написал Ольге Афанасьевне — Глебова-Судейкина была дружна с Сориним, который пытался спасти первый брак Судейкина; по словам Лурье, они «вместе ездили во Флоренцию» (*Лурье*. С. 140), вероятно, в 1913 г., после двух «тяжких событий» в ее жизни — смерти Князева и ее «сестры» (*Кузмин 2*. С. 739, примечание 12).

предлагает ей приехать — в Крым она не приехала, покинула Россию осенью 1924 г. при содействии Лурье; сначала жила в Берлине, затем, с помощью Стравинского, переехала в Париж, где в 1920–1930-х гг. общалась с В.С., которая помогала ей найти работу (см.: Два письма О.А. Глебовой-Судейкиной к Ф.К. Сологубу // *НЛО*. 1994. № 7. С. 222; *Dearest Bubushkin*. P. 44, 79, 96; *Stravinsky in Pictures*. P. 288–289).

квартиру со стотысячной обстановкой — до своего отъезда из России Глебова-Судейкина многое распродала (см.: *Чуковский*. С. 244), часть вещей оставила Ахматовой; см. записи Лукницкого 1929 г. (*Воспоминания об АА I*. С. 169) и М.И. Будько (там же. С. 494); перечень некоторых из них см.: *Мок-Бикер*. С. 167 (примечание 2).

С. 162

им там очень скверно? — как видно из записи, Судейкиной и Сорин в описываемый период еще не имели сведений об их жизни в Петрограде, не знали и о том, что в начале 1918 г. Лурье воз-

главил музыкальный отдел Наркомпроса (об этом им сообщили в начале августа). Несмотря на то, что Глебова-Судейкина в поисках заработка, как и все артисты, активно выступала, современники отмечали ее опустошенность в этот период, см. запись из дневника Добужинского о встрече нового, 1919 г.: «Сидел с Судейкиной. Смотрю на нее — какая-то пустая внутри, мертвая» (*Тименчик*. С. 218, примечание 25), ср. с записью в дневнике Блока от 21 августа 1917 г.: «...выступали покойники: Кузмин и Олечка Глебова» (Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 303), см. также: «как изменилось лицо у этой любимицы петербургских эстетов. Она улыбалась, но какая это была жуткая и грустная улыбка» (*Чулков*. С. 424). О жизни Глебовой-Судейкиной после революции и до эмиграции см. ее письма к Сологубу (*Мок-Бикер*. С. 196–197); а также дневники Кузмина, Чуковского, Пунина (Мир светел любовью: Дневники и письма / Сост. Л.А. Зыков. М., 2000), записи Лукницкого, воспоминания Алянского, Анненкова, Гильдебрандт (2), Милашевского, Н.Я. Мандельштам (Вторая книга / Сост. М.К. Поливанов. М., 1990. С. 367–372).

С. 164

514

из Радаковского дома — Виктор Николаевич Радаков, земский деятель, предмет увлечения М.П. Чеховой (см.: *Кузичева*. С. 389).

с Наташей Дроздовой — вероятно, дочь В.Н. Дроздова Наталья Владимировна, пианистка; эмигрировала.

с Димой Волконским — кн. Вадим Григорьевич Волконский (1895–1973), сын кн. Григория Михайловича Волконского (1864–1912) и его жены Иды Витовны (урожд. гр. Дампиер) (1869–1962); племянник кн. С.М. и П.М. Волконских.

С. 165

от графини Шуваловой — гр. Елизавета Владимировна Шувалова (урожд. кн. Барятинская) (1855–1938), общественно-благотворительная деятельница, участница выставки в Ялте (1918). «В то время тете Бетси было за шестьдесят. Она была высокая, имела внушительный вид, но в то же время обладала красотой. Одевалась элегантно, ей нельзя было отказать в изысканном вкусе. Бетси Шувалова была одной из первых великосветских дам Петербурга» (*Урусов*. С. 60–61). См.: *Маковский*. С. 544; см. также фотографию «бала цветных париков», сделанную в ее особняке на Фонтанке в начале 1914 г. и ставшую своеобразным символом времени накануне крушения (одно из воспроизв.: Петербургский альбом: Фотографии из коллекции Государственной Эрмитажа. М., 2002. С. 249). С ее сестрой, кн. М.В. Барятинской, Судейкины окажутся на одном пароходе при эвакуации из Ялты в Новороссийск (см. комм. к с. 360).

рассказывала о Рябушинских — Сергей Павлович Рябушинский (1872–1936) и его вторая жена, художница Мария Дометьевна (1878–1964), впервые по имени названы в записи от 15 августа 1918 г. Сергей Рябушинский, второй по старшинству сын крупного московского фабриканта и банкира П.М. Рябушинского, закончил специальную ткацкую и красильную школу в Гер-

мании и был управляющим семейной текстильной фабрики в Вышнем Волочке, а также скульптором-анималистом и коллекционером (о нем и судьбе его собрания см.: *Петров*. С. 125–126; *ХРЗ*. С. 509). У его отца от второго брака было восемь сыновей и пять дочерей, и «почти все они были людьми оригинальными, талантливыми и чрезвычайно не похожими друг на друга в своих интересах» (*Бахрушин*. С. 243), с некоторыми из них Судейкин был также знаком, в частности, с издателем журнала «Золотое руно» Николаем Павловичем (1877–1951) и с Евфимией Павловной (в замуж. Носова) (1886–1976), в доме которой он вместе с Сапуновым закончил росписи, начатые Серовым, а вместе с Лансере исполнил эскизы плафона; он также оформил спектакль «Венецианские безумцы» по пьесе Кузмина, поставленный в ее особняке 23 февраля 1914 г. (см. 22 ил. в кн.: *Венецианские безумцы*. М.: А.М. Кожебаткин и В.В. Блинов, 1915).

по Камерному театру — в 1915 г. В.С. была принята в труппу Камерного театра. «В то время шли репетиции “Женитьбы Фигаро” Бомарше. Судейкин, приехавший в Москву оформлять спектакль, влюбился в красивую молодую женщину. Он был убежден, что она должна принять участие в спектакле. Так как в театре она была новичком, но прежде занималась балетом, Судейкин и Таиров создали для нее специальный номер — испанский танец» (*Богомолов, Малмстад*. С. 196–197; см. также комм. к с. 199).

515

С. 166

запоздала к Коневскому — прав.: Каневский, Марк Давыдович, директор ялтинской бесплатной глазной лечебницы, находившейся в доме Попечительства о слепых на Поликуровской ул. (*Москвич*. С. 180).

трахома — хроническое вирусное заболевание глаз, которое может привести к слепоте.

хлопотал за Батюга — вероятно, комиссар Батюков (Батюк); см. упоминание его имени в связи с обложением «буржуев» контрибуцией: *Красный террор*. С. 209 (см. комм. к с. 73).

С. 167

в банк к Ферману — вероятно, В.В. Ферман, владелец Ростовской фабрики Московского уезда (осн. в 1884 г.), выпускавшей паровые и электрические двигатели; был связан деловыми отношениями с родителями В.С.

С. 168

читала его в Алуште — до переезда в Ялту П.О. жила в Алуште (см. упоминание о ней и имена ее возможных слушателей в комм. к с. 71).

к Флорену — французская кондитерская Эмилия Флорена открылась в 1886 г. Это была «самая модная и фешенебельная кондитерская Ялты, привлекавшая сливки курортной публики и находившаяся на Набережной, <...> а кафе от нее располага-

лось на железных сваях над морем» напротив гостиницы «Мариино» (см.: *Фоменко И.Ф.* Ялтинские рестораны, кафе-шантаны и прочее... // 1 Дмитриевские чтения. Ялта, 1996. С. 31–32); см. также: *Урусов*. С. 57.

Вербицкая (урожд. Зяблова), Анастасия Алексеевна (1861–1928) — прозаик, драматург; в центре ее творчества — жизнь женщины и ее положение в обществе. В.С. сыграла роль Лизы Михайловой в экранизации ее романа «Дух времени» (1907–1908), посвященного московским событиям 1905–1907 гг. (см. комм. к с. 105).

чтобы послушать... рассказ — ср.: «Но ее рассказ! (Дело на юге России.) Как ее брата привязали к ногам лошадей и пустили вскачь... “И вот он мне сказал...” Истерзанный?! Я тогда еще не знала Палладу и обалдела от недоумения» (*Арбенина О. (Гильдебрандт)*). Саперный, 10 // *Толмачев М.В.* Бутылка в море. М., 2002. С. 184).

Паллада обещала... позировать — вероятно, именно этот портрет был продан на выставке в Тифлисе (см. запись от 20 мая 1919 г.).

516

С. 169

у Олесова — вероятно, меховое заведение Н.А. Олесова в Москве, на Спасской, 9.

встретила Куртэн — вероятно, Екатерина Эдуардовна Куртэн (Куртен, в замуж. Мещерякова) (1895–1977), участница Ялтинской выставки 1917 г. (см.: *Выставка 1*. С. 8. № 114). Она родилась в Ялте, там же окончила гимназию. В 1920 г. вышла замуж за историка, друга о. С. Булгакова Александра Дмитриевича Мещерякова (умер в 1922 г.), в 1927-м приняла тайный постриг под именем матери Евдокии; в 1932 г. была арестована, но благодаря французскому происхождению смогла выехать во Францию. См. ее воспоминания о Крыме: *Евдокия, игум. (Куртен)*. Евангелие осуществимо на земле: Воспоминания об о. Сергии Щукине // ВРХД. 1977. № 122. С. 185–194; а также: *Струве Н.* Мать Евдокия // там же. С. 179–184; *НМ*. Т. 2. С. 467–468.

раскланялись с Васильевым — возможно, С.Н. Васильев (см. о нем комм. к с. 272) или же участник Ялтинской выставки В.С. Васильев (сын предыдущего?).

С. 170

заходит к Петри — возможно, Владислав Ипполитович Петре, присяжный поверенный; до революции жил в Москве.

платить за Ори — вероятно, имеется в виду сын П.О., Орест.

Яновский, Владимир Константинович (1876–1966) — художник и фотограф, участник ялтинских выставок (см.: *Выставка 1*. С. 13. № 177–190; *Выставка 2*. С. 20. № 281–283). См. его акварель

в: *Salon Album* (54b). В начале 1920-х вместе с И.Е. Журбием (его дом указан как место жительства Яновского в каталоге Первой выставки: Ялта, Кучук-Сарайская ул.) содержал фотоателье на набережной в Ялте; с 1925 г. жил в Бахчисарае.

идет к Махлису — вероятно, художник Исаак Петрович Махлис (1893–1958), участник Ялтинской выставки 1917 г. (см.: *Выставка 1. С. 9. № 118–123*), проживал по адресу: Черноморский пер., д. Чернявского.

относительно «Паяц<ев>» — опера (1892) итальянского композитора Руджеро Леонкавалло (*Leoncavallo*) (1857–1919); постановка не была осуществлена (см. запись от 20 июня 1918 г.).

С. 171

с Великим князем — кн. Федор Александрович (1897–1968), второй по старшинству сын вел. кн. Александра Михайловича, шурина Ф.Ф. Юсупова-мл.; как и другие его братья, не был великим князем, так как по закону, утвержденному имп. Александром III в 1886 г., уже правнуки императора признавались не великими князьями, а князьями императорской крови.

517

старую императрицу — вдовствующая имп. Мария Федоровна (Мария София Фридерика Дагмара, урожд. принцесса датская) (1847–1928), вдова имп. Александра III (1881–1894), с конца марта 1917 по апрель 1919 г. жила в Крыму вместе с семьями своих дочерей, вел. кн. Ксении Александровны и вел. кн. Ольги Александровны, сначала в Ай-Тодоре, затем в Дюльбере и Хараксе; с лета 1918 г. часто посещала Мисхор и его хозяйку, кн. О.П. Долгорукую (Лоло), Пантелеевых и др. своих знакомых; она особенно любила мисхорский пляж. См. публ. ее дневников крымского периода: *МФ 1. С. 178–324* (отрывки впервые опубл.: *С высоты престола: Из архива имп. Марии Федоровны* (1847–1928) / Публ. Ю.В. Кудриной // *НН. 2002. № 62. С. 26–61*), на страницах которых упоминаются кн. Л. Васильчикова, Гужоны, кн. О. Долгорукая и С. Долгорукий, кн. О. Орлова и В. Орлов, Пантелеевы, Сомовы, Тираны, кн. Юсуповы и другие крымские знакомые Судейкиных; см. также: *Нирод Ф.М., гр. Императрица Мария Федоровна в Крыму во время революции: (Доклад в Париже 14/27 нояб. 1927)* // *Двуглавый орел*. (Париж), № 14. С. 14–18; *Кудрина. С. 169–239*.

когда она была у него — имп. Мария Федоровна заказала Дерюжинскому бюст Ф. Задорожного (см. комм. к с. 139).

двух Волконских — вероятно, дядю и племянника — П.М. и В.Г. Волконских.

звать нас на их «среду» — имеются в виду среды Ялтинского Художественного кружка, члены которого, «в соответствии с уставом, утвержденном в ноябре 1914 г., ставили целью сотрудничество собранной для совместного рисования с натуры, заботу об охране памятников и организацию художественного музея», устраивали рисовальные субботы и музыкальные вечера

по средам первоначально в гостинице «Джалита», позже в собственном помещении (Золотой век художественных объединений в России и СССР / Сост. Д.Я. Северюхин, О.Л. Лейкинд. СПб., 1992. С. 339); как видно из дневника, кружок продолжал существовать по крайней мере до конца 1918 г. (см. запись от 26–28 ноября).

С. 172

владел... имением — имение, по-видимому, было приобретено его отцом, московским купцом Михаилом Яковлевичем Бучумовым; см. справку Картографической комиссии Общества изучения русской усадьбы (1926–1928): «Виноградово (Дубровки) на Долгом пруду, 1 км от ст<анции> Долгопрудная, Савел<овская> лин<ия> Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги>. Владельцы: Пушкины (с 1617–1729), Долгоруков В.В. (1729–1730), Вяземские (с 1730–1758), Глебовы (с 1758–1790), Бенкендорф (с 1790 до пол. 80-х гг. XIX в.), Бучумов (с пол. 1880-х до 1911 г.), Банза (с 1911 г.); теперь дом отдыха. Каменная церковь 1772–1777 гг., в классическом стиле, построена, по-видимому, по проекту М.Ф. Казакова. <...> Внутреннее убранство современно постройке. <...> Дом новый» (Памятники усадебного искусства: 1. Московский уезд / Публ. Г.Д. Злочевского // РУ. 1988. Вып. 4 (20). С. 107–108); о современном состоянии усадьбы см.: РУ. 2002. Вып. 8 (24). С. 615–616 (Хроника).

518

хозяин, отставной военный — вероятно, имеется в виду полковник, участник ялтинских выставок В.И. Соснин (см.: *Выставка 1*. С. 12. № 157–162; *Выставка 2*. С. 15. № 188–190), в доме которого останавливались Судейкины в октябре 1918 г. (см. запись от 25 октября); по каталогу Первой выставки его адрес: Милютинская ул., 8, кв. 1.

Суреньяни, Вардкес Акопович (Яковлевич) (1860–1921) — живописец, график, книжный иллюстратор, театральный художник, участник Ялтинской выставки 1918 г. (*Выставка 2*. С. 18. № 245–255); как и Судейкин, принимал участие в работе Театра Комиссаржевской (в его оформлении шла «Трагедия любви» Гуннара Гейберга, 1907; см.: *Кузмин 1*). По его эскизу в Ялте было построено здание армянской церкви (1909–1917), в которой он расписал купол; спустя несколько лет он был рядом с нею похоронен. См. также его пушкинские картины в издании, которое читали Судейкины: *Пушкин*. Т. 2. Между с. 184–185: «Пушкин в Бахчисарае»; с. 242–243: «Земфира».

с постановкой... не вышло — см. запись от 17 июня 1918 г.

С. 173

Дроздов... даст несколько концертов — 23 июня состоялся первый концерт, 27-го — второй, 30-го — третий и последний.

хочу писать только реальные вещи — ср. с впечатлениями Евреинова в комм. к с. 225.

Грюнберги (у В.С. также — Гринберги) уехали — вероятно, кто-либо из семьи бывшего управляющего издательства

А.Ф. Маркса Юлия Осиповича Грюнберга (1853–1900): его вдова Мария Григорьевна Грюнберг (1853–1924 или 1929), их дети со своими семьями: дочери Изабелла (в замуж. Каменецкая) и Людмила (в замуж. Рахманова) (1879–1950) и сыновья: Евгений (1887–1964), до революции управляющий художественно-графического заведения «Унион» и издательства «Свободное искусство», директор акционерного общества «Дом печати», с женой Александрой Сергеевной (1888–1979), Владимир (1893–1964) и Эмилий, присяжный поверенный и присяжный стряпчий, с женой Ольгой Александровной (урожд. бар. Врангель) (1883–1967) и сыном Сергеем (1908–1982). Ю.О. Грюнберг был близким знакомым Серова; по словам Грабаря, художник был принят в его доме «как родной» (Моя жизнь. М., 1937. С. 90), в нем он писал портрет своего отца, он также исполнил три портрета членов этой семьи (отца, матери и дочери Изабеллы). До революции жили в Петербурге; эмигрировали (см.: *НМ*. Т. 2. С. 256–257). В эмиграции, в Берлине, Е.Ю. Грюнберг стал редактором-издателем двухнедельного журнала «Театр и жизнь» (1921–1923), вместе с А. Арнштамом организовал издательство «Академия», позднее, во Франции, стал импресарио балета Монте-Карло (1945) (см. о нем: *Серков*. С. 278).

519

С. 174

ехать на концерт — концерт Дроздова в пользу кассы взаимопомощи Общества офицеров г. Алупки и окрестностей состоялся в помещении Духовной санатории. На обороте типографской программы концерта В.С. сделала 16 июля 1918 г. дневниковую запись.

продажу Орловой-Давыдовой — гр. Агафоклеа (Текла) Георгиевна Орлова-Давыдова (урожд. бар. Стааль), дочь бывшего русского посла в Лондоне бар. Г.Г. Стааля (1824–1907) и его жены Софьи Михайловны (урожд. Горчакова), первая жена (1900–1913) гр. Алексея Анатольевича Орлова-Давыдова (1871–?), церемониймейстера, крупного землевладельца, состояние которого оценивалось в 20 млн рублей, члена IV Государственной думы от Калужской губернии (фракция прогрессистов); эмигрировала. «Тетю Теклу Орлову-Давыдову, остроумную и веселую», упоминает в своих крымских воспоминаниях П. Урусов (см. с. 64).

Aveu <Признание> — см. рисунок Судейкина: *Salon Album*. 167. В фокинской постановке «Карнавала» (см. примеч. ниже) в этой сцене Арлекин признается Коломбине в любви и дарит ей свое сердце (см.: *Фокин*. С. 253. № 19).

изображу весь карнавал — см. Приложение 2. До Судейкина образы шумановского «Карнавала» («Carnaval», 1834–1835) воплотил (на сцене) Л. Бакст; возможно, Судейкин видел этот балет-пантомиму в одном действии, поставленный М. Фокиным в Петербурге для благотворительного вечера журнала «Сатирикон» (20 февраля 1910 г.), где роли исполнили Карсавина (Коломбина), Л.С. Леонтьев (Арлекин), В.Э. Мейерхольд (Пьеро) и др. (список исполнителей см.: *Фокин*. С. 119); в том же году балет вошел в программу Русских сезонов Дягилева, а в январе 1911 г.

в репертуар Мариинского театра (о его постановке см. там же. С. 118–119, 304). В.С. видела «Карнавал» в ноябре 1912 г., во время гастролей дягилевской труппы в Берлине. См. рисунки Судейкина: *Salon Album*. 115с, 121с, 167; ср. с описанием его картины на тему «Моя жизнь» (см. комм. к с. 37).

все двадцать номеров — в «Карнавале» Шумана 21 сцена; описание 22 номеров фокинской постановки см.: *Фокин*. С. 243–256.

С. 176

«*Valse noble*» — описание вальса («Карнавал», сцена 4) в фокинской постановке см.: *Фокин*. С. 245.

«*Песенка без слов*» — «Песни без слов» (1845) Якоба Людвиг-а Феликса Мендельсона-Бартольди (Mendelssohn-Bartholdy) (1809–1847).

От Дебюсси впечатление — Дебюсси (Debussy), Клод Ашиль (1862–1918) — французский композитор.

520

С. 177

приезжает Вавич — вероятно, «король русской оперетты» (баритон) Михаил Иванович Вавич (у В.С. — Варвич) (1881–1931); выступал в московском ресторане «Эрмитаж»; эмигрировал, входил в состав зарубежной труппы Балиева «Летучая мышь», с 1925 г. работал в Голливуде, где стал популярным актером на ролях второго плана, неформальным лидером русской колонии Голливуда и основателем Русско-американского клуба. См. о нем: За океаном: Американская страничка // Иллюстрированная Россия. 1929. № 2 (191). С. 7; *Матич О.* Русские в Голливуде. Голливуд о России // *НЛО*. № 54 (2002). 2. С. 420, 430; *НМ*. Т. 1. С. 474. В ИМРС (фонд Балиева) хранится несколько его фотографий.

Рындина выступала — Лидия Дмитриевна Рындина (наст. фам. Брылкина) (1883–1964), актриса театра (театры Корша, Незлобина и др.) и кино (начала сниматься в 1914 г., сначала у Ермольева, затем у Ханжонкова; до революции сыграла более чем в двадцати фильмах), литератор, вторая жена С.А. Соколова (с ноября 1907 г.); автор воспоминаний о художественной жизни Петербурга и Москвы до революции, в которых упоминает Судейкина и его первую жену (первая публ.: Ушедшее // *Мосты*. (Мюнхен), 1961. № 8. С. 295–312); эмигрировала. Рындина приехала в Ялту, вероятно, в середине 1918 г., снималась в фильмах, а также открыла студию для подготовки киноактеров в помещенной гостиницы «Ореанда», которая «сразу получила достаточноное количество учеников, пожелавших ознакомиться с тайнами экрана» (*Ханжонков 1*. С. 112; см. также: *Ханжонков 2*. С. 451, 453). Биографические сведения о ней см. во вступ. ст. к публ.: Из дневников Л.Д. Рындиной [1904–1914] / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова // *Лица*. 2004. Т. 10. С. 177–250 (о Крыме: с. 245–247).

Сазонов — речь идет о С.Д. Сазонове.

рассказывает о... Збомирском — возможно, Глеб Николаевич Збомирский (1883–1934), полковник л.-гв. Преображенского полка; зимой 1918/19 года служил в охране вел. кн. Николая Николаевича в Дюльбере, эвакуировался вместе с ним в 1919 г. (см.: *НМ*. Т. 2. С. 594).

С. 178

не тот Волконский — «тот», вероятно, кн. Михаил Петрович Волконский (1891–?), сын кн. П.М. Волконского и его жены Елизаветы Алексеевны (урожд. Шаховская) (1867–1950); правнук декабриста С.Г. Волконского; с сентября 1918 г. муж кн. К.А. Вяземской; эмигрировал. «Он отличный музыкант и хорошо поет; хороший баритон, но главное, что его отличает от стольких певцов, — восхитительное произношение, равно прекрасное на четырех языках. <...> Успех его был большой» (*Волконский*. Т. 2. С. 236). Упоминание о его участии в концерте на даче И.С. Мальцова в Симеизе вместе с Ян-Рубан см.: *Шаховская*. С. 233. Вероятно, именно он учился в ялтинской студии Л. Рындиной и снимался в кино; см. также комм. к с. 342.

С. 179

остался ли он доволен «Брест-Литовским договором» — имеется в виду афиша с рисунком Судейкина (см. запись от 23 июня 1918 г.).

1 июля, понедельник — хроника к воспоминаниям: «Разговоры об искусстве. Рябушинские. Немцы уходят? Князь Долгорукий. Интимный концерт в мастерской Браиловских. Описание картины «Карнавал» Судейкина».

С. 180

грунтует холст для «Карнавала» — см. запись от 23 июня 1918 г. и комм. к ней; последующие записи за весь июль, частично за август, сентябрь и начало октября свидетельствуют об интенсивной работе художника над этой картиной.

она хоть деньги... требовала — ср.: «Новая <В.С.> “завела” книжку и к страсти подключила материальный интерес. — Ольга Афанасьевна была легкой, непрacticной, истинно богемной женщиной» (*Гильдебрандт 1*. С. 151).

С. 181

Maintenon (Франсуаза д’Обинье, маркиза Ментенон) (1635–1719) — хозяйка парижского литературного салона, фаворитка короля Людовика XIV.

С. 183

лучшее собрание гравюр — С.А. Долгорукому досталось собрание его отца — кн. А.С. Долгорукого (1841–1912). См. о нем статью П.П. Вейнера «Несколько художественных предметов у кн. А.С. Долгорукого» (*Старые годы*. 1908. Январь. С. 15–37): «Много художественных предметов у кн. Александра Сергеевича Долгорукого в его Петербургском доме <Галерная, 77>. Но это не коллекция — где исторически представлены образцы какой-либо отрасли искусства; это не собрание — куда страстный любитель

вносит как можно больше вещей; это — гостеприимный кров для того, что дышит талантом и красотой, что улыбается чутью и тонкому вкусу владельца» (там же. С. 15). Но возможно, В.С. имеет в виду другое собрание — кн. Владимира Николаевича Аргутинского-Долгорукова (1874–1941), дипломата, «одержимого всепоглощающей страстью собирателя» (Бенуа. Воспоминания. Т. 2. С. 334); о нем и его собрании см. также: *Добужинский*. С. 209; позднее В.С. общалась с ним Париже (см.: *Dearest Bubushkin*. P. 18 и др.).

С. 184

уходит к Рейнботу — имеется в виду дача Анатолия Александровича Рейнбота (Резвой с 1914 г.) (1868–1918), генерал-майора, градоначальника Москвы (1906–1907), второго мужа (1907–1916) Зинаиды Григорьевны Морозовой (урожд. Зимина) (1867–1947), вдовы Саввы Тимофеевича Морозова; см. о нем: *Бахрушин*. С. 269–272.

читаю... «Метель» — в романе-памфлете *Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939) «Метель»* (Шиповник: Альманах. Т. 25. СПб., 1916) упоминаются Ахматова, Кузмин, Сологуб, Сомов, «Бродячая собака» («Заячья губа»), под именем Марго выведена, вероятно, Глебова-Судейкина (см.: *БС*. С. 218).

522

как там изумительно — «Кокосы — большая татарская деревня, принадлежащая кн. Юсупову графу Сумарокову-Эльстон; тут же и экономия его, где князем построен обширный дворец в выдержанном «татарском вкусе». <...> Кокоская долина, по отзывам знатоков, одна из красивых в Крыму <...> мы, русские, все ездим по заграницам, пренебрегая своими чудными дарами природы» (*Москвич*. С. 151–152); см. также: *Архитектор Краснов*. С. 97–102.

С. 185

вся дача Айсандра — имеются в виду жители «Ай-Тодора», имения вел. кн. Александра Михайловича (домашнее имя Сандро): он сам, его жена и их шестеро сыновей (см. о них комм. к с. 291).

С. 186

левые социалисты-революционеры убили немецкого посла — убийство произошло 6 июля в Москве. Граф Мирбах (Mirbach, Wilhelm von) (1871–1918), германский дипломат, с конца 1917 г. глава германской делегации в Петрограде, затем официальный представитель в ранге посланника при Советском правительстве.

С. 187

Сомовский портрет — миниатюрный портрет Пушкина за конторкой с пером в руке («Пушкин за работой», 1899), выполненный Сомовым для юбилейного издания П.П. Кончаловского-ст. (см.: *Павлова Е.В.* Пушкин в портретах: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. Т. 1. С. 95; Т. 2. С. 182 (ил.).

Репинский портрет — Илья Ефимович Репин (1844–1930) неоднократно обращался к образу поэта, им написаны: фигура Пушкина в картине И.К. Айвазовского «Прощание Пушкина с Черным морем (Прощай, свободная стихия)» (1887); картины «Пушкин на берегу Невы» (1897?) и «Пушкин на экзамене 8 ян-

варя 1815» (2 варианта, 1910–1911), вероятно, Судейкин имеет в виду именно эту картину (см.: Павлова Е.В. Пушкин в портретах: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. Т. 2. С. 160–161, 192–195). См. также запись от 13 августа 1918 г.

«*Neue freie presse*» — австрийская газета, издававшаяся в Вене с 1864 по 1939 г.

С. 187–188

кто из какого романа — см. описание подобной игры в мемуарах Е.А. Мещерской (Китти. М., 2001. С. 154–155).

С. 188

Мопассан (Maupassant), Ги де 1850–1893 — французский писатель.

Мирбо (Mirbeau), Октав (1848 или 1850–1917) — французский писатель.

Диккенс (Dickens), Чарлз (1812–1870) — английский писатель.

Чехов, Антон Павлович (1860–1904) — русский писатель.

Потапенко, Игнатий Николаевич (1856–1929) — русский писатель.

Шпильгаген (Spielhagen), Фридрих (1829–1911) — немецкий писатель.

Гамсун (Hamsun), Кнут (1859–1952) — норвежский писатель.
Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881–1925) — русский писатель.

523

кой-кого из Великих князей — в Крыму в это время находились вел. кн.: Николай Николаевич-мл. (1856–1929), Петр Николаевич (1864–1931) и Александр Михайлович (1866–1933); вероятно, речь идет либо о последнем, либо о его старших сыновьях, князьях имп. крови (см. комм. к с. 291).

С. 189

уехала... в Ласпи — см. комм. к с. 129.

С. 190

о своей встрече с Долгоруким — вскоре после встречи с Судейкиным Долгорукий уехал через Одессу в Киев; вернулся в середине августа.

обе наши квартиры — квартиры Сорина и Судейкиных на Екатерининском канале, 83; в одной из них какое-то время после отъезда хозяев жили Глебова-Судейкина и Лурье.

С. 191

читал Крейслера — см. комм. к с. 82.

16 июля, вторник — запись сделана на обороте типографской программы концерта В.Н. Дроздова (см. комм. к с. 174).

С. 192

«*Арлекинада*» — или «Балаган Арлекина». Описание картины см. в рецензии Городецкого на Тифлисскую выставку 1919 г.: «Занавес только что раскрылся. Внизу — оркестр. Музыканты —

из сказок Гофмана. Это фантазм, полууроды, полубоги своих инструментов. Они скорчились, рождая звуки, напряжение увертюры в их позах. Направо — трагический Пьеро со свечой, и над ним его вечная спутница, рок его несчастной любви — смерть! На сцене — дамы и гости в позах пира и любви. <...> эта вещь — венец длинного цикла его прежних работ на близкие темы» (*Дзюцова* 2. С. 184). Надо отметить, что с образом Арлекина художник ассоциировал себя (см., например, его картину из цикла «Моя жизнь» 1916 г. и рисунок в: *Salon Album*. 39b).

говорит... по-русски — см. письмо Юсупова-мл., отправленное родителям из Англии, где он учился: «Так приятно было поговорить по-русски. Дети графини Торби <внучки Пушкина> говорят отвлеченно, по-моему, это очень стыдно» (1910; см.: *Красных*. С. 207).

С. 192–193

книга по индуcской философии жизни — см.: *Маковский*. С. 566; комм. к с. 64.

524

С. 193

приехали Чеховы — брат и сестра А.П. Чехова: Мария Павловна и Иван Павлович; возможно, вместе с ними была и жена И.П. (см. ниже). Браиловский — давний знакомый Чеховых, по его проекту была построена дача М.П. Чеховой в Мисхоре (1907) и изготовлен памятник на могиле А.П. Чехова (1907–1908), он также написал портрет И.П. Чехова.

Чехов, Иван Павлович (1861–1922) — четвертый по старшинству из братьев Чеховых, родился вслед за братом Антоном и «необыкновенно напоминал его голосом, интонациями» (*Немирович-Данченко В.И. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников*. М., 1986. С. 282–283); педагог. По словам Т.Л. Щепкиной-Куперник, это был «тихий, серьезный человек с головкой Христа» (там же. С. 236). В описываемый период он и его жена Софья Владимировна (урожд. Андреева) (1872–1949) переживали особенно трудное время: в декабре 1917 г. застрелился их единственный сын Владимир (род. в 1894 г.), а в январе 1918 г. они были выселены из казенной квартиры при Миусском городском мужском начальном училище им. А.П. Чехова, которым И.П. заведовал с 1906 г.; к этому времени он имел тридцативосьмилетний педагогический стаж. В 1918 г. И.П. с женой в первый раз приехал в Ялту летом, в конце сентября – начале октября «тревога М.П. Чеховой за судьбу архива покойного брата-писателя в сейфе банка “Братья Джемгаровы” вынудила» его ненадолго съездить в Москву; его имя вновь появляется в дневнике В.С. в конце осени (см. запись от 29 ноября 1918 г.). В Москву они смогли вернуться в октябре 1921 г., а через полгода И.П. умер от истощения. См. о нем: *Кузичева*. С. 203–268; о трудностях их жизни в Ялте в 1918–1919 гг. в доме М.П. Чеховой и отрывки из его дневника см. там же. С. 265–266; *Скобелев Ю.Н. Реликвии чеховского дома в Ялте: И.П. Чехов // III Дмитриевские чтения*. Ялта, 1999. С. 101–106.

она думает ехать с ним — мать В.С. уехала в Москву 23 августа. И.П. Чехов получил разрешение на выезд в конце сентября; см. текст документа, без которого в то время невозможно было уехать из Крыма: «№ 2786. Имперская германская губерния Ялта. Паспортная служба. Отдел II. Ялта, 28/IX 1918. Пропуск. Господин Чехов Иван Павлович род<ился> в 1861 году в Таганроге, имеет право на проезд пароходом и по железной дороге в Москву и обратно. Действителен до 28/X 18» (цит. по: Скобелев Ю.Н. Реликвии чеховского дома в Ялте: И.П. Чехов // III Дмитриевские чтения. Ялта, 1999. С. 103).

С. 194

у Каломийцева — в Алуште (см. комм. к с. 77).

С. 195

Коренева, Лидия Михайловна (1885–1982) — актриса МХТ (1904–1958) и немного кино (с 1915 г.), впоследствии народная артистка РСФСР, приятельница Добужинского, написавшего множество ее портретов (ее также писали Сомов, Бакст, Анненков, Григорьев). См. ее записи в альбоме В.С. (в комм. к с. 249), а также комм. к с. 202; биографические сведения о ней см.: Вульф В. Серебряный шар: Преодоление себя. Драмы за сценой. М., 2003. С. 187–195 (2-е изд. М., 2006. С. 208–218).

525

Чекатто (у В.С. — Чекато), *Вергилий Иванович* — владелец магазина произведений печати и картин в Москве (Камергерский пер., 6). «Полуинвалидом он <Судейкин> уехал в Крым, где жил сначала в Алуште, а потом в Новом Мисхоре (около Ялты) на деньги, выручаемые от продажи картин поклонником Судейкина — В.И. Чекатто» (*Евреинов 1, 41*. С. 184).

Артисты — привилегированное сословие — певец Юрий Морфесси писал на эту тему в своих мемуарах: «Я коснулся начала большевизма в Петербурге. Было ужасно, хотя этот ужас мы, артисты, ощущали в меньшей мере, нежели вся остальная буржуазия. На первых порах советская власть кокетничала с нами и осыпала исключительными привилегиями... с ее точки зрения. Эти привилегии сводились к тому, что нас не расстреливали, и в то время, как население голодало, мы, вдоволь покривлявшись в каком-нибудь театре перед красноармейским и коммиссарским хамьем, получали за это немного муки и немного сахару» (*Морфесси Ю. Жизнь, любовь, сцена: Воспоминания русского баяна. Париж, 1931*. С. 115).

перестраивается здание Камерного театра — 12 февраля 1917 г. на Тверском бульваре, 23 театр дал свой последний спектакль, в октябре 1917 г. в здании, принадлежавшем Российскому театральному обществу (Б. Никитская, 19), состоялось его второе рождение; позднее театр вернулся в свое первое помещение.

«Повелитель блох» — сказка Э.-Т.-А. Гофмана (1822).

встреча с Бюнтинг — Софья Михайловна фон Бюнтинг (урожд. бар. Медем) (?–1948), вдова убитого тверского губернатора (с 1906 г.) Николая Георгиевича фон Бюнтинга (1861–1917),

участница Ялтинской выставки 1917 г. (см.: *Выставка 1*. С. 5. № 53–58); жила в это время в Мисхоре вместе со своими детьми. См.: Солнце России. 1915. № 27. С. 16 (фотография); МФ 1. С. 239, 250, 270; НМ. Т. 1. С. 472.

Ватто (Watteau), Антуан (1684–1721) — один из самых любимых художников Судейкина: «Ватто — вот удивительный мастер» (из письма Судейкина Арапову 1906 г. из Парижа, цит. по: Коган. С. 22; о влиянии Ватто на Судейкина см. там же. С. 34–35); его самого А.Н. Толстой назвал «русским Ватто» (см.: Перед картинами Судейкина // *Жар-птица*. (Берлин), 1922. № 1. С. 26; перепеч.: НН. 1989. № 1. С. 155–158). См. также стихотворение Кузмина «Балет (Картина С. Судейкина)» («О царство милое балета, Тебя любил старик Ватто!») и запись от 31 июля 1919 г. в тифлисском дневнике В.С.

С. 196

Говорят об убийстве Николая — Николай II Александрович (1868–1918), российский император (1894–1917), отрекся от престола 2 марта 1917 г., расстрелян вместе со своей семьей в Екатеринбург в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Официальное сообщение о его убийстве появилось 19 июля в газетах «Известия» (№ 15/415) и «Правда» (№ 149), о его семье сообщалось только, что жена и сын «отправлены в надежное место». По воспоминаниям П. Урусова, 19 июля 1918 г. «ялтинская газета объявила об убийстве царя. Его семья не упоминалась» (с. 65); см. также записи от 21 и 22 июля 1918 г. в дневнике имп. Марии Федоровны: «Распространяются страшные слухи о судьбе нашего любимого Ники» (1. С. 240, 241); *Васильчикова*. С. 508–509; *Кудрина*. С. 205–206.

526

и железнодорожной забастовке — «16 июля забастовка охватила все линии юго-западной железной дороги» (*Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк 1: Брестский мир, октябрь 1917 – ноябрь 1918. London, 1991. С. 361–364).

когда Кузмин жил у нас — с начала августа 1912 г., вероятно, по февраль 1913 г. (см. записи в дневнике: *Кузмин 2*). В 1912 г. Судейкины сначала жили на Разъезжей, 16/18, а в конце июля – начале августа переехали в квартиру у Летнего сада, их адрес по 1915 г. — Рыночная (Гангутская), 16. См. об этой «уютной» квартире, «украшенной заботами» первой жены художника: «В домашнем укладе Судейкиных во всем чувствовалось ее влияние. В квартире на окнах висели кисейные занавесочки с едва заметными горошинками. Это вкус Олечки. Качалась клетка с канарейкой. Это ее любовь к птицам. На булях, столиках из красного дерева стояло множество расписных с позолотой чайников, чашек и пасторальных статуэток из гарднеровского и поповского фарфора» (*Романов*. 31 августа). См. также: *Кузмин 2*. С. 370–393. К этому периоду относится роман Князева с Глебовой-Судейкиной; вероятно, тогда же Глебова-Судейкина прочла дневник Кузмина, после чего, по-видимому, он должен был съехать с их квартиры (см.: *Мок-Бикер*; записи Кузмина с 13 января по конец февраля 1913 г. отсутствуют).

как два ангела — ср. с записью Кузмина от 30 октября 1906 г.: «Судейкин делал набросок, портрет он будет писать без меня; очень черный en face, за головой венки, в глубине два серебряных ангела» (Кузмин I. С. 252), с его стихотворением «Мой портрет» из цикла «Прерванная повесть», посвященного отношениям с Судейкиным: «Венок за головой, открыты губы, / Два ангела на- прасных за спиной» (1907), и строками из черного варианта стихотворения Пушкина: «Две тени милые, — два данные судь- бой / Мне ангела во дни былые» («Воспоминание (Когда для смерт- ного...)»). Вероятно, слова Судейкина «Как это изобразить?» под- тверждают предположение, что этот портрет не был написан. О карандашном портрете Кузмина работы Судейкина см.: *Крав- цова И.* Забытый портрет Кузмина // *НЛО.* 1993. № 3. С. 130–133. См. также описание картины «Волшебный круг» в комм. к с. 50.

С. 197

«Двенадцать песен Чужой поэмы» — в автографе поэмы (ап- рель 1916 г., см.: *Salon Album.* 17a) 11 строф, но, как видно из этого упоминания, к этому времени Судейкины уже знали 12-ю стро- фу («В моем краю вы все-таки чужая / И все же нельзя России быть родней...»), и, возможно, имели сведения о жизни Кузмина после их отъезда из Петрограда; о судьбе Судейкиных Кузмин мог узнать позднее от их общих знакомых, вернувшихся из Кры- ма и Тифлиса.

527

С. 198

приходим к панинскому дворцу — имение гр. С.В. Паниной в Гаспре, в котором в 1901–1902 гг. жил Л.Н. Толстой, а в 1917–1919 гг. — Петрункевичи, Набоковы, Поли; место собраний чле- нов кадетской партии, находившихся в то время Крыму. Дворец был построен в 1830-х гг. для кн. А.Н. Голицына в псевдоготиче- ском стиле по проекту архитектора Ф. Эльсона. См. его описание в воспоминаниях Васильчиковой (с. 49–50), см. также: *Галиченко А.* Гаспра // *Дворянские гнезда России.* М., 2000. С. 299–309.

заказ... сыграть в синемаатографе — вероятно, речь идет о съемках для кинофирмы Ханжонкова, с которой сотрудничала Коренева с 1915 г. (см.: *Вишневский; Ханжонков I;* Фильмография. № 357. 1919: фильм по рассказу Л. Толстого «За что?»). Ранее в Крыму актриса снялась в фильме режиссера Е. Бауэра «За сча- стьем» (выпущен 3 сентября 1917 г.).

С. 199

наши лучшие минуты прошли в храме — см. со слов В.С.: «Любимым местом для свиданий был Кремль, особенно большие кремлевские соборы» (*Богомолов, Малмстад.* С. 197), а именно Успенский и Благовещенский (*Igor and Vera.* P. 40). В петроград- ский дневник В.С. вклеен рисунок Судейкина, изображающий его и В.С. в старинных русских костюмах, на фоне церкви, бла- гословляемых ангелом, и со строкой из «Чужой поэмы» Кузми- на: «И трое связаны в мерцающем томленьи».

Ленин был приглашен — возможно, речь идет о посещении В.И. Лениным (наст. фам. Ульянов) (1870–1924) спектакля МХТ

«Село Степанчиково» 20 мая (2 июня) 1918 г. (см. запись об этом: Московский Художественный театр в иллюстрациях и документах. 1898–1938. М., 1938. С. 718; Журнал спектаклей. Сезон 1917/18. С. 72), вспоминая о котором приемный сын А.И. Ульяновой-Елизаровой Г.Я. Лозгачев отмечал, что во время антракта в аванложу, где находился Ленин, «запросто приходили В.И. Немирович-Данченко и К.С. Станиславский» (цит. по: Московский Художественный театр в советскую эпоху: Материалы и документы. 2-е изд., доп. М., 1974. С. 30), но в последующем издании автор исправил свою «ошибку»; факт их личных встреч другими документальными свидетельствами не подтверждается.

Владимир Иванович — Немирович-Данченко (1858–1943) — писатель, режиссер, педагог, один из создателей МХТ.

Станиславский (наст. фам. Алексеев), Константин Сергеевич (1863–1938) — актер, режиссер, педагог, теоретик театра, один из создателей МХТ. Судейкин познакомился с ним в 1904–1905 гг., во время работы в Театре-студии на Поварской, для которой он и Сапунов оформили несостоявшуюся постановку пьесы Метерлинка «Смерть Тентажиля». О конфликте художников со Станиславским на генеральной репетиции см., например: *Ульянов; Коган*. С. 17–20. В описываемое время в Крыму, в Новом Мисхоре, находился брат Станиславского Георгий Сергеевич Алексеев (1869–1920), с которым, возможно, общались Судейкины.

артисты трудно жили — см., например, письма О.Л. Книппер-Чеховой к М.П. Чеховой (отрывки опубл.: *Бродская*. Т. 2. С. 263–264, 274).

Рассказывали о Коонен... Комиссаржевской, Рощиной — Алиса Георгиевна Коонен (1889–1974) — ведущая актриса Камерного театра (1914–1950), созданного А.Я. Таировым; мемуаристка. Среди бумаг В.С. сохранился листок с рассказом о ее встрече с Коонен спустя почти пятьдесят лет со времени их знакомства во время приезда Стравинских в Россию осенью 1962 г. «Я вспомнила <...>, что у нее <Фурцевой> та же квартира, что была у меня, когда я была замужем за Шиллингом. Туда приходил Таиров познакомиться со мной, ему говорили, что я красивая, талантливая любительница, богатая, — чего лучше для театра, который был накануне банкротства. Не было алтына, и вдруг шиллинг. Я была им принята в труппу артистов Камерного театра. Фурцева приглашала меня прийти чай пить, чтоб увидеть мою бывшую квартиру. Я не пошла, не было времени, и я как-то стала равнодушна к прошлому. Например, увидев на концерте Алису Коонен (мы расцеловались якобы с большим emotion и комплиментами: “Душка, Вы все такая же красавица”. — “Боже, как волнительно видеть Вас и вспоминать былое”), другая бы расплакалась, я же приняла комплимент и говорила обязательные банальности без особого волнения» (впервые опубл. в переводе на англ.: *Dearest Bubushkin*. P. 211). Вера Федоровна Комиссаржевская (1864–1910) — о работе Судейкина в ее театре см. комм. к с. 219. Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (урожд. Пашенная) (1883–1970) — актриса, участница вечеров в «Бродячей собаке»

(см.: БС. С. 237); исполнила роль «угнетенной Бельгии» в спектакле «Торжество Держав» по пьесе А.В. Бобрищева-Пушкина, поставленном Мейерхольдом на сцене Мариинского театра и оформленном Судейкиным (1914). В нем «имел, конечно, наибольший успех <...> художник и артисты, среди которых Рощина-Инсарова <...> запомнилась своим костюмом монахини, появлявшейся среди углекопов в осенне-красных, словно окровавленных, листьях» (*Евреинов 1, 41. С. 181*). В 1918 г. с мужем, офицером гр. С.А. Игнатьевым, уехала на Юг России, эмигрировала в 1919 г.

Санин (Шенберг), Александр Акимович (1869–1956) — актер, режиссер МХТ (1898–1902, 1917–1919), режиссер антрепризы Дягилева; муж близкой знакомой Чеховых актрисы Л.С. Мизиновой; в 1918 г. находился в Одессе; эмигрировал.

Мамонтов, Савва Иванович (1841–1918) — купец, фабрикант, меценат, создатель Абрамцевского художественного кружка (1870–1890-е) и Частной оперы в Москве (1885–1904), который первый привлек к работе в театре «подлинных художников и художников действительно современных по существу своего творчества» (*Евреинов 1, 39. С. 161*). По словам Евреинова, «толкнул на сцену Судейкина <...> Савва Мамонтов, которому искусство театральной живописи за это должно быть навеки признательно» (там же. С. 163; см. также с. 161–162). Судейкин познакомился с ним в конце 1890-х гг., вместе с Кузнецовым исполнил росписи в одном из подмосковных имений по его заказу, вместе с Сапуновым и Кузнецовым работал в его керамической мастерской, вместе с Сапуновым принимал участие в оформлении спектаклей для мамонтовской оперной антрепризы в театре «Эрмитаж» («Каморра») Э.-Д. Эспозито, «Орфей» К.-В. Глюка, «Гензель и Гретель» Э. Гумпердинка, «Виндзорские кумушки» О. Николли). Впоследствии Судейкин вспоминал о нем с благодарностью: «Вспоминаю себя совсем молодым... Совсем юным... Савва Иванович Мамонтов после своего процесса в связи с постройкой Ярославского вокзала и Ярославской железной дороги продолжал покровительствовать молодым художникам и артистам. Нас было трое: Сапунов, Павел Кузнецов и я. Когда денег не было, жили периодически на майоликовом заводе Абрамцева, за Бутырской тюрьмой. Молоды мы были, а потому повесничали непростительно. Но Савва Иванович сумел применить нас и впервые дал нам в руки декоративные кисти. <...> Мы жили, ели и спали на тех же местах, где во время величия Саввы Ивановича сидели Коровин, Серов, Врубель, Шаляпин, Собинов» (*Судейкин 2. С. 29*; см. также: *Коган. С. 15*).

С. 200

свидание с Булгаковым — Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), философ, богослов, публицист; 9 июня 1918 г. принял сан священника; был женат на Елене Ивановне Токмаковой. «Через две недели после рукоположения, с благословения Патриарха, я выехал в Крым для свидания с семьей на месячный срок» (*Булгаков. С. 43*). В середине августа, вероятно (последнее упоминание о нем в дневнике В.С. за 1918 г. — 10 августа) Булгаков пред-

принял попытку уехать в Москву — через Киев (по предположению О. Локтевой, Булгаков приехал в Киев в середине сентября; см.: *Локтева О. С.Н.* Булгаков в Киеве осенью 1918 г. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997. СПб., 1997. С. 214), но ему пришлось вернуться и прожить в Крыму до начала 1921 г.; в этот период он служил в церквях Кореиза и Гаспрета, был профессором политэкономии и богословия Университета в Симферополе (октябрь 1919 – ноябрь 1920 г.); после разгрома Врангеля — протоиерей в Ялте, в соборе Александра Невского. Имя Булгакова вновь появляется на страницах дневника В.С. 14 января 1919 г. О жизни Булгакова на Юге России см.: *Сестры Герцык; Локтева О.* Указ. соч. С. 209–226; *Колеров М.А.* С.Н. Булгаков в Крыму осенью 1919: *Vegetus*. Неделя о Булгакове // Там же. С. 232–236; *Половинкин; Бонецкая Н.К.* Булгаков в Крыму // «Серебряный век в Крыму»: Взгляд из XXI столетия: Материалы Третьих Герцыковских чтений. М.; Симферополь: Судак, 2005. С. 46–56.

С. 201

530

Гуляли до Чаира — имение вел. кн. Анастасии (Станислава, Стана) Николаевны (1867–1935), дочери черногорского короля Николая («черногорка»), во втором замуж. (с 1907 г.) жены вел. кн. Николая Николаевича-мл. (см. о нем ниже). «С севера земли примыкали к “Барбо-Кристо” Бекетова и “Мурад-Авур” Малама, с юга — к морю, с востока — к “Сосновой роще” Юсуповой с 1914 г. <...> и с запада к “Барбо” чешского деятеля Крамаржа. Верхнюю, северную часть имения пересекало Нижне-Алупкинское шоссе <...>. Парк представлял собой три террасы с наклонном на юг к морю. Весь парк прорезан дорожками и обложен кубиками из местного камня. На подъемах устроены каменные лесенки, посажено много деревьев и кустов, три четверти которых принадлежат хвойным породам» (*Науменко И.В.* Имение Чаир Великой княгини Анастасии Николаевны // VI Дмитриевские чтения. Ялта, 2002. С. 86). Имение славилось замечательной коллекцией роз. 1 сентября 1918 г. оно было продано уральскому горному инженеру Ф.А. Иванову за сумму около семи миллионов рублей (там же. С. 87). См. также: *Романовы и Крым*. С. 165–166.

Встреча с Николаем Николаевичем — вел. кн. Николай Николаевич-мл. (1856–1929), внук имп. Николая I, старший сын вел. кн. Николая Николаевича-ст., двоюродный дядя имп. Николая II, генерал-адъютант свиты императора (1894), генерал от кавалерии (1901), в начале Первой мировой войны (1914–1915) и после отречения от престола Николая II (2–9 марта 1917 г.) являлся Верховным главнокомандующим; после Февральской революции, с середины марта 1917 г. находился под надзором в имении Чаир вместе с женой и ее детьми от первого брака Сергеем и Еленой Лейхтенбергскими; в феврале 1918 г. он, как и другие члены имп. семьи, был переведен в имение Дюльбер своего брата вел. кн. Петра Николаевича, после прихода немцев уединенно жил во дворце Кичкине; эмигрировал в конце марта 1919 г.

о брате художнике — Николай Павлович Чехов (1858–1889), вольнослушатель МУЖВЗ (1875–1881, 1884), однокашник Коро-

вина и Левитана, иллюстратор (известно 48 рисунков к произведениям своего брата, см.: *Чехов А.П. Несобранные рассказы / Подгот. к печ., предисл. и коммент. И.С. Зильберштейна. Л., 1929*), карикатурист, сотрудничал в разных юмористических иллюстрированных изданиях, в том числе в журнале «Будильник» (М., 1873–1917), в котором печатались рассказы А.П. Чехова (1881–1887). См. о нем: *Коровин вспоминает; Кузичева. С. 155–202*.

князю Орлову — возможно, кн. Владимир Николаевич Орлов (1868–1928), внук государственного деятеля, шефа жандармов Алексея Федоровича Орлова (1786–1861), начальник военно-походной канцелярии Николая II (1906–1915), генерал-майор свиты (с 1909 г.), впавший в немилость из-за своей оппозиции Распутину, в первом браке муж кн. О.К. Орловой (в описываемый период, по-видимому, они уже разошлись); эмигрировал; или его сын — кн. Николай Владимирович Орлов (1891–1961), муж (с апреля 1917 по 1940 г.) дочери вел. кн. Петра Николаевича Надежды Петровны; эмигрировали. См. их упоминание: *МФ 1. С. 185, 230 и др.*

читаем Пушкина — судя по упоминанию статей о жизни поэта (см. записи от 3 и 31 августа и 3 сентября 1918 г.), Судейкины читали сочинения Пушкина, изданные в серии «Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова» (СПб., 1907–1915); см. также записи от 2 и 28 августа и комм. к ним.

531

С. 202

знакомство с Львовым — возможно, речь идет о кн. Георгии Евгеньевиче (1861–1925), председателе Временного правительства первого созыва и министре внутренних дел в марте – июле 1917 г., который после передачи власти А.Ф. Керенскому ненадолго приезжал в Ялту; или о его брате кн. Алексее Евгеньевиче Львове (1850–1937), инспекторе (1894–1896), а затем директоре МУЖВЗ (1896–1917).

о Румянцеве — вероятно, Николай Алексеевич Румянцев (1874–1948), актер и заведующий административно-технической частью МХТ (1902–1925); сыграл роль Пьера Безухова в фильме «Война и мир», в котором В.С. сыграла роль его жены Элен (см. комм. к с. 105): «Выше среднего роста, полный, с одутловатым добродушным лицом, <...>, он был двойником Пьера Безухова» (*Гардин В.Р. Памяти товарища по любимому искусству // Протазанов. С. 317*).

1 августа, четверг — хроника к воспоминаниям: 1. Коренева; 2. Сережа рассказывает об Ахматовой, Карсавиной, Иде Рубинштейн; 3. Коренева (проекты театра); 4. Новости из Петербурга. Домик, который хотели купить, разочарование; 5. «Карнавал». «Купанье Венеры»; 6. Мечты создать музей, собираю этюды; 7. Начинаю опять позировать. Ссоры из-за купанья и между Леонидом и Савелием; 8. Сережа купается! Опять ссоры. Позирую только Сорину; 9. Позирую <для> Венеры»; 10. Неожиданный приезд Билибина и скандал; 11. Каждый высказывает свое мнение (политическое); 12. Билибин уходит. Много разговоров

о большевиках и об уходе немцев; 13. Заходят Орлова, Чеховы, Коренева. Чеховы; 14. Рябушинские. Мама денег не достала, хочет ехать в Москву. Евреинов в Ялте; 15. Коренева хочет ехать в Москву с мамой; 16. Маковский предлагает выставку в Одессе, Киеве, Харькове; 17. Чеховы рассказывают Кореневой ужасы о Москве; 18. Сенсация: Ленин бежит. Сережа рисует лубки для кухни; 19. В Киеве художник <и> все продают, а мы? Истерика Кореневой; 20. Мама уезжает. Мы провожали в Ялте. А. Лурье — большевик. Евреинов рассказывает о “Привале”. Ялта очень интересна».

Записи от 1–3 августа сохранились в двух вариантах. См. первоначальный, краткий, вычеркнутый текст:

«1 августа

Я в плохом настроении. Заезжена работой, устала. Идем купаться под дом Сведомских. Сережа делает четыре наброска. Днем спим, но не отдыхаем. Разбужены известием: Эйхгорн убит и Николай, наверное.

Заходит Поль (о Булгакове).

Коренева одевается, и я работаю на три фронта. Сереже советую насчет роз, в кухне и ей.

Шамины вернулись из Гурзуфа, они ужинают у нас.

Письмо Паллады.

2 августа

Сережа решил снова завоевать мою любовь. Он моется, чисто одевается и приносит диваны, из которых делаем постели. Затем я готовлю и убираю и стелю постели. Сережа не спит, а работает. Я читаю ему из Пушкина и вышиваю. Заходит Дроздов и рассказывает о Глазунове и Римском-Корсакове. Я шью Сереже фартук. Сережа допекает маму за беспорядок в комнатах и к вечеру предлагает переставить удобнее мебель. Коренева. Я шью ей. Сережа рассказывает об Иде Рубинштейн, о неудачах любовных Анны Ахматовой, о Карсавиной, мы провожаем ее.

3 августа

Последний день моей недели. Я работаю и устаю. Гроза.

под дачу Чеховой — «Моя небольшая дачка была расположена над самым морем на высоком берегу. Кругом стоял чудесный сосновый лес. Сзади высилась отвесная громада Ай-Петри <...>. И вот свою дачу в Мисхоре я назвала “Чайкой”. По соседству со мной построила себе тоже небольшую дачку моя старая приятельница Александра Александровна Хотяинцева. Там же была дача художника Браиловского, и у нас составила целая компания художников» (Чехова М.П. Из далекого прошлого. М., 1960. С. 258). М.П. начала строить дачу в Мисхоре летом 1907 г. по проекту Л.М. Браиловского.

Эйхгорн... убит — Герман фон Эйхгорн (von Eichhorn) (1848–1918), германский генерал-фельдмаршал, с конца марта 1918 г. главнокомандующий группой армий «Киев», которая оккупировала Украину и прилегающие к ней местности; был смертельно ранен 30 июля левыми эсерами с целью отомстить за политику оккупационных властей по отношению к крестьянству и сорвать Брестский мир. См.: МФ 1. С. 243 (запись от 2 августа).

в маленькой панинской церкви — небольшая церковь во имя Св. Троицы в именовании гр. С.В. Паниной в Гаспре.

Видели... Софию Семеновну Рославлеву — жену А.С. Рославлева. Рославлевы были пайщиками кооператива в Батилимане. См. о них: *Станиславский* 8. С. 335–336.

С. 203

она неопытна в синемаатографе — такую оценку В.С. дала актрисе, к тому времени с успехом сыгравшей большие роли в нескольких фильмах («Обрыв», «Инвалиды духа», «Кумиры», «За счастьем» и др.). См. мнение историка кино о ее игре в фильме «Жизнь за жизнь»: «С точки зрения профессионального артистического искусства работа Кореневой — одно из лучших достижений дореволюционного экрана» (*Зоркая Н.М. У истоков массового искусства в России 1900–1910-х гг.* М., 1976. С. 286); см. также современные отклики на ее игру: *Великий Киномо*. С. 314–315, 317–322, 372, 382–383, 527. У В.С. («Андрей Тобольцев», 1915) и Кореневой («За счастьем», 1917) был один и тот же партнер — Николай Мариусович Радин (Казанков) (1872—1935), внук знаменитого балетмейстера М.И. Петипа.

533

читаю... из Пушкина — см. комм. к с. 201.

об Анне Ахматовой — Анна Андреевна Ахматова (урожд. Горенко, в замуж. Гумилева) (1889–1966), близкая подруга и «конфидентка» первой жены Судейкина Ольги; познакомилась с ними, по-видимому, 13 сентября 1910 г. в Царском Селе на прощальном вечере по поводу отъезда Гумилева в Абиссинию (см.: *Лукницкий* 2. С. 19). См. также упоминание Ахматовой «перед картинами Судейкина» на одной из выставок: *Чулков*. С. 254. По словам биографа Судейкина, «придирчиво-капризную» Ахматову, «взволнованную уже раньше веселым волшебством Судейкина в “Обращенном принце”» на сцене «Дома Интермедий» на Галерной ул. зимой 1910/11 г., пленил оформленный художником спектакль по пьесе Кузмина «Забава дев» (1911) (см.: *Евреинов* 1, 39. С. 170). Предположительно к Судейкину обращено ее стихотворение «Безвольной пощады просят глаза» (1912, первая публ.: *Жатва: Альманах*. 1913. № 4. С. 5; в экземпляре сборника стихотворений, принадлежавшем ее подруге В.С. Срезневской, автором проставлено посвящение: «С.С.»). В «Альбоме документальных материалов о творческой деятельности Сергея Судейкина» (РГАЛИ) сохранились автографы посвященных ему стихотворений Ахматовой: «...это тот, кто сам мне подал цитру / В тихий час земных чудес, / Это тот, кто на твою палитру / Бросил радугу с небес. / Сердце бьется ровно, мерно / Что мне прошлые года... / Ведь под аркой на Галерной / Ты со мною навсегда» (первая публ.: *Коган*. С. 186; ср.: «Сердце бьется ровно, мерно» (1913), «Спокоен ход простых суровых дней / Покорно все приемлю превращения. / В сокровищнице памяти моей / Твои слова, улыбки и движения» (весна 1914 г.). Возможно, что в стихотворении «Все мы бражники здесь, блудницы» (декабрь 1912 г.) упоминается не только Глебова-Судейкина («а та, что сейчас танцует») и судейкинская роспись («цветы и птицы томятся по облакам»), но и сам

художник, куривший трубку; возможно, что стихотворение «Художнику», написанное в год отъезда за границу Глебовой-Судейкиной (1924), также обращено к Судейкину (см. комм. к с. 39). В фонде Ахматовой (РГАЛИ) хранится записка Судейкина к ней, «дорогой кузине», времен «Бродячей собаки» (первая публ.: *Коган*. С. 186). Историю создания Судейкиным портретной зарисовки Ахматовой на бланке журнала «Русская икона» 4 ноября 1914 г. см.: *Ахматова*. ЗК. С. 703; *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1: 1938–1941. С. 462; воспроизв. см.: В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников. М., 2004. С. 41. № 13; там же см. другой, профильный, рисунок Судейкина (с. 40. № 12), который Ахматова предполагала воспроизвести в своем сборнике (см.: ЗК. С. 686), см. о нем ее стихотворение 1958 г.: «Рисунок на книге стихов (Он не траурный, он не мрачный)» (другое название: «Портрет автора в молодости, или Надпись на книге “Вечер”»). В записях Лукницкого зафиксирован рассказ Ахматовой, помеченный «1910–1913», о том, как ее отец обращался к отцу Судейкина по поводу устроенной за ним слежки; дата эта, по-видимому, относится ко времени разговора Ахматовой и Судейкина о пересечении их судеб в прошлом (см.: *Лукницкий* 2. С. 304). См. также его запись о семейной жизни Судейкина и его первой жены (*Лукницкий* 1. С. 73). В «Поэме без Героя» и прозе к ней можно обнаружить несколько отсылок к «отсутствующему» мужу героини. Ахматова познакомилась с В.С., по-видимому, весной 1916 г., до своего отъезда из Петрограда, возможно, что они общались и зимой 1916/17 г., но в дневнике В.С. их встречи не зафиксированы. Сохранился силуэт В.С. работы Ахматовой с ее же надписью на обороте «Бяка» (воспроизв.: *Igor and Vera*. P. 46), по словам В.С., ее звали так за то, что она увела Судейкина от первой жены (см. также упоминание В.С. в «Листках из дневника» Ахматовой и примечание к записи от 1 января 1917 г. о детской пьесе А. Лурье «Бяка»); в 1965 г., будучи в Англии, Ахматова отдала силуэт И. Берлину, а он передал его В.С. Об интересе Ахматовой к судьбе В.С. см.: *Берлин И.* Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями» // *Воспоминания об АА* 2. С. 441; упоминания В.С. («Бяка») встречаются в ее «Записных книжках» в черновых набросках балетного либретто по «Поэме без Героя» (с. 87, 93); см. также свидетельство А. Наймана: «Она рассказала о жене Стравинского Вере, ослепительной красавице, прозванной петербургскими ценителями красоты Бякой. <...> Она была настоящая красавица <...> это такая редкость» (*Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1999. С. 274). Тем не менее Ахматова отрицала свое дореволюционное знакомство с В.С. (см.: *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // *Вопросы литературы*. 1997. Март–апрель. С. 281: запись от 1963 г.). По словам И. Бродского, встречавшегося с В.С. в Нью-Йорке, она виделась с Ахматовой во время приезда в Москву осенью 1962 г. (см.: *Бродский И.* «Свою меж вас еще оставив тень» // *Ахматовские чтения*. М., 1992. Вып. 3. С. 83), но, по утверждению М. Толмачева, в разговоре с ним Ахматова отрицала эту встречу (см.: *Толмачев М.* Бутылка в море. М., 2002. С. 34).

Князев — ср.: «Сказала мне, что Всеволодом Князевым никогда не увлекалась, а “просто говорила, что он очень красив”»

(*Лукницкий 2. С. 33*; ср. со словами Гумилева о нем в дневнике Кузмина: «это самый красивый мужчина, которого он видел» (*Кузмин 2. С. 271*). Помимо встреч с Гумилевыми в Петербурге, Князев бывал у них в Царском Селе).

граф Зубов — Зубов, Валентин Платонович (1885–1969), граф, историк искусства, основатель Института истории искусств в Петербурге (1912, «Зубовский институт»), мемуарист; эмигрировал в 1925 г. Об отношениях с Зубовым см. «версию» самой Ахматовой: «А.А. говорит, что про “Четки” думают, что они В.П. Зубову посвящены. А.А.: А я с Зубовым даже знакома тогда не была (то есть почти не была знакома, м.б., и так сказала А.А.)» (*Лукницкий 1. С. 157*; см. также: *Лукницкий 2. С. 285*); см. посвященное ему ее стих. «Как долго праздник новогодний» и его записку к ней (1914): *Зубов В.П. Страдные годы России. М., 2004. С. 203.*

Блок, Александр Александрович (1880–1921) — легенду («сплетню») о своем романе с Блоком Ахматова отвергала; см. ее «Воспоминания об Александре Блоке», записи в ее ЗК. Ср. со свидетельствами других ее современников: «— Скажите, Анна Андреевна, ведь это выдумка о вашем будто бы романе с Блоком? — Кто-то сочинил эту легенду. Я ведь почти не виделась с Блоком» (*Зенкевич М.А. Эльга / Сост. С. Зенкевич, И. Попов. М., 1991. С. 20*); «Кстати, надо было бы категорически опровергнуть и другие рассказы, сложившиеся в эмиграции и до сих пор прочно держащиеся: о каком-то “романе” Блока с Ахматовой <...>. Никогда ничего подобного не было, никто об их взаимном влечении в Петербурге не слышал и не говорил. На чем эти выдумки основаны, не знаю. Вероятно, просто-напросто на том, что слишком уж велик соблазн представить себе такую любовную пару — Блок и Ахматова, пусть это и противоречит действительности» (*Адамович Г. Мои встречи с Ахматовой // Воспоминания об АА 2. С. 68*); см. также: *Алигер М. В последний раз // Там же. С. 366*; *Берлин И. Из воспоминаний... // Там же. С. 445*; рассказ Г. Козловской (Анна Ахматова в записях Дувакина / Сост. О.С. Фигурнова. М., 1999. С. 211).

535

Лурье — адресат стихотворений Ахматовой; по ее словам, они познакомились 8 февраля 1914 г. на вечере в Тенишевском зале. О том, как это произошло и какое «роковое значение и роковые последствия» оно имело для Лурье, см.: *Грэм. С. 219–221*. В 1919–1922 гг. Ахматова жила вместе с Лурье и Глебовой-Судейкиной; она называла его своим «третьим мужем» (*Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 423*). См. об этом периоде: «<Ахматова> Рассказывала: “Мы обе были влюблены в одного человека”, но имени Артура Лурье не называла. Они никак не могли разобраться, в кого же из них двоих он был влюблен» (там же. С. 480); см. также: *Ахматова. Поэма. С. 338–340*; *Гильдебрандт 1. С. 152.*

ее отъезд — Карсавина уехала из Петрограда в Англию вместе со своим вторым мужем Г. Брусом и сыном Никитой в июле 1918 г. через Петрозаводск и Мурманск. «Английское посольство покинуло город в феврале <1918>. Мне пришлось остаться.

В июне муж вернулся за мной. У нас возникли непредвиденные трудности с паспортами — в это время англичане высадились на севере. Когда мы почти отчаялись выехать из России, мужу позвонили по телефону — женский голос сообщил, что разрешение на выезд будет прислано прямо ему» (*Карсавина*. С. 289 и далее по с. 298: глава «Опасное путешествие»). См. также запись Бенуа: «Брус с Карсавиной и младенцем покинули из первых Россию. И усиленно звали нас с собой...» (*Дневник*. С. 195) и воспоминания Остроумовой-Лебедевой: «Вспоминаю, как однажды поздно вечером приехал к нам с нашим другом В.Н. Аргутинским один англичанин, по фамилии Брус. Он на следующий день уезжал из России с женой и ребенком. А женат он был на нашей талантливой балерине — пленительной Тамаре Платоновне Карсавиной. Он ее и ребенка увозил навсегда к себе в Англию. А чтобы она не скучала по своей родине, он решил приобрести несколько моих акварельных видов Петербурга» (*Остроумова-Лебедева*. Т. 3. С. 26).

об Иде Рубинштейн — Ида Львовна Рубинштейн (1883–1960), танцовщица, Саломея в «Пляске семи покрывал» (1908), участница Русских сезонов Дягилева (Клеопатра в «Клеопатре», Зобеида в «Шехеразаде»), героиня знаменитого портрета Серова (1910, ГРМ). См. о ней: *Дунаева Н.* Памяти Иды Рубинштейн // *Русское еврейство в зарубежье*. Т. 5 (10). Иерусалим, 2003. С. 364–414; *Фокин*.

читаю о семейной жизни Пушкина — см.: *Морозов П.О.* Семейная жизнь Пушкина // *Пушкин*. Т. 4 (1911). С. 201–225.

С. 204

прийти с Пасмаником — Даниил (Даниил-Гдаль) Самойлович (Самуилович) Пасманик (1869–1930), врач, журналист, один из редакторов газет «Ялтинский голос» (с марта 1917 г.) и «Таврический голос» (Симферополь), кадет, мемуарист; эмигрировал в 1919 г. С первых дней войны находился на фронте в качестве врача; в феврале 1917-го был привезен на лечение в Ялту, где вскоре активно включился в общественную жизнь; с января 1918 г. до мая скрывался от большевиков вместе с П.П. Рябушинским; вел дневник (не сохранился). Н.И. Альтман исполнил портрет Пасманика (1917). См. его воспоминания, а также: *Оболенский*. С. 647–648; *Карабанова*. С. 246–248; *Серков*. С. 628; *НМ*. Т. 5. С. 354–355.

С. 205

Ахматова выходит замуж — официально брак Ахматовой и Гумилева (с апреля 1910 г.) был расторгнут 5 августа 1918 г. По словам Ахматовой, развод произошел по ее инициативе (см.: *Лукницкий 1*. С. 144). «Я даже никуда не ходила, ни с кем не говорила, абсолютно не знаю, как это происходило. Я просто получила бумажку, что разведена с таким-то. Был голод, был террор — все куда-то уезжали (многие навсегда), быта не было, все разводились. Нас так давно уже все привыкли видеть врозь» (*Хейт А.* Анна Ахматова: Поэтическое странствие. М., 1991. С. 242). В 1918 г. она вышла замуж за Владимира Казимировича Шилейко (1891–1930), востоковеда, поэта и переводчика. См.: *Лукницкий 1, 2*; *Шилейко В.К.* Последняя любовь: Переписка с

Анной Ахматовой и Верой Андреевой и др. материалы / Сост. А. и Т. Шилейко. М., 2003.

Гумилев тоже — Николай Степанович Гумилев (1886–1921) вернулся в Петроград в конце апреля 1918 г.; по словам Ахматовой, она сразу просила его о разводе; в августе 1918 г. он женился на Анне Николаевне Энгельгардт (1894 или 1895–1942). См.: Анна Энгельгардт — жена Гумилева: (По материалам архива Д.Е. Максимова) / Публ. К.М. Азадовского, А.В. Лаврова // *Гумилев*. С. 358–397). Знакомство Судейкина с Гумилевым состоялось, вероятно, в августе 1909 г. в доме Вяч. Иванова; 13 сентября 1910 г. Судейкин вместе с первой женой был в Царском Селе на «прощальном вечере» перед отъездом Гумилева в Абиссинию (см.: *Лукницкий 1*. С. 175; *он же 2*. С. 19). «Ему <Гумилеву> нравился Судейкин (сам) и как художник — картина Судейкина “Отплытие на остров Циреру” висела у него над кроватью» (*Гильдебрандт-Арбенина О.Н.* Гумилев / Публ. М.В. Толмачева; Примеч. Т.Л. Никольской // *Гумилев*. С. 451); см. также стихотворение Гумилева, посвящ. Судейкину: «Путешествие в Китай (Воздух над нами чист и звонок...)» (сб. «Жемчуга», 1910; 2-е изд. 1918), строки из которого художник «часто вспоминал»: «Все мы знавали злое горе, / Бросили все заветный рай, / Все мы, товарищи, верим в море / Можем отплыть в далекий Китай» (*Зорин Ю.* Незнакомый Судейкин // *НПС*. 1975. 21 декабря. С. 5). Как видно из этой записи, о предстоящей перемене в жизни Гумилева и Ахматовой их крымские знакомые знали уже в начале августа.

537

У Кузмина книжная лавка — речь идет о «Книжной лавке писателей» на Морской ул. в Петрограде, одним из основателей и пайщиков которой был Кузмин. Открылась в конце апреля 1918 г.

читаю из «Сатирикона» — еженедельный журнал «Новый сатирикон» (1913 – август 1918). В июне вышли № 11–14; в них были опубликованы фельетоны Аверченко и Бухова, карикатуры и рисунки — отклики на происходящие события — Григорьева, Лебедева, Радакова (например, в № 12: «Проценты на “Капитал”»), Ре-ми (в том числе в № 14: на с. 9 — о жертвах в Новороссийске: «Подвижной состав русского флота»; на задней обл.: «Торжественное перемещение столицы в 1918»).

доходим... до Сары — Сара «расположена между нижним и верхним шоссе» по дороге к Алушке (*Москвич*. С. 255); в ней находилось имение князей Трубецких.

С. 206

Струве, Михаил Александрович (1890–1948) — поэт, автор сборника «Стая» (Пг., 1916), рецензию на который написал Гумилев (см.: Биржевые ведомости. 1916. 30 сентября); член 2-го Цеха поэтов (сентябрь 1916 – март 1917 г.) и литературного кружка «Марсельские матросы» (основан Ю. Дегеном в апреле 1917 г.), «капитаном» которого был Кузмин; посетитель и участник вечеров «Привала комедиантов»; племянник П.Б. Струве; эмигрировал в 1921 г. См. его стихотворения, посвященные Су-

дейкиным (Баку, Париж, 1920–1921): *Salon Album*. 115b («Гекзаметр унылый»), 131a («От приторной луны не знаю где укрыться»), 163 («Немного чашек на столе») и Глебовой-Судейкиной («А здесь еще у нас тепличный, душный воздух», декабрь 1925 г., опубл.: *Ахматова. Поэма. С. 225*); его портрет работы Судейкина (*Salon Album*. 131b); см. о нем также: *Кузмин 2; Серков. С. 775*.

похож на Брюллова — Карл Павлович Брюллов (1799–1852).

С. 207

выстроить куб — ср. с описанием дома владелицы Мисхора кн. О.П. Долгорукой: «у моря, в зеленой роще белый продолговатый куб» (*Москвич. С. 153*).

Тиран сказал — полковник л.-гв. Гусарского полка Александр Николаевич Тиран (1875–1931), выпускник Александровского лицея (1899), муж дочери А.В. и М.В. Пантелеевых Екатерины Андреевны (1881–1936); участник Белого движения; эмигрировал. См. упоминание о нем в дневнике имп. Марии Федоровны, в записи от 10 августа 1918 г. (*МФ 1. С. 246*; написание фамилии неточно).

538

немцы... уходят из Крыма — немецкие войска покинули Крым в середине ноября 1918 г.

как на портрете Тищенко — см. о нем комм. к с. 64.

С. 208

Леоп<ольд> Бав<арский> (у В.С. — Бов<арский>), (1846–1930), принц, немецкий военачальник, командующий Восточным фронтом (1917–1918).

С. 210

о доме, выстроенном Жолтовским — Иван Владиславович Жолтовский (у В.С. — Желтовский) (1867–1959), архитектор, академик (1909); муж сестры Рябушинского Елизаветы Павловны (в первом замуж. Карпова) (1878–1936). Возможно, речь идет о доме на Спиридоновке, 30, построенном по его проекту в 1909–1912 гг. по образцу ренессансных дворцов; в частности, формы уличных фасадов скопированы с палатцо Тьене в Виченце, созданного итальянским архитектором Андреа Палладио (Palladio) (1508–1580).

к Гужону — Юлий Петрович Гужон (Gougeon) (1854 или 1858–1918), французский подданный, директор правления Товарищества московского металлического завода и Товарищества шелковой мануфактуры, председатель Общества фабрикантов и заводчиков Московского района. О даче Гужонов, у которых жили Щербатовы, см.: *Васильчикова. С. 431, 511–516*; см. также: *МФ 1. С. 237*.

С. 211

пришли Токмаковы — кто-либо из находившихся в то время в Крыму членов семьи чаеоторговца, одного из зачинателей крымского виноделия, Ивана Федоровича Токмакова (1838–1908): его

вдова Варвара Ивановна (урожд. Теплова) (1850–1936), их дети со своими семьями: Елена (в замуж. Булгакова) (1868–1945), писательница, жена С.Н. Булгакова; Мария (в замуж. Водовозова) (1869–1954), владелица издательства (1895–1900), которое первым в России печатало книги легальных марксистов, заведующая беллетристическим отделом журнала «Начало» (1899); Николай (1880–1940) и Сергей. Обширное имение Токмаковых Олез в Кореизе включало дом для семьи и около десяти дач для приезжих, в том числе дачу «Нюра», в которой останавливались в разное время Горький, Рахманинов, Шаляпин и др. (см.: *Половинкин*. С. 26–27). Дочь М.И. Водовозовой Лидия Николаевна Водовозова (в замуж. Серебровская) (1896–1934) — «предмет недолгого увлечения <В.В.> Набокова, адресат его многих крымских стихотворений» (*Галиченко А. Гаспра // Дворянские гнезда России*. М., 2000. С. 302).

С. 212

ко дню рождения — 16 (4) августа — день рождения Билибина.

князь Андрей — вероятно, кн. имп. крови Андрей Александрович (1897–1981), сын вел. кн. Александра Михайловича и вел. кн. Ксении Александровны; 12 июня 1918 г. женился на герцогине Елизавете (Эльза) Фабрициевне Сассо-Руффо (1887–1940); покинул Крым первым из братьев вместе с отцом и женой в декабре 1918-го.

539

С. 214

встречаться они больше не будут — о том, как произошло примирение, см. комм. к с. 287.

С. 215

санаторий на зиму — «частная санатория» доктора Дмитрия Абрамовича Гохбаума для «больных, страдающих внутренними болезнями, преимущественно органов дыхания, кровообращения и пищеварения, и для выздоравливающих» находилась «в горной части Алупки в 15 минутах ходьбы от Воронцовского парка и моря» и была открыта круглый год (*Москвич*. С. 258).

С. 216

о Билибине, его женах — к этому времени Билибин был женат дважды: в 1902–1911 гг. на художнице Марии Яковлевне Чемберс (1874–1962); в 1912–1917 гг. — на художнице Р.Р. О’Коннель.

К 15-му августа — ср. с отрывком из письма И.П. Чехова к сестре за апрель 1918 г.: «Я верую, что скоро настанет время, когда восторжествует правда! Социализм! Какая гнусная неправда, какое лицемерие! Такая политика не может долго продолжаться!» (*Кузичева*. С. 265).

С. 217

почему они не поступают в добровольческую армию — ср.: «О добровольческой армии не думали ни штатские, ни военные. Из последних лишь десятки перебрались по ту сторону Дона. В это время уже началось критическое отношение к доброволь-

ческой армии» (*Пасманик*. С. 110); «Мы с шурьями моими решили вступить в Белую Армию и подали просьбу о зачислении командующему, генералу Деникину. Нам было отказано. Причины — политические: присутствие родственников императорского семейства нежелательно. Отказ сильно расстроил нас» (*Юсупов*. С. 250).

Орлова... со своей дочкой — дочь гр. А.Г. и А.А. Орловых-Давыдовых Ольга Алексеевна (в замуж. Горчакова) (1904-?); эмигрировала. Упоминание о ней см. в дневнике 1919 г. Е.П. Щербатовой (*Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л.* Право на прошлое. М., 2005. С. 517).

его искусство прерафаэлиты — группа английских художников и писателей XIX в. (Д.Г. Россетти, Дж. Э. Миллес, Х. Хант, У. Моррис), идеалом которых было искусство Средних веков и раннего Возрождения.

Бёрдслей (Beardsley), Обри (1872–1898) — английский график, оказавший сильное влияние на искусство конца XIX - начала XX в. По словам Б.Г. Романова, «стиль и вкус» постановки балета «Трагедия Саломеи» (см. комм. к с. 263) по желанию Дягилева определены были этим художником, но в результате «конечно, никакого Бёрдслея в ней не оказалось. Бёрдслей и Судейкин — несовместимы. Бёрдслей — график, а рисунок у Судейкина всегда был его «ахиллесовой пятой»» (*Романов*. 7 сентября).

540

все фигуры «Карнавала» — см. характеристику, данную Фокиным: «“Карнавал” — самая интимная вещь Шумана, теснейшим образом слитая как с его духовными эмоциями, так и << эпизодами его жизни. Флорестан — это сам Шуман в бурном порыве его пламенной души. Есебиус — это он же в минуты меланхолических мечтательных настроений. Нежная Киарина — это Клара Вик, жена композитора, Эстрелла — мадемуазель Эрнестина фон Фрикен, первая его любовь. Эти короткие интимные музыкальные записи переплетаются с изображением карнавальных масок (Пьеро, Коломбина, Арлекин, Панталон и так далее)» (*Фокин*. С. 243).

Альтман, Натан Исаевич (1889–1970) — посетитель вечеров в «Бродячей собаке», автор шаржа на Судейкина (1912; см.: *БС*. С. 199); оба художника писали портреты Ахматовой примерно в одно время (Сорин в 1914 г., Альтман в 1914–1915 гг.).

Сомов... Репин — см. также запись от 10 июля 1918 г.; Репин был учителем Сорина в Академии художеств.

чтобы меня написали все портретисты — кроме Судейкина и Сорина портреты В.С. писали Бакст (см. воспроизв.: *Igor and Vera*. P. 55), Валишевский (*Salon Album*. 46), Григорьев (*ibid.* 119), Яковлев (см.: *Igor and Vera*. P. 50) и др.

С. 218

как строить дом — на страницах дневника В.С. неоднократно рисовала проекты домов.

Озаровский домик — «Старый домик», музей «домашней старины» в Петербурге (Соляной пер., 8). Его создателем, владельцем и директором был артист Имп. театров, режиссер Александринского театра (до 1915 г.) Юрий Эрастович Озаровский (1869–1924); эмигрировал. См.: Старый домик: Музей старины Ю.Э. Озаровского. Перечень главнейших предметов (по комнатам). [СПб., 1913]; Старый домик // Нива. 1914. № 15. С. 295–297; *Озаровский Ю.* Как собирался «Старый домик»: (Из впечатлений коллекционера) // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 18–19 (перепеч.: Памятники отечества. Вып. 29. М., 1993. С. 35–38, ил.); Иллюстрированная Россия. (Париж), 1924. № 7 (15 ноября). С. 3; *НМ.* Т. 5. С. 207. В 1913–1915 гг. Судейкины жили недалеко от «домика» — на Рыночной ул., 16. «Своих близких и самых интимных друзей Ольга Афанасьевна любила принимать в знаменитом «театральном домике» Озаровского. В этом восхитительном домике была собрана мебель карельской березы Елизаветинской эпохи, клавишины, венецианские зеркала, русское стекло, фарфор, вышивки, портреты Боровиковского и красавиц Венецианова. Среди этих сокровищ Ольга Афанасьевна царила как фея» (*Лурье.* С. 141; ср. с описанием дома «пестрей комендьянтской фуры» во второй главе «Поэмы без Героя»). В предвоенные годы Судейкин вместе с Озаровским и Н.Н. Врангелем пытался возродить народные гулянья на Марсовом поле, затея не была осуществлена из-за вмешательства министра Сухомлинова (см.: *Евреинов 1, 41.* С. 176–177). Художник исполнил эскизы декораций для постановки пьесы Озаровского «Проказы Вертопрашки или наказанный педант» в Московском драматическом театре в 1915 г., о которой «говорила вся Москва» (см.: там же. С. 179; *Коган.* С. 105–108).

у Долгор<уких> — в Мисхоре.

или Воронц<овых> — в Алушке; майоратное имение наследников князя Воронцова в Алушке до революции принадлежало гр. Е.А. Воронцовой-Дашковой, занимало «площадь в 133 десятины, а парки (нижний и верхний) 34 десятины» (*Москвич.* С. 259).

лучший воронцовский виноград — «Образцовые алушкинские виноградники занимают площадь в 22 с лишним десятин. Средний урожай дает 6000 пудов винограда» (*Москвич.* С. 255).

Евреинов, Николай Николаевич (1879–1953) — режиссер, драматург, критик и теоретик театра; осенью 1917 г. уехал на Юг России (Киев, Крым, Сухуми, Тифлис), вернулся в Петроград осенью 1920-го; эмигрировал в 1925 г. Тесно сотрудничал с Судейкиным, своим другом и соратником в искусстве (*Кашина-Евреинова*) во время работы над постановками для «Интимного театра», «Бродячей собаки», «Привала комедиантов» и др., а позднее стал его «историографом»: в 1926 г. в Нью-Йорке по просьбе художника им была написана его биография «Живопись и театр: Творческий путь С. Судейкина как живописца в театре» (РГАЛИ. Ф. 947; опубл. в сокр. в 1958–1959 гг. при содействии Маковского; см.: *Евреинов 1*); тогда же Судейкин оформил постановку его пьесы «Самое главное» и сделал к ней плакат — двойной портрет автора, Человека и Арлекина.

сможет ли он преподавать — Браиловский преподавал на архитектурном отделении МУЖВЗ (с 1898 г.) и в Строгановском училище (с 1899 г.).

показывают фотографии их дома — Сергей Рябушинский жил со своей первой семьей в родительском доме в М. Харитоньевском пер. (дом не сохранился), затем в Сивцевом Вражке, 30 (Петров. С. 126). Знамениты дома других Рябушинских: особняк Степана Павловича на М. Никитской, 6 (архитектор Ф.О. Шехтель, 1900–1903; ныне в нем размещается Музей А.М. Горького), вилла «Черный лебедь» (архитектор В.Д. Адамович, 1906–1907) Николая Павловича в Петровском парке (сгорела в 1914 г.); особняк С.Т. Морозова на Спиридоновке, 17 (построен по проекту Шехтеля, с интерьерами, оформленными при участии Врубеля, 1893–1898), приобретенный у его вдовы Михаилом Павловичем.

Мордкин, Михаил Михайлович (1880–1944) — артист балета, участник Русских сезонов Дягилева, балетмейстер, педагог, мемуарист; эмигрировал. Был хореографом спектакля «Венецианские безумцы» по пьесе Кузмина, оформленного Судейкиным (см. комм. к с. 165). В 1918–1923 гг. труппа Мордкина (Московский передвижной театр балета, или «Балет Мордкина») ездила с гастролями по Югу России. См. о нем: Суриц Е. Артист балета Михаил Михайлович Мордкин. М., 2003 (о гастрольях на Украине и в Крыму см.: с. 110–117). В 1937–1939 гг. Судейкин написал декорации к четырем его постановкам (об их сотрудничестве см.: Зорин Ю. Балет «Паганини»: (Глава из «Жизни Сергея Судейкина») // НЖ. 1976. Кн. 125. С. 160–173; Суриц Е. Работа М.М. Мордкина в США в 1920–1930-х гг.: Его постановки и его школа // Зарубежная Россия. 1917–1939: Сб. ст. Кн. 2. СПб., 2003. С. 378–383).

Фроман, Маргарита Петровна (1890–1970) — балерина и хореограф; участница Дягилевских сезонов (с 1911 г.); после революции — постоянная партнерша М. Мордкина, вместе с труппой которого уехала на Юг России; вместе с братом Максимилианом в Крыму открыла балетную школу; эмигрировала.

Шаляпин — Ф.И. Шаляпин после Октябрьской революции в Одессе не был, в описываемое время выступал в Москве и Петербурге (см.: Федор Иванович Шаляпин: В 3 т. / Ред.-сост., коммент. Е.А. Грошева. М., 1979. Т. 3. С. 307). Возможно, слух о пребывании в Одессе Шаляпина связан с августовской публикацией в одесском журнале «Фигаро» сведений о гонорах певцов-гастролеров, в том числе и Шаляпина (см.: Еремеева. С. 83).

историю госпожи Недович — художница Елизавета Юльевна Недович, член художественного общества «Свободное творчество» (1911–1918), до революции давала уроки рисования и живописи в Москве.

о театре Комиссаржевской — по словам Кузмина, «этот театросенью 1906 г. сумел стать соединяющим центром для художников, писателей и артистов» (Воспоминания о Н.Н. Сапунове //

Сапунов. С. 46; см. также его ст.: Драматический театр В.Ф. Комиссаржевской: (Сезон 1906/07 года) // Весы. 1907. № 5. С. 97–99). К работе в этом театре привлек Судейкина (и Сапунова) Мейерхольд. «На театрально-творческом пути Судейкина В.Ф. Комиссаржевская с ее театром поистине сыграла роль доброго гения» (*Евреинов 1*, 39. С. 166). Осенью 1906 г. художник оформил спектакль «Сестра Беатриса» по пьесе Мориса Метерлинка в постановке Мейерхольда (премьера 22 ноября 1906 г.), в котором Вера Комиссаржевская сыграла главную роль (игуменья): «Я был в Петербурге, работал с Мейерхольдом над постановкой “Сестры Беатрисы” Метерлинка, первой настоящей модернистической постановкой» (*Судейкин 1*. С. 189). Благодаря театру художник вошел в круг петербургских литераторов; театр также сыграл большую роль в его личной жизни: здесь он встретил свою будущую жену Ольгу Глебову, которая сыграла одну из монахинь в «Сестре Беатрисе» (см. фотографию: *Мок-Бикер*, [Ил. 2], где она крайняя справа), познакомился с Кузминым и, вероятно, с Таириным (игравшим в том же спектакле роль Нищего), благодаря которому спустя почти десять лет он встретит В.С. «Это был <...> год ломки старого театра. Я попал в среду нового искусства: Блок, Кузмин, Сологуб, Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, Судейкин, Сапунов» (*Таиров А.Я.* Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речи. Письма / Сост. Ю. Головащенко. М., 1970. С. 68). О работе Судейкина в театре см. его письмо Арапову (*Коган*. С. 174); *Евреинов 1*, 39. С. 165–167; *Коган*. С. 20–22; *Панкратова Е.А.* Русская живопись и театр. СПб., 1997. С. 129–130; см. также: *Кузмин 1* (записи от октября – декабря 1906 г.); *Веригина* (а также ее воспоминания: *Коган*. С. 195–201); письмо Сапунова к Комиссаржевской 1907 г. (*Ситковецкая М.М.* Еще о В.Ф. Комиссаржевской: По неопubl. материалам // Встречи с прошлым. Вып. 3. 3-е изд. М., 1987. С. 345).

<о> *субботах* — литературные субботние вечера в Театре Комиссаржевской до открытия сезона; состоялись 14, 21 и 28 октября 1906 г.; на них «приглашались все наиболее значительные новые литераторы и поэты, для того, чтобы актеры, общаясь с ними, находились в сфере влияния нового искусства» (*Веригина*. С. 87). С чтением своих стихов и пьес выступали Блок, Брюсов, Волошин, Городецкий, Вяч. Иванов, Кузмин, Ремизов и Сологуб. См. подробнее: *Шруба*. С. 236–237. 14 октября Блок читал свою пьесу «Король на площади», и в этот день состоялось знакомство Судейкина и Кузмина.

о *молодых восторженных артистках* — «маленьких актрисах», сыгравших роли монахинь в спектакле «Сестра Беатриса»: Валентина Петровна Веригина (в замуж. Бычкова) (1882–1974), Екатерина Михайловна Мунт (в замуж. Голубева) (1875–1954), Наталья Николаевна Волохова (урожд. Анцыферова) (1878–1966), Вера Викторовна Иванова (1880–?), О.А. Глебова. См. воспоминания одной из них, В.П. Веригиной, в которых она пишет о посещениях мастерской художника, его заносчивом характере, их словесных поединках, разговорах о литературе, совместной прогулке (см.: *Коган*. С. 199–201). По ее словам, «самое забавное у Судейкина было в ту пору проявление мальчишеского задора» (с. 200). Возможно, Судейкин упомянул описанную Веригиной сцену посеще-

ния его мастерской: «На стенах висели костюмы монахинь в человеческий рост с едва намеченными чертами лица. Я спросила: “Это наши костюмы? Но что это за безглазые уродины?” Судейкин <...> дерзко ответил: “Я не виноват, что Вы меня на таких вдохновляете!» (там же). В своих воспоминаниях о нем она упоминает актрис театра Е. Мунт и О. Глебову.

С. 220

Маковский... рассказывает об отце — Константин Егорович Маковский (1839–1915), исторический живописец, жанрист, портретист. С. Маковский был его сыном от второго брака; впоследствии написал о нем воспоминания «Отец и мое детство», открыв ими книгу «Портреты современников» (см.: *Маковский*. С. 9–70).

много в ней психологии — ср. с мнением Станиславского о Кореновой (*Станиславский* 9. С. 75); ср. также с замечанием, что она «уж вся была из Достоевского» (*Гиацинтова* С. С памятью наедине. М., 1985. С. 20).

544

Сергей Павлович едет в Харьков — поездка была связана с попытками братьев Рябушинских восстановить свою фирму на Юге России.

С. 221

наши лубочные портреты — см. рисунки Судейкина в *Salon Album* (2a, 39b, 41c, 72b).

в связи с Максом Волошиным — см. комм. к с. 295, а также упоминания Браиловских: *Труды и дни Волошина*.

об Успенском и армянине — имеются в виду теософ и оккультист Петр Демьянович Успенский (1878–1947), с которым был знаком Польш, и философ-мистик Георгий Иванович Гурджиев (1872–1949), учеником которого считал себя Успенский (см.: *Ровнер* А. Гурджиев и Успенский. М., 2002). С Гурджиевым (Гудиев) Судейкины познакомятся в Тифлисе (см. Приложение 4).

С. 222

я должна ехать — Коренева была одной из ведущих актрис МХТ (она с успехом играла Верочку в «Месяце в деревне», Лизу в «Братьях Карамазовых», Лизу в «Николае Ставрогине», Татьяну Ивановну в «Селе Степанчикове» и др. роли); см., например, упоминание о ней в письме Станиславского Лужскому (1916): «На ней лежит огромная ответственность. На ней текущий и будущий репертуар» (*Станиславский* 8. С. 458). Вскоре она вернулась в Москву и, в отличие от Книппер-Чеховой, не присоединилась к так называемой качаловской группе, уехавшей на Юг России в июне 1919 г.

С. 224

к Морозовской даче — Тимофей Саввич Морозов (1823–1889) в 1880-х гг. построил в Мисхоре несколько дач, им также был приобретен бывший дом кн. А.С. Голицыной (1820-е), в котором

он вскоре и умер. По мнению знатока Крыма А.Л. Бертье-Делагарда, именно этот дом называли «Морозовской дачей». Сразу после смерти владельца он был приобретен кн. Юсуповыми, а в 1913 г. подарен ими своему сыну на свадьбу (см. письмо кн. З.Н. Юсуповой: *Романовы и Крым*. С. 180).

«*Бристоль*» — гостиница в Ялте, в «старом городе», ближайшая к пристани.

Комнаты... дорогие — ср. с ценами 1915 г.: «Номера весною и осенью от 1 р. 50 к. и в остальное время от 1 р.» (*Москвич*. С. 171).

в кухмистерской — в Ялте «несколько недорогих столовых (35–50 к. обед), среди них популярна столовая на Виноградской ул. Матебоженка» (*Москвич*. С. 173).

С. 225

узнал адрес — «Адресный стол против полицейского управления <Пушкинский бульвар, 21>; справки выдаются и высылаются и о лицах, живущих в районе между Байдарами и Алуштой» (*Москвич*. С. 177).

545

пришел Евреинов — «В 1918 году я случайно встретился с Судейкиным в Ялте, и мы провели в беседе два-три часа; помню, я начал говорить с ним о театре, но он холодно и безучастно отнесся к этой теме. Это было время его полной душевной подавленности. С виду он был здоров, но только с виду... Испытания войны и революции оставили тяжелый след на его психике. Он перестал доверяться своему миру грез, видя, как грубый, чуждый ему мир покоряет его собственный. В это невеселое время болезненной «переоценки ценностей» он отрицал упрямую «композиционность», хотел уйти, — уйти с головой и большим сердцем, — в «натуру», писал только с натуры, ждал чуда исцеления лишь в «натуре» и не скупился на время, создавая реалистические крошечные полотна» (*Евреинов 1*, 41. С. 184).

Он был там... в декабре — о работе «Привала комедиантов» после отъезда Судейкиных, в апреле–декабре 1917 г., см.: *ПК*. С. 136–143 (декабрь — с. 142–143); статью Г. Чулкова «Вчера и сегодня» (впервые опубли.: Народопривство. (М.), 1917. С. 12; см. также: *Чулков*. С. 423–426. Летом–зимой 1917 г. Евреинов был постоянным участником его вечеров, им были поставлены «Странствующий школьник в раю» Г. Сакса, «Идеальный квартирант», «Школа этуалей», «Арабская песня», «Песня бродяги», «Максис», «Катерина» и «Желание быть испанцем» Козьмы Пруткова. Несмотря на отсутствие Судейкина, в «Привале» продолжали идти оформленные им номера; так, 3 апреля 1917 г. состоялась премьера «Фантазии» Козьмы Пруткова (*ПК*. С. 136–137), 2 августа — «Менуэта» Артура Лурье (*ПК*. С. 139), 13 декабря 1918 г. в его костюмах шла «Веселая смерть» Евреинова в постановке К.К. Тверского (см. там же. С. 146; *Коган*. С. 191–192), его имя было указано в списке членов художественного совета в программе от 2 ноября 1918 г. (см. там же. С. 144), а также среди авторов костюмов и декораций к премьере в январе 1919 г. (см. там же. С. 148).

выступала Ольга — на премьерe 2 августа 1918 г. Глебова-Судейкина танцевала «Менуэт» А. Лурье, «Кек-уок» К. Дебюсси вместе с Е. Анненковой, «Два танца» вместе с М. Ростовцевым, «Танго» с В. Футлиным. «Программа повторялась ежедневно до середины ноября, когда “Привал” был закрыт из-за наводнения» (ПК. С. 139–140; описание впечатления от августовской программы Ю. Дегена см. на с. 141). См. описание выступления Глебовой-Судейкиной в очерке Чулкова «Вчера и сегодня»: «Там танцевала скромно нескромный танец хрупкая, маленькая актриса, умная и нежная, которую в первый раз я увидел в театре покойной В.Ф. Комиссаржевской <...>. Но — Боже мой! как изменилось лицо у этой любимицы петербургских эстетов. Она улыбалась, но какая это была жуткая и грустная улыбка!» (там же. С. 140). Вероятно, она также выступала в балете «Выбор невесты» (ПК. С. 142) и в других номерах. Об ее участии в постановках 1918–1919 гг. см. там же. С. 143, 147–151.

Савинков, Борис Викторович (1879–1925) — правый эсер, до 1906 г. один из руководителей террористической «Боевой организации», писатель. После возвращения из эмиграции в апреле 1917-го был комиссаром Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего, комиссаром Юго-Западного фронта, товарищем военного министра, военным генерал-губернатором Петрограда; в ноябре уехал на Дон, с декабря 1917 г. участвовал в формировании Добровольческой армии. О его посещениях «Привала комедиантов» упоминают Г. Адамович (см.: Мои встречи с Анной Ахматовой // *Воспоминания об АА 2*. С. 70), Маяковский (см.: Только не воспоминания // *Маяковский В.В. Полное собрание сочинений*: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 151), Глебова-Судейкина (см.: ПК. С. 142), А. Блок и В. Юнгер (см. там же. С. 140).

С. 225–226

Артур стал большевиком — в 1917 г. Лурье вошел в левый блок Союза деятелей искусств, в 1918–1921 гг. был председателем (комиссаром) музыкального отдела (МУЗО) Наркомпроса; в связи с этим см. позднейшую отрицательную характеристику Лурье в письме Евреинова 1927 г. (Письма Н.Н. Евреинова к В.В. Каменскому / Публ. С. Воронина // *Современная драматургия*. 1988. № 4. С. 346); об отношении к «комиссарству» Лурье см. также: Чуковский. С. 150; Прокофьев 1. С. 206, 244.

С. 226

положил на музыку... «Двенадцать» — сведений об этом не найдено; возможно, уже в это время Лурье задумал писать балет «Снежная маска», второе действие которого должно было быть основано на поэме Блока «Двенадцать». Но, вероятнее, в этой записи соединились сообщения о работе Ю. Анненкова над иллюстрациями к этой поэме, к которой, по его словам, он приступил в августе (за 1918 г. с ними вышли два издания, первое — в ноябре) и музыке Лурье к «Нашему маршу» В. Маяковского, с которым Судейкин был также знаком (опубл.: Лурье А. Наш марш / Сл. В.В. Маяковского; обл. П. Митурича. Пг.: 1-я Гос. литогр., 1918; дата посвящ. «Моим друзьям <...>» — июнь 1918 г.).

Оба произведения читались в «Привале комедиантов». «В январе 1918 г. я прочел только что сочиненное стихотворение Маяковского “Наш марш”. <...> Под непосредственным впечатлением, в один-два дня я сочинил к этому стихотворению музыку. <...> Посвятил я его моим товарищам-футуристам, переименовав их на первой странице рукописи. Так это и было напечатано в нотах. Хромой этот марш доставил мне впоследствии много неприятностей. Когда в 1922 году я приехал за границу, то эмигранты ничего лучше не придумали, чем объявить мой марш “гимном большевицкой революции» (Лурье А. Наш марш // НЖ. 1969. Кн. 94. С. 127). Об отношении Лурье к Блоку и их общении см.: ЛН. 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 489, 516. В 1921 г., через три месяца после смерти Блока, на заседании Вольфила Лурье прочел о нем доклад (опубл.: На распутье: (Культура и музыка) // Стрелец. 1922. № 3. С. 146–175). По словам подруги Лурье И. Грэм, «ни одному из своих современников Артур Сергеевич <не> был предан более, чем Александру Блоку. <...> Артур Сергеевич примкнул активно к Октябрьской революции в тот же день, когда в январе 1918 впервые была напечатана в “Знамени труда” статья Блока “Интеллигенция и революция”. Авторитет Блока был для Артура Сергеевича абсолютным, и он тут же буквально последовал его призыву “всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушать революцию»» (Грэм. С. 221; о его «комиссарском» периоде и визите к Ленину см. с. 224–225). Позднее Лурье написал симфоническую кантату на слова Блока: «В кумирне золотого века» (первое исполнение 16 мая 1920 г.). О том, что Судейкины прочли «Двенадцать», свидетельствует ответ художника на анкету (см. запись от 14 декабря 1918 г.).

547

устраивал свою выставку — работы Григорьева из цикла «Расея» (9 картин и 60 рисунков), созданные в 1916–1917 гг., выставались на выставках «Мира искусства» (1917 и 1918) и на Первой государственной свободной выставке 1919 г. (см.: Борис Григорьев. Расея / Текст П.Е. Щеголева, Н.Э. Радлова, Б. Григорьева. Пг., 1918. 42 с., ил., др. изд.: 1921, 1922).

Анненков, Юрий Павлович (1889–1974) — график, портретист (писал многих своих современников, в том числе упомянутых в дневнике В.С.: Ахматову, Бабенчикова, Бенуа, Блока, Гржебина, Горького, Евреинова, Каменского, Комиссаржевского, Кореневу, Кузмина, Кульбина, Лурье, Петрова, Радакова), театральный художник, мемуарист; эмигрировал в конце лета 1924 г. Летом-зимой 1917 г. активно участвовал в постановках «Привала комедиантов» <...> я поставил, в моих декорациях и костюмах, для Глебовой-Судейкиной полубалетный, полупантомимный шуточный номер на музыку Клода Дебюсси “Детский Кэк-Уок”. Благодаря чрезвычайной тонкости искусства актрисы, этот дивертисмент имел большой успех» (Анненков. С. 77). См. воспоминания Анненкова о Глебовой-Судейкиной (там же. С. 124–127); упоминание о ней в его письме к Мок-Бикер (архив Музея Ахматовой в Фонтанном Доме). Вероятно, ее, «подругу поэтов», имел в виду Анненков, описывая в «Повести о пустяках» Нусю

Струкову (Гаврилову): «Когда наконец они <дневники> увидят свет, читатели с удивлением отыщут там нежные и трогательные страницы, посвященные Нусе Струковой, так как составители дневников часто заходили во время скитаний в ее маленькую квартирку, которую все называли гарсоньеркой. О Нусе пишут с лаской и любовью, как пишут о детях; память о ней сохранится незачерненной в истории неповторимых петербургских лет» (Анненков Ю. (Темирязев Б.). Повесть о пустяках / Комментар. А.А. Данилевского. СПб., 2001. С. 245–246). Анненков также исполнил ее графический портрет (см.: Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Пб., 1922. С. 35).

его жена — Елена Борисовна Анненкова (урожд. Гальперина) (1897–1980), танцовщица, актриса («Кривое зеркало», «Летучая мышь», «Привал комедиантов», Театр Комиссаржевской), первая жена Ю.П. Анненкова. В письме к Ан. Н. Чеботаревской Глебова-Судейкина писала: «Я в хороших отношениях с моей партнершей Анненковой и ее мужем — очень милая пара» (ПК. С. 142).

548

«*Восхождение святой*» — вероятно, имеется в виду «Страница», «опыт хореографической всеночной в исполнении Е. Анненковой» на музыку А. Архангельского и А. Кастальского в постановке и декорациях Ю. Анненкова (см.: ПК. С. 138).

«*Черная пантера*» — в анонсе предполагаемых постановок в «Привале» в газете «Биржевые ведомости» за 3 октября 1917 г. этот балет назван «Танцем пумы» (см.: ПК. С. 142).

письмо от Книппер — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868–1959), ведущая актриса МХТ; невестка М.П. Чеховой, об их отношениях см.: Кузичева А.П. М.П. Чехова и О.Л. Книппер: Дело жизни и образ жизни // Люди и судьбы. М., 2002. С. 52–73. В письме, полученном с оказией летом 1918 г., она писала: «Газет не читаю, ходят разные слухи, легенды, сказки. <...> Собираюсь уроки давать... Ах, какая разруха кругом!.. Масса дам ходит с унылыми, тихими, покорными лицами» (Кузичева. С. 66). Ее письма этого времени к М.П. Чеховой опубликованы в отрывках: Книппер-Чехова. Ч. 2. С. 118–120; Бродская. Т. 2. В июне 1919 г. вместе с «качаловской группой» уехала на Юг России и далее за границу, вернулась в 1922-м.

синемаграфическая драма — см. отзыв Судейкина о кино в интервью Я. Львову (Приложение 2).

с двумя Великими князьями — см. комм. к с. 188.

Миллиоти (Милиоти), Николай Дмитриевич 1874–1962 — художник, соученик Судейкина по МУЖВЗ, член содружества «Голубая роза», участник Выставки русского искусства в Париже (1906); один из учредителей объединения «Мир искусства»; свидетель на свадьбе Судейкина и его первой жены Ольги, ее «старинный обожатель» (Лурье. С. 143) и «вернейший друг» (Глебова-Судейкина. Письмо), был одним немногих, кто смог проводить ее в

последний путь (см. его письмо к В. Квиль: *Мок-Бикер*. С. 76, 77); участник Первой мировой войны (1914 – июнь 1917); участник выставки в Ялте (1918); председатель Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма; эмигрировал в 1920 г. По словам Маковского, в это время он называл себя «“эmissаром от искусства” по назначению самого Ленина» (*Маковский*. С. 575). См. о нем: *Гофман*. С. 264–267; *ХРЗ*. С. 424–426; *НМ*. Т. 4. С. 544–545; *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиограф. М., 1996. С. 336–337.

встретили... Волкова — Александр Александрович Волков (1881–1942), актер, кинорежиссер; артист Имп. оперы, начал профессионально сниматься в кино в 1906 г., в 1913-м перешел в кинофирму Тимана и Рейнгардта, после демобилизации по ранению во время Первой мировой войны поступил в кинофирму Ермольева, в августе 1918 г. вместе с ней переехал в Ялту; снял на Юге несколько фильмов, в том числе осенью 1919-го единственный фильм из задуманной М.С. Трофимовым серии «За единую Россию» — агитационную драму «Жизнь — родине, честь — никому»; покинул Россию в феврале 1920 г. Сыграл эпизодическую роль в фильме «Арена мести» (1914), в котором В.С. исполнила главную женскую роль (см.: *Вишневский*. С. 35. № 374). См. о нем: *Золотая книга*. С. 152–154; *Серков*. С. 191–192; *НМ*. Т. 1. С. 605; *Янгилов Р.* «В кадре и за кадром»: Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1921–1930) // *Дiaspora*. Вып. 2. СПб., 2001. С. 246–264.

549

С. 227

Когда в совдепии голодной... — три записи на лицевой стороне обложки тетради с заглавием «Август Мисхорский, 23–29 августа 1918».

с содроганием думаю о моле — В.С. вспоминает о трагических событиях января 1918 г. См.: *Дондуков-Изьдинов Г.* Расстрел: Ялтинский мол глазами очевидца / Публ. А. Галиченко // *Крымский альбом 2000*. Феодосия; М., 2002. С. 98–111; произведения В.В. Набокова — стихотворение «Ялтинский мол» (опубл.: *Ялтинский голос*. 1918. 8 сентября) и автобиографию «Другие берега» (гл. 11), а также рисунки Ре-ми (Н. Ремизова) и Б. Антоновского в «Новом Сатириконе» о подобных событиях в других приморских городах (1918. № 12. С. 9; № 16. С. 9). Ялтинский мол был сооружен в 1889–1892 гг.

Мы прощаемся — В.С. смогла вновь увидеть свою мать лишь в ноябре 1925 г. в Париже (см. комм. к с. 45).

С. 228

тот самый Давыдов — Александр Васильевич Давыдов (1881–1955), правнук декабристов В.Л. Давыдова и С.П. Трубецкого, владелец имения Саблы недалеко от Симферополя, в котором он жил с 1915 г. и которое покинул при драматических обстоятельствах в январе 1918-го; издатель газет: «Ялтинский курьер» (1912–1920), «Таврический голос» (1917–1920) и «Крымская мысль» (1920); эмигрировал в 1920 г.; мемуарист. См.: *НМ*. Т. 2. С. 297; *Серков*. С. 288–289.

Нана Завадская — возможно, Наталья Николаевна Завадская, посетительница «Бродячей собаки» (см.: *Прилежаева-Барская*. С. 390).

С. 229

сравнивает с... Пуссеном — Никола Пуссен (Poussin) (1594–1665), французский художник, автор картин на исторические, мифологические и религиозные сюжеты.

идем... до тенниса — «Одним из мест, где собиралось высшее общество, был Мисхор: здесь образовалось что-то вроде теннисного клуба. Теннисные корты были в отличном состоянии. В мае или июне стартовали матчи и турниры и продолжались все лето. <...> В мисхорском теннисном клубе я встретил друзей и знакомых, среди них Стефана Тышкевича и его очаровательную жену Елену Георгиевну; ее брата кн. Сергея Романовского, Мишу и Елену Сумароковых (оба чемпионы по теннису); Павлова, очень популярного офицера; кн. Машу Шаховскую и ее дочерей; гр. Тео Ниерота; Майю Оболенскую; вел. кн. Александра и его старших сыновей, тетю Теклу Орлову-Давыдову, остроумную и веселую; Ферзенов; младших Юсуповых; упитанного Ники Орлова, одного из лучших игроков и фактически организатора нашего клуба, и многих других» (*Урусов*. С. 64).

550

С. 230

Это Брянские — Виктор Диодорович Брянский (1868–1944), действительный статский советник, товарищ московского городского головы (см.: *Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума, 1863–1917. М., 1998), почетный мировой судья, вице-председатель общества «Богатырь», председатель совета Московского частного банка, московский домовладелец; участник Гражданской войны, галлиполиец; в эмиграции председатель Всероссийского союза городов (см. его «Отчет о деятельности представительства Всероссийского союза городов в Королевстве С.Х.С. за 1924». [Белград], 1925); см. о нем: *НМ*. Т. 1. С. 427); и его жена Мария Алексеевна.

вроде Нины — возможно, имеется в виду школьная подруга В.С., дочь купца Нина Павловна Севрюгова.

о «передоновских вечерах» — так, по имени Ардальона Борисовича Передонова, героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес» (первая публ. — 1907 г.), Судейкин называет воскресные вечера в холостяцкой квартире писателя на втором этаже деревянного дома при Андреевском училище (7-я линия, 20), где тот жил с 1899 до середины лета 1907 г. Начались они не позднее зимы 1905/06 г. и проходили обычно по заранее намеченной литературной программе. Ср.: «Он жил в те годы на 8-й линии Васильевского острова, на казенной квартире, в качестве инспектора городского училища <...>. Роман все мы уже читали, и было странно видеть, что Сологуб жил в такой мешанской и банальной обстановке, достойной быть интерьером самого героя “Мелкого беса” Передонова, с обоями в цветочках, с фикусами в углах гостиной и с чинно расставленной мебелью в чехлах» (*Добужинский*. С. 275);

Сологуб стал жаловаться, что его считают Передоновым. «Это Горнфельд написал статью, что Сологуб — Передонов, и с его легкой руки все так и считают с тех пор <...>. А ведь большому писателю всегда приходится протащить своих героев через себя» (*Данько Е.Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Публ. М.М. Павловой // *Лица*. 1991. Т. 1. С. 211). Когда в 1908 г. Сологуб женился на Ан. Н. Чеботаревской, традиция воскресных собраний продолжилась, но их атмосфера стала иной. В 1910 г. они поселились на Разъезжей, 31, где также бывал художник вместе со своей первой женой (одно время, в 1912 г., они также жили на Разъезжей, 16/18). О воскресных литературных вечерах у Сологуба см. также другие свидетельства современников: *Кузмин 1, 2; Пяст*. С. 83–85; *Чуковский К.* Дневник 1930–1969. М., 1995. С. 427–428; *Чулков*. С. 146–147, 161; подробнее см.: *Шруба*. С. 222–223.

С. 231

о выступлении Игоря Северянина — вероятно, речь идет о выступлении Северянина на «Вечере пяти» 11 февраля 1915 г. в «Бродячей собаке» — «сотворчестве» Бурлюка, Каменского, Радакова, Северянина и Судейкина (см.: *БС*. С. 237, 240–241; *Коган*. С. 185–186; см. также лист из «Свиной книги» с программой вечера: *Роета pingens* = Писатель рисующий: Живопись и графика в собрании Гос. Литературного музея. М., 2004. С. 96, № 101). «А почему бы не устроить вечер поэтов и художников? <...> Радаков, создатель “Сатирикона”, сделал ширму, перед которой выступал Владимир Маяковский. Кульбин сделал ширму для Василия Каменского. Бурлюк сделал ширму для самого себя. Я — для Игоря Северянина» (*Судейкин 1*. С. 193). По воспоминаниям Б. Пронины: «Судейкин почему-то сделал голубой фон, какие-то сталактитовые сооружения из тюля, что-то, грубо говоря, вроде колбас, которые драпировали лампочки; эту марлю или тюль окрасили в голубовато-бирюзовый цвет, это давало подводное освещение, и был очень хороший фон — панно на эстраде и какие-то голубые ангелы (это было не иронически, а эстетно, так Судейкин представлял себе вечер поэтов)» (цит. по: *Шульц, Слярский*. С. 124).

551

Балановская (в замуж. Экскузович), Леонида Николаевна (1883–1960) — оперная певица (драматическое сопрано), партнерша Собинова; артистка Имп. театров (1908–1919, 1925–1926 — в Большом театре), в 1919–1922 г. пела в Севастопольском оперном театре. (см.: *Пружанский*. С. 48).

Встреча Кореневой и Рындиной — вероятно, их «враждебность» связана с соперничеством, так как обе актрисы снимались на киностудии Ханжонкова.

к Давыдову в имение — см. комм. к с. 228.

луи-филипповские сервизы — в стиле эпохи Луи Филиппа (Louis-Philippe) (1773–1850), французского короля (1830–1848).

С. 232

стихотворение Давыдову, Аглае — стихотворения Пушкина, связанные с именами Александра Львовича Давыдова (1773–

1833), «рогоносца величавого» («Евгений Онегин», 1-я гл., XII строфа), сводного брата Н.Н. Раевского-ст., участника Отечественной войны 1812 г., с 1815-го — генерал-майора в отставке, и его жены Аглаи Антоновны (урожд. герц. де Граммон) (1787–1842). Во втором томе «Венгеровского» издания (см. комм. к с. 201) были напечатаны: «Нельзя, мой толстый Аристипп» (1824), «К Аглае (И вы поверить мне могли...)» (1821), «Кокетка» (1821), «Оставь честь судьбе на произвол» (1821), «Иной имел мою Аглаю» (1821) и др.; Пушкиным также написаны стихотворения, посвященные другим членам семьи Давыдовых: дочери А.Л. и А.А. Давыдовых Адели (1810 – после 1882) — «Адели» (1822); деду Давыдова — декабристу Василию Львовичу Давыдову (1792–1855) — «Меж тем как генерал Орлов» (1821), двоюродному брату А.Л. и В.Л. Давыдовых — поэту, партизану Отечественной войны 1812 г. Денису Васильевичу Давыдову (1784–1839) — «Наездники» (1816), «Певец-гусар, ты пел биваки» (1821), «Недавно я в часы свободы» (1822).

ребенок их — вероятно, Всеволод Викторович Брянский (?–1948); см.: *НМ*. Т. 2. С. 427.

552

С. 233

ужасные извозчики — ср. с ценами 1915 г.: «Извозчики берут до Ялты и обратно от 5-7 рублей в зависимости от наплыва приезжих» (*Москвич*. С. 257).

роман с Ликардопуло (у В.С. — Ликардопуло) Михаил Федорович (1883–1925) — переводчик, критик, секретарь редакции журнала «Весы» и издательства «Скорпион» (с 1906 г.), и дирекции МХТ (1910–1917). С 1915 г. корреспондент газет «День», «Утро России» и др.; родился в Италии, жил в России с 1894 по 1917 г. (с 1904 г. — в Москве). См. письмо Судейкина к нему 1910 г. (*Коган*. С. 179); упоминание его имени в связи с Кореновой: *Кузмин* 2. С. 207; его характеристику см.: *Садовской*; см. также: *НМ*. Т. 4. С. 155.

С. 234

читаю... все, что относится к его пребыванию в Крыму — см. статьи из второго тома «Венгеровского» издания Пушкина (*Пушкин*. Т. 2): *Вейденбаум* Е. Пушкин на Кавказе (с. 17–21); *Брюсов* В. Пушкин в Крыму (с. 89–109); *Лобода* А. Пушкин и Раевские (с. 104–118).

карикатура с Вертинского — Вертинский, Александр Николаевич (1889–1957) — артист эстрады и кино (с 1915 г.), поэт, композитор, популярный исполнитель «печальных песенок» («ариеттки Пьеро»); мемуарист (о встрече с Судейкиными в Крыму не упоминает); эмигрировал в 1920 г., вернулся в Россию в 1943-м.

рекомендация к Протазанову — Яков Александрович Протазанов (1881–1945) — кинорежиссер. Им были поставлены четыре из пяти фильмов, в которых снялась В.С. (см. комм. к с. 105). См. о нем: *Протазанов*; *Великий Киноемо*.

засел за «Чижика» — рисунок для Л.М. Кореневой (см. комм. к с. 249).

С. 235

это Ольга — репродукция портрета Глебовой-Судейкиной работы Сорина была отпечатана для последнего, невышедшего номера «Аполлона» за 1918 г. (см. упоминание о нем: *Тименчик*. С. 216).

С. 236

из «Мира искусства» перейти в Союз — в Союз русских художников, объединение петербургских и московских художников (1903–1923; с 1920 г. преимущественно московских), целью которого было «содействовать распространению произведений русского искусства и облегчить членам «Союза» сбыт их художественных произведений» (цит. по: *Лапшин*. С. 474). В 1917 г. в нем насчитывалось более 30 членов (в том числе: А.Я. Головин, К.А. Коровин, Ф.А. Малявин, Л.О. Пастернак, А.Е. Яковлев). Судейкин участвовал в выставках Союза с 1904/1905 по 1910 г.; с 1910-го он член-учредитель и постоянный участник выставок объединения «Мир искусства» (1906, 1911–1913, 1915–1917, 1921); см. также: *Коган*. С. 194 (примечание 20).

553

Степан Павлович прислал... две книги по иконописи — Степан Павлович Рябушинский (1874–1942), брат Н.П. и С.П. Рябушинских, заведующий торговой частью семейной фирмы; собиратель и исследователь икон, его собрание считалось одним из лучших в Москве; в эмиграции, в Париже, вместе с братом Владимиром основал общество «Икона». Вероятно, имеются в виду номера журнала «Русская икона» (ред.-изд. С. Маковский. СПб.-Пг., 1914. № 1–3), выходившего в свет при участии Степана Павловича, и именно 2-й и 3-й, почти все статьи которых посвящены иконам из его собрания. См. также запись от 6 сентября 1918 г. См.: *Петров*. С. 128–133; *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры Старой Москвы: Ил. биограф. словарь. М., 1997. С. 292–295; *Пэнэжко Н.Л.* Шехтель—Рябушинский—Горький: (К истории дома на Малой Никитской) // М. Горький и его эпоха: Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1995. С. 178–182; *Пэнэжко Н.Л., Дёмкина С.М.* Малая Никитская, 6: К 100-летию особняка С.П. Рябушинского. М., 2003; *Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В.* Общество «Икона» в Париже: В 2 т. М., 2002.

у Судейкина... коллекция икон — см. упоминание о ней в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам о ее посещении квартиры Глебовой-Судейкиной на наб. Фонтанки, 2 в начале 1920-х гг.: «На Неве вся стена была увешена иконами из собрания Судейкина. Они потом лежали в сундучке» (Вторая книга / Подгот. текста, предисл., примеч. М.К. Поливанова. М., 1990. С. 367).

С. 237

статьи из Пушкина. В его Кишиневском пребывании — см. комм. к с. 203; В.С. читала: *Яцимирский А.* Пушкин в Бессарабии (20 сентября 1820 – 2 июля 1823) // *Пушкин*. Т. 2 (1908). С. 158–178.

характер его напоминает — по-видимому, имеются в виду следующие места из ст. А. Яцимирского: «Пушкин долго не мог привыкнуть к тому, что в Бессарабии он уже не гость; его раздражало, что в Петербурге о нем забыли, — и долго он не мог заняться чем-либо серьезным, хандрил, капризничал, искал случая к ссоре, становился болезненно самолюбивым, к знакам внимания относился с некоторою подозрительностью, словом, обнаруживал “строптивость характера”, столь смущавшую представителей местных аристократических “салонов”» (с. 163); «Из беспорядочно-легкомысленного эпикурейца он превращается вдруг в фаталиста — и как будто созерцает жизнь с высоты; из “неуимчивого” дерзко-задорного зачинщика всякого рода “вольностей” — в смиренного отшельника, не выходившего из своих двух комнат <...>. То заносчивый, то дерзкий, кощунственный, легко раздававший направо и налево свои рукописи, с ног до головы “анархист”, — Пушкин в одно мгновение мог обратиться в человека, слишком даже снисходительного к другим, способного к философскому самобичеванию, дорожившего каждой написанной им безделушкой, требовавшего сочувствия у друзей и т.д. Очевидно, за каждым моментом подъема у него наступала реакция» (с. 164).

554

об убийстве Ленина — Ленин был тяжело ранен 30 августа после его выступления на митинге рабочих бывшего завода Михельсона в Москве. Газета «Известия» публиковала бюллетени о состоянии его здоровья по 12 сентября, бюллетень № 13 от 3 сентября сообщал, что «положение улучшается», 6 сентября — напечатано первое сообщение о том, что его «самочувствие хорошее» (см.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6: июль 1918 – март 1919. М., 1975. С. 113–126). Ср. с записью от того же дня из другого крымского дневника того времени: «Да! Прочел сегодня в газете, что в Москве соц.-революционерка Каплан покушалась во время митинга на жизнь Ленина и ранила его, а в Петрограде некто Каннегисер убил комиссара Урицкого. Вот это ловко! С такими разбойниками и можно только так поступать. Жаль только, что Ленин остался жить, его нужно было бы в первую голову» (А.В. С. 254).

так хоть один из них — ср. со словами Кузмина в статье Г. Чулкова «Вчера и сегодня»: «Признаюсь, Ленин мне больше нравится, чем все эти наши либералы, которые кричат о защите Отечества» (цит. по: Чулков. С. 425); а также с записью М. Цветаевой от 1919 г. о Троцком и Ленине («Плохой, да свой!») (Цветаева. С. 334).

С. 237–238

деревне Рябушки — род Рябушинских идет от «экономических» крестьян Ребушинской слободы, образовавшейся около основанного во второй половине XV в. Пафнутьевского монастыря близ Боровска. «Их прапрадед Денис Кондратьев служил в хозяйстве Пафнутьевского монастыря стекольщиком. Сын его Яков имел прозвание “Стекольщиков”» (Думова Н. Московские меценаты. М., 1992. С. 185); сын Якова Михаил в 1820 г. получил разрешение именоваться (по месту рождения) Ребушинским (позднее Рябушинским; см. там же. С. 187).

говорил о своем отце — см. комм. к с. 77.

в их имении — имеется в виду подмосковное имение Рябушинских Кучино на реке Пехорке, приобретенное Павлом Михайловичем Рябушинским (1820–1889) незадолго до смерти; по его завещанию имение не могло быть разделено, и все его дети владели им сообща, что было предметом семейных ссор. Каждый из них выстроил себе отдельный дом. Усадьба была создана при предыдущих владельцах, Рюминых, в 1830 г.; с того времени сохранилась уникальная белокаменная лестница в стиле позднего барокко. См.: Фролов В.Г. История усадьбы Соколово-Кучино // РУ. 2001. Вып. 7 (23). С. 335–346; описание усадьбы и быта ее жителей см. в воспоминаниях Ю.А. Бахрушина (с. 243–246).

пошел в банк — на Екатерининской улице находились Общество взаимного кредита (д. 14) и Международный банк (д. 9).

Бернар (*Bernhardt*), Сара (1844–1923) — французская драматическая актриса.

молодая княгиня Долгорукая — вероятно, это одна из жен младшего сына кн. О.П. Долгорукой, штабс-ротмистра, конно-гвардейца кн. Петра Александровича Долгорукого (1883–1925): его вторая (с 1912 г.) жена кн. Анна Леонтьевна (урожд. Михайлова) (1888–1968); или его бывшая жена (с 1903 г.) кн. Софья Алексеевна (урожд. Бобринская) (1887–1949), дочь сенатора, археолога гр. Алексея Александровича Бобринского (1852–1927), фрейлина, во втором замужестве — жена кн. П.П. Волконского (по *Ferrand*, они поженились в ноябре 1918 г. в Петрограде, см. part 2. P. 26); окончила Женский медицинский институт и Гатчинскую военную воздухоплавательную школу; в Первую мировую войну работала в отрядах Красного Креста в Польше и Персии; в эмиграции сотрудничала в газетах «Возрождение» и «Русская мысль»; мемуаристка; см. упоминание о ней в другом крымском дневнике: «Здесь встретила молодую Софи Долгорукую. Она только что из Петрограда и рассказывает страшные вещи — о трупах на улицах и голоде. Ее рассказ так эмоционален, она, чувствуется, еще не отошла от пережитого ужаса. Кажется, она счастлива приехать в этот маленький городишко, так же как и ее новый муж Петруша Волконский» (*Кантакузин*. С. 310: запись от 6 июля 1918 г.). См. о ней: *Бенуа*. Дневник; *МФ* 1. С. 249; *НМ*. Т. 1. С. 612.

сказать Волконскому — вероятно, имеется в виду второй муж кн. С.А. Долгорукой (Бобринской), дипломат, аккредитованный при Святейшем престоле в Ватикане, кн. Петр Петрович Волконский (1872–1957), младший сын кн. Петра Григорьевича Волконского (1843–1896) и его жены Веры Александровны (урожд. Львова) (1848–1924). См.: *НМ*. Т. 1. С. 613.

все титулованные — ср.: «Не забыта и Паллада / В титулованном кругу...» (Кузмин. «От рождения подвала», новогодняя повестка 1913 г. с «гимном» «Бродячей собаки», оформленная

Судейкиным); «Круг был титулованно-аристократический — другого NN не признавала» (Иванов Г. С. 194).

С. 240

узнавать адреса... Переплетчикова — Переплетчиков, Василий Васильевич (1863–1918), живописец, пейзажист; член-учредитель Союза русских художников; приятель Коровина.

искали адрес Ковако — Юрий (Георгий) Александрович Ковако (?–1926), бывший земский начальник, коллекционер, один из устроителей ялтинских карнавалов 1908–1909 гг. (см.: Фоменко И. Ф. Карнавалы в Ялте: Начало XX в. // II Дмитриевские чтения. Ялта, 1998. С. 145); с 1913 г. директор Народного дома в Ялте (см.: Иванова Л. М. Создание и деятельность Ялтинского уездного комитета Попечительства о народной трезвости // I Дмитриевские чтения. Ялта, 1996. С. 30); эмигрировал. На Ялтинской выставке (1917) были представлены художественные вышивки для мебели и резной кувшин его работы (см.: *Выставка 1*. С. 14), на второй выставке (1918) — картины из его собрания (см. комм. к с. 241). В Ялте жил на Аутской улице в доме, верхний этаж которого снимал Ханжонков: «В нижнем этаже нашего дома жил многосемейный квартирант Ковако. Он был из придворных и никак не хотел выезжать из дома» (Ханжонков I. С. 112). См.: НМ. Т. 3. С. 333.

556

Фроман, Максимилиан (Макс) Петрович — танцовщик, педагог; выпускник балетного отделения московского Театрального училища, артист балетной труппы Большого театра (с 1907 г.); исполнитель роли юноши в балете Дягилевской труппы «Синий бог»; принимал участие в гастроях труппы Мордкина по Югу России вместе со своей сестрой Маргаритой; в эмиграции преподавал в балетной школе.

форменный Anatole France — вероятно, В.С. имеет в виду роман А. Франса «Преступление Сильвестра Бонара» (1880–1881).

Брюллов! — К.П. Брюллов долго жил в Италии (1823–1835, 1850–1852); по-видимому, Судейкин сравнивает увиденное с его итальянскими работами.

С. 241

У него великолепные коллекции — из собрания Ю.А. Ковако на выставке «Искусство в Крыму» было представлено 17 картин и рисунков, в том числе работы К.П. Брюллова, С.К. Зарянко, А.В. Тыранова, А.М. Матвеева, К.-Ж. Верне, [А.?] ван Остаде, Д. Тенирса; в конце 1920 г. часть его поступила в государственные хранилища в числе других коллекций, обнаруженных сотрудниками секции по охране старины и культурных ценностей в особняках эмигрировавших владельцев.

Florin весь полный — кафе Флорена на набережной (см. комм. к с. 168).

Маковский и его мать — см. о ней комм. к с. 160.

С. 242

с Волконским — в данном случае, вероятно (см. комм. к с. 356), кн. Петр Михайлович Волконский (1861–1948), внук декабриста кн. С.Г. Волконского; брат театрального деятеля кн. С.М. Волконского (1860–1937), посетителя и участника вечеров в «Бродячей собаке» (БС. С. 210, 232) и знакомого Богдановой-Бельской (см., например: *Прилежаева-Барская*. С. 392) бывший балашовский уездный предводитель дворянства; в Первую мировую войну — заведующий санитарным отрядом; в 1919 г. руководил Новороссийским Красным Крестом. «Ум брата Петра проникал действия людей и побуждения их, как какая-нибудь кислота; он был язвительно-критичен; он был “эксцентричен” в выражении своих суждений; он кипел, шипел, свистел, и весь блеск его юмора становился союзником его негодования» (*Волконский*. Т. 2. С. 81). Возможно, он автор стихотворения «Ах кухня, дивная картинка» с датой «Август 1918» (по ст. ст.) со строками о В.С.: «А величаявая супруга / Радужно так встречает вас / И щедро дарит вас, как друга, / Лучистым светом синих глаз» (*Salon Album*. 41а; подп.: П.В.). См. его упоминание: *МФ I*. С. 230 (запись от 9 июня 1918 г.).

к баронессе Штакельберг — в данном случае, вероятно, имеется в виду дочь бар. Л.Н. Майдель — бар. Е.Б. Штакельберг.

557

С. 243

зайти к императрице — вдовствующая имп. Мария Федоровна в это время жила с семьей дочери, вел. кн. Ольги Александровны, в Хараксе; по словам бар. Врангеля, она «почти ежедневно приезжала в Мисхор к своему старому другу княгине <О.П.> Долго-рукой и подолгу просиживала на берегу моря» (*Врангель П.* Ч. 1. С. 61); см. об этом записи в ее дневнике (*МФ I*. С. 258 и др.).

Об Армии он рассказывает — см. комм. к с. 356.

на Кривошеинскую дачу — дача Александра Васильевича Кривошеина (1857–1921), министра земледелия (с 1908 г.), члена Государственного совета, председателя совета министров правительства генерала бар. П.Н. Врангеля в Крыму в 1920 г.; см. его упоминания: *МФ I*. С. 249, 259 и др.; или санаторий, построенный по проекту архитектора П.П. Щекотова (1914) в Мисхоре министерством земледелия при содействии Кривошеина и названный его именем.

о княжне Вяземской — Ксения Александровна Вяземская (ум. в Ялте в январе 1920 г.), первая жена (с сентября 1918 г.) кн. М.П. Волконского. См. упоминание о ней в мемуарах Ханжонкова: «Мы привлекли к съемкам княжну Вяземскую, очень красивую, но совершенно неопытную» (*Ханжонков I*. С. 112). В справочнике Вишневого учтены четыре фильма с ее участием, снятые в 1917 г.: «Жизнь трех дней» (№ 1548); «Призыв смерти (Победа смерти)» (№ 1646); «Санде (Дочь Крыма)» (№ 1665); «Черная любовь (Король факелов)» (№ 1711); по «Фильмографии кинопроизводства А.А. Ханжонкова» (см.: *Ханжонков I*), к ним можно добавить еще три: «Проклятие любви (Тамара)» (№ 317), «Разбитая скрипка» (№ 319), «Звезда моря» (1919, № 358).

С. 245

Семенова, некогда Ольгина подруга — вероятно, одна из двух сестер Семеновых — Мария Александровна, выступавшая вместе с Глебовой-Судейкиной в «Бродячей собаке» (вероятно, она — М. Ал. — упоминается в дневнике Кузмина среди гостей Судейкиных: *Кузмин 2*. С. 520), или Ольга Александровна. См.: *БС*. С. 239, 257; *Кузмин 2*; *Пяст*. С. 135–136; *Прилежаева-Барская*. С. 390.

С. 246

потеряла... свой «палладизм» — см.: *Кузмин 3*. С. 101 (и примечание 22 на с. 297).

С. 249

удивленно на нее смотрит — Коренева познакомилась с Глебовой-Судейкиной в начале 1910-х, возможно, во время весенних петербургских гастролей МХТ — 26 апреля 1913 г., на банкете, устроенном «Бродячей собакой» в честь театра в зале Шебеко на Галерной ул., 33, где Глебова-Судейкина танцевала в «Козлоногих» (см. групповую фотографию: *БС*. С. 187 и описание вечера на с. 212–213), или через год, 26 апреля 1914 г., на банкете в честь МХТ в подвале «Бродячей собаки», где Глебова-Судейкина «танцевала вальсы и польки» (*БС*. С. 235).

558

Ваш первый муж — Сергей Иванович Богданов, студент математического, затем естественного факультетов Петербургского университета, эсер, казненный в годы первой русской революции; отец двух ее сыновей. П.О. написала о нем в своих неоконченных воспоминаниях: «Я никогда не жила с первым мужем отдельно от родителей, и первый мой брак был трагически окончен. В первом муже своем <...> я обожала борца грядущей революции, подпольного политического работника. Его политический ум, точность, бесстрашие и привычка к арестам, и вера, и преданность идеям рабочего класса, и полное отсутствие романтической любви. И полное незнание искусства. Например, не ходил на художественные выставки, очень редко бывал в театрах, на концертах, даже лекции он предпочитал только на политические темы. Поэзию он признавал только некрасовскую, от любых стихов его клонило ко сну. Я не была влюблена в него и, пожалуй, даже никак не любила его, просто уважала его и была ему предана как друг. Он был меня старше на семь лет. Когда из Шлиссельбургской крепости мне вынесли в виде злой насмешки его студенческую, бессменную, смятую, полинявшую фуражку <...> я искренне расплакалась, но, придя домой, сердцем не поверила, что его повесили. <...> Был первый брак мой сложен и сумбурен, не дав никогда мне понятия о нежности и ласке мужа. Правда, я была еще девчонкой и рвалась на революцию, как на красное рвется бык. <...> Муж много учил меня политике, заставлял читать Кропоткина и политическую экономию» (архив В.П. Максимовой).

чем она заслужила — вероятно, с охлаждением Судейкиных связано ее стихотворение: «Вот настоящий зрю я образ Славянина, / Прозрев сейчас чрез Вас перед собой. / И Ваша кажется фарфоровой картина, / И Богоматерь истинно свя-

той. / И слит Ваш пастушок так с Вами тесно-дружно, / Как Вы с Красавицей своей женой! / Быть неблагодарным и скверным очень нужно, / Чтоб после дружбы расстаться так со мной» (*Salon Album*. 77b).

известия из Москвы ужасные — покушение на Ленина стало поводом к усилению большевистского террора, были приняты соответствующие постановления и последовали массовые аресты и расстрелы заложников (см.: *Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923*. 2-е изд., доп. Берлин, 1924). О ситуации в Москве и настроениях ее жителей см., например, августовские записи в дневнике историка Ю.В. Готье: «Паника, подавленность, террор, смерть всякой жизни чувствуется гораздо больше, чем два месяца назад; всюду стремление уехать, бежать на Украину <...> кругом аресты <...>. Массовые расстрелы в Москве» (*Готье*. С. 176, 178).

Она пишет нам в альбом — см. запись Кореневой от 27 августа (по ст. ст.) 1918 г.: «Благодарю за радушие, уют, душевспасительные и просветительные беседы, Чижика, стихи, сахар и прочее, прочее... и прошу не забывать. *Л.Коренева*» (*Salon Album*. 43a). В альбоме сохранилась еще одна запись Кореневой — на рисунке Судейкина, связанная с предполагаемой постановкой во МХТе пьесы А. Блока «Роза и крест» (актриса была знакома с поэтом): «Сдайся мечте неизбежной, / Сбудется, что суждено. / Сердцу закон непреложный / Радость-Страданье одно. / Роза и Крест Блока. / Артистка Московского Худож<ественного> театра / Л.М. Коренева Мисхор / 16 августа 1918» (*Salon Album*. 43c; у Блока: «мечте невозможной»). В 1918 г. во МХТе была возобновлена работа над этой пьесой; предполагалось, что Коренева исполнит роль Изоры, но постановка так и не была осуществлена. Возможна связь с планом экранизации пьесы киносфирмой П. Тимана (см.: *Блок*. С. 321, запись от 2 мая 1917 г.).

С. 250

помещение... реквизировано — эти слухи, по-видимому, связаны с тем, что одно из зданий, примыкавших к театру (ныне в нем помещается музей МХАТ) с 1917 г. (и до 1938 г.) было занимаемо разными учреждениями. МХТ переживал тяжелое время, 13 сентября 1917 г. он «открыл свой двадцатый сезон премьерой “Села Степанчикова”, и это была его единственная премьера до апреля 1920 г.» (*Золотницкий Д. Академические театры на путях Октября*. Л., 1982. С. 95–103).

С. 251

увлечен проектом... об академии искусств — ср.: «Мой сослуживец по Гос. канцелярии Борис Амподистович Калачев, исполнявший обязанности министра народного просвещения, поручил мне за месяц приблизительно до падения Джанкоя и Перекопа создать в Крыму Южную Академию Художеств в качестве ее невременного секретаря и успел в последнюю минуту передать мне довольно крупную сумму денег “на первое время” (*Маковский*. С. 573); см. также Приложение 2.

С. 252

«Весенний салон поэтов» — Весенний салон поэтов / Обл. Г. Якулова. М.: Зерна, 1918. Альманах вышел в начале мая 1918 г. В нем были опубликованы стихотворения сорока пяти поэтов, в том числе упоминаемых в дневнике В.С.: Ахматовой, Бальмонта, Блока, Бунина, Волошина, Вяч. Иванова, Р. Ивнева, В. Каменского, Крандиевской, Кузмина, Мандельштама, Северянина, Сологуба и Чурилина, а также следующие стихи Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960), сына художника Леонида Осиповича Пастернака (1862–1945), преподававшего в МУЖВЗ: «Не как люди, не еженедельно...», «Фанатизм (В девять, по левой, как выйти со Страстного...)», «Марбург (День был резкий и тон был резкий...)», «Вчера я родился. Себя я не чу...», «По стене бежали стрелки...», «Лодка колотится в озерной груди...» (с. 136–139); С.Л. Рафаловича: «В небе тянут журавли...», «Канатный плясун (Над рудой пляшет гном...)» и «Тщетно на землю легла паутина...» (с. 141–142). См. отклики: *Литературная жизнь*. С. 183.

С. 253

560

с приходом... Чурилина — Тихон Васильевич Чурилин (у В.С. — Чурылин) (1885–1946), поэт, к тому времени автор книг: «Весна после смерти» (Автолитогр. Н. Гончаровой. М.: Альциона, 1916), «Вторая книга стихов» (М.: Лирень, 1918) и «Конец кикапу: Полная повесть» (оформл. Б. Корвин-Каменской. М.: Лирень, 1918); адресат лирики М. Цветаевой (1916). В мае 1916 г. уехал из Москвы в Крым, где познакомился со своей будущей женой; в апреле – ноябре 1918 г. находился в Харькове (дневник В.С. добавляет неизвестную ранее деталь его биографии — приезд в Крым в сентябре 1918 г.). См. его биографию во вступ. ст. к публикации его воспоминаний: *Чурилин Т.В. Встречи на моем пути / Вступ. ст., публ., коммент. Н. Яковлевой // Лица*. 2004. Т. 10. С. 408–494 (о его жизни в Крыму в 1919–1922 гг. см. с. 434–439). Возможно, В.С. познакомилась с ним или слышала о нем в Камерном театре, где собирались ставить его пьесу.

Рафаэль Санти (Raffaello Santi) (1483–1520) — итальянский живописец и архитектор.

Айвазовский, Иван Константинович (1817–1900) — живописец-маринист.

жену которого — художница-футуристка Бронислава (Болеслава) Иосифовна Корвин-Каменская (Каменская, Будетлянская) (?–1945); училась в МУЖВЗ; оформила книги своего мужа, тит. марку для сб. Г. Петникова (Поросль солнца. М., 1918); «Жена его, горбатая пожилая художница <...> была по-матерински заботлива и, как человек искусства, понимала его немного бредовые стихи» (*Цветаева А.И.* Неисчерпаемое. М., 1992. С. 42–43). См. о них в Крыму в начале 1920-х: *Сестры Герцык*.

Давыдов, Пасманик избираются в кабинет — 18 сентября в Крыму было собрано чрезвычайное Губернское земское собрание, на котором его участники выразили недоверие правитель-

ству ген. С. Сулькевича и готовность взять на себя формирование новой местной власти (см. воспоминания Пасманика. С. 112-123; *Оболенский*. С. 611). В ноябре 1918 г. Давыдов исполнял обязанности начальника протокола при втором Крымском краевом правительстве (см. его воспоминания: *Встреча // НРС*. 1953. 13 декабря. № 15205. С. 7).

С. 254

картинки на стекле — были представлены на выставке 1918 г. См.: *Выставка 2*. С. 17: «В.А. Судейкина. № 222-241. 20 силуэтов по рисункам С. Судейкина» (эскизы некоторых из них см.: *Salon Album*. 115d, 118, 132, 150, 162, 173a); кроме них были выставлены три ее натюрморта (с. 17-18, № 242-244).

с сестрой Нины Blumenфельд — Ольгой или Натальей (см. комм. к с. 111).

о людях приемлемых и неприемлемых — см. оценки Судейкиных в записи от 21(8) февраля 1919 г.; ср. с «привычкой» Аргунинского-Долгорукова (*Бенуа 2*. С. 333).

С. 255

в Крыму Челноков — вероятно, Михаил Васильевич Челноков (1863-1935), депутат I и III Государственных дум, один из лидеров партии кадетов, московский городской голова (1914-1917).

не все ли равно — лист с текстом от слов «не все ли равно» до «пошли в Общественное собрание» разорван пополам и хранится отдельно.

С. 256

в гостиницу «Россия» — в Алупке.

пошли в Общественное собрание — «Еще в 1903 году недалеко от Воронцовского дворца открылось Общественное собрание, ставшее культурным центром селения: имелись читальня, танцкласс, кинематограф, также открытая сцена» (*Ковалевская Н.А.* Алупка начала XX в.: (По материалам газеты «Русская Ривьера») // IV Дмитриевские чтения. Ялта, 2000. С. 44).

Лейхтенбергский (у В.С. — Лихтенбергский) — вероятно, Сергей Георгиевич герцог Лейхтенбергский, кн. Романовский (1890-1974), сын жены вел. кн. Николая Николаевича вел. кн. Анастасии Николаевны от первого брака, ст. лейтенант 2-го Балтийского флотского экипажа, живший в то время вместе с матерью и отчимом в Крыму; уехав из Крыма в апреле 1919 г., он вернулся и недолго служил на Черноморском флоте в чине капитана 2-го ранга (см.: *Оболенский*. С. 679; *Врангель П.* Ч. 2. С. 100); в эмиграции глава Русского собрания в Риме.

Тышкевич — вероятно, гр. Стефан Владиславович (*Tyszkiewicz*) (1894-1976), ротмистр л.-гв. Конного полка; с июля 1917 г. муж дочери вел. кн. Анастасии Николаевны от первого

брака Елены Георгиевны (урожд. герц. Лейхтенбергская, кн. Романовская) (1892–1971); жил вместе с женой в Чаире; эмигрировал. См.: *МФ* I. С. 197, 236 и др.

С. 257

Запорожец (наст. фам. Кононов), Капитон Денисович (1882–1940) — оперный певец (бас-профундо), артист Имп. театров; в юности — кузнец-забойщик, обладавший огромной физической силой; пел в опере Зимина (1909–1911, 1914 – нач. 1920-х), Большом театре, участник Русских сезонов (1909, 1913; «Князь Игорь», «Руслан и Людмила» и другие оперы); эмигрировал. «Известный оперный певец, обладатель феноменального баса с необычайно широким диапазоном, он пел от самых высоких нот и спускался в глубокую октаву» (*Старк Б., прот.* По страницам синодика // *Русский архив*. Т. 5. М., 1994. С. 640–641). См. также: *Пружанский*. С. 184–185; *НМ*. Т. 2. С. 581.

С. 258

о постановке «Беглой» — см. комм. к с. 93.

562

госпожа Метнер — Метнер, Елена Михайловна (урожд. Браденши) (1876–1945), из еврейской семьи, принявшей православие; жена Карла Карловича Метнера (1874–1919), доверенного правления акционерной компании «Московская кружевная фабрика», брата композитора Н.К. Метнера, сестра его жены Анны Михайловны (1877–1965); до революции владелица студии художественной бронзы в Москве (Плющиха, 11); эмигрировала. В Москве осталась ее дочь Вера Карловна (в замуж Тарасова) (1897–1986?). «Студия Е.М. Метнер» была типичным для того времени декоративно-художественным предприятием, выполнявшим индивидуальные заказы по оформлению интерьеров и авторские художественные предметы сувенирного характера. Рекламные объявления студии появляются в московских журналах 1913–1914 гг. На выставке «Художественная индустрия» в галерее Лемерсье (1915) студия экспонировала изделия из кожи, ткани, хрусталя, фарфора; на следующей московской декоративно-индустриальной выставке в начале 1918 г. — мебель, бронзу, вышивки. О поездке Метнер в это время по Югу России других сведений, кроме дневника В.С. и воспоминаний Маковского, пока не найдено. Сведения о ее студии см. в литературе об Абрамцевской керамической мастерской С.И. Мамонтова: *Арензон Е.Р.* «Абрамцево в Москве»: К истории художественно-керамического предприятия С.И. Мамонтова // *Музей: Художественные собрания СССР*. М., 1989. Сб. 10. С. 100–102 (далее: *Арензон*); *Арзуманова О.И.* Керамический завод «Абрамцево» 1918–1926 // *Керамика Абрамцева*. С. 119–128.

заведует... реставрацией Кремля — вопрос о реставрации Кремля, который пострадал от артиллерийского обстрела осенью 1917 г. (см. комм. к с. 45), был поднят архитектурным отделом Комиссии по охране памятников в мае 1918 г. (см.: *Из истории*. С. 153), заказ на выполнение работ весной 1919 г. достался керамическому заводу «Абрамцево»; в апреле 1920 г. с Метнер и Гринштейном был заключен договор на выполнение работ в течение пяти месяцев (см.: *Керамика Абрамцева*. С. 122–123).

купила... завод в Абрамцеве — в Абрамцеве, усадьбе С.И. Мамонтова, в конце 1889 – начале 1890 г. была создана гончарная мастерская; в 1897–1898 гг. основное производство было переведено в Москву, в район за Бутырской заставой; в ее работе принимал участие Судейкин. «В дни революции» Метнер незаконно приобрела керамический завод «Абрамцево», в июне 1918 г. завод возобновил работу, но уже в середине ноября 1918-го был опечатан «ввиду предстоящего перехода <...> из владения Е.М. Метнер в ведение ИЗО НКП <Народного комитета просвещения>» (Арензон. С. 100).

С. 259

кто у нее уже работает — Алексей Викторович Щусев (1873–1949), архитектор; до революции работал, в основном, в области церковного зодчества; Станислав-Витольд Владиславович Ноаковский (1867–1928), архитектор-художник, преподаватель Строгановского училища и МУЖВЗ (с 1907 г.), академик (1914), до своей эмиграции активно участвовал в деятельности различных художественных комиссий; Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946), живописец, монументалист, график, театральный художник, педагог, один из основателей объединения «Мир искусства»; Мстислав Валерьянович Добужинский (1875–1957), график, театральный художник, педагог, эмигрировал. С.В. Ноаковский (от Союза деятелей прикладного искусства), А.В. Щусев (от студии Метнер), И.В. Жолтовский (от Отдела ИЗО Наркомпроса) входили в состав жюри конкурса на рисунок керамической печи для завода «Абрамцево» в 1918 (см.: *Керамика Абрамцева*. С. 121).

563

для композитора Метнера — Николай Карлович Метнер (1880–1951), младший брат мужа Е.М. Метнер, муж ее сестры; эмигрировал в 1921 г.

С. 262

Пинегин, Николай Васильевич (1883–1940) — живописец, пейзажист, ученик и друг Билибина, участник Ялтинской выставки 1918 г. (см.: *Выставка 2*. С. 13–14. № 161–167, в том числе пейзажи «Вечер в Бати-Лимане» и «Ласпи, св. Илья»); писатель, участник экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу (1912); в период Гражданской войны, во время пребывания большевиков в Крыму, заведовал Крымской студией изобразительного искусства в Симферополе; эмигрировал в 1920 г., позднее вернулся. См. о нем: *Билибин 2*. С. 41–44, 46.

рычит Труффи — (Труфишка) собака Судейкиных, названная, вероятно, «в честь» дирижера Иосифа Антоновича Труффи (1850–1925), работавшего в Частной опере С.И. Мамонтова.

С. 263

о своем осмотре Ливадийского дворца — По-видимому, речь идет о Большом (Новом) Ливадийском дворце, построенном для имп. Николая II и его семьи архитектором Н.П. Красновым (1910–1911), в который царская семья успела приехать только четыре раза (1911–1914). По словам его автора, дворец «проек-

тирован и выполнен в стиле итальянского Ренессанса из штучного инкерманского камня, со всеми орнаментальными частями, высеченными из того же камня. Здание дворца имеет 116 отдельных помещений, один большой внутренний двор и три малых световых двора. Парадные официальные комнаты дворца отделаны и меблированы в том же стиле» (*Романовы и Крым*. С. 137). См. о нем: там же. С. 105–154; *Прокопова Л.И.* Первый приезд царской семьи в новый Ливадийский дворец // *II Дмитриевские чтения*. Ялта, 1998. С. 115–122. В Ливадии был еще один дворец: Малый (дворец наследника, в котором скончался имп. Александр III; арх. И.А. Монигетти; сгорел в 1941 г.), см. о нем (а также о «старом» Большом Ливадийском дворце): *Романовы и Крым*. С. 36–104; *Архитектор Краснов*. С. 107–139. В конце сентября 1918 г. Набоковы переехали из Гаспры в Ливадию.

564

с тремя министрами — по-видимому, речь идет о министрах первого Краевого правительства (июнь – середина ноября 1918 г.) генерал-лейтенанта Сулеймана Сулькевича (Мацей, Матвей Александрович) (1865–1920); первоначально в него вошли: Сулькевич (премьер-министр, министр внутренних, военных и морских дел), бывший таврический вице-губернатор кн. С.В. Горчаков (тов. премьер-министра); Д. Сейдамет (министр иностранных дел), банковский деятель гр. В.С. Татищев (министр финансов, промышленности, торговли и труда), немецкий колонист Т.Г. Рапп (министр земледелия, краевых имуществ и снабжения), инженер и генерал-майор Л.Л. Фриман (министр путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов), лидер крымских аграриев В.С. Налбандов (временный управляющий Министерства вероисповедания и народного просвещения); после правительственного кризиса в середине сентября подали в отставку Горчаков, Татищев, Рапп и Налбандов, в состав правительства вошли: А.М. Ахматович (министр юстиции), бывший уполномоченный по земледелию в Крыму Е. Молдавский (министр снабжения), И.А. Богданович (временно исполняющий обязанности министра земледелия и краевых имуществ), министром народного просвещения и исповеданий с августа стал полковник П.Н. Соковнин, с сентября тайный советник, бывший посол в Турции Н.В. Чарыков, а также: В.Л. Домброво (управляющий Министерства снабжения), бывший сенатор Д.И. Никифоров (управляющий министерством финансов, торговли и промышленности, с конца сентября его заменил управляющий казенной палаты А.П. Барт), татарский общественный деятель М.М. Кипчакский (краевой контролер), Н.А. Воейков (управляющий делами). См.: *Зарубины*. С. 113, 115–116.

безвкусо внутреннее убранство — описание интерьеров дворца см.: *Романовы и Крым*. С. 145–150. Ср. с мнением С.А. Щербатова, который считал, что имп. Александра Федоровна обладала плохим вкусом, «что она и проявила в убранстве своих комнат в Царском селе и в Ливадийском дворце» (*Щербатов*. С. 184); см. также мнение Судейкина (Приложение 3).

о своей постановке «Саломеи» — балет на музыку французского композитора Ф. Шмитта (см. комм. к с. 334; см. там же о

работе над либретто) для Русских сезонов. Оформление «Трагедии Саломеи» стало первой самостоятельной работой художника для труппы Дягилева и единственной доведенной до сцены. Рассказ о том, как Судейкин получил этот заказ, см.: *Евреинов I*, 41. С. 175–176. «Я вижу Саломею в виде кометы, — сказал он удивленному Дягилеву. — Как так? — Она умерла, но не перестала жить в народном воображении. — Откуда вы это взяли? — Мне так кажется... — Комета, говорите вы?... Это неплохо. Ну, а дальше что? — Ее тьнет порою на землю... в день усекновения главы Иоанна Крестителя... любовь и злодеяние ее сюда притягивают... — Интересно. Ну и что же? Как вы это видите? — Саломея сначала на сцене в виде огромного блестящего хвоста загадочной кометы... Занавес поднят сперва наполовину. Он поднимается выше и выше, пока Карсавина не предстанет наконец во всем своем великолепии на вершине некой воздушной лестницы...» (там же. С. 176). По словам постановщика балета Б.Г. Романова, «сюжет, придуманный Дягилевым, сводился к тому, что Саломея, превращенная в комету, обречена вечно бродить по небу и еженощно, перед колонной, на которой водружено блюдо с головой Иоханан, танцевать свой соблазнительный танец. Хуже обстояло с финалом балета, — его никак не могли отыскать <...>. Дягилев просто разрешил задачу — палачи щитами убивают Саломею» (*Романов*. 7 сентября). Художник весь апрель 1913 г. работал над макетами, в Париж он приехал в мае, где «приступил к писанию декораций и целыми днями пропадал в загородном ателье» (там же). Премьера состоялась 12 июня 1913 г. в только что открытом Театре Елисейских полей (Théâtre des Champs Élysées) в Париже. Главную роль исполнила Карсавина (см. комм. к с. 68). «При поднятии занавеса по двум сторонам на порталах сцены изображены были два гигантских золотых херувима с черными лицами. Посреди сцены возвышалась колонна, и за ней, как фон, висел золотой, с гаммой бесчисленных складок, расписанный под парчу, тяжеловесный занавес, скрывающий небо» (там же); занавес к этой постановке позднее украсил стены зала Шебеко на Галерной улице на банкете в честь МХТ (см. эскиз: *Коган*. С. 71). Эскиз костюма Саломеи см.: *Столица и усадьба*. (Пг.). 1916. № 57. С 4. О постановке см. также: *Евреинов I*, 41. С. 175–176; *Коган*. С. 73–74, 181.

из *Деньшинской книжки* — имеется в виду кн.: *Деньшин А.* Вятская глиняная игрушка. М., 1917. Художник Алексей Иванович Деньшин (1893–1948), занимался изучением русской народной игрушки, главным образом, вятской и выпускал альбомы с их зарисовками. См. хвалебный отзыв о кн.: Александр Бенуа *Размышляет* / Сост. И.С. Зильберштейн, А.Н. Савинов. М., 1968. С. 601 (письмо К.В. Кандаурову, <1918>); а также рисунок В.С. в *Salon Album* (35b, 38, 155, 158, 159, 170).

С. 264

пустить показать... баронессу Кнорринг — бар. Лидия Сергеевна Кнорринг (урожд. кн. Гагарина) (1870–?), старшая дочь офицера л.-гв. Кирасирского полка кн. Сергея Николаевича Гагарина (1844–1895), дальнего родственника кн. Г.Г. Гагарина, и его жены Ольги Дмитриевны (урожд. Селезневой); сестра О.С. Ра-

евской, вдова бар. Михаила Романовича Кнорринга (ок. 1860–1910), фрейлина Высочайшего двора. Возможно, ею написаны: Мои воспоминания о Л.Н. Толстом // Новое время. [Белград], 1928. 13 июня. № 2132. С. 2–3.

сенатора Соколова — имеется в виду Н.Д. Соколов, назначенный А.Ф. Керенским сенатором 1-го департамента.

князя Гагарина — Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893), живописец и график, вице-президент Академии художеств (1859–1872).

С. 265

имения за Гурзуфом — Раевским принадлежали в Крыму имения Нижний Партенит у подножия горы Аю-Даг (см. о нем: *Врангель Л. С.* 99–107), Карасан (вблизи Суук-Су) и Тессели, последней владелицей которого была Мария Михайловна Раевская (в замуж. Плаутина) (1872–1942), дочь М.Н. и М.Г. Раевских.

566

фрески Гагарина — Г.Г. Гагарин занимался изучением истории и теории древнего зодчества, по его инициативе в Академии художеств был впервые введен курс «православного иконописания» (1856); за свою жизнь он построил и расписал множество храмов: в своих приволжских имениях, в Петербурге, на Кавказе и в Крыму (так, например, он принимал участие в росписи церкви Покрова Пресвятой Богородицы в крымском имении вел. кн. Константина Николаевича Ореанда, освящена в 1885 г.; см.: *Романовы и Крым.* С. 34, 35) и за границей; первым его опытом стали росписи Сионского собора в Тифлисе (1853–1854, уничтожены в 1992–1993 гг.). «Точное число храмов — и полковых, и просто возведенных Гагариным, до сих пор не определено» (*Корнилова А.В.* Григорий Гагарин: Творческий путь. М., 2001. С. 169).

развалины... храма Артемиды — «баснословные развалины храма Дианы» в имении Партенит упоминал Пушкин (см.: «Отрывок из письма к Д.» и стихотворение «Чаадаеву (К чему холдные сомненья...)»). См. также: *Врангель Л. С.* 99.

ее сестра, которая замужем за Раевским — имеется в виду младшая сестра бар. Л.С. Кнорринг — Ольга Сергеевна Раевская (урожд. кн. Гагарина) (1883–1955), жена (с 1909 г.) М.М. Раевского; дальняя родственница его матери, она не была внучкой художника; эмигрировала.

настроение по-именинному — именины Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

С. 265–266

собираемся к Тищенко — символичное имя Вера распространенное в то время: по словам В.С., было дано ей отцом-«либералом» в честь героини романа Гончарова «Обрыв»; вероятно, другой Вере, Тищенко, имя дано было в честь соратницы отца народоволки В.Н. Фигнер или героини романа Чернышевского.

С. 266

рассказывает о дивном помещении — выставка «Искусство в Крыму» располагалась в здании Александровской мужской гимназии на Аутской ул., 25.

записываю под диктовку — сохранился листок с записью этого заседания.

«Адрес <П.П.> Сазонова: Пансион Шульц, телефон 2-29. Адрес Маковского: улица Эмира Бухарского, 16.

1. Устроитель С. Маковский; 2. Товарищи-пайщики: Браиловский, Браиловская, Сорин, Судейкин; 3. Доходы (входная плата, проценты с картин проданных) делятся по количеству паев; 4. Художники Браиловский, Браиловская, Сорин и Судейкин выставляются без жюри, занимают какое хотят место; 5. Сорин предлагается казначеем выставки.

Старым отделом заведует Маковский, он же отвечает за них целиком. В случае продажи % поступает в пользу Маковского (вместо гонорара, как устроителю выставки, от которого он отказался). Может быть, поручить ответственность почетному комитету.

Входная плата три рубля, учащиеся полтора рубля, вернисаж <не законч.>

Маковский должен каждый день брать деньги у кассира.

Отношено к Сазонову (за два месяца восемьсот рублей желяет) — в интересах художников ему нужно дать % с продажи картин (предлагается 10% в пользу выставки и 5% Сазонову).

Смета не должна превысить десять тысяч рублей. Предварительные расходы пять тысяч рублей. Семь тысяч вернуть с билетов, каталога, буфета».

приглашая их на выставку — выставка открылась 27 октября 1918 г. и просуществовала около месяца. См. комм. к с. 284, 288 и 289, а также: *Выставка 2*; *Беляев А. Искусство в Крыму // Таврический голос. 1918. № 45. 24 ноября. С. 2; Ладыженский В.Н. Ялтинский голос. 1918. 29 октября; Еремеева. С. 172-173; Карбанова. С. 251.*

С. 267

как быть с его картиной? — на выставке был этюд К.А. Фельдмана (см.: *Выставка 2. С. 20. № 284*).

отдел старой живописи — или, как он обозначен в каталоге, «Ретроспективный отдел» (см.: *Выставка 2. С. 20-38. № 285-441*), в нем были показаны картины русских и иностранных художников из частных собраний (К. Брюллов, С. Зарянка, А. Левицкий, А. Матвеев, Д. Веласкес, К.-Ж. Верне, Д. Тенирс и др.), из частных собраний (А.П. Айвазовский, М.В. Барятинская, В.К. Витмер, А.В. Волжанинов, П.А. Демидов, О.П. Долгорукая, Ю.А. Ковако, И. Ледантю, О.Н. Наталина, Я.П. Семенов и др.), которые составили чуть меньше половины всех работ, представленных на выставке. «Была очень хорошая продажа старых мастеров. Как мы, художники, и думали, старички подставили нам ножку» (*Билибин 2. С. 46*). См. также: Приложение 2.

у него Левицкий — на выставке был миниатюрный «Портрет Екатерины II» работы Дмитрия Григорьевича Левицкого (ок. 1735–1822) из собрания П.А. Демидова (см.: *Выставка 2. С. 25. № 318*).

пригласить Панину — гр. Софья Владимировна Панина (в замуж. Половцева) (1871–1957), дочь Анастасии Сергеевны Петрункевич (урожд. Мальцова, в первом замуж. Панина) (?–1932) активная благотворительница, владелица имения в Крыму, в Гаспре; член ЦК партии кадетов (с мая 1917 г.), во Временном правительстве товарищ министра государственного призрения (с мая 1917 г.), товарищ министра народного просвещения (с августа 1917 г.); в конце ноября 1917 г. была арестована, в декабре освобождена; уехала на Юг осенью 1918 г.; эмигрировала в 1920-м; мемуаристка. См.: *Политические партии. С. 415–416; НМ. Т. 5. С. 326*.

великолепный Орловский — см.: *Выставка 2. С. 26–27. № 337–342* (рисунки № 329–342 из собрания О.П. Долгорукой).

568

С. 268

о концерте Изы Кремер — Иза (Лия) Яковлевна Кремер (Креймер) (1889–1956), певица (лирическое сопрано); музыкальное образование получила в Италии, сезон 1911/12 г. пела в Одесском оперном театре, с 1912 г. начала исполнять эстрадные песенки; 6 сентября 1918 г. выехала на гастроли по Крыму, выступала в Евпатории, Севастополе, Ялте (в последней дала четыре концерта вместо запланированных двух); в начале 1920 г. эмигрировала. См. о ней: *Эстрада России. Двадцатый век: Лексикон. М., 2000. С. 271–272; Савченко Б. Эстрада ретро. М., 1996. С. 137–210* (о крымских гастролях осенью 1918 г. см. с. 199–200); *НМ. Т. 3. С. 543*.

к Рындиной приехал муж — С.А. Соколов.

С. 269

стихотворения, посвященные семье Давыдовых — см. комм. к с. 232.

ее компаньон — Григорий Васильевич Гринштейн, совладелец (с Е.М. Метнер) Абрамцевской керамической мастерской (см.: *Керамика Абрамцева. С. 122–123*), коллекционер, родственник жены художника А.А. Осмеркина — Е.К. Гальпериной. См. о нем в 1930–1940-х: *Леценко-Сухомлина Т.И. Долгое прощание: Дневник-воспоминания. М., 1991* (о его коллекции, и в частности о картинах Судейкина см. с. 70, 176, 369).

С. 271

Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452–1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер.

С. 272

адрес доктора — возможно, Василий Николаевич Сиротинин (1856–1934), профессор Военно-медицинской академии, во время Гражданской войны председатель медицинского совета

при главнокомандующем вооруженными силами Юга А.И. Деникине (см. его упоминание: *МФ* 1. С. 279).

к доктору Васильеву — вероятно, ялтинский врач, специалист по легочным болезням, владелец санатория «Гнездышко» Спиридон Николаевич Васильев (1869–1934); до переезда в Ялту долгое время был ординатором у профессора медицины А.А. Остроумова; эмигрировал (см.: *НМ*. Т. 1. С. 508–509).

здесь синемаграф — в это время в Ялте помимо А. Ханжонкова (съёмочная площадка на Аутской ул.), находились также другие кинопредприниматели: А. Дранков, И. Ермолев, М. Трофимов, С. Френкель и Д. Харитонов; судя по упоминанию Волкова, речь идет о киноплощадке Ермольева.

с которым играла в Вербической — В.С. сыграла роль Лизы Михайловой в экранизации романа А.А. Вербической «Дух времени» — «Андрей Тобольцев», драме в двух сериях о событиях революции 1905–1907 гг. в Москве (вып. 9 ноября 1915 г.), снятой режиссером Королевского сербского театра Андреем И. Андреевым. Это был, по-видимому, первый из пяти фильмов, снятых им в России до революции 1917 г. По словам критиков: «Лиза создана изящной В.А. Шиллинг так, что вы иначе и не представите себе это грациозное создание»; «как должна радоваться писательница, увидев талантливую В.А. Шиллинг»; «бесспорно, пальму первенства в этой картине приходится отдать» ей (*Великий Кино*. С. 229, 230; сценарий картины см.: там же. С. 230–233).

569

С. 273

на набережной — «Первое место принадлежит Набережной улице, где сосредоточены лучшие дома, гостиницы, магазины и где гуляет публика. Набережная — вся Ялта. Тут же находится и городской сад» (*Москвич*. С. 188).

у Тесленки (у В.С. — Тисленко) — вероятно, член партии кадетов Александр Васильевич Тесленко (см. упоминание о собрании кадетов у него на квартире: *Пасманик*. С. 96) или его брат Николай Васильевич (1870–1943, по др. свед., 1942), юрист, общественный и политический деятель, член ЦК партии кадетов, депутат II и III Государственных дум; приехал в Крым в октябре 1918-го; эмигрировал в 1920 г. (см.: *Серков*. С. 795).

познакомить Серезу с... фабрикантом — Иван Егорович Соколиков, торговец шелковым товаром, владелец дома в Москве (М. Толмачевский, 7).

артистка Марадудина — Мария Семеновна Марадудина (1888–1960), актриса, первая русская женщина-конферансье; жена петербургского ветеринара и актера Филимона Петровича Марадудина; начинала как исполнительница эпизодических ролей в драматическом театре, затем стала играть в театрах миниатюр; личный секретарь В.Ф. Комиссаржевской (1906); с 1912 г. стала выступать в театре-кабаре «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева и начала конферировать; в описываемый период сопровождала И.Я. Кремер в ее гас-

ролях по Югу; позднее много выступала на эстраде (в образе интеллигентной женщины, склонной к эсцентризму), в начале 1930-х в связи с болезнью прекратила эстрадную деятельность. Краткие упоминания о ней встречаются в литературе о И. Кремер (см.: *Савченко Б.* Эстрада ретро. М., 1996. С. 200–201); см. также воспоминания актера А.Г. Алексеева (Серьезное и смешное: Полвека в театре и на эстраде. М., 1972. С. 64–66); *Алянский*.

Мте Запорожец — о ней см. позднейшее свидетельство: «...его жена, бывшая, как теперь говорят, немного “с приветом”» (*Старк Б., прот.* По страницам Синодика // Российский архив. М., 1994. Т. 5. С. 641).

приписанную Тропинину — Василий Андреевич Тропинин (1776–1857), русский живописец.

С. 274

а Брюллова — вероятно, К.П. Брюллова.

570

видеть Грифа — Сергей Алексеевич Соколов (псевд. Сергей Кречетов) (1878–1936), поэт, критик, издатель (книгоиздательство «Гриф», 1903–1914), сотрудник журналов «Искусство» и «Золотое руно», по образованию юрист; в первом браке муж Н.И. Петровской (см.: *Брюсов В., Петровская Н.* Переписка / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. М., 2004), во втором (с 1907 г.) — Л.Д. Рындиной; в 1914 г. ушел добровольцем на фронт, три с половиной года был в плену, освобожден в августе 1918-го; приехал сначала в Москву, затем в Крым; с весны 1919 по март 1920-го работал в литературно-политическом пресс-бюро Добровольческой армии, печатался в газетах, выходивших на Юге России; эмигрировал весной 1920 г. (см. биогр. сведения в публ. его писем к А.С. Яценко: *Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Изд. подгот. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз.* [2-е изд.] Париж; М., 2003. С. 205–210).

у Ермольева — Иосиф Николаевич Ермольев (1889–1962), кинорежиссер, один из первых русских кинодеятелей (с 1907 г.), создатель кинофирмы «Ермольев», выпустил около 120 фильмов (один из самых знаменитых — «Отец Сергей»); в июне 1918 г. увез свою труппу в Ялту, где в конце года открыл отделение своего кинопредприятия («приобрел участок на Николаевской улице»; см.: *Ханжонков I.* С. 117, 119), затем в Париж (1920). См. о нем: *Михайлов.* С. 195–215; *Великий Кино.*

Лисенко — Наталия Андреевна (Андриановна) Лисенко (Лысенко) (1886–1969), драматическая актриса (Театр Корша), актриса немого кино (с 1915 г.), жена и партнерша И.И. Мозжухина; в 1918 г. в Ялте снялась у Ермольева не менее, чем в трех фильмах (см.: *Михайлов.* С. 213); эмигрировала. См.: *Великий Кино.* НМ. Т. 4. С. 255.

Карabanова — Зоя Владимировна Карabanова (?–1960), актриса театра и кино (с 1915 г.); играла в Камерном театре, до ре-

волюции снялась не менее чем в восьми фильмах, в том числе вместе с И.И. Мозжухиным в фильме «Отцвели уж давно хризантемы в саду» (1916); в Ялте снялась в фильмах «Конкурс красоты (Во имя красоты)» и «Люди гибнут за металл (Проданная душа)» (см.: *Великий Кино*. С. 440, 487); эмигрировала. «Только актеры театра обслуживали ермольевское ателье. Мозжухин, Лисенко <...> а единственная натурщица Карабанова, с головкой камеи, украшала актерский коллектив, вероятно, из соревнования с харитоновской “королевой” Верой Холодной» (*Гардин*. С. 122). См.: *НМ*. Т. 3. С. 190.

к... госпоже Вермель — возможно, Рохля Лейсбовна Вермель, жена купца М.С. Вермеля и мать С.М. и Ф.М. Вермелей.

с Сомовым — вероятно, речь идет о Сергее Михайловиче Сомове (см. комм. к с. 323) или же о Павле Осиповиче Сомове, в то время муже О.Г. Морозовой-Сомовой.

С. 275

Безобразные постройки — см. мнение Судейкина: Приложение 2.

приходит Гурари — возможно, горный инженер, петербуржец Мирон Давыдович Гурари.

хоронили Толстого — гр. Александр Михайлович Толстой (1888–1918), первый муж (с 1916 г.) Ирины Михайловны Толстой (урожд. Раевская) (1892–1955), фрейлины, дочери М.Г. Раевской; умер 2 октября. См. в воспоминаниях Васильчиковой: «В ноябре по Крыму прошла сильная эпидемия испанки <...> мой троюродный брат Александр Толстой от этой испанки умер. Доктора говорили, что в его случае, когда зараза закрывала все органы за раз, болезнь походила на средневековую чуму. К этому времени в Крыму ощущался недостаток в лекарствах» (с. 516–517); см. также: *МФ I*. С. 259.

у Ореанды — имение было частной собственностью имп. Николая II (ранее принадлежала вел. кн. Константину Николаевичу); расположено рядом с Ливадией. См.: *Москвич*. С. 248–251; *Романовы и Крым*. С. 9–36.

С. 276

Письмо от папы — см. запись от 8 октября из другого дневника: «Сегодня вдруг все в Ялте стали получать письма. Причем из Совдепии, начиная с декабря 1917 и кончая теперешним августом. Вся эта почта лежала из-за украинско-крымской таможенной войны, и теперь, по окончании ее, была только пропущена» (*А.В.* С. 255).

узнает о мире — см.: «В газетах сегодня важные известия. Австрия и Германия согласны на мир и принимают программу Вильсона. Вот это дело. Теперь, наверно, скоро все покончится. Останутся только одни большевики. Но при помощи союзников из разбить будет уже не так трудно» (*А.В.* С. 255).

Леонид... *выставит* — работы Браиловского см.: *Выставка 2*. С. 6–7. № 42–65.

С. 277

Партенит — имение Раевских (см. комм. к с. 265) или ви-
нодела Владимира Константиновича Келлера.

С. 278

наклеивает Zille — Генрих Цилле (1858–1929), немецкий гра-
фик, карикатурист.

С. 279

старые портреты — работы Сорина на выставке были
(см. комм. к с. 288).

С. 280

рассказы Сургучева — Илья Дмитриевич Сургучев (1881–
1956), прозаик, очеркист, драматург; его пьеса «Осенняя скрип-
ка» с успехом шла на сцене МХТ; в описываемое время находил-
ся на Юге России, печатался в периодике; эмигрировал.

572

С. 281

жена Григорьева, наверно бы, наскандалила — ср.: «Надо ска-
зать, что моду на собрание Судейкина и Григорьева ввел в до-
революционном Петербурге купец и доморощенный просвети-
тель А.Е. Бурцев <...>. Как рассказывал мне <Г.С.> Блох, Бурцев
<...> платил, не глядя, Судейкину за любую его работу золотую
десятку, а Григорьеву — золотой пятирублевик, что служило ис-
точником некоторой напряженности между друзьями-художни-
ками» (*Шустер С.А. Послесловие // НН. 1991. № VI. С. 11*).

Коро (Corot), Жан Баптист Камиль (1796–1875) — фран-
цузский пейзажист, творчеством которого одно время сильно
увлекался Коровин.

С. 282

издать... художников (Лебедева, Микешина...) — трудно опре-
делить, о каком художнике Лебедеву идет речь: возможно, имеет-
ся в виду график, карикатурист Александр Иванович Лебедев, имя
которого, по мнению Бенуа, достойно быть спасенным от забве-
ния (Александр Бенуа размышляет. М., 1968. С. 299), или живо-
писец, передвижник Клавдий Васильевич Лебедев (1852–1916), или
же художник-график Владимир Васильевич Лебедев (1891–1966),
работавший, как и Судейкин, для журналов «Сатирикон» (с 1911 г.)
и «Новый Сатирикон»; Михаил Осипович Микешин (1836–1896),
скульптор, автор ряда памятников, график, живописец.

жюри 20-го, выставка 27-го — см. комм. к с. 284 и 288.

*Рекамье (Recatier), Жанна Франциска Юлия Аделина (1777–
1849)* — хозяйка литературного и политического салона в Пари-
же; вероятно, имеется в виду ее портрет 1800 г. (Лувр) работы
французского живописца Ж.Л. Давида (David) (1748–1825).

некий Морской — вероятно, актер и режиссер Федор Федорович Морской, снимавшийся в фильмах «Русской золотой серии», после революции сотрудничал с кинофирмой М.С. Трофимова «Русь» (см.: *Великий Киноемо*. С. 264, 484); или литератор Александр Алексеевич Морской (наст. фам. Гринберг) (1876–?), в эмиграции сотрудник парижского журнала «Иллюстрированная Россия», автор статей о кино (см.: *Серков*. С. 560).

у *Тимана* — Павел (Пауль) Густавович Тиман (1881–?), кинематографист, совладелец кинофирмы Торговый дом «П. Тиман и Ф. Рейнгардт» (1909–1917); с 1910 г. она начала выпуск «Русской золотой серии», в фильмах которой снималась В.С. (см. комм. к с. 105). По словам оператора А. Левицкого, снявшего почти все фильмы с ее участием, Тиман «в первую очередь был коммерсантом. Но среди фабрикантов дореволюционного кино, большинство из которых не обладало даже минимальной культурой <...> Тиман выгодно отличался не только высокой культурой, но и глубокой порядочностью» (*Левицкий А.* Рассказы о кинематографе. М., 1964. С. 67). Тиман, как немецкий подданный, почти сразу после съемок фильма «Война и мир» (1915) был сослан в Уфу. «После Октябрьской революции <он> легализует свое германское гражданство», прекращает деятельность фирмы в Москве, заключает договор «с одной весьма значительной заграничной фирмой» на создание новой кинофирмы, ищет для нее сотрудников и с этой целью приезжает в Ялту (см.: *Михайлов*. С. 194–195). «Настроение было тревожное. Все чего-то ждали. Этим воспользовался П.Г. Тиман. Он начал набирать артистов для отправки их за границу, заключил договора, выдал авансы режиссерам — Волкову и Ларину, артистам — Мозжухину, Лисенко, Римскому, Таланову, Шупинскому <...>. Из этой затеи ничего не вышло. Тиман вскоре уехал и больше в Крыму не появлялся» (*Ханжонков 1*. С. 124). См. о нем: *Гардин*. С. 34; *Михайлов*. С. 174–195; *Великий Киноемо*. С. 521–523.

«Русь» — московская кинематографическая фирма купца Михаила Семеновича Трофимова, была основана весной 1915 г. Осенью 1919 г. на Юге России режиссером А. Волковым был снят единственный фильм из задуманной Трофимовым серии «За единую Россию» — агитационная драма «Жизнь — родине, честь — никому» (см.: *Михайлов*. С. 228–230; *Гращенкова И.Н.* Кино Серебряного века. М., 2005. С. 51–55, 154–157).

Дерюжинский... волнуется — на выставке были бюсты и эскизы его работы, в том числе бюст Ф.Л. Задорожского <sic!> (см.: *Выставка 2*. С. 10. № 118–122).

звонила Полю — акварели В.И. Поля см.: *Выставка 2*. С. 14. № 174–175.

к *Хотяинцевой жюрировать ее вещи* — пейзажи и вышивки работы А.А. Хотяинцевой см.: *Выставка 2*. С. 18–19. № 260–268.

Недович... пристаёт — ее работ на выставке не было.

С. 284

на жюри — о том, как проходило жюри, см. в письме Билибина от 21 октября: «Приехали в гимназию (то есть на выставку). Там был весь ареопаг; хотя не весь, ибо Судейкин приехал позже. <...> Выставка будет, кажется, интересная. Ужасно приятно окунуться в атмосферу предвыставочной сутолоки. Жюрировали очень строго, почти по мир-искусственному масштабу, но, конечно, с некоторыми послаблениями и, так сказать, местными компромиссами» (Билибин 2. С. 41–42).

в нашем обществе — Недович имеет в виду художественное общество «Свободное творчество» (1911–1918), членом которой она состояла.

Вальтер беспокоится — Л.Ф. (Луиза Федоровна?) Вальтер, участница Ялтинской выставки 1918 г. См.: *Выставка* 2. С. 8, № 95–97 (пейзажи и этюды).

Сорин... хвалит портрет — ср. с его позднейшим мнением: «Сорин, как никто другой, знал и высоко ценил портреты своего друга — малоизвестную и еще совершенно неисследованную сторону деятельности Судейкина» (Зорин Ю. Незнакомый Судейкин // *НРС*. 1976. 4 января. С. 5); по мнению биографа, «лучше всего ему удавались портреты тех, кого он близко знал, хуже всего — портреты, сделанные на заказ. <...> судя по качеству портрета, можно почти всегда без ошибки определить степень отношений между художником и моделью» (там же).

574

С. 286

с Римминими коврами — работы Р.Н. Браиловской (композиции для вышивок и вышивки) см.: *Выставка* 2. С. 7. № 67–91 (из них 21 работа как собственность «Студии Е.М. Метнер»).

Сережины работы — см.: *Выставка* 2. С. 16–17. № 204–221: «Карнавал» (№ 212: «Фигуры карнавала» (12 рисунков в красках) и № 213), № 208: «Портрет жены художника» («мой портрет»), № 210: «Весна»).

С. 287

Пришел Билибин — первая встреча Билибина с Судейкиным после конфликта в июне 1918 г. (см. запись В.С. от 22 мая – 5 июня) произошла 20 октября: «Во время жюрирования разных вещей я отошел немного в сторону. Вдруг меня сзади кто-то схватывает и немного подымает на воздух (странный способ!). Смотрю: Судейкин. — “Неужели, старый черт, мы будем с тобою врагами и не помиримся”. Он предложил мне облабызаться, и мир был восстановлен» (Билибин 2. С. 43. 21 октября). В письме от 28 октября Билибин добавляет: «Вчера мы шуточно спорили с Судейкиным, кто из нас знаменитее. Он сказал, что он целый оркестр, а я только скрипка, и он попал в точку» (там же. С. 48). Работы Билибина (крымские пейзажи, портреты-шаржи и сказочные сюжеты) см.: *Выставка* 2. С. 4–5. № 19–35.

хвалил мой портрет — в письме к Чириковой Билибин подтверждает свою оценку: «прекрасный портрет жены» (*Билибин 2. С. 46*).

к полковнику Соснину — на выставке были работы В.И. <Владимира Ивановича?> Соснина (см.: *Выставка 2. С. 15. № 188–190*), он также принимал участие в предыдущей Ялтинской выставке (см.: *Выставка 1. С. 12. № 157–162*). Вероятно, именно в его доме происходило описанное В.С. собрание ялтинских художников (см. запись от 19 июня 1918 г.).

Графиня Шувалова — см. о ней в воспоминаниях Маковского: «При ее содействии была устроена мной в Ялте с благотворительной целью выставка русских передовых художников» (с. 573), на которой была выставлена ее вышивка (см.: *Выставка 2. С. 20. № 280*).

С. 288

в Соринском отделении — на выставке было десять работ Сорина, в том числе «старые портреты»: Оболенской, Орловой и Тищенко (см.: *Выставка 2. С. 15. № 178–187*).

портрет Милиоти — см.: *Выставка 2. С. 12: Н.Д. Милиоти. № 152 («Эскиз для портрета М.В. Клейн»)* или № 153 («Эскиз для портрета О.М.Ю.»).

доктор Чернорук — возможно, певец (бас) Георгий Семенович Чернорук, певший в Большом театре (1900–1904).

На другой день — открытие выставки состоялось в воскресенье 27 октября. В дневнике другого вынужденного ялтинца, А.В., эта выставка не упоминается, как и в опубликованных на данный момент крымских воспоминаниях (за исключением Шнитниковой-Чириковой). На выставке в «современном» отделе были представлены художники и скульпторы: М.А. Алисов, Н.И. Альтман, И.П. Бакин, И.И. Балджи, В.В. Безобразова, И.Я. Билибин, Н.Ф. Blumenфельд, К.Ф. Богаевский, Р.М. Браиловская, Л.М. Браиловский, Н.М. Бучумов, Л.Ф. Вальтер, Е.Л. Васильев, Н.В. Васильев, В.И. Вейнер, Е.И. Висниовская, М.А. Волошин, А.С. Голубкина, Н. Гольдман, Г.В. Дерюжинский, А.Ф. Жолткевич, И.Е. Журбий, Л.В. Зак, Е.Н. Ильина, М.Н. Ильина, Кринов, М.П. Латри, Н. Любавина, А.В. Манганари, Н.Д. Милиоти, О.Г. Морозова-Сомова, О.Н. Наталина, Н.М. Пантюхова, С.Н. Пименов, Н.В. Пинегин, В.И. Поль, В.С. Пятницкий, И.Е. Репин, С.А. Сорин, В.И. Соснин, Д.С. Стеллецкий, Е.Н. Стравинская, Судейкин, Судейкина, В.Я. Суреньянец, Тарагрос, К.А. Фельдман (его имя стоит в каталоге последним), А.А. Хотяинцева, Л.Е. Чирикова, Л.Н. Шаповалов, Н.В. Шперлинг, Е.В. Шувалова, В.К. Яновский. Некоторые из участников находились за пределами Крыма (например, Альтман, Голубкина, Репин, Стеллецкий). Выставка, не оправдав надежд художников на хорошую продажу, все же стала большим событием в жизни города, и Билибин советовал посмотреть «эту интересную даже для столицы выставку» (*Билибин 2. С. 46*).

С. 289

с женой Маковского — Марина Эрастовна Маковская (Рындина) (1886–1973), приемная дочь полковника Э.И. Рындина, певица-любительница, в первом браке жена поэта В.Ф. Ходасевича (1905–1907), во втором — Маковского (с 1907 г., официально — с 1910-го); эмигрировала. Современники отмечали ее красоту и необычность поведения. См.: *Милашевский*. С. 95; *НМ*. Т. 4. С. 310.

режиссеру синемаатографа — имеется в виду А.А. Волков.

у Веры Холодной — звезда русского немого кино, «королева экрана» Вера Васильевна Холодная (урожд. Левченко) (1893–1919), как и В.С., училась в балетной школе и начала сниматься в том же, 1914 г. (первый фильм с ее участием вышел 7 октября); после исполнения роли Елены в фильме «Песнь торжествующей любви» стала одной из самых популярных киноактрис; в фильме «Жизнь за жизнь» (1916) снялась вместе с Л.М. Кореневой. В конце июня 1918 г. уехала из Москвы в Одессу.

576

у Каралли — Вера Алексеевна Каралли (Коралли) (1889–1972), танцовщица, балерина Большого театра (с 1906 г., с 1916-го — прима-балерина), педагог; окончила Московское театральное училище; начала сниматься также в 1914 г., была одной из самых высокооплачиваемых русских киноактрис; в конце октября 1918 г. уехала на Юг России; эмигрировала в 1918 г. По словам пригласившего ее сниматься Ханжонкова, она обладала «не только хореографическим талантом, но и выразительной мимикой. <...> Вскоре в России не было городка, где бы не ждали картин с участием любимицы публики — Карали» (*Ханжонков 1*. С. 70). См. о ней: *Красовская*. С. 175–182; *Золотая книга*. С. 280–281; *НМ*. Т. 3. С. 193.

Публика прибывала, но было мало — ср.: «Будет очень торжественно. Весь Ялтинский и окрестный beau monde <высший свет> будет блистать на вернисаже. Князев да графов не обещаться. Прямо, старый режим!» (*Билибин 2*. С. 43).

С. 290

«Утро» — см.: *Выставка 2*. С. 17. № 218.

«Reconnaissance <Признание>» — рисунок на тему 14-й сцены «Карнавала» Шумана; ее описание в фокинской постановке см.: *Фокин*. С. 250.

Рябушинский, Владимир Павлович (1873–1955) — третий по старшинству из братьев Рябушинских, «правая рука старшего брата», руководитель банковского дела семейной фирмы; в описываемое время находился во Франции. См. о нем: *Петров*. С. 126–127; *Серков*. С. 721. О попытках братьев Рябушинских в 1918 г. восстановить свою фирму на Юге России см. там же. С. 175.

Сазонов, Павел Петрович (1883–1969) — театральный режиссер, кукольник, муж Ю.Л. Сазоновой-Слонимской, вместе с которой по-

ставил спектакль марионеток в «Привале комедиантов» (см. отрывки из его воспоминаний: БС. С. 202; «О первом кукольном театре»: ПК. С. 119–120); уехал из Петрограда в Крым в 1917 г., вернулся в 1923-м.

Сазонова-Слонимская, Юлия Леонидовна (урожд. *Слонимская*) (1884–1957) — дочь публициста и критика Л.З. Слонимского, племянница историка литературы С.А. Венгерова, сестра писателя Михаила Слонимского и композитора Николая Слонимского, близкий друг поэта и критика Н.Н. Недоброво (в описываемый период жил в Ялте, где и умер в декабре 1919 г.) и автор воспоминаний о нем; жена П.П. Сазонова, с которым разошлась до отъезда из Крыма. Вольнослушательница на математическом факультете Петербургского университета; соученица Глебовой-Судейкиной по Театральному училищу (класс В.И. Давыдова); создательница первого в России театра марионеток (1916), участница постановок в «Бродячей собаке» (см. ее воспоминания: БС. С. 249) и «Привале комедиантов»; историк театра и балета, критик; до отъезда из Петрограда жила на Спасской, 17; эмигрировала осенью 1920 г. См.: БС, ПК; *Лифарь С. Ю.Л. Сазонова и наука о танце // РМ. 1957. 3 декабря. С. 5. Зыкова Е., Иванова А. Нас возвышающий обман: (Театр марионеток Юлии Слонимской) // Кукольники в Петербурге. СПб., 1995. С. 109–127; Азадовский К. «Совершенные существа»: (Райнер Мария Рильке и русский театр марионеток) // Marionette Theater of the Symbolist Era / Ed. by K. Tribble. Lewiston, 2002. P. 289–325; *Войсун Л.* «Все образует в жизни круг...»: О Юлии Сазоновой (Слонимской) и ее «Театре маленьких деревянных комедиантов» в Париже // Русское еврейство в зарубежье. Т. 5 (10). Иерусалим, 2003. С. 433–450.*

577

заговорила меня рассказами о кукольном театре — см. ее ст.: *Слонимская Ю.* Кукольный театр // Театр и искусство. 1916. № 9. С. 179–180; *Марионетки // Аполлон. 1916. № 3. С. 1–42.*

Билибин продал — «Я продал мои любимые можжевеловые (без солнца) за 3000 рублей и маленький рисунок роз за 500 рублей» (*Билибин 2. С. 45*).

и те Шульцу — Иван Андреевич Шульц (1887–1940); учился в Ялте в Александровской мужской гимназии; в 1911 г. бухгалтер фирмы «Богатырь», в начале 1915 г. в Москве занимался ювелирным делом, после Октябрьской революции вернулся в Ялту; эмигрировал. См.: *Серков. С. 915.* В пансионе Шульца (парк Эрлангера) в 1918 г. жили Н.Н. Недоброво и Сазоновы.

С. 291

«Полная неудача» — «Вернисаж для Ялты прошел хорошо, но, увы, только для Ялты; мы же думали, что все будет по-петербургски. Присутствовал весь здешний monde <свет>, французили много, но покупали вяло» (*Билибин 2. С. 45*).

в «Чашке чаю» — кафе находилось около Городского сада и принадлежало М.П. Чеховой. См. упоминание о нем в воспоминаниях

нениях Н.П. Бологовской (Моя Ливадия / Запись А. Васильева / НН. 1994. № 32. С. 61).

Собинов был с женой — Ниной Ивановной (урожд. Мухина) (1888–1969), двоюродной сестрой М.И. Мухиной. Сорин написал ее портрет. Собинов уехал из Петрограда 27 сентября 1918 г., вернулся в Москву в апреле 1921-го.

Александровичи — сыновья вел. кн. Александра Михайловича и вел.кн. Ксении Александровны, князя имп. крови Андрей (1897–1981), Федор (1897–1968), Никита (1900–1974), Дмитрий (1901–1980), Ростислав (1902–1978) и Василий (1907–1989); эмигрировали в апреле 1919 г. (за исключением Андрея, уехавшего вместе с отцом и женой первым из братьев 13 декабря 1918 г.). См. дневниковые записи о жизни в Крыму кн. Никиты Александровича, опубл. частично: Нива. [Alabama]. 1979. № 3. С. 12–14 (записи от 9 мая 1917 г. и от 22–24 апреля 1918 г.).

ходили к Чеховым — дом Чеховых в Ялте на Аутской ул., построенный А.П. Чеховым, в котором он поселился в конце 1899 г. и жил почти безвыездно до мая 1904 г. 4 мая 1919 г. дом был объявлен национальным достоянием, а в 1921-м в нем был открыт литературно-мемориальный музей. М.П. Чехова, получившая дом после смерти брата по решению семьи, стала его пожизненной хранительницей. В.С., Судейкин и Сорин оставили записи в «Книге почетных посетителей» (Музей А.П. Чехова в Ялте. № 4128. С. 5).

в комнате Антона Павловича — ср. с записью И.А. Бунина (1905): «Этот кабинет, где особенно все осталось, как было при нем: его письменный стол со множеством безделушек милых, изящных, но всегда дививших меня, я бы строки не мог написать среди них» (Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1977. Т. 1. С. 45).

С. 292

каталоги от Иммера — торговый дом «Иммер Э. и сын» по продаже семян, цветов и плодовых растений имел в Москве три магазина, услугами которых неоднократно пользовался А.П. Чехов.

Левитан, Исаак Ильич (1860–1900) — однокашник Н.П. Чехова по МУЖВЗ; впервые приехал в Ялту весной 1886 г.; его дружеские отношения с А.П. Чеховым были нарушены из-за рассказа «Попрыгунья» (1892), возобновились в 1895 г.; приезжал к А.П. Чехову в Ялту в декабре 1899 г. В ялтинском кабинете Чехова пять работ художника: «Дуб и березка» (1884), «Река Истра» (1885), «Тяга» (1891), «Этюд» (1895), «Стога сена в лунную ночь» (1899).

С. 293

все казанцы — писатель Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) родился в Казани.

посещает Ялтинскую школу — вероятно, студию Л. Рындиной для подготовки киноактеров (см. комм. к с. 177).

С. 294

<Предсказания> — к тетради с октябрьскими записями приложен лист с «предсказаниями», возможно, сделанными в первой половине ноября.

С. 295

26–28 <ноября>, вторник–четверг — сохранились, по-видимому, записи только от конца месяца, в течение которого произошли большие политические события: капитулировала Германия (11 ноября), закончилась Первая мировая война, был аннулирован Брест-Литовский мирный договор (13 ноября), немцы вывели свои войска из Крыма и образовалось новое Крымское краевое правительство (15 ноября), в которое вошел В.Д. Набоков (министр юстиции).

С того момента, как... Волошин — Волошин выехал в Ялту в начале ноября; остановился у своей кузины Елены Сергеевны Ляминой (в замуж. Шмелева) (1870–1952); принял участие в выставке (см.: *Выставка* 2. С. 9. № 111–114) и выступил с лекциями, на которых также читал свои стихи: 15 ноября — «Скрытый смысл войны» в помещении выставки, 16-го — «Судьба Верхарна» в литературно-художественном обществе им. А.П. Чехова в помещении женской гимназии, 21-го — «Бунтарская стихия русской истории и ее провидцы: (Жизнь и творчество Сурикова)» в помещении женской гимназии, 23-го — «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве» в зале общего собрания; 24 ноября Волошин уплывает в Севастополь. Отклики на его выступления печатались в газете «Ялтинский голос» за 20, 21 и 23 ноября. В Ялте он общался с Булгаковым, Браиловскими, Маковским, В. Набоковым-мл., Недоброво, Сазоновой-Слонимской, Судейкиными, Хотяинцевой и др. См.: статью С. Маковского о Волошине в газете «Ялтинский голос» (1918. № 157/378. 15 ноября); воспоминания Неизвестной «Единственная встреча» (опубл.: Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В.П. Купченко, З.Д. Захаров. М., 1990. С. 362–364); воспоминания Т.В. Шмелевой «Навечно в памяти и жизни» (см. там же. С. 469–471), а также: *Петренко Л.В.* В.В. Набоков, М. Волошин: Ялта, 1918 г. // I Дмитриевские чтения. Ялта, 1996. С. 42–45; *Бушляева В.В.* Максимилиан Волошин и Владимир Набоков // VIII и IX Волошинские чтения. Симферополь, 1997. С. 38–40; *Купченко В.* Жизнь Максимилиана Волошина: Докум. повествование. СПб., 2000. С. 209–210.

зашли... Голобородьки — москвичи Иван Иванович Голобородько (1886–?), юрист, журналист, редактор-издатель политической, общественной и литературной газеты «Руль» (1908–1916), автор книги о Турции (см. о нем: *Русская интеллигенция: Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннот. указ.: В 2 т. / Под ред. В.А. Мыслякова.* СПб., 2001. Т. 1. С. 312; *Белый А.* Воспоминания: В 3 кн. / Подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. Кн. 3: Между двух революций. С. 229); и его жена Анна Осиповна (Иосифовна, урожд. Фабрикант), сестра промышленника, политического деятеля (эсера) В.О. Фабриканта; в эмиграции жили во Франции.

приняли... за... Брюллову — Брюллова (урожд. Слива, в первом замуж. Окс), Вера Ивановна (? — после 1928) — дочь управляющего имени Магарач под Ялтой, принадлежавшего родителям жены Ф. Блуменфельда; во втором замуж. супруга искусствоведа Бориса Павловича Брюллова (1882–1940), сына академика живописи П.А. Брюллова.

послана Полю телеграмма — следующего содержания: «Многоуважаемый Владимир Иванович, я приношу свои извинения по поводу случившегося в воскресенье. То, что я так сильно реагировал на <пропуск слова> объясняется моей сильной нервностью последнее время. Передайте Анне Михайловне мою просьбу извинить меня за причиненное беспокойство. Надеюсь, мы в скором времени встретимся друзьями»; см. также комм. к с. 297.

художник Субботин — Петр Иванович Субботин (1871 — после 1933); эмигрировал.

на художественный кружок — имеется в виду Ялтинский художественный кружок, см. комм. к с. 171.

580

приехал Иван Павлович и привез известия и деньги — «Наркомат по Просвещению РСФСР решил оказать денежную помощь матери и сестре А.П. Чехова и поручил Ивану Павловичу отвезти деньги в Ялту. Для этого ему выдали 24 октября 1918 г. удостоверение <...>: «Настоящее дано от Народного Комиссариата по Просвещению т. Ивану Павловичу Чехову в том, что он направляется из Москвы в Ялту и обратно для вручения матери умершего писателя Евгении Яковлевне и сестре его Марии Павловне Чеховым на лечение и существование назначенного им Комиссариатом по Просвещению пособия и собранных для этой цели иным путем средств. Вследствие сего, сам т. И.П. Чехов, а равно и находящиеся при нем денежные суммы до (10.000) десяти тысяч рублей находятся под охраной Народного Комиссариата по Просвещению, который и приглашает все места и лица оказывать т. И.П. Чехову, при исполнении его поручения, всякое содействие» (Скобелев Ю.Н. Реликвии чеховского дома в Ялте: И.П. Чехов // III Дмитриевские чтения. Ялта, 1999. С. 103; запись В.С. свидетельствует о том, что эти деньги Чехов привез).

С. 296

после поощрений... Волошина — см. также запись от 17 мая 1919 г.

о их доме в Риме — отец Ниты, художник А.А. Сведомский, большую часть своей жизни провел в Риме, где был и похоронен на кладбище Тестаццо; о римском доме братьев Сведомских см.: Семянников В.В. Пермяки в Италии // Сведомские. С. 24–25.

С. 297

стихи Бальмонта — Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942); см. автограф стихотворения Бальмонта «Любовь любовью остается» (10 августа 1920), посвященного В.С. (Salon Album. 1a).

пришли союзники — в середине ноября 1918 г. союзный флот в составе греческих и французских военных кораблей вошел в Черное море; 23 ноября союзными войсками был занят Новороссийск, 24-го — Севастополь, 26–28-го — Одесса. См. воспоминания современников: «Нетерпение скорей увидеть помощь союзников в течение осени 1918 несколько раз порождало преждевременные слухи о появлении в Черном море их флота. Наконец 9/22 ноября была получена радиотелеграмма, что эскадра союзников направляется в Новороссийск. Ликование было всеобщее» (Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922; цит. по: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев / Сост. С.А. Алексеев. М., 1991. С. 65); «Наконец-то прибыли в Ялту сегодня представители союзников, английский миноносец “Senator” и французский “Dehorter”. Как только сменился с поста, тут же побежал на мол. Тут опять целое море голов. Оба судна обсыпаны публикой, с интересом рассматривающей долгожданных союзников. Сами союзники, английские и французские моряки, тоже в свою очередь облепили перила и с любопытством изучали нас, русских. <...> Весь город, вернее, все главные кафе забиты ялтинской публикой и иностранными матросами и офицерами. Их угощают как друзей и освободителей, так как уверены теперь, что скоро будет finish большевикам. Повсюду радость и веселье» (А.В. С. 262. Запись от 30 ноября).

581

от Поля стихи и музыка — см. комм. к с. 295; по-видимому, именно они вклеены В.С. в *Salon Album* (39а): «Многоуважаемый Сергей Юрьевич! Всегда стараюсь помнить от Матфея седьмую главу, стих первый: “Не судите да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким судимы будете!” Все в мире к лучшему, и та пчела, которая нас жалит, потом приносит сладкий мед. Наша жизнь — пылинки пляс в ярком солнечном луче, приглашаем мы и Вас мрак развеять на лице (мотив из Сакунталы). В. Поль Гаспра 1918 г.»; из дневника В.С. не ясно, о каком инциденте идет речь.

С. 298

весь Остроумовский магазин мыла — магазин «Товарищество провизора А.М. Остроумова» был расположен в Ялте на Набережной улице.

стихами от Макса Волошина — «Познайте в запахе жасмина / Благоухающий восток / Вечерний голос муэдзина / И пыль лоснящихся дорог...» с посвящением: «Вере Артуровне на память. Ялтинская набережная 29 ноябрь 1918» (*Salon Album*. 157b). В альбоме сохранилось еще одно стихотворение Волошина: «В Москве на Красной площади» («Москва», 20 ноября 1917 г.), с посвящением: «На память Судейкиным — дружественно, с нежностью» и датой: «Ноябрь. 1918. Н^{овый} Мисхор» (*Salon Album*. 157а; с разночтением в последней строфе: «Молчат... подходят... ждут... / <...> / Про казнь, про кровь, про суд...»); впервые опублик. в кн.: Демоны глухонемые. Харьков, 1919.

о визите к Цветаеву — возможно, архитектор, инженер Владимир Дмитриевич Цветаев, занимавшийся в Ялте строитель-

ством киноателье для Ханжонкова на Аутской улице. (см.: Ханжонков 1. С. 129; Михайлов. С. 168).

его невеста — Людмила Евгеньевна Чирикова (в замуж. Шнитникова) (1896–1995), средняя дочь писателя Е.Н. Чирикова, художница, ученица Д.Н. Кардовского и Билибина (с 1918 г.), участница Ялтинской выставки 1918 г. (*Выставка 2*. С. 19. № 269–272). Весной 1918 г. вместе с родителями и младшей сестрой приехала в Крым, в Батилиман, где находилась их дача; в 1920 г. эмигрировала вместе с Билибиным и одной из своих сестер в Каир. В описываемое время семья Чириковых находилась в Батилимане. О предполагаемом ее приезде в Ялту на выставку см. в письме Билибина от 27 октября: «Ах да, через три, приблизительно, недели мы едем (без возражений <...>) в Ялту. Маковский устраивает на выставке грандиозный концерт, и Вам, конечно, будет очень интересно» (*Билибин 2*. С. 45). См. ее воспоминания: *Чирикова Л. Вспоминая Билибина / Вступ. Д. Иванова // НН. 1991. № 6. С. 30–34*; см. также два письма Билибина к ней из Ялты от <21> и 27<–28> октября 1918 г. (*Билибин 2*. С. 41–54, примечания: с. 138–152, биогр. спр.: с. 59; ранее частично опубли.: *Билибин 1*. С. 109–114); а также: *ХРЗ*. С. 609–610.

582

у больной Миллер — возможно, Ольга Яковлевна фон Миллер (1899–1975), впоследствии жена А.В. Давыдова. См.: *НМ*. Т. 2. С. 302.

о наших добровольческих офицерах-красавцах — 28 ноября в Ялту прибыл отряд добровольцев с Кубани (см.: *А.В.* С. 261).

я всех угощал — в бумагах В.С. сохранился листок с подсчетами Судейкина, среди которых есть запись: «95 рублей еда и угощение Маковского, Дерюжинского, М. Волошина».

Метнер его вызвала в Ростов — ср.: «Удалось съездить <...> в Ростов-на-Дону <...>; там я встретился с Еленой Михайловной Метнер, снабдившей меня средствами для различных заказов крымским художникам (она затевала большое художественно-промышленное дело)» (*Маковский*. С. 573–574).

С. 299

Одессой овладели большевики — 28 ноября 1918 г. Одесса была взята петлюровскими отрядами, но уже 4 декабря к ней подошли первые транспорты французской десантной дивизии, и при их поддержке 5 декабря город был занят добровольцами.

Демон Врубеля — постоянный образ в творчестве Врубеля с 1885 г. Список работ см.: *Дурылин С.Н. Врубель и Лермонтов // ЛН. 1948. Т. 45/46. С. 617–622*.

бабы Малявина — Филипп Андреевич Малявин (1869–1940); образы русских крестьянок — постоянная тема его творчества; эмигрировал в 1922 г. См.: *ХРЗ*. С. 405–407.

С. 300

читаю «Сафо» — роман (1884) французского писателя Альфонса Доде (Daudet) (1840–1897).

наши политические предсказания — см. предсказания в комм. к с. 47 и 108, а также записи от 12 августа и 31 октября 1918 г. В этот день были записаны следующие предсказания (на отдельном листе с ошибочно проставленным позднее годом «1917»):

«2 декабря, на полгода. Мировые события в связи с революцией.

Л<еонид> <Михайлович>. В связи с русской революцией в Германии будет междоусобная война, но большевизм не восторжествует. В Англии, Франции и Италии революций не будет. <1 нрзб.> может быть, будет диктатор, <король?>. В России большевизм будет уничтожен, хотя будет еще разруха. Союзники будут охранять Россию еще года полтора.

Р<имма> Н<икитична>. То же самое.

С<ергей> Ю<рьевич>. Через полгода союзники уйдут, потому что у них будет революция. И в Германии революция ввосью. Во Франции и Англии большевизм будет медленно нарождаться. В России сначала улучшение».

три рисунка муз — музы греческой мифологии: Урания — покровительница астрономии, Мельпомена — трагедии, Талия — комедии.

583

в духе Zorn'a или Degas'a — Андерс Леонард Цорн (Zorn) (1860–1920), шведский живописец, скульптор и гравер, впервые в России был представлен на выставке скандинавского искусства в 1897 г.; Эдгар Дега (Degas) (1834–1917), французский живописец и рисовальщик. Любопытно сопоставление этих двух художников в письме Игоря Грабаря Дмитрию Кардовскому из Парижа 1897 г.: «Видел до сорока Дегасов. Боже мой, что это за художник. Вот бы Вы с ума сошли. В Дрезденском музее есть его одна пастель <...>. Это почище Цорна будет, много тоньше» (*Грабарь И. Письма 1891–1917. М., 1974. С. 89*).

сплетни про Иваненко — вероятно, речь идет о теще бар. П.Н. Врангеля, матери его жены Ольги Михайловны (урожд. Иваненко) (1882–1968), — Наталье Михайловне Иваненко (?–1938), дочери Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), публициста и издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости»; жила в Мисхоре вместе с внуками. См.: МФ I. С. 238, 253; НМ. Т. 3. С. 12.

С. 301

читала Боборыкина — Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921), плодовитый прозаик, автор романов, повестей и рассказов о жизни разных слоев русского общества.

известия о брате — о трудностях жизни Леонида Георгиевича Судейкина отчасти свидетельствует факт продажи им работ брата. См.: Государственная Третьяковская галерея: Каталог живописи XVIII – начала XX в. (до 1917 г.). М., 1984. С. 446 (в 1918 г. у него была приобретена картина «Гулянье» (1906)).

Белкин, Владимир Алексеевич (1895–1966) — художник-график; в 1922 г. в Берлине с его рисунками вышли «сатирическая

поэма» Лери (В.В. Клопотовского) «Онегин наших дней» и роман И. Северянина «Падучая стремнина»; в 1920-х рисовал для парижского журнала «Иллюстрированная Россия». См. о нем: ХРЗ. С. 125–126. Возможно, именно его описала О.Г. Морозова: «Молодой человек без профессии, без фамилии и без отчества, просто Володя, бродил по набережной с трагическим лицом, напудренный и бледный как Пьеро. Есть ему было нечего, он искал покровительницу и нашел-таки. Много лет спустя я видела его в Париже» (Морозова. С. 130). См. его рисунок и шарж на Судейкина: *Salon Album*. 32а, 44.

видел его с Якунчиковым — возможно, Николай Васильевич Якунчиков (?—1931), дипломат, сотрудник русского посольства во Франции, брат художницы Марии Васильевны Якунчиковой-Вебер (1870–1902). См. упоминание Якунчикова в связи с Судейкиным: *Кузмин 1*. С. 257 (по предположению комментаторов, в этой записи речь идет о его брате Владимире Васильевиче (1855–1916), директоре Товарищества Воскресенской мануфактуры и «фантастическом бездельнике», по словам Грабаря).

584

С. 302

«Альказар» — вероятно, кабаре в Париже; возможно — петербургский театр-варьете «Зимний сад» на Фонтанке, 9 (с 1894 по 1904 г. — «Альказар»), см.: *Алянский*. С. 135.

«Аквариум» — увеселительный сад с театром и рестораном на Каменноостровском пр., 10, в Петербурге (1886–1923), где часто бывал Кузмин (см.: *Алянский*. С. 17–21).

о тетке натурщице — вероятно, сестра А.Н. Сведомской Александра Николаевна Кутукова (1866?–1951); эмигрировала; см.: *Талалай*. С. 437.

С. 303

относительно дачи Айсандра — Ай-Тодор (см. комм. к с. 185).

Брунов, Арсений Васильевич (?–1933) — сын купца, торговавшего полотном и коврами; актер, «помощник директора» Камерного театра, «богатейший и добрейший» (см.: *Еленев Н.А.* Кем была Марина Цветаева? // *Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции*. М., 2002. С. 19); эмигрировал. См.: *НМ*. Т. 1. С. 422.

«Персонажи графа Гоцци» — см. комм. к с. 27.

у Бутника — возможно, дирижер симфонического оркестра Главнокомандующего И.Г. Бутников.

С. 304

решил писать только на русские темы — ср. с описанием набросков для постановки «Беглой» (см. о ней комм. к с. 93), благодаря которой Судейкин, по словам Евреинова, «обрел бесконечное множество русских типов и костюмов» (*Евреинов 1*, 41. С. 178). «Жутко-комичные типы отжившей России сменялись

типами сермяжных героев, этюды “приказных лжесвидетелей” этюдами соблазнительных сарафанов с обворожительными девичьими головками и аппетитно округлыми ручками и ножками. <...> тут были картинки и “опереточной порки” провинившейся в амурах крепостной красавицы, и вечернее “чесание пяток” развращенному барчуку подневольной фавориткой, и пьяные хари подхалимов из дворовых, и загорелые лики парней и крестьянок» (*Евреинов 1*, 41. С. 177).

из боттичелльевой — Сандро Боттичелли (Botticelli), наст. имя и фам. Алессандро Филлипепи (Filipperi) (1445–1510). Упоминание его имени в связи с образом первой жены Судейкина см. в «Поэме без Героя» Ахматовой: «Вся в цветах, как “Весна” Боттичелли» (гл. 2).

слухи о взятии Петрограда — войсками союзников; ср. с записью от 21 ноября в дневнике москвича: «Говорят о приближении эскадры союзников к Петербургу; сегодня говорили, что Петербург уже взят» (*Готье*. С. 197).

читала «Китай-город» — роман П.Д. Боборыкина (1882), посвященный купеческой Москве начала 1880-х гг.

585

С. 305

разговор уже об искусстве — см. в воспоминаниях В.С.: «Иван Иванович говорит, что у нас скучно, говорим только об искусстве, а он не понимает и с удовольствием говорил бы, как варить щи. “Как быть?” — “Ты любишь делать людей счастливыми, ну и слушай, как варить щи”. — “А ты хочешь заняться образованием”».

Якунчикова стирает — возможно, одна из сестер художницы М.В. Якунчиковой-Вебер: пианистка и художница Вера Васильевна (в замуж. Вульф) (1871–1923) или Зинаида Васильевна (в замуж. Мориц, Грей) (1864–1929), или вдова их брата Владимира Мария Федоровна Якунчикова (урожд. Мамонтова) (1864–1952), художница, меценатка, занимавшаяся разными областями прикладного искусства, участница Абрамцевского художественного кружка; ее портреты дважды писал Серов.

Крандиевская, Наталья Васильевна (1888–1963) — поэтесса, автор сборника «Стихотворения» (М., 1913), жена писателя А.Н. Толстого (1914–1935), знакомого с Судейкиным и Браиловскими. См.: «Вечер у Браиловских. <...> Римма делала никому не нужные замечания. У нее мужицкая ладонь и глаза без ресниц» (*Толстой А.Н. Дневник 1911–1914 / Вступ. ст. и публ. А.И. Хайнова // А.Н. Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С. 303*) и Судейкиным. В.С. познакомилась с Крандиевской в Париже (см.: *Толстой Д.А. Для чего все это было: Воспоминания. СПб., 1995. С. 446–447*).

Верхарн (Verhaeren), Эмиль (1855–1916) — бельгийский поэт, драматург, критик. Возможно, интерес Браиловского к Верхарну отчасти связан с Волошиным, который в Ялте прочел о нем

лекцию (см. комм. к с. 295.), а также, вероятно, и свои переводы, вскоре вышедшие отдельной книгой: *Верхарн Э. Стихотворения / Пер. и предисл. М. Волошина. Одесса: Омфалос, 1919.*

С. 306

«Двенадцать» — поэма А.А. Блока впервые была напечатана 3 марта (18 февраля) 1918 г. в петроградской газете «Знамя труда» (№ 147), за этот год она вышла четырьмя отдельными изданиями в Петрограде, ее также четырежды публиковали на Юге России — в Одессе.

леди Ликейя из Э. По — роман «Лигейя (Ligeia)» (1838, перв. публ. в пер. на рус. яз. — 1874) американского писателя Эдгара Аллана По (Пое) (1809–1849).

«Демон» (1829–1839) и «Тамбовская казначейша» (1838) — поэмы Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841).

N. de La<нрзб.> — возможно, знаменитая красавица XVII в., француженка Ninon de Lenclos (Нинон де Ланкло) (1616–1706).

С. 307

586

о кафе поэтов — в 1918 г. в Москве было открыто несколько кафе, в которых поэты выступали с чтением своих стихов («Питтореск», «Музыкальная шкатулка», «Трилистник», «Венок искусств», «Дом поэзии и художеств» и др.). Возможно, речь идет о «Кафе поэтов» на углу Тверской ул. и Настасьинского пер. (д. 1/52), которое было открыто в конце ноября 1917 г. по инициативе В. Каменского и В.Р. Гольцшмидта (закрылось в начале апреля 1918 г.). В его росписи приняли участие художники Бурлюк, Якулов, Валентина Ходасевич, Татлин, Лентулов, а также поэты Каменский, Маяковский и Хлебников; выступали Д. Бурлюк, Каменский, Маяковский и др. См. о нем: *Литературная жизнь*. С. 63–64, 151. Но возможно, речь идет о кафе «Домино» на Тверской (д. 18), где в ноябре 1918 г. была открыта эстрада Профессионального союза поэтов, на которой выступали Бальмонт, Есенин, Ивнев, Каменский и многие другие; позднее была преобразована в клуб Всероссийского союза поэтов, многие называли его «кафе поэтов» или сокращенно «Сопо» (см. там же. С. 292, 293 и сл.).

С. 308

Горшанов сказал — вероятно, участник Ялтинской выставки 1918 г. В. Горшанов (см.: *Выставка 2*. С. 6. № 82–83).

Карышева — вероятно, певица Дебора (Вера) Григорьевна Карышева, жена присяжного поверенного Николая Николаевича Карышева, издавшего сборник памяти Сапунова; эмигрировала. Ее портрет писал Сомов (1914; два его варианта находятся в музеях Одессы и Архангельска; см.: *Сомов*).

санаторий Иванова — «Санаторий для больных нервными и внутренними болезнями и институт физических способов лечения доктора медицины И.И. Иванова» на Пушкинском бульваре (см.: *Москвич*. С. 179–180). Илья Иванович Иванов (?–1922), специалист по нервным и душевным болезням; эмигрировал, убит в Болгарии (см.: *НМ*. Т. 3. С. 14).

С. 309

у *Высоцких* — вероятно, в доме у Давида Васильевича Высоцкого (1860–1930), чаеоторговца, одного из четырех представителей торгового дома «Высоцкий и К^о», мецената и коллекционера; см.: *НМ*. Т. 1. С. 652.

резюме... поездки в Ростов — см. комм. к с. 298.

С. 310

Вы уезжаете — об обстоятельствах отъезда Дерюжинского см.: *Резникова*. С. 96–97. Мемуаристка относит его отплытие в Америку в качестве гардемарина на пароходе «Владимир» к февралю 1918 г., судя по дневнику В.С., это произошло в апреле 1919-го (см. запись от 9 мая 1919 г.).

ювелир Морозов — Владимир Иванович Морозов, купец, владелец ювелирного магазина «И.Е. Морозов» в Петрограде (Гостиный двор, Зеркальная линия).

встреча с Якуловым — Александр Богданович Якулов, адвокат, присяжный поверенный (с 1903 г.), правозащитник; участник выставки «Стефанос» (1907–1908), член московского профессионального союза скульпторов-художников (в июле 1918 г. в результате конкурса на изготовление памятников «великим общественным деятелям и выдающимся представителям искусства» получил заказ на памятник французскому утописту Л.О. Бланки; см.: *Из истории*. С. 38); по словам Дона Аминадо, «сердцеед и душа общества» (*Дон Аминадо*. Поезд на запасном пути. М., 1991. С. 202); брат художника Георгия Богдановича Якулова (1884–1928), участника вечеров в «Бродячей собаке» (см.: *БС*. С. 219–220; *Лившиц*. С. 466–469). В феврале 1913 г. председательствовал на диспуте в Политехническом музее, устроенном объединением «Бубновый валет» по поводу пострадавшей картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына». О помощи, оказанной им весной 1918 г. Аксаковой-Сиверс, см. в ее воспоминаниях (кн. 1. С. 293); упоминание о братьях Якуловых см.: *Серпинская*. С. 196. Его ялтинский адрес: Садовая, 4.

знакомит с Каринскими — Варвара Андреевна Каринская (Коринская; урожд. Жмудская, в первом замуж. Моисеенко) (1886–1963), художница по костюмам, родилась в Харькове в семье владельца текстильной фабрики на юге Украины А.Я. Жмудского, изучала юриспруденцию в Харьковском университете, в 1912–1915 гг. редактировала харьковскую газету «Утро» (1906–1916; с 1909 по 1914 г. редактором газеты был ее брат А.А. Жмудский); во втором замуж. супруга адвоката Н.С. Каринского; владелица мастерской и школы вышивки в Москве; в начале 1920-х владелица художественной галереи в Москве; в эмиграции костюмер и дизайнер «Ballets Russes de Monte Carlo», труппы Д. Баланчина и др.; за костюмы к фильму «Жанна д'Арк» (1948) получила премию «Оскар». Она вспоминала, что после революции жила год в Крыму со своей дочерью от первого брака Ириной, затем вернулась в Москву, где пользовалась покровительством Луначарского; уехала за границу в 1923 г. Судя

по дневнику В.С., Каринская была в Крыму с дочерью, мужем, отцом и, вероятно, братом (см. запись от 19 апреля 1919 г.). Впоследствии, в США, В.С. общалась с Каринской, считая ее уникальной женщиной, добившейся успеха и благополучия после многих лет бедности благодаря собственным усилиям (см.: *Dearest Vibushkin*. P. 155: запись от 1951 г.). См.: *Bentley T. Costumes by Karinska / Foreword by Edward Gorey*. N. Y, 1995); см. также упоминание о ней в письме Сорина Судейкину 1925 г. (*Обухова-Зелиньска*. С. 349).

С. 311

о смерти Шона — Евгений Карлович Шон (?–1918?), присяжный поверенный и присяжный стряпчий, глава правления акционерного общества вагоностроительного завода «Двигатель»; жил в Петрограде на Английском пр-те, 21; отец жены М.А. Струве Софьи Евгеньевны (?–1945).

Знакомимся с Михайловым — Виктор Дмитриевич Михайлов; возможно, муж Ольги Васильевны Михайловой (урожд. Якунчикова) (1867–1917), сестры художницы М.В. Якунчиковой-Вебер.

588

считаете Коненкова талантливым — Коненков, Сергей Тимофеевич (1874–1971) — скульптор.

С. 312

дочь Самокиш-Судковской — вероятно, художница Маргарита Руфиновна (Руфимовна) Судковская-Лагранж, дочь художников Елены Петровны Самокиш-Судковской (урожд. Бенард) (1863–1924) и Руфима Гавриловича Судковского (1850–1885).

Мордкин Вы — ср.: «Мордкин был идеалом мужской красоты на сцене, он <...> пленял живописностью поз и жестов» (*Лопухов Ф.В. Шестьдесят лет в балете: Воспоминания и записки балетмейстера*. М., 1966. С. 151). См. о нем комм. к с. 219.

будут в фаворе... художники — К.С. Петров-Водкин с января 1918 г. на протяжении полутора десятков лет был профессором и руководителем мастерской на живописном факультете АХ. Александр Евгеньевич Яковлев (1887–1938), живописец, график; как и Судейкин, учился у Кардовского в АХ; принимал участие в росписи «Привала»; в 1918 г. уехал в Пекин, затем в Париж; в Россию не вернулся. Автор портрета В.С. «в виде Сибиллы» (начало 1920-х; воспроизв.: *Igor and Vera*. P. 50); см. о нем статью Судейкина: Александр Яковлев — мастер формы // *НПС*. 1938. 21 мая; о его отношении к Яковлеву см. также: *Зорин*. С. 162–163.

С. 313

театральный период — см. комм. к с. 199.

С. 314

общество имени Чехова — Литературное общество им. А.П. Чехова, созданное в Ялте осенью 1917 г., проводило литературные и музыкальные вечера, посвященные Короленко, Достоевскому,

Тургеневу, армянской поэзии, Вагнеру и др. Среди его членов были кн. М. Бяратинская, С. Елпатьевский, В. Ладыженский, Д. Пасманик, В. Токмакова, В. Харкевич, М. Чехова. См. о нем: *Карабанова*.

пожертвовали этюды — «В доме-музее Чехова в Ялте, в комнате сестры писателя, есть две небольшие картины-этюды С. Сорина и С. Судейкина. Художники передали их Чеховскому литературному обществу на выставке “Искусство в Крыму” <...>. Картины предназначались для участия в лотерее, с тем, чтобы вырученные деньги пошли на поддержку дома писателя. Но Мария Павловна Чехова сохранила картины» (*Карабанова*. С. 244).

Заговорили о Сорине — см. комм. к с. 78.

что такое романтизм в портрете — «Сорин не верил правде голого реализма. <...> Сам человек — объект исчезнет, но портрет останется, как высшее выражение человека, как его одухотворенная сущность. Эта сущность не может быть будничной, она должна быть праздником человека, счастливым отражением его души. Художник-портретист ищет не только правды, но и прекрасного в правде. Это стремление к правде-красоте было стремлением Сорина всю его жизнь» (*Камышников Л. Савелий Сорин: Личные воспоминания // НРС. 1953. № 15188. 26 ноября. С. 3*).

589

судороги красоты Орловой — см. комм. к с. 60.

С. 315

Малютин (у В.С. — Милютин), Сергей Васильевич (1859–1937) — «главным назначением своей жизни» считал создание галереи портретов своих современников, слава портретиста принесла ему звание академика живописи (1914). В технике пастели им были написаны портреты многих выдающихся деятелей русской культуры (например, Брюсова, Остроухова, Нестерова, Юона); всего, по приблизительным подсчетам, он создал около трехсот портретов, но женских среди них не много. «Шедевром малютинского искусства обычно считался “Портрет В.А. Каринской”, исполненный по заказу ее мужа на специально выписанной из Парижа замше, он был закончен в канун Октябрьской революции и оказался не востребованным заказчиком» (*Абрамова А.В. Жизнь художника Сергея Малютина. М., 1978. С. 206*).

относительно Скаржинского — возможно, Петр Васильевич Скаржинский (1882–?), ст. советник, директор канцелярии Министерства внутренних дел (1914), волынский губернатор (с 1915 г.).

старого Врангеля — имеется в виду отец двух знаменитых сыновей бар. Николай Георгиевич (Егорович) Врангель (1847–1923), доктор философии, драматург, переводчик, директор страхового общества «Эквитэбль», коллекционер; мемуарист (см.: *Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924*). О «старике» Врангеле см. в воспоминаниях Бенуа (*Бенуа. Воспоминания. Т. 1. С. 234*). В описываемое время уже находился за пределами России.

оказался братом Челнокова — вероятно, речь идет о брате Михаила Васильевича Челнокова (1863–1935), одного из лидеров кадетской партии, депутата II, III и IV Государственных дум, московского городского головы (1914–1917), председателя Союза городов (1914 – апрель 1917), участника антибольшевистского подполья; впоследствии эмигранта. См. о нем: *Политические партии*. С. 674–675.

С. 316

умер... Балджи — возможно, московский купец Илья Балджи, торговавший табаком, или его сын, живописец Иосиф Ильич Балджи (1896–1938), который учился в МУЖВЗ (1912–1915), участвовал в Ялтинской выставке 1918 г. (*Выставка 2*. С. 4. № 12–17), был репрессирован в 1937-м (в этом случае слух о его смерти оказался ложным). См. упоминание о нем в письме Билибина: «Балджи (очень интересный молодой художник в духе Коровина) (*Билибин 2*. С. 46).

С. 318

590

весть... о расстреле Гужона — расстрелян 25 декабря в собственном доме на глазах у членов семьи. См. подробнее: *Васильчикова*. С. 511–516; *Винавер*. С. 173–175); *МФ 1*. С. 283, 284; *Оболенский*. С. 628; *Долгоруков П. Д.* Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 129. «Одни говорили, что Гужон был убит за то, что он был шпионом, другие, за то, что он принадлежал к организации, работавшей на русскую революцию. О том, что он был убит из личной мести, не было и речи» (*Васильчикова*. С. 515).

Двенадцать праздников — возможно, эта идея связана с циклом Кузмина «Праздники Пресвятой Богородицы» (1909), который вошел в его вторую книгу стихов «Осенние озера» (1912), обложку которой оформил Судейкин.

С. 320

Я даю Сереже записку: «Позвонить Белкину, Арс<ению> Брунову, Голобородько, Сорину, Якобсону. Повидаться: Якобсон, Идельсон, Щербатов, пригласить Юсупова. 1. Переменять франки, паспорт. Продать старинные вещи. Тищенко. Продать картины. Решить насчет Метнер. Подумать о поездке в Севастополь. Увидеть Давыдова. Поговорить с Якуловым».

С. 321

ее девочка — дочь Каринской от первого брака Ирина (в замуж. François), удочеренная ее вторым мужем в 1916 г.

Кузнецов спасал имение Якунчиковой — художник Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878–1968), соученик Судейкина по МУЖВЗ (поступил в 1897 г.), член художественного содружества «Голубая роза» (см.: *Гофман*. С. 256–257). В 1917–1918 гг. работал в Коллегии по делам изобразительных искусств, в Комиссии по охране памятников искусства и старины Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской области (отдел пластических искусств), в частности, он спас Останкинский дворец. «Комиссия <...> занималась учетом и охраной ху-

дожественно-исторических коллекций, находящихся у частных лиц как в Москве, так и в Подмоскovie» (*Из истории*. С. 147). О деятельности Кузнецова в послереволюционные годы см.: *Русакова А.А.* Павел Кузнецов. Л., 1977. С. 169–173; *Из истории*. С. 118–119, 314–317 и др. Возможно, имеется в виду усадьба Введенское (ныне Одинцовский район Московской области), с которой связаны имена многих деятелей русской культуры (В.Э. Борисов-Мусатов, П.И. Чайковский, А.П. Чехов и др.); с 1860 по 1884 г. оно принадлежало отцу художницы М.В. Якунчиковой-Вебер, затем было продано, но и после этого семья Якунчиковых продолжала арендовать усадьбу, последней владелицей которой была художница М.Ф. Якунчикова. См.: *Зилоти В.П.* В доме Третьякова. М., 1992. С. 102–103; *Лукомский Г.* Введенское // *Столица и усадьба*. 1916. № 59. С. 3–6; *Аурова Н.Н.* «Из окна старого дома» // *Мир русской усадьбы*. М., 1995. С. 214–225.

говорил с Идельсоном — вероятно, юрист, сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Наум Ильич Идельсон (1885–1951); эмигрировал.

С. 322

ему, как брату писателя — см. комм. к с. 295.

591

у Мюра столовая — «Мюр и Мерилиз» — большой универсальный магазин в Москве на Петровке, 2 (построен в 1909 г.); см. о нем: *Питчер Х.* Мюр и Мерилиз: Шотландцы в России / Пер. с англ. Л. Полиновой и А. Базилевич. М., 1993. О московских столовых того времени и о том, чем там кормили, см. воспоминания сестры Ян-Рубан Александры М. Петрункевич: «В столовой у Мюра и Мерилиза <...> было опрятнее и в начале даже еда лучше, но к Мюру и Мерилизу нужно было лезть на шестой этаж, на что не всегда хватало энергии, а в других столовых очередь бывала так бесконечно велика, что не успевал ее выстоять» (Некоторые главы из ненаписанной книги «Как это было...»: Воспоминания одной русской за 1917–1922 // *Путешествие из Петербурга в Париж*. Wilhelmshorst, 1996. С. 223; см. также с. 222–226). О ситуации с продовольствием в Москве см. также письмо О.Л. Книппер-Чеховой к М.П. Чеховой от 22/9 – 26/13 января 1919 г.: «Я месяца три не видела яиц. Сахар 75 рублей фунт, масло 100 и 120 рублей. Всюду едят конину, продают и собак» (*Книппер-Чехова*. Ч. 2. С. 120).

о своем обеде в «Алатре» — «Алатр» (Союз деятелей искусства; 1914–1918) — московский артистический клуб; название от волшебного камня русского фольклора «Алатырь», основанный М.М. Попелло-Давыдовым, председателем которого был Собинов. «В артистический клуб “Алатр”, продолжавший существовать на Тверской, набивалось видимо-невидимо народу из-за хороших обедов, отпускаемых там для работников искусства» (*Серпинская*. С. 235; см. также с. 149); см. о нем в воспоминаниях одного из его основателей: *Сабанев Л.Л.* Воспоминания о России. М., 2004. С. 175–178, а также: *Волконский*. Т. 2. С. 293; *Дон Амико*. Поезд на запасном пути. М., 1991. С. 193–194, 400–401.

С. 323

В Германии победил Спартак — 9 ноября 1918 г. в Германии началась революция, было объявлено об отречении императора Вильгельма (подписано им 28 ноября) и о создании республики; 10–12 января 1919 г. революция была подавлена правительственными войсками. «Союз Спартака» (первоначально «Спартак») — революционная организация левых немецких социал-демократов, созданная в январе 1916 г.; вела антивоенную и революционную пропаганду.

Махно, Нестор Иванович (1889–1934) — руководитель повстанческого движения на юге Украины.

приходят Сомовы — вероятно, Сергей Михайлович Сомов (1854–?), действительный статский советник, камергер, предводитель дворянства Петроградской губернии, председатель губернского Земского собрания, директор петроградского отделения имп. Русского музыкального общества; и одна из его дочерей, фрейлина Варвара Сергеевна Сомова (в замуж. Поливанова) (1892–1953); до революции жили в Петрограде на Надеждинской ул., 31. См. групповую фотографию, сделанную в Ай-Тодоре в 1918 г., на которой изображены Ф.Ф. и И.А. Юсуповы, М.А. Сталь фон Голштейн, О.К. Васильева и В.С. Сомова (*Russia in Photographs*. P. 207. № 196; МФ 1. С. 244, 250 и др.

592

прочешь Мамина-Сибиряка — Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин), (1852–1912), русский писатель; автор произведений о горнозаводской жизни на Урале, наиболее известен его роман «Приваловские миллионы».

С. 324

его мать умерла — Евгения Яковлевна Чехова (урожд. Морозова) (1835–1919) умерла в Ялте 3 января в 8 часов утра от испанки. См. о ней: *Кузичева*. С. 57–96.

Он поступил... по-мужски — ср.: «Он не раз внезапно исчезал именно в тот момент, когда его особенно ждали» (*Кузичева*. С. 237).

с молодым Булгаковым — сын С.Н. Булгакова Федор (1902–1991), впоследствии художник; приехал в Крым вместе с отцом летом 1918 г.; весной 1920 г. был мобилизован в белую армию; единственный из семьи остался в России; учился у Д.И. Кардовского (1923) и во ВХУТЕИНе у И.И. Машкова (с 1925 г.); женился на дочери художника М.В. Нестерова Наталье. См.: *Половинкин*. С. 32; его фотографию с бабушкой В.И. Токмаковой см.: *Современники Горького*. С. 513. № 1756.

С. 325

10 января, пятница — лист с записями за 7–9 января вырван и не сохранился.

делают игрушки — изготовлением кукол увлекались многие современники Судейкиных, как профессиональные художники,

так и любители; неоднократно устраивались выставки-продажи кукол (см., например: *Хин-Гольдовская*. С. 550–551, 587, примечание 92). Своими куклами была известна первая жена Судейкина Ольга. См. также рисунок Судейкина, изображающий его и В.С. в виде кукол-марионеток: *Salon Album*. 2а.

были у Руперти — вероятно, предприниматель и коммерсант, московский купец Эдгар Александрович Руперти (1865–?) и его жена Елизавета Александровна (урожд. Алексеева) (1866–1938).

Мте Гужон — Мария Васильевна Гужон (урожд. Охотина, в первом замуж. Шелопутина), дочь актрисы Малого театра Н.М. Медведевой, жена Ю.П. Гужона. Имение Гужонов находилось недалеко от Харакса, под Ай-Тодорским маяком. «Мария Васильевна была живой и остроумной женщиной, унаследовавшей от своей матери мимический талант, и общение с нею было очень приятно» (*Васильчикова*. С. 431; о ней и ее муже см. там же. С. 431–432, 511–516). Упоминания о ней см. также: *МФ I*. С. 229, 231, 237 и др.

не принимают русских! — ср.: «Русских неохотно принимают за границу, где боятся, как огня, большевистской заразы. Французы говорят: “Хорошие русские сидят дома, а плохих мы не хотим”. Это, конечно, не относится к старикам, женщинам и детям» (*Юсупова З.Н.* Дневник, 14 марта 1919 // *Красных*. С. 529).

593

девочки Бартрам (у В.С. — Бертрам) — см. комм. ниже.

С. 327

Бартрам вчера сказала — вероятно, художница игрушки Анастасия Николаевна Изергина (урожд. Бартрам; у В.С. — Бертрам) (1898–1973), дочь художника, искусствоведа, создателя Музея игрушки Николая Дмитриевича Бартрама (1873–1931), жила в то время в Симеизе.

читали Загоскина — Загоскин, Михаил Николаевич (1789–1852) — автор исторических романов и пьес.

купчик из «Будильника» — «Будильник», сатирический иллюстрированный журнал, выходил в Москве в 1873–1917 гг.

С. 328

позн<акомиться> с Nolhen — вероятно, Александр Людвигович Нолькен (1879–1958), генерал-майор, с октября 1918 г. служил в штабе Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР), с августа 1919-го — начальник особого отдела сношений с союзными армиями; эвакуировался весной 1920 г. из Новороссийска. «Для связи с союзниками командование Д<обровольческой> А<рмии> ограничилось назначением в Севастополь приблизительно в январе месяце барона Нолькена, сравнительно молодого, весьма благовоспитанного человека, в задачи которого могло входить в лучшем случае информирование ДА о том, что происходит в Севастополе, а отнюдь не самостоятельное, от имени ДА, согласование военных планов с союзниками» (*Винавер*. С. 192). См. также: *НМ*. Т. 5. С. 167.

слушать Булгакова — некоторое представление о том, что говорил Булгаков, можно составить по докладам, которые он прочел в Симферополе осенью 1919 г. о церкви, церкви и социализме («Трое», «Духовные корни большевизма», «О святых мощах»); см. статью неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Vegetus: «Неделя о Булгакове», в которой кратко пересказываются темы его докладов (опубл. в газете: Великая Россия. Ростов-на-Дону. 1919. № 339. 6/19 ноября; перепеч. М. Колерова в сб.: Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997. СПб., 1997. С. 233–236); см. также: *Половинкин*. С. 31–32.

появление Николая — об отношении С.Н. Булгакова к революции и имп. Николаю II см., например, в его статье «Агония» (*Булгаков*. С. 73–93). «Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня не Россия» (там же. С. 73).

тетрадку с Гаварни — французский художник, график, иллюстратор Поль Гаварни (Gavarni, наст. фам. Chevalier) (1804–1866), один из любимых рисовальщиков Сомова. См., например, альбом его рисунков: Gavarni in London: Scetches of Life and Character. L., 1849.

594

С. 329

вроде госпожи Сухомлиновой — Екатерина Викторовна Сухомлинова (урожд. Гошкевич, в первом замуж. Бутович) (ок. 1880–1919, расстреляна), супруга (с 1909 г.) Владимира Александровича Сухомлинова (1848–1926), военного министра (1909–1915), отстраненного от должности, обвиненного в государственной измене, превышении власти и лихоимстве, осужденного пожизненно и амнистированного в мае 1918 г.; был старше своей второй жены на 32 года; мемуарист; эмигрировал. В 1916 г. она была привлечена в качестве обвиняемой по делу мужа, при Временном правительстве посажена в Петропавловскую крепость, в августе – сентябре 1917-го находилась под судом вместе с мужем; оправдана. О ней и их романе см.: *Николай Михайлович, вел. кн. Записки // Гибель монархии*. М., 2000. С. 65–66; *Блок; Куракина Т.Г. Воспоминания. 1918–1921 // Русская Летопись*. Париж, 1923. Кн. 5. С. 220; ее фотографию см.: *Столица и усадьба*. 1914. № 18. С. 16; фотографию этой пары см.: *The Russian Century: A photographic history of Russia's 100 years / Text by B. Moynahan*. L., 1994. P. 62; о «деле Сухомлинова» см.: *Завадский С.В. На великом изломе: (Отчет гражданина о пережитом. 1916–1917 гг.) // АРР*. 1923. Т. 8. С. 13–14.

С. 330

у нее... будет открытый кругозор — ср. со словами В.С. в записи от 26 января 1919 г.

С. 334

Связи в Париже — вероятно, Судейкин рассказывал о своей жизни в Париже во время его сотрудничества с Дягилевым в 1912–1913 гг. (см.: *Евреинов 1*, 41. С. 174–176; *Романов*. 7 сентября; *Коган*. С. 72–74). 1913-й, год первой самостоятельной работы Судейкина у Дягилева, был также «очень важный год и в жизни

Русского балета, и в личной жизни Сергея Павловича: «год “Весны священной”, год первых турне в Америку <...> женитьбы Нижинского и разрыва с ним Дягилева» (*Лифарь*. С. 262). С некоторыми из тех, о ком рассказывал Судейкин, В.С. познакомилась и подружилась в Париже позднее (Дягилев, Кокто, Коребут-Кубитович, Светлов, Мися Серт).

Florent Schmitt (у В.С. — *Floren Schmit*) — Флорен Шмитт (1870–1958), французский композитор и музыкальный критик, автор музыкальной поэмы «La Tragédie de Salomé <Трагедия Саломеи>», оформление постановки которой стало единственной самостоятельной работой Судейкина для Русских сезонов. «Приглашает к себе Дягилев Судейкина и заводит с ним примерно такую беседу: Есть у меня музыка к “Саломее”... Флорана Шмита <sic!>, знаете такого? — Нет. — Это сподвижник Дебюсси. Его французы очень ценят. Ничего себе музыка. Я думаю использовать ее для небольшого балета, этак минут на 15–17...» (*Евреинов 1*, 41. С. 175). См. о ней комм. к с. 263.

Dumière — французский поэт и переводчик Робер Д'Юмьер (d'Humières) (1868–1915), автор текста к музыкальной поэме Ф. Шмитта «Трагедия Саломеи». Дягилев предложил написать либретто балета Кузмину, но поэт отказался. По предположению постановщика балета Б.Г. Романова, «под либретто подписался Судейкин, как бы взяв “вину” на себя» (о сюжете балета см. также его воспоминания). «После премьеры состоялся прием в саду особняка барона Дюньера, которого Дягилев убедил, что все идеи балета принадлежат ему, несмотря на то, что от дюньеровского либретто ничего не осталось» (*Романов*. 7 сентября).

595

Cocteau (*Cocteau*), Жан (1889–1963) — французский поэт, драматург, либреттист, художник; с 1910 по 1920 г. входил в ближайшее окружение Дягилева, активный участник Русских сезонов, особенно с 1917 г.; создатель плакатов и программ к спектаклям; автор либретто, вместе с Ф. Мадрацо, балета на музыку Р. Ана «Синий бог (Le Dieu Bleu)» (преьера 13 мая 1912 г.; худ. Бакст; исп.: Карсавина, Нелидова, Нижинский, Фроман; автор рисунков, изображающих участников Русских сезонов: Дягилева, Нижинского, Стравинского и др. См. воспоминания Карсавиной: «В театре постоянно присутствовал Жан Кокто, enfant terrible <ужасный ребенок> наших репетиций. Словно проказливый фокстерьер, он скакал по сцене, пока его не прогоняли» (с. 259); а также: *Лифарь*.

Colombier — театр «Vieux-Colombier» в Париже. В 1922 г. для этого театра Судейкин оформит постановку пьесы А.Н. Толстого «Любовь — книга золотая» в постановке Ж. Копо (Coreau); в конце 1924 г. на его сцене будет давать свои спектакли театр марионеток Ю. Слонимской.

Дягилев — см. комм. к с. 24; а также запись слов Судейкина о Дягилеве (см.: *Кузмин 1*. С. 257, 260); слова Бенуа в его дневнике 1906 г., где он называет Судейкина и Кузнецова «новыми фаворитами Дягилева» (*Бенуа — Дягилев*. С. 66); см. также описание инцидента, происшедшего между Дягилевым и Судейкиным,

после которого художник прислал ему телеграмму с подписью: «Ваш незаконный сын Сережа» (Романов. 7 сентября; «законным», «первым сыном» Дягилева считался Стравинский).

Sert (у В.С. — *Certes*) — *Хосе Мария Серт*, (1876–1945), испанский художник-декоратор, первый из иностранных художников, привлеченных Дягилевым к работе для Русских сезонов: вместе с Бакстом оформил декорации к балету «Легенда об Иосифе (La Légende de Joseph)» на музыку Рихарда Штрауса (премьера 17 мая 1914 г.), муж «музы русских балетов» Миси Серт (урожд. Мария София Гобебская, в замуж. Натансон, Эдвардс, Серт) (1872–1950), принимавшей активное участие в организации Русских сезонов. См.: *Бенуа. Воспоминания. Т. 2; Sert M. Misia. Paris, 1952* (рус. изд.: *Серт М. Мизиа, или «Пожирательница гениев»* / Пер. с фр., предисл., послесл., коммент. Н. Тодрия. М., 2001).

Судьбинин, Серафим Николаевич (1867–1944) — актер МХТ (1898–1904); скульптор (ученик и помощник О. Родена) и художник по керамике (так, например, исполнил в фарфоре статуэтки героев балета Стравинского «Жар-птица», в том числе: Карсавину-Жар-птицу и Фокина-Ивана-царевича); автор скульптурных портретов Горького, Шаляпина, Собинова и др.; как и Судейкин принимал участие в Выставке русского искусства, устроенной Дягилевым в Париже в Осеннем салоне 1906 г.; эмигрировал. См. о нем: ХРЗ. С. 554–556.

596

Marquise de Greffulhe (у В.С. — *Grefule*) — Элизабет Греффюль (1860–1952), маркиза де, французская меценатка; прототип герцогини Германт в «Поисках утраченного времени» Марселя Пруста. «Знакомство же с графиней оказало Дягилеву огромную пользу в момент “Русских концертов” 1907 г. и первых его спектаклей, начиная с “Бориса Годунова” в 1908 г. Она его ввела в малодоступные круги, она даже помогла достать ему нужные деньги» (*Бенуа. Воспоминания 2. С. 447*; см. также упоминания о ней в дневнике Бенуа за 1906 г.: *Бенуа — Дягилев. С. 64, 67, 69*). Оставила воспоминания о Дягилеве.

Корebut-Кубитович (у В.С. — *Корибут Корибитович*), *Павел Георгиевич* (1865–1940) — двоюродный брат С.П. Дягилева; по словам Бенуа, он «принадлежал к особенно живописным фигурам в нашем кружке. Он никакой роли в нем не играл, и все же его можно с полным основанием назвать одним из наших “спутников жизни”. <...> Что касается наружного вида Павла Георгиевича, то мы в шутку называли его “le vrai boyard russe” <настоящий русский боярин>. <...> Почти все его действительно любили (и трудно было не любить человека, который сам выражал столько любви к вам)» (*Бенуа. Воспоминания. Т. 2. С. 263–266*).

Астрюк (Astruc), Габриэль (1864–1938) — французский музыкальный критик, театральный деятель, принимавший активное участие в устройстве Русских сезонов (см. письмо Бенуа к Дягилеву от 12 мая 1913 г. и примечание к нему: *Бенуа — Дягилев. С. 89–90*). Уским сезоном 1913 г. открывался построенный им Театр Елисейских полей в Париже (Théâtre des Champs-Élysées).

Нижинский, Вацлав Фомич (1889 или 1890–1950) — танцовщик, балетмейстер; премьер Мариинского театра (1907–911), звезда Русских сезонов Дягилева в 1909–1913 гг. (Призрак розы в одноименном балете, Петрушка в «Весне священной», Фавн в «Послеполуденном отдыхе фавна» и др.); последний раз выступил на сцене в ноябре 1917 г. Вероятно, Судейкин рассказал также о его отношениях с Дягилевым и их разрыве в 1913 г.

Светлов (наст. фам. Ивченко), Валериан Яковлевич (1860–1935) — литератор, балетный критик и историк, редактор журнала «Нива» (1910–1916); член комитета по организации Русских сезонов (1909); автор нескольких книг о балете, мемуарист; эмигрант. См. о нем: *Карсавина. С. 244; Лифарь.*

Барон Гинцбург с женой — возможно, имеется в виду бар. Дмитрий Горациевич Гинцбург (?–1919), содиректор дягилевской труппы (см.: *Карсавина. С. 181*). «Барон Гинцбург оказался превосходным компаньоном: он безусловно слепо доверял Дягилеву и не вмешивался в художественную сторону Русского балета, не пытался оказывать никакого давления и беспрекословно открывал свой бумажник каждый раз, как Дягилеву это было нужно...». Их личные отношения все время были прекрасными, за исключением 1913–1914 годов, когда Дягилев, считая барона одним из виновников женитьбы Нижинского, хотел расстаться с ним» (*Лифарь. С. 217, 218*).

597

В Лондоне Ростовцевы — Академия наук в 1918 г. командировала М.И. Ростовцева в Европу, два первых года он провел в Англии, в Россию не вернулся; см.: *Бонгард-Левин Г.М. Академик М.И. Ростовцев и русская эмиграция // Культурное наследие русской эмиграции 1917–1940: [Сб. ст.]. Кн. 1. М., 1994. С. 130–136.*

о знакомом... Жолткевиче — Александр Ферапонтович Жолткевич (1872–1943), скульптор, жил в Париже с 1907 по 1917 г., учился у Бурделя, общался с Волошиным в Париже в 1915 г. (см.: *Труды и дни Волошина. С. 372*); участник выставки «Искусство в Крыму» (*Выставка 2. С. 10. № 123–124*); в конце 1920 г. возглавил ялтинскую секцию по охране памятников старины и культурных ценностей.

знакомство с Сумароковой-Эльстон — гр. Елена Николаевна Сумарокова-Эльстон (в замуж. Willcox) (1890–1960), дочь гр. Николая Феликсовича Сумарокова-Эльстона (1861–?), «племянница старших Юсуповых графиня Сумарокова, художница-любительница, жившая в то время у них в Кореизе» (*Держинский. С. 241*).

Петлюра, Симон Васильевич (1879–1926) — украинский политический деятель, один из руководителей украинской с.-д. рабочей партии, в 1917–1918 гг. генеральный секретарь по военным делам в правительстве Украинской народной республики.

Все вздорожало — к декабрю 1918 г. продовольственное положение Крыма ухудшилось, в марте <1919> наступил продовольственный кризис (см.: *Зарубины. С. 161–162*).

С. 335

«*Monsieur et Madame Moloch*» — роман (1907) французского писателя Марселя Прево (Prévost, Marcel) (1862–1941).

маленькие Врангели — дети бар. П.Н. Врангеля — Елена (р. 1909), Петр (р. 1911) и Наталья (р. 1914).

маленький Вейнер — сын В.И. Вейнер Николай Николаевич Вейнер (р. 1909).

С. 336

старуха Месаксуди — вероятно, Мария Константиновна Месаксуди (урожд. Лебеши), вдова купца, основателя табачной фабрики в Керчи Константин Ивановича Месаксуди (1836 – не позднее 1908); свекровь балерины Людмилы Павловны Бараш (1887–1953), жены полковника Александра Константиновича Месаксуди, совладельца табачного товарищества «К.И. Месаксуди и наследники», вместе с которой В.С. и Глебова-Судейкина участвовали в вечере моды в мае 1916 г. О братьях Месаксуди Григории, Александре, Владимире и Петре см.: Греки в истории Крыма: Кр. биогр. спр. / Ред.-сост. В.В. Харабуга. Симферополь, 2000. С. 202–204 (спр. Н.В. Быковской).

598

через Энно — особоуполномоченного французского правительства, французского вице-консула в Одессе, которого упоминают многие, но никто не называет его имени; в марте 1919 г. был отозван во Францию. Вероятно, это Виктор Карлович Энно (Hennot), бельгийский консул в Одессе. «Этому лицу довелось играть видную роль в южно-русских событиях в период разгрома немцев; с его именем связано тесно много разбитых иллюзий и несбывшихся надежд» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 5); «Консул Энно <...> был для нас в то время единственным на весь антибольшевистский юг России представителем союзников. На него обращены были все взоры» (Винавер. С. 131); см. также: Трубецкой Е.Н. Из прошлого: Воспоминания; Из путевых заметок беженца. Томск, 2000.

Маргулис... может устроить — Мануил Сергеевич Маргулис (у В.С. — Маргулис) (1868–1939), доктор медицины, присяжный поверенный, общественно-политический деятель, кадет, знакомый Сорина и Судейкина по «Бродячей собаке», в описываемый период находился в Одессе; мемуарист; эмигрировал в 1919 г. См.: НМ. Т. 4. С. 387; Серков. С. 520–521.

Энно женат — ср.: «Русская еврейка, госпожа Энно <...> приятно поражала своим горячим русским патриотизмом и в этом смысле несомненно оказывала благотворное влияние на своего мужа. Из-за нее он даже навлек на себя обвинение недоброжелателей из французов. О нем говорили, что он, женатый на русской, ведет не французскую политику. В этом заключалась одна из причин последующего удаления Энно из Одессы» (Трубецкой Е.Н. Из прошлого. С. 259). «Хотя и передавали, что его <Энно> жена получает взятки за оформление виз, но сам Энно

был заменен в конце декабря 1918 генералом д'Ансельмом, предпочитавшим «проводить время в обществе знаменитой певицы Изы Кремер» (Федюк В.П. Белые: Антибольшевистское движение на юге России. 1917–1918. М., 1996. С. 132).

С. 337

о своих выставках — работы художественного ателье Каринской выставлялись на Декоративно-индустриальных выставках в Москве в галерее Лемерсье (27 декабря 1916 г. – 29 января 1917 г. и 27 декабря 1917 – 24 января 1918 г.), последняя была устроена по ее инициативе (см.: Лапшин. С. 316, 434); до своего отъезда в 1923 г. ей удалось устроить в Москве еще одну выставку.

С. 339

«Греческая религия» — вероятно, «Древне-греческая религия» (Пг., 1918) или третий том книги «Из жизни идей» (Соперники христианства: Статьи по истории античных религий. СПб., 1907) Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944), филолога-классика, переводчика, профессора Петербургского университета (1885–1921); эмигрировал.

Званцев — Званцев (Неволин), Николай Николаевич (1870–1923), актер и режиссер МХТ и Театра Незлобина; профессор Московской консерватории; брат Е.Н. Званцевой.

599

С. 340

«*Le divorce de Cady*» — роман (1914) французской писательницы Hortense Rouguel (Grille) (1865–?).

письмо от Бенкендорфа — вероятно, от кого-либо из сыновей гр. Александра Константиновича Бенкендорфа (1849–1916), чрезвычайного и полномочного посла России в Великобритании (1903–1916), вдова которого, гр. Софья Петровна Бенкендорф (урожд. гр. Шувалова) (1857–1928), приходилась теткой жене младшего брата Л.Л. Васильчиковой Владимира; см.: Васильчикова. С. 412; НМ. Т. 1. С. 275).

«*На англичан не надейтесь!*» — см. также запись от 10 января 1918 г. и комм. к ней.

С. 342

пошли смотреть... в «Графине Ферби» — фильм режиссера Ф.А. Строганова; см.: Летопись российского кино. 1863–1929 / Общ. ред. В.И. Фомина. М., 2004. С. 301 (в справочнике указано, что съемка фильма была завершена позднее — во второй декаде сентября 1919 г. в Ялте). В воспоминаниях Ханжонкова упоминается съемка другого фильма с детективным сюжетом — «Лорд Дернлей» с участием «лучшего ученика киностудии» Рындиной Волконского (вероятно, М.П. Волконский, и в этом случае именно он упоминается в записи от 29 июня 1918 г.).

этюдики... Ломакиной — возможно, художницы Марии Владимировны Ломакиной (?–после 1938).

«Единение России» — «воссоздание единой России» — первый пункт программы второго Крымского краевого правительства. «Мы жили чаяниями о “единой России”, и в нашей местной борьбе символом этого единства было воссоединение разделенной между двумя “государствами” Таврической губернии» (Оболенский. С. 630; см. также с. 613).

предложил... делать плакаты — в период Гражданской войны политический плакат был самым «востребованным видом изобразительного искусства» (о белогвардейских плакатах см.: Еремеева. С. 163–165). Ранее, в марте 1917 г., Судейкин, откликаясь на события Февральской революции, нарисовал лубок-карикатуру на Николая II (с надписью: «Слетайтесь вольны птахи / Надевай красны рубахи / Долго ты нас мучило / Огородно Чучело») по заказу изд-ва «Парус» (отпечатана в июле 1917 г. вместе с «народными картинами в красках» других художников: В. Лебедева, В. Маяковского, А. Радакова, Ре-ми (Н. Ремизова); по-видимому, это единственная работа художника такого рода).

С. 343

600

к барону Кистеру — вероятно, бар. Сергей Владимирович Кистер, правовед, с 1916 г. офицер л.-гв. Преображенского полка, сын бар. Владимира Константиновича Кистера (1862–?), действительного статского советника, товарища управляющего канцелярии по учреждениям имп. Марии Федоровны; в Петрограде жил на Казанской ул., 5; эмигрировал.

иду к Мусе Юрьевой — Мария Юрьева училась вместе с В.С. в балетной школе Нелидовой; в 1916 г. снялась в роли первой Пьеретты в балетном этюде «Праздник Пьеретт» (см.: Вишневский. С. 111); эмигрировала.

вспоминаем... о нелидовках — ученицы балетной школы Л. Нелидовой (см. комм. к с. 74).

С. 344

О... Столице — Любовь Никитична Столица (урожд. Ершова) (1884–1934), поэтесса, автор романа в стихах «Елена Деева» (М. Виноградье, 1916); эмигрировала. См. о ней и ее вечерах в воспоминаниях Рындиной (см. комм. к с. 177), а также: *Акимова М.В., Дворникова Л.Я.* «Дионисов чудный дар»: Материалы для биографии Л.Н. Столицы // *Лица*. 1996. Т. 7. С. 5–55.

С. 345

Читаем... Андерсена — впоследствии Судейкину довелось оформить третью постановку оперы Стравинского по сказке Ганса Христиана Андерсена (1805–1875) «Соловей» для Metropolitan Opera в Нью-Йорке в 1926 г.; по словам Кашиной-Евреиновой, она была «декорационным чудом»; см.: *Евреинов I*, 41. С. 191–182.

устроит у Ханжонкова — Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945, организатор и руководитель первого крупного русского кинопредприятия «А. Ханжонков и К°», которое выпуска-

ло отечественные фильмы с 1907 г.; сценарист; мемуарист. В мае 1917 г. приехал в Ялту, где приобрел участок на Аутской ул. и оборудовал летнюю съемочную базу (приблизительный список снятых его фирмой фильмов в 1917–1919 гг. как в Москве, так и в Крыму см.: *Ханжонков*. С. 167–173); эмигрировал осенью 1920 г., в конце 1923-го вернулся в Россию. См.: *Ханжонков 1, 2; Михайлов*. С. 101–173.

С. 346

поездку с Тиман<ом> — см. комм. к с. 283.

С. 347

За Перекопом делается Бог знает что — укрепленная защита Перекопского перешейка была единственной надеждой многих жителей Крыма; в этот период к нему приближались войска Единого Украинского фронта красных.

С. 348

большевики в Крыму — Перекоп был взят 4 апреля 1919 г.

«*Идеальный муж*» — пьеса Оскара Уайльда (Wilde) (1854–1900); возможно, Судейкины читали ее в отдельном издании в переводе М. Ликиардопуло (М.: «Полюза» (В. Антик и К°), [1909]) или в шестом томе его сочинений (*Уайльд О.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: В.М. Саблин, 1905–1909; 2-е изд. М., 1907–1910).

601

С. 349

о... периоде жизни на Васильевском острове — по-видимому, речь идет о времени, когда в 1909 г. Судейкин и его первая жена переехали из Москвы в Петербург; возможно, в 1909–1910 (?) гг. они жили вместе с семьей Глебовых (глава семьи умер в апреле 1909 г.) или недалеко от них и от Академии художеств, куда поступил Судейкин. Тогда же Глебова–Судейкина вернулась на сцену; в августе 1909 г. художник возобновил общение с Кузминым, стал часто бывать в доме Вяч. Иванова, вошел в круг литераторов и художников, группировавшихся вокруг журнала «Аполлон». См. запись Кузмина о его первом визите к ним: «У Судейкиных меня ждали, смотря в окно, показывали книги, рисунки, собаку» (*Кузмин 2*. С. 162, 27 августа); см. там же упоминание о слухах по поводу их развода (С. 189).

С. 350

«*Кисть, перо и отравы*» — «Кисть, перо и отравы: Этюд в зеленых тонах» («Pen, Pencil and Poison», впервые опублик. в 1889 г.), вошедший в сб. Уайльда «Замыслы» («Intentions», 1891).

<Список> *Людей, которых мы* — этот список стал итогом общения с теми, с кем Судейкины прожили рядом почти полтора года.

Веры Александровны Кузнецовой — вероятно, бывшая соседка В.С. (жила в Москве по адресу: Шереметевский пер., 2).

С. 354

корреспондент привлечен к ответственности — 14 февраля было опубликовано постановление совета министров Краевого правительства «О борьбе с большевиками»; 22-го — запрещены публикации любых сведений военного характера, кроме официально сообщаемых; таким образом в Крыму была введена военная цензура (*Зарубины*. С. 180–181).

от тети Гедвиг из Юзовки — вероятно, имеется в виду жена брата отца В.С. Эдуарда Артуровича де Боссе, инженера, владельца машиностроительного и чугунолитейного завода (основан в 1889 г.) в Бахметьевском уезде близ Юзовки (после 1924 г. — Донецк) на Дону (см.: Список фабрик и заводов России 1910 г. М.; СПб.; Варшава, [1910]. С. 277; *Dearest Bubushkin*. P. 18). В описываемый период через Донецкий бассейн проходила линия фронта.

С. 356

помещение Florian — кафе Флорена (см. комм. к с. 168).

первая постановка — «Карнавал» — см. Приложение 2.

602

о вьезде немцев в Крым — см. запись от 20 мая 1918 г.

решал ехать на Кавказ — «Когда поднялась тревога и стало очевидно, что через несколько дней Крым будет занят Красной Армией, то часть крымских жителей предпочла не уезжать за границу, а направиться на Кавказ. <...> Следовавшим в Новоросийск был предоставлен пароход “Посадник”, тронувшийся в путь в тот же день, как и мы, остальные беженцы, направлявшиеся в Константинополь» (*Васильчикова*. С. 519).

будет читать свою книжку — имеется в виду брошюра кн. П.М. Волконского «Добровольческая армия: (Краткий исторический очерк со дня возникновения армии по 1/14 ноября 1918 г.)», которая была опубликована на Юге двумя изданиями: первое вышло либо в конце 1918 г., либо в самом начале 1919 г. (не сохранилось ни в одном крупном книгохранилище страны), второе — в Харькове в 1919 г. (41 с.); в 1918 или в 1919 г. в Лондоне вышел ее перевод: *The Volunteer Army of Alexeev and Denikin: A Short Historical Sketch of the Army from its Origin to November 1/14 1918*.

С. 357

Газета с критикой о Сорине... и похвалами Сереже — к сожалению, сведениями об этой публикации мы не располагаем.

«*Маскарад*» — возможно, картина Судейкина «Карнавал».

С. 358

Познакомился с Вермелем — вероятно, речь идет об актере, режиссере, театральном деятеле, поэте, литературном критике и издателе Самуиле Матвеевиче Вермеле (1892–1972), с которым Судейкин был, правда, знаком. Он играл роль Пьеро в спектакле Камерного театра по пьесе А. Шницлера «Покрывало Пьеретты» (1916); в Петербурге эту пьесу, под названием «Шарф Ко-

ломбины», дважды ставил Мейерхольд (в 1916-м — в оформлении Судейкина). Позднее, в начале 1920-х, в Париже Судейкин работал в созданном Вермелем театре миниатюр «Кикимора». О дружбе с Судейкиным см. в его письмах к В.Ф. Маркову (Письма «последних могикан» русского футуризма / Публ. Ж. Шерона // Ежегодник РО ПД на 1994 г. СПб., 1998. С. 313–314); см. о нем также: *Бемиг М.* Берлин начала 20-х годов: Столица русского или эмигрантского театра? // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 352–356. Возможно, речь идет о его брате Филиппе Матвеевиче (1892–1972), поэте и литературном критике, или об их отце Матвее Самуиловиче, московском торговце галантерейными товарами и бельем.

с поэтом Олимповым — Константин Олимпов (наст. имя и фам. Константин Константинович Фофанов) (1889–1940) — поэт, эгофутурист, сын поэта К.М. Фофанова; посетитель и участник вечеров «Бродячей собаки»; «страшный, с белокурыми растрепанными волосами, творец неба, земли, бога, всей вселенной» (*Пяст.* С. 176).

смотреть Ника Картера — имеется в виду один из детективных фильмов о сыщике Нике Картере, поставленных в 1908–1909 гг. французским режиссером Виктореном Жасце (Jasset) (1862–1913).

603

С. 359

Портрет купит и Хонжонков — Рындина была одной из ведущих актрис и сценаристом кинофирмы Ханжонкова; в 1917 г. она снялась у него по меньшей мере в восьми фильмах.

<6 апреля> 24 марта, воскресенье — по-видимому, В.С. поставила дату по старому стилю (по новому — 6 апреля). Не сохранились, вероятно, записи почты за весь последний месяц жизни Судейкиных в Крыму.

маленькая Врангель — одна из дочерей бар. П.Н. Врангеля — Наталья или Елена.

А дела очень скверны — «С половины марта (все даты по старому стилю) в Крыму начала чувствоваться надвигавшаяся опасность большевистского нашествия. Большая часть территории северных уездов Таврии уже была сдана добровольцами. Единственная надежда наша была укрепленная защита Перекопского перешейка» (*Пасманик.* С. 183).

что — Перекоп? — 29 марта войска красных подошли к Перекопской линии обороны белых, а 4 апреля они прорвали ее; в Крыму было объявлено военное положение, 7 апреля крымское правительство переехало в Севастополь, к вечеру того же дня город уже был переполнен беженцами, 9 апреля Симферополь покинули учреждения Добровольческой армии, среди населения началась паника, 11 апреля красные вошли в Симферополь и Евпаторию, к 13 апреля большевиками была занята Ялта, 1 мая Севастопольскую бухту покинула эскадра интервентов (см.: *За-*

рубины. С. 189–191). Ср. с записью от 6 апреля (н. ст.) в дневнике имп. Марии Федоровны: «В 10 часов утра <...> поступили плохие известия о взятии Перекопа этими негодьями большевиками» (МФ I. С. 320).

Надо уезжать — по-видимому, 7 или 8 апреля (н. ст.) Судейкины, Сорин и, вероятно, Каринская с семьей уезжают в Ялту.

за баронессой Nolhen — вероятно, бар. Ольга Всеволодовна Нолькен (урожд. Пущина), жена А.Л. Нолькена, но, возможно, бар. Елизавета Михайловна Нолькен (урожд. гр. Лорис-Меликова) (1873–1968), фрейлина, дочь министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова; или же бар. София Михайловна Нолькен (урожд. Рославлева) (1868–1937), жена Витебского губернского предводителя дворянства Александра Генриховича Нолькена (1855–?).

Браиловские звонят — далее пути Браиловских и Судейкиных расходятся. Из письма Браиловского к бар. М.Д. Врангель, написанного рукой его жены в феврале 1930 г., становится известно об их дальнейшей судьбе: они «в Мисхоре пережили ужасы большевизма, переехали в Ялту на дачу А.П. Чехова, откуда за семь месяцев до эвакуации Крыма были вывезены английским военным судном в Константинополь». По их словам, при себе у них «было пять долларов и никаких вещей» (Н1).

604

С. 360

через Николая Сергеевича — Николай Сергеевич Каринский (? – не позднее 1948), адвокат, публицист; сотрудник харьковской газеты «Утро» (1915); летом 1917-го — прокурор Петроградской судебной палаты (см. эпиграмму на него: Русская стихотворная сатира 1908–1917 гг. Л., 1974. С. 590); весной 1918 г. — главноуполномоченный по эвакуации в Севастополе; второй муж В.А. Каринской (с 1915 или 1916 г.); разошлись не позднее 1920-го; эмигрировал в 1920 г., работал шофером в Нью-Йорке; мемуарист. «В начале 1920 я был начальником Черноморской губернии, а вскоре на меня было возложено управление Министерством внутренних дел Южно-русского правительства» (Эпизод из эвакуации Новороссийска // АРР. 1923. Т. 12. С. 149). См. также его воспоминания «Тени прошлого» (Парус. 1933. № 16. С. 49–50); НМ. Т. 3. С. 200.

уезжают Врангели — в 1930 г. в письме к бар. М.Д. Врангель Браиловские упомянули о том, что у них на даче одно время «жила баронесса <О.М.> Врангель и Ваши очаровательные внуки» (Н1); Сорин в письме к ней вспоминает: «...генерала Петра Николаевича, с которым рядом жил в Крыму в Мисхоре около года и часто с ним беседовал» (1929. Там же).

Римма в отчаянии — ср.: «Многие колебались все еще, ехать или не ехать, особенно те, кто владели именьями и домами в Крыму, потому что на этот раз все отдавали себе отчет, что мы срываемся с корней на неопределенное время и на неизвестное будущее» (Васильчикова. С. 520).

по жужжанию в телефоне — ср.: «Мой троюродный брат Георгий Щербатов находился при английском штабе в Севастополе. Он <...> обещал предупредить по телефону, когда нам будет угрожать опасность, о которой, находясь в центре известий, он мог судить. В середине марта он меня вызвал по телефону и сообщил на условном языке, что через несколько дней Крым будет в руках большевиков» (Васильчикова. С. 517).

Огромный дрейднот остановился перед Дюльбером — английский крейсер «Marlborough» («Мальборо»), на борт которого 7 апреля с пляжа Дюльбера поднялись члены имп. фамилии, жившие в Крыму, а 11 апреля 1919 г. они покинули Россию, за исключением уехавших ранее вел. кн. Александра Михайловича, его старшего сына Андрея с женой, а также вел. кн. Ольги Александровны и ее семьи; первоначально предполагалось совершать посадку с мисхорского пляжа. Первое предложение об эвакуации было получено еще 7 ноября 1918 г. (см.: МФ 1. С. 274). «Утром 25 марта <ст. ст.> нас разбудили, и девушка сообщила, что у нашего берега стоит громадный корабль. Я побежал к себе в кабинет и удостоверился, что на якоре стоит английский дрейднот «Мальбру». От него поминутно отчаливали катера и лодки с матросами. Англичане высадили десант, и их матросы оцепили Дюльбер и наше имение. <...> В пять часов Государыня выехала из Харакса в Дюльбер, а все Великие князья уже были на «Мальбру». Государыня императрица спустилась пешком по склону горы и пошла по нашей набережной вплоть до пристани. <...> она плакала. <...> «Мальбру» отошел в Ялту, никто не знал, сколько времени он там останется и куда потом направится» (Юсупов Ф.Ф.-ст. Воспоминания // Красных. С. 532). О первой эвакуации из Ялты см.: Барятинская. С. 101–103; Васильчикова. С. 520–521; Кудрина. С. 236–239; Красных. С. 532–536; МФ 1. С. 321–324; Ступенков А.А. Из воспоминаний: Отъезд императорской семьи из Крыма // НПС. 1941. 20 апреля. № 10298. С. 3; Урусов. С. 66–68.

605

мое стойкое настроение рушится — Судейкины уезжают в Ялту, откуда (с 9 апреля 1919 г.) начались их странствия, а через несколько дней, 12 апреля, в Ялту вошли красные. Вероятно, при помощи Каринского на пароходе «Посадник» Судейкины и Сорин прибыли в Новороссийск, затем, через некоторое время и на другом судне, вдвоем (см. запись от <20> апреля) — в Батум, Потти, в конце апреля перебрались в Тифлис, в декабре — в Баку, в марте 1920-го — вновь в Тифлис, наконец, в мае, из Батума через Константинополь направились Марсель. 20 мая 1920 г. они добрались до Парижа (см.: *Salon Album*. P. XI). Записи о том, как Судейкины покинули Ялту, если и были, по-видимому, не сохранились, но благодаря воспоминаниям кн. Марии Владимировны Барятинской (1851–1937), оказавшейся на одном пароходе вместе с ними и Соринным, становятся известны обстоятельства их отъезда из Крыма. «27 марта (ст. ст. <9 апреля н. ст.>) мы получили распоряжение уезжать из Ялты. <...> Мы поспешно уложили вещи и поехали к молу. Зрелище, которое он представлял, было поразительным: мол во всю длину был буквально переполнен людьми. Я нашла здесь почти всех моих родственников и

знакомых, сидящих на своем багаже, среди груд коробок, чемоданов, дамских сумочек и т.п. Большое количество британских кораблей было пришвартовано к молу, большой дрейноут и несколько других военных кораблей стояли на якоре на некотором расстоянии. <...> Мы узнали, что британский корабль собирался переправить нас в Батуми, где жизнь была дешевле и где бы мы находились под защитой британского правительства. К несчастью, это предположение оказалось неверным. Нам было предписано подняться на борт "Посадника", экипаж которого состоял из русских и французов, которые были далеки от каких-либо убеждений и заверений <...>. Было, я думаю, около 6 часов пополудни, когда мы взошли на борт последнего корабля, который должен был увезти нас и посадка на который началась с 9 часов утра. У нас не было ни кают, ни спальных мест, каждый клочок пространства на корабле был переполнен <...>. Мы покинули Ялту 28 марта (ст. ст. <10 апреля н. ст.>) в 5 часов утра. Я увидела рассвет, погода была холодная и ветреная, было невозможно лечь <...>. Мы прошли мимо корабля нашей дорогой императрицы. Едва пароход начал движение, как мы заметили, что идем к Севастополю, а не в направлении Батуми <...>. 28<-го> днем мы прибыли в Севастополь и оставались на рейде до 30 <12 апреля н. ст.>, и нам было запрещено сойти на берег <...>. Наконец, корабельные власти объявили нам, что запас угля ограничен, что наше нахождение на рейде подходит к концу, и нам сказали, что "Посадник" пойдет к Новороссийску. <...> У меня были очаровательные соседи: Судейкин, русский художник, со своей очень симпатичной и любезной молодой женой, и другой художник, хорошо известный портретист Сорин. Они относились ко мне с большой заботой и поделились с нами провизией, когда наши запасы подошли к концу. <...> Мы опять прошли мимо нашего дорогого города Ялта, но на значительном расстоянии от берега <...>. Это было в Лазареву субботу, за неделю до Пасхи. <...> Наконец, 31 марта <13 апреля н. ст.> в 5 часов утра мы прибыли в порт Новороссийск» (*Барятинская*. С. 101-103). В *Salon Album* (54a) сохранилась запись кн. Барятинской: «14 апреля 1919 Пароход Посадник. Буду всегда вспоминать наше пребывание вместе и помнить жизнь с Вами». Об эвакуации на «Посаднике» см. также: письмо Сорина (в примечании к записи от 9 мая 1919 г.); *Щербатов А., Криворучкина-Щербатова Л.* Право на прошлое. М., 2005. С. 61.

Пасха — записи на отдельном листе карандашом сделаны в Новороссийске, куда Судейкины и Сорин приплыли 13 апреля; по-видимому, сутки еще они прожили на пароходе, пока не нашли себе другое пристанище. Помета «Пасха» позволяет датировать записи от 19 - 21 апреля 1919 г. «Новороссийск... Только тот, кто сам был участником всего того, что творилось в этом городе в те кошмарные дни, может понять, в какую обстановку я попал <...>. Приток беженцев в Новороссийск не прерывался. Они проникали в помещения всевозможных учреждений, штабов и канцелярий; чуть ли не с бою брали ресторанные залы, столовые и чайные. Все эти места превращались в ночлежки, соединявшие в своих стенах обездоленных и панически настроенных жителей Одессы, Таврии, Крыма и Закавказья, кое-как

успевших добраться до Новороссийска, казавшегося им теперь обетованной землей. Были превращены в ночлежки и все товарные вагоны многочисленных составов, стоявших на железнодорожных путях» (*Майский В.А. Пасха в Новороссийске // НРС. 1965. 25 апреля. С. 2).*

дело с Гордоном — возможно, инженер-техник Борис Абрамович Гордон (1881–1952), директор правления Товарищества на паях табачной фабрики «Колобов и Бобров», директор общества печатного дела «А.М. Гордон с Сыном»; оказывал материальную поддержку Добровольческой армии; в эмиграции издатель журнала «Иллюстрированная Россия»; см. упоминание покупки им имени Краснова на Николаевской ул. в Ялте «за несколько месяцев до эвакуации» 1919 г. (*Архитектор Краснов. С. 41*); см. также: *НМ. Т. 2. С. 181*; или его брат Ной Абрамович, коммерческий советник, член правления Русско-азиатского банка.

С. 361

два офицера — Андрей Яковлевич Жмудский (1847–1928), отец В.А. Каринской, владелец текстильной фабрики на Юге России, издатель газеты «Утро» и почетный попечитель коммерческого училища имп. Александра III в Харькове; директор харьковского отделения Русского музыкального общества; эмигрировал (см.: *Грезин И.И. Кладбища коммун Ixelles и Uccle в Брюсселе. СПб., 1996. С. 11*); *НМ. Т. 2. С. 537*; Николай Андреевич, вероятно, брат В.А. Каринской Н.А. Жмудский.

607

не могли Вы меня уберечь — ср.: «<Судейкин> уехал в Новороссийск, откуда через полторы недели, спасаясь от повторной солдатчины, грозившей ему в приказах “белой гвардии”, переправился через Поти в Тифлис» (*Евринов 1, 41. С. 185*).

зайти... к Селиванову — возможно, «коннозаводчик Селиванов», один из арендаторов ялтинского киноателье Ханжонкова (см.: *Ханжонков 1. С. 126*).

С. 362

для Павловой — Анна Павловна (Матвеевна) Павлова (1881–1931). Надежды на нее Судейкина позднее осуществились: «Когда нашей Анне Павловой (для гастролей ее в Лондоне, Америке и Японии) понадобились новые художественные постановки балетов, она уже твердо знала, что лишь Судейкин теперь “в моде” на театральных подмостках заграницы, и что никто другой, как он, не разукрасит оригинальное “Фею кукол”, “Спящую красавицу”, “Копелию” и ватагу искусных плясуний в постановках “Русских танцев”» (*Евринов 1, 41. С. 186*).

С. 363

Тифлис — тифлисская часть дневника (тифлиссский дневник) охватывает период с 1 мая по 2 сентября 1919 г.

Судейкины добрались до Тифлиса, по-видимому, в самых последних числах апреля 1919 г. Сохранившиеся записи относятся к первому периоду их жизни на Кавказе — тифлискому: это записи В.С. с 1 по 24 мая 1919 г., две записи от 30-го и 31 июля и

записи от <27–31 августа – 2 сентября> без указания года (помета «Успение» позволяет датировать их), и одна запись без даты; а также две недатированные дневниковые записи Судейкина, относящиеся, по-видимому, также к 1919 г. (так как в них упоминается Р. Ивнев, они, вероятно, были написаны не ранее сентября; см. Приложение 4). Тифлисский дневник, вероятно, сохранился не полностью, а о бакинском периоде (по-видимому, с декабря 1919 по март 1920 г.) некоторое представление могут дать лишь две карикатуры и шуточные стихотворения к ним С. Городецкого — «День приезда» и «Ночь отъезда» с датой 12 марта 1920 г. (см.: *Salon Album*. 117a–117d); а также другие мартовские записи бакинских знакомых в *Salon Album* (вероятно, сделаны перед отъездом Судейкиных им на память): стихотворения Городецкого «Судейкин (Полупрезрительной улыбкой озирая)» (5b), «Томительно манит воспоминанье» (стихотворение и рисунок, 71a), «Кофе (Тебя собирала девушка нагая)» (106), «Валерий Брюсов в иступленьи» (стихотворение и рисунок, 112–113); стихотворения: А. Городецкой «С.А. Сорину (Певец старинной красоты)» (7b), А. Альбрехта «Я в новый мир попал...» (42), И. Радина «Пуškai в грядущей той године» (65с), С. Захарьяна «Смущенною душой взираю на полотна» (93) и «Свистящие строки» (136), А. Дебуа «Несутся маски в бурной пляске...» (115a), М. Струве «С.Ю. Судейкин (От приторной луны не знаю где укрыться)» (131a); и запись К.К. Лейтиса (60).

Записи от 1–24 мая сделаны чернилами в общей тетради без обложки, остальные — карандашом на отдельных листах разного формата.

С. 365

на вокзал в Потти! — «Судейкины (в апреле 1919 г.) решились уехать во Францию через Константинополь; но пароход, на котором они плыли, попал в грозу, потерял курс и оказался не в той стороне Черного моря» (*Боулт. Судейкин. С. 164*; о жизни Судейкиных на Кавказе см. также в его предисл. к *Salon Album*. Р. XIX–XXV), так они оказались на Кавказе, в Тифлисе. «Гражданская война бушевала по ту сторону хребта, и в те годы Тифлис представлял собой оазис относительного спокойствия. Сюда, убегая от ужасов гражданской войны и голода, устремилось множество русских поэтов, художников, писателей, музыкантов» (*Эристов. С. 30*).

плакаты для... Каменского — Василий Васильевич Каменский (1884–1961), поэт, прозаик и драматург, мемуарист; участник и посетитель «Бродячей собаки», участник «Вечера пяти» 11 февраля 1915 г., в оформлении которого принимал участие Судейкин (см.: БС. С. 240–241; *Каменский В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Кафе поэтов / Сост. А.Г. Никитин. М., 1991. С. 600*). Возможно, их знакомство состоялось при содействии Кульбина, у которого Каменский учился живописи. Судейкин иллюстрировал его стихотворение «Стенька на персидском базаре (С кистенем да с печеночным ножиком...)» (Новый Сатирикон. 1915. № 24. С. 4). См. о нем: РП. Т. 2. С. 455–458 (биог. справ. Т.Л. Никольской); *Коган. С. 140, 192*; автографы стихотворений Каменского в *Salon Album*: «Зелье “Вера”» (2b), «Сергей Судейкин (В стране яркоцветной Картинии)» (171); упом.: *Судейкин. Письмо*.

интервью... для Львова — см.: *Львов Я.* У художника Судейкина (беседа) // *Кавказское слово.* (Тифлис), 1919. 11 мая (см. Приложение 2). *Львов* (наст. фам. Розенштейн), Яков Львович; возможно, именно он похоронен на римском кладбище Верано, в этом случае его даты жизни: 1886–1939, журналист, театраль-ный критик, издатель журналов «Рампа и жизнь», «Кавказская рампа» (1918, вместе с А. Петраковским), киносценарист (см. описание фильма по сценарию его и Л.В. Никулина «Тайна ложи литер “А”» о сошедшем с ума художнике Астрове: *Великий Ки-немо.* С. 279–281); заведующий литературно-сценарной частью общества «Икарус-Фильм» в Тифлисе; эмигрировал в начале октября 1920 г. См. его автограф: «Первый Тифлисский Судей-кинский встречный Як. Львов 8 июля 19 г.» (*Salon Album.* 55a); *Гасперович В., Шумков А.* Российские могилы на римском клад-бище Verano. СПб., 1996. С. 13.

Звонил... Соколов — о Н.Д. Соколове см. запись в *Salon Album* (61a): «Нужно верить в русский народ — все остальное приложит-ся. 14 июля 1919 г. Тифлис». Остался в России, в начале 1920-х ез-дил в Берлин, где призывал соотечественников вернуться (см.: *Иссен И.В.* Годы изгнания. Paris, 1979. С. 160–161); умер в Ялте.

609

С. 366

доказывая Каракашелю — вероятно, Михаил Николаевич Каракаш (1887–1937), певец (баритон), артист Мариинского теа-тра, который считался лучшим исполнителем роли Фигаро в «Се-вильском цирюльнике» Россини; эмигрировал. На Ялтинской выставке (1917) был его портрет работы И.М. Биленко. См.: *НМ.* Т. 3. С. 192.

Куда, домой? — см. краткое описание нового «дома» Судей-киных: «Улица Грибоедова. Под квартирой Львова — полупод-вальная комната, полная картин» (*Табидзе.* С. 49).

сливки художественного Тифлиса — «Тифлис, ставший с об-разованием независимой Грузинской республики столицей ее, претендовавший на роль “кавказского Парижа”, принял Судей-кина с распростертыми объятиями, обласкал его вниманием, купил у него для Музея две картины с выставки “Малый круг”. “Союз писателей Грузии” заказал ему роспись огромного арти-стического подвала “Химерион” и создал вокруг его имени впол-не достойную его “атмосферу» (*Евреинов 1, 41.* С. 185).

Поэт Яшвили — Паоло Яшвили (1895–1937), грузинский поэт-символист, входивший в группу «Голубые роги». «Кого встретил художник? Конечно, Паоло Яшвили. В дождливый ап-рельский день мы попали в кафе “Дарбази”... Первое впечатле-ние — Судейкин в восторге от Паоло. И не от традиционного гостеприимства этот восторг — от молодой радости Паоло Яш-вили, от его первого проявления любви к Пушкину» (*Табидзе.* С. 49). См.: *Salon Album.*

поэт Робакидзе — Григорий (Григол) Робакидзе (1884–1962), грузинский поэт-символист, входивший в группу «Голубые

роги»). См. о нем: *Никольская Т. Г.* Робакидзе и русские символисты // Блоковский сборник XII. Тарту, 1997. С. 126–128; *она же*. Григол Робакидзе и Вячеслав Иванов // Русско-итальянский архив. Сб. 2. Солерно, 2002. С. 169–174; автограф его стихотворения «Офорт (Дремотный сон в золе томлений)» см.: *Salon Album*. 51b (дат.: «лето 1919»).

поэт ...дзе — вероятно, Тициан Табидзе, с которым Судейкина также познакомил Я. Львов (см.: *Табидзе*. С. 49); см. комм. к с. 370.

художник Зданевич — вероятно, в этой записи упоминается Кирилл Михайлович Зданевич (1892–1969), художник и искусствовед, но, возможно, имеется в виду его брат Илья Михайлович (псевд. Ильязд) (1894–1975), поэт и художник. Братья, уроженцы Тифлиса, в 1911 г. приехали в Петербург, где старший поступил в АХ, а младший — на юридический факультет университета (оконч. весной 1917 г.). Сблизившись с такими художниками, как М. Ларионов, Н. Гончарова, М. ле Дантю и др., они стали активно участвовать в художественной жизни столицы: Кирилл принимал участие в выставках, которые организовывал Ларионов, а Илья, занявшись теоретическими исследованиями авангардного искусства, неоднократно выступал в печати и на вечерах «Бродячей собаки» (см.: *БС*. С. 233, 234). В мае 1917 г. братья вернулись в Грузию, где вместе с А. Крученых и И. Терентьевым создали авангардистское объединение «41» и одноименное издательство, выпускавшее малотиражные экспериментальные сборники «заумной поэзии». Илья эмигрировал в ноябре 1919 г. См. их рисунки в *Salon Album* (в том числе портретные зарисовки В.С. и Судейкина работы И. Зданевича); см. также: *ХРЗ*. С. 288–291; Из архива Ильи Зданевича / Публ. Р.Гейро // *Минувшее*. 1991. Т. 5. С. 130–131; упом.: *Судейкин*. Письмо.

художник ...швили — вероятно, Ладо Гудиашвили. Среди тех, с кем познакомились в этот день Судейкины, был и Николо (Николас) Мицишвили (Николай Иосифович Сирбиладзе) (1897–1937), поэт и переводчик; см. автограф его стихотворения «Прощание (“Когда я свалюсь умирать под забором...”») в пер. О. Мандельштама (1923): *Salon Album*. 111b (и примечание к нему). По словам Табидзе, «он <Судейкин> назвал Наполеоном Николо Мицишвили и после всегда спрашивал о нем — бесе. <...> Судейкин первым почувствовал поэтическое лицо Мицишвили» (с. 49).

скульптор такой-то — возможно, Яков Николадзе, о котором в обзоре выставки Судейкин сказал: «Скульптуры Якова Николадзе как серьезного мастера-натуралиста создают хорошее впечатление европейского достижения» (*Дзуцова 2*. С. 179).

комиссар государственных театров Цуцунава — Александр Раженевич Цуцунава (1881–1955), режиссер и сценарист; в 1905–1910 гг. работал в студии Станиславского; в 1918 г. был назначен комиссаром (директором) Тифлисского оперного театра; упом.: *Судейкин*. Письмо.

пошли на грузинскую выставку — которая «была устроена на средства правительства в Храме славы» (*Табидзе*. С. 49); см. рецензию С.М. Городецкого: Выставка художников-грузин // Кавказское слово. 1919. № 82. 4 мая. С. 3; впечатления Судейкина см. в его ст.: Грузинская выставка // Сакартвело. (Тифлис), 1919. № 115. С. 2-3 (запись Т. Табидзе на груз. яз.; на рус. см.: *Дзуцова* 2. С. 177-179); в ней он отмечает работы Гудиашвили, Давида Какабадзе, Якова Николадзе, В. Сидамон-Эристави и Пиросманашвили.

Гудиашвили, Ладо (Владимир) (1896-1980) — художник; см. в его воспоминаниях: «В то время в Тбилиси находился известный русский художник Сергей Судейкин. Еще до революции он покинул Петербург, затем служил в армии, но заболел и попал в Тифлис. Здесь он быстро сблизился с грузинскими писателями и художниками и целые дни проводил вместе с нами. Устроил выставку своих работ. Сергей Судейкин создал много полотен на темы Тифлиса и Грузии. Он охотно принял участие в росписи стен кафе “Химерион”, на что подбил его Паоло Яшвили. Судейкин расписал левую стену вдоль лестницы, ведущей в кафе, на темы “грузинские поэты” и эпизоды из жизни Старого Тбилиси. Написал он и автопортрет» (*Гудиашвили*. С. 36-37). О происшедшем впоследствии конфликте между ним и Судейкиным см.: *Табидзе*. С. 50. Общение художников продолжилось в Париже в 1920-1925 гг. Принял участие во второй выставке «Малый круг» (см. каталог: С. [4-5]. № 27-31).

611

подарил... рисунок — см. его рисунки: *Salon Album*. 29, 103b, 165.

Выставка слаба — ср. со словами Судейкина: «Выставка грузинских художников оставляет впечатление настоящего искусства» (*Дзуцова* 2. С. 179) ; см. также черновой вариант отзыва художника: «На Кавказе я вижу людей, не утеревших своей самобытности и понимающих равно искусство запада и востока. И только этой широтой взгляда художники воссоздают глубочайшие чувства своей расы. То, что я видел на грузинской выставке, утверждает это».

Мозгологический... — ббольшая часть отзыва Судейкина о выставке посвящена работам Гудиашвили; по его словам, этот художник — «наивысшая точка видения грузинского духа, который неосознанно воспринял западную культуру — для возрождения восточной <...> Гудиашвили характеризует яркий интеллект, который освещает внутренним взглядом полотно. Портрет он наделяет духовностью. Но кроме этого взгляда изнутри, необходим и взгляд глазами, и, если Гудиашвили пойдет путем обоих видений, он большой мастер и художник» (*Дзуцова* 2. С. 177, 178; см. также с. 179).

в стиле Шагала — Марк Шагал (Chagall) (1887-1985), художник; возможно, Судейкин познакомился с ним в 1909 г.; см. о его участии в работе «Привала комедиантов»: *ПК*.

Доре (Dore), Гюстав (1832-1883) — французский график, иллюстратор.

Stephan George — Георге, Стефан (1868–1933), немецкий поэт-символист.

Rainer M. Rilke — Рильке, Райнер Мария (1875–1926) — австрийский поэт.

С. 367

примитивами безмянного художника — имеется в виду Нико Пиросманашвили (Пиросмани) (1862?–1918). По мнению Судейкина: «Фон выставки делает Пиросманашвили. Этот писатель народного быта и жизни волнует нас, умиляет своей непосредственностью и простотой, когда пасторальным вином и хлебом рисует полную Грузию — рождает национальный колорит и жизненную надежду. Метод Пиросманашвили — на черном фоне белое и на светлом — цветное — доказывает мастерство истинное <...>. Пиросманашвили — грузинский Джотто» (*Дзуцова* 2. С. 179; в черновом варианте статьи художник писал: «Художник национальный, безмянный, писавший в духанах — этот тот народный гений, это та песня в образах, это <то> безмянное мастерство, утерявшее индивидуальность и ставшее как бы коллективным, <которое> до какой-то степени можно сравнить с нашей непревзойденной иконописью»). Ср.: «Первым откровением для Судейкина был Нико Пиросмани, гений необъяснимый: хлеб и вино, пир и радость...» (*Табидзе*. С. 49). См. коллективное письмо (среди подписавших: братья Зданевичи, Николадзе, Яшвили, Судейкин и др.) в редакцию газеты «Сакартвело» о сохранении работ художника («народную гордость»), «чья жизнь, к позору современников, прошла в кабаках и подвалах», опублик. летом 1919 г. (*Дзуцова* 2. С. 179–180); а также: Нико Пиросманашвили / Текст Т. Табидзе, К. Зданевича, К. (Н.) Чернявского. Тифлис, 1926; *Зданевич К.* Нико Пиросмани. Тбилиси, 1963.

открытом братьями Зданевичами — вместе с М. ле Данту в 1913 г.; в 1914-м, благодаря им, работы художника были показаны в Москве на выставке «Мишень» (см.: *Стригалева А.* Кем, когда и как была открыта живопись Н.А. Пиросманашвили? // *Панорама искусств*. Вып. 12. М., 1989. С. 296–332).

хорошенькая барынька — Нина Михайловна <Мадгавариани?> (см. запись от 3 мая 1919 г.).

на «Севильского цирюльника» — опера-буфф (1816) Джоакино Россини (Rossini) (1792–1868).

Через три года снова театр — В.С. вспоминает Камерный театр (см. комм. к с. 165).

От Черепнина — вероятно, Александр Николаевич (см. комм. к с. 384) или его отец Николай Николаевич Черепнин (см. комм. к с. 369).

работал над плакатами — в монографии Коган упоминаются оформленные Судейкиным плакат-афиша (опубл. в газете: *Искусство*. Тифлис, 1919, 22, 23 и 24 ноября) и 12 декораци-

онных ширм по числу книг Каменского (см.: *Коган*. С. 140, 192); ранее Судейкин оформлял выступление Каменского для «Вечера пяти» в «Бродячей собаке» 11 февраля 1915 г. (см.: *БС*. С. 240–241; *Коган*. С. 90, 185–186).

свидание с Зальцманом — Александр Альбертович Зальцман (1870–1930), художник и хореограф; возможно, знакомый Судейкина по Камерному театру (был художником по свету в спектакле «Фамира Кифаред», премьера 2 ноября 1916 г.). Принял участие во второй выставке «Малый круг» (см. каталог: С. [6]. № 38–42). См. о нем: *Элиэбарашвили Н.* Александр Альбертович Зальцман: Жизнь и творчество // Ученые записки. Вып. 1 / Гос. музей искусств Грузии. Тбилиси, 1995. С. 76–83; упом.: *Судейкин*. Письмо.

художник Евсеев — Константин Иванович Евсеев (1879–1944), работал в Театре Комиссаржевской (1907–1909), где оформил спектакли «Пелеас и Мелисандра» по пьесе Метерлинка (1907) и «Королева Мая» К. Глюка (1908); его пейзажи были на второй выставке «Малый круг» (см. каталог: с. [5]. № 32–39).

увлекаться Далькрозом — Эмиль Жак-Далькроз (Jaques-Dalcroze) (1865–1950), швейцарский композитор и педагог, создатель системы музыкально-ритмического воспитания, популяризатором которой в России был кн. С.М. Волконский.

на «Посаднике» — см. комм. к с. 360.

С. 368

об Оле Браиловской — возможно, актриса, режиссер и драматург Ольга Петровна Браиловская-Жданова (1879–?), племянница (?) Браиловского.

Шарлемань, Иосиф (Осип) Адольфович (1880–1957) — график, театральный художник, преподаватель АХ, член Общества учителей рисования (1901–1907) и Нового общества художников (1903–1917); как и Судейкин, принимал участие в иллюстрировании журнала «Сатирикон»; в Тифлисе оформил обложку журнала «Орион» (апрель – декабрь 1919); принимал участие во второй выставке «Малый круг» (см. каталог: с. [12–13]. № 143–145). См.: *Salon Albut; Гордезиани Б. И. А.* Шарлемань. Тбилиси, 1958.

Года два тому назад — «С сентября 1916 до начала февраля 1917 Каменский жил в Тифлисе, <...> подружился с грузинскими поэтами из группы “Голубые роги”, армянским футуристом Кара-Дервишем» (*РП. Т. 2. С. 457*). «Гражданская война <...>. Люди, приехавшие оттуда, плакали, когда видели электрический свет. Больше всех плакал в кафе Василий Каменский — богема и поэт с темпераментом Стеньки Разина — и с русской откровенностью без конца рассказывал о московском холоде» (*Табидзе*. С. 49).

встреча с Городецким — Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967), поэт; познакомился с Судейкиным, вероятно, у Вяч. Иванова в 1909 г. Весной 1916 г. уехал корреспондентом на Закавказский фронт, в годы Гражданской войны жил с женой и

дочерью в Тифлисе и Баку (с конца 1919 г.); вернулся в Петроградлетом 1920-го. В апреле 1918 г. организовал «Тифлисский цех поэтов» (см.: *Эристов*. С. 31–32). В автобиографии «Мой путь» вспоминал, как он в Тифлисе «вместе с художниками С. Сориным, С. Судейкиным, Л. Гудиашвили выступал на выставках. Вместе с поэтами Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Иосифом Гришашвили и Сандро Эули упивался стихами» (*Городецкий С. Жизнь неукротимая*: Статьи, очерки, воспоминания. М., 1984. С. 14; там же см. портреты работы Сорина: на с. 186 «Городецкий. Тифлис. 1919»; на с. 188 «А. Городецкая. 29 мая 1919»). Автор статьи о Судейкине: Трагедия художника // *Кавказское слово*. 1918. 15 июля; написал о нем также в рецензии на выставку «Малый круг» (*Кавказское слово*. 1919. 22 мая; перепеч. в сокращ.: *Дзурцова*. С. 183–184). См. в *Salon Album* его многочисленные автографы и рисунки, в том числе стихотворение «Судейкин (Полупрезрительной улыбкой озирая...)» (56), два стихотворения и карикатуры к ним о жизни Судейкиных в Баку (117 а–117d); его портрет вместе с женой 1920 г. работы Судейкина (18); см. также: *Никольская 2*; *Субботин*. «...Опасное право — быть судимым... по закону для немногих»: Из архива Сергея Городецкого / Публ. В. Енишерлова // *НН*. 2001. № 56. С. 144–145 (ил.: на с. 145 рисунок Судейкина «С. Городецкий. Баку. 1919», на с. 149 рисунок Судейкина «А. Городецкая. Тифлис. 1919»); упом.: *Судейкин*. Письмо.

С. 369

встретили... Черепнина — Николай Николаевич Черепнин (1873–1945), композитор, участник Русских сезонов, дирижер Мариинского театра в Петербурге, оперного театра в Тбилиси (1918–1921); для осеннего сезона 1914 г. Дягилев заказал Судейкину декорации к балету Черепнина «Маска Красной смерти» по рассказу Э. По, постановка не была осуществлена из-за начала войны (см.: *Коган*. С. 181; *Евреинов 1*, 41. С. 176); эмигрировал.

три стихотворения — о стихотворении Мандельштама см. комм. к с. 151; о стихотворении Кузмина «Русский рай» см. комм. к с. 119 и автограф в *Salon Album*. 15; «Балет (Картина Судейкина)» (1912) из третьей книги стихотворений Кузмина «Глиняные голубки» (СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1914).

Выставка типа «Мира искусства» — о выставке «Малый круг» см. комм. к с. 379.

С. 370

чета Хохловых — вероятно, поэт и журналист Евгений Сергеевич Хохлов (1890–1970), автор сборника стихотворений «Цветы безделия» (М.: Голодный Пегас, 1914) и воспоминаний о «Летучей мыши» Н. Балиева (Последние новости. (Париж), 1928. 26 февраля. С. 3); в эмиграции сотрудник журнала «Иллюстрированная Россия».

в «Огоньке» — ежемесячный иллюстрированный художественно-литературный журнал (СПб., 1909–1918; ред. С.М. Пропер).

в... приемной редакции «Голубых рогов» — литературное объединение грузинских поэтов-символистов «Голубые роги» («Циспериды Канцеби») существовало в 1915–1926 г. (см. о нем: *Никольская 4. С. 7–12; Никольская 1*); в него входили поэты Т. Табидзе, П. Яшвили, Г. Робакидзе и др. По словам Табидзе, художник, покидая Грузию, «оставил в Тбилиси все свои картины, и среди них автопортрет, который украшал редакцию «Голубых рогов» (с. 50). Вероятно, для Судейкина была важна и ассоциативная близость названия с «Голубой розой». Через год, весной 1920 г., художник изобразит своих грузинских друзей в своей росписи на стенах тифлисского кафе «Химериони»: «Тициан Табидзе в костюме Пьеро, Паоло Яшвили в испанском плаще и шляпе, и др.» (*Дзущова 2. С. 181*). См. также групповую фотографию 1919 г., на которой изображены Тициан Табидзе, Яшвили, Александр Канчели, Нина Табидзе и Робакидзе (*Salon Album. 50*) и вырезку из журн. с рисунком Гудиашвили, изображающим «голубороговцев» (там же. 103а); их упом. см.: *Судейкин. Письмо*.

Табидзе, Тициан (1895–1937) — грузинский поэт-символист, входивший в группу «Голубые роги» один «из трех грузинских братьев» Судейкина (см. надпись на автопортрете художника; воспроизв.: *Дзущова 2. С. 178*); см. его стихотворение в *Salon Album. 57* (на груз. яз.) и воспоминания о встрече с Судейкиными: «Из всех тех деятелей искусства, которых гражданская война заставила приехать в Грузию, Судейкин несомненно был самым интересным. <...> С первого же взгляда вы чувствуете в нем большого артиста: светло-голубые глаза, которые встретишь только в среде русской аристократии. Тело астральной легкости и античных форм. Ему более сорока лет, но никто не скажет, что он не лицеист; портрет — настоящее подтверждение образа Дориана Грея. Светлые глаза, глаза творца и юноши, хранят какую-то большую печаль. Судейкина нельзя представить в одиночестве. С ним — его муза. Вера Артуровна Лури-Судейкина. Было время, красота ее заставляла останавливаться каждого прохожего в Тбилиси... <...> Его картины — вариация одного и того же лица, похожего на современную Мадонну» (с. 49). Табидзе относит знакомство с Судейкиными к апрелю, вероятно, по-старому стилю. Упом.: *Судейкин. Письмо*. Табидзе записал рассказ Судейкина об искусстве и выставке грузинских художников: «Его монолог об изобразительном искусстве был гениален. Я записал тогда его статью <...>. Думаю, что это единственная в Грузии статья настоящего мастера, написанная со знанием и привычной экономией слова» (*Табидзе. С. 49*); см. комм. к с. 366.

Туманян, Ованес (1869–1923) — поэт и общественный деятель, председатель Кавказского общества армянских писателей (1912–1921).

С. 371

Андроникова (в замуж. Андреева, Гальперн), Саломея Николаевна (Ивановна) (1888–1982) — петербургская знакомая Ахматовой, «Соломинка» Мандельштама, «о которой Исаакян сказал, что женщины ее породы рождаются раз в столетие, когда не реже, нарочно для того, чтобы быть воспетыми и увековеченными»

(Эфрон А.С. Марина Цветаева. Калининград, 1999. С. 308). «Не писательница, не поэтесса, не актриса, не балерина и не певица — сплошное “не”. Но она была признана самой интересной женщиной нашего круга. Была нашей мадам Рекамье» (Тэффи. Моя летопись. М., 2004. С. 300–301). Познакомилась с Рафаловичем в Париже, была его спутницей в течение семи лет; летом 1917 г. уехала в Крым вместе с ним и дочерью, осенью того же года они перебрались на Кавказ, сначала в Баку, затем в Тифлис. См. о ней: Шрадде Г. Муза двадцатого века... // Литературная Грузия. 1983. № 3. С. 168–173; Кофейня; Пархомовский М. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердловца, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людей, с которыми он встречался: В 4 ч., с прологом и эпилогом. 2-е изд., перераб. и доп. Иерусалим, 1999. С. 145–151: Муза двадцатого века; Берлин И. Александр и Саломея Гальперны // Русское еврейство в зарубежье. Т. 2 (7): Русские евреи в Великобритании. Иерусалим, 2000. С. 24–35; Васильева. С. 333–406 (портрет С.А. работы Б. Григорьева ошибочно приписан Сорину); Дзуцова 1 (№ 4343). Ее портреты писали Б. Григорьев, К. Петров-Водкин, З. Серебрякова, К. Сомов, С. Сорин, С. Чехонин, В. Шухаев, А. Яковлев; упом.: Судейкин. Письмо.

616

Рафалович, Сергей Львович (Зеликович) (1873–1944) — поэт, прозаик, драматург, критик; знакомый Судейкина, вероятно, с 1906 г.; посетитель вечеров «Бродячей собаки»; Судейкин принимал участие в иллюстрировании его сборника «Speculum Animae» (СПб.: Шиповник, 1911; иллюстрации были также опублик.: Аполлон. 1911. № 8). Судейкины общались с ним и Андрониковой летом 1917 г. в Алуште. Рафалович приехал в Тифлис осенью 1918 г., где основал издательство «Кавказский посредник», был инициатором и редактором журнала «Орион» (см. комм. к с. 384), в период жизни на Кавказе активно печатался, за 1919 г. издал в Тифлисе восемь своих книг; эмигрировал в 1922-м. См.: Кофейня (биограф. справ. на с. 24–25); автографы его стихотворений в *Salon Album*. 13а («Молитва (Прости нас, Матерь Божия)»), 13б («Не служат в церковке обеден»), 23а («Осень (Безветренные, солнечные дни)»), 24а («Двойник Христов, мертвящий и растленный»), 24б («Черен, грузен, неподвижен»), 102 («Приходят к нам из далей синих / Неведомые существа», посвященное В.С.) и шарж на него работы Судейкина (22b); а также воспоминания о нем С. Андрониковой: Васильева. С. 347–349, 378–380, 388; упом.: Судейкин. Письмо.

4 <5> мая, понедельник — у В.С. ошибка: в этом году понедельник пришелся на 5 мая.

«Тарто» — ТАРТО: Товарищество артистов российского театрального общества или Театр артистического общества (русский драматический театр) на Головинском пр.

и Харазовым — Харазов (Харазян), Георгий Артемьевич (1877–1931?), математик, экономист, поэт, критик. См. его стихотворения: *Salon Album*. 47а, 47d, 53а–53с, 101; см. о нем: Альтман М.С. Автобиографическая проза // Минувшее. 1992. Т. 10. С. 230, 238; упом.: Судейкин. Письмо.

на «Демоне» — опера Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894).

из «Валькирии» — опера Рихарда Вагнера (Wagner) (1813–1883).

стиль... Крега — Генри Эдуард Гордон Крэг (Craig) (1872–1966), английский режиссер, теоретик театра, художник; приехал в Москву для постановки «Гамлета» на сцене МХТ.

5 мая, вторник — у В.С. ошибка: в этом году вторник пришелся на 6 мая.

С. 372

по Фрейд — Зигмунд Фрейд (Freud) (1856–1939), австрийский врач-психиатр, психолог, основатель психоанализа.

поставят его «Стеньку Разина» — см. публ.: Стенька Разин: Коллективное представление в 9-ти картинах. Пг.: Театр. отд. при Нар. комиссариае по просвещению, 1919. В Москве премьера спектакля состоялась в начале ноября 1918 г. в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской в помещении Введенского Народного дома (реж. А.П. Зонов и В.Г. Сахновский, художник П. Кузнецов; см.: Литературная жизнь. С. 287) и в конце мая 1919 г. в театре Дворца пролетарской революции им. Я.М. Свердлова (реж. В.Г. Сахновский; см. там же. С. 407). Осенью 1916 г. сам Каменский с успехом выступал на сцене тифлисского цирка в костюме под Степана Разина с чтением стихов из своего романа о нем.

617

«Фантастический кабачок» — был открыт 12 ноября 1917 г. на Головинском пр. (Шота Руставели, 12), «состоял из маленькой комнаты, рассчитанной на 10–15 человек, куда каким-то чудом набивалось до 50 душ. <...> Стены комнаты украшали фантазмагории» (Г. Робакидзе; цит. по: Никольская I. С. 16). «Здесь собирались поэты, писатели, артисты, режиссеры, заглядывали сюда и художники. Здесь устраивались встречи с московскими писателями — с Маяковским, Каменским. <...> И всему этому задавали тон “голубороговцы”. Тут разгорались горячие диспуты, тут всегда было шумно и никогда — спокойно и тихо» (Гудиаивили. С. 35–36). См.: Нечаев. 166–167; Никольская I. С. 16–19; Никольская 4. С. 57–133.

урожденная... Лейхтенбергская (у В.С. — Лихтенбергская) — кн. Александра (Ашхен, Ашени) Николаевна Меликова (урожд. герц. Лейхтенбергская; псевд. Замтари; во втором замуж. Терещенко) (1895–1969), дочь герц. Николая Николаевича Лейхтенбергского, фрейлина имп. Александры Федоровны, в первом замуж. (1916–1922) супруга кн. Л.П. Меликова, близкая подруга С.Н. Андрониковой (см. воспроизв. варианта их двойного портрета 1922 г. работы Яковлева: Сазонов Н. Князь Лобанов-Ростовский княжну Саломею привез из Лондона // НН. 2005. № 73. С. 179). В.С. общалась с ней и в Париже в 1920-х. См. ее стихотворение 1920 г. (Тифлис) «В лохмотьях смуглые муши» (Salon Album. 139; примеч.: р. 90–91). Вероятно, именно ее В.С. в последующих записях называет «герцогиней».

Кара-Дервиш (наст. имя и фам. Акоп Минаевич (Минасович) Генджан) (1872–1930) — поэт, переводчик, беллетрист; см. о нем: Нечаев.

С. 373

Семейко, Николай Корнилович (1896–1947) — поэт, впоследствии журналист.

читать «Цувамму» — см.: «Цувамма: Поэма» (Тифлис: Куранты, 1920).

я уйду — об отношении Зданевича к творчеству Каменского см.: Никольская 1. С. 69–70.

Каменский говорит — ср. с описанием выступлений Каменского в Москве в «кафе поэтов»: Литературные кафе 20-х годов: (Из воспоминаний И.В. Грузинова «Маяковский и литературная Москва») / Публ. И.И. Аброскиной // Встречи с прошлым. Вып. 3. 3-е изд. М., 1987. С. 170–172.

618

С. 374

*жена поэта Дегена — Ксения Деген (см. ее стихотворение, посвященное Ю. Дегену: «Я не верю, что я любима»: *Salon Album*. 63а). Юрий (Георгий) Евгеньевич Деген (1896–1923), поэт, прозаик, критик; член второго (петроградского) Цеха поэтов (зима 1916/17 г.); окончил гимназию в Тифлисе, в 1916 г. поступил в Петроградский университет; в апреле 1917 г. основал художественное общество «Марсельских матросов», «капитаном» которого был Кузмин; осенью уехал в Тифлис, где в ноябре стал одним из учредителей «Студии поэтов» («Фантастический кабачок»); основатель Цеха поэтов «Кольчуга» в Тифлисе (лето 1919 г.). См. его стихотворения: *Salon Album*. 25а (из «Оттепели», посвященное М. Кузмину), 25б («Карнавал», посвященное Судейкину), 27 («Чужая муза», посвященное В.С.; ср. название с «Чужой поэмой» Кузмина), 32б («Приписка» к шаржу Вл. Белкина: «Вглядясь в сию карикатуру, / Поймешь Судейкина натуру. / Да! ни одна из эпиграмм / Сатиры злобствующе-клейкой / Во мненьи не уронит дам / Тебя, божественный Судейкин. / Красив ты всюду, словно черт, — / Мужчина самый первый сорт!»), 107б («Приписка» к стихотворению «Рисунок»: «А вы, причина стольких вдохновений, / Вспомните ль о Юрии Дегене? “Психометрическую” канитель / Зигмунда пылкого запомните ль?»), 108б («Поэт Косьма Петрович Прутков на прогулке»); см. также их портреты работы Судейкина (63б–63с); *РП*. 2. С. 92–93 (биограф. справ. Т. Никольской и Н. Богомолова); *Никольская 1*; *Никольская 4*. С. 148–153; упом.: *Судейкин*. Письмо.*

*часто виделась — см. очерк Дегена с описанием августовской программы 1917 г. в «Привале комедиантов» и упоминанием Глебовой-Судейкиной и Лурье: Республика. (Тифлис), 1917. 17 сентября (перепеч.: *ПК*. С. 141).*

бенефис танцовщицы — Иды Ласкари.

С. 375

рядом с Анановым — Владимир Степанович Ананов, редактор ежедневной тифлисской газеты «Кавказское слово» (с 1916 г.); см. его статьи и заметки в журнале «Ars» (*Никольская* 2).

к семье Брюллова — вероятно, имеется в виду многочисленная семья художника Павла Александровича Брюллова (1840–1914), члена ТПХВ (с 1874 г.), академика (с 1893 г.), хранителя Русского музея (1897–1912), сына художника А.П. Брюллова.

Савелий! — «Я выехал из Крыма в Новороссийск на пароходе Посадник в апреле 1919 г. Оттуда попал в Грузию, где пробыл год и 8 мая 1920 года выехал из Батума в Марсель, а оттуда в Париж 20 мая 1920 года» (письмо Сорина к бар. М.Д. Врангель от 20 августа 1929 г.; *Н1*). Сорин уехал из Крыма вместе с Судейкиными, но, в отличие от них, остался в Новороссийске дольше, вероятно, вместе с Каринскими. На Кавказе он много работал, см.: *Дзуцова* 1. № 4344 (о его портретах тифлисского периода); *Болт Д.Э.* Савелий Сорин в Крыму и Закавказье в 1917–1919 гг. // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 2. Иерусалим. 1993. С. 493–506; см. также автопортрет 1920 (?): *Salon Album*. 7а; посвященное ему стихотворение А. Городецкой «Певец старинной красоты» (там же. 7b); а также упом.: *Судейкин*. Письмо.

619

Кого мобилизовали — см. комм. к с. 361.

Глеб Дерюжинский при нем был принят на пароход — см. комм. к с. 310.

Она идет на лекцию Каменского — возможно, эскизом к этому плакату является рисунок в *Salon Album*. 105.

С. 377

Кепинов (Кепинян), Григорий Иванович (Григор Ованесович) (1886–1966) — скульптор; уроженец Тифлиса, художественное образование получил в Школе живописи и скульптуры Кавказского общества поощрения изящных искусств, занимался в мастерских Родена и П. Трубецкого; после учебы на физико-математическом отделении Петербургского университета вернулся в Тифлис (1913–1921), затем переехал в Москву. См.: *ХН СССР*. Т. 4. Кн. 2. С. 386–388; см. о нем также в письме М.В. Юдиной к П.П. Сувчинскому (1962): «...старый скульптор Кипинов, давний поклонник Веры Артуровны» (*Юдина М.В.* Лучи Божественной любви: Лит. наследие. М.; СПб., 1999. С. 468); упом.: *Судейкин*. Письмо.

газету с Сережиным интервью — см. комм. к с. 365.

Встречаем Струве — общение с М.А. Струве продолжалось в Баку и Париже: см. автографы его стихотворений в *Salon Album*: «Гексаметр унылый» (115b), «С.Ю. Судейкин (От приторной луны не знаю где укрыться)» (131a), «Судейкиным (Немного чашек на столе)» (163), и его портрет работы Судейкина (131b).

С. 378

с *Софьей Григорьевной* — вероятно, актриса Софья Георгиевна Мельникова (урожд. Каплан) (1890–1980); играла в петербургском Литейном театре, затем в провинции, в 1917 г. приехала в Тифлис. См. о ней: *Нечаев*, а также: *Судейкин*. Письмо.

С. 379

о своих двенадцати книгах — «Землянка» (оформл. Б. Григорьева. СПб.: Обществ. польза, 1911 <1910>), «Танго с коровами: Железобетонные поэмы» (рис. В. и Д. Бурлюков. М.: Изд. Д. Бурлюка, 1914), «Нагой среди одетых» (вместе с А. Кривцовым; М.: Изд. рос. футуристов, 1914), «Константинополь» (М., 1914), «Стенька Разин: Роман» (рис. А. Лентулова, Д. Бурлюка, В. Каменского, Н. Кульбина и др. М.: Тип. «Культура», 1916<1915>), «Девушки босиком: Стихи» (Тифлис: Тип. «Прогресс», 1917 <1916>), «Книга о Евреинове» (оформл. А. Шервашидзе. Пг.: Современное искусство, 1917), «<1918>» (опубл. «железобетонные поэмы»: «Солнце» и «Тифлис»; вместе с К. Зданевичем и А. Крученых. Тифлис, 1917), «Его — моя биография великого футуриста» (М.: Китоврас, 1918 <1917>), «Звучаль веснянки: Стихи» (М.: Китоврас, 1918), «Сердце Народное — Стенька Разин: Поэма» (М., 1918); возможно, к этому времени вышло и издание его пьесы: «Стенька Разин: Коллектив. представление в 9 карт.» (Пг.; М.: Изд. Театр. отд. при Наркомпросе, 1919).

620

поэзия Сергею Судейкину — «В стране яркоцветной Картины...»; навеяна рассказами Судейкиных о их жизни в Мисхоре (см. автограф: *Salon Album*. 171), в ней есть строки о В.С.: «Вернется Вера, усталость гоня».

выставка «Малый круг» — открылась во вторник 20 мая в помещении Тифлисского кружка на Головинском пр., 10; см.: Каталог 2-й выставки «Малый круг». Тифлис, май 1919; см. отклик Городецкого: Малый круг [О вернисаже] / С.Г. // Кавказское слово. № 1919. № 96. 21 мая. С. 3–4 (перепеч. в сокращ.: *Дзуцова* 2. С. 183–184). В выставке приняли участие: А.А. Бажбеук-Меликов, С.В. Валишевский, В.Д. (Ладо) Гудиашвили, К.И. Евсеев, А.А. Зальцман, А.П. Карикова, М. Калашников, Е.Е. Лансере, К.Н. Оганджанава, Р.З. Рубен, С. Сорин, С.Ю. Судейкин, К.Э. Тир, Е.А. Флоренская, Б.А. Фогель и О. (И.) Шарлемань. На выставке были следующие работы Судейкина: «Карнавал» и эскизы к нему, «Рождество», «Балаган Арлекина» (декорация постановки в «Привале комедиантов»), «Венецианские безумцы» (декорация к пьесе Кузмина), «У окна», «Утро», «Закатный час», «Весна», «Nature morte» и эту же (см.: «Малый круг». С. [9–10]. № 73–114).

критика Львова о Каменском — к сожалению, не имея возможности ознакомиться с тифлисскими газетами этого периода, мы не можем привести сведения об этой и упомянутой в следующей записи статьях.

газета с ругательным письмом... по поводу вечера В. Каменского, подписанным художником Джорджадзе — вероятно, Василий Иванович Джорджадзе (1886–1952). См. о нем: ХРЗ. С. 260.

С. 381

А есть у Вас о Евреинове? — для Каменского Евреинов был одним из его «братьев-друзей», он написал о нем «Книгу о Евреинове» (Пг.: Современное искусство, 1917), переписывался с ним, пока это было возможно, и надеялся увидеться в Америке; см.: Каменский В. «Мне пора быть с вами в Нью-Йорке»: Письма к Николаю Евреинову <1925–1935> / Публ. О. Демидовой // Звезда. 1999. № 7. С. 165–184; «Работай, чтобы не быть в рабстве у риска»: Письма Н.Н. Евреинова к В.В. Каменскому / Вступ. ст. С. Воронина // Современная драматургия. 1988. № 4. С. 233–351 (в них, рассказывая о том, кто и как из старых знакомых живет в эмиграции, Евреинов не упоминает Судейкина). См. также рисунок Судейкина: «Н.Н. Евреинов и В.В. Каменский. 1919 г. Тифлис» (*Salon Album*. 85b).

вспоминаю Волошина — см. запись от 29 ноября 1918 г.

Сорин волнуется — на второй выставке «Малый круг» были следующие его работы: портреты Г. Бруса, кн. О.К. Орловой, кн. С.П. Оболенского, С.Д. Сазонова, В.Г. Тищенко и этюды (см. каталог: с. [8]. № 64–72).

Николадзе, Яков Иванович (1876–1951) — впоследствии народный художник Грузии, действительный член АХ СССР (1947). Высказывание Судейкина о его работах см. в комм. к с. 366. См. автопортрет и запись в *Salon Album* (59а, 59b): «...создать из двух любящих эстетов и рабов искусства, каковых вижу сейчас, — это счастье».

С. 382

выдает Харазова — см. автографы стихотворений Г.А. Харазова «Фуга (Франклин похитил с неба первый гром)» и «Чуда русского Мастер» с датой 19 июля 1919 г. (*Salon Album*. 47а, 47 d).

рассказывает о Маяковском — Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930) учился в МУЖВЗ (1911–1914); в 1912–1913 гг. принимал активное участие в выставках и диспутах художественных объединений «Бубновый валет» и «Союз молодежи»; был посетителем и участником вечеров в «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов»; с начала 1915 до весны 1919 г. жил в Петрограде (о его общении с Судейкиным см.: Коган. С. 186). Каменский познакомился с ним в ноябре 1913 г. в Москве; оба поэта принимали активное участие в выступлениях футуристов; см. книги Каменского: «Его — моя биография Великого футуриста» (1918) и «Путь энтузиаста» (1931). См. также упоминания Маяковского в воспоминаниях художника: Судейкин I. С. 193, 194; Коган. С. 186.

может Городецкий тиснуть... скверное? — см. его отклик: «Выставка <...> интересна и благодаря участию трех петроградцев — Судейкина, Сорина и Лансере. Все эти три художника уже давно определились как крупные мастера, и было любопытно посмотреть, как отразились на их творчестве война и революция, пережитые ими в горниле событий. Их работа углубилась и

стала более строгой. Внешняя красивость, экзотизм, изысканность сменились упорным желанием выявить самое сокровенное, что таится в них самих и в их натуре» (Дзуцова 2. С. 183).

С. 383

я с «Палладой» — см. запись от 14 июня 1918 г. и комм. к ней.

«Карнавал»... *выглядит бесподобно* — по мнению Городецко-го, «В значительной степени превосходит эти работы большая композиция “Карнавал” <...>. Здесь мастер хотел дать по-старинному большую вещь, со сложным продуманным сюжетом, с трудными техническими заданиями» (Дзуцова 2. С. 184).

«приобретено таким-то» — в каталоге выставки, принадлежавшем Судейкиным, отмечены очередность покупок, цены и покупатели: 1. «Рождество» — 5000, Харазов; 2. «У окна» — 6000, «Гадание» — 5000, Вейсбрут; 3. «Утро» — 5000, Яблоков; 4. «Закатный час» — 3500, Числиев; 5. «Балаган Арлекина: Декорация постановки в “Привале комедиантов”» — 5000, Фефелов; 6. «Венецианские безумцы: Декорация к пьесе Кузмина» — 5000; без номера «Nature morte» — 1000, Фефелов; покупатели — Таирова («Под деревом», 3000) и Меликова (этюды, 103–107, в том числе «Паллада», 3000), Вейсбрут (этюды 108–114). «Карнавал» не был продан (картина была приобретена Музеем искусств Грузии; см.: Судейкин в Грузии. С. 26; воспроизв.: с. 23).

622

знакомит... с банкиром Вейсбрутом — возможно, Абрам Петрович Вайсброд (Вейсбрут) (? — 1936?); эмигрировал, до 1930 г. — управляющий банком в Берлине; см.: НМ. Т. 1. С. 480.

говорю с... Коронами — Александр (Сандро) Акимович Корона (?–1967), поэт (автор сб. «Лампа Алладина: Кн. Песен»). Пг.: Поэзия, 1914; см. его стихотворение «Артур Лурье (Портрет)», опубл.: Фантастический кабачок. Тифлис, 1918. № 1) и композитор; знакомый Судейкина по «Бродячей собаке» (см.: Коган. С. 185; БС. С. 207); вместе с Ю. Дегеном создал в Тифлисе в ноябре 1917 г. «Фантастический кабачок», а вместе с Судейкиным в Нью-Йорке — «Подвал падших ангелов», просуществовавший не более двух недель (см.: Евреинов 1, 41. С. 186–187; см. там же рассказ Корона о работе Судейкина над «Соловьем» Стравинского: с. 191; см. также: Коган. С. 141–144); см. также его стихотворение «Артур Лурье (Портрет)», опубл.: Фантастический кабачок. Тифлис, 1918. № 1; и его жена, певица Надежда Александровна Миляева.

С. 384

приобретено... Меликовой — вероятно, кн. А.Н. Меликова.

с... Валишевским — Сигизмунд (Зига) Владимирович Валишевский (1897–1936), польский художник; в 1903–1921 гг. жил в Грузии, принял участие во второй выставке «Малый круг» (см. каталог: с. [3]. № 11–13). Автор шаржев на Судейкина и портрета В.С. (*Salon Album*. 46), упоминание его в стихотворении Дегена: там же. 107а; см. о нем: Шмерлинг Р. Годы творчества худож-

ника С. Валишевского в Грузии // Труды института истории грузинского искусства АН ГССР. Тбилиси, 1964.

на «Кармен» — опера (1874) Жоржа Бизе (Bizet) (1838–1875).

к концерту А. Черепнина — Александр Николаевич Черепнин (1899–1977), сын Н.Н. Черепнина, композитор и дирижер; эмигрировал; через двадцать лет Судейкин исполнит декорации к его балету «Трепак». См. его автограф от 16 июля 1919 г. в *Salon Album*. 65a.

Визит в «Орион» — журнал «Орион»; издавался в Тифлисе в апреле – декабре 1919 г. (вышло девять номеров) по инициативе и под редакцией Рафаловича, Городецкого и др.; видимо, при содействии Судейкиных в журнале были опубликованы: «Чужая поэма» Кузмина (№ 5, август), его стихотворение «Все тот же сон живой и дальний...» (№ 6, сентябрь) и стихотворение Мандельштама «Золотистого меда струя» (там же). См.: *Никольская 3; Salon Album*.

Городецкий у нас — см. его стихотворение, посвященное Судейкиным: «Кузмин нежнейший, камень-Мандельштам / Благословили ваш уют укромный» (*Salon Album*. 19) со строками: «Венера-Вера*, дева трех полотен, / И ты, Сергей, кто зорек и дремотен / <...> / У четырех поэтов вы промчались в лире» (*Вариант: Анна. — *Прим. авт.*).

623

С. 385

30 июля, среда — сохранились, по-видимому, лишь две записи за июль, но дополнением к ним служат июльские автографы тифлисских знакомых Судейкиных из *Salon Album* с датами: 6-е — И. Зданевич (81), 7-е — Г.А. Харазов (53a–53c), 8-е — Я.Л. Львов (55a), 9-е — Л. (И.) Маркозов (55b), 14-е — Н.Д. Соколов (61a), 16-е — Н.А. Чернявский (65b), 19-е — А.М. Чачиков (33), 20-е — С.В. Яблоновский (78), 21-е — Ю.Е. Деген (63a).

возвращается с Маркозовым — Иосиф (Люлю) Маркозов; см. его автограф в *Salon Album*. 55b: «Желаю Вам, дорогие Сергей Юрьевич и Вера Артуровна, быть в Константинополе и иметь там головокружительный успех. Люлю Маркозов 9 июля 1919 г. Тифлис»; упом.: Судейкин. Письмо.

Меликов (Меликян), Лев (Леван) Петрович (1893–1928) — штабс-ротмистр кавалергардского полка; сын генерал-майора кн. Петра Левановича Меликова (1862–1934); в первом браке муж А.Н. Меликовой; эмигрировал. См.: *НМ. Т. 4. С. 492*.

поехать за Евреиновым — который приехал в Тифлис в июле 1919 г. См.: *Salon Album*. 85 a, b (газетная вырезка с фотографией Евреинова «К его выступлениям в Тифлисе и Баку» и рисунок Судейкина: «Евреинов и Каменский в Тифлисе в 1919»); упом.: Судейкин. Письмо.

С. 386

реприманд — выговор, внушение (фр.).

С. 387

27 августа, среда — записи датируются предположительно по помете «Четверг, Успение» (церковный праздник 15 августа по ст. ст.).

По-видимому, в августе Судейкины на время уехали из Тифлиса, и записи с 27 августа по 1 сентября связаны с приездом В.С. в Тифлис на неделю по делам.

Тирумов — возможно, И.Ш. Пирумов, с 1916 г. редактор тифлисского журнала «Кавказское хозяйство»; см. упоминание Пирумовых в письмах К. Зданевича брату (Из архива Ильи Зданевича / Публ. Р. Гейро // Минувшее. 1991. Т. 5. С. 141, 155).

Брион — возможно, оперная певица Мария Исааковна Бриан (урожд. Шмаргонер) (1886–1965), участница дягилевских Русских сезонов (1913–1914); профессор Петроградской консерватории (с 1920 г.). См.: *Пружанский*. С. 70–71.

Условные сокращения _____

- А.В. — А.В. Дневник обывателя (26 июля 1918 – 4 апреля 1919 г.) // АРР. Берлин, 1922. Т. 4. С. 252–288.
- Аксакова-Сиверс — Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника: [В 2 кн.]. Paris, 1988.
- Александр Михайлович — Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания / Пер. с англ. Е. и П. Степанцовых. М., 1999.
- Алянский — Алянский Ю.Л. Увеселительные заведения старого Петербурга. [2-е изд.]. СПб., 2003.
- Анастасьева — Анастасьева Марг. Век любви и печали: Блуменфельд. Дягилев. Пастернак. М., 1992.
- Анненков — Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Ре-принт. изд. Б.м., б.г.
- Анненков. Повесть — Анненков Ю. (Темирязев Б.). Повесть о пусты-ках / Коммент. А.А. Данилевского. СПб., 2001.
- АРР — Архив русской революции. (Берлин).
- Архитектор Краснов — Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего двора. Симферополь, 2003.
- АХ — Академия художеств.
- Ахматова. ЗК — Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. К.Н. Суворова; Подгот. текста К.Н. Суворовой; Вступ. ст. Э.Г. Герштейн. М., 1996.
- Ахматова. Поэма — Ахматова А. Поэма без Героя / Вступ. ст. Р. Тимен-чика; Сост. и автор примеч. Р.Д. Тименчик, при участии В.Я. Мор-дерер. М., 1989.
- Ахматова и ее современники — Ахматова и ее современники: На фоне Петербурга-Ленинграда: Альбом избр. произв. графики Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме / Сост. И.Г. Иванова и др. М., 2003.
- Барятинская — Барятинская М.В. Дневник русской княгини в боль-шевицкой тюрьме. Январь 1918 // Крымский альбом 2003. Фе-одосия; М., 2004. С. 72–107.

- Бахрушин — *Бахрушин Ю.А.* Воспоминания / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н. Сочинской. М., 1994.
- Белякаева-Казанская — *Белякаева-Казанская Л.* Эхо Серебряного века. СПб., 1998.
- Бенуа. Воспоминания — *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: В 2 т.: В 5 кн.: / Изд. подгот. Н.И. Александровой и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.
- Бенуа. Дневник — *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918 / Подгот. текста Н.И. Александровой, Т.В. Есиной; Коммент. Н.И. Александровой, А.В. Ревякина. М., 2003.
- Бенуа — Дягилев — Александр Николаевич Бенуа и Сергей Павлович Дягилев: Переписка (1893–1928) / Сост. И.И. Выдрин; Подгот. текста и коммент. И.И. Выдрина. СПб., 2003.
- Билибин 1 — Иван Яковлевич Билибин: Статьи, письма, воспоминания о художнике / Ред.-сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.В. Голынец. Л., 1970.
- Билибин 2 — *Билибин И.Я.* Письма и стихотворные послания к Л.Е. Чириковой // Письма М.И. Цветаевой к Л.Е. Чириковой-Шнитниковой. М., 1997. С. 41–49.
- Блок — *Блок А.А.* Записные книжки 1901–1920 / Сост. Вл. Орлов; Подгот. текста, предисл. и примеч. Вл. Орлова. М., 1965.
- Богомолов, Малмстад — *Богомолов Н.А., Малмстад Д.Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.
- Боулт. Судейкин — *Боулт Д.Э.* Сергей Судейкин: Жизнь в ближней эмиграции // В.Э. Борисов-Мусатов и «Саратовская школа»: Материалы 7-х Боголюбовских чтений. Саратов, 2001. С. 161–165.
- Бродская — *Бродская Г.* Алексеев-Станиславский, Чехов и другие: Вишневоградская эпопея: В 2 т. М., 2000.
- БС — *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 160–257.
- Булгаков — *Булгаков С., прот.* Автобиографические заметки / Предисл., примеч. Л.А. Зандера. 2-е изд. Париж, 1991.
- Васильев — *Васильев А.* Красота в изгнании: Творчество русских эмигрантов первой волны: Искусство и мода. 5-е изд., доп. М., 2005.
- Васильева — *Васильева Л.* Тайна времени. М., 2001.
- Васильчикова — *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия: Воспоминания, 1886–1919. СПб., 1995.
- Великий Киноемо — Великий Киноемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России 1908–1919 / Сост. В. Иванова и др.; Вступ. ст. Ю. Цивьяна. М., 2002.

- Веригина — *Веригина В.П.* Воспоминания / Вступ. ст. С. Цимбала; Примеч. Т. Ланиной. Л., 1974.
- Вернадская — *Вернадская Н.В.* Первая русская камерная певица Анна Михайловна Ян-Рубан // Возрождение. (Paris), 1965. Кн. 157. С. 98–112.
- Весь Петербург 1913 — Весь Петербург на 1913 г.: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга / Под ред. А.П. Шашковского. [СПб.]: Изд. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», [1913].
- Весь Петроград 1915[–1917] — Весь Петроград на 1915[–1917] г.: Адресная и справочная книга г. Петрограда / Под ред. А.П. Шашковского. [Пг.]: Изд. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», [1915–1917].
- Винавер — *Винавер М.* Наше правительство: Крымские воспоминания 1918–1919. Париж, 1928.
- Вишневский — *Вишневский В.Е.* Художественные фильмы дореволюционной России: Фильмографические описания. М., 1940.
- Волконский — *Волконский С.М.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992.
- Воспоминания об АА 1 — Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М.М. Кралин. Л., 1990.
- Воспоминания об АА 2 — Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я. Виленкин, В.А. Черных; Коммент. А.В. Курт, К.М. Поливанова. М., 1991.
- Врангель Л. — *Врангель Л.С.* Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964.
- Врангель П. — *Врангель П.Н.* Воспоминания: [В 2 ч.] / Под ред. А.Л. фон Лампе. Франкфурт-на-Майне, 1969.
- Вся Москва — Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1912[–1917] г. / Изд. А.С. Суворина. М.: Город тип., 1912[–1917].
- Выставка 1 — Первая выставка картин и скульптуры «Товарищества объединенных художников» в здании Ялтинской женской гимназии 1917 г. Ялта, 1917. 14 с.
- Выставка 2 — Искусство в Крыму: Художественная выставка / [Обл. И. Билибина]. Ялта, 1918. 38, [2] с.
- Гардин — *Гардин В.Р.* Воспоминания. Т. 1. М., 1949.
- Гильдебрандт 1 — *Арбенина (Гильдебрандт) О.Н.* О.А. Глебова–Судейкина // *Толмачев М.В.* Бутылка в море. М., 2002. С. 148–160.
- Гильдебрандт 2 — *Гильдебрандт О.Н.* М.А. Кузмин / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; Предисл. и коммент. Г.А. Морева // *Лица.* 1992. Т. 1. С. 262–290.

- Глебова-Судейкина. Письмо — *Глебова-Судейкина О.А.* Письмо к Вере Квиль от 29 янв. (?) 1944 г. (Музей Ахматовой в Фонтанном Доме).
- Готье — *Готье Ю.В.* Мои заметки / Подгот. текста Т. Эммонса, С. Утехина. М., 1997.
- Гофман — *Гофман И.М.* Голубая роза. М., 2000.
- Грэм — *Грэм И.* Артур Сергеевич Лурье: Биограф. заметки // *НЖ.* 1996. Кн. 198/199. С. 211–226.
- Гудиашвили — *Гудиашвили Л.* Книга воспоминаний. Статьи. Из переписки. Современники о художнике / Сост., примеч., лит. ред. Л.Ш. Гагуа. М., 1987.
- Гумилев — Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.
- Давыдов — *Давыдов А.В.* Воспоминания. Париж, 1982.
- Дерюжинский — *Дерюжинский Г.В.* В Крыму // *НЖ.* 1990. Кн. 179. С. 239–254.
- Деятели — Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. М., 1930–1932.
- Дзуцова 1 — *Дзуцова И.* Музы: Тифлиссские красавицы начала XX века // *РМ.* 2000. № 4342–4345.
- Дзуцова 2 — *Дзуцова И.* Судейкин в Тбилиси // *Литературная Грузия.* 1978. № 1. С. 176–184.
- Дзуцова 3 — *Дзуцова И.* Стенные росписи в Химерион // *Советское искусство.* 1975. № 3 (на груз. яз.).
- Добужинский — *Добужинский М.В.* Воспоминания / Подгот. текста Г.И. Чугунова. М., 1987.
- Евреинов 1 — *Евреинов Н.* Живопись и театр: Творческий путь С. Судейкина как живописца в театре // *Грани.* (Франкфурт-на-Майне), 1958. № 39. С. 160–172; 1959. № 41. С. 174–194.
- Евреинов 2 — *Евреинов Н.* Оригинал о портретистах: К проблеме субъективизма в искусстве. М., 1922.
- Еремеева — *Еремеева А.Н.* «Под рокот гражданских бурь...»: Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 годах. СПб., 1998.
- Забутые фрески — *Дзуцова И.П., Элизбарашвили Н.А.* Забутые фрески // *Декоративное искусство СССР.* 1975. № 12. С. 40.
- Зарубины — *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997.

- Засосов, Пызин — *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. СПб., 1999.
- Золотая книга — Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энцикл. биограф. словарь. М., 1997.
- Зорин — *Зорин Ю.* Балет «Паганини»: Глава из «Жизни Сергея Судейкина» // *НЖ*. 1976. Кн. 125. С. 160–173.
- Зубов — *Зубов В.П.* Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925). München, 1968.
- Иванов Г. — *Иванов Г.* Собрание сочинений: В 3 т. / Сост. Е.В. Витковский, В.П. Крейд. М., 1994. Т. 3: Мемуары. Литературная критика.
- Из истории — Из истории строительства советской культуры: Документы и воспоминания / Сост. В.Н. Кучин; Общ. ред. и предисл. В.Н. Кучина. М., 1964.
- Кантакузин — *Кантакузин-Сперанский М.С.* Сага о Кантакузиных-Сперанских / Пер. с англ. Д. Налепиной. М., 2004.
- Карабанова — *Карабанова М.* Литературное общество в Ялте в 1917 г. // *НЖ*. 1998. Кн. 210. С. 242–258.
- Карсавина — *Карсавина Т.П.* Театральная улица / Пер. с англ. И.Э. Балод. [2-е изд.]. М., 2004.
- Кашина-Евреинова — *Кашина-Евреинова А.* Воспоминания о С.Ю. Судейкине // *РМ*. 1961. № 1723. С. 7 (1); № 1725. С. 5 (2).
- Керамика Абрамцева — Керамика Абрамцева в собрании Московского государственного университета инженерной экологии / Авт.-сост.: Арзуманова О.И. и др. М., 2000.
- Киселев — *Киселев М.Ф.* Николай Петрович Феофилакт: Материалы к биографии // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 2002. М., 2003. С. 420–453.
- Книппер-Чехова — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: [В 2 ч.] / Сост. В.Я. Виленкин. М., 1972.
- Коган — *Коган Д.З.* Сергей Юрьевич Судейкин. 1884–1946. М., 1974.
- Коробко — *Коробко М.* Усадьба Узкое. Историко-культурный комплекс XVII–XX вв. М., 1996.
- Коровин вспоминает — Константин Коровин вспоминает / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. М., 1990.
- Кофейня — Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э. Мандельштама / Публ. Т.Л. Никольской, Р.Д. Тименчика, А.Г. Меца. Stanford, 1997.

- Красный террор — Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю.Г. Фельштинского, Г.И. Чернявского. М., 2004.
- Красных — *Красных Е.* Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биограф. М., 2003.
- Красовская — *Красовская В.М.* Русский балетный театр начала XX века. Ч. 2: Танцовщики. Л., 1972.
- Кришевский — *Кришевский Н.* В Крыму (1916–1918) // Сопроотивление большевизму. 1917–1918. М., 2001. С. 334–363. (Первая публ.: АРР. Берлин, 1924. Т. 13.)
- Кудрина — *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна (1847–1928): Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2001.
- Кузичева — *Кузичева А.П.* Чеховы: Биография семьи. М., 2004.
- Кузмин 1 — *Кузмин М.* Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. СПб., 2000.
- Кузмин 2 — *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. СПб., 2005.
- Кузмин 3 — *Кузмин М.* Дневник 1934 г. / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. СПб., 1998.
- Лапшин — *Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983.
- Лесман — Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннот. каталог. Публикации / Сост. М.С. Лесман, Н.Г. Князева, Н.Г. Захаренко и др. М., 1989.
- Лившиц — *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминания / Сост. Е.К. Лившиц, П.М. Нерлер; Подгот. текста П.М. Нерлера, А.Е. Парниса; Коммент. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса, Е.Ф. Ковтуна. Л., 1989.
- Литературная жизнь — Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005.
- Лифарь — *Лифарь С.* Дягилев. СПб., 1993.
- Лица — Лица: Биограф. альманах. М.; СПб.
- ЛН — Литературное наследство. М.
- Лукницкий 1 — *Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1: 1924–1925. Париж, 1991.

- Лукницкий 2 — *Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2: 1926–1927. Париж; Москва, 1997.
- Лукомский — *Лукомский Г.К.* Художник в русской революции: Записки художественного деятеля. Берлин, 1923.
- Лурье — *Лурье А.* Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина // Воздушные пути. (Нью-Йорк), 1967. Т. 5. С. 139–145.
- Маковский — *Маковский С.К.* Портреты современников. На Парнасе Серебряного века. Художественная критика. Стихи / Сост. Е.Г. Домогацкая, Э.Н. Симоненко; Подгот. текста и коммент. Е.Г. Домогацкой, Э.Н. Симоненко; Послел. Е.Г. Домогацкой. М., 2000.
- «Малый круг» — Каталог 2-й Выставки «Малый круг». [Тифлис]: Б.и., [1919]. 13, [1]. С. (На обл.: Малый круг. Май 1919. Тифлис.)
- Мгебров — *Мгебров А.А.* Жизнь в театре. Т. 2 / Коммент. Э.А. Старка. М.; Л., 1932.
- Милашевский — *Милашевский В.А.* Вчера, позавчера: Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Минувшее — Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб.
- Михайлов — *Михайлов В.П.* Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003.
- Мок-Бикер — *Мок-Бикер Э.* «Коломба десятилетиях годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной / Пер. с фр. Париж; СПб., 1993.
- Морозова — *Морозова О.Г.* Одна судьба: Повесть. Л., 1976.
- Москвич — *Москвич Г.* Иллюстрированный путеводитель по Крыму с прилож. 27-е изд. Пг., 1915.
- МУЖВЗ — Московское училище живописи, ваяния и зодчества.
- МФ 1 — *Мария Федоровна, имп.* Дневники (1914–1920, 1923) / Сост. Ю.В. Кудрина; Пер. О.Н. Дудочкиной-Крог, А.Н. Чеканской. М., 2005.
- МФ 2 — С высоты престола: Из архива имп. Марии Федоровны (1847–1928) / Публ. Ю.В. Кудриной // *НН.* 2002. № 62. С. 26–61.
- Нащокина — *Нащокина М.* Сто архитекторов русского модерна: Творческие портреты. М., 2000.
- Нечаев — *Нечаев В.* Муза «41» // Минувшее. 1992. Т. 10. С. 158–174.
- НЖ — Новый журнал (Нью-Йорк).
- Никольская 1 — *Никольская Т.Л.* Авангард и окрестности. СПб., 2002.

- Никольская 2 — *Никольская Т. С.М.* Городецкий в Грузии (1917–1919): Материалы к библиогр. // *De Visu*. 1993. № 9 (10). С. 59–63.
- Никольская 3 — *Никольская Т.* Тифлисский журнал «Орион»: Указатель содержания // *De Visu*. 1994. № 5/6. С. 113–115.
- Никольская 4 — *Никольская Т.Л.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000.
- НЛО — Новое литературное обозрение (М.).
- НМ — Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2004. Т. 1–5.
- НН — Наше наследие (М.).
- НРС — Новое русское слово (Нью-Йорк).
- Оболенский — *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988.
- 632 Обухова-Зелиньска — *Обухова-Зелиньска И.* Савелий Сорин — портретист // Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8): Русские евреи во Франции. Кн. 1. Иерусалим, 2001. С. 341–347. Прилож. (С. 347–353): Три письма Сорина Судейкину [1925, 1933–1934(?), 1938].
- Остроумова-Лебедева — *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки: [В 3 т. В 2 кн.] / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н.Л. Приймак. М., 2003.
- Пасманик — *Пасманик Д.С.* Революционные годы в Крыму. [Paris], 1926.
- Петров — *Петров А.В.* Династия Рябушинских. М., 1997.
- ПК — *Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1988. М., 1989. С. 96–154.
- Политические партии — Политические партии России, конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996.
- Половинкин — *Половинкин С.М.* Священник Сергей Булгаков и Крым // Крым: Ист.-краевед. альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 25–43.
- Прилежаева-Барская — *Прилежаева-Барская Б.М.* «Бродячая собака» / Публ. Р.Д. Тименчика // Минувшее. 1998. Т. 23. С. 381–418.
- Прокофьев — *Прокофьев С.* Дневник 1907–1933: [В 2 т.]. Paris, 2002.
- Протазанов — Яков Протазанов: О творческом пути режиссера: [Сб.] / Сост. М.Н. Олейников. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1957.
- Пружанский — *Пружанский А.М.* Отечественные певцы 1750–1917: Словарь. М., 1991.

- Пушкин — *Пушкин А.С.* [Сочинения: В 6 т.]. СПб.: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1907–1915. (Б-ка великих писателей под ред. С.А. Венгерова.)
- Пяст — *Пяст В.* Встречи / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р.Д. Ти-менчика. М., 1997.
- Резникова — *Резникова Н. Г.В.* Дерюжинский // *НЖ*. 1980. Кн. 138. С. 87–100.
- РЛ — Русская литература (Л.; СПб.).
- РМ — Русская мысль (Париж).
- Романов — *Романов Б.* Три года работы с С.Ю. Судейкиным: Из те-атральных воспоминаний // *НРС*. 1947. 31 августа, 7 сентября.
- Романовы и Крым — *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым: «У всех нас осталась тоска по Крыму». 2-е изд., испр., доп. Симферополь, 2002.
- РО ПД — Рукописный отдел Пушкинского дома.
- РП — Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь: В 4 т. Т. 1–4. М., 1989–1999.
- РУ — Русская усадьба: Сб. О-ва изучения рус. усадьбы. М.
- РШОПХ — Рисовальная Школа имп. Общества Поощрения Художеств.
- Садовской — *Садовской Б.* «Весы»: Воспоминания сотрудника / Публ. Р.Л. Щербакова // *Минувшее*. 1993. Т. 13. С. 7–53.
- Сапунов — *Н. Сапунов:* Стихи, воспоминания, характеристики / В. Брюсов, М. Кузмин, П. Потемкин, С. Карамурза, Ф. Комиссар-жевский, Я. Тугендхольд, А. Эфрос (рис. А. Арапова, Н. Крымо-ва, П. Кузнецова, Н. Милиоти, Н. Феофилактова; обл. С. Судей-кина; фронт. К. Сомова). М.: Изд. Н.Н. Карышева, 1916.
- Сведомские — Сведомские и село Завод-Михайловский в контексте региональной истории и культуры: Материалы регион. науч.-практ. конференции. Вып. 2. 30 июня – 3 июля 2000, г. Чайков-ский. Пермь, 2001.
- Серков — *Серков А.* Русское масонство, 1731–2000: Энцикл. словарь. М., 2001.
- Серпинская — *Серпинская Н.* Флирт с жизнью. М., 2003.
- Сестры Герцык — *Сестры Герцык.* Письма / Сост. Т.Н. Жуковская; Коммент. Т.Н. Жуковской. СПб., 2002.
- Современники Горького — *Современники А.М. Горького:* Фотодоку-менты: Описание / Музей А.М. Горького; Сост. Е.М. Герасимова и др. М., 2002.

- Соловьев — *Соловьев В.Н.* С.Ю. Судейкин // Аполлон. 1917. № 8/10. С.15–29.
- Сомов — Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников / Сост. Ю.Н. Подкопаева, А.Н. Свешникова. М., 1979.
- Станиславский 8 — *Станиславский К.С.* Собрание сочинений: В 9 т. / Сост., ред. и автор коммент. И.Н. Соловьева. М., 1998. Т. 8.
- Станиславский 9 — *Станиславский К.С.* Собрание сочинений: В 9 т. / Сост. И.Н. Виноградская, Е.А. Кеслер. М., 1999. Т. 9.
- Субботин — *Субботин С.И.* С.М. Городецкий в газете «Кавказское слово» (1918) и ее преемницах (1919): Новые материалы к библиогр. // *De Visu*. 1994. № 5/6. С. 116–117.
- Судейкин. Письмо — *Судейкин С.Ю.* Письмо В.Э. Мейерхольду (середина сентября – начало октября 1919 г., Тифлис) / Подгот. текста и вступ. ст. А. Парниса // Мейерхольдовский сборник. Вып. 2: Мейерхольд и др. Документы и материалы. М., 2000. С. 471–480.
- Судейкин 1 — *Судейкин С.* Бродячая собака / Публ. Н.М. Конычевой // Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С.185–194.
- Судейкин 2 — *Судейкин С.* Две встречи с Врубелем // Новоселье. [Нью-Йорк], 1945. № 19. С. 29–38.
- Судейкин в Грузии — *Дзуцова И.П., Элизбарашвили Н.А.* С.Ю. Судейкин в Грузии // Музей 1: Художественные собрания СССР. М., 1980. С. 23–26.
- Табидзе — *Табидзе Т.* Первая встреча апреля: Из воспоминаний «Кафе Химерион» // Литературная Грузия. 1967. № 10/11. С. 49–50.
- Талалай — *Талалай М.* Российский некрополь в Неаполе, Венеции и Сан-Ремо // Русско-итальянский архив. Сб. 2. Салерно, 2002.
- Тестаччо — Кладбище Тестаччо в Риме/ Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавит. список рус. захоронений / Сост.: В. Гасперович и др. СПб., 2000.
- Тименчик — *Тименчик Р. О.* Глебова-Судейкина: Первое приближение // *НЛО*. 1994. №7. С. 213–219.
- ТПХВ — Товарищество передвижных художественных выставок.
- Труды и дни Волошина — *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества, 1877–1916. СПб., 2002.
- Ульянов — *Ульянов Н.П.* Люди эпохи сумерек / Сост. Л.Л. Правовой; Подгот. текста, предисл. и примеч. Л.Л. Правовой. М., 2004.
- Урусов — *Урусов П.* Из воспоминаний исчезнувшего времени: Крымские страницы мемуаров / Пер. с англ. и публ. О. Литаш // Крымский альбом. 2001. Феодосия; М., 2002. С. 50–71.

- Фокин — *Фокин М.М.* Против течения: Воспоминания балетмейстера; Сценарии и замыслы балетов; Статьи, интервью и письма / Сост. Ю. И. Слонимский и др. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1981.
- Ханжонков 1 — *Ханжонков А.А.* Первые годы русской кинематографии: Воспоминания. М.; Л., 1937.
- Ханжонков 2 — История издания одной книги: Переписка А.А. Ханжонкова с В.Е. Вишневым / Публ. В. Мыльниковой // Минувшее. 1992. Т. 10. С. 415–464.
- Хин-Гольдовская — *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е.Б. Коркиной; Примеч. А.И. Добкина // Минувшее. 1997. Т. 21. С. 521–596.
- ХН СССР — Художники народов СССР: Биобиблиогр. словарь: В 6 т. М.; СПб., 1970–1995. Т. 1–4.
- Хотяинцева — *Хотяинцева А.А.* Встречи с Чеховым / Публ. П.С. Попова // ЛН. 1960. Т. 68: Чехов. С. 605–612.
- ХРЗ — *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья, 1917–1939: Биогр. словарь. СПб., 1999.
- Цветаетева — *Цветаетева М.* Неизданное: Записные книжки: В 2 т. / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной, М.Г. Крутиковой. М., 2000. Т.1: 1913–1919.
- Чеботаревская — *Чеботаревская А.* Художник С.Ю. Судейкин // Новая жизнь. 1914. № 2. С. 167–171.
- Чуковский — *Чуковский К.* Дневник, 1901–1929 / Подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской. 2-е изд., испр. М., 1997.
- Чулков — *Чулков Г.И.* Годы странствий / Сост. М.В. Михайлова; Вступ. ст., подгот. текста и коммент. М.В. Михайловой. М., 1999.
- Шаховская — *Шаховская З. В.И.* Поль и «Ангельские стихи» Вл. Набокова // Русский альманах. Париж, 1981. С. 231–235.
- Шруба — *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: Словарь. М., 2004.
- Шульц, Склярский — *Шульц С.С.-мл., Склярский В.А.* Бродячая собака: Век нынешний — век минувший. СПб., 2003.
- Щербатов — *Щербатов С.А.* Художник в ушедшей России / Сост. Т.А. Дудина, Н.В. Рейн; Подгот. текста и коммент. Т.А. Дудиной, Н.В. Рейн; Послесл. Т.А. Дудиной. М., 2000.
- Эристов — *Эристов Г.* Тифлисский Цех поэтов: Из воспоминаний // Современник. [Торонто], 1963. № 5. С. 30–33.
- Юсупов — *Юсупов Ф.Ф., кн.* Мемуары: В 2 кн. / Первый полный пер. с фр. Е. Кассировой. М., 2000.

Dearest Bubushkin — Dearest Bubushkin: The Correspondence of Vera and Igor Stravinsky, 1921–1954, with excerpts from Vera Stravinsky's Diaries, 1922–1971 / Ed. by R. Craft; Tr. from rus. by L. Davidova. N.Y., 1985.

Ferrand — *Ferrand J.* Les familles princeries de l'ancien empire de Russie. P. 1–2. Paris, 1979–1982.

HI — Hoover Institution (Stanford University, USA).

Igor and Vera — Igor and Vera Stravinsky: A Photograph Album 1921 to 1971 / Capt. by R. Craft. N.Y., 1982.

Russia in Potographs — *Lyons M.* Russia in Oiginal Potographs 1860-1920 / Ed. by A. Wheatcroft. N.Y., 1977.

Salon Album — The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Ed. and tr. by J.E. Bowlt. Princeton, 1995.

Stravinsky in Pictures — *Stravinsky V., Craft R.* Stravinsky in Pictures and Documents. N.Y., 1978.

Список картин С.Ю. Судейкина.
упоминаемых в дневнике _____

1. Петроград

Бабье лето
Балет
Весенняя идиллия
Весна. Поцелуй по Гофману
Волшебный круг
Зима
Идиллический пейзаж
Катанье на коньках в Кузьминках
Лебединое озеро
Летний пейзаж
Лето. Мы под деревом с ребенком
Маленькая прогулка в Михайловском парке
Новолуние
Опрокинутый взгляд
Осень
Пастораль к кузьминской пьесе
Прогулка в Михайловском парке
Пушкинская ночь
Роща Аполлона
Русская пастораль
Сад Арлекина
Седьмое небо
Сельская прогулка
Финал свадьбы Фигаро
Эскиз одной из ставень зала Гоцци

637

2. Крым

Автопортрет
Адовая мостовая
Аркады
Арлекинад
Бабье лето
Благовещенье
Букет (большой)
Букет с пионами
Букеты (шесть букетов)
Венера (Венера Амуровна)
Венецианские панно
Весенний этюд
Весна

Весна (с индюком)
Волшебный круг
Двенадцать праздников
<Деревья на фоне неба>
Долина Хлои
Карнавал
Катанье
Катанье на масленице
Комедиант
Красный угол
Купание Афродиты
Лунный фейерверк
Маскарад
Муза с поэтом (рис. к «Карнавалу»)
Музы (три рис.: «Урания», «Мельпомена», «Талия»)
<Мы в голландском стиле 18 века>
<Мы в двадцатые годы>
Мы под деревом с ребенком (лето)
<Наши лубочные портреты>
Невозвратное время (Павильон поэта)
<Обложка к сборнику стихотворений П. Богдановой-Бельской>
Открытое окно
Павильон поэта (Невозвратное время)
Полдень в виноградниках
Портрет В.С. (<Мой портрет>)
Портрет Паллады
Портрет Паллады <для сборника>
Поцелуй по Гофману (весна)
Пробуждение Апполона
<Программы к концертам Дроздова>
<Рисунки для вышивок, фарфора>
Рождество
Русский воин
Седьмое небо
Секреты луны
Упавшее облачко
Утро
Фарфоровое пастбище
Филюги
Чижик
Эрос
Aveu (рис. к «Карнавалу»)
Casa belle donna
Reconnaissance (рис. к «Карнавалу»)
Valse noble (рис. к «Карнавалу»)

3. Тифлис

Арлекинада (Балаган Арлекина)
Гадание
Итальянская комедия (Комедианты)
Карнавал
Лебединое озеро
<Плакаты к выступлению В. Каменского>
Портрет Паллады
Портрет Харазова
Рождество
У окна

- А.В. 11, 571, 575, 581, 582, 625
 А.В.В. 61
 Абрамова А.В. 589
 Аброскина И.И. 618
 Авдотья Федоровна, кухарка Сведомских (см.) 61, 64
 Аверченко А.Т. 188, 410, 523, 537
 Аглая (см.: Давыдова Аг. А.)
 Агнивец Н.Я. 410
 Адамик 455
 Адамини 7, 403, 405, 407, 417, 427
 Адамович В.Д. 542
 Адамович Г.В. 416, 427, 535, 546
 Адан (Adam) А. 24
 Агнивец Н.Я. 23
 Азадовский К.М. 421, 537, 577
 Айвазовский И.К. 253, 370, 522, 560, 567
 Акимов Ф.А. (см.: Ухов Ф.А.)
 Акимова М.В. 600
 Акриды (см.: Глебова-Судейкина О.А., Лурье А.-В.С.)
 Аксакова-Сиверс Т.А. 474, 587, 625
 Аксельрод П.Б. 484
 Алекс. Наумович, «башенный торговец» 183, 299, 303, 304, 307, 324, 325, 327, 334, 345, 347, 350, 351
 Александр II 398, 446, 478
 Александр III 405, 517, 564, 607
 Александр Богданович (см.: Якулов А.Б.)
 Александр Михайлович, великий князь 443, 462, 485, 499, 506, 507, 517, 522, 523, 539, 578, 605, 625
 Александра Александровна (см.: Хотьинцева А.А.)
 Александра Федоровна, императрица 421, 440, 462, 478, 491, 564, 617
 Александрова Н.И. 626
 Александровичи, сыновья вел. кн. Александра Михайловича (см.)
 Алексеев А.Г. 570
 Алексеев Г.С. 528
 Алексеев М.В. 440
 Алексеев С.А. 581
 Алексей Михайлович, царь 129, 501
 Алеша (см.: Павлов А.П.)
 Али 62
 Алигер М.И. 535
 Алипов Н. 447
 Алисов М.А. 455, 575
 Алперс Б.В. 464
 Алчевская Х.Д. 455
 Альбрехт А. 608
 Альтман М.С. 616
 Альтман Н.И. 217, 297, 412, 439, 479, 536, 540, 575
 Алянский С.М. 514
 Алянский Ю.Л. 410, 429, 483, 570, 584, 625
 Амфитеатров А.В. 39, 427, 513
 Ан (Hahn) Р. 595
 Ан Чжиен 408
 Ананов В.С. 375, 379, 388, 619
 Анастасия Николаевна, великая княгиня 485, 530, 561
 Анастасьев В.К. 513
 Анастасьева, Марг. В. 429, 456, 625
 Анастасьева (Блуменфельд), Мария Викторовна 457, 495, 513
 Анастасьева Н.Р. 513
 Андерсен (Andersen) Г.Х. 345, 600
 Андреев А.И. 6, 272, 492, 569
 Андреева В. 537
 Андрей Александрович, князь императорской крови 212, 485, 539, 578, 605
 Андрей Яковлевич (см.: Жмудский А.Я.)
 Андроникова (Гальперн) С.Н. 371, 383, 385-389, 470, 615-617
 Андрияша 183
 Анисфельд Б.И. 106, 430, 493, 503
 Анна Дмитриевна, гувернантка Каринских (см.) 343, 360
 Анна Ивановна, кухарка Браиловских (см.) 154, 155, 212

* В указатель не включено имя С.Ю. Судейкина.

- Анна Иоанновна, императрица 424
 Анна Михайловна (см.: Поль А.М.)
 Анна Николаевна (см.: Сведомская А.Н.)
 Анна Осиповна (см.: Голобородько А.О.)
 Анна Павловна, племянница К.Д. Запорожца (см.) 293, 294, 305, 308, 311
 Анна Яковлевна (см.: Дроздова А.Я.)
 Анненков Ю.П. 226, 405, 406, 479, 514, 525, 546–548, 625
 Анненкова Е.Б. 546, 548
 Антик В. 601
 Антипова Р. 489
 Антоновский Б. 549
 Арапов А.А. 66, 402, 411, 463, 470, 526, 543, 633
 Арбенина О.Н. (см.: Гильдебрандт О.Н.)
 Аргутинский-Долгоруков В.Н., князь 522, 536, 561
 Арензон Е.Р. 562, 563
 Аренский А.С. 159, 512
 Арзуманова О.И. 258, 629
 Ари (см.: Лурье А.-В.С.)
 Аристотель 439
 Ариша 84
 Аркис 360
 Армсгеймер И.И. 415
 Арнштам А.М. 519
 Арсений (см.: Брунов А.В.)
 Артур (см.: Лурье А.-В.С.)
 Архангельский А. 548
 Асколин А.А. 23, 410
 Ассан, молочник 156, 352
 Астрик (Astruc) Г. 596
 Ася (см.: Судейкина А.Л.)
 Атрыганьева (Отрыганьева), владелица дачи в Мисхоре 301, 325
 Аурова Н.Н. 591
 Ахматова А.А. 203, 205, 404–407, 416, 421, 427, 433, 436, 437, 443, 465, 466, 469, 470, 506, 509, 513, 522, 532–538, 540, 546, 547, 560, 585, 615, 625, 627, 628, 630, 631
 Ахматович А.М. 564
 Аш (см.: Шайкевич А.Е.)
 Ашбе А. (см.: Меликова А.Н.)
- Б., поэт** 389
 Бабенчиков В.П. 412
 Бабенчиков М.В. 24, 28, 33, 34, 36, 37, 412, 425, 547, 548
 Бабенчиков-Мишельчик (см.: Бабенчиков М.В.)
 Бабушка (см.: Мальмгрен М.П.)
 Багаева Е.Ф. 398, 409, 412, 425, 504
- Бажбеук-Меликов А.А. 620
 Баженов К.П. 440, 462
 Базилевич А. 591
 Бакин И.П. 575
 Бакст Л.С. 57–59, 107, 189, 334, 402, 411, 436, 452, 453, 466–468, 493, 503, 519, 525, 540, 595, 596
 Бакунин М.А. 64
 Балановская Л.Н. 12, 231, 253, 255–257, 261, 263, 264, 268, 551
 Баланчин Д. 587
 Балашов А. 495
 Балджи И.И. 316, 575, 590
 Балиев Н.Ф. 442, 520, 569, 614
 Балицкая (см.: Полоцкая-Емцова С.С.)
 Балод И.Э. 629
 Бальмонт К.Д. 297, 491, 560, 580, 586
 Бальков, владелец дачи в Мисхоре 301
 Банза, владелец имения Виноградovo 518
 Баранов, владелец дачи в Мисхоре 446
 Баранов В.А., граф 298
 Бараш Л.П. 598
 Баринова М.Н. 494
 Барт А.П. 564
 Бартрам 356
 Бартрам (Бертрам), «мадам» (жена Н.Д. Бартрама? (см.)) 326, 327
 Бартрам А.Н. (см.: Изергина А.Н.)
 Бартрам Н.Д. 593
 Баятинская И.В. (см.: Мальцева И.В.)
 Баятинская М.В., княгиня 10, 460, 489, 499, 514, 567, 589, 605, 606, 625
 Баятинские, князья 462
 Батюг (см.: Батюков)
 Батюков (Батюг), комиссар 166, 472, 515
 Баулин, владелец дачи в Мисхоре 211, 243, 346, 446
 Бауэр Е. 527
 Бах (Bach) И.С. 107
 Бахрушин Ю.А. 515, 522, 555, 626
 Бедарева Г.Я. 451
 Безобразова В.В. 575
 Бекетов, владелец имения 530
 Бектабский, князь 375
 Белая Штучка (см.: Оглодина Е.В.)
 Беленсон (Бененсон), Александр Эммануилович (?) 33, 421
 Белкин В.А. 301, 307, 312, 315, 319, 320, 323, 328, 353, 354, 393, 447, 449, 491, 583, 590, 618
 Белокопытова А.М. (см.: Зельманова А.М.)

- Белый А. 112, 421, 495, 579
 Беляев А. 567
 Белякаева-Казанская Л.В. (см.: Казанская Л.В.)
 Бемиг М. 603
 Бенавенте-и-Мартинес (Benavente y Martinez) X. 418
 Бененсон (см.: Беленсон А.Э.)
 Бенкендорф, владелец имения Виноградово 518
 Бенкендорф, граф (сын А.К. Бенкендорфа?; см.) 340
 Бенкендорф А.К., граф 599
 Бенкендорф С.П., граф 599
 Бенау А.Н. 8, 14, 23, 35, 69, 81, 85, 106, 226, 259, 404, 409–411, 414, 417, 420, 422, 423, 428, 430, 432, 434, 436–438, 450, 452, 456, 457, 461, 468, 473, 479, 482, 493, 495, 503, 522, 536, 547, 555, 561, 572, 589, 595, 596, 626
 Берберова Н.Н. 549
 Берг Б.О. 437, 442
 Бердслей (см.: Бёрдсли О.)
 Берлин (Berlin) И. 534, 535, 616
 Бернар (Bernhardt) С. 6, 239, 555
 Бернар (Bernhardt) Э. 74
 Бернарден де Сен-Пьер (Bernardin de Saint-Pierre) Ж.А. 48, 439
 Берсон Я.О. 422
 Берта Ностовна (см.: Радакова Б.Ю.)
 Бертрам (см.: Бартрам)
 Бертъе-Делагард А.Л. 545
 Берштейн Е. 482
 Бессонов В.А. 434
 Бетховен (Beethoven) Людвиг ван 407
 Бёрдсли (Beardsley) О. 217, 540
 Бизе (Bizet) Ж. 411, 623
 Биленки (см.: Биленкий И.М.)
 Биленкий (Биленки, Бильный) И.М. 51, 54, 58, 276, 285, 443, 447, 455, 609
 Билибин, Иван Яковлевич 11, 12, 40, 56, 57, 60, 82, 83, 87, 109, 129–136, 138–152, 170, 181, 184, 206, 207, 209, 212–218, 262, 287, 290, 298, 314, 338, 350–352, 395, 397, 410, 420, 428, 429, 450, 451, 453, 455, 473, 477, 491, 499, 501, 503, 506, 507, 509, 531, 539, 567, 574–577, 582, 590, 626, 627
 Бланки (Blanqui) Л.О. 587
 Блок А.А. 22, 27, 28, 203, 226, 306, 410, 417, 440, 464, 491, 496, 514, 535, 543, 546, 559, 560, 586, 594, 626
 Блок А.Л. 440
 Блок Л.Д. 496, 547
 Блос (Blos) В. 435
 Блох Г.С. 572
 Блуменфельд (кузина Ф.М. Блуменфельда) 352
 Блуменфельд М.В. (см.: Анастасьева, Мария В.)
 Блуменфельд, Нат. Ф. 457, 495, 561
 Блуменфельд, Нина Ф. 111, 174, 177, 223, 229, 250, 254, 347, 456, 457, 495, 561, 575
 Блуменфельд О.Ф. 254, 457, 495, 561
 Блуменфельд (Блу, Блю, Блумен, Блюмен) Ф.М. 12, 61, 62, 65, 68, 72, 75, 78, 83, 87, 92, 94–98, 106, 111–113, 116–119, 121, 129, 132, 135, 142, 146, 147, 149, 151, 153–155, 160, 163, 188, 202, 229, 351, 352, 429, 456, 471, 495, 513, 580
 Боборыкин П.Д. 301, 302, 304, 307, 312, 316, 319, 323, 324, 583, 585
 Бобринский А.А., граф 555
 Бобрищев-Пушкин А.В. 411, 529
 Богаевский К.Ф. 575
 Богданов О.С. (Ори) 170, 171, 439, 516
 Богданов С.И. 439, 558
 Богданов Э.С. 439
 Богданова, владелица пансиона в Ялте 393, 431, 451
 Богданова, тифлисская знакомая 388, 389
 Богданова-Бельская (Дерюжинская) П.О. 11, 47, 48, 51–53, 55, 57, 58, 60, 63–64, 97, 136–143, 166–171, 173, 178, 199, 203, 224, 225, 227, 228, 234, 237, 239, 240, 242–249, 253, 255, 256, 258, 260, 275–277, 281, 282, 285–287, 303, 309, 310, 313, 315, 318, 329, 341, 344, 350, 351, 354–358, 381, 383, 421, 436, 437, 439, 441–443, 465, 470, 499, 504, 506, 515, 516, 532, 555, 557, 558, 622
 Богданович И.А. 564
 Богданович И.Ф. 432
 Богданович Т.А. 477
 Богомолов Н.А. 14, 405, 413, 418, 434, 457, 465, 484, 515, 520, 527, 570, 618, 626, 630
 Бодлер (Baudelaire) Ш. 505
 Бокариус М. 13
 Боккачио (Боккаччо, Воссассио) Дж. 446
 Бонгард-Левин Г.М. 597
 Бонецкая Н.К. 530
 Бологовская Н.П. 578

- Бомарше (Beaumarchais) П. 418, 515
 Бонецкая Н.К. 200
 Борис (см.: Пронин Б.К.)
 Борис Иванович 389
 Борисов-Мусатов В.Э. 402, 591
 Боровиковский В.Л. 397, 541
 Боровский В.Е. 410
 Бородин А.П. 70, 469
 Боссе А.А., де 5, 154, 159, 276, 280, 281, 434, 439, 490, 497, 511
 Боссе Г., де («тетя», жена Э.А. де Боссе) 602
 Боссе Г.А., де 511
 Боссе Г.Ф., де («мама») 5, 21, 40, 45, 48, 52, 54, 58, 63–65, 67–69, 72–79, 81–88, 90–93, 95–98, 100, 101, 103, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 114–124, 126–128, 130–132, 134, 136, 141, 142, 144, 151–155, 157, 162–166, 172, 176–178, 180–183; 185–190, 192–194, 196, 197, 200, 202–204, 206–211, 213–224, 226, 228, 233, 239, 244, 245, 280, 281, 283, 296, 297, 327, 341, 347, 354, 358, 384, 391, 394, 407, 415, 424, 434, 457, 477, 485, 499, 511, 525, 532, 549
 Боссе И.Э., де 511
 Боссе (Beausset) Л., де 511
 Боссе, Маргарита Артуровна, де (?) 31, 419
 Боссе Ф., де 511
 Боссе Э.А., де 511, 602
 Боттичелли (Botticelli) С. 585
 Боулт (Bowlt) Дж. Э. 13, 14, 401, 415, 431, 608, 619, 626
 Бояджиева Г.Ф. 455
 Брагина Т.А. 481, 505
 Браиловская, Оля (см.: Браиловская-Жданова О.П.)
 Браиловская Р.Н. 54, 56, 60–63, 65, 67–78, 80–83, 86, 89, 90, 93–96, 98–102, 104, 105, 107, 109, 111–116, 118, 119, 124–128, 131, 139, 140, 142, 146, 150–155, 157–160, 164, 173, 174, 176–179, 182, 184, 186, 187–189, 191, 194, 196, 198–202, 204, 206–212, 215–223, 229–233, 235–238, 243–251, 253–262, 264, 266–268, 270, 271, 276–278, 280–287, 294–298, 302, 303, 305–307, 312–314, 316–320, 323–329, 331–340, 344, 346–351, 354, 357, 358, 360, 380, 385, 431, 447, 448, 451, 457, 461, 466, 469, 477, 494, 567, 574, 575, 583, 585, 604
 Браиловская-Жданова О.П. (?) 368, 380, 383, 385, 613
 Браиловские, Л.М. и Р.М. 53–55, 59, 72, 81, 83–90, 93–97, 102, 105–110, 115, 119, 122–125, 131, 134, 139, 146, 147, 151, 153–157, 160, 163–165, 172–174, 179, 180, 182, 186–190, 193, 195, 196, 200, 201, 204–206, 209, 211, 212, 214, 219–221, 223, 231, 235, 241, 242, 251, 253, 259, 261, 262, 269–271, 275, 278, 279, 282, 285–287, 289, 291, 295, 297, 300–305, 307, 309–310, 312–314, 317–319, 323–325, 327, 328, 330, 333–338, 341, 342, 346, 347, 350, 352, 355, 358, 359, 447, 448, 453, 454, 494, 499, 510, 521, 544, 579, 585, 604
 Браиловский Л.М. 11, 29–31, 54, 58–59, 61, 62, 64, 67–72, 75, 76, 78, 80–82, 84, 85, 87, 89, 90, 92, 97–102, 104, 105, 107, 109, 111, 115–119, 121, 124, 126, 131, 139, 140, 160, 164, 173, 174, 179, 180, 184–191, 193, 197, 200, 202, 204, 206–211, 213, 215–220, 222, 229–231, 233, 235, 238, 242, 249–251, 253, 258, 259, 261, 263, 266, 268–271, 274, 276–278, 280, 282, 283, 287, 292, 294, 295–297, 299–301, 303, 305, 306, 312–314, 316, 317, 319, 320, 322–325, 328–333, 335, 336, 338–340, 344–346, 351, 354, 355, 357, 358, 360, 380, 397, 446–448, 452, 455, 465, 466, 469, 488, 491, 494, 499, 512, 524, 531, 532, 542, 567, 572, 575, 583, 613
 Браилы (см.: Браиловские)
 Брамс (Brahms) И. 112, 495
 Брандт А.А. 461
 Бриан (Брион), Мария Исаковна (?) 388, 624
 Бризак В.А. 490
 Брион (см.: Бриан М.И.)
 Бродская Г.Ю. 528, 548, 626
 Бродский И.А. 14, 534
 Брокгауз Ф.А. 633
 Бронников Ф.А. 448
 Бруни Л.А. 24, 412
 Бруни Н.А. 412
 Брунов (Бруннов) А.В. 301, 303, 320–322, 341, 356, 358, 584, 590
 Брус (Брусс, Брюс) (Bruse) Г.Д. 107, 203, 450, 493, 535, 536, 621
 Брюллов 351
 Брюллов А.П. 619
 Брюллов Б.П. 580
 Брюллов К.П. 206, 240, 274, 538, 556, 567, 570
 Брюллов П.А. 375, 580, 619

- Брюллова В.И. 295, 580
 Брюсов В.Я. 491, 543, 552, 570, 589, 633
 Брянская М.А. 284, 295, 550
 Брянские, В.Д. и М.А. 230, 232, 237, 246, 252, 255, 265, 270, 286, 298
 Брянский В.Д. 237, 249, 255, 276, 280, 281, 285, 286, 295, 302, 550
 Брянский Вс. В. 552
 Бубнова К.С. 308
 Будыко М.И. 465, 513
 Букиник М. 403
 Булгаков С.Н. 12, 200–202, 211, 328, 339, 516, 529, 520, 532, 539, 579, 592, 594, 626, 632
 Булгаков («молодой») Ф.С. 324, 592
 Булгакова (Токмакова) Е.И. 529, 539
 Буль 166
 Бунин И.А. 306, 447, 560, 578
 Бунины, И.А. и В.Н. 578
 Буранов Ю. 503
 Бурдель 597
 Буренин В.П. 476
 Бурлюк 551
 Бурлюк В.Д. 620
 Бурлюк Д.Д. 507, 586, 620
 Бурцев А.Е. 489, 572
 Бурцев В.Л. 476
 Бутамо (см.: Бутамо-Названова О.Н.)
 Бутамо-Названова О.Н. 40, 429
 Бутник (см.: Бутников И.Г.)
 Бутников (Бутник), Иван Г.(?) 303, 584
 Бухов А.С. 410, 537
 Бучумов М.Я. 449, 518
 Бучумов Н.М. 55–56, 119, 120, 167, 169–172, 227, 228, 273, 274, 287, 293, 449, 455, 575
 Бучумова, жена Н.М. Бучумова (см.) 227
 Бушляева В.В. 487, 579
 Быковская Н.В. 598
 Быховец Е.И. 438
 Быховец И.Н. 438
 Бюнтинг Н.Г., фон 525
 Бюнтинг С.М., фон (?) 195, 455, 525
- В.** 399
 Вавич (Варвич) Михаил Иванович (?) 177, 178, 230, 234, 237, 347, 442, 520
 Вавочка (см.: Варвара Христофоровна)
 Вагн. 388
 Вагнер, жена Ильина (см.) 86
 Вагнер, немецкая художница 231
 Вагнер (Wagner) Р. 135, 407, 589, 617
- Вайсброд (Вейсбрут), Абрам Петрович (?) 383, 384, 622
 Валентин-революционер 333–334
 Валишевский (Walishewski) С.В. (Зига) 384, 385, 388, 399, 491, 540, 620, 622, 623
 Валульская Е. 13
 Вальтер Л.Ф. (Луиза Федоровна?) 284, 298, 331, 348, 349, 352, 354, 574, 575
 Вальтер, сестры Луиза и Юлия Федоровны (?) 261
 Варвара Андреевна (см.: Каринская В.А.)
 Варвара Христофоровна (Вавочка) 385, 387, 389
 Варвич (см.: Вавич М.И.)
 Василий Александрович, князь императорской крови 485, 578
 Василий, Василий Васильевич (см.: Каменский В.В.)
 Василий Лазаревич (см.: Черняров В.Л.)
 Васильев А.А. 480, 491, 578
 Васильев В.С. 455, 516
 Васильев Е.Л. 575
 Васильев Н.В. 575
 Васильев, Спиридон Николаевич (?) 169, 272, 273, 275, 516, 569
 Васильева Л.Н. 470, 616
 Васильева Н.В. 481, 505
 Васильева О.К. 592
 Васильчиков В.Л. 599
 Васильчиков И.С., князь 504
 Васильчикова Л.Л., княгиня 10, 11, 135, 256, 435, 438, 459, 480, 481, 484, 485, 487, 488, 490, 496, 499, 503–506, 517, 526, 527, 538, 571, 590, 593, 599, 602, 604, 605, 626
 Васнецов В.М. 430
 Ватто (Watteau) А. 195, 386, 445, 526
 Вегенер О.Э. 458
 Ведекинд (Wedekind) Ф. 51, 443
 Вейденбаум Е. 552
 Вейнер 165, 190–192, 291, 482
 Вейнер В.И. 47, 68, 160, 161, 329, 334, 437, 513, 575, 598
 Вейнер («маленький») Н.Н. 335, 598
 Вейнер Н.П. 438
 Вейнер П.П. 35, 423, 438, 521
 Вейнеры 438
 Вейнинггер (Weininger) О. 86, 87, 105, 482
 Вейсбрут, банкир (см.: Вайсброд А.П.)
 Веласкес (Velasquez) Д. 567
 Веленгурин Н.Ф. 420
 Венгерос С.А. 531, 532, 577, 579, 633

- Венецианов А.Г. 20, 405, 541
 Вера Александровна (см.: Лишневская В.А.)
 Вера Георгиевна (см.: Тищенко В.Г.)
 Вербицкая А.А. 168, 272, 492, 516, 569
 Верди (Verdi) Дж. 426
 Верещагин В.А. 422
 Веригина В.П. 404, 405, 428, 436, 438, 464, 469, 543, 626
 Верлен (Verlain) П. 445, 505
 Вермель («госпожа») 274
 Вермель М.С. 571, 603
 Вермель Р.Л. 571
 Вермель С.М. 358, 359, 464, 571, 602, 603
 Вермель Ф.М. 571, 603
 Вернадская Н.В. 459, 496, 627
 Вернадский В.И. 451
 Вернадский Г.В. 459
 Верне (Verne) К.-Ж. 556, 567
 Веронезе (Veronese) П. 444
 Вертинский А.Н. 12, 234, 273, 278, 279, 347, 552
 Верхарн (Verhaeren) Э. 305, 579, 585
 Вершинин В.М. 133, 215, 238, 276, 503
 Вестрис (Vestris) Г.А.Б. 445
 Вестфален А.Х. (см.: Кулакова А.Х.)
 Вёльфлин (Wölfflin) Г. 5, 469
 Вздорнов Г.И. 553
 Вик (Wieck) К. (см.: Шуман К.)
 Виктор Диодорович (см.: Брянский В.Д.)
 Виленкин В.Я. 469, 627, 629
 Вильгельм II, Гогенцоллерн 592
 Вильсон Т.В. 571
 Винавер М.М. 10, 499, 590, 593, 598, 627
 Виноградская И.Н. 634
 Вискова И.С. 408
 Висниовская Е.И. 455, 575
 Витали, владелец кофейни в Алушке 285
 Витковский Е.В. 629
 Витмер В.К. 567
 Витте М.И., графиня 438
 Витте С.Ю., граф 438
 Вишневский В.Е. 14, 492, 549, 557, 627, 635
 Владимир (Василий Богоявленский), митрополит 472
 Владимир Владимирович (см.: Дехтерев В.В.)
 Владимир Иванович (см.: Поль В.И.)
 Владимир Николаевич (см.: Дроздов В.Н.)
 Владимир Петрович (см.: Дриттенпрейс В.П.)
 Водовозова Л.Н. 539
 Водовозова (Токмакова) М.И. 539
 Воейков В.Н. 474
 Воейков Н.А. 564
 Войскун Л. 577
 Волжанинов А.В. 567
 Волк С.С. 476
 Волков А.А. 226, 272, 291, 549, 569, 573, 576
 Волкова Ю.В. 432
 Волконская В.А., княгиня 555
 Волконская Е.А., княгиня 521
 Волконская И.В., княгиня 514
 Волконская К.А., княгиня (см.: Вяземская К.А., княжна)
 Волконская С.А., княгиня (см.: Долгорукая С.А., княгиня)
 Волконские, П.М. и В.Г. 171, 517
 Волконский В.Г. (Дима), князь 164, 168, 170, 237, 240, 242, 243, 245–248, 275, 342, 350, 356, 361, 514
 Волконский Г.М., князь 514
 Волконский М.П., князь (?) 178, 521, 557, 599
 Волконский П.Г., князь 555
 Волконский П.М., князь 514, 521, 557, 602
 Волконский П.П., князь 239, 555
 Волконский С.Г., князь 521, 557
 Волконский С.М., князь 463, 474, 514, 521, 557, 591, 613, 627
 Володя, «дядя» (см.: Мальмгрен В.Ф.)
 Волохова Н.Н. 543
 Волошин М.А. 12, 31, 221, 295, 296, 298, 305, 306, 317, 323, 334, 351, 381, 419, 420, 435, 487, 491, 543, 544, 560, 575, 579–582, 585, 586, 597, 621, 634
 Воронин С.Д. 546, 621
 Воронова О.И. 491
 Воронцов М.С., светлейший князь 455, 480, 513, 541
 Воронцова-Дашкова Е.А., графиня 455, 462, 480, 481, 487, 541
 Воронцовы-Дашковы, графы 89, 218, 483, 489, 541
 Врангели 360, 604
 Врангели («маленькие»), Елена, Наталья и Петр Петровичи 335, 598
 Врангель, барон 131, 285
 Врангель («маленькая») Елена или Наталья Петровна 359, 603
 Врангель Л.С., баронесса 11, 451, 453, 501, 502, 566, 627
 Врангель М.Д., баронесса 11, 406, 447, 453, 465, 510, 604, 619

- Врангель («старый») Николай Георгиевич (Егорович), барон 315, 589
- Врангель Н.Н., барон 20, 37, 405, 406, 411, 422, 425, 437, 463, 502, 541
- Врангель (Иваненко) О.М., баронесса 300, 583, 604
- Врангель П.Н., барон 11, 460, 468, 472, 475, 498–500, 502, 530, 557, 561, 583, 604, 627
- Врубель М.А. 72, 288, 299, 396, 470, 471, 529, 542, 582, 634
- Вульф В.Я. 525
- Выдрин И.И. 434, 626
- Вырубова А.А. 33, 55, 394, 420, 421, 450
- Высотский О.Н. 437
- Высоцкие 309, 587
- Высоцкий Д.В. 587
- Вяземская, княгиня 81, 342
- Вяземская А.П., княгиня 487
- Вяземская Е.Д., княгиня 487
- Вяземская (Волконская) К.А., княжна 521
- Вяземская М.В., княгиня 487
- Вяземская С.И., княгиня 487
- Вяземские, князья 95, 267, 487
- Вяземские, владельцы имения Виноградово 518
- Вяземский Б.Л., князь 487
- Вяземский В.Л., князь 487
- Вяземский Д.Л., князь 487
- Вяземский Л.Д., князь 487
- Вяземский Н.А., князь 487
- Гаварни (Gavarni) П. 328, 330, 594
- Гавриил Константинович, великий князь 489
- Гагарин Г.Г., князь 264, 265, 565, 566
- Гагарин С.Н., князь 264, 565
- Гагарина О.Д., княгиня 565
- Гагарина Л.С. (см.: Кнорринг Л.С.)
- Гагарины, князья 462
- Гагуа Л.Ш. 628
- Галанина Ю.Е. 464
- Галиченко А.А. 481, 487, 527, 539, 549
- Галушкин А.Ю. 630
- Гальперн А.Я. 616
- Гальперн С.Н. (см.: Андроникова С.Н.)
- Гамсун (Hamsun) К. 188, 523
- Гардин В.Р. 492, 531, 571, 573, 627
- Гарднер Ф.Я. 38, 419, 426
- Гармаш В. 512
- Гасперович В. 609, 634
- Ге Н.Н. 458
- Гедвиг («тетя из Юзовки») (см.: Боссе Г., де)
- Гедда М.Ф. 420
- Гейберг Г.-Э. 518
- Гейро (Gayraud) Р. 610, 624
- Генджан А.М. (см.: Кара-Дервиш)
- Генриетта Федоровна (см.: Боссе Г.Ф.)
- Георге С. 366, 612
- Георгий Иванович 32
- Георгий Михайлович, великий князь 504
- Герасимов М.Н. 491
- Герасимова Е.М. 633
- Гертель П.Л. 415
- Герцык, А.К. и Е.К. (сестры) 448, 509, 530, 560, 633
- Гершензон М.О. 35, 423
- Герштейн Э.Г. 535, 625
- Гессен И.В. 609
- Гешелин, Александр Исаакович (?) 26, 40, 415, 429
- Гиацинтова С.В. 448, 544
- Гильдебрандт (Арбенина) О.Н. 405, 413, 414, 424, 460, 465, 467, 480, 494, 514, 516, 521, 535, 537, 627
- Гинзбург, баронесса 334
- Гинзбург (Гинцбург) Д.Г., барон (?) 334, 597
- Гинсбург фон Госнлое, Белосельский Белозерский 91
- Гладышев В.Ф.
- Глазунов А.К. 108, 203, 406, 456, 494, 532
- Глеб (см.: Дерюжинский Г.В.)
- Глеб Вячеславович, офицер 127
- Глебова О.А. (см.: Глебова-Судейкина О.А.)
- Глебова-Судейкина О.А. 20–26, 32, 33–37, 40, 49, 51, 54, 67, 89, 161, 162, 180, 183, 190, 225, 235, 245, 249, 289, 349, 374, 375, 402–405, 407, 410, 413–417, 423, 425–427, 429, 430, 440–442, 448, 459, 460, 463, 465, 473, 477, 478, 484, 496, 499, 503, 513, 514, 521, 523, 526, 533, 534, 538, 541, 543, 544, 546–548, 553, 558, 577, 593, 601, 618, 628, 631, 634
- Глебовы 601
- Глебовы, владельцы имения Виноградово 518
- Глюк (Gluck) К.-В. 529, 613
- Гнедич П.П. 403
- Гоголь Н.В. 399
- Голбейн (см.: Хольбейн Х.)
- Голицын А.Н., князь 487, 527
- Голицын С.М., князь 508
- Голицына А.С., княгиня 544
- Голицына В.Л., княгиня 508

- Голобородько, семья 295, 302, 303, 305, 307, 310–312, 316, 317, 319, 324, 326, 328, 330, 334, 362, 579
- Голобородько, Анна Осиповна (Иосифовна) 305, 306, 312, 328, 351, 352, 579
- Голобородько И.И. 306, 312, 328, 333, 340, 579, 585, 590
- Головащенко Ю. 543
- Головин А.Я. 449, 553
- Головкинский Н.А. 476
- Головушкина, ученица С.Ю. Судейкина 22, 23, 26, 27, 409
- Головушкина В.М. 409
- Головушкина Л.М. 409
- Головушкина М.М. 409
- Голубев А.Е. 476
- Голубкина А.С. 575
- Гольдман Н. 575
- Гольцшмидт В.Р. 586
- Гольный С.В. 626
- Гончаров И.А. 5, 566
- Гончарова Н.Н. (см.: Пушкина Н.Н.)
- Гончарова Н.С. 560, 610
- Гордзиани Б. 613
- Гордон, Борис Абрамович или Ной Абрамович 360, 362, 607
- Горнфельд 551
- Городецкая А.А. 453, 608, 614, 619
- Городецкие 491
- Городецкий С.М. 8, 368, 369, 379–384, 387, 389, 396, 421, 425, 491, 523, 543, 608, 611, 613, 614, 622, 623, 634
- Горчаков С.В. 564
- Горшанов, Василий Викентьевич (?) 308, 455, 586
- Горький М. 34, 253, 405, 422, 539, 547, 553, 596, 633
- Горяинова (Энери) И.А. 474
- Готхарт Н.Л. 534
- Готье Ю.В. 559, 585, 628
- Гофман И.М. 448, 463, 464, 549, 590, 628
- Гофман (Hoffmann) Э.Т.А. 46, 83, 107, 187, 189, 192, 208, 219, 333, 410, 436, 475, 479, 505, 524, 525
- Гохбаум Д.А. 215, 348, 539
- Гоцци (Gozzi) К. 303, 416, 428, 584
- Грабарь И.Э. 120, 423, 432, 497, 519, 583, 584
- Грайворон А.Г. (см.: Петренко А.Г.)
- Грановский И.Д. 48, 439
- Гращенкова И.Н. 573
- Грёз (Greuze) Ж.-Б. 139, 506
- Грезин И.И. 607
- Греффюль (Greffulhe) Э., маркиза, де 596
- Гречанинов А.Т. 112, 495, 496
- Гржебин З.И. 22, 23, 26, 33–35, 409
- Григ (Grieg) Э. 112, 495
- Григорий Васильевич (см.: Гринштейн Г.В.)
- Григорович (торговец салом) 227
- Григорьев, комендант Мисхора 102, 123
- Григорьев А.В. 490
- Григорьев Б.Д. 99, 226, 281, 285, 313, 410, 430, 489, 491, 525, 537, 540, 547, 616, 620
- Григорьева Е.Г. 99, 260, 281, 313, 489, 572
- Грин М.Э. 578
- Гринберги (см.: Грюнберги)
- Грингмут (?), С.Г. 334
- Гринштейн Г.В. 270, 271, 272, 290, 317, 341, 562, 568
- Гриф (см.: Соколов С.А.)
- Грифоны (см.: Соколовы: Рындина Л.Д. и Соколов С.А.)
- Грицаев, владелец дачи в Мисхоре 446
- Гришашвили И. 614
- Гросс В.Н. 437
- Гросс Э.В. 437, 506, 507
- Грошева Е.А. 542
- Грузинов И.В. 618
- Грэм И. 407, 430, 494, 535, 547, 628
- Грюнберг 182
- Грюнберг А.С. 519
- Грюнберг В.Ю. 519
- Грюнберг Е.Ю. 519
- Грюнберг (Каменецкая) И.Ю. 519
- Грюнберг (Рахманова) Л.Ю. 519
- Грюнберг М.Г. 245, 275, 519
- Грюнберг О.А. 519
- Грюнберг С.Э. 519
- Грюнберг Ю.О. 519
- Грюнберги (Гринберги) 173, 179, 180, 206, 248, 249, 253, 352, 518
- Гудвин Ф. 13
- Гудиашвили, Ладо (Владимир) 366, 491, 610, 611, 614, 615, 617, 620, 628
- Гудиев (см.: Гурджиев Г.И.)
- Гужон (Шелопутина) М.В. 325, 593
- Гужон Ю.П. 210, 318, 538, 590, 593
- Гужоны 517, 538, 592
- Гульч Н. 455
- Гумилев Н.С. 205, 533, 535–537, 628
- Гумилева (Энгельгардт) А.Н. 537
- Гумпердинк Э. 529
- Гурари, Мирон Давидович (?) 254, 275, 285, 571

- Гурджиев (Гюрджиев) Г.И. 399, 544
 Гуревич 441
 Гусева (см.: Судейкина В.П.)
 Гюго (Hugo) В. 31, 420
 Гюрджиев Г.И. (см.: Гурджиев Г.И.)
- Давид (David) Ж.Л. 572
 Давыдов А.В. 228–231, 235–237, 253, 264, 265, 267, 268, 442, 460, 549, 559, 561, 582, 590, 628
 Давыдов А.Л. 232, 551, 552, 568
 Давыдов В.И. 404, 429, 577
 Давыдов В.Л. 229, 552
 Давыдов Д.В. 552
 Давыдов З.Д. 435
 Давыдова Аг. А. 232, 552, 568
 Давыдова Ад. А. 552
 Давыдова О.Я. (см.: Миллер О.Я.)
 Давыдовы 234, 269, 361, 552
 Далькроз (см.: Жак-Далькроз Э.)
 Данилевский А.А. 548, 625
 Данилова А.А. (Тула) 9
 Данилова И.Е. 438
 Данько Е.Я. 423, 551
 Д'Ансельм 599
 Дворникова Л.Я. 600
 Дебуа А. 608
 Дебюсси (Debussy) К. 176, 185, 452, 467, 520, 546, 547, 595
 Девичинский М. 490
 Дега (Degas) Э. 300, 583
 Дегаев С.П. 417, 476
 Деген К. 374, 385, 618
 Деген, Юрий (Георгий) Евгеньевич 374, 387, 389, 399, 491, 537, 546, 618, 622, 623
 Дегены 491
 Де Куинси (Де Квинси, Квинслей, De Quincey) Т. 505
 Де-Маньян С. 402
 Демидов П.А. 567, 568
 Демидова О.Р. 621
 Деникин А.И. 438, 540, 569, 598
 Денисов В.И. 443
 Деньшин А.И. 263, 565
 Дерюжинская П.О. (см.: Богданова-Бельская П.О.)
 Дерюжинские 139, 141
 Дерюжинский А.Ф. 441
 Дерюжинский В.Ф. 441
 Дерюжинский Г.В. 11, 12, 51–53, 57, 58, 88, 137–143, 166, 171, 179, 199, 219, 225, 240, 255, 256, 283, 287, 298, 309, 310, 344, 350, 362, 375, 437, 441–444, 491, 492, 506, 517, 573, 575, 582, 587, 597, 619, 628
- Дехтерев В.В. 98, 114, 123, 124, 130, 154, 155, 298, 311
 Дехтерева 112, 120, 127, 141, 303
 Дехтерева, Наташа (Наталья Николаевна) 108, 110, 117
 Дехтерева Т.Н. 105, 106, 108, 118, 129, 132, 198, 265, 275, 285, 292, 328
 Дехтерева, Тася (Анастасия?) 117
 Дехтеревы, семья 155
 Дешарт О.А. 509
 Дёмкин Д.И. 122, 201, 207, 211, 215, 221, 352, 470
 Дёмкина, жена Д.И. Дёмкина 135, 159, 470
 Дёмкина Л.И. 352
 Дёмкина С.М. 553
 Дёмкины 72, 90, 98, 135, 159, 211, 230, 349, 470
 Джапаридзе 389
 Джин (см.: Palmer Soudeikine J.)
 Джонсон Л. 13
 Джорджадзе В.И. 380, 620
 Джотто (Джотто ди Бондоне) (Giotto di Bondone) 612
 Дзуцова И.П. 496, 524, 610–612, 614–616, 619, 620, 622, 628, 634
 Диккенс (Dickens) Ч. 55, 56, 188, 332, 523
 Дмитрий Александрович, князь императорской крови 485, 578
 Добкин А.И. 635
 Добротворская К. 467
 Добужинский М.В. 259, 404, 406, 419, 432, 434, 466, 503, 514, 522, 525, 550, 563, 628
 Добычина Н.Е. 403, 414, 427, 433
 Доде (Daudet) А. 300, 582
 Долгорукая, княгиня 277, 462, 480, 503
 Долгорукая («молодая»), княгиня (см.: Долгорукая С.А.)
 Долгорукая И.В., княгиня 454
 Долгорукая О.П., княгиня 132, 446, 454, 517, 538, 555, 557, 567, 568
 Долгорукая, Анна Леонтьевна или Софья Алексеевна (Волконская), княгиня 555
 Долгорукая С.А., княгиня 239
 Долгорукие, семья 65, 133, 218, 267, 306, 489, 541
 Долгорукий, князь 66, 67, 150, 190, 201, 292,
 Долгорукий А.С., князь 521
 Долгорукий П.А., князь 555
 Долгорукий С.А., князь 60, 162, 183, 454, 517, 521, 523

- Долгоруков В.В., владелец имения
Виноградово 518
- Долгоруков П.Д., князь 189, 590
- Долгоруковы, семья 132, 340
- Долгушин Ю.А. 491
- Домброво В.Л. 564
- Домогацкая Е.Г. 631
- Дон-Аминадо 587, 591
- Дондуков-Изыдинов Г. 549
- Доре (Doré) Г. 366, 611
- Доронченков И.А. 489
- Достоевская А.Г. 450
- Достоевский Ф.М. 255, 450, 544, 588
- Дранков А.О. 471, 569
- Дриттенпрейс В.П. 54, 66, 448
- Дриттенпрейс П.А. 448
- Дриттенпрейс (Судейкина) С.Г. 29,
54, 272, 309, 448
- Дроздов В.Н. 12, 61, 65, 68, 72-73, 78,
89, 97, 107, 108, 111, 116, 118, 121,
123, 135, 142, 159, 160, 163, 173, 174,
176-179, 182, 183, 186, 187, 199-
203, 208, 209, 236, 243, 247, 254, 347,
397, 406, 442, 456, 484, 494, 499, 514,
518, 519, 523, 532
- Дроздова А.Я. 108, 179, 202, 250, 352,
484
- Дроздова («седая») Анна Яковлевна
или Мария Тимофеевна 89, 483,
484
- Дроздова М.Т. 483
- Дроздова Н.В. 164, 177, 179, 514
- Дроздовы 107, 114, 134, 135, 159, 179
- Дубинский, Михаил Анатольевич (?)
60, 87, 397, 453, 455
- Дубнова С.М. 461
- Дувакин В.Д. 535
- Дудаков В. 425
- Лудина Т.А. 635
- Лудочкина-Крог О.Н. 631
- Дуже (Duse) Э. 6
- Думова Н.Г. 554
- Дунаева Н. 536
- Дункан (Duncan) А. 6
- Дурылин С.Н. 582
- Дылдин В.А. 448
- Дымов О. 403, 463
- Д'Юмьер (Дюмьер; Dumière) Р. 334,
595
- Дягилев С.П. 6, 9, 24, 44, 199, 200, 240,
257, 263, 298, 325, 334, 401, 402, 406,
411, 433, 442, 456, 457, 464, 467, 468,
473, 479, 493, 519, 529, 536, 540, 542,
556, 565, 594-597, 614, 626, 630
- Дягилева Е.В. 478
- Дягилева Е.С. 478
- Дягилевы 479
- Евгения Петровна 313, 326, 350
- Евдокия, игуменья (см.: Куртэн Е.Э.)
- Евреинов Н.Н. 8, 12, 60, 218, 225-227,
376, 381, 385, 386, 388, 403, 405, 406,
411, 413, 415, 417, 418, 420, 421, 428,
430, 431, 442, 449, 452, 460, 466, 468,
475, 477, 486, 491, 493, 498, 504, 512,
518, 525, 529, 532, 533, 541, 543, 545,
546, 565, 584, 594, 595, 600, 607, 609,
614, 620-623, 628
- Евсеев, Константин Иванович (?)
367, 613, 620
- Екатерина II 129, 398, 501
- Екатерина Григорьевна (см.: Штукен-
берг Е.Г.)
- Елена Ивановна 49
- Еленев Н.А. 584
- Елпатьевский С.Я. 451, 501, 589
- Енишерлов В.П. 614
- Еремеева А.Н. 455, 542, 567, 600, 628
- Ермолова М.Н. 447
- Ермолев И.Н. 274, 277, 346, 520, 549,
569, 570
- Есенин С.А. 412, 586
- Есина Т.В. 626
- Есипова А.Н. 456
- Ефрон И.А. 633
- Жак-Далькроз (Далькроз; Jaques-
Dalcroze) Э. 367, 613
- Жакье (Jaquier) Ж. («француз») 63,
105, 108, 116, 120-124, 130, 136,
139, 141, 144, 145, 152, 153, 200, 238,
312, 313, 325, 329, 339, 344, 350, 351,
354, 357, 358, 458, 491, 498
- Жакье, «Мте и Мг» (Ж. Жакье и
А.А. Хотяинцева; см.) 124, 127, 498
- Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 306
- Жассе (Jasset) В. 603
- Желтова Н. 422, 471
- Жемчужников (см.: Жемчужнико-
вы А.М., А.М. и В.М.)
- Жемчужниковы А.М., А.М. и В.М.
160, 512
- Жемчужников А.М. 512
- Жемчужников В.М. 512
- Женя (см.: Моносзон Е.)
- Жеребцов Д.М. 497
- Жеребцова Н.М. 497
- Жеребцовы 118
- Жирмунский В.М. 470
- Жирнов А.И. 455
- Жмудский А.А. 587
- Жмудский А.Я. 361, 587, 607
- Жмудский, Николай Андреевич (?)
361, 607

- Жолткевич А.Ф. 334, 575, 597
 Жолтовская (Рябушинская) Е.П. 538
 Жолтовский И.В. 210, 259, 503, 538, 563
 Жоржелиани, подпоручик 503
 Жуковская Т.Н. 633
 Журавский А.Ю. 27, 416
 Журбий И.Е. 517, 575
- Завадская, Нана (Наталья Николаевна?) 228, 550
 Завадский С.В. 40, 429, 594
 Завалов Я. 428
 Загоскин М.Н. 327–329, 593
 Задорожный (Задорожский) Ф.Л. 139, 499, 506, 517, 573
 Зайцев Б.К. 454
 Зак Л.В. 59, 60, 183, 453, 455, 575
 Залеманова (см.: Зельманова А.М.)
 Залеская З.Е. 553
 Зальцман А.А. 367, 368, 371, 613, 620
 Замахина Д.Г. 13
 Замятин Е.И. 548
 Зандер Л.А. 626
 Запорожец (Кононов) К.Д. 257, 264, 273, 274, 293, 294, 562
 Запорожец, жена К.Д. Запорожца 273, 570
 Зарубин А.Г. 628
 Зарубин В.Г. 628
 Зарубины 436, 451, 462, 472, 475, 477, 489, 498, 499, 564, 597, 602–604, 628
 Заряно С.К. 556, 567
 Засосов Д.А. 404, 410, 426, 629
 Захаренко Н.Г. 630
 Захаров З.Д. 579
 Захарьян С. 608
 Збомирский (Сбомирский), Глеб Николаевич (?) 177, 521
 Званцев, артист (см.: Званцев Н.Н.)
 Званцев Н.Н. 339, 599
 Званцева Е.Н. 466, 599
 Зданевич 366, 377, 386, 491, 618
 Зданевич И.М. 372, 373, 388, 389, 399, 400, 478, 610, 623, 624
 Зданевич К.М. 373, 399, 610, 612, 620, 624
 Зданевичи 367, 399, 612
 Зелинский Ф.Ф. 340, 599
 Зельманова (Белокопытова, Залеманова) А.М. 52, 443, 455
 Зембинский, владелец магазина в Ялте 166
 Земляниченко М. 625, 633
 Зеневич О.П. 455
- Зенкевич М.А. 427, 535
 Зенкевич С. 535
 Зига (см.: Валишевский С.В.)
 Зилоти В.П. 591
 Зильберштейн И.С. 422, 438, 466, 531, 565, 629
 Зимин С.И. 23, 410, 436, 451, 562
 Злочевский Г.Д. 406, 518
 Зноско-Боровский Е.А. 464, 509
 Золотникова И. 406
 Золотницкий Д. 559
 Зонов А.П. 617
 Зорин Ю. 411, 416, 439, 442, 464, 476, 537, 542, 574, 588, 629
 Зоркая Н.М. 533
 Зося («паня») 61, 64, 65, 68, 73–76, 80, 93, 111, 118, 179, 185, 188, 196, 204, 211, 212, 226, 228, 236
 Зубов В.П., граф 203, 473, 479, 482, 535, 629
 Зыков Л.А. 514
 Зыкова Е. 577
 Зыкова С.В. 412
- Ибсен (Ibsen) Г. 464
 Иван Егорович (см.: Соколиков И.Е.)
 Иван Иванович (см.: Голобородько И.И.)
 Иван Павлович (см.: Чехов И.П.)
 Иваненко, Наталья Михайловна (?) 502, 583
 Иваненко О.М. (см.: Врангель О.М.)
 Иванов Вяч. И. 151, 402, 420, 468, 491, 509, 537, 543, 560, 601, 610, 613
 Иванов Г.И. 414, 420, 427, 428, 437, 477, 478, 556, 629
 Иванов Д. 451, 582
 Иванов Д.В. 509
 Иванов И.И. 308, 356, 450, 586
 Иванов Ф.А. 530
 Иванова А. 577
 Иванова В. 626
 Иванова В.В. 543
 Иванова, Ирина 13
 Иванова И.Г. 478, 625
 Иванова Л.В. 468, 509
 Иванова Л.М. 556
 Иванова Т.Г. 478
 Ивановы 361, 466
 Ивнев Р. 45, 306, 398, 399, 427, 435, 560, 586, 608
 Игнатов, матрос 472, 489
 Игнатенко В.А. 98, 489
 Игнатъев И.В. 463
 Игнатъев С.А., граф 529

- Идельсон, Наум Ильич (?) 321, 336, 358, 590, 591
 Изергина (Бартрам), Анастасия Николаевна (?) 326, 345, 593
 Ильин, член Ялтинского комитета 84, 86
 Ильина Е.Н. 455, 575
 Ильина М.Н. 455, 575
 Илья (см.: Зданевич И.М.)
 Иммер Э. 578
 Иоанн Кронштадтский, протоиерей 511
 Иоффе А.Ф. 451
 Ирина (дочь В.А. Каринской) 587, 590
 Ирина (см.: Шамина И.С.)
 Ирина Александровна (см.: Юсупова И.А.)
 Ирина Николаевна 31, 419
 Ирина Сергеевна (см.: Шамина И.С.)
 Исаакян А. 615
 Исак 124, 126
 Исаков С.К. 412
 Исаков Я.А. 415
- Жавос Е.Ц. 461
 Кадиевич А. 625
 Казаков М.Ф. 518
 Казанская (Белякаева-Казанская) Л.В. 407, 412, 421, 486, 626
 Кайсаров 361
 Какабадзе Д. 611
 Калачев Б.А. 559
 Калашников М. 620
 Калидаса 459
 Калинин Н. 625, 633
 Калининков В.С. 70, 154, 469
 Калишевский, Яков Степанович (?) 124, 189, 194, 201, 254, 352, 498
 Каломийцев (см.: Коломийцев Н.П.)
 Кальдерон де ла Барка (Calderyn de la Barca) П. 509
 Камарго М.А. 445
 Каменева О.Д. 450
 Каменевы 450
 Каменецкая И.Ю. (см.: Грюнберг И.Ю.)
 Каменский В.В. 11, 12, 365–374, 376–384, 386, 388, 389, 491, 546, 547, 551, 560, 586, 608, 613, 617, 618–621
 Каменский С.В. 461
 Каминер И.А. 484
 Камышников Л. 406, 589
 Кандауров К.В. 24, 30, 414, 565
 Кандр. 80
 Каневский (Коневский) М.Д. 166, 170, 179, 224, 515
- Каннегиссер Л.И. 427, 554
 Кантакузин-Сперанский М.С. 461, 483, 489, 499, 500, 555, 629
 Кантакузина Е. 11
 Канчели А. 615
 Каплан Ф.Х. 554
 Карабанова З.В. 274, 570, 571
 Карабанова М. 294, 341, 442, 536, 567, 589, 629
 Кара-Дервиш Г. (Генджан А.М.) 372, 373, 613, 618
 Каракаш, Михаил Николаевич (?) 366, 378, 399, 609
 Каракашель (см.: Каракаш М.Н.)
 Каракаши, семья 367, 369, 375
 Каралли (Коралли) В.А. 289, 576
 Карамурза С.Г. 633
 Кардо-Сысоев, владелец дачи 139
 Кардо-Сысоева, Анна Дмитриевна (?) 182
 Кардовский Д.Н. 401, 466, 489, 493, 582, 583, 588, 592
 Карикова А.П. 620
 Каринская В.А. 12, 313, 315, 327, 335–339, 341–343, 350–355, 358–362, 375–376, 442, 587, 590, 599, 604, 607
 Каринские 310, 314, 315, 319, 321, 319, 358, 360, 361, 619
 Каринский Н.С. 360, 362, 442, 587, 604, 605
 Карнаухова М.Г. 628
 Карсавина Т.П. 44, 68, 77, 107, 199, 203, 263, 404, 405, 433, 459, 466, 467, 493, 519, 531, 532, 535, 536, 565, 595–597, 629
 Картавцева М. 255
 Карташев, владелец дачи в Мисхоре 446
 Карышев Н.Н. 586, 633
 Карышева, Дебора (Вера) Григорьевна (?) 308, 361, 586
 Касаткин-Ростовский Ф.Н. 512
 Кассирова Е. 635
 Кастальский А. 548
 Касимов (Касымов?) 303
 Катков М.Н. 583
 Каччини, Франческа 112, 495
 Кашина-Евреинова А.А. 403, 413, 541, 600, 629
 Квиль В.Г. (см.: Тищенко В.Г.)
 Квиль И.Н. 83, 86, 96, 116, 118, 133, 135, 144, 150, 177, 181, 189, 194, 206, 207, 212, 214, 215, 222, 223, 245, 251, 254, 262, 266, 276, 280, 287, 298, 310, 341, 367
 Квинслей (см.: Де Куинси Т.)

- Келлер, владелец дачи в Мисхоре 147, 446
- Келлер, Владимир Васильевич (?) (владелец дачи в Симеизе) 507
- Келлер В.К. 572
- Келлер Ф.А. 478
- Кельбер 153, 154, 156
- Кельбер, сын А.К. Кельбера (?) 144
- Кельбер, Август Константинович (?) 144, 507
- Кепинов (Кепенов, Кипинов) (Кепинья) Г.И. 377, 379, 385, 386, 388, 389, 619
- Керенский А.Ф. 441, 482, 531, 566
- Кеслер Е.А. 634
- Кипренский О.А. 20, 395, 397, 405
- Кипчакский М.М. 564
- Кирилл (см.: Зданевич К.М.)
- Киселев М.Ф. 470, 629
- Кистер В.К., барон 600
- Кистер, Сергей Владимирович, барон (?) 343, 357, 358, 600
- Клейн М.В. 575
- Клейнмихель Е.П., графиня 481, 492
- Клименская О.Г. 448
- Клопотовский В.В. (см.: Лери)
- Клюев («юный ученый») 148
- Книппер (см.: Книппер-Чехова О.Л.)
- Книппер-Чехова О.Л. 226, 528, 544, 548, 591, 629
- Кнорринг Л.С., баронесса 264, 265, 565, 566
- Кнорринг М.Р., барон 566
- Князев В.Г. 67, 203, 413, 425, 442, 463, 465, 513, 526, 534, 535
- Князева Н.Г. 630
- Князева О.Г. (сестра Князева В.Г.) 465
- Ковако, Юрий (Георгий) Александрович 240, 241, 310, 455, 556, 567
- Ковалевская Н.А. 455, 483, 561
- Коваленский М. 476
- Коварская В. 403
- Ковтун Е.Ф. 630
- Коган Д.З. 404, 405, 408, 410, 411, 413, 415, 416, 418, 424, 425, 427, 428, 433, 436, 441–464, 467, 486, 490, 512, 526, 528, 529, 533, 534, 541, 543, 545, 551–553, 565, 594, 608, 612–614, 621, 622, 629
- Козловская Г.Л. 535
- Козьминых («госпожа») 22
- Козьминых, Иван Михайлович (?) 21, 408
- Кокто (Cocteau) Ж. 334, 595
- Колеров М.А. 530, 594
- Колесников, владелец дачи в Мисхоре 446
- Коломыйцев Н.П. 77, 97, 194, 441, 476, 525
- Коломыйцева, владелица пансионата 477
- Коля (см.: Петров Н.В.)
- Комаровская Н.И. 70, 81, 317, 469
- Комаровский В.А. 463
- Комиссаржевская (Протопопова), Анфиса (Галина) Ивановна 6, 417
- Комиссаржевская В.Ф. 199, 219, 401–403, 417, 418, 438, 443, 464, 469, 488, 493, 518, 528, 542, 543, 546, 548, 569, 613, 617
- Комиссаржевский Ф.Ф. 28, 417, 547, 633
- Комстадиус 481
- Конашевич В.П. 476
- Конечный А.М. 632
- Кондаков 476
- Кондаков Н.П. 11
- Кондаков С.Н. 441
- Кондратьев Д. 554
- Кондратьев М.Я. (см.: Рябушинский М.Я.)
- Кондратьев Я.Д. 554
- Коневский (см.: Каневский М.Д.)
- Коненков С.Т. 311, 588
- Конечный А.М. 632
- Константин Николаевич, великий князь 566, 571
- Кончаловский П.П. 30, 419, 474, 503, 522
- Коньчева Н.М. 634
- Коонен А.Г. 199, 418, 528
- Копельман В.Е. 453
- Копельман С.Ю. 409
- Копо (Soreau) Ж. 595
- Корабельникова Л.З. 407
- Корвин-Каменская (Чурилина), Бронислава (Болеслава) Иосифовна 560
- Корebut-Кубитович (Корибут Корибутович) П.Г. 334, 595, 596
- Коренева Л.М. 12, 199, 195, 196, 198, 200–204, 216, 218–224, 226, 229–239, 242–249, 272, 351, 512, 525, 527, 531–533, 544, 547, 551–553, 558, 559, 576
- Корибут Корибутович П.Г. (см.: Корebut-Кубитович П.Г.)
- Коркина Е.Б. 635
- Корнель 48, 58
- Корнель В.И. 439
- Корников А.А. 461

- Корнилов Л.Г. 49, 149, 440
 Корнилова А.В. 566
 Коро (Corot) Ж.Б.К. 281, 572
 Коробко М.Ю. 452, 480, 629
 Коровин К.А. 12, 55–56, 81, 317, 318, 325, 393, 394, 396, 401, 402, 419, 449, 450, 454, 469, 471, 489, 502, 512, 529, 530–531, 553, 556, 572, 590, 629
 Короленко В.Г. 451, 588
 Корона, Александр (Сандро) Акимович 497, 622
 Короны (А.А. Корона и Н.А. Миллева) 383, 384, 622
 Корш Ф.А. 520, 570
 Костров, управляющий имения в Мисхоре 277
 Котляров Ю. 512
 Кохно Б.М. 491
 Кравцов 40, 429
 Кравцова И.Г. 403, 404, 413, 417, 423, 527
 Кралин М.М. 407, 627
 Крамарж, владелец имения 481, 530
 Крандиевская Н.В. 305, 560, 585
 Краснов Н.П. 443, 485, 492, 522, 563, 564, 607
 Краснушкина Е.З. 58, 84, 452, 455
 Красных Е. 442, 485, 524, 593, 605, 630
 Красовская В.М. 433, 467, 473, 576, 630
 Крафт-Эбинг (Krafft-Ebing) Р. 52, 443
 Крег (Крэг) Г. 371, 617
 Крейд В.П. 629
 Крейн 5, 413
 Крейслер (Kreisler) Ф. 82, 191, 505, 523
 Кремер (Креймер), Иза (Лия) Яковлевна 268, 273, 277, 278, 333, 568–570, 599
 Крестовников Г.А., владелец дачи в Мисхоре 89, 254, 484
 Крестовникова Ю.Т. 484
 Крестовниковы 484
 Криворучкина-Щербатова Л. 540, 606
 Кривошеин А.В. 557
 Кривошеины 243, 484
 Кривцов А. 620
 Кринов 575
 Кришевский Н.Н. 451, 462, 475, 499, 630
 Кропоткина С.Л., княгиня 508
 Крутикова М.Г. 635
 Крученных А. 620
 Крыжановский П.С. (?) 455
 Крылов И.А. 511
 Крымов Н.П. 470, 633
 Крысаков 22, 23, 408
 Ксения Александровна, великая княгиня 443, 462, 485, 517, 539, 578
 Крученных А.Е. 610
 Кудрина Ю.В. 499, 506, 517, 526, 605, 630, 631
 Кузичева А.П. 488, 514, 524, 531, 539, 548, 592, 630
 Кузмин М.А. 6, 12, 24, 53, 64, 67, 68, 96, 113, 119, 151, 165, 196, 205, 253, 254, 306, 369, 401, 402, 404–409, 411–415, 417, 418, 420, 421, 423, 425, 426, 430, 432, 435–437, 440–442, 445–448, 457, 460, 463–468, 476, 480, 481, 484, 488, 491, 494, 497, 505, 509–511, 514, 515, 518, 522, 526, 527, 533, 535, 537, 538, 542, 543, 547, 548, 551, 552, 554, 555, 558, 560, 584, 590, 595, 601, 614, 618, 620, 622, 623, 627, 630, 633
 Кузнецов А.М. 510
 Кузнецов Н.В. 34, 421
 Кузнецов П.В. 321, 402, 411, 430, 503, 529, 590, 591, 595, 617, 633
 Кузнецова В.А. 353, 601
 Куинджи А.И. 19–20, 403
 Кулаков П.Е. 501
 Кулакова (Вестфален) А.Х. 501
 Кулаковы (П.Е. и А.Х.) 129
 Кульбин Н.И. 33, 93, 407, 421, 437, 486, 507, 547, 551, 608, 620
 Кульчицкий, владелец дачи в Мисхоре 446
 Купченко В.П. 435, 579, 634
 Куражов (Куражев) Н.В. 36, 425
 Куракин, Федя 40
 Куракина Т.Г. 594
 Курихин Ф.М. 410, 429
 Курт А.В. 627
 Куртэн Е.Э. 169, 455, 516
 Кускова Е.Д. 461
 Кустодиев Б.М. 419
 Кутукова А.Н. 584
 Кучин В.Н. 629
 Кюба 87, 483
 Кюи Ц.А. 496
 Л. 352
 Л. Ив. 361
 Лавров А.В. 413, 537, 570, 579
 Ла Гранж (см.: Судковская-Лагранж М.Р.)
 Ладьженский В.Н. 567, 589
 Лам<акина?> М.В. (см.: Ломакина М.В.)

- Лампе А.Л., фон 627
 Лампи И.П., мл. 397
 Ланина Т.В. 461, 626
 Ланкло (Lenclos), Нинон, де 586
 Лансере Е.Е. 259, 515, 563, 620, 621
 Лапшин В.П. 419, 421, 427, 430, 436, 553, 599, 630
 Ларин Н.П. 573
 Ларионов М.Ф. 402, 411, 447, 610
 Ласкари, Ида 374, 375, 618
 Латри М.П. 575
 Латыпова Т.А. 383
 Лебедев 282, 537
 Лебедев А.И. 572
 Лебедев В.В. 572, 600
 Лебедев К.В. 572
 Лебедева (см.: Остроумова-Лебедева А.П.)
 Лебеденко 476
 Левит С.Я. 423
 Левитан И.И. 395, 402, 531, 578
 Левитин Е.С. 438
 Левицкая З.Г. 449, 501
 Левицкий А. 492, 567, 573
 Левицкий Д.Г. 267, 397, 568
 Ле Данте Ф.-А. 469
 Ледантю И. 567
 Ле Дантю М.В. 610, 612
 Лейкинд О.Л. 518, 635
 Лейтис К.К. 608
 Лейхтенбергская А.Н., герцогиня (см.: Меликова А.Н.)
 Лейхтенбергская Е.Г., герцогиня, кн. Романовская 530
 Лейхтенбергский С.Г., герцог, кн. Романовский 256, 530, 561
 Лейхтенбергский Н.Н., герцог 617
 Лелекова О.В. 553
 Леман И.И. 422
 Лемерсье К.А. 562, 599
 Ленин (Ульянов) В.И. 55, 69, 73, 164, 199–221, 237–239, 345, 482, 527, 528, 532, 547, 549, 554, 559
 Лентулов А.В. 586, 620
 Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 251, 271, 568
 Леонид Михайлович (Леонид, Леонардо) (см.: Брайловский Л.М.)
 Леонкавалло (Leoncavallo) Р. 517
 Леонтьев К.Н. 398–399
 Леонтьев Л.С. 428, 519
 Леопольд (Léopold) Баварский (Баварский) 208, 538
 Лери (В.В. Клопотовский) 584
 Лермонтов М.Ю. 20, 306, 582, 586
 Лескинен Г.И. 416
 Лесков Н.С. 73, 157, 251, 399
 Лесман М.С. 405, 466, 630
 Лешков Д.И. 483
 Лещенко-Сухомлина Т.И. 568
 Либерман (Liebermann) М. 96, 488
 Ливен, княгиня 473
 Лившиц Б.К. 407, 421, 443, 587, 630
 Лившиц Е.К. 630
 Лидарцева Н.Я. 406
 Лидия Михайловна (см.: Коренева Л.М.)
 Лидия Никитична (см.: Майдель Л.Н.)
 Линген Т. 236
 Ликиардопуло М.Ф. 233, 552, 601
 Лисенко (Лысенко), Наталия Андреевна (Андриановна) 274, 570, 571, 573
 Лист (Liszt) Ф. 107, 113, 135, 456, 496
 Литаш О.А. 504, 634
 Лифарь С.М. 467, 577, 595, 597, 630
 Лишневская В.А. 28, 32, 35, 36, 40, 417
 Лобанов-Ростовский Н.Д., князь 432, 496, 617
 Лобода А. 552
 Ловягин А.М. 411
 Лозгачев Г.Я. 528
 Лозинский М.Л. 427
 Локтева О. 530
 Ломакина (Ламакина) Мария Владимировна (?) 85, 86, 342, 481, 599
 Лонг 427
 Лопухов Ф.В. 588
 Лорис-Меликов М.Т., граф 604
 Лосский Б.Н. 448, 459, 510
 Лужский 544
 Луи-Филипп 231, 551
 Лукин А.П. 499
 Лукницкий П.Н. 407, 446, 513, 514, 533–537, 630, 631
 Лукомский А.С. 581
 Лукомский (В.К. или Г.К.) 35
 Лукомский В.К. 423, 424
 Лукомский Г.К. 423, 424, 450, 482, 508, 591, 631
 Луначарский А.В. 587
 Лури (Люри) 5, 457
 Лурье А.А. 412
 Лурье А.-В.С. 21–24, 27, 32, 33, 37, 40, 107, 108, 161, 162, 185, 190, 203, 225–226, 374, 375, 404–407, 409, 410, 412, 414, 421, 425, 430, 441, 442, 479, 494, 513, 523, 532, 534, 535, 541, 545–547, 618, 628, 631
 Лурье Я.-М.В. 24, 33, 412
 Львов А.Е., князь (?) 202, 531
 Львов, Георгий Евгеньевич, князь (?) 202, 531

- Львов Я.Л. 365–367, 371, 372, 374–378, 380, 382, 388, 396, 548, 609, 610, 620, 623
 Любавина Н. 575
 Людовик XIV 521
 Люри (см.: Лури)
 Лютц, аптекарь в Алупке 324, 348
 Лямина Е.С. 579
 Ляндау К.Ю. 427
- М.** 21
 Магденко Е.П. 469, 470
 Мадгавариани Н.М. 370, 388, 612
 Мадрацо (Madrazo) Ф. 595
 Маевская А.М. (см.: Ян-Рубан А.М.)
 Майдели (Л.Н. и О.Б.) 110, 111, 120, 153, 172, 203, 223, 271, 354, 318
 Майдель Б.К., барон 461
 Майдель Е.Б., баронесса (см.: Штакельберг Е.Б.)
 Майдель Л.Н., баронесса 65, 82, 86–88, 101, 109, 114, 120, 121, 125, 127, 153, 155, 159, 186, 195, 201, 220, 251, 261, 264–286, 296, 302, 320, 324, 326, 329, 330, 335, 340, 349, 350, 461, 466, 557
 Майдель О.Б., баронесса 62, 68, 72, 79, 80, 88, 91, 93, 101, 102, 104, 109, 115, 117, 120, 153, 155, 157, 159, 160, 176, 186–189, 198, 212, 213, 261, 262, 282, 285, 296, 297, 300, 303, 316, 319, 320, 326, 330, 333, 349, 350, 351, 356, 357, 360, 461, 466
 Майер Н.В. 484
 Майский В.А. 607
 Макашвили Н.А. (см.: Табидзе Н.А.)
 Маковецкая О. 418
 Маковицкий Д.П. 474
 Маковская М.Э. 289, 576
 Маковская, Юлия Михайловна (Павловна) 160, 240, 241, 513, 556
 Маковские 291
 Маковский К.Е. 160, 513, 544
 Маковский С.К. 11, 12, 37, 55, 129, 131, 147, 148, 151, 152, 160, 167, 184, 219–221, 230, 231, 233–236, 240, 241, 251, 253, 255–257, 265–267, 275, 276, 279, 280, 282, 283, 287, 289, 291, 292, 298, 309, 313–316, 331, 332, 335–339, 343, 352, 354, 356, 358, 393, 396, 397, 406, 422, 425, 426, 449, 453, 459, 460, 462, 477, 495, 499, 501, 504, 507, 509, 510, 513, 514, 524, 532, 541, 544, 549, 553, 556, 559, 562, 567, 575, 576, 579, 582, 631
 Максимов Д.Е. 537
 Максимова (Гросс) В. 13, 437
 Максимова В.П. 558
 Малама, владелец имения 530
 Калинин Н. 434
 Малмстад Д. (см.: Malmstad D.E.)
 Мальмгрэн В.Ф. («дядя Володя») 92, 210, 424, 485
 Мальмгрэн Г.Ф. (см.: Боссе Г.Ф., де)
 Мальмгрэн Е.Ф. 424
 Мальмгрэн И.Ф. 424
 Мальмгрэн М.П. («бабушка») 36, 424
 Мальмгрэн О.Ф. 424, 434
 Мальмгрэн Ф. 425
 Мальмгрэн Ф.Ф. 424
 Мальцов И.С. 462, 481, 504, 521
 Мальцов Н.С. 462
 Мальцов С.И. 462
 Мальцова (Барятинская) И.В. 462
 Малютин (Милютин) С.В. 315, 481, 589
 Малявин Ф.А. 299, 553, 582
 Мама (см.: Боссе Г.Ф., де)
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 323, 324, 592
 Мамонтов В.С. 471
 Мамонтов Н.И. 72, 471
 Мамонтов С.И. 199, 287, 401, 402, 464, 471, 529, 562, 563
 Манганари А.В. 575
 Мандельштам О.Э. 12, 151, 369, 391, 392, 412, 431, 443, 469, 477, 491, 509, 510, 560, 610, 614, 615, 623, 629
 Мандельштам Н.Я. 14, 510, 514, 553
 Мане (Manet) Э. 71, 469
 Мануэле-Джизмонди (Manuele-Gismondi) М. 511
 Мануэле-Джизмонди (Manuele-Gismondi) П. 510–511
 Мар. Руд. 388
 Марадудин Ф.П. 569
 Марадудина М.С. 273, 278, 569
 Маргарита (см.: Боссе М.А.)
 Маргулис (Маргулис) М.С. 336, 598
 Марджанов К.А. 410
 Марина Петровна, княжна императорской крови 485
 Мария Алексеевна (см.: Брянская М.А.)
 Мария Дометьевна (см. Рябушинская М.Д.)
 Мария Ивановна 388
 Мария Игнатьевна (см.: Мухина М.И.)
 Мария Павловна, великая княгиня 465
 Мария Павловна (см.: Чехова М.П.)
 Мария Федоровна, вдовствующая императрица 11, 243, 436, 454,

- 478, 487, 492, 503, 506, 507, 517, 526,
538, 557, 600, 604, 630, 631
- Мария Эрастовна (см.: Маковская М.Э.)
- Марков А. 495
- Марков В.Ф. 464, 603
- Маркозов, Иосиф (Люлю) 385–390,
398, 399, 623
- Маркс А.Ф. 519
- Марочка (см.: Судейкина Т.А.)
- Матвеев А.М. 556, 567
- Матич О. 520
- Матушка (см.: Судейкина В.П.)
- Матюре (см.: Мэтьюрин Ч.Р.)
- Махлис И.П. 170, 172, 455, 517
- Махно Н.И. 323, 330, 592
- Махров К.В. 635
- Мацылев С.А. 502
- Маша 22, 40, 197
- Машков И.И. 30, 419, 453, 503, 592
- Маяковский В.В. 382, 546, 547, 551,
586, 600, 617, 621
- Мгебров А.А. 405, 414, 428, 464, 631
- Медведева Н.М. 593
- Мейерхольд В.Э. 402, 411, 415, 424,
425, 428, 429, 443, 464, 486, 509, 519,
529, 543, 603, 634
- Меликов (Меликян), Лев (Леван)
Петрович, князь 385, 617, 623
- Меликов П.Л. 623
- Меликова (Ашбе), Александра (Аш-
хен, Ашени) Николаевна, княги-
ня 372, 384, 387–390, 617, 622, 623
- Меликовы (А.Н. и Л.П.) 385, 387–389
- Мелла И.Э. (см.: Боссе И.Э.)
- Мельгунов С.П. 559
- Мельникова, Софья Георгиевна (?)
620
- Мельницкий, Владимир Константи-
нович (?) 20, 21, 32, 405
- Мендельсон-Бартольди (Mendels-
sohn-Bartholdy) Я.Л.Ф. 176, 456,
520
- Мерилиз 591
- Месаксуди А.К. 598
- Месаксуди В.К. 598
- Месаксуди Г.К. 598
- Месаксуди К.И. 598
- Месаксуди, Мария Константинов-
на (?) («старуха») 336, 598
- Месаксуди П.К. 598
- Метерлинк (Maeterlinck) М. 464, 528,
543, 613
- Метнер А.М. 562
- Метнер В.К. 562
- Метнер Е.М. 12, 258, 260, 261, 269,
270, 273–275, 278–280, 287–290,
- 298, 310, 314, 317, 331, 332, 336–
338, 340, 341, 359, 562, 563, 568, 574,
582, 590
- Метнер К.К. 562
- Метнер Н.К. 259, 456, 562, 563
- Мец А.Г. 629
- Мещерская Е.А., княгиня 523
- Мещеряков А.Д. 516
- Мизинова Л.С. 529
- Микешин М.О. 282, 572
- Миклашевский К.М. 21, 40, 408, 436
- Милашевский В.А. 411, 412, 425, 437,
514, 576, 631
- Милиоти (Миллиоти) Н.Д. 226, 267,
274, 279, 288, 402, 430, 459, 503, 548,
575, 633
- Милиоти, жена Н.Д. Милиоти (см.)
274
- Милица Николаевна, великая княги-
ня 485, 502
- Миллер, Ольга Яковлевна, фон (?)
298, 308, 309, 315, 336, 582
- Миллес (Millais) Дж. Э. 540
- Милли К. 403
- Миллиоти Н.Д. (см.: Милиоти Н.Д.)
- Мильская Л.Т. 423
- Милюков П.Н. 132, 149, 451, 502
- Милютин (см.: Малютин С.В.)
- Миляева Н.А. (см.: Короны)
- Минасов 144, 223, 273, 310, 341, 343
- Минский М.Н. 491
- Минье (Mignet) О. 435
- Мирбах (Mirbach) В. 186, 318, 522
- Мирбо (Mirbeau) О. 188, 523
- Мирон (см.: Якобсон М.И.)
- Митурич П.В. 407, 412, 546
- Митусова Л.С. 428
- Михаил Александрович, великий
князь 479, 486
- Михаил Васильевич (см.: Черно-
яров М.В.)
- Михайлов В.Д. 311, 312, 316–320, 588
- Михайлов В.П. 570, 573, 601, 631
- Михайлов, Константин Александро-
вич (?) 105, 111, 492
- Михайлова, доктор 349
- Михайлова М.В. 635
- Михайлова О.В. 588
- Михайловская-О'Коннель Р.Р. (см.:
О'Коннель Р.Р.)
- Михельсон Л.А. 554
- Мицишвили Н. 610
- Миша 115
- Мищенко А.Л. 459
- Могиланский М.М. 414
- Мозжухин И.И. 570, 571, 573

- Мок-Бикер (Moch-Bickert) Э. 404, 405, 407, 416, 417, 459, 460, 465, 478, 513, 514, 543, 547, 549, 631
- Молдавский Е. 564
- Молева Н.М. 450
- Монигетти И.А. 564
- Монозон (Монозон), Евгения (?) 29, 30, 223, 276, 418
- Мопассан (Maupassant) Ги 188, 415, 523
- Мордвиновы, графы 462
- Мордерер В.Я. 625, 632
- Мордкин М.М. 219, 224, 233, 240, 312, 542, 556, 588
- Морев Г.А. 627, 630
- Моретти (Moretti) М. 511
- Морозов В.И. 310, 587
- Морозов Г.Ф. 451, 503
- Морозов, Иван Абрамович (?) 31, 419
- Морозов И.Е.
- Морозов П.О. 536
- Морозов Сав. Т. 522, 542
- Морозов Серг. Т. 418
- Морозов Т.С. 544
- Морозова, владелица дачи в Мисхоре 225, 394
- Морозова О.Г. 428, 437, 504, 584, 631
- Морозова З.Г. 522
- Морозова О.В. (?) Ольга, ученица С.Ю. Судейкина 7, 11, 409
- Морозова-Сомова (Сомова) О.Г. 133, 503, 571, 575
- Морозовы, владельцы дачи в Мисхоре 224, 394, 484
- Моррис (Morris) У. 540
- Морской (А.А. или Ф.Ф.) 283
- Морской, Александр Алексеевич (?) 573
- Морской, Федор Федорович (?) 573
- Морфесси Ю.С. 525
- Москвич Г. 432, 433, 436, 446, 447, 452, 453, 476, 478, 483, 490, 493, 494, 499, 502, 507-509, 515, 522, 537-539, 541, 545, 552, 569, 571, 586, 631
- Мосолов А.А. 474
- Моцарт (Mozart) В.А. 72, 107, 113, 493
- Мочульский К.В. 470
- Мунт Е.М. 543, 544
- Муравьева, владелица дачи в Мисхоре 446
- Мурашев А.А. 437
- Мусоргский М.П. 185, 447, 456, 470
- Мусатов (см.: Борисов-Мусатов В.Э.)
- Муся (см.: Юрьева М.)
- Мухина В.И. 491
- Мухина М.И. 105, 106, 108, 114, 120, 123, 125, 127, 130, 132, 135, 136, 141, 143, 181, 188, 201, 211, 212, 303, 327, 350, 458, 491, 578
- Мыльникова В. 635
- Мысляков В.А. 579
- Мэтьюрин (Матюре, Maturin) Ч.Р. 505
- Мюр 322, 591
- Н. Ник., хозяйка Судейкиных в Ялте
- Набоков 107, 262, 263, 267, 274
- Набоков («молодой»), Владимирили Сергей Владимировичи 107, 111
- Набоков В.В. («поэт») 111, 487, 495, 539, 549, 579
- Набоков В.Д. 111, 486, 487, 493, 495, 500, 579
- Набоков Д.Д. 487
- Набоков К.В. 487
- Набоков Н.Д. 487
- Набоков С.В. 487
- Набоков С.Д. 487
- Набокова Е.В. 487
- Набокова Е.И. 111, 487
- Набокова О.В. 487
- Набоковы 12, 95, 106, 442, 486, 487, 527, 564
- Наддачин, владелец дачи в Мисхоре 446
- Надежда Михайловна (см.: Ухова Н.М.)
- Надежда Семеновна 36
- Найман А.Г. 469, 534
- Налбандов В.С. 564
- Налепина Д. 629
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт; Napoleon) 81, 187, 453, 478, 511, 610
- Нарбут, Николай Васильевич (?) 40, 429
- Настасья Николаевна 35
- Натали, Наталочка 137-139, 141, 142, 168, 170, 171, 173, 225, 239, 240, 298, 350, 351, 360, 437
- Наталина О.Н. 567, 575
- Наталья Николаевна (см.: Дехтерева Н.Н. (?))
- Науменко И.В. 507, 530
- Наумов, Виктор Андреевич (?) 33, 34, 420
- Нахичеванский, хан 462
- Нащокина М.В. 448, 465, 631
- Нейгауз Г.Г. 456
- Недоброво Н.Н. 470, 577, 579
- Недович Е.Ю. 219, 261, 283, 284, 303, 542, 573, 574

- Неизвестная 579
 Нелидова Л.М. (Ричардовна) 6, 467, 473, 595, 600
 Незлобин К.Н. 418, 520, 599
 Немирович-Данченко В.И. 199, 524, 528
 Нератов, начальник ялтинского гарнизона 98, 100, 489
 Нерлер П.М. 630
 Нестеров М.В. 435, 449, 589, 592
 Нестерова Н.М. 592
 Нестор Камчатский, епископ 434
 Нестьев И. 407
 Нечаев В.П. 617, 618, 620, 631
 Нечаев Г.А. 436
 Ниерот Т. (Ф.М.) 550
 Нижинский В.Ф. 334, 467, 595, 597
 Никита, сын Т.П. Карсавиной 535
 Никита Александрович, князь императорской крови 11, 485, 499, 578
 Никитин А.Г. 608
 Никифоров Д.И. 564
 Никодим (Никодим Вик.) 115-122, 125-127, 129, 152, 153, 155-157, 219, 220, 489
 Николадзе Я. 381, 388, 610-612, 621
 Николаевский Б.И. 570
 Николаи (Nikolai) О. 529
 Николай I 129, 398, 530
 Николай I Черногорский 530
 Николай II 68, 196, 207, 328, 353, 398, 421, 466, 474, 479, 503, 526, 530-532, 563, 571, 594, 600
 Николай Андреевич (см.: Жмудский Н.А.)
 Николай Дмитриевич (см.: Соколов Н.Д.)
 Николай Михайлович, великий князь 503, 594
 Николай Николаевич-мл., великий князь 201, 303, 485, 521, 523, 530, 561
 Николай Николаевич-ст., великий князь 530
 Николай Сергеевич (см.: Каринский Н.С.)
 Никольская Т.Л. 537, 608, 610, 614, 615, 617-619, 623, 629, 631, 632
 Никулин Л.В. 609
 Нилус П.А. 455
 Нильсен (Nielsen) А. 136, 505
 Нина Александровна (см.: Черноярва Н.А.)
 Нина Михайловна 374, 376-378, 380, 383, 388, 389
 Нирод Ф.М. 517
 Нита (см.: Сведомская А.А.)
 Ницше (Nietzsche) Ф. 166, 167
 Ноаковский С.-В. В. 259, 563
 Новиков Ю.В. 470
 Нолькен, баронесса 359, 360
 Нолькен А.Г., барон 604
 Нолькен, Александр Людвигович, барон (?) 328, 593, 604
 Нолькен Е.М., баронесса 604
 Нолькен О.В, баронесса 604
 Нолькен С.М., баронесса 604
 Носов В.В. 413, 490
 Носова А.Г. 464
 Носова Е.П. 413, 490, 515
 О.М.Ю. 575
 Обатнина Е.Р. 473
 Оболенская Е.А., княгиня 121, 123, 575
 Оболенская Л.П., княгиня 11, 452, 479, 480, 481
 Оболенская М. 550
 Оболенская Ю.Л. 435
 Оболенские (А.А. и Л.П.) 82, 84, 89, 90, 115, 116, 121, 122, 135, 139, 192, 442, 479, 480, 496
 Оболенский, князь 53, 57, 66, 99, 118, 122
 Оболенский А.А., князь 446, 452, 480, 481
 Оболенский А.Д., князь 480
 Оболенский В.А., князь 11, 461, 498, 499, 536, 561, 590, 600, 632
 Оболенский С.П. (см.: Оболенский-Нелединский-Мелецкий С.П.)
 Оболенский-Нелединский-Мелецкий С.П., князь 446, 452, 621
 Обухова-Зелиньска И. 406, 588, 632
 Овидий (Публий Овидий Назон, Ovidius) 60, 132, 453, 502
 Овсянников, Михаил Викторович (?) 106, 493
 Оганджанова К.Н. 620
 Оглодин, доктор в Ялте 175, 189, 194, 301, 318, 327
 Оглодина Е.В. (Белая Штучка) 79, 81, 89, 90, 101, 108, 157, 175, 303, 329, 471
 Оглодины 175, 257, 268
 Озаровский Ю.Э. 218, 232, 240, 259, 279, 290, 406, 541
 О'Конель (О'Коннель, Михайловская-О'Коннель) Р.Р. 40, 56, 145, 410, 428, 450, 451, 453, 539
 Олеарий (Olearius) А. 24, 411
 Олейников М.Н. 632
 Олесов Н.А. (?) 169, 516

- Олипов К. 358, 470, 603
 Ольга, владелица ателье мод в Москве («мадам») 169
 Ольга Александровна, великая княгиня 517, 557, 605
 Ольга Афанасьевна (Ольга) (см.: Глебова-Судейкина О.А.)
 Ольга Богдановна (Оля) (см.: Майдель О.Б.)
 Ольга Ивановна 40
 Ольденбургская А.П., принцесса 462
 Опочинская А. 471
 Ори (см.: Богданов О.С.)
 Орлов А.Ф. 531
 Орлов, Владимир Николаевич или Николай Владимирович, князь 201, 531
 Орлов В.Н., князь 436, 517, 531
 Орлов Вл. 626
 Орлов Н.В., князь 502, 531, 550
 Орлова, графиня (см.: Орлова-Давыдова А.Г.)
 Орлова, княгиня (см.: Орлова О.К.)
 Орлова Н.П., княгиня 502, 531
 Орлова О.К., княгиня 46, 50, 47, 60, 68, 71, 76, 79, 81, 89, 95, 112, 130, 165, 216, 314, 436, 441, 453, 498, 502, 517, 531, 589
 Орлов-Давыдов А.А., граф 519, 540
 Орлова-Давыдова, графиня (см.: Орлова-Давыдова А.Г.) 289
 Орлова-Давыдова, Агафоклеа (Текла) Георгиевна, графиня 174, 189, 190–192, 201, 202, 207, 215, 217, 519, 532, 540, 550, 575
 Орлова-Давыдова О.А., графиня 217, 540
 Орловский А.О. 20, 30, 267, 397, 405, 568
 Оскар Эдуардович, пивовар из Казани 293, 308
 Осмеркин А.А. 568
 Остаде (Ostade) (А.?) ван 7, 556
 Остроумов А.А. 569
 Остроумов А.М. 298, 581
 Остроумова И. 291
 Остроумова-Лебедева А.П. 164, 419, 468, 536, 632
 Остроухов И.С. 589
 Оффенбах (Offenbach) Ж. 410, 436
 Охотин, муж К.А. Охотиной 232, 236
 Охотина (Соловьева) К.А. 229, 232, 236, 251
 Павлин Александрович 78, 80, 82, 87, 95, 97, 99, 122, 139, 157, 182, 196, 252, 254, 283, 328, 340, 349, 351, 355, 477, 498
 Павлов 93, 130
 Павлов, офицер 76, 475, 550
 Павлов, профессор (см.: Павлов Т.П.)
 Павлов А.А. 475
 Павлов, Алексей П. (?) (Алеша) 22, 35–37, 70, 96, 113, 408, 409, 425, 441
 Павлов, Тимофей Павлович (?) 37, 425
 Павлова (мать Алеша) 113
 Павлова, Анна Павловна (Матвеевна) 362, 467, 607
 Павлова В.Н. 454
 Павлова Е.В. 522, 523
 Павлова М.М. 423, 551
 Паганини (Paganini) Н. 505
 Паллада (см.: Богданова-Бельская П.О.)
 Палладио (Palladio) А. 444, 538
 Палмер-Судейкина (Palmer Soudeikine) Дж. 6
 Пальдяева Е. 407
 Пальчикова А.П. 481
 Панина С.В., графиня 267, 442, 458, 481, 487, 527, 533, 568
 Панины 198, 279
 Панкратова Е.А. 543
 Пантелеев А.А. 478
 Пантелеев А.В. 124, 478, 538
 Пантелеева Е.А. 478
 Пантелеева, Мария Владимировна (Мара, «старуха») 81, 84, 98, 280, 478, 479, 488, 538
 Пантелеевы (А.В. и М.В.) 271, 339, 344, 478, 517, 538
 Пантелеймон 201
 Пантюхова И.М. 455
 Пантюхова Н.М. 455, 575
 Паоло 399
 Паперно И.А. 463
 Парнис А.Е. 14, 510, 626, 630, 632, 634
 Пархомовский М.А. 422, 616
 Пасманик Д.С. 11, 12, 204, 239, 253, 440, 441, 460, 472, 489, 492, 493, 499, 500, 536, 540, 560, 561, 569, 589, 603, 632
 Пастернак Б.Л. 252, 429, 560
 Пастернак З.Н. 429
 Пастернак Л.О. 252, 430, 466, 553, 560
 Пастернак Н. 429
 Патэ, братья 471
 Пашенко Т.А. 477
 Пеньковский И.Л. 455
 Переплетчиков В.В. 240, 556
 Перро (Perrault) Ш. 433

- Перский Р.Д. 471
 Пестель П.И. 490
 Петер, Коля (см.: Петров Н.В.)
 Петипа М.И. 533
 Петлюра С.В. 334, 597
 Петников Г.Н. 560
 Петр 66, 75, 76, 83, 119
 Петр III 501
 Петр Иванович (см.: Субботин П.И.)
 Петр Клавдиевич (см.: Степанов П.К.)
 Петр Николаевич, великий князь
 485, 502, 523, 530, 531
 Петраковский А. 609
 Петре (Петри), Владислав Ипполи-
 тович (?) 170, 516
 Петренко (Грайворон) А.Г. 58, 60,
 452, 455
 Петренко Л.В. 487, 579
 Петри (см.: Петре В.И.)
 Петров А.В. 515, 542, 553, 576, 632
 Петров В.И. 434
 Петров Н.В. (Коля Петер) 32, 35, 39,
 40, 423, 547
 Петров-Водкин К.С. 27, 297, 132, 402,
 408, 415, 416, 419, 466, 479, 503, 588
 Петровская Н.И. 570
 Петрункевич А.С. 568
 Петрункевич Ал. М. 591
 Петрункевич Ан. М. (см.: Ян-Ру-
 бан А.М.)
 Петрункевич И.И. 458, 487
 Петрункевич М.И. 458
 Петрункевичи 459, 527
 Печнов (Печков?) 349, 352
 Пешков З.А. 8, 616
 Пешкова Е.П. 422
 Пешковы 422
 Пикассо (Picasso) П. 10
 Пименов С.Н. 575
 Пинегин Н.В. 262, 563, 575
 Пинхасова Г.А. 442
 Пиросмани (Пиросманашвили) Н.
 611, 612
 Пирумов И.Ш. 624
 Пирумовы 624
 Писарькова Л.Ф. 550
 Питчер Х. 591
 Платон 47, 439
 Плаутина (Раевская) М.М. 566
 Плещеев А.А. 483
 Плотникова, владелица дачи в Мис-
 хоре 446
 Плотницкая Е.О. 455
 Плутарх 413
 По (Рое) Э.А. 306, 505, 586, 614
 Подпокаева Ю.Н. 470, 634
 Поленов В.Д. 430
 Поли (В.И. Поль и А.М. Ян-Рубан)
 64, 69–70, 113, 176, 178, 179, 185,
 192, 197, 198, 200, 248, 284, 319, 346,
 459, 527
 Поливанов К.М. 627
 Поливанов М.К. 514, 553
 Полинова Л. 591
 Половинкин С.М. 402, 530, 539, 592,
 594, 632
 Полоцкая-Емцова, Сара Семеновна
 (?) 40, 429
 Полунина Н. 553
 Поль А.М. (см.: Ян-Рубан А.М.)
 Поль В.И. 11, 81, 113, 181, 185, 186,
 188, 192, 202, 209, 230, 234, 235, 276,
 283, 284, 295, 297, 324, 339, 357, 449,
 458, 459, 491, 495, 532, 544, 573, 575,
 580, 581, 635
 Попелло-Давыдов М.М. 591
 Попов А.Г. 403, 419
 Попов И. 535
 Попов П.С. 454, 490, 635
 Потапенко И.Н. 188, 523
 Потемкин П.П. 480, 633
 Потер 386
 Потокер 298
 Потоцкие, графы 84, 95, 481
 Потоцкий М.Н. 473
 Потоцкий Пав. П., граф 481
 Потоцкий Пл. П., граф 481
 Потоцкий С.П., граф 481
 Правверова Л.Л. 634
 Прево (Prévoist) Э.М. 339, 345, 346, 598
 Приймак Н.Л. 632
 Прилежаева-Барская Б.М. 414, 437,
 550, 557, 558, 632
 Прокопова Л.И. 564
 Прокофьев С.С. 14, 433, 546, 632
 Пронин Б.К. 39, 40, 417, 427, 551
 Проппер С.М. 614
 Протазанов Я.А. 6, 234, 492, 531, 552,
 632
 Протопопова Г.И. (см.: Комиссар-
 жевская Г.И.)
 Пружанский А.М. 551, 562, 624, 632
 Пруст М. 596
 Прутков К. 159, 512, 545, 618
 Псоро (Psayreut) 444
 Пунин Н.Н. 412, 514
 Пунина И.Н. 412
 Пуришкевич В.М. 474
 Пуссель М.Б. 5, 413
 Пуссен (Poussin) Н. 229, 550
 Пушкин А.С. 20, 27, 35, 37, 127, 187,
 189, 201, 203, 210, 211, 232, 234, 237,

- 249, 269, 354, 409, 415, 416, 423, 518, 522, 524, 527, 531–533, 536, 551–554, 566, 609, 633
- Пушкина (Гончарова) Н.Н. 35, 423
- Пушкины, владельцы имения Виногоradoво 518
- Пызин В.И. 404, 410, 426, 629
- Пэнэжко Н.Л. 553
- Пясецкий, владелец дачи в Мисхоре 446
- Пяст В.А. 414, 423, 427, 428, 551, 558, 603, 633
- Пятницкий В.С. 575
- Пятницкий К.П. 422
- Радаков А.А. 23, 37, 40, 408, 410, 425, 537, 547, 551, 600
- Радаков В.Н. 164, 165, 172, 173, 514
- Радакова, Берта Юстовна (Ностовна) 37, 39, 425
- Радаковы 425
- Радзишевская М.И. 455
- Радин И. 608
- Радин Н.М. 533
- Радлов С.Э. 427
- Радлов Н.Э. 547
- Радлова А.Д. 427, 443
- Радловы 470
- Раевская И.М. (см.: Толстая И.М.)
- Раевская М.Г. 505, 566, 571
- Раевская М.М. (см.: Плаутина М.М.)
- Раевская О.С. 505, 565–566
- Раевская С.П. 505
- Раевская-Хьюз О.П. 570
- Раевские, семья Н.Н. Раевского-ст. (см.) 234, 462, 505, 566, 572
- Раевский 143, 265
- Раевский М.М. 137, 505, 566
- Раевский М.Н. 505, 566
- Раевский Н.Н.-мл. 505
- Раевский Н.Н.-ст. 505, 552
- Раевский П.М. 137, 505
- Разин С.Т. 613, 617
- Ракин В.И. 412
- Рамишвили 388
- Рамбо (Rambaud) А. 435
- Рапп Т.Г. 564
- Расин (Racine) Ж. 34, 422
- Распутин (Новых) Г.Е. 33, 227, 394, 420, 421, 443, 474
- Растопчина Н.М. 456
- Растрелли Б.К. 424
- Раутиан В.Г. 470, 504
- Рауш фон Траубе нберг К.К. 438, 458
- Раф (Raff) Й.И. 72, 471
- Рафалович С.Л. 252, 371, 377, 379, 383, 385–389, 470, 491, 560, 616, 623
- Рафаэль Санти (Raffaello Santi) 253, 560
- Рахманинов С.В. 456, 458, 539
- Рахманова, владелица дачи Ласточкино гнездо 507
- Рахманова Л.Ю. (см.: Грюнберг Л.Ю.)
- Ребушинский М.Я. (см.: Рябушинский М.Я.)
- Ревякин А.В. 626
- Резникова Н. 441, 587, 633
- Резцов, сапожник в Ялте 204, 205
- Рей Ж.Э. 145, 507
- Рейн Н.В. 635
- Рейнбот, владелец дачи в Мисхоре (см: Рейнбот-Резвой А.А.)
- Рейнбот-Резвой А.А. 184, 195, 199, 206, 246, 522
- Рейнгардт Ф.Ф. 549
- Рекамье (Recamier) Ж.-Ф.-Ю.-А. 282, 572, 616
- Ре-ми (Н.В. Ремизов) 537, 549, 600
- Ремизов А.М. 473, 479, 491, 543
- Ренье (Régnier) А., де 44, 45, 432, 434
- Репин И.Е. 187, 217, 395, 422, 466, 522, 540, 575, 587
- Рерих Н.К. 62, 411, 457, 503
- Рёскин (Ruskin) Дж. 86, 482
- Решеткин М.П. 432
- Рильке (Rilke) Р.М. 366, 577, 612
- Римма, Римма Никитична (см.: Брилювская Р.Н.)
- Римский 573
- Римский-Корсаков Н.А. 203, 447, 456, 459, 532
- Риффель 189, 227
- Робакидзе Г. 366, 371, 383, 384, 388, 399, 609, 610, 615, 617
- Ровнер А. 544
- Роден (Rodin) О. 71, 469, 596, 619
- Роджеро И.А. 455
- Родзянко В.М. 478
- Родзянко М.В. 81, 478, 479
- Роман Петрович, князь императорской крови 485
- Романов Б.Г. 403, 405, 411, 414, 429, 433, 467, 512, 526, 540, 565, 594–596, 633
- Романовский С., кн. 550
- Рославлев А.С. 32, 33, 40, 115, 420, 496, 533
- Рославлева С.С. 202, 533
- Россети (Rossetti) Д.Г. 540
- Россини (Rossini) Дж. 367, 609, 612
- Ростислав Александрович, князь императорской крови 485, 578
- Ростовцев М.И. 334, 451, 468, 546, 597

- Ростовцева С.М. 69, 334, 468, 597
 Ротшильд (Rothschild) 68, 467
 Рощина (Рощина-Инсарова) Е.Н. 199, 528, 529
 Рубен Р.З. 620
 Рубинчик О.Е. 407
 Рубинштейн А.Г. 456, 617
 Рубинштейн И.Л. 203, 452, 467, 531, 532, 536
 Рудницкий К.Л. 412, 428
 Румянцев, Николай Алексеевич (?) 202, 531
 Руперти Э.А. 348
 Руперти (Эдгар Александрович и Елизавета Александровна) (?) 325, 333, 593
 Русакова А.А. 591
 Руфь 285
 Рылкова Г. 13
 Рындин Э.И. 576
 Рындина Л.Д. 12, 177, 178, 231, 268, 274, 291, 320, 325, 326, 333, 334, 340–345, 349, 351, 357, 359, 520, 521, 551, 568, 570, 578, 599, 600, 603
 Рындины 274
 Рюмины 555
 Рябушинская Евфимия Павловна (см.: Носова Е.П.)
 Рябушинская, Елизавета Павловна (см.: Жолтовская Е.П.)
 Рябушинская М.Д. 181, 219, 233, 236, 238–240, 258, 262, 263, 269, 277, 304, 514
 Рябушинские 165, 176, 181, 189, 198–201, 209, 218–220, 236–241, 252, 253, 255, 257, 258, 261–263, 265, 266, 275, 277, 280–282, 289, 293, 294, 302, 304, 311, 341–343, 350, 351, 359, 362, 521, 532, 554, 555, 576, 632
 Рябушинский В.П. 290, 553, 576
 Рябушинский М.П. 542
 Рябушинский Н.П. 515, 542, 553
 Рябушинский П.М. 514, 555
 Рябушинский П.П. 536
 Рябушинский, Сергей Павлович 181, 210, 219, 220, 222, 235–236, 239, 241, 252, 262, 269, 275, 304, 342, 514, 538, 542, 544, 553
 Рябушинский, Степан Павлович 236, 238, 252, 253, 542, 553
 Рябушинский М.Я. 554
 Рябушинский Я.Д. 554
 Сабанеев Л.Л. 591
 Саблин В.М. 601
 Савенко С. 407
 Савелий (см.: Сорин С.А.)
 Савелов-Савелков Л. 11
 Савинков Б.В. 225, 546
 Савинов А.Н. 436, 565
 Саврасов А.К. 402
 Савченко Б. 568, 570
 Садикова, владелица дачи в Мисхоре 446
 Садовойской Б.А. 421, 448, 465, 552, 633
 Сазонов Н. 617
 Сазонов П.П. 72, 81, 290, 291, 310, 320, 567, 576, 577
 Сазонов С.Д. 47, 177, 393, 438, 520, 621
 Сазонова-Слонимская (Сазонова) Ю.Л. 290, 315, 442, 576, 577, 579, 595
 Сазоновы 577
 Саккети (Саккетти) Л.А. 23, 410
 Сакс (Sachs) Г. 545
 Саломея (см.: Андроникова С.Н.)
 Самедов, владелец магазина в Ялте 311
 Самков В.А. 466, 629
 Самокиш-Судковская Е.П. 312, 588
 Санин А.А. 199, 529
 Сапогов В. 489
 Сапунов Н.Н. 66, 202, 396, 402, 428, 429, 463, 464, 470, 515, 528, 529, 542, 543, 586, 633
 Сарьян М.С. 402
 Сассо-Руффо Е.Ф., герцогиня 539
 Сахновский В.Г. 617
 Сац И.А. 40, 411, 428, 429, 463
 Сац Н.И. 463
 Сбомирский (см.: Збомирский Г.Н.)
 Сведомская 58, 72, 75, 84, 98, 123, 153, 201, 230, 282, 358
 Сведомская А.А. (Нита) 54, 64, 69, 88, 90, 91, 101–103, 105, 123, 127, 131, 155, 173, 179, 180, 251, 291, 296, 302, 303, 307, 313, 320, 326, 329, 348, 350, 448, 510, 580
 Сведомская А.Н. 105, 163, 180, 238, 254, 255, 305, 307, 326, 327, 331, 332, 351, 448, 510, 584
 Сведомские 110–112, 118, 124, 127, 155, 160, 163, 185, 251, 255, 279, 336, 349, 350, 448, 532, 580, 633
 Сведомский А.А. 54, 448, 449, 580
 Сведомский П.А. 448, 449
 Свердлов Я.М. 617
 Светлов В.Я. 334, 595, 597
 Свешникова А.Н. 634
 Северюхин Д.Я. 518, 635

- Северянин И. 159, 231, 368, 512, 551, 560, 584
 Севрюгова (Севрюгина?) Н.П. 230, 293, 308, 550
 Седов Г.Я. 563
 Седых А. 494
 Сезанн (Cézanne) П. 64, 74, 75, 130
 Сейдамет Д. 564
 Селиванов 361, 607
 Селизарова Е.Н. 416
 Семейко Н.К. 372, 373, 385, 618
 Семенов М.И. 413
 Семенов Я.П. 567
 Семенова, Мария Александровна или Ольга Александровна 245, 558
 Семиградова 344
 Семянников В.В. 580
 Сент-Пьер (см.: Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А.)
 Сергеев А.А. 414
 Сергей Альбертович 388
 Сергей Валерьянович (см.: Ша-мин С.В.)
 Сергей Львович (см.: Рафалович С.Л.)
 Сергей Павлович (см.: Рябушинский С.П.)
 Серебрякова В.Д. 455
 Серебрякова З.Е. 438, 616
 Серебрянников, дядя Ф.А. Ухова 358
 Серков А.И. 408, 453, 459, 473, 503, 508, 519, 536, 538, 549, 569, 576, 577, 598, 633
 Серов В.А. 125, 217, 311, 395, 401, 402, 436, 453, 454, 458, 466, 498, 515, 519, 529, 536, 573, 585
 Серпинская Н.Я. 591, 633
 Серт М.С. (Мися) 595, 596
 Серт (Sert) Х.М. 334, 596
 Сидамон-Эривани В. 611
 Симоненко Э.Н. 631
 Симонов Е. 13
 Сиротинин, Василий Николаевич (?) 272, 568
 Ситковецкая М.М. 543
 Скаков А.Ю. 437
 Скаржинский («провокактор») 315
 Скаржинский, Петр Васильевич (?) 589
 Сворцов, владелец дачи в Ялте 291–293
 Скипетров Петр, протоиерей 472
 Скиталец С.Г. 422
 Скларский В.А. 428, 442, 551, 635
 Скобелев Ю.Н. 524, 525, 580
 Скрыбин А.Н. 135
 Слепушкин («миллионер») 183
 Слонимская Ю.Л. (см.: Сазонова-Слонимская Ю.Л.)
 Слонимский Л.З. 577
 Слонимский М.Л. 577
 Слонимский Н.Л. 577
 Слонимский Ю.И. 635
 Смирнов А.А. 392, 432, 470
 Снайдерс (Снейдерс; Snyders) Ф. 397
 Собинов Л.В. 159, 219, 291, 292, 376, 512, 529, 551, 578, 591, 596
 Собинов Ю.Л. 512
 Собинова, Нина Ивановна 291, 578
 Соковнин П.Н. 564
 Соколик И.Е. 290, 293, 294, 305, 308, 311, 341, 569
 Соколов, сенатор (см.: Соколов Н.Д.)
 Соколов Д., протоиерей 461
 Соколов Н.Д. 65, 72–75, 77, 79, 83, 86, 96, 98, 133, 148, 161, 176, 191, 194, 201, 206–208, 254, 264, 292, 365, 367, 368, 461, 566, 609, 623
 Соколов С.А. (Гриф) 274, 305, 520, 568, 570
 Соколова Е. 10
 Соколовы (Грифоны) (Л.Д. Рындина и С.А. Соколов; см.) 291, 320, 320, 342
 Соллогуб Ф.Л. 428, 429
 Соловьев В.Н. 411, 416, 425, 428, 634
 Соловьев Н.В. 474
 Соловьева И.Н. 634
 Соловьева К.А. (см.: Охотина К.А.)
 Сологуб Ф.К. 27, 39, 231, 404, 417, 423, 428, 432, 443, 491, 513, 514, 522, 543, 550, 551, 560
 Сологубиха 35
 Сомов А.И. 466
 Сомов К.А. 64, 68, 106, 187, 217, 259, 274, 395, 402, 414, 417, 432, 436, 437, 448, 460, 466, 493, 503, 522, 525, 540, 586, 594, 616, 633, 634
 Сомов П.О. 503–504, 571
 Сомов, Сергей Михайлович (?) 571, 592
 Сомова 330, 333
 Сомова, Варвара Сергеевна (?) 592
 Сомова О.Г. (см.: Морозова-Сомова О.Г.)
 Сомовы (дочь и отец), В.С. и С.М. (?) 323, 324, 340, 359, 517, 592
 Сонина Л. 474
 Соня, сестра В.В. Каменского 370
 Сорин С.А. 7, 8, 11, 12, 20, 21, 24–26, 34–37, 39, 40, 44–53, 55–62, 64–65, 67–91, 93, 95–102, 104, 106–109, 111, 114–125, 129–133, 135, 139,

- 145, 147–151, 153, 154, 156–165, 172, 173, 175, 184, 188–191, 194, 195, 200, 201, 205–210, 212, 215, 217–223, 228, 229, 231–235, 237, 238, 242, 245, 248, 249, 251, 253–257, 265, 266, 268, 275–285, 287–289, 291, 298, 307–309, 314, 315, 320–324, 330, 335–338, 341, 342, 350, 351, 356–362, 375–382, 386, 388, 389, 393, 395, 397, 401, 405–407, 415, 419, 420, 422, 425, 431, 438, 439, 442, 446, 449, 452, 453, 455, 459, 466, 468, 471, 476, 477, 480, 481, 491, 493, 494, 499, 505, 513, 523, 531, 540, 553, 567, 572, 574, 575, 578, 588–590, 598, 602, 604, 605, 608, 614, 616, 619–621, 632
- Соснин В.И. (Владимир Иванович?) 287, 288, 291, 292, 455, 518, 575
- Соснины 291, 294
- Софья («пани») 61
- Софья Григорьевна (см.: Харазова С.Г.) Сочинская Н. 626
- Спицына А. 13
- Срезневская В.С. 533
- Стааль Г.Г., барон 519
- Стааль С.М., баронесса 519
- Сталь фон Голштейн М.А. 592
- Станиславский К.С. 199, 402, 420, 451, 501, 528, 533, 544, 610, 634
- Старк Б., протоиерей 562, 570
- Старк Э.А. 631
- Старковский, Петр Иванович (?) 311
- Стародворский Н.П. 476
- Старынкевич В.В. 437
- Старынкевич Л.О. 465
- Старынкевич О.И. 436
- Стасов В.В. 456
- Стекольщиков Я.Д. (см.: Рябушинский Я.Д.)
- Стекольщиконы 238
- Стеллецкий Д.С. 575
- Степан Павлович (см.: Рябушинский Ст. П.)
- Степанов К.П. 410
- Степанов П.К. 23, 24, 32, 410
- Степановы 23, 24, 39, 40
- Степановы (Е. и П.) 625
- Стефенс, сотрудник немецкой коммандатуры в Ялте 166, 167, 170, 247
- Стефенсы 171
- Стивенсон (Stevenson) Р.Л. 50, 441
- Столица Л.Н. 344, 600
- Стравинская Е.Г. 9
- Стравинская Е.Н. 575
- Стравинская К.Ю. 14, 434, 488
- Стравинские (В.А. и И.Ф.) 528
- Стравинский И.Ф. 5, 8–10, 424, 430, 433, 442, 457, 459, 488, 491, 513, 534, 595, 596, 600, 622
- Стригалева А. 612
- Строганов Ф.А. 599
- Строгановы 426
- Струве М.А. 206, 240, 311, 427, 491, 537, 588, 608, 619
- Струве Н.А. 516
- Струве П.Б. 537
- Струве (Шон) С.Е. 206, 377, 588
- Ступенков А.А. 605
- Ступников И.В. 493
- Субботин П.И. 295, 297, 299, 301, 302, 304, 312, 325, 326, 328, 580
- Субботин С.И. 475, 614, 634
- Суворин А.С. 411, 415, 627
- Суворова К.Н. 625
- Сувчинский П.П. 619
- Судейкин Г.П. 29, 239, 244, 417, 476, 534, 555
- Судейкин Л.Г. («брат») 251, 301, 310, 311, 417, 448, 583
- Судейкин П. 29, 417
- Судейкина, Анна 29
- Судейкина, Ася (Анастасия?) Леонидовна 29, 31, 418
- Судейкина (см.: Palmer Soudeikine) Дж.
- Судейкина О.А. (см.: Глебова-Судейкина О.А.)
- Судейкина С.Г. («сестра») (см.: Дриттенпрейс С.Г.)
- Судейкина В.П. («матушка») 402, 417
- Судейкина Т.А. (Мара) 29, 31, 417
- Судковская-Лагранж (Ла Гранж) М.Р. 312, 588
- Судковский Р.Г. 588
- Судьбинин С.Н. 334, 596
- Суздалева Т.Э. 408
- Суержицкий Л.А. 451, 463
- Султанова-Леткова Е.П. 513
- Сулькевич С. (М.А.) 561, 564
- Сумарокова (см.: Сумарокова-Эльстон Е.Н.)
- Сумароков-Эльстон (см.: Юсупов Ф.Ф.)
- Сумароков-Эльстон М.Н., граф 550
- Сумароков-Эльстон Н.Ф., граф 597
- Сумарокова-Эльстон (Сумарокова) Е.Н., графиня 334, 357, 550, 597
- Сургучев И.Д. 280, 572
- Суреньянец (Суренянец), Вардкес Акович (Яковлевич) 172, 518, 575

- Суриков В.И. 458, 579
 Суриц Е.Н. 542
 Сусанин И.О. 197
 Суханов Н.Н. 461
 Сухомлинов В.А. 594
 Сухомлинова Е.В. 329, 594
 Сухотин С.М. 75, 108, 228, 421, 474
 Сухотина-Толстая Т.Л. 454, 474
- Табидзе (Макашвили) Н.А. 615
 Табидзе Т. 370, 372-374, 457, 496, 609-612, 614, 615, 634
 Тадеуш («пан»), кузен пани Зоси (см.) 61, 64-65
 Таиров А.Я. 6, 418, 515, 528, 543
 Таирова 383, 384, 622
 Талалай М. 448, 511, 584, 634
 Таланов И.Н. 573
 Талдыкин А.Г. 471, 492
 Тальони (Taglioni) М. 74, 474
 Таня 65
 Тарагрос 575
 Таругина 388, 389
 Татищев В.С. 564
 Татлин В.Е. 412, 586
 Татьяна Николаевна (см.: Дехтерева Т.Н.)
 Тверской К.К. 545
 Телем 388
 Теляковский В.В. 483, 512
 Тенирс (Teniers) Д. 397, 556, 567
 Тенишева, княгиня 462
 Тербенев М.И. 397
 Терентьев И.Г. 399, 610
 Тесленко (Тисленко), Александр Васильевич или Николай Васильевич (?) 273, 274, 569
 Тёрнер У. 330
 Тиман П.Г. 283, 346, 347, 492, 549, 559, 573, 601
 Тименчик Р.Д. 404, 406, 410, 413, 414, 416, 437, 465, 514, 553, 625, 626, 629, 632-634
 Тир К.Э. 620
 Тиран, Александр Николаевич (?) 207, 334, 538
 Тиран Е.А. 478
 Тираны 517
 Тираны, родители А.Н. Тирана (?) (см.) 223
 Тирумов 388, 623
 Тисленко (см.: Тесленко А.В. или Н.В.)
 Титушкин, владелец имения 481
 Тихвинская Л.И. 430
 Тихомиров Л.А. 476
 Тициан (Tiziano) 399, 503
- Тищенко, семья 65, 72, 74, 81, 84-85, 87, 92, 96, 132, 150, 160-162, 181, 212, 214, 217, 220, 234, 248, 252, 275, 367, 499, 590
 Тищенко, Августина (Инна) Исааковна («мамаша») 89, 133, 150, 459, 484, 503
 Тищенко (Квиль), Вера Георгиевна (Юрьевна) 64, 67, 74, 75, 81, 83, 86, 89, 90, 91, 93, 96, 98, 106, 111, 112, 114-116, 130, 133-135, 143, 144, 147-151, 158, 160, 161, 165, 176, 177, 189, 201, 206, 207, 220, 235, 249, 251, 253, 261-263, 265, 266, 287, 288, 291, 307, 309, 341, 361, 367, 459, 460, 466, 473, 508, 538, 549, 566, 575, 621
 Тищенко, Георгий (Юрий) Михайлович 459, 484
 Тодрий Н. 596
 Токмаков И.Ф. 538
 Токмаков Н.И. 539
 Токмаков С.И. 539
 Токмакова 480
 Токмакова В.И. 478, 539, 589, 592
 Токмакова Е.И. (см.: Булгакова Е.И.)
 Токмакова М.И. (см.: Водовозова М.И.)
 Токмаковы 211, 295, 328, 538, 539
 Толмачев М.В. 14, 534, 537, 627
 Толстая (Раевская) И.М., графиня 571
 Толстая-Есенина С.А. 474, 475
 Толстой 275
 Толстой А. 160
 Толстой А.М., граф 571
 Толстой, Алексей 491
 Толстой А.К., граф 512
 Толстой А.Н. 480, 526, 585, 595
 Толстой Д.А. 14, 585
 Толстой Л.Н., граф 63, 255, 457, 474, 492, 511, 527, 566
 Толстой Ф.П., граф 432
 Тоня 358
 Торби С.Н., граф 524
 Тотвен 385, 386, 388
 Трахтенберг В.О. 428
 Третьяков 591
 Тройницкий С.Н. 422
 Тропинин В.А. 273, 570
 Трофимов М.С. 549, 569, 573
 Троцкий Л.Д. 220, 237, 345, 554
 Трубецкая А.В., княгиня 479, 481
 Трубецкая В.А., княгиня 480
 Трубецкие, князь 537
 Трубецкой (владелец имения Хаста-Ага), князь 481

- Трубецкой Г.Н., князь 11, 459, 481
 Трубецкой Е.Н., князь 480, 598
 Трубецкой П.Н., князь 479
 Трубецкой П.П., князь 619
 Трубецкой С.П., князь 549
 Трубников А.А. 423, 435, 508
 Труффи И.А. 563
 Тугендхольд Я.А. 467, 633
 Тула (см.: Данилова А.А.)
 Туманян О. 370, 371, 615
 Тумповская М.М. 427
 Тургенев И.С. 399, 589
 Тыранов А.В. 556
 Тышкевич Е.Г., графиня 550, 562
 Тышкевич (Tyszkiewicz) С.В., граф 256, 550, 561
 Тэн (Taine) И. 435
 Тэффи Н.А. 616
 Тютчев Н.С. 435
- Уальд (Уайльд; Wilde) О. 348, 350, 452, 467, 601
 Ульман Н.Э. 455
 Ульянов Н.П. 454, 464, 528, 634
 Ульянова-Елизарова А.И. 528
 Уманский, владелец дачи в Мисхоре 446
 Урванцев Л.Н. 486
 Урицкий М.С. 554
 Урусов («молодой»), князь 135, 179
 Урусов И.С., князь 504
 Урусов Л.С., князь 504
 Урусов Н.С., князь 504
 Урусов П.С., князь 11, 438, 454, 475, 504, 514, 516, 519, 526, 550, 605, 634
 Урусов С.Л., князь 504
 Урусова М.С., княгиня 504
 Урусова О.П., княгиня 504
 Урусовы, князья 462
 Успенский А.И. 497
 Успенский П.Д. 221, 544
 Утехин С. 628
 Уткин П.С. 402
 Ухов (Акимов) Ф.А. 12, 70, 76, 119, 124, 208, 217, 243, 302, 446, 469
 Ухова В. (Валя, Валентина Федоровна) 304, 326, 328, 334, 356
 Ухова (Щербакова) Н.М. 318, 319, 325, 326, 328, 331, 332, 334, 337, 340, 341, 343, 345, 346, 348, 354–358
 Уховы 304, 330, 332, 351, 357
 Ушков, Михаил Константинович (?) 31, 419, 477
- Фабрикант В.О. 579
 Ф. Ал., Фед. Ал. (см.: Федор, князь)
- Федер Г.Б. 443
 Федор, князь 43, 44, 61, 223, 283, 288, 429
 Федор Александрович, князь императорской крови 171, 485, 517, 578
 Федотик (см.: Федор, князь)
 Федотов П.А. 397
 Федюк В.П. 599
 Федя (см.: Федор)
 Фейнберг М.И. 429
 Феликс (см.: Юсупов Ф.Ф., мл.)
 Фельдман, жена К.А. Фельдмана 99, 114, 130, 158, 175, 178, 187, 189, 198, 204, 220, 261, 264, 285, 304, 307, 352
 Фельдман К.А. 94, 95, 98–100, 105, 187, 201, 204, 230, 260, 267, 486, 575
 Фельдманы 100–102, 104, 112, 175, 186, 204, 220, 264, 306
 Фельштинский Ю.Г. 472, 526, 630
 Феофилактов Н.П. 66, 402, 413, 463, 465, 470, 503, 633
 Ферзен, граф 498
 Ферзены, графы 550
 Ферман В.В. (?) 167, 195, 209, 218, 227, 515
 Ферраре (Wolf-Ferrari) Э. 411
 Фефелов Н.Т. 369, 376, 380, 381, 384, 622
 Фефеловы 379, 380
 Фигнер В.Н. 476, 566
 Фигурнова О.С. 535
 Фидман 21, 408
 Филиппов Д.И., владелец булочной 488
 Флейшман Л.С. 570
 Флорен (Florain) Э. 168, 241, 356, 515, 556, 602
 Флоренская Е.А. 620
 Фогель Б.А. 620
 Фокин М.М. 6, 467, 473, 519, 520, 540, 576, 596, 635
 Фоменко И.Ф. 432, 516, 556
 Фомин В.И. 599
 Фомин И.А. 501
 Фонвизин А.В. 402, 447
 Фофанов К.К. (см.: Олимпов К.)
 Фофанов К.М. 603
 Фохт-Ларионова Т.Н. 474
 Франс (France) А. 188, 240, 241, 306, 497, 556
 Фредерикс В.Б., барон 74, 474
 Фрейд (Freud) З. 372, 617
 Френкель В.Я. 419
 Френкель С.А. 569
 Френкель, Яков Михельевич (?) 31, 419

- Фридман, Владимир Иванович (?) 408
 Фрикен Э., фон 540
 Фриман Л.Л. 564
 Фролов А.И. 414, 553
 Фролов В.Г. 555
 Фроман, Максимилиан (Макс) Петрович 219, 240, 542, 556, 595
 Фроман, Маргарита Петровна 542, 556
 Фурцева Е.А. 528
 Футерман 98, 488
 Футерманы 130
 Футлин (Кундзинг) В.Х. 546
- Хайнов А.И. 585
 Ханжонков (Хонжонков) А.А. 345, 348, 359, 471, 489, 492, 520, 527, 551, 556, 557, 569, 570, 573, 576, 582, 599–601, 603, 607, 635
 Хант (Hunt) Х. 540
 Харабуга В.В. 598
 Харазов (Харазян) Г.А. 371–373, 378, 382, 384, 387, 389, 616, 621–623
 Харазова С.Г. 378
 Харазовы 374, 381, 616
 Харитон, Борис Осипович (Иосифович) (?) 199
 Харитонов Д.И. 569
 Харкеевич В.К. 453, 589
 Харченко Ф.И. 509
 Хейт (Height) А. 536
 Хин-Гольдовская Р.М. 435, 448, 593, 635
 Хлебников В. 586
 Ходасевич В.М. 586
 Ходасевич В.Ф. 576
 Холодная В.В. 289, 491, 571, 576
 Хольбейн (Голбейн) Младший (Holbein) Ханс 415
 Хонжонков А.А. (см.: Ханжонков А.А.)
 Хотяинцев (Хотяинцов) И.Н. 490
 Хотяинцева А.А. 60, 63–65, 71, 72, 76, 81, 84, 95, 105, 106, 108, 109, 114, 123, 124, 129, 130, 136, 137, 143–146, 149, 152–155, 163–165, 181, 188, 200, 201, 213, 218, 221, 232, 238, 243, 245, 254, 262, 283, 285, 286, 318, 320, 333, 334, 338, 342, 350, 355–357, 446, 454, 466, 484, 490, 491, 498, 499, 532, 573, 575, 579, 635
 Хотяинцевы 83, 285
 Хотяйка — (см.: Хотяинцева А.А.)
 Хохлов, Евгений Сергеевич (?) 370, 373, 614
 Хохловы 370, 614
- Хрусталеv В. 503
 Хьюз (Hughes) Р. 570
- Цветаев, Владимир Дмитриевич (?) 298, 581
 Цветаева А.И. 559
 Цветаева М.И. 427, 434, 510, 554, 584, 615, 626, 635
 Цивьян Ю. 626
 Цилле (Zille) Г. 278, 572
 Цимбал С.Л. 626
 Цорн (Zorn) А. 300, 583
 Цуцунава А.Р. 366, 367, 610
 Цыбульский Н.К. 25, 26, 28, 32, 33, 40, 414, 420
- Чаадаев П.Я. 566
 Чайковский, Борис Витальевич (?) 73, 97, 471
 Чайковский П.И. 112, 159, 176, 185, 411, 433, 456, 591
 Чалеева (Челеева) 424
 Чарыков Н.В. 564
 Чачиков А. 623
 Чеботаревская А.Н. 403, 417, 418, 423, 460, 548, 551, 635
 Чеканская А.Н. 631
 Чекатто (Чекато) В.И. 195, 223, 419, 525
 Челеева (см.: Чалеева)
 Челищев П.Ф. 10
 Челноков, Михаил Васильевич (?) 255, 315, 561, 590
 Чемберс М.Я. 539
 Черепнин А.Н. 384, 388, 389, 491, 612, 623
 Черепнин Н.Н. 367, 369, 379, 384, 411, 496, 612, 623
 Чермонеvский И.И. 32
 Черная Штучка (см.: Штукенберг Е.Г.)
 Чернецкая-Гешелина Э.А. 415
 Чернецкий (см.: Гешелин А.И.)
 Черниковская Т. 13
 Черновицкий 388, 389
 Чернорук, доктор 288
 Чернорук Г.С. 575
 Чернорук, Ор<ест?> 351
 Чернояров 118, 121, 186, 218
 Чернояров В.Л. 70, 71, 82, 83, 142, 189, 216, 254, 333, 351, 458
 Чернояров М.В. 72, 74, 94, 104, 106, 111, 113, 115, 118, 119, 124, 148, 178, 188, 458
 Черноярова Н.А. 70, 73, 74, 96, 113, 115, 180, 189, 220, 237, 238, 244, 252, 253–255, 318, 349, 352, 458

- Чернояровы 63, 70, 71, 73, 74, 81, 89, 96, 102, 104, 112, 118, 140, 154, 160, 174, 179, 180, 182, 188, 192, 200, 244
- Черный Н.В. 427
- Черных В.А. 627
- Чернышевский Н.Г. 566
- Чернявский, владелец дома в Ялте 517
- Чернявский Г.И. 472, 630
- Чернявский К. 612
- Чернявский Н.А. 623
- Четвертинская, княгиня 406
- Чехов А.П. 94, 95, 101, 104, 188, 291, 314, 447, 452, 454, 486, 488, 490, 491, 523, 531, 578–580, 588, 589, 591, 604, 635
- Чехов В.И. 524
- Чехов И.П. 11, 12, 193, 200, 201, 213, 216, 250, 258, 259, 274, 295, 296, 322–324, 326, 327, 351, 488, 524, 525, 539, 580
- Чехов Н.П. 530, 578
- Чехова Е.Я. 324, 488, 580, 592
- Чехова М.П. 96, 164, 202, 212, 215, 216, 220, 226, 227, 233, 258, 259, 278, 291, 292, 331, 446, 454, 477, 484, 488, 514, 524, 528, 532, 548, 577, 578, 580, 589, 591
- Чехова С.В. 488, 524
- Чеховы 12, 193, 211, 212, 215, 216, 233, 258, 289, 291, 296, 298, 453, 524, 529, 532, 578, 630
- Чехонин С.В. 616
- Чириков Е.Н. 293, 451, 578, 582
- Чирикова (Шнитникова) Л.Е. 11, 451, 509, 575, 582, 626
- Чирикова-Ульянищева В.Е. 451, 582
- Числиев 384, 388, 622
- Чичкин А.В. 111, 494
- Чуваков В.Н. 632
- Чугунов Г.И. 628
- Чудовские 470
- Чудовский В.А. 443
- Чуйко 174, 345
- Чуковская Е.Ц. 635
- Чуковская Л.К. 534
- Чуковский К.И. 405, 476, 513, 514, 546, 551, 635
- Чулков Г.И. 27, 184, 481, 514, 522, 533, 545, 546, 551, 554, 635
- Чурилин (Чурылин) Т.В. 253, 254, 560
- Чурилина Б.И. (см.: Корвин-Каменская Б.И.)
- Шагал М. 10, 366, 611
- Шайкевич А.Е. 410
- Шаялин Ф.И. 72, 159, 219, 405, 471, 496, 512, 529, 539, 542, 596
- Шамин С.В. 63, 64, 68, 70–73, 79, 83, 90, 92, 95, 99, 104, 106, 110, 114–120, 122, 123, 146, 163, 182, 187, 188, 196, 211, 212, 216, 218, 221, 222, 224, 227, 245, 351, 457, 485, 494
- Шамина И.С. 63–65, 68, 70, 72, 73, 76–79, 82–84, 86, 88, 89, 91–96, 99, 101–103, 106, 109, 110, 112–117, 119, 120, 122, 124, 127, 155, 157, 158, 160, 163, 177, 178, 186, 187, 204, 206–208, 210, 212, 213, 215, 218, 223, 225–227, 351, 457
- Шашины 91, 100, 104–107, 112, 115–117, 127, 131, 146, 152, 159, 172, 176, 182, 191, 196, 202, 203, 210, 221, 222, 244, 245, 347, 532
- Шаповалов Л.Н. 575
- Шаповалов М. 455
- Шапорина (Яковлева) Л.В. 464
- Шарлемань, Иосиф (Осип) Адольфович 368, 410, 613, 620
- Шаховская З.А. 459, 521, 635
- Шаховская М., княгиня 550
- Шашковский А.П. 627
- Шверубович В.В. 469
- Шебеко Н.Н. 558, 565
- Шевеленко И. 406
- Шелопутин П.Г. 507
- Шелопутина М.В. (см.: Гужон М.В.)
- Шервашидзе А.К. 620
- Шервашидзе Г.Д. 503
- Шервуд Л.В. 508
- Шерон (Cheron) Ж. 603
- Шехтель Ф.О. 542, 553
- Шик, Максимилиан Яковлевич (?) 33, 421
- Шилейко (А. и Г.) 537
- Шилейко В.К. 427, 536
- Шиллинг Р.Ф. 5, 6, 8, 26, 29, 408, 414, 415, 457, 528
- Шилов А.А. 628
- Шипов В.Н. 408
- Шкапская М.М. 475
- Шмелева Т.В. 579
- Шмерлинг Р. 622
- Шмидт Н.К., фон 447
- Шмитт (Schmitt) Ф. 334, 411, 564, 595
- Шнитников Н.И. 451
- Шнитникова Л.Е. (см.: Чирикова Л.Е.)
- Шницлер (Schnitzler) А. 464, 602
- Шон Е.К. 311, 588
- Шон С.Е. (см.: Струве С.Е.)
- Шопен (Chopin) Ф. 113, 135, 140, 179, 456, 496

- Шор Д.С. 5, 413
 Шоу (Shaw) Б. 403, 463
 Шперлинг Н.В. 575
 Шпильгаген (Spielhagen) Ф. 188, 523
 Шрадде Г. 616
 Шруба М. 543, 551, 635
 Штакельберг, баронесса 45, 46, 243, 394, 434, 435
 Штакельберг А.Р., барон 461
 Штакельберг Е.Б. (Майдель), баронесса 242, 461, 557
 Штакельберг Л., баронесса 106
 Штакельберг Н., баронесса 72, 177, 325, 356
 Штакельберг П.Р., барон 461
 Штакельберг Р.А., барон 46, 48, 62, 275, 461
 Штакельберг Э.Л., барон 434
 Штакельберги, бароны 52–53, 109, 110, 119, 121, 131, 499
 Штейнги, бароны 150, 248, 367
 Штейнгель («сестра», кн. В.Л. Голицына (см.) или кн. С.Л. Кропоткина) 148
 Штейнгель Б.Л., барон 148, 149, 151, 280, 466, 508
 Штейнгель Е.П., баронесса 508
 Штейнгель Л.В., барон 508
 Штейгель П.Л., барон 508
 Штейнгель, Павел Павлович, барон (?) 148–150, 508
 Штейнгель Ю.Г., баронесса 68, 150, 466, 280, 508
 Штенгель, баронесса (см.: Штейнгель Ю.Г.)
 Штраус (Strauss) Р. 596
 Штукенберг Е.В. (см.: Оглодина Е.В.; Белая Штучка)
 Штукенберг Е.Г. (Черная Штучка) 64, 75, 78, 81, 90, 101, 108, 109, 111, 114, 116, 157, 175, 211, 223, 277, 460, 471
 Штучка (Оглодина Е.В. или Штукенберг Е.Г.) 327
 Штучка Белая (см.: Оглодина Е.В.)
 Штучка Черная (см.: Штукенберг Е.Г.)
 Штучки («Штукенберги», «сестры»), Е.В. и Е.Г. 72, 77, 90, 92, 95, 101, 102, 111, 157, 158, 175, 181, 471
 Шуберт (Schubert) Ф. 82, 479
 Шувалова Е.В., графиня 165, 287, 289, 462, 514, 575
 Шульц 310, 343, 357, 358
 Шульц И.А. 290, 577
 Шульц С.С., мл. 428, 442, 551, 635
 Шуман (Schumann; Вик) К. 540
 Шуман (Schumann) Р. 48, 107, 135, 174, 181, 187, 356, 397, 439, 456, 505, 520, 540, 576
 Шумихин С.В. 484, 630
 Шумков А.А. 609
 Шупинский 573
 Шура, кухарка Сведомских 336
 Шустер Д. 406
 Шустер С.А. 572
 Шухаев В. 470, 616
 Шухаева В. 470
 Шухмина, Вера Алексеевна (?) 36, 424
 Щеголев П.Е. 547
 Щекотов П.П. 557
 Щепкина-Куперник Т.Л. 524
 Щербаков Р.Л. 633
 Щербакова Г. 406
 Щербакова Н.М. (см.: Ухова Н.М.)
 Щербатов А. 540, 606
 Щербатов Г.А., князь 605
 Щербатов С.А., князь 12, 24, 31, 46, 50, 52, 57, 63, 70, 71, 74, 82, 88, 90, 123, 147, 148, 338, 341, 361, 375, 414, 435, 458, 480, 484, 498, 508, 564, 590, 635
 Щербатова Е.П. 540
 Щербатова, Полина (Павлина) Ивановна, княгиня 63, 148, 458, 508
 Щербатовы, князья 90, 112, 151, 289, 442, 462, 538
 Щербиновский Д.А. 99, 489
 Щукин С. 516
 Щусев А.В. 259, 563
 Эйснер (Эснер), Владимир Владимирович (?) 34, 421
 Эйхгорн (Eichhorn) Г., фон 202, 318, 532
 Элизбарашвили Н.А. 613, 628, 634
 Эллиот Л.Ф. или Ф.Ф. 59, 440
 Элиот (Эллиот), госпожа 49
 Эллиот Ф.И. 440
 Эллиоты (Эллиоты) 49, 50, 52–53, 57, 58, 440
 Эльсгеймер А. (см.: Эльсхеймер А.)
 Эльсон Ф. 527
 Эльсхеймер (Elsheimer) А. 74, 93, 473
 Эммануель В.А. 440
 Эммонс Т. 628
 Энгельгардт А.Н. (см.: Гумилева А.Н.)
 Энери (см.: Горяинова И.А.)
 Энно (Hennot), <Виктор Карлович?> 336, 344, 598
 Энно (Hennot), жена В.К. Энно 336, 598
 Эристов Г.З. (А.) 608, 614, 635

- Эрлангер А.М. 46, 229, 436, 474, 577
 Эрлих 5, 413
 Эрна («фрейлейн») 452
 Эснер (см.: Эйснер В.В.)
 Эспозито Э.Д. 529
 Эули С. 614
 Эфрон А.С. 615
 Эфрос А.М. 633
- Юденич Н.Н. 438
 Юдин Н.А. 24, 412
 Юдина М.В. 510, 619
 Юнгер А.А. 408
 Юнгер В.А. 546
 Универг Л.И. 409
 Юон К.Ф. 589
 Юрицын В.Т. 440
 Юркун Ю.И. 24, 413, 425
 Юрьева, Мария (Муся) 343, 344, 600
 Юрьевская Е. 446
 Юсупов Н.Ф., князь, гр. Сумароков-Эльстон 597
 Юсупов («младший») Ф.Ф., гр. Сумароков-Эльстон-мл. 11, 51, 52, 57, 58, 60, 63, 123, 137, 139, 142, 143, 166-168, 170, 171, 174, 179, 189, 190, 192, 199, 224, 225, 228, 239, 245-248, 251, 253, 261, 267, 268, 281, 309, 315, 316, 344, 351, 356, 394, 421, 437, 441-444, 474, 480-481, 492, 499, 506, 517, 524, 540, 590, 592, 630, 635
 Юсупов («старший») Ф.Ф., князь, гр. Сумароков-Эльстон-ст. 11, 442, 522, 545, 605
 Юсупова З.Н., княгиня 11, 442, 545, 593
 Юсупова И.А., княгиня 179, 442, 443, 506, 530, 592
 Юсупова И.Ф., княжна 442
 Юсуповы, князья 174, 192, 243, 256, 289, 291, 421, 443, 462, 492, 498, 517, 550, 597
- Яблоков 310, 341, 384, 622
 Яблоковы 383
 Яблоновский С.В. 623
 Ядвися (см.: Лурье Я.В.)
 Якобсон В.И. 512
 Якобсон М.И. 12, 159, 160, 163-165, 185, 186, 196, 199, 228, 230, 231, 247, 251-254, 256, 257, 263, 264, 268, 307, 320, 334, 351, 442, 491, 499, 511, 512, 590
 Яковкин И. 412
 Яковлев А.Е. 312, 410, 419, 503, 540, 553, 588, 616, 617
- Яковлева Л.В. (см.: Шапорина Л.В.)
 Яковлева М. 13
 Яковлева Н. 560
 Якулов А.Б. 310, 313, 314, 341, 357, 402, 470, 586, 587, 590
 Якулов Г.Б. 560, 587
 Якуловы 587
 Якунчиков В.В. 584, 585
 Якунчиков, Николай Васильевич (?) 301, 311, 325, 342, 353, 354, 356, 584
 Якунчикова 305, 330, 333, 334
 Якунчикова В.В. 585
 Якунчикова З.В. 585
 Якунчикова М.Ф. 321, 585, 590, 591
 Якунчикова О.В. (см.: Михайлова О.В.)
 Якунчикова-Вебер М.В. 584, 585, 588, 591
 Якунчиковы 591
 Ян-Рубан (Ян Рубан) (Маевская, Петрункевич) А.М. 12, 71, 81, 110, 112, 113, 125, 185, 186, 192, 248, 297, 451, 458, 459, 469, 495, 521, 580, 591, 627
 Янгиров Р.М. 408, 549
 Янович К.Н. 501
 Яновский В.К. 62, 170-172, 231, 232, 236, 287, 291, 293, 311, 314, 315, 341, 351, 455, 516, 517, 575
 Ярманкина (Ярмонкина) 153
 Яцимирский А.И. 553, 554
 Яшвили П. 366, 370, 609, 611, 612, 614, 615
 Ященко А.С. 570
- Alvary 234
 Asie 305
- Bentley T. 588
 Bowlт J.E. (см.: Боулт Дж. Э.)
- Caccini (см.: Каччини Ф.)
 Cazzola P. 511
 Certes (см.: Sert у Badia J.M.)
 Cochin D. 334
 Cocteau J. (см.: Кокто Ж.)
 Colombier 334
 Corot J.B.C. (см.: Коро Ж.Б.К.)
 Corradini 114, 335
 Craft R. 14, 636
- Davidova L. 636
 Degas E. (см.: Дега Э.)
 Dumière R. (см.: Дюмьер Р.)

- Ferrand J. 636
 Florain (Florin) (см.: Флорен Э.)
 France A. (см.: Франс А.)
- George S. (см.: Георг С.)
 Gorey E. 588
 Gr. («Мме») 107
 Grefulhe E., De, comt. (см.: Грегфюль Э., маркиза, де) 334
 Grieg (см.: Григ Э.)
- Kiny («Miss») 89
 Kreisler J. 174
 Kühmann R., von 133
- Le Dantec F.A. (см.: Ле Данте Ф.-А.)
 Lenclos N., de (?) (см.: Ланкло Н., де)
 Lury (см.: Лури)
 Lyons M. 635
- Maintenon, de, marquise (F.-Ch. d'Aubigne) 181, 521
 Malmstad J.E. 14, 405, 413, 421, 434, 457, 464, 465, 515, 527, 626
 Manet E. (см.: Мане Э.)
 Manuele-Gismondi M. (см.: Мануэле-Джизмонди М.)
 Manuele-Gismondi P. (см.: Мануэле-Джизмонди П.)
 Моупahan B. 594
 Mozart W.A. (см.: Моцарт В.А.)
- Natalie, Nataly 83, 120, 193, 201
 Nolhen (Nolken) (см.: Нолькен)
- Ourusoff P.S. (см.: Урусов П.С.)
- Palmer Soudeikine J. (см.: Палмер-Судейкина Дж.)
 Prévos, E.M. (см.: Прево Э.М.)
 Psayreut (см.: Псоро)
- Raff J. (см.: Раф Й.)
 Ravet, владелиц ресторана в Ялте 52, 56, 63, 273, 291, 298, 309, 327
 Ravet («madame») 327
 Ray J. (см.: Рей Ж.Э.)
 Recamier J.J. (см.: Рекамье Ж.-Ф.-Ю.-Я.)
 Renee (см.: О'Коннель Р.Р.)
 Rilke R.M. (см.: Рильке Р.М.)
 Rodin A. (см.: Роден О.)
 Rouguel (Grille) H. 599
- Schumann (см.: Шуман Р.)
 Schmitt F. (см.: Шмитт Ф.)
 Sert y Badia J.M. (см.: Серт Х.М.)
 Smith («Mr») 65, 71, 73, 74, 93, 212
 Stahl 189
 Stakelberg N. (см.: Штакельберг Н.)
 Svedomskaja A.A. (см.: Сведомская А.А.)
- Tribble K. 577
- Zille H. (см.: Цилле Г.)
 Zorn A. (см.: Цорн А.)
- Vegetus (псевд.) 530
 Verlaine P. (см.: Верлен П.)
 Vestris G. (см.: Вестрис Г.А.Б.)
- Wagner R. (см.: Вагнер Р.)
 Wheatcroft A. 636
 Willcox E. (см.: Сумарокова-Эльстон Е.Н.)

Содержание

<i>И. Меньшова. О Вере Судейкиной и ее дневнике</i>	5
---	---

ДНЕВНИК

Петроград

1917 (1 января – 24 февраля)	19
------------------------------------	----

Крым

1917 (1 ноября – 30 декабря)	43
1918 (1 января – 31 декабря)	63
1919 (1 января – 7 апреля)	322

Тифлис

1919 (1 мая – 2 сентября).....	365
--------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	391
Приложение 2	395
Приложение 3	396
Приложение 4	398
КОММЕНТАРИИ	401
Условные сокращения	625
Список картин С. Судейкина, упоминаемых в дневнике	637
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	639

Судейкина В.А.
С 892 Дневник: 1917-1919: (Петроград — Крым — Тифлис)/
Подгот. текста, вступ. ст., коммент., подбор ил. И.А. Мень-
шовой. — М.: Русский путь, Книжница, 2006. — 672 с., ил.

ISBN 5-903081-03-7
ISBN 5-85887-262-X

Дневник Веры Артуровны Судейкиной (урожд. де Боссе, в последнем браке Стравинская) (1888-1982), актрисы немого кино и художницы, второй жены художника Сергея Юрьевича Судейкина (1882-1946), содержит описание их жизни в Петрограде накануне Февральской революции, затем в Крыму и Тифлисе (до отъезда из России). На страницах дневника встречаются имена многих известных художников, литераторов, музыкантов, актеров, издателей, политиков, религиозных деятелей, среди них: А. Бенуа, И. Билибин, Ф. Блуменфельд, П. Богданова-Бельская, Л. и Р. Браиловские, о. С. Булгаков, М. Волошин, О. Глебова-Судейкина, С. Городецкий, З. Гржебин, Л. Гудиашвили, С. Дягилев, братья Зданевичи, Л. Коренева, М. Кузмин, А. Лурье, В. Каменский, К. Коровин, С. Маковский, О. Мандельштам, В.Д. и В.В. Набоковы, Л. Рындина, братья Рябушинские, С. Сорин, Т. Табидзе, И. и М. Чеховы, С. Щербатов. Читатель обнаружит здесь не известные ранее сведения об этих людях, познакомится с описанием малоосвещенных в литературе художественных событий, таких как московская выставка объединения «Мир искусства» 1917 г., ялтинские и тифлиссские выставки 1917-1919 гг., узнает, каким был быт художественной элиты в Крыму в этот период. В дневнике также нашли отражение политические события (приход в Крым немцев, действия большевиков при захвате власти и др.).

ББК 63.3(2)611

Вера Судейкина
ДНЕВНИК

Редактор *Т. Есина*
Корректор *И. Леонтьева*
Компьютерная верстка *Л. Фирсовой*

Подписано в печать 06.12.2006. Формат 70x100/16.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3382

ЗАО «Издательство "Русский путь"»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Веб-сайт издательства «Русский путь»: www.rp-net.ru
ООО «Книжница»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, кв. 65
Тел.: (495) 915-27-97

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ISBN 5-85887-262-X

